ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

КОРОЛЕВА ФЭНТЕЗИ

Мэри
СТЮАРТ

Принц и пилигрим

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КОРОЛЯ АРТУРА

Эксмо

Мэри
СТЮАРТ

Принц и пилигрим

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Мэри

СТЮАРТ

Принц и пилигрим

Мэри
СТЮАРТ

Последнее волшебство

•

Недобрый день

•

Принц и пилигрим

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Мэри

СТЮАРТ

Принц и пилигрим

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
С 11

Mary Stewart

THE LAST ENCHANTMENT
Copyright © 1979 by Mary Stewart. First published by Hodder and Stoughton Limited

THE WICKED DAY
Copyright © 1983 by Mary Stewart. First published by Hodder and Stoughton Limited

THE PRINCE AND THE PILGRIM
Copyright © 1995 by Mary Stewart. First published by Hodder and Stoughton Limited

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Стюарт М.

С 11 Принц и пилигрим: Фантастические романы / Мэри Стюарт; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 1024 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-21508-9

Место у трона короля Артура свободно. Мудрейший из магов Британии Мерлин, предсказавший рождение Артура, государя, «наделенного величайшим могуществом, господству коего подчинятся все королевства», умер. И теперь уже никто не сможет помочь королю избежать последствий пророчества волшебника, предотвратить ту беду, что грозит государству от Мордреда, сына-бастарда Артура, рожденного единокровной сестрой легендарного правителя.

И грядет недобрый День Рока.

Романы Мэри Стюарт о волшебнике Мерлине и короле Артуре по праву считаются шедеврами фантастической литературы.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Перевод. И. Бернштейн, С. Лихачева, С. Таскаева, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21508-9

Последнее волшебство

Тому, кто умер, но снова жив,
кто был потерян, но все-таки нашелся

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДУНПЕЛДИР

Глава 1

Не всякий бы король согласился, чтобы его восшествие на престол ознаменовалось избиением младенцев. Но именно это говорят про Артура, хотя во всем прочем он почитается как образец благородного правителя, заступник равно и великих, и малых.

Ядовитый шепот пресечь труднее, чем громогласную клевету. К тому же в глазах простых людей, для которых верховный король — владыка жизни и вершитель судеб, Артур и в самом деле несет ответ за все происходящее в его королевстве, и доброе и дурное, от громкой победы на поле брани до градобития нив или бесплодия овец.

Вот почему, хотя убийство детей было задумано колдуньей и осуществлено по слову другого короля и хотя я сам попытался взять вину на себя, все же в стране не утихает ропот, что якобы Артур, верховный король, в первый год своего правления повелел своим воинам разыскать и убить двадцать новорожденных младенцев, надеясь, что в этот кровавый невод попадется одно-единственное дитя, его бастард-сын, кровосмесительно рожденный единокровной его сестрой Моргаузой.

«Клевета»,— всегда говорил я и рад был бы открыто провозгласить эти обвинения облыжными. Но в них не все ложь. Ложь, что он распорядился об убийстве, но первопричиной всему был

© Перевод И. Бернштейн.

его грех, и, хотя у него в мыслях не было обрекать на избиение невинных младенцев, правда, что он хотел смерти своего ребенка. Так что по справедливости вина отчасти лежит и на нем. А отчасти и на мне, ибо я, Мерлин, всеми признанный маг и провидец, стоял в стороне и бездействовал и допустил, чтобы опасный ребенок был зачат и поставлен был горестный предел миру и свободе, которые Артуру предстояло подарить своим подданным. Впрочем, что до меня, то я могу снести бремя вины, я уже недоступен людскому суду, а вот Артур еще молод и чувствителен к укорам, которые могут толкнуть его на поиски искупления; тогда же был и того моложе, в бело-золотом расцвете победного мужества и королевской славы, высоко вознесенный народной любовью и восхищением воинов и окруженный отсветами тайны чудесного меча.

А было дело так. Король Утер Пендрагон стоял со своим войском под Лугуваллиумом, что в северном королевстве Регед, и готовился отразить нападение саксов под водительством Колгрима и Бадульфа, Хенгистовых внуков. Сюда, на первое поле брани, привез Артура, почти еще отрока, приемный отец, граф Эктор из Галавы, и представил королю. Артур рос незаметно, в неведении о своем королевском рождении. Утер же, хотя и получал известия о воспитании и успехах сына, ни разу его не видел с тех пор, как тот появился на свет. А все потому, что в ночь, когда Утер впервые возлежал с Игрейной, в ту пору герцогиней Корнуэльской, сам герцог Корнуолла Горлойс, супруг ее, был убит. И смерть эта, происшедшая не по вине Утера, так, однако же, подействовала на короля, что он дал клятву не признавать ребенка, которому, быть может, суждено будет родиться от той ночи беззаконной любви. И потому, когда пришел срок, новорожденный Артур был передан для воспитания мне, и я позаботился, чтобы он вырос и возмужал вдали и от короля, и от королевы. Но другой сын у короля с королевой не родился, и наконец занемогший король Утер, перед лицом саксонской угрозы, принужден был под Лугуваллиумом послать за мальчиком, дабы признать его открыто своим наследником в собрании королей и лордов.

Но прежде чем он успел осуществить это намерение, саксы напали. Утера, который не в силах был ехать на битву верхом, несли во главе войска в кресле, и с ним командующими были на правом фланге Кадор, герцог Корнуолла, а на левом — Коэль, король Регеда, и Кау из Стрэтклайда, и другие вожди севера. Только Лот, король Лотиана и Оркнеев, не явился на поле сражения. Король Лот, могучий властитель, но ненадежный союзник, оставался со своей ратью в резерве, чтобы бросить ее в бой в том месте и в тот миг, как понадобится. Про него говорили, что он нарочно медлил в надежде, что Утерово войско будет разгромлено, и в этом случае королевство досталось бы ему, Лоту. Если так, то надежды его не оправдались. В разгар схватки вокруг королевских носилок, когда в руке у Артура сломался меч, король Утер передал ему свой, королевский, а с ним, как понимали все, и свое королевство, а сам откинулся на спинку и смотрел, как юный Артур, словно огненная комета победы, возглавил наступление и разбил саксов наголову.

Позднее на праздничном пиру Лот выступил от лица лордов, которые оспорили Утеров выбор наследника. И в самый тот миг, когда разгорелись страсти и готова была завязаться драка, король Утер умер прямо на пиру, оставив юношу под моим покровительством самого справляться с противниками и склонять их на свою сторону.

То, что случилось затем, вошло в песни и в сказания. Здесь довольно будет напомнить, что Артур своей королевской статью и повадкой, а также благодаря знамению, ниспосланному божеством, сумел выказать себя истинным и неоспоримым королем.

Но уже было посеяно злое семя. Накануне, еще не ведая тайны своего рождения, Артур встретился с Моргаузой, внебрачной дочерью Утера и своей единокровной сестрой. Она была прелестна, а он молод и в пылу своей первой военной победы, и, когда она прислала за ним девушку, он с готовностью пошел на ее зов, не задумываясь о последствиях, которые должна была принести эта ночь наслаждений сверх того, что охладила огонь в его крови и лишила его девства.

Красавица-то давно уже утратила невинность, в этом можно не сомневаться. Утратила она невинность и в другом отношении. Она знала, кем ей приходится Артур, и согрешила с ним сознательно, из стремления к власти. На брак она, конечно, надеяться не могла, но бастард, рожденный от кровосмесительной связи, должен был стать могучим оружием в ее руках, как только старый король, ее отец, умрет и взойдет на трон молодой.

Артур, когда узнал, какой грех содеял, готов был его еще усугубить и убил бы эту женщину, если бы я не вмешался. Но я изгнал ее прочь, повелев ей ехать в город Йорк, где находилась

об ту пору законная Утерова дочь Моргана со свитой в ожидании свадьбы с королем Лотиана. Моргауза, как и все в те дни трепетавшая передо мной, повиновалась и уехала, чтобы в изгнании совершенствоваться в своем женском чародействе и носить под сердцем сына-бастарда. И преуспела, как вы вскоре узнаете, за счет сестры Морганы.

Но об этом — позже. А сейчас лучше вернуться к утру того нового и счастливого дня, когда, забыв об отъехавшей Моргаузе, Артур Пендрагон сидел в регедском городе Лугуваллиуме, принимая поклонение подданных, и сияло солнце.

Меня там не было. Я уже поклонился ему ранним утром, в час между луной и рассветом, и было это в лесной часовне, где Артур поднял с каменного алтаря меч Максима и тем выказал себя по праву королем бриттов. И когда он в сопровождении королей и лордов удалился оттуда во всем блеске и упоении торжества, я один остался в святилище. За мной был еще долг местным богам.

Теперь это была часовня. Гиблой часовней нарек ее Артур, но здесь находилось святилище еще задолго до того, как люди уложили камень на камень и возвели алтарь. Изначально оно было посвящено местным божествам, духам, населяющим холмы, ручьи и дубравы, а с ними и более могущественным силам воздуха, что живут в дыхании туч и стуж и в посвисте ветра. В чью честь возведена была первоначально часовня, не знал ни один человек. Позже, с римлянами, пришел Митра, солдатский бог, и ему был сложен внутри часовни каменный алтарь. Но и древняя святость минувших веков по-прежнему витала в этом месте, старым богам приносились жертвы, и девять светочей все так же сияли под темными сводами.

В те годы, что Артур для безопасности тайно жил у графа Эктора в Диком лесу, я находился поблизости, и знали меня только как хранителя храма, отшельника Зеленой часовни. В ней я спрятал меч Максима (или Максена, как называли его валлийцы) до того срока, пока мальчик не вырастет и не сможет его поднять, чтобы разбить и изгнать врагов королевства, как за сто лет до него это сделал сам император Максим. Со времен Максима люди почитали его тяжелый меч волшебным талисманом, магическим оружием, всегда приносящим победу тому, кто по праву возьмет его в руки. Я, Мерлин Амброзий, один из потомков Максима, своей рукой добыл этот меч из подземного тайника, где хранился он несчетные годы, и отложил для того, кто придет после меня и будет более достоин им владеть. Я спрятал меч сначала в подводном гроте посреди лесного озера, но впоследствии перенес в часовню и уложил на алтаре, заперев в камне, словно барельеф, и скрыв от непосвященных взглядов и прикосновений холодным бледным пламенем, которое я своим искусством вызвал с неба.

И из этого нездешнего огня, к ужасу и восхищению всех, кто при сем присутствовал, Артур извлек и поднял Максимов меч. А потом, когда молодой король со своими лордами и военачальниками уехал, я был свидетелем того, как молния, ниспосланная свыше, испепелила в часовне все, что считалось в ней свято, оставив только алтарь, отныне посвященный одному лишь новому богу.

А я уже давно знал, что этот бог не терпит других рядом с собой. Он не был моим богом, и Артуровым, как я подозревал, ему тоже не быть никогда, но со всех трех концов милой Англии он продвигался в глубь страны, опустошая древние святилища и преображая богослужебные обряды. С трепетом и болью наблюдал я, как его огнем уничтожались черты более древней веры, но Гиблую часовню — и, кажется, меч тоже — он пометил своим знаком, тут не приходится спорить.

Весь тот день я прибирался в часовне, готовя ее для нового обитателя. На эту работу ушло много времени: все тело у меня болело от ран и ссадин, и ночь, проведенная без сна, лишила меня последних сил. И вообще, есть такие вещи, которые надо делать без спешки, благопристойно и по порядку. Но вот наконец все было готово, и, когда на закате приехал из города новый служитель при часовне, я сел на приведенного им коня и поехал по примолкшему лесу.

Было поздно, когда я подъехал к воротам, но створки стояли распахнутые, и никто не окликнул меня при въезде. В городе все еще буйствовал праздник, небо рдело отсветами костров, воздух дрожал от песен, сквозь дым ощущался запах жареного мяса и вина. Даже присутствие усопшего короля, чье тело лежало в монастырской церкви, окруженное почетной стражей, не могло заставить людей придержать языки: время было слишком полно событий, а городские стены чересчур тесны. Лишь самые старые да малые спали в городе в ту ночь.

На месте я не нашел никого. Только за полночь появился мой слуга, а за ним и Ральф.

Входя, он пригнул голову, чтобы не задеть притолоку при своем саженном росте, и, пока за ним затворялась дверь, молча смотрел на меня с такой же опаской, как в прежние годы, когда прислуживал мне и трепетал перед моей волшебной силой.

— Ты еще не лег?

— Как видишь.

Я сидел у окна в кресле с высокой спинкой. Против холода сентябрьской ночи слуга принес мне жаровню с тлеющими угольями. Я обмылся, еще раз осмотрел и смазал свои раны и, облачившись с помощью слуги в просторные ночные одежды, отослал его прочь, а сам приготовился вкусить ночной отдых. После блеска пламени и боли ран, после ослепительного торжества, принесшего Артуру корону, я, всю жизнь посвятивший тому, чтобы это свершилось, испытывал теперь потребность в тишине и одиночестве. Сон еще не шел, но я сидел умиротворенный, расслабившийся и задумчиво глядел на лениво светящиеся угли.

Ральф, в дорогих парадных доспехах, каким я видел его еще утром в часовне при Артуре, тоже выглядел осунувшимся и усталым, но он был молод, и свершение минувшей ночи было для него не концом, а новым началом. Он проговорил чуточку ворчливо:

— Тебе бы следовало лежать в постели. Я слышал, на тебя ночью по пути в часовню было совершено нападение. Ты серьезно ранен?

— Не смертельно, хотя достаточно чувствительно. Да нет, не беспокойся, больше ссадин, чем ран, и я принял необходимые меры. Но боюсь, твой конь из-за меня охромел, и об этом весьма сожалею.

— Я осмотрел его. Ничего страшного. Через неделю, самое большее, поправится. Но ты... у тебя измученный вид, Мерлин. Надо бы, чтобы тебе дали довольно времени для отдыха.

— А что же может теперь помешать моему отдыху? — удивился я. И, видя, что он замялся, спросил настойчивее: — Ну, что еще? О чем ты норовишь умолчать?

Он перестал хмуриться и даже почти ухмыльнулся. Но голос, которым он мне ответил, прозвучал вопреки обыкновению чопорно и равнодушно — голос придворного, еще не разобравшегося, как говорится, откуда дует ветер:

— Принц Мерлин, король повелел, чтобы я пригласил тебя в его покои. Он желает видеть тебя, как только это будет для тебя удобно.

Говоря это, Ральф задержал взгляд на двери в стене против окна. До вчерашнего дня Артур спал в этой комнате позади моей спальни и являлся ко мне по моему слову. Ральф встретился со мной взглядом и на этот раз ухмыльнулся по-настоящему.

— Иначе говоря, немедленно. Ты уж не сердись, Мерлин, но именно таково было повеление короля, переданное мне через распорядителя двора. Могли бы, кажется, и повременить до утра. Я-то думал, ты спишь.

— Сердиться? За что же? И королям надо с чего-то начинать. Сам-то он хоть отдохнул?

— Куда там. Но он отделался от свиты, и ему приготовили королевские покои, покуда мы ездили в часовню.

— И с ним никого?

— Один Бедуир.

Но это, как я знал, означало, что помимо верного Бедуира при нем была целая рота слуг и постельничих и кое-кто, наверно, еще в передних покоях.

— В таком случае проси его дать мне сроку несколько минут. Я прибуду, как только оденусь. И пошли ко мне Ллу, сделай милость.

Но с этим Ральф согласиться не мог. Слугу отослали с ответом к королю, а Ральф как ни в чем не бывало, словно и не прошло стольких лет с тех пор, как он мальчиком служил у меня, принялся сам мне помогать. Снял с моих плеч ночной балахон, сложил и убрал, а затем осторожно, щадя мои разбитые члены, облачил меня в дневные одежды. И опустился на колени, чтобы обуть мне ноги и застегнуть сандалии.

— Ну, как прошел день? — спросил я его.

— Прекрасно. Ни тени, ни облачка.

— Что Лот Лотианский?

Он задрал голову и усмехнулся:

— Знает свое место. На том, что произошло в лесной часовне, он сильно ожегся.

Последние слова он добавил, опустив голову к пряжке на сандалии и словно бы говоря с самим собой.

— И я тоже, Ральф,— сказал я.— И я не защищен от небесного огня. Сам видишь. Как там Артур?

— Все еще витает в ослепительных облаках.— На этот раз тон был не только насмешливый, но и любящий. Ральф поднялся с колен.— Но все же мне кажется, он уже готов к бурям. Теперь пояс. Вот этот?

— Да, можно и этот. Спасибо. К бурям, ты говоришь? Уже? Пожалуй, ты прав.— Я принял пояс у него из рук и сам завязал узел.— А ты, Ральф, намерен ли остаться при нем и помочь ему выстоять в непогоду или же почитаешь свой долг выполненным?

Последние девять лет Ральф прожил в Галаве — отдаленном углу регедского королевства, где безымянным воспитывался Артур в качестве приемыша у графа Эктора. Ральф женился на местной девушке, и у него были малые дети.

— Признаться по правде, я еще об этом не думал,— ответил он.— Слишком много всяких событий за слишком короткое время.— Он засмеялся.— Одно ясно: если я и останусь с ним, то еще буду вздыхать о тех безмятежных днях, когда у меня только и было забот, что охранять этих дьяволят... то есть, я хочу сказать, сопровождать в поездках Бедуира и короля. А ты? Ты ведь больше не будешь жить на севере отшельником Зеленой часовни? Тебе придется оставить свое убежище и последовать за королем?

— Да, придется. Я дал обещание. К тому же подле короля мое законное место, но не твое — если ты сам того не захочешь. Мы с тобой возвели Артура на престол, и здесь кончается первая часть этой истории. Дальше ты должен выбирать. Впрочем, у тебя еще будет время обдумать свой выбор.

Он распахнул дверь и пропустил меня вперед. Я перешагнул порог и обернулся:

— Мы высвистели сильный ветер, Ральф. Посмотрим, куда он нас отнесет.

— И ты ему покоришься?

Я засмеялся.

— У меня вещая душа, и она предсказывает мне, что, быть может, придется покориться. Ну пошли, для начала явимся по его призыву.

В передних королевских покоях еще были люди, но главным образом слуги, они сновали взад-вперед, убирая остатки трапезы, как видно только что законченной королем. У дверей во внутренние покои, застыв как деревянные, стояли стражники. На скамье под окном крепким сном спал юный паж. Я вспомнил

его: он был здесь три дня назад, когда я приходил для разговора с умирающим Утером. А Ульфина, телохранителя и главного королевского постельничего, я сегодня не увидел. Где он, догадаться было нетрудно. Он будет служить новому королю так же преданно, как служил Утеру, но нынешнюю ночь он проведет подле своего старого господина, в монастырской церкви. Воин, стоявший на страже у королевской двери, был мне незнаком, и многие из слуг — тоже; это все была челядь из Регедского королевского замка, призванная на подмогу по такому торжественному случаю ввиду пребывания в городе верховного короля.

Но они-то меня знали. Когда я вошел, все сразу смолкли и остановились кто где стоял, словно околдованные. Слуга со стопкой тарелок на согнутой руке замер, будто увидел голову Горгоны, и со всех сторон ко мне оборотились бледные лица с выпученными глазами и разинутыми ртами, застывшие гримасы ужаса. Я встретил любящий и насмешливый взгляд Ральфа. «Вот видишь?» — одним движением бровей сказал он мне, и я яснее понял, почему он так замялся, передавая мне властный вызов короля. В прошлом, как мой товарищ и слуга, он был близок ко мне и не раз, когда я творил прорицание или то, что люди называют колдовством, оказывался свидетелем и почитателем моей силы. Но магическая сила, воссиявшая в Гиблой часовне, была явлением иного порядка. Я мог лишь догадываться, какие дивные россказни распространились с молниеносностью небесного пожара по всему Лугуваллиуму, но несомненно, что простой люд вот уже сутки ни о чем другом не говорил. И, как всякие удивительные рассказы, при передаче они будут только еще прирастать и украшаться.

Так они стояли и взирали на меня с ужасом. К этому ужасу, леденящему, будто холод, который ощущается в воздухе перед появлением призрака, я привык издавна. Сквозь недвижную толпу я прошел к королевской двери, и стража без единого слова расступилась, но слуга не успел открыть передо мной дверь — она распахнулась изнутри и мне навстречу вышел Бедуир.

Бедуир, тихий темноволосый юноша, несколькими месяцами моложе Артура, был сыном Бана, короля Бенойкского, и племянником короля Бретани. Они с Артуром дружили с детства, когда Бедуир был прислан в Галаву обучаться военным искусствам у прославленного учителя фехтования в доме сэра Эктора и вдвоем с Эмрисом (как именовался тогда Артур) проходить на-

уки под моим началом в часовне посреди Дикого леса. В нем уже тогда проявлялась противоречивая натура прирожденного воина и в то же время поэта, одинаково свободно чувствующего себя как в действии, так и в мире музыки и мечты. Чистый кельтский тип, если можно так выразиться, тогда как Артур, подобно моему отцу, верховному королю Амброзию, принадлежал к римскому типу. Может быть, я и ожидал увидеть в лице Бедуира после чудес минувшей ночи тот же священный трепет, что и у людей более простого звания вокруг, но оно выражало лишь торжество недавней победы, чистую радость за друга и мужественную веру в будущее.

Он уступил мне дорогу и с улыбкой сказал:

— Теперь он один.

— Где ты будешь спать?

— Мой отец ночует в западной башне.

— В таком случае покойной ночи, Бедуир.

Я шагнул к порогу, но Бедуир задержал меня: быстро склонившись, он схватил мою руку и поцеловал.

— Мне следовало знать, что твоими заботами все кончится хорошо. А я переполошился — те несколько мгновений, когда Лот и его прихвостни предательски затеяли в зале смуту...

— Тсс,— остановил я его. Он говорил тихо, но вокруг было много ушей.— Это уже дело прошлое. Забудем пока о нем. Ступай прямо к отцу в западную башню. Ты меня понял?

Темные его глаза блеснули.

— Король Лот, как я слышал, ночует в восточной башне?

— Вот именно.

— Не беспокойся. Я уже получил такое же предупреждение от Эмриса. Доброй ночи, Мерлин.

— Доброй ночи и мирного сна нам всем. Мы в нем нуждаемся.

Он ухмыльнулся, отвесил торопливый полупоклон и убежал. Я кивнул слуге и вошел к королю. Дверь за мной затворилась.

Из королевских покоев успели вынести все, что было связано с уходом за недужным. С высокого ложа сняли алые покровы. Половицы вымыли и навощили, постель застелили новыми простынями сурового полотна и сверху положили одеяло из волчьих шкур. Только красное кресло с изображением дракона на высокой спинке и со скамеечкой в подножии и светильник на высокой треноге стояли на прежнем месте. В открытые окна лилась

прохлада сентябрьской ночи, заставляя трепетать пламя светильников, и от этого по стенам пробегали причудливые тени.

Артур был один. Он стоял у окна, опершись коленом на табурет и облокотившись о подоконник. Окно выходило не в город, а на берег реки, где был разбит сад. И, глядя в темноту, он глубоко вдыхал свежий ночной воздух, словно пил и все не мог напиться из целительной воздушной реки. Волосы у него были влажные после умывания, но торжественные одежды он не сменил и так и остался в серебряно-белой тунике, перепоясанной поясом валлийского золота с бирюзой, застегнутым эмалевой пряжкой. Снял только перевязь с мечом, и могучий Калибурн в ножнах висел теперь на стене над королевским ложем. В отблесках света жарко играли драгоценные камни на рукояти: изумруды, топазы, сапфиры. И на руке у Артура тоже сверкал и лучился бесценный Утеров перстень с вырезанным в камне драконом.

Артур услышал, как я вошел, и обернулся. Вид у него был какой-то особенный: возвышенный и легкий, словно ветры минувшего дня продули его насквозь и оставили невесомым. Лицо побледнело и осунулось от усталости, но глаза горели и были полны жизни. Не прошло и суток, а его уже зримо окружала тайна, которая, словно мантия, одевает королей. Она была во всем: в гордом взгляде, в повороте головы. Никогда уже больше не сможет «Эмрис» прятаться в тени. Я только лишний раз подивился, как нам удалось уберечь его в безвестности все эти годы среди тех, над кем он так явно возвышался.

— Я тебе нужен? — спросил я.

— Ты был нужен мне весь день. Разве ты не обещал находиться рядом все это время, что я возился с восшествием на престол и вылупился наконец в короли? Где ты пропадал?

— Неподалеку, если и не рядом. Я пробыл в святилище — в часовне — почти дотемна. Мне казалось, ты должен быть занят.

Он коротко рассмеялся.

— Занят, говоришь? У меня было такое чувство, будто меня живьем съедают... или будто я рождаюсь на свет, и роды не из легких. Я сказал, что я «вылупился». Жить, жить и вдруг оказаться принцем — дело нелегкое, но и принц отличается от короля, как яйцо от свежевылупившегося птенца.

— По крайней мере, будем надеяться, что вылупился орленок.

— Время покажет. И в этом как раз вся трудность. Времени в запасе нет нисколько. Только что был ты никто, неизвестно чей незаконный отпрыск, который рад случаю хотя бы издали взглянуть на поле боя и, может быть, мельком увидеть самого короля, а в следующую минуту, не успев перевести дух в качестве принца и наследника, ты уже сам угодил на верховный престол, да еще с такой помпой, что никому до тебя и не снилась. Мне все чудится, будто я стоял коленопреклоненный у подножия трона, а меня закинули вверх пинком в зад.

Я улыбнулся.

— Представляю себе твои ощущения. Правда, меня самого пинком закинули и вполовину не так высоко, но ведь исходное положение мое тоже было гораздо ниже. Ну ладно, а теперь не можешь ли ты немного успокоиться и заснуть? Завтрашний день не за горами. Дать тебе снотворного зелья?

— Нет-нет, зачем оно мне? Я усну, как только ты уйдешь. Мне очень жаль, Мерлин, что пришлось призвать тебя в столь поздний час, но я должен поговорить с тобой, а до этой минуты у меня не было времени. И завтра не будет.

С этими словами он отошел от окна и приблизился к столу, где лежали бумаги и восковые дощечки. Взяв стиль, он тупым концом в задумчивости разгладил восковую поверхность. Голову он при этом опустил, темные волосы свесились на лоб, и свет лампы, обрисовав его скулу, коснулся опущенных густых ресниц. В глазах у меня помутилось. Время побежало вспять. Я увидел перед собой моего отца Амброзия, он стоял, задумчиво теребя стиль, и говорил мне: «Король, рядом с которым будешь ты, сможет управлять хоть целым миром...»

И вот мечта его сбылась, время наступило. Я сморгнул и прогнал видение памяти. И стал ждать, чтобы заговорил однодневный король.

— Я думаю вот о чем,— вдруг сказал Артур.— Саксонское войско разгромлено не полностью, верных сведений о самом Колгриме, да и о Бадульфе, я до сих пор не имею. Полагаю, что они оба бежали и спаслись. Возможно, через несколько дней мы услышим, что они погрузились на корабли и отплыли либо за море к себе на родину, либо в саксонские владения на южном побережье. А может статься, что они затаились в пустынных землях где-то к северу от Амброзиева вала и надеются, собравшись с силами, выступить снова.— Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.— Перед тобой мне не надо притворяться, Мерлин. Ты

знаешь, что у меня нет военного опыта и я не умею верно определить, насколько сокрушительно поражение саксов и могут ли они от него быстро оправиться. Я советовался, конечно. На закате, покончив с остальными делами, я устроил летучий военный совет, пригласил к себе... разумеется, мне хотелось, чтобы и ты присутствовал, но ты еще не вернулся из часовни. И Коэль тоже не мог быть... Ты ведь, конечно, знаешь, что он ранен, ты, наверно, даже осматривал его после боя? Каковы его шансы?

— Невелики. Сам понимаешь, он уже стар, а рана его глубока, и он потерял много крови, прежде чем получил помощь.

— Я так и предполагал, увы. Я сходил в лазарет навестить его, но мне сказали, что он лежит без памяти и что опасаются воспаления легких... Вместо него явился принц Урбген, его наследник, а с ним Кадор и Кау из Стрэтклайда. Эктор и Бан Бенойкский тоже были. Я совещался с ними, и они все говорят одно: кому-то надо пойти вслед за Колгримом. Кау должен как можно скорее вернуться к себе, ему надо охранять свои границы. Урбгену необходимо оставаться здесь, в Регеде, у него отец на пороге смерти. Стало быть, выбирать придется между Кадором и Лотом. Лота посылать нельзя, ты согласен со мной? Хоть он в часовне и давал мне клятву вассальной верности, я пока еще не очень склонен ему доверять, и уж во всяком случае, не там, где дело касается Колгрима.

— Согласен. Значит, ты отправишь Кадора? В нем, я надеюсь, ты больше не сомневаешься?

Герцог Корнуэльский Кадор действительно вполне подходил для такого поручения. То был муж в расцвете сил, закаленный боец и рыцарь безупречной преданности. Когда-то я ошибочно считал его врагом Артура, ибо у него была на то веская причина, но Кадор оказался человеком умным, рассудительным и дальновидным, ненависть к Утеру не застила ему свет и не мешала понимать необходимость объединения Британии перед лицом саксонской опасности. Поэтому он поддержал Артура. А юный Артур в Гиблой часовне провозгласил Кадора и его сыновей наследниками своего трона.

Артур задержал взгляд на восковой дощечке у себя в руке и только сказал мне в ответ:

— Еще бы! — Потом положил ее обратно на стол и распрямил спину.— Беда в том, что такой малоопытный военачальник, как я...

Тут он встретился взглядом со мной и увидел, что я улыбаюсь. И сразу хмурь сошла с его лба и на лице появилось с детства знакомое мне выражение мальчишеского озорного упрямства, но теперь еще к этому присоединилась мужская пламенная воля, которая прожжет себе дорогу к цели сквозь все преграды. В глазах его заплясали огоньки.

— Ну да, ты, как всегда, прав. Поеду я сам.

— И Кадор с тобой?

— Нет. Я должен отправиться без него. После всего, после смерти моего отца и...— он замялся,— и того, что было в часовне, я считаю, что должен сам принять участие в походе и сражениях, которые будут, чтобы возглавить наше войско и довести до конца начатое дело.

Он замолчал, как видно по старой памяти ожидая от меня вопросов и возражений. Но я безмолвствовал.

— Я думал, ты будешь меня отговаривать.

— Нет. Зачем же? Я согласен с тобой. Тебе надо доказать людям, что твоя доблесть выше случайной удачи.

— Именно так.— Он помолчал.— Не умею выразить это словами, но только все время с тех пор, как ты привез меня в Лугуваллиум и представил королю, я был не то чтобы как во сне, а словно что-то вело меня, вело всех нас...

— Да. Задул могучий ветер и повлек нас по воле своей...

— Но теперь этот ветер стих,— подхватил Артур печально,— и мы предоставлены самим себе и должны полагаться лишь на собственные силы. Словно бы все это было волшебство и чудеса, а теперь они кончились. Ты заметил, Мерлин, ведь никто словом не упоминает того, что было в лесной часовне, можно подумать, будто это события глубокой древности, из какой-нибудь песни или сказания.

— Это легко понять. Волшебство волшебством, но оно было на самом деле и оказалось непосильно для сознания тех, кто был ему свидетелем. Однако оно запечатлелось в памяти людей и в памяти народной, откуда произрастают песни и легенды. Ну да это дело будущего. Мы же находимся здесь и сейчас, и перед нами сложная задача. Одно несомненно: только ты можешь ее выполнить. А потому — ступай и сделай все так, как сам сочтешь правильным.

Молодое его чело разгладилось. Растопырив ладони по столешнице, он всей тяжестью оперся на них, и впервые стало видно, как он измучен и какое облегчение для него — просто уступить своей усталости, чтобы скорее отдать себя сну.

— Надо было мне знать, что ты меня поймешь. Тебя незачем убеждать в том, что я должен отправиться один, без Кадора. Он-то, признаюсь тебе, рассердился сначала, но в конце концов понял тоже. А сказать по чести, мне и самому хотелось бы иметь его рядом с собою... Но на это дело я должен пойти в одиночку. Чтобы придать веры не только народу, но и самому себе, если угодно. Тебе я не постесняюсь в этом признаться.

— Тебе не хватает веры?

Он слегка улыбнулся.

— Да не сказал бы. Завтра утром я, пожалуй, поверю во все, что произошло на поле боя, и буду знать, что это было на самом деле, но сейчас мне еще кажется, будто я где-то на грани сна. Скажи, Мерлин, а правильно будет, если я попрошу Кадора отправиться на юг, сопровождать из Корнуолла мою мать, королеву Игрейну?

— К этому нет никаких препятствий. Кадор — герцог Корнуолла, так что после смерти Утера ее дом в Тинтагеле находится под его защитой. И если Кадор сумел переступить через свою вражду к Утеру ради общего блага, он, уж конечно, давно простил Игрейне неверность его отцу. К тому же ты объявил его сыновей твоими наследниками, так что все квиты. Разумеется, ты можешь послать Кадора.

Он улыбнулся с облегчением.

— Ну, тогда все в порядке. Я уже, понятно, отправил к ней гонца с известиями. Кадор поедет ей навстречу. И они вместе прибудут в Эймсбери к тому времени, когда туда доставят для похорон тело моего отца.

— А сопровождать тело в Эймсбери, если я правильно понял, ты поручаешь мне?

— Да, если ты не против. Надлежало бы мне, но я поехать никак не смогу, а почести должны быть королевские. Да и лучше, чтобы его сопровождал ты, ты знал его, а я так недавно принадлежу к королевскому дому. К тому же, если хоронить его подле Амброзия в Хороводе Висячих Камней, то, кроме тебя, некому распорядиться, как сдвинуть королевский камень и где вырыть могилу. Ты поедешь?

— Разумеется. Дорога, если двигаться с приличествующей неспешностью, отнимет девять дней.

— А к этому времени я, глядишь, уже и сам туда прибуду.— Внезапно весь осветясь: — Только б не сглазить, я с минуты на минуту ожидаю вестей о Колгриме. И выхожу в поход за ним через четыре часа, как только совсем рассветет. Со мной поедет Бедуир,— прибавил он как бы для моего утешения и спокойствия.

— А что будет делать пока король Лот, если он, как я понял, тебя не сопровождает?

На что он ответил мне с хитрым видом многоопытного политика:

— О, король Лот тоже выезжает с первым светом. Но не в свои владения... то есть, покуда я не разузнаю точно, куда направляется Колгрим. Я попросил короля Лота поспешить прямо в Йорк. Королева Игрейна, я полагаю, тоже после похорон прибудет туда, так что Лот сможет оказать ей там надлежащий прием. А потом, когда его брак с моей сестрой Морганой будет наконец заключен, он волей или неволей станет мне надежным союзником. Ну а пока, до Рождества, если случится сражаться, я как-нибудь управлюсь без Лота.

— Стало быть, мы свидимся с тобой в Эймсбери. А потом что?

— Потом в Каэрлеон,— без заминки ответил Артур.— Если позволят военные дела, я отправлюсь туда. Я никогда там не был, но по рассказу Кадора выходит, что моя ставка должна находиться в Каэрлеоне.

— До тех пор, пока саксы не нарушат договора и не двинутся с юга.

— Что рано или поздно неизбежно произойдет. Но до тех пор — да. Пошли нам Бог хоть краткое время для передышки.

— И для того, чтобы возвести еще одну крепость.

Он быстро поднял глаза.

— Да. И для этого. Ты будешь там? Ты построишь мне крепость? Мерлин, поклянись, что будешь со мной всегда,— вдруг горячо попросил он.

— Всегда, покуда буду нужен,— ответил я ему.— Хотя сдается мне,— шутливо добавил я,— что орленок довольно быстро оперяется.— И, понимая, что кроется за его внезапным волнением, заключил: — Итак, до встречи в Эймсбери, где я буду ждать, дабы представить тебя твоей матери.

Глава 2

Городок Эймсбери немногим больше обыкновенной деревни, но со времен Амброзия он приобрел некое величие, ибо здесь родился великий король и здесь же неподалеку на открытой ветрам Сарумской равнине находится знаменитое сооружение — Висячие Камни. Это расположенные замкнутым кольцом огромные каменные глыбы, Хоровод Великанов, возведенный еще в незапамятные времена. Когда-то я восстановил и обновил его (в чем люди усмотрели опять же волшебство), и он стал памятником британской славы и местом захоронений британских королей. Здесь, рядом с братом своим Амброзием, надлежало теперь упокоиться Утеру.

Мы без приключений привезли тело в Эймсбери и поставили в местном монастыре перед алтарем в монастырской часовне, обернутое в пропитанные благовонием пелены, уложенное в выдолбленный дубовый ствол и прикрытое сверху лиловым покровом. У гроба, сменяясь, круглые сутки стояла в почетном карауле королевская стража, сопровождавшая тело из северных пределов, и молились денно и нощно монахи и монахини города Эймсбери. Поскольку королева Игрейна принадлежала к христианской вере, Утера должны были похоронить по христианскому обряду и канону, хотя при жизни он даже на словах не особенно-то поклонялся христианскому Богу. И сейчас на глазах у него поблескивали две тяжелые золотые монеты, предназначенные для уплаты перевозчику, сбиравшему эту дань с мертвых за многие столетия до святого привратника Петра. И самая часовня, в которой стоял гроб, была возведена, как можно было судить, на месте римского храма — невысокое продолговатое строение из прутьев, обмазанных глиной, под тростниковой кровлей, покоящейся на бревенчатых балках, а чисто вымытый пол выложен искусной каменной мозаикой — он, как видно, сохранился от прошлых времен. Завитки аканта и виноградные лозы не могли оскорблять души верующих христиан, а посреди пола лежал груботканый ковер, предназначенный скрывать от глаз изображение языческого бога или богини, которые там, должно быть, парили нагими среди винограда.

Новое благосостояние города Эймсбери отразилось и на монастыре. Правда, он представлял собой всего лишь собрание разномастных хижин, сгрудившихся вокруг мощеного двора, но

хижины все были исправные, а дом аббата, который освободили для королевы и ее свиты, имел крепкие каменные стены, деревянные полы и в дальнем конце большой очаг с дымоходом над крышей.

У городского старосты тоже был добротный дом, который он поспешил предложить мне, но я объяснил ему, что вскоре вслед за мною прибудет сам король, и, оставив его в заполошных хлопотах по дальнейшему благоустройству жилища, расположился с моими слугами в таверне. Таверна была маленькая и скромная, без новомодных излишеств, зато чистая, и в очагах жарко пылал огонь, прогоняя осенние холода. Хозяин помнил меня еще с тех времен, когда я приезжал сюда перестраивать каменный Хоровод и останавливался у него. Все так же трепеща передо мною, как и тогда, когда оказался свидетелем моего искусства, он поспешил предоставить мне лучшую комнату и посулил к ужину курицу и пирог с бараниной. Однако, узнав, что со мной двое слуг и что они будут сами прислуживать мне в отдельных покоях, заметно обрадовался и тут же отослал своих любопытных поварят обратно, раздувать кухонные мехи.

Слуги, которых я привез с собой, были из Артуровой челяди. Последние годы, живя один в Диком лесу, я все для себя делал сам и собственных слуг не имел. Из этих двоих один был низкорослый, подвижный уроженец валлийских холмов, а вторым был Ульфин, приближенный слуга покойного короля Утера. Утер взял его к себе из тяжкого рабства и обращался с ним ласково, и Ульфин за то платил ему безграничной преданностью. Эта преданность теперь причиталась Артуру, но было бы жестокостью отказать Ульфину в праве сопровождать в последний путь тело его господина, поэтому я попросил, чтобы его отрядили со мной. Теперь я велел ему отправиться в часовню вслед за гробом и полагал, что до окончания похорон больше его не увижу. Тем временем валлиец Ллу распаковал мою поклажу, позаботился о горячей воде и послал пару хозяйских мальчишек посмышленее в монастырь — передать от меня послание для ожидавшейся королевы. Я приветствовал ее в Эймсбери и сообщал, что готов явиться к ней с поклоном, как только она отдохнет с дороги и пришлет за мной. О том, что произошло в Лугуваллиуме, она уже знала, и я прибавил только, что Артура пока еще в Эймсбери нет, но что к похоронам он будет.

Самого меня не было в городе, когда прибыл поезд королевы. Я выехал к Хороводу Великанов посмотреть, все ли подготовлено к похоронной церемонии, а когда вернулся, мне сообщили, что приехала королева со свитой и что она со своими дамами уже расположилась в доме аббата. Игрейна прислала за мной, когда осенний день начал клониться к вечеру.

Черные тучи скрыли заход солнца, и когда я, отказавшись от эскорта, шел один недальней дорогой к монастырю, было уже почти темно. Ночь легла тяжелым гробовым покровом, в траурном небе не светилась ни одна звезда. Я вспомнил огромную король-звезду, которая вспыхнула на смерть Амброзия, и мысли мои обратились к тому королю, что лежал сейчас мертвым в часовне, и плакальщиками у его гроба были монахи, и стояли над гробом торжественным караулом недвижные как статуи его верные слуги. Но изо всех, кто присутствовал при его смерти, лишь один Ульфин оплакал его.

У ворот меня встретил не монастырский привратник, а распорядитель двора, личный слуга королевы, я помнил его еще по Корнуоллу. Он, разумеется, был уведомлен о том, кто я таков, и низко мне поклонился, но я видел по его лицу, что он меня не узнает. А ведь это был поседевший и сгорбившийся под тяжестью лет, но все же тот самый рыцарь, что примерно за три месяца до Артурова рождения впустил меня к королеве, и она обещала поручить младенца моим заботам. В тот раз я изменил обличье, опасаясь вражды Утера, и вот теперь убедился, что рыцарь королевы не узнал в статном принце простого бородатого «лекаря», приглашенного когда-то к его госпоже.

Он провел меня через широкий зеленый двор к большому дому под тростниковой крышей, где остановилась королева. По обе стороны от дверей и дальше вдоль стен были вставлены в скобы полыхающие факелы, освещавшие это убогое жилище. За дождливое лето между булыжниками по всему мощеному двору густо разрослась трава, а по углам зеленела крапива чуть не с человеческий рост. В крапиве, прикрытые мешковиной, стояли деревянные плуги и сохи трудолюбивой братии. У задних дверей виднелась наковальня, над ней на крюке, вбитом в столб, болталась связка готовых подков. Выводок черных худых поросят бросился, вереща, врассыпную у нас из-под ног, сквозь щелястую низкую дверцу сарая донеслось взволнованное призывное хрюканье их матки. Благочестивые братья и сестры в Эймсберийской обители вели жизнь простую — каково-то с ними королеве?

Но я напрасно за нее беспокоился. Игрейна всегда умела держаться с достоинством, а став женой Утера, она окружала себя всей возможной пышностью — быть может, именно потому, что брак этот был заключен при довольно сомнительных обстоятельствах. Когда я давеча осматривал дом аббата, это было простое скромное жилище, чистое и сухое, но лишенное какого-либо роскошества. И вот теперь, за несколько часов, слуги преобразили его в богатое королевское обиталище. Голые каменные стены были завешены алыми, зелеными и голубыми полотнищами, а на одной висел великолепный восточный ковер, привезенный мною в подарок из Византии. Дощатые полы белели, тщательно выскобленные, в камине полыхал жаркий огонь. По одну сторону от него стояло кресло с высокой спинкой и шитым разноцветной шерстью сиденьем, а у подножия — маленькая золоченая скамеечка. Против этого кресла, по другую сторону от очага, стояло второе, тоже с высокой спинкой и с резными подлокотниками в виде драконьих голов. Ярко горел светильник — бронзовый дракон о пяти головах. Дверь в строгую аббатскую опочивальню стояла распахнутая, и внутри виднелось высокое роскошное ложе под голубым покрывалом, мерцающим серебряными кистями. Несколько женщин, две из них совсем юные, еще хлопотали в опочивальне и возле стола в первой комнате, накрывая к ужину. Пажи в голубом сновали взад-вперед с блюдами и графинами. У камина, греясь, растянулись три белоснежные гончие.

Я переступил порог, и сразу замерли суета и разговоры. Все взгляды устремились в мою сторону. Юный паж с кувшином вина остановился, не добежав до двери, и выпучил глаза так, что сверкнули белки. У стола кто-то со стуком уронил деревянный поднос, и псы набросились на рассыпанные пироги. Стук когтистых лап по половицам и лязг жующих челюстей одни только слышались среди всеобщего молчания. Да еще в очаге гудел огонь.

— Добрый вечер,— приветливо произнес я, входя.

И только ответив на реверансы дам и проследив за тем, чтобы мальчик-паж поднял с полу поднос и пинками прогнал псов, я позволил распорядителю с поклоном провести меня к очагу.

— Ее величество...— начал было он, но все глаза уже обратились к внутренней двери, и гончие, изогнув спины и виляя хвостами, засеменили к своей хозяйке, входившей в залу.

Если бы не эти три пса и не присевшие в низком поклоне придворные дамы, можно было бы подумать, что мне навстречу

вышла аббатиса здешнего монастыря. Облик вошедшей являл такой же разительный контраст богатому убранству помещения, как самое это убранство — убогому монастырскому подворью. Вся с ног до головы в черном, лишь на голове белое покрывало, концы которого заброшены за плечи и мягкие складки обрамляют лицо. В разрезах пышных черных рукавов просвечивает серая атласная подкладка; на груди — сапфировый крест. И больше ничем не нарушалось единообразие ее сурового черно-белого траура.

Я давно не видел Игрейну и был готов обнаружить в ней перемену. И все же вид ее меня поразил. Красота оставалась при ней — в изящных линиях, в огромных темно-голубых глазах, в гордой царственной осанке. Но былая грация уступила место величавости, а кисти и запястья прискорбно истончились, и под глазами лежали тени чуть ли не синее самих глаз. И не меты возраста, а эти знаки, слишком очевидные для врача,— вот что меня в ней поразило.

Но я прибыл сюда как принц и посланец короля, а не как лекарь. Я ответил улыбкой на приветливую улыбку королевы, склонил голову к ее руке, а затем подвел ее к мягкому креслу. По знаку королевы пажи подбежали к псам, взяли их на поводки и увели. А она уселась в кресло и расправила складки платья. Одна из юных придворных дам подвинула ей под ноги скамеечку и, сложив ладони и опустив веки, осталась стоять за креслом госпожи.

Королева повелела мне сесть. Я повиновался. Принесли кубки с вином, и над ними мы обменялись обычными приветствиями и любезностями. Я справился о ее здоровье, но лишь из вежливости, хотя по моему лицу, я знал, она не могла догадаться о том, что мне открылось.

— А что... король? — спросила она наконец, произнеся это слово как бы через силу, со скрытой болью.

— Артур обещал приехать. Жду его завтра. Вести с севера последнее время не поступали, так что, происходили ли там новые сражения, неизвестно. Но пусть отсутствие вестей тебя не беспокоит, оно означает лишь, что Артур сам явится сюда скорее, чем поспел бы гонец.

Она кивнула, не выказав ни малейшего беспокойства. Либо, кроме собственной потери, она ни о чем не могла сейчас думать, либо же мои слова восприняла как неоспоримое и надежное пророчество.

— А он предполагал, что будут еще сражения?

— Он задержался на севере из предосторожности, не более того. Войско Колгрима разгромлено полностью, но сам Колгрим, как я писал тебе, сумел скрыться. И сведений о его местонахождении мы не имели. Артур счел за благо удостовериться, что саксы не смогут собраться с силами и выступить снова, хотя бы пока он будет отсутствовать в связи с похоронами отца.

— Он еще молод для таких задач,— произнесла королева.

Я улыбнулся:

— Но уже готов к ним и вполне способен их выполнить. Поверь, он в своей стихии, как молодой сокол в поднебесье, как лебедь в волнах. Когда мы расстались, он не спал почти двое суток и был весел и совершенно бодр.

— Рада это слышать,— проговорила королева чопорно и без выражения, и я поспешил объяснить:

— Смерть отца была для него жестоким ударом, но ты сама понимаешь, Игрейна, что близко к сердцу он ее принять не мог, и притом у него сразу появилось много забот, которые вытеснили горе.

— Не то что у меня,— чуть слышно сказала королева и уронила взгляд на сложенные на коленях руки.

Я сочувственно молчал. Страсть, которая толкнула друг к другу Утера и эту женщину, страсть, едва не стоившая Утеру королевства, с годами не угасла. Утер был из тех мужчин, которые не могут обходиться без женщины, как другие — без пищи и сна; когда дела королевства удаляли его от ложа Игрейны, его походное ложе редко пустовало, но когда они бывали вместе, он ни на кого другого не смотрел, и у королевы не было причин для огорчений. Они любили друг друга, эти король и королева, любили старинной, возвышенной любовью, которая пережила и молодость, и здоровье, и политические соображения, и уступки, какими всегда расплачиваются за трон короли. Я давно уже пришел к выводу, что их сыну Артуру, который вопреки своему королевскому достоинству воспитывался в безвестности и ничтожестве, у приемного отца в Галаве жилось много лучше, чем жилось бы при дворе отца-короля, потому что ни для отца, ни для матери он никогда бы не был на первом месте.

Но вот королева овладела собой и подняла голову.

— Я получила письма, и твое, и Артура,— сказала она.— Но мне многое еще хотелось бы услышать. Расскажи мне обо

всем, что произошло в Лугуваллиуме. Когда он собрался уехать на север против Колгрима, я знала, что этот поход ему не под силу. Но он клялся, что должен быть на поле брани, пусть даже его понесут на носилках. Так именно и произошло, насколько я понимаю?

Говоря «он», Игрейна сейчас, конечно, не имела в виду своего сына. Она хотела слышать о последних днях Утера, а не о чудесном воцарении Артура. Я удовлетворил ее интерес.

— Да. Под Лугуваллиумом произошла великая битва, его принесли туда в паланкине, и все время, пока кипел бой, слуги не выходили с ним из самой гущи сражения. Я привез ему из Галавы Артура, так он распорядился, он должен был назавтра объявить его наследником, но Колгрим напал неожиданно, и король принял бой, не успев осуществить свое намерение. Артур рубился, не отдаляясь от королевского паланкина, и когда король увидел, что у него сломался меч, то перебросил ему свой. В пылу битвы Артур едва ли понял все значение этого жеста, но все остальные, кто находился поблизости, оценили его по достоинству. То был великий жест великого мужа.

Она промолчала, но ее взгляд вознаградил меня. Уж кто-кто, а Игрейна знала, что мы с Утером не питали друг к другу взаимной любви. И хвала из моих уст стоила много больше, чем придворная лесть.

— После этого король откинулся на спинку паланкина и полулежа смотрел, как его сын продолжает бой, как он, совсем еще неопытный воин, врубился в гущу врагов и внес немалую долю в дело победы над саксами. Позже, на пиру, когда король все же объявил Артура наследником, ему не пришлось представлять его военачальникам и лордам: они видели, как юноша получил в руки королевский меч и сражался им доблестно и достойно. Однако кое-кто воспротивился воле короля и...

Я не договорил. Ведь именно это противодействие убило короля — всего на несколько часов прежде срока, но оборвало его жизнь как ударом топора. А между тем король Лот, первый среди тех, кто воспротивился воле Утера, был женихом королевской дочери Морганы.

Но Игрейна спокойно проговорила:

— Да, да. Король Лотиана. Я слышала об этом. Рассказывай.

Опять я недооценил ее. Я подробно рассказал ей, как было дело, не опустив ничего: про крики несогласия, про измену и про внезапную смерть короля, заставившую всех умолкнуть.

Рассказал, как лорды в конце концов признали права Артура (не останавливаясь, впрочем, на своей роли во всей этой истории): «Если он вправду владеет мечом Максена, то, значит, получил его в дар от бога, и если еще и Мерлин с ним, то клянусь, каким бы богам он ни поклонялся, я пойду за ним». Не стал я останавливаться и на том, что произошло в лесной часовне, описал только, как все дали клятву верности, как смирился Лот и как Артур провозгласил Кадора, сына Горлойса, своим наследником.

В этом месте прекрасные глаза королевы в первый раз посветлели и улыбка озарила ее лицо. Как видно, про Кадора она еще не знала, ее это обрадовало как частичное искупление ее собственной вины за смерть Горлойса. Сам Кадор, то ли из деликатности, то ли так и не преодолев разделявшие их с Игрейной преграды, ничего ей не сказал. Она протянула руку за кубком и выслушала меня до конца, попивая вино мелкими глотками и не переставая улыбаться.

Но была еще одна подробность, еще одно очень важное обстоятельство, про которое она тоже не могла знать. Я о нем пока промолчал, но мысли мои были полностью заняты им, и, когда Игрейна заговорила, я так и подскочил, будто пес под арапником.

— А Моргауза? — спросила королева.

— Что — Моргауза?

— Ты о ней не упомянул. Должно быть, она очень убивалась по отцу. Хорошо, что она была рядом с ним. И король, и я — мы оба всегда благодарили бога за ее искусство.

Я ответил сдержанно:

— Да, она неусыпно ухаживала за ним. И несомненно, горько оплакивает его кончину.

— Она тоже приедет с Артуром?

— Нет. Она отправилась в Йорк к сестре своей Моргане.

К счастью, королева больше не стала расспрашивать про Моргаузу, а обратилась к другим темам и поинтересовалась, где я остановился.

— В таверне,— ответил я,— которая знакома мне по прошлым временам, когда я здесь работал. Это скромное заведение, но хозяева приложили старания к тому, чтобы устроить меня с удобством. Я ведь здесь ненадолго.— Я обвел глазами окружающую нас ослепительную роскошь.— А ты, госпожа, долго ли предполагаешь здесь пробыть?

— Всего несколько дней.

Если она и заметила мой взгляд, то не показала виду. И я, чьей мудрости обычно не хватало для понимания женщин, вдруг догадался, что блеск и роскошь вокруг нас предназначены не для удовольствия самой Игрейны, они должны создать подобающую обстановку для предстоящей встречи королевы с сыном. Багрец и золото, благовония и восковые свечи — это ее доспехи, это щит и волшебный меч стареющей женщины.

— Скажи,— вдруг заговорила она о том, что более всего неотступно ее занимало,— он осуждает меня?

Я слишком уважал Игрейну и потому ответил ей прямо, без обиняков, не прикидываясь, будто сам не придаю этому особого значения.

— Я полагаю, что ты можешь без страха ожидать вашей встречи. Конечно, узнав тайну своего рождения и наследственного права, он недоумевал, почему вы с королем сочли нужным лишить его всего этого. И мудрено ли, если поначалу он и чувствовал себя обиженным. Дело в том, что он уже догадывался о своем высоком происхождении, только думал, что принадлежит к королевскому роду, как я, по побочной линии... А когда узнал правду, то вместе с радостью пришло и недоумение. Но клянусь, ни горечи, ни злобы, он только хотел знать: почему? Когда же я поведал ему историю его рождения и воспитания, он сказал мне — я приведу тебе его доподлинные слова: «Я понимаю все так же, как, по твоим словам, понимала и она: что быть принцем — значит всегда подчиняться необходимости. Она не просто так отдала меня».

Воцарилась тишина. И сквозь нее я услышал прозвучавшие только в моей памяти слова, которыми он тогда заключил свою речь: «Мне гораздо лучше было жить в Диком лесу, считая себя внебрачным сыном умершей матери и твоим, Мерлин, чем если бы я рос при дворе отца с мыслью, что королева раньше или позже родит другого сына, который займет мое место».

Королева разжала стиснутые губы и перевела дух. Ее нежные веки слегка трепетали, но теперь трепет их пресекся, словно палец придавил поющую струну, щеки снова порозовели, и она взглянула на меня так же, как тогда, много лет назад, когда просила увезти младенца и спрятать от Утерова гнева.

— Скажи мне... каков он из себя?

Я улыбнулся:

— Разве тебе не рассказывали, когда сообщили вести о битве?

— О да, рассказывали, конечно. Он высок, как дуб, и могуч, как Фионн, и собственными руками поразил девятьсот врагов. Он — Амброзий, явившийся из мертвых, или же сам Максим, в руке у него меч, молнии подобный, а в бою его окружало колдовское сияние, как на изображениях богов при осаде Трои. Он — тень Мерлина, и, куда он ни пойдет, за ним всюду следует огромная собака, с которой он разговаривает, как с человеком.— Глаза ее смеялись.— Из чего ты можешь понять, что рассказчиками были темные жители Корнуолла из Кадорова войска. Они всегда охотнее пропоют вам возвышенную песнь, чем расскажут о виденном своими глазами. А я хочу знать, как было на самом деле.

Это предпочтение действительности, какая она на самом деле, было свойственно королеве всегда. И Артур тоже, подобно ей, интересовался тем, что было и есть, а поэзию предоставлял Бедуиру. Я ответил на ее вопрос:

— Последнее в их рассказе — почти что правда. Только они все перевернули наоборот. Это Мерлин — тень Артура и следует за ним повсюду, как огромная собака, которая, кстати сказать, тоже существует на самом деле. Это его пес Кабаль, подарок друга, Бедуира. А в остальном... что тебе сказать? Завтра сама увидишь. Он высок ростом и походит более на Утера, чем на тебя, хотя мастью в моего отца, цвет волос и глаз у него такой же темный, как мой. Он силен, храбр и вынослив — все так, как описывали тебе твои земляки-корнуэльцы, только если убрать преувеличения. Нрава горячего, может по молодости лет вспылить, бывает заносчив и резок, но при всем том отличается здравым смыслом и успешно учится владеть собой, как ему и подобает по его возрасту. И еще у него есть одно, на мой взгляд, большое достоинство: он прислушивается к моим словам.

Этим я снова вызвал у нее улыбку, теперь уже совсем теплую.

— Ты шутишь, а я тоже считаю это большим достоинством. Его счастье, что у него есть ты. Как христианке мне нельзя верить в твою волшебную силу, да я и не верю — так, как в нее верит простой народ. Но откуда бы ни взялась твоя сила, я видела ее в действии и знаю, что это сила добрая и что ты мудр. Тобою, я верю, движет и владеет то, что на моем языке я зову «Бог». Будь и впредь с моим сыном.

— Я останусь с ним до тех пор, пока буду ему нужен.

И снова между нами воцарилось молчание. Прекрасные глаза Игрейны задумчиво глядели из-под темных век на огонь, черты

ее выражали спокойствие, умиротворенность. Но мне почудилось в этом спокойствии чуткое ожидание, как под густыми сводами леса, когда вверху гудит и воет буря, а внизу ее порывы угадываются лишь по дрожи, пробегающей по стволам деревьев до самых корней.

Беззвучно ступая, приблизился паж, опустился на колени перед очагом и подбросил в огонь поленьев. Пламя занялось, затрещало и взметнулось светлыми языками. Я молча любовался ими. Для меня тоже в безмолвии таилось ожидание, и огонь был просто огонь, не более того.

Мальчик-паж так же неслышно отошел. Юная дама приняла из руки королевы пустой кубок и робко протянула руку за моим. Она была прелестна, тонка, как тростинка, сероглазая и русоволосая. На меня она глядела боязливо и, беря мой кубок, постаралась, чтобы наши пальцы не соприкоснулись. Взяв пустые сосуды, она поспешно удалилась. Я тихо спросил:

— Игрейна, с тобою ли твой придворный врач?

Веки ее дрогнули, но она не посмотрела на меня и ответила так же тихо:

— Да, он всюду ездит со мной.

— Кто он?

— Его имя — Мельхиор. Он говорит, что знает тебя.

— Мельхиор? Тот юноша, который был со мной в Пергаме, когда я обучался там медицине?

— Он самый. Хотя уже не юноша. Он находился при мне, когда родилась Моргана.

— Это надежный человек,— удовлетворенно кивнул я.

Игрейна взглянула на меня искоса. Юная фрейлина еще не вернулась, остальные дамы сгрудились в дальнем конце зала.

— Мне бы следовало знать, что от тебя ничего не скроешь. Ты не скажешь моему сыну?

Я с готовностью обещал. Что она смертельно больна, я знал с той минуты, как ее увидел, но Артур, не видавший ее прежде и не обученный медицине, пожалуй, ничего и не заметит. Успеется. Сейчас — время для начала, а не для концов.

Вернулась маленькая фрейлина и что-то шепнула королеве, та кивнула и встала с кресла. Встал и я. К нам церемонными шагами, совсем как в королевском замке, приблизился распорядитель двора. Королева уже полуобернулась ко мне, жестом приглашая к столу, как вдруг возникло замешательство. Снаружи донесся звук трубы, повторился еще раз, ближе, и вот уже

где-то рядом, за монастырскими стенами, послышался оживленный шум и лязг прискакавшей кавалькады.

Игрейна остановилась и вскинула голову, совсем как в молодости, движением, исполненным отваги и изящества.

— Король?

Голос ее взволнованно зазвенел. И по всей притихшей комнате, будто эхо, пробежал шелест и говор придворных дам. Юная фрейлина подле королевы тоже замерла, как натянутая тетива, жаркий восторженный румянец залил ей лицо и шею.

— Он скоро добрался,— заметил я как ни в чем не бывало, на самом деле стараясь унять биение своей крови, которое усиливалось и учащалось вместе со стуком приближающихся копыт.

Глупец, говорил я себе, глупец. У него теперь свои дела. Ты выпустил его на волю и потерял. Этот сокол не вернется под колпак. Отныне держись в тени, королевский прорицатель, один на один со своими грезами и видениями. А ему предоставь свободу и жди, пока будет в тебе нужда.

Застучали у дверей, отозвался торопливый голос слуги. Распорядитель сорвался с места, но тут в комнату влетел паж и, задыхаясь, произнес повеление короля, переданное в спешке и без придворных обиняков:

— С изволения королевы... Король прибыл, и ему нужен принц Мерлин. Безотлагательно, он сказал.

Выходя, я слышал, как у меня за спиной ожил замерший зал, пажи бросились со всех ног — накрывать новые столы, нести вина, благовония, свечи, а дамы, суетясь и квохча, как целый птичий двор, засеменили вслед за своей госпожой в королевскую опочивальню.

Глава 3

— Она уже здесь, мне сказали?

Артур больше мешал, чем помогал слуге стаскивать с него грязные сапоги. Оказывается, и Ульфин все же пришел из часовни: в соседней комнате слышался его голос, он распоряжался слугами, вносившими и распаковывавшими королевские одежды. А снаружи тихий город словно вдруг раскололся — шум, факелы, конский топот, громкие команды. И время от времени сквозь общий гул отчетливо раздавался визгливый женский смех: не все в Эймсбери блюли траур.

Сам король тоже не очень-то о нем помнил. Он избавился наконец от сапог, сбросил с плеч тяжелый дорожный плащ. И посмотрел на меня точь-в-точь как Игрейна, искоса и выжидательно.

— Ты разговаривал с ней?

— Да. Я сейчас от нее. Она собиралась угощать меня ужином, но теперь, я думаю, готовится накормить тебя. Она прибыла только сегодня, ты найдешь ее уставшей, но она успела немного отдохнуть и отдохнет еще лучше после того, как повидается с тобой. Мы не ждали тебя раньше утра.

— «Доблесть цезаря — в скорости»,— улыбнулся он, произнеся любимое выражение моего отца; по-видимому, я как наставник несколько злоупотреблял им.— Разумеется, только я сам и маленький отряд. Вырвались вперед. Остальные прибудут позже. К похоронам, надеюсь, поспеют.

— Кто же эти остальные?

— Маэлгон Гвинеддский с сыном, тоже Маэлгоном. Брат Урбгена Регедского, третий сын старого Коэля, его зовут Мориен, я не ошибся? Кау сам тоже не может приехать, послал вместо себя Ридерха, а не Хевиля, заметь, чему я рад, терпеть не могу этого ругателя и хвастуна. Затем, постой, постой, Инир и Гвилим, Борс... И еще, мне сказали, Серетик Элметский уже в пути.

Он назвал еще кое-кого. Большинство северных королей послали вместо себя сыновей или приближенных, и это понятно, ведь остатки саксонских армий все еще угрожали их владениям и им надо было охранять свои границы. Все это Артур рассказал мне, плеща водой, которую слуга налил ему для умывания.

— И отец Бедуира тоже уехал домой. Сослался на какие-то дела, но, между нами говоря, я думаю, он хочет присмотреть за действиями короля Лота.

— А Лот?

— Отправился в Йорк. Я на всякий случай распорядился, чтобы за ним следили. Так что он в пути, это мне известно точно. Но там ли Моргана? Не поехала ли навстречу королеве?

— Моргана в Йорке. Но есть еще один король, о котором ты ничего не сказал.

Слуга протянул полотенце, и Артур спрятал голову, растирая мокрые волосы.

— Кто же это? — глухо прозвучал его вопрос.

— *Колгрим,— ответил я вкрадчиво.*

Он выглянул из-под полотенца. Лицо его пылало, глаза сверкали. Десятилетний мальчик, да и только, подумалось мне.

— И ты еще спрашиваешь?

Это был голос не мальчика, а взрослого мужа, и в нем звучало самодовольство, словно бы шуточное, но на самом деле вполне искреннее. О боги, подумал я, вы же сами вознесли его, так не усмотрите в его ответе предосудительной гордыни! И поймал себя на том, что на всякий случай делаю пальцами оберегающий знак.

— Спрашиваю, хотя мог бы догадаться.

Он вдруг стал совершенно серьезен.

— Это оказалось потруднее, чем мы думали. Можно сказать, что под Лугуваллиумом мы сделали полдела, только сломили их силу, и Бадульф умер от ран, но Колгрим остался невредим, отошел к востоку и собрал остатки своего войска. Мы не беглецов преследовали — у них накопились большие силы, и битва велась не на жизнь, а на смерть. Окажись мы там меньшим числом, они, глядишь, еще взяли бы над нами верх. Сами они, по-моему, больше нападать не думали, они продвигались к восточному побережью — верно, хотели убраться восвояси. Но мы настигли их на полдороге, и они встали против нас на реке Глейн. Тебе знакома та местность?

— Не слишком.

— Она дикая и гористая, с густыми лесами и узкими речными долинами, которые змеятся, спускаясь с гор. Неудобные для боя места, но им тоже там было не развернуться, как и нам. Колгрим опять спасся, но теперь уже нет угрозы, что он задержится и соберет на севере новую рать. Он поскакал к морю. Не только из-за Лота, но и из-за Колгрима тоже король Бан не поехал сюда, хотя и был так любезен, что отпустил со мной Бедуира.

Он стоял теперь смирно, послушный рукам одевавшего его слуги. Но вот на него накинут новый плащ и пряжка застегнута на плече.

— Я рад,— коротко сказал он в заключение.

— Что Бедуир здесь? Понимаю.

— Нет. Что Колгрим опять спасся.

— Вот как?

— Он храбрый воин.

— Но все равно тебе придется его убить.

— Знаю. Ну а теперь...

Слуга отступил в сторону. Король стоял, облаченный в темно-серые одежды, плащ его был подбит роскошными мехами, меховой ворот обнимал шею. Из внутреннего покоя вышел Ульфин, в руках у него был резной ларец, где на вышитой подушке, переливаясь рубинами, покоился Утеров королевский венец. Такие же рубины искрились красным огнем на плече и груди Артура. Но когда Ульфин протянул ему ларец, Артур покачал головой.

— Сейчас не надо, мне кажется,— сказал он.

Ульфин захлопнул крышку ларца и вышел из комнаты вместе с облачавшим Артура слугой. Дверь затворилась. Артур еще раз нерешительно покосился на меня, опять напомнив мне Игрейну.

— Должен ли я так понимать, что она ожидает меня прямо вот сейчас?

— Да.

Он потрогал фибулу у себя на плече, уколол палец, чертыхнулся. И сказал с полуулыбкой:

— В таких делах ритуал, я думаю, еще не разработан? Как полагается себя вести, когда встречаешься с матерью, которая отказалась от тебя при рождении?

— А как ты встретился с отцом?

— Это другое дело, согласись.

— Да. Хочешь, я тебя ей представлю?

— Я как раз собирался об этом просить. Ну что ж, не будем откладывать. В некоторых случаях промедление ничего хорошего не сулит... А ты уверен насчет ужина? Я с рассвета ничего не ел.

— Уверен. Когда я выходил, как раз послали за новыми кушаньями.

Он набрал полную грудь воздуха, словно пловец перед тем, как прыгнуть в воду.

— Тогда пошли?

Она ожидала его, стоя у кресла в кругу света, падавшего от очага. Румянец прихлынул к ее щекам, и отблески пламени перебегали по лицу, окрашивая розовым даже белые складки покрывала. Сейчас, когда не видно было теней под сияющими глазами, она снова казалась молодой и прекрасной.

Артур остановился у порога. На груди у Игрейны голубыми искрами затрепетал сапфировый крест. Она приоткрыла губы, но так и не произнесла ни звука. Артур медленными шагами двинулся к ней, храня по-детски важный, напыщенный вид. Я шел

рядом, мысленно повторяя слова, которые должен был сказать королеве, но в конце концов обошлось вообще без моего вмешательства. Королева Игрейна, не раз выходившая с честью и из более трудных положений, все взяла в свои руки. Она устремила ему навстречу пронзительный взгляд, словно заглядывая в самую его душу, а затем присела до полу в реверансе и кротко произнесла:

— Милорд.

Он поспешно протянул руку, потом обе, поднял королеву на ноги. И, запечатлев на ее щеке короткий вежливый приветственный поцелуй, только задержал на мгновение в своих ее руки.

— Матушка,— произнес он как бы на пробу. Так называл он одну лишь Друзиллу, жену графа Эктора. И тут же с облегчением поправился: — Госпожа. Я весьма сожалею, что не имел возможности быть здесь, в Эймсбери, дабы приветствовать тебя по прибытии. Но с севера еще грозила опасность, Мерлин ведь объяснил тебе? Я прибыл, как только смог.

— Ты прибыл скорее, чем мы ожидали. Надеюсь, ты преуспел? И опасность от Колгримова войска миновала?

— Пока да. Во всяком случае, у нас есть время для передышки. И для того, чтобы сделать, что надо, здесь, в Эймсбери. Я сочувствую твоему горю и твоей потере, госпожа.— Он замолчал в минутной нерешительности, потом договорил с той безыскусной простотой, от которой, я видел, у нее полегчало на душе, а к нему вернулись уверенность и присутствие духа: — Я не стану притворяться, что сам я тоже горюю, как, может быть, полагается. Я ведь почти не знал его как отца, зато я всю жизнь знал о нем как о короле, и притом могучем. Подданные будут его оплакивать, и я как один из них — тоже.

— В твоих руках теперь их защита, как прежде была в его руках.

В наступившем молчании они смерили друг друга взглядом. Королева ростом чуть-чуть превосходила сына. Она, наверно, тоже заметила это, потому что сразу же пригласила его жестом занять кресло, где недавно сидел я, и сама тоже расположилась на вышитых подушках. Подбежал паж с вином, и все в зале зашуршали платьем, переводя дух. Королева заговорила о завтрашней церемонии; он отвечал ей уже свободнее, и скоро они разговаривали почти непринужденно. Но все-таки за этой придворной беседой чувствовался такой накал невысказанных чувств, самый воздух между ними был так полон напряжения, что, занятые друг

другом, они совсем забыли обо мне, и я стоял, словно слуга наготове у накрытого стола. Я взглянул на слуг, на фрейлин королевы: все глаза были устремлены на Артура. Мужчины смотрели с любопытством, кое-кто и со страхом (слухи уже достигли их ушей), у женщин к любопытству добавлялось еще что-то, а две юные фрейлины застыли, пламенея, как околдованные.

В дверях нерешительно переминался с ноги на ногу распорядитель двора. Встретившись со мною взглядом, он вопросительно поднял брови. Я кивнул. Тогда он приблизился к королеве и что-то прошептал ей, склонясь к ее уху, а она с облегчением кивнула и поднялась с кресла. Король тоже встал. Я заметил, что стол накрыт на троих, но когда распорядитель с поклоном подошел ко мне, я только покачал головой. После ужина им будет проще разговаривать, и, может быть, они захотят отослать слуг. Пусть лучше побудут одни. Поэтому я простился, хотя Артур и смотрел на меня чуть ли не с мольбой, и пошел назад в свою таверну, гадая по пути, оставили ли мне что-нибудь на ужин другие постояльцы.

Назавтра день был ясный, солнечный, облака разошлись и громоздились лишь у самого горизонта, а в вышине, совсем как весною, звенела песнь жаворонка. Ясная погода на исходе сентября часто приносит с собой заморозки и пронзительный ветер — а на свете не бывает более пронзительных ветров, чем на просторах Великой равнины,— но день Утеровых похорон словно прислала в подарок весна: веял теплый ветерок, голубело безоблачное небо и солнце золотило щедрыми лучами Хоровод Висячих Камней.

Обряд, свершаемый у могилы, занял много времени, гигантские тени Хоровода перемещались по земле, послушные передвижению солнца на небосводе, покуда наконец золотые лучи не упали точно в середину, и тогда смотри хоть себе под ноги, на зияющую могилу, хоть вдаль, где по краю равнины скользили, как воинские рати, тени облаков, но только не было сил смотреть внутрь Хоровода — там в лучах солнца столпились священники в богатых ризах и лорды в белых траурных одеждах, и все ослепительно сверкали драгоценностями. Для королевы был разбит шатер, и она стояла в его тени, окруженная придворными дамами, собранная и бледная, но без признаков болезни и усталости в лице. Мы с Артуром стояли в изножье могилы.

Но вот наконец все было кончено. Медленной процессией тронулись с места священники. Следом двинулся король со сво-

ими приближенными. Подходя к лошадям и паланкинам, мы услышали у себя за спиной глухой стук комьев земли по дереву. Но тут же, заглушая его, сверху раздались другие звуки. Я задрал голову: высоко в сентябрьском небе, свистя и перекликаясь, вереницей тянулись к югу быстрые черные птицы. Последняя стая ласточек, уносящих с собою лето.

— Будем надеяться,— негромко проговорил Артур, стоя рядом со мною,— что саксы возьмут с них пример. Мне и моим людям ох как нужна была бы эта зима, прежде чем возобновятся сражения. А потом еще столько дел в Каэрлеоне. Я бы сегодня же туда отправился, если бы только было можно.

Но уезжать ему — и всем нам с ним — было, конечно, нельзя до тех пор, покуда в Эймсбери оставалась королева.

Сразу после похорон она возвратилась в монастырь и больше на людях не показывалась, проводя дни в отдыхе или в обществе сына. Он бывал с ней, сколько позволяли дела, а тем временем в ее свите шли сборы для путешествия в Йорк, куда ее двор должен был выехать, как только королева почувствует себя в силах.

Артур прятал нетерпение, занимаясь учением солдат и подолгу совещаясь с друзьями и военачальниками. День ото дня он все более погружался в текущие и предстоящие заботы. Я почти не виделся ни с ним, ни с Игрейной, а все дни проводил у Хоровода Великанов, где под моим началом велись работы по установлению главного камня над королевской могилой.

Наконец на восьмой день после погребения Утера поезд королевы двинулся на север по Кунеционской дороге. Артур почтительно глядел ей вслед, покуда ее паланкин не скрылся из виду, а затем глубоко, с облегчением вздохнул и сразу же вывел свои войска из Эймсбери, проделав это так гладко и быстро, точно вытащил пробку из бутылки. Был пятый день месяца октября, лили дожди. Мы направлялись, как я сразу понял, к эстуарию Северна, чтобы, перебравшись через него, оказаться в Каэрлеоне, Городе Легионов.

Глава 4

Ложе Северна в месте переправы широкое, от устья вверх по красным глинистым отмелям набегают мощные потоки приливов. Мальчишки денно и нощно стерегут скот, потому что в красной глинистой топи в отлив может безвозвратно кануть целое стадо.

Когда же по весне или осени полые воды реки сталкиваются с водами высоких приливов, по эстуарию стеной идет волна, подобная той, что я наблюдал в Пергаме после землетрясения. Южный берег каменист и обрывист, северный заболочен, но на расстоянии полета стрелы от верхнего уреза вод начинается сухой галечник, отлого подымающийся к дубовому и каштановому редколесью.

Здесь, на склоне между деревьями, стали мы лагерем. Пока устраивали бивак, Артур в сопровождении Инира и Гвилима, королей Гвента и Дифеда, ходил в дозор, а после трапезы принимал у себя в шатре старейшин окрестных поселений. В лагерь во множестве наехали местные жители, желая увидеть нового молодого короля, среди них были и обитатели побережья — рыболовы, не знающие другого дома, кроме приморских гротов и утлых, обтянутых кожей плетеных челнов. И он говорил со всеми, от каждого принимая и жалобы, и поклонение. Послушав час или два эти беседы, я взглядом испросил позволения и вышел на волю. Давно уже не вдыхал я ароматный воздух родных холмов, к тому же поблизости находилось место, которое мне давно хотелось посетить. Это было знаменитое некогда святилище Ноденса, иначе — Нуаты Серебряной Руки, который у меня на родине известен как Ллуд или Билис, владыка Загробного царства, куда вратами служат полые холмы. Это он охранял меч, прежде так долго пролежавший в подземелье под храмом Митры в Сегонтиуме. Я достал тот меч и поручил его попечению, поместив посреди озера в подводном гроте, от века, как я знал, ему посвященном, и только потом перенес в Зеленую часовню. Я был перед Ллудом в долгу.

Святилище над Северном много древнее и храма Митры, и лесной часовни. Память о его закладке давно затерялась в веках, не сохранившись даже в песнях и сказаниях. Когда-то это была крепость на холме, и в ее стенах, наверно, был камень или ключ, посвященный божеству — покровителю духов умерших. Потом было открыто железо, и все римские века по окрестным склонам рыли железную руду. Должно быть, римляне первыми назвали этот крепостной холм Холмом Маленьких Человечков — по низкорослым смуглым жителям запада, которые добывали здесь железо. Рудники давно уже заброшены, но имя сохранилось, как сохранились и легенды о древнем народе, который скрытно обитает среди местных дубрав или же выходит толпой прямо из зем-

ли в те ночи, когда разыгрываются бури под звездными небесами и из полых холмов вырывается на волю черный король с бешеной свитой призраков и заколдованных душ.

Я поднялся позади лагеря на гребень холма и меж редких дубов побрел вниз к ручью, струящемуся по дну долины. Полная осенняя луна освещала мне путь. С каштанов уже опадали листья, плавно кружась и беззвучно опускаясь здесь и там на траву, но дубы сохраняли осенний убор, и воздух полнился шорохами и вздохами пожухлой листвы. Земля после дождя мягко пружинила и пряно пахла — было время осенней пахоты, время сбора орехов в лесу, время беличьих забот на пороге зимы.

Внизу на затененном склоне возникло какое-то движение. Зашуршали травы, послышался дробный стук, и — словно буря с градом пронеслась мимо — пробежало стадо оленей. Пробежало совсем близко от меня, я увидел, как луна высветила пятнистые бока и костяные кончики рогов. Как сверкнули влагой большие глаза. Среди оленей были и пестрые, и белые, точно пятнистые и серебряные призраки, и с ними летели их лунные тени. Олени пронеслись мимо меня, будто порыв ветра, свернули вниз, мелькнули между округлыми боками двух холмов, обогнули дубраву и пропали.

Белый олень почитается существом волшебным. Я верю в это. Я видел их дважды в своей жизни, и оба раза они были провозвестниками чудес. И эти, что промчались сейчас в лунном свете и скрылись в древесной тьме, тоже показались мне волшебными. Быть может, вместе с древним народом они сторожили холм, внутри которого спрятаны ворота в Загробное царство.

Я перешел ручей и поднялся по высокому склону к древним развалинам, которые чернели в вышине, венчая вершину холма. Тропа моя извивалась, обходя руины бывших бастионов, потом взяла круто вверх и подвела меня к воротам в высокой, поросшей плющом стене. Они были открыты. Я вошел.

Я очутился на просторном продолговатом крепостном дворе, занимавшем всю плоскую верхушку холма. В одном его конце разгоравшаяся луна высветила развороченные плиты, которыми некогда был вымощен двор, сквозь их трещины густо топорщилось черное былье. По обе длинные стороны двор ограждали высокие стены с обрушенными зубцами, короткие стороны замыкались некогда внушительными строениями, на их развалинах и сейчас еще кое-где держалась кровля. Ночью в лунном свете

постройки по-прежнему дышали мощью, колонны и крыши казались целыми. Лишь сова, бесшумно вылетевшая из верхнего окна, свидетельствовала о том, что они давно уже брошены человеком и разрушаются, чтобы снова стать землей.

А посередине двора стояло еще одно здание. Черный конек его крыши высоко поднимался в ночное небо, но окна слепо сквозили лунным светом. Это, я знал, был храм. А строения по краям — все, что осталось от древнего странноприимного дома, от ночлежных покоев, предназначенных для молельщиков и пилигримов; там были отдельные каморки без окон, знакомые мне по Пергаму, и в них люди спали, уповая на целительные сны и вещие видения.

Я пошел вперед, осторожно ступая по разбитым плитам. Что я найду в храме, мне было известно заранее: пыль, сор и стылые стены, как в Сегонтиуме в заброшенном святилище Митры. Но ведь может же быть и так, говорил я себе, поднимаясь по ступеням и входя в некогда грандиозный срединный портал, ведь может быть, что древние боги, родившиеся, как дубы и травы, как самые здешние реки, из земли, воздуха и вод нашей милой родины, окажутся цепче заезжих богов Рима. Вот, например, мой бог, как долгие годы верилось мне. А вдруг он все еще здесь, в этом бывшем храме, где гуляет ночной ветер да слышно шуршание леса?

Луна сквозь верхние окна и прорехи в крыше лила внутрь ослепительный холодный свет. Высоко вверх из стены выросло чахлое деревце, оно колыхалось под сквозняком, и от этого в темных глубинах шевелились лунные блики и резкие тени. Я словно попал в подводное царство: воздух, исполосованный тенями, холодил и гладил кожу, как вода. Мозаичный пол, покореженный сдвигами почвы, неровно мерцал наподобие морского дна, дивные морские твари на нем прихотливо извивались. А из-за разбитых стен доносился шелест леса — словно шипение пенных волн по песку.

Долго стоял я там немой и недвижный. Сова на бесшумных крылах возвратилась на свой насест под кровлей. Сник ночной ветер, перестали колыхаться текучие тени. Луна, плывя по небу, зашла за угол крыши, и дельфинов у меня под ногами скрыла темнота.

Ни звука, ни движения. Никто как будто бы не обитал здесь. Конечно, это ничего не значит, говорил я себе. Я, прежде могу-

щественный волшебник и прорицатель, выброшен силой прилива к божьему порогу и оставлен отхлынувшей волной на голом песке. Если бы тут и звучали голоса, мне их сейчас не услышать. Я такой же смертный, как те призрачные олени.

Я повернулся к выходу. И почуял запах дыма.

Не от жертвенных возжиганий, а от обыкновенного очага. И с ним еще слабые запахи варева. Они долетали с дальнего конца двора, из-за стены бывшего странноприимного дома. Я пересек двор, вошел под сохранившуюся высокую арку. И побрел на запах, а затем и на отдаленный свет пламени, покуда не очутился в небольшой комнатке, где бодрствующий пес встретил меня лаем, а двое спавших у огня людей спросонья вскочили на ноги.

Это были мужчина и мальчик — отец и сын, судя по внешнему сходству; бедняки, если верить их нищенским, рваным одеждам, но притом видно, что свободные люди, сами себе хозяева. Впрочем, в последнем я, как оказалось, ошибся.

Они действовали с быстротою страха. Рычащий пес — старый и дряхлый, сивомордый и с бельмом на глазу — не набросился, но и не отступил. Мужчина изготовился к бою, занеся руку с длинным ножом, наточенным и блестящим, как жертвенное орудие. А мальчик со всей отвагой своих двенадцати лет пошел на непрошеного гостя с поленом.

— Мир вам,— произнес я и повторил приветствие на их языке.— Я явился сюда, чтобы сотворить молитву, но никто мне не ответил, и тогда, почуяв дым, я пошел посмотреть, остались ли еще здесь божьи слуги.

Мужчина опустил нож, но по-прежнему сжимал его в руке, и пес не перестал рычать.

— Кто ты? — спросил мужчина.

— Всего лишь странник,— ответил я.— Мне много приходилось слышать про славное святилище Ноденса, вот я и воспользовался случаем его посетить. А ты — его хранитель, господин?

— Да. Ты ищешь, где переночевать?

— Нет, не ищу. А разве здесь по-прежнему можно получить ночлег?

— Иногда.

Он все еще смотрел с опаской. А мальчик, более доверчивый или просто разглядевший, что я безоружен, отвернулся и бережно положил полено в огонь. Пес же, умолкнув наконец, приблизился и ткнулся сивой мордой мне в ладонь. Кончик хвоста у него задергался.

— Он хороший пес и очень злой, только он старый и глухой,— сказал мужчина уже без враждебности.

Глядя на пса, он тоже убрал с глаз свой нож.

— И мудрый,— добавил я и погладил задранную собачью голову.— Он видит ветер.

Мальчик обернулся и посмотрел на меня расширенными глазами.

— Видит ветер? — удивленно переспросил мужчина.

— Разве ты не слышал этого про собак с бельмом? Хоть старый и неповоротливый, но он видит, что я пришел без злого умысла. Мое имя — Мирддин Эмрис, и я живу к западу отсюда близ Маридунума, что в Дифеде. Я был в странствии и сейчас на пути домой.— Я назвался ему на валлийский лад: имя волшебника Мерлина он, конечно, слыхал и трепетал перед ним, а страх — плохой товарищ.— Можно мне разделить с вами тепло вашего очага и не расскажешь ли ты мне о святилище, которое охраняешь?

Они потеснились у огня, мальчик принес из какого-то угла табурет. Я стал задавать вопросы, и постепенно мужчина совсем успокоился и разговорился. Его звали Мог, на самом деле это не имя, поскольку означает просто «слуга», но был некогда даже король, не гнушавшийся называться Мог Нуата, а сын моего собеседника получил имя и вовсе в честь императора. «Констант будет здесь слугой после меня»,— сказал Мог и стал с гордостью и грустью повествовать о славном прошлом заброшенного святилища: последний раз его перестроили и обновили по велению императора-язычника всего за полстолетия до ухода из Британии римских легионов. Исстари так повелось, что при святилище состоял хранителем «Мог Нуата», и не один, а со всем своим семейством. Но сейчас здесь только он, Мог, и его сын, а жена в отъезде: поехала с утра в город на базар и заночует у больной сестры.

— Ежели, конечно, еще найдется там место для ночлега,— добавил он ворчливо.— У нас тут со стены видать реку, я, как заприметил ладьи на переправе, послал мальчишку доглядеть. Целое войско, он говорит, прибыло, и молодой король с ними...— Он осекся и оглядел мой простой балахон и плащ.— А ты сам-то не солдат? Не с ними прибыл?

— Отвечаю «да» на твой второй вопрос и «нет» на первый. Что я не солдат, ты и сам видишь. Но состою при короле.

— Кем же? Писцом?

— Вроде того.

Он закивал головой. Его сын сидел скрестив ноги на полу рядом с собакой и слушал затаив дыхание. А отец продолжал расспрашивать меня:

— Ну и каков же он, этот юнец, которому король Утер передал, как говорят, свой меч?

— Он молод, но уже мужчина и доблестный воин. У него есть талант вести людей и довольно смысла, чтобы прислушиваться к речам старших.

Мог снова кивнул.

Не для этих людей легенды и прорицания, былая слава и светлое будущее. Они живут у себя на холме, отрезанные от мира вековыми дубами, и заняты лишь одной заботой. А что происходит где-то там, внизу, об этом они знают только понаслышке. Их холм от начала времен никогда не подвергался вражьим набегам. И Мог задал мне единственный вопрос, который имел для них значение:

— А он не христианин, этот молодой Артур? Не вздумает ли он порушить здешний храм во имя новомодного бога, или же он умеет уважать старину?

Я ответил ему успокоительно и от чистого сердца:

— Он будет коронован христианскими епископами и преклонит колени перед богом своих родителей. Но он — сын этой земли и знает ее богов и тех людей, что все еще служат прежним божествам на вершинах холмов, у источников и бродов.

Краем глаза я заметил на полке за очагом аккуратно расставленные фигурки, такие же приходилось мне видеть в Пергаме и в иных местах, где свершаются чудесные исцеления,— дары богам: маленькие слепки частей человеческого тела или образы животных и рыб, знаки мольбы или признательности.

— Вот увидишь,— заверил я Мога,— его рати пройдут здешними землями, не причинив разора; если же он сам сюда заглянет, то уйдет не прежде, чем сотворит молитву и оставит приношение божеству. Как делал в свое время я и сделаю нынче опять.

— Вот это разговор! — воскликнул мальчик с белозубой улыбкой.

Я тоже улыбнулся в ответ и опустил в его протянутую ладонь две монеты.

— На храм и для служителей его.

Мог что-то буркнул, мальчик Констант одним гибким движением поднялся на ноги и отошел к шкафчику в глубине комнаты. К огню он возвратился, держа в руках кожаный бурдюк и щербатую кружку. Мог поднял с пола свою кружку, и мальчик налил ему и мне.

— Твое здоровье,— сказал мне Мог.

Я ответил ему тем же, и мы выпили. Это был мед, крепкий и сладкий.

Потом Мог выпил еще и утерся рукавом.

— Ты спрашивал про стародавние времена, и мы ответили тебе как сумели. Теперь и ты, господин, поведай нам о недавних событиях на севере. Мы тут слышали только рассказы о битвах, о гибели королей и о воцарении новых. Верно ли, что саксы бежали? Верно ли, что король Утер Пендрагон долгие годы скрывал от всех юного принца и вдруг явил его на поле боя как гром среди ясного неба, и тот перебил один четыре сотни саксонских зверей волшебным мечом, который поет и пьет кровь?

И снова я стал рассказывать о том, как и что было, а мальчик подкладывал дрова, пламя вспыхивало с треском и заливало светом навощенные фигурки за очагом. Пес опять задремал, нежась у огня и положив старую голову мне на ногу. Я рассказывал, а бурдюк переходил из рук в руки, меду в нем все убавлялось, покуда наконец языки пламени не опали, угли рассыпались золой, и я кончил рассказ похоронами Утера и намерением Артура подготовить Каэрлеон к весенним боям.

Мой хозяин перевернул бурдюк, потряс его и сказал:

— Пуст. Никогда еще не случалось ему сослужить лучшей службы. Спасибо тебе, господин, за добрые вести. Мы здесь живем своей замкнутой жизнью, но ты ведь находишься в самой гуще дел и, конечно, знаешь, что события даже далеко в Британии,— он сказал это так, будто речь шла о чужой стране за сотни миль от его укромного обиталища,— могут и в глухих углах отозваться иной раз бедами и страданиями. Будем молиться, чтобы ты был прав насчет нового короля. Ты же можешь передать ему, ежели когда доведется тебе к нему приблизиться для беседы, что, покуда он будет верен нашей земле, здесь он найдет двоих, которые готовы быть и его слугами тоже.

— Передам.— Я встал.— Благодарю тебя за дружеский прием и питье. Прости, что потревожил твой сон. Теперь я ухожу, и ты сможешь к нему вернуться.

— Уходишь? Да ведь скоро уж рассвет. Двери твоего постоялого двора давно заперты, можешь не сомневаться. Или ты ночуешь в лагере? Но в таком случае дозорные тебя не пропустят, потребуют показать особый королевский знак. Лучше заночуй здесь. Нет, нет,— остановил он меня, когда я попробовал возразить.— У нас есть одна комната, она содержится в порядке, как в прежние времена, когда сюда съезжались люди со всего света, дабы переночевать и увидеть вещие сны. Там тепло и сухо и удобная постель, не во всякой таверне найдешь такой ночлег. Окажи нам благосклонность, останься.

Я стоял в нерешительности. Мальчик кивком подтвердил приглашение отца, глядя на меня сияющими глазами. И даже пес, который проснулся, когда я встал, приветливо завилял хвостом, зевая во всю пасть и потягивая затекшие лапы.

— Да-да, останься,— попросил мальчик.

Я понял, как для них важно, чтобы я согласился. Если я останусь, старому храму как бы возвратится толика былой святости — в бережно ухоженном покое, где давно уже никто не ночует, снова, как исстари, расположится на ночь заезжий человек.

— С радостью,— ответил я.

Констант, сияя, сунул в очаг палку, подождал, покуда конец ее займется, и позвал:

— Ступай за мной!

А отец его, снова укладываясь перед очагом, произнес мне вдогонку слова, которыми испокон веку провожали в этом священном месте ищущих исцеления:

— Спи крепко, друг, и да пошлет тебе бог сновидение.

Кто бы ни послал мне его, но сон я видел, и был этот сон вещий.

Мне приснилась Моргауза, которую я отослал из Лугуваллиума, от Утерова двора, наказав эскорту переправить ее через высокие Пеннины и невредимой доставить с почетом в Йорк, где находилась в то время ее единокровная сестра Моргана.

Сон мой был прерывистый — так в пасмурный день то проглядывают, то прячутся в бегущих облаках вершины гор. День, который мне снился, и был пасмурным. Мне привиделся отряд, скачущий по усыпанной гравием дороге сквозь ветер и дождь, и лошади оскользались на мокрых камешках, будто на глине. Вот кавалькада остановилась на берегу реки, взбухшей от обильных

дождей. Место показалось мне незнакомым. Дорога спускалась к воде там, где должен быть мелкий брод, но вместо брода сейчас по реке мчались, бурля, пенные потоки, обтекая островок, который разрезал воду, точно нос плывущего корабля. И вокруг не видно ни человеческого жилища, ни даже пещеры. А на том берегу дорога сворачивала к востоку и уходила, петляя среди мокрых деревьев, к предгорьям и отдаленным вершинам.

Сумерки быстро сгущались, похоже было на то, что отряду придется заночевать прямо на берегу в ожидании, пока спадет вода. Командир отряда, как видно, попытался объяснить это Моргаузе; я не слышал его речей, но вид у него был раздосадованный, и лошадь под ним, хоть и усталая, все время переступала ногами и взмахивала гривой. Я понял, что путь выбирал не он: из Лугуваллиума правильнее всего ехать по плоскогорью; от Брокавума на восток отходит прямая дорога, которая пересекает горный хребет под Вертерами. Крепость в Вертерах содержится в исправности и порядке, там отряд мог бы остановиться и переночевать, так что военный человек, уж конечно, избрал бы именно этот маршрут. Но они почему-то свернули на старую дорогу, которая отходит по взгорьям на юго-восток от перепутья пяти дорог у переправы через реку Льюн. Я там никогда не ездил. Эта дорога давно запущена, она идет вверх по долине реки Дубглас, потом через горные отроги и через главный пеннинский хребет по перевалу, который образуют реки Изара и Трибуит. Люди называют этот перевал Пеннинским проходом. Когда-то в прежние времена римляне его охраняли и дороги к нему содержали в исправности. Местность там дикая, необитаемая, но среди скал и голых вершин выше линии лесов есть пещеры, и в них живут древние люди. И если правда, что эту дорогу выбрала сама Моргауза, то интересно было бы узнать почему.

Тучи, туман; серые струи дождя; взбухшая река накатывает пенную волну с щепками на прибрежный песок под ивами вокруг островка. Потом тьма и разрыв во времени скрыли эту картину от моих глаз.

Когда я снова их увидел, они стояли вблизи перевала на горной тропе, справа от них вздымались отвесные скалы, слева открывался широкий вид на уходящие вниз леса, вьющуюся по дну долины речку и туманные холмы на той стороне. Отряд остановился у дорожного столба. Здесь тропа раздваивалась: одна уходила через перевал, а другая косо спускалась в долину, и там,

в отдалении, мерцали огни жилья. Моргауза указывала на них рукой, и видно было по всему, что у них идет спор.

Слышать я по-прежнему ничего не слышал, но о чем спорят, было ясно и без слов. Командир отряда подъехал к Моргаузе и, весь подавшись вперед, яростно толковал ей что-то, указывая на дорожный знак и на путь к перевалу. В позднем закатном свете обозначилось выбитое в камне и обведенное тенью слово: ОЛИКАНА. Цифр я разглядеть не мог, но смысл речей командира был ясен: глупо отказываться от верного приюта, который ждет их в Оликане, ради одинокого дома в долине (если огни и означают дом), где еще неизвестно, сможет ли расположиться весь отряд. Солдаты сгрудились у командира за спиной, и видно было, что они его поддерживают. А женщины, сопровождавшие Моргаузу, бросали на госпожу тревожные, даже можно сказать, умоляющие взоры.

Наконец Моргауза пожала плечами и уступила. Кавалькада перестроилась. Дамы, радостно улыбаясь, заняли свое место рядом с госпожой, и отряд пустился вскачь. Но не проскакали они и нескольких шагов, как вдруг одна из дам громко вскрикнула: Моргауза, уронив поводья на шею лошади, покачнулась и томно выставила перед собой руку, словно ища в воздухе опору. Снова раздались возгласы. Дамы подъехали к Моргаузе вплотную, поддерживая ее в седле. Командир повернул коня, поскакал назад к дамам, встал рядом с Моргаузой и обхватил ее одной рукой за талию, чтобы она не упала. Она привалилась ему на грудь и поникла недвижимая.

Тут уж ничего не оставалось, как признать свое поражение. Повернули лошадей и, оскользаясь по глинистой тропе, стали спускаться к далекому огоньку в долине. Моргаузу, плотно закутанную в меховой плащ, недвижную и чуть ли не бездыханную, командир отряда вез на руках.

Но я, знакомый с повадками ведьм, знал, что под меховой опушкой плаща на лице ее играет усмешка торжества, ведь люди Артура везли ее прямо туда, куда ей по тайным соображениям во что бы то ни стало хотелось попасть и где она теперь сможет провести ночь.

Когда завеса тумана снова раздвинулась, я увидел богато убранные спальные покои, золоченое ложе под багряным покрывалом и докрасна раскаленную жаровню, отбрасывающую алые блики на лицо женщины, возлежащей на подушках. Моргаузу

окружали те же дамы, что прислуживали ей и в Лугуваллиуме: молоденькая служанка по имени Линд, которая привела тогда Артура к ложу своей госпожи, и старуха, проспавшая ту ночь тяжелым дурманным сном. Девушка Линд казалась понурой и бледной: я вспомнил, что Моргауза со зла на меня приказала бить ее кнутом. Она прислуживала госпоже, опасливо поджав губы и опустив глаза долу, а старуха делала свое дело, едва переступая затекшими от долгой езды ногами, потирая застуженную поясницу и что-то беспрерывно ворча под нос, однако все время косилась через плечо: не слышит ли хозяйка? У Моргаузы же, как я и думал, не видно было ни малейших признаков недуга, ни даже усталости. Она лежала, откинувшись на алых подушках, щуря свои зеленые очи на что-то далекое и приятное за стенами покоев и улыбаясь той же самой улыбкой, что и тогда, рядом со спящим Артуром.

Должно быть, я проснулся здесь, разбуженный всплеском ненависти и печали, но, верно, рука божества все еще была на мне, потому что я снова уснул и очутился в тех же покоях. Прошло уже какое-то время, часы, даже дни — сколько потребовалось Лоту, королю Лотиана, чтобы принять участие в торжествах в Лугуваллиуме, собрать свое войско и отправиться той же кружной дорогой на юго-восток — в Йорк. Главные-то его силы, конечно, двинулись напрямую, но сам король с небольшим передовым отрядом свернул и поспешил к месту встречи с Моргаузой.

Что о встрече этой было условлено заранее, не вызывало теперь у меня никаких сомнений. Видно, принцесса известила Лота перед тем, как покинуть двор, а в пути медлила, принуждая свой эскорт продвигаться короткими переходами, и наконец, прикинувшись недужной, хитростью заставила остановиться в доме у верного человека. Я разгадал ее замысел. Не сумев получить власть через Артура, она заманила к себе на свидание Лота, надеясь ведьмовскими своими чарами завоевать его сердце, а заодно и положение при дворе своей сестры, его будущей супруги.

А еще минуту спустя я разглядел и те чары, что она пускала в ход: ведьмовские, бесспорно, но доступные каждой женщине. Снова передо мной были спальные покои, раскаленная жаровня отсвечивала теплом, а рядом на низком столике были расставлены яства и вина в серебряной посуде. Моргауза стояла у жаровни, и розовые блики скользили по ее белым одеждам и сливочной коже и искрились на длинных золотых волосах, ниспадавших

до пояса блестящими оранжевыми струями. Даже я, глядевший на нее с отвращением, не мог не видеть, как она хороша. Продолговатые золотисто-зеленые очи, опушенные золотыми ресницами, смотрели на дверь. Моргауза была одна.

Вдруг дверь распахнулась и вошел Лот. Король Лотиана был крупный темноволосый мужчина с горящим взором и могучими плечами. При этом он питал слабость к украшениям и весь искрился драгоценными камнями — перстни, браслеты, на груди цепь, усаженная желтыми топазами и аметистами. У плеча, где длинные черные волосы соприкасались с узлом плаща, сверкала драгоценная булавка витого золота с гранатом — похоже, что саксонской работы,— превосходная вещь, уж не подарок ли от Колгрима дорогому гостю? Волосы и плащ Лота были влажными от дождя.

Моргауза обратилась к нему с речью. Но я ничего не слышал. Мое видение открывало мне лишь жесты и краски. Она не кланялась, приветствуя Лота, и он, судя по всему, не ожидал от нее поклона. Он не выказал удивления этой встречей, а только что-то коротко проговорил и, нагнувшись над столом, плеснул из серебряного кувшина вина в кубок, да так торопливо и неосторожно, что алая влага пролилась на стол и стекла на пол. Моргауза засмеялась. Но Лот в ответ даже не усмехнулся. Он залпом выпил вино, словно сгорал от жажды, отшвырнул кубок на пол и, решительным шагом обойдя вокруг жаровни, протянул свои большие, грязные с дороги руки и, ухватив с двух сторон ворот ее платья, одним рывком разодрал его и оголил ее тело до пояса. А потом заключил ее в объятия и прижался ртом ко рту, словно голодный к пище. Он даже не потрудился затворить дверь: я увидел, как внутрь заглянула девушка Линд, привлеченная, должно быть, стуком брошенного кубка. Она, как и Лот, не выказала ни малейшего удивления, но остановилась в нерешительности, не сразу поняв, что происходит и не требуется ли госпоже защита от насильника. Но еще через мгновение она увидела и вместе с ней увидел я, как Моргауза разнеженно прижалась к Лоту полуобнаженным телом и, закинув ему за плечи голые руки, запустила пальцы во влажную черную гриву. Разодранное платье сползло вниз и упало бесформенной грудой к ее ногам. Моргауза что-то сказала, рассмеялась. Мужские руки скользнули по ее бокам. Линд отпрянула и закрыла дверь. А Лот поднял Моргаузу на руки и в четыре могучих шага очутился у ложа.

Вот это чары! Когда же они успели подействовать? За одну минуту возможно овладеть насильно женщиной, но соблазнить мужчину?.. Пусть я наивный глупец или кто угодно, но поначалу, окутанный туманами сна, я и в самом деле готов был предположить тут какое-то колдовство. У меня мелькнула мысль о любовном зелье, добавленном в вино, о кубке Цирцеи и мужах, обращенных в свиное стадо. И только позже, когда рука мужчины, протянувшись из постели, выкрутила фитиль в лампе и женщина, разомлевшая, улыбающаяся, приподнялась на алых подушках, натягивая на себя меховое одеяло, начал я подозревать правду. Он прошел босой к столику, ступая по своей разбросанной, изорванной одежде, налил себе еще кубок вина и сразу же осушил, а затем снова наполнил и отнес Моргаузе. А сам взгромоздился на ложе, сел рядом с нею, прислонившись к изголовью, и заговорил. И она, полусидя-полулежа у него на груди, слушала серьезно, кивала и пространно отвечала. Разговаривая, Лот рассеянно поглаживал одной рукой ее грудь жестом мужчины, которому довелось ласкать многих женщин. Но она-то, Моргауза, невинная дева с распущенными по плечам волосами и нежным, скромным голоском? Моргауза тоже не обращала внимания на его руку у своей груди. И только тогда, как удар стрелы в середину щита, мне открылась истина. Эти двое уже бывали здесь прежде. Им такая встреча не внове. Еще до того, как с ней возлежал Артур, она побывала в объятиях Лота, и неоднократно. Для них все это было так привычно, что они могли лежать вместе в постели и деловито, озабоченно рассуждать... О чем?

Об измене верховному королю, которого и он, и она имели свои причины ненавидеть. Моргауза издавна питала зависть к своей единокровной сестре, которой во всем должна была уступать, тайно соблазнила Лота и привлекла на свое ложе. Были у нее, надо полагать, и другие любовники. Потом Лот в Лугувалиуме сделал попытку захватить власть и потерпел поражение, и Моргауза, не предполагавшая, что Артур по снисходительности своей и силе снова примет Лота в союзники, бросилась укреплять свое положение через самого Артура.

Что же получилось? Владея магией, Моргауза, должно быть, знала, как и я, что в ту кровосмесительную ночь она зачала. Теперь ей нужен был супруг, а кто лучше Лота подходил для этой роли? Если бы ей удалось убедить его, что она носит его дитя, она бы еще, глядишь, отняла обманно у ненавистной младшей

сестры и мужа, и королевство и успела свить надежное гнездо для своего будущего кукушонка.

И похоже было на то, что дело у нее ладилось. Когда сквозь дымную пелену сна я снова ее увидел, она смеялась чему-то вместе с Лотом. Сбросив покровы, она уселась нагая на груду мехов, спиной к алому изголовью кровати. Розово-золотистые волосы окутывали ее наподобие шелковой мантии, а на голове красовалась корона Лота из белого золота, изукрашенная желтыми топазами и молочно-голубым жемчугом северных рек. Узкие ее глаза горели, как у мурлычущей кошки, а Лот, смеясь, поднимал кубок с вином, чтобы выпить, как можно было понять, за ее здоровье. Но рука его дрогнула, вино выплеснулось и потекло меж ее грудей, как красная кровь. Моргауза не пошевелилась, улыбка не сошла с ее лица, и король, наклонясь со смехом, стал слизывать языком кроваво-красную струю.

Дым сгустился. Я чуял его запах, словно находился там, где чадила горячая жаровня. А потом я с облегчением проснулся — вокруг стояла прохладная, тихая ночь, но отвратительный сон еще лип к коже, как болезненный пот.

На посторонний взгляд, в том, что я видел, словно бы и не было ничего отталкивающего. Женщина в расцвете красоты, мужчина ладен и могуч, и, если король Лот и принцесса Моргауза оказались любовниками, значит, она вправе ожидать, что станет королевой, и тянуться за его короной. Обыкновенная картина, каких много видишь летним вечером в кустах у дороги или за полночь в замковой зале. Но корона, даже корона такого короля, как Лот,— предмет священный, это мистический символ связи между богом и королем, королем и народом. И вид короны на этой распутной голове, в то время как обнаженная голова короля склоняется перед нею в скотском ничтожестве, был мне мерзок, как осквернение святыни.

Вот почему я поспешил встать, погрузил лицо в воду и смыл тягостное видение.

Глава 5

Когда к полудню следующего дня мы прискакали в Каэрлеон, ясное октябрьское солнце сушило землю, а в тени домов и заборов синел хрупкий иней. Над речкой, увешанные золотыми монетами листьев, застыли черные ветки ольшаника, словно стежки вышивки на бледно-голубом небе. Под копытами лошадей шуршала прихваченная изморозью листва. От лагерных кухонь уже тянуло свежевыпеченным хлебом и жарящимся мясом, и, вдыхая эти запахи, плывущие по воздуху, я вспомнил, как приезжал сюда когда-то вместе с мастером-строителем Треморином, который перестраивал лагерь по велению Амброзия и, хвала богам, предусмотрел в своих планах самые совершенные кухни.

Я поделился этими мыслями с моим спутником — им был Кай Валерий, мой давний знакомец,— а он согласился со мною и только проворчал:

— Будем надеяться, что король выберет время пообедать, прежде чем приступит к смотру.

— Ну, я думаю, в этом на него можно положиться.

— А как же, он ведь у нас еще растет.

Это было сказано любовно и без тени высокомерия и особенно трогательно прозвучало в устах Валерия, ветерана, сражавшегося в войске Амброзия при Каэрконане, потом в войске Утера и, наконец, бившегося вместе с Артуром на реке Глейн. Если такие люди, как Валерий, относились к юному королю с уважением и принимали его верховенство, значит, цель моей жизни уже достигнута. Мысль эта явилась мне, не принеся ни горечи, ни печали, но лишь спокойное чувство облегчения, мне прежде незнакомое. И я подумал: значит, старею.

Я спохватился, что Валерий задал мне какой-то вопрос.

— Прости,— сказал я.— Задумался. О чем ты спрашивал?

— Я спросил, пробудешь ли ты здесь до коронации?

— Едва ли. Какое-то время я ему буду нужен, раз он затевает перестройку. Но после Рождества надеюсь, что смогу уехать. Впрочем, на коронацию я возвращусь.

— Если, конечно, саксы не помешают нам ее отпраздновать.

— Правда твоя. Откладывать до Пятидесятницы, казалось бы, рискованно, но таково решение епископов, и король правильно делает, что не вступает с ними в спор.

Валерий усмехнулся:

— Кто знает, может быть, если они очень напрягутся и помолятся получше, Господь пойдет им навстречу и задержит весеннее наступление саксов. До Пятидесятницы, ты говоришь? Они что же, надеются опять на небесный огонь? И на то, что в этот раз он падет по их слову? — Он искоса взглянул на меня.— Как полагаешь?

Я знал легенду, на которую он намекал. После того как в Гиблую часовню снизошло белое пламя, христиане стали рассказывать, что будто бы однажды в день Пятидесятницы с неба упал огонь и испепелил служителей прежнего бога. Я не считал нужным опровергать такое истолкование событий в Гиблой часовне, важно было, чтобы христиане, чья сила постоянно росла, признали в Артуре богоизбранника. К тому же кто знает, может быть, они и правы.

Валерий все еще ждал моего ответа. Я улыбнулся.

— Полагаю только, что если им известно, от чьей руки пало то пламя, значит, они знают более, нежели я.

— Да уж беспременно так,— с легкой насмешкой в голосе сказал Валерий.

В ту ночь, когда Артур в Гиблой часовне поднял из пламени меч, Валерий нес дозорную службу в Лугуваллиуме, но о том, что там произошло, как и все в городе, конечно, слышал. И, как и все, предпочитал об этом не распространяться.

— Так ты, стало быть, после Рождества от нас уезжаешь? И куда же, если дозволительно знать?

— Поеду к себе в Маридунум. Я не был там пять... нет, шесть лет. Слишком много времени прошло. Посмотрю, как там дела, приведу все в порядок.

— Смотри только возвратись ко дню коронации. Тут на Пятидесятницу такое будет, обидно пропустить.

На Пятидесятницу, подумал я, уже подойдет ее время. И вслух сказал:

— Что верно, то верно. С саксонской помощью или без нее, но будут жаркие дела.

После этого мы разговаривали о других предметах, пока не достигли отведенных нам покоев, где нам было передано повеление короля присоединиться к нему за трапезой.

Каэрлеон, римский Город Легионов, последний раз был перестроен Амброзием, и с тех пор в нем стоял гарнизон и поддерживался исправный порядок. Теперь Артур вознамерился расширить его чуть ли не до первоначальных размеров и сделать его не только крепостью, но одновременно еще и королевским замком. Дело в том, что город Винчестер, старая резиденция королей, теперь оказался в чересчур близком соседстве с землями

союзных саксов и занимал весьма уязвимое положение на реке Итчен, по которой и в прежние годы уже не раз поднимались саксонские ладьи. Правда, у британцев был еще Лондон, расположенный так высоко по течению Темзы, что саксы до сих пор не появлялись под его стенами, но в Утеровы времена их ладьи проникали до самых Вагниаций, а Рутупии и остров Танет уже давно находились в их руках. Так что и Лондон был под угрозой, год от года все растущей, и после воцарения Утера стал постепенно — сначала незаметно, а потом все быстрее — приходить в запустение. Теперь этот город переживал черные дни: многие дома разрушились от старости и небрежения, повсюду зияла нищета, рынки переместились в другие города и люди, кто побогаче, перебрались тоже. Никогда больше этому городу не бывать столицей, говорили в народе.

И вот, впредь до того времени, когда будет возведена новая твердыня, способная противостоять вторжению с Саксонского берега, Артур решил обосноваться в Каэрлеоне. Такое решение само напрашивалось. Крепость Каэрлеон находилась в восьми милях от столицы Инира Гвентского, в излучине реки, но выше уровня паводков, с тыла ее надежно прикрывали горы, а с востока простирались болота — там проходил водораздел между реками Иска и Авон-Луид. Правда, сила Каэрлеона оказывалась в то же время и его слабостью: отрезанный со всех сторон, он мог защищать лишь малый кусок Артуровых владений. Однако в качестве временного опорного пункта в стратегии подвижной обороны, принятой Артуром, он годился как нельзя лучше.

Всю ту зиму я провел рядом с Артуром. Раз как-то он у меня спросил, шутливо вздернув бровь, не собираюсь ли я его покинуть ради своих полых холмов, но я только ответил: «Позже», и больше мы к этому не возвращались.

О сне, который мне привиделся в храме Ноденса, я ему не рассказывал. У него и без того было много забот, и я радовался, что он как будто бы забыл о возможных последствиях той ночи с Моргаузой. Будет еще время вернуться к этому, после того как придут из Йорка вести о бракосочетании.

И вести пришли, когда при дворе в самом разгаре были сборы к отъезду в Йорк на свадебные торжества. Королю прибыло длинное письмо от королевы Игрейны и с этим же гонцом — письмо ко мне, но я был на берегу, и мне принесли его туда.

С утра я был занят тем, что надзирал за прокладкой будущего подземного хода, потом работы были прерваны для полуденной трапезы, солдат, проходивших учение на плацу рядом с древним амфитеатром, тоже распустили, и солнечный зимний день, подернутый жемчужной дымкой, наполнился тишиной.

Я поблагодарил гонца, подождал, держа письмо в руке, покуда он ушел. И только тогда сломал печать.

Мой сон сбылся. Лот и Моргауза сочетались браком. Королева Игрейна еще не доехала до Йорка, когда получила известие, что любовники вступили в брачный союз. Я прочел между строк о том, как Моргауза въехала в город вместе с Лотом, распаленная своей победой и украшенная его драгоценностями; как город, раз уже все равно были сделаны приготовления к королевской свадьбе и приезду самого верховного короля, проглотив разочарование, все же устроил от своих северных щедрот свадебный пир. Король Лотиана, писала Игрейна, был с нею кроток, он всем влиятельным городским мужам преподнес подарки, так что прием ему был оказан достаточно теплый. А Моргана (с удовлетворением сообщала королева), Моргана не выказала ни малейшей обиды или досады. Она рассмеялась в голос, а потом поплакала от явного облегчения. И на свадебный пир явилась в ярко-алом платье и веселилась больше всех, а ведь Моргауза (с памятной мне язвительностью заключала Игрейна) не снимала своей новенькой короны с утра и до самого сна.

Сама королева, как я почувствовал, тоже была скорее рада такому повороту событий. К Моргаузе она, по понятным причинам, любви не питала, а Моргана была ее родной дочерью, ее она растила и пестовала, и, хотя подчинилась выбору короля Утера, этот брак с черным волком севера был им с Морганой обеим очень не по душе. А Моргане, может быть, даже было известно про жениха больше, чем матери. Зная Моргаузу, я бы не удивился, если бы оказалось, что та успела похвастаться перед сестрой своей близостью с королем Лотом.

Игрейна об этом, похоже, не подозревала — как и о беременности невесты, возможно, послужившей причиной столь поспешного бракосочетания. Оставалось надеяться, что и в письме к Артуру про это тоже не было речи. Ему сейчас и так хватало хлопот, для распрей и бед еще придет время в будущем. Прежде ему следовало короноваться и иметь свободные руки, чтобы заняться

грандиозной задачей войны, нельзя было связывать его тем, что является заботой женщин — и что должно было в скором времени стать также моей заботой.

Артур швырнул письмо на стол. Он гневался, это было видно, однако старался сдерживаться.

— Ну? Ты, конечно, об этом знаешь?

— Да.

— И давно ли?

— Королева, твоя мать, прислала мне письмо. Я его только что прочел. Полагаю, в нем сообщается то же, что и в твоем.

— Я не об этом спрашиваю.

Я мягко сказал:

— Если ты спрашиваешь, знал ли я, что это должно случиться, я отвечу: да.

Нахмуренные, злые глаза вспыхнули.

— Ах вот как! Почему же не сказал мне?

— По двум причинам. Потому, что ты был занят более важными делами, и потому, что я не был полностью уверен.

— Ты? Не был уверен? Что ты такое говоришь, Мерлин?

— Артур, все, что я про это знал или подозревал, открылось мне во сне несколько недель назад. То не был волшебный или вещий сон, а как бы смутный ночной морок, вызванный избытком выпитого вина или слишком упорными, неожиданными мыслями об этой ведьме, ее хитростях и чарах. И не только она не шла у меня из головы, но и король Лот тоже. Вот мне и привиделись они вместе, и она примеряла его корону. Достаточное ли это основание, как ты полагаешь, чтобы явиться к тебе с докладом, от которого при дворе начался бы переполох, а ты бы сорвался с места и бросился на север, ища с ним ссоры?

— Раньше было бы достаточным.

Его рот был растянут в упрямую, гневную линию. Я понимал, что этот гнев порожден беспокойством, не ко времени пришли к нему сомнения в верности Лота.

— То раньше,— ответил я,— когда я был прорицателем короля. Нет, нет,— добавил я, увидев его быстрый жест,— я твой по-прежнему. Но только я уже больше не прорицатель, Артур. Я думал, ты понимаешь.

— Откуда? И что вообще это значит?

— Это значит, что в ту ночь под Лугуваллиумом, когда ты поднял меч, который я для тебя одел белым пламенем, моя сила снизошла на меня в последний раз. Ты не видел часовню потом, когда пламя погасло и все разошлись. Камень, на котором покоился меч, разбился, все священные реликвии погибли. Сам я уцелел, но сила во мне выгорела, и думаю, что навсегда. Огонь выгорает, и остается прах, Артур. Возможно ли, что ты этого не понял?

— Откуда мне было понять? — повторил он, но уже совсем иным голосом: не зло, не резко, а медленно и задумчиво. Подобно тому как я после Лугуваллиума почувствовал себя постаревшим, так Артур вдруг раз и навсегда повзрослел.— По виду ты ничуть не изменился. Так же ясно все понимаешь и выражаешься уверенно, ну прямо оракул.

Я засмеялся.

— А ведь оракулам ясность вовсе не свойственна. Вещие старухи или безумные девственницы, бормочущие что-то в клубах дыма. Если я выражался ясно и уверенно, то лишь потому, что ко мне обращались за советом по делам, в которых я знаю толк, не более того.

— Не более того? Казалось бы, довольно и этого для любого короля, даже если иной мудрости он бы от тебя не услышал... Но теперь я, кажется, понял. С тобой произошло то же, что и со мной: грезам и видениям пришел конец и дальше надо жить по простым людским законам. Мне бы следовало это понять, ты вот меня понял, когда я сам отправился преследовать Колгрима.

Он подошел к столу, на котором лежало письмо Игрейны, и оперся кулаком на мраморную столешницу. Нахмуренные его глаза, ничего не видя, смотрели вниз. Но вот он поднял голову.

— А как же все эти годы, которые у нас впереди? Война предстоит нешуточная, и конца ей не будет ни в этом году, ни в следующем. Не хочешь же ты сказать, что от тебя мне больше помощи ждать нечего? И я имею в виду не военные машины и не твои познания во врачебном искусстве. Я спрашиваю тебя, будет ли мне помощь от твоей магии, о которой рассказывают мои солдаты, помощь, которую получали от тебя Амброзий и мой отец?

Я улыбнулся.

— А, это. Конечно.— Я понял, что он думал о том воздействии, какое оказывали мои пророчества и подчас самое мое присутствие на боевые полки.— В армии что думали обо мне раньше, то будут думать и впредь. И нет нужды в дальнейших пророчествах по поводу войн, которые ты теперь начинаешь. Ни тебе, ни твоим солдатам не понадобятся напоминания. Все помнят мои слова. На просторах Британии тебя и твоих воинов ждет слава, добытая в боях. Ты одержишь победу и раз, и два и в конце концов — далеко ли до этого конца, мне неведомо — восторжествуешь. Вот что я сказал тебе, и это правда. Для побед тебя взрастили и обучили — ступай же и делай свое дело, а мне предоставь заниматься моим делом.

— Что же это за дело теперь, когда ты выпустил в небо своего орленка, а сам остался на земле? Ждать, пока я восторжествую, чтобы потом помогать мне в строительстве?

— Да, со временем и это. Но пока что я должен распорядиться делами иного свойства.— Я указал на смятое письмо королевы.— После Пятидесятницы я, с твоего позволения, отправлюсь на север, в Лотиан.

Я увидел у него на щеках легкий румянец облегчения. Что я там намерен делать, он не стал спрашивать, а только проговорил, помолчав:

— Буду рад. Ты сам знаешь. Нам с тобой ведь незачем обсуждать причины того, что произошло?

— Незачем.

— Ты был, конечно, прав. Как всегда. Она искала власти, а как ее получить, ей было безразлично. И как, и где. Теперь мне это ясно. И я могу только радоваться, что свободен ныне от ее притязаний.— Легким мановением руки он отмел Моргаузу с ее происками.— Но две вещи остаются. Главное — что я все еще нуждаюсь в Лоте как в союзнике. Ты был прав — в который раз! — что не рассказал мне свой сон. Я бы тогда с ним поссорился. А теперь...

Он не договорил и только пожал плечами. Я кивнул:

— А теперь ты признаешь его брак с твоей единокровной сестрой и будешь считать его залогом верности Лота твоему знамени. Королева Игрейна, сколько можно судить, повела себя мудро, и твоя сестра Моргана, как кажется, тоже. В конце концов, сначала-то король Утер задумал именно этот брак. А как да почему он осуществился, теперь уже не важно.

— Тем более,— подхватил Артур,— что Моргана, оказывается, вовсе не огорчена. Вот если бы она оскорбилась... И это вто-

рой вопрос, который я хотел с тобой обсудить. Впрочем, и вопроса-то никакого нет. Королева намекала тебе, что Моргана не выказала иных чувств, кроме облегчения?

— Да. И я допросил гонца, привезшего письма из Йорка. Он говорит, что в Йорке находился Урбген Регедский, прибывший на королевскую свадьбу, и Моргане было не до Лота, она не спускала глаз с Урбгена.

Урбген был теперь королем Регеда, старый король Коэль Регедский умер вскорости после битвы у Лугуваллиума. Его наследник был мужчина лет под пятьдесят, но славный воин и все еще могуч и хорош собой. Он года три как овдовел.

Артур оживился.

— Урбген Регедский? А что, это было бы дело! Я бы с самого начала остановил свой выбор на нем, да только, когда сговаривали Моргану за Лота, Урбгенова жена была еще жива. Так, значит, Урбген... Он да Маэлгон Гвинеддский — это доблестнейшие бойцы севера, а что до его верности, то в ней никогда не возникало сомнения. За этими двумя королями север будет как за каменной стеной, и тогда...

Я договорил за него:

— Тогда Лот и его королева пусть делают все, что им вздумается?

— Вот именно. Но возьмет ли ее Урбген, как ты полагаешь?

— Он почтет себя счастливцем. И думается мне, ей будет за ним лучше, чем было бы за тем, другим. Так что жди в скором времени нового гонца. Я не пророчествую, а просто умозаключаю.

— И тебе не обидно, Мерлин?

То был вопрос короля, человека, как и я, умудренного жизнью, умеющего видеть дальше своих собственных ближайших забот и способного понять, каково мне дышится в безжизненном пространстве на месте сада, где прежде обитали божества.

Я ответил ему, немного подумав:

— Сам не знаю. Так уже бывало и раньше, приходили сонные времена, приливы сменялись отливами, но не на пороге великих событий. Я не привык чувствовать себя бессильным и признаю, что это мне не по душе. Но один урок я крепко усвоил, пока бог был со мной, урок доверия,— я научился полагаться на его волю. Я уже стар и могу жить в покое, а при взгляде на тебя я вижу, что выполнил свое предназначение. Чего мне грустить? Буду сидеть на холме и поглядывать сверху на то, как ты продолжаешь мое дело. Такова награда старости.

— Старости? Ты говоришь, как седобородый дед. Сколько тебе сравнялось?

— Немало. Скоро сорок.

— Ну, знаешь ли...

И так, со смехом, мы обогнули этот острый угол. Потом он подвел меня к столу под окном, где стоял изготовленный мною макет нового Каэрлеона, и начал обсуждать со мной его. О Моргаузе больше не было сказано ни слова, и я подумал: вот мы говорили о доверии, но как же он безоглядно полагается на меня! Если я не оправдаю этого доверия, то воистину останусь только тенью, только именем, а меч Британии у меня в руке — всего лишь горькой насмешкой.

Когда я попросил его изволения на поездку в Маридунум после Крещения, он ответил рассеянным согласием, мысли его уже были заняты насущными заботами завтрашнего дня.

Пещера, которую я получил в наследство от отшельника Галапаса, находилась в шести милях к востоку от Маридунума, города, охраняющего устье реки Тиви. В нем некогда жил мой дед, король Дифеда, и мне, незаконному королевскому отпрыску, росшему в небрежении при его дворе, позволялось бродить на свободе по окрестным холмам. Так я познакомился и подружился с мудрым старым отшельником, который жил в пещере на холме Брин-Мирддин, посвященном богу небес Мирддину, владыке света и воздушных пространств. Галапас давно уже умер, но я со временем сам поселился в его пещере, и люди, как повелось исстари, приходили к целительному источнику Мирддина и получали от меня лечебные снадобья и наставления. Скоро я превзошел в лекарском искусстве моего старого учителя, и одновременно пошла слава о моей силе, которую люди зовут волшебной, а холм стал называться в народе Холмом Мерлина. Простые люди, кажется, даже считали, что я и есть сам Мирддин, хранитель целебного источника.

На реке Тиви, в том месте, где от проезжей дороги отходит тропа на Брин-Мирддин, стоит водяная мельница. Подъехав к реке, я увидел причаленную к берегу большую баржу. Ее притащила вверх по течению здоровая гнедая лошадь, которая теперь паслась на скудной зимней траве, а молодой крепкий мужчина

тем временем сгружал на пристань тяжелые мешки. Он работал в одиночку, хозяин баржи, должно быть, находился на мельнице, где утолял жажду с дороги, но там и было работы всего на одного: перетаскать дюжину мешков с зерном, присланных на мельницу для помола. Под ногами у мужчины вертелся малыш лет пяти и неумолчно болтал на смеси наречий — валлийского и еще какого-то, знакомого мне, но искаженного, да еще дитя шепелявило, так что я сначала не мог разобрать, что это за язык. Но вот мужчина ответил ему на том же языке, и тогда я узнал и язык, и его самого. Я натянул поводья.

— Стилико! — окликнул я его.

Он опустил мешок на землю и обернулся, а я добавил на его родном языке:

— Мне бы следовало предупредить тебя загодя, но не было времени, я не предполагал, что так скоро попаду сюда. Как живешь?

— Господин!

Минуту он стоял в растерянности, потом бросился со всех ног через заросший мельничный двор, выбежал на дорогу, обтер ладони о штанины, схватил мою руку и поцеловал. В глазах у него блеснули слезы, и это меня растрогало. Стилико родился на Сицилии и был моим рабом, когда я путешествовал за морем. В Константинополе я дал ему свободу, но он по своей воле остался со мной, приехал вместе со мной в Британию и прислуживал мне, пока я жил в Брин-Мирддине. Когда же я уехал на север, он женился на мельниковой дочери Мэй и поселился с ней в долине на мельнице.

Он высказал свое приветствие на той же смеси языков, на какой лопотал ребенок, видно от волнения разучившись говорить на языке здешних валлийцев. А малыш подошел за ним следом и уставился на меня, держа палец во рту.

— Твой? — спросил я.— Славный мальчик.

— Старшенький,— ответил он гордо.— Они у меня все мальчики.

Я удивленно поднял брови.

— Все?

— Только трое,— ответил он с простодушием, так хорошо мне знакомым,— и четвертый на подходе.

Я засмеялся и поздравил его, пожелав ему еще одного крепыша мальчугана. Эти сицилийцы плодовиты, как мыши, но, по

крайней мере, Стилико не придется, как вынужден был его отец, продавать в рабство кого-то из своих детей, чтобы прокормить остальных. Мэй была у мельника единственной дочерью и должна была получить неплохое наследство.

Уже получила, как я тут же узнал. Мельник два года как умер, он страдал от камней и не хотел ни лежать, ни лечиться. Теперь, после его смерти, мельником стал Стилико.

— Но твое жилище содержится в порядке, господин. Либо я, либо паренек, мой работник, что ни день ездим туда, доглядываем, все ли на месте. Никто, понятно, ничего не тронул, лихой человек не осмелится туда войти, все, как ты оставил, так и есть, вот увидишь, чисто, проветрено... только вот еды там, конечно, сейчас нет. Так что, если ты хотел ехать прямо туда...— Он замялся, и я понял, что он опасается оказаться навязчивым.— Не окажешь ли нам честь, милорд, провести эту ночь у нас? В пещере тебе сегодня будет холодно, да и сыро, хоть мы и разжигали раз в неделю, как ты велел, угли в жаровне, чтобы не заплесневели книги. Переночуй здесь, милорд, а парень съездит, разведет огонь, утром же и мы с Мэй можем поехать...

— Ты очень любезен,— ответил я,— но холода я не боюсь, да и огонь разведу сам, и, может быть, даже скорее, чем твой работник, как ты думаешь?

У него стало такое лицо, что я не сдержал улыбки: он не забыл того, что повидал, пока состоял в услужении у колдуна.

— Так что спасибо тебе, но я не буду обременять Мэй, разве только прихвачу у нее немного еды. Я бы отдохнул здесь, потолковал с тобой, познакомился бы с твоим семейством и засветло уехал бы к себе наверх. Что мне с собою понадобится, я захвачу сам, а завтра вы приедете и привезете остальное.

— Да, да, конечно... Пойду скажу Мэй. Она будет очень рада... польщена...

Я уже успел заметить в окне бледное лицо с расширенными глазами. Она будет очень рада, я знал, когда страшный принц Мерлин уберется наконец подобру-поздорову. Но я устал с дороги и к тому же уловил носом аппетитный запах кипящей похлебки, которой, уж конечно, достанет на одного лишнего едока. Простодушный Стилико между тем и сам заверял меня:

— В горшке как раз варится жирная курица, так что все очень удачно. Войди же в дом, погрейся и отдохни до ужина. Бран по-

заботится о твоей лошади, а я пока перетаскаю с баржи последние мешки и отпущу ее обратно в город. Входи, милорд, добро тебе пожаловать обратно в Брин-Мирддин.

Сколько раз я подымался из долины к себе в Брин-Мирддин, но почему-то особенно ясно запомнил именно эту вечернюю поездку. В ней не было ничего сверх обычного, просто возвращение домой, и только.

Но и до сего мига, когда я пишу эти строки, каждая черточка живо сохранилась у меня в памяти. Гулкие удары лошадиных копыт по стылой зимней тропе, шорох сухой листвы и треск хрупких сучков под ногами, полет вальдшнепа, хлопки крыльев вспугнутого голубя. Вот солнце, низкое и спелое, каким оно бывает перед приходом тьмы, осветило палый дубовый лист под деревом, присыпанный изморозью, точно алмазной крошкой; из кустов остролиста с шумом и щебетом выпорхнула птичья стайка, кормившаяся терпкими ягодами; пахнуло влажным можжевельником, золоченная лучом заката, блестит запоздалая ветка цветущего дрока, а чистый и прозрачный воздух уже звенит ночным морозцем, как тонкий хрусталь, и на землю ложится иней.

Я привязал лошадь под навесом у подножия скалы и взобрался к входу в пещеру по крутому травянистому склону. Вот она, моя пещера, в ней царит глубокое безмолвие, и так знакомо пахнет, и недвижный воздух лишь чуть-чуть колышется в такт бархатному трепету под каменным куполом потолка, где летучие мыши, признав мои шаги, остались висеть невидимыми гроздьями, ожидая наступления темноты.

Стилико сказал правду: здесь чувствовался постоянный пригляд, было сухо и проветрено, правда, сейчас холоднее даже, чем снаружи, но это дело поправимое. Жаровня стояла готовая — только разжечь, а у самого входа, в открытом очаге, были сложены сухие дрова. С обычного места на полке я взял трут и кремень. В прежние годы я редко прибегал к их помощи, но теперь высек огонь, и скоро в очаге уже полыхало жаркое пламя. Не знаю, может быть, помня печальный прошлый опыт, я побоялся испытывать даже эту, простейшую свою силу. Но, по-моему, я руководствовался осторожностью, а не страхом: если еще осталась у меня чудесная сила, то лучше сберечь ее на более важные дела, чем разжигание огня для собственного согрева. Проще вызвать бурю с ясного неба, чем управлять сердцами людей, мне же, если меня не обманывало внутреннее предчувствие, в скором времени понадобятся все мои силы для единоборства с женщиной, а тягаться с женщиной настолько же труднее, чем с мужчиной, насколько увидеть воочию воздух труднее, чем гору. И потому я разжег жаровню возле своего ложа и растопил очаг у входа, затем разобрал седельные сумки и вышел с кувшином к источнику за водой. Тонкая струйка, журча, выбегала из-под поросшей папоротником скалы и стекала по изукрашенному морозными узорами ложу, собираясь капля за каплей в округлую каменную чашу. Во мхах над чашей стоял, искрясь инеем, идол бога Мирддина, хранителя небесных путей. Я отлил ему несколько капель возлияния и вернулся в пещеру — посмотреть на свои книги и снадобья.

Все было в полной сохранности. Даже заготовленные травы в банках, перевязанных и запечатанных, как я научил Стилико, казались совсем свежими. Я снял покровы с большой арфы, стоящей в глубине пещеры, и, перенеся ее ближе к очагу, настроил струны. Затем, приготовив себе постель, нагрел немного вина и выпил его, сидя у пляшущего в очаге пламени. И наконец, расчехлив малую ручную арфу, которая сопровождала меня во всех моих странствиях, отнес ее и поставил на старое место в хрустальном гроте. Это было небольшое круглое углубление, открывающееся внутрь главной пещеры. Вход в хрустальный грот расположен высоко в задней стене пещеры, и каменный выступ снизу закрывает его от глаз. Для меня, когда я был мальчиком, это были врата видений. Здесь, под толщей холма, в одиночестве среди тьмы и безмолвия, бездействовали все чувства, кроме внутреннего, умственного зрения. И царила глубокая тишина.

Лишь иногда, вот как сейчас, когда я ставил арфу, раздавался еле слышный шелест струн. Эту арфу я сам смастерил в юности и так чутко натянул струны, что они отзывались на легчайшие дуновения воздуха. То были звуки таинственные, порой прекрасные, но как бы за пределами доступной человеку музыки, подобно тому как песня серого тюленя на прибрежной скале прекрасна, но в ней звучит голос стихии ветра и волн. Моя арфа тихонько пела про себя, сонно и нежно гудела — так мурлычет от удовольствия кот, располагаясь в тепле у родного очага.

— Отдыхай,— сказал я ей, и на звук моего голоса, отразившийся от кристальных стен, снова зашелестели ее струны.

А я вернулся к яркому огню и черному небу, блиставшему алмазами звезд в отверстии пещеры. Поставив перед собой большую арфу, я — сначала нерешительно, а потом все увереннее — заиграл и запел:

Отдохни, волшебник, пока догорает огонь,
Гаснут дали и край небес пропадает вслед за солнцем.
Довольствуйся малой искрой
В очаге, и запахом пищи,
И дыханием мороза за порогом.
Здесь твой дом и все тебе знакомо:
Кружка, деревянная миска, одеяло,
Молитва, возлияние богу и сон.
(И музыка, говорит арфа,
И музыка.)

Глава 6

С наступлением весны пришли неизбежные беды. Колгрим, пробравшись украдкой вдоль восточного побережья на юг, высадился в старых пределах союзных саксов и стал собирать свежие силы взамен разбитых при Лугуваллиуме и на берегу Глейна.

Я к этому времени уже возвратился в Каэрлеон и был занят заботами о создании подвижного конного войска, что еще зимой задумал Артур.

Впрочем, сама эта мысль, при всей ее важности, была не нова. С тех пор как на юго-восточной оконечности острова, согласно договорам, осели союзные саксы, а весь восточный берег ежечасно был под ударом, держать постоянную и жесткую линию обороны стало невозможно. Существовали, конечно, кое-какие старые оборонительные сооружения, самое крупное из них — Амброзиев вал (я не говорю здесь об Адриановом вале: он никогда не предназначался для одних только оборонных целей и уже во времена Максена от него пришлось отступиться. Теперь он во многих местах был разрушен, да и врагом в наши дни были не кельты, населявшие дикие земли севера, врага надо было ждать с моря или же, как я сказал, с юго-востока, где ему уже были открыты ворота в Британию). Часть старых защитных сооружений Артур решил укрепить и достроить, в том числе Черный вал Нортумбрии, обороняющий с севера Регед и Стрэтклайд, а также древний вал, некогда проведенный римлянами через меловые взгорья южнее Сарумской равнины. У короля была мысль продолжить его к северу. Проезд по дорогам, которые он перегораживал, оставался открытым, но так, чтобы их легко можно было перекрыть при первых признаках продвижения врага к западу. Предполагалось вскоре приступить и к постройке других укреплений. А покуда надо было укрепить хотя бы самые ключевые позиции и поставить там гарнизоны, а также расположить между ними сигнальные посты и держать открытыми связывающие их дороги. Малые короли британцев должны были сами охранять свои владения, а у верховного короля была сосредоточена подвижная ударная сила, чтобы при надобности бросить им на подмогу или же заслонить прорыв в нашей обороне. Это была старая стратегия, ее применял еще Рим и таким образом успешно оберегал границы отдаленной Британской провинции, пока в ней стояли его легионы. Когда-то подобной ударной силой командовал маркграф Саксонского берега, а уже ближе к нашему времени — Амброзий.

Но Артур задумал пойти еще дальше. «Подвижная рать», как он представлял ее себе, стала бы в десять раз подвижнее, если всех ратников посадить на коней. В наши дни, когда конные войска видишь на дорогах и на площадях каждый день, кажется, что в этом нет ничего особенного, но, когда он это впервые замыслил и изложил мне, его замысел произвел впечатление внезапной атаки, о которой он как раз и мечтал. Разумеется, понадобится какое-то время, и поначалу все будет выглядеть достаточно скромно. Пока воины большим числом не обучатся вести бой в седле, в его распоряжении будет всего лишь малый отборный отряд из числа боевых командиров, а также его близких друзей. Однако для осуществления этого плана нужны были подходящие кони, а их у нас не хватало. Коренастые местные лошадки, хотя и выносливые, не умели быстро скакать и не в состоянии были по своей малорослости нести на себе в битву тяжеловооруженного воина.

Несколько дней и ночей напролет, входя во все подробности, обсуждали мы с Артуром его новый план, прежде чем он счел возможным вынести его на совет своих военачальников. Есть люди — и среди них часто даже превосходные,— которые с недоверием встречают любое новшество, и, если не опровергнуть все их возражения, колеблющиеся непременно присоединятся к противникам. Так что Артур и Кадор вместе с Гвилимом Дифед-

ским и Иниром из Каэр-Гвента расписали и продумали все до последних мелочей. От меня на военных советах не было особого проку, но зато я подсказал им, как выйти из затруднения с конями.

Есть порода лошадей, которая почитается лучшей в мире. А что она красивейшая в мире, и говорить нечего. Я видел таких лошадей на Востоке, жители пустынь ценят их дороже золота и дороже своих жен. Но я знал, что за ними не обязательно ездить так далеко. Римляне завезли их из Африки в Иберию и там скрестили с более широкогрудой европейской породой. Получилась великолепная новая лошадь: резвая и горячая и при этом сильная и послушная, что и требуется от боевого коня. Если Артур отправит посольство теперь же, дабы на месте узнать возможности и условия покупки, то лишь только погода позволит транспортировку по морю, как кони для «подвижной рати» будут в его распоряжении.

Вот каким образом получилось, что, вернувшись весной в Каэрлеон, я занялся строительством военных конюшен, а Бедуир отправился за море торговать лошадей.

Каэрлеон к этому времени совсем преобразился. Работы по восстановлению старой крепости продвигались успешно и быстро, и по соседству уже росли новые дома, достаточно богатые и удобные, чтобы украсить временную столицу королевства. Хотя в качестве ставки на случай боев Артур предполагал использовать дом коменданта внутри крепости, однако снаружи, у римского моста в живописной излучине, которую образует река Иска, уже возводился другой дом, заранее названный в народе дворцом. Здание это строилось большим, с несколькими дворами и флигелями для гостей и слуг. Стены возводились из дикого камня, перемежаемого кирпичной кладкой, и покрывались цветной штукатуркой, дверные проемы украшались резными колоннами. А кровля задумана была золотой, как у новой христианской церкви, которая теперь стояла на месте храма Митры. Между крепостью, дворцом и расположенной с западной стороны площадью для парадов, как грибы, множились дома, домишки, лавки — целый шумный город, где еще недавно стояла лишь сонная деревушка. Жители, гордые тем, что верховный король выбрал для своего местопребывания их родной Каэрлеон, закрывая глаза на причины, обусловившие этот выбор, изо всех сил старались работать так, что-

бы их город стал достоин новых времен и нового короля, который должен был принести мир.

Худо ли бедно, но к празднику Пятидесятницы он и вправду принес им на какое-то время мир. Колгрим, собрав новое войско, двинул его из восточных пределов. Артур дал ему два сражения, одно — южнее Хамбера, другое — ближе к саксонской границе, в камышовых лугах при Линнуисе. И во втором сражении сам Колгрим был убит. После этого, усмирив до поры Саксонский берег, Артур возвратился к нам, как раз когда приплывший из-за моря Бедуир высаживался с первой партией закупленных лошадей.

Валерий, помогавший при разгрузке, чуть не захлебывался от восторга:

— Высокие — тебе по грудь, и могучие. И притом нежные, будто юные девы. Бывают ведь нежные девы, верно? А скачут, я слыхал, быстрее гончих псов. Правда, сейчас, после плавания, они застоялись и не вдруг обретут прежнюю резвость. А хороши до чего! Немало найдется дев, и нежных, и наоборот, которые с радостью принесут жертвы Гекате за такие вот огромные черные очи и за такую шелковистую кожу...

— Сколько голов он привез? И кобылы тоже есть? Когда я был на Востоке, там продавали одних жеребцов.

— И кобылы есть. Сто жеребцов в первой партии и тридцать кобыл. Армию в походе не сопровождает столько женщин, сколько при этих жеребцах кобыл, но все равно соперничество острое, верно?

— Ты слишком давно на войне,— ответил я ему на это.

Он ухмыльнулся и убрался прочь, а я кликнул моих помощников, и мы прошлись с ними вдоль ряда новых конюшен, еще раз проверяя, все ли готово к приему лошадей и довольно ли изготовили шорники облегченной походной сбруи.

А когда я шел обратно, на позлащенных башнях ударили в колокола, возвещая прибытие верховного короля. Теперь можно было начинать приготовления к коронации.

С тех пор как я был свидетелем коронации Утера, мне пришлось, путешествуя по заморским странам, повидать немало роскошных зрелищ — в Риме, Антиохии, Константинополе,— в сравнении с которыми самые красочные торжества в Британии покажутся жалким балаганом. Но от церемонии в Каэрлеоне ис-

ходило такое сияние славы, юности, весны, какого не затмить всем богатствам Востока. Слепили глаза алые, лиловые и белые облачения епископов и священников рядом с черными и коричневыми рясами святых мужей и жен, им услужающих. Короли, каждый со своей свитой военачальников и придворных, сверкали драгоценными каменьями и золотом доспехов. Стены крепости, увешанные цветными полотнищами, чернели головами зевак и звенели от приветственных возгласов. Придворные дамы щеголяли яркими нарядами, даже королева Игрейна в пылу гордости и счастья отложила вдовий траур и блистала не меньше прочих. Рядом с нею — Моргана, нисколько не похожая на отвергнутую невесту, в наряде, почти не уступающем роскошью материнскому, и с такой же гордой, царственной усмешкой на устах. Трудно было поверить, что она еще так молода. Королева и принцесса держались среди женщин, не приближаясь к Артуру. Я слышал, как матроны обменивались замечаниями, поглядывая на пустую половину трона, но, на мой взгляд, так тому и следовало быть — не настало еще время ему разделить с кем-то свою славу. Один стоял он посреди церкви, и свет из высоких церковных окон падал на него, и вспыхивали пунцовым пламенем рубины, и золотые и лазоревые полосы ложились на белые одежды и меховую оторочку алой мантии, ниспадающей с его плеч.

Мне интересно было, приедет ли Лот. Никто ничего об этом не знал, и самые недобрые предположения копились в народе, готовые прорваться, как болезненный нарыв. Но в конце концов Лот все-таки прибыл. Видно, рассчитал, что больше проиграет, если не приедет, убоявшись встречи с королем, королевой и своей бывшей суженой, принцессой Морганой. Так или иначе, но за день или два до церемонии небо на северо-востоке заслонили пики с флажками Лота, а также Уриена Горского, и Агвизеля Бремениумского, и Тидваля, который сидел от его имени в Дунпелдире. Северные властители стали лагерем за городской чертой и преспокойно, словно и не было предательства в Лугуваллиуме и Йорке, поспешили в город, принять участие в празднествах. Лот явился среди всех самоуверенный до прямой наглости, как видно, полагаясь на свое новоприобретенное свойство с королем. Сам Артур именно так объяснил мне его поведение в разговоре с глазу на глаз, на людях же он принимал Лотовы напыщенные поклоны, будто так и надо, как ни в чем не бывало. А ведь Лот еще, верно, не подозревает, думал я, что скоро в его власти окажется дитя короля.

Хорошо еще, что не приехала Моргауза. Зная эту даму, я готов был к тому, что она явится, не побоится взглянуть мне в глаза, ради того только, чтобы покрасоваться перед Игрейной своей короной и своим большим животом перед Артуром и мной. Но то ли она все же убоялась встречи со мной, то ли у Лота не хватило наглости и он ей запретил, только она осталась дома, сказавшись недомогающей из-за беременности. Я находился при Артуре, когда Лот передал ему извинения своей королевы, и по его голосу и лицу мне было ясно, что ничего сверх сказанного он не знает, а быстрый взгляд Артура, брошенный мне, и внезапную бледность щек он если и заметил, то не подал виду. А через минуту король уже совладал со своим волнением, и все было позади.

Проходили красочные, утомительные часы великого дня. Епископы священнодействовали, язычники, которые тоже немалым числом принимали участие в торжествах, повсюду видели благоприятные знамения. Праздничную процессию, двигавшуюся по городу, люди благословляли не одним только знаком креста, на уличных перекрестках бросали кости и вглядывались в прозрачные шарики, ища добрых предсказаний на будущее, и шла бойкая торговля всевозможными талисманами, амулетами и ладанками, приносящими счастье. Было зарезано в рассветный час немало черных петухов, и повсюду на дорогах, у бродов и перепутий, где старый Герм издревле привык получать щедрые дары от путников, лежали свежие приношения. А вдали от города, на холмах, в долинах и под сводами леса, обитающий на возвышенности малорослый смуглый народ тоже по-своему гадал об удаче и возносил молитвы своим богам. Но в городе, венчая церковь, крепость и дворец, золотились на солнце кресты. Артур с трудом шевелился в своих несгибаемых, шитых золотом и драгоценностями одеяниях и, бледный, торжественный, безропотно отдавал себя в руки священников, которые крутили и вертели его как хотели. Если так надо, чтобы утвердить его авторитет в глазах его народа, что ж, он готов подчиниться. Но я, так хорошо его знавший и весь тот день проведший подле него, не уловил в этой самоотрешенности ничего молитвенного. Вполне могло быть, подумалось мне, что он тем временем потихоньку обдумывает новый поход на восток. Для него самого — как и для всех,

кто был тому свидетелем,— его правление Британией началось в ту ночь, когда он вырвал из долгого забвения могучий меч Максена и дал клятву перед чуткой стеною леса. Теперь в Каэрлеоне корона служила лишь печатью, принародно скрепившей тот завет, по которому он принял и будет до смертного часа держать в руке своей благо этой страны.

После коронации начался пир. Все пиры похожи один на другой, и этот выделялся разве только тем, что Артур, всегда любивший поесть, почти не дотронулся до обильных яств, а сидел и поглядывал по сторонам, словно не чаял, когда кончится застолье и можно будет снова взяться за дела.

Он предупредил, что после пира хочет поговорить со мной, но вокруг него допоздна толпился народ, и сначала у меня состоялась беседа с Игрейной. Она рано удалилась к себе, и когда ее паж приблизился ко мне и шепотом передал приглашение, я оглянулся на Артура, он кивнул, и я пошел по ее зову.

Игрейна расположилась в королевском доме. В ее покои почти не долетали голоса пирующих, а отдаленный шум городского ликования звучал как смутный, слитный рокот. Дверь мне отворила та же девушка, что была при королеве в Эймсбери, тоненькая, в зеленом платье, с жемчугами в светлых волосах, она сверкнула на меня зелеными, как платье, глазами — не ведьмовскими, как у Моргаузы, а ясными, зеленовато-серыми, наводящими на мысль о солнечном лесном ручье, в котором отразились свежие листья весны. Низко присев, она приветливо улыбнулась — на разрумянившихся от еды и питья щеках весело заиграли ямочки, блеснули ровные зубки,— и я последовал за нею к королеве.

Игрейна протянула мне руку для поцелуя. У нее был усталый вид; великолепное лиловое платье, переливающееся жемчугом и серебром, лишь оттеняло бледность ее лица и синеву вокруг рта и под глазами. Но держалась королева, как всегда, сдержанно и невозмутимо, ничем не выказывая своего утомления.

Она сразу же заговорила о том, чем была обеспокоена:

— Так значит, он успел ее обрюхатить.

Лезвие страха повернулось у меня в груди, но я тут же сообразил, что об истинном положении дел она не подозревает, а говорит о Лоте, полагая, что из-за этого-то он и отверг ее дочь Моргану и оказал предпочтение Моргаузе.

— Выходит, что так,— ответил я.

— И стало быть, для Морганы тут нет унижения, а до остального нам дела нет. Все получилось как нельзя лучше,— твердо сказала Игрейна. И улыбнулась моему недоумению.— Я никогда не была сторонницей этого брака. Мне нравился прежний замысел Утера — выдать за Лота Моргаузу. С него и этого было бы довольно, а ей честь. Но Лоту уже тогда все было мало, ему во что бы то ни стало подавай Моргану. И Утер согласился. Он в ту пору на что угодно готов был согласиться, лишь бы не допустить саксов в северные королевства, но я, хоть и понимала политическую необходимость этого, на самом деле слишком люблю дочь, чтобы своей волей на всю жизнь приковать ее к этому корыстному и блудливому изменнику.

Я вздернул брови.

— Сильные выражения, госпожа.

— А ты разве отрицаешь то, что есть?

— Отнюдь. Я ведь был под Лугуваллиумом.

— Тогда ты сам знаешь, много ли верности выказал Лот Артуру, когда был женихом Морганы, и много ли верности можно было от него ждать после женитьбы, раз он только о своей выгоде и печется.

— Да, ты права. Хорошо, что ты сама все это понимаешь. Я опасался, что ты разгневаешься, а Моргана огорчится.

— Разгневалась поначалу она, но уж никак не огорчилась. Лот — из первых среди малых королей, и по вкусу он ей или нет, но как королеве Лотиана ей достались бы большие владения, а ее детям — немалое наследие. Конечно, неприятно, когда твое место занимает внебрачная дочь твоего отца, от которой ты к тому же за всю жизнь не слышала доброго слова.

— А Урбген Регедский, когда ее сговаривали за Лота, еще не овдовел.

Ее тяжелые веки поднялись, глаза всмотрелись в мое невозмутимое лицо.

— Вот именно,— только и сказала она мне на это без тени удивления, словно кончая разговор, а не приступая к нему.

Что Игрейна думала о том же, о чем и мы с Артуром, было неудивительно. Урбген, как до него его отец, выказал себя надежным союзником верховного короля. Подвиги регедских властителей прошлого и доблесть регедского короля Коэля под Лугуваллиумом вошли в легенды и летописи наряду с деяниями Амброзия

и самого Артура — солнце и на восходе, и на закате изливает свой свет на землю.

Игрейна между тем продолжала:

— Что ж, это и впрямь может быть неплохо. Конечно, Урбгенова верность не нуждается в залогах, но Моргана получит высокое положение, как раз по себе, ну а ее сыновья... Урбген уже родил двоих, оба теперь взрослые юноши и горячие рубаки, в отца. Доживут ли еще до той поры, когда Урбгенова корона должна будет перейти к его наследнику? Для короля такого обширного королевства, как Регед, чем больше сыновей, тем лучше.

— Он уже пережил свои лучшие годы, а она еще очень молода,— заметил я.

Но Игрейна спокойно возразила:

— Ну и что? Я была немногим старше Морганы, когда на мне женился Горлойс Корнуэльский.

Должно быть, она забыла, подумалось мне, что это был за брак — как заперли в клетку молодую птицу, жаждущую расправить крылья и вылететь на волю; как король Утер воспылал роковой страстью к красавице герцогине; как пал в бою старый герцог и началась новая жизнь, и любовь, и новые страдания.

— Она исполнит свой долг,— сказала Игрейна, и я убедился, что она ничего не забыла. Но взгляд ее оставался тверд.— Если уж она готова была взять в мужья Лота, к которому не испытывала ничего, кроме страха, за Урбгена она пойдет с охотою, по первому Артурову слову. Мне жаль, что Кадор с ней в слишком близком родстве. Я предпочла бы, чтобы она обосновалась поблизости от меня, в Корнуолле.

— Кровного родства меж ними нет.

Кадор был сын мужа Игрейны, Горлойса, рожденный его первой женой.

— Все равно они слишком близкая родня,— покачала головой королева.— Люди легко забывают подробности, пойдет разговор о кровосмешении. Нет, нельзя. Об этом даже мыслить не пристало.

— Да, это верно.

Мой голос прозвучал ровно и спокойно.

— И притом будущим летом по возвращении в Корнуолл должна состояться свадьба Кадора. С согласия короля.— Игрейна перевернула руку ладонью вниз и залюбовалась блеском своих перстней.— Так что, наверно, хорошо бы намекнуть королю об Урбгене, как только у него выберется свободная минута, чтобы подумать о сестре.

— А он уже о ней подумал. Он со мной говорил об этом. Кажется, он в скором времени собирается послать за Урбгеном.

— Ага! — Только тут в ее голосе впервые прозвучало живое, чисто человеческое удовлетворение, даже, пожалуй, злорадство.— Вот когда наконец Моргана получит все, что ей причитается — и богатство, и положение,— и превзойдет эту рыжую ведьму, а Лоту Лотианскому так и надо, что попался на удочку.

— Ты полагаешь, она его нарочно соблазнила?

— Как же иначе? Ты ведь ее знаешь. Она навела на него чары.

— Чары самые обыкновенные, женские,— заметил я сухо.

— Не скажи. Ведь к услугам Лота всегда было сколько угодно женщин, а в жены Моргана ему больше подходила, этого никто не может отрицать. И красотой Моргаузе не уступит. И воспитана с детства как будущая королева, не то что та, сколько ни пыжится, как ни колдует.

Я посмотрел на королеву с изумлением. Рядом на скамеечке сонно прикорнула русоволосая фрейлина. Игрейну не заботило, что ее речи слышат другие.

— Игрейна, чем так провинилась перед тобою Моргауза, что ты с такой злобой о ней говоришь?

Румянец, как знамя, зардел на ее лице, я подумал, что сейчас она попробует поставить меня на место. Но мы с ней оба были уже немолоды и не страдали больше болезненным самолюбием. Она ответила чистосердечно:

— Если ты думаешь, что мне неприятно было постоянно видеть подле себя — и подле Утера — юную красавицу, которая связана с ним узами более давними, чем я, то ты не ошибаешься. Но это не все. Даже когда она была совсем еще девочкой, двенадцати-тринадцати лет, не более, я видела, что она порочна. Вот причина, что я радуюсь ее браку с Лотом. Хорошо, что ее больше не будет при дворе.

Такой откровенности я не ожидал.

— Порочна? — переспросил я.

Королева опустила глаза на сидящую у ее ног юную фрейлину: русая головка поникла, веки смежились. Игрейна понизила голос, но ответила отчетливо, обдуманно:

— Я не говорю, что в ее отношениях с королем было что-то дурное, хотя она вела себя с ним не как дочь. И дочерней любви

она к нему не питала. Просто выманивала у него милости, и все. Но я назвала ее порочной, имея в виду ее ведьмовство. Ее всегда тянуло к таким делам, она водилась с шепталками и знахарками. И стоило при ней упомянуть о магии, как она тут же настораживалась и таращила глаза, будто филин в ночи. Она и Моргану пробовала обучать, когда принцесса была еще совсем ребенком. А этого я ей не прощу. Я терпеть не могу всю эту заумь, а в руках таких людей, как Моргауза...

Она осеклась. В сердцах она повысила голос, и я увидел, что русоволосая фрейлина, тоже как филин в ночи, встрепенулась и захлопала глазами. Игрейна опомнилась и потупила голову. Щеки ее опять зарделись.

— Принц Мерлин, прости меня. Я не хотела тебя оскорбить.

Я рассмеялся. Девушка, оказывается, все слышала и теперь тоже беззвучно смеялась, лукаво поглядывая на меня из-за коленей своей госпожи. Я сказал:

— Я слишком высокого о себе мнения, чтобы отнести на свой счет слова, сказанные о девушках, играющих в магию. Моргане, конечно, тут делать нечего. А Моргауза действительно обладает некоторой силой, это правда, как правда и то, что в ее руках такая сила может принести вред. Всякую силу нелегко удержать, и, будучи употреблена без соображения, она может обернуться против тех, кто вздумает к ней прибегнуть.

— Может быть, когда-нибудь, при случае, ты объяснишь это Моргане,— с улыбкой сказала королева, снова взяв легкий тон.— Тебя она послушает, а на мои слова только пожимает плечами.

— Охотно,— ответил я снисходительно, словно дедушка, которого просят прочесть наставление молодежи.

— Будем надеяться, что, став королевой и обретя настоящую власть над людьми, она перестанет искать власти в магии.— Она переменила тему: — Как ты полагаешь, получив в жены дочь Утера, пусть и внебрачную, Лот сочтет себя обязанным соблюдать верность Артурову знамени?

— Трудно сказать. Но пока саксы не смогут посулить ему больших выгод и тем склонить на новое предательство, я думаю, он останется со своими силами на севере и будет защищать пусть не общее дело, но по крайней мере собственное добро. Тут я не предвижу опасности.— Я не добавил: «Опасности такого рода», а закончил свою речь так: — Я могу, если хочешь, слать тебе письма в Корнуолл, госпожа.

— Буду признательна тебе, принц. Твои письма и ранее служили мне поддержкой, когда мой сын воспитывался в Галаве.

Мы побеседовали еще немного о последних событиях и новостях. Когда я сделал попытку навести разговор на ее здоровье, она с улыбкой уклонилась от ответа, из чего я заключил, что она понимает все не хуже меня. Я не стал настаивать, а справился вместо этого о предстоящей свадьбе герцога Кадора.

— Артур ни словом о ней не обмолвился. Кто невеста?

— Дочь Динаса. Ты его знал? Имя ее — Мариона. Они, к сожалению, были сговорены еще детьми. Теперь Мариона достигла совершеннолетия, и, как только герцог возвратится домой, отпразднуют свадьбу.

— Да, я знал ее отца. А почему ты сказала «к сожалению»?

Игрейна с улыбкой взглянула на девушку у своих ног.

— Потому что иначе был бы муж для моей маленькой Гвиневеры.

— Ну, я уверен,— сказал я,— что найти ей мужа — дело нетрудное.

— Да, но такого подходящего! — вздохнула королева, а юная фрейлина изогнула в улыбке губы и опустила ресницы.

— Если ты допустишь гадание о будущем в твоем присутствии, королева, то рискну предсказать ей нового жениха, столь же блестящего, и притом очень скоро.

Я говорил это в шутку, из чистой галантности, и сам удивился, услышав в своем голосе слабый, но отчетливый призвук серьезного пророчества.

Но ни та ни другая ничего не заметили. Королева протянула мне руку и пожелала доброй ночи, а фрейлина, распахнув передо мною двери, низко и грациозно присела.

Глава 7

— Ребенок мой! — горячо говорил Артур.— Только подсчитай. Я слышал, как об этом сплетничали в караульне: они-то меня не видели, но я находился рядом. Речь шла о том, что к Крещению она была уже брюхата и повезло ей, что успела подцепить Лота, теперь можно будет выдать его за семимесячного. Мерлин, ты знаешь не хуже меня, что под Лугуваллиумом он к ней и близко не подходил. До битвы его не было в городе, а в ночь после битвы... в ту самую ночь как раз...

Он осекся, задохнувшись, и, взметнув полами королевских одежд, снова заходил из угла в угол.

Было уже далеко за полночь. Шум городского празднества немного утих, приглушенный предрассветным холодом. В королевских покоях догорали свечи в оплывах ароматного воска. А от нагоревшего фитиля в лампе шел, смешиваясь со свечным ароматом, тяжелый чадный дух.

Резко повернувшись на каблуках, Артур подошел и встал передо мной лицом к лицу. Он снял с головы корону и с шеи цепь в драгоценных каменьях и отложил королевский меч, но остался в роскошном коронационном одеянии, только скинул и бросил на стол подбитую мехом мантию, и в свете лампы алые складки стекали на пол, словно струи крови. Дверь в опочивальню стояла раскрытая, мне было видно постеленное королевское ложе, но Артур, несмотря на поздний час, не выказывал признаков усталости. В каждом его движении кипела нервная энергия.

Но, овладев собой, он заговорил спокойно и неторопливо:

— Мерлин, когда мы беседовали с тобой ночью о том, что произошло...— Он не договорил, перевел дыхание и приступил снова с отчаянной прямотой: — В ту ночь, когда я совершил с Моргаузой грех кровосмешения, я спросил у тебя, что будет, если она зачала. Я помню, что ты мне ответил. Очень хорошо помню. А ты?

— Я тоже,— неохотно признался я.— Я тоже хорошо помню.

— Ты сказал: «Боги ревнивы, они завидуют людской славе. Каждый человек носит в себе семя своей погибели, всякой жизни наступает предел. И ныне ты сам положил такой предел для себя самого».

Я молчал. Он смотрел мне прямо в глаза настойчивым, бесстрашным взглядом, к которому мне предстояло привыкнуть.

— То, что ты мне тогда сказал, это правда? Ты произнес пророчество или просто искал слова, чтобы успокоить меня перед событиями следующего дня?

— Нет, это правда.

— То есть, если она родит, ты провидишь, что в этом ребенке будет моя погибель?

— Артур,— сказал я,— пророчество нельзя понимать так прямо. Произнося те слова, я не знал — в том смысле, как люди обычно понимают знание,— что Моргауза обязательно понесет от тебя дитя и что в нем будет для тебя смертельная опасность.

Я только знал, что, пока ты был с нею, птицы смерти сидели у меня на обоих плечах, давили меня к земле, и пахло падалью. Камень лег мне на сердце, и мне виделась смерть, соединяющая тебя с этой женщиной. Смерть и предательство. Но в чем это выразится, я не знал. Когда же понял, дело уже было сделано, и осталось только ждать, что пожелают ниспослать нам боги.

Артур снова заходил по комнате, приблизился к дверям в опочивальню, молча постоял, привалясь спиной к дверному косяку и не глядя в мою сторону, потом расправил плечи и обернулся. Решительными шагами подошел к столу, сел и, подперев подбородок кулаком, встретился со мною взглядом. Во всех его движениях были, как всегда, плавность и сила, но я, так хорошо знавший его, видел, как натянута узда. Речь его тоже звучала спокойно:

— Ну вот, теперь мы знаем, что птицы-стервятницы не ошиблись. Она и вправду понесла. Но ты в ту ночь сказал мне еще кое-что. Ты сказал, что грех мой совершен в неведении и что на мне вины нет. Что же, кара без вины?

— Так бывает нередко.

— Грехи отцов?

Я узнал слова из священной книги христиан.

— Да,— ответил я,— Утеров грех на тебе.

— А теперь мой на этом ребенке?

Я не ответил. Мне не нравилось направление, которое принял наш разговор. Впервые, беседуя с Артуром, я не чувствовал своей власти над ним. Я говорил себе, что я устал, что сила моя на спаде, что еще придет мой час. Но на самом деле у меня было такое чувство, будто я, как рыбак из восточной сказки, откупорил бутылку и выпустил джинна, а он оказался во много раз сильнее меня самого.

— Все понятно,— сказал король.— Раз мой грех и ее грех падут на голову ребенка, значит, нельзя, чтобы он жил. Поезжай на север и скажи это Моргаузе. Или, если хочешь, я дам тебе для нее письмо и сам ей все объясню.

Я набрал воздуху, чтобы ответить, но он не дал мне и рта раскрыть.

— Не говоря уж о твоих предчувствиях — а я не настолько глуп, чтобы ими пренебречь,— разве ты не понимаешь, как это сейчас опасно, если Лот узнает? Она боялась, что забеременела, и, чтобы избежать позора, постаралась раздобыть себе мужа.

А кто лучше Лота? Его когда-то прочили ей в мужья, может быть, он даже ей нравился, и тут она увидела случай затмить сестру и приобрести титул и положение, которых лишилась со смертью отца. А уж кому и знать, как не мне,— продолжал он, в ниточку растянув губы,— что любой мужчина, на которого она обратит свою благосклонность, побежит к ней, стоит ей только свистнуть.

— Артур, ты говоришь о ее позоре. Но ты ведь не думаешь, что был первым, кого она уложила в свою постель.

Он ответил с поспешностью:

— Нет, и никогда не думал.

— Тогда почему ты не допускаешь, что она принимала Лота еще до тебя? Что она уже была беременна, а тебя заманила в надежде добиться милостей и преимуществ? Она знала, что часы Утера сочтены, и, страшась, что после предательства под Лугуваллиумом Лот утратил благосклонность короля, задумала сделать так, чтобы отцом Лотова ребенка представить тебя...

— Это все домыслы. В ту ночь ты говорил иначе.

— Верно. Но подумай сам: такой ход событий тоже отвечает моим дурным предчувствиям.

— Дурным, но не настолько,— резко возразил он.— Если от этого ребенка действительно исходит гибельная угроза, не все ли равно, кто его отец. Гадать об этом бесполезно.

— Но я не наугад говорю, что они с Лотом уже были любовниками, когда ты оказался в ее постели... Я ведь рассказывал о сне, который мне привиделся в святилище Ноденса. Я наблюдал их свидание в чьем-то доме в стороне от больших дорог. Они съехались там не случайно, а по сговору. И встретились как давние любовники. Так что этот ребенок вполне может быть Лотов, а не твой.

— И мы все представили себе неправильно? Это меня она приманила, а не Лота, чтобы покрыть свой стыд?

— Могло случиться, что так. Ты явился неведомо откуда и затмил Лота, как вскоре вслед за тем затмил и Утера. Она решила изобразить дело так, будто это ты отец ее ребенка, но потом побоялась меня и оставила эту мысль.

Артур помолчал, задумавшись.

— Ну что ж,— произнес он наконец,— время покажет. Но правильно ли мы поступим, если будем сидеть и дожидаться? Чей

бы ни был этот ребенок, от него исходит опасность. Не надо быть пророком, чтобы видеть, в чем она заключается. И не обязательно быть богом, чтобы принять меры. Если Лот когда-нибудь узнает — или заподозрит,— что его первенец рожден от меня, надолго ли хватит тогда его сомнительной верности, как ты думаешь? А Лотиан — это главное звено в нашей обороне. Мне нужна его верность. Необходима. Даже если бы он был мужем моей родной сестры Морганы, я не мог бы доверять ему полностью. Ну а теперь...— Он вскинул руку.— Мерлин, это делают в каждом селении нашего королевства. Почему бы и не в королевском доме? Поезжай на север и поговори с Моргаузой.

— Ты думаешь, она послушает? Если бы ей не нужен был этот ребенок, она бы уже давным-давно избавилась от него. Не из любви она приняла тебя в ту ночь, Артур, и не питает она к тебе добрых чувств, коль скоро ты допустил ее изгнание. А что до меня,— я усмехнулся,— то она питает ко мне самую черную злобу. И недаром. Да она расхохочется мне в лицо. Больше того, она выслушает меня, посмеется, узнав, какую власть имеет над нами, а потом поступит так, чтобы причинить как можно больше вреда.

— Но...

— Ты думаешь, она женила на себе Лота ради собственного своего удобства и чтобы взять верх над сестрой? Нет. Она вышла за него, когда убедилась, что я не дам ей совратить и поработить тебя. Ведь Лот, что бы ни диктовало ему сегодня время, в глубине души твой враг. И мой тоже. Через него она рано или поздно сможет причинить тебе вред.

Минута вдумчивого молчания.

— Ты в это веришь?

— Да.

— Тем более я прав. Нельзя, чтобы она родила этого ребенка.

— А что ты можешь сделать? Подкупить кого-нибудь, чтобы испекли ей хлеб со спорыньей?

— Ты что-нибудь придумаешь. Приедешь на место и...

— Я ничего такого делать не стану.

Он вскочил, словно распрямившийся лук, у которого отпустили тетиву. В глазах его сверкнул отблеск свечного пламени.

— Ты говорил, что ты мой слуга. Ты говорил, что сделал меня королем по воле божией. Теперь я король, и ты поступишь так, как я велю!

Я был на два пальца выше его. Мне случалось и раньше смотреть в глаза королей и не отводить взгляда, а он был совсем еще юн. Я переждал какое-то время, потом мягко ответил:

— Я твой слуга, Артур, но прежде всего я слуга бога. Не навязывай мне выбора. Я не могу воспрепятствовать божьей воле.

Он еще мгновение смотрел мне в глаза, потом глубоко вздохнул и опустил взгляд, будто тяжелый груз.

— Это его воля? Гибель того самого королевства, которое он, по твоим же словам, назначил мне построить?

— Если он назначил тебе его построить, значит, так оно и будет, ты его построишь. Артур, мне самому это непонятно, я не хочу от тебя скрывать. Могу только сказать тебе: выжди, как выжидаю я, и положись на время. Веди себя так, как и прежде, а это все отложи и забудь. Предоставь эту заботу мне.

— А ты что сделаешь?

— Отправлюсь на север.

Минута бешеного молчания. Затем он спросил:

— В Лотиан? Но ведь ты сказал, что не поедешь.

— Нет. Я сказал, что не предприму ничего, чтобы убить младенца. Но я могу следить за Моргаузой, дабы со временем, быть может, лучше понять, как мы должны поступить. А тебе буду присылать известия.

Снова молчание. И наконец тревога отпустила его, он отвернулся, принялся развязывать пояс.

— Ну хорошо,— проговорил он, хотел было еще что-то спросить, но удержался и только посмотрел на меня с улыбкой. Попробовав на мне кнут, он теперь хотел вернуться к прежнему добру и доверию.— Но пока длятся празднества, ты не уедешь? Я, если позволят дела военные, должен буду пробыть здесь восемь дней, прежде чем снова сяду на коня.

— Я полагаю, что мне лучше отбыть немедля. Пока Лот здесь, надо воспользоваться его отсутствием. Я скроюсь там где-нибудь и буду следить и ждать и посмотрю, что можно сделать. С твоего изволения, я выеду завтра же с утра.

— А кто с тобой поедет?

— Никто. Я привык путешествовать в одиночку.

— Надо, чтобы тебя кто-то сопровождал. Это ведь не то что поездка в Маридунум. И потом, а вдруг тебе понадобится послать известие?

— Передам с твоими гонцами.

— И все же...— Он развязал наконец пояс, швырнул его на кресло и позвал: — Ульфин!

За стеной послышалось движение, осторожные шаги, и на пороге опочивальни, подавив зевок, появился Ульфин со спальными одеждами, переброшенными через руку.

— Да, милорд?

— Ты все время был здесь? — резко спросил я.

Ульфин, не меняя каменного выражения лица, протянул руку, отстегнул пряжку на плече у короля и освободил его от бремени парадного одеяния.

— Я спал, милорд.

Артур сел в кресло и протянул одну ногу. Ульфин, преклонив колени, стал разувать ее.

— Ульфин, мой кузен принц Мерлин завтра поутру отправляется в поездку, которая, быть может, окажется долгой и трудной. Мне будет очень не хватать тебя, но я хочу, чтобы ты его сопровождал.

Ульфин, коленопреклоненный, с башмаком в руке, поднял на меня глаза и улыбнулся:

— Охотно, милорд.

— Разве ты не должен оставаться при короле? — возразил было я.— Сейчас как раз такие дни...

— Я делаю, как он велит,— просто ответил мне Ульфин и наклонился ко второй ноге.

«Как и ты, в конечном счете». Этих слов Артур вслух не произнес, но они читались в быстром взгляде, который он бросил на меня, снова поднявшись на ноги и предоставляя Ульфину опоясать на нем спальные одежды.

Я сдался.

— Ну хорошо. Я буду рад иметь тебя моим спутником. Мы выезжаем завтра же, и должен предупредить тебя, что отсутствие наше может затянуться.

Я дал ему необходимые наставления, затем снова обратился к Артуру:

— А теперь мне пора идти. Едва ли я еще увижу тебя до отъезда. Я пришлю тебе весть при первой же возможности. Где ты находишься, мне будет, уж конечно, известно.

— Да, уж конечно,— повторил он, и голос его прозвучал воинственно и грозно.— А сейчас ты можешь еще уделить мне несколько минут? Спасибо, Ульфин, теперь оставь нас. Тебе тоже

надо еще собраться в дорогу. Пойдем, Мерлин, я покажу тебе мою новую игрушку.

— Еще одну игрушку?

— Еще одну? А, ты намекаешь на конницу! А ты видел ли лошадей, которых привез Бедуир?

— Нет еще. Мне говорил о них Валерий.

Глаза Артура зажглись.

— Они бесподобны! Быстрые, горячие, чуткие. Говорят, они могут, если надо, обходиться без зерна, одним сеном, и столько в них пыла, что, проскакав галопом хоть целый день, будут потом сражаться вместе со всадником насмерть. Бедуир привез с конями и конюхов. И если то, что они говорят, правда, значит, у нас будет конница, способная завоевать мир! Он привез двух объезженных жеребцов, оба белой масти и такие красивые, даже краше моего Канрита. Бедуир выбрал их лично для меня. Пожалуй сюда.— С этими словами Артур подвел меня к завешенному выходу на крытую галерею.— У меня еще не было времени их испытать, но неужели я не смогу завтра сбросить свои цепи хотя бы на час или два?

Это было сказано голосом непоседливого мальчишки. Я засмеялся.

— Авось да сможешь. А я счастливее короля: я завтра буду уже в пути.

— На своем старом вороном мерине?

— Нет, еще того хуже. На муле.

— На муле? А-а, ну да. Под чужим обличьем?

— Придется. Не могу же я приехать в твердыню Лотиана как принц Мерлин.

— Смотри, остерегайся. Ты уверен, что тебе не нужен эскорт, хотя бы на первую часть пути?

— Уверен. Со мной ничего не случится. А что ты хотел мне показать?

— Всего только карту. Смотри.

Он раздвинул занавесь. За ней была маленькая комнатка, вернее, широкое крыльцо, выходящее на внутренний дворик. Свет от полыхающих факелов играл на остриях пик в руках у стражников; не считая их, дворик и крыльцо были пусты. Перед нами стоял один только грубо вытесанный дубовый стол. Обычно на такие столы насыпают сухой песок в мелком блюде, чтобы на песке прочерчивать схемы и карты. Но тут лежала готовая глиняная карта, искусный скульптор вылепил горы и долины, реки и берега, так что глазу открывалась разом вся британская земля, как ее видели из поднебесья высоко летящие птицы.

Артур очень обрадовался моей похвале.

— Ага! Я знал, что тебе будет интересно. Ее только вчера закончили. Замечательно, да? Помнишь, как ты учил меня чертить карты на земле? А вот это куда лучше, чем сгребать в кучки сухой песок, который осыпается от неосторожного дыхания. Разумеется, можно вносить дополнения, когда мы сделаем новые открытия. Что там севернее Стрэтклайда, никто не знает. Но, слава богу, то, что севернее Стрэтклайда, меня сейчас не беспокоит. Во всяком случае, пока.— Он потрогал пальцем деревянный раскрашенный клинышек в виде красного дракончика, воткнутый в карту под надписью «Каэрлеон».— Ну, покажи мне, каким путем ты намерен завтра ехать?

— Западной дорогой, я полагал, через Дэву и Бремет. Мне еще надо будет заехать в Виндоланду.

Он провел пальцем с юга на север, достиг Бреметеннакума (который коротко называют Бремет) и остановился.

— Выполни одну мою просьбу, ладно?

— Охотно.

— Поезжай восточной дорогой. Она немногим длиннее, зато почти всюду гораздо исправнее. Вот здесь, видишь? Если у Бремета ты свернешь, то эта дорога проведет тебя через проход между горами.— Он повел пальцем вправо: на восток от Бреметеннакума, по древней дороге вдоль реки Трибуит, затем через горный перевал и вниз мимо Оликаны в долину Йорка.— Оттуда начинается старый Дерийский тракт, все еще в хорошем состоянии, прямой как стрела, он ведет до Корстопитума, где пересекает Адрианов вал, и дальше на север, прямо в Манау-Гуотодин, где находится Лотов стольный город Дунпелдир. Чтобы съездить в Виндоланду, тебе придется здесь свернуть, а потом тем же путем возвратиться на главную дорогу, там недалеко. Во времени ты не проиграешь. Мне важно, чтобы ты ехал через Пеннинский проход. Сам я там не был, но мне докладывали, что проезд там вполне возможен для двоих, а вот конный отряд не пройдет из-за осыпей и обвалов. Я пошлю туда людей, чтобы расчистили путь. И придется, должно быть, возвести там укрепления... Ты согласен? Когда восточное побережье почти повсеместно открыто для вторжения врага, если ему еще удастся закрепиться на во-

сточной равнине, это откроет ему путь на запад, в самое сердце нашей страны. Там уже стоят два форта, говорят, их легко привести в порядок. Я хочу, чтобы ты проездом на них посмотрел. Задерживаться тебе там не надо, мне доложат подробности потом, но, если ты сможешь проехать теми местами, я бы хотел узнать твое мнение.

— Ты его узнаешь.

Он поднял голову от глиняной карты, и в эту минуту где-то в городе запел петух. Воздух вокруг посерел. Артур тихо сказал:

— Что до остального, о чем у нас был разговор, то я отдаю себя в твои руки. И видит бог, мне следует за это благодарить судьбу.— Он улыбнулся.— А теперь надо все-таки пойти поспать. Тебе предстоит путешествие, а мне еще один день праздника. Завидую тебе! Доброй ночи. И да хранит тебя бог!

Глава 8

На следующее утро, взяв с собой двухдневный запас провизии и трех крепких мулов из армейского обоза, мы с Ульфином выехали на север.

Мне и раньше приходилось совершать путешествия при обстоятельствах столь же опасных, когда быть узнанным означало беду, иногда даже смерть. Я поневоле сделался мастером менять обличье, отчего пошла легенда, что будто бы маг Мерлин умеет раствориться в воздухе, когда надо избегнуть преследования. Я в совершенстве овладел искусством прятаться на местности — я просто брал в руки орудия какого-нибудь ремесла и целые дни толкался там, где никто бы не предположил присутствия принца. Если ты несешь на себе знак своего труда, люди смотрят не на тебя, а на то, что ты умеешь делать. Мне случалось быть странствующим певцом, чтобы входить и в королевские палаты, и в скромную таверну; но чаще всего я прикидывался знахарем или глазным лекарем. Это обличье подходило мне лучше всего. Оно позволяло пускать в ход мои познания и помогать тем, кто нуждался в помощи, то есть беднякам, и одновременно открывало доступ в любые дома, кроме самых богатых.

Вот и теперь я оделся врачом. Правда, я захватил с собой маленькую арфу, но только для развлечения: воспользоваться своим певческим искусством и так заслужить приглашение ко двору Лота я бы не отважился. И потому я подвесил зачехленную и замотанную до неузнаваемости арфу к потертому седлу мула, тащившего поклажу, а коробочки с мазями и узелок с инструментами выставил на обозрение всем.

Первая часть нашей дороги была мне хорошо известна, но после Бреметеннакума, когда мы свернули к Пеннинскому проходу, местность пошла незнакомая.

Проход образуют долины трех больших рек. Две из них — Уорф и Изара — берут начало в известняках на пеннинских вершинах и текут, петляя, на восток. А третья, принимая в себя по пути бессчетные малые ручьи и речушки, могучим потоком течет к западу. Называется она Трибуит. Стоит только вражескому войску перебраться через Пеннинский проход, и перед ним откроется путь по долине Трибуита к последним оплотам на западном побережье Британии.

Артур упомянул о двух фортах, расположенных в проходе. Из досужих разговоров с местными людьми в таверне Бреметеннакума я узнал, что в прежние времена существовал еще и третий форт, охранявший выход из ущелья в долину, где Трибуит разливается, замедляя свой ход на запад, к низинам и дальше к морю. Этот форт служил когда-то римлянам как временный походный лагерь, насыпи и деревянные постройки, должно быть, уже разрушились, но я подумал, что дорогу, ведущую к третьему форту, стоит осмотреть попристальнее, и, если она окажется в приемлемом состоянии, конное войско, отправленное из Регеда на защиту прохода, сможет по ней срезать изрядный угол.

Путь из Регеда через Оликану в Йорк. Именно так должна была ехать Моргауза на встречу с Лотом.

Решено. Я тоже поеду этой дорогой, недаром она мне привиделась ночью в святилище Ноденса. Если сон мой был вещим — а я в этом не сомневался,— то мне надо будет там еще кое-что выяснить.

Выехав из Бреметеннакума, мы сразу же свернули с главной дороги и поехали вверх по долине Трибуита. Под копытами мулов шуршал гравий заброшенной римской дороги. К вечеру мы добрались до бывшего лагеря.

Как я и ожидал, от старых построек мало что осталось, только виднелись следы земляных насыпей и рвов да на месте ворот догнивала груда бревен. Но, как всегда у римлян, местоположение было выбрано очень удачно: на краю возвышенности, и во все стороны открывается широкая безлесная равнина. С одной сто-

роны внизу протекает ручей, с другой — река, которая несет свои воды по равнине к морю. Здесь, так далеко на западе, для защиты от врагов этот форт, даст бог, не понадобится, а вот как перевалочная станция для конницы или как временная крепость для вылазок через Пеннинский проход он был бы очень удобен.

Как он назывался, ни один человек в тех местах уже не помнил. И, составляя в тот вечер донесение для Артура, я обозначил его просто как форт Трибуит.

На следующий день мы поехали через равнину к первому из тех фортов, о которых упомянул Артур. Он расположен на болотистом берегу ручья у начала подъема к перевалу. Ручей перед фортом растекался озерком, которое дало имя этому форту. Сильно разрушенный, он, по моим понятиям, мог быть тем не менее довольно быстро отстроен. На дне ущелья было сколько угодно дерева и каменных глыб, а на равнине можно было нарезать толстого верескового дерна.

Мы добрались туда под вечер, погожий и ароматный, и решили устроить себе ночлег под прикрытием сохранившихся стен. А утром начали подъем через хребет к Оликане.

К полудню мы оставили позади лес и оказались среди безлесных, поросших вереском склонов. День был ясный, горный туман расползался, оставляя на кустах бусинки искристых капель, и из каждой расселины, звеня, бежали струйки воды, спеша излиться в молодую речку. Звенело и небо, оттуда, как бы соскальзывая по струнам своих звонких песен, слетали на гнезда в траве голосистые жаворонки. Мы видели, как через дорогу перебежала волчица с отвислыми млечными сосцами, неся в пасти зайца. Она бросила на нас безразличный взгляд и исчезла в тумане.

Это была заброшенная дорога, волчья тропа вроде тех, которые так любит Древний народ. Я все время посматривал наверх, туда, откуда начинались осыпи, но нигде не замечал ничего, что походило бы на их высокогорные недоступные жилища. Это вовсе не значило, конечно, что за каждым нашим шагом не следят внимательные глаза. И уж конечно, слух о том, что маг Мерлин тайно пробирается на север, летел впереди нас на крыльях ветра. Меня это не беспокоило. От Древних не может быть тайн: им известно обо всем, что происходит в лесах и на склонах гор. У меня с ними давно уже было установлено согласие, и к Артуру они тоже питали доверие.

Мы выехали на просторную возвышенность. Я огляделся по сторонам. Под прямыми лучами высокого солнца утренний туман окончательно растаял. Вокруг нас простиралось ровное плато, на нем лишь кое-где торчали серые каменные глыбы и бурые заросли папоротника, а вдали, окутанные дымкой, синели высокие хребты и вершины. Слева земля отлого спускалась вниз к широкой долине Изары, воды которой поблескивали меж древесных стволов.

Картина была нисколько не похожа на мое давешнее, затуманенное дождями видение, однако вот он, дорожный столб с надписью «ОЛИКАНА», а вот и тропа, уходящая от дороги влево и круто вниз, к деревьям над рекой. И там, за деревьями, проглядывают сквозь листву стены какого-то основательного строения.

Ульфин, поравнявшись со мною на своем муле, указал мне рукой вниз.

— Знать бы вчера вечером, мы бы провели ночь в тепле и уюте.

Я задумчиво ответил:

— Не уверен. Может быть, оно и к лучшему, что мы переночевали под открытым небом.

Он искоса вопросительно взглянул на меня.

— А я думал, ты не бывал в здешних местах, милорд! Ты хорошо знаешь эту дорогу?

— Имею о ней сведения, скажем так. И хотел бы изучить ее получше. Когда в следующий раз будем проезжать через деревню или увидим пастуха на горе, постарайся узнать, кому принадлежит тот дом.

Он опять на меня покосился, но не сказал больше ни слова, и мы молча продолжали путь.

Оликана — второй из названных Артуром фортов — находилась миль на десять восточнее. К моему удивлению, дорога, ведущая к ней сначала круто под гору, а потом через болото, была в отличном состоянии. Рвы и валы тоже оказались в исправности. Через Изару был проложен надежный бревенчатый мост, а брод через впадающую в нее здесь речку расчищен и вымощен камнями. Поэтому путь наш был недолгим, и еще до наступления вечера мы очутились в населенных местах. Вокруг Оликаны вырос целый город, и мы нашли себе пристанище в гарнизонной таверне у крепостной стены.

Убедившись в исправном состоянии дороги и в том, что на улицах и центральной площади города царит порядок, я без удивления обнаружил, что и крепостные сооружения тоже содержатся в полной исправности. Ворота и мосты были все новые, железные решетки словно только что из-под кузнечного молота. Задавая как бы невзначай осторожные вопросы и прислушиваясь к разговорам за обеденным столом в таверне, я выяснил, что гарнизон был здесь поставлен в Утеровы времена и ему была определена задача сторожить дорогу через Пеннинский проход и не спускать глаз с сигнальных башен на востоке. Это было сделано в суровую годину саксонской напасти, но те же люди служили в крепости и сегодня, давно отчаявшись дождаться подмены, истосковавшись без дела, но тем не менее блюдя безупречный порядок под командой гарнизонного начальника, явно заслуживавшего назначения получше, чем комендантство в этой сонной крепости на краю света.

Простейший способ получить требующиеся мне сведения состоял в том, чтобы открыться начальнику гарнизона, расспросить его и затем поручить ему отправку моего донесения королю. Итак, оставив Ульфина в таверне, я явился в караульное помещение и показал там пропуск, которым снабдил меня Артур.

Меня пропустили сразу же, не посмотрев на мои бедные одежды и не промедлив из-за того, что я отказался назваться, пока не увижу их командира: как видно, гонцы здесь были не в диковинку. Притом тайные. Но с королем эта забытая крепость связи не имела, по крайней мере ни я сам, ни военные советники короля о ней даже не слыхали, а в таком случае эти тайные посетители могли быть только лазутчиками и соглядатаями. Мне не терпелось скорее познакомиться с начальником гарнизона.

Правда, перед тем как впустить, меня обыскали, но этого и следовало ожидать. Затем двое стражников провели меня к дому коменданта. По дороге я осмотрелся по сторонам. Повсюду полыхали факелы, и я мог видеть, что проезды, дворы, колодцы, плац для учений, мастерские, казармы — все было в безупречном порядке. Мы миновали кузницы, шорни, плотничьи дворы. На амбарах висели массивные замки, из чего я заключил, что запасы стоят нетронутые. Крепость оказалась невелика, но гарнизон и того меньше. Разместить здесь Артурову конницу не составит труда.

Мой пропуск взяли и унесли в дом. Немного погодя меня ввели к коменданту. Стражники немедленно удалились, что говорило само за себя: я понял, что им не впервой приводить сюда лазутчиков, и большей частью именно ночью, под покровом темноты.

Комендант принял меня стоя — из уважения не ко мне, а к королевской печати. Первое, что меня поразило,— это его молодость. Ему было самое большее года двадцать два. Потом я заметил, что у него усталый вид: трудная служба наложила на лицо свой отпечаток — юный возраст, одиночество, под началом грубые, истомившиеся без дела солдаты и постоянная угроза с востока, где на побережье то и дело накатывают вражьи силы, так что приходится быть начеку день за днем, зимой и летом, без подмоги и поддержки. Как видно, отправив его сюда четыре года назад — четыре года! — Утер и впрямь забыл о его существовании.

— У тебя есть новости для меня? — спросил он тусклым голосом, за которым не крылось ни малейшего волнения: он уже давно ни на что не надеялся.

— Я сообщу тебе все, что знаю, но сначала должен выполнить данное поручение. Я сам прислан сюда, дабы получить сведения от тебя, если ты соблаговолишь мне их предоставить. Затем я должен буду приготовить донесение верховному королю. Было бы весьма желательно отправить отсюда гонца, которому я поручу свое послание.

— Это можно сделать. Прямо сейчас? Гонец будет готов через полчаса.

— Нет. Такой спешки нет. Сначала, если можно, побеседуем.

Он сел и жестом пригласил меня устроиться в кресле. Только теперь в его взгляде появился проблеск интереса.

— Донесение про Оликану? Могу ли я знать, в связи с чем?

— Разумеется, я готов тебе ответить. Король повелел мне разузнать об этой крепости все, что возможно. Как и о той, разрушенной, что стояла когда-то у начала Пеннинского прохода, ее называют Озерный форт.

— Да, я знаю,— кивнул он.— Он лежит в развалинах уже добрых две сотни лет. Его разрушили и забросили во время восстания бригантов. Оликане выпала та же участь, но потом, по велению Амброзия, она была отстроена заново. Он и Озерный форт, как я слышал, тоже намеревался восстановить. Если бы мне была дана власть, я бы мог...— Он не договорил.— Ну да ладно. Ты

прибыл из Бремета? Тогда ты заметил, наверно, милях в двух-трех к северу еще один форт — сейчас там ничего нет, только насыпь, но, на мой взгляд, он имеет важное значение для обороны прохода. Амброзий, должно быть, это понимал. Он считал, что Пеннинский проход — это ключ к его обороне.

Комендант не сделал почти никакого нажима на слове «он», однако намек его был мне ясен: Утер не только забыл про Оликану с ее гарнизоном, но и вообще упустил из виду военное значение Пеннинского прохода. А мой молодой собеседник, одинокий и от всех оторванный, его ясно понимает.

Я поспешил сказать:

— Теперешний верховный король тоже так считает. Он хочет снова укрепить проход, и не только чтобы иметь возможность запереть его на случай угрозы с востока, но и для того, чтобы через него выводить войска в наступление. А мне он поручил посмотреть, что с этой целью следует сделать. Я полагаю, что вскоре после того, как будут получены и рассмотрены мои донесения, сюда прибудут землемеры и расчетчики. Ваша крепость находится в исправном состоянии, что будет для короля приятной неожиданностью.

Потом я рассказал ему о намерении Артура создать конные отряды. Он слушал с жадностью, забыв про скуку, задавал вопросы, и видно было, что он отлично разбирается в положении дел на восточном побережье. При этом он выказал замечательную осведомленность о действиях и военных приемах саксов.

Но это я отложил до поры и стал расспрашивать его об оснащении и запасах Оликаны. Он тут же вскочил, подошел к поставцу, на дверцах которого тоже болтался тяжелый замок, отпер его и вынул таблицы и свитки, содержавшие в подробностях все необходимые мне сведения.

Я углубился в их изучение, но вскоре заметил, что он дожидается с еще какими-то записями в руках.

— Я полагаю...— неуверенно начал он. Но потом решился и продолжал уже настойчивее: — Я не думаю, что в последние годы своего правления король Утер правильно оценивал военное значение дороги через Пеннинский проход. Когда меня совсем еще молодым прислали сюда, я воспринял это назначение всего лишь как учебное. Здешняя крепость в дальнем порубежье мало чем отличалась в то время от соседнего Озерного форта, вернее,

от его развалин... Не так-то легко было привести ее в надлежащий вид. Ну а потом ты знаешь, милорд, что было: война отодвинулась к северу и к югу, король Утер занемог, в стране пошли раздоры. Про нас, как видно, было забыто. Я отправлял время от времени гонцов с вестями, но не получал ответа. И тогда, для собственного осведомления и, признаюсь, развлечения, я стал посылать людей — не солдат, а мальчишек из города, которые побойчее,— собирать сведения. Я виноват, знаю, но...

Он замолчал.

— Ты эти сведения оставлял при себе? — спросил я.

— Но не из дурных побуждений,— поспешил он оправдаться.— Один раз я отправил с гонцом известие, которое счел важным, но ни о гонце, ни о донесении больше не было ни слуху ни духу. С тех пор я воздерживаюсь доверять важные вести гонцам, ведь до короля они, может быть, даже и не доходят.

— Могу уверить тебя, что моим письмам, только бы их довезли, король окажет полное и безотлагательное внимание.

Во все время нашего разговора комендант украдкой недоуменно разглядывал меня: я держал себя так, как предписывало мое скромное обличье. Потом, потупясь, он негромко произнес:

— Королевская грамота и печать диктуют мне безоговорочное к тебе доверие. А имя твое мне не дозволено будет узнать?

— Если тебе угодно, я его открою. Но лишь тебе одному. Ты дашь мне слово?

Он чуть заметно пожал плечом.

— Разумеется.

— В таком случае я — Мирддин Эмрис, проще — Мерлин. Но сейчас я совершаю путешествие под именем Эмриса, странствующего врачевателя.

— Господин...

— Нет-нет,— остановил его я.— Сядь. Я сказал тебе это затем лишь, чтобы ты не сомневался: собранные тобою сведения попадут прямо к королю и в кратчайший срок. А теперь я хотел бы посмотреть эти записи.

Он разложил передо мною листы, и я углубился в них. Карты укреплений, численность войск и оружия, передвижение отрядов, запасы, корабли...

Изумленный, я поднял голову:

— Но ведь это позиции саксов?

Он кивнул.

— И притом данные самые свежие. Мне посчастливилось нынешним летом: меня связали — не важно как — с одним человеком из союзных саксов третьего поколения. Многие из тех, чьи предки давно осели на наших берегах, и он в их числе, заинтересованы в том, чтобы все оставалось как есть. Союзные саксы блюдут давний договор свято. И к тому же,— улыбка тронула его суровый молодой рот,— к тому же они не доверяют пришельцам. Иным из заморских гостей все равно, кого сгонять с насиженных мест, богатых ли союзных саксов или британцев.

— Значит, эти сведения — от него? И ты считаешь, что на него можно положиться?

— Думаю, что да. То, что мне удалось проверить самому, подтвердилось. Не знаю, какими данными и насколько свежими располагает верховный король, но мне кажется, надо обратить его внимание вот на это... вот тут говорится про Элезу и Кердика Элезинга, что означает...

— Сын Элезы, я знаю. А Элеза — это другое имя нашего давнего друга Эозы?

— Верно, милорд. Сына Хорзы. Ты, конечно, знаешь, что после того, как он вместе с родичем своим Октой сбежал из темницы Утера, Окта в Рутупиях умер, но Эоза добрался до Германии и поднял Колгрима и Бадульфа, сыновей Окты, на войну против наших северных пределов... Но вот чего ты, быть может, не знаешь, это что Окта, умирая, провозгласил себя здесь, на нашей земле, королем. Это означало всего только подтверждение титула вождя саксов, который он носил как сын Хенгиста; ни Колгрим, ни Бадульф не придавали ему особого значения, но теперь их обоих уже нет, и вот...

— Эоза выдвинул те же притязания? Понимаю. И успешно?

— Кажется, да. Он именует себя королем западных саксов, а его юный сын Кердик прозывается Этелинг, то есть потомок какого-то их давнего героя или полубога. Прием обычный, но дело в том, что их люди поверили. Саксонские вторжения сразу предстали в новом свете.

— Тут и верность союзных саксов может покачнуться.

— Об этом и речь. Эозу и Кердика все почитают. Сам понимаешь — короли. Союзным саксам они обещали соблюдение их прав и порядка, новым захватчикам грозят беспощадной войной. В этом что-то есть. Я хочу сказать, что Эоза не просто хитрый

грабитель чужих берегов. Он положил начало легендам о героях-королях, король у них теперь — признанный законодатель, обладающий властью даже изменять прежние обычаи. Например, обычай хоронить мертвецов. Теперь они мертвых, по моим сведениям, больше не сжигают и даже не закапывают вместе со всеми доспехами и ценностями, как у них повелось исстари. Кердик Этелинг объявил, что это расточительство.— Молодые губы моего собеседника снова тронула невеселая усмешка.— Теперь их жрецы творят над оружием умерших ритуал очищения, и оно опять идет в дело. Они даже уверовали, что копье, которым пользовался доблестный боец, придаст доблести и своему новому владельцу... А оружие, взятое у побежденного, постарается отличиться, чтобы смыть с себя позор. Это опасные люди, говорю тебе. Может быть, самые опасные после Хенгиста.

Я выразил ему свое восхищение.

— Можешь не сомневаться, что король тоже оценит твои сведения по достоинству, как только ознакомится с ними. Ты ведь сам понимаешь, насколько они важны. Сколько времени тебе понадобится, чтобы сделать копии?

— Копии у меня есть. А эти записи можно послать королю безотлагательно.

— Отлично. А сейчас, если позволишь, я добавлю несколько слов от себя и приложу еще мое собственное донесение об Озерном форте.

Он принес мне письменные принадлежности, поставил на стол и шагнул к двери.

— Пойду распоряжусь насчет гонца.

— Благодарю. Но одну минуту...

Он остановился в дверях. Мы разговаривали с ним по-латыни, но в его выговоре было что-то, что выдавало уроженца запада. Я сказал:

— В таверне я слышал, что твое имя — Геронтий. Ошибусь ли я, если предположу, что прежде оно было Герейнт?

Он широко, наконец-то молодо улыбнулся.

— И было, и есть, милорд.

— Артур будет рад узнать это имя,— сказал я и занялся письмом.

Он постоял мгновение, потом распахнул двери и передал кому-то невидимому свои распоряжения. Вернулся в комнату, по-

дошел к стоящему в углу столику, налил в кубок вина и поставил передо мной. Я слышал, как он набрал в грудь воздуху, чтобы заговорить, но так ничего и не сказал.

Я кончил писать. В это время он снова подошел к двери и впустил какого-то невидного, жилистого паренька, хотя и заспанного, но в полном дорожном снаряжении. При нем была сума для писем, запирающаяся крепким замком. Он готов ехать, сказал гонец, запихивая в сумку переданные Герейнтом пакеты; поесть он может по дороге.

Герейнт дал ему подробные наставления, и я еще раз убедился, как хорошо он обо всем осведомлен.

— Лучше всего поезжай в Линдум. Король должен был уже покинуть Каэрлеон и двинуться обратно к Линнуису, так что в Линдуме ты сможешь узнать его местонахождение.

Гонец кивнул в ответ и тут же удалился. Так через каких-то несколько часов после моего прибытия в Оликану мое донесение королю (а с ним еще гораздо более важные известия) было уже в пути. Теперь, на досуге, я мог подумать о Дунпелдире и о том, что меня там ждет.

Но прежде надо было отблагодарить Герейнта за службу. Он налил еще вина и, сев передо мной, забросал меня вопросами, с жадностью, от которой сам успел отвыкнуть, слушая о том, как Артур был провозглашен королем под Лугуваллиумом и что происходило потом в Каэрлеоне. Герейнт заслужил эту беседу, и я не скупился. Только уже перед полуночной стражей я сам задал вопрос:

— Вскоре после битвы под Лугуваллиумом не проезжал ли Лот Лотианский в здешних местах?

— Проезжал, но не через Оликану. Есть старая дорога, сейчас это почти тропа, которая отходит от главной дороги и ведет правее. Проезд там плохой, по краю топкого болота, так что редко кто на нее сворачивает, хотя она и срезает угол, если двигаться на север.

— А Лот свернул, хотя двигался не на север, а на юг, в Йорк. Почему бы это, как ты полагаешь? Чтобы его не видели в Оликане?

— Это мне в голову не приходило,— ответил Герейнт.— Вернее, тогда не приходило... У него на той старой дороге есть свой дом. И понятно, что он свернул, чтобы остановиться в нем, а не в городе.

— Свой дом? Ах да. Я же его видел с перевала. Уютный уголок, только очень уж отрезан от мира.

— Ну, он там не часто и бывает.

— Но ты знал, что он туда прибыл?

— Я многое знаю из того, что происходит в наших местах, почти все,— ответил он и кивнул на запертый поставец.— Как старой сплетнице, целые дни сидящей у своего порога, мне больше и делать нечего, как подглядывать за соседями.

— Похоже, что оно и к лучшему. Тогда ты, может быть, знаешь, с кем встретился Лот в своем доме на холмах?

Несколько мгновений он твердо смотрел мне в глаза. Потом улыбнулся и ответил:

— С некой дамой отчасти королевских кровей. Они приехали врозь и уехали врозь, но в Йорк прибыли вместе.— Тут он удивленно поднял брови.— Но ты-то каким путем об этом узнал, милорд?

— У меня есть свои пути.

— Да уж должно быть,— спокойно кивнул он.— Ну, во всяком случае, сейчас все улажено в глазах Бога и рода человеческого. Король Лотиана выехал с Артуром из Каэрлеона в Линнуис, а молодая королева в Дунпелдире ждет, когда наступит срок родин. Что она ждет ребенка, ты, конечно, знаешь?

— Да.

— Они здесь и прежде встречались,— сказал Герейнт, как бы заключая: «И вот плоды этих встреч».

— Встречались? И часто? С какого времени?

— С тех пор как я прислан сюда, раза три или четыре.— Это прозвучало просто как деловой ответ на вопрос, а не как сплетня из таверны.— Один раз они тут прожили вместе целый месяц, только нигде не показывались, мы их не видели. Дозоры докладывали.

Я вспомнил опочивальню в царственных золотых и алых тонах. Значит, я был прав. Они давние любовники. И в сущности, я мог бы и не кривя душой убеждать Артура в том, что отец ребенка — Лот. Здесь, во всяком случае, считают так, о чем можно было судить по спокойному рассказу Герейнта.

— И вот теперь любовь все-таки восторжествовала над политикой. Не будет ли с моей стороны нескромностью спросить, гневался ли верховный король?

Он заслужил правдивый ответ, и я ответил:

— Гневался, разумеется, тому, как это все произошло, но теперь он считает, что все устроилось к лучшему. Моргауза — его единокровная сестра, так что союз короля с Лотом все равно подкреплен. А Моргана свободна и может заключить другой брак, когда представится подходящий случай.

— Регед? — сразу же предположил он.

— Возможно.

Он улыбнулся и переменил тему. Мы еще потолковали о том о сем, затем я поднялся.

— Скажи мне вот что,— попросил я на прощание,— известно ли тебе было, при твоей широкой осведомленности, о местонахождении Мерлина?

— Нет. Дозорные доносили о двух путниках, но кто это может быть — не знали.

— И куда направляются — тоже?

— Тоже.

Я был удовлетворен.

— Едва ли есть нужда повторять тебе, что никто не должен знать, кто я. И о нашем разговоре ты в донесениях не упоминай.

— Это я понял. Милорд...

— Да?

— Я о фортах на Трибуите и на озере. Ты говорил, что скоро приедут землемеры и расчетчики. Вот я и подумал, что мог бы взять подготовительные работы на себя и прямо сейчас отправить на место рабочие отряды для расчистки площади, рубки леса и дерна, заготовки строительного камня, рытья канав... Если ты дашь мне на то свое соизволение.

— Я? Но я не обладаю властью.

— Не обладаешь властью? Ты? — недоуменно повторил он. И тут же рассмеялся.— Ах, ну да, как же. Я не могу ссылаться на Мерлина, иначе люди начнут интересоваться, каким образом мне стала известна твоя воля. И глядишь, еще припомнят незаметного путника, продававшего травы и снадобья... Но поскольку этот незаметный путник привез мне грамоту от верховного короля, я, пожалуй, смогу пока действовать своей собственной властью.

— Да, уж придется некоторое время,— сказал я и простился с ним очень довольный.

Глава 9

Мы ехали дальше на север. От Йорка начиналась старая римская дорога, которую здесь называют Дерийский тракт, ехать по нему было удобно, и потому мы продвигались быстро. Ночевали, случалось, в тавернах, но чаще, по хорошей погоде, ехали до последнего света, а тогда съезжали на обочину и устраивались на ночлег под каким-нибудь цветущим кустом. Здесь, поужинав, я садился у потухающего костра и пел под звездными небесами, подыгрывая себе на маленькой арфе, а Ульфин слушал и мечтал о своем.

Он был приятным спутником. Мы знали с ним друг друга с детства, когда я сопровождал Амброзия в Бретани, где он собирал войско, чтобы отвоевать у Вортигерна Британию; а Ульфин маленьким рабом прислуживал моему наставнику Белазию. Жизнь мальчика в услужении у этого странного и жестокого человека была тяжелой, но после смерти Белазия Утер взял его к себе, и скоро Ульфин возвысился до положения доверенного слуги. Теперь это был темноволосый сероглазый мужчина лет тридцати пяти, тихий и неразговорчивый, какими бывают люди, сознающие, что обречены на одинокую жизнь. Годы, проведенные во власти извращенного Белазия, оставили на нем неизгладимый отпечаток.

Как-то вечером я сочинил песню и спел ее низким холмам Виновии, где по отлогим склонам, поросшим дроком и папоротником, и по широким вересковым пустошам с редкими соснами, ольхами да прозрачными купами берез струятся в узких лесистых оврагах чистые извилистые ручьи.

Мы устроились на ночлег в одном таком березнячке, где земля сухая, а тонкие гибкие ветви, недвижные в теплом вечернем воздухе, свисают вокруг шелковым шатром.

Вот моя песня. Я назвал ее Песней изгнания, позже мне случалось слышать ее с изменениями, обработанную знаменитым саксонским певцом, но первоначальный текст принадлежит мне:

Тот, кто одинок,
Часто ищет утешения
В милосердии
Создателя, Господа Бога.
Печален, печален верный друг,
Переживший своего господина.

Мир для него пуст,
Подобно стене под порывами ветра,
Подобно брошенному замку,
Где сквозь оконные переплеты сыплется снег
И на сломанном ложе
И в остывшем очаге
Выросли целые сугробы.
Увы, золотая чаша!
Увы, зала для пиров!
Увы, меч, оборонявший овчарню и яблоневый сад
От волчьих когтей!
Умер волкоборец,
Законодатель и опора законов,
А вместо него на королевском престоле —
Сам же тоскливый волк
И с ним орел и ворон.

Я пел, поглощенный своей песней, а когда наконец замерла последняя нота и я, подняв голову, огляделся, оказалось, что, во-первых, Ульфин по ту сторону костра заслушался и по щекам его бегут слезы, а во-вторых, что мы не одни. Ни Ульфин, ни я не заметили, как к нам по пружинящему мху подошли двое.

Ульфин увидел их одновременно со мной и вскочил, выхватив нож. Но было очевидно, что пришельцы не имеют худых намерений, и нож снова исчез в ножнах, прежде чем я успел сказать «убери» и прежде чем шедший впереди с улыбкой протянул раскрытую ладонь.

— Мы к вам с добром, добрые люди. Я любитель послушать музыку, а здесь, я слышу, у человека настоящий талант.

Я поблагодарил его, а он, словно сочтя мою благодарность за приглашение, подошел к костру и сел. Мальчик, сопровождавший его, сбросил с плеч на землю тяжелую ношу и тоже присел, но в отдалении от огня, хотя с приходом ночи поднялся прохладный ветер и горящие дрова манили погреться.

Наш гость был невысокий мужчина в летах, с подстриженной серебристой бородкой, из-под его густых лохматых бровей близоруко глядели живые карие глаза. Одежда его была запылена, но добротна, плащ из теплого сукна, мягкие сандалии и пояс — кожаные. Тонкой работы пряжка на поясе оказалась, как ни странно, золотой или же щедро позолоченной, плащ сколот круглой массивной фибулой, тоже золотой и столь же изысканной, в виде изогнутого филигранного трилистника в круге. Мальчик, которого я поначалу принял за его внука, был одет так же, но единственной драгоценностью в его костюме было некое подобие ладанки на тонкой цепочке вокруг шеи. Однако, когда мальчик протянул руку, чтобы развернуть одеяло для ночлега, рукав его задрался, и я увидел ниже локтя шрам, вернее, клеймо. Стало быть, это раб, и не только в прошлом, но и теперь, судя по тому, как он не решается подойти к костру, как без единого слова принялся разбирать поклажу. Выходит, что старик — человек с достатком.

— Ты разрешишь? — обратился он между тем ко мне. Наша простая одежда и скромное имущество: одеяла, расстеленные под березами, миски и кружки, потертые переметные мешки вместо подушек,— все это подсказало ему, что мы его ровня, не более.— Мы немного сбились с пути и были рады услышать твою песню и увидеть костер. Значит, и большак где-то поблизости, решили мы, и вот мальчик говорит мне, что дорога и вправду проходит там, за рощей, благодарение Вулканову пламени! Оно хорошо, конечно, шагать напрямик через болота и вересковые пустоши, да только при свете дня, а ночью здесь опасно и человеку, и зверю...

Пока он разговаривал, Ульфин, по моему кивку, встал, принес бурдюк с вином и предложил гостю. Но тот не без самодовольства отказался:

— Нет, нет! Спасибо тебе, милорд, но пища и питье у нас с собой, нам нет нужды прибегать к твоему гостеприимству, разве только, если позволишь, мы воспользуемся на эту ночь твоим костром и твоим обществом. Мое имя — Бельтан, а моего слугу зовут Ниниан.

— А мы — Эмрис и Ульфин. Милости просим. Не выпьешь ли все же вина? У нас с собой довольно.

— У нас тоже. И наоборот, я обижусь, если вы оба не выпьете вместе с нами. Отличное вино, как, надеюсь, ты убедишься сам...— И через плечо: — Еды, мальчик, живо, и предложи господам вина, которое дал нам в дорогу комендант.

— Издалека ли ты идешь? — спросил я его.

Правила вежливости не позволяли прямо спрашивать путника, из какого места он отправился и куда держит путь. Но в то же время правила дорожной вежливости требуют от него подробного рассказа, пусть иной раз и откровенно вымышленного.

Бельтан ответил без запинки, жуя поданную мальчиком куриную ногу:

— Из Йорка. Провел там всю зиму. Обычно трогаюсь с места с приходом весны, но нынче задержался... Полный город народу...— Он прожевал, проглотил и внятно добавил: — Время было благоприятное, прибыльное, и я счел за благо остаться подольше.

— Ты пришел со стороны Катрета? — поинтересовался я.

Он говорил на бриттском языке, и я, следуя его примеру, выговорил это название на старинный манер. Римляне произносили: «Катаракта».

— Нет, я избрал ту дорогу, что обходит равнину с востока. Но тебе ее не присоветую, милорд. Мы рады были свернуть на болотные тропы. Надеялись выйти на Дерийский тракт под Виновией. Но этот дурень,— он дернул плечом в сторону своего раба,— прозевал дорожный указатель. Мне приходится полагаться на него, сам я стал подслеповат и могу разглядеть разве только то, что у меня под самым носом, вот как этот кус курятины. Ну а Ниниан, как обычно, считал облака в небе, вместо того чтобы высматривать дорогу, и к сумеркам спохватились, а где находимся, неизвестно, и где город, позади ли, впереди, кто знает? Боюсь, что мы пропустили поворот, не так ли?

— Да, ты прав. Мы прошли через город еще засветло. Увы. У тебя в этом городе дела?

— У меня в каждом городе дела.

Он разговаривал на удивление спокойно и благодушно. И я порадовался за маленького раба. Тот, стоя у меня за плечом, наливал мне в кружку вино из бурдюка с самым сосредоточенным видом. Бельтан только напускает на себя строгость, подумал я, Ниниан вон совсем его не боится. Я поблагодарил, мальчик с улыбкой поднял взгляд — и я убедился, что строгость, выказанная Бельтаном, оправданна: мысли мальчика явно витали неведомо где, нежная, туманная улыбка была рассеянной, мечтательной. В тусклом свете костра и луны его серые глаза казались подернуты темной дымкой. Во всем его облике, в рассеянной грации его движений было что-то как будто знакомое... Дыхание ночи тронуло холодом мой затылок, и я почувствовал, как волосы у меня зашевелились, точно на загривке у лесного кота.

Мальчик молча отвернулся и склонился над кружкой Ульфина.

— Отведай, милорд,— приглашал меня между тем Бельтан.— Славное вино. Мне его дал один из гарнизонных командиров в Эборе... Где он сам его раздобыл, бог весть, такие вещи лучше не спрашивать, верно?

Он еле заметно подмигнул, вгрызаясь в куриную ногу.

Вино и вправду оказалось славное, темное, густое и ароматное, не уступавшее по вкусу лучшим винам, какие я пивал в Галлии или Греции. Я похвалил его, а про себя подумал: интересно, чем заслужил Бельтан такой ценный подарок?

— Ага! — все с тем же благодушным самодовольством проговорил Бельтан.— Теперь ты гадаешь, как мне удалось вырвать у него такое сокровище.

— Да, признаюсь,— с улыбкой ответил я.— А ты что же, чародей, читающий чужие мысли?

— Не совсем,— усмехнулся он.— Но я опять знаю, что ты сейчас думаешь.

— Что же?

— Ты ломаешь себе голову, не королевский ли маг сидит перед тобой в переодетом виде? Угадал? И вправду, только Мерлиновы чудеса могут заставить Витрувия отдать такое вино... Притом Мерлин, как и я, бродит по дорогам, похожий, говорят, просто на странствующего торговца, в сопровождении одного-единственного слуги, а то и вовсе один. Я прав?

— В оценке твоего вина — бесспорно, да. Должен ли я так тебя понять, что ты не просто «странствующий торговец»?

— Пожалуй, что так,— ответил он, кивая с важностью.— О Мерлине же я слышал, что он оставил Каэрлеон. Куда он направился и с какой целью, никто не знает, но это в его обычае. В Йорке говорят, что верховный король вернется в Линнуис к новолунию, а вот Мерлин взял да исчез на второй день после коронации.— Он перевел взгляд с меня на Ульфина.— А вы о нем ничего не слышали?

В его вопросе не содержалось никакого намека, но лишь любопытство, ведь странствующие мастера и торговцы собирают и разносят новости по всей земле, за что и встречают всюду радушный прием. Для них новости и слухи — просто ценный и ходкий товар.

Ульфин отрицательно потряс головой. Лицо у него было каменное. А мальчик Ниниан нашего разговора даже не слушал — он сидел, отвернувшись, и смотрел в душистый сумрак полей.

Прозвучал переливчатый обрывок птичьей трели — пернатая полуночница завозилась в гнезде, устраиваясь на ночлег. Лицо мальчика сразу озарилось мимолетной радостью, еле уловимой, неверной, как отблеск звезд на трепетных листьях берез над нашими головами. Вот оно, убежище Ниниана от сердитого хозяина и от утомительных ежедневных трудов.

— Мы пришли с запада, ты угадал, со стороны Дэвы,— ответил я на окольные вопросы Бельтана.— Но новости наши все, должно быть, устарели. Мы продвигались медленно. Я врач и путешествую от больного к больному.

— Вот как? Ну что ж,— сказал Бельтан и с аппетитом надкусил ячменную лепешку.— Зато мы непременно узнаем последние новости, когда доберемся до Корбриджа. Вы ведь тоже туда держите путь? Ну и прекрасно. Да ты не бойся стать моим спутником, я не маг и путешествую в собственном обличье. Даже если люди королевы Моргаузы вздумают сулить мне золото или грозить костром, я всегда смогу доказать им, что они обознались.

Ульфин поднял голову. А я только спросил:

— Как?

— Показав им свое искусство. Пусть говорят, что Мерлин может и то, и это, однако моим видом волшебства невозможно овладеть без обучения. А на это,— добавил он все с тем же веселым самодовольством,— уходит целая жизнь.

— Можно нам узнать, в чем твое искусство?

Мой вопрос был просто данью вежливости. Видно было, что Бельтан и без того собрался нас поразить.

— Сейчас я вам покажу.— Он торопливо дожевал лепешку, утерся и сделал последний глоток вина.— Ниниан! Ниниан! Успеешь еще намечтаться. Вынь мешок да подбрось дров в костер. Мне нужен свет.

Ульфин подобрал сухой сук и бросил в огонь. Взметнулось пламя. Мальчик вытащил увесистый мешок, сшитый из мягкой кожи, и, опустившись рядом со мной на колени, развязал и распластал его в свете костра по земле.

В глазах зарябило, засверкало: играли жаркие блики на золоте, пестрели черные и пурпурные эмали, переливчатые перламутры, густо-красные гранаты и синие стекляшки, вделанные в оправу или нанизанные на нить,— целая россыпь искусно сработанных украшений. Чего там только не было: броши и булавки, ожерелья, амулеты, пряжки для сандалий и поясов и одна пряжка для женского пояска в виде розетки из серебряных желудей. Броши и фибулы по большей части круглые, в три изогнутых лепестка, как у Бельтана на плаще, но были и старой формы — маленькие луки с тетивами, а также изображения животных, среди них один извивающийся прихотливыми кольцами дракончик, сделанный с поразительным искусством из перегородчатой эмали и выложенный гранатами.

Я поднял голову и встретился взглядом с Бельтаном — он смотрел на меня выжидающе. Я не обманул его ожиданий:

— Великолепная работа! Превосходная! Лучше я в жизни не видывал.

Он сиял простодушным удовольствием. А я, поняв, с кем имею дело, окончательно успокоился. Он был художником, а художники живут похвалой, как пчелы — нектаром. И, кроме собственного художества, их мало что занимает. Вот почему он не выказал интереса, когда я назвался ему врачом. Задал лишь несколько безобидных вопросов, охочий до любых новостей, как всякий странствующий мастер, ведь о событиях под Лугувалиумом до сих пор рассказывали легенды по всей Британии, и разве не соблазнительно было бы узнать, где сейчас находится герой этих сказок, волшебник Мерлин? Можно было не сомневаться, что он не подозревает, кто я. Я стал расспрашивать о его работе, побуждаемый самым искренним интересом: я всегда старался, где можно, знакомиться с искусством других людей. Его ответы убедили меня, что все эти украшения он сделал своими руками, а заодно и разъяснилось, за что ему было плачено таким превосходным вином.

— А твои глаза? — спросил я.— Ты их испортил этой тонкой работой?

— Да нет. Я плохо вижу, но для ювелирного искусства — в самый раз. Наоборот, такое зрение в моем деле очень ценно. Даже теперь, когда я состарился, я вижу у себя под носом мельчайшие мелочи, но вот твое лицо, милорд, различаю смутно, ну а уж деревья, которые нас, как я полагаю, окружают...— Он улыбнулся и пожал плечами.— Потому-то мне и приходится держать при себе этого негодного ротозея. Он — мои глаза. Без него я совсем не мог бы путешествовать, хотя вот и с его помощью едва не запропал в болоте. Не такие здесь места, чтобы идти без дороги по топям.

Эти сердитые слова говорились им просто так, по привычке, мальчик Ниниан не обращал на них никакого внимания. Он воспользовался случаем подойти поближе к костру и грелся в его тепле.

— Что же дальше? — спросил я золотых дел мастера.— Такие изделия достойны королевского двора. Для городского рынка они, уж конечно, чересчур хороши. Куда же ты с ними идешь?

— И ты еще спрашиваешь? В Лотиан, в город Дунпелдир. Когда у короля молодая жена, да еще прекрасная собой, как весенняя купавка, и нежная, как цветущий подснежник, для нашей работы всенепременно найдется сбыт.

Я протянул ладони к огню.

— Ах да,— с деланным равнодушием проговорил я.— Он ведь женился в конце концов на Моргаузе. Сговорил одну принцессу, а повенчался с другой. Что-то я такое об этом слышал. Ты был там, когда играли свадьбу?

— А как же. Короля Лота нельзя винить, так все говорили. Пусть принцесса Моргана и собой хороша, и законная королевская дочь, но уж ее сестра... Знаешь, как о ней говорят? Ни один мужчина, тем более такой, как Лот Лотианский, не мог бы приблизиться к этой женщине и не возжелать ее.

— И твоего слабого зрения достало, чтобы в этом убедиться? — спросил я и заметил улыбку Ульфина.

— А на что мне зрение? — весело захохотал Бельтан.— Ушито у меня есть. И я слышу людскую молву. А однажды я очутился вблизи молодой королевы, и почуял запах ее благовоний, и заметил чудный блеск ее волос в солнечном луче, и услышал ее дивный голос. Я тогда велел мальчику описать мне ее и смастерил для нее вот эту цепочку. Как полагаешь, купит ее у меня король?

Я взял в руку прелестную вещицу. Золотые звенышки были тоненькие, как шелковинка, а между ними в филигранной оправе сверкали розетки из жемчужин и топазов.

— Глупец будет, если не купит. Пусть только дама увидит ее первая, и тогда уж ему некуда будет деваться.

— На это у меня и расчет,— с улыбкой сказал он.— К тому времени, когда я доберусь до Дунпелдира, она уже оправится и станет снова думать о нарядах и украшениях. Ты ведь, конечно, слышал? Она две недели назад слегла родами, прежде срока.

Ульфин замер, и наступившая тишина прозвучала громче любого возгласа, так что Ниниан очнулся от грез и вскинул голову. Я против воли весь напрягся. Почувствовав, что возбудил особое внимание, золотых дел мастер довольно спросил:

— А ты что, разве не знал?

— Да нет. После Изуриума мы не останавливались в городах. Две недели? Это точно?

— Точно, милорд. Даже слишком точно, на взгляд иных.— Он засмеялся.— Кто и считать-то прежде не умел, куда ни посмотришь, целыми днями на пальцах высчитывали. Но как они ни подсчитывай, как ни старайся, хоть из кожи вон, а все равно выходит, что зачала она в сентябре. Это значит, под Лугуваллиумом,— мигнул старый сплетник,— когда помер король Утер.

— Возможно,— ответил я с полным безразличием.— А что король Лот? Я слыхал, он отправился в Линнуис навстречу Артуру?

— Отправился, верно. Он поди еще и не слыхал этой новости. Мы и сами ее узнали только в Элфете, когда останавливались там на ночлег. И как раз гонец королевы там проезжал, восточной дорогой. Что-то он такое говорил, что, мол, эта дорога безопаснее, но сдается мне, ему просто велено было слишком-то не спешить. Пока известие достигнет ушей Лота, вроде бы и не так мало времени прошло со свадьбы.

— А дитя? — спросил я как бы невзначай.— Мальчик?

— Да, и поговаривают, хилый. Еще выйдет на поверку, что как Лот ни торопился, а наследника не получил.

— Э, ладно. Еще успеет.— Я переменил тему.— А ты не боишься вот так путешествовать, с эдаким драгоценным грузом?

— Признаюсь, чего уж там. Кошки на сердце скребли. Обычно летом, когда я запираю свою мастерскую и пускаюсь в странствия, я беру с собой только тот товар, что раскупают на базарах, ну да еще побрякушки разные для купеческих жен. Но нынешний год мне не повезло, я не управился закончить работу над этими украшениями, чтобы показать их королеве Моргаузе до ее отъезда на север. Вот и приходится мне нести их ей вслед. Ну, зато теперь мне привалила удача встретить такого честного попутчика, как ты. Не нужно быть Мерлином, чтобы понимать такие вещи... я отлично вижу, что ты человек честный и благородный, вроде меня. Но скажи мне, на завтрашний день удача

меня не покинет? Будем ли мы иметь удовольствие, сударь мой, разделять ваше общество до Корбриджа?

На этот счет я уже успел принять решение.

— Хоть до самого Дунпелдира, если угодно. Я держу путь как раз туда. А если ты по дороге будешь делать остановки, чтобы торговать своим товаром, то меня и это не смущает, я получил недавно известие, что мне можно не спешить.

Он очень обрадовался и, по счастью, не заметил, как удивленно посмотрел на меня Ульфин. А я прикинул, что золотых дел мастер может мне быть полезен. Уж наверно, он не сидел бы до этих пор в Йорке, не заручившись от Моргаузы обещанием, что она допустит его к себе и посмотрит его изделия. Вскоре из его рассказа выяснилось, что я не ошибся. Почти без расспросов с моей стороны он словоохотливо описал мне, как сумел в Йорке познакомиться с юной служанкой Моргаузы Линд. В награду за пару дешевых побрякушек та взялась замолвить о нем слово перед королевой, и действительно, хотя сам Бельтан не был допущен пред очи королевы, Линд отнесла несколько вещиц своей госпоже, и Моргауза заинтересовалась его работой. Все это он рассказывал мне со многими подробностями. Он болтал, а я молча слушал, а потом как бы между прочим спросил:

— Ты упомянул про Моргаузу и Мерлина. Она что же, разослала солдат искать его? Но зачем?

— Да нет, ты неверно меня понял. Я просто пошутил. В Йорке, прислушиваясь к людской молве, я узнал, что будто бы у нее с Мерлином была под Лугуваллиумом ссора и что с тех пор она якобы поминает его имя только с ненавистью, хотя прежде всегда выражала завистливое восхищение его искусством. Ну и потом, все сейчас гадали: куда он мог скрыться? Да только будь она хоть трижды королева, против такого человека она все равно бессильна.

А ты, слава богу, изрядно подслеповат, подумал я, не то пришлось бы мне остерегаться такого проницательного всезнайки. Впрочем, хорошо, что судьба свела меня с ним. С такими мыслями я сидел и помалкивал, и наконец даже он почувствовал, что пора спать. Мы перестали подбрасывать сучья в костер и, завернувшись в одеяла, улеглись между корнями деревьев. Я лежал и размышлял о том, что, путешествуя вместе с настоящим странствующим мастером, я буду правдоподобнее выглядеть в своем

теперешнем обличье; к тому же он послужит при дворе Моргаузы если не моими глазами, то по крайней мере ушами, от него многое можно будет узнать. А Ниниан, который ему заменяет глаза? Снова словно бы холодное дыхание тронуло мне затылок, и все мои досужие предположения без следа растаяли, как тени при восходе солнца. Что это? — мелькнула у меня мысль. Предчувствие? Пробуждение прежних пророческих сил? Но и эта мысль расплылась и растаяла под шелест ночного ветра в плакучих ветвях берез и шорох рассыпающихся пеплом головешек. Бессонная ночь обступила меня со всех сторон. Не хочу, не буду сейчас думать о хилом младенце в Дунпелдире. Но все-таки, а вдруг он не выживет и мне не надо будет из-за него ломать голову?

Но нет, я знал, что на это надеяться нечего.

Глава 10

От Виновии до крепостного городка Корбридж не будет и тридцати миль, но мы добирались туда добрых шесть дней. Двигались мы не по прямой дороге, а всяческими окольными путями, сворачивая в каждую деревеньку, к каждому хутору.

Неторопливое наше путешествие было довольно приятным. Бельтану явно нравилось, что есть с кем поболтать, и жизнь Ниниана тоже стала легче, оттого что он перевалил на одного из наших мулов свою нелегкую ношу. Золотых дел мастер был, правда, чересчур разговорчив, но неизменно добродушен, к тому же его усердие и искусство заслуживали бесспорного уважения. Мы то и дело задерживались в каком-нибудь бедном селении, где он охотно брался за работу: что-то мастерил или чинил для его жителей; ну а уж в больших деревнях и в придорожных тавернах у него от заказчиков не было отбою.

Хватало дел и мальчику Ниниану, но в пути и во время ночных бесед у костра у нас с ним завязалась странная дружба. Он больше помалкивал, но, когда выяснилось, что мне знакомы нравы птиц и зверей, что как врачеватель я владею знаниями о травах да еще умею читать звездные письмена на ночном небе, он стал держаться поближе ко мне и даже, пересилив себя, обращался ко мне с расспросами. Оказалось, что он любит музыку и слух его верен; я показал ему, как настраивать струны моей арфы. Ни читать, ни писать он не умел, но, раз заинтересовавшись, выказал изрядную понятливость, которая со временем,

при хорошем наставнике, могла бы расцвести пышным цветом. И в конце нашего путешествия я начал подумывать о том, что этим наставником мог бы быть я и что неплохо бы мне взять Ниниана — с согласия его хозяина — к себе в услужение. С этой мыслью я стал приглядываться в селениях и встречных каменоломнях, не найдется ли подходящего раба, которого я мог бы ку́пить Бельтану, а Ниниана чтобы он отпустил ко мне.

Временами по-прежнему словно бы набегала на солнце тучка — я испытывал холодок смутного дурного предчувствия, тревоги и беспокойства. Где-то рядом притаилась угроза и высматривала место, чтобы нанести удар. Но предугадать, куда он придется, я не мог. Знал только, что это предчувствие относится не к Артуру. Ну а если к Моргаузе, будет еще время об этом позаботиться. Даже в Дунпелдире мне сейчас не страшно было появиться: у Моргаузы и без меня довольно хлопот, не последняя из них — предстоящее возвращение ее монаршего супруга, который тоже, не хуже прочих, умеет считать на пальцах.

И вообще то, что мерещится мне, может быть, вовсе и не беда, а так, пустячная досада одного дня, о которой завтра и думать забудешь. Когда боги затмевают свет тенью предчувствия, всегда трудно понять, накроет ли туча целое королевство или же только расплачется со сна младенец в колыбели.

Наконец мы достигли Корбриджа, что под самым Адриановым валом, пересекающим эту холмистую местность. В римские времена поселение у моста называлось Корстопитум. Здесь, в удобном месте, на перекрестке двух дорог: Дерийского тракта, идущего с юга на север, и дороги Агриколы, с запада на восток,— стояла надежная крепость. Со временем у стен крепости образовалось поселение мирных жителей и скоро выросло в богатый городок, куда стекались купцы, ремесленники и воины со всех концов британской земли. В наше время от крепости остались одни развалины, камень ее стен растащили на новые постройки, но к западу от нее, на взгорье над излучиной речки Кор, растет и процветает новый город: дома, таверны, лавки и большой шумный рынок — красочное наследие римских времен.

А крепкий римский мост, давший городу его нынешнее название — Корбридж,— стоит до сих пор, соединяя берега Тайна в том месте, где в него впадает с севера шумная речка Кор. У ее устья работает неутомимая водяная мельница, и бревна моста целыми днями стонут под грузом телег с зерном. Рядом с мельничной запрудой — пристань, куда причаливают плоскодонные барки. Кор хоть и не отличается многоводьем, но круто сбегает вниз по склону и крутит мельничные колеса; Тайн же — река широкая и быстрая, он катит здесь свои воды по пестрому галечнику, а вдоль низких его берегов щедро раскинулись зеленые деревья. Долина Тайна просторна и плодородна, здесь среди тучных хлебных полей растут и плодоносят фруктовые сады. С севера к этой широкой извилистой зеленой низине подступает вересковое нагорье, на нем под клочковатыми облаками здесь и там блестят на солнце синие озера. Зимой неприютно в этих местах, рыщут по вересняку волки и дикие люди, подходя порой к самым домам, но в летнюю пору здесь благодать, зеленые леса изобилуют оленями, лебединые стаи затмевают зеркало вод. Над болотистой равниной звенят переливчатые птичьи рулады, по долинам мелькают тенями быстрые ласточки, под обрывами синей молнией вспыхивает крыло зимородка, по скалистому хребту, то уходя кверху, то круто ныряя вниз, тянется великий Адрианов вал. И оттуда, сверху, открывается необъятный вид, далеко уходят ряд за рядом синие складки холмов, покуда не теряются за туманным краем земли.

Места эти были мне незнакомы. Я забрел сюда, потому что, как я объяснил Артуру, мне надо было навестить одного человека. Здесь, в Нортумбрии, поселился на старости лет бывший писец моего отца, с которым я подружился когда-то мальчиком в Бретани и виделся потом в Винчестере и Каэрлеоне. На пенсию, назначенную ему после смерти Амброзия, он купил немного земли под горой близ Виндоланды, где изгибается дорога Агриколы, и пару дюжих рабов, чтобы ее обрабатывать. Здесь он и жил, выращивая в своем укромном саду заморские растения и записывая, как я слышал, историю своего времени. Имя этого человека было Блэз.

Мы остановились в одной из таверен в старом городе, что на месте бывшей крепости. Бельтан вдруг почему-то заупрямился, уперся и ни в какую не пожелал платить пошлину, взимаемую на мосту, поэтому мы прошли еще с полмили вниз по реке до брода и перебрались на тот берег, а потом вернулись мимо кузнечной слободы и вошли в город через старые восточные ворота.

Пока мы делали этот крюк, совсем стемнело, и мы завернули в первую же встретившуюся на нашем пути таверну. Это ока-

залось вполне пристойное заведение вблизи главной рыночной площади. Несмотря на поздний час, кругом кипела жизнь, люди приходили и уходили, слуги судачили у колодца, наполняя водой кувшины; слышались смех, разговоры, прохладное журчание фонтана на площади; где-то в доме по соседству женщина пела песню ткачих. Бельтан веселился в предвкушении завтрашней торговли и даже приступил к делу, не откладывая на завтра, когда в таверну ближе к ночи стали возвращаться постояльцы. Я не стал наблюдать за его успехами. Ульфин принес мне известие о том, что у западной крепостной стены по-прежнему работают старинные бани, и я провел вечер там, вернулся освеженный и сразу лег спать.

Утром мы вдвоем с Ульфином позавтракали под большим платаном, росшим рядом с таверной. День обещал быть жарким.

Как ни рано мы поднялись, оказалось, что Бельтан с мальчиком нас опередили. Золотых дел мастер уже установил свой прилавок в выгодном месте у колодца, то есть, попросту говоря, он или, вернее, Ниниан расстелил на земле камышовую подстилку, и на ней теперь были разложены разные пестрые побрякушки, соблазнительные для глаз и кошельков простого народа. А драгоценные изделия покоились, надежно упрятанные, в глубине кожаных мешков.

Бельтан был в своей стихии: он болтал без умолку со всяким, кто хоть на минуту останавливался посмотреть на его товары, и каждую пустячную сделку подкреплял подробным рассказом о тонкостях ювелирного искусства. Его слуга, как обычно, молчал, терпеливо укладывая на подстилку вещицы, которые кто-нибудь взял в руки и бросил назад как попало, принимал деньги или обменные товары — съестное, ткань. А в остальное время сидел скрестив ноги и зашивал порванные ремешки своих сандалий, с которыми в дороге хлебнул горя.

— Или, быть может, вот эту, моя госпожа? — любезно беседовал Бельтан с круглощекой хозяюшкой, у которой на руке висела корзинка, полная пирожков.— Это по-нашему называется перегородчатая или византийская эмаль, красивая вещица, не так ли? Искусству перегородчатой эмали я обучался в Византии, но, поверь, красивее и в самой Византии не найдешь. А вот этот узор, но только в золоте, носят первые дамы королевства, я видел своими глазами. А эта? Эта из бронзы, и цена ей по материалу, а так она ничем не хуже, работа такая же, убедись

сама... Ты погляди, какие краски. Подыми-ка ее к свету, Ниниан. Видишь, до чего яркие, чистые, а между одним цветом и другим — медные нити, ишь как сияют... Да, это делается с помощью медной нити, тонкой и хрупкой, ее надо сначала выложить по рисунку, а потом наносятся краски, и нить их удерживает на месте, словно бы как загородка. Нет, госпожа, это не драгоценные камни, разве по такой цене они продаются? Это стекляшки, но, ручаюсь, они ярче любых самоцветов. Я и стекло варю сам, дело требует большого умения, вот в этой маленькой «этне», как я называю мою плавильную печурку. Но я вижу, тебе теперь недосуг, моя госпожа, покажи-ка ей быстро ту курочку, Ниниан, или, может быть, тебе больше понравится лошадка?.. Вон та, Ниниан. Ну скажи, госпожа, разве она не красавица? Право, исходи из конца в конец все наши земли, не найдешь нигде подобной работы. И всего-то за одно медное пенни! Да в этой броши меди не меньше, чем в монетке, которую ты мне за нее дашь...

Тут показался Ульфин с мулами в поводу. Мы условились, покуда Бельтан с мальчиком будут торговать, съездить тут поблизости в Виндоланду, с тем чтобы к утру возвратиться обратно. Расплатившись за завтрак, я поднялся и перешел через площадь проститься с Бельтаном.

— Вы уже собрались в дорогу? — проговорил Бельтан, не сводя глаз с женщины, которая рассматривала брошку.— Что ж, доброго пути тебе, мастер Эмрис, и надеюсь завтра вечером свидеться с тобою снова... Нет, нет, госпожа, твои пирожки нам ни к чему, хотя у них и очень соблазнительный вид. Сегодня цена — медное пенни. Ну вот и спасибо. Ты не пожалеешь о нем, моя госпожа. Ниниан, приколи брошь нашей покупательнице... Ну просто как королева, уверяю тебя. Сама королева Игрейна, первая дама на нашей земле, тебе бы позавидовала. Ниниан,— обратился он к своему слуге прежним привычно раздраженным голосом, лишь только женщина с покупкой отошла,— ну что ты стоишь, слюни глотаешь? Бери монетку и ступай купи себе новую обувь. Мы двинемся дальше на север, а ты что же, так и будешь отставать и спотыкаться в этих сандалиях, которые каши просят? Ступай, ступай.

— Нет! — Я и сам не заметил, что произнес это слово вслух, пока они оба не посмотрели на меня с удивлением. И, неизвестно почему, еще добавил: — Пусть мальчик купит себе пирожков,

Бельтан. С сандалиями успеется, а сейчас он голоден, да и солнце сияет.

Золотых дел мастер прищурился против солнечного света, близоруко заглядывая мне в лицо. Но потом, к моему удивлению, все-таки кивнул и ворчливо приказал Ниниану:

— Ну ладно, иди поешь.

Мальчик посмотрел на меня сияющими глазами и со всех ног бросился вдогонку за теткой с пирожками. Я ждал от Бельтана упрека за вмешательство не в свое дело, но он стал приводить в порядок разбросанные по камышовой подстилке товары, а мне только заметил:

— Ты, без сомнения, прав. Мальчишки всегда голодны, а этот — славный паренек и преданный. Он предпочтет, если понадобится, ходить босой, лишь бы только набить брюхо. Нам не часто достаются сладости, а ее пирожки, спору нет, издавали такой запах, просто объедение.

Когда мы ехали на запад вдоль реки, Ульфин с тревогой спросил меня:

— Что с тобой, милорд? У тебя что-нибудь болит?

Я покачал головой, и он больше не произнес ни слова, но, наверно, он видел, что я лгу, я и сам чувствовал, как на летнем ветру холодят мне лицо две струйки слез.

Мой учитель Блэз принял нас в уютном желтокаменном доме с внутренним двориком; у стен его росли яблони, а вокруг новомодных квадратных колонн вились цветущие розы.

Когда-то давным-давно этот дом принадлежал мельнику — рядом текла речка, сбегая по широким каменным ступеням между отвесными стенами берегов, заросшими папоротником и цветами. Ниже по течению, не далее как в сотне шагов, она совсем пропадала из виду под густой завесой деревьев — буков и орешин. А над ними на крутом склоне позади дома, открытый солнечным лучам, лежал обнесенный стеной сад, где старик взращивал свои зеленые сокровища.

Он сразу меня узнал, хотя мы и не виделись много лет. Жил он один, не считая двух садовников да женщины с дочерью, которые смотрели за домом и варили ему пищу. Женщина получила распоряжение приготовить к ночи постели и отправилась на кухню набирать угли в жаровни и бранить дочку. Ульфин пошел задать корм нашим мулам. И мы с Блэзом остались беседовать с глазу на глаз.

Летом на севере долго не темнеет, и потому после ужина мы перешли на террасу над бегущей водой. Камни все еще дышали теплом минувшего дня, вечерний воздух был напоен запахами кипариса и розмарина. В тени под деревьями кое-где белели мраморные статуи. Посвистывал в отдалении дрозд, подголосок умолкнувших соловьев. А рядом со мною почтенный старец (magister artium, как он себя теперь именовал) говорил о прошлом на чистейшей, безупречнейшей римской латыни. Весь этот вечер был словно целиком взят из Италии времен моей молодости, когда я, юношей, путешествовал по дальним странам.

Так я и сказал моему собеседнику, и он весь расцвел от удовольствия.

— Да-да. Хочется думать, что так. Человек не должен отступаться от просвещенных вкусов своей молодости. Я ведь учился в Италии до того, как удостоился чести быть принятым на службу к твоему отцу. Ах, эти годы, великие годы! Впрочем, в старости начинаешь, пожалуй, слишком часто озираться на прошлое, да, да, слишком часто.

Я вежливо заметил, что для историка это ценное свойство, и спросил, не окажет ли он мне честь и не почитает ли отдельные места из своего сочинения? Я успел заметить на каменном столе под кипарисом зажженную лампу и рядом — несколько свитков.

— Тебе в самом деле этого хочется? — обрадовался он, и мы перешли под кипарис.— Кое-что здесь и вправду, мне думается, представляет для тебя немалый интерес. И, по-моему, ты мог бы к моим записям кое-что добавить. По счастливой случайности как раз эта часть лежит у меня здесь, прямо под рукой... вот... да, вот этот свиток. Присядем? Камень сухой, и вечер погожий, я полагаю, нам будет уютно тут, под розами...

Раздел его исторического труда, выбранный им для чтения, относился ко времени после возвращения Амброзия в Британию. В те годы Блэз был близок к моему отцу, я же почти все время находился в отъезде. Кончив читать, он задал мне несколько вопросов, и я рассказал ему подробности решающей битвы с Хенгистом под Каэрконаном и последующей осады Йорка, рассказал и о том, как мы заново обживали и отстраивали свою землю. Восстановил я и кое-какие пробелы в его описании Ирландской войны Утера с Гилломаном. Я тогда сопровождал Утера, а сам

Амброзий оставался в Винчестере; Блэз был при нем до конца, от него я узнал тогда обстоятельства кончины моего отца, происшедшей в мое отсутствие.

Теперь он повторил мне свой рассказ:

— Вижу, как сейчас, высокосводчатую королевскую опочивальню в Винчестере, вокруг толпятся врачи и лорды, а твой отец лежит высоко на подушках, уже близок к смерти, но не утратил дара вразумительной речи и говорит, обращая слова свои к тебе, будто бы ты находишься тут же, при нем. Я сидел рядом, наготове, и записывал все, как полагалось, и меня то и дело подмывало оглянуться к изножью королевской кровати: может быть, и вправду ты там стоишь? А ты в это самое время возвращался морем с Ирландской войны и вез с собой огромный камень, под которым его похоронили.

И Блэз погрузился в воспоминания, старчески кивая головой и словно не желая расставаться с давно минувшими временами. Я возвратил его в сегодняшний день:

— Докуда же ты дошел в своем летописании?

— Я стараюсь записывать все, что происходит. Но теперь я далеко от средоточия событий и вынужден полагаться на слухи, которые ходят среди горожан, или на рассказы тех, кто меня навещает, и многое, должно быть, ускользнуло от моего внимания. Я веду переписку, конечно, но мне пишут не всегда исправно, да-да, молодые люди теперь пошли не те, что когда-то... Большая удача привела тебя ко мне, Мерлин. Для меня сегодня праздник. Ты погостишь, я надеюсь? Оставайся тут сколько пожелаешь, мой милый. Ты видишь, мы живем простой, но здоровой жизнью. И о стольком еще надо нам с тобой переговорить!.. Ты должен непременно посмотреть мой виноград. Да-да, у меня вызревает отличный белый виноград, в хороший год ягоды бывают удивительной нежности и сладости. Здесь дают плоды и фиги, и персики, мне даже удалось кое-что получить с привезенного из Италии гранатового деревца.

— Увы, сейчас я не смогу у тебя задержаться,— сказал я ему с искренним сожалением.— Утром я должен отправиться дальше на север. Но если позволишь, я еще заеду к тебе, вот увидишь. Это будет скоро, и обещаю тебе, я привезу уйму новостей. Сейчас происходят важные события, ты сослужишь людям бесценную службу, если все их подробно опишешь. А пока — можно я буду иногда присылать тебе письма? Я надеюсь до наступления зимы вернуться ко двору Артура и оттуда смогу сообщать тебе последние новости.

Он не скрыл своего восторга. Мы еще немного потолковали, потом ночные насекомые стали набиваться в лампу, мы внесли ее в дом и простились на ночь.

Окно моей спальни выходило на террасу, где мы провели этот вечер. И перед тем как лечь, я долго стоял, облокотясь на подоконник, и любовался уснувшим садом, дыша ночными ароматами, которые то и дело доносил до меня снизу легкий прохладный ветерок. Дрозд смолк, и нежный шелест речных струй один наполнил молчание ночи. Узкий месяц поплыл по небу как светлая ладья, замерцали летние звезды. Здесь, вдали от огней и шума многолюдных селений, ночи темнее, черный шатер небес раскинут широко-широко, уходя в запредельные дали, в иные миры, где обитают боги, где опадают, сыплются солнца и луны, подобно лепесткам цветов. Есть силы, что влекут взоры и сердца людей вверх, в пространство, прочь от тяжкого земного притяжения. Таково действие музыки, и лунного света, и любви, надо полагать, хотя мне она была тогда ведома лишь в молитве.

Снова навернулись слезы — я не мешал им течь. Я вдруг понял, что за облако затмевало мне душу со дня той случайной встречи у края вересковой пустоши. На мальчике Ниниане, таком юном и молчаливом, с чертами и жестами, исполненными такого благородства и изящества, даже несмотря на грубое рабское клеймо, я разглядел теперь, сам не знаю как, зловещую печать скорой смерти. Об одном этом заплакал бы всякий, но я к тому же еще оплакивал самого себя, волшебника Мерлина, который провидел, но не мог ничего изменить; Мерлина, который брел своим возвышенным путем, и не было у него на этом пути спутника. В ту ночь на вересковой пустоши, когда мы слушали птиц, милое лицо и тихий, внимательный юный взгляд поведали мне о том, что могло бы быть. Впервые с тех пор, как сам я мальчиком сидел у ног Галапаса, обучаясь у него тайнам магии, я увидел того, кого мог бы теперь сделать своим учеником. Он перенял бы от меня мое искусство не ради собственного могущества или удовольствия — такие желающие были — и не для удовлетворения вражды или корысти, а лишь потому, что угадал своим детским чутьем бег богов в движении ветра, речи их в говоре морских волн и сон в нежном колыхании трав; угадал, что божество — это и есть все самое прекрасное на земле. Магия

открывает подчас смертному человеку врата под гулкие своды полых холмов, сопредельных иному миру. И я мог, когда бы не занесенный над ним узкий меч рока, отомкнуть перед ним заповедные врата и под конец передать в его руки магический ключ.

Но он — умер. Должно быть, я уже знал, что это произойдет, когда мы простились на рыночной площади. Но не тогда, когда я ни с того ни с сего вдруг за него заступился, знание пришло позже. И как всегда в таких случаях, моим бездумно произнесенным словам беспрекословно подчинились. Так что мальчик по крайней мере получил свои пирожки и успел насладиться солнцем.

Я отвернулся от тонкого блестящего месяца и лег на кровать.

— По крайней мере он получил свои пирожки и успел насладиться солнцем.

Золотых дел мастер Бельтан рассказывал нам, как было дело, когда мы вечером сидели вместе за ужином в городской таверне. Он был необычно для себя немногословен и подавлен, и чувствовалось, что всей душой тянулся к нам, как, несмотря на резкие слова, тянулся прежде к мальчику.

— Утонул? — недоуменно переспросил его Ульфин, и я поймал на себе его взгляд: видно было, что он кое-что припомнил и начал соображать.— Но как это могло случиться?

— В тот вечер он привел меня с рынка, сложил в мешки все товары. День выпал удачный, выручили мы немало, могли сытно поужинать. Он потрудился на славу, а тут мальчишки собрались на реку купаться, и он попросился с ними. Он очень не любил ходить грязным... А день был знойный, люди на рыночных площадях взбивают ногами тучи пыли да навоза. Ну, я отпустил его. А потом, смотрю, мальчишки бегут обратно, рассказывают наперебой. Он, видно, оступился в омут и захлебнулся. У здешней реки, говорят, коварный нрав... Да только кто же мог знать? Кто мог знать? Когда мы переходили ее вброд, она показалась мне такой мелкой и смирной...

— А тело? — спросил Ульфин, переждав и удостоверившись, что я не прерву молчания.

— Унесло водой. Мальчишки рассказали, что река подхватила его и понесла, как полено в половодье. Оно всплыло через полмили вниз по течению, но никто из мальчишек не смог до

него дотянуться, а потом оно снова ушло под воду. Дурная смерть, канул в воду, что слепой щенок. Надо было разыскать его и похоронить как человека.

Ульфин произнес сочувственные слова, и вот уже стенания старого мастера стали иссякать, а меж тем был подан ужин, он занялся едой и питьем и понемногу успокоился.

На следующее утро солнце светило по-прежнему ярко, и мы отправились дальше на север, теперь втроем, а спустя четыре дня уже достигли страны вотадинов, что зовется на языке бриттов Манау-Гуотодин.

Глава 11

Так, через десять дней пути, с остановками в торговых селениях, мы добрались до города Дунпелдира — столицы короля Лота. Был на исходе непогожий пасмурный день, шел дождь. Нам повезло найти подходящее пристанище в таверне, сразу как въезжаешь в южные ворота.

Город оказался небольшой — всего лишь кучка домов и лавок, тесно сгрудившихся у подножия отвесной скалы, на которой высился королевский замок. В стародавние времена на вершине скалы умещался и весь укрепленный город, но теперь дома выросли под горой вплоть до берега реки и под стенами замка, где склоны более отлоги. Река (тоже Тайн) здесь изгибается, опоясывая подножие замковой горы, а потом широкими извивами несет свои воды по ровной низине к песчаным отмелям устья. По низким берегам жмутся людские жилища, сохнут вытащенные на галечник лодки. Через реку перекинуты два моста: один бревенчатый, на мощных каменных опорах, по которому ведет дорога к главным воротам замка; другой узкий, дощатый, к нему от замка спускается крутая боковая тропа. Мощеных дорог в этих краях не прокладывали, дома вырастали как попало, без оглядки на красоту и того менее — на удобства. И городишко образовался дрянной: домики из необожженного кирпича под дерновыми крышами, улочки узкие, в непогоду превращаются в бурлящие потоки гнилой воды. Река, повыше и пониже города такая чистая и прекрасная, здесь забита отбросами и заросла водорослями. А от подножия отвесной скалы до речного берега раскинулась рыночная площадь, и здесь наутро Бельтан разложит на продажу свои товары.

Мне же, я понимал, надо было безотлагательно выполнить одно важное дело. Если подслеповатый Бельтан, как это ни смешно звучит, должен послужить моими «глазами» в замке, значит, ни меня, ни Ульфина не должны видеть в его обществе. А поскольку он нуждается в услужении, необходимо как можно скорее найти ему помощника на место утонувшего мальчика. Сам Бельтан за время нашего путешествия не предпринял для этого никаких усилий, но был благодарен, когда я предложил ему свою помощь.

Не доезжая городских ворот, я заметил по пути каменоломню, небольшую, но действующую. Туда я и отправился рано поутру, закутавшись с головы до ног в старый бурый плащ, и разыскал надсмотрщика, здоровенного простодушного детину, который расхаживал среди жалких полуобрушенных забоев и еще более жалких полуголых рабов с видом лорда, прогуливающегося на свежем воздухе по своему загородному имению.

Он надменно оглядел меня.

— Крепкие рабы нынче дороги, любезный,— сказал он, а сам, я видел, прикидывал при этом мне цену и пришел к выводу, что много с меня не возьмешь.— Да и нет у меня лишнего... На таких работах, как у нас здесь, собирается всякое отребье... узники, преступники, воры. Чтобы вышел хороший домашний раб или, скажем, работник в поле или чтобы владел каким ремеслом — таких тут не найдется. Ну а сила, она нынче в цене. Ты бы лучше повременил до ярмарки. На ярмарку всякий народ сходится — нанимаются на работу в одиночку и семьями, за хлеб и похлебку продают в рабство себя и своих отпрысков... Хотя, тоже сказать, чтобы по дешевке купить, тебе придется ждать зимних холодов.

— Нет, я не хочу ждать. Я заплачу хорошую цену. Я путешествую, и мне нужен мужчина или мальчик. Можно и необученного, умел бы содержать себя в чистоте и быть преданным хозяину. Ну и чтобы хватало сил путешествовать даже зимою, когда дороги совсем плохи.

Я говорил и видел, как вырастаю в его глазах.

— Ты путешествуешь? — переспросил он меня уважительнее.— Кто же ты такой?

Я решил не объяснять, что ищу слугу не для себя.

— Лекарь,— ответил я.

Мой ответ возымел на него, как обычно, немедленное действие. Он сразу же принялся перечислять мне свои немощи и недуги, которых у него за пятьдесят лет прожитой жизни, уж конечно, скопилось изрядное количество.

— Ну что ж,— сказал я ему, когда он кончил.— Полагаю, что смогу тебе помочь, но пусть уж это будет взаимно. Если у тебя найдется работник, которого ты уступишь мне,— только смотри, много не запрашивай, ведь у тебя тут одно отребье,— то, пожалуй, и я тебе услужу. Но вот еще что: сам понимаешь, в моем деле важно соблюдать тайну, так что болтливого я не возьму, мне нужен молчун.

Разбойник задумался, вытаращив глаза, но потом шлепнул себя по ляжкам и расхохотался, словно услышал бог весть какую веселую шутку. Повернув голову, он заорал во всю глотку:

— Эй, Кассо! А ну топай сюда! Да поживее, ты, чучело! Тут счастье тебе привалило, слышь, новый хозяин по твою душу и новая жизнь с приключениями!

Из забоя под огромной каменной плитой, которая нависала над каменотесами и грозила, на мой взгляд, с минуты на минуту обвалиться, выбрался долговязый юноша. Он медленно распрямил спину, огляделся и, отбросив кирку, зашагал в нашу сторону.

— Вот этого могу тебе уступить, господин лекарь,— кивнул на него веселый надсмотрщик.— Он как раз будет по тебе.

И снова разразился радостным хохотом.

Юноша подошел и встал перед нами, свесив руки и глядя в землю. С виду лет восемнадцати-девятнадцати, он казался достаточно крепким — иначе разве он выдюжил бы целых полгода такой жизни? — но тупым до безмозглости.

— Кассо! — окликнул я его.

Он поднял голову, и я понял, что это не тупость, а крайняя усталость. Когда живешь без надежды и радости, какой прок тратить силы на то, чтобы думать?

А надсмотрщик снова засмеялся.

— Его спрашивать бесполезно. Что хочешь узнать, задавай вопросы мне или смотри сам.— Он схватил и поднял кверху руку юноши.— Видал? Силен как мул, грудь как мехи, руки-ноги богатырские. А уж молчун — в самый раз по тебе. Молчун наш Кассо, каких мало. Потому как он немой.

А тот давал себя осмотреть, покорный и вправду как мул, но при последних словах надсмотрщика снова глянул на миг мне в глаза. И я понял, что ошибался. В этом взгляде была мысль, а с нею и надежда; но надежда тут же угасла.

— Но не глух, насколько я вижу. Что за причина его немоты, тебе неизвестно?

— Причина — его собственный глупый язык, так можно сказать.— Он было опять рассмеялся, но, встретив мой взгляд, только откашлялся.— Твое искусство тут не поможет, господин лекарь, потому как язык у него вырван. Как уж там по правде было дело, я толком не знаю, знаю только, что он состоял в услужении в Бремениуме и, похоже, чересчур часто рот разевал, ну и доразевался. Лорд Агвизель не из тех, кто станет терпеть дерзость... Теперь-то он урок усвоил. После починки мостов я поставил его тут на тяжелые работы, и хлопот он мне не причинял. Сдается, он был домашним слугой, и ты как раз получишь отличного молодого... Эй, вы там!

Во все время разговора он то и дело поглядывал на рабов, разбивавших камень. А теперь вдруг сорвался с места и с криками и бранью бросился к тем, кто, воспользовавшись его невниманием, попытался умерить свое усердие.

Я внимательно посмотрел на Кассо. Когда надсмотрщик произнес слово «дерзость», по лицу его пробежала тень и голова качнулась в непроизвольном отрицании.

— Ты служил в доме Агвизеля? — спросил я его.

Кивок.

— Понятно.

Я и в самом деле, кажется, понимал, что произошло. Агвизель пользовался дурной славой, он был шакалом при волке Лоте и жил в своем логове на горе, на развалинах старой римской крепости, где творились дела, о которых порядочному человеку не пристало даже догадываться. До меня доходили слухи, что он держал для услужения немых и ослепленных рабов.

— Я не ошибаюсь, полагая, что ты был свидетелем того, о чем нельзя было, чтобы узнали люди?

Опять кивок. На этот раз Кассо не отвел взгляд. С ним давно уже, наверное, никто даже не пытался разговаривать.

— Так я и думал. Я и сам кое-что слышал о делах милорда Агвизеля. Ты не умеешь ни читать, ни писать, Кассо?

Он покачал головой.

— Благодари судьбу. Если бы умел, то сейчас тебя уже не было бы на свете.

Надсмотрщик поддал жару своим каменотесам и возвращался туда, где стояли мы.

Я быстро прикинул. Что юноша не способен говорить — невелика потеря для Бельтана, который сам разговаривает за двоих. Я, правда, рассчитывал, что новый раб будет «глазами» своего хозяина в Дунпелдире. Но теперь я подумал, что в этом нет нужды: обо всех событиях в королевском замке Бельтан поведает мне без чьей-либо помощи. Зрение у него слабое, зато слух прекрасный, он будет пересказывать, что услышит от людей, а как выглядит замок внутри — велика ли важность? Когда мы соберемся в обратную дорогу, золотых дел мастер, конечно, сможет, если понадобится, подыскать себе другого слугу. Теперь же нельзя терять времени, а за этого парня можно ручаться, что он лишнего не скажет, даже если бы и хотел, и будет, надо полагать, предан хотя бы из благодарности.

— Ну? — спросил надсмотрщик.

Я ответил:

— У того, кто служил в Бремениуме и остался жив, уж конечно, хватит сил для службы у меня. Я его беру.

— Вот это дело!

И он пустился так громогласно хвалить мое решение и превозносить многоразличные достоинства Кассо, что я подумал, уж не сам ли он владелец этих рабов. Но скорее всего, он просто предвкушал возможность пополнить свой карман, а хозяевам доложить о смерти очередного раба. Когда же зашла речь о цене, я отослал Кассо за скудными пожитками, приказав дожидаться меня у поворота дороги. Я считал неправильным, если человек твой пленник или достался тебе за деньги, еще и унижать его достоинство. Даже конь или пес лучше делают свое дело, когда гордятся собой.

Кассо ушел, а я снова обратился к надсмотрщику:

— Мы условились, как ты помнишь, что в счет платы за этого раба я дам тебе кое-какие целебные снадобья. Так вот, ты найдешь меня в таверне у южных ворот. Приходи нынче же вечером или пришли кого-нибудь, пусть спросит мастера Эмриса, а я успею приготовить лекарства, и они будут тебя ждать. Остальную же цену...

В конце концов мы поладили и я вернулся в таверну, сопровождаемый новым рабом.

У Кассо лицо вытянулось, когда он узнал, что будет служить не мне, а Бельтану, но еще до наступления ночи от тепла, сытной пищи и веселого общества он распрямился, развернулся, как

растение, выросшее в темноте и вдруг очутившееся среди солнца и воды. Бельтан не находил слов, чтобы выразить свою благодарность, и не откладывая принялся разъяснять и расхваливать перед новым слугой свое ремесло. Кажется, Кассо нарочно не мог бы сыскать себе места, где его немота была бы столь малой помехой. Мне даже подумалось, что Бельтану положительно нравится иметь бессловесного слугу. Ниниан тоже почти не говорил, но он и не слушал. А Кассо впитывал слова мастера, перебирая загрубелыми пальцами тонкие изделия, и ум его прямо на глазах пробуждался от безнадежного и бессильного оцепенения.

Таверна была слишком мала, а мы не могли показать, что у нас есть средства на отдельное помещение, но в дальнем конце общей залы имелся альков, в нем стояли стол и две лежанки, и там мы расположились достаточно уединенно. Никто не обращал на нас внимания, а мы слушали, что рассказывают захожие гости. Определенно мы ничего не узнали, а вот слухов было хоть отбавляй — например, что Артур дал и выиграл два сражения и саксы приняли его условия; что верховный король находится в Линнуисе, где и пробудет еще некоторое время, и что Лота ждут домой со дня на день.

На самом-то деле он прибыл только через четыре дня. Все это время я сидел в таверне, составляя письма Игрейне и Артуру, а вечерами бродил по городу и окрестностям, знакомясь с улицами и проселками. Город был невелик, на незнакомого человека глазели как на диковину, и я, чтобы не привлекать взглядов, выходил на прогулку, когда смеркалось и горожане сидели за ужином. По тем же соображениям я никого не оповещал о том, что я лекарь, людям хватало выше головы и Бельтана, в мою сторону просто не смотрели. Я думаю, меня принимали за бедного писца. Ульфин часами толкался у городских ворот, собирая слухи и дожидаясь вестей о прибытии Лота. А простодушный, ничего не подозревающий Бельтан занимался своим делом. Он установил неподалеку от таверны на рыночной площади плавильную печку и начал обучать Кассо паяльным и починочным работам. Этим он вызвал интерес, а вслед за интересом пришли заказы, и скоро у золотых дел мастера отбою не стало от покупателей.

И это на третий день привело к последствиям, на которые мы рассчитывали. Служанка королевы Линд, проходя рыночной площадью, заметила Бельтана, подошла и напомнила ему о себе. А Бельтан отослал ее домой с поклоном ее госпоже и с новой пряжкой на пояске и за эту щедрость был вознагражден. Назавтра

за ним прислали из замка, и он, ликуя, отправился туда в сопровождении нагруженного Кассо.

Даже не будь Кассо немым, от него бы я все равно ничего не узнал. Едва они вошли через задние ворота, как Кассо задержали и оставили дожидаться в будке привратника. Золотых дел мастера придворные слуги препроводили к королеве одного.

Вернулся он в таверну в сумерки, распираемый избытком впечатлений. Он хотя и любил прихвастнуть знакомством с великими людьми, но на самом деле впервые побывал в королевском замке, и Моргауза была первой королевой, которая пожелала надеть его украшения. Допущенный в Йорке пред очи королевы, он с тех пор всегда отзывался о ней восторженно, но теперь восторг перерос в настоящее поклонение: ее розово-золотистая краса даже на него вблизи оказала свое магическое действие. За ужином возбужденный Бельтан рассказывал нам во всех подробностях, как все происходило, не допуская и мысли, что мне это может быть неинтересно. Он повторил нам с Кассо (Ульфин попрежнему отсутствовал) слово в слово все, что было сказано во время его посещения королевы, и как она была хороша, и как хвалила его работу, какую выказала щедрость, купив три украшения и приняв в дар четвертое, и даже какими духами от нее пахло. Он постарался описать и роскошь ее туалета, и богатое убранство зала, в котором она его принимала, но здесь нам пришлось довольствоваться лишь самыми общими впечатлениями — пронизанная пестрым светом благоухающая дымка, прохладное сияние дня, падающее из окон на переливчато-янтарную парчу и на розовое золото волос, шуршание шелка и горячее потрескивание поленьев в очаге, с утра растопленном ввиду пасмурной погоды. И музыка — девичий голосок, напевающий колыбельную песню.

— Значит, и дитя тоже было там?

— А как же. Спало в высокой колыбели вблизи очага. Я ясно видел против пламени. И тут же девушка, что качала колыбель и пела. А сверху свисал шелковый кисейный полог и в нем колокольчик, он отсвечивал огнем и позвякивал при каждом колыхании. Настоящая королевская колыбель. Восхитительно! Вот когда я подосадовал на мои старые глаза.

— А дитя ты тоже видел?

Оказалось, что дитяти он не видел. Оно проснулось и заплакало тихонько, но нянюшка его успокоила, не беря на руки. Ко-

ролева как раз примеряла ожерелье, она, не оглядываясь, взяла зеркальце из рук девушки и повелела той спеть младенцу песенку.

— Прелестный голосок,— рассказывал Бельтан,— но песенка до того печальная. Я бы и певицу не признал, не обратись она ко мне давеча на рынке сама и не назовись по имени. Исхудала и осунулась, как мышка, и голосок тоже тоненький, словно тоской исходит. А зовут ее Линд, говорил я тебе? Странное имя для девушки, ведь верно? Кажется, оно означает «змея»?

— Да. А имя младенца ты не слышал?

— Они называли его Мордред.

Тут Бельтан попытался было снова вернуться к описанию королевской колыбели и прелестной нянюшки, которая ее раскачивала и напевала, но я вернул его к тому, что интересовало меня.

— А не говорилось ли чего о предстоящем возвращении короля Лота?

Бельтан, увлеченный художник, даже не заметил, к чему я клоню. Короля ждут домой со дня на день, ответил он мне радостно. Королева взволнована, совсем как юная дева. Ни о чем другом не говорит. Понравится ли ее господину новое ожерелье? Ярче ли блестят ее глаза при серьгах? Право, половиной из того, что он наторговал, заключил Бельтан, он обязан ожидаемому приезду короля.

— И совсем незаметно было, чтобы она боялась?

— Боялась? — недоумевающе переспросил он.— Это еще почему? Она была весела и взволнованна. «Вот погодите,— говорила она придворным дамам, как всякая молодая мать, чей муж возвращается с войны,— скоро мой господин увидит, какого замечательного сына я ему родила и до чего он похож на отца! Как волчонок на волка». И ну смеяться, ну хохотать. Это она так пошутила, мастер Эмрис. Лота в здешних краях почитают героем, и прозвище у него — Волк, такой здесь на севере народ живет дикий. Вот она и пошутила. А с чего бы ей бояться?

— Просто я вспомнил слухи, о которых ты мне раньше рассказывал. Ты говорил, что в Йорке люди шептались кое о чем, и здесь на базаре среди простого люда тоже ходят толки.

— А-а, ты об этом. Ну, мало ли что люди болтают. Это все злобные наговоры, мастер Эмрис. Сам знаешь, всегда начинают шептаться, если случаются преждевременные роды, а уж в королевском доме тем более, потому как тут больше, как бы это сказать, поставлено на карту.

— Значит, все же младенец родился прежде времени?

— Да, я слышал, что так. Никто не думал не гадал. Король отправил на север к королеве своих лекарей, а они опоздали — пока прибыли, дело было уж кончено. Ей помогали в родах женщины, но все, милостью божией, обошлось благополучно. Помнишь, люди говорили, что дитя родилось хилое? Так оно и есть, я слышал по голоску, когда оно заплакало. Да только оно выправляется и растет. Так сказала девушка Линд, когда провожала меня до ворот. Я у нее спрашиваю, а правда ли, что мальчик так необыкновенно походит на короля Лота? Она посмотрела на меня так, что, мол, вот теперь все злые языки замолчат. Но ответила только: «Да, так походит, что уж дальше некуда».

Бельтан наклонился над столом и, довольный, закивал головой.

— Так что все это враки, мастер Эмрис. Достаточно поговорить с ней самой. Чтобы такое прелестное создание и обмануло мужа? Да она вся светилась, словно невеста, в ожидании супруга. И смеялась своим мелодичным смехом, как звон серебряного колокольчика над королевской колыбелью. Можешь не сомневаться, все это враки. Пустили слух, надо полагать, в Йорке, там было кому маяться завистью... Ну, да ты меня понимаешь. И притом еще дитя — вылитый отец. Они там все время твердили: «Король Лот приедет, посмотрит — и увидит самого себя, словно в зеркале, вот как ты, госпожа, смотришься в зеркало и видишь свое отражение. Ну вылитый король, младенчик ты наш!..» Знаешь это женское сюсюканье, мастер Эмрис. «Вылитый венценосный папенька!»

Так он болтал без устали, а Кассо, занятый наведением блеска на какие-то медные бляшки, улыбался, прислушиваясь; и я тоже помалкивал, лишь изредка вставлял слово-другое, а на самом деле думал свои думы.

Походит, стало быть, на отца? Темные волосы, темные глаза — это может относиться и к Лоту, и к Артуру. Возможно ли, что рок все же был к Артуру милосерден? Что она зачала от Лота, а потом соблазнила Артура, надеясь привязать его к себе?

Если бы так! Но я отбросил эту возможность. Тогда, в Лугуваллиуме, когда я ощутил грозное дыхание беды, сила моя еще оставалась при мне. Но и без этого сегодня ясно, что следует остерегаться коварства Моргаузы. Я ради того и прибыл на север, чтобы держать ее под наблюдением, и теперь рассказ Бельтана мог подсказать мне, чего именно я должен опасаться.

Тут возвратился Ульфин и остановился за порогом, стряхивая с плаща мелкие дождевые капли. Он выискал меня глазами в таверне и сделал мне еле заметный знак. Я встал и, извинившись перед Бельтаном, подошел к порогу.

— Есть новости,— шепнул мне Ульфин.— Только что прискакал в город гонец королевы. Я сам его видел. Конь в мыле, загнан чуть не насмерть. Я говорил тебе, что подружился с одним из привратников? Так вот, он говорит, что король Лот уже близко. Он продвигается быстро и будет дома нынче в ночь или к утру.

— Спасибо,— поблагодарил я его.— Ты весь день провел под открытым небом, ступай теперь переоденься и поешь. В рассказе Бельтана кое-что подсказывает мне, что надо сторожить у задних ворот замка. Когда поешь, приходи, я буду там. Я постараюсь отыскать укрытие, чтобы нам не вымокнуть и остаться незамеченными.

Мы вернулись к столу, и я спросил у Бельтана:

— Ты не отпустишь ли со мной Кассо на полчаса?

— Разумеется! Но позже он мне понадобится. Мне велено завтра снова быть в замке и возвратить распорядителю двора вот эту пряжку. Чтобы ее починить, мне потребуется помощь Кассо.

— Я его не задержу. Кассо!

Раб был уже на ногах.

Ульфин спросил с легкой тенью недоверчивости:

— А ты точно знаешь, что теперь надо делать?

— Догадываюсь,— ответил я.— Моя сила, как я тебе говорил, мне здесь не в помощь.

Я произнес это тихо, в шуме таверны Бельтан не мог меня услышать. А вот Кассо услышал и быстро перевел взгляд с меня на Ульфина и обратно. Я улыбнулся ему.

— Не беспокойся, Кассо. У нас с Ульфином тут есть дела, которые никак не затрагивают тебя и твоего хозяина. А теперь идем со мной.

— Я мог бы сам с тобой пойти,— торопливо предложил Ульфин.

— Нет. Делай, как я сказал, сначала поешь. Наша стража может оказаться долгой. Кассо...

И мы пошли по лабиринту грязных улиц. Дождь лил теперь ровно и сильно и разливался топкими, зловонными лужами.

В домах если где и мерцал свет, то лишь слабый, дымный отблеск очага, да и тот просачивался сквозь шкуры или мешковину, которыми были затянуты все окна по случаю плохой погоды. Скоро наши глаза привыкли к темноте, и мы могли успешно перебираться, не замочившись, через черные потоки. Но вот над головой у нас замаячил черный склон замковой горы. Вверху, над задними воротами, среди тьмы горел фонарь.

Кассо, шедший за мной по пятам, тронул меня за локоть и указал на узкий проулок, больше похожий сейчас на канаву для стока воды. В прошлый раз я шел другим путем. Снизу, сквозь плеск дождя, доносился шум реки.

— Этот проулок ведет напрямую к пешеходному мостику? — спросил я у Кассо.

Он старательно закивал.

Мы стали осторожно спускаться по скользким булыжникам. Река ревела все громче. Я уже видел пену под водосбросом и большое мельничное колесо. Дальше в отсветах от белой пены угадывался мостик.

Вокруг не было ни души. Мельница не работала. Мельник, возможно, жил в верхнем помещении, но держал свои ворота на запоре, и света в окнах тоже не было заметно. По-над берегом среди мокрых трав, мимо запертой мельницы шла топкая дорожка к мосту.

Я даже подосадовал на Кассо за то, что он выбрал этот спуск. Верно, сообразил, что надо подойти к мосту тайно; хотя, право, в такую непогоду и на главной улице никого не встретишь. Но мысли мои были прерваны звуком человеческих голосов и светом качающегося фонаря — я едва успел укрыться в воротах мельницы.

Мимо нас тем же путем, что и мы, спускались трое. Они спешили, переговаривались вполголоса и передавали из рук в руки бутылку. Замковые слуги, надо полагать, возвращаются восвояси из таверны. У моста они остановились, оглянулись через плечо. Облик их и замашки были заговорщицкие. Один что-то сказал, послышался смех, тут же пресекшийся. Потом они двинулись дальше, но я уже успел разглядеть их в свете фонаря: они были вооружены и трезвы.

Кассо стоял рядом со мною, вжавшись в темную нишу ворот. Трое прошли мимо, не посмотрев в нашу сторону, и, гулко топоча по мокрому мосту, перешли на другой берег.

Но бегучий свет их фонаря на миг осветил для меня и еще кое-что. Рядом с мельничными на углу были еще одни ворота, и они стояли распахнутые. На заросшем травой дворе лежали сложенные чурбаки и ободья, и я понял, что здесь работает колесных дел мастер. Ночью мастерская пустовала, но в глубине под навесом еще тлели непрогоревшие угли. Спрятавшись в темной мастерской, я смогу слышать и видеть всякого, кто приблизится к мосту.

Кассо первым добежал до теплого укрытия и схватил охапку прутьев, чтобы положить на горячую золу.

— Больше одного не клади. Вот так, молодец,— сказал я.— Теперь ступай назад и приведи сюда Ульфина, а после этого можешь вернуться в таверну, обсушиться, обогреться и больше о нас не думать.

Он закивал, заулыбался, как видно желая мне показать, что моя тайна, какова бы она ни была, умрет у него в груди. Бог знает, что он предполагал: свидание, может быть, или же шпионство. Если уж на то пошло, я и сам знал не многим более, чем он.

— Кассо, ты хотел бы научиться читать и писать?

Никакого ответа. Улыбка сошла с его лица. В свете разгорающегося язычка огня я увидел, что он замер, расширив глаза, не веря самому себе, словно заплутавший, отчаявшийся в спасении путник, которому вдруг показали дорогу. Потом один раз, резко, кивнул.

— Я позабочусь о твоем обучении, А теперь ступай, и спасибо. Доброй ночи.

Он помчался со всех ног вверх по зловонному переулку, словно не ночью, а средь бела дня. Я увидел, как он подпрыгивает и пританцовывает на бегу, как молодой барашек, выпущенный на пастбище погожим утром. А я вернулся в мастерскую под навесом, обойдя яму с дегтем и большой молот, прислоненный к штабелю колесных спиц. У очага я приметил скамеечку, на которой днем сидел подмастерье, раздувавший мехи, и уселся ждать и сушить у огня свой мокрый плащ.

Снаружи, под ровный шорох дождя, грохотала вода, скатываясь по желобу в запруде и обрушиваясь на ступицы мельничного колеса. Пробежали два голодных бездомных пса, огрызаясь друг на друга из-за каких-то отбросов. У колесника в мастерской пахло свежей древесиной, высыхающей смолой, обкуренным вязом. И в теплой темноте, не заглушенные шумами близкой воды, отчетливо потрескивали маленькие язычки моего огня. Время шло.

Однажды я уже сидел так у огня в одиночестве, устремленный мыслью к родильным покоям. И тогда бог открыл мне судьбу новорожденного младенца. То была ночь звезд и ветра, дующего над чистым морем, и великой королевской звезды, воссиявшей на небосводе. Я был тогда молод и полон веры в себя и в моего бога, который меня вел. Теперь же я ни в чем не был уверен, кроме того, что злу, задуманному Моргаузой, смогу противостоять не больше, чем сухой сучок может задержать пенную струю, бегущую по водосбросу плотины.

Однако знание — это тоже оружие. Сюда меня привела обыкновенная человеческая догадка, теперь посмотрим, правильно ли я разгадал замыслы этой рыжекудрой ведьмы. И притом, пусть бог меня и оставил, все равно на моей стороне сила, какой может располагать редко кто из смертных: к моему слову прислушивается король.

А вот и Ульфин, он пришел разделить со мной одиночество ночной стражи, как некогда в Тинтагеле. Мой слух не уловил ни звука, покуда вдруг его тень не заслонила мне небо.

— Сюда,— позвал я, и он ощупью пробрался к моему огню.

— Никаких новостей, милорд?

— Пока нет.

— А чего ты ожидаешь?

— Я не вполне уверен, но мне кажется, что кто-то, посланный от королевы, должен здесь сегодня ночью проехать.

Я почувствовал, что он повернул голову и в темноте посмотрел на меня.

— В связи с ожидаемым приездом короля Лота?

— Да. Что-нибудь слышно о нем?

— Только то, что я уже тебе говорил. Предполагают, что он будет гнать во весь опор. И должен прибыть совсем скоро.

— Я тоже так думаю. Во всяком случае, Моргаузе надо действовать наверняка.

— О чем ты, милорд?

— О сыне верховного короля.

Ульфин помолчал. Потом спросил:

— Ты думаешь, они захотят его тайно вывезти, чтобы Лот, поверив слухам, не вздумал его убить? Но в таком случае...

— Да? Что в таком случае?

— Ничего, милорд. Мне просто подумалось... Ты полагаешь, его вывезут этим путем?

— Нет. Я полагаю, что его уже вывезли.

— Уже? И ты видел куда?

— До того, как я здесь расположился. Я убежден, что дитя в замке — это не Артурово дитя. Его подменили.

В темноте Ульфин шумно выдохнул воздух.

— Из страха перед Лотом?

— Разумеется. Подумай сам, Ульфин. Что бы там Моргауза ни наплела Лоту, он не мог не знать слухов, которые пошли сразу, как стало известно, что она в тягости. Она попыталась его убедить, что ребенок — его, но рожден прежде времени; и возможно, что убедила. Но неужто же он допустит даже малейший риск того, что в королевской колыбели все-таки лежит сын другого, тем более сын Артура, и чужое дитя вырастет наследником Лотиана? Убедила она его или нет, все равно велика опасность, что он убьет мальчика в случае обмана. И Моргауза это понимает.

— Ты полагаешь, до него дошли разговоры, что это сын верховного короля?

— Это было неизбежно. Артур не прятался в ту ночь, когда был у Моргаузы. И она тоже не делала из этого тайны, наоборот. Позже, когда я угрозами вынудил ее отказаться от ее намерений, она, может быть, и уговорила или застращала своих женщин, чтобы они хранили тайну, но стража видела его, и к утру об этом знал весь Лугуваллиум. Что же остается Лоту? Он бы так и так не потерпел у себя чужого ребенка, Артуров же может быть опасен.

Ульфин опять помолчал.

— Мне приходит на память ночь в Тинтагеле. Не та, когда мы проводили в замок короля Утера, а вторая, когда королева Игрейна передала тебе Артура, чтобы спрятать от Утеровых глаз.

— Да.

— Милорд, ты намерен взять и этого младенца, дабы спасти его от Лотова гнева?

Его голос, тихий до шепота, тем не менее зазвенел от напряжения. Но я не слушал: где-то далеко в ночи сквозь шум плотины я различил стук копыт, это был даже не звук, а легкое колебание земли у нас под ногами. Затем это биение стихло и снова зазвучал шум падающей воды.

— Что ты сказал?

— Я спросил, милорд, твердо ли тебе все известно про этого младенца?

— Мне известно только то же, что и тебе. Посуди сам. Она лгала о сроке родин так, чтобы можно было объявить роды преждевременными. Хорошо, это могло быть всего лишь заботой о приличиях, так часто делается. Но ты посмотри, как проделала это она. Подстроила, чтобы не было никого из врачей, потому, видите ли, что роды произошли неожиданно, и притом так быстро, что ни одного свидетеля не успели пригласить в родильные покои, как обычно при родах в королевском доме. Присутствовали только ее женщины, а они преданы ей телом и душой.

— Да, но зачем все это, милорд? Что она благодаря этому получила?

— Только одно: младенца, которого можно будет показать Лоту, чтобы он его убил, если пожелает, между тем как ее ребенок, ребенок Артура, останется невредим.

Ульфин беззвучно охнул.

— Тогда выходит, что...

— Вот именно. Она, наверно, загодя сговорилась с какой-нибудь женщиной, чье время подходило тогда же. С какой-нибудь беднячкой, которая возьмет деньги и будет держать язык за зубами и только обрадуется случаю стать приемной матерью королевскому дитяти. Что ей наговорила Моргауза, об этом мы можем только догадываться, бедная женщина едва ли подозревает, что ее собственное дитя находится в опасности. И подменыш в замке лежит сейчас, качается в королевской колыбели, а Артуров сын, страшное оружие Моргаузы, спрятан где-то в другом месте. Неподалеку, как можно думать. Ее ведь должны оповещать о том, как он поживает.

— И если ты правильно говоришь, то после появления Лота...

— Что-то должно произойти. Если ребенок пострадает, Моргауза захочет позаботиться о том, чтобы родная мать ничего не узнала. Может быть, даже переправит Мордреда в другое место.

— Но...

— Ульфин, мы с тобой ничего не можем сделать для спасения подменыша. Его судьба — в руках Моргаузы. Да и не так уж это бесспорно, что ему угрожает опасность: в конце концов, ведь Лот не дикарь. Но мы бы с тобой только обрекли себя на верную смерть, а заодно с собой и младенца.

— Знаю. Но как же тогда все эти разговоры и присюсюкивания в замке, о которых тебе рассказывал Бельтан? Я тоже слышал, пока дожидался ужина. Что они, мол, все там целый день только и знают, что твердят: «Ну вылитый король Лот, до чего же похож, чудо, да и только». Может быть, все-таки твоя догадка неверна и дитя на самом деле зачато Лотом? Может быть, и срок родин правильный? Младенец-то, говорили, родился хилый, маленький.

— Может быть. Я же сказал тебе, что это не более как догадка. Но что королева Моргауза лжива до мозга костей, это мы знаем твердо. И что Артура она ненавидит. За ней и за Лотом надо последить. Артур должен узнать истинную правду, без тени сомнения.

— Это я понимаю. Можно, например, навести справки, у кого в городе родился мальчик в ту же пору, что и у королевы. Я завтра могу поспрашивать. У меня уже завелось два-три полезных собутыльника.

— В таком городе тебе назовут семей двадцать. А у нас нет времени. Слушай!

По земле передался отчетливый стук лошадиных копыт. Целый отряд, и скачут во весь опор. Вот уже он слышен и в воздухе, все ближе, громче, сквозь гул падающей воды. А вот и шум городской толпы — люди высыпали из домов полюбоваться королевским кортежем. Короткие возгласы, скрежет дерева по булыжнику — это разводятся тяжелые ворота; звон конской сбруи, бряцание лат, храп взмыленных лошадей. Новые возгласы, ответный крик у нас над головой с вершины замковой горы. Заиграла труба. Прогрохотал настил моста. Со скрипом закрылись тяжелые створки ворот. Звон и лязг и перестук копыт заглохли за стенами замка. И снова стало отчетливей слышно то, что происходило вокруг.

Я встал, подошел к воротам и посмотрел туда, где над крышей мельницы возносились к сумрачному небу темные замковые строения. Дождь перестал. За окнами замка двигались огни. Окна вспыхивали и меркли одно за другим — это слуги с факелами сопровождали короля по королевским покоям. С западной стороны два окна светились ровным мягким светом. Движущиеся огни достигли этих окон и остановились.

— Лот вернулся домой,— сказал я.

Глава 12

Где-то в замке колокол пробил полночь. Стоя в воротах колесной мастерской, я расправил затекшие, застывшие плечи. В глубине двора, под навесом, Ульфин положил в огонь еще один прут, остерегаясь, чтобы не вспыхнуло слишком яркое пламя и не привлекло внимания бодрствующих в ночи. Город вновь погрузился в ночное сонное безмолвие, только взлаивали то в одном, то в другом конце сторожевые псы да слышался по временам крик совы среди деревьев на склоне замковой горы.

Я тихо ступил из ворот на улицу и отошел к мосту. Задрав голову, я разглядывал темную громаду замка. В высоких окнах еще светились огни, за стенами внутреннего двора чадили и отбрасывали тени факелы прибывших конников.

Подошел Ульфин и, став рядом, набрал было воздуху в грудь, чтобы задать мне вопрос...

Но так и не задал. Кто-то, пугливо озираясь, пробежал по мосту, с разгона налетел на меня и с испуганным возгласом попытался увильнуть в сторону и продолжить свой бег.

От неожиданности я и сам растерялся. Но Ульфин подскочил, одной рукой поймал беглеца за локоть, ладонью другой зажал ему рот и, извивающегося, брыкающегося, сграбастал в могучие объятия.

— Женщина! — недоуменно произнес он.

— В мастерскую,— распорядился я и прошел вперед.

Прежде всего я подложил в огонь целое полено. Пламя сразу взметнулось, разгорелось. Ульфин подтащил к огню свою сопротивляющуюся пленницу. Капюшон плаща соскользнул с ее головы, на лицо упал свет от очага, и я узнал ее и удовлетворенно кивнул:

— Линд.

Она затихла под рукой Ульфина, только блеснули страхом широко раскрытые глаза. Встретившись взглядом со мною, она замерла, как куропатка перед горностаем. Она меня узнала.

— Да,— проговорил я.— Я Мерлин. Я ждал тебя здесь, Линд. Теперь Ульфин тебя отпустит, если ты не наделаешь шуму.

Она кивнула в знак согласия. Ульфин убрал ладонь от ее рта, но продолжал держать ее в охапку другой рукой.

— Отпусти,— сказал я.

Он повиновался и, сделав шаг назад, встал между нею и выходом из мастерской. Но эта предосторожность оказалась лишней. Как только он разжал руки, она подбежала ко мне и, шлепнувшись на колени среди щепы и стружек, ухватила меня за край одежды. Рыдания сотрясали ее.

— О милорд! Господин! Помоги мне!

— Я здесь не затем, чтобы причинить вред тебе или младенцу.— Я говорил холодно, чтобы она успокоилась.— Верховный король послал меня разузнать, что с его сыном. Я не мог явиться к королеве, ты сама знаешь, поэтому я ждал тебя здесь. Что произошло в замке?

Но она не могла говорить, я видел, что не могла, а только цеплялась за мою одежду, дрожала и плакала.

Тогда я обратился к ней ласковее:

— Что бы ни случилось, Линд, я не смогу тебе помочь, не зная, в чем дело. Подойди поближе к огню, успокойся и расскажи мне.

Я попробовал отцепить ее руки, но она только крепче ухватила край моей одежды. И зарыдала в голос:

— Не держи меня здесь, господин, дай мне убежать! Или же помоги мне! У тебя есть власть — ты Артуров человек,— тебе не страшна моя госпожа...

— Я помогу тебе, если ты будешь отвечать на вопросы. Что с сыном короля Артура? Кто это приехал сейчас в замок, король Лот?

— Да! О да! Он вернулся домой, еще и часу не прошло. Он бешеный, говорю тебе, бешеный! А она даже не попыталась ему помешать. Только смотрела и смеялась.

— В чем помешать?

— В убийстве младенца.

— Он убил ребенка, которого нашел у Моргаузы в замке?

Она была вне себя и даже не заметила, как странно прозвучал мой вопрос.

— Да, да! — Она судорожно всхлипнула.— А ведь это был его родной, его собственный сын! Я присутствовала при родах и могу поклясться богами-хранителями моего очага, он был...

— Что-что? — сразу насторожился стоящий у порога Ульфин.

— Линд,— прервал я ее.— Сейчас не время для загадок.— Я наклонился, поднял ее на ноги и помог ей устоять.— Говори. Расскажи мне все, что там произошло.

Она прижала запястье к губам и через несколько мгновений уже смогла более или менее связно рассказывать:

— Он приехал страшно злой. Мы ожидали этого, но не до такой степени. Он слышал, о чем люди говорят, что, мол, верховный король возлежал с Моргаузой. Ты тоже знаешь это, милорд, ты знаешь, что это правда... Так вот, король Лот страшно негодовал и ярился, называл королеву блудницей, прелюбодейкой. Мы все были там, ее придворные дамы и служанки, но ему горя мало, а она... Если бы она была с ним ласкова, даже солгала бы...— Линд судорожно сглотнула.— Это бы его утихомирило. Он ей поверил бы. Он перед ней никогда не мог устоять. Мы думали, она так и будет себя вести. Но она... Она расхохоталась ему в лицо и сказала: «Разве ты не видишь, как он на тебя похож? Неужто ты думаешь, юнец Артур мог зачать такого сына?» А он ей на это: «Так, стало быть, это правда? Ты была с ним?» А она ему: «А отчего ж и нет? Ты на мне жениться не желал. Предпочел взять вместо меня эту слащавую куклу Моргану. Я ведь тогда не была твоей, верно?» Тут он еще того более разозлился.— Линд передернулась.— Посмотрел бы ты на него тогда, даже ты небось бы испугался.

— Несомненно. А она?

— Ничуть. Пальцем не шевельнула. Сидит себе в своем зеленом платье, вся в драгоценных каменьях, и улыбается. Можно подумать, нарочно хочет его разозлить.

— Так оно и было,— сказал я.— Продолжай же, Линд, не медли.

Она уже совсем овладела собой. Я отпустил ее, и она стояла, все еще дрожа, но отрешенно, горестно скрестив на груди руки, как стоят плакальщицы над гробом.

— Он сорвал с колыбели полог. Дитя заплакало. А он говорит: «На меня похож? Пендрагонов пащенок темноволос, и я темноволос. Вот и все сходство». Тут он увидел нас, женщин, и велел всем убираться вон. Мы разбежались. Он был как бешеный волк. Остальные все убежали из королевских покоев, я же спряталась за пологом за дверью. Я думала, что... я думала...

— Что ты думала?

Но она только покачала головой. Слезы капали, отсвечивая в пламени очага.

— И вот тогда-то он это и сделал. Младенец перестал плакать. Раздался стук, будто колыбель опрокинулась на пол. А ко-

ролева говорит, спокойно, точно ей дела нет: «Напрасно ты мне не поверил. Это был твой ребенок от одной шлюхи, которую ты приласкал в городе. Говорили же тебе, что он на тебя похож». И засмеялась. Он сначала помолчал, слышно было, как он дышит, а потом сказал: «Темные волосы, и глаза уже начали чернеть. Его пащенок был бы таков же. Где же тогда он?» А она: «Он родился хилый и умер». А король ей: «Опять лжешь!» Она тогда говорит негромко и раздельно: «Да. Я лгу. Я велела повитухе унести его и найти такого, чтобы не стыдно было тебе показать. Может быть, я была не права. Но я поступила так для спасения твоей и моей чести. Рожденного мною младенца я видеть не могла. Мне мерзко было произвести на свет ребенка от другого мужчины, не от тебя. Я надеялась, что, может быть, все-таки понесла от тебя, но тот, кто у меня родился, был его ребенок. Я не солгала, что он родился хилый. Будем надеяться, что он уже тоже умер». И тогда король сказал: «Надеяться — мало. Надо действовать наверняка».

На этот раз Ульфин не выдержал и спросил:

— Вот как? И что же?

Девушка судорожно вздохнула.

— Она переждала немного, а потом проговорила — эдак насмешливо, как говорят, чтобы подначить мужчину на опасное дело: «Что же это значит — действовать наверняка, король Лотиана? Разве, может, перебить всех младенцев в городе, рожденных после Майского праздника? Я же сказала тебе, что не имею понятия, куда его дели». А он даже раздумывать не стал. Он дышал со свистом, словно на бегу. И сразу же говорит: «Ну, значит, так я и сделаю. Да-да, всех, и мальчиков, и девочек, иначе как я узнаю тайну этих дьявольских родин?» Тут я хотела было убежать, да ноги не послушались. Королева попробовала ему возразить: что, мол, люди скажут? Но он оборвал ее, подошел к дверям и кликнул своих командиров. Те бегут на королевский зов, а он им дает то самое распоряжение, кричит: всех новорожденных в городе!.. Что там еще говорилось, я не помню. Я боялась, что сейчас упаду в обморок, вывалюсь из-под полога и все меня увидят. Слышала только, как королева причитала жалобным голосом что-то про приказ верховного короля и что, мол, Артур не желает терпеть разговоры, которые пошли после Лугуваллиума. Солдаты ушли. А королева уже больше не плакала, она смеялась, милорд, и обнимала короля Лота. И так она с ним разговарива-

ла, будто он совершил невесть какой доблестный подвиг. Тут он тоже стал смеяться и говорит: «Да-да! Пусть думают, будто это Артурово деяние, а не мое. Оно очернит его имя, как я не смог бы, сколько бы ни старался». И они удалились в опочивальню и затворили за собой двери. Я услышала, как она меня зовет, но выскользнула из замка и побежала со всех ног. Она злодейка! Я всегда ее ненавидела, но она ведьма, она держала меня в страхе.

— Тебя никто не обвинит за дела твоей госпожи,— успокоил я ее.— А теперь ты можешь искупить свое в них участие. Отведи меня туда, где спрятан сын верховного короля.

Расширив глаза, она отшатнулась от меня, оглянулась через плечо, словно вздумала убежать.

— Послушай, Линд. Если ты страшилась Моргаузы, куда более следует тебе страшиться меня. Ты бежала этой дорогой, чтобы спасти младенца, не правда ли? Но в одиночку тебе его не спасти. Ты и сама в одиночку не сумеешь спастись. Но если ты мне поможешь, я тебя защищу. А ты будешь нуждаться в моей защите. Вот, слышишь?

В вышине у нас над головами с лязгом распахнулись главные ворота замка. Меж деревьев замелькали факелы, раздался конский топот, возгласы, распоряжения. Все это покатилось вниз, к большому мосту.

Ульфин отрывисто произнес:

— Они уже выехали. Поздно.

— Нет! — выкрикнула девушка.— Домик Мачи в другой стороне. Туда они приедут напоследок. Я провожу тебя, господин! Ступай за мной.

И, не говоря больше ни слова, метнулась наружу. Мы с Ульфином поспешили за ней.

Вверх по проулку, которым мы сюда спускались, потом через пустырь и снова вниз по узкой улочке, криво сбегавшей к реке, и берегом реки по прибрежной тропе, утопавшей в зарослях крапивы, распугивая крыс, кормившихся среди отбросов. Здесь стояла непроглядная мгла, и мы поневоле двигались небыстро, хотя ночь ужасов дышала нам в затылок, точно настигающий гончий пес. Позади нас оживала, пробуждалась окраина города. Сначала раздался лай собак, потом возгласы солдат и гулкий стук подков. Потом захлопали двери, послышался женский плач, крики мужчин, перемежающиеся то тут, то там громким лязгом скрещенного оружия. Я бывал в отданных на разграбление захваченных городах, но это было нечто иное.

— Сюда! — шепнула Линд и свернула на другую кривую улочку, уводящую от реки.

Вдали за домами по-прежнему отравляли ночь страшные кровавые звуки. Мы пробежали, оскользаясь, по уличной грязи, взобрались по каким-то разбитым ступеням и очутились на еще одной узкой улочке. Здесь пока царила сонная тишина, хотя в одном окне я заметил огонек — испуганного горожанина разбудили отдаленные крики. По этой улочке мы выбежали на травянистый луг, где пасся стреноженный осел, миновали ухоженный фруктовый сад, кузницу с плохо притворенной дверью и очутились возле аккуратного домика, который стоял отдельно от других за невысокой терновой изгородью. Перед домом был палисадник с голубятней и собачьей конурой.

Дверь была широко распахнута и качалась на ветру. Сторожевой пес рвался на цепи, вскидываясь на задние лапы. Голуби все выпорхнули из голубятни и взбивали крыльями серый предутренний воздух. А в доме — ни огонька. И ни звука.

Линд пробежала через палисадник, остановилась на пороге, заглянула в черную глубину.

— Мача! Мача!

На приступке за дверью стоял фонарь. Но разве было сейчас время искать огниво? Я осторожно оттолкнул девушку. «Выведи ее»,— приказал я Ульфину, он взял ее за руку, а я поднял фонарь и резко взмахнул им у себя над головой. И сейчас же из фитиля с шипением выбился яркий язычок пламени. Я услышал сзади изумленный возглас Линд. И тут же у нее перехватило дыхание. Фонарь осветил всю внутренность дома: кровать у стены, тяжелый стол с лавкой, горшки для стряпни и для хранения масла, маленькую скамеечку и упавшую рядом прялку с протянутой куделью; чисто выметенный очаг и добела вымытый каменный пол без единой соринки, только в углу труп женщины в луже крови, натекшей из перерезанного горла. У кровати стояла колыбель, она была пуста.

Линд и Ульфин ждали меня у садовой ограды. Девушка притихла, она была так потрясена, что даже перестала плакать; личико ее в свете фонаря было без кровинки. Ульфин поддерживал ее, обхватив одной рукой за плечи. Он тоже был бледен. Пес на цепи, поскулив, сел перед конурой, задрал нос к небу и протяжно, пронзительно завыл. Ему среди лязга и криков в ночи отозвался другой, из соседнего квартала, потом третий, ближе.

Я плотно притворил за собой дверь домика.

— Мне очень жаль, Линд. Но тут уже ничем не поможешь. Надо уходить. Ты знаешь таверну у южных ворот? Отведи нас туда, но только в обход той части города, откуда сейчас доносятся крики. И постарайся не давать воли своему страху: я сказал, что защищу тебя, так и будет. Ты пока останешься с нами. Пошли.

Она не двинулась с места.

— Его унесли! Они схватили младенца! И убили Мачу.— Она обратила ко мне невидящий взгляд.— Почему? Король не мог повелеть этого, она была его милой!

Я задумчиво отозвался:

— В самом деле, почему? — И поторопил, легонько встряхнув ее за плечи: — Идем, дитя, нельзя больше медлить. Солдаты второй раз сюда, может быть, и не вернутся, но тебе на улицах грозит опасность. Веди нас к южным воротам.

— Это она, она направила их сюда! — не слыша меня, причитала Линд.— Они поспешили прямо сюда. А я опоздала! Если бы вы не задержали меня на мосту...

— ...ты бы тоже сейчас валялась мертвая,— сухо докончил Ульфин. Он говорил спокойно, словно ужасы ночи его не задевали.— Чем ты могла им помешать, ты и твоя Мача? Нашли бы здесь тебя и зарезали, не успела бы до изгороди добежать. Ты лучше делай, что говорит милорд. Если ты, конечно, не хочешь вернуться к королеве и доложить о том, что здесь произошло. Можешь не сомневаться, она уже догадалась, куда ты побежала. И солдаты не замедлят сюда за тобой явиться.

Это было сказано резко, зато возымело действие. При упоминании о Моргаузе Линд словно очнулась. Она бросила последний испуганный взгляд на домик, натянула на голову капюшон и побрела через сад, пробираясь между деревьями.

Я задержался возле воющего пса и положил ладонь ему на шею. Жуткий вой прервался. Животное дрожало мелкой дрожью. Я достал кинжал и перерезал веревочный ошейник. Но пес не сдвинулся с места, и я, оставив его, пошел дальше.

В ту ночь схватили два десятка младенцев. Кто-то из повитух и знахарок, должно быть, наставил воинов Лота, где искать. Когда мы кружным путем, по пустынным окраинам, добрались до таверны, все было уже позади, солдаты ускакали. Нас никто не остановил, никто не обратил на нас внимания. Улицы в центре

города были полны народа. Стоял страшный шум. Одни метались как безумные между домами, другие выглядывали в страхе из темных подворотен. Здесь и там вокруг рыдающей матери, вокруг потрясенного или взбешенного отца собирались толпы. Бедные люди, лишенные возможности противостоять воле своего короля! Монарший гнев пронесся через город, и им оставалось только горевать.

И проклинать. Я слышал, как повторялось имя Лота: конники-то были его. Но вместе с ним раздавалось и имя Артура. Клевета уже была пущена, и со временем ей предстояло полностью вытеснить правду. Артур был верховный король, источник и блага, и зла.

В одном мучители были к ним милосердны: они не пролили крови. Пала жертвой одна только Мача. Солдаты выхватывали детей из колыбелей и скрывались с ними во тьме. Не считая двух-трех разбитых лбов в тех случаях, когда отцы пытались заступиться, они никому не нанесли увечий.

Об этом поведал мне потрясенный Бельтан. Он встретил нас в дверях таверны одетый и охваченный страшным волнением. Линд он даже не заметил. Поймав меня за руку, он, захлебываясь, рассказал о событиях этой ночи. Из его сбивчивого рассказа мне стало ясно одно: солдаты с младенцами проскакали здесь совсем недавно.

— Они были еще живы и плакали — только вообрази, мастер Эмрис! — Он горестно заламывал руки.— Ужасно, ужасно! Поистине дикие времена! И эта болтовня про Артуров приказ, кто в нее поверит? Но тише, ни слова больше, чем скорее мы будем в пути, тем оно лучше. Не место здесь для честных ремесленников. Я бы выехал еще раньше, мастер Эмрис, но я дожидался тебя. Я думал, тебя позвали оказать помощь, говорят, в городе есть раненые. Младенцев собираются уничтожить, ты слышал? О милостивые боги, подумать, что только вчера я... А вот и Кассо, добрый человек! Я позволил себе распорядиться, чтобы он оседлал ваших мулов, мастер Эмрис. Я уверен, что ты со мной согласишься. Надо уезжать немедленно. Я заплатил хозяину, все улажено, мы с тобой сочтемся в дороге... Я, как видишь, купил мулов и для нас с Кассо, давно подумывал об этом, а вчера, когда мне в замке привалила такая удача... Ах, как это вышло кстати, как кстати! Но какова милая дама? Кто бы подумал... но ни слова больше, покуда мы здесь! Стены имеют уши, а времена нынче страшные. Ну а это кто?

Он близоруко всмотрелся в лицо Линд, которая едва держалась на ногах, опираясь на руку Ульфина.

— Господи! Да ведь это, кажется, юная фрейлина?..

— Потом,— остановил я его.— А пока — никаких вопросов. Она едет с нами. Прими мою благодарность, мастер Бельтан. Ты верный друг. Правда твоя, надо уезжать без промедления. Кассо, сними-ка поклажу с этого мула, на нем поедет дама. Ульфин, ты говорил, у тебя завелось знакомство среди стражников у городских ворот? Поезжай вперед и позаботься, чтобы нас выпустили из города. Подкупи их, если понадобится.

Впрочем, в этом нужды не оказалось. Когда мы подъехали, городские ворота как раз закрывались, но стражники не стали чинить нам препятствий. Можно было даже понять из того, о чем они переговаривались между собой, что они не менее горожан были потрясены происшествием и находили вполне понятным, что мирные торговцы и ремесленники спешили покинуть город прямо среди ночи.

Немного отъехав по дороге и убедившись, что стражники нас уже не видят, я натянул поводья и сказал:

— Мастер Бельтан, у меня еще осталось одно неотложное дело. Нет, не в городе, так что тебе нет нужды за меня опасаться. Я скоро догоню тебя. А вы поезжайте в ту таверну, где мы останавливались по пути сюда, с ракитой у входа, помнишь? Там ждите нас. Линд, ты будешь в безопасности с этими людьми. Ничего не бойся, но будет лучше, если до моего приезда ты станешь хранить молчание. Ты поняла?

Она безмолвно кивнула.

— Итак, до встречи под ракитой, мастер Бельтан?

— Да-да, пусть будет так. Не могу сказать, чтобы мне было что-нибудь понятно, но, возможно, утром...

— Утром, я надеюсь, все разъяснится. А пока — прощай.

Они потрусили дальше. Я натянул узду своего мула.

— Ну, Ульфин?

— Они свернули на восточную дорогу, милорд.

И мы поехали на восток.

Верхом на мулах нам бы не под силу было нагнать конный отряд, если бы не то, что наши «скакуны» хорошо отдохнули, а они на своих взмыленных прискакали издалека этой же ночью.

И потому, когда через полчаса скачки оказалось, что их все еще не видно и не слышно, я натянул поводья и обернулся.

— Ульфин! На два слова.

Он подогнал своего мула. Лица Ульфина в темноте я не видел, но ощутил, что с ним что-то происходит: он боялся.

До сих пор он ни разу не выказал страха, даже в домике Мачи. А здесь ему нечего было бояться — кроме меня.

Я спросил:

— Почему ты солгал мне?

— Милорд...

— Ведь отряд этим путем не проезжал?

— Нет, милорд.

— Тогда куда же они поскакали?

— К морю. Кажется... так говорили... что они положат детей в барку и пустят по волнам. Король объявил, что отдает их в руку божию, чтобы невинные...

— Вздор! — оборвал я его.— Не Лоту говорить о руке божией. Просто он боялся гнева людского, если бы люди увидели зарезанных младенцев. Теперь он еще, конечно, станет нашептывать, что будто бы Артур велел их зарезать, а он, Лот, смягчил приговор и предоставил решать случаю! Скорее на берег. По какой дороге?

— Я не знаю.

— Это правда?

— Истинная правда, милорд. Туда ведет несколько дорог. По какой они поехали, никто точно не знал. Это правда, милорд.

— Да, если бы кто-то узнал, горожане бы еще, пожалуй, пустились вдогонку. В таком случае едем назад и свернем на первую же дорогу к морю. Можно будет ехать вдоль берега и высматривать их у воды. Поскакали!

Я стал поворачивать мула, но Ульфин протянул руку и взялся за мои поводья. Такую вольность он бы никогда себе не позволил, если бы не совершенная крайность.

— Милорд... прости меня. Что ты собираешься делать? После всего... Ты по-прежнему хочешь разыскать этого ребенка?

— А ты как думаешь? Артуров сын.

— Но Артур сам хочет, чтобы его не стало!

Вот оно что. Я мог бы давно догадаться. Я дернул повод, и мул подо мной стал перебирать копытами.

— Стало быть, ты в Каэрлеоне подслушивал. И слышал все, что было сказано в ту ночь.

— Да,— признался он еле слышно.— Не согласиться убить малое дитя — это одно, но когда убийство совершается чужими руками...

— ...незачем этому препятствовать, так, по-твоему? Может быть. Но раз уж ты подслушивал в ту ночь, ты должен знать и ответ, который я дал королю. Я сказал, что надо мною есть власть более высокая, чем он. И до сего часа мои боги не дали мне никакого знака. Неужто ты думаешь, что они велят мне поступить так, как поступают Лот и его преступная королева? А слышал ты, как они клевещут на Артура? Ради чести Артура и ради спокойствия его души он должен знать правду. Я послан сюда им, дабы все увидеть и поведать ему. И то, что надо будет сделать, я сделаю. А теперь отпусти мой повод.

Он повиновался. Я пришпорил в галоп. И мы поскакали по дороге обратно.

Этим путем мы уже проезжали в тот день, когда прибыли в Дунпелдир. Я постарался припомнить, какой здесь берег. Запомнились отвесные каменные кручи над самой водой и перемежающиеся с ними песчаные бухты. Примерно в миле от города в море выдавался скалистый мыс, который даже во время отлива невозможно было объехать на лошади, так круто обрывались в воду его отвесные бока. Но за мысом к берегу вела тропа, и оттуда при низкой воде, прикинул я теперь, можно было ехать вдоль самого моря до устья Тайна.

А ночная темнота исподволь, но неуклонно редела. Занимался рассвет. Мы уже ехали не вслепую.

Впереди по правую руку обозначилась груда камней. У ее подножия ветер теребил пучок перьев. Мулы всхрапели и стали косить глазами — видно, почуяли запах крови. Отсюда начиналась тропа к морю. Мы свернули на нее, поехали по каменистой зеленой равнине под уклон — и перед нами открылся берег и серая неумолчная гладь моря.

Высокий мыс остался справа, с левой стороны был гладкий серый песок. Мы свернули налево и пустились галопом по плотному ребристому песку. Море сильно отступило и там, вдали, как большое серое зеркало, отбрасывало тусклый блеск к пасмурному небу. Впереди, окруженная серым сиянием, темнела скала, на которой был установлен маяк. Он ровно рдел. Скоро, думал я, трясясь на муле, слева должна открыться гора Дунпелдирско-

го замка, а перед нею — низкие берега бухты, в которой река встречается с морем.

Показался еще один мыс, у черной, каменистой оконечности его белели кружева пены. Мы объехали его по кромке, копыта мулов ступали прямо в кипень прибоя. И вот милях в двух от берега показался Дунпелдир, все еще мерцающий встревоженными, бессонными огнями. Впереди расстилался ровный, выглаженный волнами песок, дальше смутно чернели древесные купы, очерчивая невидимое русло реки, а там, где она разливалась, встречаясь с морем, золотисто отсвечивала вода. Вдоль реки, удаляясь от моря, мерной рысью ехали всадники с факелами. Они возвращались в город: дело было сделано.

Мой мул с готовностью послушался узды и встал. За его крупом, фыркая, остановился мул Ульфина. Из-под копыт, послушные тяге отлива, поползли прибрежные камешки.

Помолчав, я сказал:

— Похоже, что твое желание исполнилось.

— Милорд, прости меня. Я только думал о том, чтобы...

— За что прощать? Я не могу тебе пенять, что ты служил своему господину, а не мне.

— Надо было верить, что ты лучше знаешь, как поступить.

— Когда я сам не имел об этом представления? Может быть, ты и был прав, а не я. Во всяком случае, теперь, когда преступление свершилось и Артуру, со своей стороны, все равно придется за него поплатиться, будем хотя бы надеяться, что ребенок, рожденный Моргаузой, погиб вместе с остальными.

— Разве возможно, чтобы кто-то из них спасся? Взгляни, милорд!

Я обернулся и посмотрел, куда он показывал.

В море за скалистым рифом, замыкающим залив, бледным полумесяцем мерцал одинокий парус. Оставив риф позади, барка выплыла в открытое море. Ровный береговой ветер наполнил парус, и она заскользила по волнам, точно чайка, несущаяся над морем. Вот оно, Иродово милосердие к младенцам — в качании волн и песне ветра! Уплывающая барка подпрыгивала и зарывалась носом, быстро унося прочь от земли свой злосчастный груз.

Наконец парус растаял в серой дали. Море под ветром вздыхало и бормотало. Маленькие волны ударяли в скалу и вымывали из-под копыт наших мулов песок и осколки ракушек. Вверху над прибрежным обрывом шелестела и стлалась на ветру сухая трава. И вдруг, сквозь все эти звуки и шорохи, я услышал в мгновение затишья едва уловимый тонкий нарастающий вой, нечеловеческий голос, подобный пению серых тюленей в морском просторе. Мы прислушались: вой постепенно стих, но вдруг возник снова, пронзительно громкий, он зазвучал прямо над нашими головами, будто обреченная на погибель душа покинула тонущую барку и прилетела к родным берегам. Ульфин вздрогнул и отшатнулся, словно увидел призрак, и осенил себя охранительным знамением. Но то была лишь чайка, с криком пронесшаяся высоко над нами.

Ульфин не проговорил ни слова, я тоже сидел в седле и молчал. Что-то гнетущее ощущалось в обступившей нас полутьме, оно давило и клонило меня долу. Что это было? Не одна только злая доля этих детей. И уж конечно, не гибель Артурова отпрыска. Но бледному парусу, убегающему вдаль по серой воде, и плачу, прозвучавшему во мгле, отозвалось что-то в самой глубине моей души.

Я недвижно сидел в седле, а предрассветный ветер замирал, сменяясь затишьем, прибой лениво ударял в скалы, и плач замер в морской дали.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАМЕЛОТ

Глава 1

Мне очень не хотелось, но пришлось все же задержаться в Дунпелдире. Артур по-прежнему находился в Линнуисе, он ждал от меня донесений, и не только о самом избиении младенцев, но и о том, что последует за ним. Ульфин наверняка надеялся, что его отпустят домой, но я, поскольку в самом Дунпелдире мне оставаться было небезопасно, обосновался в таверне под ракитой, и Ульфину пришлось послужить моим посыльным и связным. Бельтан, потрясенный событиями той страшной ночи, отправился с Кассо на юг. Однако я свое обещание выполнил; я дал это обещание не раздумывая, оно просто сорвалось у меня с языка, но жизнь показала, что такие наития рождаются из источника, которым нельзя пренебрегать. Я поговорил с золотых дел мастером и без труда убедил его, что от слуги, знающего грамоту, ему будет гораздо больше проку; к тому же я прямо объявил, что отдаю ему Кассо за меньшую цену, чем заплатил за него сам, но только на этом единственном условии. Впрочем, я мог бы и не настаивать: Бельтан, добрая душа, с готовностью взялся сам обучать Кассо чтению и письму, после чего они оба со мной простились и направились к югу, держа путь обратно в Йорк. С ними вместе уехала и Линд, у которой в Йорке остался знакомый, на чье покровительство она могла рассчитывать. Был он мелкий торговец и звал ее за себя замуж, но она, боясь гнева королевы, до сих пор ему отказывала. Итак, мы расстались, и я расположился ждать, что принесут ближайшие несколько дней.

Спустя два или три дня после страшного Лотова возвращения к берегу стало прибивать обломки барки с телами младенцев. Как видно, ее выбросило где-то на скалы, а потом разбило прибоем. Бедные матери на берегу заводили зловещие перебранки о том, который младенец чей. Они целыми днями бродили у моря, много плакали и мало говорили: видно, они привыкли, как бессловесные твари, принимать от хозяев и милостыню, и кару. Убедился я, сидя в тени под навесом и прислушиваясь к разговорам, и в том, что, вопреки пущенному слуху об Артуровом приказе, люди все же возлагали вину на Моргаузу и на одураченного, рассвирепевшего Лота. И поскольку мужчины всегда остаются мужчинами, горожане даже не очень винили своего короля, действовавшего со зла и впопыхах. Всякий мужчина поступил бы на его месте так же, вскоре уже поговаривали они. Легко ли вернуться домой и узнать, что твоя жена принесла тебе в подоле чужого ублюдка. Как тут не рассерчать? Ну а что до избиения младенцев, так король есть король, у него голова болит не только о своем ложе, но и о троне. И кстати о делах королевских: разве Лот не по-королевски возместил нанесенный урон? Ибо у Лота действительно хватило соображения вознаградить пострадавших, так что женщины, хоть и продолжали горевать и плакать, но мужчины смирились и приняли Логово золото как должное, а Лотово злодейство как вполне понятный поступок обманутого мужа и гневливого монарха.

А как же тогда Артур? — задал я однажды, словно бы невзначай, вопрос собравшимся в таверне говорунам. Если справедливы слухи о причастности верховного короля к убийству, тогда, быть может, и его можно оправдать? Если младенец Мордред в самом деле его сын и был бы заложником у короля Лота (который не сказать, чтобы всегда верой и правдой служил Артуру), тогда разве политические соображения не оправдывают этого поступка? Разве для того, чтобы заручиться дружбой могучего короля лотианского, Артуру не вернее всего было бы убить кукушонка в гнезде и принять вину на себя?

Ответом мне было бормотание и качание голов, которое свелось в конце концов к согласию, хотя и с оговорками. Тогда я подкинул им другую мысль. Всякий знает, что в делах государственных — в вопросах высшей и тайной политики и сношений с таким соседом, как Лотиан,— всякий знает, что в таких делах решает не юный Артур, а его главный советник, Мерлин. Мож-

но не сомневаться, что это было решение безжалостного и хитроумного интригана, а не храброго молодого воина, который все свои дни проводит на поле брани, сражаясь с врагами Британии, и которому недосуг заниматься постельной политикой, за исключением того, на что у каждого мужчины найдется время...

Так было посеяно семя и, как трава, взялось и распространилось по земле; к тому времени, когда пришло известие о новой победе Артура на бранном поле, избиение младенцев в городе Дунпелдире не служило больше главным предметом разговоров, и вина за него, на кого бы ее ни возлагали: на Мерлина, Артура или Лота,— уже, можно сказать, была прощена. Всем было ясно, что верховный король — да оборонит его Господь от врагов — не имел к этому делу иного касательства, помимо того, что сознавал его необходимость. Притом же младенцы так или иначе почти все померли бы, не дожив до года, и не видать бы их отцам золота, которое они получили от короля Лота. А сверх всего, женщины вскоре уже снова понесли и волей-неволей забыли свое горе.

Забыла свое горе и королева. Король Лот, как теперь считалось, поступил воистину по-королевски. Примчался домой, объятый гневом, убрал бастарда (по Артурову ли приказу, по своей ли воле — не важно), зачал нового законного наследника на место убиенного и ускакал опять служить верой и правдой верховному королю. И многие из пострадавших отцов, вступив в его войско, уехали вместе с ним. Моргауза же вовсе не казалась перепуганной яростью своего супруга и повелителя или устрашенной народным возмущением — раз или два, что я ее видел, она проезжала мимо гладкая, довольная, торжествующая. Что бы люди ни говорили о ее участии в убийстве детей, ей теперь все было прощено, ведь она, по слухам, носила в чреве законного наследника лотианского престола.

Об убитом же сыне она если и горевала, то виду не показывала. А это верный знак, говорили люди, что Артур взял ее силой и зачатый ею ребенок был ей не мил. Но для меня, выжидавшего в серой незаметности, это был знак, означавший, пожалуй, нечто иное. Я не верил, что младенец Мордред находился в той барке среди обреченных на гибель детей. Я помнил троих вооруженных мужчин, которые вошли в замок через задний вход незадолго до прибытия Лота — после того как прискакал по южной дороге гонец королевы. Помнил женщину Мачу, которая лежала в своем доме с перерезанным горлом у пустой колыбели.

И помнил, как Линд под покровом ночи выбежала из замка без ведома и согласия Моргаузы, спеша предупредить Мачу и перенести младенца Мордреда в безопасное место.

И, сопоставив все это, я, кажется, понял, как в действительности было дело. Мача была избрана в мамки Мордреду, потому что родила от Лота мальчика. Моргаузе, наверно, даже приятно было наблюдать смерть этого ребенка, недаром же она смеялась, как рассказывала Линд. Спрятав Мордреда и подложив в колыбель подменыша на верную погибель, Моргауза спокойно ждала Лотова возвращения. Как только пришло известие, что король приближается, она послала троих воинов из замка переправить Мордреда в другое место, а Мачу убить, чтобы та, узнав о гибели своего ребенка, с горя не выдала королеву Моргаузу. Теперь Лот поостыл, горожане успокоились, и где-то в безопасности, я был уверен, рос мальчик — ее тайное орудие власти.

Когда Лот уехал, чтобы присоединиться к Артуру, я отправил Ульфина на юг, сам же еще остался в Лотиане выжидать и присматриваться. Теперь, когда Лот был далеко, я мог без опасений возвратиться в Дунпелдир и прилагал все старания к тому, чтобы найти какой-нибудь след, ведущий туда, где был спрятан Мордред. Что я должен был сделать, найдя его, я не имел понятия, но мне так и не пришлось принимать этого решения, бог не возложил на меня такого бремени. Я прожил в грязном северном городишке добрых четыре месяца, и, хотя ходил по берегу моря и при свете звезд, и при свете солнца и обращался к моему богу на всех известных мне языках и наречиях, я не увидел ничего ни среди бела дня, ни во сне, что могло бы привести меня к сыну Артура.

Постепенно я начал склоняться к мысли, что, наверно, я все же ошибался, что даже Моргауза не могла быть такой злодейкой и не иначе как Мордред утонул вместе с остальными младенцами в ночном море.

Итак, наконец, когда уже в осень закрались первые зимние морозы и стало известно о победном исходе битвы при Линнуисе, так что в городе снова ожидали скорого возвращения короля Лота, я с удовольствием покинул Дунпелдир. Артур на Рождество намерен был прибыть в Каэрлеон и ожидал меня там. На пути к югу я сделал только одну остановку — погостил день-другой в Нортумбрии у Блэза, рассказал ему все новости и отправился дальше, чтобы быть на месте ко дню возвращения короля.

Он возвратился на второй неделе декабря, когда землю уже убрал серебром мороз и дети рвали плющ и остролист для рождественских украшений. Артур умылся и переоделся с дороги и сразу же послал за мною. Принял он меня в той самой комнате, где мы с ним беседовали перед тем, как расстаться. На этот раз дверь в спальные покои была плотно закрыта и король был один.

Он сильно изменился за эти месяцы. Вырос, конечно, чуть не на полголовы — в этом возрасте юноши тянутся вверх, как ячмень на поле,— но и раздался вширь и лицо сделалось жестким, потемнело и осунулось от солдатской жизни. Но главная перемена состояла не в этом. Главное — он стал властным. Он держался как человек, который знает, что делает и какой добивается цели.

Не считая этого, наш разговор был словно продолжением того разговора, что я вел с Артуром год назад, в ту ночь, когда был зачат Мордред.

— Люди говорят, что это злодейство совершено по моему велению! — воскликнул он вместо приветствия. Он расхаживал по комнате такими же сильными и легкими львиными шагами, только каждый шаг был теперь в добрую пядь длиннее. Комната стесняла его, как клетка — благородного зверя.— А ведь ты же знаешь, помнишь, как я в этой самой комнате сказал тебе: нет! Пусть Бог решит по своей воле! И вот — такое.

— Но ведь ты этого хотел, разве нет?

— Всех этих смертей? Неужели бы я распорядился так? Или ты, если на то пошло?

Вопрос не предполагал ответа, и ответа на него я не дал, а только сказал:

— Лот никогда не славился ни умом, ни сдержанностью, а тут он еще был в ярости. Правильно будет сказать, что такое решение было ему подсказано или по крайней мере поддержано со стороны.

Он бросил на меня быстрый горящий взгляд.

— Моргаузой? Это я слышал.

— Тебе, очевидно, все рассказал Ульфин. А о своем собственном участии в этом деле он не умолчал?

— О том, что он пытался отвести тебя от следа и предоставить року решение участи младенцев? Да, это я тоже знаю.— Он немного помолчал.— Поступок неправильный, я так и сказал, но

трудно сердиться на человека за преданность. Он полагал... он знал, что мне будет легче в случае смерти этого ребенка. Но все остальные... Месяца не прошло, как я дал клятву защищать мой народ, и уже мое имя повторяют на улицах с проклятием...

— По-моему, ты можешь утешиться. Мало кто верит, что ты имел касательство к этому злодеянию.

— Не важно,— бросил он мне через плечо.— Кто-то верит, и этого достаточно. У Лота есть все-таки какое-то извинение, то есть извинение в глазах простолюдина. Но я? Что же мне, публично заявить: прорицатель Мерлин, мол, предсказал, что мне грозит опасность от этого младенца, и я повелел его убить, а заодно с ним и остальных, чтобы он не улизнул из сети? Какой же я тогда получаюсь король? Вроде Лота?

— Могу только повторить, что люди тебя не винят. Не забудь, придворные дамы Моргаузы находились поблизости и все слышали своими ушами, и стражники знают, от кого получили приказ. И в свите Лота тоже знали, что король мчался домой, пылая жаждой мести, да он и не из тех, кто стал бы молчать о своих намерениях. Не знаю, что рассказал тебе Ульфин, но, когда я покидал Дунпелдир, в городе говорили, что избиение младенцев было учинено по приказу Лота, а если кто и придерживается мнения, что приказ был дан тобой, то полагают, что ты действовал по моему совету.

— Вот как? — Тут он совсем рассвирепел.— Я, стало быть, такой король, который сам по себе ничего не решает? Если вина ложится на нас с тобой, то ее приму я, а не ты. Ты сам знаешь, что это справедливо, ты не хуже моего помнишь, какие именно слова здесь были сказаны.

На это тоже нечего было ответить, и я промолчал.

А он походил взад-вперед по комнате, а потом продолжал:

— От кого бы ни исходил тот приказ, ты не ошибешься, если скажешь, что я чувствую свою вину. Но клянусь всеми богами, небесными и подземными, я бы никогда не пошел на это. Подобные деяния остаются с человеком на всю жизнь и даже переживают его. Меня будут помнить не как воителя, изгнавшего саксов из пределов родной Британии, но как нового царя Ирода, устроившего в Дунпелдире избиение младенцев!.. Весело, нечего сказать!

— Я думаю, ты можешь не беспокоиться о своей посмертной славе.

— Это ты так думаешь.

— Да, я так думал.

То ли он заметил, что я говорю в прошедшем времени, то ли мой тон его задел. Он посмотрел мне прямо в глаза, но я не отвел взгляд.

— Так думал и так сказал я, Мерлин, когда сила моя была при мне, и, стало быть, это правда. Ты прав, что негодуешь из-за совершенного злодеяния, и прав, что часть вины за него берешь на себя. Но даже если это событие войдет в историю как дело твоих рук, все равно тебя винить за него не будут. Поверь мне. То, что еще ждет тебя впереди, перечеркнет все твои прегрешения.

Гнев его улегся. Артур размышлял. Наконец он медленно произнес:

— То есть от рождения и гибели этого ребенка произойдет нечто ужасное? И люди будут думать, что убийство его было оправданно?

— Да нет, я совсем не это имел в виду...

— А ведь ты, вспомни, предрекал совсем другое. Ты намекал... даже не намекал, а прямо говорил, что от ребенка Моргаузы может произойти опасность для меня. Ну так вот. Ее ребенок теперь мертв. Может быть, именно эта опасность мне и грозила? Опасность запятнать свое имя? — Он замолчал, потрясенный новой мыслью.— Или же когда-нибудь в будущем один из отцов, чей сын был теперь убит, подстережет меня в темноте с ножом? Ты на это намекал своим пророчеством?

— Я уже объяснил тебе, что ничего определенного в виду не имел. И я говорил не «может произойти опасность», а «произойдет». Если пророчество мое верно, то опасность грозит тебе прямо от него, а не через нож в руке у кого-то еще.

Если раньше он метался по комнате, то теперь застыл на месте. И не спускал с меня напряженного, думающего взгляда.

— Значит, это кровопролитие цели не достигло? И ребенок — Мордред, ты говорил, его зовут? — остался жив?

— Я пришел к выводу, что да.

Он судорожно вздохнул.

— Он как-то спасся из тонущей барки?

— Возможно. Либо его уберег случай и он живет теперь где-то, неведомо для других и сам ни о чем не ведая, как рос некогда ты,— и ты когда-нибудь его встретишь, как Лай Эдипа, и падешь от его руки, не подозревая, кто твой противник.

— Пусть так. Готов рискнуть. Рано или поздно гибель подстережет каждого. А что еще могло произойти?

— Могло быть, что он вовсе не находился в той барке.

Он задумчиво кивнул:

— Да. Это похоже на Моргаузу. Что тебе известно?

Я рассказал ему то немногое, что знал, и объяснил, какие выводы сделал.

— Она не могла не предвидеть бешенства Лота,— заключил я.— Мы знаем, что рожденного ею младенца она хотела сберечь, и знаем, для чего он ей нужен. Стала бы она рисковать и оставлять его в городе ко времени Лотова возвращения? Ясно, что все происшедшее подстроено ею. Линд рассказала нам потом еще много подробностей. Мы знаем, что она дразнила и подначивала Лота и довела его до исступления и до убийства; и притом она первая, мы знаем, пустила слух, что все делается по твоему приказу. Чего же она достигла? Ублажила Лота и укрепила свою над ним власть. Но кроме того, зная ее и понаблюдав за нею, я пришел к заключению, что она еще и ухитрилась...

— ...сохранить своего заложника!

Румянец сошел с его щек, он казался холоден, узкие щелочки глаз были полны непогодой. Такого Артура случалось видеть другим, мне же до сих пор — никогда. Сколько воинственных саксов успели заглянуть в эти глаза, прежде чем расстались с жизнью? Он горько произнес:

— Я уже с лихвой заплатил за ту ночь. Жаль, что ты не дал мне тогда ее зарубить. Этой даме лучше никогда больше не приближаться ко мне, разве что во власянице и на коленях! — Это прозвучало как клятва. Затем тон его переменился: — Давно ли ты с севера, Мерлин?

— Вчера.

— Вчера? Я думал... мне казалось, что со времени этого злодеяния уже месяцы прошли.

— Так и есть. Но я остался, чтобы увидеть своими глазами, что будет дальше. Потом, когда я начал кое о чем догадываться, я решил задержаться и посмотреть, не сделает ли Моргауза какой-нибудь шаг, который укажет мне местонахождение ребенка. Если бы Линд могла к ней вернуться и не побоялась бы мне помогать... но это невозможно. Вот почему я оставался в Дунпелдире, покуда не пришло известие о том, что ты выехал из Линнуиса. Лота опять ждали со дня на день домой. А я знал, что в

присутствии Лота не смогу ничего предпринять, поэтому собрался и отправился в путь.

— Вот, стало быть, как. Приехал издалека, а я тут продержал тебя на ногах, да еще наорал на тебя, словно ты часовой, заснувший на посту. Простишь ли ты мне?

— Нечего прощать. Я успел отдохнуть. Впрочем, я с удовольствием теперь сяду. Благодарю тебя.

Я поблагодарил его за кресло, которое он мне подвинул, после чего сам уселся в другое, по ту сторону дубового стола.

— Ты в своих донесениях ни словом не обмолвился о том, что младенец Мордред, возможно, остался жив. И Ульфин ничего такого мне не говорил.

— Едва ли это могло прийти ему в голову. Я и сам сообразил и сделал выводы, только когда вдоволь поразмыслил и понаблюдал уже после его отъезда. А доказательств моей правоты, кстати сказать, нет. И насколько все это важно или не важно, я могу теперь судить лишь по памяти о былых предчувствиях. Но одно могу сказать тебе: судя по той неге в костях, которую испытывает сейчас королевский прорицатель Мерлин, всякая опасность, прямая или косвенная, которая может грозить тебе от Мордреда, отстоит от тебя на многие и многие годы.

Во взгляде, который он на меня обратил, не оставалось и тени досады. В глубине его глаз искрилась улыбка.

— Стало быть, у меня пока есть время.

— Да, время есть. То, что произошло,— худо, и ты был прав, что сердился, но дело это уже наполовину забылось и скоро совсем уйдет из людской памяти в блеске твоих побед. Кстати о победах: повсюду только о них и говорят. Так что отложим прошлое и будем думать о будущем. Оглядываться назад, да еще в сердцах,— значит даром тратить время.

Напряжение наконец разрядилось, он улыбнулся знакомой мне улыбкой.

— Я понял тебя. Надо строить, а не ломать. Сколько раз ты мне это внушал. Но я всего лишь смертный, меня тянет сначала сломать, чтобы расчистить место... Ну ладно. Забудем. Есть много важных дел и забот, а что сделано, то сделано. Я, кстати, слышал,— улыбка его стала шире,— что король Лот думает податься в свои северные владения. Хоть он и постарался переложить вину на меня, похоже, что ему в Дунпелдире не слишком-то уютно. Оркнейские острова, я слышал, имеют плодородную почву, и

летом там приятно, но в зимнюю пору они бывают совсем отрезаны от мира.

— Если только море не покроется льдом.

— А это,— заключил он со злорадством, отнюдь не королевским,— даже Моргаузе сделать не под силу. Так что на некоторое время мы сможем забыть Лота и его козни...

Он положил руку поверх вороха сваленных на столе бумаг и свитков. А я задумался о том, что, верно, искал Мордреда слишком близко: если Лот посвятил Моргаузу в свои намерения перебраться вскоре с двором на северные острова, она могла распорядиться так, чтобы и дитя переправили туда.

Но Артур заговорил снова:

— Ты имеешь понятие о снах?

Я удивился.

— О снах? Да, мне случалось видеть сны.

Он усмехнулся.

— Глупый вопрос, не так ли? Я хотел спросить, можешь ли ты объяснить, что они значат, чужие сны?

— Едва ли. Когда я сам вижу сны со значением, это значение бывает очевидно и не нуждается в толковании. А что, тебя мучают сновидения?

— Да, уже много ночей подряд.— Он помолчал, перекладывая бумаги на столе.— Кажется, такой пустяк, стоит ли из-за него беспокоиться? Но мое сновидение такое яркое и повторяется из ночи в ночь.

— Расскажи.

— Я словно бы на охоте и совсем один. Ни собак, никого, только я и мой конь, и мы преследуем оленя. Тут бывает немного по-разному, но я всегда знаю, что охота продолжается уже несколько часов. Когда олень уже настигнут, он вдруг прыгает в кусты и пропадает. И в тот же миг конь подо мной падает мертвый, а я лечу на траву. Иногда я в этом месте пробуждаюсь, но засыпаю снова, и снова оказывается, что я лежу на траве у берега ручья и рядом мой мертвый конь. Вдруг слышу лай, приближаются собаки, целая свора. Я приподнимаюсь, осматриваюсь. Я столько раз видел этот сон, что уже знаю, хотя и сплю, чего ждать в этом месте, но мне страшно... И вижу: ко мне приближается не свора гончих псов, а один удивительный зверь, такой странный, что, хоть я и видел его множество раз, не знаю, как его тебе описать. Он выскакивает, круша папоротники и кусты,

издавая лай и визг, как свора в шестьдесят гончих псов. Не взглянув на меня, спускается к ручью и пьет, а потом, ломая кустарник, устремляется дальше и пропадает из виду.

— Это все? — спросил я, видя, что он замолчал.

— Нет. Конец тоже бывает немного разный, но всегда вслед за зверем появляется рыцарь, он один и пеший, и он рассказывает мне, что тоже загнал коня, преследуя зверя. Я всякую ночь, когда его вижу, пытаюсь расспросить, что это за зверь и почему он за ним гонится, но только было он собрался мне ответить, как появляется мой конюший и приводит мне свежего коня, а рыцарь хватает его под уздцы, садится в седло как ни в чем не бывало и готов уже пуститься в путь. Тут я беру коня за узду и начинаю уговаривать рыцаря, чтобы он уступил мне право преследовать зверя, ведь я же верховный король, говорю я ему, и самые трудные подвиги надлежит исполнять мне. Но он отбрасывает мою руку со словами: «Позже. Позже, когда будет у тебя нужда, ты найдешь меня здесь, и я отвечу тебе за свои дела». И уезжает, а я остаюсь в лесу один. В этом месте я пробуждаюсь, охваченный страхом. Мерлин, что означает мой сон?

Я покачал головой:

— На этот вопрос я не знаю ответа. Я мог бы отделаться общими словами и сказать, что это тебе урок смирения, ибо даже верховный король не за все отвечает сам...

— То есть я должен спокойно смотреть, как ты берешь на себя вину за избиение младенцев? Ну уж нет, Мерлин, придумай что-нибудь поумнее!

— Я ведь сказал, что это общие слова. На самом деле я не имею понятия о том, что означает твой сон. Может быть, всего лишь дневные заботы да переполненный желудок. Но одно могу тебе сказать, как, впрочем, говорил уже и раньше: опасности, ожидающие тебя в будущем, ты преодолеешь и достигнешь славы; и, что бы ни случилось, какие бы промахи ты ни совершил — и в прошлом, и в настоящем,— ты умрешь славной смертью. Я же исчезну, как музыка замолкшей арфы, и мой конец люди назовут бесславным. А ты останешься жить в людском воображении, в людских сердцах. Покуда же у тебя есть вдоволь времени, годы и годы. Расскажи же мне, что было в Линнуисе.

Разговор наш затянулся надолго. Но под конец он снова коснулся ближайшего будущего.

— Покуда весна не вскроет пути,— сказал Артур,— мы можем продолжать строительные работы в Каэрлеоне. Так что тебе следует остаться здесь. А вот весной я хочу, чтобы ты занялся обустройством моей новой столицы.— Я вопросительно посмотрел на него, и он кивнул.— Да, мы же с тобой об этом толковали. Что было хорошо во времена Вортигерновы и даже Амброзиевы, через год или два уже совсем не будет годиться. Карта меняется, там, на востоке. Подойдем вот сюда, я тебе покажу... Твой приятель Герейнт — это просто находка. Я послал за ним. Мне такой человек нужен под рукой. Сведения, которые он присылал в Линнуис, были бесценны. Он тебе рассказывал про Эозу и Кердика? Мы делаем попытки разузнать все получше, но я уверен, что Герейнт прав. По новейшим сведениям, Эоза сейчас возвратился в Германию и сулит всякому, кто пойдет за ним, солнце, луну и звезды, не говоря уже о целом саксонском королевстве в Британии...

Мы обсудили с ним то, что стало известно благодаря Герейнту, Артур пересказал мне последние новости, затем он продолжил:

— И то, что он сообщает о Пеннинском проходе, тоже, разумеется, все верно. Мы начали там работы, как только я получил твои донесения. Я послал туда Торра. По-видимому, следующий удар нам будет нанесен с севера. Жду гонцов от Кау и Урбгена. Однако в конечном итоге все решится здесь, на юго-западе, здесь нам придется встать не на жизнь, а на смерть. Имея Рутупии в качестве главного оплота и Саксонский берег в тылу, они будут угрожать нам прежде всего вот отсюда и отсюда...— Он двигал пальцем по выпуклой глиняной карте.— Из Линнуиса мы возвращались вот этим путем. Так что рельеф местности я себе представляю. Однако на сегодня довольно, Мерлин. Я велел изготовить новые карты, и мы еще посидим с тобой над ними. А эта местность тебе знакома?

— Нет. Я проезжал этой дорогой, но мысли мои были заняты другим.

— Спешить незачем. Если мы приступим к делу в апреле или даже в мае и ты опять, как повелось, совершишь для нас чудо-другое, у нас с лихвой достанет времени. Ты пока продумай все, а когда придет срок, съезди и посмотри на месте. Согласен?

— Вполне. Я уже смотрел... Нет, только мысленно. И кое-что мне вспомнилось. Там есть холм, он возвышается надо всей этой землей... Если память меня не подводит, он имеет плоскую вершину, и на ней вполне может расположиться армия или разместиться город. И притом он довольно высок, с него виден Инис-Витрин — Стеклянный остров — и вся цепь сигнальных вершин, и дальше, на много миль к западу и к югу, земли лежат как на ладони.

— Покажи где,— быстро сказал он.

— Где-то вот здесь,— ткнул я пальцем.— Точно указать не берусь, да и карта эта, по-моему, тоже не отличается точностью. Но вот это, должно быть, речка, которая протекает у его подножия.

— Как называется холм?

— Не знаю. Знаю только, что речка, кругом омывающая его подножие, называется Камел. На этом холме была крепость еще до прихода в Британию римлян, так что, как видно, уже древние бритты оценили его выгодное стратегическое положение. Здесь они оборонялись от римлян.

— Но римляне его все же захватили?

— В конце концов. Но, захватив, возвели свои укрепления и тоже держали на нем оборону.

— Вот как? Значит, к нему подведена дорога?

— Разумеется. Должно быть, вот эта, что ведет мимо озера от Стеклянного острова.

Говоря, я показывал ему по карте, а он смотрел и спрашивал и снова метался по комнате, но потом слуги внесли ужин и свечи, и тогда он распрямил спину, отбросил со лба волосы и оторвался от поглощавших его мыслей, как пловец, всплывший на свет из глубокой пучины.

— Ну да все равно придется с этим подождать, пока отойдет Рождество. Но как только будет возможно, Мерлин, поезжай туда и сообщи мне свое мнение. В помощи тебе недостатка не будет, ты знаешь. Теперь же давай вместе ужинать, и я расскажу тебе о том, как было дело на Черной речке. Я уже столько раз повторял этот рассказ, что он разросся у меня до неузнаваемости. Но для тебя не грех повторить еще раз.

— Не грех, а прямая обязанность. Обещаю со своей стороны, что поверю каждому слову.

Он рассмеялся.

— Я всегда знал, что могу на тебя положиться.

Глава 2

Погожим весенним днем я свернул с дороги и увидел впереди холм под названием Камелот.

Таким стало его название впоследствии, а тогда он назывался Каэр-Камел — по речке, которая петлей обтекала понизу его подножие. Холм этот, как я и рассказывал Артуру, имел плоскую вершину и был не то чтобы очень высок, но возвышался над окружающими землями достаточно, чтобы во все стороны открывался широкий вид, а крутые склоны делали его почти неприступным для врага. Легко было себе представить, почему кельты, а за ними и римляне избрали его своей твердыней. Вид сверху во все стороны открывался великолепный. На востоке стеной стоит гряда пологих холмов, но на юг и на запад взгляд теряется в бескрайней дали, а на север достигает моря. В северо-западном углу море вдается в сушу и подходит к Камелоту на расстояние в каких-нибудь восемь миль, во время приливов оно растекается по болотистой равнине, питая своими водами большое озеро, посреди которого возвышается Стеклянный остров. Этот остров, вернее гряда островков, покоится на зеркальном мелководье, точно возлежащая богиня; с незапамятных времен он и был посвящен Богине, чье святилище стоит по соседству с замком местного короля. Над Стеклянным островом, далекая, но отчетливая, виднеется сигнальная вершина — гора Тор, а за нею, вдали, уже на берегу Северна, следующая сигнальная вершина — Брент-Нолл.

Холмы Стеклянного острова и окружающие их топкие травянистые низины составляют Летнюю страну, где правил в то время молодой король Мельвас, верный сторонник Артура. Когда я первый раз приехал осматривать те места, он оказал мне гостеприимство и был рад услышать о том, что верховный король намерен возвести свою главную твердыню на границе с его владениями. Он заинтересовался картами, которые я привез, и дал обещание помогать всем, чем возможно: от людей, которых он даст нам в работники, и до защиты от врагов, буде возникнет в том нужда, пока идет строительство.

Король Мельвас вызвался сопровождать меня на место будущих работ, но я для первого обзора предпочитал одиночество и потому вежливо уклонился. Он и его свита проскакали со мной первую половину пути, а потом свернули на тропу, проложенную по гати через топь, и весело унеслись прочь. Там лежат богатей-

шие охотничьи угодья, кишащие всевозможной дичью. Я счел за добрый знак, что, едва расставшись со мной, король Мельвас пустил сокола на стаю перелетных птиц, тянувшуюся с юго-востока, и не прошло и минуты, как сокол вернулся с добычей и сел на рукавицу сокольничему. С возгласами и смехом молодые всадники скрылись среди ив, я же продолжал мой путь в одиночестве.

Я предполагал, что к бывшей римской крепости Каэр-Камел должна вести дорога, и оказался прав. Действительно, дорога отходит от Инис-Витрина по невысокой насыпи, пересекающей озеро в узком месте, и поднимается на сухую столовую возвышенность, уходящую к востоку. Дальше она идет по этой возвышенности, а потом сворачивает на юг к деревушке, расположенной у подножия Каэр-Камела. Когда-то это было кельтское поселение, потом — слободка при римской крепости, жители ее добывали себе пропитание, обрабатывая землю, а в случае опасности прятались наверху за крепостными стенами. С тех пор как крепость пришла в упадок, жизнь у них была несладкая. Мало того, что с востока и юга им постоянно грозила опасность, но подчас еще приходилось обороняться от обитателей Летней страны — в тяжелые годы заболоченные земли вокруг Инис-Витрина не родили вообще ничего, кроме рыбы да водяной дичи, и тамошние молодцы норовили попытать удачи в чужих пределах. Я ехал между убогими хижинами под полусгнившими тростниковыми крышами, и никто не попадался мне навстречу, лишь кое-где из черных дверей вслед мне смотрели чьи-то глаза да раздавался пронзительный голос матери, зовущей свое дитя. Конь мой, оскользаясь в грязи и навозе, спустился к берегу речки Камел, перешел ее вброд по колено; наконец я направил его вверх по склону — и рысью по крутой дороге, по которой скатывались некогда римляне в своих боевых колесницах.

Даже зная заранее, что увижу наверху, я все-таки был изумлен размерами плоской вершины. Через обрушенные юго-западные ворота я въехал на широкое поле, чуть покатое к югу и рассеченное почти пополам невысоким гребнем. Медленным шагом я подъехал к этому гребню. Широкое поле, вернее, целая равнина лежала передо мной, вся изрытая и всхолмленная остатками бывших строений, а по краю ее со всех сторон тянулся глубокий ров, кое-где еще выложенный каменными плитами, и над ним — развалины стен. Заросли дрока и куманики густо

одели руины, кроты подрыли растрескавшиеся плиты. Камень, добрый римский строительный камень из ближних каменоломен, повсюду валялся в изобилии. А за обрушенными бастионами склоны холма сразу круто уходили вниз, и на них густо росли деревья, когда-то срубленные под корень, а с тех пор снова разросшиеся и окруженные подлеском. Между стволами среди куманики и боярышника тут и там чернели каменные утесы. По склону, петляя в крапиве, от пролома в северной стене шла тропа. Проследив ее взглядом, я увидел на северном склоне родник, окруженный деревьями. Я понял, что это и есть знаменитый святой источник, испокон веку посвященный Великой Богине. Другой родник, который главным образом и снабжал крепость хорошей питьевой водой, находился на подъеме к северо-восточным воротам. Похоже было, что там и нынче поили скот: пока я стоял, снизу через пролом в стене наверх поднялось стадо и под тихое бряканье колокольцев разбрелось по полю, пощипывая траву. Следом появился и пастух, я увидел издалека его тщедушную фигуру и подумал было, что это мальчик, но затем по тому, как он ходил и как опирался на посох, угадал в нем старика.

Я повернул коня в его сторону и поехал медленным шагом, петляя между обломками каменных стен. Сердито застрекотала, улетая, вспугнутая сорока. Старик поднял голову. И застыл на месте с удивленным и, как мне показалось, встревоженным выражением. Я приветственно поднял руку. Верно, вид одинокого невооруженного всадника его успокоил, потому что он подошел к разрушенной каменной стене и уселся, греясь на солнце, ожидая, когда я подъеду.

Я спешился и отпустил коня пастись.

— Привет тебе, отец.

— Привет и тебе тоже.— Он произнес это на картавом местном диалекте, да еще невнятно, почти прошамкал. И при этом подозрительно взглянул на меня замутненными старческими глазами.— Ты ведь чужой в здешних краях?

— Да, я приехал с запада.

Это известие его не успокоило. Здешние жители привыкли воевать со всеми.

— Зачем же ты свернул с дороги? Чего тебе надобно здесь?

— Я прибыл по велению короля, дабы осмотреть крепостные стены.

— Опять?

Я удивленно взглянул на него, а он в сердцах вонзил посох в землю и голосом, дрожащим от гнева, произнес:

— Эта земля была нашей еще до короля и будет нашей, что бы он ни говорил! Почему он не хочет от нее отступиться?

— Мне кажется, что король не...— начал было я, но не договорил, осененный внезапной мыслью.— Ты говоришь: король? Но какой король?

— Мне его имя не ведомо.

— Мельвас? Или Артур?

— А кто его знает. Говорю тебе, я не ведаю его имени. Чего тебе здесь надо?

— Я прибыл от короля. По его велению...

— Это мы знаем. Чтобы снова возвести стены крепости, а потом отнять наш скот, убить наших детей и похитить наших женщин.

— Нет. Чтобы построить здесь твердыню и защищать ваш скот, ваших детей и женщин.

— До сих пор от этих стен нам проку не было.

Стало тихо. Старческая рука, державшая посох, дрожала. Приятно грели солнечные лучи. Конь мой осторожно пощипывал травку вокруг низкого, ползучего куста чертополоха, похожего на лежащее колесо. На розовую головку клевера села, трепеща крылышками, ранняя бабочка. Высоко взмыл жаворонок, заливаясь песней.

— Старик,— мягко сказал я,— при тебе здесь не было крепости. И при твоем отце тоже. Какие же стены стояли тут над водами, обращенные на север, юг и запад? И какой король их штурмовал?

Он молча смотрел на меня, старая голова его тряслась.

— Это предание, господин, всего только предание. Дед рассказывал его мне. Что будто бы жили здесь люди, держали коров и коз, пасли их здесь на высоких тучных пастбищах, и ткали холсты, и пахали наверху свои пашни, а потом пришел король и согнал их вон по той дороге вниз, на дно долины, и там нашли они все могилу, широкую, как река, и глубокую, как пещера под холмом, куда вскоре и самого того короля положили на вечное упокоение, недолгим было его торжество.

— Под каким холмом его положили? На Инис-Витрине?

— Что ты! Разве перенесли бы они его туда? Там земля чужая. Летняя страна ей название, потому что это затопленная

низина и просыхает только в разгар лета. Нет, они под этот вот холм нашли проход и там в пещере его похоронили, а заодно и всех, кто с ним тогда утонул.— Он вдруг тоненько захихикал.— Утонули посреди озера, а народ на берегу смотрел, и ни один не бросился спасать. Потому как это Великая Богиня его к себе забрала и с ним всех его доблестных капитанов. Кто бы стал ей мешать? Говорили, что лишь на третьи сутки отдала она его тело, и выплыл он тогда нагой, без меча и без короны.— Он кивнул и снова засмеялся скрипучим смехом.— Так что твой король пусть лучше с ней сначала поладит, ты ему передай.

— Непременно. А когда это было?

— Сто лет назад. Или двести. Почем мне знать?

Мы оба помолчали. Я обдумывал то, что сейчас услышал. Этот рассказ, я знал, сохранила народная память, перекладывая его с языка на язык, повторяя зимними вечерами у крестьянского камелька. Но он подтверждал то, что мне и самому было известно. Этот холм был укреплен с незапамятных времен. А король, о котором говорится в предании, мог быть каким-то кельтским вождем, которого изгнали из крепости римляне, или же, наоборот, римским полководцем, расположившимся лагерем в стенах завоеванной твердыни.

— Где вход внутрь холма? — нарушил я молчание.

— Какой еще вход?

— Ну, отверстие, через которое внесли в пещеру тело умершего короля.

— Почем мне знать? Есть под холмом пещера — вот и все, что я знаю. И бывает, ночью они оттуда снова выезжают. Сам видел. Летом, как луна всходит, показываются, а чуть начинает светать, убираются обратно. А иной раз случается, в бурную ночь рассвет подберется незаметно, и один который-нибудь из них припозднится обратно, подъедет, а уж вход-то заперт. И до новой луны блуждает он тогда один по склонам холма, дожидается, пока...— Он осекся и испуганно покосился на меня, подняв плечи: — Ты, говоришь, человек короля?

Я засмеялся:

— Не бойся меня, отец. Я не из ночных всадников. Я человек короля, это правда, но прислан живым королем, который снова отстроит здесь крепость, и возьмет на себя заботу о вас, вашем скоте, и ваших детях, и о детях ваших детей, и защитит вас от саксонского врага на юге. А тучные пастбища останутся за вами, в том я тебе ручаюсь.

На это он ничего не ответил. Только сказал, помолчав, понежившись на солнышке и мелко тряся головой:

— А чего мне бояться? Короли всегда были и всегда будут. Экая диковина — король.

— Этот король еще будет всем в диковину.

Но он уже отвлекся. Он свистом подзывал к себе коров:

— Сюда, Черничка, сюда, Росинка! Чтобы король и приглядывал за нашей скотиной? За дурака, что ли, ты меня принимаешь? Ну да Великая Богиня позаботится о своих. А он пусть лучше ублажит Богиню.— И замолк, чертя землю посохом и что-то невнятно бормоча себе под нос.

Я дал ему серебряную монету, как вознаграждают певца, исполнившего прекрасную песнь, взял под уздцы своего коня и повел к невысокому гребню, пересекавшему плоскую вершину холма.

Глава 3

Через несколько дней прибыли первые строители, начались работы по обмерам и разметке, а старший мастер закрылся со мной в главной мастерской, которую наскоро сколотили прямо на месте.

Искусный строитель и механик Треморин, обучавший меня когда-то в Бретани тайнам своего ремесла, уже несколько лет как умер. Главным механиком у Артура был теперь Дервен, с которым мы познакомились еще при Амброзии, во время перестройки Каэрлеона. Был он рыжебород и краснолиц, однако нрав имел совсем не в масть: он был молчалив до угрюмости и, если на него чересчур нажимать, мог выказать упрямство чисто ослиное. Но я знал его как многоопытного и умелого строителя, отличавшегося притом еще талантом управлять людьми: под его началом все работали споро и охотно. К тому же он и сам владел всеми строительными ремеслами и не гнушался при случае закатать рукава и выполнить, если требовалось срочно, любую тяжелую работу. Меня он признавал над собой, не ропща. Он относился к моему искусству с самым лестным для меня почтением. И заслужил я его почтение не на строительстве Каэрлеона или Сегонтиума — эти крепости были отстроены по римскому плану, для чего не требовалось от строителей особого таланта,— но Дервен служил подмастерьем в Ирландии, когда я переправлял через море огромный король-камень, что стоял на горе Киллар, а потом работал в Эймсбери, где был восстановлен Хоровод Великанов. Так что мы с ним вполне ладили и ценили мастерство друг друга.

Опасение Артура о неладах на севере сбылось, и в начале марта он уже отправился туда. Но перед тем, зимой, мы втроем с ним и с Дервеном немало часов провели над планами будущей крепости. Уступив моим убеждениям и пылу Артура, Дервен в конце концов принял мой план перестройки Каэр-Камела. Скорость и надежность — вот то, чего я добивался. Я хотел, чтобы крепость была готова к тому времени, когда завершится Артуров поход на север, но хотел я и того, чтобы она осталась стоять на века. Ее размеры и мощь укреплений должны были соответствовать его величию.

Размеры, впрочем, были заданы, так как плоская вершина холма была огромна, не менее восьми акров площадью. Но вот что до мощи... Я распорядился переписать все строительные материалы, имеющиеся на месте, и постарался проследить под руинами прежнюю планировку укреплений, римскую кладку, повторяющую рисунок более ранних кельтских сооружений: валов и рвов. Но, готовя планы новых работ, я держал в уме и крепости, которые доводилось мне видеть в путешествиях по чужим краям, цитадели, возведенные в таких же диких местах на таких же трудных участках. Строить здесь по римскому плану — это была бы задача исключительно трудная, а пожалуй что и невозможная; даже если бы Дервеновы каменщики владели римскими секретами, при таких колоссальных размерах применить их было немыслимо. Но каменщики все отлично умели класть стены на здешний лад — сухой кладкой, и на месте было много тесаного камня да и каменоломня под рукой. Поблизости имелись дубравы, и лесопильные дворы между Каэр-Камелом и озером всю зиму простояли забитые заготовленной древесиной. Все это определило мой окончательный план.

Что он был выполнен на славу, теперь всякий может убедиться. Крутые, перерезанные рвами склоны холма, который зовется теперь Камелот, стоят, увенчанные массивными стенами из камня и бревен. За зубцами стен и над воротами ходят дозорные. К северным воротам меж высоких откосов, петляя, подходит торговый большак, а к воротам в юго-восточном углу, за которыми закрепилось название Королевских, подымается в лоб военная

дорога, по ней скатываются без заминки быстрые боевые колесницы и мчатся галопом целые шеренги всадников.

За этими стенами, по-прежнему исправными в нынешние мирные времена, как и в бурные годы, для которых я их предназначал, вырос целый город, блестя на солнце позолотой и пестрея флажками среди свежей зелени садов и рощ. По каменным террасам прогуливаются дамы в богатых нарядах, среди деревьев резвятся ребятишки. Улицы полны простым народом, звенят смехом и разговорами, на рыночной площади идет шумный торг, проносятся. дробно стуча копытами, быстроногие, гладкие Артуровы кони, слышатся звонкие молодые голоса и благовест церковных колоколов. Город Камелот разбогател на мирной торговле и расцвел, украшенный мирными искусствами. И дивный вид его знаком ныне путешественникам со всех четырех сторон света.

Но тогда, на голой вершине холма, среди останков давно разрушенных зданий, он был не более чем мечта, рожденная жестокой военной необходимостью. Начинать, понятно, надо было с наружных стен, и для них я намеревался использовать валяющиеся кругом обломки: черепки римских отопительных труб, плиты мостовых и даже щебень, которым римляне засыпали фундаменты своих построек и подстилали проложенные в крепости дороги. Из всего этого мы сделали насыпь, которая подпирает наружные стены, а по ней за крепостными зубцами проходит широкая галерея. С внешней стороны стены крепости отвесно поднимаются над обрывистыми склонами холма, будто корона на голове у короля. Деревья на склонах мы все срубили и проложили рвы, так что получились крутые скальные ступени, увенчанные сверху неприступной стеной. Класть стены решено было из туфовых плит, которых было много на месте бывшей крепости, не считая тех, что заготовляли наново каменотесы Мельваса и наши. А сверху во всю длину стен я решил сделать массивные бревенчатые навершия, укрепленные на вбитых во внутреннюю насыпь столбах. К воротам подойдут дороги, заглубленные между каменными откосами, а сами ворота будут устроены как туннели в стене, и над ними, не прерываясь, протянется верхняя галерея. Эти туннели должны быть достаточно высоки и широки, чтобы пропустить любую повозку или колесницу или трех всадников в ряд, а тяжелые створки ворот будут отводиться назад и прилегать вплотную к дубовым бокам туннелей. Но чтобы получить необходимую высоту, придется еще более заглубить колеи.

Все это и еще многое другое я должен был втолковать Дервену. Он слушал поначалу недоверчиво и только из уважения ко мне, я чувствовал, не уперся сразу, как мул, и не отказался бесповоротно выполнять мои предначертания, и прежде всего касательно устройства ворот: ничего подобного он в жизни не слыхивал, а строители и механики, вполне естественно, предпочитают действовать в согласии с проверенными образцами, особенно в делах войны и обороны. Сначала он никак не мог взять в толк, чем плохи ворота старого образца — две башенки и будки для стражи. Но со временем, просидев много часов над моими планами и перечнями имеющихся на месте строительных материалов, он постепенно стал склоняться на сторону задуманного мною сочетания камня с деревом и даже, можно сказать, загорелся. Он слишком любил свое дело, чтобы оставаться равнодушным к новшествам, тем более что в случае неудачи спрос будет не с него, а с меня.

Впрочем, какой уж тут спрос. Артур принимал самое горячее участие в обсуждениях, хотя однажды заметил, когда по какому-то специальному вопросу мы обратились к его мнению, что он лично знает свое дело, а мы, как он надеется, знаем свое, замысел нам ясен, вот и надо приступать к работе. Пусть мы только возведем эту крепость (заключил он с потрясающей, хотя и неосознанной, самоуверенностью), а уж он сумеет ее отстоять.

С приходом ранней весны установилась ясная погода, и Дервен горячо и споро взялся за работу уже на месте — и в первый же день к закату, когда старый пастух сзывал своих коров на вечернюю дойку, были забиты колышки, начали рыть канавы, и быки, напрягаясь, уже волокли снизу первый тяжело груженный воз.

Каэр-Камел возрождался к новой жизни. Ждали короля.

Он приехал теплым солнечным днем. Прискакал снизу от деревни на серой кобыле Амрей вместе с Бедуиром и своим названым братом Кеем в сопровождении дюжины конных командиров. Их теперь называли eguites*, или рыцари, Артур же именовал их своими товарищами. Скакали все без доспехов, как на охоте. Артур спрыгнул с кобылы, бросил поводья Бедуиру и, пока остальные спешивались и пускали коней пастись, один взошел, обдуваемый ветром, по травянистому склону.

* Всадники *(лат.)*.

Увидев меня, он поднял приветственно руку, но шагу не прибавил. Остановился и перекинулся словом с каменщиками, занятыми на кладке наружной стены, прошел по доске через канаву,— землекопы, распрямляя спины, отвечали на его вопросы. Я видел, как один из них вытянутой рукой указал ему на что-то; он оглянулся, посмотрел, потом обвел глазами все вокруг и наконец зашагал дальше к срединному гребню, где были вырыты канавы под основание королевского дома. Отсюда вся крепость окажется перед ним как на ладони и откроет ему свои будущие очертания под сетью канав и фундаментов, под паутиной канатов и дощатых мостков.

Он медленно повернулся на месте, охватив взглядом весь широкий круг. Потом быстрыми шагами подошел туда, где стоял я с чертежами в руке.

— Да.— Вот все, что он сказал, но в голосе его звучало удовлетворение. А затем еще: — Когда?

— К зиме тут для тебя уже кое-что будет.

И снова его глаза обежали все кругом с выражением гордости и провидения, как будто это он, а не я королевский прорицатель. Я знал, что он сейчас видит вместе со мной готовые стены, гордые башни, весь этот летний золотой простор, замкнутый кольцом камня, дерева и железа,— свое первое создание. Но это был еще и взгляд воина, который получает в руки мощное оружие. Затем его глаза, сияющие неистовым удовлетворением, обратились ко мне.

— Я велел тебе сотворить чудо, и я вижу, ты это исполнил. Я именно о таком чуде и говорил. Хотя ты, наверно, как мастер своего дела не считаешь чудом, что начертанное тобою на глине или даже просто задуманное в мыслях находит воплощение и начинает жить, ныне и на века?

— По-моему, всякий творец дивится чуду творения. Дивлюсь и я.

— А как скоро продвинулись работы! Ты колдовал музыкой, как тогда, когда переносил Хоровод Великанов.

— Да, здесь то же чудо, что было и там. Ты можешь увидеть его своими глазами. Это — люди.

Быстрый взгляд на меня, и сразу же Артур посмотрел через изрытое широкое поле туда, где один подле другого, как в старой ремесленной слободе, работали под своими навесами плотники, кузнецы и каменщики и стоял дружный звон, стук и гомон.

Артур устремил взгляд вдаль и одновременно словно бы себе в душу. И сказал тихим голосом:

— Я запомню. Видит бог, это должен помнить каждый полководец. Ведь и мы прибегаем к тому же чуду.

А потом, будто вернувшись ко мне:

— Ну а когда наступит зима?..

— Когда наступит зима, будут готовы военные постройки внутри крепости и возведены все стены и башни, чтобы встретить неприятеля. Место для крепости здесь очень удачное. Позже, когда отойдут войны, останется время и пространство для других построек, для удобства, изящества и великолепия, достойных тебя и твоих побед. Мы построим тебе настоящее орлиное гнездо на высокой вершине — оплот для боевых действий во время войны и дом, чтобы растить детей, когда настанет мир.

В эту минуту он отвернулся от меня, чтобы помахать Бедуиру с товарищами — они уже снова сидели на конях, и Бедуир, по знаку Артура, повел к нему в поводу серую кобылу. Услышав мои последние слова, он резко обернулся ко мне, вздернув брови.

— Так ты знаешь? Как это я вообразил, что можно будет сохранить от тебя тайну?

— Тайну? Но я ничего не знаю. Какую тайну ты думал от меня сохранить?

— Да никакой. Разве это возможно? Я сказал бы тебе сразу, но вот это все было важнее... Хотя ей, конечно, неприятно было бы слышать, что я так говорю.

Я, верно, разинул рот от изумления. Он смотрел на меня смеющимися глазами.

— Да-да, я, право, сожалею, Мерлин. Я собирался сказать тебе. Я женюсь. Ну не сердись, прошу тебя. В этом деле мне не было нужды в твоем руководстве.

— Я не сержусь. У меня нет на то права. Уж тут-то ты должен был решать сам. И я вижу, что ты решил. Я рад. Сговор уже состоялся?

— Нет, что ты. Я должен был сначала поговорить с тобой. Покуда я еще только обменялся письмами с королевой Игрейной. Предложение исходило от нее. Но прежде, как я понимаю, нужно будет провести разные переговоры. Только имей в виду,— во взоре его блеснула сталь,— решение мое окончательное.

Тут подъехал Бедуир, спешился и передал Артуру поводья серой кобылы. На мой вопросительный взгляд Артур ответил, кивнув:

— Да, Бедуир знает.

— Тогда, может быть, ты скажешь мне, кто она?

— Ее отцом был Марч, вассал герцога Кадора Корнуэльского, убитый в сражении на Ирландском берегу. А мать умерла родами, и со смерти отца она росла под покровительством королевы Игрейны. Ты должен был ее видеть, только, наверно, не обратил внимания. Она была в свите королевы в Эймсбери и на коронации в Каэрлеоне тоже.

— Я ее помню. А имя ее мне называли? Запамятовал.

— Гвиневера.

В вышине пролетела, трепеща на солнце крылышками, болотная ржанка, и тень ее пробежала по траве между нами. Что-то тронуло струны моей памяти, что-то из прошлой жизни, когда меня еще не покинула моя сила и посещали грозные, ясные видения. Но воспоминание ускользнуло. И тихое удовлетворение наполнило душу покоем, безмятежное, как гладкие воды озера.

— Ты что, Мерлин?

Голос его прозвучал робко, как голос мальчика, страшащегося упреков. Я поднял голову. Бедуир из-за плеча Артура тоже смотрел на меня с опаской.

— Ничего. Она прекрасна собой и носит красивое имя. Не сомневаюсь, что боги благословят этот брак, когда подойдет время.

Молодые лица просветлели. Бедуир сказал что-то веселое и насмешливое, потом выразил восхищение строительством, и вот уже они увлеклись разговором, забыв и думать о предстоящей женитьбе. Я увидел вдалеке у ворот Дервена, и мы двинулись туда, чтобы потолковать с ним. А потом Артур и Бедуир простились, вскочили в седла, и остальные всадники повернули и пустили коней вдогонку за королем напрямик по крутому склону.

Но далеко ускакать им не пришлось. Едва только маленькая кавалькада вынеслась на дорогу, как столкнулась нос к носу с Черничкой, Росинкой и их сестрами, медленно тащившимися в гору. Старый пастух, упрямый, как липучий подмаренник, по-прежнему цеплялся за свое право выпаса на вершине Каэр-Камела и каждый божий день пригонял свое малочисленное стадо на ту часть холма, где еще не начались земляные работы.

Мне было видно, как серая кобыла осела на круп и приготовилась к прыжку. Коровы, лениво жуя, топали мимо, мотая

выменем. Из-за их раздутых боков внезапно, как дымок из-под земли, явился старый пастух с посохом. Серая кобыла взвилась на дыбы. Артур повернул ее, она опустила копыта чуть не на спину вороному жеребчику Бедуира, тот рванулся и едва не налетел на Росинку. Бедуир расхохотался, но Кей в сердцах заорал:

— Эй, дай дорогу, старый дурень! Не видишь, что ли, что едет король? Убирайся прочь со своими коровами. Им здесь больше нечего делать.

— У них тут дело, может, и поважнее твоего, молодой господин,— язвительно ответил старик.— Они питаются щедротами земли, которую вы и ваши дружки умеете только разорять! Так что это вы убирайтесь прочь со своими лошадьми и охотьтесь на угодьях Летней страны, а честных людей не замайте!

Кей никогда не умел обуздывать свой гнев, он даже промолчать, когда надо, был не способен. Он оттер Артурову кобылу и наклонил побагровевшее лицо к лицу старика.

— Ты что, глух, старый болван, или из ума выжил? Это не охота! Мы королевские боевые командиры, а это — сам король!

Артур возразил было со смехом:

— Да ладно тебе, Кей!

Но в это время старый оборотень очутился у него под локтем и заглянул ему в лицо подслеповатыми, тусклыми глазами.

— Король? Ну уж нет, вам меня не заморочить, лорды. Ведь он совсем юнец. А король — мужчина в летах. Да и время его еще не приспело. Он появится в летнее полнолуние. Видел я и его, и свиту его конных воинов.— Он взмахнул посохом, так что лошади снова вскинули в испуге головы.— Это вот они — боевые командиры? Юнцы — вот они кто! Королевские конники все в латах, с пиками высотой с тополь, и на шлемах хвосты развеваются, ну будто лошадиные. Я их всех видел, когда был тут один летней ночью. Так что короля я уж как-нибудь да узнаю.

Кей открыл было рот, но Артур остановил его, подняв руку. И спросил, словно был со стариком один на один в чистом поле:

— Отец, ты говоришь, король проезжает здесь летней ночью? Кто он? И что с ним за люди?

Такое обхождение, видно, тронуло старика. Он смягчился. Но, заметив меня, ткнул посохом в мою сторону:

— Вот ему я рассказывал. Все как есть. Человеком короля он назвался и говорил со мной ласково. Сказал, что придет король и позаботится о моих коровах и пастбища для них определит...— Он огляделся, только теперь заметив гладких коней, и богатую

упряжь, и пестрые одежды, и смеющиеся гордые лица молодых всадников. Тут голос его пресекся. Он снова зашамкал что-то неразборчивое. Артур вопросительно взглянул на меня.

— Ты понимаешь, о чем он?

— Это старая легенда, призрачный король с призрачной свитой, выезжающие летней ночью из могилы под холмом. Можно предположить, что она основана на предании о кельтских вождях или о римлянах, а может, и о тех и о других. Тут нет причины тебе беспокоиться.

— Нет причины беспокоиться? — переспросил с сомнением один из всадников, помнится, это был Ламорак, храбрый, но нервный рыцарь, у которого в голове вечно были всякие предзнаменования, а сбруя его коня вся звенела талисманами и амулетами.— Призраки, а ты говоришь, не о чем беспокоиться.

— И он видел их своими глазами на этом самом месте,— заметил еще кто-то.

Другие голоса подхватили:

— Пики и на шлемах конские хвосты? Да ведь это похоже на саксов!

А Ламорак, теребя кусок коралла на груди, воскликнул:

— Призраки мертвецов, убитых на этом месте и погребенных под этим самым холмом, на котором ты собрался возвести крепость и город! Артур, ты знал об этом?

На свете нет людей суевернее, чем солдаты. Ведь они всю жизнь живут бок о бок со смертью. Смех смолк, как канул в воду, ясный день подернуло легкой оторопью, словно туча скрыла от нас приветливое солнце.

Артур нахмурил брови. Он тоже был солдат, но он был еще и король и, подобно своему отцу королю Утеру, ограничивался делами этого мира. Он ответил с подчеркнутой бодростью:

— Ну и что с того? Покажи мне хоть одну старую крепость, которая не стояла бы на костях своих храбрых защитников. Разве мы дети, чтобы страшиться теней тех, кто пролил здесь кровь в прежние времена, обороняя от врагов эту землю? Если они до сих пор являются людям, то будут на нашей стороне, я уверен! — А потом вновь наклонился к пастуху: — Поведай же нам всю историю, отец. Кто был тот король?

Старик немного смутился, замялся. Потом вдруг спросил:

— Слыхал ты про волшебника Мерлина?

— Про Мерлина? — переспросил Бедуир.— Как, разве ты не знаешь...

Тут он встретился со мной взглядом и осекся. Остальные молчали. И среди молчания Артур, даже не покосившись в мою сторону, проговорил:

— Ну и что же Мерлин?

Старческие замутненные глаза обвели лица всадников, словно различали каждое с полной отчетливостью. Кони и те стояли смирно. Старый пастух расхрабрился среди общего внимания. И заговорил громко и внятно:

— Жил однажды король, и задумал он построить крепость. И как повелось в старину у королей, могучих и беспощадных властителей, стал он искать героя, чтобы убить его и зарыть под стенами, дабы высились твердо и неприступно. Схватили и привели к нему Мерлина, величайшего из мужей во всей Британии, и собрался он его убить, но Мерлин свистнул к себе своих драконов и унесся на них на край небес, а в Британию призвал нового короля, и тот испепелил старого в башне и с ним — его королеву. Ты слышал эту историю, господин?

— Да.

— А это правда, что ты король и это твои командиры?

— Да.

— Тогда спроси самого Мерлина. Говорят, он и поныне жив. Спроси его, должен ли король страшиться, если у него под порогом — могила героя? Ты знаешь, что сделал Мерлин? Он самого короля Дракона закопал под Висячими Камнями, вот он что сделал. И возвел крепчайший замок во всей Британии. Так, во всяком случае, люди говорят, только, может, врут.

— Нет, не врут,— сказал Артур.

Он обвел взглядом лица своих товарищей и увидел, что к ним возвращается спокойствие.

— Ну а могучий король, который спит со своими всадниками под этим холмом? — обратился он к старому пастуху.

Но больше он ничего не добился — пастух что-то снова забормотал, уклончиво и невнятно, по временам можно было разобрать какое-нибудь слово или два: оперенные шлемы, круглые щиты, низкорослые кони, и опять длинные пики «как тополя», и плащи, развевающиеся за спинами, «когда нет и ветерка».

Я холодно произнес, желая пресечь эту цепь призрачных видений:

— Об этом тоже тебе лучше спросить Мерлина, государь. И мне кажется, я знаю, что он ответит.

Артур улыбнулся.

— Что же?

Я обратился к старцу:

— Ты рассказывал мне, что этого короля и его людей уничтожила Великая Богиня и что здесь, под холмом, их могила. И ты мне сказал, что новый молодой король должен поладить с Богиней, иначе она его отвергнет. Взгляни же на ее дела. Молодой король не знал этой истории, но он явился сюда, ибо это она его сюда привела. И он задумал возвести свою крепость на том самом месте, где Богиня умертвила отряд могучих бойцов и их вожака и похоронила, чтобы они легли под его порогом. Она же подарила ему меч и корону. Так и скажи своим людям, старик, передай им, что молодой король явился сюда с благословения Богини и строит здесь крепость, чтобы оборонять вас и ваших детей и чтобы ваш скот мог мирно пастись.

Ламорак судорожно вздохнул и воскликнул:

— Клянусь Богиней, ты прав, Мерлин!

— Мерлин? — повторил старик, будто только сейчас услышал это имя.— Да, он так бы и сказал... И еще мне говорили, что он добыл для короля меч из водных глубин...

Тут, окруженный смеющимися всадниками, он снова перешел на бормотание. Но постепенно до него дошел смысл неосторожно сказанных мною последних слов, и он, встрепенувшись, опять стал громогласно рассуждать о своих коровах и о злодеях королях, мешающих им пастись. Артур, бросив мне один быстрый взгляд, внимательно слушал, а товарищи его изо всех сил старались сдержать смех, и последняя тень тревоги покинула их лица. Наконец король учтиво и ласково обещал старику, что ему будет позволено пасти коров на вершине Каэр-Камела, покуда там растет трава; когда же травы больше не окажется, ему отведут для выпаса другое место.

— Даю тебе слово верховного короля,— заключил Артур.

Не знаю, поверил ли ему наконец старый пастух, но сказал он так:

— Король ты или не король, но для юных своих лет говоришь дело. Ты слушай совета тех, которые знают, а не таких,— сердитый взгляд на Кея,— что только шумят и пыжатся. Ишь вояки какие нашлись. Кто понимает толк в ратном деле, скажет тебе, что на пустой желудок не воюют. Ты дай пастбища моим коровам, а мы дадим пищу вашим желудкам.

— Я же сказал, что пастбища вам будут.

— А когда твой строитель,— кивок в мою сторону,— разорит вершину холма, какую землю ты мне отведешь?

Артур, может быть, и не ожидал, что его так сразу поймают на слове, но замялся лишь на миг.

— Я видел пышные зеленые луга вдоль берега реки, вон там, за деревней. Если можно, я...

— Эти луга для коров негожи. Для козы еще куда ни шло, для гуся, а крупной скотине там трава не годится. Кислая она, и куриной слепоты в ней много. Для молока это отрава.

— Вот как? Я не знал. Какая же земля будет тебе впору?

— Вон та. За барсучьим холмом. Во-он там.— Он указал посохом.— Куриная слепота, хе-хе! Король или не король, молодой господин, но сколько человек ни знает, всегда найдется еще кто-нибудь, кто знает больше.

Артур серьезно ответил:

— Это я тоже постараюсь запомнить. Что ж, прекрасно. Если мы отвоюем барсучий холм, он будет твой.

Он натянул поводья, пропустил старика с его коровами и, махнув мне рукой, поскакал под гору, сопровождаемый своими рыцарями. У котлована под юго-западную башню меня дожидался Дервен. Я зашагал в ту сторону. И снова резвая ржанка, быть может та же, что и давеча, заметалась, закувыркалась на ветру, издавая свой тонкий крик. И ко мне пришло воспоминание, заставившее меня остановиться...

...Зеленая часовня в горах над Галавой. И те же два юных лица: Артура и Бедуира, жадно слушающих мои рассказы о давних сражениях и дальних странах. И проплывшая птичья тень, отброшенная светильником, тогда это была белая сова, обитавшая под кровлей, гвенхвивар, белая тень, и при этом слове меня взяла оторопь и посетило мимолетное тревожное предчувствие, которого сейчас я даже и припомнить не мог, помнил только, что в имени Гвиневера содержалась для Артура какая-то угроза.

Сегодня такого предостережения мне дано не было. Но его и не могло быть. Я знал, как мало осталось от моей прежней силы, от моей былой способности предостерегать и ограждать. Сегодня я был всего лишь, как назвал меня старый пастух, строитель — и только.

«И только»? Я вспомнил, с какой гордостью и преклонением рассматривал король разметку на земле — план моего «чуда». Те-

перь я работал для него. Я взглянул на чертежи, которые держал в руках, и ощутил знакомое, чисто человеческое упоение творца. Тень уплыла, растаяла в лучах солнца, и я поспешил к Дервену. По крайней мере, у меня еще были силы построить моему мальчику надежную крепость.

Глава 4

Через три месяца Артур обвенчался с Гвиневерой в Каэрлеоне. До самой свадьбы он так больше и не виделся со своей невестой. По-моему, ему и поговорить-то с ней довелось только однажды, да и то это был обмен общепринятыми любезностями во время коронации. В начале июля ему пришлось снова срочно отправиться на север, так что съездить в Корнуолл за невестой у него не было времени. Да оно так и полагалось: будучи верховным королем, не он должен был ехать к невесте, а она к нему. И потому он скрепя сердце отпустил на месяц Бедуира, чтобы тот отправился в Тинтагел и доставил ее со свитой в Каэрлеон.

Все лето то и дело вспыхивали схватки на севере, главным образом засады среди поросших лесами гор и набеги на одиноко расположенные селения, но на исходе июля Артур навязал противнику сражение у переправы через реку Бассас. И одержал такую решительную победу, что за ней последовала долгожданная передышка, перешедшая в перемирие на время жатвы, и тогда он позволил себе со спокойной душой отлучиться с севера и съездить в Каэрлеон. Но свадьба все же вышла походная: отложить надолго военное попечение он не мог, и обвенчали их, так сказать, между делом. Невеста, похоже, была к этому готова и радовалась, словно на больших лондонских празднествах, и все было устроено пышно и весело, несмотря на то что мужчины оставляли свои копья стоять за дверью пиршественной залы, а мечи клали подле себя под рукой, а сам король все время норовил улизнуть для совещаний со своими командирами, или на плац, или — иной раз за полночь — посидеть над военными картами, положив перед собой донесения разведчиков.

Я покинул Каэр-Камел в первую неделю сентября и отправился в Каэрлеон. Работа на строительстве крепости продвигалась хорошо, теперь можно было возложить руководство на Дервена. С легким сердцем пустился я в путь. Все, что мне удалось разузнать о молодой особе, свидетельствовало в ее пользу: молода,

отменного здоровья и хорошего рода; да и пора было Артуру жениться и обзавестись сыновьями. Сверх того я о ней не думал.

Ко дню прибытия свадебного поезда я уже был в Каэрлеоне. Они не воспользовались переправой, а прискакали по дороге через Глевум. Лошади под кожаными чепраками с позолотой и пестрыми кистями, ярко выкрашенные паланкины для дам. Придворные дамы помоложе — в плащах всех цветов радуги, на лошадях с заплетенными в гривы цветами.

Сама невеста презрела паланкин; она ехала в седле на хорошенькой соловой лошадке — подарок из Артуровых конюшен. Слева у ее стремени постоянно держался Бедуир в новом темно-красном плаще, а по другую руку от него ехала принцесса Моргана, сестра Артура. Лошадь под ней была так же горяча, как смирна была лошадка под Гвиневерой, но она управлялась с ней без затруднений. Она была в превосходном расположении духа, радуясь, надо полагать, не только этой важной государственной свадьбе, но еще и собственному своему предстоящему замужеству. При этом она, как видно, нисколько не завидовала тому, что Гвиневера играет главную роль в празднествах и окружена всеобщим поклонением. Моргана и сама была на этой свадьбе важным лицом: в отсутствие Игрейны она представляла королеву-мать и в качестве посаженой матери должна была вместе с герцогом Корнуэльским вручить невесту верховному королю.

Артур, до сих пор не знавший, как серьезна болезнь Игрейны, ожидал, разумеется, что она прибудет на свадьбу. Но Бедуир по приезде сказал ему тихо несколько слов, и я увидел, как тень омрачила лицо короля. Впрочем, он скоро прогнал ее и поспешил навстречу Гвиневере. Приветствовал он ее церемонно, но с улыбкой, и в ответ у нее на щеках заиграли лукавые ямочки. Дамы восхищенно шелестели подолами и пожирали глазами короля, мужчины любовались невестой: мужи постарше — одобрительно глядя на ее молодость и свежесть (они уже подумывали о наследнике королевского престола), молодые — тоже с одобрением, к которому примешивалась простая зависть.

Гвиневере было пятнадцать лет. Она заметно выросла с той поры, что я ее видел, и округлилась, но, в сущности, осталась такой же резвой девочкой, со свежим личиком и веселым взглядом, и открыто радовалась судьбе, которая привела ее сюда из Корнуолла и предназначила в жены молодому королю Артуру — надежде всей Британии.

Она очень мило передала извинения госпожи своей королевы, дав понять, что Игрейну задержало не более как случайное недомогание; король выслушал ее благосклонно, а затем предложил ей руку и сам проводил ее с Морганой к дому, отведенному для дам. То был лучший из городских домов вне крепостных стен, и там они могли отдохнуть и приготовиться к свадьбе.

Вскоре вслед за тем Артур возвратился в свои покои. Я еще из-за двери услышал, как он оживленно беседует с Бедуиром. И разговор шел не о дамах и свадьбах. На ходу Артур освобождался от богатого облачения, а Ульфин стоял наготове, чтобы поймать роскошный плащ, скинутый с плеч, и поднять с пола тяжелую перевязь с мечом. Артур весело приветствовал меня.

— Ну? Как ты ее нашел? Ведь какая красавица выросла, верно?

— Да, она очень хороша. Будет тебе достойной парой.

— И не ломака, не жеманница, слава тебе господи. Видеть таких не могу.

Я заметил, что Бедуир улыбается. Мы с ним оба понимали, что так оно и есть, в самом прямом смысле: он действительно не мог тратить время на жеманниц, ему было некогда любезничать и виться вокруг да около. Его цель — свадьба и брачное ложе, а затем, ублаготворив женитьбой лордов постарше и сам избавившись от этой заботы, он сможет вернуться на север, где его ждут недовершенные дела.

Он тут же и заговорил об этих делах, приглашая нас в передние покои, где стоял стол с рельефной картой.

— Сейчас мы об этом потолкуем, вот только соберутся остальные члены военного совета. Я уже за ними послал. Вчера вечером пришли новые вести. Я ведь говорил тебе, Мерлин, что решил вызвать сюда этого твоего молодого человека Герейнта из Оликаны. Он прибыл вчера вечером — ты его еще не видел? Нет? Он сейчас тоже придет. Весьма тебе благодарен: этот человек — находка, он уже трижды показал, чего стоит. Сейчас он привез известие из Элмета... Но об этом чуть позже. Пока они не собрались, я хочу услышать от тебя, что с королевой Игрейной. Бедуир сказал, что о ее поездке сюда не могло быть и речи. Ты знал о ее болезни?

— Я в Эймсбери увидел, что она хворает, но она не пожелала об этом говорить ни тогда, ни потом и совета моего не спрашивала. А каково ей теперь, Бедуир?

— Не мне судить,— ответил тот,— но, на мой взгляд, она в тяжелом недуге. Она сильно переменилась после коронации, стала худа, как призрак, и почти все время лежит в постели. Артуру она прислала письмо и хотела написать тебе тоже, но это уже было ей не под силу. Так что мне поручено передать тебе ее приветы и благодарить за письма и за то, что не оставляешь ее заботами. Твоих писем она всегда ждет с нетерпением.

Артур встревоженно взглянул на меня.

— Ты понимал, что дело примет такой оборот, когда видел ее последний раз? Это смертельно?

— Боюсь, что да. Когда я увидел ее в Эймсбери, семена болезни уже были посеяны. А потом, во время коронации, беседуя со мной, она уже, мне думается, чувствовала, что силы ее идут на убыль. Но угадать срок... Будь я даже ее собственным лекарем, и то едва ли я отважился бы на такую попытку.

Он мог бы спросить у меня, почему я не поделился с ним своими опасениями, но соображения мои были очевидны, и тут не о чем было разговаривать. Он только кивнул озабоченно.

— Не знаю... Я ведь должен буду возвратиться на север, как только покончу со здешними делами.— Он говорил о своей женитьбе так, словно это была битва или военный совет.— Ехать в Корнуолл мне никак невозможно. Может, следует послать тебя?

— Незачем. Ее врач — отличный знаток своего дела. Я знал его юным учеником в Пергаме.

— Ну что же,— произнес Артур, покоряясь судьбе. И повторил еще раз: — Ну что ж...

Но смирно стоять он не мог, а двигался вокруг стола, переставляя колышки, которыми была утыкана глиняная карта.

— Беда в том, что всегда кажется: можно что-то еще предпринять. Я люблю решать сам, а не ждать решения. Знаю, знаю, ты сейчас скажешь, что мудрость в том и состоит, чтобы знать, когда надо действовать, а когда всякое действие бесполезно. Только, боюсь, я никогда не достигну возраста мудрости.

— Наверно, лучшее, что ты сейчас можешь сделать для королевы Игрейны и для себя,— это осуществить задуманный ею брак, а также позаботиться о том, чтобы твоя сестра Моргана взошла на регедский престол,— сказал я.

Бедуир кивнул:

— Я тоже так думаю. Я понял из ее речей, что эти брачные союзы — единственная цель ее жизни.

— Да, так она и в письме написала,— подтвердил король. И прислушался, отвернув голову: из-за двери донесся приглушенный оклик и пароль-ответ.— Правду сказать, Мерлин, сейчас мне трудно было бы отпустить тебя в Корнуолл. Мне нужно, чтобы ты опять отправился на север. Можно оставить на Дервена работы в Каэр-Камеле?

— Разумеется, если таково твое желание. Он прекрасно управится, но я хотел бы к началу весны успеть туда возвратиться.

— Не вижу, что может тебе помешать в этом.

— Речь идет о свадьбе Морганы? Или опять Моргауза? Имей в виду, если надо плыть на Оркнеи, я отказываюсь...

Он засмеялся. Видно было, что он и думать забыл о Моргаузе и ее ребенке.

— Я бы никогда в жизни не послал тебя туда, где тебе будет угрожать опасность от Моргаузы и от волн Северного моря. Нет. Ты поедешь с Морганой. Я хочу, чтобы ты сопровождал ее в Регед.

— С большим удовольствием.

И я действительно обрадовался. Годы, что провел я в Регеде, в Диком лесу, составляющем часть огромного Каледонского леса, были вершиной моей жизни, это были годы, когда я учил и наставлял мальчика Артура.

— Надеюсь, я смогу навестить Эктора?

— Отчего же, но после того, как проводишь к венцу Моргану. Признаюсь, у меня большой камень упадет с души и у королевы тоже, когда Моргана станет королевой в Регеде. Ведь может статься, что к весне на севере снова вспыхнет война.

Странные, казалось бы, речи, но, если помнить, каким было положение в те годы, свой смысл в его словах был. То были времена зимних свадеб; с наступлением весны мужчины уходили воевать, и они, понятно, стремились оставить дома надежный тыл. Такому человеку, как Урбген Регедский, уже немолодому властителю обширных земель и отчаянному вояке, было бы крайне неразумно откладывать предстоящую свадьбу. Я сказал:

— Разумеется, я ее отвезу. Как скоро ехать?

— Как только со здешними делами будет покончено и прежде чем зима вступит в свои права.

— А ты приедешь на ее свадьбу?

— Если смогу. Мы еще поговорим об этом. Я передам тебе письма и, конечно, мои подарки для Урбгена.

Он сделал знак Ульфину, тот пошел к дверям навстречу входящим. Явились все: его рыцари, и члены совета, и кое-кто из малых королей, съехавшихся в Каэрлеон на свадебные торжества. Были здесь и Кадор, и Гвилим, и другие из Поуиса и Дифеда и Думнонии, но никого из Элмета и с севера, что было вполне понятно. Я обрадовался, что среди входящих не оказалось Лота. Зато в толпе молодежи я увидел Герейнта. Он помахал мне и улыбнулся — разговаривать сейчас было некогда. Говорил король, и мы просидели на совете до заката, когда внесли яства, а после ужина гости ушли, и я вместе с ними.

Я возвращался к себе, когда меня нагнал Бедуир и с ним Герейнт. Молодые люди были, как видно, хорошо знакомы. Герейнт тепло приветствовал меня.

— Для меня был поистине счастливый день,— с улыбкой сказал он,— когда некий странствующий лекарь заехал в Оликану.

— И сдается мне, для Артура тоже,— ответил я.— Как продвигаются работы в Пеннинском проходе?

Он подробно ответил на мой вопрос. С востока в том году опасность нам не угрожала. Артур полностью очистил от врага земли под Линнуисом, и король Элмета остался там сторожить и управлять. Через проход отстроили заброшенную дорогу, прямо от Оликаны до берега Трибуита, и оба западных форта привели в боевую готовность. С фортов разговор перешел на Каэр-Камел, и они вдвоем с Бедуиром забросали меня вопросами. Но вот мы подошли к перекрестку, где пути наши расходились.

— Здесь я оставлю вас,— сказал Герейнт и, оглянувшись назад на королевские палаты, произнес: — «Лишь половину поведали мне».— Это звучало как строка из какого-то стихотворения, которого я не знал.— Сейчас славное время для всех нас.

— А будет еще того славнее.

Мы простились и вдвоем с Бедуиром пошли дальше. Мальчик с факелом двигался в нескольких шагах впереди. Сначала, понизив голос, мы говорили об Игрейне. Бедуир описал мне ее состояние подробнее, чем при Артуре. Ее лекарь, опасаясь доверяться бумаге, на словах передал Бедуиру для меня кое-какие подробности, но они, впрочем, ничего нового мне не сообщили. Королева умирала, она ждала только,— таково было мнение Бедуира,— пока обе ее подопечные девицы, обвенчанные и коронованные, займут подобающее им место в обществе, а после этого чудо будет (утверждал Мельхиор), если она протянет до

Рождества. Мне она прислала поклон и фибулу для передачи после ее смерти Артуру — на память о матери. Фибула была тонкой работы, из золота и голубой эмали, с изображением христианской Богоматери и с именем Марии по краю. Дочь свою Моргану и воспитанницу Гвиневеру она уже прежде одарила драгоценностями в виде свадебных подарков. Впрочем, Моргане правда была известна, а вот Гвиневере, как видно, нет. Она была королеве не менее — если не более — дорога, чем родная дочь, и Бедуир получил строгие наставления не допустить, чтобы что-то омрачило свадебные торжества. Насчет горя Артура королева не обманывалась (Бедуир вообще почитал ее как женщину умнейшую); сердце сына она уступила королю Утеру, а также будущему родной страны, а сама примирилась с близкой смертью, находя поддержку в своей вере; но ей было известно, как горячо привязана к ней ее юная воспитанница.

— Ну а Гвиневера? — спросил я наконец.— За время пути сюда ты имел возможность близко ее узнать. А Артура никто лучше тебя не знает. Подойдут ли они друг другу? Какова она на самом деле?

— Прелестна. Полна жизни — по-своему не менее полна, чем Артур,— и умница. Засыпала меня вопросами о войне, и вопросы эти были вовсе не праздные. Она понимает его деятельность и интересуется каждым его шагом. Влюбилась по уши с первого взгляда еще тогда, в Эймсбери... Я-то думаю, что она была влюблена в него и раньше, как все девы Британии. Но она девица разумная и с юмором, а не какая-то там бледная немочь, мечтающая о короне и королевском ложе. Она понимает свой долг. Мне известно, что королева Игрейна давно задумала этот брак и уповала, что он совершится. И все это время учила и наставляла свою воспитанницу.

— Лучшей наставницы и быть не могло.

— Согласен. Но Гвиневера к тому же еще нежна и такая хохотушка. Я очень рад,— заключил Бедуир.

После этого мы заговорили о Моргане и о другой свадьбе.

— Будем надеяться, что и этот брак тоже будет удачным,— сказал я.— Он отвечает желаниям Артура. А что Моргана? Она как будто бы тоже этого хочет и счастлива.

— О да,— подтвердил он и с улыбкой недоумения продолжил: — Можно подумать, что у них сговор по любви и никакого Лота на свете не было. Ты всегда говоришь, Мерлин, что не понимаешь женщин и в толк не возьмешь, что ими движет. Ну так вот, я тоже их не понимаю, хоть и не рожден отшельником, как ты. Скольких я знал и теперь чуть не целый месяц им всякий день прислуживал — а они для меня по-прежнему загадка. Каждая мечтает о замужестве, а ведь это для них в своем роде рабство, да еще сопряжено со смертельной опасностью. Можно бы понять тех, у кого за душой нет ничего, но взять, к примеру, Моргану: у нее и богатство, и знатность, и свобода, которую они ей обеспечивают, и покровительство верховного короля. А она все равно соглашалась пойти за Лота, хотя какая у него слава, ты знаешь, и вот теперь с радостью идет за Урбгена в Регед, а ведь Урбген в три раза ее старше, да она и не видела его толком никогда. Почему?

— Я подозреваю, что из-за Моргаузы.

Он искоса посмотрел на меня.

— Возможно. Я обсуждал это с Гвиневерой. Она говорит, что с тех пор, как прибыло известие о родах Моргаузы, а следом ее письма о том, какой пышный двор она содержит...

— На Оркнейских островах?

— Так она пишет. Что она сама управляет королевством, это похоже на правду. Кому же еще? Лот много времени при Артуре... Так вот, Гвиневера мне сказала, что в последние недели Моргана стала раздражительной и произносит имя Моргаузы только с ненавистью. И еще она снова вернулась к своему «черному искусству», как называет это королева Игрейна. Гвиневере даже страшно.— Он замялся.— Их послушать, так Моргана занимается магией, но ведь в этом нет ничего похожего на твою силу, Мерлин? У нее это что-то мутное, скрытное.

— Если ее обучала Моргауза, то это, уж конечно, черное искусство. Ну что ж, стало быть, чем скорее Моргана станет королевой в Регеде и обзаведется своим семейством, тем будет лучше. А как же ты, Бедуир? Не подумываешь о женитьбе?

— Нет еще,— весело ответил он.— Мне недосуг.

Мы оба рассмеялись и разошлись спать.

А на следующий день при сиянии солнца, под музыку, среди пышности и ликования праздничной толпы Артур обвенчался с Гвиневерой. После пиршества, когда факелы зачадили, выгорая, когда гости наелись, и напились, и насмеялись вдосталь, новобрачную увели, а вскоре вслед за тем и жених, окруженный своими рыцарями, удалился в опочивальню.

В ту ночь мне привиделся сон. Был он краток и неотчетлив — лишь промельк, быть может, вещего видения. Занавеси на окне раздувал ночной ветер, по углам теснились стылые тени. На ложе покоилась женщина. Лица ее я не видел и кто она, не знал. Сначала я словно бы узнал в ней Игрейну, но ветер вздул пламя светильника, и тогда оказалось, что это, скорее всего, Гвиневера. Она лежала недвижно, словно бы мертвая — или истомленная ночью любви.

Глава 5

И снова я ехал на север, в этот раз западной дорогой, прямо на Лугуваллиум. То было воистину свадебное путешествие. Прекрасная погода держалась весь месяц — славный месяц сентябрь, лучшее в году время для путешественников, недаром он посвящен богу путников Гермесу.

Всю дорогу рука его вела нас. Большой западный тракт по распоряжению Артура был подновлен и содержался в отменном порядке, и даже вересковые равнины по сторонам стояли сухие, так что не приходилось размерять путешествие от селения до селения для удобного ночлега дам. Если закат солнца заставал нас вдали от жилых мест, мы разбивали лагерь там, где остановились, и ужинали у ручья, а кровом нам служили древесные кроны; в вересках, засыпая, перекликались кулики, и цапли, возвращаясь с ловитвы на ночлег, хлопали крыльями над нашими головами. Я был бы совсем счастлив, если бы не два обстоятельства. Первым была память о моем прошлом путешествии. Как всякий разумный человек, я, казалось бы, отбросил все сожаления о прошлом, но однажды вечером, когда кто-то из спутников попросил меня спеть и слуга принес мою арфу, мне вдруг показалось, что вот сейчас я подниму глаза от струн и в кругу света от костра увижу улыбающегося Бельтана, золотых дел мастера, и Ниниана у него за спиной. И с той поры мальчик был постоянно со мной, в воспоминаниях и в снах, а с ним и горчайшая из печалей — сожаление о том, что могло бы быть, но чего нет и никогда не будет. Это было больше чем просто печаль по утраченному ученику, который продолжил бы после меня мое дело. Я вдобавок еще мучительно корил себя за то, что так бездарно допустил его гибель. Должен же я был знать в ту минуту в Корбридже, когда все мое существо встрепенулось,— должен

же я был догадаться, что именно заставило меня за него заступиться. Правда состояла в том, что, печалясь о мальчике, который мог бы стать мне учеником и наследником, я печалился и о себе самом: Ниниан умер оттого, что я больше не был прежним Мерлином. А вторым шипом розы была сама Моргана. Я не был с ней близко знаком. Она родилась и выросла в Тинтагеле, когда я тайно жил в Регеде, где проходили детские годы Артура. После того я видел ее всего дважды: на коронации ее брата и на его свадьбе — и поговорить с нею мне не довелось ни в том, ни в другом случае.

Она походила на брата высоким для своих лет ростом, и черными волосами, и глазами — сказывалась, я полагаю, испанская кровь, привнесенная в род Амброзиев императором Максимом, но чертами пошла в Игрейну, тогда как Артур больше напоминал Утера. Она была белокожа и настолько же смирна, насколько Артур был буен. Но при всем том я чуял в ней ту же внутреннюю силу, ту же сдержанную душевную мощь, скрытый огонь под слоем серого пепла. И еще в ней было что-то от коварства ее единокровной сестры Моргаузы — вот уж чего совсем не было у ее брата Артура. Впрочем, это вообще черта женская, они все отличаются этим свойством в той или иной мере, подчас это их единственное оружие и в нападении, и в защите.

Моргана отказалась от паланкина и каждый день часть пути проезжала рядом со мною на лошади. Наверно, в обществе женщин и юношей разговоры велись о предстоящей свадьбе; но со мной она беседовала главным образом о прошлом. Снова и снова она побуждала меня рассказывать о моих прошлых делах, и все больше о тех, что вошли в легенды,— о драконах в Динас Эмрисе, о король-камне на горе Киллар, о мече Максена в камне. Я отвечал на ее расспросы с охотой, но ограничивался лишь внешними событиями и, помня жалобы ее матери и Бедуира, старался внушить ей истинное понятие о магии.

Для юных дев магия — это ворожба и приворотные зелья, нашептывание в темном чулане и гадание о суженом в канун летнего солнцестояния. Вполне понятно, что дела любовные занимают их в первую голову: как забеременеть, как не беременеть, какими чарами отвести опасность при родах, как угадать заранее, кто родится, мальчик или девочка. Но Моргана, надо отдать ей справедливость, ни о чем таком со мной не говорила, верно, все эти секреты она уже успела узнать. Не выказывала она интереса,

в отличие от своей сестры, и к искусству врачевания. Все ее вопросы были направлены в одну сторону — они касались моей силы, и главным образом в том, что имело отношение к Артуру. Она с жадностью расспрашивала о том, что и как было с первой встречи Утера и Игрейны и до поднятия Артуром великого меча Максена. Я отвечал ей учтиво и достаточно подробно, я полагал, она вправе знать внешнюю сторону дела и притом старался растолковать ей (поскольку ей предстояло стать королевой Регеда, почти наверняка пережить своего мужа и воспитывать будущего короля этой богатой земли), какие планы были у Артура на послевоенные времена, и внушить ей те же устремления.

Насколько мне это удалось, сказать было трудно. Постепенно я стал замечать, что она все чаще возвращается к тому, как и при каких условиях действовала моя сила. От этого разговора я уклонялся, но она проявляла настойчивость и под конец с самоуверенностью, напомнившей мне ее брата Артура, преспокойно предложила мне продемонстрировать мою силу в действии — будто я старая бабка, смешивающая снадобья в котле над огнем, или гадальщица на рынке, всматривающаяся в «магический кристалл». Мой ответ на это ее бесцеремонное требование, боюсь, пришелся ей не по вкусу. Она стала натягивать поводья своей лошади, понемногу отстала от меня и всю последнюю часть пути ехала с молодежью.

Как и сестра ее Моргауза, Моргана редко довольствовалась дамским обществом. Ее неизменным спутником был молодой Акколон, разодетый молодой человек с оглушительным смехом и румянцем во всю щеку. Она никогда не оставалась с ним наедине долее, чем то допускалось приличием, но он своих чувств не скрывал: куда бы она ни направилась, провожал ее взглядом и при всякой возможности старался тронуть ее руку или соприкоснуться с ней коленом, подъехав к ней чуть не вплотную, так что спутывались гривы их лошадей. Но она словно бы ничего не замечала и ни разу у меня на глазах не подарила ему более теплого взгляда или более любезного ответа, чем другим. Долг повелевал мне доставить ее на ложе Урбгена невредимой и девственной (если таковой она была), но у меня не было причины опасаться за ее честь. Проникнуть к ней во время нашего путешествия любовнику было бы невозможно, даже если бы его поманили. Когда мы останавливались на ночь лагерем, дамы сопровождали Моргану в ее шатер, и там вместе с ней спали две престарелые фрейлины, не считая молодых. И она никогда не выказывала желания, чтоб было иначе. Она во всем вела себя, как положено суженой короля, с радостью едущей навстречу будущему супругу, и если румяное лицо и неотступные взгляды Акколона и производили на нее впечатление, она ничем этого не выдала.

В последний раз мы остановились на отдых у самой границы земель, прилегающих к Каэрлуэлю, как зовется по-бриттски Лугуваллиум. Лошадей отпустили пастись, а слуги принялись начищать сбрую и смывать грязь с раскрашенных паланкинов, меж тем как женщины занялись нарядами, прическами, белилами и румянами. Потом все снова уселись на лошадей, и кавалькада двинулась навстречу королевскому отряду, с которым мы съехались, не доезжая городских ворот.

Во главе отряда ехал сам король Урбген верхом на полученном в подарок от Артура могучем гнедом жеребце под ало-золотым чепраком. Рядом слуга вел в поводу белую кобылу под серебряным седлом с голубыми кистями, предназначенную для принцессы. Урбген был прекрасен, как и его скакун,— статный, широкоплечий, могучий и ловкий, он казался вполовину моложе своих лет. В молодости имел он светло-рыжие волосы и бороду, теперь же они серебрились на солнце, как густая шелковистая белоснежная грива. От военных походов в летнюю пору, от зимних поездок по студеным границам северных владений лицо у него обветрилось и потемнело. Я знал его как мужа решительного и твердого, надежного союзника и мудрого правителя.

Он приветствовал меня так почтительно, будто я сам верховный король, а затем я представил ему Моргану. В бело-желтом наряде, с золотыми нитями в длинной черной косе, она дала ему руку, присела в низком поклоне и подставила для поцелуя прохладную нежную щеку. А потом уселась на белую кобылу и поехала подле короля, с совершенным самообладанием выдерживая любопытные взоры свиты и его собственный оценивающий взгляд. Слуги Урбгена окружили нас троих, Акколон отстал, бросив нам вслед исподлобья яростный взгляд, и мы мелкой рысью поехали туда, где на слиянии трех рек среди рдеющих осенних лесов стоит город Лугуваллиум.

Путешествие было счастливым, но кончилось оно скверно, оправдав мои худшие опасения. На свадьбу явилась Моргауза.

За три дня до начала брачных торжеств прискакал гонец с известием, что с моря в эстуарий зашел корабль под черными

парусами и с оркнейским гербом. Король Урбген поехал встречать его в гавань. Я же послал туда слугу, и тот поспешно возвратился с самыми свежими новостями, не успели еще гости с Оркнеев чин чином высадиться на берег. Короля Лота, сообщил он, среди них нет, а вот королева Моргауза прибыла, и притом с немалой пышностью. Я тут же отправил его на юг с предупреждением Артуру; тот без труда мог сыскать предлог для того, чтобы не присутствовать на свадьбе. Самому мне, к счастью, в таком предлоге не было нужды: я еще раньше собрался из города осмотреть, по просьбе Урбгена, его береговые сигнальные посты. Немного поторопившись, быть может слегка в ущерб своему достоинству, я успел выехать до прибытия в город Моргаузы со свитой и возвратился только к вечеру накануне свадьбы. Моргана, как я узнал, тоже уклонилась от свидания с сестрой, что, впрочем, было естественно для невесты, выше головы занятой приготовлениями к торжественному бракосочетанию.

Так вышло, что я оказался свидетелем встречи сестер на паперти храма, где Моргана должна была венчаться по христианскому обряду. Обе, и королева и принцесса, были в роскошных одеждах, обеих окружали многолюдные свиты. Оказавшись лицом к лицу, они обменялись приветствиями и заключили друг дружку в объятия, при этом у обеих с губ не сходили сладкие, словно нарисованные улыбки. Выиграла в этой встрече, я считаю, Моргана: она была в блистательном подвенечном наряде, точно роскошная серебряная ваза посредине пиршественного стола: алое бархатное платье со шлейфом, шитым серебром, на темных волосах — корона, а среди богатых украшений, подарков Урбгена, я разглядел и несколько драгоценностей Игрейны, подаренных Утером на заре их любви. Тонкая и стройная, она держалась прямо под грузом всех этих сокровищ, и бледное, строгое лицо ее было прекрасно. Мне она привела на память Игрейну в молодости — воплощение силы и изящества. Я от всей души надеялся, что слухи о взаимной неприязни сестер верны и что Моргаузе не удастся втереться к ней в доверие теперь, когда она тоже становилась королевой. Но на душе у меня было неспокойно: я опасался, что именно это и было целью Моргаузы, иначе зачем бы этой ведьме являться сюда издалека и присутствовать при торжестве сестры, которая теперь затмевала ее и красотой и положением?

Время не убавило золотисто-розовой красы Моргаузы, с годами она стала только еще роскошнее. Но было заметно, что она

опять ждет ребенка, и с собой она привезла на руках у мамки недавно рожденного мальчика. Это был сын Лота, а не тот, первый, которого я надеялся — и опасался — увидеть.

Моргауза поймала мой испытующий взгляд, еле заметно усмехнулась, присев передо мной, и прошествовала в храм вместе со всей своей свитой. Я, замещающий на свадьбе Артура, ждал, когда подойдет мне черед вручить жениху невесту. Верховный король, получив мое донесение, послушно отыскал себе неожиданное дело в другом месте.

Но на свадебном пиру мне не удалось избежать беседы с Моргаузой. Как ближайшая родня невесты, мы с ней оказались бок о бок за столом для почетных гостей, установленным на возвышении в глубине залы. В этой зале когда-то Утер задал пир победы, кончившийся его смертью. А в одном из покоев этого самого замка Моргауза провела ночь в объятиях Артура, отчего появился на свет младенец Мордред, а потом, в беспощадном столкновении воль, я разрушил все ее расчеты и прогнал ее прочь от Артура. То была наша с ней последняя явная встреча — я надеялся, что ей неизвестно о моей поездке в Дунпелдир и тайном пребывании там.

Я увидел, как она искоса поглядывает на меня из-под опущенных бледных век. Уж не догадывается ли она, что я теперь беспомощен перед нею, с опасением подумал я. При прошлой нашей встрече она испытала на мне свои ведьмовские чары, и я ощутил их липкую сладкую силу, опутывающую душу. Но тогда она могла запутать меня в свои тенета не больше, чем может паучиха изловить сокола. Я сокрушил ее чары и подавил своим могуществом ее злую волю. Теперь же моя сила оставила меня. Быть может, Моргауза сумела проведать об этом? Я всегда был достаточно высокого мнения о ее способностях и не склонен был недооценивать их теперь.

Я заговорил с ней весьма любезно:

— У тебя славный сын, Моргауза. Как его зовут?

— Гавейн.

— Он очень походит на отца.

Она опустила веки.

— Оба моих сына походят на отца,— томно произнесла она.

— Оба?

— Ну-ну, Мерлин, где твое искусство? Неужто ты поверил ужасному известию? Кто-кто, а уж ты-то должен был знать, что оно ложно.

— Я знал, что ложны слухи, будто Артур распорядился об избиении младенцев, которые ты распускала.

Она подняла на меня зеленые невинные глаза.

— Я?

— Да, ты. Избиение младенцев могло быть делом Лота, вспыльчивого глупца, во всяком случае, это его люди побросали младенцев в барку и пустили с отливом по волнам. Но кто толкнул его на это? Все это твои козни, ведь так, все, вплоть до гибели несчастного младенца в королевской колыбели? И не Лот зарезал Мачу, выхватил из кровавой лужи другого младенца и унес в укромное место.— Подражая ей, я заключил: — Ну-ну, Моргауза, где твое искусство? Кто-кто, а уж ты-то должна понимать, что со мной не выйдет прикидываться невинной простушкой.

При имени Мачи я увидел страх, зеленой искрой метнувшийся в ее глазах, но и только, черты ее остались невозмутимы. Она сидела прямая и неподвижная и лишь крутила в руке золотой кубок, так что на выпуклых его боках играл, переливаясь, свет факелов. И видно было, как на горле у нее быстро бьется маленькая жилка.

Я праздновал нерадостную победу. Стало быть, я был прав. Мордред жив и спрятан, надо полагать, на одном из островков, носящих общее наименование Оркнейских, где королевская воля Моргаузы — единственный закон, а я, лишенный дара провидения, бессилен его отыскать. И не имею полномочия его умертвить, даже если разыщу, напомнил я себе.

— Ты видел? — тихо спросила она.

— Разумеется, видел. Разве ты можешь скрыть что-нибудь от меня? Ты должна помнить, что мне все известно. И не забывай, верховному королю тоже.

Она сидела недвижно и с виду совершенно спокойно, не считая торопливого биения пульса на горле под сливочной кожей. Сумел ли я внушить ей, что меня по-прежнему следует страшиться? Ведь она не знает, что Линд доверилась мне, и, уж конечно, не помнит никакого Бельтана. Хотя ожерелье, которое он для нее смастерил, сейчас дрожало и переливалось у нее на шее. Она сглотнула и сказала тоненьким голоском, едва слышным в шуме пира:

— В таком случае тебе должно быть известно, что я уберегла его от Лота, однако где он теперь, не знаю. Или ты можешь мне это сообщить?

— И ты полагаешь, что я тебе поверю?

— Должен поверить, ведь это правда. Я не знаю, где он.— Она повернулась, взглянула мне прямо в лицо.— А ты знаешь?

Я не ответил. Только улыбнулся, поднял кубок и отпил из него. Но и не глядя на нее, я услышал, ощутил ее вздох облегчения и, похолодев, подумал: неужели я промахнулся?

— Если б я и знала,— продолжала она,— я бы все равно не могла держать его при себе, раз он как две капли воды похож на своего отца.— Она выпила вино, поставила кубок и откинулась назад, сложив руки под животом, так что обозначилась ее беременность. И посмотрела на меня с улыбкой, в которой были злорадство и ненависть, но ни тени страха.— А раз так, волшебник Мерлин, ты уж лучше предскажи будущее вот этому моему отпрыску, коли не знаешь ничего о том. Будет ли у меня опять сын взамен того, которого я лишилась?

— Несомненно,— коротко ответил я, и она в голос рассмеялась.

— Очень рада. Девочки мне ни к чему.

Взгляд ее скользнул к новобрачной, неподвижно и прямо сидевшей подле Урбгена. Жених выпил много вина, темно-красным румянцем разлившегося по его лицу, но не утратил величавого достоинства, хоть и клонился к своей молодой жене, лаская ее глазами. Моргауза, посмотрев на них, презрительно сказала:

— Моя маленькая сестрица обзавелась наконец своим королем. А заодно и королевством, и стольным городом, и широкими землями. Только он не молод, под пятьдесят, и имеет уже сыновей...— Она огладила ладонью свой живот.— Лот, может, и вспыльчивый глупец, как ты его обозвал, но по крайней мере он мужчина.

Это была приманка, но я ее не схватил и не попался на крючок. А только спросил:

— Где же он сейчас, что не смог прибыть на королевскую свадьбу?

К моему удивлению, она ответила вполне миролюбиво, как видно оставив зловредную игру. Лот, оказывается, уехал с Уриеном, мужем его сестры, в Нортумбрию, где под их началом достраивался Черный вал. Я уже писал о нем раньше. Он тянется вглубь от берега Северного моря и предназначен для обороны от набегов с северо-востока. Обо всем этом Моргауза толковала со знанием дела, и я поневоле заслушался. Стало легче дышать,

вражда уже больше не витала в воздухе. Кто-то спросил меня о свадьбе Артура и о молодой королеве, а Моргауза со смехом заметила вполне резонно:

— Что проку расспрашивать Мерлина? Ему, может, и известно все на свете, но попросите его описать бракосочетание — и увидите, что он не знает даже, какого цвета волосы у невесты и во что она была наряжена!

В разговор со смехом вмешались другие гости, и пили за здоровье молодых, и произносили речи, и я, должно быть, выпил много больше обычного, потому что хорошо помню, как светильники то вспыхивали, то меркли, то разгорались, то тускнели, а смех и разговоры взрывались и замирали и наплывало облако женских благовоний, густой сладкий аромат, как запах жимолости, в котором вязло сознание, точно пчела в меду. Сладкий аромат, замешенный на винных парах. Клонился золотой кувшин, и кубок у меня в руке наполнялся опять. И кто-то приглашал с улыбкой: «Выпей, господин». Вкус абрикоса у меня на губах, сладостный и терпкий; кожица была как пушистое брюшко шмеля, как оса, млеющая в солнечном свете на садовой ограде... И все время два глаза следили за мной с предвкушением и опасливой надеждой, с презрением, с торжеством... Возле меня оказались слуги, они помогли мне встать из-за стола, и я увидел, что новобрачная уже удалилась, а король Урбген, едва сдерживая нетерпение, поглядывает на двери в ожидании знака, чтобы последовать за нею на брачное ложе.

Кресло рядом с моим стояло пустое. Слуги, улыбаясь, окружили меня и проводили в мои покои.

Глава 6

Наутро у меня болела голова не менее жестоко, чем бывало после магического действа. Весь день я провел взаперти. А на следующий день простился с Урбгеном и королевой. Еще до прибытия Моргаузы мы успели обо всем договориться, и теперь я с радостью, как можно догадаться, покинул город и углубился в Дикий лес, в самом сердце которого стояла Галава — замок графа Эктора. С Моргаузой я не попрощался.

Приятно было вновь оказаться в пути под открытым небом. Теперь меня сопровождали лишь двое. Эскорт Морганы составляли главным образом ее же люди из Корнуолла, которые теперь

остались с ней в Лугувалдиуме. А мои новые спутники принадлежали ко двору Урбгена: он их отрядил сопровождать меня до Галавы, откуда они должны были вернуться назад. Убеждать Урбгена, что мне много приятнее было бы ехать в одиночестве и что со мной ничего худого не может приключиться, был напрасный труд: король Урбген в ответ только улыбался и говорил, что даже магия бессильна против волков и внезапного раннего снегопада, который в этих гористых местах может застигнуть путника на крутом перевале и обречь на неминуемую гибель. Его слова напомнили мне, что теперь, вооруженный одной лишь былой славой, но лишенный прежней моей силы, я мог в этих диких краях пасть жертвой лихих людей точно так же, как и любой другой одинокий путник. И потому я с благодарностью принял этот скромный эскорт, чем, как оказалось, спас свою жизнь.

Мы переехали через мост и неторопливо трусили по дороге, которая вьется по зеленой долине вместе с речкой, заросшей по берегам ивой и ольхой. Головная боль у меня прошла, и я чувствовал себя здоровым, но какая-то истома еще угнетала душу, и я с радостью вдыхал полной грудью знакомый лесной воздух, напоенный запахами сосен и папоротников.

У выезда из городских ворот произошло одно незначительное, как мне тогда показалось, событие. Переезжая по мосту, я услышал резкий крик, который поначалу счел за птичий: мне подумалось, что это надрывается одна из чаек, которые кормились отбросами на речном берегу. Но потом внимание мое привлекла женщина с ребенком на руках, проходившая по галечнику под мостом. Ребенок у нее кричал, она баюкала его и успокаивала. И вдруг, подняв голову, заметила меня. Она так и застыла на месте с задранной головой. Я узнал мамку Моргаузы. Но тут конь мой вынес меня, стуча копытами, на тот берег, и ивы скрыли женщину и ребенка.

Я не придал этой встрече никакого значения и вскоре забыл о ней. Мы ехали и ехали мимо деревень и хуторов, мимо выпасов, пестреющих стадами. Кроны ив золотились, в орешнике сновали по ветвям бесчисленные белки. На коньках крыш щебетали последние стайки отлетающих ласточек, а когда мы приблизились к озерному краю, откуда начинается Дикий лес, холмы внизу пламенели в солнечных лучах золотисто-бурыми осенними папоротниками меж каменистых отрогов. Редкие леса сквозили золотом дубов, темнели хвоей сосен. А потом начался знаменитый

Дикий лес. Деревья по долинам росли так густо, что затмевали дневной свет. Вскоре мы пересекли тропу, которая вела вверх к Зеленой часовне. Мне захотелось побывать в этом памятном месте, но на поездку туда ушло бы несколько лишних часов, да к тому же из Галавы съездить в Зеленую часовню будет гораздо проще. Мы продолжали ехать по дороге и так добрались до Петриан.

Теперь Петрианы едва ли заслуживают названия города, но в римские времена это был процветающий торговый город. Рынок, правда, сохранился и в наши дни, и там понемножку торгуют скотом и товаром, но сами Петрианы представляют собой жалкое скопление глинобитных хижин под тростниковыми кровлями. Единственное святилище здесь — руины старого храма с полуразрушенным алтарем, посвященным Марсу, вернее, его ипостаси — местному богу Коцидию. Приношений у подножия алтаря я не увидел, только на замшелой каменной приступке лежала кожаная пастушья праща и к ней груда каменьев-снарядов. Кто знает, в благодарность за спасение от какой беды, от волка или злого человека, принес неведомый пастух богу эту жертву?

После Петриан мы оставили дорогу и свернули на горные тропы, хорошо известные моим спутникам. Ехали не спеша, радуясь последнему теплу осеннего солнца. Все выше поднимались мы в горы, но воздух оставался прогретым, чистым и хрустким, что предвещало в недальнем будущем первые морозы.

В неглубокой лощине, где меж замшелых камней отсвечивало горное озерцо, мы остановились дать роздых лошадям, и здесь нам встретился пастух, коренастый и обветренный житель гор, из тех, что все лето проводят на склонах со своими сизыми регедскими овечками. Внизу могут бушевать войны, кипеть сражения, но они опасливо посматривают только на небо и при наступлении первых зимних холодов спешат укрыться в пещерах, где поддерживают существование скудной пищей, состоящей из ржаного хлеба и сухих плодов да еще пресных лепешек, которые пекут на торфяном огне. Стада свои они загоняют для безопасности в каменные ограды на склонах гор. И подчас не слышат человеческого голоса от весеннего окота до стрижки и от стрижки до первых морозов.

Этот молодой пастух совсем отвык от человеческой речи и с трудом ворочал языком, притом еще произнося слова с таким

невнятным горским выговором, что сопровождавшие меня воины, оба местные, не могли ничего уразуметь и даже я, знающий многие языки, подчас слушал его с недоумением. Я понял, что он разговаривал с Древними и теперь жаждал пересказать полученные от них известия. Сведения были благоприятные: Артур, проведя после свадьбы без малого месяц в Каэрлеоне, отправился со своими рыцарями на север через Пеннинский проход, держа путь на Оликану и Йоркскую равнину, для встречи с королем Элмета. В этом не было для меня ничего неожиданного, но по крайней мере я получил подтверждение, что не произошло никаких событий, которые бы нарушили осеннее перемирие. Однако самую главную новость пастух приберег напоследок. Верховный король (пастух назвал его «юный Эмрис» так гордо и в то же время запросто, что было ясно: мальчишками они с Артуром знались) оставил свою королеву в тяжести. Оба сопровождавших меня воина выслушали эту новость с сомнением; оно, возможно, и так, рассудили они, да только кто же это может знать, за один-то месяц? Но я, когда обратились ко мне, выказал к сообщению пастуха больше доверия: Древние, как я уже говорил, умеют узнавать то, что для нас остается тайной, их пути нам неведомы, но заслуживают уважения. Если это идет от них, то...

Пастух подтвердил, что сведение получено от Древних. Больше ему ничего не известно. Юный Эмрис уехал в Элмет, а его милашка, с которой он обвенчался, осталась в тяжести. Он сказал «суягная», чем привел моих проводников в веселое расположение духа, но я всерьез поблагодарил его и одарил монеткой, и он, довольный, ушел к своим овцам, напоследок с сомнением задержав на мне взгляд — должно быть, узнавая и не узнавая во мне отшельника Зеленой часовни.

Ночь застала нас в стороне от дороги и вдали от человеческого обиталища, и потому с наступлением ранних сумерек среди сырости и тумана мы устроили себе ночлег под высокими соснами на лесной опушке, развели костер, и мои проводники приготовили ужин. На протяжении всего путешествия я пил одну лишь воду, как всегда, когда оказывался в горах, где она чиста и свежа, но в тот вечер, празднуя известие, доставленное молодым пастухом, я пожелал откупорить одну из фляг с вином, которые были даны мне в дорогу из Урбгеновых погребов. Я думал разделить

ее содержимое с обоими воинами, но они отказались, предпочтя свое слабое солдатское вино с привкусом мехов, в которых они его везли. И я ел и пил в одиночестве, а затем улегся спать.

О том, что произошло потом, я не могу писать. Это знают Древние, и, может быть, кто-нибудь еще сумеет описать то, что со мной было, но сам я сохранил лишь смутные воспоминания, словно то было видение в темном матовом кристалле.

Но это было не видение. Видения сохраняются в душе еще живее, ярче, чем память. Это было безумие, его навело на меня, как я знаю теперь, какое-то снадобье, добавленное в выпитое мною вино. Дважды до этого, когда я встречался с Моргаузой лицом к лицу, она испытывала на мне свои ведьмовские чары, но ее ученическое колдовство отскакивало от меня, как камешек, пущенный младенческой рукой, отскакивает от скалы. Но на этот раз... Пришлось мне припомнить, как на свадебном пиршестве разгорались и меркли вокруг меня огни и запах жимолости говорил о предательстве, а привкус абрикосов об убийстве. В ту ночь меня, всегда умеренного в еде и питье, пьяным отнесли на ложе. Вспомнил я и голос, произнесший: «Выпей, господин», вспомнил и внимательные зеленые глаза. Верно, она опять испытывала на мне свои чары и обнаружила, что теперь я бессилен против их липких, обволакивающих тенет. Быть может, семена моего безумия были посеяны уже тогда, на пиру, чтобы дать всходы позднее, когда я буду далеко, так что на нее не падет и тень подозрения. Ее служанка оказалась у моста и видела своими глазами, как я благополучно выехал из города. Но к первоначальной отраве ведьма добавила другого адского зелья, она успела его нацедить в одну из фляг с вином, которые я вез с собой. Ей повезло: если бы не известие о беременности Гвиневеры, я бы мог так и не раскупорить фляги. Мы уже проехали, не отведав и глотка вина, большую часть пути. Ну а что до моих проводников, если бы и они разделили со мной отраву, тем хуже для них. Моргаузу это не остановило, она и сотню готова была уложить, чтобы только разделаться со своим врагом Мерлином. И можно было не искать иных причин ее появления на сестриной свадьбе.

Не ведаю, что это был за яд, но, привыкнув в еде и питье довольствоваться малым, я обманул ее ожидания и избегнул смерти. Что произошло после того, как я выпил вина и растянулся на

земле, я могу только домыслить теперь по разрозненным рассказам других и по смутным вьюжным обрывкам воспоминаний.

Ночью проводники, разбуженные громкими стонами, поспешили к моему ложу и увидели, что я в страшных мучениях в беспамятстве бьюсь в судорогах на земле. Они, как могли, оказали мне помощь, приняв меры самые простые, но именно они, наверное, и спасли мне в конечном счете жизнь, ибо один в безлюдной пустыне я бы, конечно, умер. Они вызвали у меня рвоту, а затем, прибавив к моему свои одеяла, плотно укутали меня и, разведя большой огонь, положили вблизи костра. После этого один остался со мной, а другой пошел вниз искать приют или помощь. Он должен был прислать за нами из долины людей, а сам, не возвращаясь, отправиться в Галаву с известием о моей болезни.

Оставшийся со мной солдат позаботился о том, чтобы я лежал в тепле и покое, и через час или два я стал погружаться в лихорадочный сон. Это ему не понравилось, однако, когда он попробовал на минуту отойти от меня и зашел за деревья облегчиться, я лежал тихо и не метался. Тогда он отважился спуститься к ручью за водой — всего каких-нибудь двадцать беззвучных шагов по обомшелым камням, но внизу он сообразил, что костер скоро прогорит, надо подсобрать дров, и, перейдя ручей, углубился еще шагов на тридцать — он клялся, что не больше,— под древесные своды. Валежника было много, и он набрал охапку всего за несколько минут. Однако, когда он поднялся обратно, меня около костра не оказалось, и сколько он ни шарил вокруг, не сумел обнаружить никаких следов. И нельзя его винить за то, что, пробродив вокруг целый час, напрасно будя призывами эхо ночного лесного безмолвия, он вскочил на коня и поскакал вдогонку за своим товарищем. Волшебник Мерлин столько раз исчезал прямо на глазах у людей, кто об этом не слышал? Простодушный воин не усомнился, что и ему выпало оказаться свидетелем такого происшествия.

Исчез волшебник, и все тут, а от них только требовалось доложить начальству и ждать, когда он соизволит возвратиться.

То был долгий-долгий сон. Начала его я совсем не помню; по-видимому, обретя в бреду какие-то новые силы, я сполз со своего ложа и побрел в лес по бесшумным мхам, где-то свалился и прямо там остался лежать, то ли между кочек, то ли в ча-

щобе, где солдату было меня не найти. Со временем я, должно быть, немного опомнился и сумел заползти в какое-то укрытие, где прятался от непогоды, сумел добывать пищу и даже, наверно, развел огонь, у которого обогревался, когда наступили холода, но этого я ничего не помню. В памяти у меня сохранились лишь отдельные последовательные картины, подобные ярким немым сновидениям, и я переплывал из одной в другую, точно бесплотный невесомый дух, держащийся на воздухе, как держится на воде то, что имеет вес. Картины эти сохранились в памяти ясно, но как бы уменьшенные равнодушным расстоянием, словно принадлежащие иному, безразличному мне миру. Так, иногда представляется мне, глядят умершие на мир, который они покинули.

Я влачил существование в глубокой чаще леса, словно бестелесный клок осеннего тумана. Теперь, напрягая память, я снова различаю отдельные образы. Вот редкие ряды буков, щедро унизанных орехами, у корней роются в земле вепри и барсуки, меж стволов сшибаются рогами гордые олени, воинственно трубя и даже не взглядывая в мою сторону. И волки тоже: места там зовутся Волчьей тропой, но, хоть я и был бы легкой добычей, волки сыто прожили лето и меня не трогали. Потом настали первые зимние холода, по утреннему морозу засверкал иней, черный тростник хрупко топорщился из скованных льдом болот, и лес опустел, спрятался в норы барсук, олень спустился в долины, а дикие гуси улетели, и безмолвствовали небеса.

А потом — снег. Промелькнуло видение: вихрится белым глухой воздух, оттаяв после мороза; лес теряется в белой мгле, забранный туманной пеленой; из нее вылетают, кружась, отдельные пушистые серые хлопья; и — холод, немой, невыносимый...

Пещера, пещерные запахи, торфяное пламя, и пряный вкус настойки из каких-то трав, и грубые, сиплые голоса, неразборчиво разговаривающие неподалеку на древнем языке. Кислый дух плохо выделанных волчьих шкур и жжение блошиных укусов под одеялами, а однажды мне примерещилось, будто я связан по рукам и ногам и сверху прижат чем-то тяжелым...

Здесь длинный темный разрыв, но по ту сторону — солнечный свет, свежая зелень, первая птичья песнь и яркая картина, как будто ребенок впервые видит весну: целый луг желтого первоцвета, как чеканное золотое блюдо. В лесу снова пробуждается жизнь, выходят на охоту оголодавшие лисы, дыбится почва над кротовыми ходами, изящно перебирая копытцами, бредут олени, безоружные и кроткие, и снова роет землю неутомимый вепрь. И несуразный, смутный сон — будто я нашел отбившегося от сородичей лесного поросенка с переломанной ножкой, еще полосатенького, покрытого вместо щетины шелковистой младенческой шерсткой.

А потом вдруг на серой заре весь лес наполнился звуками: дробот конских копыт, и звон мечей, и взмахи боевых топоров, рассекающих воздух, и клики, и вопли, и ржание раненых коней. Как прерывистый лихорадочный сон, целый день бушевало сражение, а когда оно кончилось, стало тихо — только стоны да запах крови и потоптанного папоротника.

И все это сменилось глубоким безмолвием и яблоневым духом, а вместе с тем и чувством горькой печали, которая приходит к человеку, когда он просыпается и вспоминает свою забытую во сне утрату.

Глава 7

— Мерлин! — позвал голос Артура у меня над ухом.— Мерлин!

Я открыл глаза. Я лежал в постели, надо мною уходили ввысь своды потолка. В окно сквозил яркий солнечный свет утра и падал на беленые каменные стены, которые выгибались округло, и это означало башню. За окном вровень с облаком качались верхушки деревьев. В стылых стенах сильно дуло, но вблизи моего ложа стояла горячая жаровня, и под несколькими одеялами, на тонком белье, пропитанном кедровым ароматом, мне было тепло и покойно. Угли в жаровне были присыпаны благовониями, тонкая струйка дыма пахла свежестью и смолой. Стены были голы, но пол устилали пышные темно-серые овчины, а над изножьем у меня висел простой крест, сбитый из двух оливковых прутиков. Я находился в христианском доме, и притом зажиточном: у моего ложа на позолоченной деревянной подставке стоял самосский глиняный кувшин с кубком и таз чеканного серебра. А дальше был табурет на скрещенных ножках, предназначенный, как видно, для слуги, смотревшего за мною, но сейчас слуга не сидел, а стоял, прижавшись спиной к стене, и смотрел не на меня, его глаза были устремлены на короля.

Артур шумно перевел дух, румянец прихлынул к его лицу. Таким я его никогда не видел. Глаза затуманены усталостью, щеки провалились, выступили скулы. Последние следы юности сошли, на меня смотрел муж, закаленный в тяжелых походах и обладающий железной волей, которая стремит его самого и его присных вперед до предела и дальше.

Он стоял у моего ложа на коленях. Я скосил на него глаза, и его рука в быстром пожатии сдавила мне запястье. Я ощутил мозоли на его ладони.

— Мерлин! Ты узнаешь меня? Говорить можешь?

Я попытался произнести слово, но не смог. Губы пересохли, растрескались. Ум был ясен, но тело не подчинялось. Рука короля обвила мои плечи, приподняла меня, по знаку короля слуга приблизился и наполнил кубок. Артур взял кубок у него из рук и поднес к моим губам. Это была настойка, крепкая и сладкая. Король взял у слуги платок, отер мне губы, а затем бережно опустил меня обратно на подушки.

Я улыбнулся ему, а на самом деле, должно быть, лишь слабо скривил губы. Потом попробовал выговорить его имя: «Эмрис». Но звука слышно не было. Только слабый выдох, не более того.

Его рука снова прикрыла мою.

— Не пытайся ничего говорить. Это я по глупости. Ты жив, остальное не важно. Отдыхай.

Мой взгляд, скользнув мимо его плеча, упал на какой-то предмет. Арфа, моя арфа на стуле у стены. Я сказал все так же беззвучно: «Ты нашел мою арфу»,— и ощутил облегчение и радость, словно каким-то образом удостоверился, что теперь все будет благополучно.

Он оглянулся, следуя за моим взглядом.

— Да, мы ее нашли. Она целехонька. Отдыхай, мой друг. Все хорошо. В самом деле все хорошо...

Я еще раз попытался выговорить его имя, опять не смог и снова погрузился во тьму. Смутно, как веяния того света, мне запомнились торопливые тихие распоряжения, бегущие слуги, легкие шаги и шелест женских платьев, прохладные ладони, приглушенные голоса. И утешительное забытье.

Когда я снова проснулся, сознание полностью ко мне вернулось, словно после долгого освежающего сна. Ум мой работал ясно, тело, еще очень слабое, стало послушным. Я с удовольствием ощутил голод. Попробовал двинуть головой, пошевелить

руками. Тяжелые, негибкие кисти медленно подчинились. Где бы я ни блуждал все это время, теперь я возвратился обратно. Я покинул королевство снов.

Судя по освещению, был вечер. У дверей в выжидательной позе стоял слуга, уже другой. Но одно оставалось как раньше, в комнате по-прежнему находился Артур. Он пододвинул к кровати табурет и сидел рядом со мною. Вот он повернул голову, увидел, что я на него смотрю, и лицо его преобразилось. Порывисто вытянув руку, он накрыл ладонью мое запястье — нежно и вопросительно, как врач, нащупывающий пульс больного.

— Клянусь богом,— проговорил он,— ну и перепугал же ты нас! Что с тобой было? Нет-нет, не рассказывай, забудь. Потом когда-нибудь расскажешь, что помнишь. А пока довольно того, что ты жив и в безопасности. Вид у тебя уже лучше. А как ты себя чувствуешь?

— Мне снились сны,— произнес голос, который показался мне не моим, он точно пришел откуда-то извне, из воздуха, и мне почти не подчинялся. Был он такой слабый, как визг недавно рожденного лесного поросенка, когда я вправлял ему сломанную ножку.— Я был болен, должно быть.

— Болен? — Он засмеялся хриплым невеселым смехом.— Да ты был совершенно не в себе, мой дорогой королевский прорицатель! Я уж думал, что ты окончательно помешался и никогда больше к нам не вернешься.

— Верно, лихорадка какая-то. И я не помню почти ничего...— Я насупил брови, стараясь припомнить прошедшее.— Да. Я ехал в Галаву с двумя воинами Урбгена. Мы устроились на ночлег в лесу у Волчьей тропы и... А где я сейчас?

— В Галаве. Это замок Эктора. Ты дома.

Это Артур был дома, а не я. Я из соображений безопасности сам никогда не жил у Эктора в замке, но все те тайные годы прожил на холмах в лесу, и домом моим была Зеленая часовня. Но когда я повернул голову к окну и вдохнул знакомые запахи хвои и озерной воды и густой аромат возделанной тучной земли, идущий от огорода Друзиллы у подножия башни, я обрадовался им, как знакомому огоньку, забрезжившему в тумане.

— А сражение, которое я видел? — спросил я.— Оно в самом деле было или только померещилось мне?

— Да нет, сражение было настоящее. Только не будем пока о нем говорить. Поверь мне, все хорошо. А теперь отдыхай. Что ты сейчас чувствуешь?

— Голод.

Тут снова поднялась суматоха. Слуги принесли хлеб, и мясной отвар, и укрепляющие настойки, и сама графиня Друзилла кормила меня, а потом своими руками уложила обратно на подушки, и я с радостью погрузился в здоровый сон без сновидений.

Снова утро, и тот же яркий солнечный свет, что и при первом моем пробуждении. Я еще слаб, но во всем отдаю себе ясный отчет. Король распорядился, чтобы за ним послали, как только я очнусь, но я не велел его беспокоить, прежде чем меня не умыли, не побрили и не накормили.

Наконец он пришел, и вид у него был уже совсем другой. Из взгляда ушло напряжение, на щеках под смуглой обветренной кожей затеплился румянец. И вернулось что-то, что было в нем особенного, необыкновенного: молодая сила, от которой, как из живительного источника, пили другие.

Сначала понадобилось убедить его, что я действительно поправляюсь, но потом он устроился на табурете у моего ложа и приготовился отвечать на мои расспросы.

— Последнее, что я слышал о тебе,— это что ты направился в Элмет... Только, как я понимаю, это уже дело давнее. Что там было, они нарушили перемирие? Я видел какое-то сражение, должно быть где-то в здешних краях, в Каледонском лесу. Кто в нем участвовал?

Он посмотрел на меня, как мне показалось, с недоумением, но ответил:

— Меня призвал Урбген. Враги прорвались посуху в Стрэтклайд, и Кау не смог преградить им путь. Они стремились пробиться через лес на дорогу. Но я двинулся им навстречу, разбил их и отогнал обратно. Те, кто остался в живых, бежали. Я должен был их преследовать, но тут нашли тебя, и пришлось задержаться... Не мог же я тебя оставить, пока не убедился, что ты дома и окружен заботой.

— Стало быть, я действительно видел сражение? Я думал, может быть, это тоже сон.

— Ты, должно быть, наблюдал его от начала и до конца. Мы дрались, продвигаясь в лесных зарослях вдоль берега реки. Ты ведь знаешь, какие там места: хорошая открытая равнина и перелески, березняки и ольшаники, где так удобно устраивать конную засаду. У нас за спиной был склон холма, а их мы настигли у брода. Река там полноводная, наша кавалерия легко переправилась на тот берег, а их пешим ратникам пришлось плохо... Мы их гнали до вечера, а потом, когда вернулись, ко мне прибежали и говорят, что видели тебя. Ты бродил по полю битвы среди раненых и мертвых и давал наставления лекарям... Сначала никто тебя не узнал, но скоро пошли разговоры, что-де явился призрак Мерлина.— Он криво усмехнулся.— Однако наставления призрака, надо полагать, были довольно дельные. Но, понятно, разговоры породили страх, и какие-то глупцы вздумали отгонять тебя камнями. Потом уж один санитар по имени Павел признал тебя и положил конец всей этой болтовне о призраке. Он выследил, где ты жил, и послал сказать мне.

— Да-да, Павел. Помню. Толковый лекарь. Мне с ним не раз случалось работать бок о бок. А где же я жил?

— В разрушенной башне, окруженной одичавшим плодовым садом. Неужели ты не помнишь?

— Нет. Но что-то смутно всплывает. Бывшая башня, да-да, одни развалины, плющ и совы. И кажется, яблони?

— Да. Можно сказать, просто груда камней. Постель из папоротника, груда гнилых яблок, запасы орехов, какие-то тряпицы сушатся на яблоневых ветвях.— Он замолчал, что-то в горле мешало ему говорить.— Думали сначала, что ты пустынник, знаешь, из одичавших отшельников. И правду сказать, когда я тебя увидел...— губы его чуть покривились,— ты гораздо больше походил на настоящего лесного отшельника, чем в те времена, когда жил в Зеленой часовне.

— Представляю себе.

И действительно, борода моя, только сегодня наконец сбритая, отросла длинная, косматая и седая, руки, лежащие сейчас поверх цветного одеяла, выглядели старческими, высохшими — одни тонкие кости, связанные сетью узловатых жил.

— Мы привезли тебя сюда. Мне надо было скорее опять отправляться в поход. Мы настигли их под Каэр-Гвиннионом и завязали кровавую битву. Все шло хорошо, но потом прибыл гонец из Галавы с новыми известиями о тебе. Когда мы тебя нашли и доставили сюда, ты был еще достаточно силен, мог держаться на ногах, но рассудок у тебя помутился: ты никого не узнавал и говорил невесть что. Но, очутившись здесь, на руках у женщин, ты погрузился в безмолвие и сон. После битвы явился

гонец и сообщил мне, что ты не просыпаешься. Сначала ты метался в жару, бормотал все какую-то дичь, но потом впал в беспамятство и так долго лежал безмолвный и недвижимый, что тебя уже сочли умершим и послали за мной. Я прискакал, как только смог.

Я смотрел на него, прищурив веки. Свет из окон был для меня слишком резок. Он это заметил и сделал знак слуге — тот задернул занавесь.

— Погоди, дай разобраться. Ты нашел меня в лесу и доставил в Галаву, после чего отправился на юг. И там произошла еще одна битва? Как давно я нахожусь здесь, Артур?

— Сюда тебя доставили три недели назад. Но с тех пор, как ты ушел в лес и потерялся, прошло полных семь месяцев. Ты пропадал всю зиму. Удивительно ли, что мы считали тебя погибшим?

Семь месяцев. Как врачу мне случалось давать подобные ответы больным, очнувшимся после долгой болезни, и всякий раз я наблюдал такое же недоверие и потрясение. Теперь я ощущал это сам. Представить себе, что целые полгода выпали из жизни, да еще такие полгода... Какие только беды не могли за это время обрушиться на мою раздираемую и осаждаемую родину! Что только не могло случиться с ее королем! Какие-то новые воспоминания, затерянные в тумане болезни, стали оживать у меня в голове.

Я снова увидел — и сердце мое сжалось,— как ввалились у Артура щеки, какими темными тенями легли под глазами бессонные ночи. Это Артур, который всегда ел, как молодой волк, и спал, как малое дитя, Артур — воплощенная сила и радость жизни. Он не понес поражения на поле брани, его боевая слава не затмилась. И беспокойство за меня тоже не могло произвести в нем столь разительной перемены. Значит, что-то не так в его доме.

— Эмрис, что у тебя случилось?

В здешних стенах его детское имя прозвучало и на этот раз вполне уместно. Я увидел, как лицо его исказилось болью воспоминания. Он потупил голову.

— Моя мать королева. Она умерла.

В памяти у меня что-то шевельнулось. Женщина на ложе, убранном богатыми полотнищами. Значит, я знал?

— Мне очень жаль,— сказал я.

— Я узнал об этом перед самой битвой у Каэр-Гвинниона. Известие принес Лукан, и заодно — знак, который ты ему оставил. Ты помнишь? Пряжку с христианским символом. Ее смерть не была неожиданной. Мы были подготовлены. Но горе, должно быть, ускорило ее приход.

— Горе? Значит, что-то произошло?..

Я не договорил. Все вдруг отчетливо вспомнилось: ночь в лесу и фляга с вином, которую я откупорил, чтобы распить с двумя солдатами. И повод к этому. И снова возникло смутное видение — комната, залитая лунным светом, и женщина, спящая мертвым сном. Сдавило горло. Я с трудом выговорил:

— Гвиневера?

Он кивнул, не поднимая глаз.

Я спросил, предугадывая ответ:

— А дитя?

Он вскинул на меня глаза.

— Так ты знал? Ну да, конечно, ты должен был знать... Дитя не родилось. Врачи объявили, что она в тягости, но перед самым Рождеством она начала истекать кровью и под Новый год в мучениях умерла. Вот если бы ты был там...

Он замолчал и сглотнул комок в горле.

— Мне очень жаль,— второй раз сказал я.

А он продолжил рассказ таким твердым голосом, как будто сердился:

— Тебя мы тоже полагали умершим. А потом, после битвы, ты объявился, старый, грязный и безумный, но армейские лекари сказали, что ты можешь поправиться. Хоть это одно удалось вырвать у страшной минувшей зимы... Но потом мне пришлось оставить тебя и отправиться под Каэр-Гвиннион. Битву я выиграл, это правда, но потерял немало хороших воинов. А тут еще, сразу после боя, прибыл человек от Эктора с известием, что ты тоже умер, так и не проснувшись. Вчера на заре, когда я ехал сюда, я думал, что твое тело уже сожгли или зарыли.

Он замолчал и резко опустил голову лбом на сжатый кулак. Слуга, стоящий наготове у окна, послушался моего взгляда и тихо вышел. Немного погодя Артур снова поднял голову и сказал уже своим обычным голосом:

— Прости. Все время, пока я сюда ехал, у меня из головы не выходили твои слова о бесславной смерти. Это трудно было вынести.

— Однако вот он я, вымытый и невредимый и в ясном уме, и только жду, чтобы ты мне рассказал обо всем, что произошло за последние полгода. Сделай-ка милость, налей мне вон того вина, и давай, если ты не против, вернемся к тому времени, когда ты отправился в Элмет.

Он выполнил мою просьбу, и вскоре беседа наша потекла веселее. Он рассказал, как проехал через Пеннинский проход в Оликану и что там увидел, рассказал о своей встрече с королем Элмета, о том, как вернулся в Каэрлеон, и о болезни и смерти королевы. Теперь он был в состоянии отвечать на мои вопросы, и я хотя бы смог утешить его уверением, что был бы бессилен помочь молодой королеве, даже если бы находился подле нее. Придворные лекари хорошо разбирались в сонных снадобьях и избавили ее от страданий, а дальше того не простиралось и мое искусство. Дитя было обречено, ничто не могло спасти его и его мать.

Выслушав мои объяснения, он поверил мне и сам переменил тему. Ему не терпелось узнать, что происходило со мной, и, когда оказалось, что после свадебного пира я почти ничего не помню, он с досадой воскликнул:

— Неужели ты совсем не помнишь, каким образом попал в ту башню, где тебя нашли?

— Почти ничего. Но какие-то обрывки воспоминаний возвращаются. До зимы я бродил в лесу и каким-то образом поддерживал свое существование. Но потом, сдается мне, меня взяли к себе дикие жители горных лесов и ходили за мной. Иначе бы мне было не выжить среди снегов. Это могли быть люди Маба — древний народ гор,— но они бы дали знать тебе.

— Они и дали знать. Но когда весть дошла до меня, ты уже снова исчез. Древние, как обычно, просидели всю зиму в пещерах у себя в горах, отрезанные снегами от мира, и ты был у них. Но потом снега стаяли, и они вышли на охоту, а когда возвратились, тебя уже не было. Это от них до меня впервые дошло известие, что ты потерял рассудок. Они рассказывали, что тебя приходилось связывать, но потом, после припадков, ты бывал спокоен и очень слаб. В таком состоянии они тебя и оставили, когда отправились на охоту. Вернулись — а тебя нет.

— Да, я помню, как лежал связанный. Значит, я спустился вниз и в конце концов поселился в старой башне у брода. Должно быть, я в беспамятстве все время стремился в Галаву. Была весна, что-то такое мне словно бы видится. Потом я, верно, попал туда, где шло сражение, и там вы меня отыскали. Но этого я ничего не помню.

Он еще раз, с подробностями, рассказал, как меня, отощалого и грязного, с безумными речами, нашли в разрушенной башне, где у меня был сложен беличий запас желудей и буковых орехов, и лежала горка высушенной яблочной падалицы, и поросенок со щепкой, привязанной к ножке, делил со мной одиночество.

— Так это было в действительности! — улыбнулся я.— Помню только, как я его нашел и вправил ему ножку, а больше почти ничего. Если я так оголодал, как ты рассказываешь, с моей стороны было очень любезно не съесть господина поросенка. Что с ним сталось?

— Бегает у Эктора в свинарнике.— Он в первый раз весело усмехнулся.— И по-моему, на роду ему написана долгая и бесславная жизнь. Потому что ни один скотник не отважится тронуть личную свинью волшебника. Вырастет из него отличный боевой боров, король свинарника, как ему и подобает. Мерлин, ты рассказал мне все, что помнишь с того времени, как вы заночевали на Волчьей тропе, а вот что было раньше, до этого? Чем была вызвана твоя болезнь? Люди Урбгена говорили, что она накатила на тебя внезапно. Они подозревали отраву, и я того же мнения. Возможно ли, чтобы ведьма послала кого-то вслед за тобою после пира и ее пособники уволокли тебя в лес, как только твой проводник повернулся спиной? Хотя ведь тогда они бы тебя убили. Оба твоих проводника вне подозрений, это доверенейшие из людей Урбгена.

— Разумеется. Они добрые ребята, и я обязан им жизнью.

— По их рассказу выходит, что в тот вечер ты пил вино из своей собственной фляги. А они его пить не стали. И еще они говорили, что будто бы на свадебном пиру ты был пьян. Это ты, который ни разу в жизни не испытал пьянящего воздействия вина. А рядом с тобой сидела Моргауза. Как ты полагаешь, она не всыпала тебе отравы в вино?

Я открыл было рот, чтобы ответить, я по сей день готов поклясться, что собирался сказать «да». Ибо такова, по моим понятиям, была правда. Но, как видно, тут вмешалось некое божество, ибо мои губы, ослушавшись меня, произнесли вместо этого: «Нет».

Должно быть, я выговорил это слово как-то странно, потому что он взглянул на меня вопрошающе, прищурив глаза. Под его проницательным взглядом я поторопился добавить:

— Конечно, точно я сказать не могу. Но думаю, что нет. Тебе я признался, что сила моя меня покинула, однако откуда было ведьме это знать? Она меня по-прежнему боится. Дважды она уже пыталась уловить меня в свои женские сети. И оба раза потерпела неудачу. Не думаю, чтобы она отважилась на третью попытку.

Он помолчал. Потом хмуро сказал:

— Когда умерла моя королева, были разговоры об отраве. Я не знаю...

Тут я мог возразить, не кривя душой:

— Разговоры всегда бывают, но, прошу тебя, не прислушивайся к ним! Из твоего рассказа я вижу, что ничего такого не было. Да и каким образом она могла? — добавил я как мог убедительно.— Поверь мне, Артур. Разве я стал бы выгораживать перед тобой Моргаузу?

Он глядел с сомнением, но спорить дальше не стал.

— Ну что ж,— только сказал он.— Теперь у нее крылышки будут подрезаны. Она опять у себя на Оркнеях, и Лота нет больше в живых.

Я промолчал, не выразив ни словом своего изумления. Всего несколько месяцев — и столько перемен!

— Как это случилось? — поинтересовался я.— И когда?

— В лесном сражении. Не могу сказать, чтобы я оплакивал его, вот только жаль, некому теперь будет держать за горло этого негодяя Агвизеля, так что я жду теперь бед с той стороны.

Я медленно произнес:

— Я сейчас вспоминаю... Во время сражения в лесу я слышал, как ратники кричали друг другу: «Король убит!» И я ощутил тогда бесконечное горе. Потому что для меня король был только один... Но, должно быть, это говорилось о Лоте. Во всяком случае, Лот был известное зло. А теперь на северо-востоке будет заправлять Уриен и с ним его приспешник Агвизель... Впрочем, это потом. А пока — что Моргауза? На пиру в Лугуваллиуме она была в тягости и теперь должна была уже родить. Кто у нее, мальчик?

— Двое. Близнецы, родились в Дунпелдире. Она приехала туда к Лоту после свадьбы Морганы. Ведьма или не ведьма,— с легкой горечью заключил он,— но она безотказно производит на

свет сыновей. Когда Лот присоединился к нам в Регеде, он похвалялся, что оставил свою королеву опять в ожидании.— Он поглядел себе на ладонь.— Ты беседовал с нею на пиру. Удалось тебе узнать что-нибудь о том ребенке?

О каком ребенке он говорит, не было нужды спрашивать. Он просто не мог произнести слова «мой сын».

— Только — что жив.

Он сразу поднял голову и взглянул мне в глаза. В его взгляде зажглось некое чувство, хотя он его тут же подавил. Но это была радость, я не мог ошибиться. А ведь еще недавно он искал ее ребенка только для того, чтобы убить.

Я сказал, стараясь не выдать голосом досаду:

— Она уверяла меня, что не знает его местонахождения. Может быть, лжет, я не знаю. Но что она спрятала его от Лотова гнева, я думаю, правда. Теперь она может и объявиться с ним. Со смертью Лота ей больше некого опасаться — кроме разве что тебя?

Он снова разглядывал свои ладони.

— По этому поводу ей нет нужды меня опасаться,— проговорил он глухо и твердо.

Вот и все, что я запомнил из того разговора. Чей-то голос шепотом произнес, и слова отразились эхом от округлых стен башни (или же они прозвучали только у меня в голове?): «Моргауза — лживейшая из живущих на земле женщин, но она должна вырастить четырех сыновей короля Оркнейского, и они будут твоими преданнейшими слугами и храбрейшими из твоего рыцарского братства».

Тут я, должно быть, смежил веки, ибо усталость захлестнула меня, как волна. Когда я вновь очнулся, было темно, Артура рядом не оказалось, а перед моим ложем стоял коленопреклоненный слуга, протягивая мне чашку супа.

Глава 8

У меня крепкое здоровье, на мне все заживает быстро. Вскоре я уже был на ногах, а еще недели через три счел себя достаточно окрепшим, чтобы последовать за Артуром на юг. Он назавтра после нашего разговора ускакал в Каэрлеон, а после его отъезда гонец сообщил, что в устье Северна появились ладьи саксов, и теперь можно было со дня на день ожидать новой битвы.

Мне хотелось побыть в Галаве подольше, может быть, остаться в этих знакомых местах на все лето, посетить свое прежнее лесное обиталище. Но, получив такие известия, я, несмотря на уговоры Эктора и Друзиллы, счел, что приспело время мне отправиться в путь. Предстоящее сражение должно было произойти вблизи от Каэрлеона, из донесений даже следовало, что вторгшийся враг попытается, накопив силы, разрушить этот главный оплот верховного короля. Я не сомневался, что Артур будет защищать Каэрлеон, и все-таки пора было побывать в Каэр-Камеле, посмотреть, как преуспел Дервен за время моего отсутствия.

Был уже разгар лета, когда я наконец увидел эту крепость на холме. Люди Дервена совершили чудеса. На крутых склонах древнего холма, как воплощенная мечта, вырос новый укрепленный город. Наружные постройки все были завершены — могучие стены из тесаного камня с бревенчатым навершием тянулись над самым обрывом, венчая холм, точно корона. В двух противоположных углах стояли готовые богатырские ворота, тяжелые дубовые, окованные железом створы под башнями были распахнуты во всю ширь. Над воротами, позади зубцов, тянулись крытые проходы для стражи.

И стража уже была на месте. Дервен рассказал мне, что король еще зимой поставил здесь гарнизон, чтобы работы внутри крепости велись под прикрытием защищенных стен. Эти работы уже тоже подходили к концу. Артур прислал предупредить, что где-то в июле или в августе он думает прибыть сюда со своими рыцарями и всей конной ратью.

Дервен намерен был в первую голову отстроить королевские палаты, но я лучше его знал, чего хочет Артур. Я дал указание сначала возводить казармы, и конюшни, и кухни, и подсобные постройки, и все это было выполнено. Но и главные здания тоже продолжали строить: королю, правда, придется пока, как в походе, жить в шатре, под натянутыми на шесты шкурами, но стены главного зала уже подвели под крышу и настелили кровлю, и внутри стучали топорами плотники, сбивая длинные столы и скамьи.

Местные жители охотно оказывали Дервену помощь. Они были рады, что рядом с их угодьями возводится крепость-укрытие, и, когда только могли, являлись подсобить и поднести, а

то и посостязаться искусством с нашими мастерами. Среди этих доброхотов приходили и такие, кто был слишком молод или слишком стар для тяжелой работы. Дервен склонен был отсылать их обратно, но я поручил им расчистить заросшие крапивой основания бывшего храма неподалеку от королевских палат. Какому богу он был посвящен, ни мне, ни им было не ведомо. Но я знал солдат. Каждому ратнику важно иметь алтарь со светильником, куда можно возлагать жертвы, чтобы божество снизошло к ним в минуту молитвы и одарило надеждой и силой в награду за веру.

Точно так же я отправлял женщин на расчистку источника на северном склоне холма. Они это исполняли с охотой, так как было известно, что в незапамятные времена источник принадлежал самой Богине. Он уже давно находился в запустении и весь зарос колючим кустарником, отчего женщины не могли класть подле него жертвы и возносить свои женские сокровенные молитвы. Теперь дровосеки вырубили колючие заросли, и я позволил женщинам устроить себе у источника святилище. Они работали и пели, верно, радовались тому, что это святое для них место не оказалось в собственности у мужской братии. Я объяснил им, что по планам короля, когда будет разбита саксонская сила, жители смогут свободно входить и выходить через ворота Каэр-Камела, потому что это будет не военный лагерь, а прекрасный город на холме.

И наконец, в стенах крепости у северных ворот мы расчистили место для окрестных крестьян и их скота, куда они смогут в минуту опасности прятаться и жить там, покуда не минует угроза.

А затем в Каэр-Камел прибыл Артур. Ночью вдруг вспыхнул костер на горе Тор, позади нее мерцал огонь на вершине еще более отдаленного сигнального холма. А с первым утренним светом берегом озера прискакал и сам король во главе отряда своих рыцарей. По-прежнему его цвет был белый. Он ехал на белом боевом коне, над головой развевалось белое знамя, на плече висел гордый белый щит без всякого изображения, какими украшают свои щиты другие. Он выплыл из утреннего тумана, точно белый лебедь на жемчужных волнах озера. Потом кавалькада скрылась в лесу у подножия холма Камел, и вот дробный стук копыт зазвучал, приближаясь по новой мощеной дороге к Королевским воротам.

Ворота были распахнуты ему навстречу. А под их сводами вдоль стен стояли те, кто построил для него эту крепость. Так Артур, вождь сражений, верховный король среди королей Британии, впервые въехал в свою новую твердыню, свой будущий стольный город Камелот.

Конечно, Артур остался очень доволен, и в тот вечер для всех, кто участвовал в строительных работах, будь то мужчина, женщина или ребенок, был задан богатый пир. Сам король со своими рыцарями, Дервен и я и еще некоторые пировали в главном зале за длинным столом, только что сколоченным и отполированным, так что песочная пыль висела в воздухе, окружая ореолами пламя факелов. Пировали весело, раскованно и непринужденно, как пируют по случаю победы на поле брани. Король произнес краткую приветственную речь — из которой я сейчас не помню ни единого слова,— повышая голос так, чтобы слышно было толпившимся за порогом. Потом, когда уже пир был в разгаре, он вышел из-за стола и, держа в одной руке баранью кость, а в другой — серебряный кубок, стал обходить всех своих гостей, присаживаясь то к тем, то к другим, угощаясь из одного горшка с каменщиками, давая плотникам наполнить свой кубок медом, расспрашивая, слушая, радуясь и воодушевляясь, как бывало раньше. Очень скоро люди перестали трепетать перед ним и забросали его вопросами. Как было дело под Каэрлеоном? А как у Линнуиса? Как в Регеде? Когда думает он обосноваться в Каэр-Камеле? Возможно ли, чтобы саксы дошли через холмы до этих мест? Велики ли силы у Эозы? Верно ли люди говорят — о том, об этом и вот еще о чем... И на все вопросы он терпеливо отвечал: ведь чего ожидаешь, против того выстоишь, а вот боязнь неожиданности — страх стрелы в темноте — подрывает стойкость храбрейших.

Все это было так похоже на прежнего Артура, на юного короля, которого я знал. И с виду он тоже стал прежним. Ушли утомление и безнадежность, забылись печали; с нами опять был король, привлекавший к себе людские взоры, своей неисчерпаемой силой питавший силы тех, кто ослабевал. До наступления утра не останется никого, кто бы с радостью не отдал за него жизнь. И оттого, что он это знал и правильно оценивал свое воздействие на людей, он не утрачивал ни толики своего величия.

Как повелось у нас с ним исстари, перед сном мы побеседовали вдвоем. Он расположился на ночь без роскошества, но все же удобнее, чем в походном шатре. Между стропилами над недостроенной королевской опочивальней был натянут кожаный полог, пол устлан овчинами. У стены стояла его походная кровать, рядом стол, на нем лампа, при свете которой он работал, пара кресел, сундук с платьем и умывальник с кувшином и тазом из серебра.

Со времен Галавы мы не разговаривали с глазу на глаз. Он справился о моем здоровье, поблагодарил за работу, проделанную в Каэр-Камеле. Потом потолковали про то, что еще предстояло сделать. О ходе сражения под Каэрлеоном я уже слышал рассказы на пиру. Я сказал, что он сильно переменился. Минуту или две он молча смотрел на меня, а потом словно принял решение.

— Мне надо тебе кое-что сказать, Мерлин. Не знаю, вправе ли я говорить, но все равно. Когда ты, больной и бессильный, увидел меня в Галаве, ты, должно быть, разглядел отчасти, что у меня на душе. Да и как было мне укрыться от твоих глаз? Я, как всегда, возложил на тебя мои беды, не сообразуясь с тем, по силам ли тебе такая ноша.

— Я этого не помню. Мы говорили с тобой, это так. Я спросил, что случилось, и ты рассказал мне.

— Вот именно. А теперь я прошу выслушать меня еще. На этот раз я, надеюсь, не взвалю тяжесть на твои плечи, однако...

Он помолчал, как видно собираясь с мыслями. Он словно все никак не мог решиться приступить к делу. А я не догадывался, к чему он клонит.

— Когда-то ты объяснил мне, что жизнь состоит из света и тьмы, как время — из дня и ночи. Это правда. Одна беда тянет за собой другую. Так случилось и со мной. На меня нашла полоса тьмы, впервые за мою жизнь. Тогда я приехал к одру твоей болезни, почти неживой от усталости, чуть не раздавленный горем утрат, случившихся одна вслед другой, словно весь мир ополчился против меня и удача навсегда от меня отвернулась. Смерть матери сама по себе не могла быть для меня большим горем, ты ведь знаешь мои чувства, сказать по совести, я больше оплакивал бы смерть Друзиллы или Эктора. Но смерть моей маленькой Гвиневеры... Мы могли быть с ней счастливы, Мерлин. Мы бы, я верю, сумели полюбить друг друга. И особенно до-

бавляли горечи утрата ребенка и муки, в которых она окончила свою молодую жизнь, да еще опасение, что, быть может, ее убили, и убили мои враги. А тут еще — и в этом я тебе признаюсь — мысли о том, что надо будет начинать сначала, искать подходящую невесту и опять устраивать все эти пышные брачные церемонии, когда у меня столько действительно важных дел...

Я поспешил сказать:

— Но теперь ты ведь уже не думаешь, что ее убили?

— Нет. На этот счет ты меня успокоил, как успокоил и насчет своего недуга. Я и за тебя тоже боялся, думая, что виноват и в твоей смерти.— Он замолчал, потом продолжал без выражения: — Это было самое ужасное, последний удар, который страшнее всего.— Он стыдливо и отрешенно развел руками.— Ты говорил, и не раз, что, когда ты мне будешь нужен, ты всегда окажешься к моим услугам. И до сих пор так всегда и было. И вдруг наступило темное время, а тебя нет. А нужно было еще так много сделать. Каэр-Камел только успели заложить, и не одна еще битва впереди, потом — договоры, и издание законов, и установление гражданских порядков... А тебя нет, ты убит. Из-за меня, полагал я, как и моя маленькая королева. Все мои мысли вертелись вокруг этого. Я не убивал младенцев в Дунпелдире, но, клянусь богом, я бы убил королеву Оркнейскую, встреться она мне тогда на узкой дороге!

— Это я понимаю. Продолжай.

— Ты уже наслышан о моих победах, одержанных на полях сражений за те месяцы. Другим могло казаться, что звезда моя приближается к зениту. Но сам я, главным образом из-за твоей гибели, чувствовал, что нахожусь на дне черной ямы. Я не только скорбел о том, что связывает тебя и меня: давняя дружба, покровительство, я бы сказал — любовь, но у моего горя была и другая причина, о которой мне нет нужды тебе снова напоминать: я привык руководствоваться твоим советом во всем, кроме ведения войны.

Я ждал, что он еще скажет. Но он молчал. Тогда я проговорил:

— Что ж, давать советы — это мое предназначение. В одиночку ни один человек, даже верховный король, не может справиться со всем. Ты еще молод, Артур. Но и мой отец Амброзий, когда у него за плечами была уже долгая жизнь, искал совета на

каждом повороте. Это не признак слабости. Прости меня, но так думают только те, кто еще очень молод.

— Знаю. Да я и не думаю этого. Я хочу рассказать тебе другое. Один случай, который произошел, пока ты был болен. После битвы в Регеде я взял заложников. Саксы бежали и спрятались в густом лесу на холме, как раз позади той разрушенной башни, где мы потом обнаружили тебя. Мы окружили холм со всех сторон и двинулись вверх сразу по всем склонам, прокладывая себе дорогу мечами, разя направо и налево, покуда те немногие, кто остался жив, не сложили оружия. Может быть, они бы и раньше сдались, но мы им не предлагали. Я искал их смерти. Наконец оставшиеся побросали оружие и вышли. Мы повязали их. Среди них был ближайший помощник Колгрима — Синевульф. Я готов был зарубить его на месте, но он был безоружен. И я отпустил его, взяв с него слово, что он погрузится на корабли и уйдет восвояси. И взял заложников.

— Да. Это была мудрая попытка. Хотя мы знаем, что она не удалась.

Я говорил ровно, догадываясь, что последует дальше: мне уже рассказали, как было дело.

— Мерлин, когда я получил известие, что Синевульф не уплыл в Германию, а вернулся к нашим берегам и разоряет приморские поселения, я распорядился убить заложников.

— Выбор был за Синевульфом, он на это пошел. Сам он поступил бы на твоем месте точно так же.

— Синевульф — варвар и чужеземец. Не то что я. Это правда, он знал, на что идет, но он мог думать, что я не выполню своей угрозы. Среди них были подростки. Младший — тринадцати лет, моложе, чем я в год моей первой битвы. Их привели ко мне, и я отдал приказ.

— И правильно сделал. Теперь забудь об этом.

— Как забыть? Они храбро сражались. Но я сказал, что так будет, и должен был выполнить свое слово. Ты говорил, что я переменился. Это правда. Я уже не тот, кем был до этой зимы. Я впервые за всю войну совершил поступок, сознавая, что поступаю дурно.

Я подумал об Амброзии под Довардом, о себе у Тинтагела. И сказал:

— Мы все совершали поступки, которые были бы рады забыть. Возможно, все дело в том, что сама война — зло.

— Как это может быть? — нетерпеливо отозвался он.— Но рассказываю я тебе об этом теперь не потому, что ищу сочувствия или совета.— Я недоуменно ждал. Он продолжал, старательно подбирая слова: — Это самое злое дело, которое мне пришлось совершить. Но я его сделал — и не отказываюсь. А тебе я хотел сказать вот что: если бы ты был рядом, я бы, как всегда, обратился к тебе за советом. И хоть ты меня предупреждал, что сила провидения тебя покинула, я бы все-таки понадеялся — я бы твердо верил,— что тебе открыто будущее, что ты наставишь меня на правильный путь.

— Но твой пророк умер и тебе пришлось самому избирать путь?

— Именно так.

— Я понимаю. Ты рассказал это, чтобы утешить меня: отныне не только дело, но и решение можно, не опасаясь, предоставить тебе, даже несмотря на то что я опять оказался рядом с тобой. Ведь мы оба знаем, что твой пророк и вправду как бы умер.

— Нет! — решительно возразил он.— Ты меня неправильно понял. Я действительно хотел тебя утешить, но не этим. Думаешь, я не понимаю, что с того дня, как я поднял меч Максена, для тебя тоже началась темная полоса? Прости меня, если я вмешиваюсь в дела, недоступные моему пониманию, но теперь, оглядываясь назад, я думаю... Мерлин, я хочу сказать тебе, что, по-моему, твой бог и сейчас не покинул тебя.

Стало тихо. Только слышно было, как трепещет огонь в бронзовом светильнике да снаружи, из лагеря, доносились обычные вечерние голоса. Мы смотрели друг на друга — он еще в расцвете молодого мужества, я в преклонном возрасте и обессиленный к тому же недавним недугом. И незаметно, исподволь, наши роли менялись, уже переменились. Теперь уже он поддерживал меня и утешал: «Твой бог и сейчас не покинул тебя». Откуда такая мысль? Разве он не знал, что большая магия мне уже не дается, не помнил, как беспомощен я оказался против Моргаузы, как не сумел ничего узнать о Мордреде? Однако в его словах прозвучало не пылкое молодое сочувствие, но спокойное и твердое суждение зрелых лет.

Я стал перебирать прошлое, стараясь сбросить оцепенение, которое нашло на меня после болезни, сменив прежнее смиренное безропотное спокойствие. И мне стало понятно, о чем говорил Артур. То были речи военачальника, способного увидеть победу в планомерном отступлении своих войск. Или речи вождя, умеющего словом дать людям уверенность в своих делах.

«Твой бог и сейчас не покинул тебя». Значит, это бог был со мной в кубке с отравой и в недуге, растянувшемся на месяцы и разлучившем меня с Артуром, дабы король ощутил свою единоличную власть. Это он надоумил меня (неведомо для Артура) покривить душой и слабым голосом уверить его, что я не был отравлен, и тем спасти от королевского возмездия Моргаузу, мать тех четырех сыновей... Он был со мной, когда я потерял след Мордреда, и мальчик остался в живых, из-за чего в глазах у Артура вспыхнула мгновенная радость. Как пребудет он со мной и в тот час, когда я в конце сойду заживо в свою могилу и оставлю Артура одного в срединном мире лицом к лицу с его злым роком — Мордредом, которого я не сумел в свое время выследить.

Как истомившийся штилем, умирающий от голода и жажды мореплаватель при первом дыхании проснувшегося ветерка, я ощутил пробуждение надежды. Так, значит, мало просто безропотно ждать возвращения божества во всем его блеске и могуществе. В черную пору отлива, как и в прилив, равно ощущается беспредельная мощь океана.

Я склонил голову как человек, принимающий царский дар. Не было нужды говорить. Мы читали мысли друг друга. Он спросил, сразу изменив тон:

— Много ли еще времени уйдет, прежде чем крепость будет готова?

— Через месяц можно отбивать осаду. Все работы уже почти завершены.

— Я так и подумал. Стало быть, я могу перебираться из Каэрлеона с солдатами, конницей и всем имуществом?

— Хоть завтра.

— А потом? Что думаешь делать ты, покуда не потребуется твое участие в мирном строительстве?

— Я пока еще не думал об этом. Наверно, вернусь домой.

— Нет. Останься здесь.

Это прозвучало как приказание. Я удивленно поднял брови.

— В самом деле, Мерлин, я хочу видеть тебя здесь. Зачем прежде надобности раскалывать надвое силу верховного короля? Ты ведь меня понимаешь.

— Да.

— В таком случае не уезжай. Присмотри для себя здесь жилище и проживи еще немного вдали от своего чудесного валлийского грота.

— Хорошо, еще немного,— с улыбкой согласился я.— Но не в этих стенах, Артур. Я нуждаюсь в тишине и одиночестве, а этого не найдешь в городе, где устроил свою ставку верховный король. Позволь мне подыскать для себя место и построить дом. И прежде чем ты будешь готов повесить свой меч на стене над державным троном, мой чудесный грот окажется здесь, поблизости, прямо вместе с отшельником, готовым принять участие в твоем совете. Если, конечно, ты к тому времени еще будешь нуждаться в его суждениях.

Он рассмеялся, довольный, и мы разошлись спать.

Глава 9

На следующий день Артур с Сотоварищами поехал обратно на Инис-Витрин, и я отправился вместе с ними. По приглашению короля Мельваса и королевы-матери мы должны были участвовать в церемонии благодарения за недавние победы короля.

Хотя на Инис-Витрине имелись христианская церковь и монашеская обитель на холме близ святого колодца, верховным божеством этого древнего острова оставалась сама Великая Богиня, ее алтарь находится здесь с незапамятных времен, и служат ей жрицы-анциллы. Этот культ, как я понимаю, подобен поклонению Весте в старом Риме, только еще более древний. Король Мельвас, как и большинство его подданных, был приверженцем старой религии, и, что еще важнее, его мать, устрашающего вида старуха, почитала Богиню и была щедра к ее служительницам. Тогдашняя владычица святилища — этот титул носила верховная жрица, которая считалась воплощением Богини,— приходилась ей родственницей.

Артур был воспитан в христианском доме, но я не удивился, когда он принял приглашение короля Мельваса. Однако были и такие, для кого это было небезразлично. Когда мы, готовые к отъезду, собрались у Королевских ворот, я заметил, что кое-кто из рыцарей посматривает на короля со смущением.

Артур перехватил мой взгляд — мы ждали перед воротами, пока Бедуир разговаривал с привратниками,— и ухмыльнулся. И тихо произнес:

— Тебе, я надеюсь, не надо объяснять?

— Разумеется нет. Ты подумал о том, что Мельвас будет тут твоим ближайшим соседом и что он уже оказал тебе помощь при строительстве. К тому же ты сообразил, как важно расположить к себе старую королеву. Ну и, понятно, вспомнил о Росинке и Черничке и о том, что Богиню следует умилостивить.

— О Росинке и Черничке? Это еще кто? А-а, коровы старого пастуха! Ну конечно. Я знал, что ты сразу ухватишь главное. Кстати сказать, я получил приглашение еще и от владычицы алтаря. Жители острова желают принести благодарность за победы минувшего года и призвать благословение на Каэр-Камел. А я трепещу при мысли, как бы они не узнали от кого-нибудь, что в Каэр-Гвиннионе у меня был при себе значок Игрейны.

Он говорил о фибуле с выгравированным по краю именем Марии. Так зовется богиня христиан. Я ответил ему:

— По-моему, об этом ты можешь не беспокоиться. Святилище на Инис-Витрине такое же древнее, как и земля, на которой оно стоит. И через кого бы ты ни обращался там к божеству, услышит тебя одна и та же богиня. Потому что она всегда была и есть только одна. Так я, по крайней мере, полагаю... Но вот что скажут епископы?

— Я — верховный король,— сказал Артур и больше ничего не прибавил.

Подскакал Бедуир, и мы выехали через распахнутые ворота.

Был теплый пасмурный день, небо обещало летний дождь. Скоро мы выехали из леса и поскакали по низкому займищу. По обе стороны от дороги блестела серая водная гладь, морщась под кошачьими шажками легкого прибрежного ветерка. Тополя вскидывали кверху серебристой изнанкой свежую листву, ивы полоскали плакучие ветви в мелкой воде. Островки, купы ив, окна разлившейся воды — все словно плыло и дробилось в серебристом мареве. Дорога, поросшая, как всегда бывает в таких топких местах, мхами и папоротниками, вилась через тростники, к невысокому гребню, который, словно рука, охватывал остров с одного бока. Вот под конскими копытами послышался камень, начался пологий подъем. Впереди блестело озеро, окружавшее остров, точно полноводный, разлившийся крепостной ров. Лишь в одном месте его пересекала насыпь, по которой пролегла дорога на остров, да там и сям на зеркале вод виднелись лодки и барки болотных жителей.

Прямо из воды огромным правильным конусом поднималась гора Тор, словно бы насыпанная человеческими руками. Рядом с ней — другая гора, пониже и округлее, а третьей в ряду лежала длинная невысокая гряда, протянутая по воде, будто большая рука, и у нее под мышкой пряталась пристань, из-за зеленого гребня, топорщась, как тростник, выглядывали мачты. А дальше, за этим трехвершинным островом, продолжались, блестя под небесами, затопленные низины, лишь кое-где на них зеленела осока, качались камыши да чернели среди ив тростниковые кровли, под которыми ютились болотные жители. Блестящее, переливающееся зеркало воды тянулось до самого моря. И было понятно, почему остров получил название Инис-Витрин, Стеклянный остров. Теперь некоторые зовут его еще Авалон.

Инис-Витрин был весь покрыт яблоневыми садами. Кроны плодовых деревьев непроницаемым облаком одели берега бухты и нижние склоны Тора, так что лишь по струйкам дыма, поднимающимся к небу, угадывалось местоположение деревни (хоть в ней и жил король, но она никак не заслуживала звания города). Но выше по склону горы, где кончались деревья, виднелись жмущиеся одна к другой хижины, точно ульи,— обиталище христианских отшельников и святых женщин. Король Мельвас не стеснял их свободы, у них даже была своя церковка, построенная вблизи святилища Богини,— низенькое, убогое сооружение из соломы и глины под тростниковой крышей, кажется, дунет ветер — и улетит.

Совсем иным был храм Богини. Говорят, за многие столетия земля вокруг него постепенно поднялась и поглотила святилище, так что оно превратилось теперь в подземелье. Я его до той поры никогда не видел — мужчины, как правило, туда не допускаются. Но в тот день сама владычица алтаря встречала верховного короля у входа. За спиной у нее толпились с цветами в руках женщины и девочки в белых одеждах и под белыми покрывалами. А подле владычицы стояла величественная старуха в богатой мантии и монаршем венце на седых волосах — как можно было понять, мать Мельваса, старая королева. Здесь ее место было впереди сына. Сам Мельвас в окружении своих военачальников и слуг стоял чуть поодаль. Это был широкоплечий румяный здоровяк с шапкой курчавых каштановых волос и шелковистой бородой. Он жил холостяком. Злые языки говорили, что на свете не нашлось женщины, которую его придирчивая матушка признала бы достойной парой своему сыну.

Владычица алтаря приветствовала Артура, и две самые юные девы, приблизившись, убрали ему шею цветами. Слышалось хоровое пение — одни женские голоса, высокие и сладкозвучные. В какой-то миг серые облака, обложившие небо, чуть раздвинулись, и на землю упал одинокий солнечный луч. Это было воспринято как доброе знамение, собравшиеся стали оживленнее переглядываться, улыбаться друг другу, радостнее зазвучал хор. Владычица — и все женщины с нею — направилась ко входу в храм и по ступеням, уходящим глубоко под землю, стала спускаться внутрь. За ней последовала старая королева, а за королевой Артур и все мы. Последним спустился Мельвас со своей свитой. Простой люд остался снаружи. И все время, пока свершался ритуал, наверху слышались разговоры и шарканье многих ног — это люди толпились у входа, чтобы еще хоть одним глазком взглянуть на легендарного Артура, победителя в девяти битвах.

Подземное помещение было довольно тесное, мы набились в него до отказа. Справа и слева полдюжины ароматических светильников тускло освещали пространство под низкими сводами, уводящими к алтарю. В дымном полумраке призрачно белели одежды женщин. Белые покрывала, ниспадая до полу, окутывали их с головы до ног. Одна лишь владычица алтаря была отчетливо видна: с открытым лицом она стояла в лучах светильников, серебристая ткань одевала ей плечи, а на голове туманно поблескивала драгоценная диадема — величественная фигура, нетрудно было поверить, что она королевского рода.

Алтарь тоже скрывала плотная ткань, никому, кроме посвященных — даже старой королеве,— не дозволялось заглянуть по ту сторону алтарной завесы. Ритуал, свидетелями которого мы оказались (описывать его здесь представляется мне неуместным), не был обычной службой, посвященной Богине. Он оказался довольно продолжителен, мы целых два часа простояли в тесноте под землей; я подозреваю, что владычица нарочно старалась произвести впечатление на короля, да и можно ли ее за это упрекнуть, даже если она и рассчитывала таким образом снискать королевское покровительство? Но вот наконец служба завершилась. Владычица приняла из рук Артура дары, с молитвами поместила их к подножию алтаря, и мы, соблюдая прежний порядок, вышли на свет дня, где нас встретили клики простого народа.

Это посещение древнего храма могло бы не сохраниться у меня в памяти, если бы не последующие события. Но вышло так, что я хорошо запомнил мягкий, рассеянный свет дня, первые

дождевые капли, брызнувшие в лицо под открытым небом, и песню дрозда в терновом кусте среди высокой травы, из которой здесь и там торчали бледные шишаки ятрышника, а между ними густо желтели мелкие цветки, называемые венериными башмачками. Путь ко дворцу Мельваса вел через сад, где под редкими старыми яблонями цвели цветы, занесенные сюда не по воле природы и употребляемые, как мне хорошо было известно, в магии и медицине. Это анциллы занимались врачеванием и разводили целебные травы (ядовитых я не заметил, здесь молились не той Богине, чей окровавленный нож был некогда выброшен из Зеленой часовни). Что ж, думал я, если мне придется поселиться в здешних местах, по крайней мере на этих лугах мои растения приживутся лучше, чем на ветреных холмах моего родного Уэльса.

Но тут мы пришли во дворец Мельваса, и хозяин гостеприимно пригласил нас в пиршественный зал.

Пир был как все пиры, не считая естественного для этих мест великолепия и разнообразия рыбных блюд. Старая королева восседала на почетном месте за столом, установленным на возвышении; по одну руку от нее сидел Артур, по другую Мельвас. Из служительниц Богини не присутствовала на пиру ни одна, не было даже владычицы алтаря. А дамы, принимавшие участие в пиршестве, были, я заметил, все как одна, отнюдь не красавицы и далеко не первой молодости. Похоже, что толки про королеву оказались справедливы. Я припомнил улыбку и взгляд, которыми украдкой обменялся Мельвас с какой-то девушкой в толпе: не могла же старуха денно и нощно держать сына под надзором. Прочие же его аппетиты удовлетворялись щедро: пища была изобильна и хорошо, хотя и без затей, состряпана, и на пиру присутствовал певец, у которого был приятный голос. Рекой лилось отличное вино, как нам сказали, из виноградников, расположенных в сорока милях от дворца на меловых возвышенностях — недавно они были разорены во время одного из саксонских набегов, которые в то лето участились, саксы надвигались все ближе. А раз уж об этом заговорили, разговор неизбежно принял определенное направление. Так, обсуждая прошлое и сговариваясь о будущем, пировали Артур и Мельвас в дружеском согласии, что было добрым предзнаменованием.

К полуночи мы собрались восвояси. Полная луна изливала яркий свет. Она стояла невысоко над самой вершиной Тора, четко обрисовывая стены небольшой крепости, которую Мельвас

возвел там на месте древнего разрушенного форта, чтобы укрываться в минуту опасности. А дворец, где мы только что пировали, находился внизу, у самой воды.

Нам надо было поторапливаться. С поверхности озера поднимался туман. Белые клочья клубились над травами, вились у древесных стволов, обвивали колени коней. Скоро узкая насыпь через затопленную равнину окажется скрытой от взоров. Мельвас с факельщиками провожал нас сквозь туман до края твердой земли и, когда под копытами зазвенел камень, простился и повернул обратно.

Я натянул поводья и оглянулся. Из трех вершин, слагающих остров, виден был один Тор. Он торчал из колышущегося облака, и лишь красные отсветы еще не погашенных факелов были заметны у его подножия на месте королевского дворца. Луна уже проскользнула из-за крепостных бастионов в открытое небо. А по спиральной дороге, поднимавшейся на вершину горы, к подножию сигнальной башни, двигался мерцающий огонек.

По спине у меня побежали мурашки, волосы зашевелились, как на загривке у пса, увидевшего призрак: вверх по горе сквозь туман шагала огромная великанская тень. Гора Тор издревле считалась входом в Потусторонний мир, и на какой-то миг мне показалось, что ко мне вернулся дар духовидения и я вижу призрачного хранителя этих мест, огненного стража заповедных врат. Но потом взгляд мой прояснился, и я понял, что это бежит человек с факелом, чтобы зажечь огонь на сигнальной башне.

Я дал шпоры коню, и в эту минуту прозвучал громкий приказ Артура. Один всадник отделился от кавалькады и широким галопом поскакал вперед. Остальные, сразу примолкнув, поехали следом, быстро и четко стучали копыта, и за спиной у нас в ночном небе разгорался сигнальный огонь, призывая Артура, победителя в девяти битвах, к новому сражению.

Глава 10

Переселение в Каэр-Камел совпало с началом новой военной кампании. Она отняла целых четыре года — четыре года штурмов и стычек, налетов и засад. Лишь в самые холодные зимние месяцы наступали недолгие передышки, а все остальное время Артур был занят ратными трудами и дважды сумел одержать над врагом крупные победы.

Первая победная битва произошла по призыву из Элмета. Сам Эоза приплыл из Германии и высадился со свежими саксонскими силами на нашем берегу, где к нему присоединились восточные саксы, давно уже осевшие севернее Темзы. Третьим острием атаки оказалась дружина Кердика, доставленная на ладьях из Рутупий. Это было грознейшее наступление со времен битвы под Лугуваллиумом. Вторгшиеся враги устремились вглубь по долине, угрожая, как и опасался Артур, прорваться сквозь горный проход. Но, неожиданно наткнувшись на обновленную крепость Оликаны, они, очевидно, растерялись и промедлили под ее стенами, а тем временем по цепи сигнальных огней был передан на юг призыв к Артуру. Король Элмета вступил под Оликаной в сражение с восточными саксами, однако остальные их силы все же продвинулись через проход дальше на запад. Артур, поспешая по западной дороге, прежде саксов успел достигнуть форта на Трибуите, перестроился и вступил с ними в бой у переправы Наппа. Разбив врага в кровопролитной битве, Артур затем бросил свою быструю конницу через проход под Оликану и, сражаясь здесь бок о бок с королем Элмета, сумел отбросить саксов в долину. А оттуда единым сокрушительным напором потеснил их обратно, к югу и востоку, покуда они не оказались в прежних границах и саксонский «король», оглядев свои растаявшие, обескровленные рати, не признал поражение.

Поражение, как оказалось, почти окончательное. Слава Артура настолько приумножилась, что при одном звуке его имени враги обращались в бегство, а слова «Артурово пришествие» стали означать спасение. Когда в следующий раз призвали на помощь Артура — это было уже на исходе четырехлетней кампании,— стоило только грозной коннице с белым всадником во главе и с красным драконом на штандарте, реющем над светлыми шлемами, появиться на перевале Агнеда, и ряды перепуганного противника смешались, вместо битвы получилось преследование, изгнание врага с отвоеванной земли. И все время, пока шли бои, вместе с Артуром сражался Герейнт, поставленный во главе дружины, достойной его доблести и таланта. Ибо такова была награда от Артура за верную службу.

Сам Эоза в сражении при Наппе был ранен и больше уже никогда не появлялся на поле брани. У Агнеда саксов возглавлял молодой Кердик Этелинг, который немало сделал, чтобы сдержать свое устрашенное войско перед натиском Артура. В конце концов он все же отступил — соблюдая достоинство и порядок,— чтобы погрузиться на ладьи, и дал, как рассказывают, клятву, что в следующий раз, когда ему доведется ступить на британскую землю, он уже с нее никуда не уйдет и даже Артур ему в том не помеха.

Но уж с этим, мог бы я ему возразить, придется ему повременить, покуда Артура не станет.

В мои намерения не входит описывать с подробностями все события военных лет. Я пишу хронику иного рода. К тому же кто теперь не знает о войнах Артура за освобождение британской земли и очищение берегов ее от саксонской угрозы? Все это записано в Виндоланде рукою Блэза или рукою тихого, почтительного писца, его помощника. А я лишь повторю здесь, что ни разу за все годы, употребленные им на усмирение саксов, я не смог оказать ему помощь пророчеством или волшебством. Все, что было тогда сделано, было делом земного мужества, стойкости и самоотверженности. Двенадцать крупных сражений было выиграно, потребовалось семь лет тяжкого ратного труда, чтобы молодой король увидел наконец на своей земле свободу и расцвет мирного земледелия и ремесел.

Певцы и поэты изображают дело так, что будто бы он изгнал всех саксов из пределов Британии, но это неправда. Он убедился, как некогда Амброзий, что очистить многие мили гористого побережья, легкодоступного к тому же с моря, совершенно невозможно. Еще со времен Вортигерна, который первым пригласил саксов в Британию в качестве союзников, юго-восточный берег нашего острова считался саксонской землей, где были свои правители и свои законы. Так что у Эозы были все же основания присвоить себе титул короля. Если бы даже у Артура и достало военной силы очистить Саксонский берег, ему пришлось бы изгонять поселенцев в третьем поколении, родившихся и выросших на этих землях, чтобы они на кораблях вернулись на родину праотцев, где им, быть может, был уготован еще менее радушный прием. А если людям угрожает опасность лишиться своих домов и остаться бездомными, они будут сражаться отчаянно, до последнего. Артур понимал, что одно дело — победить в великих сражениях и совсем другое — прогнать людей с насиженных мест в леса, в горы, в безлюдные пустыни, откуда их не выживешь, где

их не достанешь и не дашь им открытый бой. Это была бы война на долгие-долгие годы, война, не сулящая победы. У него перед глазами был пример Древнего народа. Римляне оттеснили его с удобных земель в пустынные горные леса — и через четыреста лет он все еще обитал там, в своих недоступных горах, когда римлян на острове уже не стало. Поэтому Артур, смирившись с существованием саксонских королевств на британской земле, озаботился укрепить границы с ними, чтобы их короли из страха перед ним не смели высунуться из своих пределов.

Артуру исполнилось двадцать лет. В конце октября он возвратился в Камелот и сразу же собрал совет королей и пэров. Я присутствовал на этом совете, иногда, будучи спрошен, высказывал свое мнение, но в основном только слушал и смотрел; советы, которые давал ему я, давались с глазу на глаз, за закрытыми дверями; в глазах же публики все его решения принимались самостоятельно. Он действительно многое решал по-своему, и я чем дальше, тем все охотнее предоставлял его его собственному разумению. Подчас он горячился, выказывал недостаток опыта, не умел соразмерить главное и второстепенное, но судил, никогда не поддаваясь порыву, и при всей самоуверенности победителя строго придерживался правила сначала выслушивать, что скажут другие, а уж в заключение говорил сам, и каждому советнику казалось, что и он повлиял на решение короля.

Среди прочих обсуждавшихся вопросов зашла речь о новой женитьбе короля. Я видел, что для Артура это было неожиданностью, он внутренне встрепенулся, но промолчал, а потом, успокоившись, стал слушать, что говорят старшие мужи. Это были знатоки родословных таблиц, земельных владений и притязаний. А я, слушая их, думал о том, что тогда, когда Артура провозглашали королем, они не желали о нем слышать. Зато теперь даже его товарищи-рыцари не были ему преданы более. Победитель Артур сумел завоевать и сердца старцев. Теперь послушать их, так можно подумать, что каждый из них сам разыскал никому не известного Артура в чаще Дикого леса и лично вручил ему императорский меч.

И еще можно было подумать, что каждый из них печется о женитьбе своего любимейшего сына. Они гладили бороды и качали головами, перебирали и обсуждали имена, даже горячились, споря, но так и не достигли общего согласия, покуда один уроженец Гвинедда, родич самого короля Маэлгона, сражавшийся все эти годы вместе с Артуром, не поднялся и не произнес речь о своей родной стороне.

Если уж черноволосый валлиец, вскочив на ноги, разразился речью, то он, как бард на пиру, будет строить ее по всем законам просодии и декламации и доведет до конца ох как не скоро. Но этот говорил так необыкновенно цветисто и голос его гудел так изумительно красиво, что все откинулись в креслах и внимали ему с восхищением, как внимают пирующие торжественной песне.

А он превозносил свой родной край, живописные долины, и холмы, и синие озера, и пенный прибой у береговой черты, орлов, и оленей, и малых певчих птах, и храбрость мужей, и красоту женщин. Вслед за тем услыхали мы про поэтов и певцов, про яблоневые сады и цветущие луга, про богатые стада овец и коров и рудные жилы в каменных породах. Отсюда последовала славная история его страны, битвы и победы, и доблесть в поражении, и горечь ранней смерти, и плодоносная сила юной любви.

Это уже было ближе к делу; Артур поднял голову.

Все богатства, вся красота страны, продолжал говорящий, все ее геройство сосредоточились в роду ее королей. Этот род (тут я перестал слушать с прежним вниманием: я наблюдал за Артуром в тусклом свете дымного светильника и у меня болела голова) имеет родословную блестящую и древнюю, идущую чуть не от праотца Ноя...

И есть, разумеется, принцесса. Юная, прелестная, в жилах ее течет кровь древних валлийских королей, смешанная с кровью старинного и славного римского рода. У самого Артура происхождение не выше... Теперь становилось понятно, к чему клонил многословный оратор и что подразумевал его взгляд, вопросительно устремленный на молодого короля.

И зовут ее, оказывается, Гвиневера.

Я снова видел их вдвоем. Бедуир, смуглый, горячий, влюбленными глазами глядящий на другого, и Артур — Эмрис, в двенадцать лет уже командир, весь — пыл и высокий огонь жизни. Белая тень совы пролетела между ними, гвенхвивар, тень страсти и горя, высокого стремления и рыцарского странствия, которое увело Бедуира в мир призраков и оставило Артура одиноко дожидаться в лучах славы, когда придет срок самому ему стать легендой, святым Граалем...

Я опять оказался на совете. Жестоко болела голова. Резкий свет, то вспыхивая, то тускнея, нещадно бил по глазам. Под одеждой по спине и бокам сбегали струйки пота. Намокшие ладони соскальзывали с резных подлокотников. Я изо всех сил старался дышать размереннее и усмирить колотящееся молотом сердце.

Никто ничего не замечал. Прошло много времени. Заседание королевского совета подошло к концу. Артур в окружении молодых людей разговаривал и смеялся. Старцы остались сидеть на прежних местах, но непринужденно, привольно беседовали между собой. Вошли слуги с подносами и кувшинами, потекло вино. Разговоры плескались вокруг меня, словно волны прилива. Звучала радость, слышалось всеобщее облегчение: дело сделано, быть новой королеве и наследникам. Кончились войны, Британию, единственную из бывших провинций Рима, под защитой королевских крепостей ожидало безопасное, солнечное будущее.

Артур оглянулся и встретился взглядом со мною. Я не пошевелился и не произнес ни слова, но смех замер на его губах. В одно мгновение король был уже на ногах и устремился ко мне, как брошенное в цель копье, на ходу мановением руки повелевая всем держаться в отдалении.

— Мерлин, что с тобой? Это свадьба? Ты ведь не думаешь, что из-за нее...

Я покачал головой. Боль резанула, как пила. Кажется, я вскрикнул. Когда король вскочил, разговоры за столами зазвучали тише; теперь же воцарилась полная тишина. Тишина, и обращенные ко мне взгляды, и неровный, слепящий свет огней.

— Что с тобой, Мерлин? Ты болен? Ты можешь говорить?

Голос его зазвучал, набирая силу, отразился от стен и, постепенно завихряясь, стих. Но мне он был безразличен. Мне все было безразлично, кроме потребности говорить. Пламя факелов полыхало у меня в груди, горящее масло, пузырясь, разливалось по жилам. Воздух врывался в легкие, едкий и густой, как дым. Но когда я наконец нашел слова, они удивили меня самого. Мне помнилась только сцена из прошлого, внутренность Гиблой часовни, видение, которое могло что-то означать, но могло и не означать. Но то, что я произнес громким, надсадным голосом, заставившим Артура вздрогнуть и отпрянуть как от удара, а всех остальных, кто там был, вскочить из-за столов, было исполнено совсем иного значения.

— Война еще не кончена, король! Скорее на коня — и в путь! Они нарушили мир и скоро будут у Бадона! Мужчины и женщины испускают дух, захлебываясь в крови, дети плачут, умирая на копье, как цыплята на вертеле. И нет рядом с ними короля, чтобы встать на их защиту. Поспеши же туда, о венценосный полководец! Никто, кроме тебя, не может их спасти, одного тебя призывает народ! Отправляйся туда со своими рыцарями и положи конец разбою! Ибо, как стоит земля и светит солнце, о король Артур Британский, это будет твой последний бой, твоя последняя победа! Спеши!

Безмолвно внимали все моим речам. Те из советников короля, кто никогда прежде не слышал, как я произношу пророчества, стояли белы как мел; все осенили себя охранительным знамением. Я дышал громко и тяжело, точно старец, из последних сил отгоняющий смерть.

Но потом среди молодых раздались недоверчивые, даже насмешливые речи. Это было неудивительно. Рассказов о моих прошлых подвигах ходило много, а ведь иные из этих рассказов были откровенными измышлениями поэтов, и все успели войти в песни, оказались расцвечены в пестрые цвета легенд. Последний раз я прорицал под Лугуваллиумом, перед тем как Артур поднял заповедный меч; мои недоверчивые слушатели были тогда малыми детьми. Они знали меня только как строителя и врача и как тихого советника короля, к чьему мнению он прислушивается.

Ропот поднялся вокруг меня, словно ветер в древесных кронах:

— Никто не видел сигнальных огней, о чем же он толкует? Неужто верховному королю собираться в поход по одному его неподтвержденному слову? Ишь какие страсти наговорил. Разве мало Артур сделал, и мы с ним? Мир прочен, это ясно всякому. Бадон? Где это — Бадон? А-а, саксы теперь оттуда нипочем не нападут... М-да, если они двинутся туда, встретить их будет некому, в этом он прав... Да нет, вздор, просто старик опять ума лишился. Помните, тогда, в лесу, на кого он был похож? Совсем помешался, одно слово... Вот и теперь опять, видно, прежняя болезнь к нему вернулась.

Артур не сводил с меня глаз. А шепотки у него за спиной не стихали. Кто-то предложил послать за лекарем. Люди приходили, уходили. Но король ни на кого не обращал внимания. Мы

с ним были словно одни. Вот он протянул руку и сжал мне запястье. Сквозь головную боль я ощутил его молодую силу, он бережно усадил меня в кресло. А ведь я и не заметил, как встал. Затем он вытянул другую руку, и кто-то вложил в нее кубок с вином. Он поднес вино к моим губам.

Но я отвернул голову.

— Нет. Оставь меня. Теперь ступай. Верь мне.

— Клянусь всеми богами на свете,— хрипло произнес он,— я тебе верю.— Он резко обернулся: — Ты, ты и ты, отдайте приказы. Мы выезжаем немедленно. Распорядитесь.— А потом снова обратился ко мне, но проговорил так, чтобы слышали все: — Ты сказал — победа?

— Победа. Неужели ты сомневаешься?

На миг, сквозь головную боль, я увидел его лицо — лицо мальчика, по слову моему протянувшего руку в белое пламя и поднявшего волшебный меч.

— Я ни в чем не сомневаюсь,— произнес Артур.

И, со смехом наклонясь, поцеловал меня в щеку и в сопровождении своих рыцарей быстро вышел вон.

Боль как рукой сняло. Я опять мог дышать и смотреть. Встав с кресла, я пошел следом за ним на воздух. Те, кто еще оставался в зале, сторонились, пропуская меня. Ни один не осмелился окликнуть, задать вопрос. Я взошел на стену и посмотрел вдаль. Дозорный при виде меня удалился, пятясь задом и вытаращив глаза. Слухи уже разошлись по всей крепости. Я поплотнее закутался в плащ и огляделся.

Они уже скакали по дороге — маленький отряд, который должен был противостоять саксонской силе в последней, решающей битве за Британию. Дробный стук копыт постепенно замер в ночи. К северу в этой непроглядной тьме высилась невидимая гора Тор. Ни огонька, ни отблеска на ее вершине. И за ней, до самого горизонта, тоже ни огня, ни отблеска. И к востоку не видно огней, и к югу — нигде не полыхают сигнальные костры. Один только знак беды — мое слово.

И вдруг из ветреной темноты донеслись какие-то звуки. Поначалу мне почудилось, что это эхо отдаленного галопа; потом, слыша словно бы клики и лязги битвы, я подумал, что ко мне вернулось давешнее видение. Но голова моя была ясна, и ночь вокруг, полная теней и звуков, оставалась земной ночью.

А звуки приближались и вот уже пронеслись в черном воздухе прямо над головой. То была стая диких гусей — свора небесных псов. Дикая охота бога Ллуда, владыки Потустороннего мира, которая носится по небу во время войн и бурь. Они снялись с озера и летели со стороны Тора, рассекая ночную тьму, описали дугу над Каэр-Камелом и устремились обратно, оставляя позади спящий остров, и дальше, дальше, покуда их трубные клики и гремящие крылья не смолкли за пределами ночи в той стороне, где находится гора Бадон.

А перед зарей по всей британской земле вспыхнули сигнальные костры. Предводитель саксов, чье имя еще оставалось неизвестно, едва успел ступить на окровавленную сушу, как из сумрака ночи быстрее, чем летят птицы в поднебесье, быстрее, чем бегут от горы к горе огненные сигналы, прискакал верховный король Артур со своими избранными рыцарями и разгромил их, уничтожил варварские силы, так что во все время, покуда жил он и его присные, не ведала более саксонской угрозы британская земля.

Так мой бог снова явился мне, слуге своему Мерлину. Назавтра я оставил Каэр-Камел и поехал искать укромное место, чтобы построить там себе дом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

Глава 1

К востоку от Каэр-Камела тянутся лесистые зеленые холмы, и кое-где на их вершинах, в зарослях папоротников и кустов, прячутся остатки жилищ и укреплений, сохранившиеся от прежних времен.

Одно такое место я давно приметил; теперь, блуждая по холмам и долинам, я забрел туда опять и нашел, что оно мне вполне подходит. В укромном углублении между двумя травянистыми склонами бил ключ, маленький ручеек бойко сбегал вниз на дно долины, где протекала речка. Когда-то в незапамятные времена здесь было поселение людей, еще и теперь, когда низкое солнце косо освещало землю, под ней угадывались сглаженные очертания стен. Поселение это давным-давно исчезло, но потом, в более трудные времена, здесь обосновались другие люди и построили себе башню, нижняя половина которой стояла и по сию пору. Сложена была башня из римского камня, взятого с холма Камел. Ровно стесанные каменные грани проглядывали из-под корней молодых деревьев и в гуще язвящих призраков, неизменно заступающих место ушедшего человека,— в зарослях крапивы. Но и крапива была здесь нелишняя: будучи высушена и подмешана к другим травам, она помогает от многих недугов, а я был намерен, устроив себе жилище, разбить сад и заняться выращиванием целебных трав, этим высшим из искусств мирного времени.

Ибо у нас наконец настало мирное время. Не успел я еще померить шагами основание моего будущего дома, как пришло известие о победе на горе Бадон. Из подробного письма Артура явствовало, что это было действительно решающее сражение, теперь верховный король мог диктовать свои условия, и прежде всего установить окончательно границы своего королевства. В обозримом будущем ожидать новых набегов и даже простого сопротивления со стороны врага не приходилось, писал Артур. Хоть я и не присутствовал на поле боя, но зная то, что знал, приготовился строить себе мирный дом, где я смогу жить в одиночестве, которого мне все это время так не хватало, и в то же время невдалеке от шумного города, где будет находиться Артур.

Пока еще не началось большое строительство в городе, можно было и мне воспользоваться услугами Артуровых каменщиков и плотников. Я созвал мастеров, они выслушали мои пожелания, покачали головами и бодро принялись за дело.

А задумал я небольшой, можно сказать деревенский, дом в распадке между двумя холмами, окнами на юг и на запад, так чтобы открывался вид на дальние взгорья. С севера и востока его ограждали склоны холмов, а небольшой пригорок прятал от редких путников, которые двигались вниз по дороге. Я восстановил башню и пристроил к ней одноэтажное здание с квадратным внутренним двориком на римский лад. В одном его углу, образованном жилым строением и кухней, возвышалась башня, напротив стояли мастерская, кладовые и амбары. С северной стороны двор загораживала каменная стена с черепичным навершием, у этой стены я намеревался посадить самые нежные мои растения. У меня давно было задумано то, что теперь, покачивая головами, осуществили каменщики: стену выложили внутри полую, туда по глиняным трубкам будет подниматься из подклети дома теплый воздух, так что даже зимой винограду и персикам можно не опасаться холода, да и по всему саду распространится тепло, не говоря уж о солнечных лучах, которые тоже будут нагревать северную стену. Это был первый известный мне опыт такого рода в строительстве, но позднее так строили в Камелоте и в другом дворце Артура — в Каэрлеоне. Маленький акведук отводил воду из ручья в бассейн посреди двора.

Строители, которым прискучило столько лет возводить одни военные сооружения, работали весело и споро. Зима в тот год

стояла мягкая. Я съездил в Брин-Мирддин, проследил за отправкой моих книг и наиболее ценных лечебных запасов, потом провел Рождество с Артуром в Камелоте. После Нового года в мой новый дом пришли столяры, и к весне все было готово, мастера освободились и могли приступить к большим строительным работам в городе.

У меня до сих пор не было своего слуги, и теперь я начал искать себе подходящего помощника — задача не из легких, мало кто приспособлен для моего затворнического, необычного образа жизни. Я ложусь и встаю не тогда, когда другие хозяева, ем и сплю мало и подолгу пребываю в молчании. Можно было бы, конечно, купить раба, который поневоле терпел бы все мои прихоти, но я никогда не любил купленной преданности. И снова, как прежде, на помощь пришла удача. У одного из местных каменщиков оказался дядя садовник; услышав рассказ про стену с подогревом, он неодобрительно покачал головой и пробурчал что-то про новомодную иноземную чушь, однако с тех пор всегда с живейшим интересом расспрашивал о ходе строительства. Имя его было Варрон. Он с радостью поступит ко мне в услужение, сообщил его племянник, да еще приведет с собой дочку, чтобы было кому убирать и стряпать.

На том и порешили. Варрон не медля приступил к расчистке земли и вскапыванию гряд, его дочь Мора принялась мыть и проветривать, и вот в один прекрасный погожий день ранней весной, когда под зазеленевшими кустами боярышника только-только проглянули светло-желтые первоцветы, а в ложбинках, окруженных золотистым дроком, жались под теплый бок маток новорожденные ягнята,— в такой славный денек я привязал под навесом своего коня, распаковал большую арфу и поселился у себя дома.

А вскоре меня навестил Артур. Я сидел на скамье между колоннами моей маленькой галереи и в ярком свете солнца сортировал семена, которые собрал прошлым летом и хранил в пергаментных пакетиках. Вдруг снаружи послышался конский топот и звон доспехов; однако ко мне король вошел один, без свиты. Варрон, выпучив глаза и кланяясь, попятился, прижав к груди лопату; я встал, а Артур приветственно вскинул руку.

— Совсем маленький,— были его первые слова, после того как он огляделся.

— Ничего. Ведь он только для меня.

— Только! — Король засмеялся и еще раз обернулся вокруг.— Мм-да... если кому нравятся собачьи конурки, а это, по-видимому, твой вкус, то надо признать, он очень мил. А там — твоя знаменитая стена? Я слышал о ней от каменщиков. Что ты возле нее посадишь?

Я ответил и провел его по всему саду. Артур, смысливший в садах не больше, чем я в битвах, но ко всему новому относившийся с неизменным интересом, смотрел, расспрашивал, трогал, надолго задержался у стены с обогревом, вникал в устройство маленького акведука, проводившего воду в бассейн посреди двора.

— «Вербена», «Ромашка», «Окопник», «Календула»,— читал он, перебирая пакетики с семенами на скамье.— Помню, Друзилла выращивала календулу. И заваривала ее для меня, когда у меня болели зубы.— Он еще раз огляделся вокруг.— А знаешь, тут уже чувствуется покой, точно в Галаве. Не знаю, как для тебя, а для меня очень хорошо, что ты не поселился в Камелоте. Я буду знать, что всегда смогу, устав, найти здесь тихое убежище.

— Надеюсь. Ну, вот пока и весь сад. Здесь я разобью цветник, а снаружи насажу фруктовые деревья. Там сохранилось несколько старых яблонь, они неплохо плодоносят. Не хочешь ли теперь войти и осмотреть дом?

— Душевно рад,— ответил он с неожиданной галантностью.

Я удивленно посмотрел на него: его любезный тон, оказывается, предназначался не мне, а Море, которая вышла на порог, чтобы вытрясти на ветру какое-то полотнище. Ветер обтянул платье вокруг ее ног и живописно разметал ее золотистые волосы. Она перестала трясти полотнище, подняла руку, чтобы отвести их от лица, но, увидев Артура, зарделась, хихикнула и бросилась обратно в дом. Из-за двери блеснул влажный глаз, но тут она заметила меня и пропала. Дверь затворилась. Девушка, конечно, даже не подозревала, кто этот заглядевшийся на нее молодой человек.

Он усмехнулся.

— Через месяц я женюсь,— сказал он мне.— Так что перестань меня сторожить. Я буду идеальным мужем.

— Не сомневаюсь. Разве я тебя сторожил? Это не мое дело, я только должен предупредить тебя, что садовник, которого ты видел, ее отец.

— И дюжий малый, сдается мне. Ну хорошо, постараюсь сдержать свой пыл до начала мая. Свидетель бог, я уже натерпелся бед из-за своей пылкости и еще небось натерплюсь.

— Как идеальный муж?

— Я о прошлом. Ты же сам предрек, что оно дотянется за мною в будущее.

Он говорил шутя, чувствовалось, что прошлое от него сейчас далеко. Едва ли воспоминания о Моргаузе мешали ему теперь спокойно спать. Он последовал за мною в дом и, пока я доставал вино и наполнял кубки, обследовал и здесь все углы.

В моем доме было только две комнаты. Большая двухсветная комната занимала две трети от длины дома и всю его ширину, окна выходили во внутренний двор и на холмы. Дверь из нее открывалась под своды маленькой галереи. Сегодня дверь впервые была распахнута по случаю теплой погоды, и солнечный квадрат лежал на терракотовых плитах пола. В дальнем конце комнаты был расположен очаг, над ним широкий дымоход. В Британии нельзя обойтись обогреваемыми полами, нужны еще и печи в доме. Очаг в этой комнате был выложен плитами серого сланца, а на стенах из тесаного камня висели дорогие ковры, привезенные мною с Востока. Стол и скамьи были дубовые, из одного ствола, а большое кресло, как и сундук под окном, содержащий все мои книги,— из вяза. Низкая дверь вела в просто убранную спальню, где стояли лишь кровать да шкаф для платья. За окном, побуждаемый, быть может, смутными воспоминаниями детства, я посадил одинокое грушевое дерево.

Все это я показал Артуру, а потом повел его в башню. Вход в нее был со двора, в углу галереи. В нижнем ярусе находилась рабочая комната, она же кладовая, где я сушил травы и готовил снадобья. Здесь стояли только большой стол, табуреты и шкафы, а в углу была сложенная из камня плита с духовкой и печью для обжига углей. Каменная лестница у стены вела на верхний ярус. Я предполагал оборудовать себе здесь кабинет для занятий. Пока же в голых стенах было пусто — только письменный стол, одно кресло и ящики с таблицами и астрономическими инструментами, которые я привез из Антиохии. В углу — жаровня на треноге. Я распорядился пробить в стене башни окно на юг, и оно было не забрано роговой пластиной и не занавешено: я не очень-то чувствителен к холоду.

Артур обошел круглую комнату, пригибался, повсюду заглядывал, приоткрывал ящики и шкафы, высунулся боком из узкого оконца — он наполнял тесное помещение своей неукротимой жизненной силой, так что даже мощные, римской кладки стены, казалось, не в силах были сдержать его напора.

Когда мы возвратились вниз, он поднял кубок с вином и обратился ко мне:

— За твое новое жилище. Как ты его назовешь?

— Яблоневый сад.

— Мне нравится. Подходящее название. Так за Яблоневый сад и за то, чтобы ты жил в нем долго-долго.

— Спасибо. И за моего первого гостя.

— Вот как? Значит, я у тебя первый? Пусть же их будет еще много, и пусть они все приходят с миром.— Он поставил на стол пустой кубок и опять огляделся.— Здесь уже царит покой. Да, мне понятен твой выбор... Но уверен ли ты, что сверх этого тебе ничего не надо? Ты знаешь, как знаю и я, что все мое королевство по праву принадлежит тебе, половину я отдам тебе сразу, только молви слово, клянусь!

— Да нет уж, пока не надо. У меня и так с этим королевством было слишком много хлопот, чтобы еще зариться на место монарха. Ты можешь побыть здесь немного? Не хочешь ли поесть? С Морой со страху случится припадок, ведь она, уж конечно, успела сбегать к отцу и узнать, что за молодой гость к нам заехал, но не сомневаюсь, у нее что-нибудь найдется.

— Нет, спасибо, я не голоден. У тебя что же, только эти двое слуг? А кто же тебе стряпает?

— Мора.

— И как, хорошо ли?

— Что? Ах да, неплохо.

— Как я понимаю, ты просто не заметил. Ну, знаешь ли! Позволь, я пришлю тебе повара. Мне неприятно думать, что ты тут живешь на крестьянской пище.

— Прошу тебя, не надо. Общество двоих в течение целого дня — это самое большее, что я способен выдержать. По счастью, они уходят на ночь к себе. И все получается как нельзя лучше, поверь.

— Что ж, ладно. Но позволь мне сделать для тебя что-нибудь, преподнести тебе какой-нибудь подарок.

— Когда у меня возникнет в чем-нибудь нужда, я непременно обращусь к тебе с просьбой, обещаю. А теперь расскажи, как продвигается строительство. Боюсь, я был тут слишком поглощен своей собачьей конурой и ничего не знаю. Успеют ли кончить работы к свадьбе?

Он покачал головой:

— Разве что к лету можно будет привезти туда королеву. А на свадебные торжества я поеду в Каэрлеон. Они назначены на май. Ты приедешь?

— Если я тебе там не буду нужен, я предпочел бы не ездить. Мне слишком много пришлось путешествовать в последние годы, и это начало сказываться на моих силах.

— Воля твоя. Нет, больше вина не надо, благодарю. Еще одну вещь я хотел у тебя спросить. Помнишь, когда зашла речь о моей женитьбе — о моей первой женитьбе,— ты как-то сомневался. Насколько я понял, у тебя тогда было предчувствие несчастья. Если так, оно оправдалось. Скажи мне, а теперь, на этот раз, ты не испытываешь сомнений?

Мне говорили, что, если я захочу, лицо мое становится непроницаемым. Я посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

— Ни малейших. А почему ты спрашиваешь? Ты что, сам сомневаешься?

— Нисколько.— Быстрая улыбка.— Пока, во всяком случае. Ведь мне сообщают, что она — само совершенство. Все рассказывают, что она хороша, словно майское утро, все наперебой твердят то, се, пятое и десятое. Это уж как заведено. Однако довольно будет, если у нее чистое дыхание и покладистый нрав... Ах да, и приятный голос. Мне, знаешь ли, нравятся благозвучные голоса. И коли так, мне не найти себе лучшей пары. Как валлиец, Мерлин, ты должен это подтвердить.

— Да, я подтверждаю. Я согласен со всем, о чем тогда толковал Гвил. Когда же ты отправляешься в Уэльс, чтобы привезти невесту в Каэрлеон?

— Я не смогу поехать сам. Мне через неделю надо отправляться на север. А за ней я посылаю Бедуира и с ним Герейнта и — чтобы оказать ей почести, раз я не смогу прибыть сам,— короля Мельваса из Летней страны.

Я кивнул, и разговор перешел на цели предстоящей ему поездки на север. Он ехал осматривать оборонительные сооружения на северо-востоке. Лотов родич Тидваль держал теперь Дунпелдир якобы от королевы Моргаузы и от Лотова первородного сына Гавейна, но на самом деле королева со своим семейством прочно обосновалась на Оркнеях и не собиралась их покидать.

— Что лично мне очень даже по душе,— равнодушно заключил Артур.— Однако из-за этого на северо-востоке возникли кое-какие затруднения.

Он объяснил мне, о чем идет речь. Все дело было в герцоге Агвизеле, владельце неприступного замка Бремениум, что расположен среди холмов Нортумбрии, где проходит, поднимаясь к Чевиотским горам, Дерийский тракт. Пока на севере правил Лот, Агвизель готов был действовать под его началом, «как шакал», по презрительному замечанию Артура, заодно с Тидвалем и Уриеном.

— Но теперь, когда на место Лота сел Тидваль,— разъяснял Артур,— Агвизель считает, что он и сам ничем не хуже. До меня дошли слухи — правда, у меня нет доказательств,— что, когда в последний раз англы высадились в устье реки Алауны, их там встретил Агвизель, и не с войной, а для переговоров с их главарем. Ну а куда он, туда и Уриен, два братца-шакала, строящие из себя львов. Они, может быть, думают, что я далеко и ничего не узнаю, но я их разуверю и явлюсь к ним в гости как снег на голову. Явлюсь якобы для того, чтобы осмотреть состояние Черного вала. Насколько я понимаю, Агвизеля необходимо под тем или иным предлогом лишить власти, но меры принимать надо осторожно, чтобы не возбудить противодействия со стороны Тидваля и Уриена. Покуда я еще не заручился союзом с западными саксами, допускать, чтобы отпали короли севера, никак нельзя. Если придется убирать Тидваля, это может привести к возвращению в Дунпелдир Моргаузы — мелочь, в общем-то, по сравнению с главным, однако день, когда она снова сядет в замке на большой земле, не будет для меня радостным днем.

— В таком случае лучше, чтобы он никогда не настал.

— Вот именно. И я постараюсь, чтобы так и было.— Он поднялся и осмотрелся в последний раз.— Приятно у тебя тут. Но боюсь, до отъезда я больше не успею с тобой повидаться, Мерлин.

— Пусть же пребудут с тобою боги, мой милый. В этой поездке и во время твоего бракосочетания. Ну а когда-нибудь, когда сможешь, приезжай ко мне опять.

Он вышел. Комната стала опять просторной, воздух в ней взволновался и снова наполнился покоем.

Глава 2

Покоем была исполнена вся та весна. Вскоре после отъезда Артура на север я побывал в Камелоте, посмотрел, как там продвигаются строительные работы, и, убедившись, что все идет хорошо, оставил их завершение на Дервена, а сам с радостью возвратился в свое новое убежище, словно к себе домой в Бринн-Мирддин. Остальное время до наступления лета я был занят своими делами, проводил посадки в саду, писал письма Блэзу и по мере зацветания трав собирал по окрестностям целебные растения.

Артура я до свадьбы больше не видел. Гонец принес мне однажды краткую, но благоприятную весть: Артур получил доказательства измены Агвизеля и напал на него в Бремениуме. Подробности не сообщались, но Артур завладел замком и казнил Агвизеля, однако так, что не возбудил против себя ни Тидваля, ни Уриена и никого из их родичей. Более того, Тидваль даже принимал участие вместе с Артуром в штурме Бремениума. Как Артуру удалось этого достигнуть, он не писал, но со смертью Агвизеля в мире стало чище, а поскольку наследников после Агвизеля не осталось, Артур мог посадить в замок, охраняющий Чевиотский перевал, человека по своему выбору. Он выбрал Бревина, на которого мог полностью положиться, и, довольный, возвратился в Каэрлеон.

В назначенное время прибыла в Каэрлеон леди Гвиневера в сопровождении королевского эскорта: Мельваса, Бедуира и отряда рыцарей Артура. Кей с ними не поехал, ему как королевскому сенешалю долг предписывал находиться в замке, где шли приготовления к пышному празднеству. Позднее мне рассказывали, что отец невесты предложил назначить свадьбу на начало мая, а Артур, мгновение поколебавшись, ответил «нет», притом с такой решительностью, что все просто подняли брови. Только и всего. Других разногласий не возникло. Все остальное прошло без сучка без задоринки. Ясным солнечным днем на исходе мая молодые сочетались браком, и Артур второй раз возвел новобрачную на королевское ложе, только теперь в их распоряжении было вдоволь дней и ночей. Потом, в первые недели лета, они приехали в Камелот, и тогда я смог увидеть своими глазами вторую Гвиневеру.

Королева Гвиневера из Северного Уэльса обладала не только добрым здоровьем и чистым дыханием; она была красавица. Чтобы описать ее, потребовалось бы позаимствовать у старых бардов все их древние обороты: волосы цвета спелой ржи, очи как летние небеса, кожа нежнее цветочного лепестка и гибкий стан. Ко всему этому надо еще прибавить живость нрава, щедро расточающего вокруг радость и веселье,— вот тогда можно представить себе ее особое очарование. Ибо она была очаровательна. На пиру по случаю ее прибытия в Камелот я весь вечер следил и видел, что не один король, но и другие не в силах отвести от нее глаз. Это будет королева, которая станет властвовать не только над Артуром, но и над всеми его рыцарями. Кроме, пожалуй, Бедуира. Он один не пожирал ее глазами, а сидел еще задумчивее, чем обычно, погруженный, наверно, в свои грезы; что же до Гвиневеры, то она едва ли раз взглянула в его сторону. И мне подумалось, что уж не произошло ли промеж ними что-нибудь неладное на пути из Северного Уэльса? Вон Мельвас ловит каждое слово, слетающее с ее уст, и взирает на нее с тем же обожанием, что и остальные рыцари, хоть и превосходит их годами.

То было, помнится, особенно погожее лето. Сияло жаркое солнце, время от времени проливались благодатные дожди и дули теплые ветры, так что в полях созрел урожай, какого не припомнят старожилы; коровы и овцы нагуляли гладкие бока, и настала наконец пора жатвы. И хотя по воскресеньям благовестили колокола христианских храмов, а у дорог, где прежде были насыпаны груды камней или белели статуи богов, теперь стояли кресты, все равно крестьяне, радостно занимаясь своими трудами, возносили хвалу молодому королю не только за мир, который он им подарил, но также и за самый урожай, столь богатый и щедрый. Для них молодой властитель был источником благ и побед, как недужный Утер в последние годы своего правления был причиной бед и недорода по всей стране. И еще простые люди повсюду — как и придворные в Камелоте — нетерпеливо ждали оповещения о том, что молодая королева затяжелела наследником престола. Но лето склонилось к концу, наступила осень, и, хотя была собрана богатая жатва, королева что ни день скакала на лошади со своими дамами по лесам и лугам, по-прежнему стройная и гибкая, и никакого оповещения сделано не было.

В Камелоте больше уже никого не тревожила память о прежней королеве, которая сразу понесла и погибла в муках. Здесь все начиналось наново, все сверкало, строилось, создавалось. Королевский дворец был уже готов, приступили к работе золотиль-

щики и камнерезы, трудились ткачихи и вышивальщицы, каждый день в новую столицу привозили дорогие товары: вазы, серебро, золото; на дорогах не было проезда от торгового люда. То был расцвет молодости и смеха, строительства и торжества; мрачные годы были забыты. А что до «белой тени» моих печальных предчувствий, то я начал склоняться к мысли, что это ранняя кончина той, первой, миловидной Гвиневеры упала тенью поперек света и до сих пор таится, как призрак, в глухих углах. Но мне Гвиневера нигде не являлась, а Артур если и вспоминал ее, то не обмолвился ни единым словом.

Так прошли четыре зимы; дворцовые башни блестели свежей позолотой, на границах сохранялось спокойствие, урожаи собирались щедрые, и люди привыкли к миру и процветанию. Артуру исполнилось двадцать пять лет. Он сделался молчаливее, чем прежде, чаще отлучался из дома и все дольше оставался в отлучке. Потом герцогиня Корнуэльская родила Кадору сына, и Артур отправился на юг, чтобы быть его восприемником, а королева Гвиневера осталась дома. Сначала все радостно зашептались, что, уж наверно, у королевы есть веская причина не пускаться в путешествие, однако король со свитой уехал и вернулся и снова уехал, морем, в Гвинедд, а королева в Камелоте все так же скакала на коне, смеялась, танцевала и устраивала приемы, изящная, как девушка, и по виду беззаботная, как птица.

Однажды ранней весной, в дождливый пасмурный день, когда уже начали сгущаться сумерки, к моим воротам подъехал всадник. Он принес известие о том, что король по-прежнему в отсутствии и назад его ждут не раньше чем через неделю. А королева Гвиневера исчезла.

Эту весть мне привез сенешаль Кей, названый Артуров брат, сын графа Эктора Галавского. Был он тремя годами старше Артура, высок и могуч — широкие плечи и во всю щеку румянец. Храбрый и умелый воин, он в отличие от Бедуира был неспособен вести за собой других, у него не хватало для этого душевной чуткости и воображения, и этот же изъян делал его бесстрашным в бою. Мечтатель и поэт, Бедуир страдал вдесятеро против него, он был тоньше и несравненно умнее.

Кей был тверд в исполнении своего долга и, поскольку королевский двор был оставлен на его попечение, явился ко мне собственной персоной, сопровождаемый одним-единственным

слугой. И притом рука у него была на перевязи, вид обессиленный и при всей его обычной невозмутимости страшно озабоченный. Он рассказал мне о том, что произошло, сидя у горящего очага, от которого в стропилах потолка бились отблески света. Я угостил его нагретым вином с пряностями и настоял на том, чтобы он освободил из перевязи и дал мне осмотреть поврежденную руку.

— Меня прислал к тебе Бедуир. Я ранен, вот он и отослал меня. Нет, к врачу я не обращался, не до того было, разве ты не понимаешь? Без моего догляду мало ли что могло случиться. Ты погоди, сейчас я все расскажу... Ее нет дома с рассвета. Ты заметил, какое было славное, погожее утро? Она выехала со своими дамами в сопровождении одних только слуг и двух-трех телохранителей. Ну, как обычно, ты знаешь.

— Знаю.

Действительно, королеву в этих поездках иногда сопровождал кто-нибудь из рыцарей, но нередко случалось, что у них оказывались более важные дела, чем ее ежедневные прогулки. У нее была своя охрана и слуги, а времена были мирные, в окрестностях Камелота ей не грозило никакой опасности от дикого бродячего люда — бича одиноких путников во времена моей молодости. Так что Гвиневера в то погожее утро поднялась чуть свет, села на свою мышастую кобылку и с двумя дамами в сопровождении четырех мужчин, из которых двое были вооружены, поскакала по лесам и лугам. Путь их лежал через сухой верещатник, за которым вставал стеной густой лес. Справа лежало топкое болото, по которому среди высоких камышей извивалась, пробираясь к морю, река, а к востоку простиралась холмистая равнина с разбросанными по ней купами деревьев и, постепенно возвышаясь, переходила в дальнее нагорье. Дичи набили много, низкорослые гончие приносили ее со всех сторон, слуги, по словам Кея, во все глаза смотрели, чтобы не потерять собак. Между тем королева спустила своего сокола, поскакала за ним, преследуя зайца, и углубилась в лес.

Кей крякнул, когда мои пальцы нащупали поврежденный мускул.

— Ну? Я же говорил, что это пустяк, верно? Просто растяжение? А долго оно будет заживать? Да ладно, я не в этой руке держу меч... Так вот, королева поскакала в лес, а дамы остались на опушке. Ее камеристка плохо ездит верхом, а вторая, леди

Мелисса, та уже немолода. Слуги свозили на седлах разбежавшихся гончих. Никому и в голову не приходило беспокоиться. Королева — отличная наездница, ты знаешь, она даже на белом скакуне Артура сумела прокатиться — и к тому же она не в первый раз вот так уносится на своей лошадке, дразнит спутников. Ну, они и в ус не дули, а двое телохранителей поехали вслед за ней.

Кей в двух словах досказал остальное. Королева действительно нередко уезжала одна вперед, и худа от этого не было, так что охрана не шпорила коней, а ехала за нею не спеша. Они слышали, как скачет по густому подлеску ее серая кобылка, как шелестят кусты и трещат сучья под копытами. Потом лес пошел погуще, всадники перешли на рысь, пригибаясь под ветвями вековых деревьев, еще качающимися после проезда королевы. Приходилось смотреть, куда едешь, обходить лесные завалы и ямы с водой — того и гляди, провалится конь вместе с всадником. Сердясь и посмеиваясь, пробирались они по опасному лесу, пока вдруг не спохватились, что больше не слышат скока королевиной кобылки. В спутанной чащобе не видно было следов проехавшей всадницы. Натянули удила, остановились. Слушают: в лесу тишина, лишь стрекочет где-то в отдалении сорока. Покричали — никакого ответа. Скорее раздосадованные, чем встревоженные, разъехались в разные стороны, один — на голос сороки, другой — глубже в чащу.

— Не буду донимать тебя подробностями,— заключил Кей.— Сам понимаешь. Съехались они снова, теперь уже в тревоге. Принялись снова кричать, их услышали слуги, стали искать вместе. Потом вдруг слышат: бежит серая кобыла. Скачет что есть духу и ржет на бегу. Они — в шпоры и за ней.

— Да? — Я уложил ему разбитую руку в перевязь, и он поблагодарил меня.

— Так-то лучше. Спасибо. Кобылу настигли оттуда милях в трех, она охромела, и за ней тянулись по земле оборванные поводья. Но королевы не было. Отослали они женщин с одним из слуг в замок, а сами продолжали поиски. Мы с Бедуиром вывели боевой отряд и до вечера прочесывали лес во всех направлениях, но тщетно.— Он вскинул здоровую руку.— Знаешь, что там за местность. Только кончается непроглядная чащоба, где и огнедышащему дракону не продраться, и тут же — трясина, всаднику на лошади с головкой. Да и в лесу канавы в человеческий

рост глубиной и широкие, на коне не перепрыгнешь. Там-то я и пострадал. Еловые лапы были свалены над ямой, совсем как волчья ловушка, я в нее и угодил. Хорошо еще, жив. Коню брюхо пропороло. Бедная скотина, чего от нее теперь ждать.

— А кобыла? — спросил я.— Не была перепачкана в болотной грязи?

— До глаз. Но это ни о чем не говорит. Она битый час носилась по трясинам и топям. Правда, чепрак был разорван. Похоже, что она падала. Только не верится, чтобы королева вылетела из седла, разве что нижним суком ее выбило. Но, поверь мне, мы перешарили в лесу каждый куст, каждую ложбинку. Лежит, должно быть, где-то без памяти... если не того хуже. И надо же было такому произойти, как раз когда король в отлучке!

— За ним, я надеюсь, послали?

— Бедуир отправил гонца перед тем, как мы выехали на поиски. Сейчас там полон лес народу. Оно конечно, уже темно, но если она придет в себя и позовет, кто-нибудь да услышит. Что еще можно бы предпринять? Бедуир отправил людей с бреднем, иные ямы очень глубоки, а в речке, что течет поблизости, сильное течение...— Он не договорил. Его простоватые голубые глаза взирали на меня с мольбой о чуде.— После того как я упал, Бедуир послал меня за тобой. Мерлин, поедем с нами и покажи нам, где искать королеву!

Я опустил глаза, посмотрел на свои руки, потом в очаг, где язычки пламени, догорая, лизали почерневшую головню. Со времен битвы на горе Бадон я не испытывал своей силы. А до этого еще дольше не отваживался к ней прибегать — ни в пламени, ни в снах, ни во внутренности светлого кристалла или дождевой капле не было мне видений. Нет, не буду я докучать богу. Если он заговорит со мною, то заговорит сам. Заговорит тогда, когда найдет уместным, я же поступлю по воле его.

— А может быть, ты прямо сейчас мне скажешь?

Умоляющий голос Кея дрогнул.

Было же время, подумал я, когда стоило мне вот так посмотреть в пламя, вот так протянуть руку...

Маленькие язычки зашипели и взметнулись чуть не в человеческий рост, головня раскалилась, и непереносимый жар тронул кожу. Разлетелись искры, жаля, как пчелы,— знакомая, животворящая боль. Свет и пламя и весь живущий мир — все поплы-

ло ввысь, сияние и мгла, огонь и дым и дрожащее видение, подхватившее с собою и меня.

Голос Кея вернул меня на землю. Кей стоял, отступя к стене от располыхавшегося очага. Сквозь багровые отсветы я увидел, как он бледен. По лицу его струился пот. С трудом, охрипшим голосом он произнес:

— Мерлин...

Он уже таял, тонул среди света и тьмы. Я услышал собственный голос:

— Ступай. Вели приготовить мою лошадь. И жди меня на дороге.

Как он вышел, я не слыхал. Я был уже далеко от этих освещенных пламенем очага стен, прохладная огненная река унесла меня и опустила, точно оторванный ветром лист, во тьму у врат Потустороннего мира.

Пещеры тянулись, переходя одна в другую, высокие своды терялись во мраке, на стенах дрожал странный подводный свет, оттеняя каждый край, каждый выступ. С каменных сводов свисали сталактиты, как бороды лишайников с древних стволов, им навстречу снизу поднимались соляные столпы. Слышался шум падающей воды, отдаваясь от каменных стен, и бегущие зайчики света, отражаясь, играли на камне.

Но вот вдали забрезжил луч; он падает из красивых открытых дверей с колоннами по обеим сторонам. Что-то — или кто-то — движется внутри. Я захотел увидеть поближе, подался вперед и без усилия перенесся туда, словно лист на ветру, словно призрак в бурной ночи.

За дверью — просторный зал, залитый светом, как на пиру. Того, кто двигался, здесь уже нет — лишь залитый светом королевский чертог, цветные плиты пола, золоченые колонны и полыхающие факелы на змеиных треножниках. Вдоль сверкающих стен увидел я златые кресла, меж ними — серебряные столы. На одном из них лежала раскрытая шахматная доска, по темным и светлым серебряным клеткам расставлены золоченые шахматы, словно игра была прервана на половине. А посреди чертога — трон из слоновой кости. Перед ним — другая шахматная доска, золотая, и на ней дюжина только что выточенных золотых фигур, одна, недоделанная, лежит на боку вместе с напильником и золотым стержнем, из которого ее вытачивали.

Я понял, что это не откровение о будущем, а сказочный чертог Ллуда — Нуаты, властителя Потустороннего мира. Сюда собираются все герои песен и сказаний. Здесь некогда покоился меч, здесь в свой срок объявится, быть может, видение копья и Грааля. Здесь Максен улицезрел свою возлюбленную, на которой в верхнем мире женился и породил с нею долгую династию правителей, последним отпрыском коей был Артур...

Как сон поутру, все растаяло. Но темная пещера осталась, посреди нее на троне восседал темный король и рядом с ним королева, полускрытая в тени. Где-то пел дрозд, и я видел, как королева оглянулась и вздохнула украдкой.

И я, глядя на все это, осознал, что я, Мерлин, на этот раз не пожелал увидеть правду. Уже зная ее, быть может, в глубине души, я возвел у себя перед глазами чертоги Ллуда, тронную залу Диса и его томящуюся в заточении Персефону. А за ними прячется правда, и я как слуга бога и Артура должен до нее добраться. Я стал смотреть снова.

Журчание струй, поющий дрозд. Затемненные покои, но без высоких сводов, не заставленные золотом и серебром; окно занавешено, горят светильники, за инкрустированным столиком сидят мужчина и женщина и играют в шахматы. Она словно бы выигрывает; он хмурится и напряженно горбится над доской, обдумывая следующий ход. Она смеется. Вот он поднял руку, потянулся за фигурой, но задержал ее в нерешительности и, снова опустив, еще ниже склонил голову. Женщина что-то сказала, мужчина оглянулся, потом встал, чтобы поправить фитиль в одной из ламп; и, пока он глядел в сторону, женщина протянула руку и переставила на доске одну из фигур, проворно и ловко, как воришка на базаре. А когда он обернулся, она уже снова сидела паинькой, сложив руки в подоле. Мужчина посмотрел, изумился, потом расхохотался во весь голос и сделал ход. Его слон съел ее королеву. Она от неожиданности изящно всплеснула руками и принялась было снова расставлять шахматы на доске. Но он вдруг нетерпеливо вскочил, взял ее за обе руки и притянул к себе. При этом шахматы посыпались на пол и черный король лег подле белой королевы, а белый лицом вниз откатился в сторону. Живой король посмотрел под ноги, снова засмеялся и шепнул что-то ей на ухо. Он обнял ее и привлек к себе, и подол ее платья разметал по полу шахматы, а его нога наступила

на белого короля — слоновая кость хрустнула, и фигурка распалась.

А с тем распалось и мое видение, растаяло в серых космах тьмы и расползлось по углам перед светом лампы в последних отблесках гаснущего очага.

Я тяжело поднялся на ноги. За порогом били копытами и бряцали сбруей кони, в саду пел дрозд. Я снял с крючка плащ, поплотнее в него завернулся и вышел. Кей в нетерпении топтался возле коней, кусая ногти. Он бросился мне навстречу.

— Ну, узнал?

— Кое-что. Она жива и невредима.

— А! Слава Христу за это. Где же она?

— Пока не знаю. Но буду знать. Минуту, Кей. Вы нашли сокола?

— Сокола?

— Да. Сокола королевы. Того, что она спустила и поскакала за ним следом в лес.

— Его никто не видел. А это могло бы помочь?

— Не знаю. Просто спросил. А теперь вези меня к Бедуиру.

Глава 3

По счастью, Кей больше не задавал вопросов, занятый тем, чтобы усидеть в седле, пока копыта наших лошадей скользили и спотыкались по горному склону. Света было достаточно, но лил проливной дождь, и было трудно пробираться среди луж и потоков по целине напрямик от Яблоневого сада к лесу, в котором пропала королева.

Под конец мы уже ехали на огонь факелов, мелькавших в отдалении, и на голоса, усиленные и искаженные ливнем и ветром. Бедуира мы застали выше колен в воде, бредущего по дну какой-то заводи, среди ольшаника и пней вековых дубов, некогда срубленных или сваленных бурей и с тех пор пустивших новые узловатые и спутанные побеги.

У одного из таких пней столпились люди. Несколько факелов полыхали, привязанные к сухим ветвям, и еще два человека с факелами спустились в воду, помогая Бедуиру волочить по дну бредень. На берегу, позади дубового пня уже высилась, истекая водой и блестя в свете огней, груда черных обломков, выловленных бреднем со дна заводи. Всякий раз, как бредень шел, тяжело наполненный, люди подавались вперед, страшась и ожидая увидеть в сети тело утонувшей королевы.

Как раз когда мы с Кеем подъехали, люди вытряхивали из бредня на берег очередной «улов». Наши кони, оскользаясь на размокшей земле, с готовностью встали над заводью. Но Бедуир даже не обратил на нас внимания. Я услышал, как он осипшим, измученным голосом распоряжался, откуда заводить бредень на этот раз. Люди на берегу окликнули его, он обернулся и, выхватив факел у соседа, бросился к нам, с силой расплескивая ногами воду.

— Кей? — От горя и усталости меня он так и не заметил.— Ты виделся с ним? Что он говорит? Погоди, сейчас я к тебе вылезу.— Он крикнул через плечо стоявшим в заводи: — Работайте дальше! — и приготовился вскарабкаться на берег.

— В этом нет нужды,— произнес я.— Останови работы, Бедуир. Королева жива.

Он стоял прямо против меня. И его обращенное ко мне поднятое лицо озарилось в ответ на мои слова таким восторгом и облегчением, как будто факелы вдруг все вспыхнули двойным светом.

— Мерлин? Ну, слава богам! Так ты отыскал ее?

Кто-то отвел в кусты наших лошадей. И теперь меня со всех сторон теснили искатели, задавая нетерпеливые вопросы. Бедуир, приняв чью-то протянутую руку, выскочил наверх; вода грязными ручьями стекала с него.

— Ему было видение,— деловито ответил за меня Кей.

Люди сразу притихли и смотрели на меня во все глаза, со страхом перешептываясь и замирая. И только Бедуир задал прямой вопрос:

— Где она?

— Этого я пока еще, увы, не могу тебе сказать.— Я осмотрелся кругом: слева извивался, уходя в темную чащу, черный поток; справа между стволами сквозило гаснущее вечернее небо и отсвечивало озеро с заболоченными берегами.— Почему вы обшариваете дно этой заводи? Ведь никто не видел, где королева упала с лошади?

— Это правда, никто не видел и не слышал. Должно быть, она вылетела из седла много раньше, чем мы напали на след ее кобылы. Но, по всему судя, случилось это именно здесь. Сейчас-то здесь все затоптано и ничего не видно, но поначалу име-

лись следы падения, лошадь, верно, шарахнулась и бросилась вот сюда под деревья. Эй, поднесите-ка факел! Взгляни, Мерлин, видишь? Нижние ветви обломаны, и вон — лоскут от ее плаща... Были и следы крови на одном из сучьев. Но ты говоришь, она невредима?

Он усталой рукой откинул волосы со лба. И оставил поперек лица черную полосу грязи, но не обратил на это внимания.

— Кровь, наверно, лошадиная,— сказал кто-то сзади.— У кобылы расцарапаны колени.

— Да, верно, так оно и есть,— согласился Бедуир.— Когда мы ее поймали, она хромала и недоуздок на ней был порван. Поэтому, видя здесь следы на берегу и обломанные ветви, я так себе представил, что кобыла испугалась, шарахнулась в сторону и сбросила королеву в воду. Тут прямо под берегом сразу глубоко. А королева, я думал, не выпускала поводья, хотела, чтобы кобыла ее вытащила из воды, но узда порвалась, и кобыла ускакала прочь. А может быть, поводья запутались в сучьях, и кобыла билась-билась, пока вырвалась. Но оказывается... Что же случилось?

— Пока не знаю. Сейчас главное — найти королеву, и как можно скорее. Для этого нам понадобится помощь короля Мельваса. Нет ли его здесь с вами? Или хотя бы кого-нибудь из его людей?

— Из его воинов никого. Но нам повстречалось несколько болотных жителей. Добрые люди, они показали нам дорогу через лес.— Он обернулся и позвал: — Из жителей Мера не остался кто-нибудь?

Оказалось, что некоторые еще остались. Робко, неохотно они выступили вперед, подталкиваемые сзади товарищами. Двое низкорослых, широкогрудых мужчин, заросших косматыми волосами, и с ними подросток-мальчик — сын, как можно было догадаться, младшего из этих двоих. Я обратился к старшему:

— Вы — из Мера, что в Летней стране?

Он кивнул, нервно теребя край своего промокшего балахона.

— Вы очень хорошо поступили, что помогли людям верховного короля. И внакладе не останетесь, вот вам мое слово. Вы ведь знаете, кто я?

Опять кивок, и снова пальцы затеребили одежду. Мальчик громко сглотнул.

— Тогда вам нечего страшиться. Но ответьте, если можете, на мои вопросы. Вам известно, где сейчас находится король Мельвас?

— В точности не известно, господин,— затрудненно, будто на чужом языке, ответил старик. Болотные жители — народ молчаливый; занимаясь своими промыслами, они и вправду изъясняются меж собой на особом наречии.— Но на острове, во дворце, его сейчас нет, это я знаю. Мы видали: он уехал на охоту, уж два дня тому. Обычай у него такой — соберется иной раз и уедет, бывает, в одиночку либо один-два лорда при нем.

— На охоту? В этих лесах?

— Да, господин. Он охотится на болотную птицу. На лодке с одним гребцом.

— И вы его видели? В какой стороне?

— Да в юго-западной.— Он указал рукой.— Где насыпь через болото. Там кое-где есть сухие места, на них дикие гуси траву щиплют. У него там и охотничий домик есть, туда подальше, только его сейчас и там нет. С зимы пустой стоит, ни слуг, ни сторожей. Да к тому же нынче на заре пришла весть, что молодой король плывет домой на двух дюжинах судов и должен пристать к острову со следующим приливом. Так уж наш-то король Мельвас должен быть на месте, чтобы оказать ему достойный прием?

Это для меня была новость, и для Бедуира, я видел, тоже. Поразительно, как эти обитатели дальних болот умудряются с такой быстротой передавать вести.

Бедуир посмотрел на меня:

— Когда хватились королевы, на Торе не горел сигнальный огонь. А позже ты его не видел, Мерлин?

— Нет. Огней не было нигде. И паруса еще в море не показались. Надо ехать, Бедуир. Поспешим к острову.

— Ты непременно хочешь говорить с Мельвасом прежде, чем возобновить поиски королевы?

— Да. Ты дай распоряжение своим солдатам. И позаботься о том, чтобы жители болот были вознаграждены за помощь.

Начались сборы, я под шумок тронул Бедуира за рукав и отозвал его в сторону.

— Я не могу сейчас говорить, Бедуир. Дело это чрезвычайной важности и очень опасное. На поиски королевы мы должны

отправиться с тобой вдвоем. Ты можешь так сделать, чтобы нам не пришлось никому ничего объяснять?

Он нахмурился, но ответил без промедления:

— Разумеется. Но как же Кей? Он может не согласиться.

— Кей ранен. К тому же, если Артур возвращается, Кей должен поспешить обратно в Камелот.

— Твоя правда. А остальные поедут на остров ждать с приливом короля. Скоро совсем стемнеет, и под покровом ночи мы легко сможем от них незаметно отстать.— После дня трудов и волнений голос его звучал сипло.— А ты объяснишь мне, что все это значит?

— Да, объясню по дороге. Но никто другой не должен этого слышать, даже Кей.

Еще через несколько минут мы тронулись в путь. Я ехал между Кеем и Бедуиром; конники скакали сзади. Они весело переговаривались между собой, уверовав, по моему слову, в благополучный исход. У меня и самого, хоть я знал лишь то, что мне открылось в видении, на сердце было легко и спокойно, я беззаботно скакал по неровной земле, поспевая за Бедуиром, и не чуял ни седла под собой, ни удил в руке. Давно уже не испытывал я такой легкости — будто несешься вперед по божьей воле, как летучая искра среди неподвижных звезд. Что ждет нас впереди в водянистых сумерках, мне было неведомо, одно только я знал: что это приключение с королевой — всего лишь малая часть предстоящих событий, тень, уже почти промелькнувшая в гонке великих сил.

Я смутно помню эту скачку. Вскоре Кей нас покинул, свернув к Камелоту. Потом мы нашли лодки, и в них Бедуир отослал половину своих людей напрямик через озеро. Остальных разделил пополам и одну половину отправил по берегу в объезд, другую же по насыпи через болото прямо на пристань. Дождь между тем перестал, со всех сторон с приближением ночи наползал колышущийся туман, а в вышине небо взблескивало звездами, как невод — серебряной рыбой. Запалили новые факелы, плоскодонные барки, нагруженные людьми и конями, отпихиваемые шестами, поплыли в тумане по мелководью в отраженных мутных потоках факельного света. Те, что двинулись по берегу, ехали, по плечи одетые в белесую пелену тумана. А вдали над их головами вверх по склону Тора поднимался огонь — кто-то бежал с факелом: в море показались паруса Артура.

В сумятице нам с Бедуиром легко удалось улизнуть. Наши кони свернули с торной дороги и тяжело поскакали по вязкому займищу, покуда наконец не выкарабкались снова на дорогу, уводящую на юго-запад.

Вскоре остров с его огнями и голосами канул у нас за спиной. Справа и слева снизу, клубясь, поднимался туман. Звезды в небе еще указывали путь, но тускло, как светочи вдоль дороги призраков. Наши кони шли размеренной рысью. Дорога вскоре раздалась, мы могли уже ехать бок о бок.

— Охотничий домик? — задыхаясь, спросил Бедуир.— Мы туда едем?

— Надеюсь. Ты знаешь, где он находится?

— Разыщем. Тебе затем и понадобилась помощь Мельваса? Но ведь он, когда узнает об исчезновении королевы, уж конечно, допустит наших людей обшарить из конца в конец всю его землю. А если сейчас его там нет...

— Будем надеяться, что нет.

— Ты говоришь загадками.— В первый раз за все время нашего знакомства я услышал в его голосе раздражение.— Ты же обещал объяснить мне. Сам говорил, что знаешь, где она, а теперь ищешь Мельваса. Как же так?

— Бедуир, неужели ты не понял? Я думаю, что Гвиневера находится в этом охотничьем домике. Мельвас ее туда увез.

Его ответное молчание прозвучало как громкий возглас. Потом он заговорил, но едва слышно:

— Мне незачем спрашивать, уверен ли ты, что это так. Ты всегда знаешь наверняка. Раз тебе было видение, значит, говорить не о чем. Но ответь мне, как же так? Почему?

— Почему, понятно само собой. А как, я еще не знаю. Боюсь, он готовился к этому исподволь и давно. Все знали, что она любит ездить кататься и часто заезжает в лес на краю болота. Если она, скажем, скакала одна впереди своих спутников и повстречала его, то, уж конечно, остановилась с ним поболтать. Этим можно объяснить, почему не слышно было криков, когда ее хватились.

— Да... И если он задержал ее за поводья и попытался вырвать из седла, а она хлестнула свою кобылу... этим можно объяснить разорванный недоуздок и следы на берегу той заводи. Но клянусь богами, Мерлин, ведь это похищение! Да еще если, как ты говоришь, он готовился заранее...

— Это пока только предположение,— сказал я.— Вполне возможно, что он уже примеривался несколько раз, пока не подвернулся такой удобный случай: королева без сопровождения и лодка рядом.

Я не рассказал том, что невольно припомнилось: ярко освещенная, празднично убранная комната; шахматная доска с фигурами; королева в изящной позе с улыбкой на устах. Не выразил я и промелькнувшей мысли: сколько уже времени прошло, как она туда попала?

Об этом же, как видно, подумал и Бедуир.

— Он что, безумен? Такой мелкий властитель, как Мельвас, и чтобы не устрашился Артурова гнева. Должно быть, он лишился рассудка.

— Бывает,— сдержанно сказал я,— когда замешана женщина.

Снова молчание. Наконец в темноте он натянул удила и сделал мне знак придержать коня.

— Не торопись. Где-то здесь будет поворот.

Наши кони перешли на рысь, затем на шаг. Мы ехали медленно и всматривались в темноту справа от дороги. Вот наконец она, тропа, уходящая прямо в болото.

— Сюда?

— Да. Но проезд тут плохой. Дальше, может быть, и вплавь придется.— Он оглянулся на меня.— Ты как, проедешь?

И на память мне пришло, как мальчиками Бедуир с Артуром в Диком лесу гоняли коней во весь опор, но всегда заботливо озирались на меня: я считался неумелым всадником.

— Как-нибудь справлюсь.

— Тогда спускайся сюда.

Его конь, оскользаясь, ступил в черную жижу между камышами, сделал шаг, другой и по брюхо погрузился в воду, продвигаясь вперед, будто лодка; я направил коня следом. Странная это была поездка: туман скрывал гладкое зеркало воды под нами и даже головы коней терялись в тумане. Я подивился, как Бедуир определяет направление, но потом и сам заметил впереди, за стеной темноты и тумана, среди смутно черневших древесных куп еле проглядывающий огонек: жилище. Огонек медленно, но верно приближался, а в голове у меня проносились лихорадочные мысли — об Артуре, Бедуире, Мельвасе, Гвиневере... И все время во мне, точно арфа перед тем, как польются, сплетаясь, звуки музыки, гудела и дрожала моя сила и влекла меня вперед — куда?

Кони выбрались из воды и стояли, фыркая, на сухом взгорке. Вода стекала с них струями. Впереди, в полусотне шагов, возвышалось темное строение. Но его отделяла от нас новая полоса воды. И моста не было.

— И лодки тоже нет? — Бедуир вполголоса выругался.— Остается вплавь.

— Бедуир, эту последнюю часть пути тебе придется проделать одному. Но только смотри...

— О да, клянусь богом!

Меч его шелковисто прошелестел, вырываясь из ножен.

Я протянул руку и схватил его коня за повод.

— ...смотри, делай так, как я тебе скажу.

Молчание. Потом прозвучал его мягкий, упрямый голос:

— Я его убью, понятное дело.

— Ни в коем случае! Ты должен уберечь от хулы имена короля и королевы. А это не твое дело, это дело Артура. Предоставь все ему.

Опять молчание, еще более долгое.

— Ну хорошо. Я буду слушаться тебя.

— Отлично.— Я отъехал за густой ольшаник. Его конь двинулся за моим, так как я не отпустил поводья.— Подожди минуту. Взгляни вон туда.

Я указал в ту сторону, откуда мы с ним приехали. Где-то там, в черной ночной дали за болотом, высоко, будто звезды на небе, засветились разноцветные огни. Это был замок Мельваса на острове. И так как владелец еще не возвращался с охоты, эти огни могли означать только одно: прибытие Артура.

Но тут отчетливо, как бывает, когда звук разносится по воде, послышался скрип открываемой двери и журчание воды под лодочным днищем: из-за дома, осторожно всплескивая веслами, невидимо для нас отплыла лодка и ушла за стену тумана. Что-то тихо произнес мужской голос.

Бедуир рванулся к берегу, его конь выгнул шею, сдерживаемый моей рукой.

— Мельвас,— сдавленно произнес Бедуир.— Он заметил огни. Проклятье, Мерлин, ведь он ее увозит...

— Нет. Тише. Слушай.

В доме по-прежнему горел свет. Послышался жалобный нежный зов, исполненный то ли страха, то ли печали оставляемой женщины. Но плеск лодки замер в отдалении. Дверь закрылась.

Я отпустил Бедуирова коня.

— А теперь ступай туда за королевой, и мы доставим ее домой.

Глава 4

Не успел еще я договорить, как он уже соскочил с седла, бросил поперек луки свой тяжелый плащ и поплыл, точно водяная крыса, к травянистому склону на том берегу. Доплыл, стал вылезать из воды. И вдруг я увидел, что он словно бы наткнулся на преграду, пробормотал проклятье, остановился.

— Что там?

Ответа не последовало.

Он уперся одним коленом в берег, подтянулся, держась за ивовые ветви, выпрямился. И, промедлив лишь мгновение, чтобы отряхнуть воду с плеч, решительно пошел вверх по травянистому откосу к двери дома. Но при этом он шел медленно и, как мне показалось, хромая. Прошуршал, освобождаясь из ножен, его меч.

Вот он забарабанил в дверь рукоятью меча. Стук отдался гулким эхом, словно бы в пустом доме. Ни движения, ни ответа. (Вот и спасай дам, попавших в беду, подумал я.)

Бедуир постучал еще раз.

— Мельвас! Отвори Бедуиру из Бенойка! Отвори, именем короля!

В ответ долго не раздавалось ни звука. Но чувствовалось, что кто-то в доме затаился и ждет с бьющимся сердцем. Наконец дверь отворилась.

Не распахнулась с силой вызова и отваги, а медленно приоткрылась, в щель просочился слабый свет свечи, и кто-то смутный выглянул наружу. Тонкий гибкий стан, волосы распущены по спине, длинное свободное платье, шелковисто отливающее белым.

Бедуир хрипло произнес:

— Госпожа! Миледи! Ты невредима?

— Принц Бедуир! — воскликнула она, но не громко и довольно сдержанно.— Благодарение Богу, что это ты. Когда ты поступ-

чался, я испугалась... Но потом ты назвался, и я поняла... Но как ты сюда попал? Как нашел меня?

— Меня привел Мерлин.

С того места, где я стоял с лошадьми, я отчетливо услышал, как она сдавленно охнула. Она резко повернула бледное лицо в мою сторону и разглядела меня на другом берегу.

— Мерлин?! — Но тут же голос ее снова зазвучал мелодично и ровно: — Тогда опять же благодарение богу за его искусство. Я думала, сюда никто никогда не заедет.

Этому я вполне могу поверить, подумал я. А вслух позвал:

— Собирайся скорее, госпожа! Мы приехали, чтобы отвезти тебя обратно к королю.

Она мне не ответила, но пошла в дом, однако же на пороге задержалась и что-то тихо сказала Бедуиру, что — я не расслышал. Он ответил, и она, распахнув дверь, жестом пригласила его за собой. Он последовал за нею, оставив дверь открытой. Внутри то разгорался, то мерк свет от пылающего очага. Кроме того, горела лампа, и сквозь дверь и окно я разглядел убранство куда более богатое, чем можно было ожидать в заброшенном охотничьем домике: табуреты с золочеными ножками, алые подушки и в глубине еще одна приоткрытая дверь, а за нею ложе с откинутым покрывалом и сбитыми простынями. Значит, Мельвас заранее приготовил для нее это гнездышко. Мое видение — свет очага, ужин на столе, партия в шахматы — все оказалось точно, все в руку. Подходящие слова, чтобы поведать об этом Артуру, теснились, кружились у меня в голове. Туман, будто хоровод белых призраков, белых теней, вился вокруг дома.

Из дверей вышел Бедуир. Меч его был упрятан в ножны. В одной руке он держал поднятый фонарь, а в другой — шест, каким жители здешних болот пользуются, плавая среди камышей на своих плоскодонных лодках. Осторожно ступая, он спустился к воде и позвал:

— Мерлин!

— Да? Ты хочешь, чтобы я переплыл к тебе с лошадьми?

— Ни в коем случае! Здесь под водой все утыкано острыми ножами. Я забыл про эту древнюю хитрость и напоролся коленом.

— То-то мне показалось, ты хромаешь. Серьезно повредил ногу?

— Пустяки. Распорол мякоть. Госпожа перевязала мне раны.

— Тем более тебе нельзя пускаться вплавь. Как же ты думаешь ее сюда переправить? Должно же быть какое-то место, где можно безопасно перевести лошадей на тот берег. Спроси у нее.

— Спрашивал. Она не знает. И нет ни одной лодки.

— Вот как? Неужели у Мельваса там не найдется ничего такого, что будет держаться на воде?

— Я как раз об этом подумал. Что-нибудь подходящее, чтобы спустить на воду. Чем дороже, тем лучше.

В его суровом голосе послышалась усмешка. Но ни ему, ни мне не было сейчас охоты пересмешничать — по воде, разделявшей нас, слишком хорошо отдавались голоса, и рядом находилась Гвиневера.

— Она одевается,— сказал он, словно в ответ на мои мысли.

— Принц Бедуир!

Дверь открылась, и королева вышла. Она переоделась в платье для верховой езды и заплела косу. Через руку у нее был перекинут плащ.

Бедуир, хромая, поднялся к ней, взял у нее плащ и накинул ей на плечи, а она завернулась в него поплотнее и натянула на голову капюшон, спрятав под него свои золотые волосы. Бедуир ей что-то сказал, вошел в дом и, сразу же появившись снова, вынес драгоценный инкрустированный стол.

То, что затем последовало, было, наверно, очень смешно, если бы нашлось кому посмеяться, но мы с королевой Гвиневерой, разделенные протокой, оба мрачно взирали на то, как Бедуир спустил на воду перевернутый стол, потом, осененный новой мыслью, принес и бросил на дно этого своеобразного плота несколько алых подушек и пригласил королеву садиться.

Она уселась, и они переплыли ко мне — не слишком-то величавое зрелище: королева сидела, скрючившись и крепко держась за одну из гнутых золоченых ножек, а принц Бенойкский отчаянно орудовал шестом, направляя свое судно к другому берегу.

Когда они приблизились, я поймал золоченую ножку стола и подержал, пока Бедуир выбирался на берег и, подав руку королеве, помог выйти ей. Она грациозно ступила на землю, благодарно вздохнула и принялась расправлять и разглаживать на себе перепачканный, мятый плащ. Как и платье для верховой езды, он весь промок и не успел высохнуть. Я заметил даже,

что он порван. Из складок плаща выскользнуло что-то беловатое и упало в грязную траву. Я наклонился и поднял костяную шахматную фигуру. Это был раздавленный белый король.

Она ничего не заметила. Бедуир столкнул в воду злополучный стол и взял у меня из рук поводья своего коня. Я передал ему и плащ и произнес, обращаясь к королеве так учтиво, что это прозвучало выспренне и холодно:

— Я весьма рад видеть тебя невредимой и благополучной, миледи. Мы целый день были вне себя от страха.

— Мне очень жаль,— ответила она тихо, пряча от меня лицо под капюшоном.— Моя кобыла споткнулась в лесу, я упала с разгона и жестоко расшиблась. Что было потом, я ничего не помню... Когда я пришла в себя, то оказалась в этом доме...

— И король Мельвас при тебе?

— Да. Он нашел меня в лесу лежащей без памяти и привез сюда. Я была в обмороке, я полагаю. И ничего не помню. За мной ухаживали слуги короля Мельваса.

— Король Мельвас поступил бы правильнее, если бы остался при тебе в лесу до прихода твоих собственных слуг. Они прочесали весь лес, разыскивая тебя.

Мелькнула белая ручка, еще глубже надвигая капюшон. Мне показалось, что она дрожала.

— Да, наверное, так. Но этот дом находился поблизости, только переплыть на лодке, а он опасался за меня, он сказал. И лодка была удобнее всего, на лошади я бы ехать не смогла.

Бедуир уже сидел в седле. Я взял королеву за локоть, чтобы подсадить к нему. И с удивлением обнаружил — по ее тихому, ровному голосу я бы этого никогда не подумал,— что она вся дрожит. Поэтому я не стал ее больше ни о чем расспрашивать, а только сказал:

— В таком случае мы поедем не спеша. Король вернулся, ты знаешь об этом?

Дрожь била ее как в лихорадке. Она ничего не ответила. Легкую и тоненькую, будто девочка, я поднял ее и посадил перед Бедуиром на седло.

И мы поехали небыстрым шагом. Когда мы приблизились к острову, стало видно, что пристань вся в огнях и по берегу носятся конники.

Мы увидели группу всадников с факелами, они отделились от остальных и во весь опор мчались по насыпи. Впереди, показы-

вая путь, ехал черный всадник на черном коне. Потом они заметили нас. Раздались возгласы. Вскоре они поравнялись с нами. Первым теперь ехал Артур, его белый скакун был весь по холку в черной грязи. А рядом на черном коне, громко выражая радость и тревогу о королеве, ехал король Мельвас, властитель Летней страны.

Я в одиночестве ехал домой. Разоблачение Мельваса перед Артуром не принесло бы сейчас никакой пользы, но наделало бы много вреда. Пока, благодаря находчивости короля Мельваса, вовремя ускользнувшего из охотничьего домика и поспевшего в гавань для встречи кораблей верховного короля, удалось избегнуть скандала; Артур — какие бы чувства он ни испытал, узнав или угадав правду,— не поставлен перед необходимостью идти на немедленный и принародный разрыв с союзником. И тем пока лучше будет ограничиться. Мельвас отвезет их к себе во дворец, щедро угостит винами и яствами и, наверно, оставит ночевать, а уж к утру Гвиневера что-нибудь да нарасскажет мужу. Что именно она придумает — не мое дело гадать. В ее приключении есть обстоятельства, которые ей нелегко будет объяснить: богато убранная комната, ожидавшая ее в охотничьем домике; свободные одежды, в которых она нас встретила; смятая постель; ложь, рассказанная ею Бедуиру и мне. И самое главное, раздавленный шахматный король — свидетельство истинности моего видения. Но со всем этим надо будет подождать до тех хотя бы пор, когда мы покинем владения Мельваса, где мы со всех сторон окружены его вооруженными людьми. Бедуир, со своей стороны, тоже не сказал ни слова, и можно было надеяться, что из любви к Артуру он свои сомнения будет и впредь держать при себе.

А я? Артур был верховный король, я — его главный советник. Открывать ему правду — мой долг. Но сегодня меня просто не будет при нем, я уехал, чтобы не выслушивать его вопросов, уклоняясь от ответов либо же отговариваясь ложью. Позднее, твердил я себе, пока мой конь устало трусил по-над берегом озера, позднее, может быть, мне откроется, как поступить.

Я ехал домой кружной дорогой, чтобы не прибегать к услугам перевозчика. Даже если бы он и готов был переправить меня в такой поздний час, я был не готов к его расспросам и пересудам солдат, быть может, именно теперь возвращавшихся

из лесу мне навстречу. Я искал тишины, и покоя ночи, и колышущейся завесы тумана.

Лошадь, чуя дом и ужин, навострила уши и пошла живее. Скоро мы оставили позади шум и огни острова, и гора Тор темнела в небе смутной глыбой с россыпью звезд над вершиной. Выступали из темноты деревья, на них висели клочья тумана, а у корней на мелководье глухо плескалась озерная волна. Пахло водой и камышами и взбученной грязью, ровно ударяли по мягкой земле конские копыта, колыхалась вода, а из дальней дали, еле уловимое, но острое, как вкус соли на языке, приходило дыхание моря, и здесь, у его крайних пределов, лениво начинался отлив. Где-то хрипло загоготала, взбивая крыльями воду, невидимая птица. Мой конь встряхнул влажной гривой и потрусил дальше.

Тишина, недвижный воздух, покой одиночества. Словно тонкое покрывало, неощутимое, как туман, повисло между треволнениями дня и безмятежностью ночи. Разжалась десница божья. Ни единого образа на полотне тьмы. И нет охоты думать о завтрашнем дне и о завтрашних заботах. С помощью вещего сна я сумел предотвратить непоправимое, но что в делах государственных сулил внезапный возврат моей божественной силы — об этом я, усталый, измученный, даже не пытался гадать. Я дернул поводья, причмокнул, лошадь пошла резвее. Над зубцами леса взошла луна и оглядела всю серебристо-черную ночь. Еще полмили, и мы свернем в сторону от озера на проселок, ведущий ко мне домой.

Лошадь встала так внезапно, что я чуть не перелетел через ее голову. Не тащись она еле-еле от усталости, она бы непременно шарахнулась в сторону и я очутился бы на земле. Но так она только уперлась обеими передними ногами перед собой в землю и хорошенько встряхнула меня в седле.

Наша тропа забирала вверх по склону над берегом озера. Вода осталась внизу, скрытая от глаз слоями тумана, которые неспешно перемешивались и вздымались, точно мыльная пена в корыте, или текли вслед за отливом густым медлительным потоком.

Я услышал легкий всплеск и увидел то, что испугало мою лошадь: недалеко от берега в тумане пробиралась лодка, в ней, раскачиваясь, будто птица на ветке, стоял человек и отпихивался шестом — кто-то смутный, как тень, юный и тонкий, завернутый в длинный плащ, и край плаща, свешиваясь за борт, по-

лоскался в воде. Вот юный лодочник нагнулся, подобрал плащ и, снова выпрямившись, стал выжимать воду из толстой ткани. Полосы тумана завихрились, разорвались на миг в бледном отсвете звезд. И я увидел лицо. Потрясение ударило меня в сердце, как стрела в мишень.

— Ниниан?

Он вздрогнул, обернулся, ловким приемом остановил лодку. Черные провалы глаз в пол-лица посмотрели удивленно.

— Ау! Кто это?

— Мерлин. Принц Мерлин. Разве ты не помнишь меня? — Тут я спохватился. Кажется, от волнения у меня помутился рассудок. Я совсем забыл, что, встретившись на пути в Дунпелдир с мастером-ювелиром и его слугой, не открыл им, кто я такой на самом деле. Я поспешил прибавить: — Ты знал меня как мастера Эмриса. Меня и правда так зовут: Мирддин Эмрис из Дифеда. Но тогда у меня были причины не называть своего настоящего имени. Вспомнил теперь?

Лодка покачнулась. Туман светился и скрыл ее из виду, и я ощутил минутный приступ слепого страха. Опять я его утратил! Но тут же я увидел его снова, он по-прежнему стоял в лодке, склонив голову набок. Помолчав, подумав, по своей всегдашней привычке, он проговорил:

— Мерлин? Волшебник? Вот ты кто?

— Да. Мне очень жаль, если я тебя испугал. Но я так удивился, когда увидел тебя. Я же думал, что ты утонул тогда в Корбридже, когда пошел с мальчишками купаться. А что случилось на самом деле?

Мне показалось, что он на минуту замялся.

— Я хорошо плаваю, милорд.

Тут была какая-то тайна. Но она не имела значения. Ничто не имело значения. Важно, что я нашел его. Вот к чему вела вся эта долгая ночь. Вот ради чего, а не ради предотвращения «неосмотрительности» королевы вернулась ко мне моя вещая сила. Здесь лежало будущее. Звезды сияли и лучились, как сияли и лучились они когда-то на рукояти заповедного меча.

Я наклонился к шее моего коня и, волнуясь, сказал:

— Ниниан, послушай. Если ты не желаешь отвечать на вопросы, я не буду тебе их задавать. Допустим, ты бежал из рабства, ну и что же? Для меня это совершенно безразлично. И не бойся, я сумею тебя защитить. Я хочу, чтобы ты пришел ко мне. Когда я впервые тебя увидел, я сразу понял, кто ты: ты подобен мне,

и, клянусь магическим даром, ниспосланным мне богами, ты сумеешь достигнуть тех же высот в моем искусстве, что и я. Ты ведь и сам об этом догадался, не правда ли? Приди же ко мне, чтобы я мог обучить тебя. Это будет нелегко, ты еще очень молод, но я был еще моложе, когда пришел за наукой к моему учителю. Ты сможешь научиться всему, я знаю. Верь мне. Согласись поступить ко мне в услужение, чтобы перенять у меня все, чему я могу тебя научить. Ты согласен?

На этот раз заминки не было совсем. Словно вопрос был задан и ответ на него получен уже давным-давно. Впрочем, оно в каком-то смысле так и было. Некоторые вещи в жизни помечены знаком неизбежности, они были записаны звездами по небу в день окончания Великого потопа.

— Да,— ответил он.— Я согласен. Дай мне только немного времени. Мне кое-что надо будет... устроить.

Я выпрямился в седле. От бурного дыхания у меня болели ребра.

— Ты знаешь, где я живу?

— Кто не знает.

— Приходи, как только сможешь. Буду рад тебя принять.— И я тихо повторил скорее для себя, чем для него: — Да, видит бог, я буду рад!

Ответа не последовало. Когда я снова поднял глаза, передо мной не было ничего, только белый туман, пронизанный печальным, бледным светом звезд, да из-под тумана — шуршание озерной волны по прибрежному галечнику.

И только доехав до дому, понял я простую истину.

С того времени, как я познакомился с мальчиком Нинианом и потянулся к нему всей душой, угадав в нем единственного на свете человека, способного последовать за мною моей дорогой, прошли годы. Сколько? Девять? Десять? Тогда ему было, наверно, лет шестнадцать. Между шестнадцатилетним отроком и двадцатишестилетним мужчиной пролегает целый мир перемен, мир взросления; мальчик, которого я с такой радостью признал сегодня ночью по лицу, не может быть тем самым мальчиком, даже если он тогда, много лет назад, и не утонул, а выбрался из реки живой.

Ночью, лежа без сна и следя, как, бывало, в детстве, за медленным кружением звезд в ветвях грушевого дерева, я еще раз

перебрал в памяти все обстоятельства нашей встречи. Этот туман, призрачный туман над озером; столбом восходящий звездный свет; голоса, гулко отдающиеся от сокрытого зеркала вод; незабвенное лицо, столько раз являвшееся мне за минувшие десять лет,— все это вместе сошлось, оживило угасшую было надежду. И обмануло меня.

И понял я, обливаясь слезами, что Ниниана и впрямь нет в живых, а наша встреча в призрачной мгле была лишь насмешкой над моими усталыми чувствами, лишь безжалостной, сбивчивой грезой.

Глава 5

Как и следовало ожидать, он не появился. А появился гонец от Артура с приглашением в Камелот.

Прошло уже четыре дня. Я думал, что буду призван еще раньше, но вестей не поступало, и я понимал, что Артур пока не решил, какую тактику выбрать, но склонен замолчать все происшествие и не выносить его на обсуждение даже королевского совета.

Обычно курьеры сновали между мною и им раза по четыре в неделю, да и все прочие гонцы, чей путь лежал мимо моего дома, давно завели обычай заворачивать ко мне в Яблоневый сад — прихватить, если есть, готовые письма или пересказать мне последние новости. Так что я был осведомлен обо всем.

Так, я услышал, ушам своим не веря, что Гвиневера все еще находится на Инис-Витрине в качестве гостьи старой королевы и к ней туда прибыли ее придворные дамы. И Бедуир до сих пор не покинул дворца Мельваса: ножи были ржавые и часть его ран загноилась; к тому же, вымокнув на холоде, он простудился и теперь лежал в лихорадке. При нем тоже был кое-кто из его людей. И сама королева Гвиневера, сообщали мне, навещала его ежедневно и помогала ухаживать за ним.

И еще я узнал, что сокола королевы нашли мертвым близ той заводи, где Бедуир искал ее неводом на дне,— птица, зацепившись, свисала с вершины дерева на своих кожаных путах.

Но вот на пятый день пришло приглашение от Артура — мне предлагалось явиться к верховному королю для осмотра зала советов, построенного за то время, пока король находился в Гвинедде. Я оседлал коня и без промедления отправился в Камелот.

Артур ждал меня на западной террасе дворца. Широкие дворцовые террасы были вымощены каменными плитами, на них чернели клумбы с розами, маргаритками и другими летними цветами. Но сейчас, прохладным весенним вечером, успели распуститься только желтые нарциссы да белые свечки первоцветов. Артур стоял у балюстрады и глядел вдаль, туда, где серебрилась у горизонта полоса открытого моря. Он не обернулся мне навстречу, но подождал, пока я подойду и стану рядом, а тогда, оглядевшись и убедившись, что сопровождавший меня слуга ушел, без обиняков проговорил:

— Ты, конечно, догадался, что зал совета тут ни при чем. Он — только для писцов. Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Про Мельваса?

— Само собой разумеется.— Он повернулся спиной к балюстраде и оперся о нее локтями. Брови его были нахмурены.— Ты был рядом с Бедуиром, когда он отыскал королеву и привез ее на Инис-Витрин. Я вас тогда видел вместе, а потом повернулся — тебя уже нет. Но мало того, мне даже сообщили, что это ты подсказал Бедуиру, где он найдет королеву. Если тебе было известно что-то, чего не знаю я, почему же ты не остался поговорить со мной?

— Я не мог сказать тебе ничего такого, что не повлекло бы за собой лишних для тебя осложнений. Нужно было выждать. Королеве надо было отдохнуть; тебе надо было с ней объясниться; надо было дать людям успокоиться, а не сеять новые страхи. Ты, как я понимаю, так и поступил. Мне сказали, что королева и Бедуир до сих пор находятся на Инис-Витрине.

— Да. Бедуир расхворался. Простыл и к утру залихорадил.

— Мне говорили. Я виню себя. Надо было мне промыть и перевязать его раны. Ты говорил с ним?

— Нет. Он еще слишком плох.

— А королева?

— Королева в добром здравии.

— Но ехать домой еще не может?

— Не может,— коротко подтвердил он.

И снова отвернулся, глядя в мерцающую даль моря.

— Но Мельвас-то предложил какие-то объяснения? — не выдержал я.

Я опасался, что он взорвется. Но он только повернул ко мне усталое лицо, серое в сером вечернем свете.

— Да, конечно. С Мельвасом я говорил. Он рассказал, как все произошло. Он в одиночку охотился с лодки на уток среди болот, с ним был только его слуга Берин. Поднимаясь по течению речки, они очутились на краю леса. Тут он услышал в лесу шум, треск сучьев, а потом увидел, как из лесу выехала кобыла королевы, споткнулась, заскользила в грязи на берегу и выбросила королеву из седла прямо в воду. А людей кругом никого. Тогда они подплыли на лодке и вытащили королеву из воды. Она была без памяти, похоже, ударилась при падении головой. Потом, правда, они услышали голоса королевских слуг, но те двигались совсем в другую сторону.— Артур помолчал.— Бесспорно, тут Мельвасу следовало послать за ними своего человека, но он был пеш, а они верхами, к тому же королева вся вымокла и лежала в бесчувствии на холоде и нельзя было доставить ее под кров иначе как на лодке. Поэтому Мельвас велел слуге грести к своему охотничьему домику. У него там были еда и вино. Он как раз сам собирался там ночевать, так что в дом завезли все необходимое.

— Очень кстати.

Я постарался, чтобы это прозвучало не слишком едко, но он сверкнул на меня взглядом, разящим, как кинжал.

— Твоя правда. Постепенно королева начала приходить в себя. Слугу он послал в лодке на Инис-Витрин за помощью — нужны были женщины для ухода за королевой, а также лошади, или паланкин, или большая удобная барка. Но слуга, не отъехав далеко, вернулся и сообщил, что показались мои паруса и с приливом меня ждут в гавани. И Мельвас счел своим долгом немедля отправиться на остров самому, дабы встретить меня на пристани и уведомить о благополучии королевы.

— А ее, стало быть, оставить,— безразличным тоном заметил я.

— Ее оставить. У него там был только легкий челнок из звериных шкур, тот, в котором они охотились. Королеву в нем везти было нельзя, тем более в таком состоянии. Ты же ее и сам видел. Когда Бедуир привез ее ко мне, она слова не могла вымолвить, лишь плакала и дрожала. Я велел женщинам немедленно уложить ее в постель.

Он оттолкнулся от балюстрады и бесшумными шагами прошелся взад-вперед по террасе. По пути он обломал веточку розмарина и, шагая, растирал ее в ладонях. До меня долетел терпкий запах.

Я молчал. Артур перестал ходить и, расставив ноги, поглядывал на меня. Он по-прежнему теребил веточку розмарина.

— Вот такая история.

— Понятно,— кивнул я.— Ты провел ночь под крышей у Мельваса как его гость. А Бедуир и по сию пору находится там, и королева — тоже... надолго ли?

— Я пошлю за ней завтра.

— А сегодня ты послал за мной. Почему? Мне кажется, все улажено и решение ты уже принял.

— Ты не можешь не понимать, почему я за тобой послал! — произнес он резко, нарушив спокойствие нашей беседы.— Что ты такое знаешь, что «повлекло бы лишние осложнения», вздумай ты сказать мне это тогда же? Если тебе есть что мне сказать, Мерлин, говори!

— Хорошо. Но сначала ответь мне: ты совсем не разговаривал с королевой?

Он вздернул брови.

— А как ты думаешь? Муж чуть не месяц прожил в разлуке с женой. Да еще застал ее в таком расстройстве.

— Да, но если она больна и за ней ходят женщины...

— Она не больна. Она измучена, расстроена и очень сильно испугана.

Я вспомнил тихий, ровный голос Гвиневеры, ее спокойный вид — и дрожь, бившую ее с головы до ног.

— Она боялась не меня,— предвосхитил он замечание, которого я не сделал.— Она боялась Мельваса. И боится тебя. Ты удивлен? Но тебя многие боятся. А вот меня она не боится. С чего бы? Я ее люблю. Она просто опасалась, что злые языки отравят мой слух лживыми наговорами... И пока я к ней не пришел и не выслушал ее, она не находила покоя.

— Она боялась Мельваса? Но почему же? Разве она рассказывает не то же самое, что и он?

На этот раз он не стал ходить вокруг да около. Резким движением он вышвырнул за балюстраду истерзанную веточку розмарина.

— Мерлин.— Он говорил спокойно, но с упрямой бесповоротностью в голосе.— Мерлин, тебе нет нужды убеждать меня, что Мельвас лжет, что это было похищение. Если бы Гвиневера настолько сильно расшиблась, падая с лошади, что целый день пролежала в обмороке, то она не могла бы приехать во дворец на седле у Бедуира и не была бы вполне здорова, когда я пришел к ней на ложе. Нет, она не пострадала нисколько. Только испугалась.

— Она сама тебе сказала, что рассказ Мельваса лжив?

— Да.

Но если Гвиневера дала Артуру другое объяснение, оставалась одна неясность.

Я медленно проговорил:

— А нам с Бедуиром королева рассказала то же, что тебе Мельвас. Теперь же, по твоим словам, она говорит, что Мельвас ее похитил?

— Да.— Брови у него сошлись к переносице,— А ты не веришь ни тому ни другому рассказу. Правильно я тебя понял? Ты полагаешь... Послушай, Мерлин, что именно полагаешь ты?

— Но я даже еще не знаю, что говорит королева. Расскажи мне.

Он весь кипел от гнева, мне показалось, что сейчас он меня оставит и удалится. Но он только походил немного по террасе и снова приблизился к тому месту, где стоял я. У него было такое лицо, будто он вышел на рыцарский поединок.

— Ну хорошо. В конце концов, ты мой советник, а мне, по-видимому, сейчас нужен совет.— Он перевел дух и ровным, спокойным голосом стал рассказывать: — По ее словам, она вовсе не падала с лошади. Она увидела, что ее сокол, снижаясь, запутался ремешками в ветвях, и спешилась. И вдруг заметила у берега Мельваса в лодке. Она обратилась к нему за помощью. Он поднялся к ней, но на сокола даже не посмотрел. А сразу начал говорить ей о своей любви, что будто бы он полюбил ее еще тогда, когда сопровождал ее из Уэльса. Она попыталась прервать его, но он не слушал, тогда она хотела снова сесть на лошадь, но тут он схватил ее, она стала отбиваться, и ее кобыла с перепугу оборвала недоуздок и ускакала. Королева попробовала было звать своих людей на помощь, но он зажал ей рот рукой и затащил в лодку. А слуга оттолкнулся от берега и стал грести. Слуга, она говорит, был очень испуган, даже пытался что-то сказать, но подчинился воле Мельваса. Так они приплыли в охотничий домик. Там все было приготовлено к прибытию королевы — или какой-то другой женщины. Ты сам видел. Это правда?

Я вспомнил растопленный очаг, роскошное ложе, богатое убранство и королеву в просторной ночной одежде.

— Да, я видел краем глаза. Все было приготовлено.

— Он давно уже к ней вожделел... И только ждал случая. Он все время следил за ней, ведь было известно, что она часто обгоняет свою свиту и ездит одна.

Лицо Артура было все в бисеринках пота. Он запястьем отер себе лоб.

— Овладел ли он ею, Артур?

— Нет. Он продержал ее в том доме целый день, умолял ее, она говорит, о любви... Начал со сладких речей и посулов, но, видя, что все бесполезно, впал, по ее словам, чуть не в бешенство, понимая, какая ему грозит опасность. После того как он отослал слугу, он уж было совсем решился овладеть ею насильно, но тут слуга вернулся и сообщил своему господину, что в море показались мои паруса. И Мельвас, перепуганный насмерть, ее оставил и поспешил навстречу мне со своими лживыми россказнями. А ей он пригрозил, если она откроет мне правду, тогда он скажет мне, что будто бы успел овладеть ею, и я убью и его, и ее. Он велел ей рассказывать то же самое, что будет говорить и он. Вот она тебе это и повторила, ведь так?

— Да.

— И ты догадался, что она говорит неправду?

— Да.

— Теперь понятно.

Он по-прежнему воинственно, с вызовом смотрел мне в глаза. И я почувствовал, вернее, удостоверился, что настали такие времена, когда даже я не способен ничего утаить под его пристальным взглядом.

— Ты опасался, что она могла солгать и мне. Вот что ты имел в виду, говоря о «лишних осложнениях», не так ли?

— Отчасти так.

— Неужели же ты полагал, что она способна солгать мне? Мне?

Он произнес это так, будто речь шла о чем-то невероятном.

— Если она боялась, можно ли ее винить за обман? Да-да, я знаю, ты говоришь, что тебя ей нечего бояться. Но она всего

лишь женщина, и она могла страшиться твоего гнева. Любая женщина готова на обман перед страхом смерти. Ведь твое право было убить ее, как и его.

— Это и сейчас мое право.

— Ну вот видишь... Откуда же ей было знать, что ты согласишься ее выслушать? Что ты окажешься прежде всего королем и государственным мужем, а уж потом позволишь себе явиться мстительным супругом? Даже я и то не нахожу слов от изумления, а ведь я полагал, что знаю тебя.

На лице его промелькнула хмурая усмешка:

— Бедуир и королева — мои заложники на острове, так что руки у меня, можно сказать, связаны... Я его убью, конечно. Ты ведь в этом не сомневаешься? Но только не теперь, а со временем, когда происшествие с королевой забудется и у меня найдется иной предлог, дабы мне не бросить тень на честь королевы.

Он положил ладони вытянутых рук на парапет и стоял, глядя в темнеющие дали, где за краем земли начиналось море. Сверху на западе в разрыв между тучами упал луч меркнущего дневного света, и отдаленная водная гладь зарябила под ним ослепительным блеском.

Артур произнес медленно, обращаясь к неоглядным далям:

— Я обдумал, как представлю происшедшее людям. Я избрал среднее между ложью Мельваса и тем, что рассказала королева. В конце концов, она уже провела там с ним целый день, с утра до сумерек... Поэтому будет объяснено, что она действительно упала с лошади, как рассказывает Мельвас, и он привез ее, обморочную, в свой охотничий домик, где она и пролежала до вечера, потрясенная и беспамятная. Вы с Бедуиром должны будете это подтвердить. Не то, если узнают, что она вовсе не расшиблась и не пострадала, найдутся такие, кто будет укорять ее за то, что не сделала попытки убежать. Хотя слуга не спускал глаз с единственной лодки, а плавать она не умеет, да там еще ножи... Она, правда, могла пригрозить им обоим моим гневом, но это привело бы только к ее гибели. Он бы воспользовался ее беззащитностью и, утолив свою страсть, убил бы ее. Ты же знаешь, люди королевы уже примирились с тем, что ее нет в живых. Все, кроме тебя. И этим ты спас ей жизнь.

Я промолчал.

— Да, да,— продолжал он.— Кроме тебя. Ты сказал им, что она жива, и привел к ней Бедуира. А теперь объясни, как ты об этом узнал? Тебе было видение?

Я потупил голову.

— Когда Кей прискакал за мной, я воззвал к древним силам и был услышан. Я увидел в пламени королеву и с нею Мельваса.

Он мгновенно насторожился. Не часто случалось, чтобы верховный король доискивался у меня правды, как он делал это в разговоре с другими своими подданными. Я ощутил на себе силу его монаршей проницательности. Он тихо и сосредоточенно произнес:

— Да, вот оно. Теперь опиши мне подробно, что именно ты видел.

— Я видел мужчину и женщину в богато убранной комнате, а в приоткрытую дверь разглядел угол спальни и смятое ложе. Мужчина и женщина смеялись и играли в шахматы. Она была в просторном спальном одеянии, с распущенными по плечам волосами. Он заключил ее в объятия, при этом фигуры с доски покатились на пол, и на одну из них он наступил.— Я протянул ему на ладони растоптанного белого короля.— Когда королева к нам вышла, у нее из складок плаща выпало вот это.

Он взял у меня фигурку, наклонился над ней, словно всматриваясь. И вдруг отшвырнул вдогонку за веточкой розмарина.

— Верно,— проговорил он.— Видение было вещее. Она рассказывала про столик с шахматными фигурками из слоновой кости и черного дерева.— К моему изумлению, он улыбался.— И это все?

— Все? Да это много больше, чем я рассказал бы тебе по доброй воле, а не по долгу твоего советника.

Он кивнул, не переставая улыбаться. Гнев его как рукой сняло. Он сказал, снова устремив глаза на темнеющую равнину, туда, где последний одинокий луч серебрил далекую гладь воды:

— Мерлин, ты сам сказал: «Она всего лишь женщина». Ты много раз повторял мне, что женщин ты не знаешь. Неужели ты не замечал, в какой беспросветной зависимости проходит жизнь женщины, среди страхов и неуверенности в завтрашнем дне? Они как рабы, как скот во власти хозяев, порою жестоких. Даже в королевском доме женщин продают и покупают и готовят к жизни вдали от родины и родных, в собственности у чужого мужчины.

Я знал, куда он клонит. Подобные мысли мне и самому приходили в голову при виде страданий женщины по прихоти мужчи-

ны, даже таких женщин, как Моргауза, силой характера и умом далеко превосходящих своих мужей. Женщины словно созданы на потребу мужчинам и принуждены безропотно терпеть свое подневолье. Редкие счастливицы находят себе таких мужей, которыми могут управлять, или таких, которые их любят. Как королева Гвиневера.

— Так и с Гвиневерой,— продолжал Артур.— Ты же сам сказал, что она и сейчас еще меня плохо знает. Нет, она меня не боится, но иногда я вижу, что она боится жизни, ей страшно жить. И уж конечно, она безумно боялась Мельваса. Понимаешь? Твое видение было правдивым. Она улыбалась ему, говорила сладкие речи и прятала свой страх. А что еще ей оставалось? Взывать о помощи к слуге? Угрожать им обоим моей местью? Да они бы убили ее, и все, она это понимала. Когда он показал ей спальню, чтобы она могла сменить свои промокшие одежды (он принимает там время от времени женщин втайне от старой королевы, своей матери, так что там есть и одежда, и все, что любят дамы), она просто поблагодарила его и заперла дверь у него перед носом. Потом, когда он стал приглашать ее к столу, она сказалась нездоровой, но он не хотел верить и настаивал, она побоялась, как бы он не взломал дверь, поэтому она вышла к столу и старалась его задобрить. И так весь долгий день до сумерек. Она дала ему понять, что ночью его желания исполнятся, а сама сидела и все еще ждала избавления.

— И оно пришло.

— Да, когда, казалось, уже не на что надеяться, оно пришло — благодаря тебе. Вот что она мне рассказала, и я ей верю.— Быстрый поворот головы.— А ты?

Я ответил не сразу. Он ждал, не выказывая ни гнева, ни нетерпения. И ни тени сомнения.

Наконец я сказал с совершенной искренностью:

— И я тоже. Она поведала тебе правду. И рассудок, и чувство, и провидение, и слепая вера — все неоспоримо свидетельствует в ее пользу. Я сожалею, что усомнился. Ты прав был, напомнив мне о том, что я не понимаю женщин. Я должен был знать, что она испытывает страх и от страха употребит против Мельваса всякое оружие, имеющееся в ее распоряжении. Что же до всего остального — за то, что она хранила молчание, пока не поговорила с тобой, за ее заботу о твоей чести и о благе твоего королевства я восхищаюсь ею. И тобой, король, тоже.

Он заметил новую форму моего обращения. И сказал, облегченно усмехаясь:

— Мною? За что же? За то, что я не впал в монаршую ярость и не стал рубить головы? Если королева, трепеща от страха, смогла притворяться целый день, то, уж конечно, и я был способен на это в течение нескольких часов, при том что дело шло о моей и ее чести. Но не дольше. Нет, клянусь адом, не дольше! — Он с такой силой стукнул кулаком по парапету, что сразу почувствовалось, какие страсти приходилось ему сдерживать. А потом прибавил уже совсем другим тоном: — Мерлин, ты, конечно, знаешь, что люди... народ не любит королеву.

— Да, я об этом слышал. Но причина не в том, что она кому-то не нравится или кто-то ее осуждает. Просто у нас с нетерпением ждут королевского наследника, а она уже четыре года как королева и до сих пор не родила. Отсюда разочарование и всякие разговоры.

— Наследника не будет. Она неплодна. Теперь я уже знаю это точно, и она тоже.

— Я этого опасался. И очень сожалею.

— Если бы я время от времени не сеял на стороне,— с кривой усмешкой продолжал он,— можно было бы обвинить и меня, но довольно вспомнить беременность первой королевы, не говоря о бастарде, рожденном Моргаузой. Так что вина — если считать это виной — лежит на ней. А поскольку она — королева, ее горе у всех на виду. И находятся такие, кто начинает нашептывать, чтобы я отослал ее от себя. Но этого,— отрезал он,— не будет.

— У меня и в мыслях не было предлагать тебе такое,— сказал я.— Но, может быть, именно это и означала белая тень, увиденная мною над вами... Однако довольно. Надо позаботиться о том, чтобы вернуть ей любовь народа.

— Легко говорить. Если ты знаешь, как это сделать...

— По-моему, знаю. Сейчас ты поклялся адом, и твоя клятва развеяла мой сон. Ты позволишь мне отправиться на Инис-Витрин, чтобы я мог сам привезти ее обратно к тебе?

Он хотел было задать вопрос, но потом усмехнулся и пожал плечами.

— Отчего ж, поезжай. Может быть, тебе и в самом деле это проще простого... Я предупрежу, чтобы готовили королевский эскорт. А сам буду встречать ее здесь. Заодно избегну встречи

с Мельвасом. Ты, при всей своей мудрости, ведь не станешь уговаривать меня, чтобы я его не убивал?

— Так курица стала бы уговаривать лебеденка не лазить в воду. Ты поступишь, как сочтешь нужным.— Я посмотрел туда, где над затопленной равниной возвышался Тор и рядом две другие вершины, пониже, образующие остров с морской гаванью. И задумчиво сказал: — Непонятно, почему он полагает себя вправе взимать портовый сбор — и такой большой — с верховного короля, который его охраняет.

Он сразу откликнулся, чуть скривив усмешливо губы:

— Да, в самом деле. Да еще дорожную пошлину на насыпи собирает. Если мои военачальники, кто знает, вдруг да откажутся платить, тогда Мельвас вполне может явиться ко мне с жалобой собственной персоной. Это будет первая жалоба, внесенная на рассмотрение в новом зале совета. И поскольку писцам было сказано, что ты приглашен ради нового зала, пойдем, пожалуй, осмотрим его? А завтра в третьем часу я отправлю за нею королевский эскорт.

Глава 6

Бедуир все еще находился на Инис-Витрине, поэтому королевский эскорт возглавил Нентрес, один из западных правителей, некогда сражавшийся под знаменем Утера, а затем вместе с сыновьями присягнувший на верность Артуру. То был старый воин, убеленный сединой, сухощавый, но в седле ловкий и быстрый, как юноша. Он оставил эскорт дожидаться внизу на дороге под реющими знаменами с алым драконом, а сам поскакал вверх по тропе к моему дому, сопровождаемый слугой, у которого в поводу был карий конь под серебряной попоной. Конь лоснился, серебро сверкало ослепительно, как щит Нентреса, на сбруе играли драгоценные каменья, а чепрак под седлом был пурпурный с серебряной нитью.

— Этого коня прислал тебе король,— сказал мне Нентрес, широко улыбаясь.— Он полагает, что твой мерин будет иметь никудышный вид — впору для живодерни — рядом с остальными. Да ты не косись на него с такой опаской, он гораздо смирнее, чем кажется.

Слуга помог мне взобраться в седло. Карий тряс головой, жевал удила, но шел ровно и спокойно. Мой старый вороной мерин был в сравнении с ним словно неповоротливый плот рядом с быстроходным парусником.

Утро было холодное, под студеным дыханием северного ветра поля с середины марта стояли скованные морозом. Но я успел перед восходом солнца подняться на вершину холма у себя за домом и кожей ощутил в воздухе невыразимую словами перемену, знак того, что ветер заходит с другой стороны.

Наверху на терновых кустах еще только лопались почки, но в долинах леса уже стояли словно подернутые легким зеленым пушком, а по склонам густо цвели первоцветы и дикий чеснок. Среди увитых плющом деревьев кричали, перелетая по веткам, грачи. Весна уже пришла, только холодные ветры не давали ей развернуться, и цветки терновника еще отлеживались в бутонах. Низкие, хмурые тучи скрывали небо, грозя чуть ли не снегопадом, и я радовался подаренному мне алому плащу, щедро подбитому мехом.

Во дворце у Мельваса все уже было готово к нашему прибытию. Сам король встретил нас, облаченный в богатые темно-синие одежды и, как я заметил, при оружии. На его красивом лице играла улыбка привета, но глаза смотрели настороженно, и во дворце собралось слишком много вооруженных людей, да еще в саду среди деревьев толпились ратники, вызванные Мельвасом из крепости на холме. Повсюду пестрели флажки и праздничные украшения, но у всех мужчин висел на поясе и меч, и кинжал.

Здесь ожидали, конечно, самого Артура. При виде меня лицо Мельваса сначала осветилось облегчением, но сразу же стало еще более настороженным и в углах рта пролегли глубокие складки. Он приветствовал меня учтиво, но холодно, как игрок в шахматы, делающий первый ход. Я ответил ему пространной заученной речью Артурова посланца, а затем обратился к королеве-матери, которая стояла рядом с ним в конце длинного зала. Королева держалась не так холодно, как ее сын. Она отозвалась на мое приветствие с величественной любезностью и, давая знак, махнула рукой в сторону невысокой двери. Слуги расступились, и вошла королева Гвиневера в окружении своих фрейлин.

Она тоже ожидала увидеть Артура. Остановившись, она поискала его глазами среди пестроты переполненного зала. Взгляд ее, не видя, скользнул по мне. Какое божество, подумалось мне, надоумило ее нарядиться в платье цвета весенней зелени, выши-

тое на груди цветами? С плеч ее ниспадала мантия, тоже зеленая, со светлым куньим воротом, и в обрамлении меха лицо ее казалось нежным и хрупким. Королева была бледна, но держалась очень прямо и спокойно.

А я припомнил, как она в ту ночь дрожала с головы до ног. И, будто на меня плеснули холодной водой, я вдруг ясно понял, что Артур был прав: она, конечно, королева величавая и отважная, но под этой оболочкой прячется робкая молоденькая женщина, которой в жизни нужно только одно: чтобы ее любили. Веселый нрав, звонкий хохот, юный задор — это только снаружи, а внутри — страстные поиски дружбы при чужеземном дворе, где все не так, как было в уютном королевстве ее батюшки. До сих пор для меня, вот уже двадцать лет занятого только заботой об Артуре, она была, как и для других его подданных, лишь нивой, которую он должен засеять, лишь сосудом его удовольствий и серебряным обелиском ослепительной красоты, венчающим златой холм его славы. Теперь же я увидел ее словно бы впервые. Тоненькая молодая женщина, нежная телом и не слишком развитая умом, которой выпал жребий стать женой величайшего деятеля эпохи. Быть супругой Артура — нелегкая доля, она сулит одиночество, жизнь изгнанницы в чужом краю, нередко в разлуке с мужем, который один мог бы защитить от льстецов, интриганов и завистников, а также от толпы молодых воздыхателей — быть может, самой грозной опасности изо всех. И обязательно найдутся такие (их наверняка будет немало), кто станет поминать при ней «другую Гвиневеру», миловидную королеву, которая понесла с первой ночи и по которой король так горько убивался. Уж они постараются расписать прошлое как можно живее. Однако все это были бы пустяки, все забылось бы в любви короля и в блеске ее нового высокого положения, будь она способна родить. Что Артур не воспользовался случаем с Мельвасом и не отослал ее от себя, взяв на ее место другую, плодовитую женщину, служило воистину неоспоримым доказательством его любви. Да только понимает ли она это? Прав он был, когда говорил, что она боится жизни, боится окружающих людей и всего более, как понял я теперь, боится меня.

Она увидела меня. Голубые глаза расширились, рука поднялась и стянула мех у горла. Шаг ее запнулся, но она тут же вновь овладела собой и, бледная, торжественная, встала по левую руку

от королевы-матери. С королем Мельвасом, стоявшим по правую руку от королевы, она не обменялась ни единым взглядом.

Воцарилась гулкая тишина. Прошуршало чье-то платье — словно листва зашумела по ветру.

Я вышел вперед, встал перед Гвиневерой, низко поклонился ей, выпрямился и проговорил, обращаясь к ней одной, будто, кроме нее, там никого не было:

— Приветствую тебя, госпожа. Рад видеть тебя снова в добром здравии. Я прибыл вместе с другими твоими слугами и друзьями, дабы сопроводить тебя домой. Верховный король ожидает тебя в твоем дворце в Камелоте.

Румянец прихлынул к ее лицу. Она доставала мне только до ключицы. Ее взгляд был взглядом поваленного олененка, который ждет удара копьем. Она что-то пробормотала и замолкла. Чтобы исправить неловкость и дать ей время опомниться, я обратился с изысканной придворной речью к Мельвасу и его матери и выразил им благодарность Артура за гостеприимство, оказанное королеве. Мне стало ясно, что королева-мать ни о чем худом не подозревает. Сынок ее не сводил с меня взгляда, настороженного и наглого, а старая королева между тем пустилась столь же велеречиво отвечать мне благодарностью на благодарность и кончила настойчивыми приглашениями остаться у них погостить. При этих ее словах королева Гвиневера на миг вскинула взор и тут же снова потупилась. Я учтиво отклонил приглашение и увидел, как пальцы Гвиневеры на воротнике успокоенно разжались. Должно быть, за все это время у Мельваса не было случая остаться с ней наедине и выспросить у нее, какое объяснение она дала Артуру. Мне даже показалось, что Мельвас намерен задержать нас у себя, но, встретившись взглядом со мной, он, как видно, передумал, и тогда королева-мать, не оспаривая моего решения, с нескрываемым любопытством заговорила о том, что ее более всего волновало:

— Мы тебя искали в ту ночь, принц Мерлин. А ты, оказывается, имел видение, которое привело тебя к королеве прежде даже, чем мой сын успел добраться до острова с известием о ней. Ты не поведаешь нам, милорд, что за видение тебе было?

Мельвас сразу насторожился. Он смотрел на меня нагло, с вызовом. Я, улыбаясь, встретил его взгляд и не отводил глаз до тех пор, покуда он не потупился. Старая королева без моей подсказки задала тот самый вопрос, который был мне нужен.

— Охотно, госпожа. Это правда, что мне было видение, но кто его наслал, божества ли воздуха и безмолвия, говорившие со мной в прошлом, или же Богиня-Мать, чье святилище находится позади вон того яблоневого сада, не могу сказать. Это видение повлекло меня через болота напрямки, как летит в цель оперенная стрела. Видение было двойное: яркая греза, сквозь которую проникаешь в более темные глубины. Так на светлой поверхности моря пестро отражается темный подводный мир. Образы были смутны, но смысл их очевиден. Я бы еще раньше последовал за ними, но боги, мне кажется, не желали этого.

Гвиневера опять вскинула голову и округлила глаза. И опять во взгляде Мельваса мелькнуло беспокойство. Но вопрос задала старая королева:

— То есть как это — не желали? Не желали, чтобы королева была найдена? Как понять эту загадку, принц Мерлин?

— Я потом ее растолкую. Но сначала опишу, что мне привиделось. Я видел королевский чертог с мраморным полом, с золотыми и серебряными колоннами, меж которыми не было слуг, но ярко горели лампы и свечи, воскуряя ароматный дым...

Я говорил размеренно и напевно, как бард, поющий старинную песнь: голос мой наполнил длинный зал и, отдаваясь от стен, разносился повсюду — за колоннаду и наружу, к примолкшим воинам в саду. Слушатели шевелили пальцами, осеняя себя охранительным знамением, даже Гвиневера сделала украдкой магический знак. И только старая королева внимала с торжеством и упоением, поскольку была патронессой древнего культа Богини-Матери. Что же до Мельваса, то, ведя свой рассказ, я наблюдал, как на его лице подозрение сменилось опаской, затем растерянностью и под конец ужасом.

А мое видение приняло форму, знакомую каждому: то был древний рассказ о сошествии в Потусторонний мир, откуда мало кому случается вернуться назад.

— ...а на драгоценной столешнице расставлены были шахматные фигуры, к столу же придвинуто глубокое кресло с подлокотниками в виде львиных голов — для короля, и маленькая серебряная скамеечка на голубиных лапках — для дамы. И я понял, что нахожусь во дворце Ллуда, где спрятан священный сосуд и где прежде хранился меч, ныне висящий на стене у Артура в Камелоте. И слышно было, как вверху, над вершинами полых холмов, неслась по небу Дикая охота — это рыцари Потустороннего мира гнали свою жертву и, изловив, уносили глубоко-глубоко под алмазные своды, откуда нет возврата. И тогда я подумал было, что, быть может, бог уведомляет меня о гибели королевы, но тут видение мое изменилось...

Справа вверху было узкое окно. Сквозь него виднелось небо в тучах и верхушки яблоневого сада. Набрякшие молодые почки белели в грифельном небе, тополя тянулись ввысь, как бледные пики. Но нынче утром в воздухе почувствовалось обещание перемен; я ощущал его и теперь; и, не сводя глаз с синей тучи, я продолжал свое неспешное повествование:

— Вот я очутился в более древних чертогах, в подземелье еще более глубоком. То был Нижний мир, и в нем восседал его темный властелин, который древнее самого Ллуда, а подле него сидела бледнолицая молодая королева, отторгнутая от зеленых лугов Энны и перенесенная из теплого мира туда, в глубину, дабы стать царицей преисподней: Персефона, дочь Деметры, матери всего, что произрастает на лице земли...

Синяя туча медленно-медленно сдвигалась. Я видел, как тень ее, точно покрывало, сползает с яблоневых ветвей. Залетный ветерок тронул верхушки тополей, будто часовые обступивших сад.

Про Персефону слыхали не все, поэтому я рассказал о ней — к удовлетворению старой королевы, которая, как все приверженцы древнего материнского культа, не могла не ощущать холодной угрозы наступающих перемен даже здесь, у себя, в этой твердыне прошлого. В каком-то месте Мельвас хотел было прервать меня вопросом, но она повелительным жестом остановила его и, подчиняясь, быть может, смутному чувству, но не рассудку, взяла за руку Гвиневеру и привлекла к себе. Но я не смотрел ни на темного Мельваса, ни на бледную, недоумевающую Гвиневеру, а поглядывал искоса в окно, пересказывая древнюю повесть о похищении Персефоны Аидом и о том, как мучительно долго искала свою дочь богиня-мать Деметра, а земля, лишенная весенней растительности, тем временем томилась во тьме и холоде.

На тополя за окном упал утренний луч, и они вдруг расцвели золотом.

— И когда видение мое померкло, я понял, что оно означало. Наша королева, наша юная красавица королева жива и невредима под защитой Богини и только ждет, чтобы ее отвезли домой. А с ее возвращением к нам придет наконец весна, перестанут лить холодные дожди, и земля снова подарит нам щед-

рый урожай, ибо меч верховного короля и супружеская любовь королевы принесут нам мир. Таково посетившее меня видение, и я, принц и прорицатель Мерлин, вам его сейчас растолковал.— В заключение я обратился через голову Мельваса прямо к старой королеве: — Посему прошу тебя, госпожа, позволь мне отвезти нашу королеву домой с почестями и весельем.

В этот миг благословенное солнце разорвало тучи и уронило луч к ногам королевы Гвиневеры, и она явилась нашим взорам в бело-золотисто-зеленом столпе солнечного света.

Обратно мы возвращались по солнцу в аромате весенних цветов. Тучи рассеялись, голубые волны озера искрились под золотыми ветвями прибрежных ив. Ранняя ласточка носилась над самой водой, преследуя мошек. Королева Весны, отказавшись от паланкина, ехала рядом со мною на лошади.

Она прервала молчание только однажды и была немногословна:

— Я солгала вам тогда ночью. Ты знал?

— Да.

— Значит, ты все видел? И все понимаешь?

— Многое. Когда я хочу и когда хочет бог, я вижу.

Она просветлела и зарумянилась, словно вдруг вздохнула полной грудью. Раньше я поверил в ее невиновность, теперь я в ней убедился.

— Стало быть, ты тоже рассказал господину моему супругу правду? Сегодня, когда он не приехал за мной сам, я испугалась.

— Тебе нет нужды бояться, ни ныне, ни впредь. Надеюсь, ты больше никогда не усомнишься в его любви. И могу уверить тебя, сестра моя Гвиневера, что, даже если ты не родишь наследника британского престола, твой супруг не удалит тебя от себя. Твое имя будет сопрягаться с его именем, сколько останется он в памяти людей.

— Я постараюсь,— еле слышно произнесла королева.

Показались башни Камелота, и она умолкла, готовясь во всеоружии встретить то, что ей предстояло.

Так были посеяны семена легенды. Потекли золотые недели весны, и я не раз слышал за это время, как люди рассказывали друг другу о похищении королевы и о том, как она томилась пленницей чуть ли не в подземельях Ллуда, откуда ее вызволил Бедуир, первый из рыцарей короля Артура. Жало истины было

вырвано — это приключение не содержало бесчестья ни для Артура, ни даже для Гвиневеры. А Бедуиру был приписан первый из его многочисленных подвигов, и, покуда заживали его раны, слава его все росла, так что исцелился он уже героем.

Что же до Мельваса, то, как это нередко, происходит, образ Черного короля, властителя Нижнего мира, постепенно слился в умах людей с образом рыцаря в черных доспехах, обитающего на горе Тор, хотя Гвиневеры темная тень не коснулась совсем.

Что думал Мельвас, никто не ведал. Наверно, он понимал, что Гвиневера рассказала супругу правду. Может быть, ему надоело, что люди смотрят на него как на злодея из легенды; может быть, не под силу стало дольше ждать (вместе со всеми), чтобы король Артур выступил против него первым. Возможно даже, что он так и не оставил надежды когда-нибудь в туманном будущем овладеть королевой.

Во всяком случае, он сам сделал первый шаг и тем развязал Артуру руки. Однажды утром он прискакал в Камелот и, по заведенным правилам, оставив свою вооруженную свиту снаружи, вошел и сел в Кресло жалоб.

Зал совета был сооружен по образцу небольших строений, виденных Артуром в Уэльсе, где он гостил у отца Гвиневеры. А те, в свою очередь, представляли собой увеличенную версию кельтского круглого дома из прутьев, обмазанных глиной. Вот откуда возникло в Камелоте массивное каменное здание круглой формы, построенное на века. Стены его между тесаных каменных столбов были сложены из плоского римского кирпича, доставленного от заброшенных обжигальных печей по соседству. В зал вели широкие двери с золочеными драконами на створках. Внутри пол был красиво выложен изразцами, расходящимися, наподобие паутины, от центра и до стен. Наружный край этой паутины представлял собой, как и в природе, многоугольник, по сторонам которого были установлены невысокие ширмы. Поначалу ширмы были затянуты циновками из золотистой соломы, предназначенными препятствовать проникновению холодного ветра, но впоследствии место циновок должны были занять украшенные ярким шитьем полотнища — фрейлины Гвиневеры уже сидели за работой. Перед каждой ширмой вокруг всего зала стояло по креслу с высокой спинкой и со скамеечкой для ног; все кресла, включая Артурово, одной высоты. Здесь, объ-

явил Артур, верховный король будет как равный с равными обсуждать дела со своими пэрами, сюда смогут обращаться все его военачальники. Кресло Артура отличал только висящий над ним белый щит, на котором, быть может, со временем заблестит золотисто-алый дракон. Над другими креслами тоже уже появились гербы Артуровых рыцарей. И только кресло против королевского оставалось ничьим. Оно предназначалось тому, кто являлся в зал совета, прося суда за понесенные обиды. Потому и имя ему было дано — «Кресло жалоб». Но в позднейшие годы я слышал, как его называли «Погибельное сиденье», и сдается мне, новое название оно получило после того, что произошло в тот день.

Я не присутствовал при том, как Мельвас излагал свои жалобы. У меня было свое кресло в Круглом зале, как стали называть зал совета, но я редко там появлялся. Коль скоро пэры были там равны королю, то и король должен был не превосходить их знаниями и высказывать собственные суждения, не полагаясь на подсказку наставника. Если Артур нуждался в моих советах, я давал их ему с глазу на глаз.

Мы много часов обсуждали с ним дело Мельваса, прежде чем оно было вынесено на совет. Артур сначала опасался, что я буду отговаривать его от поединка с Мельвасом, однако здесь наши с ним суждения, на горячую голову и на холодную, совпадали. Артуру не терпелось, а мне представлялось очень важным, чтобы Мельвас был принародно наказан за свое злодейство. Артур выждал довольно времени, да еще и оживил в народной памяти красивую легенду, так что чести Гвиневеры уже ничто не угрожало, ее теперь снова все любили; куда бы она ни отправилась, путь ей повсюду усыпали цветами и благословениями. Для всех людей она опять была королева, возлюбленная супруга их любезного верховного короля, которую у них едва не отняло Царство смерти, но потом вернула им магия Мерлина. Так думали простые люди в королевстве. Но среди знати было немало таких, которые ждали от короля, чтобы он выступил против Мельваса, и готовы были его презирать, обмани он их ожидания. Как мужчина и король он обязан был действовать. Все это время он твердо держал себя в руках, хотя это и стоило ему немалых усилий. Теперь же, убедившись, что я его поддерживаю, он со свирепой радостью стал измышлять способы расплаты с похитителем королевы.

Можно было, конечно, призвать короля Мельваса на совет под каким-нибудь вымышленным предлогом, но этого ему делать не хотелось.

— Если вынудить его самого явиться с жалобой,— рассудил Артур,— то в глазах бога это будет почти то же самое, но для моей совести — или гордости, если угодно,— важно, что я не выдвину облыжного обвинения в Круглом зале. Пусть все помнят, что в этот зал ко мне может явиться каждый, ничего не страшась, если только сам не затаил в сердце измены.

И мы начали раздражать Мельваса. Расположение его острова между королевским замком и морской гаванью давало к тому сколько угодно поводов. Начались постоянные распри из-за портовых сборов, из-за права свободного проезда, из-за необоснованно назначаемых и с негодованием отвергаемых налогов и пошлин. Под таким непрерывным нажимом рано или поздно потерял бы терпение любой, но Мельвас взбесился даже раньше, чем мы ожидали. По мнению Бедуира, который рассказывал мне об этом совете, Мельвасу с самого начала было ясно, что его нарочно подбивают явиться в Круглый зал, дабы спросить с него за прежние, более важные провинности. К этому он был готов и сам стремился, но, разумеется, вслух не позволил себе даже намека — иначе ему, по единогласному постановлению совета, грозила бы неминуемая смерть. И потому потянулись томительные пререкания о поборах и пошлинах и о справедливых размерах налогов, причитающихся Камелоту за охрану границ; и все это время двое противников не сводили один с другого глаз, как фехтовальщики в поединке. И наконец плод созрел.

Поединок предложил Мельвас. Как удалось его до этого довести — не знаю, но думаю, что особых стараний не потребовалось. Молодой, горячий, искусный в бою, он, чуя угрозу, сам ухватился за возможность решить дело быстро и окончательно с оружием в руках. Здесь у него были равные шансы — а может быть, он оценивал их еще выше. Как бы то ни было, но он наконец в сердцах воскликнул:

— Разрешим все споры в бою один на один, немедленно и не сходя с этого места! Иначе не быть нам никогда больше добрыми соседями. Ты — король, твое слово — закон, докажи свое право с мечом в руке!

Поднялся шум в Круглом зале, толки и споры. Старшие из рыцарей полагали, что королю нельзя по таким пустякам подвер-

гать свою жизнь опасности, однако все уже догадывались, что дело тут не просто в каких-то портовых сборах, а рыцарям помоложе откровенно не терпелось увидеть поединок. Многие (и настоятельнее прочих Бедуир) вызывались сразиться вместо Артура. Но наконец король счел, что настал его миг, и решительно встал с кресла. Среди полной тишины он подошел к круглому столу, стоявшему посредине зала, схватил таблички, на которых были записаны жалобы Мельваса, и швырнул их об пол — только осколки посыпались.

— А теперь принесите мне мой меч,— сказал Артур.

В полдень сошлись они на ровном поле в северо-восточном углу крепости. Небо было безоблачным, но тянул свежий береговой ветерок, и в воздухе стояла прохлада. Сверху лился спокойный и ровный солнечный свет. По краю поля плотно толпились люди, людскими головами топорщились даже стены крепости. Верхняя площадка одной из златоглавых башен Камелота пестрела сине-ало-зеленым: там собрались наблюдать поединок дамы. Среди них была и королева, вся в белом — Артуров цвет. Мне нетрудно было угадать, что делалось сейчас у нее на сердце, и представить себе грациозное спокойствие, за которым она прятала страх. Но вот пропела труба, и стало тихо.

Каждый из бойцов держал копье и щит, а на поясе у обоих висело по мечу и по кинжалу. Артур не взял для поединка свой королевский меч Калибурн, и доспехи его — легкий шлем и кожаный панцирь — не были украшены ни узорами, ни драгоценными каменьями. Мельвас нарядился богаче, к тому же он слегка превосходил Артура ростом. Пылкий и воинственный видом, он поглядывал на дворцовую башню, где стояла королева. Артур же не посмотрел туда ни разу. Он казался спокойным и бесконечно уверенным в себе. Опустив голову, он внимательно слушал то, что провозглашал герольд.

У края поля рос одинокий явор. В его тени стояли мы с Бедуиром. Он поглядел на меня долгим испытующим взглядом и с облегчением перевел дух.

— Слава богам, ты не обеспокоен! Уф-ф.

— Это было неизбежно. И так оно к лучшему. Но если бы ему угрожала опасность, я бы не допустил их поединка.

— И все-таки решение неразумное. О, я знаю, он этого хотел, но он не вправе рисковать собой. Он должен был уступить этот бой мне.

— А ты подумал, как бы ты справился? Ты же до сих пор хромаешь. Он бы поверг тебя наземь или того хуже, и все слухи и разговоры тогда бы возобновились. Ведь есть еще немало простодушных людей, которые верят, что правда на стороне сильнейшего.

— Сегодня так оно и есть, и ты знаешь, не то бы ты не стоял тут спокойно. И все-таки мне бы хотелось...— Он замолчал.

— Понимаю, чего бы тебе хотелось. И думаю, ты не раз еще в жизни сможешь осуществить это свое желание.

Он искоса взглянул на меня, собрался было что-то ответить, но в это время упал флажок, и поединок начался.

Сначала бойцы кружили один вокруг другого, держа наготове копья и щиты. Первым напал Мельвас. Сначала он сделал обманный взмах, а затем размахнулся еще раз и с молниеносной силой запустил свое копье в противника. Сверкнул щит Артура, приняв могучий удар. Острый наконечник со скрежетом скользнул по выпуклой белой поверхности и, не причинив вреда, воткнулся в траву. Мельвас попятился, схватился за рукоять меча. Но Артур, отбив его копье, успел в ту же минуту швырнуть свое и тем поквитался на первом броске с Мельвасом. Однако меч он не обнажил, а вырвал из земли торчавшее копье Мельваса и замахнулся им, меж тем как Мельвас ловким поворотом щита отбил наземь копье короля, тут же, быстрый, как лис, поднял его и изготовился снова пойти против Артура с копьем в руке. Но на этот раз копье Артура, пущенное с большей силой, ударившись в середину Мельвасова щита, отлетело дальше и, скользнув и подпрыгнув по траве, легло далеко в стороне. Теперь, прежде чем он его подберет, Артур успеет пустить в него второе копье. Прикрывшись щитом, Мельвас стал, уклоняясь из стороны в сторону, отходить туда, где лежало упавшее копье. Вот он достиг того места, наклонился за копьем, покоившимся в кусте чертополоха. В этот миг Артур замахнулся, сверкнул блестящий наконечник; Мельвас, заметив взблеск краем глаза, вскинул, загораживаясь, свой щит и одновременно свободной рукой потянулся за лежащим копьем. Но движение короля было обманным, и, когда Мельвас вытянул в сторону руку, Артур пустил свое копье низко и прямо и угодил тому в локоть. А вслед за копьем Артур бросился вперед и сам, на бегу обнажая меч.

Мельвас покачнулся. Дружный возглас вырвался из всех глоток и отдался от крепостных стен, а между тем Мельвас устоял на ногах, подхватил с земли копье и швырнул навстречу Артуру.

Еще мгновение, и Артур сошелся бы с ним вплотную. Но Мельвас успел поразить его на полпути. Артур подставил щит, однако бросок на близком расстоянии оказался столь силен, что отбить копье поворотом щита было уже невозможно — оно впилось в щит Артура, описав полукруг длинным древком, и остановило его бег. Сжимая правой рукой меч, Артур попытался было стряхнуть копье врага, но оно пробило кожу щита между двумя металлическими полосами, и наконечник прочно застрял в щели. И тогда, отшвырнув прочь щит вместе с копьем, Артур бросился на Мельваса, не прикрываясь ничем, кроме кинжала в левой руке.

Схватить поразившее его копье и снова запустить в Артура у Мельваса уже не было времени. Окровавленной рукой он извлек из ножен меч, и они сшиблись, грудь к груди, со звоном и лязгом. Бой и теперь продолжался на равных: у Мельваса струилась кровь из правой руки, зато король остался без щита. Мельвас умело владел мечом, удары его были могучи и молниеносны. В первые мгновения он целил королю только в левый бок. Но каждый его удар приходился в железо. Король теснил Мельваса шаг за шагом, и тот шаг за шагом пятился под его натиском. А кровь из раненой руки продолжала бежать, сокращая его силы, Артур же, сколько можно было судить, оставался невредим. Он наступал, звенели его мощные, быстрые удары, и длинный кинжал, отбивая меч Мельваса, со свистом рассекал воздух. Позади Мельваса в траве лежало упавшее копье, он о нем помнил, но обернуться не отваживался. Он опасался споткнуться и начал медленнее орудовать мечом. Пот заливал ему лицо, дыхание стало тяжелым, как у загнанного коня.

Вот бойцы застыли, сжав друг друга в железных объятиях и скрестив над головами оружие. И вокруг всего поля зрители тоже замерли и затаили дыхание. Стояла полная тишина.

Король тихо и холодно что-то сказал, что — никто не расслышал. Мельвас не ответил. Последовало молниеносное движение, новый натиск, Мельвас охнул и нехотя прорычал что-то в ответ. Тогда Артур ловко высвободился, произнес какие-то неслышные слова и снова набросился на противника.

Правая рука Мельваса чернела запекшейся кровью, меч его разил все медленнее, словно отяжелев; он шумно дышал, как самец-олень во время гона. Собрав все силы, он взмахнул щитом и, словно топор, обрушил его на правое плечо Артура. Меч

вылетел у того из руки. Зрители, ужаснувшись, вскрикнули в один голос. А Мельвас, издав победный возглас, поднял меч, чтобы нанести убийственный удар.

Но Артур, вооруженный теперь одним лишь кинжалом, не отшатнулся, не попятился. Никто и ахнуть не успел, как он прыгнул навстречу противнику, выбросил вперед руку над верхним краем щита и острием длинного кинжала ужалил Мельвасу горло.

Но не пронзил. Только тонкая струйка крови пролилась у того по шее. И снова король что-то тихо и яростно произнес. Мельвас замер на месте. Из занесенной руки вывалился на траву меч. Упал, звеня, щит.

Король отнял от его горла кинжал. Отступил на шаг. И на виду у всех, у людей Артура и своих подданных, а также на виду у королевы, наблюдавшей за боем с дворцовой башни, Мельвас, король Летней страны, медленно опустился перед Артуром на колени и признал себя побежденным.

Воцарилась глубокая тишина.

Король Артур медленно, словно на торжественной церемонии, поднял над головой кинжал и отбросил прочь, клинок впился острием в землю и затрепетал. А король снова что-то проговорил, теперь спокойнее. И Мельвас на этот раз, понурив голову, ответил. Наконец король все так же церемонно протянул руку и поднял Мельваса с колен. А затем взмахом руки подозвал к побежденному его свиту, сам же повернулся к набежавшим со всех сторон своим людям и в их окружении ушел к себе во дворец.

В последующие годы я слышал разные толки об этом поединке. Некоторые утверждают, будто бился вовсе не Артур, а Бедуир, но это чистейший вздор. Другие доказывают, что никакого поединка вообще не было — иначе-де Мельвас был бы убит, А просто с помощью некоего посредника они уладили свой спор на совете.

Это неправда. Все было именно так, как я тут рассказал. Позже от самого короля я узнал, о чем был у них разговор на поле боя. Мельвас перед лицом неотвратимой смерти подтвердил справедливость обвинений королевы и признал свою вину. Артуру, конечно, не принесла бы пользы его кончина, и я рад, что без моего совета он выказал умеренность и здравый смысл. Ведь

с того дня Мельвас всегда оставался верен Артуру, и остров Инис-Витрин почитался жемчужиной Артуровой короны. И, как теперь знает всякий, королевские суда больше не платили портовых сборов.

Глава 7

А год шел, и настал славный месяц сентябрь — месяц моего рождения, месяц ветров, месяц ворона и самого Мирддина, этого путешественника между небом и землею. Ветви яблонь клонились книзу под бременем плодов, целебные травы были собраны и сушились, свисая пучками и метелками со стропил моих амбаров. А на полках в кладовых стояли в ряд пустые баночки и коробки, приготовленные под порошки и мази. Дом и сад, башню и жилье — все пропитали ароматы трав, и яблок, и меда, сочившегося из ульев и даже из дубовой колоды в дальнем конце сада, в которой поселились дикие пчелы. Моя усадьба Яблоневый сад как бы служила малым отражением золотого изобилия, расцветшего в то лето по всей стране. Летом королевы называли его люди, любуясь тем, как жатва приходила на смену сенокосу, а земля все цвела и цвела, благословенная щедростью Богини. Золотой век, говорили люди. И для меня это тоже был золотой век. Но теперь, как никогда прежде, у меня появился досуг, чтобы ощутить одиночество. И кости мои стали ныть по вечерам, когда дули юго-западные ветры, так что я радовался теплу очага. Недели, что провел я в Каледонском лесу нагой, голодный и холодный, оставили по себе наследство, которое не могло не сказаться и на более крепком здоровье, и теперь я быстро продвигался навстречу старости.

Другое наследство оставила мне, быть может, отрава Моргаузы, а может быть, причина была еще в чем-то, не знаю, но со мной стало время от времени случаться что-то наподобие кратких припадков падучей болезни — только, как известно, эта хворь не приходит на старости лет, коль скоро она не давала себя чувствовать в молодости. Да к тому же и признаки были иные, чем мне случалось наблюдать и лечить. Припадки — а их было уже три — поражали меня в одиночестве, так что о них, кроме меня, никто не ведал. Происходили они так: спокойно отдыхая, я словно бы погружался в сон, но, очнувшись, оказывался совсем окоченевшим и слабым от голода, хотя и не расположенным к

приему пищи. В первый раз я опомнился через двенадцать часов, но по тому, как кружилась у меня голова, как бессильны и легки были члены, я понимал, что это не обыкновенный сон. Во второй раз успели пройти две ночи и день. Хорошо, что припадок застиг меня в постели.

Я никому не обмолвился об этом. Перед третьим припадком я уже различил признаки его приближения: словно от легкого голода засосало под ложечкой, закружилась голова, захотелось лечь и молчать. Я отослал Мору домой, запер двери и улегся в постель. Потом было такое чувство, как после пророчества: все кругом умытое, свежее, будто заново родилось, звуки и краски младенчески яркие и отчетливые. Разумеется, я обратился к книгам, но, не найдя в них ответа, не стал попусту ломать голову, а просто принял новый недуг, как принимал муки провидения, внезапно посещавшие меня и столь же внезапно уходившие. Я угадывал в них руку божества. Быть может, теперь та же рука влекла меня к последней черте. В этой мысли не было страха. Я исполнил то, что от меня требовалось, и теперь, когда придет мой срок, был готов уйти.

Но от меня не требовалось жертвовать собственным достоинством. Пусть я останусь в памяти народной как королевский прорицатель и маг, своею волею удалившийся от людских глаз и оставивший королевскую службу, а не как дряхлый, беспомощный старец, переживший самого себя.

Вот почему я избрал одинокую жизнь, обрабатывал свой сад и готовил целебные снадобья, писал и отсылал длинные письма Блэзу в Нортумбрию и жил скромно, опекаемый одной девушкой Морой, чья стряпня время от времени пополнялась подарками с Артурова стола. От меня тоже во дворец уходили подарки: корзина особенно сочных яблок с молодой яблони; настойки и отвары; даже благовония, которые я составлял для королевы; приправы для королевской кухни. Дары скромные, не то что пламенные прорицания и победы былого, однако от них веяло миром и золотым веком. То были дары любви и довольства, ибо теперь у нас имелся досуг и для того и для другого. Воистину золотые времена, не омраченные тенью дурных знамений — лишь щекотало душу смутное предчувствие грядущей перемены, не грозной, однако же неотвратимой, как листопад или приход зимы.

Что за перемена — я не позволял себе гадать. Я был как человек, который заперся один в доме, всем доволен и все-таки

прислушивается к звукам за дверью, в ожидании и полунадежде, что кто-то к нему придет, хотя и зная в глубине души, что этого не будет.

Но это произошло.

Он пришел золотым сентябрьским вечером. Сверху глядела полная призрачная луна, украдкой всползшая на небосклон задолго до захода солнца. Она висела над ветвями яблони, точно большой затуманенный фонарь, и постепенно разгоралась, по мере того как меркло вкруг нее золотисто-розовое небо. Я работал у себя в кладовой, растирая в порошок сухую траву иссоп. Наготове стояли чистые пустые банки. Пахло целебными травами, а также яблоками и сливами, уложенными на полках для дозревания. Жужжали залетные осенние осы, завлеченная теплом поздняя бабочка распластала пестрые крылышки на оконной раме. Я услышал за стеной легкие шаги и обернулся.

Волшебником Мерлином называют меня, и я заслужил это имя. Но его прихода я не ожидал и не слышал, как он приблизился, покуда вдруг не увидел его в сумерках за дверью, залитого золотом лунного света. Я замер, глядя на него, словно передо мной оказался призрак. Наша встреча у берега озера вспоминалась мне часто, но как что-то такое, чего в действительности не было, и чем больше я старался представить себе ее во всех подробностях, тем дальше она ускользала в область снов, становилась чистым вымыслом, всего лишь упованием.

И вот теперь сам мальчик стоял передо мною во плоти, он дышал, улыбался, на щеках розовел румянец, но ноги нерешительно переминались — он словно не был уверен в радушном приеме. В руках он держал узелок со своими пожитками. Одет он был в серое и закутан в плащ цвета буковых почек. Ни украшений, ни оружия.

— Ты, должно быть, не помнишь меня...— начал было он.

— Отчего же? Ты мальчик, который не Ниниан.

— Да нет же! Я Ниниан. Это одно из моих имен. Правда-правда.

— Ах вот как. Значит, когда я назвал тебя по имени...

— Ну да. Когда ты меня окликнул, я сначала подумал, что ты меня откуда-то знаешь. Но потом — когда ты сказал, кто ты,— я понял, что ты обознался... ну и мне стало страшно. Прости меня. Мне бы надо было сразу тебе объяснить, чем удирать от тебя. Прости.

— Но когда я предложил обучить тебя моему искусству и пригласил к себе, ты сказал, что придешь. Почему?

Его белые руки судорожно теребили узелок. Он по-прежнему стоял на пороге — того гляди, убежит.

— Потому что... Когда ты сказал, что он... тот, другой мальчик... был такой, кто может перенять твое искусство... Ты сразу это почувствовал, ты сам сказал, и он это тоже знал... Так вот...— Мой гость сглотнул.— Я тоже такой. Я всегда чувствовал, что в глубине нашего сознания есть двери, готовые открыться навстречу свету, если только подобрать ключ.

Он замялся, но не отвел от меня глаз.

— И что же?

— Поэтому, когда ты позвал меня вдруг из тумана, это было как исполнение мечты. Сам Мерлин обращается ко мне по имени и предлагает желанный ключ... Даже когда я понял, что ты обознался и принял меня за другого, умершего, я решил, что, может быть, все же смогу занять при тебе его место... Но потом я понял, как глупо с моей стороны надеяться обмануть самого Мерлина. И я не осмелился прийти.

— Но теперь ты осмелился.

— У меня не было выбора.— Он сказал это просто, буднично.— С той ночи я ни о чем другом не мог думать. Мне было страшно, потому что... Да, мне было страшно, но есть такие вещи, от которых невозможно уклониться, которые неотступно преследуют. И не дают ни жить, ни дышать. Ты понимаешь меня?

— Отлично понимаю.

Я старался, чтобы мой голос не задрожал и не сорвался в звон, но, верно, в него все же проник как-то трепет моего сердца, потому что сверху еле слышно, певуче ему отозвалась арфа.

Мальчик ничего не услышал. Он все так же стоял передо мной, готовый ко всему, храбрясь и смиряя себя в мольбе.

— Теперь ты знаешь правду. Я не тот мальчик, которого ты знал раньше. Я тебе незнаком. Не важно, какие чувства у меня там, внутри,— он хотел было ткнуть себя в грудь, но вместо этого только сильнее сжал узелок,— ты можешь думать, что меня учить не стоит твоего труда, я понимаю и даже не прошусь к тебе в ученики. Но если бы ты позволил... если бы ты только позволил мне остаться здесь, я бы спал в конюшне, где угодно, и помогал бы тебе в работе... вот в этом, например,— он кивнул

на ступку, в которой я растирал иссоп,— и тогда, может быть, в конце концов ты убедишься...

Тут голос у него опять пресекся. Он замолчал и стоял, глядя мне прямо в глаза и облизывая пересохшие губы.

Не выдержал не он, а я, и первым отвел взгляд. И даже отвернул голову, чтобы спрятать радость, жаром бросившуюся мне в лицо. Я погрузил пальцы в кучу пахучей травы и растер ломкие стебли. Чистый, пряный аромат иссопа ударил мне в ноздри и поддержал мои силы.

И тогда медленно, не поворачивая к нему головы, я произнес:

— Когда я заговорил с тобою на озере, я действительно принял тебя за мальчика, с которым путешествовал много лет назад. Его душа была созвучна моей душе. Он умер, и с той поры я непрестанно горевал о нем. При виде тебя я подумал, что обманулся тогда и что на самом деле он остался жив, но потом на досуге я сообразил, что теперь он был бы уже не мальчик, а взрослый мужчина. Глупая ошибка, так можно сказать. Подобных ошибок я обычно не делаю. Ее породили усталость и печаль, утешал я себя, да еще теплящаяся до сих пор надежда, что, может быть, когда-нибудь он — или иная родственная душа — все же придет ко мне.

Я замолчал. Мой гость не произнес ни слова. Луна уплыла из дверного проема, и теперь он стоял, обрамленный темнотой. Дальше я говорил, глядя прямо на него:

— А надо мне было догадаться, что это не ошибка. Это рука бога перекрестила твою дорогу с моей дорогой и привела тебя ко мне, вопреки твоему страху. Ты не тот мальчик, которого я знал, но, если бы ты не был ему подобен, я бы просто не обратил на тебя внимания и, уж конечно, не заговорил с тобой. Та ночь была волшебной ночью, мне следовало это помнить и довериться ей.

Он с живостью отозвался:

— Я это тоже чувствовал. Звезды холодили мне кожу, как снежинки. Я отправился багрить рыбу, но не тронул ни одной. В такую ночь никто не должен умирать, даже рыбы.

Я разглядел улыбку на его устах, но, когда он набрал воздуху в грудь и обратился ко мне с вопросом, голос его дрожал:

— Так ли я тебя понял, что мне можно остаться? Я тебе гожусь?

— Годишься.— Я вынул руки из кучи сухой травы и отряхнул над столом пальцы.— Кто из нас теперь оспорит, что нами управляет промысел бога? Не бойся меня. Я очень рад твоему приходу. Я еще предостерегу тебя, когда придет время для предостережений, расскажу о том, какую тяжкую ношу взваливаешь ты себе на плечи и какие тернии ждут тебя на этом пути. Но сейчас я не осмелюсь выговорить ни единого слова, могущего отпугнуть тебя от меня. Войди же и дай мне тебя рассмотреть.

Он повиновался, а я взял с полки и поднял ему навстречу незажженную лампу — фитиль воспламенился и ярко запылал.

Теперь я убедился, что на свету никогда не принял бы его за слугу ювелира. Однако сходство было заметное. Правда, он оказался чуть выше ростом и не так худ лицом, и кожа у него была нежнее, а пальцы тонкие и ловкие, как и у того,— видно, никогда не исполняли грубой рабской работы. Но такая же грива темных густых волос падала чуть не до самых плеч. И рот был очень похож, настолько похож, что я готов был опять обмануться,— те же мягкие, мечтательные очертания, за которыми, как можно было подозревать, таилась твердость, настойчивость в достижении цели. Тот Ниниан умел тихо отстраняться от всего, что его не интересовало, он с полнейшим равнодушием пропускал мимо ушей разглагольствования хозяина, прячась от них в мир грез. Здесь передо мной было то же уклончивое упрямство и то же отсутствующее, задумчивое выражение глаз, которые, и широко открытые, могли ничего не видеть вокруг. Глаза были серые с черным ободком и прозрачные, как озерная вода. Позднее я заметил, что они, подобно воде в озере, способны отражать цвет и делаться зелеными, голубыми или черно-штормовыми в зависимости от настроения. Но теперь они смотрели на меня завороженно и со страхом.

— Ах, лампа,— сказал я.— Ты что, не видел никогда, как вызывают огонь? Это будет один из первых твоих уроков. Мой учитель тоже обучил меня этому прежде всего. А может быть, тебя заинтересовали вон те банки? Ты смотришь на них так, словно думаешь, что я храню в них яды. Я просто заготавливаю на зиму травы, которые вырастил в своем саду.

— Иссоп,— произнес он и посмотрел на меня лукаво, я бы сказал даже, будь он девочкой, что кокетливо.— «Будучи пережжен с серой, исцеляет воспаление горла, а сваренный с медом, помогает от плевритов».

Я рассмеялся.

— Гален? Для начала неплохо! Ты, оказывается, умеешь читать? А знаешь ли ты... Но нет, отложим до завтра. А сейчас вот что: ты ужинал?

— Да, спасибо.

— Ты сказал, что Ниниан — одно из твоих имен. Как бы ты хотел, чтобы я тебя называл?

— Пусть будет Ниниан... если тебе это не причинит боли. Что сделалось с тем мальчиком, которого ты знал? Ты, кажется, говорил, он утонул?

— Да. Мы были в Корстопитуме, и он пошел с городскими мальчишками купаться в реке Кор у моста, где она впадает в Тайн. А вскоре они прибежали и рассказали, что его унесло течением.

— Мне очень жаль.

Я улыбнулся ему:

— Тебе придется хорошенько потрудиться, чтобы возместить мне эту потерю. Пошли же, Ниниан, надо выбрать, где ты будешь спать.

Так у меня появился помощник, а у моего бога — новый слуга. Десница бога все это время лежала и на нем, и на мне. Теперь мне представляется, что тот, первый, Ниниан был лишь предвестником — лишь отброшенной из будущего тенью — настоящего Ниниана, который явился ко мне из вод озера. С первого же дня стало ясно, что внутреннее чувство не обмануло ни его, ни меня: Ниниан Озерный, правда, не владел тайнами моего искусства, но оказался необыкновенно способным учеником. Он все схватывал на лету, впитывал в себя и знания, и навыки, как впитывает ткань чистую воду. Он свободно читал и писал и, хотя не имел, в отличие от меня в юности, дара языков, говорил, помимо местного наречия, на вполне сносной латыни и довольно понимал по-гречески, чтобы читать ярлыки на банках и разбирать рецепты. Ему довелось, по его словам, держать в руках перевод Галена, однако о Гиппократе он знал только понаслышке. Я усадил его штудировать отца медицины в переводе на латынь, и он одолевал меня вопросами, так что я и сам почувствовал себя едва ли не школяром — я так давно не задавался вопросами, что забыл доказательства ответов. Чего он не знал и не желал знать — так это музыки, здесь я впервые

натолкнулся на его мягкое, но неодолимое упрямство. Когда я играл и пел, он мечтательно слушал, светлея лицом, но сам ни за что не соглашался даже попробовать; и, сделав несколько безуспешных попыток обучить его нотам на большой арфе, я вынужден был отступиться. Я очень хотел, чтобы он научился петь — слушать, как на моей арфе играет другой, мне было бы не слишком приятно, но голос у меня с годами испортился, и я рад был бы услышать, как новый, молодой голос поет сочиненные мною песни. Но он ни в какую. Улыбнется, настроит мне арфу (на это он был способен и согласен) и сидит слушает.

Всему же прочему он обучался жадно и быстро. Вспоминая, каким образом мой старый наставник Галапас посвящал меня в тайны магического искусства, я постепенно, шаг за шагом, вводил Ниниана под туманные своды волшебных чертогов. Даром ясновидения он в какой-то мере обладал, но, тогда как я с самого начала превосходил своего учителя, он в лучшем случае обещал в будущем со мной сравняться; прорицание же оставалось ему недоступно — хорошо, если он достигнет хотя бы половины моей высоты. Как все старые люди, я боялся, что его юный ум и нежное тело не выдержат тех трудностей и тягот, с которыми я сам много раз справлялся. Как некогда Галапас меня, я опаивал его тонко действующими, но неопасными зельями, и вскоре он уже видел образы в пламени очага или лампы, но, приходя в себя, чувствовал не более чем усталость и был разве что слегка встревожен. Он еще не научился связывать свои видения с истиной. И тут я не хотел ему подсказывать, да и не происходило ничего существенного в эти тихие годы его учения, о чем можно было увидеть в пламени истинное пророчество. Раз или два он принимался толковать мне что-то про королеву, Мельваса, Бедуира и короля, но я говорил ему, что эти видения слишком темные и лучше о них не задумываться.

О себе, о своем прошлом он по-прежнему не хотел ничего рассказывать. Всю жизнь он прожил на острове или по соседству, родители его, насколько я понял, были бедные обитатели одной из окрестных приозерных деревень. Ниниан Озерный — так он себя назвал и больше ничего не считал нужным добавить. И я этим удовлетворился. В конце концов, его прошлое не имело значения; будущее же его зависело от меня. Я не хотел его расспрашивать — как незаконный сын неизвестного отца я сам немало настрадался в его возрасте от таких расспросов и потому,

уважая его молчание, не выпытывал о том, о чем он не хотел говорить.

Приемы врачевания, анатомия, целебные снадобья — вот что ему было интересно, и здесь он преуспевал. При этом он еще оказался в отличие от меня искусным рисовальщиком. В ту первую зиму своего ученичества он занялся, просто ради удовольствия, составлением местного гербария, хотя с определением и разыскиванием полезных трав (а это добрая половина лекарского искусства) пришлось подождать до весны. Да и куда торопиться, говорил он мне, в его распоряжении вечность.

Так, счастливая и благословенная, прошла зима; каждый день не вмещал изобилия, которым полнилась жизнь. Быть с Нинианом значило обладать всем: вернулась моя молодость, все схватывающая на лету, и снова перед нею будущее разворачивало свои ослепительные обещания; в то же время я наслаждался спокойной жизнью размышлений и одиночества. Ниниан чувствовал, когда у меня появлялась потребность побыть одному, и либо уходил к себе, либо просто погружался в молчание, в глубокую задумчивость, так что я не ощущал его присутствия. Жить со мной в доме он не захотел, предпочитая, как он говорил, расположиться отдельно, чтобы не опасаться быть мне помехой. Поэтому я велел Море приготовить верхнее жилье, которое предназначалось для слуг, будь при мне слуги. Это было помещение над кладовыми и мастерской, окнами оно выходило на запад, и, несмотря на малые размеры и низкие стропила крыши, там было уютно и не душно. Поначалу мне было показалось, что Ниниан завел с Морой шашни — он подолгу болтал с ней то в кухне, то у реки, куда девушка спускалась полоскать белье, и до меня часто долетал их непринужденный согласный смех; однако никаких признаков близости не было заметно, а со временем из разговоров с Нинианом я по отдельным его обмолвкам заключил, что он столь же неопытен в любви, как и я. И это я счел вполне естественным, ведь магическая сила росла в нем прямо на глазах, с каждой неделей. А боги не дают нам два дара одновременно, они ревнивы.

На следующий год весна наступила рано: мягкая, солнечная погода установилась уже в марте, и потянулись в небе стаи диких гусей, спеша на север к своим гнездовьям. Я простудился немного и несколько дней просидел в доме, но потом вышел понежиться на солнышке в саду. Горлинки уже были заняты любовными хлопотами. От разогретой садовой стены исходило тепло, как от растопленного очага. Распустились цветки на ветвях айвы, понизу вдоль стены пышно цвели зимние ирисы. Из-за конюшни доносился скрежет огородной лопаты трудолюбивого Варрона. Я рассеянно думал о том, какие растения надо будет посадить в этом году. Мысли были сонные, приятные, взгляд покоился на переливчато-сизых грудках горлинок, слух ловил их убаюкивающее воркование...

Позже, вспоминая тот час, я предположил, что на меня опять напал таинственный обморочный недуг и помрачил мое сознание. Такая мысль для меня утешительна. Но кто знает, быть может, то был не прежний недуг, а просто старость да еще недомогание после простуды, а также успокоительная отрава довольства...

Очнулся я от звука быстрых шагов по каменным ступеням, открыл глаза, поднял голову. Сверху, из своей комнаты, спускался Ниниан, спеша, но пошатываясь, словно это он, а не я был болен и не в себе. Сходя по лестнице, он, чтобы не упасть, одной рукой держался за стену. Вот он нетвердо прошел через колоннаду и, очутившись на солнце, остановился, опираясь на одну из колонн. Я увидел бледные щеки, глаза в пол-лица, влажные, расширенные зрачки. Губы пересохли, зато на лбу выступили капли пота и две глубокие борозды боли пролегли между бровями.

— Что с тобой?

Встревоженный, я стал было тяжело подниматься на ноги, но он успокаивающим жестом остановил меня, приблизился и опустился у моих ног на каменные плиты, залитые солнечными лучами.

— Я видел сон,— проговорил он изменившимся голосом.— Нет, я не спал. Я читал у окна. Там висит паутина, вся в капельках после ночного дождя. И я залюбовался, глядя, как они искрятся на солнце...

Только тут я понял. Протянув руку, я придержал его за плечо.

— Посиди минуту тихо. То, что ты видел, не забудется. Подожди меня здесь. Успеешь рассказать.

Я встал, но он поймал меня за полу балахона.

— Ты не понял. Это было предостережение! Я знаю! Грозит какая-то опасность...

— Я отлично понял. Но пока у тебя не пройдет головная боль, ты не сможешь ничего вразумительно рассказать. Подожди минуту. Я сейчас вернусь.

Я отправился в кладовую. И, готовя ему укрепляющее питье, думал только об одном: он, читая и размышляя, увидел вещие образы в искрящейся росинке — я же, лениво нежась в ярком свете солнца, не видел ничего. Я спохватился, что руки у меня немного дрожат. Да, подумал я, много любви понадобится мне для того, чтобы кротко стоять в стороне и смотреть, как бог вместо меня осеняет теперь своим крылом другого. Пусть магическая сила приносит боль, внушает людям страх, даже ненависть — все равно для того, кто ею обладал, отречься, уступить ее другому, кто бы он ни был,— слишком большая жертва.

Я вынес кубок с питьем на солнце. Ниниан, все так же скорчившись на каменных плитах, прижимал кулак к вспотевшему лбу. Выглядел он юным и слабым. Подняв мне навстречу голову, он посмотрел на меня ничего не видящими, слезящимися от боли серыми глазами. Я сел, взял его за руку и помог ему поднести кубок к губам.

— Вот. Выпей. Тебе станет легче. Нет, нет, пока ни слова.

Он выпил. И снова свесил голову, прижав теперь лоб к моему колену. Я опустил ладонь ему на волосы. Так мы сидели с ним неподвижно, а горлинки, вспугнутые его появлением, постепенно слетались обратно и снова принялись нежно ворковать на черепичном навершии садовой стены. И из-за конюшни по-прежнему раздавался размеренный скрежет лопаты в руках трудолюбивого Варрона.

Но вот Ниниан пошевелился.

Я снял руку.

— *Полегчало?*

Он кивнул и поднял ко мне лицо. Борозды боли уже сошли с его лба.

— Да. Совсем прошло. Это была не просто головная боль — а словно игла впилась в мозг. Со мной никогда в жизни такого не бывало. Это болезнь?

— Нет. Это дар ясновидения. Теперь ты — глаза и язык самого неумолимого из богов. Ты видел сон наяву, люди зовут такой сон видением. А теперь можешь пересказать его мне, и посмотрим, было ли твое видение и вправду вещим.

Он подтянул колени, обхватил их руками. И заговорил, глядя мимо меня на белую стену, по которой распластались черные плети айвовых ветвей с красными раструбами цветов. Зрачки его еще оставались расширенными, голос звучал ровно и тихо, словно он пересказывал заученное.

— Я видел серый простор моря, взбаламученный штормовыми ветрами, волны разбивались о скалы, сверкая белизной, точно волчьи клыки. И серый галечник береговой отмели под струями дождя. Волны накатили на берег и выбросили обломки мачт, разбитые бочонки, обрывки парусов — остатки кораблекрушения. И тела утонувших людей, мужчин и женщин. Труп одного мужчины волна оставила вблизи меня, и я увидел, что этот мужчина был убит: у него на шее зияла глубокая рана, но кровь всю вымыло море. И детские тела я видел тоже, троих мертвых детей. Один голый ребенок был пронзен копьем. А за чертой бурунов я видел второй корабль, невредимый, паруса его были свернуты, и работали весла, удерживая корабль на месте. Я видел, что он глубоко сидит в воде от избыточного груза. Высокий нос корабля был круто изогнут и украшен парой оленьих рогов, настоящих или вырезанных из дерева, я не разглядел. А вот название корабля я прочел: «Король Олень». Люди на корабле смотрели, как море выбрасывает на берег мертвые тела, и смеялись. Они находились далеко от берега, но, поверишь ли, я слышал их речи вполне отчетливо...

— Верю. Дальше.

— Они говорили: «Тебя направляли боги. Кто бы подумал, что старая лохань так нагружена богатствами! Твое везение и честный раздел добычи всех нас сделают богачами!» Эти слова они обращали к капитану.

— Ты не расслышал его имени?

— По-моему, они называли его Хевиль.

— Это все?

— Нет. Потом наплыла тьма наподобие черного тумана. Когда же она рассеялась, «Короля Оленя» уже не было, а вблизи меня на берегу оказались несколько всадников, иные из них спешились и ходили по отмели, разглядывая мертвые тела. Один поднял обломок доски, на ней было что-то написано, может быть название корабля, и он отнес ее другому, сидевшему на лошади. Тот был смуглый, черноволосый человек, ни герба, ни значка я на нем не заметил, но видно было, что он у них главный. Он

пришел в ярость, коротко приказал что-то, и все, попрыгав в седла, поскакали через дюны и высокие травы прочь от берега. Я остался у воды один. А потом и мертвые тела пропали, только штормовой ветер дул мне в очи, выгоняя слезы... И все. Смотрю, у меня перед глазами большая паутина, и росинки высохли на солнце. Муха попалась в тенета и трясла паутину. Это, наверное, и привело меня в чувство. Мерлин...

Он вдруг замолчал и, вскинув голову, прислушался. Я тоже услышал внизу на дороге конский топот и отдаленную команду. Один всадник отделился от отряда и легким галопом помчался к нам.

— Кто бы это? Гонец из Камелота? — предположил я.— Вот, глядишь, и твое видение окажется в руку.

Лошадь остановилась, брякнули поводья, брошенные старому Варрону. Под арку вошел Артур.

— Мерлин, рад видеть, что ты на ногах. Мне говорили, ты болен, и я решил сам тебя проведать.

И замолчал, разглядывая Ниниана. Он, разумеется, знал, что у меня живет мальчик, но видел его впервые. Ниниан отказался сопровождать меня, когда я ездил в Камелот, а при посещениях короля всегда под каким-нибудь предлогом удалялся к себе. Я не принуждал его, зная, какой ужас внушает жителям приозерных селений верховный король.

Я поднялся на ноги и успел только произнести: «Это Ниниан...», как мальчик перебил меня. Он вскочил молниеносно, как змея раскручивает свои кольца, и воскликнул:

— Тот самый человек! Это он! Значит, мое видение было вещим!

Артур вздернул брови, удивленный, я знал, не нарушением этикета, а смыслом его слов. Он перевел взгляд с Ниниана на меня.

— Вещее видение? — повторил он негромко.

Слова эти были ему знакомы смолоду.

Я услышал, как Ниниан судорожно вздохнул, вдруг опомнившись и осознав, перед кем он находится. Он стоял, моргая, как человек, из темноты внезапно попавший на яркий свет.

— Это король. Так это был король!

Артур настороженно переспросил:

— Ну и что — король?

Ниниан, залившись краской, забормотал:

— Это я просто так. То есть я как раз пересказывал Мерлину... Я сначала тебя не узнал, и поэтому...

— Не важно. Теперь-то ты знаешь. Что же это был за вещий сон?

Ниниан умоляюще посмотрел на меня. Одно дело — пересказать мне свое видение, и совсем другое — произнести свое первое пророчество перед лицом короля. И я сказал, обращаясь к королю через его голову:

— Похоже, что твой старый приятель занимается пиратством — или иным подобным злодейством — в наших прибрежных водах. Убийство, грабеж, мирные торговцы обобраны, а судно потоплено, и в живых не осталось ни одного свидетеля.

Артур нахмурился.

— Мой старый приятель? Кто же это?

— Хевиль.

— Хевиль?! — Лицо его потемнело. Он постоял, глубоко задумавшись.— Да. Похоже, что так. Все сходится. Недавно я получил известие от Эктора: он сообщает, что старый Кау дряхлеет, а его сыновья, весь дикий выводок, только и глядят, где бы отхватить себе кусок. Три дня назад пришло известие от супруга моей сестры, Урбгена Регедского, о том, что одно прибрежное селение подверглось набегу и грабежу, жители же его все погибли или разбежались. Он винил ирландцев, но я усомнился: на море было слишком большое волнение, издалека не добраться; это дело соседское. Стало быть, Хевиль? Ты меня не удивил. Что же, отправляться мне туда?

— Кажется, что так. Можно предположить, что Кау скончался или лежит при смерти. Иначе, думаю, Хевиль не осмелился бы навлечь на себя гнев Регеда.

— Это твое предположение?

— Не более того.

Он кивнул:

— Да, мне тоже так кажется. А пожалуй, что это и кстати. Я как раз искал подходящий предлог для похода на север. Теперь, когда рука Кау ослабла и этот черный пес Хевиль сколачивает дружину, чтобы оспорить право старшего брата на стрэтклайдский престол, лучше будет, если я сам прослежу там за порядком. Так, значит, он грабит? А в каких местах, он не заметил?

Я вопросительно взглянул на Ниниана. Он только покачал головой.

— Нет,— ответил я за него.— Но ты его найдешь. Поезжай вдоль берега и увидишь тела и обломки. Пиратский корабль называется «Король Олень». Больше мы ничего не знаем. Но и этого довольно, чтобы ты мог обнаружить и наказать виновного.

— Не сомневайся, я это сделаю,— проговорил он мрачно.— Нынче же ночью пошлю к Урбгену и Эктору, предупрежу, чтобы ожидали меня, а сам тронусь в путь поутру. Я вам благодарен. Мне нужен был предлог, чтобы отбить от стаи милорда Хевиля, и ты мне его предоставил. Тем самым я получил возможность утвердить союз между Стрэтклайдом и Регедом и подкрепить своей поддержкой власть нового короля. Как долго я буду отсутствовать, не знаю. А ты, Мерлин? Правда ли, что у тебя тут все хорошо?

— Да, очень хорошо.

Он улыбнулся. От него не укрылся взгляд, которым я обменялся с Нинианом.

— Вижу, тебе теперь наконец-то есть с кем делить свои видения. Что ж, Нениан, рад был познакомиться с тобой.

Он с улыбкой посмотрел на мальчика и сказал ему несколько приветливых слов. Нениан, глядя на него во все глаза, произнес что-то в ответ. Я увидел, что ошибался: он не испытывал ужаса перед особой короля. В том, как он смотрел на Артура, без обычного замирания и трепета, было что-то для меня непонятное: взгляд ровный, словно бы оценивающий. Артур тоже это заметил и усмехнулся, но тут же отослал его прочь и, снова обратившись ко мне, спросил, что передать от меня Моргане и Эктору. А вскоре вслед за тем простился и уехал.

Нениан внимательно посмотрел ему вслед.

— Да, видение было вещее. Смуглый вождь на белом коне и белоснежный щит без значка и герба, только солнечный зайчик играет на выпуклой поверхности. Нет сомнений, это Артур. А кто такой этот Хевиль и почему король ищет повод, чтобы с ним расправиться?

— Он один из сыновей короля Кау, того, что сидит на престоле в Стрэтклайде, сколько я себя помню. Кау очень стар и успел народить от разных женщин ни много ни мало как девятнадцать одних сыновей. А уж сколько дочерей, этого у них там, на диком севере, не считают. Самый младший из сыновей Кау, Гильдас, был отправлен недавно к моему старому учителю Блэ-

зу, о котором ты знаешь из моих рассказов, и будет обучаться у него чтению и письму. Этот по крайней мере вырастет человеком мирным. Но Хевиль из всего дикого выводка самый бешеный. Они с Артуром всегда терпеть не могли один другого. В юности, когда Артур жил на севере, меж ними была ссора из-за женщины. Теперь же, когда Кау впал в дряхлость, король видит в Хевиле угрозу для мира и спокойствия на севере. Чтобы навредить Артуру, этот человек готов, должно быть, на все, даже на союз с саксами. Так полагает Артур. Однако теперь, раз Хевиль повинен в набегах и грабежах, его можно будет изловить и уничтожить. И тем отвести от королевства грозную опасность.

— И король ведет свою рать на север просто так, по одному твоему слову?!

Теперь во взгляде его был священный трепет, но то был трепет не перед монархами и их советниками — он ужаснулся силе, которую только недавно ощутил в себе.

— Нет,— ответил я ему с улыбкой,— по одному твоему слову. Если я говорил о твоем видении как о своем, то приношу извинения. Но дело было важное, а в тебе он мог бы и усомниться.

— Еще бы, конечно. Но ты ведь тоже видел?

— Я? Я ничего не видел.

— А мне поверил не колеблясь? — недоуменно сказал он.

— Конечно. Если я ничего не видел, это еще не значит, что твое видение ложно.

Он смотрел на меня встревоженно, даже испуганно.

— Как же так, Мерлин, выходит, ты ничего совершенно не знал, пока я не пересказал тебе свое видение? Ну, вот про то, что Хевиль занялся пиратством? Вернее даже, только задумал заняться пиратством? И ты послал короля на север просто на основании моих слов?

— Да, именно так.

Он молчал. Тревога, испуг, волнение и безоглядная радость отразились, сменяя друг друга, на его лице так же ясно, как отражается игра света и теней на водной глади его родного озера. Он еще только начал познавать, что значит обладание магической силой. Но когда он заговорил, его слова изумили меня. Подобно Артуру, он сумел прежде всего понять, как это затрагивало меня, а не его самого. И повторил, сам того не подозревая, вопрос, заданный мне прежде Артуром:

— Тебе не обидно, Мерлин?

Я ответил ему так же просто:

— Может быть, чуть-чуть — сегодня. А скоро и вовсе не будет. Это тяжкий дар; верно, пришло время, чтобы бог переложил его с моих плеч на твои, а мне предоставил нежиться на солнышке и любоваться горлинками на стене.

Я говорил с улыбкой, но его лицо оставалось сумрачным. И вдруг он совершил странный поступок — взял мою руку, прижал к своей щеке, потом выпустил, встал и без единого слова и взгляда ушел к себе. А я остался стоять на солнце, вспоминая, как другой мальчик, еще моложе, спускался под гору от пещеры Галапаса, и видения теснились и вихрились у него в голове, а боль одиночества, опасности и страдания — все это грозовой тучей темнело где-то впереди. Потом я вернулся к себе в комнату и читал у очага до тех пор, пока Мора не принесла мою полуденную трапезу.

Глава 8

Утром Артур отправился на север, и больше мы не получали о нем вестей. Ниниан ходил слегка ошарашенный — отчасти, я думаю, своей «вещей силой», отчасти же моим видимым самоотречением. Сам же я, признаюсь, не знал, что и подумать: я понимал, что находился в тот день где-то на самой грани болезненного помрачения — моего давнего отравного недуга, но и после прихода Артура, после того как он послушался Нинианова пророчества, мне все равно ничего не открылось, ни в подтверждение, ни в опровержение. И все же в эти благодатные солнечные дни я ощущал спокойствие и как бы покорность. Я словно наблюдал за тенью от дальних плывущих облаков, которая сползает с одного поля и накрывает другое. Мне мягко и неназойливо открылось, в какой стороне теперь лежит счастье, и я все выполнил: мальчика Ниниана подготовил для роли, которую некогда играл сам, а себя — для будущего, издавна предугаданного, теперь же ясно видимого и больше не пугающего, наоборот, манящего, как манит зверя зимняя спячка.

Ниниан еще больше прежнего замкнулся в себе. Несколько раз ночью, лежа без сна, я слышал, как он украдкой спускался в сад, тихо проходил между деревьями и стремглав, как отпущенное на свободу молодое животное, сбегал вниз под откос на дорогу. Как-то я даже попробовал последовать за ним магическим

зрением, но он, верно, нарочно постарался отвести мне глаза, и я ничего не увидел, кроме дороги, уводящей к острову, и маленькой фигурки, которая убегала, убегала от меня, теряясь за стеной тумана. Меня не смущало, что у него есть свои секреты, как не смущали и его долгие разговоры с Морой где-нибудь в кладовой или на кухне. Мое общество всегда было не ахти каким веселым, а с возрастом я и вовсе превратился в скучного молчуна. И только радовался, что у них нашлись общие молодые интересы и что они скрашивают друг другу жизнь у меня в услужении.

Ибо их жизнь была служением. Мальчик трудился у меня как раб. Таков уж закон любви: любя, так горячо желаешь, чтобы любимое существо достигло вершин, что не щадишь его ни в чем. А что я любил Ниниана, в этом уже не было сомнений: я видел в нем себя и в нем искал продолжения своей жизни. До тех пор пока король будет нуждаться в магическом оке и в совете королевского прорицателя, он всегда найдет его под рукой, как свой верный меч.

Однажды ветреным апрельским вечером мы развели в очаге жаркий огонь и сидели, греясь и любуясь пламенем. Ниниан расположился на своем всегдашнем месте на коврике, подперев подбородок кулаком и сощурив на огонь серые глаза. Вскоре на бледном его лице выступил пот, отблеск очага обвел сиянием нежные черты, на черных ресницах залучились радужные капельки. Я, как стало для меня обыкновением, засмотрелся на него, вместо того чтобы самому искать в пламени магическую силу. В душе у меня совмещались глубокое удовлетворение и мучительная, тревожная любовь — я сам не понимал ее противоречивой природы и не имел власти ее умерить. Да я и не пытался, усвоив уроки прошлого: пусть все идет как идет, лишь бы не причинить вреда мальчику, а в этом я, мне казалось, мог на себя положиться.

В лице его я заметил перемену, что-то, как в зеркале, мимолетно отразилось на нем — страдание, горе, печаль? Пот затекал в глаза, но мальчик не сморгнул ни разу.

Пора было мне присоединиться к нему. Я отвел взгляд от его лица и уставился в огонь.

И сразу увидел Артура. Он сидел на белом коне у самой кромки моря. Береговая отмель покрыта галечником, а вверху, на скале,— башня, которую я сразу узнал: это приморская твердыня

Регеда, охраняющая устье реки Итуны. Смеркалось, на штормовом небе громоздились бастионы синих туч, под ними отсвечивало серое море. Пенные валы, шипя, налетали на камни и взметались ввысь, чтобы, так же шипя, просочиться по мокрому галечнику обратно. Белый скакун стоял недвижно, кружево морской пены обвивало ему копыта, ветер раздувал гриву и серый плащ Артура, а белые конские бока лоснились — казалось, этот всадник вышел прямо из пучины моря.

Перед Артуром стоял какой-то человек, по виду крестьянин, и что-то озабоченно говорил, указывая рукой в море. Король обернулся и посмотрел туда, куда указывал крестьянин, поднеся ладонь козырьком к глазам. Я увидел то, на что он смотрел: далеко, у горизонта, в море плясал огонек. Король задал вопрос, крестьянин ответил и опять указал, теперь в сторону берега. Король кивнул, передал что-то тому в руку, потом повернул коня и поскакал по приморской дороге, и сквозь сгустившийся туман я увидел ратников, скакавших за ним следом. Прежде чем туман все затянул, я успел заметить, как в бойницах башни на скале зажглись огни.

Я снова очутился в озаренной огнем комнате и увидел, что Ниниан возвратился в нее еще прежде меня. Он сидел, скорчившись, перед очагом, обхватив голову руками.

— Ниниан!

Он не пошевелился, только еле заметно качнул головой. Я переждал минуту или две и протянул ему питье, которое теперь всегда держал под рукой.

— На. Выпей.

Он сделал глоток-другой, поблагодарил меня взглядом, но не произнес ни слова.

Я молча наблюдал за ним. Потом сказал:

— Итак, король достиг берегов Итуны и узнал о пиратах. Теперь он переночует в приморской башне Регеда, а утром, можно не сомневаться, настигнет Хевиля. В чем же дело? Артур невредим, видение твое подтвердилось, и все, что он задумал, будет осуществлено.

По-прежнему в ответ ни слова, и только этот исполненный отчаяния взгляд. Я поспешил сказать:

— Ну-ну, Ниниан, не убивайся так. Для Артура это дело мелкое. Единственное, о чем ему следует позаботиться, это как

покарать Хевиля, да чтобы не оскорбились его братья. Да и это не представит трудности. Хевиль уже давно, как говорится, плюнул в отцовский очаг и занялся злодействами на свой страх и риск. Так что, даже если старый Кау еще жив, едва ли он примет это близко к сердцу, а что до его старших сыновей, то они, узнав о смерти Хевиля, только вздохнут с облегчением. Если же ты видел беду, несчастье,— уже строже добавил я,— то тем более не должен отмалчиваться. Что это было? Смерть Кау? Но ее и так ожидают со дня на день. Чья же тогда? Морганы, сестры короля? Или графа Эктора?

— Нет.— Голос его прозвучал странно, словно порыв ветра с песком ударил в певучие струны.— Короля я даже не видел.

— Выходит, ты ничего не видел? Не огорчайся, Ниниан, это бывает. Вспомни, в прошлый раз это случилось даже со мной. Будут дни, когда, как ты ни напрягайся, тебе ничего не откроется. Я ведь говорил тебе, надо терпеливо ждать милости от бога. Он сам избирает вещий срок, а не мы.

Ниниан потряс головой:

— Не в этом дело. Видение мне было. Но верховного короля я не видел. Совсем другое.

— Тогда скажи мне.

Опять этот отчаянный взгляд.

— Не могу.

— Послушай, друг мой, как не тебе выбирать твои видения, так же не тебе решать, рассказывать их или нет. Настанет, быть может, время, когда ты в королевских дворцах будешь сам судить, о чем говорить, а о чем промолчать, но сегодня, здесь, ты расскажешь мне все, что увидишь.

— Я не могу!

Я переждал минуту.

— Ну хорошо. Ответь на вопросы. Ты видел образы в пламени?

— Да.

— И они как-то противоречили твоему прежнему видению или тому, что видел я?

— Нет.

— В таком случае, если ты молчишь из страха передо мной, если ты боишься, что я почему-нибудь рассержусь...

— Перед тобой я никогда не испытываю страха.

— Раз так,— терпеливо убеждал его я,— нет совершенно никаких причин тебе хранить молчание, наоборот, как ни посмотри, ты обязан сказать мне, что ты видел. Может быть, это вовсе не так страшно, как ты думаешь. Ты мог неправильно понять. Это тебе не приходило в голову?

В его взгляде вспыхнула надежда — чтобы тут же погаснуть. Ниниан нерешительно набрал в грудь воздуха. Я уже подумал, что он заговорит, но он только прикусил губу и не нарушил молчания. Может быть, это мою смерть он увидел? — мелькнула у меня мысль.

Я наклонился к нему, взял в ладони его лицо, заставил его посмотреть мне в глаза.

— Ниниан. Ты думаешь, я не смогу побывать там, где сейчас был ты? Неужели ты заставишь меня напрягаться и тратить силы, вместо того чтобы поступить по моему слову? Ну скажи мне, что ты видел в пламени?

Он облизнул пересохшие губы и проговорил шепотом, словно его страшили звуки:

— Ты знал, что Бедуир на этот раз не сопровождает верховного короля? Что он остался в Камелоте?

— Нет, но об этом легко догадаться. Ведь король должен был оставить кого-то сторожить дворец и охранять королеву.

— Вот это я и видел.— Он опять облизнул губы.— Бедуира в Камелоте... с королевой. Они были... по-моему, они...

Я разжал ладони, и он поспешил снова опустить голову, отведя свой взгляд от моего.

И я докончил за него, потому что конец его сбивчивых речей мог быть только один:

— ...любят друг друга?

— Да, мне кажется. То есть я это знаю точно.— Он заговорил теперь горячо, недоуменно: — Мерлин! Как она может? После всего, что было... После всего, что он для нее сделал!.. Этот случай с Мельвасом, все знают, что там произошло. А Бедуир? Как он мог предать своего короля! Но королева, женщина, и чтобы посмотрела в сторону от такого супруга, от такого короля!.. Если бы можно было не поверить этому видению! Но я знаю, оно было истинным! — Он глядел на меня еще расширенными после транса глазами.— Мерлин, во имя бога, что нам делать?

Я медленно ответил:

— Пока еще не знаю. Но не думай теперь об этом, если можешь. Это бремя ты не должен брать на себя вместе со мною.

— Ты ему скажешь?

— А как ты думаешь? Я его слуга.

Он снова прикусил губу и уставился в огонь, на этот раз не видя, я знал, ничего. Лицо у него было бледное, страдальческое. Я помню, меня удивило, что он больше винил Гвиневеру за слабость, чем Бедуира за предательство. Помолчав, он тихо сказал:

— Как ему скажешь такое?

— Пока не знаю. Время научит.

Он поднял голову:

— Ты не удивлен.

Это прозвучало как обвинение.

— Нет. Мне кажется, я знал, еще с той ночи на озере, когда он поплыл к дому Мельваса. И после, когда он был болен и она за ним ходила... Теперь я вспоминаю, когда она только приехала в Каэрлеон, Бедуир изо всех рыцарей один не смотрел на нее, и она тоже не поднимала на него глаз. Наверно, они тогда уже это почувствовали, на пути из Северного Уэльса, до того, как она увидела короля.— Я добавил: — И можно сказать, мне было предупреждение много лет тому назад, когда они оба были детьми и женщина еще не встала между ними и не привнесла смятение в их жизни, как это свойственно женскому полу.

Он резко встал, проговорил:

— Я иду спать,— и покинул меня.

Оставшись один, я снова погрузился взором в пламя. И сразу же увидел их. Они стояли на западной террасе, где я беседовал с Артуром. Теперь весь дворец скрывала темнота, только смутно мерцали в вышине звезды и между кадками, в которых росли розовые кусты, протянулся луч от горящей лампы.

Они стояли недвижно и молчали. Только пальцы их были сплетены и глаза смотрели в глаза с безумным волнением. У нее вид был испуганный, на щеках блестели слезы; его лицо выражало покорность судьбе, беспомощность перед белой тенью. Любовь, захватившая их в свои лапы, была жестокой любовью, но я понял, что ни он, ни она до сих пор не пожертвовали ради нее своей верностью.

Я смотрел и сострадал, а потом отвел взгляд от горящих поленьев и оставил любящих наедине.

Глава 9

Спустя восемь недель возвратился король. Он настиг Хевиля, победил его в честном сражении, сжег его корабли и заставил выплатить такие суммы, что он теперь не скоро сможет поднять голову.

Ему пришлось еще раз поступиться своими чувствами ради политики. По пути на север он получил известие о том, что Кау, король Стрэтклайда, мирно скончался у себя в постели, то есть мирно для Кау: он провел день на охоте, а полночи за пиром и, когда в предрассветный час пришел для девяностолетнего гуляки срок неотвратимой расплаты, испустил дух в окружении тех из своих сыновей и их матерей, кто поспел к его одру. Перед смертью он назначил наследника: своего второго сына Гвартегидда (старший был жестоко изувечен в бою за несколько лет до того). Гонец, доставивший Артуру это известие, привез также заверения в дружбе от нового короля. И Артур, пока не встретился с Гвартегиддом и не узнал его мнения, не решился разделаться с его братом Хевилем, дабы не подвергать опасности эту дружбу.

Выяснилось потом, что опасения его были напрасны. Передавали, что, узнав о разгроме Хевиля, Гвартегидд, совсем как покойник отец, издал радостный клич и выпил за здоровье Артура полный рог медовой браги. Артур в сопровождении Урбгена и Эктора прибыл в Думбартон, прогостил у Гвартегидда девять дней, присутствовал на его коронации. И только после этого, успокоенный, собрался в обратный путь. Ехал он восточным трактом через Элмет, убедился, что на Равнине и в Саксонских землях мир, а потом, перейдя через Пеннинский проход, прибыл в Каэрлеон, где пробыл месяц, и только в начале июня возвратился наконец в Камелот.

И вовремя. Не раз и не два я видел в пламени двоих любящих, раздираемых между страстью и долгом,— Бедуира, всего натянутого как струна, и королеву с широко распахнутыми глазами и нервными руками. Они больше не оставались наедине, рядом неизменно были либо дамы, сидевшие за рукоделием, либо его слуги, сопровождавшие их в поездках. Но сидели или скакали они всегда обособленно и без устали разговаривали друг с дружкой, словно в речах и в редких, мимолетных касаниях находили утоление.

Изо дня в день они нетерпеливо ждали возвращения Артура: Бедуир — потому что без согласия короля не мог оставить свой мученический пост; Гвиневера — трепеща перед супругом, которого она по молодости лет не могла не бояться, но ей было не у кого, кроме него, искать защиты и утешения — когда он находил для нее время.

Он пробыл дома в Камелоте десять дней, прежде чем приехал навестить меня. Было погожее, ясное июньское утро. Я поднялся по обыкновению на заре и пошел прогуляться по холмам за усадьбой. Гулял я один, Ниниан появлялся, только когда Мора звала к завтраку. Я пробродил уже целый час, размышляя и останавливаясь время от времени, чтобы сорвать искомое растение, когда услышал из-за гряды холмов неторопливый топот конских копыт. Как я узнал, что это Артур, затрудняюсь сказать: по конскому топоту одного всадника от другого не отличишь, и в прозрачном воздухе солнечного утра не было видений, но любовь проницательнее магии, и я просто обернулся и стоял, поджидая его, под сенью терновника, произрастающего кое-где по гладким крутым склонам. Этот куст рос на краю оврага, по которому вилась тропа, древняя, как сама земля. И вскоре на тропе я увидел его — он ехал вверх, непринужденно сидя на низкорослой гнедой кобылке, а у стремени бежал его верный пес, молодой преемник Кабаля.

При виде меня он поднял приветственно руку, повернул кобылу вверх по склону, потом соскочил с седла и подошел ко мне, улыбаясь.

— Итак, ты опять оказался прав. Впрочем, зачем я тебе это говорю? Нет нужды, наверно, рассказывать и о том, как все произошло? Тебе никогда не приходило в голову, Мерлин, как скучно иметь при себе провидца, который все знает наперед? Мало того, что я ничего не могу от тебя скрыть, но я даже не имею возможности потом прийти к тебе и похвастаться.

— Очень сожалею. Но поверь, на этот раз твой пророк ждал твоих донесений так же нетерпеливо, как и все остальные. Спасибо за письма... А как ты меня нашел здесь? Ты заезжал в Яблоневый сад и тебе сказали?

— Я ехал туда, но встретил лесоруба на телеге, запряженной волами, и он указал, в какой стороне тебя искать. Ты идешь дальше? Я пройдусь с тобой, если можно.

— Ну конечно. Я как раз собирался поворачивать обратно... Я был очень рад твоим письмам, но все-таки хотел бы услышать все из первых уст. Трудно представить себе, что старого Кау больше нет на свете. Он сидел на своем утесе в Думбартоне сколько я себя помню. Думаешь, Гвартегидд сможет за себя постоять?

— Против ирландцев и саксов он постоит, тут на него, без сомнения, можно положиться. А вот как он поладит с остальными семнадцатью претендентами на престол — это другой вопрос.— Он усмехнулся.— Вернее, с шестнадцатью, Хевилю я подрезал крылья.

— Тогда уж с пятнадцатью. Юного Гильдаса можно не считать, он ведь поступил в писцы к Блэзу.

— Верно. Умненький мальчик, но всегда ходил по пятам за Хевилем. После смерти Блэза он, я думаю, уйдет в монастырь. Оно и к лучшему. Как и его любимый брат, он ко мне любви не питает.

— Будем надеяться, что бумаги учителя останутся у него в сохранности. Тебе бы надо тоже посадить писцов за составление хроники.

Артур вздернул бровь.

— Это что же? Предостережение пророка?

— Ничуть. Просто попутная мысль, не более. Так, значит, Гвартегидд — твой союзник? А ведь когда-то он попробовал было взбунтоваться против власти отца и заигрывал с ирландскими королями.

— Он был моложе, да и у Кау рука была тяжелая. Дело прошлое. Теперь, я думаю, он стал основательнее. Самое важное, что он разделяет мнение Урбгена...

И он пустился в тонкости, делясь со мной накопившимися за недели мыслями и тем облегчая душу. Мы медленно спускались пешком с холмов к усадьбе, а его кобыла брела за нами следом, и гончий пес носился поблизости, описывая вокруг нас все более широкие круги.

Я слушал его и думал, что, в сущности, ничего не переменилось. Пока не переменилось. Он все реже искал моего совета, но по-прежнему, как в отрочестве, испытывал потребность обсудить — с самим собой, равно как и со мной — происходящие события и трудности, возникающие при возведении задуманного им объединения королевств. И как встарь, после двухчасового разговора, во время которого я сам иногда успевал сказать много, а иногда не вставлял ни слова, я видел и слышал, что все узлы уже почти распутаны. И тогда он вдруг поднимался, расправлял плечи, потягивался и, простившись, уходил — без церемонии, можно бы сказать, но между нами не было нужды в церемониях. Я был могучим дубом, на который, прервав полет, присаживался орел, чтобы отдохнуть и подумать. Впрочем, теперь у могучего дуба начали кое-где отсыхать ветви. А молодой дубок скоро ли окрепнет настолько, чтобы выдержать орла?

Артур довел свой рассказ до конца. И, словно прочитав мои мысли, посмотрел на меня долгим, озабоченным взглядом.

— Теперь о тебе. Как ты жил все это время? У тебя усталый вид. Ты опять был болен?

— Нет. О моем здоровье тебе нет нужды беспокоиться.

— Я все время вспоминаю, как был у тебя в прошлый раз. Ты тогда сказал, что это твой...— он замялся,— твой помощник «видел» Хевиля и его банду за работой?

— Да. Ниниан.

— А ты сам не видел ничего?

— Нет. Ничего.

— Так ты сказал и тогда. Но все-таки, по-моему, это странно. А по-твоему?

— Пожалуй. Но, если помнишь, я был нездоров в тот день. Не совсем, должно быть, оправился от простуды.

— А он давно у тебя?

— С сентября. Сколько это получается? Девять месяцев?

— И ты обучил его всему, что знаешь?

Я улыбнулся:

— Ну, нельзя сказать, чтобы всему. Но многому. Ты не останешься без королевского прорицателя, Артур.

Но он не улыбнулся мне в ответ. Он смотрел на меня с тревогой. Он шел по каменной осыпи, поросшей свежей травой, кобыла качала мордой у него над плечом, а пес весело бежал впереди, ныряя в кусты дрока, испещренные золотистыми ароматными цветками. С каждого потревоженного куста вспархивали облачком голубые мотыльки и осыпались, алея спинками, божьи коровки. В ту весну божьих коровок развелось видимо-невидимо, и на ветках дрока они сидели сотнями, точно ягоды на терновнике.

Некоторое время Артур молчал, хмурясь собственным мыслям. Потом, как видно, принял решение:

— Ты ему доверяешь?

— Ниниану? Разумеется. А что?

— Но много ли тебе о нем известно?

— Столько, сколько надо,— ответил я, может быть, чуть-чуть заносчиво.— Я рассказывал тебе, как он ко мне пришел. Я был уверен тогда и не сомневаюсь теперь, что это бог свел нас с ним. Более восприимчивого ученика мне бы никогда не найти. В чем бы я ни пробовал его наставлять, он всему обучается с охотой. Погонять его не приходится, наоборот, я его еще придерживаю. А почему ты озабочен? Ты же сам имел доказательство его дара. Видение его было вещим.

— Да нет, я не подвергаю сомнению его дар,— сухо произнес Артур с еле заметным упором на последнем слове.

— Что же тогда? На что ты намекаешь?

Я и сам удивился тому, как холодно прозвучал мой вопрос.

Он решительно ответил:

— Прости меня, Мерлин. Но я должен тебе сказать. Я сомневаюсь в его намерениях.

Хотя он уже дал мне понять, к чему клонит, его слова потрясли меня. Кровь отхлынула от сердца. Я остановился и повернулся к Артуру. Вокруг нас воздух был напоен сладким благоуханием цветущих трав, я различал запах тимьяна, и конского щавеля, и овсяницы, сорванных мягкими губами гнедой кобылы.

Меня нелегко вывести из себя, тем более Артуру. Немного помолчав, я сумел произнести ровным, спокойным голосом:

— Если ты находишь, что должен мне что-то сказать, разумеется, говори прямо сейчас. Ниниан мне не просто помощник, он обещает стать моим вторым «я». Если я когда-нибудь служил тебе опорой, Артур, ты сможешь опереться на Ниниана, когда меня не станет. Нравится он тебе или нет — хотя почему ты его невзлюбил, ты же его почти не знаешь? — но тебе придется принять его как моего заместителя. Я же не вечен, а у него есть магический дар. Он и сейчас обладает силой провидения, и она у него еще возрастет.

— Знаю. Это меня и смущает.— Он отвел глаза, быть может, не выдержав моего взгляда.— Разве тебе не понятно, Мерлин? Он обладает провидческой силой. Ему было видение о Хевиле, а тебе нет. Ты говоришь, ты был нездоров, устал, но когда так

бывало, чтобы твой бог считался с твоей слабостью? И ведь то был не просто так, досужий взгляд в будущее, а важное видение, которое без причины не ускользнуло бы от твоих глаз. Благодаря ему в час кончины Кау я оказался поблизости, на границе Регеда, и мог оказать поддержку Гвартегидду, тем самым предупредив междоусобицу среди этих драчливых принцев. Так почему же все-таки видение не пришло тебе?

— Неужели я должен повторять? Я был...

— Да, ты был нездоров. Но почему?

Молчание. Издалека налетел верховой ветер, напоенный медвяными запахами нагорий. Под его дыханием пригнулись и зашелестели травы. Кобыла весело хрупала, пес прибежал и сел у ног хозяина, болтая высунутым языком. Артур тряхнул головой и приготовился было продолжать, но я опередил его:

— Что ты хочешь сказать?.. Нет, молчи. Я отлично знаю, о чем ты. Ты думаешь, что я взял к себе в дом этого неизвестного мальчика, полюбил его всем сердцем, открыл ему тайны растительных зелий и начатки магии, а он замыслил захватить мое место и отнять мою силу. Что — кто знает? — быть может, он опаивает меня моими же травами. Так?

Легкая усмешка покривила его губы, но не просветлила хмурого взгляда.

— Ты не из тех, кто обходится недомолвками, верно?

— Я не из тех, кто скрывает правду, особенно от тебя.

— Но ты ведь не всегда знаешь всю правду, милый мой.

Почему-то от мягкого тона, каким он это сказал, у меня сжалось сердце в тяжелом предчувствии.

— Согласен,— ответил я, нахмурив брови.— И так как я не могу предположить, что тобою движет лишь неясное подозрение, мне остается заключить, что тебе известно о Ниниане нечто такое, о чем не знаю я. В таком случае почему бы тебе не уведомить меня и не предоставить мне судить самому?

— Хорошо. Но только...

Какая-то перемена в его лице заставила меня проследить за его взглядом. Он смотрел далеко вниз, туда, где пролегал небольшой овраг с ручьем, бегущим по дну, и купами ив и берез. По ту сторону оврага подымался зеленый склон холма, отгораживавшего от нас мою усадьбу Яблоневый сад. Что-то голубое мелькало между ив; я пригляделся — это был Ниниан, оказывается, он вовсе не спал, как я думал, а, присев, собирал что-то на

берегу ручья. Вот он выпрямился — в руках у него была целая охапка зелени. Там, я знал, росла жеруха водная, и дикая мята, и болотная калужница. Ниниан постоял, перебирая сорванные травы, потом перепрыгнул через ручей и быстро взбежал вверх по зеленому склону, так что голубой плащ вздулся у него за спиной, точно парус.

— Так что же? — спросил я.

— Я хотел сказать, почему бы нам не спуститься к ручью? Нам надо поговорить, а для этого не обязательно стоять нос к носу на вершине горы, можно устроиться удобнее. Я ведь по-прежнему перед тобой робею, Мерлин, даже несмотря на то что уверен в своей правоте.

— Этого мне вовсе не надо. Давай спустимся, пожалуйста.

Он потянул гнедую кобылу за узду и повел ее вниз по склону оврага туда, где над ручьем столпились деревья, главным образом березы и две-три старые узловатые ольхи, черневшие в кустах жимолости и куманики. Одна береза недавно упала и белела на траве, отливая серебром. Король привязал поводья кобылы к молодому деревцу и оставил ее щипать траву, а сам отошел и сел рядом со мной на березовый ствол.

Он сразу приступил к делу.

— Этот Ниниан рассказывал тебе что-нибудь о своих родителях? Об их доме?

— Нет. Я не допытывался. Думаю, что он низкого рода, а может быть, рожден вне брака: и видом, и речью он не походит на крестьянина. А нам с тобою обоим хорошо известно, каково бывает отвечать на подобные расспросы.

— Но я не так деликатен, как ты. Он меня еще тогда заинтересовал, когда я познакомился с ним у тебя в Яблоневом саду. А по возвращении с севера я навел справки.

— И что ты узнал?

— Хотя бы то, что он с первого дня тебя обманывал.— Он стукнул себя кулаком по колену и горячо продолжал: — Мерлин, Мерлин, неужели ты совсем ослеплен? Я бы поклялся, что невозможно так обмануться, но я слишком хорошо тебя знаю... Даже и сейчас, когда ты вот только что видел его у этого ручья, неужели ты ничего не заметил?

— А что я должен был заметить? Я думаю, он собирал ольховую кору. Он знает, что она у нас на исходе, и вон, посмотри, дерево ободрано. И еще у него в руках была жеруха водная.

— Ага! На это твоей зоркости достало. А вот разглядеть то, что увидел бы на твоем месте любой, ну, если не сразу, то уж через несколько дней, ты не смог! Я это заподозрил в первые же минуты тогда в саду, пока ты пересказывал мне вещее видение, стал разузнавать, и так и оказалось. Мы сейчас с тобой оба видели одного и того же человека, бежавшего вверх по склону, но ты увидел мальчика, а я — женщину.

Не помню сейчас, на каком месте его речи я догадался, к чему он клонит. К середине я словно бы уже давно все знал — это было как жар перед ударом молнии, как мгновение тишины после вспышки, наполненное грядущим громом. То, чего не увидел премудрый маг с помощью божественного дара, за несколько минут разглядел молодой мужчина, хорошо знакомый с повадками женщин. Он был прав. Я мог только молча дивиться, что так легко поддался обману. Ниниан. Маленькая фигурка в тумане, лицо погибшего мальчика. Сходство было так велико, что я окликнул ее и окрестил «мальчиком» и «Нинианом», прежде чем она смогла мне хоть что-то возразить. Сказал, что я Мерлин, и предложил ей в дар секреты магии и моего искусства, секреты, которые другая — ведьма Моргауза — всю жизнь напрасно пыталась у меня выманить, а эта... я с готовностью положил свои дары к ее ногам.

Понятно, почему ей понадобилось время на то, чтобы все обдумать и устроить, чтобы обрезать волосы и изменить платье и набраться храбрости, прежде чем явиться ко мне в Яблоневый сад. Понятно, почему она не захотела жить со мной в доме, а выбрала себе жилье над мастерской, с отдельным входом из галереи, и почему осталась равнодушной к совершенствам Моры, зато так дружески с ней сошлась. Значит, Мора догадалась? Я отмахнулся от этой мысли под наплывом десятка других. Как она быстро усваивала науку, перенимая сначала со страхом, потом покорно и наконец с восторгом магическую силу, пусть и несущую с собою такие страдания. Какой у нее был внимательный, кроткий взгляд, и каждый жест сдержанно, несмело, но выражал преклонение. Как она вставала и уходила, когда я, к слову, бранил женщин за то, что от них столько беспокойства. Как за пагубную любовь поспешила осудить Гвиневеру, но не Бедуира.

Мне живо вспомнилось ощущение шелковистых темных волос под ладонью, тонкие черты запрокинутого лица, напряженно глядящие в огонь серые глаза и мое чувство любви, от которого

сжималось сердце, чувство, которое озадачивало меня самого, но теперь больше не будет озадачивать. Словно луч солнца пробился сквозь березовую листву, осветив забытые лесные колокольчики из далекого прошлого и девушку, которая когда-то предложила мне свою любовь, а потом посмеялась, упрекая в бессилии,— меня вдруг осенило, что на этот раз ревнивое божество не будет стоять между мною и моей любимой. Теперь я могу принести ей в дар, вместе с магической силой, наукой и славой, еще и свое мужество, до сих пор принадлежавшее только богу. Отречение, на которое я до сих пор в душе не решался, сам же стыдясь своей нерешительности, принесет мне не утрату, а новое радостное обретение.

Я опомнился и снова увидел вокруг залитый солнцем березняк и сегодняшние колокольчики. Артур смотрел на меня с изумлением.

— Ты как будто бы даже не удивлен. Ты что же, догадывался?

— Нет. А должен был бы. Если не по тем признакам, которые были очевидны для тебя, то хотя бы по чувству, которое испытывал и испытываю.— Я улыбнулся, видя его возмущение.— Да-да, старый глупец, если тебе угодно. Но теперь я знаю наверняка, что мои боги милостивы.

— Потому что тебе кажется, будто ты любишь эту женщину?

— Потому что я ее люблю.

— Я считал тебя умным человеком,— сказал он.

— И потому, что я умный человек, я знаю, что любовь нельзя опровергнуть словами. Поздно, Артур. К чему бы это потом ни привело, теперь уже поздно. Свершилось. Нет, выслушай меня. Все стало ясно, как солнечный луч на воде. Все мои пророчества, все, что я провидел в будущем со страхом... Теперь это сбывается, но мне не страшно. Я много раз говорил, что прорицание — обоюдоострое оружие, божьи угрозы и посулы двусмысленны и подчас обращаются на прорицателя, как обращается меч на того, чья рука его подняла.— Я запрокинул голову и залюбовался игрой света в листве.— Я рассказывал тебе, что знаю свой конец. Мне было однажды видение в языках пламени. Я видел пещеру в валлийских холмах, молодая женщина, моя мать, а имя ее было Ниниана, лежала в ней с молодым принцем, моим отцом. Потом поверх этого видения явилось другое: я увидел себя седым стариком и со мною находилась молодая темноволосая женщина, глаза которой были закрыты. Я думал, что это Ниниана. Это и в самом деле была Ниниана. Это и есть Ниниана.

Неужели ты не понимаешь? Если ей суждено сыграть роль в моем конце, какой это будет счастливый конец!

Он так резко поднялся с березового ствола, что пес, дремавший калачиком у его ног, отскочил, взъерошенный, словно почуял опасность. Артур сделал три шага в сторону, три шага обратно, остановился надо мною. И с такой силой ударил себя кулаком по ладони, что кобыла, мирно пасшаяся в стороне, вздрогнула, подняла уши и замерла.

— Ты думаешь, я могу тут сидеть и спокойно слушать, как ты рассуждаешь о своей смерти? Ты мне когда-то сказал, что кончишь жизнь в гробнице, погребенный заживо. Ты полагал, что это будет твоя пещера Брин-Мирддин. Не попросишь ли теперь у меня позволения отправиться к себе в Уэльс, чтобы эта... эта ведьма могла замуровать тебя?

— Да нет же. Ты не так понял...

— Я понимаю не хуже, чем ты, и помню, мне кажется, лучше! Ты, может быть, забыл проклятье Моргаузы? Она посулила тебе, что ты падешь жертвой женских чар, помнишь? А что сказала когда-то королева Игрейна, моя мать? Ты сам мне передавал. Если Горлойс, герцог Корнуэльский, погибнет, она весь остаток дней будет молиться о том, чтобы тебе умереть обманутым женщиной.

— Ну и что? — сказал я ему.— Разве я не пал жертвой женских чар? И не обманут женщиной? Вот тебе и все пророчество.

— Ты в этом уверен? Прости, но я еще раз напомню тебе, что ты не знаешь женщин. Вспомни Моргаузу. Она хотела, чтобы ты обучил ее магии, а когда ты отказался, добилась влияния другим путем... мы знаем каким. А эта женщина добилась того, что не удалось Моргаузе. Скажи мне одно: если бы она явилась к тебе какая есть, в облике женщины, ты бы принял ее к себе в обучение?

— Не знаю. Может быть, нет. Но ведь она не явилась в облике женщины, в этом все дело. Обман исходил не от нее. Он был навязан ей из-за моей ошибки, а мне ошибку навязал случай, благодаря которому я когда-то раньше знал и любил мальчика Ниниана, и этот мальчик утонул. Если ты не видишь здесь руки бога, мне очень жаль.

— Да, да,— нетерпеливо отозвался он,— но ты сам напомнил мне сейчас, что божьи посулы двусмысленны. То, что сейчас

представляется тебе счастьем, еще может обернуться тем самым концом, которого ты страшился.

— Нет, вернее, наоборот. Предначертание, издавна внушавшее страх, может в конце концов обернуться благословением, как этот «обман». Мое старое видение смерти заживо в темной гробнице еще тоже, глядишь, окажется предзнаменованием счастья. Но как бы то ни было, уклониться мне не дано. Что будет, то будет. Бог волен выбрать сроки и пути. Если бы после всех этих лет я не полагался на него, я был бы как раз тем самым глупцом, каким ты меня считаешь.

— Стало быть, ты вернешься к этой женщине и не прогонишь ее, а будешь и дальше учить своему искусству?

— Именно так. Теперь уже поздно. Я посеял в ней семя магической силы и уже не могу помешать его развитию и росту, как если бы посадил дерево или зачал ребенка. И еще одно семя было посеяно, на горе ли, на счастье — все равно. Я люблю ее всей душой, и, будь она десять раз ведьма, я могу лишь возблагодарить за нее бога и только сильнее прижать ее к своему сердцу.

— А я не желаю, чтобы тебе причиняли зло.

— Она не причинит.

— Пусть попробует, и тогда ведьма или не ведьма, любишь ты ее или нет, но она получит от меня по заслугам. Ну что ж, похоже, что больше нам не о чем толковать. Пойдем обратно. У тебя тяжелая корзинка, дай, я тебе ее донесу.

— Нет, постой. Еще одно слово.

— Да?

Артур стоял передо мной, а я по-прежнему сидел на березовом стволе. За спиной у него колыхались плакучие ветви берез, мягко трепеща листами под дыханием летнего ветерка, а он возвышался надо мной, могучий, широкоплечий, и драгоценные самоцветы у него на плече, на поясе и на рукояти меча переливались, словно жили своей отдельной жизнью. Он был не юн, но полон зрелой силой — мужчина в расцвете жизни, вождь среди королей. Взгляд его выражал уверенность. И нельзя было предугадать, как он воспримет то, что я ему скажу.

Я медленно произнес:

— Раз уж речь зашла о концах, есть одна вещь, которую я должен сказать тебе в заключение. Еще одно видение, которое я не вправе от тебя скрыть. Я видел это своими глазами, и не

однажды, а много раз. Твой друг Бедуир и Гвиневера, твоя супруга, любят друг друга.

Говоря, я смотрел в сторону, мне не хотелось видеть его лицо в тот миг, когда его постигнет удар. Должно быть, я ожидал гнева, вспышки ярости, по меньшей мере изумления. Но услышал молчание, такое долгое, что наконец не выдержал и посмотрел ему в лицо: оно не выражало ни гнева, ни даже удивления, а одно лишь суровое спокойствие, чуть смягченное жалостью и сожалением.

Я сказал, сам себе не веря:

— Ты знал?

— Да,— ответил он совсем просто.— Я знаю.

Стало тихо. Я напрасно искал подходящие слова. Он улыбнулся. И было что-то в этой улыбке не от молодости и силы, а от мудрости, которая человечнее и потому больше, чем та мудрость, что люди приписывают мне.

— У меня не бывает видений, Мерлин, но я вижу то, что вижу. А думаешь, другие, те, кто питается догадками и сплетнями, не постарались открыть мне глаза? Единственными, кто ничего не намекнул мне ни словом, ни взглядом, были сами Бедуир и королева.

— И давно ты знаешь?

— После того случая с Мельвасом.

А я вот не догадался. Его забота о королеве, ее радость и облегчение ничего мне не сказали.

— Но тогда зачем же ты оставил ее с Бедуиром, когда уехал на север?

— Чтобы дать им хоть какую-то малость.— Солнце светило ему прямо в глаза, заставляя щуриться. Он говорил неторопливо.— Ты сам только сейчас объяснил мне, что любовью нельзя распоряжаться и невозможно ее по желанию остановить. Если ты готов принять любовь, которая, быть может, принесет тебе гибель, тем более должен принять любовь я, зная, что она бессильна разрушить верность и дружбу.

— И ты в это веришь?

— Почему бы не верить? Все, что ты говорил мне за всю мою жизнь, оказалось правдой. А теперь вспомни, что ты пророчествовал о моей женитьбе, вспомни белую тень, которую ты видел, когда мы с Бедуиром были мальчиками, гвенхвивар, упав-

шую между нами. Ты тогда сказал, что она не нарушит нашу верность друг другу.

— Помню.

— Ну вот. Когда я женился на той, первой Гвиневере, ты предостерег, что она может принести мне несчастье. Такая девочка и — несчастье? — Он невесело усмехнулся.— Теперь мы знаем смысл пророчества. Мы видели белую тень. Она падает на меня и на Бедуира. Но раз она не сможет разрушить нашу верность друг другу, как же мне поступить? Я должен предоставить Бедуиру свободу и оказать ему полное доверие. Разве я простой поселянин, не имеющий в жизни ничего, кроме женщины, за которую он со всеми дерется, словно петух на навозной куче? Я король, моя жизнь — это жизнь короля. А она королева и бездетна, ее жизнь беднее, чем жизнь обыкновенной женщины. Что же ей, ждать год за годом одной на пустом ложе? Ходить, ездить верхом, садиться за трапезу — и чтобы место рядом с ней пустовало? Она молода, ей в тягость одиночество, она нуждается в любви. Клянусь богом, Мерлин, если за все то долгое время, что я, послушный королевскому долгу, провожу вдали от двора, она приведет к себе на ложе другого мужчину, разве я не должен радоваться, что это Бедуир? А чего бы ты хотел от меня? Что бы я ни сказал, все может только разъесть корни нашей дружбы, и никакие слова не изменят того, что свершилось. Любовь нельзя опровергнуть словами, ты сам так сказал. Вот я и храню молчание, и ты тоже будешь молчать, и благодаря этому дружба и верность останутся неколебимы. И спасибо судьбе за бесплодие моей супруги.— Снова та же усмешка.— Как видишь, непрямыми путями ведет бог и тебя, и меня.

Я встал. Солнечный свет пронзил колышущуюся листву берез и упал на воду. Ручей зарябил, заискрился, и глаза у меня заслезились.

Я тихо проговорил:

— Вот она, последняя милость судьбы. Ты больше не нуждаешься ни в моей помощи, ни в моем совете. Если тебе еще после этого понадобится предостережение или прорицание, ты найдешь его в Яблоневом саду. Что же до меня, то отпусти своего слугу с миром, позволь мне возвратиться домой, к моим холмам, чтобы я мог встретить там то, что меня ожидает.— Я поднял и подал ему корзинку.— А пока не вернуться ли нам в Яблоневый сад и не потолковать ли с нею?

Глава 10

Когда мы спустились в усадьбу, там, казалось, не было ни души. Час был ранний, Варрон еще не пришел из деревни, чтобы приступить к своим огородным трудам, а Мору я разглядел издалека: с корзинкой на руке она спешила с утра пораньше на деревенский базар.

Гнедая кобыла знала дорогу на конюшню и сама потрусила туда, когда ее легонько шлепнули по крупу. А мы зашли в дом. И там мы нашли ее — она сидела на своем привычном месте под окном и читала. Вблизи нее на подоконнике угощался крошками веселый зяблик.

Она, конечно, слышала стук лошадиных копыт, но, верно, сочла, что я вопреки обыкновению выехал в это утро на лошади или же что прибыл спозаранку гонец из Камелота. Увидеть самого короля она явно никак не ожидала. На звук моих шагов она подняла голову, приветливо улыбнулась и произнесла: «Доброе утро», но тут тень Артура у меня за спиной упала на порог, и она вскочила, так что свиток, который она читала, скрутился и упал к ее ногам.

— Я оставлю вас,— проговорила она и повернулась, чтобы выйти.

— Ниниан...— хотел было я предупредить ее.

Но Артур уже решительно переступил через порог и остановился в дверях, глядя ей прямо в лицо.

И я тоже, конечно, глядел во все глаза.

Теперь, когда я знал, мне оставалось только дивиться, как я мог не знать раньше. Для восемнадцати лет это было отнюдь не мужское лицо; конечно, у восемнадцатилетнего юноши еще могут быть такие гладкие щеки и нежный рот, и стан ее под бесформенным балахоном был по-мальчишески тонок, но руки, кисти были не мужские, и маленькие ноги — тоже. Могу только предположить, что меня ослепила память о мальчике Ниниане, каким он был в шестнадцать лет; желание видеть его так властно владело мною, что я воскресил его сначала в виде призрака на озере, а затем в облике этой девушки, неотступно и близко при мне находившейся, но все эти долгие месяцы сокрытой от моего взора. Да и она, быть может (подумалось мне), употребила немного перенятой у меня магии, чтобы застить мне глаза, покуда она не получит от меня того, что ей надо.

Она стояла прямая, как тростинка, и смотрела на нас. Ей, я думаю, не понадобилась магия, чтобы понять, что нам все известно. Серые глаза встретились с моими, но сразу же обратились к королю.

Что последовало за этим, трудно описать. Тихая, будничная комната, наполненная ароматами и голосами утра — благоухают *дикий шиповник, и ранняя роза, и левкои, которые она посадила* прямо под окном; от очага тянет вчерашней золой (ночи еще прохладны, она считает, что по вечерам для меня нужно разводить огонь); звучит вполголоса нежная песенка зяблика, порхающего по веткам яблони в саду. Обычная летняя комната, в которой, на обыкновенный, смертный, взгляд, ничего не происходит. Просто трое стоят и молчат.

Но для меня самый воздух покалывал кожу, как, бывает, покалывает вода, когда в нее ударила молния. Я чувствовал, как волоски встали дыбом у меня на руках и ощетинились на затылке, точно у пса в грозу. По-моему, я не шелохнулся — ни король, ни она ничего не заметили. Она неотрывно смотрела на него — без страха, я бы мог сказать, даже без волнения и интереса, если бы не эти флюиды в воздухе, обтекающие меня, как волны прибоя, заливающие скалистый берег. Ее серые глаза смотрели твердо, его черные буравили ее лицо. Я ощущал силу их столкновения. Самый воздух между ними дрожал.

Но вот король кивнул и поднял руку, чтобы расстегнуть пряжку плаща. Ее губы тронуло подобие усмешки. Это были знаки: ради меня он готов смириться с ее присутствием. И она ради меня готова ответить на его расспросы. Напряжение упало. Я сказал: «Позволь мне» — и взял плащ у него из рук. И она предложила:

— Принести вам завтрак? Мора все оставила, она ушла на базар. Она говорит, если не придешь с утра, все самое лучшее разберут.

И вышла. На столе уже были расставлены тарелки. Мы с Артуром сели. Она внесла хлеб и горшок меда, а также два кувшина: с молоком и с брагой, которые поставила у короля под рукой, а сама села на свое обычное место против меня. Когда я налил ей молока, она поблагодарила, но не подняла глаз. Потом она намазала себе меду на хлеб и начала есть.

— Как твое имя? — спросил король.— Неужели Ниниана?

— Да,— ответила она.— Но меня всегда называли Нимуэ.

— Кто твои родители?

— Моего отца звали Дионас.

— Понятно. Король Речных островов?

— Да. Его нет в живых.

— Это я знаю. Он сражался рядом со мной под Вирокониумом. Почему ты ушла из дома?

— Меня отослали служить Богине на Стеклянном острове. Таково было желание отца.— Проблеск улыбки.— Моя мать была христианкой, и, умирая, она заставила отца поклясться, что он отправит меня на остров. Она-то предназначала меня для тамошней христианской церкви. Мне было всего шесть лет. Отец дал обещание. Но сам он не был почитателем нового бога, как он его называл,— он был посвящен в культ Митры, его собственный отец ввел его в круг посвященных, когда еще был жив Амброзий. И потому, когда пришел срок выполнить данное матери обещание, он его выполнил и отвез меня на остров, но отдал в храм Великой Богини, что у горы Тор.

— Понимаю.

Я тоже понял. Среди других служительниц-анцилл она должна была присутствовать в святилище, когда Артур приносил благодарение после Каэр-Гвинниона и Каэрлеона. И может быть, даже заметила меня подле короля. Наверно, она осознала, что ближе этого ей никогда в жизни не подойти к принцу-волшебнику и к науке магии. А потом, в ту туманную ночь, я сам вложил ключ ей в руку. Конечно, нужна была храбрость, чтобы им воспользоваться, но уж чего-чего, а храбрости ей не занимать. А король продолжал расспрашивать:

— И ты захотела обучаться магии. Почему?

— Господин, я не могу объяснить почему. Почему певец стремится обучаться музыке? Или птица — летать по воздуху? Когда я поселилась на острове, я нашла там начатки волшебных искусств, и я их усвоила, но голод свой не утолила. Но однажды я увидела...— Она впервые запнулась.— Я увидела в храме Мерлина. Ты, конечно, помнишь тот день. А потом я узнала, что он поселился здесь, в Яблоневом саду. Я подумала, что, будь мужчиной, я бы пошла к нему в ученики. Он мудр, он понял бы, что магия у меня в крови, и согласился бы меня учить.

— Помню. Это был день, когда мы возносили благодарение за одержанные победы. Но если ты там присутствовала, как ты могла не узнать меня?

Она залилась яркой краской. И впервые за весь разговор потупила взгляд.

— Я не заметила тебя тогда, господин. Я же сказала тебе, что смотрела на одного Мерлина.

Последовала минута полного молчания, как бывает, когда ладонь ложится на струны арфы, убивая всякий звук. Я видел, как рот Артура открылся, затем закрылся, и вдруг все лицо вспыхнуло смехом. Но она упорно глядела в стол и ничего этого не заметила. Он весело посмотрел на меня, готовый расхохотаться, допил свою брагу и откинулся на спинку кресла. Голос его не изменился, но в нем больше не слышалось строгости: король опустил меч.

— Однако ты знала, что Мерлин не возьмет тебя в обучение, даже если бы удалось убедить владычицу алтаря, чтобы отпустила тебя?

— Да. Это я знала. У меня не было никакой надежды. Но после того дня мне еще труднее стало мириться с жизнью в женской обители. Они там до того всем довольны, у себя в курятнике, своими молитвами и заклятиями и вечной оглядкой назад, в прошлое, во времена легенд... Мне трудно объяснить. Но у кого внутри что-то горит и рвется на свободу, тот знает, каково это.— И снова взгляд ему в глаза, как равному.— Я словно еще не родилась на свет и стучалась в скорлупу, чтобы пробиться на волю. Вырваться с острова я могла только в том случае, если бы меня захотел взять себе какой-нибудь мужчина, но на это я бы не согласилась, да и отец предназначал меня для другого.

Король кивнул, выразив, мне показалось, понимание.

— Трудно было даже выкроить время, чтобы побыть одной. Я хитрила и выжидала, чтобы ускользнуть украдкой и остаться хоть ненадолго наедине со своими мыслями, водой и небом. А потом, в ту ночь, когда пропала королева Гвиневера, весь остров был охвачен суматохой, и я... я только и думала, что о том, как бы мне ускользнуть так, чтобы меня не хватились... Я знала, где стоит лодка, я иногда ее брала. Я вошла в нее и уплыла. В тумане меня никто бы не заметил. А тут вдруг Мерлин едет по-над озером. Он меня увидел и окликнул.— Она помолчала.— Остальное, я думаю, тебе известно.

— Да. И когда случай — или бог, скажешь ты, если ты и вправду ученица Мерлина,— распорядился так, что Мерлин принял тебя за мальчика Ниниана и позвал к себе в ученики, об остальном позаботилась уже ты сама.

Она опустила голову.

— Сначала, когда он заговорил, я ничего не поняла. Это было как сон. И только потом уже мне стало ясно, что он принял меня за мальчика, которого знал раньше.

— Как же тебе удалось в конце концов вырваться из святилища? Что ты сказала владычице алтаря?

— Сказала, что призвана к высшему служению. И объяснять ничего не стала, пусть думает, что я возвращаюсь в отчий дом. Кажется, она подумала, что мне приказано вернуться на Речные острова, чтобы сделаться женой моего кузена, который сейчас там правит. Она не спрашивала. Но препятствовать мне не стала.

Еще бы, подумал я, властная дама была только рада избавиться от ученицы, которая обещала в будущем затмить ее. Среди послушниц в белых одеждах эта юная волшебница, должно быть, сияла, как алмаз в воске.

У меня за спиной зяблик снова спрыгнул с яблони на подоконник и попробовал пропеть отрывок своей песенки. Но, кажется, ни Артур, ни Нимуэ не слышали его. Вопросы Артура приняли теперь новое направление:

— Тебе обязательно нужно пламя для твоих видений или же ты, как Мерлин, можешь все увидеть в капле росы?

— Я увидела Хевиля в росинках.

— И не ошиблась. Что ж. Похоже, что ты уже обладаешь толикой настоящей магической силы. Здесь нет огня, но не посмотришь ли ты и не скажешь ли мне, нет ли для меня еще какого-нибудь предостережения?

— Видения не открываются мне по заказу.

Я прикусил губу. Вот так же говорил и я в молодости — самоуверенно, пожалуй, даже высокомерно. Артур это тоже заметил. И уважительно произнес:

— Прости. Мне следовало это знать.

Он встал и потянулся за плащом, который я бросил на кресло. Поступившись своим достоинством, она поспешила ему помочь. Артур обратился ко мне со словами прощания. Но я почти ничего не слышал. Мое собственное достоинство сильно пострадало: я растерялся и впервые в жизни не знал, что ответить.

Король был уже в дверях. Солнце высветило его силуэт и отбросило колеблющуюся тень обратно, между мною и ею. Драгоценные изумруды на рукояти меча Калибурна вспыхнули яркими искрами.

— Король Артур! — вдруг позвала Нимуэ.

Он обернулся. Если ее высокомерный тон и покоробил его, он не показал виду.

А она произнесла:

— Когда твоя сестра леди Моргана прибудет в Камелот, спрячь понадежнее свой меч Калибурн и остерегись предательства.

Он удивленно посмотрел на нее и резко спросил:

— Как я должен это понять?

Она молчала, охваченная замешательством, словно сама дивясь собственным словам. А потом вскинула недоуменно ладони — как пожала плечами:

— Не знаю, господин. Только то, что я сказала. Прости.

— Ну что ж...

Артур, вздернув брови, посмотрел через ее голову на меня, в свою очередь пожал плечами и вышел.

Тишина в комнате, такая долгая, что зяблик успел перепорхнуть с подлокотника на стол, где, почти не тронутый, стоял наш завтрак.

— Нимуэ,— позвал я.

Тогда она подняла взор, и я убедился, что она, без трепета беседовавшая с королем, боится моего взгляда. Я улыбнулся, и, к моему удивлению, ее серые глаза наполнились слезами.

Я протянул к ней руки. Наши пальцы соприкоснулись. В конце концов слова оказались не нужны. Мы не слышали, как проскакал вниз по склону холма король на своей гнедой кобыле и как много позже возвратилась с базара Мора и нашла на столе несъеденный завтрак.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БРИН-МИРДДИН

Глава 1

Так под конец жизни я обрел новое счастье. Это было начало любви — и для нее, и для меня. Ибо я был неопытен, а она, с детства предназначенная стать одной из дев озера, о любви никогда и не помышляла. Но нам было вполне довольно того, чем мы владели. Она, хотя и много моложе меня, ходила умиротворенная и счастливая, я же, мысленно браня себя старым, выжившим из ума глупцом, достойным всяческого осмеяния, в глубине души сознавал, что все это неправда: меня и Нимуэ соединили узы более прочные, чем связывают самые идеальные пары в расцвете молодости и силы. Мы были одно. Мы дополняли друг друга, как ночь и день, как тьма и заря, как солнце и тень. Заключая друг друга в объятия, мы переносились в запредельные области жизни, где сливаются противоположности, образуя новое единство, но не телесное, а духовное, плод общения душ, как и наслаждения плоти.

Мы не поженились. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что нам даже в голову не приходило скрепить таким образом наш союз — непонятно было, по канонам какой религии можно освятить наш брак, да и не существовало уз прочнее тех, что нас связывали. Проходили дни и ночи, и мы сближались теснее и теснее, словно отлитые в одну форму: просыпаясь утром, мы были уверены, что видели один и тот же сон; встречаясь вечером, знали друг о друге, кто чем занимался в течение дня. И при этом, думалось мне, у каждого из нас были еще и свои отдельные источники радо-

сти — я смотрел, как она набирает магическую силу, словно могучая молодая птица, впервые расправляющая крылья для полета, а она упивалась своей возрастающей силой и при этом сознавала, с любовью, но без жалости, что одновременно с этим моя сила меня покидает.

Так пролетел месяц июнь. Наступил разгар лета. Замолчала кукушка, в лугах, вея медвяным духом, зацвела таволга, над голубыми незабудками и лавандой целый день хлопотливо жужжали пчелы.

Однажды Нимуэ велела усердному Варрону оседлать ее рыжего конька (Артур преподнес ей его в подарок), поцеловала меня и уехала в сторону озера. К этому времени все уже, конечно, знали, что бывшая служительница Богини живет у Мерлина в усадьбе Яблоневый сад. И разумеется, разговорам и пересудам, подчас самым злобным, не было конца: что это толкнуло молодую красивую девушку в постель к престарелому волшебнику? Но верховный король прилюдно объявил и всячески подчеркивал дарами и посещениями, что покровительствует нам, так что даже владычица алтаря не отваживалась захлопнуть двери перед отступницей и, наоборот, встречала ее гостеприимно, втайне надеясь, как со смехом рассказывала мне моя возлюбленная, получить доступ к иным из секретов Мерлина. Нимуэ нечасто покидала Яблоневый сад ради того, чтобы побывать на острове или в Камелоте, но можно понять, что в эти первые месяцы обретенная сила и новое положение слегка вскружили ей голову, и как новобрачная рада покрасоваться перед бывшими подружками, так и Нимуэ, насколько я мог понять, тянуло повидаться еще и еще раз с молодыми служительницами Богини. При дворе в Камелоте она до сих пор без меня не появлялась ни разу, и я понимал то, о чем она умалчивала: что даже при открытом покровительстве короля она не уверена в радушном приеме. Но на острове она бывала, и на этот раз, как она сказала мне, ей предстояло договориться о черенках кое-каких растений из сада, разбитого у святого источника. Обратно она обещала быть к вечеру. Я проводил ее, проверил содержимое моей сумки с лекарствами и, надев соломенную шляпу от солнца, отправился навестить одну больную, выздоравливавшую после приступа лихорадки. Шел, и на душе у меня было легко и весело. День был ясный, но прохладный, с голубого неба, как струйка прозрачной воды, лилась песенка жаворонка. Я перевалил через гребень холма и стал

спускаться по тропе. Справа и слева меня теснили кусты дрока, полыхающие золотыми цветами. Среди высоких чертополохов, мелодично посвистывая, порхала стайка щеглов. Ветерок дышал запахом тимьяна.

И это все, что я запомнил. А потом — мне показалось, что через мгновение,— я увидел, что стоит ночь, на небе сияют звезды, мерцая, как острия, вонзающиеся в глаза и в мозг. Я лежал навзничь на траве и смотрел прямо вверх. Вокруг темнели и горбились кусты дрока, и постепенно, словно чувства возвращались ко мне из безграничной дали, я ощутил руками и плечами уколы их шипов. В каплях росы отражался звездный свет. Кругом царила тишина, казалось, природа затаила дыхание. Но потом вверху, у меня над головой, загорелось еще одно острие света. Ночь озарилась. К этому разгорающемуся светочу устремились звезды со всего неба, как металлическая пыль к магниту, как пчелы к улью, покуда на всем небе не осталось другого огня. Сияние слепило глаза. Не в силах шевельнуться, я лежал, как последний человек на вершине мира, и следил за летучей звездой. Невыносимо яркая, она стронулась с места и, набирая скорость, словно брошенная в небо пылающая головня, пролетела от зенита к краю земли, развернув позади себя хвост света в виде огромного дракона...

И тут я услышал чей-то голос:

— Дракон! Дракон! Я вижу дракона, падающего с неба!

Это кричал я сам.

А потом огонь, и чьи-то руки, и лицо Нимуэ, такое бледное в свете фонаря; позади нее — Варрон и еще какой-то отрок, в котором я смутно узнал пастушка, пасшего овец на холме. Раздались голоса: «Он умер?», «Нет, скорее укройте его. Ему холодно», «Он умер, госпожа», «Да нет же! Никогда не поверю! Делайте, что вам говорят!» И с душевным волнением: «Мерлин! Мерлин!» А мужской голос в страхе произнес: «Кто осмелится сказать королю?»

После этого пробел — и я в своей постели, на языке вкус разогретого вина с подмешанными к нему травами, потом опять долгий пробел, на этот раз означающий сон.

Теперь мы подходим к той части моей хроники, которую мне особенно трудно излагать. Знаменовало ли появление кометы с хвостом дракона конец волшебной силы Мерлина (как утвер-

ждали в народе) или нет, я знаю только, оглядываясь теперь назад, на недели и даже месяцы,— что мне самому непонятно, во сне или наяву происходило сохранившееся у меня в памяти. В тот год я путешествовал с Нимуэ. И сейчас у меня перед глазами проплывают картины, точно отражения в воде,— неясные, повторяющиеся, пропадающие от удара веслом по зеркалу вод. Так же бывает и когда засыпаешь — один за другим проходят перед мысленным взором зыбкие образы, воспоминания, похожие на сон, и сны, правдоподобные, как явь.

Мне и сейчас стоит только смежить веки, и я вижу Яблоневый сад в лучах солнца: серебрятся лишайниками старые стволы деревьев, на ветках, точно лампы, наливаются зеленые плоды и воздух в высоких стенах сада густо напоен ароматами лаванды, шалфея и шиповника. На склоне холма позади башни вижу терновые деревья, эти странные растения, зимой покрывающиеся цветами, тычинки которых похожи на ноготки. Вижу распахнутую дверь, где на пороге однажды робко встала Нимуэ, тонкая фигурка, обведенная светом дня, словно нежный призрак утонувшего мальчика, быть может еще больше ее одаренного магической силой. И вижу самый «призрак» — мальчика Ниниана, чей образ постоянно присутствует в моих воспоминаниях об усадьбе на холмах рядом с образом тоненькой девушки, сидящей на солнце у моих ног.

Наверное, неделю после припадка, случившегося со мною на вершине холма, я провел, недвижно сидя на каменной скамье в саду,— не по слабости, а подчиняясь настояниям Нимуэ. К тому же мне нужно было время, чтобы все обдумать.

Наконец однажды вечером, в теплые летние сумерки, я позвал ее к себе. Она устроилась, как обычно, на подушке у моих ног. Голова ее касалась моих колен, а моя рука гладила густые мягкие волосы. Они успели отрасти и уже доставали до лопаток. Я что ни день продолжал дивиться собственной слепоте: как я мог не видеть плавных изгибов ее тела и нежных линий шеи, лба, запястья?

— Ты много трудилась всю эту неделю.

— Да,— ответила она.— По хозяйству. Срезала травы в огороде и связывала в пучки для просушки.

— А я пребывал в бездействии, пока ты работала. Но я думал.

— О чем?

— Среди прочего о Брин-Мирддине. Ты там никогда не была. И я думаю, что до исхода лета мы с тобой должны оставить Яблоневый сад и...

— Оставить Яблоневый сад? — Она отшатнулась от моих колен и с тревогой заглянула мне в лицо.— Ты что же, хочешь опять поселиться в Брин-Мирддине? Хочешь, чтобы мы с тобой жили там?

Я засмеялся:

— Ну нет. Не представляю себе этого. А ты?

Она снова прислонилась к моим коленям и потупила голову. И проговорила глухо после минутного молчания:

— Я не знаю. Мне ни разу, даже во сне, не открывался твой прежний дом. Но ты говорил, что умрешь там. Ты к этому?

Я протянул руку и опять погладил ее волосы.

— Верно, я говорил, что так будет. Но мне еще не было знака, что подходит срок. Я чувствую себя превосходно, лучше, чем все последние месяцы. Но взгляни на это с другой стороны: когда моя жизнь кончится, твоя должна начаться. А для этого ты должна, как некогда я, провести один день в хрустальном гроте видений. Ты ведь знаешь. Мы беседовали об этом.

— Да, я знаю,— по-прежнему с сомнением в голосе подтвердила она.

— Ну так вот,— бодро продолжал я.— Мы приедем в Брин-Мирддин, но это будет в самом конце нашего путешествия. А сначала проедемся по другим местам, повидаем разные разности. Я хочу побывать с тобою там, где протекала моя жизнь, и показать тебе то, что пришлось видеть мне. Все, что я мог рассказать, я уже тебе рассказал; теперь я хочу, чтобы ты увидела все, что я могу тебе показать. Поняла?

— Кажется. Ты хочешь подарить мне итог своей жизни, чтобы я на нем возвела здание своей жизни.

— Именно так. Для тебя — камни в основание будущего, для меня — жатва и венец.

— А после, когда я получу все? — понурясь, спросила она.

— Тогда посмотрим.— Я с улыбкой потрепал ее по голове.— Не огорчайся, дитя, отнесись ко всему легко. Это будет свадебное путешествие, а не похоронная процессия. Наша поездка хоть и имеет цель, но будем считать ее увеселительной. Так и договоримся. Мысль эта у меня уже давно, она не осенила меня вдруг, во время последней болезни. Мы были счастливы с тобой здесь,

в Яблоневом саду, и будем, конечно, счастливы еще, но ты молода, и не дело тебе сидеть год за годом на одном месте, сложив крылья. И потому мы отправляемся в путешествие. У меня есть подозрение, что я просто-напросто хочу показать тебе места, которые я знал и любил, и никаких других причин тут нет.

Она вскинула голову и взглянула на меня с облегчением. Глаза ее опять сияли. Она была молода.

— Вроде паломничества?

— Можно и так сказать.

— То есть Тинтагел, и Регед, и место, где ты нашел меч, и озеро, где ты его спрятал и хранил для Артура?

— Не только это. Мы еще должны побывать с тобой в Бретани за морем, помилуй нас бог. Моя жизнь и жизнь верховного короля (а значит, и твоя тоже) повязаны с этим славным мечом. Я покажу тебе, где мне впервые явился бог и принес знамение меча. А потому мы отправимся скоро, пока море спокойно, ибо через месяц могут начаться штормы.

Она поежилась.

— Тогда лучше поедем прямо сейчас.— И вдруг, вся преобразившись, стала просто юной женщиной, которая предвкушает интересное путешествие и думает только об этом.— Тебе придется взять меня с собой в Камелот, а мне совершенно нечего надеть...

На следующий день я передал поручение гонцу Артура, и в недолгом времени Артур сам прибыл ко мне, чтобы сообщить, что эскорт и корабли готовы и ждут и мы можем отправляться в путь.

Мы отплыли от острова на исходе июля. Король с королевой прибыли в гавань, дабы проводить нас в плавание. А за море с нами отправлялся Бедуир. В лице его отражалась смесь горя и облегчения — точно человек, у которого насильно отняли привычный дурман, он понимал, что сладкий яд сулит ему гибель, но все равно тянулся за ним денно и нощно. Бедуиру были поручены Артуром депеши для его кузена Хоэля, короля Бретани, так что бедный рыцарь должен был сопровождать нас до самой столицы Хоэля — до города Керрека.

Когда мы приехали на пристань, корабль еще стоял под погрузкой, но скоро все работы были кончены, и Артур пожелал нам доброго пути, наказав при этом Нимуэ, чтобы «заботилась

о нем хорошенько», а я поневоле вспомнил то, другое плавание, которое я проделал некогда с младенцем Артуром на руках у кормилицы и как меня под младенческие вопли торжественно встречали на том берегу слуги Хоэля. Потом Артур поцеловал Бедуира, всем видом выражая одну лишь сердечную дружбу, а Бедуир, обнимая его, пробормотал что-то и только после этого обратился с прощальным поклоном к королеве. Королева стояла подле короля и улыбалась с полным самообладанием: она слегка прикоснулась к руке Бедуира, безмятежным, ровным голосом проговорила: «Счастливого пути!» — и во всем этом было не больше чувства, чем в ее прощании с Нимуэ, тогда как со мной она простилась куда теплее. (Со времени истории с Мельвасом она неизменно выказывала мне слащавую благодарность и вела себя со мной как маленькая девочка с престарелым папашей.) Я пожелал всем счастливо оставаться, с опаской покосился на гладкое летнее море и взошел на палубу. Нимуэ, заранее побледнев, поднялась вслед за мной. Не требовалось пророческого дара, чтобы предсказать, что мы не увидимся теперь, покуда наше судно не бросит якорь у берегов Бретани.

Здесь не место описывать все наши путешествия шаг за шагом. Да я и не смог бы этого сделать, как я уже говорил. Мы побывали в Бретани, это я твердо знаю, и были сердечно приняты королем Хоэлем. В Керреке мы провели осень и зиму, и за это время я показал Нимуэ дороги через Гиблый лес и маленькую таверну, в которой мой паж Ральф скрывался с Артуром в самые опасные, темные годы. Но дальше воспоминания мои мешаются. Сейчас, когда я пишу, они теснятся все вместе, как привидения в доме, накопившиеся под одной крышей за целые столетия. Каждое я вижу с совершенной отчетливостью. Младенец Артур, спящий в яслях на соломе. Мой отец, смотрящий на меня при свете лампы и задающий мне вопрос: «Что станется с Британией?» Друиды в Немете, творящие свой кровавый ритуал, и я сам, испуганным мальчишкой прячущийся в коровнике. Ральф, скачущий сломя голову через лес к Хоэлю с письмом для меня. Нимуэ, лежащая подле меня в апрельском, чуть зазеленевшем лесу на зеленой мшистой прогалине. Та же самая прогалина, а через нее, точно по велению волшебства, проносится белая оленуха, отводя от Артура смертельную опасность. А поверх этих, мешаясь, мелькают другие видения или воспоминания: белый олень с рубиновыми глазами, стадо оленей, скрывающееся среди

дубов у капища Ноденса, волшебство, волшебство... Но сквозь все образы и видения, точно факел, зажженный для новых исканий,— звезды, улыбка божества, меч.

В Британию мы возвратились лишь на следующее лето, это я знаю точно. Помню даже день нашего прибытия. В тот год умер Кадор, герцог Корнуэльский, и, когда мы высадились, вся страна была в глубоком трауре по великому воину и доброму герцогу. Не могу только вспомнить, кто из нас — я или Нимуэ — почувствовал, что настал срок отправляться обратно, и кто определил, в какую гавань нам зайти. Мы пристали в маленьком заливе, не далее лиги от Тинтагела на северном побережье Думнонии, это было на третий день после кончины Кадора, и на берегу нас уже ждал Артур со свитой. Завидев в море наш парус, он спустился на пристань, чтобы встретить нас, и мы, глядя на затянутые полотном щиты, приспущенные флажки и суровый белый цвет траурных одежд, еще не ступив на сушу, поняли, что привело нас на родину.

Все это всплывает у меня перед глазами, купаясь в ярком свете. Но далее следует часовня при горящих свечах, в ней выставлено тело герцога, и монахи поют молебствия; сцена затмевается, и вот уже я стою в изножье гроба, в котором лежит его отец, стою и жду, чтобы явился дух человека, преданного мною. Я рассказал об этом Нимуэ, но даже она не смогла облегчить мою душу. Ибо мы с ней (объяснила мне она) разделяли одни и те же мысли и видения, так что она и сама не в силах провести границу между сегодняшним Тинтагелом, овеянным теплыми летними ветрами, разбивающими прибой о береговые скалы, и моим зимним штормовым прошлым.

Тинтагел, оплакивающий недавнюю смерть герцога Кадора, и для нее, и для меня походил на сновидение больше, чем обдутая зимними штормами твердыня, где некогда Утер в объятиях жены Горлойса Игрейны зачал Артура, будущего короля Британии.

И так во всем. После Тинтагела мы отправились на север. Память или сон в бесконечно тянущейся тьме показывает мне плавные холмы Регеда, леса — как нависшие темные тучи, озера, плещущие рыбой, и отраженный в воде, словно в зеркале, Каэр-Банног, где когда-то я спрятал великий меч, предназначенный для Артура. И Зеленую часовню, в которой позже, в ту легендарную ночь, Артур поднял этот меч своей рукой.

Так, играючи, мы проследили путь меча, который годы назад я проделал всерьез, но что-то, некое чувство — я теперь не уверен даже, что оно было пророческим и просто справедливым,— велело мне хранить молчание об остальном, что мне самому тогда открылось лишь проблесками. Этот новый подвиг предназначен не мне, его очередь наступит после меня, теперь же срок еще не пришел. И я ни словом не обмолвился о Сегонтиуме и о том месте, где и по сей день глубоко в земле запрятаны остальные сокровища, которые возвратились в Британию вместе с мечом.

Наконец мы оказались в Галаве. То было счастливое завершение приятного путешествия. Нас принял граф Эктор, раздобревший от старости и хорошей жизни после установления мира. Представляя Нимуэ леди Друзилле (и подмигнув мне при этом), он провозгласил:

— Вот наконец-то жена принца Мерлина, душа моя.

А рядом с ним стоял мой верный Ральф, раскрасневшийся от радости, гордый, как павлин, своей пригожей женой и четырьмя крепкими ребятишками и жаждущий услышать вести об Артуре и о том, что происходит на юге.

В ту ночь мы с Нимуэ спали вдвоем в той башне, куда меня когда-то принесли выздоравливать от яда, данного мне Моргаузой. Уже наступила полночь, мы лежали и смотрели через узкое окно, как месяц освещает вершины холмов, когда вдруг она пошевелилась, потерлась щекой о мое плечо и тихо спросила:

— А теперь что? Брин-Мирддин и хрустальный грот?

— Думаю, да.

— *Если твои холмы столь же прекрасны, как здешние*, может быть, мне не так уж и жалко будет покидать Яблоневый сад...— я услышал по голосу, что она улыбается,— по крайней мере на лето!

— Я обещал тебе, что до этого дело не дойдет. Скажи мне лучше, как ты предпочитаешь проделать этот последний отрезок своего свадебного путешествия: сушей по западным дорогам или же морем от Гланнавенты до Маридунума? Я слышал, что море сейчас спокойно.

Она помолчала. Потом задала вопрос:

— Но почему ты спрашиваешь меня? Я думала, что...

— Что ты думала?

— Что ты еще хочешь мне кое-что показать,— ответила она после недолгой заминки.

Я понял, что она так же читает мысли, как и я. И спросил:

— Что же это, моя милая?

— Ты рассказал мне всю историю чудесного меча Калибурна, благодаря которому Артур держит в своих руках власть над страной, и показал мне все места, связанные с этой историей. Показал мне, где тебе было первое видение о мече, приведшее тебя к нему; и куда ты его перепрятал впредь до того часа, когда Артур вырастет и сможет его поднять; и где, наконец, это произошло. Но где ты его тогда нашел, ты мне не показал. Я думала, что это ты решил открыть мне напоследок, перед тем как направиться в Брин-Мирддин.

Я не отвечал. Она приподнялась на локте и заглянула мне в лицо. А лунный луч скользил, высвечивая серебром по черни, прелестные линии: висок, скулу, шею, грудь.

Я улыбнулся, ласково проведя пальцем по изгибу ее плеча.

— Как я могу думать и отвечать тебе, когда ты так прекрасна?

— Очень просто можешь,— не двигаясь, отозвалась она с ответной улыбкой.— Почему ты это скрываешь от меня? Потому что там осталось еще что-то, я угадала? И это принадлежит будущему?

Итак, провидение или догадка, но она знает. Я сказал:

— Да, ты права. Осталась одна тайна, одна-единственная. И ты права, она принадлежит будущему. Я и сам видел это лишь смутно, но когда-то, еще до того, как Артур стал королем, когда меч уже был найден, но еще не поднят и грядущее таилось за стеною огней и видений, я произнес для Артура пророчество... Я и сейчас его помню.

— Помнишь?

И я повторил:

— «Я вижу мирный солнечный край, по долинам зреют хлеба, и селяне беспечно обрабатывают землю, как во времена римлян. Я вижу, как меч тоскует в бездействии, и дни мира сменяются днями вражды и раздоров, и жаждет подвига тоскующий меч и взыскующий дух. Быть может, для того бог и отнял у меня Грааль и копье и спрятал их под землею, чтобы в один прекрасный день ты мог отправиться на поиски ненайденных сокровищ Максена. Но нет, не ты, а Бедуир... это его дух, а не твой, изголодается и возжаждет и будет искать утоления в ложных источниках».

Потянулось долгое молчание. Я не различал в ночи ее глаз — они были полны лунным светом. Наконец она прошептала:

— Грааль и копье? Сокровище Максена, снова спрятанное под землею, чтобы кто-то подвигнулся на их поиски, как ты подвигнулся на поиски меча? Но где они? Скажи мне, где?

Она была охвачена нетерпением — не трепетом, а простым нетерпением, как бегун в виду цели. Когда она узрит чашу и копье, сказал я себе, она склонит голову перед их святостью. А пока она всего лишь дитя и, как дитя, видит в магических предметах лишь орудия, дающие ей силу. Но я не сказал ей: «Это будет тот же подвиг, ибо что проку в мече власти без утоления духа? Вместо всех королей теперь один Король. И настало время, чтобы вместо всех богов был один Бог, в Граале же заключена эта единственность, и люди будут ее искать, и умирать за нее, и, умирая, обретать жизнь».

Ничего этого я ей не сказал, но лежал молча, а она смотрела на меня и ждала. Я чувствовал исходящую от нее силу, это была моя прежняя сила, но теперь у нее ее больше, чем у меня. Сам я ощущал только усталость и печаль.

— Скажи же мне, мой любимый,— настойчиво шептала она.

И тогда я сказал ей. Улыбнулся и мягко произнес:

— Я сделаю больше. Я отвезу тебя туда и, что там можно будет увидеть, все тебе покажу. То, что еще осталось от сокровищ Максена, покоится под землей в разрушенном храме Митры в Сегонтиуме. И это все, что я еще могу тебе подарить, моя дорогая, кроме своей любви.

Помню, она в ответ прошептала:

— Ее мне довольно, даже без всего остального.

И, пригнувшись, прижала губы к моим губам.

После того как она заснула, я еще лежал и смотрел на луну: полная и яркая, она словно застыла на месте в раме окна. И вспомнилось мне, как давным-давно, ребенком, я верил, что, если вот так глядеть на луну, исполнятся твои самые горячие мечты. О чем я тогда мечтал: о провидческом даре, служении, любви,— я уж и не помнил. Все это осталось в прошлом. Теперь самая моя горячая мечта покоилась подле меня, объятая сном. Ночь, пронизанная лунным светом, не содержала будущего, спала без видений. И только звучали, как шепоты прошлого, отдельные голоса.

Голос Моргаузы, ведьмы, изрыгающей на меня свое проклятие: «А тебе так уж не страшны женские чары, принц Мерлин? В конце концов и ты попадешься». И, заглушая ее,— голос Артура, рассерженный, громкий, исполненный любви: «Я не же-

лаю, чтобы тебе причиняли зло». А потом: «Ведьма или не ведьма, любишь ты ее или нет, она получит от меня по заслугам».

Я прижал к себе ее юное тело, бережно поцеловал спящие веки. И произнес, обращаясь к призракам, к голосам, к пустому лунному свету: «Срок настал. Отпустите меня с миром». И, предав душу мою в руку бога, направляющего меня все эти годы, приготовился погрузиться в сон.

Это — последняя в моей памяти правда; все прочее — лишь видения в непроглядной тьме.

Глава 2

Маленьким, когда я жил в Маридунуме, я спал со своей нянюшкой во флигеле для слуг во дворце моего деда. Наша комнатка находилась в нижнем этаже, а за окном росло грушевое дерево, в ветвях которого по вечерам заводил песенку дрозд, а потом на небе загорались звезды, совсем как маленькие светочи среди листвы. Я, бывало, подолгу лежал в ночной тиши и любовался ими, прислушиваясь, когда же раздастся музыка сфер, которую, как мне говорили, издают звезды, вращаясь в небесах.

И вот теперь я ее услышал. Укутанный в теплые покровы, я лежал, как можно было догадаться, в паланкине, который мерно покачивался на ходу под ночным небом. Меня обнимала глубокая тьма, и лишь высоко вверху, где изгибался небесный свод, плыли мириады золотых огоньков, и каждый мелодично звенел, как крохотный колокольчик. Я был одно с землей, которая качалась и пульсировала в лад с биением моего сердца, и одно с великой тьмой, которая стояла надо мною. Может быть, у меня даже были закрыты глаза. Последнее мое видение, смутно подумалось мне, и моя сбывшаяся мечта. Ведь я всегда мечтал услышать перед смертью музыку, которую издают звезды...

Потом я осознал, где нахожусь. Меня окружали люди — я слышал приглушенные голоса, но они долетали до меня словно бы издалека, как бывает, когда горишь в лихорадке. Слуги опускали и поднимали паланкин, я ощущал тепло их рук, а то, что казалось мне пульсом,— это был стук их подошв по земле. И было это не видение под музыку сфер — просто беспомощного, вполне земного больного старца медленно, осторожно везли домой, а он был нем и недвижен. И музыка сфер была на самом деле всего лишь позвякиванием бубенчиков на упряжи мулов.

Сколько это продолжалось, я не могу сказать. Наконец после долгого подъема паланкин выровнялся. Меня приветливо встретил огонь под теплыми сводами. Здесь были еще какие-то люди, отовсюду слышались голоса, кто-то плакал. И я каким-то образом понял, что после еще одного приступа падучей болезни меня доставили в Брин-Мирддин.

Потом опять все спуталось. Иногда мне казалось, что я все еще путешествую вдвоем с Нимуэ — показываю ей улицы Константинополя или гуляю с нею по горам под Бейрутом. Она приносит мне питье, которое сама сварила, подносит прямо к губам. Но это не чаша, это ее губы на моих губах, у них вкус земляники, и они шепчут надо мной заклинания, а пещеру наполняет ароматный дым — это она бросает в огонь пригоршни благовоний. Всюду свечи, в их мягком колеблющемся сиянии на камень при входе в пещеру спустился и сел мой сокол и ждет, когда бог дыхнет и взъерошит его перья. У жаровни с угольями сидит Галапас и чертит для меня в пыли первую карту, а рядом, вот сейчас, стоит на коленях мальчик Ниниан и внимательно разглядывает ее своими нежными, задумчивыми глазами. Тут он поднял голову, и оказалось, что это Артур, горячий, нетерпеливый, десятилетний... а вот Ральф, молодой и нахмуренный... а вот, наконец, и мальчик Мерлин, входящий по слову своего учителя в хрустальный грот. Тут наплывали видения, они снова разворачивались передо мной, зыбкие сны, которые впервые ворвались в детскую голову вот в этой самой пещере. Но теперь Нимуэ держит меня за руку и смотрит их вместе со мною, все, до мельчайшей звездочки, а потом она дает мне испить укрепляющего снадобья, и тогда Галапас, и мальчик Мерлин, и Ральф, и Артур, и Ниниан блекнут и пропадают, как призраки, ведь призраками они и были. Остаются только воспоминания, но они отныне и навсегда принадлежат ей, как прежде принадлежали мне одному.

Между тем неощутимо для меня проходило время, дни сменялись днями, а я все лежал в сумеречном царстве, скованный, недвижный телом и с лихорадочно работающим воображением. И прилежно, неуклонно, как пчела вытягивает мед из цветка, волшебница Нимуэ высасывала у меня по капле мед моей жизни.

Однажды на заре, когда на воле звонко распевали птицы и теплый летний ветерок занес в пещеру ароматы цветов и свежего сена, я очнулся от долгого сна и почувствовал, что болезнь от-

пустила меня. Время сновидений миновало, я жил и бодрствовал.

И при этом я был совершенно один и находился в полной темноте — лишь узкий луч света пробивался сквозь нагромождение камней, которыми они завалили выход из пещеры, перед тем как уйти и оставить меня в моей гробнице.

У меня не было возможности определить, сколько времени я пролежал замертво. Мы прибыли в Регед в июле, и сейчас, судя по всему, тоже был разгар лета. Три недели, самое большее — месяц?.. Если бы дольше, я бы сейчас совсем обессилел. Все это время, покуда я не забылся последним глубоким сном, который, должно быть, сочли смертью, за мной ухаживали и поддерживали мои силы моими же снадобьями и отварами, так что хоть члены мои затекли и ослабли, я чувствовал себя теперь вполне здоровым. Сдвинуть хотя бы один камень, которыми было завалено устье моей пещерной гробницы, я, конечно, не мог, но не исключалось, что мне удастся привлечь внимание кого-нибудь из прохожих. Перед пещерой с незапамятных времен находилось святилище, и люди нередко поднимались вверх по оврагу, чтобы оставить приношения богу, покровителю здешнего волшебного источника. Возможно, теперь, зная, что здесь похоронен Мерлин, который диктовал свою волю верховному королю, но жил среди них и, не жалея ни времени, ни искусства, исцелял их и их скотину,— возможно, что теперь люди станут поклоняться этому месту с еще большим рвением. Пока он был жив, они являлись что ни день, принося пищу и вино, и, уж конечно, не перестанут нести свои дары, когда надо задобрить дух умершего.

Итак, подавив страх, я сел и, несмотря на слабость и головокружение, попытался сообразить, что мне делать.

Меня положили не в хрустальном гроте, который представлял собой небольшое круглое углубление в верхнем углу главной пещеры, а в самой пещере, на моем собственном ложе. Кровать была затянута какой-то тканью, плотной и тяжелой на ощупь, и, насколько можно было разглядеть в отсветах от единственного дневного луча, ее покрывало шитье и драгоценные каменья. Покров же, под которым я лежал, был мягкий, теплый, с вытканным узором. Мои пальцы нащупали рисунок: дракон. Постепенно я разглядел по углам моего ложа четыре тяжелых витых подсвечника, тускло отблескивающих золотом. Как видно, меня

похоронили с королевскими почестями. Может быть, даже сам король при этом присутствовал? Жаль, что я ничего не помню. А Нимуэ? Я должен поблагодарить собственное пророчество за то, что меня просто положили в пещере, а не зарыли в землю и не предали огню. От одной такой мысли озноб пробежал по коже. Однако надо было действовать. Я обследовал свечи. Три догорели до конца, от них остались только бесформенные наплывы воска. Но четвертую, наверно, задул случайный сквозняк, она еще сохранилась в добрый фут длиною. Я потрогал пальцем восковой натек: он был мягкий. Значит, прикинул я, прошло часов двенадцать, ну, может быть, пятнадцать, с тех пор как свечи были зажжены и меня оставили, заложив вход в пещеру. В пещере до сих пор чувствовалось тепло. Если я хочу остаться в живых, тепло надо поддерживать. Я откинулся на жесткую подушку, натянул до подбородка теплый покров с золотым драконом и, устремив взгляд на последнюю свечу, сказал себе: сейчас посмотрим, неужели и эта простейшая магия, которой я некогда овладел в первую голову, находясь в этой самой пещере, тоже отнята у меня? Усилие было так велико, что я, изнемогший, снова погрузился в сон.

Когда я пробудился, розовый туманный свет клубился в дальнем конце пещеры, и вся пещера была освещена — последняя свеча горела ровным, теплым пламенем. Я увидел две золотые монеты, поблескивающие на покрове,— смутно вспомнил, как они скатились с моих век, когда я проснулся и поднял голову. При свече я разглядел и еще кое-что, представлявшее для меня ценность: ритуальные лепешки и вино, оставленные подле моего ложа как приношения духам умерших. Тут я громким голосом возблагодарил бога, хранящего меня, сел на погребальном ложе, укутанный в могильные пелены, и утолил голод и жажду.

Лепешки были черствые, но с медовым привкусом, а вино крепкое, оно побежало по моим жилам, как новая сила жизни. А пламя свечи, источая мягкое тепло, разогнало последние клочья страха. «Эмрис,— прошептал я себе,— Эмрис, дитя света, любимец королей... тебе было сказано, что ты будешь заживо погребен во тьме и сила твоя оставит тебя; и вот взгляни — пророчество сбылось, но, оказывается, это вовсе не страшно; ты и вправду погребен заживо, однако у тебя есть воздух, и свет, и — если твои запасы не разорили — пища, и питье, и тепло, и целебные снадобья...»

Я вынул свечу из тяжелого подсвечника и прошел в дальние гроты, служившие мне кладовыми. Все сохранилось так, как было при мне. Стилико выказал себя не только верным хранителем моего дома. Его заботой оставлены подле моего «гроба» медовые лепешки и вино. Похоже, что и запасы были все пополнены, на случай если мне что-нибудь понадобится за гробом. Так или иначе, но на полках ряд за рядом, короб за коробом покоилась бесценная провизия, стояли банки и флаконы с целебными и укрепляющими снадобьями — все, что я не захватил с собою в Яблоневый сад. Настоящий беличий склад: сушеные плоды и орехи, медовые соты, понемногу сочащиеся густой сладкой влагой, бочонок оливок в масле. Хлеба, конечно, не было, но в одном кувшине я нашел окаменевшую краюшку толстой овсяной лепешки, которую когда-то испекла и дала мне жена пастуха,— она не испортилась, только высохла, как деревянная, и, раскрошив, я положил ее размокать в вине, ручной короб был наполовину полон, и на оливковом масле можно будет напечь новых лепешек. Вода у меня в пещере имелась — когда я поселился здесь, я прежде всего наставил слугу, как провести по трубе воду из источника, бьющего у входа, и наполнить в полу каменное углубление. Сверху мы приладили крышку, и вода в этой естественной чаше оставалась чистой даже в бурю или в мороз. А избыток вытекал по трещине и сбегал, отведенный в самый отдаленный угол самого дальнего грота, где было у меня отхожее место. Нашлись в моих запасах и свечи, а на каменной приступке, как всегда, лежали кремни и трут. Высилась на своем месте и горка древесных углей, но, опасаясь дыма и угара, я не стал разводить жаровню. К тому же тепло мне еще могло понадобиться в будущем. Если мои подсчеты верны, через какой-нибудь месяц кончится лето и настанет осень с холодными ветрами и промозглой сыростью.

И потому в первое время, пока в пещеру еще проникало теплое дыхание лета, я зажигал свет только для того, чтобы приготовить еду, да иной раз для бодрости, когда в темноте особенно томительно влачились часы. Книг у меня не было, я все перевез в Яблоневый сад. Но письменные принадлежности имелись под рукой, и со временем, когда я окреп и стал тяготиться вынужденным бездельем, мне пришла в голову мысль упорядочить и записать историю моего детства и всего, что было потом и в чем я принимал заметное участие. Помогла бы, конечно, и музыка, но большая стоячая арфа вместе с книгами переехала в Яблоневый сад, а ручную арфу, всегда сопровождавшую меня в пути, никто не счел уместным наряду с другими сокровищами для загробного пользования положить рядом с моим телом.

Я, разумеется, много думал о том, как выбраться из темной могилы. Но священный полый холм, внутри которого меня торжественно похоронили, словно сам преградил мне выход наружу: чтобы завалить отверстие пещеры, сверху обрушили чуть не весь склон. И сколько бы я ни старался, мне никогда не разобрать и не пробить этот завал. Другое дело — если бы у меня были необходимые орудия. Тогда рано или поздно можно было бы пробиться. Но у меня орудий не было. Ломы и лопаты всегда хранились под скалой, где у меня был устроен навес для лошади.

Была еще одна возможность, и она все время не шла у меня из головы. Кроме тех пещер, которые я освоил, внутри холма имелась еще целая цепь пещер поменьше. Они сообщались одна с другой, расходясь по всей внутренности холма, и одна из них представляла собой круглую шахту, наподобие трубы пронизывающую холм до самой верхушки и открывающуюся в маленькой ложбинке. Там в стародавние времена под давлением древесных корней и под действием непогоды треснула каменная плита, и через эту трещину вниз проникал свет, иной раз сыпались камешки и сочилась дождевая вода. Этим же путем вылетали наружу обитающие в подземелье летучие мыши. Со временем внизу накопилась целая груда насыпавшихся камней, образуя как бы возвышение на дне пещеры, которое чуть не на треть поднималось к «верхнему свету», как я назову это отверстие. Теперь я с надеждой пробрался туда, чтобы посмотреть, не выросла ли эта каменная лестница, но был разочарован: над ней по-прежнему зияла пустота в добрых три человеческих роста, а затем шахта изгибалась, сначала круто, потом полого и только тут оканчивалась дневным сиянием. Можно было себе представить, что человек молодой и ловкий смог бы выбраться этим путем наружу без посторонней помощи, хотя каменные стены шахты были мокрыми и скользкими, а кое-где ненадежными: того и гляди обвалятся. Но для человека в летах, да еще только-только с одра болезни, это представлялось неосуществимым. Единственным утешением служило то, что здесь к моим услугам действительно был хороший дымоход, в холодные дни я смогу

без опасений разжигать жаровню, наслаждаться теплом, горячей пищей и питьем.

Естественно, я подумывал и о том, чтобы развести в пещере настоящий огонь в надежде, что дым, выходящий из холма, привлечет внимание людей, но против этого было два соображения. Во-первых, жители окрестных мест привыкли каждый вечер видеть, как над холмом поднимаются тучи летучих мышей, похожие издалека на столбы дыма, а во-вторых, у меня было мало топлива. Оставалось только беречь на зиму мои скудные запасы и ждать, пока кто-нибудь поднимется по оврагу к святому источнику.

Но никто не поднимался. Двадцать дней, тридцать, сорок отсчитал я насечками на палочке. Я с огорчением убедился, что простые люди, так охотно являвшиеся помолиться духу источника и принести дары живому человеку, который исцелял их недуги, умершего волшебника боятся и предпочитают не приближаться к полому холму, где поселились, по их понятиям, новые духи. А поскольку тропа, проходящая по оврагу, кончается у входа в пещеру, где бьет источник, мимо тоже никто не проезжал. Так что никто не появлялся по соседству от моей гробницы, кроме птиц, чьи голоса до меня доносились, и, наверное, оленей, да еще однажды ночью я услышал, как лиса — а может быть, волк — обнюхивает камни, завалившие вход.

Так проходили дни, обозначенные рядом насечек, а я по-прежнему был жив и даже — что давалось все труднее — всеми доступными мне способами преодолевал страх. Писал, строил планы, как вырваться на свободу, хозяйничал и, не стыжусь признаться, коротал ночи — а иногда и безнадежные дни — с помощью вина, а то и сонного зелья, притуплявших чувства и скрадывавших время. Я не поддавался отчаянию — существуя словно бы по ту сторону смерти, я держался, как за веревочную лестницу, спущенную сквозь окно у меня над головой, за такой ход мыслей: я всегда повиновался моему богу, от него получал магическую силу и обращал ее на службу ему же, теперь она перешла от меня к моей юной возлюбленной, она ее у меня отняла, но, хоть жизнь моя, казалось бы, кончилась, мое тело неизвестно почему не было предано ни огню, ни земле. И теперь я жив, вновь силен телом и духом и нахожусь пусть в заточении, но в своем полом холме, посвященном моему богу. Неужели во всем этом нет предназначения и цели?

С такими мыслями я однажды отважился забраться в хрустальный грот.

До сих пор, ослабевший, лишенный — я знал — магической силы, я не решался вновь очутиться там, где меня посещали видения. Но однажды, просидев несколько часов в темноте — мой запас свечей подходил к концу,— я все-таки взобрался на каменный уступ в дальнем конце главной пещеры и, согнувшись, пролез в хрустальный полый шар.

Меня вели лишь приятные воспоминания о прошлом могуществе и о любви. Света я с собой не взял и не ожидал ничего увидеть. А просто, как когда-то мальчиком, лег ничком на острые грани кристаллов и погрузился в плотную тишину, наполняя ее своими мыслями.

Что это были за мысли, я не помню. Может быть, я молился. Но не вслух. Через некоторое время я почувствовал — как в непроглядной ночной тьме человек не видит, а вдруг ощущает наступление рассвета — какой-то отзыв на свое дыхание. То был не звук, а лишь еле уловимое эхо, словно рядом пробудился и дышит невидимый призрак.

Сердце у меня заколотилось, участилось дыхание. То, другое дыхание тоже стало чаще. Воздух в гроте тихо запел. По стенам хрустального шара побежал, отзываясь, такой знакомый ропот. Слезы слабости переполнили мне глаза. Я произнес: «Так, значит, тебя привезли и поставили на место?» И из темноты мне отозвалась моя арфа.

Я пополз на этот звук. Пальцы коснулись живой, шелковистой деревянной поверхности. Резной край рамы лег мне на руку, как рукоять великого меча у меня на глазах не раз ложилась в ладонь верховного короля. Я, пятясь, вылез из грота, прижимая арфу к груди, чтобы заглушить ее жалобный стон. И ощупью пробрался обратно в свое узилище.

Вот песнь, которую я сложил. Я назвал ее «Песнь погребенного Мерлина».

Куда ушли они в сиянии —
Свет солнца, и большой ветер,
И бог, отвечавший мне
Сверху, от небесных звезд,
И звезда, лучившаяся для меня,
И голос, говоривший со мной,

И сокол, указывавший мне путь,
И щит, укрывавший меня?
Ясен путь к воротам,
У которых все они ждут меня.
Я верю, что они ждут меня.

День померк,
Ветер утих,
Все, все ушло в сиянии,
Один я остался.

Что проку призывать меня?
Ведь у меня нет ни щита, ни звезды.
Что проку преклонять передо мной колена?
Ведь я — всего лишь тень
Его тени.
Всего лишь тень
Звезды, которая упала
Давным-давно.

Ни одна песнь не родится целой и законченной с первого запева, и я сейчас не помню, сколько раз я ее спел, прежде чем осознал, что слышу какой-то необычный звук, словно бы стучавшийся мне в душу вот уже на протяжении нескольких куплетов. Я подождал, пока замрут певучие звуки, легонько прижал ладонью струны и прислушался.

В безжизненном молчании громко стучало мое сердце. Но сквозь этот стук я слышал еще какое-то отдаленное биение, словно бы доносящееся из глубины холма. И неудивительно, что первые мысли, посетившие меня, так давно отрезанного от обычных дел мира, были окрылены древними поверьями: я подумал о Ллуде, властелине Потустороннего мира, о конях Дикой охоты, о тенях, обитающих в полых холмах... Вот и смерть моя наконец пришла тихим вечером на исходе лета? Еще через мгновение я уже понял правду — но поздно.

Это был путник, которого я так давно ждал и отчаялся дождаться. Он въехал на вершину холма, остановился у расселины в скале, где был мой «верхний свет», и слышал, как я пел.

Стало тихо, только слышно было, как нервно ударяет копытами по камню, переступая с ноги на ногу, его лошадь. А потом раздался человеческий голос:

— Эй, есть тут кто?

Я уже отбросил арфу и, торопясь, пробирался в дальний грот, откуда шла наружу шахта. На ходу я пытался крикнуть, но у меня колотилось сердце, в горле пересохло, и это удалось мне не сразу.

— Это я, Мерлин! Не бойся, я не призрак, я жив, но заключен в пещеру. Пробей мне выход, именем короля! — выкрикнул я наконец.

Но мой голос был заглушен грохотом. Можно было догадаться, что случилось. Лошадь путника, почуяв, как это свойственно животным, что-то необычное: человека под землей, странные звуки из расселины в скале, может быть, даже мое волнение,— с громким ржанием шарахнулась прочь, и из-под копыт у нее, будя эхо, посыпались комья земли и камни. Я крикнул еще раз, но всадник то ли не слышал, то ли доверился чутью лошади и тоже испугался, только дробно застучали копыта, покатились камни и всадник сломя голову ускакал прочь. Кто бы он ни был, его можно было понять: даже если он не знал, чья гробница находится внизу под холмом, ему, конечно, известно, что эти холмы считаются священными, и услышать в сумерки пение, доносящееся изнутри такого холма...

Я вернулся к себе и подобрал арфу. Она не пострадала. Я отложил ее в сторону, а с ней и надежды на спасение, и печально занялся приготовлением того, что, за неимением худшего слова, приходилось назвать моим ужином.

Глава 3

На третью или четвертую ночь после этого случая что-то разбудило меня. Я открыл глаза в полной темноте. Что это было? И тут я услышал шум: кто-то тихонько скребся, сыпались камешки, шлепались комья земли. Звуки доносились из дальней высокой пещеры с «верхним светом». Зверь какой-нибудь, подумал я, барсук, или лиса, или даже волк. Почуяли запах съестного и роются. Поплотнее укутав спину, я снова закрыл глаза.

Но звуки продолжались, осторожные, упорные, кто-то разгребал камни с настойчивостью совсем не звериной. В сердце у меня ожила надежда, я сел на своем ложе: неужели вернулся давешний всадник? А может быть, он рассказал людям о пережитом страхе, и кто-то другой, более отважный, явился по его следам посмотреть, в чем дело! Я набрал воздуху в грудь, чтоб крик-

нуть, но передумал. Я опасался спугнуть и этого. Лучше пусть он первый меня позовет.

Но он не звал. А просто продолжал работать, расширяя расселину в скале. Снова посыпалась земля, звякнул о камень лом, и я явственно расслышал сдавленное проклятье. Грубый мужской голос. Потом на минуту стало тихо, должно быть, он прислушивался. А потом шум возобновился — теперь он работал более тяжелым орудием, киркой или лопатой, раскапывая себе путь вниз.

Теперь уж я ни за что не стал бы кричать. Человек, явившийся просто из любопытства посмотреть, что за чудеса здесь происходят, никогда не стал бы соблюдать такую осторожность, он бы прежде всего, как тот, первый, крикнул и выждал, не раздастся ли ответ, а уж после этого попытался проникнуть через расселину в пещеру. Да и кроме того, человек с честными намерениями не явился бы сюда один и ночью.

Долго не ломая голову, я догадался, что это скорее всего грабитель могил, какой-нибудь одинокий бродяга, прослышавший о богатом захоронении под Холмом Мерлина. Он, должно быть, осмотрел бывший вход в пещеру, нашел, что он слишком плотно завален, и пришел к выводу, что через верх можно будет забраться и легче, и незаметнее. Или же это кто-нибудь из местных, наблюдавший богатую похоронную процессию и с детства знающий о существовании вверху другого, более трудного входа. А может, даже и солдат, из тех, кто после похоронной церемонии заваливал камнями устье пещеры, который с тех пор не мог забыть о сокровищах, зарытых под холмом.

Кто бы он ни был, человек этот был не из пугливых. Он знал, что найдет в пещере мертвое тело, был готов выдержать и вид, и запах трупа, пролежавшего под землей не одну неделю, и не страшился обобрать этот труп, сорвать с него драгоценности, а затем сбросить его с погребального ложа, чтобы присвоить златотканые покровы и изголовье с золотой бахромой. А что, если вместо трупа он увидит живого человека? Человека немолодого, ослабленного долгими неделями, проведенными под землей, которого к тому же мир считает умершим? Ответ прост. Он меня убьет и так или иначе ограбит мою могилу. И я, лишенный магической силы, перед ним беззащитен.

Я тихо поднялся со своего ложа и прошел в пещеру с «верхним светом». Работа вверху двигалась полным ходом. Из расширенного отверстия шло сияние — у моего посетителя, верно,

был при себе достаточно яркий фонарь. Но при таком освещении он не заметит света от моей тусклой свечи. Я вернулся к себе в главную пещеру, осторожно загородившись, запалил свечу и приступил к единственно доступным для меня приготовлениям.

Если бы я затаился, дожидаясь его прихода с ножом в руках (у меня не было кинжала, но в пещере имелись ножи для приготовления пищи) или с каким-нибудь тяжелым предметом наготове, я все равно едва ли мог напасть на него достаточно быстро и нанести удар достаточной силы, чтобы оглушить его. А иначе такое нападение немедленно привело бы к моей же гибели. Мне надо было измыслить что-то другое. Я хладнокровно все обдумал. В моем распоряжении было только одно оружие, но за долгие годы я убедился, что оно могущественнее и кинжала, и дубины. Оружие это — человеческий страх.

Я убрал со своей постели одеяла. Расстелил и аккуратно разгладил драгоценный покров, подложил в изголовье бархатную подушку с золотой бахромой. Четыре золотых подсвечника так и стояли, как были, по четырем углам кровати. Рядом я поставил золотой кубок, в котором было вино, и серебряное блюдо, выложенное гранатами. Потом достал две золотые монеты, предназначавшиеся в уплату загробному перевозчику, завернулся в королевскую мантию, задул свечу и лег на погребальное ложе.

Грохот осыпавшихся камней, донесшийся со стороны шахты, и с ним ворвавшийся в пещеру свежий ночной воздух сказали мне о том, что мой гость уже в доме. Я закрыл глаза, положил себе на веки по золотой монете, расправил ниспадающие складки моей мантии, скрестил руки на груди и, стараясь дышать неглубоко и бесшумно, стал ждать.

Это оказалось необыкновенно трудно. Мне часто и прежде случалось сталкиваться с опасностью, но я всегда при этом знал, что именно мне угрожает. Была ли то битва с Бритаэлем или засада в Диком лесу, но в трудную и грозную минуту я всегда твердо знал, что после боли меня ждет победа, и спасение, и выполненная миссия. Теперь же я не знал ничего. Быть может, смерть в темноте от руки вора и убийцы, польстившегося на горсть драгоценных камешков,— это и есть тот бесславный конец, который сулили мне боги, с усмешкой давшие мне прочесть по звездам, что я буду «заживо заключен в гробницу». И на все, что свершается,— божья воля? Но нет, думал я совсем не отрешенно, если я когда-нибудь верно служил тебе, господи боже мой, дай мне перед смертью хоть раз еще вдохнуть ароматного свежего воздуха!

Раздался стук — мой посетитель спрыгнул на дно пещеры. У него, должно быть, при себе веревка, и он привязал конец к дереву, растущему вблизи расселины. И я не ошибся: он один. Из-под закрытых век и золотых монет я различил, как потеплела темнота вокруг — это он вошел со своим фонарем. Старательно прощупывая ногой каждый шаг, он продвигался к моему ложу. Я ощутил запах пота и угарный дух его дешевого фонаря, а это значит, с удовлетворением подумал я, что он не ощутит у меня в пещере запахов пищи и вина и дымка от недавно задутой тростниковой свечи. Его выдавало тяжелое дыхание — было ясно, что, как он ни храбрился, ему очень страшно.

Вот он увидел меня и остановился. Послышался вдох как предсмертный хрип. Должно быть, он приготовился увидеть разлагающийся труп, а тут лежит человек как живой или только что умерший. Несколько мгновений он простоял в нерешительности, громко и тяжело дыша, потом, видно, вспомнил рассказы об искусстве бальзамирования, еще раз тихо выругался себе под нос и на цыпочках пошел вперед. Свет у него в руке дрожал и раскачивался.

Чем явственнее я улавливал запах и звук его страха, тем спокойнее становился сам. Я дышал ровно и неглубоко, надеясь, что в дрожащем свете своего чадящего фонаря он не заметит моего дыхания. Простояв передо мной, казалось мне, целую вечность, он наконец, все так же шумно дыша, рывком, словно пришпоренная лошадь, приблизился к моему погребальному ложу. Потная, дрожащая рука сняла с моих век золотые монеты.

Я открыл глаза.

За краткое мгновение, пока он не успел еще ни шевельнуться, ни моргнуть, ни набрать в грудь воздуху, я разглядел его: тяжелые кельтские черты лица, освещенного роговым фонарем, грубые одежды деревенского ополченца, изрытая оспинами потная кожа, жадный полуразинутый рот и тупые глазки, а у пояса — острый как бритва нож.

— Милости прошу в царство мертвых, солдат,— ровно произнес я.

И на звук моего голоса из темного угла мелодичным, замирающим вздохом отозвалась арфа.

Золотые монеты со звоном укатились во мрак по дну пещеры. За ними с глухим стуком последовал роговой фонарь, разлившись лужей чадящего масла. Солдат издал душераздирающий вопль

ужаса, какие мне за всю мою долгую жизнь не часто доводилось слышать; скрытая в темноте арфа передразнила его. Завопив еще истошнее, мой гость, спотыкаясь в темноте, бросился вон из пещеры по направлению к шахте. Первая попытка выкарабкаться наружу по веревке ему не удалась — он сорвался и с возгласом тяжело шлепнулся на усыпанный камнями пол. Но страх придал ему силы: задыхаясь, он карабкался все выше, протиснулся в расселину, и под уклон простучали, оскользаясь, торопливые шаги. А потом все звуки замерли, я опять остался в одиночестве и безопасности.

В безопасности своей могилы. Веревку он все-таки унес. Наверно, испугался, как бы дух колдуна не выбрался за ним следом и не пустился в погоню. В пробитое им отверстие мне виден был клочковатый лоскут неба, и на нем, далекая, чистая и равнодушная, лучилась одна звезда. Внутрь щедро проникал свежий ночной воздух, а с ним холодный, неопровержимый запах близкого рассвета. Наверху над скалой запел первый дрозд.

Мой бог ответил мне. Я еще раз вдохнул свежего, ароматного воздуха и услышал мелодичную птичью песнь. Но жизнь попрежнему осталась для меня недоступна.

Я возвратился к себе в пещеру и как ни в чем не бывало приступил к заботам очередного дня.

За этим днем последовал второй, за ним третий. На третий день, поев и отдохнув, посидев над своими записями и приведя себя по возможности в спокойное расположение духа, я пошел осмотреть пещеру-шахту. Злосчастный могильный вор подарил мне новую тень надежды: куча камней внизу под отверстием выросла не меньше чем на три фута, и, хотя веревку, на которой он спустился, он, убегая, захватил с собой, на дне пещеры, свернутый широкими кольцами, валялся какой-то шнур. Впрочем, надежды мои, едва возродившись, тут же и рухнули: шнур оказался гнилой, да и короткий, всего четыре или пять локтей. Должно быть, он предназначался для того, чтобы перевязать награбленное: даже с одним подсвечником в руке вор не сумел бы лезть по веревке вверх, поэтому, должно быть, собирался связать все в одну охапку, прикрепить к веревке и потом вытянуть из расселины. Найденный шнур, даже будь он достаточной длины, чтобы забросить его наверх и зацепить петлей за какой-нибудь выступ, все равно не выдержал бы моего веса. К тому же, еще

раз задрав голову и пристально осмотрев неровные, мокрые стены шахты, я не увидел ни одного мало-мальски надежного упора. Возможно, что молодой мужчина или ловкий подросток и сумел бы тут подняться, но я, хоть и обладал всегда немалой физической силой и выносливостью, все-таки не мог считаться атлетом, теперь же, в старости, после болезни и лишений, мне об этом нечего было и думать.

Еще одну услугу оказал мне могильный вор: если раньше, чтобы вылезти через шахту, мне понадобилось бы как-то взобраться наверх пещеры и разрыть себе лаз, что без лестницы и орудий было немыслимо, то теперь выход наружу был открыт. Оставалось только до него дотянуться. В моем распоряжении был кусок шнура — неужели я с его помощью не сооружу себе что-то вроде подмостей? А достигнув наклонной части шахты, не сумею из чего-нибудь связать для дальнейшего подъема некое подобие лестницы? Перед тем как замуровать устье пещеры, из нее вынесли почти всю утварь, но оставалась еще кровать, две-три табуретки и стол, бочонки и в углу — забытая массивная скамья. Если бы как-то разбить это все на доски, связать их кусками шнура или разодранного на полосы одеяла... А в качестве клиньев можно использовать черепки разбитых банок...

Весь тот день, а также и следующий я работал под «верхним светом», сооружая подмости и при этом вспоминая Треморина, главного строителя в свите моего отца и моего первого наставника в строительном деле. То-то бы он посмеялся, видя, как великий волшебник Мерлин, превзошедший своего учителя и поднявший Висячие Камни в Хороводе Великанов, ладит какое-то жалкое сооружение, которого постыдился бы простой подмастерье. Возьми-ка ты лучше вместо этого арфу, сказал бы он мне, и, подобно Орфею, поиграй перед обломками скамей и табуреток, покуда они сами не сложатся в подмости, как стены Трои. Именно так он в свое время ничтоже сумняшеся объяснял людям мой строительный подвиг — подъем огромных каменных глыб Хоровода Великанов.

К вечеру второго дня подмости были готовы. Получилось грубое сооружение девяти футов в высоту, прочно стоящее на куче камней под отверстием шахты. Сверху я приладил толстую доску от скамьи, которая выдержит, если на нее поставить лестницу. Теперь осталось, на глаз, еще надстроить всего только двадцать пять футов. Я трудился дотемна, потом зажег лампу и приготовил свой жалкий ужин. А затем, как ищет человек утешения в объятиях любимой, так я прижал к груди свою арфу и, не помышляя об Орфее или Трое, играл, покуда веки у меня не стали смыкаться и фальшивое созвучие не оповестило меня о том, что пора спать. Завтра будет новый день.

И кто бы догадался, что за день! Уставший от своих трудов, я крепко спал и, пробудившись позже обычного, увидел яркий луч и услышал, что кто-то зовет меня по имени.

Сначала я не пошевелился, думая, что все еще нахожусь во власти туманных сновидений, так часто дразнивших меня в пещере, но потом опомнился, ощутил боками жесткий каменный пол, на котором спал с тех пор, как сломал кровать, и снова услышал голос — он шел сверху, чуть дрожащий от волнения мужской голос, как-то до странности знакомо выговаривающий латинские слова.

— Милорд! Господин мой Мерлин! Ты здесь?

— Здесь! Иду!

Забыв о боли в суставах, я, как молодой, вскочил и бросился в пещеру с «верхним светом».

В отверстие шахты изливалось солнечное сияние. Спотыкаясь, я добрался до подножия подмостей, почти не оставивших свободного места на дне шахты. И задрал голову.

Сверху, обрамленная ослепительной синевой неба, в расселину просунулась чья-то голова и плечи. Сначала, после темной своей пещеры, я сослепу ничего не мог разглядеть. Но тот, смотрящий вниз, должен был видеть меня вполне отчетливо — нечесаного, бородатого и, конечно, бледного, как призрак, которого он опасался здесь обнаружить. Я услышал тихий возглас, и голова исчезла.

Я крикнул:

— Постой, ради бога, прошу тебя! Я не призрак! Погоди! Помоги мне выбраться отсюда. Стилико, не уходи!

Я почти бессознательно узнал его выговор и его самого, моего давнего слугу-сицилийца, который женился на мельниковой дочери Мэй и теперь держал мельницу в долине на реке Тиви. Был он человек доверчивый, суеверный, легко пугающийся того, что казалось ему непонятным. Прислонясь к стойке подмостей, я ухватился дрожащими руками за доски и постарался прежде всего успокоиться, чтобы мое спокойствие передалось ему. Вско-

ре вверху шахты снова показалась его голова. Мне видны были вытаращенные черные глаза, изжелта-смуглое, без кровинки, лицо, разинутый рот. Титаническим усилием воли, от которого я едва не потерял сознание, я заставил себя обратиться к нему ровным, уверенным тоном на его родном языке:

— Не бойся, Стилико. Меня ошибочно сочли умершим и заключили в эту гробницу. Вот уже сколько времени я нахожусь здесь, замурованный внутри холма. Но я не призрак, дружище, я настоящий, живой Мерлин и очень нуждаюсь в твоей помощи.

Он просунул голову глубже.

— Значит, король... и все другие, кто был здесь...

Он не договорил и затрудненно сглотнул.

— Разве призрак мог бы соорудить вот эти подмости? — продолжал я убеждать его.— Я не потерял надежду на спасение; все это время, что я здесь нахожусь, она поддерживала меня, но, клянусь богом всех богов, Стилико, если ты теперь не поможешь мне выбраться и бросишь меня здесь, честное слово, я умру еще до наступления ночи!

Я замолчал, устыдившись.

Он прокашлялся. И, потрясенный, но уже справившись с испугом, проговорил:

— Так, значит, это правда ты, господин? Нам сказали, что ты умер и похоронен, и мы оплакивали тебя... но нам следовало знать, что твоя волшебная сила убережет тебя от смерти.

Я потряс головой. Главное — не прекращать разговор, я знал, что с каждым моим словом он все больше верит мне и собирается с духом, чтобы проникнуть в пещеру-гробницу, где заключен этот живой призрак.

— Не волшебная сила,— возразил я,— это мой недуг обманул всех. Я больше не волшебник, Стилико, но я все еще, благодарение богу, крепок телом. Иначе бы эти недели, проведенные под землей, уж конечно, убили меня. Ну так как, мой друг, ты сможешь меня вызволить? Потом мы еще поговорим и решим, что следует предпринять, но сейчас, бога ради, помоги мне выбраться отсюда на волю...

То была нелегкая работа, потребовавшая много времени, в особенности еще и потому, что, когда он хотел сходить за подмогой, я в выражениях, которые теперь стыжусь вспомнить, умолил его не оставлять меня одного. Он не стал спорить, а принялся навязывать узлы на крепкой веревке, которую нашел наверху,—

она так и осталась там, прикрепленная одним концом к дереву вблизи расселины. На свободном конце он сделал петлю, чтобы я мог вставить ногу, и осторожно спустил веревку в шахту. Она достала до моих подмостей, и даже с запасом. А затем он сам ловко спустился по ней и в мгновение ока очутился подле меня у подножия подмостей. Должно быть, он хотел по старой привычке встать передо мной на колени и поцеловать мои руки, но я сразу изо всех сил вцепился в него и повис, так что ему пришлось, наоборот, меня поддержать на ногах. Обхватив меня молодыми крепкими руками, он провел меня в мою жилую пещеру, нашел для меня последнюю неразломанную табуретку, разжег лампу, дал мне выпить вина, и немного погодя я уже мог с улыбкой произнести:

— Ну, теперь ты удостоверился, что я материальное тело, а не дух? Ты храбро поступил, что пришел, и еще храбрее, что не дрогнул и не убежал. Но что могло привести тебя в эти места? От тебя я уж никак не ожидал, что ты станешь лазить в гробницы.

— Я бы никогда и не пришел сюда,— признался он,— но мне рассказали кое-что, и я подумал, что ты все-таки волшебник, может быть, твоя волшебная сила не даст тебе умереть, как простому смертному.

— Что же тебе такое рассказали?

— Ты знаешь Брана, который помогает мне на мельнице? Так вот, вчера он был в городе и видел в таверне одного пьянчугу, который сидел там и плел, что будто бы он побывал в Бринн-Мирддине и сам волшебник Мерлин вышел из могилы, чтобы потолковать с ним. Люди ставили ему выпивку и просили рассказывать еще, ну он и не стеснялся, врал за милую душу, но кое-что в его рассказе заставило меня призадуматься...— Он помолчал.— А что произошло на самом деле, господин? Кто-то и вправду побывал здесь, я это понял по веревке, привязанной к дереву.

— Побывали, и даже дважды,— ответил я.— Сначала кто-то поднялся на вершину верхом на лошади... Это было вот когда: видишь, я делал зарубки? Должно быть, он услышал мое пение — звуки хорошо распространяются в каменных пустотах. А потом, это было четыре дня спустя, или нет, пять дней, какой-то проходимец хотел ограбить гробницу, это он раскопал сверху лаз и спустился вниз по веревке.— И я рассказал ему, как все было.— Он, верно, со страху не стал задерживаться, чтобы отвязать верев-

ку. Слава богу, что до тебя вовремя дошли его рассказы и ты пришел прежде, чем он снова набрался храбрости, он бы вернулся за веревкой и, глядишь, еще снова сунулся бы ко мне в подземелье.

Стилико искоса бросил на меня удрученный взгляд.

— Не стану обманывать тебя, господин. Ты незаслуженно похвалил меня за храбрость. Я приходил сюда вчера вечером. Мне страсть как не хотелось идти одному, но Брана звать с собой было стыдно, а Мэй и близко не соглашалась подойти к пещере... Ну, я посмотрел, устье пещеры завалено, как было, а тут вдруг слышу: арфа! Я... я подхватился — и бежать. Прости меня.

— Но все же вернулся,— тихо возразил я.

— Да. Всю ночь не мог заснуть. Помнишь, один раз, уезжая, ты оставил меня сторожить пещеру, ты тогда показал мне свою арфу и объяснил, что иногда она играет сама собой, это сквозняк трогает струны. Чтобы я не боялся, ты провел меня в хрустальный грот и сказал, что в нем я всегда смогу надежно укрыться. Ну вот, я все это припомнил, подумал о том, как ты был добр ко мне, как избавил меня от рабства и подарил мне свободу и жизнь, которой я теперь живу. И я решил, пусть даже это призрак моего господина, пусть его волшебная арфа сама собой играет внутри полого холма, все равно от моего господина мне нечего опасаться худа... И я пришел опять, но только теперь уже днем. Я подумал, если это призрак, тогда при солнечном свете он будет спать.

— Я и в самом деле спал.

Как острием ножа, меня кольнула мысль, что если бы я накануне вечером напился, как случалось нередко, сонного зелья, то мог бы ничего не услышать.

А он продолжал:

— В этот раз я взошел на вершину холма и вижу — белеет разломанный камень в том месте, где под скалой была отдушина. Подошел поближе, а там веревка привязана к осине и в камнях широкая расселина, я заглянул в нее и увидел...— он замялся,— увидел эту груду досок.

Я уж думал, что мне никогда больше не будет смешно.

— Это не груда досок, а подмости, Стилико.

— Да-да, конечно. Я подумал: это не призраком сколочено. Ну и стал кричать. Вот и все.

— Стилико,— сказал я,— если когда-нибудь я сделал тебе добро, будь уверен, что ты отплатил мне сторицей. Ты дважды спас

мне жизнь. Не только сегодня. А еще и тогда, когда оставил пещеру оснащенной всем необходимым, иначе я бы здесь давно погиб от холода и голода. Я этого тебе не забуду.

— Очередь за тем, чтобы вытащить тебя на волю. Но как? — Он осмотрелся, скользнув взглядом по голым стенам и разломанной утвари.— Теперь, когда мы потолковали и ты чувствуешь себя лучше, милорд, не сходить ли мне за подмогой и за инструментом, чтобы вскрыть заваленный выход? Так было бы тебе удобнее всего, уверяю тебя.

— Понимаю, но не согласен. Я успел все хорошо обдумать. Пока я не узнаю, как обстоят дела в королевстве, мне нельзя вдруг «восстать из мертвых». Ведь простые люди именно так поймут появление принца Мерлина из могилы. Поэтому никаких разговоров не должно быть, прежде чем мы не уведомим короля. Так что сначала надо послать к нему...

— Король, говорят, сейчас в Бретани.

— Вот как? — Я задумался.— А кто регент?

— Королева с Бедуиром.

Я помолчал, разглядывая свои ладони. Стилико, скрестив ноги, сидел против меня на полу. В неярком свете лампы он все еще походил на юношу, какого я знал когда-то. Темные византийские глаза выжидающе смотрели на меня.

Я облизнул губы.

— А леди Нимуэ? Ты знаешь, кто она? Она...

— А как же, весь мир знает ее. Она владеет магией, как ты когда-то... как ты, господин. Она постоянно при короле. Она живет близ Камелота.

— Да? Ну, так или иначе, но до возвращения короля из Бретани никто не должен ничего знать. Мы как-нибудь справимся с тобой сами. Спустись в конюшню под горой, принеси оттуда необходимые инструменты, и мы что-нибудь придумаем.

Все так и получилось. Через полчаса он вернулся к расселине, принеся с собой гвозди, топор, молоток и несколько досок, которые были сложены в стойле. Эти полчаса дались мне нелегко: умом я понимал, что он вернется, однако, не в силах совладать со своими чувствами, сидел на табурете и дрожал как последний дурак, обливаясь холодным потом. Но к тому времени, когда Стилико спустил все это в шахту, а затем спустился и сам, я уже сумел взять себя в руки. Мы приступили к работе, вернее, я сидел и давал указания, а он под моим руководством

сколотил что-то вроде лестницы, которую установил на возведенных мною подмостях. Верхним концом лестница доставала до наклонной части шахты. Начиная отсюда, в дополнение к толстой веревке с узлами, он вставил поперек лаза, укрепив за выступы и щели в стене, несколько кусков дерева — эти перекладины, правда, не могли служить мне ступенями, но все-таки давали возможность упереться коленом и перевести дух.

Завершив работу, он стал испытывать свою лестницу на прочность, а я тем временем завернул в оставшееся одеяло арфу, мои рукописи и кое-какие снадобья для восстановления сил. Стилико вылез с узлом из шахты. А я, срезав ножом с гробового покрова несколько драгоценных камней покрупнее, положил их вместе с золотыми монетами в кожаный мешок, где у меня хранились высушенные травы, затянул завязку, продел в петлю запястье и уже стоял наготове у подножия подмостей, когда наконец сверху опять появился Стилико и, придерживая веревку, крикнул мне, чтобы я начинал подъем.

Глава 4

Я пробыл на мельнице у Стилико целый месяц. Мэй, прежде трепетавшая передо мной, видя теперь вместо грозного колдуна просто больного человека, которому нужна помощь, ухаживала за мной с неустанной самоотверженностью. Кроме нее и ее мужа, я никому не показывался, все это время я не выходил из комнаты на верхнем этаже — лучшей в доме, они уступили мне свою спальню, не слушая моих возражений. Работник их спал на другом конце двора в амбаре и знал только, что в доме поселился престарелый родственник хозяев. То же было сказано и детям, и они все приняли на веру: детям свойственна доверчивость.

Первое время я лежал в постели. Силы мои после перенесенных лишений были совсем подорваны, дневной свет и шумы обыденной жизни оказывали на меня мучительное действие — то на дворе перекликались мужчины, разгружая баржу с зерном, то доносился стук лошадиных копыт по дороге, то раздавались крики играющих ребятишек. Даже говорить с Мэй или Стилико было мне поначалу трудно, но они оба обращались со мной так сочувственно и деликатно, как умеют простые люди, и постепенно мне стало легче, я снова почувствовал себя человеком. Вскоре

я уже встал с постели, проводил время за своими писаниями и, призвав к себе старших детей Стилико, начал обучать их грамоте. Со временем я сумел оценить даже разговорчивость Стилико и жадно расспрашивал его обо всем, что произошло в королевстве, пока я находился в заточении.

Про Нимуэ сверх того, что он успел мне сообщить, ему мало что было известно. Слава о ее магической силе после моего исчезновения быстро разнеслась повсюду, и мантия королевского прорицателя пришлась на ее плечи как раз впору. Сначала она жила в Яблоневом саду, но, когда скончалась владычица алтаря, возвратилась в святилище на острове и со всеобщего молчаливого согласия заняла освободившееся место. Поговаривали, что с нею в святилище пришли перемены — новая владычица алтаря не проводит свои дни затворницей на острове в кругу девственных сестер, а нередко бывает теперь в Камелоте при дворе, и ходили даже слухи, будто она собирается вступить в брак. Ее избранника Стилико мне назвать не мог. «Кто-нибудь из королей, понятное дело»,— только сказал он.

Этим я вынужден был удовольствоваться. Больше никаких особых новостей я не услышал. Люди, поднимавшиеся вверх по реке к мельнице, были все больше простые работники или баржевики, разбиравшиеся лишь в местных делах и ни о чем ином не помышлявшие, кроме как о получении хорошей цены за свои товары. От них я только узнал через Стилико, что времена все еще были добрые, в королевстве царил мир и саксы придерживались условий заключенных договоров. Так что верховный король счел для себя возможным отлучиться из страны.

Зачем, Стилико не знал. Да и меня это до времени занимало лишь постольку, поскольку означало, что впредь до его возвращения я должен блюсти мою тайну. Я еще раз все обдумал, когда окончательно пришел в себя, и утвердился в своем решении. Открыто вернуться к делам мне не было никакого расчета. Даже «чудо» моего восстания из могилы не принесло бы теперь пользы королевству и королю. У меня больше не было магической силы и дара провидения, чтобы служить ему. Зачем же поднимать шум по случаю моего возвращения и тем подрывать авторитет моей преемницы Нимуэ, если я больше Артуру ничем полезен быть не смогу? Я принародно передал ей бразды своей власти и покинул этот мир, обо мне уже складывались легенды, как я понял со слов Стилико,— все новые подробности соби-

рались вокруг рассказа могильного вора о встрече с тенью колдуна.

Это же все относилось и к Нимуэ. Насколько я способен был рассуждать хладнокровно, было ясно, что наша с ней любовь — в прошлом. Мог ли я теперь вернуться и занять прежнее место подле моей любимой — навязать путы на лапки сокола, уже взмывшего в поднебесье? Была и еще одна мысль, удерживавшая меня. Бодрствуя, я с успехом отгонял ее, но по ночам, во сне, она дразнила меня сновидениями и памятью о давних пророчествах, язвящими, точно оводы. Что я, в сущности, знал о женщинах, даже теперь? Вспоминая, как неумолимо день за днем покидала меня моя сила, как наступала неодолимая слабость и ввергла меня под конец в сон, подобный смерти, так что я был замертво брошен в темном узилище,— перебирая теперь все это в памяти, я спрашивал себя, чем же на самом деле была наша любовь, как не цепью, приковавшей меня к той, кого я любил, и принудившей меня отдать ей все, что я имел. И даже когда я вспоминал ее нежность, ее преклонение передо мной и любовные речи, я понимал — и для этого не требовалось провидческого дара,— что она не пожертвует обретенной силой, хотя бы и ради того, чтобы воссоединиться со мной.

Нелегко было втолковать Стилико, почему я не хочу показаться людям, но он не стал спорить, когда я сказал, что должен дождаться приезда Артура, прежде чем принимать решение. О Нимуэ он говорил так, что было ясно: он считал ее не больше чем моей ученицей, заступившей освободившееся место учителя.

Наконец, окончательно оправившись и не желая более обременять своим присутствием Стилико и его хозяюшку, я надумал отправиться в Нортумбрию и начал при содействии Стилико готовиться в путь. Добираться я решил морем. Морские путешествия никогда не прельщали меня, но сушей ехать было долго и тяжело, в любой день могли начаться дожди, и к тому же мне невозможно было тащиться по дорогам одному, Стилико тогда непременно вызовется меня сопровождать, а ему в это время года никак нельзя отлучаться с мельницы. Он и на корабле хотел было отправиться вместе со мною, но в конце концов мне удалось его отговорить. Тут мне вернее всего помогло не столько мое красноречие, сколько его — по старой памяти — преклонение передо мной как перед «могучим волшебником», которому он некогда служил и, гордясь, подчинялся. Так или иначе, но

мне удалось настоять на своем, и однажды утром я спозаранку сел на баржу и спустился вниз по реке до Маридунума, где отыскал в порту судно, отплывающее на север.

Я не уведомил Блэза в Нортумбрии о своем предстоящем прибытии, так как у меня не было гонца, которому я мог бы доверить известие о том, что Мерлин «возвратился из царства мертвых». Оставалось надеяться, что я изыщу какой-нибудь способ предупредить моего бывшего учителя, когда окажусь от него поблизости. А может быть, он даже и не слышал о моей смерти — он жил затворником, о том, что свершается в мире, знал главным образом из моих писем, и вполне могло статься, что как раз теперь он разворачивал последний свиток, полученный из Яблоневого сада.

Именно так на самом деле и было. Но прошло еще немало времени, прежде чем я об этом узнал. А тогда я до Нортумбрии не доехал, прервав плавание в Сегонтиуме.

Наше судно вошло в гавань ясным безветренным утром. Маленький городок купался в лучах солнца, прикорнув прямо у искрящейся воды, а вверху, над его скромными домишками, высились могучие стены крепости, возведенной в римские времена,— главной твердыни императора Максима. На западе, за полосой воды, отливали золотом на солнце зеленые поля острова Мона. А на берегу, чуть в стороне от крепостных стен, чернели руины старой башни, которая именовалась Максеновой башней. У ее подножия в разрушенном храме Митры я много лет назад разыскал меч британских королей, и там в подполье под разбитым алтарем я оставил запрятанными остальные сокровища Максена: копье и чашу Грааль; я обещал когда-то Нимуэ показать этот тайник на возвратном пути из Галавы. А еще дальше и выше вздымалась в небо великая Снежная гора. Первые снега уже побелили ее вершину, одетые облаками склоны даже в этот солнечный день были темно-лиловыми от прошлогоднего вереска и каменных осыпей.

Мы причалили к пристани. У нас на корабле были товары, которые предстояло выгрузить, а это дело не скорое, и я, с радостью сойдя на сушу, поспешил в портовую таверну, где мог перекусить и, сидя у окна, наблюдать за тем, как идет разгрузка и погрузка.

Я был голоден. Во время плавания даже по спокойному морю, как на этот раз, я всегда безвылазно сижу в каюте и ничего

не пью и не ем, покуда не прибуду к месту назначения. Комендант порта заверил меня, что наше судно отплывет не раньше чем с вечерним отливом, потому у меня было вдоволь времени, чтобы отдохнуть и собраться с силами для дальнейшего плавания. Честно сказать, у меня мелькнула мысль, что хорошо бы опять побывать на развалинах храма Митры, но я ее отбросил. Даже если бы я и посетил то место, сам тайник я бы все равно не тронул. Сокровище Максена не про меня. К тому же я был утомлен плаванием и нуждался в пище для подкрепления сил. Я свернул в таверну.

Здание таверны представляло собой три флигеля, с трех сторон ограждавшие квадратный двор, который четвертой стороной выходил на пристань — по-видимому, чтобы удобнее было сгружать товары с кораблей прямо на склады таверны. Во дворе под широкими свесами крыши стояли прочные столы и скамьи, но погода, хотя и ясная, все же была недостаточно теплой, чтобы склонить меня к обеду на свежем воздухе. Я вошел во внутреннее помещение, где в очаге полыхали дрова, и заказал себе еды и вина (свой проезд на корабле я оплатил одной из золотых монет, которые предназначались перевозчику в загробном царстве, ее хватило на то, чтобы шкипер преисполнился ко мне уважения, несмотря на мой более чем скромный облик, да еще отсчитал сдачу). Слуга поспешил принести мне славный обед, состоящий из баранины и свежего хлеба, а к ним — бутылку простого красного вина, какое любят моряки, и оставил меня наслаждаться теплом очага и следить через открытую дверь за разгрузочными работами.

День близился к вечеру. Я, оказывается, устал больше, чем думал, и задремал, сидя за столом,— дремал, пробуждался, задремывал снова. А на пристани работа шла своим чередом — скрипели вороты, гремели цепи, напрягаясь, гудели канаты, мешки и тюки громоздились на палубе. Над ними, крича, летали чайки. Время от времени со скрипом проезжали запряженные волами телеги на кругляках-колесах.

В самой таверне было тихо. Один раз через двор прошла женщина, неся на голове корзину с бельем, пробежал мальчик, на руке у него был лоток со свежевыпеченными хлебами. В правом флигеле, как можно было понять, находились какие-то постояльцы. Туда со стороны города вошел человек в одежде раба, с плоской корзиной, затянутой полотном. Он скрылся за дверью,

а немного погодя оттуда выбежали во двор дети, мальчики, хорошо одетые, но шумные. У них был какой-то странный нездешний выговор, я не мог вспомнить, в каких краях так говорят. Двое, близнецы судя по виду, уселись на плитах двора играть в кости, между тем как двое других, хоть и не равных ни по годам, ни по росту, затеяли поединок на палках, заменявших им мечи, прикрываясь, как щитами, крышками от старых коробок. Немного погодя из тех же дверей вышла солидная женщина, должно быть, няня, и, сев на солнышке на лавку, стала за ними приглядывать. Мальчишки то и дело нетерпеливо подбегали к пристани смотреть, как идут дела, можно было предположить, что постояльцы из правого флигеля собираются плыть дальше либо вместе со мною, либо на судне, которое стояло у причала за углом таверны.

С моего места мне был виден шкипер нашего корабля и рядом с ним, по-видимому, сборщик пошлин с восковыми табличками и стилем. Он уже перестал делать записи, и на палубе тоже все угомонились. Как видно, подходит время мне возвращаться на свою неудобную койку под палубой и, лежа, ждать, покуда слабый ветер не пригонит наш корабль в следующую гавань.

Я встал. И в ту же минуту увидел, как шкипер встревоженно поднял голову, будто принюхивающаяся собака. Вот он обернулся и посмотрел на крышу таверны. Я услышал, как у меня над головой с долгим скрипом перевернулся флюгер и стал, скрежеща, биться из стороны в сторону — это вдруг задул вечерний бриз. Подергавшись так несколько раз, флюгер замер, обтекаемый струями воздуха, а поднявшийся ветер серой тенью пробежал по воде гавани, и сразу закачались у причалов корабли, запели канаты, реи заколотили по мачтам, как барабанные палочки. Рядом со мной в очаге заметался огонь, а потом, загудев, взвился высоко в дымоход. Шкипер, досадливо махнув рукой, взошел по сходням на палубу, громким голосом отдавая команды. Я тоже испытал досаду, но к ней примешивалось чувство облегчения: такой ветер сразу разведет большую волну, однако меня она швырять не будет, ибо со злобным осенним непостоянством ветер вдруг переменился и задул прямо с севера. Наше отплытие откладывается.

Я подошел поговорить со шкипером, который распоряжался матросами, перекладывавшими и перевязывавшими корабельный груз ввиду предстоящего шторма. Он хмуро подтвердил, что

впредь до попутного ветра наш корабль выйти в плавание не сможет. Я отправил слугу за моими пожитками и вернулся в таверну, чтоб попросить у хозяина отдельную комнату. Что у него будут свободные комнаты, я знал, ветер, противный для нас, сулил удачу другим постояльцам. Я видел, что второе судно готовится к выходу в море, и в таверне тоже заметна была предотъездная беготня и суета. Мальчики со двора ушли и вскоре появились снова, тепло обутые и укутанные в плащи, младший шел за руку с нянькой, остальные нетерпеливо, с веселыми возгласами скакали вокруг, радуясь, как видно, предстоящему плаванию. Следом раб, которого я уже видел, и с ним еще один вынесли поклажу. Затем появился слуга в ливрее дворецкого с властной повадкой и резким голосом. Как видно, эти путешественники — важные люди, хоть выговор у них и странный. А в облике старшего мальчика мне почудилось что-то знакомое. Я стоял под навесом главного входа в таверну и наблюдал за ними. Вот с поклонами вышел хозяин и, обратившись к строгому слуге в ливрее, получил от него плату. Впопыхах выбежала женщина, возможно его жена, с каким-то узлом; я услышал слова — «чистое белье». А потом хозяин и хозяйка отошли в сторону от дверей, кланяясь и приседая, и из правого флигеля явилась сама госпожа.

Она была с ног до головы закутана в зеленый плащ и, несмотря на изящное сложение, держалась величаво. Я заметил блеск золота на ее запястье, самоцветное ожерелье на шее. Зеленый плащ был подбит и оторочен рыжим лисьим мехом, капюшон тоже, он был откинут на плечи, но лица я не видел, она стояла ко мне спиной и разговаривала с кем-то, кто находился внутри.

Во двор вышла еще одна женщина, в руках она бережно и, как видно, с трудом несла завернутый в полотно ларец. Судя по скромной одежде, это была служанка. И если в ларце лежали драгоценности ее госпожи, значит, ее госпожа была действительно очень важная и знатная дама.

Но тут дама обернулась, и я узнал ее. Это была Моргауза, королева Лотианская и Оркнейская. Ошибиться я не мог. Прелестные волосы утратили золотисто-розовый блеск и потемнели до бурости, и стан уже не был таким гибким и тонким, как до рождения ее сыновей, но голос остался прежним, и продолговатые раскошенные глаза и капризно сложенные губы тоже. Так, стало быть, четыре маленьких горластых здоровяка с заморским северным выговором были ее сыновьями, рожденными от Лота Лотианского, врага Артура.

Но сейчас мне было не до них — я во все глаза смотрел, когда же появится наконец пятый, старший ее сын, сын Артура.

Вот он решительно вышел из дверей. Рослый, выше матери, стройный отрок, которого я, хоть и не видел никогда прежде, узнал бы среди кого угодно. «Черные волосы, черные глаза, стан танцовщика». Так когда-то было сказано обо мне, а он разительно походил на меня, Артуров сын Мордред. Он остановился подле Моргаузы, что-то говорит ей. Голос у него высокий и мягкий, как у матери. Я уловил слова «корабль» и «счет». Она кивнула, погладила нежной ручкой его по руке. И все двинулись к причалу. Мордред, задрав голову, посмотрел на небо не без опаски, что-то еще сказал. Они прошли в нескольких шагах от меня.

Я отпрянул. Наверно, она заметила мое движение, потому что обернулась, и на какую-то долю мгновения ее глаза встретились с моими. Она как будто бы не признала меня, однако, обернувшись, быстрее пошла туда, где ее ждало судно, и я заметил, что ее бьет дрожь — она плотнее закуталась в меховой плащ, словно вдруг ощутила холодную пронзительность ветра.

За ней потянулись слуги и сыновья Лота: Гавейн, Агравейн, Гахерис, Гарет. Один за другим все поднялись по сходням на борт корабля.

Они плыли на юг. Что нужно там Моргаузе, я не знал, но можно было не сомневаться, что цели у нее недобрые. А я не имею силы остановить их или хотя бы предупредить Камелот, ибо кто же поверит предупреждению мертвеца?

Хозяин таверны и его жена наконец обратились ко мне: теперь они к моим услугам.

Но я не стал просить у них те комнаты, что освободила, уезжая, королева Оркнейская со своей свитой.

Назавтра ветер все еще дул с севера, холодный, сильный, пронзительный. Об отплытии моего корабля по-прежнему не могло быть и речи. Я опять подумал, не послать ли гонца с предупреждением в Камелот, но корабль, на котором плыла Моргауза, опередил бы любого конника, да и кому я мог направить свое послание? Нимуэ? Бедуиру с королевой? Нет, до возвращения верховного короля в Британию я бессилен что-либо пред-

принять. И с другой стороны, пока Артур в отсутствии, Моргауза не причинит ему зла. Обо всем этом я размышлял, шагая вон из города по проселку, тянущемуся под стенами старой крепости, туда, где стояла Максенова башня. И вправду, нет такого ветра, который не принес бы хоть немного пользы. Отдых в таверне освежил меня, и теперь в моем распоряжении был целый день. Этот день я употреблю с пользой.

Когда я прошлый раз посетил Сегонтиум, этот великий военный город, выстроенный и укрепленный императором Максимом, которого в Уэльсе зовут Максеном, лежал в развалинах. Но потом Кадор, герцог Корнуэльский, вновь отстроил и укрепил его, чтобы защищаться от нападения ирландцев. Это уже тоже было давно, но с тех пор, по распоряжению Артура, Маэлгон, его западный воевода, поддерживал город в исправном состоянии. Мне интересно было посмотреть, что именно было сделано и как. И этот интерес не меньше, чем все остальное, выманил меня на проселок, ведущий к башне. Скоро я очутился высоко над городом. День был хоть и ветреный, но солнечный, город лежал у моих ног залитый светом, разноцветные домики теснились на берегу узкого синего залива. Над тропой, по которой я шагал, поднималась вновь отстроенная крепостная стена, она казалась прочной, надежной, из-за нее доносились шум и звон военного учения — звуки жизни боевого гарнизона. Словно я все еще Артуров строитель, я на ходу запоминал все, что видел. Но вот тропа завернула за угол и пошла вдоль южной стены, над которой ветры и разрушительное время трудились невозбранно. Отсюда открывался вид вверх по склону на Максенову башню.

Дорога, ведущая к башне, по которой некогда шагали, взбивая пыль, богомольные римские легионы, теперь стала всего лишь овечьей и козьей тропой. Она круто поднималась по склону к поросшему травой откосу, под которым прятался древний подземный храм Митры. Он уже более столетия как был заброшен, но все же, когда я посетил его в прошлый раз, по ступеням еще можно было спуститься к подземному входу, и помещение, хотя и полуразрушенное, сохраняло черты бывшего храма. Я медленно побрел кверху, сам не зная, что меня, в сущности, сюда опять привело.

А недоумевать было нечего. Храма больше не существовало. Не осталось и следа от бывшей насыпи, под которой прятались

подземные своды, и от ступеней, ведших внутрь. Для восстановительных работ в Сегонтиуме отсюда вырыли и свезли каменные плиты и, добывая щебень, перекопали весь склон, чем вызвали оползень, так что теперь на месте храма Митры образовалась большая каменная осыпь. На осыпи укоренились и разрослись кусты и деревья: рябина, жимолость, ежевика. Теперь уже и место оползня нельзя было определить. Весь склон исчертили густой сетью узкие белые пыльные овечьи тропы.

Я словно снова услышал тихий, замирающий голос бога:

«Повергни наземь мой алтарь. Пришло время ему быть повергнутым».

Алтарь, святилище и все остальное безвозвратно канули в черную глубь горы.

Когда видишь такие перемены, с трудом веришь собственным глазам. Я стоял, не сходя с места, и старался представить себе, где что было раньше. Память не подводила меня: если провести линию от Максеновой башни к юго-западному углу крепости, а другую — от дома коменданта до отдаленного пика Снежной горы, то как раз в месте их пересечения находилось святилище. Но теперь эти линии пересекались в самой середине каменной осыпи. С тропы мне было видно, что как раз там кусты росли реже, чем вокруг, и между камнями темнели провалы, указывающие на подземные пустоты.

— Никак потерял что? — вдруг раздался у меня за спиной голос.

Я оглянулся. Вверху надо мной на завалившейся каменной плите сидел, поджав колени, мальчик. Совсем еще дитя, лет, наверное, десяти, очень чумазый, полуголый, со спутанными волосами. Он держал в руке краюху ячменного хлеба, откусывал понемногу и жевал. Рядом валялся ореховый посох, а выше по склону щипали травку его овцы.

— Да вот сокровище пропало.

— Клад? А что в нем? Золото?

— Может, и золото. Ты почему спрашиваешь?

Он проглотил остатки хлеба.

— А много бы ты за него дал?

— Половину моего королевства, понятное дело. Ты что же, можешь мне пособить его найти?

— Золото я здесь находил.

— Вот как?

— Ага. А один раз серебряный грошик. И еще пряжку. Бронзовую.

— Выходит, твое пастбище куда богаче, чем кажется,— сказал я с улыбкой.

Здесь раньше проходила оживленная дорога между крепостью и храмом. И разного добра, если покопаться, наверно, можно было найти немало. Я посмотрел на мальчика: на грязной рожице блестели живые, смышленые глаза.

— Честно сказать, копать здесь золото я не собирался. Но если ты поможешь мне кое-что узнать, получишь монетку. Скажи-ка, ты всю жизнь здесь живешь?

— Ага.

— Вы пасете овец на этом склоне?

— Ага. Я раньше пас вдвоем с братом. Но потом его продали торговцу, и он ушел в плавание. Теперь я один пасу. Но они не мои. Хозяин у меня — большой человек, куда там.

— А ты не помнишь,— начал я без всякой надежды: молодая поросль на осыпи была никак не моложе десяти лет,— не помнишь, когда тут случился оползень? Наверное, когда начали восстановительные работы?

Он покачал косматой головой:

— Тут всегда так было.

— Да нет. Не всегда. Когда я приезжал сюда раньше, много лет назад, вверх по склону вела проезжая дорога, а вон в том месте в горе было вырыто подземелье. В нем когда-то был храм, куда приходили солдаты молиться богу Митре. Неужели ты об этом не слышал?

Он опять покачал головой.

— И отец тебе не рассказывал?

Он ухмыльнулся:

— Сначала ты скажи мне, кто он, тогда я тебе скажу, что он рассказывал.

— Ну а хозяин?

— Нет. Но если здесь было подземелье, то я могу показать, в каком месте. Там подземная вода. А где вода, там небось и молились.

— Там не было воды, когда я...— Я вдруг кожей почувствовал, как пахнуло холодом.— Подземная вода? Где же?

— Под вон теми камнями. В добрых два человеческих роста глубиной, пожалуй что.

Я обвел взглядом тщедушного чумазого человечка, опять увидел ясные серые глаза, ореховый посох у ног.

— Так ты можешь находить воду под землей? С помощью ореховой палки?

— Ею всего проще. Но бывает, я и без нее чую.

— А металл? Ты золото тут отыскал тем же способом?

— Один только раз. Зато большой кусок. Вроде обломок какой-то фигуры, наподобие собаки. Хозяин у меня отнял. Теперь, если еще сыщу, ни за что ему не скажу. А так все одна медь, медные монетки. Я их там, наверху, нахожу, в разрушенных домах.

— Понятно.— Я задумался о том, что ко времени моего прошлого посещения святилище уже не менее столетия стояло заброшенное, но, когда его строили, наверно, рядом бил источник.— Если ты покажешь мне то место, где есть вода под камнями, получишь немного серебра.

Он не тронулся с места. Взгляд его стал подозрительным.

— Значит, там и лежит это сокровище, что ты ищешь?

— Надеюсь,— с улыбкой ответил я ему.— Но тебе там нечем поживиться, дитя. Ведь, чтобы сдвинуть камни, понадобятся люди с ломами, а они ничего не уделят тебе от своей находки, тогда как я, если ты покажешь мне место, обещаю тебе награду.

Он еще немного посидел на камне, болтая босыми ступнями, и о чем-то сосредоточенно думал. Потом засунул руку в складки кожаной юбочки, составлявшей его единственную одежду, извлек на свет и протянул мне на грязной ладони маленькую серебряную монету.

— Я уже получил награду, господин. Тут были другие, которые тоже знали про это сокровище. Откуда мне было догадаться, что оно твое? Я показал им, где копать, и они отодвинули камни и забрали ларец.

Молчание. Здесь, с подветренной стороны горы, погода была тихая. Залитый солнцем мир закрутился, как волчок, стремительно удаляясь, потом перестал вращаться и вернулся на прежнее место. Я присел на каменную глыбу.

— Господин! — Мальчик спрыгнул на землю и прошлепал босыми ногами ко мне. Остановился, немного не дойдя и глядя с

опаской, готовый чуть что броситься бегом прочь.— Господин! Если я что не так сделал...

— Ты не виноват. Как ты мог знать? Нет-нет, не убегай, расскажи мне, как было дело. Я не причиню тебе зла. Разве я могу? Кто были те люди и давно ли они забрали ларец?

Он еще раз с опаской на меня покосился, но, как видно, решился мне поверить. И стал оживленно рассказывать:

— Да всего два дня, как они здесь были. Двое мужчин, не знаю, кто такие, но только они рабы. Сопровождали госпожу.

— Госпожу?

При виде моего лица он попятился на полшага, но дальше отступать не стал.

— Ага. Госпожа. Приезжала сюда два дня назад. Волшебница, я думаю. Так прямо и пошла к месту, будто собака к миске с кашей. Совсем почти верно на землю указала и говорит: «Здесь копайте». Те двое давай отваливать камни. А я наверху, вон там, сидел. Вижу, они надрываются, да не туда их повело. Ну, я спустился. Сказал ей, как вот тебе, что могу находить, что скрыто под землей. Она мне: «Прекрасно. Тут где-то кусок металла зарыт. Только я план потеряла. Но точно знаю, где-то здесь. Меня прислал владелец. Если укажешь нам точно, где копать, будет тебе за это серебряная монетка». Я тогда им и показал. Ничего себе, кусок металла! Да моя орешина прямо из рук вырвалась, словно собака кость выхватила. Тут небось золота лежало навалом?

— Да уж лежало,— ответил я.— И ты видел, как они выкопали ларец?

— Ну да. Я ведь ждал монетку.

— Ах, верно. Каков же он был?

— Большой такой ящик.— Он обозначил, разведя руки, размеры ларца.— По виду тяжелый. Открывать они его не открывали. Она велела поставить его, а потом вот так наложила на крышку ладони. Говорю тебе, она волшебница. Стоит так, задрала голову и смотрит аж на Снежную гору, вроде бы с духами беседует. Там на вершине один обитает, знаешь? Рассказывают, он когда-то смастерил меч. Этот меч теперь у короля. Его добыл для короля Мерлин, отнял у властелина гор. Слыхал?

— Да,— ответил я.— А что потом?

— А потом они его унесли.

— Куда, ты не видел?

— Отчего же, видел. Вниз, к городу.— Он стал ковырять босыми пальцами рыхлую землю, и взгляд его сделался задумчив.— Она сказала, ее прислал владелец. Это была неправда? Таким нежным голосом говорила. А у рабов на одежде — значки с короной. Я подумал, наверно, королева.

— И не ошибся.— Я расправил плечи.— Не гляди так, мальчик. Ты ничем не провинился. Наоборот, ты сделал больше, чем многие мужчины на твоем месте: сказал правду. Ты мог промолчать и заработать еще одну серебряную монетку, показал бы мне место и ушел бы своей дорогой. Поэтому я вознагражу тебя, как обещал. Держи.

— Но это серебро, господин. И просто так, ни за что?

— Совсем нет. Ты сообщил мне весть, которая, быть может, стоит половины королевства, а то и больше. Королевский выкуп, вот как это называется.— Я поднялся на ноги.— Не старайся понять мои слова, дитя. Оставайся здесь с миром, смотри за овцами и найди свое счастье, и боги да пребудут с тобою.

— И с тобою, господин,— отозвался он, вытаращив глаза.

— Посмотрим,— сказал я,— быть может, они и не оставили меня. Теперь только надо, чтобы они послали мне судно, держащее путь на юг, на котором я мог бы отплыть обратно.

И я пошел вниз, а он стоял и изумленно смотрел мне вслед, сжимая в грязном кулаке серебряную монетку.

На следующий день в гавань вошел корабль, плывший на юг, и с вечерним отливом пустился в дальнейший путь. Я был на этом корабле и пролежал внизу, беспомощный и страдающий, все пять суток, пока он не доставил меня в Севернский залив.

Глава 5

Ветры дули сильные, хотя и переменчивые. Но к тому времени, когда мы достигли Севернского залива, установилась хорошая погода, и мы, не заходя в Маридунум, двинулись к эстуарию Северна.

В Сегонтиуме, наведя справки, я узнал, что корабль Моргаузы «Орк» держит путь к Инис-Витрину с заходом по крайней мере в два промежуточных порта. А так как, по счастью, мое судно было более быстроходным, им едва ли удастся меня намного опередить. Я, конечно, мог посулить моему шкиперу денег, чтобы он тоже зашел на остров, но там меня сразу же узнали

бы и подняли шум, а шума мне желательно было избежать. Если б я только знал, встретив Моргаузу, что в ее руки попали священные предметы из храма Митры и что она по-прежнему обладает в какой-то мере магической силой (в этом, я полагал, можно было довериться мальчику), я бы рискнул отплыть вместе с нею на «Орке», хотя это путешествие могло стоить мне жизни.

Когда Артур ожидается обратно, я не знал, но, если я до самого его прибытия буду прятаться, Моргауза встретится с ним раньше меня. Вся надежда моя была на то, чтобы как-то связаться с Нимуэ. Я, правда, понимал, чем это может мне грозить. Воскресение из мертвых редко проходит с успехом, как знать, а вдруг и она тоже захочет помешать моей встрече с Артуром, опасаясь, как бы я не занял прежнего места в государстве и в его сердце. Но моя сила перешла к ней. А Грааль принадлежит будущему, и будущее — за ней. Я не мог не предупредить ее, что у нее появилась соперница. Похищение сокровищ Максена грозило бедой, и закрывать на это глаза не приходилось.

Но вот, к моей великой радости, наше судно зашло в эстуарий Северна и стало подниматься меж сужающихся берегов вверх по течению. Наконец мы причалили к маленькой пристани при впадении речки Фром. Оттуда вела прямая хорошая дорога до города Акве Сулис, что в пределах Летней страны. На этот раз я оплатил проезд одним из драгоценных камней, сорванных с гробового покрова, и мне еще хватило на то, чтобы купить добрую лошадь, наполнить едой переметные мешки и сменить одежду. Не медля более, я поехал в город.

Я полагал, что в этих краях люди едва ли признают во мне знаменитого волшебника Мерлина. За время заточения я сильно отощал, волосы мои все поседели, отросла длинная косматая борода. Но на всякий случай я все-таки решил объезжать хутора и селения стороной и останавливаться в придорожных корчмах. Ночевать под открытым небом я не мог: погода день ото дня становилась все хуже, и путешествие, как и следовало ожидать, давалось мне тяжело. К вечеру первого же дня я совсем обессилел и был рад завернуть в чистенькую корчму, миль пять или шесть не доезжая города Акве Сулис.

Прежде чем спросить еды, я поинтересовался, что слышно нового, и узнал, что Артур вернулся в Камелот. На мои вопросы о Нимуэ мне тоже отвечали с готовностью, но не столь определенно. «Мерлинова любовь» — так они ее величали. И еще:

«Королевская волшебница». После чего следовал какой-нибудь захватывающий рассказ; а вот где она теперь находится, никто толком не знал. Один утверждал, что в Камелоте при короле; другой возражал, что она уже месяц как покинула дворец: что-то там такое произошло в Регеде, какая-то история с королевой Морганой и державным мечом короля.

Так, стало быть, с Нимуэ мне не встретиться, зато Артур дома. Даже если корабль Моргаузы уже пристал к острову, она вполне могла промедлить, а не сразу явиться к королю. И, если поспешу, я еще, может быть, успею повидать его прежде нее. Я торопясь поел, расплатился, велел слугам седлать моего коня и снова отправился в путь. Правда, сам я устал, но с утра мы проехали всего каких-то десять миль, и конь мой был свеж. Я не гнал его — знал, что он может скакать хоть до утра.

Светила луна, дорога была в исправности, и мы ехали быстро. Добрались до Акве Сулис еще до полуночи. Городские ворота были уже заперты, и я направил коня в объезд под стеной. Два раза меня окликали — стражник у ворот осведомился, что мне здесь надо, и отряд воинов Мельваса хотел меня задержать. Но я показывал фибулу с драконом, коротко говорил: «Дело короля!» — и всякий раз королевский знак или мой уверенный голос оказывали свое действие и меня пропускали. Через милю или две дорога раздваивалась, и я поехал по той, которая вела на юго-восток.

Солнце вкатилось красным кругом на льдистое пустое небо. Передо мной, на мили вперед, тянулась дорога, пересекая холодную холмистую равнину, на которой там и сям белеют, словно кость, известковые обнажения и скрюченные редкие деревья все изогнулись к северо-востоку, послушные штормам. Мой конь то брел шагом, то переходил на тряскую рысь. А я ехал словно во сне, сам не чуя в своей усталости, как ныли мои затекшие члены. Поравнявшись с колодой, где поят лошадей, я из жалости к обеим измученным тварям натянул удила, кинул коню охапку сена из сетки, подвешенной к седлу, а сам, усевшись на край колоды, поел сухих ягод с черным хлебом и медом.

День светлел, искрилась изморозь на траве. Было холодно, я разбил корку льда, сковавшую воду в колоде, умыл лицо и руки. Это освежило меня. Я почувствовал, что весь дрожу. Если мы с конем хотим остаться в живых, надо двигаться дальше. Я снова взнуздал его и подвел к колоде, чтобы, забравшись на

ее край, сесть в седло. Но тут он вскинул голову, навострил уши; чуть погодя и я услышал стук копыт: кто-то быстрым галопом скакал по дороге — верно, выехал из города, как только отперли ворота.

Вскоре я завидел его вдали: молодой всадник гнал во весь опор рослого сизо-чалого скакуна. В ста шагах я разглядел на нем знаки королевского гонца и, спустившись с колоды на землю, вышел на дорогу с поднятой рукой.

Он бы не остановился, но дорога в этом месте сужается, зажатая с одной стороны выступом скалы, а с другой — крутым обрывом, да еще поильная колода торчит на повороте. И я, развернув коня, окончательно перегородил ему путь.

Всадник натянул удила и, придерживая нетерпеливого скакуна, крикнул:

— Ну, что тебе? Если ты ищешь попутчика, приятель, то разве не видишь: я тебе не компания!

— Вижу. Ты гонец короля. Куда скачешь?

— В Камелот.— Он был молод, рыжеволос, румян и горяч, как положено рыжим, и открыто гордился своей должностью. Но ответил он мне вполне любезно.— Король возвратился домой, и я должен поспеть туда к завтрашнему утру. А что у тебя случилось, старик, лошадь захромала? Коли так, тебе лучше всего обратиться...

— Нет. Я управлюсь, спасибо. Ради такой малости я бы тебя не стал останавливать. Но я хочу, чтобы ты передал от меня кое-что королю.

Он выпучил глаза, а потом расхохотался, и его дыхание вырвалось в ледяной воздух белым облаком.

— Королю, он говорит! Прошу прощения, добрый господин, но у королевского гонца есть дела поважнее, ему недосуг передавать королю всякие басни от встречных и поперечных. Если ты с прошением, то поезжай назад в Каэрлеон. Король прибудет туда к Рождеству. Ты как раз поспеешь, ежели поторопишься.— Он уже готов был дать шпоры чалому.— Так что сделай милость, освободи дорогу, дай мне проехать.

Я не сдвинулся с места. И тихо проговорил:

— Ты бы все-таки выслушал меня.

Он сердито повернулся и выхватил хлыст. Я подумал, что сейчас он меня переедет. Но он встретился со мною взглядом и так и не произнес того, что было у него на языке. А чалый в

предчувствии хлыста рванулся было вперед, но, осаженный, сердито фыркнул, выпуская из ноздрей, словно дракон, белые клубы пара. Всадник кашлянул, вопросительно смерил меня взглядом и снова посмотрел мне в глаза. Я видел, что его недоумение все возрастает. Стараясь не уронить себя и в то же время уступая, он сказал:

— Хорошо, господин, я могу тебя выслушать. И я, конечно, согласен захватить, что тебе надо, если только ноша будет не слишком тяжела. Но нам не положено делать работу простых посыльных, и я обязан поспеть к месту в срок.

— Знаю. Я не стал бы тебя беспокоить, но у меня важное известие для короля, а как ты сам сказал, ты до него доберешься много раньше меня. Сообщи ему вот что: ты обогнал в пути старца, который передал тебе знак; он сказал, что направляется в Камелот повидаться с королем, но едет небыстро, и если король захочет поскорей его увидеть, то должен выехать навстречу. Покажешь, какой дорогой я еду, да непременно скажи, что я заплатил тебе из денег для перевозчика. Теперь повтори, пожалуйста.

Эти люди приучены запоминать, что им поручено, слово в слово. Нередко их посылают с вестью те, кто не умеет писать. И он, не размышляя, стал повторять за мной:

— Я обогнал в пути старца, который передал мне знак; он сказал, что направляется в Камелот, чтобы повидаться с королем. Но едет небыстро, и если король захочет поскорей его увидеть, то должен... Но послушай, что же это за поручение? Не в своем ты уме, что ли? Ты словно поручаешь мне прислать к тебе короля. Ни много ни мало!

Я улыбнулся:

— Пусть так. Если тебе очень не по сердцу такое поручение, я, пожалуй, мог бы выразиться и поосторожнее. Но в любом случае позаботься о том, чтобы передать его королю с глазу на глаз.

— Еще бы не с глазу на глаз! Послушай, господин, я не ведаю, кто ты такой, наверно, ты важная птица, хотя и... не скажешь по виду, но, клянусь богом путников, если ты хочешь послать меня за королем, надо, чтобы знак у тебя был убедительный, да и плата тоже!

— Об этом не беспокойся.

Я завернул мою фибулу в виде дракона куском холста и запрятал в коробок. Теперь я передал ее ему вместе со второй зо-

лотой монетой, которой были придавлены мои веки в гробнице. При виде золота он выпучил глаза, потом подбросил на ладони коробок. И спросил с сомнением в голосе:

— А тут что?

— Всего лишь знак, о котором была речь. И повторю еще раз: дело срочное и очень важно, чтобы ты передал королю этот знак, когда останешься с ним один на один. Ладно еще, если при Бедуире, но никого другого при этом быть не должно. Ты меня понял?

— Да, но...— Он молниеносным движением кисти и колена отвернул от меня своего чалого, и не успел я протянуть руку, как он уже вскрыл коробок. На ладонь ему выпала моя застежка с драгоценным королевским драконом на золотом поле.— Вот это? Но это же королевский знак!

— Да.

— Кто ты? — резко спросил он.

— Кузен короля. Так что не опасайся передавать королю мое поручение.

— У короля нет кузенов, кроме Хоэля Бретонского. Но и Хоэлю не полагается королевский дракон. Один только...

Он вдруг обезголосел, и краска отлила от его щек.

— Король догадается, кто я,— сказал я.— Не думай, что я осуждаю тебя за недоверие и за то, что ты вскрыл коробок. Ты верно служишь королю, я скажу ему это.

— Ты — Мерлин! — сдавленным шепотом произнес он, облизнув пересохшие губы.

— Правда твоя. Теперь ты понимаешь, почему при твоем разговоре с королем никто не должен присутствовать? Король тоже будет потрясен. Не бойся меня.

— Но... Но Мерлин умер и похоронен.

Он был бел как мел. Поводья выпали у него из ослабевших пальцев, и чалый, воспользовавшись свободой, сразу опустил голову и начал щипать траву.

Я поспешно сказал:

— Не урони застежку. Поверь, приятель, я не призрак. Не всякая могила ведет на тот свет.

Я хотел такими словами его ободрить, но он только сильнее побледнел, если это еще было возможно.

— Милорд. Мы же думали... Ведь все знали...

— Считалось, что я умер? Да, я знаю.— Я говорил будничнo, деловито.— Но на самом деле я только погрузился в болезненный сон, подобный смерти. А потом очнулся. Только и всего. Теперь я выздоровел и снова поступил на службу к королю... но тайно. Никто не должен этого знать, прежде чем узнает король и побеседует со мной. И я ни перед кем бы не открылся, только перед тобой — личным гонцом короля. Теперь ты понял?

Этими словами, как я и рассчитывал, мне удалось вернуть ему уверенность в себе. Румянец снова заиграл у него на щеках, расправились плечи.

— Понял, милорд. Король будет... очень рад, милорд. Когда ты умер... ну, то есть, когда ты... когда это с тобой случилось, он на три дня заперся ото всех людей и никого не допускал к себе, даже принца Бедуира. Так мне рассказывали.

Он разговорился и снова изъяснялся в полный голос, охваченный радостным предвкушением того, как он доставит королю столь добрую весть. Золоту он радовался меньше всего. Поведав мне всю скорбную повесть о том, как почившего Мерлина «оплакивало все королевство, вот ей же богу, господин мой!», он снова натянул удила, чалый оторвался от заиндевелой травы и замотал головой.

— Ну, тогда я поехал? — весело и возбужденно сказал мой румяный собеседник.

— Когда ты рассчитываешь быть в Камелоте?

— Завтра к полудню, если ничего не помешает и будут хорошие подставы. А вернее, что к исходу дня. Но, может, ты приладишь моему коню пару крыльев, если уж на то пошло?

Я засмеялся:

— Для этого мне надо сначала получше оправиться от болезни. Но вот еще что, прежде чем ты уедешь... Король должен получить еще одно известие. Ты не везешь ли ему из Акве Сулис весть о прибытии королевы Оркнейской? Я слышал, что она держит путь морем на Инис-Витрин, надо думать, что к королевскому двору.

— Да, это правда. Она уже приехала, то есть высадилась на берег... И теперь направляется в Камелот. Кое-кто говорил, что она не послушает призыва...

— А что, разве верховный король посылал за ней?

— Да, господин. Это все знают, я не нарушаю тайны. По правде сказать, я даже побился об заклад и выиграл. Со мной спорили, что она все равно не приедет, даже с охранной грамотой на мальчиков. А я говорил, что приедет. Когда во втором

замке Лота сидит Тидваль, человек Артура, куда ж ей деваться, где искать прибежища, если верховный король пожелает выкурить ее вон?

— И вправду, где? — рассеянно, даже растерянно повторил я. Этого я не предвидел и не знал, как объяснить.— Прости, что я задерживаю тебя, но я так давно не слышал никаких новостей. Ты не можешь ли мне объяснить, из-за чего королю вызывать ее к себе, да еще, как я вижу, под угрозой?

Он открыл было рот, потом опять закрыл, но наконец все-таки, решив, как видно, что поделиться сведениями с кузеном и недавним первым советником короля не будет преступлением, кивнул и ответил:

— Из-за мальчиков, как я понимаю, милорд. В особенности из-за одного, старшего среди пятерых. Королеве было приказано доставить их в Камелот.

Старшего среди пятерых... Значит, Нимуэ преуспела там, где я потерпел неудачу,— разыскала Мордреда. Вот по какому «делу короля» она отправилась на север!

Я поблагодарил гонца и отступил со своею лошадью, освободив ему дорогу.

— А теперь в путь, Беллерофонт, скачи во всю прыть и смотри берегись драконов.

— Драконов с меня довольно.— Он подобрал поводья и поднял приветственно руку.— Но только меня зовут не так, как ты сейчас сказал.

— Как же тебя зовут?

— Персей,— ответил он и удивленно поднял брови, когда я рассмеялся.

Но потом он и сам рассмеялся вслед за мной, взмахнул хлыстом и пустил чалого в галоп.

Глава 6

Можно было больше не торопиться. Даже если Моргауза все-таки доберется до Артура раньше, чем гонец, я все равно уже не мог тут ничего поделать. Меня по-прежнему беспокоило сознание, что она присвоила себе священные предметы, однако главная забота с моих плеч свалилась. Моргауза не застанет Артура врасплох, она явилась сюда по его вызову, и с нею заложники — ее сыновья. А может быть, я смогу поговорить с ним прежде, чем он распорядится судьбой Моргаузы и Мордреда.

Я не сомневался, что Артур, лишь только увидит мой знак и выслушает послание, поспешит мне навстречу. Кстати мне попался королевский гонец — я и в расцвете сил не потягался бы скоростью с этими лихими всадниками.

И Нимуэ теперь тоже разыскивать было не к спеху. Этому я в глубине души тоже радовался. Человеку страшно бывает испытывать судьбу и убеждаться в иных бесспорных истинах. Если бы я мог скрыть от нее, что я жив, я бы, наверное, так и сделал. Мне хотелось хранить в памяти ее слова любви, ее горе о моей кончине, зачем мне наблюдать при ясном свете дня, как она отшатнется от меня живого.

Дальше я ехал не спеша и к исходу тихого холодного дня добрался до придорожной корчмы, где и остановился. Других постояльцев там не оказалось, чему я от души обрадовался. Удостоверившись, что лошадь мою завели в стойло и засыпали ей корму, я съел добрый ужин, приготовленный женой хозяина, и, рано улегшись в постель, без сновидений проспал ночь.

Весь следующий день я не выходил из корчмы, радуясь возможности отдохнуть. Заглядывали подкрепиться два или три мимоезжих путника, скотогон со своим стадом, крестьянин с женой, возвращающиеся с ярмарки, гонец, скачущий на северо-запад. Но вечером я опять оказался единственным постояльцем и мог в одиночестве свободно греться у очага. После ужина хозяин с женой ушли спать, а я остался один в небольшой комнате под закопченными стропилами. Мое соломенное ложе придвинули для тепла к самому очагу, рядом сложили поленья, чтобы я мог поддерживать огонь.

Но я в ту ночь даже не пытался заснуть. Когда корчма погрузилась в безмолвие, я придвинул к огню скамейку, подложив дров. Сбоку над огнем кипела вода в чугуне, оставленная доброй хозяйкой, я развел кипятком вино, не допитое за ужином, и принялся отхлебывать понемногу, прислушиваясь к голосам ночи: шуршали, обгорая, дрова, трещало пламя, в тростниковой кровле копошились крысы, из морозной ночной дали доносился крик совы, взлетевшей на охоту. Немного погодя я отставил вино и закрыл глаза. Не знаю, сколько я так просидел и какие точно молитвы воссылал богу, но только на лбу у меня выступил пот и ночные звуки, завихрившись, отодвинулись, затерялись в бескрайней, щемящей тишине. Но вот наконец сквозь опущенные веки заполыхал свет, за светом — тьма, за тьмой — снова свет.

Много времени прошло с тех пор, как я последний раз видел большой пиршественный зал в Камелоте. Теперь его обильно освещали восковые свечи — а за окнами стояла осенняя тьма. Пестрели при огнях яркие наряды женщин, искрились драгоценные доспехи мужчин. Только что кончился ужин. Во главе стола, установленного на возвышении, в кресле с золотой спинкой сидела прекрасная Гвиневера. По левую руку от нее — Бедуир. Вид у них, мне показалось, был уже не такой несчастный, как прежде. Оба весело улыбались. Место короля по правую руку от королевы пустовало.

Но в тот самый миг, как сердце мое похолодело, оттого что я не увидел того, кого так хотел видеть, он мне показался. Я увидел, как он идет через зал к дверям, останавливаясь по пути, чтобы перекинуться словом с гостями, идет спокойный, улыбается, шутит, раз или два в ответ ему раздается смех. Он идет, предшествуемый пажом,— значит, поступило какое-то важное известие, и король, призванный делами, ушел из-за стола. Вот он у парадного входа, сказал что-то стражникам и, отослав пажа, ступил за порог. У крыльца его дожидались два солдата из привратной охраны. Между ними стоял человек. Он был мне как будто знаком — я узнал в нем дворецкого Моргаузы.

Человек сделал было шаг навстречу, но тут же растерянно остановился — как видно, он не ожидал увидеть Артура собственной персоной. Потом, победив растерянность, он опустился на одно колено и обратился к Артуру с приветствием, странно, на северный лад, выговаривая слова. Но король прервал его:

— Где они?

— У ворот, милорд. Госпожа твоя сестра послала меня испросить у тебя аудиенцию прямо теперь же, в пиршественном зале.

— Я повелел ей явиться завтра в Круглый зал. Разве она не получила моего повеления?

— Получила, милорд. Но она прибыла издалека и утомлена путешествием, а также обеспокоена, поскольку не ведает причины твоего вызова. Ни она, ни дети не смогут отдыхать, покуда не узнают твою волю. Она привезла их сейчас — всех пятерых — с собой и молит, если будет на то твоя милость, чтобы ты и королева приняли их...

— Хорошо, я приму их, но не во дворце. А в караульне. Ступай и предупреди, чтобы ждала меня там.

— Но, милорд...

Однако возражения дворецкого разбились о твердое молчание короля. Он с достоинством поднялся с колена, поклонился Артуру и в сопровождении двух стражников ушел во мрак. Немного помедлив, Артур последовал за ними.

Ночь была безветренна и суха, подстриженные деревца на террасах стояли пушистыми от инея и осыпались, когда их задевала королевская мантия. Артур шагал медленно, глядя себе под ноги и сумрачно хмуря брови, чего он не позволял себе на людях во дворце. Теперь вокруг, кроме охраны, никого не было. Начальник охраны приветствовал его, задал вопрос. Артур в ответ покачал головой. И пошел дальше один, не сопровождаемый никем, через просторный дворцовый сад мимо часовни, вниз по ступеням замолкшего фонтана. Миновал еще одни ворота, кивнул страже и вышел на дорогу, ведущую к юго-западным воротам крепости.

А я, сидя у очага в отдаленной корчме, страдая от боли в глазах, ибо видение, словно гвоздями, пронзало мне веки, пытался, как мог внятно, предостеречь его:

— Артур, Артур, вот твой рок, семя которого ты сам заронил в ту ночь в Лугуваллиуме. Эта женщина приняла твое семя, чтобы породить тебе врага. Уничтожь же их. Уничтожь их прямо сейчас. Они — твой рок. В ее руках священные магические предметы, и я боюсь за тебя. Уничтожь их, не откладывая. Сейчас они в твоих руках.

И он вдруг остановился на полпути. Вскинул голову, будто что-то услышал в ночи. От висящего на шесте фонаря на лицо ему упал луч света. Оно было неузнаваемо: мрачное, твердое, холодное. Лицо творящего суд и несущего кару. Постояв так несколько мгновений, он рванулся с места, словно почуявший шпоры конь, и решительно зашагал к главным воротам крепости.

Они его ждали, все шестеро. Прибранные, в богатых одеяниях, на свежих лошадях под богатыми попонами. В свете факелов мерцали золотые кисти, пестрели алые и зеленые украшения на сбруе. Моргауза была в белом одеянии с широкой полосой из серебра и мелкого жемчуга по подолу, а поверх спускалась длинная алая мантия, подбитая белым мехом. Четверо младших сыновей держались сзади вместе с двумя слугами, но Мордред сидел подле матери на стройной вороной лошади, побрякивая серебряной уздечкой, и с любопытством озирался вокруг. Он не

знает, подумал я, она ему не сказала. Черные бархатные брови вразлет, неподвижно поджатые губы, губы Моргаузы, твердо хранящие тайну. А глаза — Артуровы и мои.

Моргауза сидела в седле прямо и неподвижно. Капюшон откинут на плечи, факел освещает лицо, застывшее, бледное, но зеленые глаза, полуприкрытые длинными ресницами, лихорадочно поблескивают, и мелкие кошачьи зубки покусывают нижнюю губу. Было ясно, что под маской равнодушия она скрывает смятение и страх. Пренебрегши распоряжением Артура, она, несмотря на поздний час, явилась со своей свитой в Камелот, когда все находились в парадном зале,— должно быть, рассчитывала произвести впечатление, представ пред ступенями трона со всем своим монаршим выводком, и, может быть даже, при всем честном народе, в присутствии королевы, в собрании вельмож с супругами объявить Мордреда сыном Артура. Как тогда поступит король? Лорды и особенно их супруги, уж конечно, примут сторону вдовствующей королевы с невинными детьми. Но ее не пропустили дальше ворот, король вопреки придворным правилам вышел к ней навстречу один, и единственными свидетелями их разговора будут солдаты охраны.

Артур приблизился и вошел в круг света, падающего от факела. Не доходя нескольких шагов, он распорядился:

— Пусть подойдут.

Мордред слез с лошади, помог сойти матери. Слуги взяли лошадей под уздцы и отошли. Держа двоих сыновей за руки, сопровождаемая тремя остальными, Моргауза приблизилась к королю.

Это была их первая встреча после ночи в Лугуваллиуме, когда она послала за ним служанку и та привела его к ее ложу. Тогда он был юным принцем, пылким, радостным, опьяневшим от первого боя, а она — хитрой и опытной женщиной двадцати лет, уловившей мальчика в двойные тенета магии и ласки. Теперь, несмотря на годы и пятерых сыновей, она еще не утратила окончательно той красоты, что привлекала к ней взоры мужчин и сводила их с ума. Но перед ней стоял уже не желторотый простодушный мальчик, а мужчина в расцвете силы, обладающий королевским даром безошибочно судить и властью осуществлять свои решения; и при всем том в его облике было нечто грозное, разрушительное, как бы пригашенное пламя, готовое при легком дуновении вспыхнуть и все сокрушить на своем пути.

Остановившись перед ним, Моргауза, вместо глубокого реверанса, которого можно было ожидать от просительницы, взывающей к милости и снисхождению, опустилась на колени и, протянув правую руку, заставила Мордреда преклонить колени рядом с матерью. Гавейн, по другую сторону от Моргаузы, остался стоять, как и остальные мальчики, с недоумением переводя взор с матери на короля и обратно. Их она не потянула за собой на мерзлую землю; они были заведомо дети Лота, широкие в кости, румяные лицом, с нежной кожей и рыжими волосами матери. В чем бы ни был виноват перед королем Лот, Артур не взыщет его вины с детей. А вот старший, подменыш, с узким лицом и черными глазами, которые передавались в королевском роде, начиная от Максена... этот оказался на коленях, но, высоко вскинув голову, стрелял взглядом, казалось, одновременно во все стороны.

Моргауза заговорила — высокий нежный ее голос ничуть не изменился. Что она говорила, я разобрать не мог. Артур стоял как каменный. Похоже, что он не слышал ни единого слова. На нее он почти не смотрел, глаза его были неотступно устремлены на сына. Она заговорила настойчивее, я уловил слова «брат» и «сын». Артур стал прислушиваться, все так же с каменным лицом. Я чувствовал, как слова летят в него, подобно копьям. Вот Артур сделал шаг вперед, протянул руку. Она вложила в нее свою ладонь, и он за руку поднял ее с земли. Я заметил облегчение на лицах мальчиков и сопровождавших ее людей. Слуги не опустили рук от рукоятей мечей (они нарочито не прикасались к оружию), но общее настроение было такое, будто опасный миг миновал. Двое старших мальчиков, Гавейн и Мордред, переглянулись за спиной матери, и я увидел, что Мордред улыбается. Теперь они ждали, чтобы король наградил их мать поцелуем мира и дружбы.

Но этого не произошло. Он поднял ее, сказал что-то и отошел с нею в сторону. Мордред повел вслед за ними головой, точно охотничий пес. Король сказал, обращаясь к мальчикам:

— Добро вам пожаловать ко двору. А теперь отойдите к караульне и подождите там.

Они подчинились. Мордред, отходя, еще раз оглянулся на мать. И я опять увидел на ее лице страх под маской равнодушия. Она, должно быть, сделала какое-то распоряжение, потому что со стороны караульни к ним подошел дворецкий, держа в руках ларец, привезенный из Сегонтиума. Магические атрибуты

могущества... невероятно, но она, оказывается, предназначала их для короля, надеялась сокровищами Максена купить себе милость Артура?..

Дворецкий опустился на колени у ног короля. Откинул крышку ларца. Свет упал на его содержимое. Я видел все, видел так ясно, словно стоял рядом с Артуром. Серебро, изделия из серебра — кубки, браслеты, гривна из серебряных пластин, украшенных плавными прихотливыми узорами, какими ювелиры севера заклинают магические силы. Но священных предметов, завещанных Максеном, там не было: ни чаши Грааля, изукрашенной изумрудами, ни копейного наконечника, ни выложенного сапфирами и аметистами блюда. Артур едва взглянул на драгоценный дар. Дворецкий, пятясь, удалился, а король обернулся к Моргаузе, оставив открытый ларец на мерзлой земле. И как он пренебрег ее даром, точно так же он словно пропустил мимо ушей все, что она ему раньше наговорила. Теперь его голос зазвучал для меня вполне внятно:

— Тебе, наверно, не ясны причины, по которым я призвал тебя. Но ты поступила разумно, что не ослушалась. Главная причина — твои сыновья, об этом ты, я думаю, догадалась. Однако за них тебе нет нужды опасаться. Я обещал, что ни одному не будет причинен вред, и свое слово не нарушу. Но тебе я охранной грамоты не давал. Так что тебе лучше бы повиниться и молить о милости. Но какой милости можешь ожидать ты, убившая Мерлина? Ведь это ты дала ему яду и этим привела его в конце концов к смерти.

Этого она не ожидала. Она в голос ахнула, вскинула белые ладони, поднесла к горлу. Но совладала с собой, опустила руки. И спросила:

— Кто сказал тебе эту ложь?

— Это не ложь. Умирая, он сам обвинил тебя.

— Он всегда был мне врагом!

— И кто возьмется утверждать, что он был не прав? Ты знаешь свои преступления. Или ты их отрицаешь?

— Разумеется, отрицаю! Он всю жизнь меня ненавидел. И тебе известно почему. Он не желал ни с кем делить свою власть над тобой. Мы согрешили, ты и я, но согрешили в неведении...

— Тебе как женщине умной об этом лучше бы не поминать,— сухо и холодно произнес он.— Ты не хуже меня знаешь, какой грех содеян и почему. Так что об этом, если ты рассчитываешь на милость и снисхождение, лучше не заговаривай.

Она покорно понурилась, сплела украдкой пальцы. И проговорила ровным, тихим голосом:

— Ты прав, господин мой. Мне не следовало этого говорить. Впредь я не буду донимать тебя воспоминаниями. Я исполнила твою волю и привезла тебе твоего сына. И полагаюсь на твою совесть и на твое сердце — поступи с ним по справедливости. Уж он-то ни в чем не повинен, этого ты не станешь отрицать.

Он ничего не ответил. Она приступила снова, почти по-старому поводя блестящими глазами:

— Что же до меня самой, признаю, что повинна в неразумии. Обращаюсь к тебе, Артур, как сестра, которая...

— У меня две сестры,— прервал он ее жестко.— Недавно и другая сестра сделала попытку предать меня. Так что не говори мне о сестрах.

Она вскинула голову. От заискивающей кротости не осталось и следа — теперь с ним опять говорила королева:

— В таком случае я могу обращаться к тебе лишь как мать твоего сына.

— Ты находишься здесь только как убийца человека, который был мне больше чем отец. Помимо этого, ты для меня — никто. По этой причине я тебя и призвал и за это буду тебя судить.

— Но он искал моей погибели. И хотел, чтобы ты убил родного сына.

— Это ложь,— произнес король.— Он не дал мне убить вас обоих. Я вижу, ты поражена. Когда я узнал о рождении этого ребенка, моей первой мыслью было послать кого-нибудь, чтобы убил его. Но, как помнишь, тогда меня опередил Лот... И именно Мерлин заступился тогда передо мной за младенца, поскольку он — мой родной сын.— Неожиданно голое его дрогнул.— Но теперь его с нами нет, Моргауза. Теперь он за тебя не заступится. Ты думаешь, почему я отказался принять тебя во дворце, в присутствии королевы и рыцарей? Ты ведь именно этого хотела, верно? Ты, с твоим сладким голосом и умильным видом, в окружении четырех румяных сыновей Лота и этого, старшего, черноглазого, поражающего фамильным сходством...

— Он не сделал тебе ничего плохого!

— Верно, не сделал. Теперь слушай, что я тебе скажу. Твоих четырех сыновей, рожденных от Лота, я у тебя отниму, они будут жить и воспитываться в Камелоте. Я не могу оставить их

на воспитание тебе, чтобы выросли предатели и ненавистники своего короля. Что же до Мордреда, то он-то передо мной ничем не провинился, но я перед ним виноват жестоко, и ты — тоже. Я не желаю прибавлять к моей прежней вине новую. Меня предостерегли против него, но человек должен поступать по справедливости, даже и во вред себе. Да и кто может верно разгадать знамения богов? Мордреда ты тоже оставишь у меня.

— Чтобы ты убил его, как только я уеду?

— Даже если бы и так, разве ты можешь не подчиниться?

— Ты сильно изменился, мой брат,— ядовито прошипела она.

Губы его, впервые за весь разговор, тронуло подобие улыбки.

— Говори что хочешь. Не знаю, послужит ли это тебе утешением, но могу тебя уверить: его я не убью. А вот тебя, Моргауза, за то, что ты убила Мерлина, лучшего из мужей в этом королевстве...

Но тут его прервали. Со стороны караульного помещения послышался стук копыт, оклик охраны, задыхающийся голос произнес ответное слово, и ворота со скрипом и грохотом отворились. Всадник на взмыленном коне подскакал и остановился возле короля. Конь опустил голову, весь дрожа мелкой дрожью. Гонец соскользнул на землю, тоже с трудом устоял на ногах, потом устало преклонил колено и приветствовал короля.

Его появление было не ко времени. Артур резко оглянулся, сердито сведя брови.

— Ну что там? — ровным голосом спросил он. Он понимал, что ни один гонец не посмел бы потревожить его сейчас без веской на то причины.— Постой, постой. Я тебя, кажется, знаю. Тебя ведь зовут Персей, верно? Что же за вести мог ты доставить из Глевума, ради которых стоило загнать доброго коня и помешать королевской беседе?

— Милорд! — Гонец замялся и покосился на Моргаузу.— Господин! Мои вести очень важные и срочные, но я могу передать их тебе только с глазу на глаз. Прошу меня простить.

Последние слова он обратил отчасти к Моргаузе, которая стояла неподвижно, точно статуя, подняв ладони к горлу. Должно быть, обрывки забытой магии, протянувшиеся за ней, словно полосы тумана, приоткрыли тайну доставленного известия.

Король помолчал, глядя на гонца, затем кивнул и дал распоряжение. Двое стражников выступили вперед, стали по обе стороны от Моргаузы, а король, сделав гонцу знак следовать за собой, зашагал вместе с ним по дороге.

У дворцового крыльца он остановился и обратился к гонцу:

— Ну? Я жду.

Персей протянул ему завернутый коробок, который получил от меня.

— Я обогнал в пути старца, и он дал мне вот этот знак. Он сказал, что направляется в Камелот повидаться с королем, но едет небыстро, так что, если король захочет поскорей его увидеть, то должен выехать ему навстречу. Он едет сюда по прямой дороге, что ведет через холмы от Акве Сулис до Камелота. И еще он сказал...

— Он дал тебе вот этот знак?

Фибула лежала у короля на ладони. Блестел и переливался красками драгоценный дракон. Артур оторвал от него взгляд и поднял к гонцу побледневшее лицо.

— Да, господин.— И гонец продолжал торопливо: — И еще велел сказать тебе, что заплатил мне из денег для перевозчика.

Он показал королю на ладони золотую монету.

Король в задумчивости взял в руки монету, взглянул на нее и отдал гонцу. В другой руке он держал, поворачивая в свете факела из стороны в сторону, знак королевского дракона.

— Тебе известно, что это?

— А как же, господин. Королевский дракон. Я как увидел его, спросил у того человека, по какому праву у него этот знак. Но потом я признал его. Милорд, это правда...

Король стоял без кровинки в лице. Гонец облизнул губы. И договорил до конца:

— Он остановил меня вчера у тринадцатой мили, прямо у дорожного столба. Вид у него был не слишком здоровый, милорд. Если ты отправишься ему навстречу, он навряд ли уедет дальше следующей корчмы, что стоит чуть отступя от дороги с левой стороны. Примета ее — куст остролиста.

— Куст остролиста,— ровным голосом, будто во сне, повторил Артур. И вдруг встрепенулся, кровь прилила к его лицу. Он подбросил высоко в воздух и поймал застежку с драконом, громко расхохотался и воскликнул: — Ну как же я не догадался? Как мог не догадаться? Уж это по крайней мере неоспоримая правда!

— Да, да, он сам мне сказал, что он не призрак,— поспешил подтвердить Персей.— И что не всякая могила ведет на тот свет.

— Пусть бы и призрак. Его призрак.

Король резко обернулся и что-то крикнул. К нему со всех ног бросились слуги. Он раздавал распоряжения:

— Моего скакуна! Мой плащ и меч! Даю вам *пять минут*.— И протянув руку гонцу: — Ты останешься в Камелоте до моего возвращения. Ты сегодня отличился, Персей. Я этого не забуду. Теперь иди и отдыхай... А, вот и Ульфин. Скажи Бедуиру, чтобы взял с собой двадцать рыцарей и скакал следом за мной. Этот человек объяснит им, куда ехать. А вы накормите его и позаботьтесь о его коне, он останется тут до моего возвращения.

— А дама? — спросил кто-то.

— Какая дама? — Было очевидно, что король забыл и думать о Моргаузе. Он ответил, дернув плечами: — Задержите ее до того времени, когда у меня будет досуг потолковать с ней. Только смотрите, никто не должен иметь к ней доступа, никто, понятно?

Двое конюхов, повисая на поводьях, подвели королю скакуна. Кто-то бегом принес меч и плащ. Ворота с грохотом распахнулись. Артур был уже в седле. Серый скакун визгливо заржал, высоко вскинув под факелом передние копыта, рванулся вперед, почуяв шпоры, и вылетел за ворота со скоростью брошенного копья. Он понесся под гору по ночной крутой петляющей дороге, как по плоской равнине при ясном свете дня. Вот так же когда-то мальчик Артур скакал сломя голову через Дикий лес на встречу с тем, кто ждал его и теперь.

А Моргауза стояла между двумя стражниками, и девственно-белое ее одеяние пятнала грязь, летевшая из-под копыт проносящихся всадников. С ними от нее уехали ее сыновья, все пятеро, вместе с Мордредом, скрылись в направлении королевского дворца, ни разу даже не оглянувшись назад.

И впервые за все годы, что я ее знал, я увидел в ней просто испуганную женщину, осеняющую себя охранительным знаком против могущественного волшебства.

Глава 7

На следующее утро хозяин корчмы и его жена, встревоженные и перепуганные, нашли меня лежащим ничком у остывшего очага. Я был в беспамятстве. Они перенесли меня в постель, обложили разогретыми камнями, навалили сверху груду одеял и развели в очаге огонь. Когда я наконец очнулся, они принялись ухаживать за мной, как за родным отцом. Но я чувствовал себя неплохо: за миг ясновидения всегда приходилось расплачиваться — сначала болью откровения, а затем долгим сном полного бессилия.

Прикинув мысленно время и расстояние, я сообразил, что могу спокойно отдыхать весь день, но наутро, отринув возражения хозяев, я велел оседлать мою лошадь. Их я успокоил, сказав, что проеду совсем недалеко — всего какую-нибудь милю-другую по дороге, там я должен встретиться с другом. И окончательно развеял их страхи, когда распорядился, чтобы для меня и моего друга был приготовлен обед.

— Ибо мой друг,— сказал я,— любит хорошо поесть, а твоя стряпня, добрая хозяюшка, не уступает стряпне королевских поваров в Камелоте.

Тут корчмарка приосанилась, заулыбалась и принялась толковать о каплунах, и я, оставив ей денег на продукты, уехал.

Морозы отпустили, потеплело. Солнечные лучи, падая с высоты, слегка грели землю. День стоял погожий, мягкий, но все напоминало о приближении зимы: голые деревья на склонах холмов, шумливые стайки дроздов, расклевывающих алые ягоды рябины, спелые орехи, выглядывающие из жухлой листвы. Тусклым золотом желтели хрупкие папоротники, на кустах дрока доцветали последние цветки.

Лошадь моя, отдохнув, бодро бежала по дороге легкой рысью. Навстречу нам никто не попадался. Но вот дорога, перевалив через гребень мелового холма, пошла под уклон по краю оврага. Внизу подо мной колыхались вершины деревьев, расцвеченные огненными красками осени — буки, дубы, каштаны, золотистые шапки берез, здесь и там перемежающиеся дымчатыми пирамидами сосен и глянцевой зеленью остролистов. Сквозь листву я различал блеск бегущей воды. Спускаясь к реке, как объяснял мне корчмарь, дорога раздваивается: одна ведет прямо через реку по мелкому, мощенному камнем броду, другая сворачивает направо, в лес. Это малоезжая тропа, она срезает большой угол и несколькими милями восточнее снова выходит на главную, булыжную дорогу.

Здесь, у развилки, я задумал остановиться и ждать. На целую милю пути не было никакого жилья, наша встреча у брода будет укрыта от посторонних взоров надежнее, чем за стенами опочивальни. Ехать дальше ему навстречу я не решался. Уж если Артур пускался в путь, то мчался всегда во весь опор, шпоря

коня и срезая углы. Знал ли он о существовании лесной тропы, неизвестно, но, проехав дальше по одной или другой дороге, я рисковал с ним разминуться.

А здесь поджидать его было очень удобно. Тепло сияло солнце, прогретый воздух был свеж и напоен ароматами хвои. В колючем кустарнике бранились меж собой две драчливые сойки. Потом вдруг они снялись с веток и, сверкнув голубым опереньем крыл, перелетели через дорогу. Из леса на юго-восточном склоне отчетливо доносился прилежный стук дятла. Рядом, перекатываясь по камням, уложенным под водой еще в римские времена, приветливо журчала река.

Я расседлал коня, привязал за поводья к орешине и оставил пастись под деревьями. У берега на солнечном припеке лежала упавшая сосна. Я сел на нагретый ствол, опустил рядом наземь седло и стал ждать.

Я не ошибся в своих расчетах. Не прошло и часа, как я услышал стук копыт по булыжникам. Так, значит, он не свернул на лесную тропу, а едет по главной дороге. И, судя по звуку, едет не спеша, щадит коня. Притом едет не один, за ним по пятам следует, должно быть, Бедуир, получивший разрешение сопровождать короля.

Я вышел на середину дороги.

Из лесу выехали на рысях три всадника и стали спускаться под гору к броду с той стороны. Все трое были мне незнакомы; более того, они принадлежали к числу людей, теперь редко встречающихся на дорогах. В прежние годы дороги, особенно в пустынных местах на севере и западе, грозили опасностью для одиноких путников, но Амброзий, а за ним Артур очистили главные проезжие тракты от бродячего бездомного люда. Очистили, да, как видно, не совсем. Эти трое служили когда-то солдатами, на них и теперь были кожаные армейские панцири, а у двоих на головах даже блестели вмятинами старые металлические шлемы. Младший и самый франтоватый ехал, засунув за ухо гроздь красных ягод. Но были они, все трое, небриты, нечесаны и вооружены ножами и тесаками. А у старшего, обросшего косматой, бурой с проседью бородой, позади седла болталась внушительная колючая палица. Лошади под всеми троими были неказистой, приземистой местной породы — вороная, буланая и соловая,— неухоженные и заляпанные грязью, но сытые и выносливые. И не нужен был прорицатель, чтобы понять, насколько встреча с ними чревата опасностью.

У самой воды они натянули поводья и, остановившись, принялись меня разглядывать. А я, не сходя с места, глядел на них. За поясом у меня торчал нож, но меч мой лежал у сосны рядом с седлом. Да и лошадь была расседлана и привязана, так что о бое с ними не могло быть и речи. Сказать правду, я и теперь не испытывал особой тревоги: недалеко ушли времена, когда ни один, даже самый отъявленный, разбойник на большой дороге не осмелился бы пальцем тронуть Мерлина; и прежняя уверенность в себе еще не совсем покинула меня.

Они многозначительно переглянулись. Итак, опасность. Главарь, тот, что с косматой сивой бородой и на вороной лошади, шагом съехал прямо в реку, так что вода завихрилась вокруг копыт, и проговорил с ухмылкой, обращаясь к товарищам:

— Смотрите-ка, какой храбрец загораживает нам брод! А может, ты Гермес, бог путников, и явился пожелать нам счастливого пути? Вот уж не подумал бы, что он такой из себя!

И раскатился хохотом, который подхватили остальные.

Я отошел к обочине дороги.

— Боюсь, что не могу похвастаться талантами Гермеса, господа. И дорогу вам преграждать я не намеревался. Просто, услышав, как вы скачете, я принял вас за передовой отряд большой кавалькады, которая очень скоро должна здесь проехать. Вы не видели солдат на дороге?

Они опять переглянулись. Младший, с красной гроздью за ухом и на соловой лошади, с плеском переехал через реку и выкарабкался на дорогу вблизи меня.

— Нет, нам никто не попадался,— ответил он.— Да и что за кавалькаду ты здесь поджидаешь? Может, отряд самого верховного короля?

И подмигнул товарищам.

— Да. Верховный король с минуты на минуту должен тут проехать,— спокойно подтвердил я.— А он любит, чтобы на дорогах соблюдался порядок. Так что езжайте-ка вы подобру-поздорову, куда ехали, люди добрые, и меня не задерживайте.

Они уже все трое были на этом берегу и окружили меня. Вид у всех довольный, даже, пожалуй, добродушный. Сивобородый проговорил:

— А как же, ясное дело, мы тебя не задержим, верно, Рыжий? Ты поедешь дальше свободный, как ветер, господин добрый, налегке поедешь.

— Легче перышка,— со смехом подхватил Рыжий, тот, что был на буланой лошадке, и передернул на животе ремень, так что рукоять ножа оказалась под рукой.

А младший уже направился к сосне, где лежало мое седло с переметными мешками.

Я хотел было заспорить, но главарь подогнал свою лошадь вплотную ко мне, бросил поводья и вдруг, изогнувшись, ухватился за ворот моего балахона. Собрав ткань в кулак, так что я едва не задохнулся, он потянул меня вверх и почти оторвал от земли. Он был чудовищно силен.

— Так кого же это ты тут поджидаешь, а? Отряд, говоришь? Это правда или ложь, чтобы на нас страху нагнать?

С другого бока меня теснил лошадью второй разбойник, тот, которого звали Рыжим. Убежать от них не было никакой возможности. А третий спешился и, не отвязывая от моего седла переметных мешков, принялся перерезать ремни кинжалом, даже не оглядываясь на своих товарищей.

Рыжий тоже вытащил нож.

— Да ложь это, ясное дело,— грубо проговорил он.— На дороге никаких войск не было. И неоткуда им взяться. Да и не поехали бы они, Эрек, по лесной дороге, сам знаешь.

Эрек свободной рукой отстегнул сзади от седла палицу.

— Так, стало быть, ложь. Что же это ты, старик, а? Не позорься, а лучше скажи нам, кто ты такой и куда держишь путь. И что это за войско, о котором ты толкуешь, откуда оно должно идти?

— Скажу, если ты отпустишь мне горло,— с трудом выговорил я.— Да вели, чтобы ваш товарищ не трогал мои вещи.

— Ишь раскукарекался, старый петух! — нагло рассмеялся он, однако руку разжал.— Ну, валяй. Только правду, самому же лучше будет. Так откуда же ты едешь и где же солдаты? И кто ты таков, куда держишь путь?

Я стал поправлять на себе одежду. Руки у меня дрожали, но я сумел совладать со своим голосом и ответил спокойно:

— Вам лучше бы не задерживать меня, а позаботиться о собственном спасении. Ибо я — Мерлинус Амброзиус, иначе Мерлин, королевский прорицатель и кузен, и еду в Камелот. Я отправил вперед весть о своем прибытии, и отряд рыцарей скачет сейчас по этой дороге мне навстречу. Они, верно, не намного от вас отстали. Но если вы поторопитесь и повернете на запад...

Меня прервал громкий хохот. Эрек покатился со смеху.

— Слыхал, Рыжий? А ты, Балин? Перед вами Мерлин, собственной персоной, и изволит ехать в Камелот!

— А что, может быть,— весело подхватил Рыжий.— Поглядеть на него, так истинный скелет. Видно, вылез из могилы, право слово.

— И прямиком обратно в могилу!

Эрек в новом приступе злобы опять вцепился в мой ворот.

Но тут послышался возглас Балина:

— Эгей! Взгляните-ка, что я нашел!

Оба разбойника оглянулись.

— Что там?

— Сокровище! Хватит нам на целый месяц на пропитание и теплый ночлег, да еще останется! — радостно прокричал Балин.

Он швырнул на землю мешки и поднял руку: на ладони у него сверкнули два драгоценных камня.

Эрек изумленно охнул:

— Ну и ну! Кто бы ты ни был, но, видать, удача наконец-то нам улыбнулась. Загляни во второй мешок, Балин. Давай, Рыжий, пошарим, нет ли у него чего-нибудь ценного при себе.

— Попробуйте только прикоснуться ко мне, король вам за это...— начал было я, но не договорил, словно мне зажали рот рукой.

Я стоял, стиснутый боками двух лошадей, и смотрел вверх на бородатое лицо того, кто держал меня за ворот. В вышине над его головой синело ясное небо. И вдруг по небу, отливая бронзой, низко пролетел угольно-черный ворон. Пролетела Гермесова птица, вестница смерти, ни разу не каркнув, безмолвно взмахивая крыльями на ветру.

И я понял, как мне следует поступить. До сих пор я, как всякий бы на моем месте, безотчетно старался протянуть время и отдалить свою гибель. Но если мне это удастся и разбойники промедлят, с минуты на минуту появится Артур — один на усталой лошади, занятый мыслями о предстоящей встрече со мной. И попадет, не подозревая об опасности, прямо к ним в лапы, один против троих в этом пустынном, безлюдном месте. В бою я не смогу оказать ему помощи. Однако сослужить ему еще одну службу в моей власти. Я задолжал богу свою смерть и могу подарить Артуру еще одну жизнь. Пусть разбойники поскорее делают свое дело и уезжают отсюда. Артур, обнаружив мой свежий

труп, конечно, бросится за ними в погоню. Но тогда он уже будет предупрежден и за ним поедут его рыцари.

И я, не договорив, замолчал. Балин принялся рыться во втором мешке. Эрек снова схватил меня и потянул к себе, а Рыжий, заехав сзади, сорвал с меня пояс с кошельком, в подкладку которого были зашиты остатки золота. Надо мной уже взвилась шишковатая палица...

Если я стану защищаться, они еще скорее разделаются со мной, подумал я и потянулся за ножом. Но Рыжий сзади поймал мое запястье, и нож полетел на землю. В железном пожатии захрустели мои кости. Потная ухмыляющаяся рожа появилась у меня из-за плеча.

— Ну и Мерлин, нечего сказать. Да такой могучий волшебник, уж конечно, мог бы хоть проделать фокус-другой. Что же ты, спаси себя, наведи на нас чары, порази нас внезапной смертью.

Лошади рванулись в разные стороны. В тишине что-то сверкнуло, подобно молнии. Палица отлетела прочь и стукнулась оземь. Рука Эрека у меня на вороте разжалась, и от неожиданности я ткнулся грудью в бок его лошади. На бородатом лице надо мною появилось изумленное выражение, глаза вытаращились. Но отсеченная страшным ударом от плеч голова, извергая поток крови, покатилась по лошадиной шее и упала на землю. Тело медленно, почти грациозно, наклонилось к лошадиной холке, фонтан алой, дымящейся крови залил плечо лошади и окропил меня. Я, уцепившись за сбрую, с трудом устоял на ногах. Перепуганная лошадь пронзительно заржала, взвилась на дыбы, взбрыкнула в воздухе копытами и, вырвавшись, понеслась прочь. Обезглавленное тело качнулось на скаку из стороны в сторону и наконец вывалилось из седла, изливая кровь на дорогу.

Меня отбросило на траву. Ладони мои коснулись холодной влажной земли. Сердце отчаянно колотилось, надвинулась было грозная чернота, но отступила. Земля у меня под ладонями гудела и содрогалась от ударов конских копыт. Я поднял голову.

Он бился против двоих один. Как я и думал, он прискакал без охраны на своем могучем сером коне, далеко опередив Бедуира и остальных рыцарей, но ни в нем самом, ни в скакуне не заметно было признаков усталости. Удивительно, как это трое убийц не обратились в бегство при его появлении. Он был легко вооружен — без щита, лишь в кожаном панцире с нашитыми

металлическими пластинами, на левой руке намотан плотный плащ, голова обнажена. Уронив поводья на шею коню, он направлял его только голосом и коленями. Могучий конь вздымался на дыбы и бил передними копытами во все стороны, служа в бою хозяину словно бы третьей рукой. А кругом коня и всадника, как ослепительный непробиваемый щит, подобный молнии, блистал, взвиваясь и разя, великий меч, который принадлежал как Артуру, так и мне,— Калибурн, меч королей Британии.

Балин успел вспрыгнуть на лошадь и носился вокруг, взывая к товарищу о подмоге. За спиной у Артура развевалась полоса кожи, вырубленная из панциря коварным ударом сзади — наверное, в тот миг, когда он убивал косматобородого,— но больше ни тот, ни другой разбойник, как ни старались, ни разу не смогли проникнуть внутрь кольца, описываемого смертоносным мечом и разящими копытами боевого коня.

— Посторонись! — только приказал мне король.

Лошади кружились и налетали. Я стал с усилием подниматься на ноги. На это ушло немало времени. Пальцы, измазанные кровью, скользили, тело сотрясала дрожь. Удержаться на ногах я не смог, но отполз к упавшей сосне и сел. Воздух дрожал и звенел от ударов, а я сидел, беспомощный, дрожащий, старый, покуда мальчик мой сражался, защищая мою и свою жизнь, и не мог помочь ему даже простой кулачной силой.

У ног моих что-то блеснуло. Нож, который Рыжий выбил у меня из руки. Я потянулся, подобрал его. Все еще не в силах стоять, я сидя размахнулся как мог и швырнул нож в спину Рыжему. Швырнул и промахнулся. Но при этом лезвие ножа сверкнуло над глазом буланой лошади, она испугалась, шарахнулась, и удар ее всадника пришелся мимо цели. С лязгом и звоном ударил Калибурн по мечу разбойника, и меч вылетел у того из руки. А потом Артур наехал на него своим могучим конем и поразил его прямо в сердце.

На минуту королевский меч застрял в груди врага, мертвое тело всей тяжестью повисло на руке у Артура. Но серый конь был обучен и на этот случай: Балин попробовал было заехать с тыла, но наткнулся на оскаленные зубы и подкованные копыта. Один удар копытом раскроил плечо соловой лошади Балина. Она заржала и рванулась прочь, не слушаясь ни поводьев, ни шпор. Но Балин, храбрый негодяй, все же силой заставил ее повернуть обратно, как раз когда Артур, выдернув меч из груди Рыжего, обернулся к нему с оружием в руках.

Наверное, в свой последний миг Балин узнал короля. Но у него уже не было времени говорить, тем более — просить пощады. Последовала еще одна короткая яростная стычка, и Балин, получив острием Калибурна в горло, упал на затоптанную, окровавленную траву. Он дернулся раз, хватил ртом воздух и захлебнулся собственной кровью. Его лошадь, получив свободу, не обратилась в бегство, а просто стояла, свесив голову и подрагивая коленями; по плечу у нее бежала кровь. Обе другие лошади ускакали.

Артур соскочил с седла, отер меч о тело Балина, развернул плащ с левой руки и подошел ко мне, ведя серого в поводу. Он опустил ладонь на мое окровавленное плечо.

— Столько крови. Тут есть и твоя?

— Нет. А как ты?

— Ни царапины,— бодро ответил он. Он дышал только чуть чаще обычного.— Хотя не такие уж они были овечки. Обученные воины, как я заметил, когда мог выбрать минуту для созерцания... Посиди тут немного, я принесу воды.

Он бросил мне поводья серого, отцепил с луки седла рог в серебряной оправе и легкими шагами пошел к реке. Вдруг я услышал, как он обо что-то споткнулся, легкие шаги замерли, раздался удивленный возглас. Я повернул голову — он разглядывал изорванные остатки одного из моих переметных мешков: там среди лоскутов кожи и рассыпанной провизии виднелся обрывок бархата, густо шитого золотом, а рядом в траве сверкал вырванный Балином драгоценный самоцвет. Артур порывисто обернулся. Лицо его побледнело.

— Клянусь Светом! Так это ты!

— Кто же еще? Я думал, ты меня узнал.

— Мерлин! — Вот теперь у него пресеклось дыхание. Он вернулся к сосне и встал надо мною.— Я думал... я ведь даже не успел осмотреться... вижу, трое негодяев убивают старика, а он безоружен и беден, как мне показалось по виду его коня и одежды...— И он упал подле меня на колени.— Мерлин, Мерлин...

Верховный король всей Британии опустил голову мне в колени и молчал.

Но вот он выпрямился и посмотрел мне в лицо.

— Гонец передал мне твой знак и твои слова,— сказал он.— Но я не вполне ему поверил. Сначала, когда он рассказал о тебе и показал дракона, все показалось мне убедительным... Я ведь

никогда не думал, что ты можешь умереть, как обыкновенный смертный... Но пока ехал сюда, один, ни с кем не поговоришь, только размышляй, ну... я как-то разуверился. Не знаю, что я себе представлял: наверно, что подъеду и встану один-одинешенек перед заложенным входом в пещеру, где мы тебя заживо похоронили.

Я почувствовал, как он содрогнулся.

— Мерлин, но что же на самом деле произошло? Когда мы сочли тебя мертвым и замуровали в пещере, то был твой давний недуг, принявший обличье смерти, теперь мне это ясно. Но потом, когда ты очнулся, один, под бременем своих погребальных покровов? Видит бог, от этого одного можно было опять помереть. Как же ты поступил? Каким образом выжил, запертый в недрах полого холма? Каким образом выбрался наружу? И когда? Ты ведь знал, как мне тебя не хватает, где же ты пропадал так долго?

— Не так уж и долго. Когда я выбрался на волю, ты был за морем. Мне сказали, что ты отправился в Бретань. Тогда я решил не объявляться и жил у Стилико, моего старого слуги, который теперь держит мельницу близ Маридунума. У него я ждал твоего возвращения. Я расскажу тебе все подробно, только ты сначала все-таки принеси мне воды, как собирался.

— Какой же я глупец, я обо всем позабыл!

Он вскочил, сбежал к реке, наполнил серебряный рог и, встав передо мной на одно колено, поднял его к моим губам.

Но я покачал головой и взял рог у него из рук.

— Спасибо, но я уже вполне оправился. Это все пустяки. Я ведь не пострадал нисколько. И стыжусь, что не смог оказать тебе помощи.

— Все, что мне было надо, ты сделал.

— Не много же тебе было надо,— засмеялся я.— Я даже пожалел этих трех негодяев: думали, им досталась легкая добыча, и только навлекли на себя ярость самого Артура. Я, правда, их предупреждал, да они не поверили, и кто их за это упрекнет?

— То есть они знали, кто ты? И все-таки осмелились на тебя напасть?

— Так ведь они же мне не поверили, говорю тебе. И были правы. Мерлин, как всем известно, умер, а все мое могущество теперь заключено в твоем имени. Но они и в это не поверили. «Старик, безоружный и бедный»,— повторил я с улыбкой его слова.— Ты вон и сам меня не узнал. Разве я так уж изменился?

Он внимательно оглядел меня.

— Борода отросла и... ну да, ты же стал совсем седой. Но мне довольно было раз заглянуть тебе в глаза...— Он принял у меня рог и встал на ноги.— О да, это ты и есть. Во всем, что важно, ты ничуть не изменился. Старик? Но нам всем суждено стареть. Старость — это всего лишь итог прожитой жизни. Ты жив и снова со мной. Чего мне теперь бояться?

Он выплеснул остаток воды из рога и приторочил его к седлу.

— Надо, наверно, прибрать здесь немного,— проговорил он, озираясь.— А ты в самом деле чувствуешь себя здоровым? Сможешь позаботиться о моем коне? По-моему, его надо напоить.

Я свел могучего скакуна к реке, а заодно напоил и соловую лошадку, которая паслась поблизости и спокойно подпустила меня к себе. Напоив, я спутал обоих, достал из своих сумок целебную мазь и натер ею разодранное плечо раненой лошади. Бедняга скосила глаз, передернула кожей, но даже не попятилась: как видно, ей больше не было больно. Кровь еще сочилась, но совсем слабо, и лошадь наступала на ногу не хромая. Я распустил на обеих подпруги и оставил их пастись, а сам стал подбирать с земли и распихивать по мешкам свои разбросанные пожитки.

Артур «прибирал» по-своему: он просто оттащил за пятки тела троих убитых и припрятал в кустах на лесной опушке. Потом поднял за бороду отсеченную голову и с размаху запустил туда же. При этом он весело насвистывал потихоньку, и я узнал мелодию солдатской походной песни, в которой воспевалась, чтобы не сказать — превозносилась, мужская сила славного полководца.

Наконец Артур огляделся и сказал:

— Ну вот. А кровь смоет ближайшим дождем. Даже если бы у меня была с собой кирка или лопата, будь я проклят, если я стал бы тратить время и закапывать эту падаль. Пусть их воронье расклюет. А вот лошадей их мы можем присвоить — вон они пасутся, выше по склону. Только сначала мне надо смыть кровь, иначе они меня близко не подпустят. А ты свой плащ лучше брось прямо здесь, он никогда не отстирается. На вот, возьми мой. Нет-нет, я настаиваю. Это приказ. Бери.

Он сбросил плащ на лежащую сосну и, спустившись к реке, умылся. Потом сел в седло и поскакал вверх по склону горы, сгоняя отбившихся лошадей, а я тем временем отстегнул на плече

мой теплый плащ, уже задубевший от крови, тщательно вымылся, подобрал королевский пурпурный плащ Артура и, встряхнув его, накинул себе на плечи. Свой же скатал поплотнее и забросил в кусты, где лежали мертвые тела.

Вернулся рысью Артур, ведя в поводу разбойничьих лошадей.

— А теперь показывай дорогу в корчму, что за кустом остролиста.

Глава 8

Хозяйский мальчишка уже высматривал нас на дороге. Должно быть, его послала жена корчмаря, чтобы предупредить ее, когда пора будет готовить трапезу «не хуже, чем при дворе короля». Заметив нас, двух всадников и пять лошадей, он сначала выпучил глаза, а потом вприпрыжку бросился в корчму. Мы были в ста шагах от ворот, когда хозяин выбежал нам навстречу.

Он почти сразу же узнал Артура — сначала обратил внимание на могучего скакуна, потом перевел долгий взгляд на всадника, и вот он уже стоит коленопреклоненный прямо на дороге.

— Встань, приятель,— весело сказал король.— Я слышал о твоем доме добрые отзывы и горю нетерпением испытать твое гостеприимство. Там внизу, у брода, сейчас произошла небольшая стычка — не бог весть что, пустяк, но в самый раз, чтобы нагулять аппетит. Впрочем, с этим придется немного повременить, сначала позаботьтесь о моем друге, и, если твоя хозяйка возьмется почистить его одежду, а кто-нибудь из слуг обиходит лошадей, вот тогда мы рады будем приступить к трапезе.

Хозяин залепетал, что дом его беден и не приспособлен для приема важных гостей, но Артур прервал его:

— Что до этого, друг, то я воин и знавал времена, когда любая крыша над головой была для меня несказанной роскошью. Насколько я слышал, твоя корчма — преуютное заведение. Может быть, войдем наконец? Нам не терпится отведать твоего вина и вкусить тепла от твоего очага...

Вскоре нам было щедро предоставлено и то и другое. Корчмарь быстро опомнился и приноровился к королевскому присутствию, отложив все прочие попечения, лишь бы только услужить гостям. Прибежал мальчик и увел наших лошадей, хозяин собственноручно навалил поленьев в очаг и поставил рядом кувшин вина, а потом сам помог мне снять окровавленные, ис-

пачканные одежды, принес горячей воды и достал у меня из мешка свежую перемену. По велению Артура он запер корчму от мимоезжих посетителей и удалился на кухню, где, должно быть, занялся тем, что нагонял страху на добрую хозяюшку.

Я переоделся, а Артур вымылся и, повесив свой плащ сушиться над огнем, налил мне вина и уселся против меня у очага. Несмотря на проделанный долгий путь, да еще завершившийся боем, вид у него был вполне свежий, будто только что с постели. Глаза по-мальчишески сверкали, на щеках играл румянец. Радость встречи со мной и возбуждение перенесенной опасности, казалось, вернули ему юность. Когда наконец хозяин с хозяюшкой внесли блюда и принялись суетиться, прислуживая за столом и разрезая каплунов, он отнесся к ним так приветливо и просто, что к исходу трапезы добрая женщина совсем забыла, какая важная персона ее гость, и весело смеялась его шуткам, да и сама не ударила перед ним в грязь лицом. Кончилось тем, что хозяин потянул ее за полу, и она бегом бросилась вон, все еще заливаясь хохотом.

И вот мы остались наедине. Осенний день клонился к вечеру. Приближалось время, когда зажигают огни. Мы снова уселись по обе стороны от очага. Оба мы устали и хотели спать, но ни он, ни я не могли отправиться на покой, не обменявшись сведениями, о которых нельзя было говорить в присутствии посторонних, а ведь король, по его собственному признанию, провел в седле целый день, лишь на два-три часа останавливаясь, чтобы поспать и дать передышку коню.

— Я полагал,— объяснил мне король,— что, если верить вести и знаку, доставленным гонцом, значит, тебе ничего не угрожает и ты меня ждешь. Со мной ехали Бедуир и рыцари, но они задержались на отдых, я им велел отстать от меня на несколько часов.

— Это могло дорого тебе обойтись.

— Ты об этих отбросах? Да если бы они не напали на тебя безоружного, притом внезапно, ты бы и сам мог с ними разделаться.

Да, было время, подумалось мне, когда я даже без ножа мог бы разделаться с ними. Но если Артур и подразумевал именно это, больше он ничего не прибавил.

Я сказал:

— Ты прав, они были недостойны твоего меча. А кстати сказать, что это я такое слышал, будто бы Калибурн похищен? Что-то про сестру твою Моргану?

Он покачал головой:

— Это дело прошлое, с ним успеется. Сейчас самое главное — я хочу узнать, что было с тобой. Расскажи мне. Расскажи все, со всеми подробностями, не упуская ничего.

И я рассказал ему, как было дело. А день угасал. Небо за узкими оконцами корчмы сделалось сначала густо-синим, потом черным. В комнате стояла тишина, только потрескивали горящие поленья. Из угла вылез кот и свернулся калачиком перед огнем, громко мурлыча. Странно звучал в этой обстановке мой рассказ — рассказ о смерти и пышных похоронах, о страхе и одиночестве, об отчаянной борьбе за то, чтобы выжить, об убийстве, которого удалось избегнуть, и о наконец-то осуществленном спасении. Артур слушал, словно в прежние времена, внимательно, самозабвенно, подчас хмурясь, но все равно упиваясь моим рассказом в тепле и уюте маленькой придорожной корчмы. Эта картина так и сохранилась у меня в памяти: тихая комната, Артур сидит и слушает, а отсветы пламени играют у него на щеке, зажигая искры в темных, ниспадающих на плечи волосах и в черных внимательных глазах. Но все-таки в тот раз он слушал не так, как прежде,— он прикидывал, сопоставлял, судил,— и был готов к действию.

Я кончил, и он встрепенулся.

— Этого бродягу, грабителя могил... его можно будет найти, раз он таскается по всем тавернам Маридунума и выпрашивает выпивку под рассказы о своем приключении... Интересно, кто был человек, первым услыхавший твое пение? И мельника Стилико, его ты, наверно, захочешь вознаградить сам?

— Да. Но если ты когда-нибудь выберешь время, хорошо бы ты заглянул к нему, когда будешь в Каэрлеоне. Мэй умрет от ужаса и восторга, но Стилико примет твое посещение как должное, он же недаром занимал высокий пост слуги при Великом Маге... ну а потом до конца своих дней будет хвастать и похваляться.

— Хорошо, непременно,— ответил Артур.— Я когда скакал сюда, подумал, что нам лучше будет сейчас поехать в Каэрлеон. Ты, наверно, еще не настолько оправился, чтобы теперь же явиться ко двору...

— Ни теперь и ни впоследствии. Не в Камелот и не в Яблоневый сад. Все это я оставил навсегда.

Я не прибавил «Нимуэ»: ее имя в нашем разговоре не упоминалось. Мы так старательно избегали его произносить, что, казалось, его отзвуки дрожат в каждой фразе. Я продолжал:

— Не сомневаюсь, что ты захочешь оспорить мое решение, но я намерен возвратиться в Брин-Мирддин. И буду очень рад побыть с тобой в Каэрлеоне, пока мое жилище приведут в полный порядок.

Он и в самом деле попытался меня разубедить, мы стали спорить, но в конце концов он уступил мне — на том (вполне разумном) условии, чтобы я не жил там один и имел в своем распоряжении слуг.

— Если тебе так уж необходимо твое драгоценное одиночество, ты его получишь. Я выстрою под скалой дом для слуг, тебе он будет не виден. Но слуги у тебя должны быть непременно.

— Это приказ? — с улыбкой повторил я его любимое выражение.

— Именно... Но это все еще успеется. Рождество я проведу в Каэрлеоне, и ты будешь там со мной. Надеюсь, ты согласен повременить с возвращением в Брин-Мирддин до исхода зимы?

— Согласен.

— Прекрасно. Теперь вернемся к твоему рассказу. Одно место в нем не согласуется с последующими событиями. То, что было в Сегонтиуме.— Он с улыбкой заглянул мне в глаза.— Так вот, значит, где ты разыскал Калибурн? Ну да, верно. Я помню, давным-давно, еще в Диком лесу, ты рассказывал мне, что там еще остались сокровища. Грааль, ты говорил, я запомнил твои слова. Но дар, который привезла мне Моргауза, вовсе не был сокровищем Максена. Там были серебряные изделия — кубки, фибулы, витые гривны, какие мастерят на севере. Красивые, даже очень, но совсем не похожи на то, что ты описывал.

— Верно. Я их видел мельком, когда мне открылось видение. Это не сокровище Максена. Но пастушок сказал, что сокровище Максена забрали, и я ему верю.

— А сам наверняка не знаешь?

— Откуда мне знать, если я лишился магической силы?

— Но у тебя же были видения. Ты наблюдал мою встречу с Моргаузой и мальчиками в Камелоте. И видел серебряные изделия, которые она мне преподнесла. Ты знал, что гонец до меня добрался и что я еду тебе навстречу.

Я покачал головой.

— Какая же это магия? Ведь магию в действии мы с тобой много раз наблюдали. А это обыкновенное ясновидение — дар, который не покинет меня, я полагаю, до самого смертного часа. В любом селении найдется бабка, которая в какой-то степени им обладает. Магическая сила — это нечто гораздо большее, это знание будущего и власть. У меня этой силы больше нет. И я об этом не сожалею. Ты, надеюсь, тоже? — спросил я не вполне уверенно.— Я слышал, что Нимуэ стала новой владычицей озера, главной жрицей святилища на острове, что ее называют королевской волшебницей и что она сослужила тебе немалую службу?

— Это правда,— ответил Артур, отворачиваясь к очагу, чтобы подтолкнуть в огонь откатившееся полено.— Она выручила меня при похищении Калибурна.

Я промолчал. Но он ничего к этому не прибавил. Наконец я не выдержал и спросил:

— Кажется, она все еще на севере? Как она поживает?

— Превосходно.

Полено разгорелось. Артур подпер подбородок кулаком и уставился в огонь.

— Стало быть, так. Если сокровище Максена было у Моргаузы, когда она садилась на корабль, значит, оно сейчас спрятано где-то на острове. Мои стражи следили за тем, чтобы после Сегонтиума она в пути нигде не высаживалась. А здесь она остановилась у Мельваса, так что разыскать сокровище, я полагаю, можно. До моего возвращения Моргауза содержится под стражей; если она и откажется отвечать, то уж дети-то не будут хранить молчание. Младшие — совсем еще невинные младенцы, им невдомек, что говорить правду опасно. А от детского взгляда ничто не укроется, они, уж конечно, знают, куда их мать девала сокровище.

— Насколько я понял, ты намерен оставить их при себе?

— Ты видел? Да. Ты, верно, видел также, что твой гонец как раз успел в последнюю минуту спасти жизнь Моргаузы.

Я припомнил, с каким усилием уснувшей воли пытался установить с ним связь, опасаясь, что Моргауза употребит против него силу похищенного Грааля.

— Ты что же, собирался убить ее?

— Разумеется. За то, что она убила тебя.

— Без доказательств?

— Чтобы казнить ведьму, не нужны доказательства.

Я поглядел на него с недоумением и повторил слова, которые были произнесены при открытии Круглого зала: «Ни один человек не понесет урона незаслуженно и наказания без суда и неопровержимого доказательства вины».

Артур улыбнулся:

— Ты прав. На самом деле у меня были доказательства. Твои собственные слова, что она пыталась тебя убить.

— Я слышал. И думал, что ты хочешь ее запугать. Потому что ничего такого я не говорил.

— Верно. Не говорил. А почему? Почему ты утаил от меня, что это ее яд привел тебя на порог смерти в Диком лесу, а потом обрек на болезнь, которая тоже подобна смерти?

— Ты сам ответил на свой вопрос. Ты убил бы ее тогда же, найдя меня в Диком лесу. А она была матерью сына-младенца и тяжела вторым, и я знал, что наступит день, когда они явятся к тебе и вырастут твоими верными слугами. Вот поэтому я ничего и не сказал. Кто же сказал тебе?

— Нимуэ.

— Вот как. А каким образом она узнала? С помощью чар?

— Нет. Из твоих слов. Из того, что ты говорил в бреду.

Все, все вызнала она у меня. Все до последнего секрета.

Я только пробормотал:

— Ах, ну да... И она же отыскала для тебя Мордреда? Или Моргауза больше его не прятала, когда не стало ни Лота, ни меня?

— Да нет. Она держала его местонахождение в тайне. Он у нее жил где-то на Оркнейских островах, как я понимаю. Но Нимуэ здесь ни при чем. Весть о нем дошла до меня по чистой случайности. Я получил письмо. Мастер-ювелир из Йорка, он и прежде выполнял заказы Моргаузы, и вот заехал в те края со своими изделиями, надеялся продать их ей. Эти люди, как ты знаешь, проникают в самые отдаленные уголки королевства и все видят своими глазами.

— Неужели Бельтан?

Артур удивленно поднял голову.

— Тебе он знаком?

— Ну да. Но он подслеповат. В путешествиях его сопровождает слуга...

— ...Кассо,— докончил Артур и, видя мое недоумение, подтвердил: — Я же сказал тебе, что получил письмо.

— Письмо от Кассо?

— От Кассо. Он, оказывается, был в Дунпелдире, когда... а-а, понятно, там ты с ними и познакомился. Значит, тебе известно, где они находились в ночь избиения младенцев. Кассо многое видел и слышал из того, что тогда происходило: люди не склонны таиться в присутствии рабов, а он оказался понятливее, чем они могли подозревать. Его хозяин не хотел верить, что Моргауза причастна к такому ужасному преступлению, и они без опаски отправились на Оркнеи, чтобы снова попытать удачи. А там Кассо, не такой простодушный и доверчивый, смотрел во все глаза и слушал во все уши, покуда в конце концов не выведал, где находится ребенок, исчезнувший в ночь убийств. И сразу же отправил мне письмо. Оно прибыло как раз в тот день, когда я узнал от Нимуэ, что виновница твоей смерти — Моргауза. И тогда я послал за ней, наказав, чтобы она не преминула захватить с собой Мордреда. Почему у тебя такой растерянный вид?

— По двум причинам. Во-первых, как мог раб — Кассо был рабом в каменоломне, когда я впервые его встретил,— отправить письмо прямо верховному королю?

— Я забыл тебе сказать: когда-то он уже сослужил мне ценную службу. Помнишь, я собрался в поход на север против Агвизеля и все не мог придумать, как бы мне разделаться с этим подлым шакалом и не навлечь на себя месть Тидваля и Уриена? Так вот, об этом, должно быть, говорили в народе, и вскоре я получил известие от этого же самого раба. Он свидетельствовал о злодействах, которые наблюдал, находясь на службе у Агвизеля. Агвизель совершил насилие над юным пажом, одним из младших сыновей Тидваля, и затем убил его. Кассо объяснил, где найти зарытое тело. И оно было найдено, а заодно и другое тело. Мальчик принял смерть именно так, как о том свидетельствовал Кассо.

— А потом Агвизель,— сухо добавил я,— вырезал языки у рабов, которые при этом присутствовали.

— Значит, он — немой? Наверное, именно поэтому люди не стеснялись разговаривать в его присутствии. Дорогую же цену заплатил Агвизель за то, что не дал себе труда узнать, владеет ли его раб грамотой.

— Он и не владел. Когда я знал его в Дунпелдире, он был нем и совершенно беспомощен. Это я в награду за одну услу-

гу — а вернее, просто так, по наитию свыше,— позаботился о том, чтобы его научили грамоте.

Артур с улыбкой приветственно поднял ко мне свой кубок.

— И это я назвал чистой случайностью? Следовало мне помнить, с кем я разговариваю. Разумеется, после того дела с Агвизелем я наградил Кассо и назначил ему, куда посылать сведения в дальнейшем. И раза два от него поступали кое-какие известия. Но это важное письмо он прислал прямо мне.

Мы еще потолковали немного о прошлом, но затем я возвратился к делам насущным:

— Как же ты предполагаешь обойтись с Моргаузой?

— Это я решу по возвращении и с твоей помощью. Пока же пошлю распоряжение, чтобы ее содержали под охраной в обители монахинь в Эймсбери. А мальчики будут находиться при мне, я велю к Рождеству доставить их в Каэрлеон на празднества. С сыновьями Лота трудностей не будет, они еще достаточно юны, чтобы радоваться прелестям придворной жизни, и достаточно взрослы, чтобы обходиться без материнской опеки. Что же до Мордреда, то он сам изберет свою судьбу — ему будут предоставлены те же возможности, что и братьям.

Я промолчал. В тишине вдруг громко замурлыкал кот у очага, потом смолк, широко зевнул и снова погрузился в сон.

— А что же ты хочешь,— продолжал Артур.— Он теперь под моим покровительством, и если раньше мне, пожалуй, еще и можно было убить его, то уж теперь жизнь его в безопасности. Впрочем, у меня не было времени основательно все обдумать, мы еще успеем с тобой обсудить, как с ним обойтись. Но мое мнение, что, коль скоро ребенок избежал гибели при бойне, учиненной Лотом, пусть лучше живет у меня и растет под моим присмотром, а не где-то в темном углу на краю королевства, что чревато, быть может, грозной опасностью. Ты согласен?

— Да. Согласен.

— Вот видишь. Если я приближу его к себе и признаю его наследственное право, о чем он, наверное, и мечтать не смел...

— Да, едва ли ему это могло прийти в голову. Я думаю, мать не открыла ему, кто он.

— Вот как? В таком случае я сам ему открою. Так даже лучше. Он поймет, что я делаю это по своей воле, а не по необходимости. Мерлин, все может обернуться к лучшему! Мы с тобой оба знаем, каково это — жить безотчим сиротой, а потом

вдруг в один прекрасный день узнать, что в твоих жилах течет кровь Амброзия. Да и как я могу еще раз взять на себя грех и опять пожелать смерти собственному сыну? И один-то раз такую мысль нельзя было допустить. Видит бог, я дорого за нее поплатился.

Он отвернулся и снова вперил взгляд в пламя. В углу его рта пролегла горестная складка. Помолчав, он вздернул плечо.

— Ты спрашивал про Калибурн. Дело было так: моя сестра Моргана завела любовника, это был один из моих рыцарей по имени Акколон, доблестный боец и достойный муж, однако из таких, кто не в силах отказать женщине. Когда король Урбген приезжал сюда со своей королевой, ей приглянулся Акколон, и скоро уже он, точно жалкий пес, пресмыкался у ее ног. Собираясь сюда, она заказала одному кузнецу у себя в королевстве выковать ей меч, по виду во всем подобный Калибурну, а в Камелоте заставила Акколона произвести подмену. Должно быть, она рассчитывала, что в мирные времена обман будет обнаружен не сразу и она успеет снова убраться к себе на север. Не знаю, какими милостями вознаградила она Акколона, знаю только, что, когда она и Урбген пустились в обратный путь, Акколон испросил дозволения и отправился вместе с ними.

— Но для чего она подменила меч?

Он бросил на меня быстрый изумленный взгляд, ведь я нечасто задавал такие вопросы.

— Причина все та же,— ответил он.— Стремление к власти. Забрала в голову посадить своего мужа на верховный британский трон и самой стать верховной королевой. А уж что там она посулила Акколону, мне не известно. Знаю только, что пришлось ему поплатиться головой. По справедливости надо было и ей заплатить ту же цену, но у меня не было прямых доказательств, и к тому же она — супруга Урбгена. Что она моя сестра, это бы ее не спасло, но Урбгену о ее предательстве ничего не было известно, а я не могу допустить, чтобы он очутился в стане моих врагов.

— На что же она рассчитывала?

— Тебя уже не было. Должно быть, она заранее узнала от Моргаузы о твоем тяжелом недуге и готовилась к мигу своего торжества. Она полагала, что люди пойдут за всяким, кто подымет меч Калибурн, вот и вознамерилась вложить его в руку короля Регеда... Перед тем, конечно, надо было убить меня. Акколон при-

ложил к этому старания — затеял со мной ссору, и мы вышли на поединок. А меч у меня был подмененный, сталь хрупкая, как стекло, я лишь только взмахнул им в воздухе, как сразу понял, что дело нечисто, но было уже поздно. Мы скрестили мечи, и мой сразу же обломился по самую рукоять.

— И что же?

— Бедуир и другие кричали: «Измена!» — но мне и так было ясно, что без измены здесь не обошлось, довольно было взглянуть Акколону в лицо. Его-то меч был цел, а мой сломан, но рыцарь Акколон испытывал страх. Я швырнул обломанную рукоять ему в лицо и убил его ударом кинжала. По-моему, он не сопротивлялся. Может быть, он все-таки был честный человек. Хотелось бы верить, что так.

— Ну а настоящий меч? Как ты его нашел?

— С помощью Нимуэ. Это она открыла мне, как было дело. Помнишь, в Яблоневом саду она когда-то предостерегла меня против Морганы и говорила о мече?

— Да. Но я думал, она имела в виду Моргаузу.

— Я тоже. Однако она не ошиблась. Все время, пока Моргана была при дворе, Нимуэ не отходила от нее ни на шаг. Я еще диву давался: почему? Ведь видно было с одного взгляда, что они не питают друг к дружке нежных чувств.— Артур сокрушенно усмехнулся.— Признаюсь, я думал, это женская ревность... Гвиневеру она тоже как будто бы недолюбливает... Но относительно Морганы она оказалась права. Ведьма Моргауза развратила сестру еще в детстве. Как удалось Нимуэ вернуть Калибурн, я не знаю. Она прислала его из Регеда под охраной вооруженного отряда. Саму же ее я с тех пор не видел.

Я хотел было еще кое о чем у него спросить, но он вдруг поднял голову и прислушался.

— А вот, если не ошибаюсь, и Бедуир приехал. Нам недолго пришлось потолковать с тобой с глазу на глаз, Мерлин, но для этого еще будет время, клянусь Всеблагим Господом, мы еще с тобой наговоримся! — Он вскочил и, протянув руки, помог мне подняться.— А пока поговорили, и довольно. У тебя усталый вид. Может быть, ты удалишься на покой, а мне предоставишь самому встретить Бедуира с рыцарями и поведать им обо всем, что произошло? Ручаюсь, это будет шумное сборище. Мои рыцари выпьют в корчме все, что ни найдется у доброго хозяина в погребах, и на это у них уйдет вся ночь...

Но я остался с ним, мы вместе встретили рыцарей, а потом вместе с ними пили. И за всю ту долгую праздничную ночь никто ни разу не помянул имени Нимуэ. А сам я больше не спрашивал.

Глава 9

Весь следующий день мы провели за отдыхом в корчме. Нескольких человек отрядили к броду зарыть мертвых, а оттуда в Камелот с королевскими распоряжениями. Другой отряд отправился в Каэрлеон предупредить о предстоящем прибытии короля. А потом, пока я отдыхал, молодежь отправилась на охоту. Добычи, которую они привезли после целого дня молодецких забав, хватило нам на добрый обед, пажи и оруженосцы, сопровождавшие рыцарей, помогали хозяину с хозяйкой стряпать и подавать на стол. Кто где спал в ту ночь, не могу сказать; вернее всего, коней пустили в ночное, а в конюшнях набилось людей еще больше, чем в самой корчме. Утром же, к искреннему сожалению хозяев, королевская кавалькада устремилась в Каэрлеон.

Даже после строительства Камелота Каэрлеон остался западной твердыней Артура. Ясным ветреным днем мы въехали в город. Над крышами бились и развевались флаги с королевским драконом, улицы, ведущие к воротам замка, заполнил народ. Я, по собственному моему настоянию, скакал не рядом с королем, а в хвосте кавалькады, закутанный в плащ с капюшоном, надвинутым на лицо. Артур в конце концов смирился с моим решением не возвращаться ко двору — нельзя, раз отрекшись, брать слово назад, я же отрекся от своего места при короле. О Нимуэ между нами больше речи не было, хотя Артуру, конечно, хотелось знать (а равно и многим другим, кто избегал в разговоре упоминать ее имя), всю ли мою силу она у меня переняла. Уж кто-кто, а она должна была бы «видеть», где бы она сейчас ни находилась, что я снова вернулся к жизни и встретился с королем; да если уж на то пошло, она должна бы знать и о том, что меня хоронят заживо...

Но вопросов мне не задавали, да я бы и не дал на них правдивых ответов.

В Каэрлеоне мне отвели место в королевских палатах рядом с покоями Артура. Два юных пажа, поглядывая на меня с лю-

бопытством, проводили меня по коридорам, сквозь толпы слуг. Здесь многие меня знали и все слышали о моих необыкновенных приключениях — кто спешил поскорее пройти мимо, делая знак, предохраняющий от чар, но были и такие, что обращались ко мне с приветствиями и предлагали услуги. Наконец мы добрались до места. В богатых покоях дожидался дворецкий, который разложил передо мной дорогие одежды, присланные мне на выбор королем, и украшения из королевских сундуков. Я разочаровал его, выбрав не золотую и серебряную парчу, не переливчатый шелк, не синий, алый или зеленый бархат, а простой теплый балахон из темно-вишневого сукна с золоченым кожаным поясом и такие же сандалии. Вежливо пробормотав: «Я велю принести огня и горячей воды, господин», он удалился. К моему удивлению, пажам он тоже сделал знак удалиться, и я остался один.

Давно уже наступило время зажигать огни. Я сел у окна, за которым медленно угасало небо, из багрового становясь лиловым, и стал дожидаться, когда вернутся пажи со светильниками.

Когда дверь отворилась, я не оглянулся. В комнате затрепетал свет внесенного факела, небо за окном сразу потемнело, выступили слабые, молодые звезды. Паж у меня за спиной, неслышно ступая, зажигал лампу за лампой, покуда комнату не залил яркий, ясный свет.

Я устал с дороги, чувства мои после испытанных переживаний дремали. Но надо было стряхнуть оцепенение и заставить себя приготовиться к предстоящему пиршеству. Мальчик вышел, чтобы вставить факел обратно в железную скобу на стене коридора. Дверь он не закрыл.

Я встал.

— Спасибо,— сказал я ему.— А теперь, если не почтешь за труд...

И не договорил. Это был не паж, а Нимуэ. Она быстро проскользнула обратно в комнату и встала спиной к двери, глядя прямо на меня. На ней было длинное серое платье, вышитое серебром, серебро поблескивало и в волосах, распущенных по плечам. А лицо бледное, и глаза глубокие и темные, и, пока я разглядывал ее, они вдруг через край наполнились слезами.

В следующее мгновение она уже была подле меня и обвила руками мою шею, смеясь, и плача, и целуя меня, и бессвязно

бормоча какие-то слова, не имеющие иного смысла, кроме того только, что я жив, а она все это время оплакивала меня как мертвого.

— Это все чары,— твердила она изумленно и испуганно.— Чары, которые много сильнее тех, что подвластны мне. А ты говорил, что передал мне свою магическую силу. Как я могла поверить? Ах, Мерлин, Мерлин...

Что бы ни произошло, какие бы причины ни увели ее от меня, какие бы обманы ни ослепили — все это теперь не имело значения. Я крепко прижал ее к себе, голова ее склонилась мне на грудь, моя щека касается ее волос, и я слышу, как она твердит, будто дитя:

— Это ты. Это в самом деле ты! Вернулся! О, это все магия. Ты по-прежнему величайший волшебник мира.

— Нет, это всего лишь болезнь, Нимуэ. Она всех вас ввела в заблуждение. Это не магия. Магию я передал тебе.

Она подняла голову. Лицо ее выражало скорбь.

— Да! Но как это было! Слава богу, что твоя память не сохранила этого. Ты велел мне запоминать все, что ты рассказываешь, чтобы я усвоила все подробности твоей жизни и стала Мерлином, когда ты умрешь... А сам ускользал от меня, погружаясь в сон... Я должна была тебе повиноваться, ведь правда же? Вытянуть у тебя остатки твоей магии, даже если с ними отнимала у тебя последние жизненные силы. И я пустила в ход все известные мне средства: ласку, настояния, угрозы. Поила тебя подкрепляющими снадобьями и приводила в чувство, чтобы ты мог отвечать на все новые и новые расспросы. А ведь будь это не ты, а кто-то другой, следовало бы не тревожить твой сон, чтобы ты мог уйти с миром. Но ты был Мерлин, а не кто-то другой, и поэтому ты возвращался из забытья к своим страданиям и отвечал мне, отдавая все, чем владел. Так я с каждой минутой отнимала у тебя силы, когда, как я теперь вижу, могла бы спасти тебя.— Она положила ладони мне на грудь и подняла на меня серые глаза, полные слез.— Ответь мне на один вопрос. Только поклянись богом, что скажешь правду.

— Что же это?

— Ты запомнил, как я теребила тебя и мучила и довела до смерти, подобно пауку, высасывающему жизнь из медоносной пчелы?

Я прикрыл ее ладони своими, поглядел прямо в ее прекрасные глаза и солгал:

— Дорогое мое дитя, я не сохранил в памяти от того времени ничего, кроме любовных речей; и лишь помню, как бог мирно забрал меня к себе. Могу поклясться в этом, если хочешь.

Лицо ее осветилось облегчением. Но все-таки она сокрушенно покачала головой.

— Подумать только, вся магия и все знания, полученные от тебя, не помогли мне понять, что тебя похоронили заживо, и не смогли привести меня обратно, чтобы вызволить тебя из гробницы. Мерлин, ведь я должна была это знать, должна была знать! Мне снились сны, но они были сбивчивы и смутны. Один раз я приезжала в Брин-Мирддин, ты знал об этом? Подошла к пещере, вход тогда еще был заложен, я звала, звала, но изнутри не доносилось ни звука...

Она вся дрожала.

— Ну, будет, будет...— Я крепче прижал ее к себе и, склонив голову, поцеловал в макушку.— Это все прошло. Я здесь. Когда ты приезжала, я еще, наверное, не очнулся. Нимуэ, то, что случилось, случилось по воле бога. Если была бы его воля, чтобы ты вызволила меня из гробницы, тебе был бы от него знак. Но он вернул меня к жизни только в свой срок, однако заметь, он уберег меня и не дал ни в землю закопать живьем, ни предать огню. Так что прими его волю, как принимаю я, и возблагодарим его.

Ее опять передернула дрожь.

— А верховный король этого хотел. Он хотел сложить для тебя погребальный костер выше императорского, так он сказал, чтобы возвестить о твоей смерти жителям отдаленнейших углов королевства. Он был вне себя от горя, Мерлин. И не желал ничего слышать. Но я сказала ему, что мне было видение и что ты сам так хотел — чтобы тело твое положили внутри полого холма и оставили покоиться с миром, покуда оно не смешается с землей, которую ты любил.— Она смахнула ладонью слезу со щеки.— Это была правда. Я и в самом деле видела такой сон, какие только не снились мне сны. Но все-таки я не оправдала твоих надежд. А кто был тот человек, который выполнил то, что должна была сделать я, и вызволил тебя из заточения? И как это произошло?

— Подойдем к очагу, и я все тебе расскажу. У тебя холодные пальцы. Сядь со мной, у нас еще есть немного времени, прежде чем пора будет выйти в зал.

— Король подождет нас. Он ведь знает, что я здесь. Это он прислал меня к тебе.

— Вот как?

Но с этим можно было повременить. В углу комнаты перед низким ложем, застланным шкурами и одеялами, рдела раскаленная жаровня. Мы сели бок о бок, греясь в ее тепле, и в ответ на нетерпеливые расспросы Нимуэ я опять, в который уж раз, рассказал о моих приключениях.

К тому времени, когда я кончил, она заметно повеселела, на щеках проступил румянец. Я обнял ее одной рукой, а она прикорнула у меня под боком, перебирая мои пальцы. Волшебник ли, простой ли смертный, но я твердо знал, что ее радость при виде меня так же истинна, как и тепло раскаленной жаровни. Время вернулось вспять — но не совсем: простой ли смертный или волшебник, я чувствовал, что еще остались неразрешенные тайны.

А она, моя голубка, слушала, и восклицала, и сжимала мою руку, а когда я смолк, стала рассказывать о себе:

— Я говорила тебе, что видела сон. Он лишил меня покоя. И я даже стала сомневаться, действительно ли ты был мертв, когда мы похоронили тебя в пещере. Но казалось, тут и думать нечего: ты так долго лежал недвижный и, по всему судя, бездыханный, и все врачи признали, что ты умер. Вот и положили тебя в пещере. А потом другой сон снова привел меня к твоей гробнице, но там все оставалось как было. А потом были еще сны и видения, и они вытеснили, затмили этот...

Рассказывая, она отодвинулась от меня, хотя по-прежнему не выпускала мою руку. Откинувшись на подушки, она смотрела неотрывно на рдеющие угли в жаровне.

— Ну а Моргана? — напомнил я ей.— И похищение меча?

Она метнула на меня быстрый взгляд.

— Разве король не рассказал тебе об этом? Ну да, конечно, ты знаешь, как был выкраден меч. Мне пришлось покинуть Камелот и последовать за Морганой, чтобы возвратить его королю. Но и тогда бог не оставил меня. Пока я находилась в Регеде, туда прибыл с юга один рыцарь. Он странствовал и явился к королеве. И в замке Урбгена поздно вечером он поведал нам

свою странную повесть. Его звали Багдемагус, он родич Моргаины и Артура. Ты его знаешь?

— Да. Позапрошлым летом у него заболел сын, и я его врачевал. Удалось спасти ему жизнь, но воспаление глаз осталось.

Она кивнула.

— И ты дал ему мазь, чтобы мазал, если будут болеть глаза. Ты сказал, что мазь настояна на траве, которая у тебя есть в Брин-Мирддине.

— Верно. Дикий шалфей, я привез его из Италии и храню запас у себя в пещере. А он что же, намеревался раздобыть эту траву?

— Ну да, он понял тебя так, что будто бы она растет в Брин-Мирддине, может быть, ты выращиваешь ее на грядках, как в Яблоневом саду. Конечно, ему было известно, что там в пещере покоится твое тело. Он не признался перед нами, что боялся, но, уж конечно, его одолевал страх. И вот, он рассказывал, въехал он на гребень холма и вдруг слышит пение словно бы из недр земли. Но тут его конь шарахнулся и понес, и больше он туда вернуться не осмелился. Он никому об этом не рассказал, стыдясь своего бегства, не хотел, чтобы над ним смеялись, но потом, незадолго до отъезда, он слышал в Маридунуме рассказ о каком-то человеке, который якобы говорил с твоим призраком... Ты догадываешься, кто это такой: тот самый грабитель могил. Оба этих странных рассказа да еще мои сновидения совпали и ясно свидетельствовали об одном: что ты жив и находишься у себя в пещере. Я выехала бы из Лугуваллиума в ту же ночь, но случилось одно происшествие, которое меня задержало.

Она искоса взглянула на меня, словно ожидала, что я кивну, зная, о чем идет речь. Но я только спросил:

— Какое?

То же недоумение, что прежде выказал Артур, пробежало тенью по ее лицу. Но она прикусила губу и объяснила:

— Прибыла Моргауза с мальчиками. Со всеми пятью. Я, как ты догадываешься, оказалась не очень-то ко двору, но Урбген был сама любезность, а Моргана боялась, что ей придется отвечать за похищение меча, и цеплялась за меня изо всех сил. Наверно, надеялась, что, пока я там, Урбген не обрушит на нее своего гнева. И еще, конечно, рассчитывала на мое заступничество перед Артуром. Но Моргауза...— Она поежилась, будто от холода.

— Ты ее видела?

— Мельком. Я не могла находиться с нею рядом. Я простилась — пусть думают, что я отправилась в обратный путь к югу. На самом же деле я не покинула Лугуваллиума. Тайно я послала пажа к Багдемагусу, и тот прибыл ко мне туда, где я остановилась в городе. Он оказался добрым человеком, и притом он обязан тебе жизнью своего сына. Я не открыла ему, что считаю тебя живым. А только объяснила, что Моргауза всегда была тебе враждебна, что она отравила тебя, а Моргана — тоже ведьма и враг короля. Я просила его выведать, о чем они будут сговариваться, и сообщить мне. Понятно, что я уже делала попытки прочитать мысли Моргаузы, но потерпела неудачу. Оставалось только надеяться, что сестры будут между собой беседовать и удастся из их беседы разузнать об отраве, которой тебя опоили. Если сны мои правдивы и ты еще жив, эти сведения помогли бы, быть может, тебя спасти. Если же это не удастся, то хотя бы у меня будут новые доказательства коварства Моргаузы, я представлю их королю и добьюсь ее смерти.— Она коснулась ладонью моей щеки. Взгляд ее был суров.— Я сидела в городе, ожидая прихода Багдемагуса, и при этом все время сознавала, что в это самое время ты, быть может, умираешь один, замурованный в гробнице. Я пыталась мыслью дотянуться до тебя или хотя бы увидеть тебя на расстоянии, но всякий раз, как перед моим мысленным взором возникал полый холм и твоя гробница, вспыхивал яркий свет и слепил меня, и вниз по лучу света плыл Грааль, одетый облаком, подобный луне за грозовой тучей. Потом он пропадал, а боль и чувство утраты разрывали тенета сна, и я пробуждалась в смятении, тоскуя и плача, чтобы заснуть снова.

— Так тебе было дано знать об этом? Бедное дитя, тебе — и охранять такое сокровище... Багдемагус известил тебя, что Моргауза прознала о нем и намерена его похитить?

— О чем ты? — Она недоуменно расширила глаза.— При чем тут Моргауза? Да если бы она только взглядом прикоснулась к Граалю, это упало бы грязью на самого бога! И откуда ей знать, где он запрятан?

— Не знаю. Но она его забрала. Мне об этом сказал тот, кто видел своими глазами, как она доставала его из тайника.

— В таком случае тебя обманули,— удовлетворенно сказала Нимуэ.— Это я забрала его.

— Ты взяла сокровище Максена?!

— Ну да.— Она, торжествуя, приподнялась на ложе. В глазах ее рдели и лучились две раскаленные жаровни. Ясные серые глаза с точечками красного света в середине вдруг стали похожими на кошачьи или ведьмины.— Ты сам рассказал мне, где находится тайник, ты разве не помнишь? Или ты тогда уже погрузился в сумеречный туман, мой милый?

— Нет. Я помню.

Она спокойно продолжала:

— Ты говорил, что магия — хозяйка требовательная и ставит перед своими слугами трудные задачи. Но всего труднее мне было, когда пришлось отправиться в Сегонтиум вместо Брин-Мирддина. Однако я знала, что это веление свыше, и подчинилась. Взяла с собой двух доверенных слуг, и в конце концов мы добрались до места. Там все переменилось. Святилище исчезло, его засыпало оползнем, но я по твоим указаниям определила, где оно раньше стояло, и мы начали копать. Эта работа заняла бы много больше времени, если бы не сыскался помощник.

— Чумазый пастушок, который умеет, держа ореховый прут над землей, определять, где запрятаны сокровища.

Взгляд ее просветлел.

— Вот видишь! Зачем только я тебе рассказываю, ты и так все знаешь. Да. Он показал, где копать, и мы извлекли из земли ларец. С этим ларцом я приехала в крепость, обратилась к коменданту и ночь провела там, а он поставил вооруженную охрану у меня за порогом. Всю ночь меня одолевали видения. Мне открылось, что ты жив и на свободе и скоро увидишься с королем. Утром я попросила выделить мне эскорт, чтобы везти сокровище, и выехала в Каэрлеон.

— И разминулась со мной на два дня,— сказал я.

— Разминулась с тобой? Где же?

— А ты думала, я видел чумазого пастушка в пламени? Нет, я сам был там.— И я коротко рассказал ей, как побывал в Сегонтиуме и посетил исчезнувшее святилище.— Когда мальчик сказал мне про тебя и двух твоих слуг, я, глупец, решил, что это была Моргауза. Он не описал той дамы, сказал только, что она была... Постой, он сказал, что это была королева и слуги имели королевские знаки. Вот почему я предположил...

Я остановился на полуслове. Ее рука вдруг судорожно сжала мою. Веселый свет в серых глазах померк; она смотрела мне в

лицо со страхом и мольбой. Не понадобилось провидческого дара, чтобы догадаться о том, чего она мне не рассказала, и понять, почему Артур и все остальные избегали упоминать в разговоре со мной ее имя. Нет, она не отняла у меня хитростью мою волшебную силу и не приложила руку к моей погибели — просто-напросто, когда не стало старого волшебника, она привела к себе на ложе молодого мужчину.

Мне показалось, что этой минуты я ждал давно. Улыбнувшись, я мягко спросил:

— Ну и кто же он, твой король?

Щеки ее залил румянец. Глаза опять увлажнились слезами.

— Я должна была признаться сразу. Меня предупредили, что ты ничего не знаешь. Но у меня не хватило духу, Мерлин.

— Напрасно ты так сокрушенно смотришь, моя дорогая. Что у нас было, то было, а дважды выпить один глоток эликсира невозможно. Будь я все еще хоть вполовину волшебником, я бы давным-давно все понял. Кто он?

— Пелеас.

Я знал этого юного короля, он был красив и приветлив и имел веселый, легкий нрав в противовес сумрачному складу ее натуры. Я отозвался о нем с похвалой, она успокоилась и принялась, увлекаясь, рассказывать о своем замужестве. А я слушал и смотрел на нее. Теперь мне стали заметны происшедшие в ней перемены, и я отнес их за счет магической силы, легшей тяжелым грузом на ее плечи. Моя нежная Нимуэ ушла вместе со мной в туманные дали. А в этой, что сидела передо мной, появились твердость, ровная и необоримая, и жесткая сила, и блеск, подобный блеску наточенного клинка. И в голосе ее стали слышны отзвуки глубоких тонов, властных и весомых, какими бог вещает свою волю смертным. Когда-то эти черты облика и речи были свойственны мне. Но я, принимая в начале жизненного пути свою судьбу, не брал на себя обязательств любви. Надеюсь, подумал я, что у Пелеаса сильный характер.

— О да,— сказала мне Нимуэ.— Очень.

Я вздрогнул и очнулся. Она сидела, склонив голову набок, и смотрела на меня, в глазах ее опять искрился смех. Я рассмеялся вместе с нею. А потом протянул к ней руки. Она прильнула ко мне, подняла ко мне лицо. И я поцеловал ее в губы, сначала со страстью, потом с нежностью, а потом отпустил ее.

Глава 10

Рождество в Каэрлеоне. Одна за другой проходят перед моим взором картины: солнце, и снег, и свет факелов, молодость и смех, отвага и гордость свершений и время, отвоеванное у забвения. Мне стоит только закрыть глаза, да нет, даже и этого не надо, достаточно посмотреть в огонь, и все это снова со мной.

Вот Нимуэ подводит ко мне Пелеаса, который обращается со мною почтительно, а с ней любовно; он — король и муж.

— Она принадлежит верховному королю, а уж потом мне,— говорит он.— А я... со мной то же самое. Я принадлежал ему еще задолго до того, как попал в ее сети. Перед верховным королем и Господом Богом кто из нас сам себе господин?

А вот Бедуир, однажды вечером он встретился мне у реки, медленно катившей свои обильные мутно-серые воды между зимних берегов. В прибрежных камышах плавала, промеривая илистое дно, флотилия белых лебедей. Начинался снегопад, в тихом воздухе медленно кружили подобные пушинкам невесомые снежные хлопья.

— Мне объяснили, что ты пошел в эту сторону,— сказал мне Бедуир.— Я за тобой. Король тебя ждет. Пойдем. Смотри, как холодно, и еще холодает.

А на пути ко дворцу он мне сказал:

— Есть новости о Моргаузе. Она отослана обратно в Лотиан и будет жить в Каэр-Эйдине в обители монахинь. О том, чтобы ее там содержали под надежным надзором, позаботится Тидваль. И ходят слухи, что туда же к ней пришлют ее сестрицу Моргану. Король Урбген, говорят, не может ей простить, что она едва не втянула его в изменнический заговор, и опасается, как бы пятно позора не легло на него и его сыновей, если она останется в его доме. К тому же еще она взяла себе в любовники Акколона. Так что Урбген намерен ее от себя отослать и хочет только испросить согласия Артура. Не сомневаюсь, что он его получит. Артуру спокойнее будет, если обе его любящие сестрицы окажутся взаперти и где-нибудь как можно дальше отсюда. А мысль эта принадлежит Нимуэ,— со смехом добавил он и искоса взглянул на меня.— Ты меня прости, Мерлин, но теперь, когда врагами короля оказались женщины, разве не к лучшему, что и управляется с ними тоже женщина? А тебе, на мой взгляд, надо радоваться, раз можно не ввязываться в это дело...

Вот Гвиневера за ткацким станком. Ясное утро, под окном блестит на солнце снег, а на подоконнике поет птица в клетке. Руки королевы праздно покоятся среди пестрых нитей, прелестная головка повернута к окну: во рву играют мальчики. «Это могли бы быть мои сыновья»,— так говорит она. Но глаза ее следуют не за белокурыми детьми Лота, они устремлены лишь на темноволосого отрока Мордреда, который стоит чуть поодаль, но не как отверженный, следящий за игрой счастливых братьев, а скорее как принц, наблюдающий за своими подданными.

А вот и сам Мордред. Мне не довелось беседовать с ним. Мальчики почти все время проводили на детской половине, занимались с учителем фехтования или с другими наставниками, которым поручено было их образование. Но однажды на исходе серого зимнего дня я случайно заметил его у ворот сада — он словно поджидал там кого-то. Я остановился в отдалении, не зная, какими словами его приветствовать, ведь я был всем известным врагом его матери. Но тут он вдруг вскинул голову и сделал шаг вперед. Из-за облетевших розовых кустов вышли король с королевой. Что меж ними было сказано, я на расстоянии не слышал, видел только, как королева улыбнулась и протянула мальчику руку, а король с ласковым видом произнес какие-то слова, Мордред ответил. И они втроем пошли из ворот — король, королева, а между ними Мордред.

И наконец, сам Артур однажды вечером в личных королевских покоях, куда Нимуэ принесла ларец — показать сокровища из Сегонтиума.

Ларец стоял на мраморном столе, принадлежавшем еще моему отцу, металлический, массивный, с исцарапанной, промятой крышкой — она выдержала при оползне удары камней и обломков рухнувшего храма. Король наложил на нее руки. Она не сразу поддалась, но потом он ее поднял, легко, как древесный лист.

Внутри лежало все, как я запомнил. Сквозь прогнившую рогожу блестел наконечник копья. Артур извлек копье из ларца и пальцем попробовал острие. Жест естественный, как дыхание.

— Разве что для красоты,— заметил он, протер ладонью ряды самоцветов на рукояти и отложил священное оружие в сторону.

Вслед за копьем на свет явилось плоское блюдо, инкрустированное по краю драгоценными каменьями. И наконец из-под вороха пожелтевших полотняных лоскутьев извлечена чаша.

Это была глубокая чаша с расширяющимся верхом наподобие небольшого греческого кратера, ее называют Граалем. Она сияла чистым золотом, и видно было по тому, как он держал ее, насколько она тяжела. По выпуклой наружной поверхности шли резные узоры, а ручки имели форму крылышек. Венец, пониже края, куда не достанут губы пьющего, был выложен изумрудами и сапфирами. Артур обернулся ко мне и обеими руками протянул мне Грааль.

— Вот, возьми-ка и посмотри. Я еще никогда не видел такой драгоценности.

Я покачал головой.

— Нет, она предназначена не для моих рук.

— И не для моих,— сказала Нимуэ.

Он еще минуту разглядывал чашу, а затем опустил обратно в ларец вместе с блюдом и копьем и завернул все в полотнище, истончившееся от старости, как кисея.

— И вы даже не можете мне сказать, где мне хранить это сокровище и что я должен с ним сделать?

Нимуэ только взглянула на меня и ничего не ответила. Я же произнес слова, бывшие лишь слабым отзвуком того, что я уже говорил когда-то давным-давно:

— Грааль предназначен не для тебя, Артур. Тебе он не нужен. Ты сам послужишь Граалем для своего народа, тобой люди утоляют свою жажду, на тебя будут уповать, и ты не обманешь надежд и никогда не покинешь совсем свой народ. Нет, тебе не нужна эта чаша. Оставь ее для тех, кто придет потом.

— Ну, коли так, раз она не моя и не ваша,— заключил Артур,— пусть Нимуэ заберет ларец и запрячет его с помощью своих чар так, чтобы никто никогда не мог разыскать, покуда не явится достойный.

— Не разыщут,— сказала Нимуэ и захлопнула крышку ларца.

После этого занялся среди холода новый год, и исподволь подошла весна. Я отправился домой на исходе апреля, когда ветры потеплели, новорожденные ягнята блеяли на холмах, а в ветлах золотились пушистые сережки.

В пещере было прибрано и тепло, она опять обрела жилой вид. Меня ждала и пища: свежий хлеб, кувшин молока и горшок меда. У входа, подле источника, лежали приношения, оставленные моими соседями, а из Яблоневого сада было привезено все

мое имущество, книги и лекарства, а также инструменты и большая стоячая арфа.

Мое возвращение к жизни не встретило препятствий, которых я опасался. Простые люди и жители отдаленных углов Британии восприняли рассказ о моем восстании из мертвых не как чистую правду, а как легенду. Мерлин, который был всем известен и всем внушал трепет, умер, а в «святой пещере» жил и теперь какой-то Мерлин, колдовал помаленьку, но то был словно бы призрак великого и знаменитого волшебника. Возможно даже, что меня считали, наряду со всевозможными самозванцами прошлого, просто мелким знахарем, который присвоил себе имя и жилище Мерлина. Во дворцах и больших городах королевства помощи и защиты ждали теперь от Нимуэ. Ко мне же обращались со своими болячками и бедами лишь местные поселяне — пастух Бан пригонял приболевших ягнят, а деревенские ребятишки несли в подолах скулящих щенков.

И потекли недели и месяцы, год завершался исподволь, словно тихий день клонился к вечеру. Сменяли друг друга золотые безмятежные погожие дни. И молчал магический зов, не дули чистые верховые ветры, не кололо сердце, не бежали мурашки по коже. Великие государственные дела словно бы не касались меня больше. Я не разузнавал новостей — они приходили сами, и приносил мне их король. Как некогда отрок Артур прибегал ко мне в часовню в Диком лесу и рассказывал, примостившись у моих ног, обо всех событиях каждого дня, так теперь верховный король Британии делился со мной своими мыслями, делами, трудностями, чертил при свете очага свои чертежи на чисто выметенном полу моей пещеры и беседовал со мной. Что ему давали эти разговоры, не знаю; знаю лишь, что после его ухода я оставался сидеть опустошенный и обессиленный в покое полного довольства.

Воистину, бог, который есть Всевышний Господь, ныне отпускал слугу своего с миром.

В один из таких дней я притянул к себе маленькую арфу и спел старую, всем давно знакомую песню на новые слова:

Отдохни, волшебник, покуда гаснет огонь в очаге.
Еще один вздох, еще одно мгновение ока,
И ты увидишь свои прежние сны:
Меч, и юного короля,
И белую лошадь, и журчащий ручей,
Горящую лампу и улыбку мальчика.

Это все сны, волшебник, это сны,
Они улетают, когда смолкают и немеют
Струны арфы, когда опадают языки пламени
и перестают
Отбрасывать тени. Замри и слушай.

В черной дали ночи
Дуют мощные ветры, наступает
Прилив, катит чистые воды река.
Прислушайся, волшебник, и ты различишь
В темноте ночи и в звоне ветра
Звуки музыки...

Здесь мне пришлось прервать песню — у меня лопнула струна. Артур обещал в следующее свое посещение привезти мне новые струны.

Вчера он опять посетил меня. Дела призвали его в Каэрлеон, объяснил он, вот он и заехал на часок. Я спросил, что это за дела, но он отмахнулся, и тогда я заподозрил — хоть мысль эта и нелепа,— что уж не прискакал ли он на юг нарочно, чтобы повидаться со мной. Он привез подарки — он никогда не являлся с пустыми руками,— вино, корзину с яствами, приготовленными в дворцовой кухне, обещанные струны для арфы и мягкое шерстяное одеяло, сотканное, как он сказал, девушками королевы. Сам все внес в пещеру, точно слуга, и все разложил по местам. Вид у него был возбужденный. Он рассказал мне, что недавно ко двору прибыл молодой человек, кузен Марча Корнуэльского, отличный боец. Потом — что у него назначена встреча с королем саксов, преемником Эозы Кердиком. Так мы проговорили до темноты, когда наконец за ним, бренча сбруей, подъехал вверх по оврагу отосланный эскорт.

Артур легко поднялся и, как обычно теперь при расставании со мной, наклонился и поцеловал меня. Уходя в темноту ночи, он всегда настаивал на том, чтобы я оставался на месте, у теплого очага, но на этот раз я тоже встал и последовал за ним к выходу из пещеры и поглядел ему вслед. Освещенная пещера была у меня за спиной, и моя тень, длинная и узкая, упала, как некогда, далеко вперед, пересекла лужайку и достала чуть не до купы терновых кустов, где под скалой поджидал Артура конный отряд.

Ночь уже почти наступила, только на западе, за Маридунумом, в небе еще дрожал последний луч закатившегося солнца. Он отражался в реке, омывающей дворец, в котором я родился, и серебряно искрился на отдаленной глади моря. А здесь, вблизи, чернели деревья, оголенные зимними холодами, и земля была скована первым морозом. Артур уходил по заиндевелой траве, оставляя на лужайке темные призрачные следы. Над обрывом, где тропа ныряла вниз, он задержался и полуобернулся. Я разглядел, что он поднял руку.

— Жди меня! — крикнул он мне свое всегдашнее прощальное приветствие.— Жди! Я приеду опять.

И я, как всегда, ответил:

— А что же мне еще остается, как не ждать тебя? Я буду здесь, когда ты приедешь в следующий раз.

Замер удаляющийся стук копыт. Овраг вновь наполнился зимним безмолвием. Спустилась тьма.

Дыхание ночи, как легкий вздох, коснулось заиндевелых деревьев. И следом, еле слышно, не звук, а лишь призрак звука, в воздухе возник мелодичный звон. Я поднял голову — мне опять припомнился мальчик, некогда ловивший в ночи музыку сфер. Но так и не уловивший. А вот теперь она звучала вокруг меня, прекрасная, неземная, точно сам холм служил арфой верховому ветру.

Тьма сгустилась. Огонь у меня за спиной потускнел, и тень моя пропала. Но я все стоял и слушал, объятый великим удовлетворением. Небо, чреватое ночью, сблизилось с землей. Вдали на море последний отблеск скользнул и погас, словно меч, взблеснувший медленной дугой и спрятанный в ножны, или как парус, исчезнувший за горизонтом.

Стало совсем темно. И совсем тихо. Холод дохнул мне в лицо, как прикоснулся гранью кристалла.

Я повернулся спиной к ночи и высоким поющим звездам и возвратился внутрь пещеры, где меня ждали огонь и скамья, на которой еще недавно сидел он, и арфа с ненатянутой струной.

Легенда

Когда король Утер Пендрагон лежал при смерти, Мерлин обратился к нему при всех лордах, дабы тот признал и провозгласил своего сына Артура новым королем. Так Утер и сделал, а потом он умер и был похоронен подле брата своего Аврелия Амброзия.

После того Мерлин изготовил огромный меч и заключил его силою своего волшебства внутрь большого камня наподобие алтаря. И было там золотыми буквами начертано: «Кто извлечет сей меч из камня, тот — по праву рождения король над всей Англией». Когда же все люди удостоверились, что, кроме Артура, никто не может вытащить меч из камня, народ стал кричать: «Хотим иметь Артура нашим королем! И не допустим более в том промедления, ибо видим, что такова воля Божия, чтобы быть ему над нами королем, а кто будет противиться, убьем того!» И признали Артура в народе и бедные и богатые и возвели его в короли. А когда он был коронован, то назначил сэра Кея сенешалем Англии и сэра Ульфиуса — распорядителем двора.

С той поры прошло много лет в войнах и сражениях, но однажды прибыл Мерлин ко двору на могучем вороном коне и сказал Артуру так: «Неуемен ты. Неужто тебе все мало? Пора кончать. И потому возвращайся поскорее домой отдыхать, а добрых своих рыцарей награди золотом и серебром, ибо они это заслужили».— «Верно сказано,— молвил Артур,— и как ты задумал, так и будет». Мерлин же простился с Артуром и отправился повидать учителя своего Блэза, что жил в Нортумбрии. И Блэз записал все про битвы, как поведал ему Мерлин.

Но однажды король Артур сказал Мерлину: «Не дают мне покоя мои бароны, требуют, чтобы я взял себе жену».— «Это верно,— сказал Мерлин.— Тебе надо жениться. Нет ли такой женщины, чтобы была тебе милее прочих?» — «Есть,— ответил король Артур,— мне всех милее Гвиневера, дочь короля Лодегранса, что правит в стране Камелиард, и в доме у него хранится Круглый стол, а достался он ему, как ты мне говорил, от отца моего Утера». Мерлин предостерег короля, что не следует ему брать в жены Гвиневеру, предрек ему, что ее полюбит Ланселот, а она его. Но король, несмотря на это, решил жениться на Гвиневере и послал за нею сэра Ланселота, первого своего рыцаря и доверенного друга, дабы он доставил ее из отчего дома к нему во дворец.

И когда они ехали вместе, сбылось предсказание Мерлина, Ланселот и Гвиневера полюбили друг друга. Но не в их власти было осуществить свою любовь, и в свой срок Гвиневера стала женой короля. А Круглый стол ее отец король Лодегранс прислал Артуру как свадебный подарок.

Между тем Артурова единокровная сестра Моргауза родила ему сына-бастарда. Имя же ему было Мордред. Мерлин предсказал, что от этого ребенка большая беда грозит Артуру и всему королевству, и, когда король узнал о его рождении, он послал схватить всех младенцев, рожденных первого мая, их всех поместили на корабль, и корабль пустили в море. Иные были четырех недель от роду, а иные и того меньше. По воле случая корабль разбило об утес, на вершине которого стоял замок. Корабль затонул, и все, кто в нем был, погибли, кроме Мордреда: его подобрал один человек и воспитывал до четырнадцати лет, а тогда привез к королю.

Вскоре после свадьбы Артура с Гвиневерой король должен был отлучиться от двора, и в его отсутствие король Мелеагант (Мельвас) похитил королеву и увез в свое королевство, откуда, как говорили, не было возврата. Чтобы проникнуть к месту ее заточения, надо было перебраться через ров. Там было два очень опасных, гибельных прохода. Один назывался «подводный мост», потому что мост находился под водой, невидимый и очень узкий, А другой был еще того опасней, по нему еще ни разу никому не удалось пройти, ибо это был проход по острию меча. Никто не отважился отправиться на выручку королеве, один лишь Ланселот, проехав по неведомой земле, добрался туда, где стоял

летний дом, построенный Мелеагантом для королевы. Он перебрался через ров по острию меча и получил тяжелые раны, но королеву вызволил, а потом, в присутствии короля Артура и всего двора, сразился с Мелеагантом и убил его.

А потом случилось так, что Мерлин на старости влюбился до безумия в одну из дев озера по имени Нимуэ и не давал ей проходу, он все время хотел быть с нею. Королю Артуру он заранее сказал, что ему уже недолго осталось быть на земле, что, несмотря на все его волшебное искусство, он будет заживо погребен, и еще он наставил его крепко беречь меч и ножны, ибо их выкрадет у него женщина, которой он всех более доверяет. «О,— сказал король,— коль скоро ты знаешь, какая беда тебя ожидает, почему бы тебе с помощью магии не отвести ее от себя, чтобы она не случилась?» — «Этого быть не может,— ответил ему Мерлин.— Так уж назначено, что ты умрешь славной смертью, а я бесславной». И с тем он оставил короля. Вскоре после этого дева озера Нимуэ отправилась в путь, и Мерлин повсюду сопровождал ее. Они переехали через море в страну Бенвик, что в Бретани, где королем был король Бан, а у супруги его Элейны был тогда юный отрок Галахад. Мерлин предсказал, что Галахад станет в будущем славнейшим мужем мира. После того Нимуэ и Мерлин покинули Бенвик и прибыли в Корнуолл. Она боялась его, ибо он был сыном диавола, и не чаяла, как бы от него избавиться. Но случилось, что Мерлин показал ей пещеру в скале, а вход в пещеру закрывался тяжелым камнем. И тогда она хитростью заставила Мерлина залезть под камень, чтобы показать ей это волшебство, а сама навела на него чары, чтобы он никогда больше не мог оттуда выйти. И ушла, оставив его в пещере.

Но как-то кузен короля по имени Багдемагус поехал со двора искать ветвь священной травы для исцеления. И случилось ему проезжать мимо той самой скалы, в которую заточила Мерлина Владычица Озера, завалив тяжелым камнем, и он услышал Мерлиновы песни. Хотел было сэр Багдемагус вызволить Мерлина, подошел к камню, но камень оказался таким тяжелым, что его и сто человек бы не сдвинули с места, а Мерлин, когда услышал его, крикнул, чтобы он попусту не трудился, ибо напрасны будут все его старания. И Багдемагус ушел, а его оставил.

Между тем сбылось все по предсказанию Мерлина: сестра Артура Фея Моргана выкрала у него меч Экскалибур вместе с ножнами. И отдала сэру Акколону, чтобы он вышел на поединок с самим королем. А когда король вооружался для поединка, явилась девица от Феи Морганы и принесла ему меч, во всем подобный Экскалибуру, и ножны, и он поблагодарил ее. Но она была обманщица, а меч с ножнами подменный, хрупкий. И был бой между королем Артуром и Акколоном. Явилась на тот поединок Владычица Озера, ибо она знала, что Фея Моргана желает зла королю, и хотела спасти его. Меч в руке у короля Артура сразу сломался, но после жестокого боя ему все-таки удалось отбить у Акколона свой меч Экскалибур и им одолеть его. И тогда Акколон признался в предательстве Феи Морганы, жены короля Уриена, а король Артур оказал ему милосердие.

А Владычица Озера после этого стала Артуру другом и покровителем, каким прежде был маг Мерлин.

От автора

Согласно легенде, основанной главным образом на «Смерти Артура» Мэлори, Мерлин после воцарения Артура прожил на поверхности земли совсем недолго. Битвы и турниры, последовавшие за коронацией, бесспорно, отражают ряд действительных сражений, которые дал саксам исторический Артур. Об Артуре — военном вожде, Артуре-воителе (dux bellonim) нам известно только то, что он сражался в двенадцати великих битвах, защищая Британию от посягательств саксонского врага, и в конце концов погиб, а заодно с ним и Мордред, в битве при Камлане. Знаменитое описание этих двенадцати битв содержится в труде валлийского монаха Ненния «Historia Brittonum»* (IX век):

«В те дни Артур сражался против них, и с ним — короли бриттов, но он был предводителем во всех битвах. И первая битва произошла в устье реки Глет. Вторая, третья, четвертая и пятая — на другой реке, которая зовется Дубглас и протекает вблизи Линнуиса. Шестая — на реке, которая называется Бассас. Седьмая произошла в Целидонском лесу. Восьмая — у замка Гвиннион, в ней у Артура на плечах был образ Святой Марии Приснодевы, и язычники в тот день были обращены в бегство, и много их было побито силою Господа нашего Иисуса Христа и матери его, Святой Девы Марии. Девятая битва была у Города Легионов. Десятую он дал на берегу реки, называемой Трибуит. Одиннадцатая случилась на горе Агнед. А двенадцатой битвой была битва на горе Бадон, и в ней пали мертвыми за один день 960 человек, когда пошли в наступление, и никто

* «История британцев» *(лат.)*.

не мог их одолеть, кроме одного Артура. И во всех этих битвах он вышел победителем».

Из перечисленных географических названий только два могут быть идентифицированы с большой долей достоверности: Целидонский лес — это Старый Каледонский лес, который тянулся от Стрэтклайда до современного Озерного края,— и Город Легионов, который мог быть либо Честером, либо Каэрлеоном. Я в своем рассказе пользовалась наименованиями Ненния, но привязала к местности еще одно: Трибуит. Было высказано предположение, что так когда-то называлась река Риббл, через которую проходит старая римская дорога, ведущая к перевалу Эйр-Гэп (Пеннинский проход). Место, где дорога пересекает реку, носит название Наппа, и местные предания гласят, что здесь, у брода, когда-то была битва. Военный лагерь, который я тоже назвала Трибуитом, находился в Лонг-Престоне. Два других — это, конечно, Элслак и Илкли. Кроме того, я воспользовалась преданием, согласно которому Артур сражался у Хай-Рочестера (Бремениума) в Чевиотских горах. Не считая этих двух мест, я ничего не прибавила к Ненниевой карте сражений Артура.

Блэз. У Мэлори говорится, что Блэз «записал о той войне все слово в слово», но хроника эта, если когда-либо и существовала, пропала бесследно. Я позволила себе вольность и ввела фигуру того, кто мог ее уничтожить: Гильдаса, одного из младших сыновей короля земли Стрэтклайд Кау и брата Хевиля. Все это лица исторические. Известно, что Хевиль и Артур ненавидели друг друга. А монах Гильдас, писавший около 540 года, говоря о победе в битве «у горы Бадон», Артура принципиально не упоминает. Историки усматривают в этом знак, мягко говоря, неодобрения вождю, который не выказал себя другом христианской церкви.

Недуг Мерлина. Эпизод в Диком лесу взят из рассказа о болезни Мерлина, который содержится в латинской поэме двенадцатого века «Vita Merlini», обычно приписываемой Гальфриду Монмутскому. Частично это пересказ более раннего кельтского сказания «Лайлокен» — о безумце, который блуждал в Каледонском лесу. Мерлин — Лайлокен своими глазами наблюдал битву при Арфдеридде (современный Артурет близ Карлайла), в которой пал его друг — король. Обезумев от горя, он бежит в лес, влачит там жалкое существование и гибнет.

В «Черную книгу Кармартена» включены два стихотворения, которые приписываются Мерлину. В одном воспевается яблоня в лесу, дарящая ему кров и пропитание, другое обращено к поросенку, который делит с ним одиночество.

Гвиневера. По преданию, у Артура было две жены, носившие это имя,— или даже три, хотя последний вариант, вероятно, является просто данью поэтическому пристрастию к магическим числам. Рассказ о похищении Гвиневеры Мельвасом (или Мелеагантом) содержится в средневековом стихотворном романе «Ланселот» Кретьена де Труа. Кретьен повествует о том, как Ланселот по мосту-мечу проникает в полый холм — жилище фей. Этот рассказ представляет собой одну из фантазий на древнюю тему похищения, к числу которых относятся, например, сюжеты об Аиде и Персефоне или об Орфее и Эвридике.

Как следует из средневековых сказаний, Гвиневера обязательно подвергалась похищениям, и всякий раз ее обязательно освобождал Ланселот. Современный читатель может проследить, откуда пошел в литературе образ похищаемой королевы. Средневековые певцы находили для себя в короле Артуре и его дворе богатейший источник мотивов, и со временем вокруг центральных персонажей сформировались целые серии сюжетов, совсем как в телевизионных сериалах в наше время. Сам Артур в них постепенно отодвигается на задний план, а вперед выходят новые герои: Ланселот, Тристрам, Гавейн, Герейнт. Ланселот, образ полностью вымышленный (и на несколько веков более поздний, чем собственно артуровский материал), стал играть роль возлюбленного королевы, без которого немыслимы средневековые романы с их куртуазной любовью.

Однако соблазнительно предположить, что первоначальный рассказ о похищении, в котором фигурируют Гвиневера и Мельвас, был основан на реальном событии. Бесспорно, что Мельвас существовал на самом деле, а археологические находки указывают на то, что в соответствующий период неподалеку от Гластонбери и прямо на горе Тор стояло несколько крепостей. В моем пересказе функции Ланселота выполняет Бедуир, чье имя сопрягалось с именем Артура задолго до появления Ланселота. При создании образа Гвиневеры, какой она здесь получилась, я, мне кажется, испытывала влияние чосеровской «неверной» Хризеиды.

Нимуэ (Ниниана, Вивиана). Точно так же, на мой взгляд, совершенно необязательно приписывать «неверность» возлюбленной Мерлина Нимуэ. Мотив предательства в этой легенде появляется просто потому, что иначе трудно объяснить смерть или исчезновение такого могущественного волшебника. Моя версия этой истории основана на предании, сохранившемся кое-где в Летней стране и до наших дней. Его записали в Уилтшире и прислали мне много лет назад. Согласно этой версии, Мерлин, почувствовав приближение старости, захотел передать свою магическую силу кому-нибудь, кто будет после его смерти советчиком Артура. Выбор его пал на Нимуэ, которая была его способнейшей ученицей. В таком изложении не страдает достоинство «великого волшебника», а заодно и здравый смысл и, кроме того, становится понятным, почему Нимуэ впоследствии пользовалась таким влиянием на Артура. А иначе король, конечно, не приблизил бы ее к себе и не принял бы от нее помощи в борьбе со своими врагами.

Ниниан. Эпизод с мальчиком Нинианом был мне тоже подсказан текстом «Vita Merlini». В одном месте там рассказывается, как Мерлин видит отрока, покупающего себе сандалии и ремешки, чтобы их чинить, когда порвутся. А Мерлин знает, что сандалии отроку не понадобятся, так как он в тот же день утонет.

Кердик Элезинг. В «Англосаксонской хронике» повествуется, как Кердик и сын его Кинрик на пяти кораблях высадились в Кердикоре. Кердик был Элезинг (то есть сын Элезы, или Эозы). Датировано это событие 494 годом.

При всех сомнениях в достоверности дат и мест первых завоеваний Кердика (считается, что Кердикора — это современный Нетли вблизи Саутгемптона) все хроники сходятся в том, что именно он был основателем первой западносаксонской монархии, к которому возводил свое происхождение Альфред Великий. О Кердике и о переменах в похоронных обрядах, упоминаемых Герейнтом, см. «Историю англосаксов» Ходжкина, том I, раздел IV.

Лудд-Нуата, или Ноденс. Святилище Ноденса можно и по сей день видеть в Лиднее (Глостершир).

Песнь Мерлина. Текст песни «Тот, кто одинок» основан на англосаксонской поэме «Странник».

И наконец, приношу извинения за все пробелы в моих знаниях по этому обширному предмету и могу только сказать, перефразируя то, что написали Х. М. и Н. К. Чэдвики в предисловии к своей работе «Рост английской литературы»: «Если бы я вздумала прочесть больше, то никогда бы не закончила этой книги». Мало того, если бы я только знала, как много об этом написано, то никогда бы не отважилась взяться за такую тему. Вот почему я даже не могу перечислить все авторитеты, к которым прибегала. А только могу смиренно надеяться, что моя трилогия о Мерлине послужит отправной точкой для какого-нибудь энтузиаста.

Мэри Стюарт
Эдинбург, 1975–1979

Недобрый день

ПРОЛОГ

— Мерлин мертв.

Вздох, не более; и мужчина, прошептавший эти слова, находился на расстоянии вытянутой руки от жены, но стены единственной комнаты подхватили и многократно усилили фразу, точно акустический свод. Даже громкий возглас не произвел бы на женщину впечатления более сильного. Рука, раскачивающая громоздкую колыбель у торфяного огня, резко дернулась, так что ребенок, свернувшийся калачиком под одеялами, проснулся и захныкал.

В кои-то веки женщина не обратила на него внимания. В ее голубых глазах, несообразно светлых и ярких на лице потемневшем и увядшем, точно иссушенная водоросль, отразилась целая гамма чувств: надежда, сомнение, страх.

Ей не нужно было спрашивать мужа, откуда вести.

Несколькими часами раньше она заприметила парус торгового судна, идущего к заливу, где над скоплением хижин — единственным поселением на острове — высился новый чертог королевы, глядящий сверху вниз на главную гавань. Рыбаки, забрасывающие сети за пределами мыса, по заведенному обычаю подходили к чужому кораблю на веслах и громко требовали новостей.

Губы женщины приоткрылись, словно десятки вопросов подрагивали на кончике языка, но задала она только один:

— Неужто правда?

— Да, на сей раз правда. Матросы клялись и божились.

© Перевод С. Лихачевой

Женщина одной рукою схватилась за грудь, сотворив знак, ограждающий от чар. Однако во взгляде ее по-прежнему читалось недоверие.

— Да, но то же самое говорили прошлой осенью, когда...— Поколебавшись, селянка произнесла местоимение с особым почтением, словно титул: — Когда она еще жила в Дунпелдире вместе с маленьким принцем и вот-вот должна была разрешиться двойней. Я как сейчас помню. Из Лотиана пришло торговое судно, ты отправился в гавань, вернулся с деньгами и пересказал мне слова капитана. Во дворце, дескать, устроили пир — еще до того, как прибыли вести о смерти Мерлина. Она вроде бы «увидела» все с помощью своей магии, твердил капитан. Но слухи таки солгали. Ведун всего лишь исчез на время: это ему не впервой проделывать.

— Да, верно. Он и впрямь сгинул, куда — неведомо, и не объявлялся всю зиму. А зима-то выдалась скверная, вроде как здесь, на островах, да только магия помогла ему выжить, потому что в конце концов его сыскали в Диком лесу, свихнувшегося, что твой заяц, и отвезли выхаживать в Галаву. А теперь говорят, будто там он захворал и помер, еще до того как верховный король вернулся с войны. На сей раз это чистая правда, жена; мы узнали новость раньше всех, из первых рук. Корабельщики пристали в Гланнавенте пополнить запас воды, а Мерлин-то лежал на смертном одре менее чем в сорока милях оттуда. Матросы много чего еще порассказали: про битву к югу от леса и про новую победу верховного короля, да только ветер дул больно сильный, я не все расслышал, а подойти на лодке поближе не удалось. Схожу-ка в город, узнаю остальное.— Рассказчик понизил голос до глухого, еле слышного отзвука.— Кое-кого в нашем королевстве вести не слишком-то огорчат, даром что кровь — не вода! Помяни мое слово, Сула, нынче вечером во дворце опять зададут пир.

При этих словах он быстро оглянулся через плечо на дверь, словно опасаясь, что его подслушивают.

Хозяин хижины был невысок и коренаст, с синими глазами и обветренным лицом моряка. Всю свою жизнь он рыбачил в этом одиноком заливе самого крупного из островов Оркнейской группы, того, что называют Мейнленд. С виду неотесанный мужлан, соображал он туго, однако человек был честный и ремесло свое знал. Звали его Бруд, и минуло ему тридцать семь лет.

Его жена Сула была четырьмя годами младше, но, скованная ревматизмом и согбенная тяжким трудом, до времени превратилась в старуху. Невероятно, чтобы она приходилась матерью ребенку, спавшему в колыбели. И в самом деле, ни малейшего сходства не наблюдалось.

Ребенок, мальчик около двух лет, темноглазый и темноволосый, не нес в себе признаков скандинавской расы, что столь часто проявляются в жителях Оркнейских островов. Узкая ручонка, вцепившаяся в одеяльце, отличалась изяществом формы, темные волосы казались густыми и шелковистыми, а чуть раскосый абрис бровей и глаз, осененных длинными ресницами, наводил на мысль о наличии чужеземной крови.

Но не только ребенок выделялся на общем фоне. Сама хижина — совсем маленькая, немногим больше шалаша,— стояла на ровном участке солонцеватого дерна в некотором удалении от берега, с обеих сторон защищенная пологими склонами, что поднимались навстречу утесам, оградившим залив, а со стороны моря — скалистым хребтом, что протянулся вдоль воды, заслоняя нагромождения валунов штормовой полосы. В глубь острова простирались заболоченные пустоши; оттуда тонкой струйкой сочился крохотный ручеек и, минуя хижину, миниатюрным водопадом обрывался вниз, на взморье. На некотором расстоянии от линии прилива ручей перегородили, образовав нечто вроде искусственного резервуара.

Стены хижины были сложены из камней, собранных на штормовой полосе. Плоские глыбы песчаника, сорванные с утесов ветрами и морем и естественным образом выветренные, служили простейшим материалом для стен, удобным в работе и относительно плотным для защиты от непогоды. Известковый раствор не использовался, но щели замазывались грязью.

Каждая налетающая гроза отчасти смывала грязь, и тогда добавлялся новый слой, так что издалека хижина напоминала жалкую глиняную мазанку, крытую жесткими вересковыми стеблями. Старые, залатанные сети с подвешенными на концах булыжниками удерживали крышу на месте. Окон не было. Дверной проем, с низкой, приземистой притолокой, так что входящему приходилось сгибаться вдвое, закрывал лишь полог из оленьей кожи, грубо выделанной и твердой, словно дерево. Дым очага тусклыми язычками просачивался наружу по краям шкуры.

Однако внутри это беднейшее из жилищ могло похвастаться отдельными проблесками непритязательного комфорта. Хотя на

колыбель малыша пошла старая, покоробленная древесина, одеяльца были из мягкой, выкрашенной в яркие цвета ткани, а подушка набита перьями. Каменный уступ, служивший супругам кроватью, устилало плотное, прямо-таки роскошное покрывало из тюленьей шкуры, пятнистой, с густым и длинным мехом: шкура такого качества по праву должна бы украшать дом воина или даже покои самой королевы. А на столе — таковым служила источенная червями доска, выброшенная на берег морем и подпертая камнями, ибо дерева на Оркнеях почти не водилось,— стояли остатки хорошего обеда: не говядина, конечно, но пара обглоданных цыплячьих крылышек и горшок с гусиным жиром к черному хлебу.

Сами обитатели хижины одевались довольно бедно. На Бруде была короткая, латаная-перелатаная туника, а поверх нее — овчинная безрукавка, что и летом и зимой защищала хозяина от непогоды на море. Ноги и ступни были плотно обмотаны тряпками. Платье Сулы представляло собою бесформенное одеяние из крашенной мхом домотканой холстины, перепоясанное обрывком веревки, вроде той, что она плела для мужних сетей. И ей тоже обувь заменяли обмотки.

Но за пределами хижины, вытащенная на берег за полосу черных водорослей и дробленых ракушек, отмечающую уровень полной воды, сохла добрая лодка, не хуже любой другой на острове, а сети, растянутые на валунах для просушки, качеством далеко превосходили изделия самого Бруда. То был невод иноземной работы, на изготовление которого пошли материалы, на северных островах недоступные,— вещь явно не по средствам для семьи вроде этой.

Собственные лесы Бруда, сплетенные вручную из камыша и сухих водорослей, протянулись от кровли до земли под тяжестью увесистых камней-гирь.

На лесах качались выпотрошенные рыбины и парочка крупных морских птиц, бакланов, соименников Сулы. Эти, должным образом высушенные, сбереженные впрок и приправленные моллюсками и водорослями, пойдут на стол зимой. Однако ожидалась снедь и получше: с полдюжины кур рылись на литорали, а на жесткой траве паслась привязанная коза с отвисшим выменем.

Стоял ясный день начала лета. Май на островах зачастую выдается столь же суровым, как и любой другой месяц, но нынче светило солнце и дули ласковые ветра. Прибрежные камни переливались серым, бирюзовым и розово-алым, пенный прибой мерно накатывал на валуны, а по склонам хребта пестрели гвоздики, первоцветы и алый лихнис. На каждом уступе скал, ограждающих залив, теснились морские птицы, отстаивающие и защищающие свое гнездовье, а еще ближе, на гальке или в траве, пестрые сорочаи сидели на яйцах либо с криками перепархивали вдоль воды. В воздухе стоял неумолчный гвалт.

Даже если бы кому-то и пришло в голову подслушивать у дверей, в шуме моря и птиц чужак не различил бы ни звука, однако в хижине по-прежнему царила настороженная тишина. Женщина не произнесла ни слова, но в лице ее читалась тревога. Она промокнула рукавом глаза.

— В чем дело, жена? — раздраженно нарушил молчание Бруд.— Ты что, горюешь по старому ведуну? Что бы уж там ни значил Мерлин с его ворожбой для короля Артура и жителей большой земли, для нас, здешних, он ничто. Кроме того, он был стар, и хотя поговаривали, будто смерть его не берет, похоже, что слухи солгали. Но о чем тут рыдать?

— Я не его оплакиваю, с какой бы стати? Но мне страшно, Бруд, мне страшно...

— Из-за чего бы?

— Я боюсь не за нас. За него.

Женщина оглянулась на колыбель. Малыш пробудился от дневного сна, но, все еще во власти дремоты, лежал тихо, свернувшись в крохотный комочек под одеялом.

— За него? — подивился муж.— Это еще почему? Уж теперь-то нам доподлинно ничто не угрожает, да и ему тоже. Мерлин был врагом нашему королю Лоту, и, надо думать, этому его мальчонке тоже, ну так колдун-то умер! Так кому же ныне злоумышлять против малыша или против нас — за то, что его растим? Небось теперь не нужно осторожничать, на случай ежели чужие люди углядят его да примутся задавать вопросы. Небось теперь пусть себе бегает на воле да играет, как другие дети; хватит ему целыми днями держаться за твою юбку, да и тебе хватит с ним нянькаться, точно с родным, все равно недолго тебе удерживать парня в четырех стенах. Он уж давным-давно перерос эту люльку.

— Знаю, знаю. Этого-то я и боюсь, неужто не видишь? Боюсь потерять его. Когда придет время и она заберет его от нас...

— А с какой бы стати? Если она не забрала его, когда пришли вести о смерти короля Лота, зачем бы ей делать это сейчас? Ты рассуди, жена. Когда скончался король, ее супруг, можно было

предположить, что она постарается по-тихому избавиться и от бастарда. Вот тогда я и сам струхнул не на шутку. Как ни крути, сейчас маленький принц Гавейн по праву король Оркнеев, но этот мальчонка, бастард он там или нет, почти — сколько там? — почти на год старше, так что кое-кто может рассудить...

— Кое-кто рассуждает слишком много,— резко оборвала его Сула, и в голосе ее прозвучал столь явный страх, что Бруд вздрогнул, шагнул к дверям, отдернул полог и выглянул наружу.

— Да что тебя мучит? Ни души там нет. А кабы кто и был, все равно ни слова бы не расслышал. Поднимается ветер, и вода стоит высоко. Послушай сама.

Не сводя с ребенка глаз, женщина покачала головой. Слезы ее высохли. Когда она заговорила, голос ее звучал не громче шепота.

— Не снаружи. Никто к нам не подберется, не вспугнув сорочаев. Стеречься надобно здесь, в доме. Ты погляди на него. Он уже не младенец. Ишь, прислушивается; а порой я готова ручаться, будто он понимает каждое слово!

Рыбак подошел к колыбели и заглянул внутрь. Лицо его смягчилось.

— Ну, ежели и нет, так вскорости и впрямь начнет понимать. Боги свидетели, парнишка изрядно смышлен для своих лет. Мы нашу плату отработали, да с лихвой: помнишь, каким заморышем мы его взяли! А теперь глянь-ка на него! Любой гордился бы таким сынком! — Бруд отвернулся, потянулся к посоху, прислоненному к стене у двери.— Слушай, Сула, кабы суждена была напасть, так уже пришла бы давным-давно. Если бы противу мальчика замышлялось недоброе, нам перестали бы платить, верно? Так что не мучь себя. Сейчас причин для страха нет.

Женщина кивнула, отводя глаза.

— Да. Глупо я себя повела. Наверное, ты прав.

— Пройдет еще несколько лет, прежде чем молодой Гавейн станет задумываться о королевствах да королевских бастардах, а к тому времени о нашем, глядишь, и позабудут. А даже если и платить перестанут, что с того? Славно иметь сына — в моем ремесле без помощника не обойтись.

Женщина наконец-то подняла взгляд и улыбнулась.

— Добрый ты человек, Бруд.

— Хм,— проворчал он, отдергивая полог.— Хватит об этом. Схожу-ка я в город, послушаю, что еще за вести привезли моряки.

Оставшись одна с ребенком, женщина некоторое время сидела неподвижно. В лице ее по-прежнему читался страх.

Но вот малыш потянулся к ней ручонкой, она улыбнулась — и улыбка эта вернула ясную прелесть молодости ее щекам и глазам. Сула наклонилась, достала ребенка из колыбели, усадила его на колени. Взяла со стола корочку черного хлеба, обмакнула в чашу с козьим молоком и поднесла к губам малыша. Ребенок принялся жевать хлеб, склонив темнокудрую головку ей на плечо.

Женщина прижалась щекой к его волосам, погладила шелковистые пряди.

— Мужчины глупы, уж так от века повелось,— тихонько проговорила рыбачка.— Они в упор не видят того, что так и бросается в глаза. Но ты-то простаком не будешь, мой красавчик, мы-то знаем, что за кровь течет в твоих жилах: ишь, и глазки смотрят насквозь и различают самую суть, а ведь ты еще малыш...

Сула негромко рассмеялась, прижимаясь губами к его волосам, и мальчик заулыбался.

— Бастард короля Лота, да? Что ж, так говорят, да оно и к лучшему. Но кабы все видели то, что вижу я, и знали то, о чем я догадалась много месяцев назад...

Укачивая ребенка, Сула крепче прижала его к груди, успокаивая себя, возвращаясь мыслями к тем летним ночам два года назад, когда Бруд, молчание которого было куплено золотом, вышел в море, но не на привычное место ловли, а дальше к западу, в глубокие воды. Четыре ночи дожидался он там, ворча о потере улова, но оставался верен слову и терпел, памятуя о подаренном золоте и о посулах королевы. И на пятую ночь, тихую сумеречную ночь оркнейского лета, в пролив неслышно вошел корабль из Дунпелдира и встал на якорь, и от корабля отделилась ладья с тремя гребцами, солдатами королевы. Бруд отозвался на тихий оклик, и вскорости лодки соприкоснулись бортами. Из рук в руки перешел сверток. Лодка более крупная нырнула во тьму и исчезла. А Бруд развернул свой челн к земле и полным ходом двинулся к хижине, где у пустой колыбели дожидалась Сула, держа на коленях шаль, которую соткала для собственного умершего дитяти.

Бастард — вот и все, что им сказали. Бастард королевских кровей. И потому представляет угрозу для кого-то и где-то. Но в один прекрасный день, возможно, окажется небесполезным. Так что молчите и ходите за ним; глядишь, однажды вас богато вознаградят...

Для Сулы деньги давно утратили значение. Единственная награда, в которой она нуждалась,— сам ребенок — стала частью ее жизни.

И еще — постоянный страх, что в один прекрасный день, когда это обернется к выгоде какой-нибудь далекой особы королевского рода, мальчика у нее отберут.

Давным-давно у нее возникли догадки касательно помянутых особ, хотя рыбачка благоразумно не обмолвилась о них никому, даже мужу.

Король Лот тут ни при чем; в этом Сула не сомневалась. Она видела других его детей, рожденных от королевы: все унаследовали золотисто-рыжие волосы Моргаузы и яркий румянец и крепкую стать отца.

Ее приемыш не отличался ни одним из этих признаков. Темные волосы и глаза и впрямь могли бы принадлежать Лоту, но разрез глаз, равно как и контур бровей и скул были совсем иными. Форма губ и рук, стройность и изящество телосложения, ровный, теплый оттенок кожи, нечто неуловимое в движениях и взгляде выдавало в нем, в глазах неусыпно наблюдающей Сулы, дитя королевы, а вовсе не короля.

А ежели так, все остальное прояснялось само собой: и то, что слуги королевы поспешили увезти ребенка из Дунпелдира до того, как король Лот вернулся домой с войны; и последующее истребление младенцев города в попытке найти и уничтожить именно этого мальчика (ответственность за побоище Лот и королева возложили на короля Артура и его советника Мерлина, но истинным виновником молва провозгласила короля Лотиана); и, наконец, регулярные выплаты, деньгами и натурой, тайно поступавшие из дворца, где за всю недолгую жизнь ребенка Лот объявлялся крайне редко. Стало быть, платила королева. И продолжала платить даже теперь, когда король Лот умер и подкидышу по-прежнему ничего не угрожало. По мнению Сулы, иных доказательств и не требовалось. Леди Моргауза кротостью нрава не отличалась и вряд ли стала бы растить мужнего бастарда, тем паче ежели бастард родился за год до старшего из законных принцев и в силу этого может претендовать на право первенства.

Итак, бастард королевы.

Но от кого?

Для Сулы и здесь загадки не было. Она в жизни своей не видела сводного брата Моргаузы, Артура, верховного короля Британии, но, как и все прочие, слышала немало рассказов об этом юноше, свершающем настоящие чудеса.

А первый из них гласил о великой битве при Лугуваллиуме, где отрок Артур, нежданно объявившись рядом с королем Утером, увлек войска навстречу победе.

После — как сообщала легенда, снисходительно и не без гордости,— Артур, не ведая об истинном своем происхождении, возлег с Моргаузой, незаконнорожденной дочерью Утера и, стало быть, собственной сводной сестрой.

Время совпадало. Возраст ребенка, его облик и повадка — все соответствовало истине. И слухи об избиении в Дунпелдире, по приказу Лота или Мерлина, находили объяснение и даже оправдание, ибо таковы обычаи сильных мира сего.

Теперь Лот умер и Мерлин тоже.

У короля Артура довольно иных забот, более важных, и кроме того — если правдивы россказни, что передаются в тавернах из уст в уста,— к нынешнему времени он обзавелся не одним десятком бастардов и то позорное сближение решительно выбросил из головы или просто забыл о нем. Что до Моргаузы, она не станет убивать собственного сына. Никогда.

Но вот не стало короля Лота, не стало и Мерлина, а верховный король далеко — так почему бы королеве не забрать мальчика к себе? Зачем скрывать его в этой глуши?

Во власти тяжкого, леденящего страха Сула судорожно прижала к себе ребенка.

— Богиня да охранит тебя, да отвратит от тебя мысли королевы. Пусть позабудет о тебе! Пусть оставит тебя здесь. Мой красавчик, мой Мордред, мой мальчик с моря...

Ребенок, разбуженный резким движением, крепче обнял женщину за шею и пролепетал что-то, уткнувшись ей в плечо, приглушенно и невнятно.

Однако Сула затаила дыхание и умолкла и принялась укачивать малыша, глядя поверх детской головки на стену хижины.

Спустя какое-то время негромкие, привычные звуки дома и глухой шум моря снаружи вроде бы успокоили Сулу.

Ребенок задремал у нее на руках. Убаюкивая малыша, она тихонько запела:

С моря пришел ты, мой принц, мой Мордред.
Ты спасся от длинноволосой феи, что качается на волнах,
Ты пришел от сестры ее, морской царицы,

Той, что поедает утопших, той, что увлекает ладьи
В глубины вод.
Ты пришел на землю, чтобы стать земным принцем,
Ты вырастешь, вырастешь, вырастешь...

В ту ночь королева Моргауза не устраивала пиров.

Когда пришли свежие вести о смерти ненавистного колдуна, она долго сидела неподвижно, а затем, взяв светильник, ушла из освещенного зала, где не умолкала шумная беседа, и направилась в потаенные подземные покои, где творила темную магию и дожидалась доступных ей отблесков Ясновидения.

В первом покое, заменявшем хранилище, на столе стояла полупустая бутыль с остатками яда, составленного ею для Мерлина. Улыбаясь, Моргауза прошла в следующую дверь и опустилась на колени перед заводью видения.

Образы расплывались, таяли. Опочивальня с вогнутыми стенами; верно, комната в башне? Ложе, на нем человек, недвижим, точно в оковах смерти. И сам похож на смерть: невероятно стар, тощ, как скелет, седые пряди разметались по подушке, седая борода свалялась клочьями. Моргауза не узнавала его.

Старик открыл глаза — да, то был Мерлин. Темные, жуткие очи глядели с посеревшего лица сквозь пространства и через моря прямехонько в глаза той, что преклонила колена у потаенной заводи.

Скорчившись, королева прижала ладони к животу, словно защищая последнего, еще не рожденного Лотова сына. Она поняла: слухи снова солгали. Мерлин жив, и, хотя состарился до срока, ибо здоровье его подорвано ядом, у колдуна достанет сил, чтобы погубить и саму Моргаузу, и ее замыслы.

Не вставая с колен, Моргауза сотворила исступленное, паническое заклятие, надеясь, что старик ослаблен недугом и ей удастся-таки защитить себя и сыновей от Артуровой мести.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАЛЬЧИК С МОРЯ

Глава 1

Мальчик затерялся в летнем мире, один на один с гудением медоносных пчел.

Он лежал на спине среди вереска, на вершине утеса. Неподалеку темнела ровная полоса взрезанного торфа. Прямоугольные торфяные брусочки, сложенные штабелями вдоль вырытой канавы, точно ломти черного хлеба, сохли под жарким солнцем. Мальчик трудился с самого рассвета: борозда протянулась длинная. А теперь мотыга валялась без дела, а работник расположился подремать после полдника. Одна рука, распростертая на земле, все еще сжимала остатки ячменной лепешки. Шагах в пятидесяти от края утеса притулились два материнских улья — грубые сооружения из ячменной соломы. Сладкий запах вереска кружил голову, словно хмельное питье, что со временем сварят на меду. Пчелы со свистом проносились мимо, точно камушки, выпущенные из пращи, порою на волосок от его лица. Помимо пчел сонную полуденную тишину нарушали только крики морских птиц, угнездившихся далеко внизу, на выступах скал.

Но вот гвалт зазвучал по-иному.

Мальчик открыл глаза и прислушался, не двигаясь с места. В новом, встревоженном гомоне моевок и чистиков он различил более низкие, четырехкратные тревожные ноты крупных чаек. Сам он не шевелился уже с полчаса или больше; впрочем, птицы к нему давно привыкли. Он повернул голову: над краем утеса, в нескольких сотнях шагов, заплескав крыльями, взмыла

целая стая, словно снежный вихрь. В том месте в скалы врезалась небольшая бухта, глубокий заливчик, лишенный береговой полосы. Там гнездились сотни морских птиц: кайры, бакланы, моевки, а с ними — самка крупного сокола. Сейчас она металась туда и сюда вместе с орущими чайками.

Мальчик уселся. Взгляд не различал в заливе ни одной лодки, но лодка вряд ли вызвала бы подобный переполох среди птичьей колонии, утвердившейся высоко на утесе. Орел? Тоже не видно. Самое большее, хищный ворон охотится за птенцами; впрочем, любое разнообразие в монотонной дневной работе пришлось бы ко двору. Мальчуган поднялся на ноги. Обнаружив в кулаке остатки лепешки, он поднес было кусок ко рту, углядел в нем жука и с отвращением отшвырнул прочь. И побежал сквозь вереск в сторону бухты, туда, где царила суматоха.

Он подобрался к самому краю утеса и глянул вниз. Птицы с воплями закружились выше. Тупики срывались со скал и неуклюже взмывали вверх на негнущихся крыльях, растопырив лапы. Крупные чайки с черными спинками пронзительно орали. На выбеленных уступах, где на гнездах рядками восседали моевки, взрослых птиц не осталось — все они с гомоном носились в воздухе.

Мальчик лег на землю и прополз немного вперед, чтобы охватить взглядом всю отвесную стену утеса. Птицы пикировали мимо выступающего камня, затянутого плотным, сбрызнутым белизною ковром дикого тимьяна и смолевки. Куртинки родиолы розовой колыхались на ветру, взвихренном крыльями. Затем в оглушительном гвалте мальчик расслышал новый звук, крик вроде чаячьего, но чем-то неуловимо отличный. Человеческий крик. Голос доносился откуда-то снизу, из-за скалистого выступа, над которым птицы вились особенно настойчиво.

Мальчуган осторожно отодвинулся от края и неспешно поднялся на ноги. Утес нависал над водой; у основания его не нашлось бы и клочка земли, чтобы оставить лодку: только ровный, гулкий плеск моря — и ничего больше. Чужак спустился вниз по скале, а причина к тому могла быть только одна.

— Глупец,— презрительно фыркнул поселянин.— Или не знает, что яиц уже не осталось, ведь птенцы давно вылупились?

Без особой охоты он прошел вдоль края утеса к тому месту, откуда смог разглядеть: на уступе, за каменным бугром, застрял какой-то мальчишка.

Мальчишка оказался незнакомым. В здешней глуши семей ютилось наперечет, и с сыновьями соседей-рыбаков сын Бруда не находил общего языка. Странно, но родители никогда и не поощряли в нем желания водить дружбу со сверстниками, даже в детстве. Теперь, на одиннадцатом году жизни, высокий, гибкий и крепкий, он вот уже несколько лет помогал отцу в мужской работе. Много времени прошло с тех пор, как в редкие свободные дни он снисходил до ребяческих забав. Впрочем, нет; для таких, как он, охота за птичьими гнездами считалась детской игрой; и все-таки каждую весну он спускался по этим самым скалам и собирал на еду свежеотложенные яйца. А позже они с отцом, вооружившись сетями, ловили птенцов; Сула потрошила и высушивала тушки, пополняя запасы в преддверии зимней недоли.

Так что спуск вниз по утесу рыбацкий сын знал неплохо. Знал и то, как опасны эти тропы, а мысль о том, что придется еще и вытаскивать на себе неуклюжего недотепу, который умудрился застрять и сейчас, надо думать, себя не помнит от страха, не особо радовала.

Но чужак уже заметил его. Запрокинув голову, замахал руками и снова позвал.

Состроив гримаску, Мордред приложил ладони к губам:

— В чем дело? Не можешь выбраться?

Снизу воспоследовала выразительная пантомима. Вряд ли чужак расслышал слова, к нему обращенные, но вопрос был очевиден, как, впрочем, и ответ. Он повредил ногу, в противном случае — и жестикуляция каким-то образом отчетливо выразила эту мысль — он и не подумал бы звать на помощь.

Эта бравада не произвела никакого, или почти никакого, впечатления на подростка, стоявшего на вершине. Пожав плечами — скорее в знак скуки, нежели чего другого, сын рыбака принялся спускаться вниз.

Это было непросто и в двух-трех местах опасно, так что Мордред продвигался медленно, не торопясь. Пока не очутился на уступе рядом с незнакомцем.

Скалолазы изучающе оглядели друг друга. Сын рыбака видел перед собою мальчишку приблизительно своих лет, с копной ослепительно ярких золотисто-рыжих волос и каре-зелеными глазами. Чистая кожа, румянец, здоровые зубы... А одежда, пусть изорванная и перепачканная при спуске по камням, искусно сшита из добротной ткани и окрашена в яркие цвета, судя по всему,

дорогими пигментами. На запястье поблескивал медный браслет — не ярче волос. Мальчишка сидел на траве, положив одну ногу на другую и крепко сжимая обеими руками поврежденную лодыжку. Он явно страдал от боли, но когда Мордред, с презрением труженика к праздной знати, пригляделся, высматривая следы слез, ничего подобного он не обнаружил.

— Ты повредил лодыжку?

— Вывихнул. Я сорвался.

— Кость сломана?

— Не думаю, просто растянул связку. Ступать больно. Честно признаюсь, я тебе рад! Мне кажется, я тут уже целую вечность мыкаюсь. Вот уж не думал, что кто-нибудь пройдет мимо и меня услышит, тем паче в таком шуме!

— Я тебя и не услышал. Я приметил чаек.

— Ну что ж, спасибо богам и на этом. Ты здорово лазаешь по скалам, верно?

— Я знаю эти утесы. Живу тут поблизости. Ладно, давай попробуем. Вставай, поглядим, что с тобой делать. Ты на эту ногу совсем ступать не можешь?

Рыжеволосый мальчуган заколебался, в лице его отразилось легкое изумление, словно тон собеседника был ему в новинку. Но ответил он только:

— Могу попытаться. Я пробовал и раньше, и мне сделалось дурно. Я не думаю... ведь подъем здесь местами куда как ненадежен, верно? Не лучше ли тебе сходить за помощью? И пусть захватят веревку.

— Тут на многие мили ни души не встретишь,— досадливо бросил Мордред.— Отец ушел в море. Осталась только мать, а от нее проку не будет. Но веревку я раздобуду. У меня тут припасена одна, на торфянике. С нею мы отлично справимся.

— Отлично.— Рыжий изобразил подобие бодрой улыбки.— Не волнуйся, я подожду. Но только не слишком задерживайся, ладно? А то дома станут беспокоиться.

Мордред подумал про себя, что в хижине Бруда его отсутствия и не заметили бы. О парне вроде него забеспокоятся не раньше, чем он сломает ногу и не объявится до конца рабочего дня. Впрочем, нет, он несправедлив. Бруд и Сула порой суетились над ним, словно курица над единственным цыпленком. Мальчик в толк взять не мог, с какой стати; за всю жизнь никакая хворь его не брала.

Уже уходя, Мордред приметил у ног незнакомца небольшую, закрытую крышкой корзинку.

— Прихвачу-ка я ее с собой. Чтобы потом не возиться.

— Не надо, спасибо. Я лучше сам. Корзинка нас не обременит; она подвешивается к поясу.

«Верно, нашел-таки парочку яиц»,— подумал Мордред, а в следующее мгновение напрочь позабыл о корзинке, карабкаясь вверх по утесу.

У торфяной борозды дожидались грубо сколоченные салазки из плавника, предназначенные для доставки топлива вниз, к штабелю у хижины. К санкам привязывалась длинная, относительно надежная веревка. Мордред проворно снял ее с колец, бегом вернулся назад, к утесу, и во второй раз осторожно спустился вниз.

Пострадавший держался спокойно и бодро. Он поймал конец веревки и с помощью Мордреда закрепил его на поясе. Отличный был пояс: крепкий, из глянцевой кожи, украшенный не иначе как серебряными бляшками и пряжкой. Корзинка уже покачивалась на крючке.

Начался трудный подъем. Времени потребовалось немало: мальчики часто останавливались, чтобы передохнуть или сообразить, как лучше помочь пострадавшему преодолеть очередной участок отвесного склона. Незнакомец явно страдал от боли, но ни разу не пожаловался и повиновался указаниям Мордреда, зачастую весьма властным, без колебаний и не выказывая страха. Иногда Мордред карабкался первым, где мог, закреплял веревку, затем спускался снова и помогал спутнику, подставляя в качестве поддержки руку или плечо. Кое-где им приходилось ползти или медленно продвигаться вперед по-пластунски. И все это время морские птицы с криками кружили в воздухе, и ветер, поднятый крыльями, колыхал траву на утесе, и оглушительному гомону тут и там вторило эхо, перекрывая глухой гул и плеск волн.

Но наконец испытание закончилось. Подростки благополучно достигли вершины и, преодолев последние несколько футов, выбрались на вересковую пустошь. Уселись на землю, тяжело дыша, измученные и взмокшие, и пригляделись друг к другу, на этот раз с одобрением и взаимным уважением.

— Благодарствую.— Своеобразный оттенок церемонности придал словам рыжеволосого мальчишки особую значимость.— Про-

сти, что причинил тебе столько хлопот. Одного такого спуска любому более чем достаточно, а ты лазал то вниз, то вверх ловко, точно горная коза.

— Я привык. По весне мы собираем яйца, а потом ловим птенцов. Но в этом месте скалы уж больно коварны. На первый взгляд ничего сложного, камень выветрился, знай карабкайся, точно по ступеням, а на самом деле — того и гляди сорвешься.

— Теперь-то я и сам понял. Так оно все и случилось. Выступ казался таким надежным, а вот взял да и обвалился. Я еще дешево отделался. Мне здорово повезло, что ты оказался рядом. Я за весь день ни души не встретил. Значит, ты живешь тут поблизости?

— Да. Вон там, в полумиле отсюда, в Тюленьем заливе. Мой отец — рыбак.

— Как тебя звать?

— Мордред. А тебя?

В лице чужака снова отразилось легкое удивление, словно Мордреду полагалось знать такие подробности.

— Гавейн.

Рыбацкому сыну это имя явно ровным счетом ничего не говорило. Он взялся за корзинку, поставленную Гавейном на траву между ними. Из-под крышки доносилось странное шипение.

— А там что? Я подумал, что вряд ли яйца.

— Парочка соколят. Ты разве не видал соколиху? Я слегка побаивался, что она налетит и собьет меня с уступа, но дальше воплей она не пошла. Впрочем, двух я ей оставил.— Рыжеволосый мальчишка усмехнулся.— Само собою, мне достались лучшие.

Мордред себя не помнил от изумления.

— Соколята? Но ведь это запрещено! Ну, то есть для всех, кроме дворцовой знати. Если кто-нибудь их увидит, несдобровать тебе! И как это ты подобрался к гнезду? Я знаю, где оно: вон под тем нависающим выступом с желтыми цветами, но выступ-то еще на пятнадцать футов ниже того места, где ты застрял.

— Все очень просто, нужно лишь немного сноровки. Смотри.

Гавейн приоткрыл крышку. Внутри Мордред увидел двух птенцов — совсем маленьких, хотя и вполне оперившихся. Они шипели и метались в своей тюрьме, тщетно стараясь высвободить коготки, увязшие в мотке пряжи.

— Меня сокольничий научил.— Гавейн снова закрыл крышку.— Спускаешь в гнездо клубок шерсти, а птенцы на него ки-

даются. Запутаются — тут-то ты их и вытягиваешь. Так можно словить самых лучших, тех, что храбрее. Вот только от матери-соколихи надо уворачиваться.

— Так ты добыл птенцов из-под уступа, уже свалившись со скалы? То есть когда расшибся?

— Ну, делать-то все равно было нечего, раз уж я там застрял; кроме того, ведь за ними я и отправился,— просто ответил Гавейн.

Это Мордред был вполне в состоянии понять. Преисполнившись нового уважения к собеседнику, он порывисто предложил:

— Но тебе, чего доброго, и впрямь достанется. Послушай, отдай мне корзинку. Если мы распутаем шерсть, я снова спущусь и погляжу, не удастся ли посадить птенцов обратно в гнездо.

Расхохотавшись, Гавейн покачал головой.

— Не удастся. Да не тревожься ты, все в порядке. Я так и подумал, что ты меня не знаешь. Я, собственно говоря, из дворцовой знати. Я старший сын королевы.

— Так ты — принц Гавейн?

Мордред снова окинул взглядом платье мальчика, отделанный серебром пояс, подмечая уверенную манеру держаться, общее ощущение благоденствия. И вдруг, от одного слова, его собственная уверенность сгинула вместе с непринужденностью равенства и даже превосходства, право на которое давал ему спуск по скалам. Перед ним стоял уже не бестолковый мальчишка, которого он вызволил из беды. То был принц; более того, принц и наследник трона, а в будущем — король Оркнеев, если Моргауза когда-либо сочтет нужным — или окажется вынуждена — уступить власть. А сам он — деревенщина. Впервые в жизни Мордред вдруг отчаянно застеснялся своего вида. Всю его одежду составляла короткая туника из грубой холстины: Сула соткала ее из очесов, оставленных овцами в зарослях куманики и утесника. Поясом служил обрывок веревки, сплетенной из ячменных стеблей. Босые ноги побурели от торфа, а теперь еще и покрылись царапинами и грязью от лазания по скалам.

— Но разве тебе не полагается свита? Я думал... то есть не думал, что принцы ходят одни,— поколебавшись, спросил Мордред.

— Не ходят. Я сбежал.

— А королева не рассердится? — с сомнением осведомился Мордред.

В броне самоуверенности наконец-то возникла брешь.

— Возможно.

В одном-единственном словечке, произнесенном небрежно и как-то слишком громко, Мордред отчетливо расслышал опасливую ноту. Но и это чувство было ему понятно и даже доступно. Среди островитян бытовало убеждение, что их королева ведьма и ее должно бояться. Поселяне гордились этим так, как гордились бы жестоким, но дельным королем-воином, смиренно покоряясь его воле. Любой мог без урона для чести испытывать страх перед Моргаузой, даже ее собственные сыновья.

— Может статься, на сей раз она не прикажет меня высечь,— с надеждой заметил юный король Оркнеев.— Когда узнает, что я повредил ногу. И соколят я таки добыл.— Гавейн помялся.— Слушай, похоже, без посторонней помощи до дома мне не добраться. А тебя накажут за то, что бросил работу? Я позабочусь о том, чтобы твой отец не понес убытка. Может, если ты сходишь к своим и предупредишь их...

— Пустое,— объявил Мордред, к которому вновь вернулось самообладание.

В конце концов, между ним и этим блестящим наследником островного королевства есть и другие различия. Принц боится матери, и вскорости ему предстоит держать ответ, и оправдываться, и откупаться добытыми соколятами. А он, Мордред...

— Я сам себе хозяин,— непринужденно заверил он.— Я помогу тебе вернуться во дворец. Подожди, я схожу за салазками и отвезу тебя домой. Надеюсь, веревка выдержит.

— Ну, если ты так уверен...— Гавейн ухватился за протянутую руку, и сын рыбака рывком поставил его на ноги.— Ты-то точно выдержишь, ты сильный. Сколько тебе лет, Мордред?

— Десять. Ну, почти одиннадцать.

Если Гавейн и порадовался ответу, он это скрыл. Оказавшись лицом к лицу со своим спасителем, он видел: Мордред выше на ширину по меньшей мере двух пальцев.

— А, на год постарше меня. Пожалуй, далеко тащить салазки не придется,— добавил принц.— Меня наверняка уже хватились и кого-нибудь да вышлют на поиски. Да вот и они!

И не ошибся. С вершины ближайшего холма, где вереск сходился с небом, раздался оклик. К мальчикам спешили трое. Двое, королевские стражники, судя по одежде, были вооружены щитами и копьями. Третий вел коня.

— Ну, все в порядке,— заметил Мордред.— Салазки тебе не понадобятся.— Он подобрал веревку.— Так я пойду назад, на торфяник.

— Спасибо тебе еще раз.— Гавейн помолчал. Теперь и он вдруг ощутил некоторую неловкость.— Подожди минутку, Мордред. Не уходи. Я сказал, что ты в убытке не останешься, и это только справедливо. У меня при себе денег нет, но из дворца пришлют чего-нибудь... Значит, живешь ты вон там. Как зовут твоего отца?

— Бруд-рыбак.

— Мордред, сын Бруда,— кивнул Гавейн.— Я уверен, мать пошлет чего-нибудь. Ты ведь примешь деньги или подарок, правда?

В устах принца подобный вопрос, обращенный к рыбацкому сыну, прозвучал по меньшей мере странно, но ни один из мальчиков не заметил несоответствия.

Мордред улыбнулся — коротко, не размыкая губ, и улыбка эта показалась Гавейну до странности знакомой.

— Разумеется. Почему бы нет? Только глупец отказывается от подарков, тем паче если заслужил. А я себя глупцом не считаю,— добавил Мордред, подумав.

Глава 2

Послание из дворца пришло на следующий же день. Его доставили двое — воины королевы, судя по платью и оружию, и то были не деньги и не подарок, но повеление явиться к ее величеству. Похоже, королева пожелала лично поблагодарить спасителя сына.

Мордред выпрямился над торфяной бороздой и во все глаза воззрился на посланцев, пытаясь обуздать или хотя бы скрыть внезапно накатившее волнение.

— Прямо сейчас? Я должен пойти с вами, да?

— Таков приказ,— бодро подтвердил старший из стражников.— Так она нам и наказала: привести тебя немедленно.

Второй грубовато-добродушно добавил:

— Нечего тут бояться, паренек. Ты, по всему выходит, отличился, так что тебя уж не обделят.

— Я не боюсь.— Мальчик держался с тем же разительным самообладанием, что так удивило Гавейна.— Но я ужасно грязный. Я не могу явиться к королеве в таком виде. Мне придется сперва сходить домой и привести себя в порядок.

Стражники переглянулись, затем старший кивнул.

— Разумно. Ты далеко живешь?

— Да вон там, видите, где тропа вьется вдоль края утеса, а затем вниз. В двух минутах ходьбы.

С этими словами мальчуган нагнулся и подобрал с земли веревку: салазки были уже наполовину нагружены. Он бросил мотыгу поверх клади и зашагал вперед, таща за собою сани. Полозья из китового уса легко скользили по утоптанной, иссохшей траве. Мордред шел быстро, стражники не отставали. На вершине хребта воины приостановились, в то время как мальчик с привычной легкостью развернул сани и пустил впереди себя, вниз по склону, а сам ухватился за веревку, готовясь притормозить в случае надобности. Салазки скатились точнехонько к штабелям торфа, сложенным на траве позади хижины. Мордред бросил веревку и вбежал в дом. Сула толкла в ступке зерно. Две курицы, пробравшиеся в дом, квохтали у ее ног. Женщина удивленно подняла взгляд.

— Да ты рано! Что случилось?

— Мама, достань мне мою выходную тунику, пожалуйста! Только побыстрее.— Он схватил тряпку, служившую полотенцем, и снова метнулся к двери.— Да, и еще, не знаешь, где мое ожерелье? Ну, из пурпурных раковин на кожаном ремешке?

— Ожерелье? Умываться среди бела дня? — Изрядно озадаченная, Сула поднялась на ноги, чтобы отыскать требуемое.— Да в чем дело, Мордред? Что произошло?

По какой-то причине, до конца не осознанной, мальчик не рассказал ей о происшествии на утесе.

Возможно, что напряженный интерес родителей ко всему, что он делал, заставлял скрытного по натуре Мордреда инстинктивно ограждать от них часть своей жизни. Сохранив в тайне встречу с принцем, Мордред лелеял про себя мысль о том, как обрадуется Сула, когда королева, как мальчик самонадеянно предполагал, вознаградит его труды.

Наслаждаясь сознанием собственной значимости, он радостно выпалил:

— Мама, пришли посланцы от королевы Моргаузы, требуют меня ко двору. Они ждут за дверью. Мне велено явиться тотчас же, не мешкая. Королева пожелала сама взглянуть на меня.

Даже сам Мордред не ожидал, что сообщение произведет такой эффект. Мать на полпути к постели замерла, словно пораженная громом, затем медленно обернулась, одной рукою схватившись за край стола, словно без поддержки не устояла бы на ногах. Пестик выпал из ее пальцев и покатился по полу; куры с квохтаньем бросились к нему. Но Сула словно не заметила. В дымном полумраке хижины лицо ее приобрело желтовато-землистый оттенок.

— Королева Моргауза? Послала за тобой? Уже?

Мордред изумленно воззрился на нее.

— Уже? Ты о чем, мама? Тебе кто-то рассказал о вчерашнем?

Голос Сулы дрожал, но она попыталась взять себя в руки.

— Нет-нет. Я ничего такого не имела в виду. А что же случилось вчера?

— Да ничего особенного. Я резал торф и вдруг услышал крик — вон оттуда, со скалы, и это был молодой принц Гавейн. Ну знаешь, старший из королевских сыновей. Он спустился до середины утеса, соколят добывал. Бедняга повредил ногу, так что я сходил за веревкой от салазок и помог ему выбраться. Вот и все. Я только позже узнал, кто он такой. Принц пообещал, что его мать вознаградит меня, но я не думал, что это произойдет так, во всяком случае, не так быстро! Вчера я тебе не сказал, потому что хотел устроить сюрприз. Я думал, ты порадуешься.

— Я и рада, само собой, я рада! — Сула глубоко вздохнула, по-прежнему опираясь о стол. Пальцы, судорожно вцепившиеся в дерево, заметно дрожали. Встретив изумленный взгляд мальчика, она попыталась улыбнуться.— Отличные новости, сынок. Твой отец будет очень доволен. Она... она наверняка подарит тебе серебра. Королева Моргауза — дама милая и любезная и щедра, ежели придет охота.

— Но вид у тебя совсем не радостный. Скорее, напуганный.— Мордред неспешно вернулся в комнату.— Да ты больна, мама. Гляди, и деревяшку выронила. Вот она, держи. А теперь присядь. Не волнуйся, я сам отыщу тунику. Ожерелье хранится там же, в чулане, верно? Я все найду. Ну же, присядь!

Ласково поддерживая мать, Мордред усадил ее на табурет. Теперь, стоя напротив нее, он казался выше. Женщина разом очнулась. Выпрямилась. Крепко ухватила мальчугана за руки чуть выше локтей. Глаза ее, покрасневшие от дыма — Сула день за днем проводила за работой у очага, где пылал торф,— глядели на него так пристально, что мальчику захотелось высвободиться

и отойти. Женщина заговорила приглушенным, настойчивым шепотом:

— Послушай, сынок. Для тебя это великий день, великая удача. Кто знает, что из этого всего выйдет? Милость королевы — подарок судьбы. Но может обернуться и бедой. Ты еще молод, что ты ведаешь о сильных мира сего и их повадках? Я сама-то смыслю не много, зато о жизни кое-что знаю и скажу тебе вот что, Мордред. Никогда не болтай лишнего. Держи язык за зубами; коли чего услышишь — так не разноси дальше.— Руки ее непроизвольно сжались.— И никогда, смотри, никогда и никому не повторяй ни слова из того, что говорилось здесь, в доме.

— Еще чего не хватало! Да и с кем мне толковать, здесь, в этакой-то глуши? И с какой стати королеве или дворцовой челяди интересоваться нашим житьем-бытьем? — Мальчик нервно переступил с ноги на ногу, и пальцы ее ослабли.— Не тревожься, мама. Бояться тут нечего. Я оказал королеве услугу, и если она и впрямь такая милая леди, тогда не вижу, что еще из этого выйдет, кроме хорошего, так? Послушай, мне пора. Скажи отцу, что с торфом я закончу завтра. И оставь мне поужинать, ладно? Я вернусь, как только смогу.

Тем, кто видел Камелот, двор верховного короля, и даже тем, кто помнил величие и роскошь замка королевы Моргаузы в Дунпелдире, «дворец» на Оркнейских островах показался бы воистину жалким пристанищем. Но взгляду паренька из рыбацкой лачуги чертог предстал воплощением немыслимого великолепия.

Дворец возвышался над скоплением непритязательных домиков, что вкупе образовывали основное поселение островов. За городом раскинулась гавань, двойная стена волноломов защищала глубокую и удобную якорную стоянку, где могли бы благополучно пришвартоваться даже самые огромные корабли. Дворец, волноломы, дома — все они были сложены из тех же плоских плит выветренного песчаника. Плитняк шел и на кровлю: огромные глыбы каким-то образом втаскивались на место, а сверху крылись плотным слоем дерна или вересковых стеблей. Далеко выступающие карнизы ограждали от зимних дождей стены и двери. Между домами вились узкие улочки; круто уводящие вверх проходы были вымощены все тем же плитняком, в изобилии поставляемом окрестными утесами.

Главным строением дворца являлось внушительное центральное здание, чертог «общественного пользования» своего рода: там устраивались приемы, задавались пиры, выслушивались прошения; там же большинство домочадцев — знать, челядь, королевские чиновники — устраивались на ночь. Внутри располагался просторный прямоугольный зал, к которому примыкали покои поменьше.

Снаружи, на обнесенном стеною дворе размещался гарнизон и прислуга королевы: эти люди ночевали в пристройках, а ели тут же, на воздухе, вокруг кухонных костров. Единственным входом служили главные ворота, массивное сооружение, по обе стороны от которого располагались караульные помещения.

На небольшом расстоянии от основных дворцовых зданий и соединенное с ними при помощи протяженной крытой галереи, высилось сравнительно новое строение, известное как «чертог королевы». Его возвели по приказу Моргаузы, когда та впервые обосновалась на Оркнеях. Группа построек, уступавших прочим в размерах, но не в величии, стояла на самом краю утеса, что на этом участке протянулся вдоль берега. Стены словно продолжали собою слоистые скалы. Мало кому из домочадцев — только прислужницам самой королевы, ее советникам и ее фаворитам — доводилось видеть внутреннее убранство чертога, но о новомодной его роскоши говорили с благоговением, а горожане с изумлением глазели на огромные окна — вот уж неслыханная выдумка! — встроенные даже в те стены, что выходили на море.

За дворцом и городом простиралось ровное поле — на этой полоске дерна, коротко выстриженного овцами, ратники и молодежь упражнялись в верховой езде и в обращении с оружием. Часть конюшен, псарни и хлева для коров и коз находились за пределами крепостных стен, ибо на островах не было нужды в иной защите, помимо той, что обеспечивало море, а на юге — железные бастионы Артурова мирного договора. Но на некотором расстоянии вдоль берега, за плацем, возвышались руины доисторической округлой крепости, выстроенной в незапамятные времена Древним народом; их вполне возможно было приспособить в качестве и сторожевой башни, и укрепленного убежища. Моргана, памятуя о королевстве большой земли и саксонских набегах, отчасти восстановила крепость; там днем и ночью дежурила стража. Этот равелин и часовые, выставленные у дворцовых ворот, являлись неотъемлемым атрибутом державного ве-

личия, в представлении Моргаузы сопряженного с ее высоким саном. По крайней мере, боевой дух поддерживается, даже если другой пользы в том и нет, говаривала Моргауза, а для ратников это своего рода военная служба в отличие от учений, что так легко превращаются в забаву: все полезнее, чем без толку слоняться по двору.

Когда Мордред со своим эскортом добрался до замка, во внутреннем дворе собралась целая толпа. У ворот поджидал дворецкий, чтобы лично проводить гостя к королеве.

Ощущая себя неловко и непривычно в выходной тунике, надеваемой лишь изредка, жесткой, толком не разношенной и припахивающей затхлостью, Мордред следовал за проводником. Нервы его были взвинчены до предела; высоко вскинув голову, он смотрел прямо перед собой, в спину дворецкого, но при этом физически ощущал на себе чужие взгляды и слышал перешептывания. Гость относил все за счет вполне понятного любопытства, возможно, смешанного с презрением; он понятия не имел, что держится на удивление по-придворному: скованность его вполне походила на церемонную чопорность парадного зала.

— Рыбацкий сынок? — шушукались вокруг.— Да неужто? Слыхали мы эти байки! Да вы только взгляните на него... Кто, говорите, его мать? Сула? Я ее помню. Прехорошенькая. Когда-то работала здесь, во дворце. То есть во времена короля Лота. И когда это он в последний раз бывал на островах? Двенадцать лет назад? Или одиннадцать? Как, однако, летит время... А мальчишка-то как раз подходящего возраста, верно? Ну-ну, любопытно... Очень, очень любопытно.

Так перешептывались люди. Пересуды весьма порадовали бы Моргаузу, услышь она их, а Мордред, который вскипел бы яростью, не уловил ни слова. Но шепот он слышал и взгляды ощущал. Мальчик еще заметнее напрягся, выпрямился и мысленно пожелал, чтобы испытание поскорее закончилось и он снова оказался бы дома.

Но тут они оказались перед дверями зала, и едва слуги распахнули створки, Мордред позабыл и про шепот, и про собственную чужеродность — позабыл обо всем, кроме открывшегося великолепного зрелища.

Когда Моргауза, оказавшись в немилости у Артура, покинула-таки Дунпелдир и перебралась в королевство Оркнейское, некий случайный отблеск в волшебном зеркале, должно быть, подсказал королеве, что ее пребывание на севере изрядно затянется. Из южной столицы Лота ей удалось вывезти немало сокровищ. Тидваль — король, который правил там теперь от имени Артура,— надо полагать, обнаружил, что крепость его заметно обеднела. Впрочем, суровый воин вряд ли особо возражал. Но Моргауза, эта изнеженная леди, сочла бы себя обделенной, лишившись хотя бы одной из принадлежностей королевского сана, и при помощи добытых трофеев сумела свить себе уютное, нарядное гнездышко, дабы смягчить тяготы ссылки и подчеркнуть свою некогда прославленную красоту. Со всех сторон каменные стены зала были задрапированы тканями, выкрашенными в ослепительно яркие цвета. Гладкие полы из плитняка не устилал, как следовало ожидать, камыш и вереск, но тут и там красовались роскошные островки оленьих шкур, бурых, и рыжих, и пятнистых. Вдоль боковых стен протянулись массивные каменные скамьи, но кресла и стулья на возвышении в конце зала были из превосходного дерева, отделанные искусной резьбой и росписью, разубранные цветными подушками, а богато изукрашенные, крепкие дубовые двери благоухали маслом и воском.

Но рыбацкий сын ничего этого не видел. Взгляд его был прикован к женщине, восседающей в кресле в самом центре возвышения.

Моргауза, королева Лотиана и Оркнеев, по-прежнему ослепляла красотой. Свет, падающий из прорези узкого окна, мерцал в ее волосах, потемневших от розово-золотистого оттенка времен юности до насыщенно-медного. Глаза ее, с удлиненными веками, отливали зеленью, как изумруды, а цвет лица отличался той же ровной, кремовой бледностью, как и в былые дни. Пышные волосы были разубраны золотом, в ушах и на шее переливались изумруды. Платье цвета меди облегало фигуру, а сложенные на коленях хрупкие белые ручки искрились дорогими кольцами.

Рядом с нею все пятеро придворных дам — свита королевы,— несмотря на элегантные наряды, казались безобразными старухами. Те, кто знал Моргаузу, не сомневались: на создание этой видимости затрачено не меньше усилий, чем на убранство самой королевы. В зале, ниже возвышения, находилось десятка два людей: целая толпа, на неискушенный взгляд юного Мордреда, которому казалось, что вокруг еще больше глаз, нежели во дворе. Мальчик оглянулся в поисках Гавейна или других принцев, но ни одного не увидел. Нервно помедлив на пороге, он вошел. Ко-

ролева, полуобернувшись, беседовала с одним из советников, приземистым, коренастым старцем: тот, почтительно склонившись, внимал каждому слову.

Но вот королева заметила Мордреда. Она с достоинством выпрямилась на высоком кресле, удлиненные веки опустились, скрывая внезапно вспыхнувший интерес в глазах. Кто-то подтолкнул мальчугана сзади, прошептав:

— Ну, ступай. Подойди и преклони колена.

Мордред повиновался. Приблизился к королеве, собрался было опуститься на колени, но Моргауза жестом дала понять, что это излишне. Он ждал, выпрямившись и, очевидно, сохраняя присутствие духа, однако даже не пытаясь скрыть изумление и восхищение, во власти которых оказался, впервые удостоившись созерцания коронованной особы. Мальчик застыл на месте, глядя во все глаза. Если зрители ожидали, что гость оробеет или что королева упрекнет его за дерзость, они остались разочарованы. В тишине, объявшей зал, ощущалось жадное любопытство с легким привкусом насмешки. Огражденные этой тишиной, королева и рыбацкий сын пристально изучали друг друга.

Будь Мордред лет на шесть постарше, люди скорее поняли бы, почему бы это королева созерцает гостя столь снисходительно и даже с явным удовольствием. Моргауза не делала секрета из своего пристрастия к пригожим мальчикам; после смерти мужа этой прихоти она предавалась без особого стеснения. А Мордред выглядел вполне представительно: тонкая, стройная фигура, изящно сложен, в глазах под крылатым изгибом бровей читается живой, однако сдерживаемый ум. Моргауза внимательно рассматривала гостя: скован, но отнюдь не неуклюж в этой своей «выходной» тунике, единственной, что у него есть, помимо отрепьев на каждый день. Королева помнила и материю: много лет назад она сама отослала в хижину отрез домотканой, неровно окрашенной холстины, каким погнушались бы даже дворцовые рабы. Обнаруженная в сундуках недостача куска получше неминуемо вызвала бы расспросы. На шее гостя висела нитка неровно нанизанных раковин и что-то вроде деревянного амулета: мальчик, верно, сам его вырезал из принесенного морем обломка. Ноги, хотя и запыленные от ходьбы через вересковую пустошь, отличались безупречной формой.

Все это Моргауза с удовлетворением отметила про себя, однако увидела она и больше: темные глаза, наследие испанской

крови Амброзиев, принадлежали Артуру; тонкие черты лица и чуткий изгиб губ — самой Моргаузе.

— Говорят, тебя зовут Мордред? — нарушила молчание королева.

— Да.— От волнения голос мальчугана прозвучал хрипло. Он откашлялся.— Да, госпожа.

— Мордред,— задумчиво произнесла она. Даже прожив на севере столько лет, Моргауза так и не избавилась от акцента, присущего южным королевствам большой земли, но мелодичный голосок звучал отчетливо и размеренно, и мальчик превосходно понимал собеседницу. Королева повторила имя на островной лад: — Медраут, морской мальчик. Значит, ты рыбак, как и твой отец?

— Да, госпожа.

— Поэтому тебя так и назвали?

Мордред поколебался, не понимая, к чему клонит собеседница.

— Я так думаю, госпожа.

— Ты так думаешь,— небрежно уронила королева, заботливо расправляя складки платья. Только ее главный советник да Габран, нынешний фаворит, хорошо знавшие Моргаузу, догадались, что следующий вопрос — не праздное пустословие.— И ты никогда не спрашивал?

— Нет, госпожа. Но я умею много чего другого, не только рыбачить. Я режу торф, крышу могу дерновать, и стену складывать, и лодку чинить, и... и даже доить козу...

Мальчик неуверенно умолк. По залу прокатился приглушенный смех, и сама королева не сдержала улыбки.

— И лазаешь по утесам не хуже помянутой козы. За что,— добавила королева,— мы все должны быть признательны.

— Да пустяки,— отозвался Мордред, вновь обретая уверенность.

И в самом деле, причин для страха нет. Королева и впрямь мила и любезна, как уверяла Сула, и ни капельки не похожа на ведьму, что ему рисовалась; и разговаривать с ней на удивление просто. Мальчуган поднял взгляд, улыбнулся.

— А Гавейн сильно растянул связку? — полюбопытствовал он.

В зале снова зашептались. «Гавейн», ничего себе! Да от века того не водилось, чтобы рыбацкий сын беседовал с королевой, держась прямо, точно один из юных принцев, и глядя ей в гла-

за. Но Моргауза словно не заметила ровным счетом ничего необычного. И на ропот внимания не обратила. Она по-прежнему не сводила с мальчика испытывающего взора.

— Не слишком. Ногу попарили и перевязали, так что он уже ходит, и без особого труда. Завтра снова сможет упражняться с оружием. И за это он должен благодарить тебя, Мордред, как и я, впрочем. Повторяю, мы преисполнены признательности.

— Ваши люди очень скоро отыскали бы его, а я бы ссудил им веревку.

— Но этого не произошло, и ты сам дважды спускался вниз. Гавейн рассказывает, что место это крайне опасное. Его следовало бы выпороть за то, что лазал по скалам, хотя он таки добыл для меня двух превосходных птиц, отрицать не приходится. Но ты...— Закусив алую нижнюю губку, королева задумчиво созерцала гостя.— Тебе причитается какое-нибудь доказательство моей признательности. Чего бы ты хотел?

Не на шутку растерявшись, Мордред вскинул глаза, сглотнул и залепетал что-то об отце и матери, их нищете, о приближении зимы и о латаных-перелатаных сетях, но королева оборвала его на полуслове.

— Нет, нет. Это все для твоих родителей, но не для тебя. Для них я уже отобрала подарки. Покажи ему, Габран.

Светловолосый красавец, стоявший рядом, нагнулся, извлек из-за кресла ларец и откинул крышку. Внутри Мордред различил разноцветную шерсть, тканое полотно, плетеный кошель, в котором поблескивало серебро, закупоренную флягу с вином. Мальчик вспыхнул, затем побледнел. Происходящее вдруг показалось ему нереальным, точно во сне. Случайная встреча на утесе, слова Гавейна о награде, повеление явиться в чертог королевы — все это будоражило и увлекало, ибо обещало внести хоть какое-то разнообразие в монотонную рутину его жизни. Мальчуган явился во дворец, рассчитывая самое большее на серебряную монетку, на доброе слово из уст самой королевы, может статься, на какое-нибудь лакомство,— глядишь, перед уходом и удастся выпросить что-либо во дворцовых кухнях. Но это... красота и милость Моргаузы, невиданное великолепие зала, роскошные дары для родителей... а ему самому, похоже, сулят нечто большее... В смятении, с неистово колотящимся сердцем, Мордред смутно ощущал, что все это сверх меры. Что-то здесь кроется. Что-то кроется во взглядах, которыми обмениваются придворные, и в

том, как смотрит на него Габран — задумчиво и словно потешаясь про себя. Что-то непонятное, однако внушающее тревогу.

Габран с щелчком захлопнул крышку, но, когда Мордред потянулся к ларцу, Моргауза удержала его.

— Нет, Мордред. Не сейчас. Мы позаботимся о том, чтобы доставить ларец еще до наступления сумерек. Но тебе и мне есть о чем поговорить, верно? Что пристало отроку, перед которым будущий король этих островов в великом долгу? Ступай со мной. Мы обсудим это наедине.

Королева поднялась. Габран подоспел к ней, подставляя локоть, но, оставив жест без внимания, она сошла с возвышения и шагнула к мальчику. Тот неумело принял протянутую руку, но неким непостижимым образом Моргауза обратила неловкость в исполненный грации жест: унизанные кольцами пальчики легли на его запястье, словно рыбацкий сын был придворным, провожающим ее к выходу. Теперь, когда они оказались рядом, стало видно: Моргауза лишь немногим выше гостя. От нее распространялось благоухание жимолости и знойных летних дней. У Мордреда закружилась голова.

— Пойдем,— тихо повторила она.

Придворные с поклонами расступились, освобождая дорогу. Королевский невольник отдернул занавес, и в боковой стене обнаружилась дверь. По обе стороны, с копьями наперевес, застыли стражники. Мордред напрочь позабыл о любопытных взглядах и перешептываниях. Сердце его колотилось. Что должно произойти, он не знал, но что, как не новые чудеса! Нечто витало в воздухе; улыбка королевы и прикосновения ее пальцев сулили удачу.

Мальчик отбросил со лба темные волосы, даже не подозревая о том, насколько по-артуровски выглядит этот жест, и, высоко вскинув голову, церемонно прошествовал с Моргаузой к дверям.

Глава 3

Между дворцом и королевским чертогом протянулся длинный коридор без окон, освещаемый лишь укрепленными на стенах факелами. На всем пути встретились только две двери, и обе по левую руку. Одна, неплотно прикрытая, должно быть, вела в караульное помещение; из-за нее доносились мужские голоса

и перестук игральных костей. Другая, запертая, выходила во внутренний двор; Мордред вспомнил, что давеча видел там стражу. В самом конце коридора обнаружилась третья, открытая дверь: слуга придерживал ее для королевы и ее свиты.

За ней оказалась прямоугольная комната, вовсе лишенная меблировки: очевидно, нечто вроде прихожей перед личными покоями королевы. Справа в прорези узкого окна виднелся клочок неба; сквозь эту-то щель и доносился шум моря. Напротив, со стороны суши, была еще одна дверь; Мордред взглянул на нее сперва с интересом, потом — с благоговением.

Этот портал, до странности низкий и приземистый, по форме напоминал грубо сооруженный проем в хижине его родителей — глубоко вделанный в стену под массивной каменной перемычкой и по обеим сторонам обрамленный почти столь же мощными косяками. Мордреду уже доводилось видеть такие двери: они уводили в древние подземные катакомбы, что встречались на островах там и тут. Одни говорили, что построены они, так же как и высокие круглые башни-броки, Древним народом; там, в каменных залах, хоронили мертвых. Но люди попроще почитали катакомбы средоточием магии, сидами, или полыми холмами, ограждающими врата Потустороннего мира; а скелеты людей и животных, там найденные,— это останки неосторожных созданий, кои дерзнули углубиться в эти темные пределы. Когда острова окутывал туман — что в тамошних открытых ветрам морях случалось нечасто,— говорилось, будто боги и духи выезжают верхом на разубранных золотом конях, а за ними якобы влекутся скорбные призраки умерших. Как бы оно там ни было, но островитяне держались подальше от могильников, таящих в себе подземные катакомбы; однако чертог королевы, по всему судя, возвели подле одного из них; возможно, что обнаружилось это уже после того, как заложили основание. Теперь вход плотно закрывала крепкая дубовая дверь с железными засовами и массивным замком, дабы укрепить ее против любых порождений мрака.

Но затем Мордред позабыл и о ней, ибо высокая дверь впереди, по обе стороны которой застыли двое вооруженных стражников, распахнулась, а за ней ярко засиял солнечный свет, и вспыхнули переливы красок, и повеяло теплом и благоуханием покоев королевы.

Комната, в которую они вошли, представляла собой точную копию опочивальни Моргаузы в Дунпелдире, копию уменьшенную, но Мордреда она ослепила великолепием. Солнце проникало внутрь сквозь огромное квадратное окно, под которым располагалась скамья, нарядно убранная синими подушками. Рядом, на свету, возвышалось раззолоченное кресло со скамеечкой для ног и поодаль — стол со скрещенными ножками. Моргауза опустилась в кресло и жестом указала на скамью под окном. Мордред послушно занял указанное место и замер в немом ожидании, с неистово бьющимся сердцем, в то время как прислужницы, по слову королевы, удалились с шитьем в дальний конец комнаты, к свету другого окна. Подоспевший слуга подал королеве серебряный кубок с вином, а затем, по ее приказу, принес чашу сладкого медового напитка для Мордреда. Едва пригубив, мальчуган отставил чашу на подоконник. Хотя губы и горло его пересохли, пить он не мог.

Королева осушила кубок и передала его Габрану, которого, должно быть, заранее наставили должным образом. Он вручил кубок слуге, дожидавшемуся у порога, закрыл за ним дверь, а затем присоединился к прислужницам в дальнем конце покоя.

Из чехла в углу он извлек небольшую ручную арфу и, усевшись на табурет, заиграл.

Только тогда королева заговорила снова — тихо, так чтобы слышал ее только сидящий рядом Мордред.

— Ну, Мордред, теперь давай побеседуем. Сколько тебе лет? Нет, не отвечай, дай подумать... Тебе скоро исполнится одиннадцать, так?

— Д-да,— запинаясь, отозвался изумленный мальчик.— Откуда вы... ах, ну конечно, вам сказал Гавейн!

Королева улыбнулась.

— Меня извещать не нужно. Я знаю о твоем рождении больше, чем ты сам, Мордред. Догадываешься, почему?

— Нет, госпожа. О моем рождении? Но ведь в ту пору вы еще не переселились сюда, разве нет?

— Верно. Я и супруг мой король тогда еще владели Дунпелдиром в Лотиане. Ты никогда не слышал, что произошло в Дунпелдире за год до того, как родился принц Гавейн?

Мальчик покачал головой. Говорить он не мог. Он по-прежнему не подозревал, зачем королева привела его сюда и беседует с ним тайно, в личных покоях, но все врожденные инстинкты, что есть, заставили его насторожиться. Вот оно и близится, то самое будущее, которого он страшился и все же с нетерпением

ждал — с необъяснимым, беспокойным и порою яростным чувством протеста против той жизни, в которой родился и к которой почитал себя приговоренным вплоть до самой смерти, подобно родне своих родителей.

Моргауза, по-прежнему не сводившая с него глаз, снова улыбнулась.

— Тогда слушай. Пора тебе обо всем узнать. И ты скоро поймешь почему...

Королева расправила складку платья и заговорила небрежно, словно рассказывая о пустяке из далекого прошлого, словно байку из тех, которыми забавляют дитя при свете ночника.

— Ты знаешь, что верховный король Артур — мой сводный брат и отец у нас один, король Утер Пендрагон. Давным-давно король Утер задумал выдать меня за короля Лота, и хотя отец умер до того, как свадьба стала возможной, и хотя брат мой Артур с Лотом никогда не ладил, нас обвенчали. Мы надеялись, что благодаря этому браку возникнет дружба или по меньшей мере союз. Но, будь то из зависти к воинской доблести Лота или (как убеждена я) из-за лживых наветов, нашептанных ему чародеем Мерлином, который ненавидит всех женщин и почитает себя мною обиженным, король Артур всегда вел себя скорее как враг, нежели как брат и справедливый правитель.

Моргауза умолкла. Мальчик не сводил с нее расширенных глаз, губы его слегка приоткрылись. Она снова разгладила юбку, и голос ее зазвучал иначе — проникновенно и серьезно.

— Вскорости после того, как король Артур взошел на британский трон, недобрый человек Мерлин поведал ему, что где-то в Дунпелдире на свет появился младенец, сын тамошнего короля, который обернется погибелью для Артура. Верховный король не колебался ни минуты. Он отослал людей на север, в Дунпелдир, с приказом отыскать и убить сыновей короля. О нет, не моих,— мило улыбнулась Моргауза.— Мои в ту пору еще не родились. Но чтобы удостовериться наверняка, что погибли все Лотовы бастарды, возможно, даже безвестные, он приказал умертвить всех детей города, не достигших определенного возраста.— Голос ее скорбно дрогнул.— И вот, Мордред, в ту страшную ночь солдаты захватили десятка два младенцев. Детей вывезли в море на утлой ладье; ладья носилась во власти ветров и волн, пока не налетела на скалу и не затонула, и все дети пошли ко дну. Все, кроме одного.

Мордред замер неподвижно, словно во власти чар.

— Это был я? — чуть слышно прошептал он.

— Да, ты. Мальчик с моря. Теперь понимаешь, почему тебя так назвали? Ведь так оно и есть.

Похоже, королева ждала ответа.

— Я думал, это потому, что я рыбак, как отец,— глухо отозвался гость.— Большинство мальчишек, из тех, что помогают ставить сети, носят имя Мордред или Медраут. Я думал, это что-то вроде заклятия, чтобы уберечь меня от морской богини. Она пела мне об этом песню. Мама пела.

Золотисто-зеленые глаза расширились.

— Да? Песню? Какую песню?

Встретив этот взгляд, Мордред разом пришел в себя. Он напрочь позабыл предостережения Сулы. А теперь слова вдруг воскресли в памяти, да только что вреда в правде?

— Колыбельную. Когда я был малышом. Я ее и не помню совсем, разве только мотив.

Моргауза прищелкнула пальцами, давая понять, что мотив ее не занимает.

— Но этой истории ты прежде не слышал? Твои родители никогда не поминали о Дунпелдире?

— Нет, никогда. Ну, то есть разве что как все говорят,— поправился мальчик с обезоруживающей откровенностью.— Я знал, что Дунпелдир некогда принадлежал вам; встарь вы с королем жили там, и там же родились трое старших принцев. В гавань заходят корабли, и мой... мой отец узнает новости обо всех заморских королевствах, о чудесных землях. Он рассказывал мне столько всего, что я...— Мордред закусил губу, но тут же, не удержавшись, выпалил терзающий его вопрос: — Госпожа, а как мои отец и мать спасли меня с ладьи и привезли сюда?

— Это не они тебя спасли. Тебя спас король Лотиана. Узнав, что случилось с детьми, он послал корабль им на выручку, но помощь пришла слишком поздно — для всех, кроме тебя. Капитан заметил на волнах обломки крушения, шпангоуты ладьи и что-то вроде узла с тряпьем. Конец шали зацепился за расщепленный брус и удержал тебя на плаву. Капитан поднял тебя на борт. По одежде, что на тебе была, и по шали, что сохранила тебе жизнь, он понял, кто ты такой. И отвез тебя на Оркнейские острова, где ты мог расти в безопасности.— Моргауза помолчала.— Ты догадываешься о причине, Мордред?

По глазам мальчика королева видела: тот давным-давно угадал причину. Но он опустил веки и ответил кротко, как девушка:

— Нет, госпожа.

Голос, поджатые губы, девически-смиренное благонравие так напоминали саму Моргаузу, что она рассмеялась вслух, и Габран, состоящий у нее в фаворитах уже больше года, поднял глаза от арфы и позволил себе улыбнуться заодно с королевой.

— Тогда я расскажу тебе. Двое бастардов короля Лотиана погибли в пучине. Но известно, что на ладье было трое. Третий спасся милостью морской богини, которая помогла ему удержаться на плаву среди обломков. Ты незаконнорожденный сын короля, Мордред, мой мальчик с моря.

Разумеется, он ждал этих слов. Королева пригляделась, ожидая, что мальчуган вспыхнет радостью, возгордится, может статься, глубоко задумается. Ничего подобного. Он кусал губы, борясь с тревожной мыслью, которую так хотел, но не смел облечь в слова.

— Ну? — спросила она наконец.

— Госпожа...

Новая пауза.

— Ну же?

В голосе послышалась нетерпеливая нотка. Вложив в руку мальчика воистину королевский, хотя и фальшивый, подарок, королева ждала благоговейного обожания, но никак не сомнений, для нее непонятных. Сама Моргауза отродясь не знала побуждений любви, и ей не приходило в голову, что чувства ее сына к приемным родителям имеют хоть какой-то вес в сравнении с удовольствием и честолюбием.

— Госпожа, но разве моя мать бывала в Дунпелдире? — выпалил наконец мальчуган.

Моргауза любила играть с людьми, словно с бессловесными тварями, посаженными в клетку ради ее прихоти. Она улыбнулась и, впервые за весь разговор, сказала чистую правду:

— Ну конечно. А как же иначе? Я же сказала: ты там родился.

— Но она уверяла, что всю жизнь прожила на Оркнеях! — Слова Мордреда прозвучали так громко, что болтовня в противоположном конце комнаты на мгновение смолкла, прежде чем взгляд королевы заставил женщин снова склониться над работой. Понизив голос, мальчуган с несчастным видом добавил: — А мой отец... Он наверняка не знает, что она... что я...

— Глупый мальчик, ты меня не понял,— снисходительно усмехнулась Моргауза.— Бруд и Сула — твои приемные родители, они приютили тебя по приказанию короля и сохранили его тайну. У Сулы умер сын, и она вскормила тебя. Вне всякого сомнения, она окружила тебя любовью и заботой, словно собственное дитя. Что до твоей родной матери...— Королева поспешила предупредить следующий вопрос; впрочем, Мордред был слишком потрясен, чтобы задать его.— О ней я тебе ничего сказать не могу. Она побоялась заявить о себе, не стала ничего требовать, а из страха перед верховным королем все языки вынуждены были умолкнуть. Возможно, она только порадовалась возможности позабыть о случившемся. Я не задавала вопросов, хотя и знала, что один из мальчиков с ладьи спасся от гибели. Потом король Лот умер, а я перебралась на Оркнеи: здесь родился мой младший сын, здесь я могла в безопасности растить остальных трех. Об этой истории я предпочла не задумываться, оставила все как есть. И тебе должно поступить так же, Мордред.

Не зная, что ответить, мальчуган промолчал.

— Очень может статься, что твоя мать давно умерла. Надежда в один прекрасный день найти ее — чистой воды безрассудство; и что в том пользы? Безвестная горожанка, утехи одной ночи...— Моргауза не сводила с собеседника пристального взгляда: опущенные веки, лишенное всякого выражения лицо...— Теперь Дунпелдир в руках короля, который не более чем пешка в руках Артура. Искать нет смысла, Мордред, а опасность велика. Ты меня понимаешь?

— Да, госпожа.

— Что ты станешь делать, когда повзрослеешь, это твоя забота, но тебе недурно бы запомнить: король Артур — твой враг.

— Значит, я — тот самый? Я стану... его погибелью?

— Кто знает? Все в воле богов. Но Артур суров, а советник его Мерлин и умен, и жесток. Думаешь, они станут полагаться на случай? Но пока ты здесь, на островах, и пока ты хранишь молчание — тебе ничто не грозит.

Новая пауза.

— Но тогда почему вы рассказали мне все? Я сохраню тайну, да, обещаю, но почему вы сочли, что мне следует знать? — еле слышно прошептал мальчик.

— Потому что я в долгу перед тобою за Гавейна. Если бы ты не помог ему, принц, возможно, попытался бы выбраться

сам и разбился бы насмерть. Мне было любопытно взглянуть на тебя, и я воспользовалась предлогом, чтобы послать за тобой. Может, лучше было бы оставить тебя в неведении и там, где ты есть, до конца жизни. Твои приемные родители никогда бы не осмелились заговорить. Но после того, что случилось вчера...— Изящный жест заключал в себе толику неодобрения.— Не всякая женщина согласится растить бастардов своего мужа, но я и моя семья в долгу перед тобою, а я плачу свои долги. И теперь, когда я тебя увидела и переговорила с тобой, я порешила, чем вознаградить тебя.

Мордред молчал. Он словно перестал дышать. Из дальнего конца комнаты доносились негромкие звуки музыки и приглушенные женские голоса.

— Тебе десять лет,— промолвила Моргауза.— Ты крепок и здоров и, думается, можешь сослужить мне недурную службу. На островах найдется не так много подающих надежды отроков благородной крови с задатками вождя. В тебе, сдается мне, я эту надежду различаю. Тебе пора оставить приемный дом и занять подобающее место здесь, в числе прочих принцев. Ну, что скажешь на это?

— Я... я поступлю по вашей воле, мадам,— пролепетал мальчик.

Только это он и смог сказать, помимо тех слов, что снова и снова повторялись в его сознании, подобно перезвону арфы. «Прочие принцы. Тебе пора занять подобающее место здесь, в числе прочих принцев...» Позже, возможно, он вспомнит о приемных родителях с нежностью и с сожалением, но сейчас все заслонили смутные, но ослепительные видения будущего, о котором он не смел и мечтать. А эта женщина, эта прелестная высокородная леди, в неизбывной милости своей предлагает ему, незаконному отпрыску своего мужа, место рядом с собственными, рожденными в браке сыновьями! Повинуясь внезапному, прежде не испытанному порыву, Мордред соскользнул со скамьи и опустился на колени у ног Моргаузы. Грациозным, трогательно-непривычным жестом он взялся за край бархатного платья цвета меди и поднес его к губам.

— Я жизнь положу, служа вам, госпожа. Только потребуйте, и она ваша,— прошептал мальчуган, благоговейно глядя на королеву снизу вверх.

Мать улыбнулась ему, весьма довольная одержанной победой. Коснулась его волос — при этом жесте к щекам мальчика при-

хлынула кровь,— затем откинулась на подушки — прелестная, хрупкая королева, так нуждающаяся в защите сильных рук и верных мечей.

— Служба эта непростая, Мордред. Вдовствующей королеве необходимы любовь и защита ее воинов — все силы до последней капли. Засим тебе предстоит обучаться наравне с братьями и жить под одним кровом с ними, в моем дворце. А теперь ты отправишься в Тюлений залив — попрощаться с родителями и забрать вещи.

— Сегодня? Сейчас?

— Почему бы нет? Ежели решение принято, надо действовать. Габран проводит тебя, и еще я пошлю раба — помочь донести твой скарб. Теперь ступай.

Мордред, по-прежнему во власти благоговейного страха и замешательства, не посмел уточнить, что сам может унести все свои земные сокровища, причем в одной руке. Он поднялся на ноги и наклонился поцеловать протянутую кисть. Заметно было, что на сей раз придворный жест дался ему почти естественно. Затем королева отвернулась, отпуская гостя; рядом с ним тотчас же возник Габран и поспешно увлек мальчика прочь из комнаты, вдоль по коридору и на двор, где расцвеченное закатными красками небо уже угасало, таяло в сумерках, а в воздухе разливался дым кухонных костров.

Слуга — конюх, судя по одежде,— подвел взнузданного коня: одного из выносливых островных пони кремовой масти, лохматого, словно овца.

— В путь,— объявил Габран.— Мы и без того опоздаем к ужину. Ты, конечно, верхом не ездишь? Нет? Ну так садись позади меня. А раб пойдет следом.

Мордред переступил с ноги на ногу.

— Не нужно, право. Мне и нести-то почти нечего. И вам незачем ходить, господин. Вы оставайтесь и отужинайте в свое удовольствие, а я тем временем сбегаю домой, и...

— Ты вскорости усвоишь, что ежели королева велит мне ехать с тобой, значит, ехать я должен.

Габран не стал уточнять, что получил распоряжения куда более недвусмысленные. «Нельзя допускать, чтобы он переговорил с Сулой наедине,— наставляла Моргауза.— О чем бы там женщина ни догадалась про себя, похоже, мальчику она ничего пока не сказала. Но теперь, когда ей предстоит его утратить, кто зна-

ет, что она выболтает? Мужчина в счет не идет: он слишком глуп, чтобы заподозрить истину, но даже он может сообщить Мордреду правду о том, как и на каких условиях его привезли из Дунпелдира. Так что проводи мальчика, побудь при прощании — и мигом назад. Я позабочусь о том, чтобы в хижину он больше не вернулся».

— Ну, давай руку,— коротко бросил Габран.

Мордред уселся на лошадку за его спиной, вцепившись в спутника, точно соколенок в клубок шерсти, и пони резво затрусил по тропке, уводящей к Тюленьему заливу.

Глава 4

Устроившись у дверей хижины в гаснущем свете дня, Сула потрошила и разделывала рыбу для сушки. Когда на вершине утеса показался конь, она только что отнесла ведро с потрохами вниз и опорожнила его на гальку, где куры отстаивали у морских птиц свою долю вонючих отбросов. Гвалт стоял оглушительный: крупные чайки пикировали вниз, затевали свару, гонялись друг за другом; тошнотворный запах, подхваченный ветром, разливался в воздухе.

Габран натянул поводья, и Мордред соскользнул с лошадиного крестца.

— Если вы подождете здесь, господин, я сбегаю вниз, отнесу ларец и заберу свои вещи. Я мигом обернусь. Я по-быстрому. Думаю, матушка предчувствовала что-то в этом роде. Я постараюсь не задерживаться. Может, мне позволят вернуться завтра, если я родителям понадоблюсь? Просто поговорить?

Не утруждая себя ответом, Габран спрыгнул на землю и обвязал поводья вокруг пояса. Когда Мордред, осторожно держа ларец, зашагал вниз по склону, придворный двинулся следом.

Сула повернула назад, к хижине — и заметила гостей. Она весь день не сводила глаз с вершины холма, дожидаясь возвращения Мордреда, и теперь, видя, что мальчуган пришел не один, застыла на месте, бессознательно прижимая к себе склизкое ведро. Но, придя в себя, женщина бросила ведро у порога и поспешно скрылась в хижине. Тусклый желтый отблеск замерцал по краям полога — хозяйка зажгла светильник.

Мальчуган отдернул шкуру и стремительно ворвался внутрь с ларцом в руках.

В кои-то веки в комнате не было дыма. В ясные летние дни Сула стряпала еду в глиняной печурке на дворе, над огнем, разведенным из сушеных водорослей и навоза. Но запах рыбы заполнял всю бухту, а внутри хижины в горле начинало першить от вони бакланьего жира, залитого в светильник. Прожив здесь всю жизнь, Мордред свыкся с жалкой обстановкой, но сейчас — а воспоминания о благоухании и ярких красках королевских покоев еще не угасли в его сознании — отметил все это со смешанным ощущением жалости, стыда и отвращения к самому себе, хотя в последнем чувстве по молодости лет не отдавал себе отчета. Устыдился он оттого, что Габран со всей очевидностью вознамерился войти вместе с ним, а стыд, в свою очередь, породил чувство вины.

К глубочайшему облегчению мальчика, Сула была одна. Она вытирала руки о тряпку: кровь от пореза на пальце пятнала лоскут, смешиваясь со слизью и рыбьей чешуей. На столе лежал кремневый нож; вдоль острия тянулась алая полоска.

— Матушка, да ты руку порезала!

— Пустяки. Долго же тебя задержали.

— Знаю. Сама королева захотела поговорить со мной. Ты подожди, я тебе такое расскажу! Вот диковинное место, дворец-то, а я прошел прямехонько в чертог королевы... Но сперва глянька сюда, мама! Она прислала подарки.

Мальчик водрузил ларец на стол и откинул крышку.

— Смотри, мама! Серебро для тебя и отца и еще полотно, видишь? То-то добротное! И плотное, в самый раз для зимы. И еще бутыль доброго вина, и каплун с дворцовой кухни. И все это для вас...

Голос его неуверенно прервался. Сула даже не взглянула на сокровища; она по-прежнему вытирала руки о грязную тряпку, снова и снова.

Внезапно Мордред рассердился. Он выхватил у матери лоскут, отбросил его в сторону и подтолкнул ларец поближе.

— Ты что, даже не глянешь на подарки? Не хочешь узнать, что сказала мне королева?

— Вижу, она не поскупилась. Всем ведомо, что она умеет расщедриться, коли взбредет ей в голову. А на твою долю что досталось?

— Обещания,— отозвался от дверей Габран, пригибаясь и входя внутрь.

Выпрямившись, он едва не задел головою каменную крышу. Одет он был в желтую тунику до колен, с широкой зеленой каймой. На поясе переливались желтые самоцветы, на шее поблескивало ожерелье из чеканной меди. Он был хорош собой: пышная грива вьющихся волос, светлых, точно ячменная солома, спадала до плеч, а синие глаза выдавали северянина. Габран словно заполнил собою всю комнату, и хижина вдруг показалась еще более убогой и грязной, нежели прежде.

Если Мордред и сознавал это, то не Сула. Ничуть не робея, она встала перед Габраном лицом к лицу, словно бросая вызов врагу.

— Какие еще обещания?

Габран улыбнулся:

— Только то, что подобает каждому мужчине, а Мордред показал себя мужчиной, или, по крайней мере, королева так считает. Чаша и блюдо для трапезы, орудия для каждодневных трудов.

Женщина уставилась на чужака, беззвучно шевеля губами. Она не спросила разъяснений. И даже не подумала приветить гостя, как оно водится среди гостеприимных островных жителей.

— Все это у него есть,— глухо отозвалась она.

— Но не те, что должно,— мягко возразил Габран.— Ты знаешь не хуже меня, женщина, что чаше его пристала серебряная отделка, а орудия его — не мотыги и рыболовные крючки, но меч и копье.

Даже если ждешь и страшишься беды на протяжении всей жизни, сама беда неизбежно застает врасплох. Ощущение было такое, словно гость приставил копье к ее груди. Сула всплеснула руками, закрыла лицо передником и рухнула на табурет у стола.

— Мама, не надо! — воскликнул Мордред.— Королева... она мне рассказала... тебе ведь ведомо, о чем! — В отчаянии он обернулся к Габрану.— Я думал, она знает. Я думал, она поймет.

— Она все понимает. Правда, Сула?

Кивок. Женщина принялась раскачиваться из стороны в сторону, словно одержимая горем, но при этом совершенно беззвучно.

Мордред заколебался. Среди неотесанных островных жителей изъявления любви не были в ходу. Он подошел к женщине, но ограничился тем, что легко коснулся ее плеча.

— Мама, королева рассказала мне все как есть. О том, как вы с отцом забрали меня у капитана, который меня нашел, и вос-

питали как сына. Она рассказала мне, кто я... по крайней мере, кто мой настоящий отец. И теперь она считает, что мне пора переселиться во дворец, к прочим... к прочим сыновьям короля Лота и к знати, и обучаться воинскому делу.

Женщина по-прежнему молчала. Габран застыл у двери, не сводя с нее глаз.

Мордред предпринял еще одну попытку.

— Мама, ты ведь наверняка знала, что в один прекрасный день мне обо всем расскажут. А теперь, когда узнал и я... тебе не след сокрушаться. И сам я ни о чем не жалею, пойми. Ведь промеж нас ровным счетом ничего не изменилось, здесь по-прежнему мой дом, и ты и отец по-прежнему...— Мальчуган сглотнул.— Вы навсегда останетесь моими родителями, останетесь, поверь мне! А однажды...

— Верно, однажды,— резко перебила Сула, отнимая передник от лица.

В неверном свете лампы лицо ее, в разводах грязи от замызганной тряпки, казалось болезненно бледным. На элегантного Габрана, застывшего в дверях, рыбачка не глядела. Мордред умоляюще смотрел на нее; в лице мальчугана читались любовь и горе, но и еще нечто, что ей не составило труда узнать: благородное воодушевление, честолюбие, непоколебимая решимость идти своим путем. Сула никогда в жизни не видела Артура, верховного короля Британии, но при взгляде на Мордреда без труда узнала его сына.

— Верно, однажды,— горестно выговорила она.— Однажды ты вернешься, повзрослевший да важный, и осыплешь золотом вскормивших тебя бедняков. А пока ты пытаешься убедить меня, будто ничего не изменилось. Сколько бы ты ни твердил о том, что, дескать, не важно, кто ты есть...

— Я этого не говорил! Конечно, это важно! И кто бы не порадовался, узнав, что он — королевский сын? Кто бы не порадовался возможности носить оружие и, может статься, в один прекрасный день отправиться за моря и поглядеть на королевства большой земли, где вершатся судьбы мира? Когда я сказал, что ничего не изменится, я имел в виду то, что чувствую... то, что я чувствую к тебе и к отцу. Но мне хочется во дворец — я ничего не в силах с собою поделать! Пожалуйста, попытайся понять. Я не могу притворяться, что ужасно сожалею,— во всяком случае, не до конца!

В лице его отразилось неподдельное отчаяние, голос горестно дрогнул, и Сула внезапно смягчилась.

— Конечно, не можешь, мальчик мой. Ты уж прости старуху, я ведь издавна страшилась этого часа. Да, ты должен уйти. Но неужто прямо сейчас? Этот нарядный господин дожидается, чтобы увести тебя назад?

— Да. Мне велено забрать вещи и тотчас же возвращаться.

— Так собирайся. Отец не придет до рассвета. Ты зайдешь повидаться с ним, как только тебе позволят.— На лице ее забрезжила тень улыбки.— Не тревожься, мальчик мой. Я расскажу ему, в чем дело.

— Он ведь тоже обо всем знает, верно?

— Конечно, знает. Он поймет, что иначе и быть не могло. Сам он, сдается мне, постарался обо всем позабыть, а вот я уже с год или около того видела, что час близится. Да, видела по тебе, Мордред. Кровь-то сказывается. И все-таки ты был нам хорошим сыном, несмотря на то что про себя крушился об ином... Мы ведь за тебя плату брали, ты знаешь?.. А откуда, как ты думаешь, у нас деньги на хорошую лодку да заморские сети? Я-то вскормила бы тебя задаром, заместо умершего; да ты и стал нам все равно что родной, а то и ближе. Эх, нам тебя будет недоставать. Тяжко наше ремесло, тем паче к старости, а ты честно тянул лямку, уж в этом тебе не откажешь.

В лице мальчика отразилась целая гамма чувств.

— Я никуда не пойду! — воскликнул он.— Я не покину тебя, матушка! Они меня не заставят!

Сула печально оглядела приемного сына.

— Пойдешь, милый. Теперь, когда ты взглянул на иную жизнь да отведал ее вкус, ты не останешься. Так что собирайся. Вон господин весь извелся, тебя дожидаясь.

Мордред оглянулся на Габрана. Тот кивнул.

— Надо поторопиться. Скоро закроют ворота,— не без сочувствия заметил он.

Мальчик направился к своей кровати. Ложем ему служил каменный уступ; мешок, набитый сухим папоротником и застеленный поверх синим одеялом, заменял матрас. Из углубления в стене под уступом мальчуган извлек свои пожитки. Праща, несколько рыболовных крючков, нож, старая рабочая туника. Башмаков он не носил. Рыболовные крючки Мордред бросил обратно на кровать, вместе с рабочей туникой. Задумался над пращой. Погладил полированное дерево, что так удобно ложилось в руку, потеребил мешочек с камушками, матовыми и круглыми, так заботливо собранными на берегу. Затем отложил в сторону и их. Сула наблюдала за мальчуганом, не говоря ни слова. Между ними в воздухе повисли невысказанные слова: «Орудия его — меч и копье...»

Мордред обернулся.

— Я готов.

Он не взял ничего, кроме ножа.

Если кто-то из этих троих и отметил символизм мгновения, то вслух ничего не сказал. Габран взялся было за полог, заменяющий дверь. Но тут, сдвинув шкуру в сторону, в комнату протиснулась коза. Сула поднялась с табурета и потянулась за чашей для молока.

— Ты ступай, ступай. Возвращайся, когда тебя отпустят; расскажешь нам, каково оно — дворцовое житье.

Габран придержал полог, оставляя широкий проход. Мордред медленно побрел к двери. Что тут скажешь? Слов благодарности мало и, однако же, более чем достаточно.

— Так до свидания, мама,— неловко проговорил он и вышел.

Габран отпустил шкуру; завеса упала за их спиной.

Снаружи прилив сменялся отливом, ветер усилился, развеял запах рыбы. Мордред жадно вдохнул свежий воздух — и точно нырнул в неизведанную реку.

Габран отвязывал коня. В сгущающихся сумерках узлы упорно не желали поддаваться. Мгновение поколебавшись, Мордред бегом возвратился в душную хижину. Сула доила козу. Она не подняла взгляда. Грязную щеку прочертил влажный след — словно проползла улитка. Мальчуган остановился в дверях, вцепившись в шкуру, и проговорил сбивчиво и хрипло:

— Я вернусь, как только меня отпустят, честное слово, вернусь. Я... я пригляжу, чтобы вы ни в чем не нуждались, и ты, и он. А в один прекрасный день... в один прекрасный день я кое-чего добьюсь, обещаю, и тогда я позабочусь о вас обоих.

Женщина не отозвалась ни словом, ни жестом.

— Мама.

Сула не подняла взгляда. Руки ее мерно двигались.

— Надеюсь,— выпалил Мордред,— что никогда не узнаю, кто моя настоящая мать.

Он развернулся и выбежал в сумерки.

— Ну? — спросила Моргауза.

Давным-давно рассвело. Помимо королевы и Габрана, в опочивальне не было ни души.

Прислужницы спали в передней комнате, а еще дальше, в отдаленном покое, давным-давно уснули пятеро мальчиков — четверо сыновей Лота и ее сын от Артура. Но королева и ее возлюбленный отнюдь не нежились в постели. Моргауза устроилась у очага, рядом с тлеющей грудой торфа. На ней была длинная ночная рубашка молочной белизны и подбитые мехом тапочки из зимней шкуры голубого зайца, что водится на острове Хой. Рассыпавшиеся по плечам волосы мерцали в отблеске пламени. В этом приглушенном свете Моргауза казалась немногим старше двадцати лет и на диво красивой.

Хотя, как всегда, она возбуждала его чувства, молодой человек знал: выказывать их не время. Полностью одетый, перебросив через руку влажный плащ, он сдержанно ответствовал ей, как подданный — своей монархине:

— Все в порядке, госпожа. Все сделано ровно так, как вы пожелали.

— Никаких следов насилия?

— Никаких. Они крепко спали либо, может статься, выпили слишком много присланного вами вина.

Прелестные губки чуть дрогнули в улыбке, кою неведение сочло бы невинной.

— Даже если они лишь пригубили вино, Габран, этого хватило.— Пленительные глаза обратились к фавориту, не прочли в его взгляде ничего, кроме озадаченного восхищения, и королева добавила: — А ты думаешь, я стала бы полагаться на случай? Плохо же ты меня знаешь. Так все сошло легко?

— Легче легкого. Со стороны покажется, будто они напились, забыли об осторожности, светильник опрокинулся, масло пролилось на постель, и...

Выразительный жест довершил фразу.

Королева удовлетворенно вздохнула, но что-то в голосе собеседника заставило ее насторожиться. Хотя Моргауза ценила своего юного красавца возлюбленного и даже испытывала к нему что-то вроде нежности, при необходимости она бы избавилась от него, не задумавшись ни на минуту. Но пока королева в нем нуждалась, и следовало сохранить его преданность.

— Слишком легко, хочешь ты сказать, верно, Габран? — мягко проговорила она.— Знаю, милый. Таким, как ты, не по душе губить беспомощных, а умертвить этих поселян — все равно что забить скотину; неподобающее дело для воина. Но иного выхода не было. Ты сам понимаешь.

— Наверное, так.

— Ведь тебе показалось, будто женщина что-то знает?

— Или догадалась. Доподлинно сказать трудно. Все эти люди с виду ни дать ни взять иссохшие водоросли. Я бы ни за что не поручился. Чем-то меня насторожила ее манера обращаться к нему и еще выражение ее лица, когда мальчик сказал, будто вы поведали ему все.— Габран помолчал.— Но даже если так, ведь она... они оба... хранили молчание все эти годы.

— И что с того? — возразила королева, протягивая руку к огню.— Это вовсе не значит, что они бы молчали и дальше. Лишившись мальчика, они, чего доброго, затаили бы обиду, а недовольные всегда опасны.

— Неужто они посмели бы проболтаться? И кому?

— Да тому же Мордреду. Ты сам сказал мне, что Сула уговаривала его вернуться, и, разумеется, поначалу его бы тянуло назад. Одного слова или намека вполне хватило бы. Ты знаешь, чей он сын, и ты его видел. Легкого дуновения достанет, чтобы раздуть пламя честолюбия, способное уничтожить все мои планы на будущее; ты не согласен? Поверь мне на слово, иного выхода не было. Габран, милый мой мальчик, возможно, что лучшего любовника, чем ты, ни одна женщина не принимала к себе на ложе, но ты никогда не сможешь править королевством обширнее помянутого ложа.

— А я и не стремлюсь. Зачем бы?

Моргауза улыбнулась в ответ, отчасти нежно, отчасти насмешливо. Ободренный, Габран шагнул вперед, но королева удержала его на месте.

— Подожди. Подумай. На этот раз я разъясню тебе зачем. И не притворяйся, что никогда не пытался разгадать мои замыслы касательно маленького бастарда.— Она поворачивала руку то так, то этак, по всей видимости любуясь игрой колец. Затем доверительно подняла глаза.— Возможно, что ты отчасти и прав. Возможно, я послала сокола в полет слишком рано и слишком поспешно, но возникла возможность забрать мальчика из дома приемных родителей и привести сюда, не вызывая лишних расспросов. Кроме того, ему уже десять: давно пора обучаться навыкам и манерам, подобающим принцу! А раз уж сделан первый

шаг, неизбежно следует и другой. До того как наступит подходящий момент, мой брат Артур не должен даже заподозрить, где бастарда прячут. Равно как и пресловутый великий маг Мерлин, а в лучшие времена он улавливал даже шепот тростников на Свя́щенном острове. Пусть он стар и глуп, но рисковать нам нельзя. Я не для того все эти годы скрывала нашего с Артуром сына, чтобы его отобрали у меня сейчас. Он — мой пропуск на большую землю. Когда он будет готов туда поехать, я поеду с ним.

Королева видела: Габран снова принадлежит ей безраздельно. Рад, польщен доверием, воодушевлен...

— Назад в Дунпелдир, вы хотите сказать?

— Нет, не в Дунпелдир. В Камелот.

— К верховному королю?

— Почему нет? Он так и не обзавелся законным сыном и, по всему судя, не обзаведется. Мордред — мой пропуск к Артурову двору... А там поглядим.

— Похоже, вы уверены в успехе,— отозвался Габран.

— Я и впрямь уверена. Я все это видела.— Встретив изумленный взгляд собеседника, королева снова улыбнулась.— Да, милый, в заводи. Ясно, точно в кристалле — в колдовском кристалле. Я и мои сыновья, все пятеро, в Камелоте, разодетые, точно на пир, с богатыми дарами...

— Тогда... не то чтобы я оспаривал ваш выбор, но... не значит ли это, что вы были бы в безопасности, даже не совершая того, что было сделано нынче ночью?

— Возможно,— равнодушно отозвалась королева.— Знаки не всегда бывают прочитаны правильно; может статься, Богиня уже знала о том, что произойдет этой ночью. Зато теперь я уверена: мне ничто не грозит. Остается только дождаться смерти Мерлина. Уже дважды, как ты знаешь, приходили вести о его кончине; дважды я ликовала — и обнаруживалось, что слухи солгали и старый дурень все еще жив. Но недалек тот день, когда известие окажется правдой. Я о том позаботилась, Габран. А когда колдун сгинет и Артур останется один, тогда я благополучно отправлюсь в путь, и Мордред со мною. Я справлюсь с братом... если не тем же способом, как встарь, тогда как сестра, обладающая изрядным могуществом и толикой былой красоты...

— Госпожа... Моргауза...

Королева тихо рассмеялась, протягивая к нему руки.

— Ну же, Габран, ревновать не стоит! И бояться меня — тоже. Все то колдовство, что я использую против тебя, ты давно постиг и превосходно умеешь с ним управляться. Оставшаяся часть ночных трудов придется тебе более по душе, нежели уже исполненная. Ступай в постель. Теперь страшиться нечего, и все благодаря тебе. Ты сослужил мне верную службу.

«И они тоже». Но Габран не произнес этого вслух. А вскорости, избавившись от отсыревшей одежды и вытянувшись на широком ложе рядом с Моргаузой, он позабыл об этом, как позабыл о двух мертвых телах, оставленных им в дымящихся развалинах прибрежной хижины.

Глава 5

Мордред, по обыкновению, проснулся рано.

Остальные мальчики еще спали, но в этот час приемный отец всегда будил его на работу. В первые мгновения Мордред никак не мог сообразить, где находится, а затем вспомнил. Он в королевском дворце. Он сын короля, и прочие королевские сыновья тоже здесь, спят в той же самой комнате. Старший, принц Гавейн, растянулся на постели с ним рядом. На соседней кровати спали трое младших: близнецы и малыш Гарет.

Мордред еще не успел перемолвиться с принцами ни единым словом. Накануне вечером Габран привел его во дворец и передал в распоряжение старухи, состоявшей в кормилицах при королевских детях; по ее словам, она до сих пор нянчила Гарета и приглядывала за одеждой мальчиков, а отчасти и за здоровьем. Она отвела Мордреда в комнату, заставленную сундуками и ларями, и подобрала ему новое платье. Оружия ему пока не дали; оружие он получит завтра, недовольно ворчала нянька, очень скоро, и тогда, надо думать, примется душегубствовать да разбойничать, как водится. Ох уж эти мужчины! Мальчишки тоже не подарок, но их, по крайней мере, возможно держать в узде, и пусть попомнит он ее слова, хоть она и стара, но провинность без ответа не оставит, так-то... Мордред молча слушал, теребил дареные наряды и пытался сдержать зевоту, пока старуха суетилась вокруг него. Из ее болтовни — а нянька ни на минуту не закрывала рта — следовало, что родительские чувства королевы Моргаузы, мягко говоря, изменчивы и непостоянны. Сегодня она выезжает с сыновьями на верховую прогулку, учит их охо-

титься с соколами и гончими по обычаям большой земли; они проездят весь день напролет и станут пировать до глубокой ночи, а назавтра она про мальчиков и не вспомнит: им даже подходить запретят к покоям королевы. А вечером принцев возьмут да и призовут снова, послушать менестреля или позабавить взбалмошную, скучающую монархиню рассказами о том, как провели день. Более того, обращались с принцами неодинаково. Пожалуй, единственный принцип римлян, коего придерживалась Моргауза, был «разделяй и властвуй». Гавейн, как старший сын и наследник, пользовался большей свободой и некоторыми привилегиями, недоступными прочим; младший, Гарет, родившийся после смерти отца, ходил в любимцах. Близнецы, таким образом, оставались не у дел, а как Эльса дала понять Мордреду, многозначительно поджимая губы и качая головой, эти двое и без того неуживчивы, а тут еще постоянные стычки на почве ревности да избытка энергии, что не находит выхода.

Когда наконец, аккуратно перебросив через руку новое платье, Мордред последовал за нею в опочивальню принцев, он с радостью обнаружил, что четверо сводных братьев оказались в спальне раньше него и теперь крепко спят. Эльса вытащила Гарета из постели Гавейна, затем подвинула близнецов и втиснула малыша рядом с ними. Ни один даже не пошевелился. Нянька заботливо натянула на спящих покрывала и молча указала Мордреду на место рядом с Гавейном. Тот разделся и нырнул в теплую постель. Старуха еще немного поохала, обошла комнату, собрала разбросанную одежду и сложила ее на сундук между кроватями, а затем вышла, тихонько прикрыв за собою дверь. К тому времени Мордред уже спал.

А теперь занимался новый день, и мальчуган пробудился. Блаженно потянулся, ощущая, как каждая клеточка его тела пульсирует от радостного возбуждения. Кровать была мягкой и теплой; меховые покрывала лишь самую малость припахивали дубленой кожей. Неискушенному взгляду гостя обстановка просторной комнаты показалась весьма богатой: здесь стояли две широкие кровати и сундук для одежды; плотный тканый полог занавешивал дверь, отчасти защищая от сквозняков. И полы, и стены были облицованы плитами местного песчаника. В столь ранний час, несмотря на лето, в спальне царил ледяной холод, зато чистотой комната далеко превосходила лачугу Сулы, и Мордред непроизвольно отметил это и одобрил. Сквозь узкое оконце в стене между кроватями, над сундуком, проникал утренний воздух, студеный и свежий, пахнущий соленым ветром.

Мальчику не лежалось спокойно. Гавейн, его сосед, еще спал, по-щенячьи свернувшись клубком под грудой мехов. На соседней кровати взгляд различал только макушки близнецов. Гарета оттеснили на самый край, так что малыш наполовину свесился с кровати, но просыпаться и не думал.

Мордред выбрался из постели. Тихонько подошел к сундуку, вскарабкался на крышку и, стоя на коленях, выглянул из окна. Эта стена выходила не на море; вытянув шею, мальчик различил внутренний двор и главные дворцовые ворота. Шум волн звучал приглушенно, глухой рокот тонул в неумолчном гвалте и стоне чаек. Мордред посмотрел в другую сторону, за пределы дворцовых стен: зеленая тропка вела через вереск к вершине пологого холма. За этим изгибом небосклона стоял дом его приемных родителей. Отец, наверное, уже завтракает и вскорости уйдет на ловлю. Если Мордред хочет с ним повидаться (и покончить с этим делом раз и навсегда, добавил внутренний голос, тут же подавленный на темных и неизведанных задворках сознания), надо идти сейчас.

На сундуке лежала парадная туника, полученная накануне вечером, а к ней — плащ, брошь и кожаный пояс с медной пряжкой. Но, уже потянувшись за драгоценной новой одеждой, Мордред вдруг передумал и, пожав плечами, подобрал и натянул на себя старое платье, давеча заброшенное в угол. Отдернув полог над дверью, он выбрался из комнаты и босиком пробежал по холодным каменным коридорам в зал.

В зале по-прежнему было полно спящих, но с наступлением утра сменялась стража, да и слуги уже поднялись. Никто не остановил мальчика, никто не заговорил с ним, пока тот пробирался к порогу, осторожно обходя лежащих. Мордред вышел во двор: внешние ворота стояли открытыми, двое поселян втаскивали внутрь телегу с торфом. Два стражника, вполглаза следя за происходящим, завтракали лепешками и по очереди отхлебывали из рога с элем.

Завидев Мордреда, один из стражников локтем подтолкнул соседа и сказал ему что-то вполголоса. Мальчуган заколебался, ожидая, что его остановят или, по крайней мере, допросят, но ничего подобного не произошло. Напротив, ближайший к нему часовой поднял руку в воинском приветствии, а затем отступил на шаг, пропуская мальчика.

Пожалуй, никакому другому мгновению королевского церемониала в жизни принца Мордреда не суждено было сравниться с этим. Сердце его встрепенулось, едва не выскочило из груди, к щекам прихлынула кровь. Но он заставил себя спокойно ответить: «Доброе утро», выбежал из дворцовых ворот и помчался по зеленой тропке наверх, к пустоши.

Он бежал по дороге, и сердце его неистово колотилось. Поднялось солнце, впереди на дорогу ложились длинные тени. Ночная роса подрагивала и испарялась на густых травах, на камышах, приглаженных легким ветерком,— и вот уже вся пустошь оделась мерцающим, переливчатым ореолом, обратившись в смягченное отражение безбрежной, слепяще-яркой глади моря. Облака понемногу расступались, а в воздухе зазвенели трели: то жаворонки срывались с гнезд, спрятанных в вереске. Воздух искрился песней, как земля — светом. Вскорости мальчуган поднялся на косогор: прямо перед ним начинался протяженный пологий склон, уводящий к утесам, а дальше — снова бесконечное сверкающее море.

Отсюда, в рассветном зареве, Мордред отчетливо разглядел у горизонта холмы острова Хой. За ними лежала большая земля — та самая, настоящая большая земля, мир величественный и чудесный; островитяне отчасти в шутку, отчасти по неведению называли его «дальним островом». Много раз с отцовской лодки мальчик различал вдали северные утесы и пытался домыслить остальное: бескрайние просторы, леса и дороги, гавани и города. Сегодня, хотя и сокрытый от взгляда, этот мир перестал быть мечтой. Там — Верховное королевство, в один прекрасный день он отправится туда, и в один прекрасный день с ним станут считаться. Если его новое положение значит хоть что-нибудь, так именно это. Уж он о том позаботится.

Мальчуган радостно рассмеялся и побежал дальше.

Вот и торфяник. Мордред остановился и нарочно помедлил у борозды, проложенной только вчера. Как давно это было! Теперь доканчивать работу придется Бруду — и в одиночестве, хотя последнее время старик жаловался на боли в спине. Мордред задумался: раз уж он, похоже, свободен покидать дворец, когда вздумается, наверное, он сможет приходить сюда на часок каждый день — спозаранку, до того как встанут остальные мальчики,— чтобы довершить заготовку. А ежели с ним и впрямь намерены обходиться словно с настоящим принцем, к нему приставят слуг, и, пожалуй, он доверит работу им или, допустим, пошлет их собирать лишайники, ведь матери нужны красители. Рядом с бороздой стояла позабытая давеча корзина. Мальчуган подхватил ее и побежал дальше, вниз по склону.

В небе с криками кружили чайки. Налетевший с моря ветер принес с собою пронзительные птичьи вопли. И еще что-то ощущалось в этом ветре, вроде как непривычный запах, а в гомоне чаек звенел леденящий отзвук паники. Мордред вздрогнул, словно от прикосновения лезвия ножа. Дым? Над хижиной обычно поднимался дым, но не такой; эта кисловатая, стылая, гнетущая гарь казалась насмешкой над аппетитным ароматом жаркого — в те редкие дни, когда Сула клала в горшок мясо. Нехороший то был запах, тошнотворный; гнусная издевка, отравляющая утро.

В силу своего происхождения, пусть и незаконного, Мордред был сыном одного короля-воина и внуком — причем дважды — другого. Благодаря этому, а также суровому воспитанию в среде простолюдинов мальчик привык не колеблясь бросать вызов страхам и распознавать их причину. Он отшвырнул корзину с лишайниками и что есть мочи помчался по тропе вдоль края утеса к тому месту, откуда открывался вид на залив, некогда бывший его домом.

Некогда бывший. Привычная хижина, глиняная печурка, подвешенная на лесах рыба, обвисшие фестоны растянутых на просушку сетей — все исчезло. От дома остались только четыре почерневшие стены, а над ними курился вязкий, вонючий дым, осквернивший ветер с моря. Крайние плиты крыши по большей части еще держались на каменных опорах, встроенных в стены, но те, что в середке, были потоньше и кое-где крепились к месту древесными колышками. Соломенная кровля, летней порою сухая, вспыхнула ярким пламенем, колышки обратились в пепел, плиты осели, накренились, растрескались и наконец соскользнули вниз вместе с пылающей кровлей и обрушились в комнату, превратив дом Мордреда в погребальный костер.

Да, погребальный костер, иначе и не назовешь. Мордреда замутило: он наконец-то распознал запах, напомнивший ему стряпню Сулы. Сама Сула вместе с Брудом, должно быть, остались внутри, под грудой обугленного булыжника. Крыша обвалилась точнехонько над их постелью. До глубины души потрясенный, Мордред отчаянно пытался осмыслить несчастье и находил един-

ственно возможное объяснение. Родители, надо полагать, крепко уснули, за углями никто не приглядывал; сквозняк забросил случайную искру на дерновую, высохшую под ветром кровлю и раздул пламя. Оставалось только надеяться, что старики так и не проснулись, потеряли сознание в дыму и погибли, придавленные рухнувшей крышей, еще до того, как их коснулось пламя.

Мордред долго стоял там, глядя во все глаза и не веря, с трудом борясь с тошнотой. Резкий порыв ветра пробрал его до костей — заношенная туника почитай что не защищала от холода. Мальчик задрожал и пришел в себя. Он крепко зажмурился, словно надеясь, вопреки здравому смыслу, что стоит снова открыть глаза, и все вернется к прежнему, а пережитый ужас так и останется ночным кошмаром. Но ужас не развеялся. Глаза его снова дико расширились, словно у пугливого пони. С трудом передвигая ноги, Мордред двинулся по тропе вниз и вдруг бросился бежать сломя голову, словно невидимый всадник прибег к помощи хлыста и шпор.

Спустя часа два Гавейн, высланный из дворца на поиски, набрел-таки на беглеца.

Мордред сидел на валуне на некотором расстоянии от хижины, глядя на море. Рядом лежала перевернутая лодка Бруда, целая и невредимая. Бледный и потрясенный, Гавейн окликнул давешнего спасителя по имени. Мордред, похоже, не услышал; принц несмело шагнул ближе и коснулся его руки.

— Мордред... Меня послали за тобой. Что все-таки случилось?

Ответа не последовало.

— Они... твои родичи... там, внутри?

— Да.

— Что произошло?

— Я откуда знаю? Так было, когда я пришел.

— Не следует ли нам... может быть?..

При этих словах Мордред встрепенулся.

— Не ходи туда. Тебе нельзя. Они сами справятся.

Он говорил отрывисто и властно, тоном старшего брата. Охваченный любопытством и страхом, Гавейн повиновался, не рассуждая. Тем временем спутники принца приблизились к хижине и теперь оглядывались по сторонам, обмениваясь приглушенными восклицаниями не то ужаса, не то просто отвращения — судить трудно.

Мальчики наблюдали за происходящим, Гавейн — против воли загипнотизированный омерзительным зрелищем, Мордред — бледный как полотно, напрягшись каждым мускулом.

— А ты входил? — спросил Гавейн.

— Конечно. Как иначе?

Гавейн сглотнул.

— Думаю, теперь тебе следует вернуться со мною вместе. Нужно рассказать королеве.— Мальчуган не двинулся с места.— Мне очень жаль, Мордред. Ужасно это. Мне очень жаль. Но теперь ты уже ничем не поможешь, сам видишь. Предоставь все им. Ну пойдем, пожалуйста! И вид у тебя больной.

— Со мной все в порядке. Тошнило, вот и все.

Мальчик соскользнул с валуна, наклонился к углублению в камне и плеснул себе в лицо пригоршню солоноватой воды. Выпрямился, протер глаза, словно пробудившись от сна.

— Ну, пошли. А куда делись те люди? — Затем сердито: — Вошли внутрь? Им-то что за дело?

— Так надо,— быстро возразил Гавейн.— Разве ты не понимаешь: королева должна узнать... Ведь они... твои родители... они ведь не то чтобы заурядные поселяне, верно? — Встретив непонимающий взгляд собеседника, принц решительно докончил: — Не забывай о том, кто ты теперь! Так что и они в некотором роде состояли на королевской службе. Королеве следует знать, что произошло, Мордред.

— Несчастный случай. Что еще?

— Верно. Но нужно же доложиться королеве должным образом! Эти люди сделают все, что нужно. Пойдем, нам задерживаться ни к чему. Мы ничем не можем помочь, ровным счетом ничем.

— Можем.— Мордред указал на дверь хижины. Дойная коза с блеянием металась туда-сюда: непривычная суматоха, запахи, беспорядок пугали животное, но боль в распухшем вымени гнала к дому.— Мы можем подоить козу. Ты когда-нибудь доил козу, Гавейн?

— Никогда. Это трудно? Ты станешь доить ее прямо здесь? Сейчас?

Мордред рассмеялся коротким, отрывистым смешком: напряжение схлынуло.

— Нет. Мы заберем ее с собой. И кур тоже. Притащи-ка сеть — вон она, сушится на киле,— а я попробую поймать их.

Мальчуган бросился на ближайшую птицу, ловко ухватил добычу, затем атаковал вторую, пока та теребила обрывок водоросли. Трагедия завершилась разрядкой: горе и потрясение, по счастью, нашли выход в действии. Гавейн, принц и в будущем король Оркнеев, постоял в нерешительности минуту-другую, затем счел за лучшее послушаться и побежал снимать сеть с перевернутой лодки.

Слуги наконец вышли из хижины и встали в дверях, тихо совещаясь между собой. Двое мальчиков уже поднимались вверх по тропе. Гавейн вел козу, а Мордред нес, перебросив через плечо, наспех сооруженный ячеистый мешок с бурно протестующими курами.

Ни один из подростков не обернулся.

У дворцовых ворот их встретил Габран. Он молча выслушал возбужденный рассказ Гавейна, ласково заговорил с Мордредом, кликнул слуг и поручил им доставленную живность («Козу надо сейчас же, сей же миг подоить!» — настаивал Мордред), а мальчиков поспешно увел прямиком во дворец.

— Нужно известить королеву. Я иду к ней. Мордред, ступай переоденься и приведи себя в порядок. Она непременно захочет переговорить с тобой. Гавейн, отправляйся с ним.

Габран торопливо ушел. Гавейн проводил его взглядом, сощурившись, как если бы пытался рассмотреть нечто далекое и яркое, и пробурчал себе под нос:

— В один прекрасный день, мой красавчик Габран, ты перестанешь распоряжаться принцами, словно собственными псами. Мы-то знаем, чей пес ты! Да кто ты такой, чтобы приносить вести моей матери вместо меня? — Принц оглянулся на Мордреда и широко усмехнулся.— Ладно, сегодня пусть себе идет, я даже рад! Пойдем, нам не мешало бы умыться.

Близнецы расположились в спальне, усердно делая вид, будто поглощены каждый своим делом; в действительности же им явно не терпелось взглянуть на новообретенного сводного брата. Агравейн, сидя на кровати, вострил кинжал на оселке, а Гахерис, устроившись на полу, натирал жиром кожаный ремень, чтобы придать ему гибкости. Гарета не было.

Коренастые, крепко сложенные, двойняшки унаследовали и рыжие волосы, и румянец, отличавшие всех сыновей Моргаузы от Лота, а недовольное выражение этих лиц не сулило гостю ничего доброго. Но, по всему судя, близнецам дали понять, что Мордреду должно оказать добрый прием, ибо поздоровались они достаточно вежливо, а затем уставились на пришлеца во все глаза: так скотина разглядывает странное и, возможно, опасное существо, что ненароком забрело на пастбище.

Подоспевший слуга внес таз с водой и полотенце. Гавейн подбежал к сундуку с одеждой, скинул вещи Мордреда на свою кровать и принялся рыться внутри, ища собственное платье. Мордред тем временем стянул с себя тунику.

— Ты для чего наряжаешься? — осведомился Агравейн.

— Матушка нас требует,— донесся приглушенный ответ.

— Зачем? — спросил Гахерис.

Гавейн метнул в сторону Мордреда взгляд, яснее слов говоривший: «Ни слова. Пока нельзя». А вслух отозвался:

— Не ваше дело. Вам скажут позже.

— И этот тоже пойдет? — Агравейн указал на Мордреда.

— Да.

Агравейн замолчал, наблюдая, как Мордред облачился в новую тунику и потянулся за поясом из выделанной кожи с ножнами для кинжала и крючком, на который крепился рог. Мальчуган застегнул пряжку и огляделся в поисках оправленного в серебро рога, давеча врученного ему Эльсой.

— Вон он, на подоконнике,— сообщил Гахерис.

— Тебе вправду его дали? Повезло тебе. Красивый, ничего не скажешь. Я его для себя просил,— проговорил Агравейн.

В его словах не прозвучало ни обиды, ни гнева, ни искры чувства, но Мордред на мгновение вскинул взгляд в его сторону и снова отвернулся, привешивая рог к поясу.

— Такой был только один,— бросил через плечо Гавейн.— А у вас с Гахерисом все должно быть одинаковое.

— Гарету, верно, подарят золоченый,— отметил Гахерис тем же невыразительным, отнюдь не детским тоном.

И снова Мордред оглянулся, и снова опустились ресницы. Холодный, рассудочный ум принял услышанное к сведению и запомнил на будущее.

Гавейн утерся сам и перебросил полотенце Мордреду, тот поймал его на лету.

— Ты давай быстрее, нам еще ноги мыть. Она на свои ковры не надышится.— Мальчуган оглянулся по сторонам.— А Гарет куда подевался?

— У матери, где ж еще,— откликнулся Гахерис.

— А ты ждал, что на торжественную встречу сойдется семейство в полном составе, э, братец? — подхватил Агравейн.

Беседовать с близнецами все равно что разговаривать с живым мальчишкой и его отражением, подумал про себя Мордред, вытирая ноги.

— Время терпит,— резко отпарировал Гавейн.— Увидимся позже. Пойдем, Мордред, нам пора.

Мордред выпрямился, расправил мягкие складки новой туники и поспешил за Гавейном к выходу. Слуга, возвратившийся за чашей, распахнул дверь. Гавейн, не задумываясь, помедлил у порога, пропуская гостя вперед, как то и подобает хозяину. Затем, словно вдруг опомнившись, поспешно прошел первым, предоставляя Мордреду идти следом.

У дверей королевы, как и прежде, дежурила стража. При приближении мальчиков копья опустились.

— Вам нельзя, принц Гавейн,— объявил один из часовых.— Таков приказ. Требуют только его.

Гавейн резко остановился, затем с каменным лицом отступил в сторону. Мордред оглянулся на брата, уже готовый оправдываться; тот поспешно отвернулся, не говоря ни слова, и зашагал прочь по коридору. По пути Гавейн окликнул слугу, и голос его зазвенел под сводами — по-королевски властный, нарочито требовательный.

«Итак, все трое,— подумал про себя Мордред.— Ну, Гавейн пока еще склонен проявлять великодушие, ведь я как-никак выручил его на скалах, но те двое злятся. Надо бы поосторожнее». Сметливый ум, таящийся за ясным челом, сопоставил детали и вывел общий итог, каковой пришелся мальчику весьма по вкусу. Итак, принцы видят в нем угрозу? Почему? Потому что он, по сути дела, старший из сыновей короля Лота? Где-то в тайниках сердца крохотная искорка соперничества, воодушевления, жажды великих свершений вспыхнула и запылала новым пламенем — честолюбием. В голове стремительно проносились мысли — обрывочные, но ясные. «Бастард или нет, но я старший сын короля, и им это не по душе. Значит ли это, что я и впрямь представляю для них угрозу? Надо выяснить. Возможно, король женился-таки на ней, на моей матери, кто бы там она ни была?.. Или, может статься, бастард имеет право наследовать?.. Сам Артур был зачат вне брака, да и Мерлин тоже, тот самый Мерлин,

что отыскал королевский меч Британии... В конце концов, что такое незаконное происхождение? Важно лишь одно: каков ты...»

Копья поднялись. Дверь в покои королевы отворилась. Мальчуган отогнал сбивчивые, путаные мысли и добрался до самой сути дела. «Нельзя терять бдительности,— раздумывал он.— Ни на единый миг. У королевы нет ни малейших причин ко мне благоволить, а раз уж она так любезна, я должен остерегаться. И не только принцев. Ее. Главным образом ее».

Мордред вошел.

Глава 6

Одинокое бдение на берегу, и долгий, утомительный путь назад во дворец, проделанный в полном молчании, и бодрящая перепалка с близнецами в покоях принцев отчасти помогли Мордреду восстановить свое обычное — на удивление взрослое — самообладание. Моргауза об этом не подозревала, хотя пригляделась к гостю весьма пристально. Запоздалые последствия потрясения все еще давали о себе знать; сказывались ужас и отвращение от увиденного: в лице не осталось ни кровинки и жизни — в движениях.

Бледный как полотно, мальчик молча вышел вперед и встал перед королевой, глядя в пол. Руки его, просунутые под новый кожаный пояс, судорожно сжались в кулаки, словно гость с трудом сдерживал обуревающие его чувства.

Так Моргауза и восприняла происходящее. Она уселась в кресле у окна, в теплой заводи солнечного света.

Габран уже удалился, забрав с собою Гарета, но прислужницы королевы задержались в дальнем конце комнаты: трое шили, четвертая разбирала спряденную шерсть. У ног ее лежала прялка, отполированная долгим использованием.

Мордред вдруг вспомнил — в самый неподходящий момент — о том, как Сула целыми днями просиживала за прялкой в дверях хижины; последнее время работа эта давалась ее узловатым пальцам все труднее.

Мальчик отвернулся, уставился в пол, отчаянно надеясь, что сочувствие и доброта королевы не лишат его самообладания.

Но причин для страха не было.

Моргауза, подперев голову кулачком, внимательно разглядывала гостя. Вылитый принц — в новом-то платье — и до чего по-

хож на Артура! Глаза королевы сузились, губы поджались; негромкий, напевный голосок прозвучал беззаботно, словно чириканье птички:

— Габран рассказал мне о случившемся. Мне очень жаль.

Само воплощение равнодушного безразличия! Гость поднял взгляд и снова потупился, не отозвавшись ни словом. Да и с какой стати ей переживать? Для нее это облегчение — не придется больше платить. Но для Мордреда...

Невзирая на блестящую мишуру новообретенного титула, Мордред отлично сознавал свое положение. Теперь пойти ему некуда, он всецело во власти королевы, которая, ежели не считать пустячной услуги на скалах, не имеет причин желать ему добра.

Мальчуган промолчал.

Моргауза между тем продолжала, расставляя точки над «i».

— И все-таки похоже на то, что Богиня хранит тебя, Мордред. Если бы мы не обратили на тебя взор, что бы сталось с тобою теперь, без крова и без средств заработать на жизнь? А ведь ты мог погибнуть в пламени вместе с приемными родителями. Даже если бы ты и спасся, у тебя бы ничего не осталось. Ты бы нанялся в подручные к первому же поселянину, которому потребуется работник, умеющий обращаться с сетями и лодкой. Тяжкая кабала, Мордред, и вырваться из нее так же непросто, как рабу — обрести свободу.

Гость не пошевелился, не поднял взгляда, но королева подметила, как дрогнули и напряглись его мускулы, и улыбнулась про себя.

— Мордред. Взгляни на меня.

Мальчик поднял глаза: взгляд их был непроницаем.

Теперь Моргауза говорила твердо и по существу.

— Ты пережил тяжкое потрясение, но ты должен взять себя в руки и отстраниться от происшедшего. Теперь тебе известно, что ты незаконный сын короля и приемным родителям обязан только кровом да хлебом насущным — да и то по королевскому повелению многолетней давности! И я тоже исполняла чужую волю. Возможно, я так никогда и не надумала бы забрать тебя у воспитателей, но случай и судьба распорядились иначе. За день до того, как ты повстречал принца Гавейна на утесе, я погляделa в кристалл — и мне явилось предостережение...

Измыслив эту ложь, королева примолкла.

Во взгляде мальчика что-то промелькнуло.

Моргауза сочла, что это страх пополам с завороженным любопытством: именно так беднота воспринимала ее притязания на колдовскую власть. Королева осталась довольна. Мальчишка станет слепым орудием в ее руках, точно так же, как прочий дворцовый люд. Без помощи магии и внушаемого ею ужаса, что королева всячески подстегивала, женщина никогда не удержала бы это бесплодное, воинственное королевство, вдали от защиты королевских мечей, призванных сохранить единство Британии.

— Пойми меня правильно,— продолжила она.— О несчастье прошлой ночи я не догадывалась. Если бы я заглянула в заводь — возможно, что увидела бы и это. Но пути Богини неисповедимы, Мордред. Она сказала, что ты придешь ко мне, и видишь, ты и впрямь пришел. Так что теперь тебе подобает и следует позабыть о прошлом и сделать все возможное, чтобы стать воином, для которого найдется место при дворе.— Королева окинула мальчика взглядом, а затем добавила уже мягче: — Воистину, тебе здесь рады. И мы позаботимся, чтобы тебе оказали добрый прием. Но королевский ты бастард или нет, Мордред, ты должен заслужить это место.

— Я заслужу, госпожа.

— Так ступай и начни уже сейчас.

Так Мордред оказался втянут во дворцовую жизнь, по-своему столь же тяжкую и бескомпромиссную, как и его былое прозябание в рыбацкой хижине, и куда менее свободную.

Оркнейская крепость не могла похвалиться тем, что король с большой земли назвал бы военным плацем.

За дворцовыми стенами заболоченная пустошь плавно повышалась в глубь острова, и эта полоска земли, достаточно ровная и в хорошую погоду достаточно сухая для маневров, служила плац-парадом, учебным плацем, а также и площадкой для игр, когда доставалась в распоряжение мальчиков. Что происходило едва ли не каждый день, ибо принцев Оркнейских не муштровали регулярными уроками военного дела по обычаю, заведенному для сыновей сильных мира сего, могущественных вождей с большой земли.

Будь жив король Лот и сохрани он свое положение в Дунпелдире, в королевстве Лотиан, он, несомненно, позаботился бы о том, чтобы его старшие сыновья по крайней мере всякий день выезжали с мечом и копьем или хотя бы с луком, дабы изу-

чить пределы родной земли и поглядеть на приграничные земли, откуда в военное время может прийти помощь или угроза. Но на островах для подобной бдительности не было надобности.

Всю зиму — а зима длилась от октября до апреля, иногда и до мая — берега оберегало море, и зачастую даже соседние острова казались облаками, парящими наравне с теми, что стремительно неслись через океан, нагруженные дождем или снегом. До известной степени мальчики предпочитали зиму. Королева Моргауза, укрывшись во дворце от неутихающих ветров, целыми днями грелась у очага, и принцы могли не опасаться непредсказуемых вспышек материнского внимания. Никто не запрещал им присоединиться к охоте на оленей или кабанов — волков на острове не водилось; вооруженные копьями, всадники мчались вслед за мохнатыми гончими через дикие, непроходимые пустоши, упиваясь головокружительной скачкой. Ходили и на котиков — в захватывающие кровопролитные набеги по скользким скалам, где один неверный шаг означал сломанную ногу, если не хуже.

Вскорости мальчики в совершенстве освоили луки: остров кишел птицами, стреляй — не хочу. Что до мечевого боя и военного дела, ратники королевы радели о первом, а о втором можно было послушать в любой вечер, посидев с солдатами у кухонного костра во дворе.

Наукам принцев не обучали. Возможно, что в целом королевстве читать умела одна только королева Моргауза. В ее покоях стоял сундук с книгами; иногда, зимними вечерами, при свете очага, она раскрывала какой-нибудь фолиант, а прислужницы благоговейно следили за ее движениями и умоляли почитать им вслух. Соглашалась она редко: книги по большей части представляли собою своды той древней премудрости, что люди называют магией, а королева ревниво оберегала свое искусство. О нем мальчики не знали ровным счетом ничего, да и не стремились узнать. Какая бы сила — причем сила, до известной степени истинная,— игрою случая ни передалась по наследству Моргаузе и Моргане, ее сводной сестре, всех пятерых сыновей Моргаузы она обошла стороной. Впрочем, принцы только презрительно отмахнулись бы от подобного дара. Магия — это для женщин; они — воины, их сила — сила мужей, и принцы ретиво ее усваивали.

И Мордред — ретивее прочих. Он и не рассчитывал, что с легкостью и сразу же войдет в братство принцев, и в самом деле, бастарду пришлось непросто.

Близнецы неизменно держались вместе, а Гавейн приглядывал за Гаретом, защищая брата от кулаков и пинков двойняшек и в то же время пытаясь закалить маленького баловня матери.

Именно благодаря этому Мордред в конце концов ворвался в заговоренные пределы четверки законных отпрысков Моргаузы.

Однажды ночью Гавейна разбудили всхлипывания Гарета. Близнецы спихнули его с кровати на холодный камень и теперь, смеясь, противились попыткам малыша вскарабкаться обратно в тепло. Гавейн, слишком сонный, чтобы принять решительные меры, попросту втащил Гарета в собственную постель. Это означало, что Мордреду придется переселиться к близнецам. Те — сна ни в одном глазу, настроенные весьма воинственно — даже и не подумали подвинуться, но, расположившись по краям широкой кровати, изготовились к обороне.

Мордред постоял на холоде несколько минут, не сводя с недругов глаз, пока Гавейн, не замечая ничего вокруг и не обращая внимания на приглушенное хихиканье близнецов, утешал малыша. Затем, не пытаясь забраться в кровать, Мордред внезапно подался вперед, резким рывком сдернул плотное, подбитое мехом одеяло с голых мальчишечьих тел и приготовился расположиться на полу.

Яростные вопли близнецов заставили Гавейна обернуться, но он только расхохотался, обняв Гарета одной рукою, и ограничился ролью наблюдателя. Агравейн и Гахерис, закоченевшие на холоде, дружно ринулись на Мордреда, и в ход пошли кулаки и зубы. Но чужак оказался проворнее, тяжелее и жалости не ведал. Ударом в живот он отшвырнул Агравейна назад, на кровать; тот опрокинулся на спину, хватая ртом воздух. Гахерис вцепился зубами в руку недруга. Мордред схватил с сундука кожаный пояс и принялся полосовать противника по спине и ягодицам. Тот наконец выпустил брата и с истошным визгом спрятался за кроватью.

Мордред не стал преследовать обидчиков. Он бросил одеяло обратно на постель, отложил пояс на сундук, затем вскарабкался на кровать и укрылся от холодного сквозняка, задувающего от окна.

— Ну ладно, мы в расчете. Идите сюда. Я вас пальцем не трону, если сами не напроситесь.

Агравейн угрюмо сглотнул, выждал не более минуты-другой и повиновался. Гахерис, все еще потирая ягодицы, свирепо сплюнул.

— Бастард! Рыбацкий ублюдок!

— И то и другое,— невозмутимо подтвердил Мордред.— Как бастард, я вас старше, а как рыбацкий ублюдок — сильнее. Так что заткнитесь и лезьте под одеяло.

Гахерис оглянулся на Гавейна, поддержки не встретил и, дрожа от холода, нырнул в постель. Близнецы развернулись к Мордреду спиной и, судя по всему, тотчас же заснули.

На соседней кровати Гавейн, улыбаясь, поднял руку в жесте, означающем: «Победа!» Гарет широко усмехался: слезы его уже просохли.

Мордред помахал в ответ, плотней закутался в одеяло и вытянулся поудобнее. Вскорости — но не раньше, чем убедился, что близнецы и впрямь уснули,— он позволил себе расслабиться в тепле мехов и забылся сном, в котором, как всегда, честолюбивые грезы в равной доле смешивались с кошмарами.

После этого случая трения прекратились.

Агравейн даже проникся к Мордреду невольным восхищением, а Гахерис, хотя здесь он с близнецом разошелся, угрюмо соблюдал нейтралитет.

С Гаретом проблем не возникало. Мордред без труда заручился его дружбой: к тому располагали и приветливый нрав малыша, и скорая, молниеносная месть, что бастард обрушил на его мучителей. Но Мордред соблюдал осторожность, стараясь не встать между малышом и первым его кумиром. С Гавейном следовало считаться в первую очередь, а Гавейн, в характере которого наследие Пендрагонов отчасти вытеснило темную кровь Лотиана и извращенные дарования матери, воспротивился бы любому посягательству на его права.

В отношении самого Гавейна Мордред оставался нейтрален и выжидал. Пусть сам задает тон.

Так минула осень, за нею — зима, и к тому времени, как снова вернулось лето, Тюлений залив превратился в воспоминание. И манерой держаться, и платьем, и познаниями по части искусств, подобающих принцу Оркнейскому, Мордред ничем не выделялся среди сводных братьев. Как самого старшего, его по необходимости ставили в пару скорее с Гавейном, чем с прочими, и хотя поначалу на стороне Гавейна было преимущество долгого обучения, со временем мальчики сравнялись.

Мордреда отличали тонкий расчет, иными словами — коварство, и холодная голова; Гавейна — блеск и стремительность, что в худшие дни оборачивались безрассудством, а то и слепой жестокостью. В целом они сходились с оружием на равных и уважали друг друга с приязнью, хотя и без любви. Любил Гавейн малыша Гарета — с неизменным, безоглядным постоянством и вымученно, зачастую во вред себе — мать. Близнецы жили друг для друга. Мордред, хотя и был принят и, по всему судя, ощущал себя в новом окружении как дома, всегда держался особняком, за пределами клана,— и подобная независимость его явно устраивала. С королевой мальчуган виделся редко и даже не подозревал, сколь пристально она за ним наблюдает.

Однажды, с новым приходом осени, Мордред отправился в Тюлений залив. Он поднялся по тропе на вершину утеса и задержался на привычном месте, откуда столько раз разглядывал зеленую котловину бухты. Стоял октябрь, дул сильный ветер. Вереск почернел и пожух, тут и там в сырых впадинах плотным золотисто-зеленым ковром топорщился мох-сфагнум. Морские птицы в большинстве своем улетели на юг, но белые бакланы по-прежнему носились над тусклыми водами и плескались в волнах, точно духи глубин. На берегу непогода изрядно потрудилась над разрушенной хижиной: дожди смыли грязь, скреплявшую плиты, и теперь стены походили скорее на завалы камня, выброшенного на берег прибоем, нежели на останки человеческого жилища. Ветра и море давно уже растащили обугленные, почерневшие обломки.

Мордред спустился вниз по склону, неспешно направился по омытой дождями траве к дверям своего приемного дома. Встал на пороге и огляделся. На прошлой неделе дождь лил не переставая, и тут и там поблескивали лужицы пресной воды. В одной из них что-то белело. Мальчик нагнулся — и рука его нащупала кость.

Долю секунды помедлив, он резким движением выхватил находку из воды. Осколок кости, но человека или животины — не разберешь. Мордред застыл на месте, сжимая кость в руке, намеренно пытаясь пробудить к жизни чувства и воспоминания. Но время и непогода сделали свое дело: отмытая добела кость стала бесцветной, безликой, бездушной, словно камни на штормовой полосе. Что бы ни значили те люди и та жизнь, все ушло в прошлое. Мордред уронил кость в наполненную водою трещину и повернул назад.

Прежде чем подняться по тропе, мальчуган постоял немного, глядя на море. В известном смысле он обрел-таки свободу,

но все его существо рвалось к иному — к той свободе, что ждала за преградой воды. И все-таки нечто в душе его уже прокладывало путь через воздушные пространства, что пролегли между Оркнеями и королевствами большой земли — теми, что складывались в Верховное королевство.

— Я отправлюсь туда,— объявил Мордред ветру.— Иначе для чего все сложилось так, как сложилось? Я отправлюсь туда, и посмотрим, на что сгодится принц-бастард с Оркнейских островов! И королева меня не удержит. Я поплыву на первом же корабле.

Развернувшись к бухте спиной, Мордред зашагал домой, во дворец.

Глава 7

Но возможность представилась отнюдь не с прибытием следующего корабля и даже не в следующем году.

В конечном счете Мордред, верный себе, предпочел наблюдать и ждать. Да, он уедет, но не раньше, чем сможет на что-то рассчитывать. Он отлично знал, как мало надежды судит запредельный мир неискушенному мальчишке-неучу; без гроша в кармане, такой непременно окажется в тяжкой кабале либо в рабстве, будь он хоть сто раз бастардом королевских кровей. Жизнь на Оркнеях и то отраднее! Но вот на третье лето его пребывания во дворце в гавань вошел корабль с большой земли и внес изрядное оживление.

«Меридаун», небольшое торговое судно, совсем недавно вышло из Каэр-ин-ар-Вон, как в народе называли теперь древний римский город-гарнизон Сегонтиум в Уэльсе. Корабль привез гончарные изделия, руду, выплавленное железо и даже оружие для незаконного сбыта на черном рынке под сенью жалких кузниц, притулившихся за казармами укрепленного порта.

Прибыли также и пассажиры, а для островитян, что гурьбой высыпали на причал навстречу судну, гости представляли интерес куда больший, нежели даже насущно необходимые товары. Корабли привозили новости, и «Меридаун» с его разношерстной толпой приезжих доставил вести, важнее которых не слыхивали уже много лет.

— Мерлин умер! — закричал первый же новоприбывший, ступив со сходней на твердую землю.

Но прежде чем толпа, жадно напиравшая вперед, успела расспросить его пообстоятельнее, следующий громко возразил:

— Ничего подобного, добрые люди, ничего подобного! То есть когда мы вышли в море, старец был еще жив, да только и вправду недужен и, верно, не дотянет до конца месяца...

Толпа шумно требовала подробностей. И постепенно узнавала все больше. Старый ведун и впрямь серьезно болен. Снова начались приступы падучей, недужный много дней пролежал без сознания, не говоря и не двигаясь. Возможно, что «сон, во всем подобный смерти», уже перешел в смерть.

Заодно с горожанами на пристань подоспели и мальчики, предвкушая новости. Младшие принцы, возбужденные, раззадоренные сутолокой и видом корабля, рвались вперед вместе с толпой. Но Мордред держался поодаль. Он слышал гул голосов: кто-то выкрикивал вопросы, кто-то самодовольно отвечал; но, затерянный в шуме и гвалте, мальчик не замечал ничего и никого. Он словно вернулся в давний сон. Некогда встарь, где-то среди размытых теней, он услышал ту же самую весть, доверенную испуганным шепотом. И напрочь позабыл о ней — вплоть до сегодняшнего дня. Всю свою жизнь он слышал легенды о Мерлине, королевском заклинателе, наряду с рассказами о верховном короле и дворе в Камелоте; так почему где-то в глубинах сна уже прозвучало известие о смерти Мерлина? Тогда новости явно не подтвердились. Может, лживы и сейчас...

— Ложь.

— Что такое?

Вздрогнув, Мордред пришел в себя. Похоже, он заговорил вслух. Гавейн глядел на спутника во все глаза.

— Ложь? О чем ты?

— Я так сказал?

— Сам знаешь, что сказал. Что ты имел в виду? Слух о старике Мерлине? Тогда откуда ты проведал? И, по чести говоря, нам-то что за дело? Вид у тебя — словно призрак тебе померещился!

— Может, и так. Я... я сам не знаю, про что я.

Мордред отвечал неуверенно, запинаясь, и это было так на него непохоже, что Гавейн пригляделся повнимательнее. В следующее мгновение мальчиков оттеснили в сторону — сквозь толпу решительно пробирался мужчина. Принцы возмутились было,

но тут же отступили с дороги, узнав Габрана. Фаворит королевы властно крикнул поверх голов:

— Эй, вы, там! Да, ты, и ты тоже... Пойдете со мной. Прямиком во дворец, не мешкая. Королеве подобает первой выслушать новости.

Толпа недовольно подалась назад, пропуская вестников. Те охотно последовали за Габраном, напыжившись от важности и явно уповая на награду. Люди проводили их взглядами и снова обернулись к пристани, готовые приняться за вновь прибывших.

Эти, верно, промышляли торговлей: первый, судя по пожиткам, которые тащил его слуга, был золотых дел мастером, за ним поспешал кожевник, а последним — странствующий врачеватель, и при нем — раб, нагруженный всевозможным добром: сундуками, мешками и склянками. Люди тотчас же обступили его тесным кольцом. На северных островах своего целителя не было, и недужные обращались к знахаркам либо, в самом крайнем случае, к святому отшельнику с острова Папа-Уэстрей, так что возможность упускать не следовало. Сам врачеватель, времени даром не теряя, уже открыл торговлю. Обосновавшись на солнечной стороне набережной, он принялся на все лады расхваливать свой товар, а раб тем временем распаковывал снадобья от всех мыслимых болезней, что только могут поразить оркнейца. Голос его, зычный и уверенный, звучал нарочито громко, дабы заглушить любую попытку конкуренции, но златокузнец, сошедший с корабля раньше прочих, даже не попытался установить свой прилавок. То был седой, сутулый старик; собственное его платье украшали изысканные образчики ювелирного искусства. Он несмело остановился поодаль от толпы, огляделся по сторонам и обратился к случившемуся рядом Мордреду.

— Вот ты, мальчуган, не скажешь ли мне... ах, прощения прошу, молодой господин! Уж извини полуслепого старика! Теперь я доподлинно разглядел, что передо мною знатный вельможа, и молю подсказать мне великодушно: как бы пройти к чертогу королевы?

Мордред указал в нужном направлении.

— Ступай прямо по этой улице и сверни на запад у черного каменного алтаря. Дорога выведет прямехонько ко дворцу. Вон он виднеется, этакая махина,— ах да, у тебя ведь с глазами неважно? Ну так иди вслед за толпой; думаю, большинство поспешит как раз туда, до новостей-то все охочи.

Гавейн шагнул вперед.

— А может, ты и сам еще чего знаешь? Эти приезжие, что так и сыплют придворными новостями,— откуда они? Из Камелота? И сам-то ты, златокузнец, откуда?

— Я из Линдума, молодой господин, с юго-востока, но я странствую, странствую по свету...

— Вот и расскажи нам, чего на свете нового. Ты, верно, знаешь не меньше этих людей: небось наслушался в пути немало любопытного!

— Ох, нет, я-то почитай ничего и не слышал. Мореход из меня никудышный, так что на палубу я и не поднимался. Но эти парни кое о чем умолчали. Думаю, они хотят первыми доставить вести во дворец. На борту — королевский гонец. Ему, бедняге, изрядно недужилось, вроде как мне; впрочем, в любом случае не думаю, чтобы он стал откровенничать с мелкой сошкой вроде нас.

— Королевский гонец? Где он сел?

— В Гланнавенте.

— Это в Регеде?

— Так, молодой господин. Он ведь еще не сошел на берег, верно, Кассо?

Последние слова относились к высокому рабу, нагруженному кладью. Раб покачал головой.

— Помяните мое слово, он тоже отправится прямиком во дворец. Если хотите послушать новости с пылу с жару, молодые господа, вам бы лучше пойти следом. Что до меня, я старик; и пока ремесло мое при мне, мир пусть живет сам по себе. Пойдем, Кассо, ты ведь все слышал? Вон по той дороге до черного каменного алтаря. А там свернуть на восток...

— На запад,— быстро поправил Мордред, обращаясь к рабу. Тот улыбнулся, кивнул, взял хозяина под руку и повел его вверх по грубым ступеням к дороге. Господин и слуга неспешно побрели прочь и вскоре скрылись из виду за хижиной смотрителя гавани.

Гавейн рассмеялся.

— Ага, придворный жеребец на сей раз оплошал! Торжественно провожает к королеве пару сплетников и ведь даже не задержался узнать о том, что на борту — королевский гонец! Любопытно...

Он так и не докончил фразы. Крики и суматоха на корабле свидетельствовали о появлении важной персоны, и вскорости на

палубу поднялся человек, щегольски одетый, гладко выбритый, но все еще бледный как полотно — следствие морской болезни. У пояса его висела сумка королевского гонца, с замком и печатью. Посланец важно прошествовал вниз по сходням. Позабыв о врачевателе, зеваки подступили было к нему, а с ними и мальчики, но остались разочарованы. Гонец никого не удостоил вниманием, на вопросы отвечать отказался, поднялся по ступеням и стремительно зашагал в направлении дворца. Уже миновав последние городские лачуги, он столкнулся с Габраном; тот торопился навстречу гостю, на этот раз с королевским эскортом.

— Ну что ж, теперь узнала и она,— отметил Гавейн.— Пойдем скорее.— И мальчики со всех ног бросились вверх по холму вслед за посланцем.

Письмо, доставленное гонцом, оказалось от сестры королевы — Морганы, правительницы Регеда.

Венценосные дамы друг друга не жаловали, но соединяли их узы крепче любви: ненависть к брату, королю Артуру. Моргауза ненавидела его, зная, что Артура отталкивают и страшат воспоминания о грехе, в который она его ввела; Моргана — потому, что, хотя и будучи замужем за могущественным и воинственным королем Урбгеном, она мечтала о любовнике помоложе и королевстве пообширнее. Человеческой натуре свойственно ненавидеть тех, кого мы безвинно стремимся уничтожить, а Моргана готова была предать и брата, и мужа во имя собственных страстей.

Именно о первой из помянутых страстей она и писала сестре. «Помнишь Акколона? Теперь он мой. Он готов умереть за меня. Возможно, тем оно и кончится, если Артур или этот демон Мерлин прослышат о моих замыслах. Но не тревожься, сестра: я знаю доподлинно, что колдун недужен. Тебе, верно, известно, что он взял в дом ученицу — девчонку, дочку Дионаса, короля Речных островов; она воспитывалась в монастыре Озерных дев на Инис-Витрине. Теперь поговаривают, будто она его полюбовница и, пользуясь слабостью чародея, тщится перенять его магию и, того и гляди, украдет все, что есть, высосет его досуха и оставит навеки скованным. Да, по слухам, колдун смерти не подвластен, но ежели молва не лжет, тогда, как только Мерлин утратит силу и на место его заступит какая-то там девица Нимуэ, мы, истинные колдуньи, отыграем для себя немалую власть — и кто знает, сколь великую?»

Моргауза, читавшая письмо у окна, досадливо и презрительно скривила губы. «Мы, истинные колдуньи»! Если Моргана полагает, что когда-нибудь сумеет дотянуться хотя бы до краешка сестринского искусства, она — ослепленная честолюбием дурочка. Моргауза, некогда преподавшая сводной сестре первые уроки магии, так и не смогла признать, даже про себя, что благодаря врожденной способности к колдовству Моргана уже превзошла оркнейскую ведьму с ее приворотными зельями и ядовитыми наговорами почти так же далеко, сколь Мерлин в былые дни превосходил их обеих.

На этом, собственно, письмо и заканчивалось. «Что до остального,— писала Моргана,— в стране тихо, и, боюсь, это значит, что господин мой король Урбген вскорости вернется домой на зиму. Поговаривают, будто Артур собирается в Бретань — с миром, в гости к Хоэлю. Пока же он пребывает в Камелоте, наслаждаясь супружеским счастьем, хотя наследника по-прежнему не предвидится».

Дочитав до этого места, Моргауза улыбнулась. Итак, Богиня вняла ее молитвам и порадовалась ее жертвам. Слухи не солгали. Королева Гвиневера бесплодна; верховный король не желает отослать ее от себя и, стало быть, останется без наследника. Моргауза глянула в окно. Вот он, тот, кого все эти годы почитали утонувшим. Стоит себе рядом со сводными братьями на ровной полоске дерна за пределами стен, где слуга златокузнеца уже установил хозяйский шатер и плавильную печку, а сам старик раскладывает инструменты да толкует с мальчиками о том о сем.

Моргауза резко отвернулась от окна и кликнула пажа. Тот бегом явился на зов.

— Тот человек у стены — он ювелир? Только что прибыл с кораблем? Ясно. Так пусть принесет и покажет мне свою работу. Если мастер и впрямь искусен, дело для него найдется и жить ему во дворце. Но работа должна быть изрядно хороша, достойна двора королевы. Упреди его заранее, в противном случае пусть мне не докучает.

Паж умчался. Королева, уронив письмо на колени, вгляделась в даль, за вересковые пустоши, за зеленую черту горизонта, где небеса отражали блеск бескрайней глади моря, и улыбнулась. Ей снова открылось видение, прежде явленное в хрустале: высокие башни Камелота, и она сама, вместе с сыновьями, не-

сет Артуру богатые дары, что послужат для нее пропуском к почету и власти. А драгоценнейший из даров стоит здесь, под окном,— Мордред, сын верховного короля.

Хотя до поры о том знала только королева, принцам не суждено было провести на островах вместе еще одного лета, и это, последнее, выдалось на диво погожим. Сияло солнце, дули теплые, ласковые ветра, охота и рыбалка неизменно приносили удачу. Мальчики проводили на воздухе целые дни. Уже давно под водительством Мордреда они ходили в море: островитяне нечасто делали это забавы ради, ибо здесь, в месте слияния двух великих морей, течения были изменчивы и опасны. Гахерис поначалу страдал от морской болезни, но, стыдясь уступить первенство «рыбацкому ублюдку», проявил изрядное упорство и вскоре сделался вполне сносным мореходом. Остальные трое чувствовали себя на море, точно чайки — на гребне волны, и «законные принцы» прониклись к старшему мальчику новым уважением, видя, как умело и ловко он управляется с ладьей в этих коварных водах. Впрочем, сноровка его, по чести говоря, в скверную погоду не испытывалась: снисходительность королевы быстро иссякла бы при первом же признаке настоящей опасности. Так что все пятеро держали языки за зубами касательно острых переживаний и беспрепятственно осваивали побережье. Если советники Моргаузы и знали лучше госпожи, сколь рискованны подобные прогулки даже летней порой, королеве они не обмолвились и словом: в один прекрасный день Гавейну предстояло стать королем, и его благосклонности уже добивались всеми силами. Саму Моргаузу за пределами дворца мало что занимало. «Ведьмы моря не любят»,— наивно говаривал Гарет, не подозревая об истинном смысле своих слов. И в самом деле, принцы явно гордились тем, что мать их слывет ведьмой.

В течение лета репутация королевы отчасти оправдалась. Бельтана-златокузнеца и его раба Кассо разместили в одной из дворцовых пристроек; всякий день они трудились во дворе, у всех на виду. Трудились, исполняя королевин заказ: Моргауза вручила им серебра и небольшой запас драгоценных камней, вывезенный из Дунпелдира много лет назад, и велела изготовить крученые ожерелья, браслеты и прочие украшения, «достойные короля». Моргауза никому не объяснила причины, однако разнеслись слухи, будто королеве явлено было волшебное видение, все про сокровища великой красоты и ценности, а теперь вот приехал ювелир — благодаря магии или случаю, как угодно,— и воплотит грезу наяву.

Изделия и впрямь отличались редкой красотой. Старик в совершенстве владел мастерством, а в придачу мог похвалиться редким вкусом и обучался у лучших ювелиров (об этом он не уставал твердить всем и каждому). Он знал кельтские орнаменты, прелестные переплетения изломанных и словно перетекающих друг в друга линий, а также, по его же собственным словам, отчасти перенял у южных саксов технику работы с эмалью, чернь и изящную филигрань. Изделия посложнее Бельтан брал на себя; он был настолько близорук, что в повседневной жизни немногим отличался от слепого, но мелкие детали воссоздавал на диво кропотливо и точно. Украшения более крупные, а также всю рутинную работу выполнял раб Кассо; ему же позволялось время от времени брать вещи в починку и принимать заказы от местных. Молчун Кассо являл полную противоположность разговорчивому Бельтану, и мальчики — а они часами слонялись у плавильни, когда происходило что-нибудь интересное,— далеко не сразу обнаружили, что раб попросту нем. Так что все свои вопросы они обращали к Бельтану, а тот и болтал, и трудился безостановочно и в охотку, но Мордред, который наблюдал за происходящим почти столь же безмолвно, как и раб, подметил, что Кассо ничего не упускает, то и дело вскидывает глаза и кажется изрядно сметливее своего господина. Впечатление оказалось кратким и тут же позабылось — принцу недосуг размышлять о немом рабе, а Мордред к тому времени сделался принцем до мозга костей, принятый сводными братьями и — что его по-прежнему изрядно озадачивало — в большой милости у королевы.

Так прошло лето, и в конце концов магическое предвидение королевы оправдалось. Ясным сентябрьским днем в гавань вошел еще один корабль. Прибыли вести, изменившие жизнь всего оркнейского семейства.

Глава 8

То был королевский корабль. Мальчики увидели его первыми. В тот день они вышли в море на лодке и рыбачили в узком заливе. Корабль, гонимый попутным ветром, летел по волнам на всех парусах, а на золоченой мачте развевался флаг. У принцев

дух захватило от волнения: они тотчас же узнали герб, хотя никогда прежде его не видели. Красный дракон на желто-золотом фоне!

— Штандарт верховного короля!

Мордред, сидевший у руля, первым разглядел рисунок.

Гахерис, никогда не умевший владеть собой, огласил море восторженным воплем — исступленным, точно боевой клич.

— Он послал за нами! Мы поедем в Камелот! Наш дядя, верховный король, наконец-то про нас вспомнил!

— Итак, видение матери оказалось истинным,— медленно произнес Гавейн.— Серебряные украшения и впрямь предназначены для короля Артура. Но если она ему сестра, для чего ей дары?

Братья пропустили вопрос мимо ушей.

— Камелот! — благоговейно вздохнул Гарет, и глазенки его расширились.

— Ты-то ему точно ни к чему,— резко одернул братишку Агравейн.— Мал больно. И вообще, мать тебя не отпустит. Но ежели твой дядя, верховный король, пошлет за *нами,* разве сможет она удержать нас?

— И ты поедешь? — хмуро осведомился Мордред.

— То есть как это? Выбора-то нет. Если верховный король...

— Да знаю, знаю. Я имею в виду, захочешь ли ты поехать?

Агравейн уставился на собеседника во все глаза.

— Ты что, с ума сошел? Как можно не захотеть? С какой стати?

— А с такой, что верховный король никогда не был другом нашему отцу, вот он о чем,— пояснил Гахерис. И мстительно добавил: — Понятно, почему Мордреду ехать боязно, но, в конце концов, верховный король — брат нашей матери, и с какой стати ему замышлять недоброе против нас, даже если он и враждовал с отцом? — Он оглянулся на Гавейна.— А ты ведь это и имел в виду, верно? Дескать, мать берет с собой все эти сокровища, чтобы откупиться?

Гавейн ничего не ответил: он возился с канатом. Гарет, понимая только половину из сказанного, возбужденно добавил:

— Если мама поедет, она и меня возьмет, я знаю, что возьмет!

— Откупиться! — возмущенно повторил Агравейн.— Что за чушь! Всякому ясно, в чем тут дело. Злобный старец Мерлин

настраивал верховного короля против нас, а теперь наконец-то приказал долго жить: могу поспорить, что именно эти вести и везет корабль, так что мы сможем отправиться ко двору в Камелот и встать во главе королевских Сотоварищей!

— Все лучше и лучше,— отозвался Мордред еще угрюмее, чем прежде.— Когда я спросил, захотите ли вы поехать, я разумел, что вы не одобряете королевской политики.

— А, политика,— нетерпеливо отмахнулся Агравейн.— Не о ней речь. Похоже, подвернулась возможность вырваться отсюда и оказаться в гуще событий! Дайте мне только добраться до Камелота, дайте хоть малую толику шанса повидать мир да полюбоваться на сражения, а королевская политика пусть катится ко всем чертям!

— Сражения — да будут ли они? Здесь-то и загвоздка, верно? Вот почему вы злитесь. Если король и в самом деле вознамерился заключить прочный мир с Кердиком Саксонцем, никаких битв вы не увидите.

— Он прав,— согласился Гахерис.

Но Агравейн только рассмеялся в ответ:

— Поглядим. Во-первых, не думаю, что даже Артуру удастся принудить саксонского короля принять условия и соблюсти их; во-вторых, как только я окажусь там и под руку мне подвернется какой-нибудь сакс, есть там договор, нет ли, а драка будет, обещаю!

— Ишь, разболтался,— презрительно бросил Гахерис.

— Но ежели заключен договор...— возмущенно начал Гарет.

Но тут вмешался Гавейн. Голос его звучал нарочито ровно, сдерживаемое волнение почти не давало о себе знать.

— Придержите языки, вы все! Давайте-ка вернемся и все узнаем. Просто новости — и то хлеб. Мордред, можно, мы повернем к берегу?

Ибо Мордред с общего согласия неизменно возглавлял морские походы, а Гавейн — сухопутные вылазки.

Мордред кивнул и велел поднять парус. Самую тяжелую работу пришлось выполнять Агравейну, что вряд ли явилось простой случайностью. Но тот не возразил ни словом и, поймав конец каната, помог развернуть верткую лодочку. Челнок стремительно понесся к земле, подпрыгивая на расходящихся волнах в кильватере королевского корабля.

В самом ли деле корабль привез послание касательно мальчиков или нет, но на борту и впрямь прибыл королевский посланец: он сошел на берег, не успел корабль толком пришвартоваться у причала. Хотя гость ни с кем не обменялся ни единым словом, разве что коротко выразил признательность почетному эскорту, высланному королевой ему навстречу, новости уже отчасти распространились среди судовой команды, и к тому времени, как мальчики пристали к берегу, слухи передавались из уст в уста — с благоговейным ужасом, точно отзвук погребального звона, и с тайным восторгом, что испытывает бедный люд при мысли о великих переменах в чертогах высших мира сего.

Смешавшись с толпой, мальчики жадно прислушивались к обрывкам разговоров и расспрашивали мореходов, уже сошедших на пристань.

Догадки принцев подтвердились. Старый чародей наконец-то скончался. И был погребен с пышными почестями в собственной своей пещере Брин-Мирддин, близ родного Маридунума. Одному из солдат, сопровождавших королевского посланца, довелось по службе оказаться на месте событий, и теперь он охотно живописал торжественную церемонию и горе короля и в красках распространялся о том, как по всему краю, из конца в конец, запылали костры и как со временем двор возвратился в Камелот, а на Оркнеи выслали королевский корабль. Что до самого поручения, здесь матросы отвечали уклончиво; дескать, ходят слухи, что семейству королевы Моргаузы предстоит отправиться на большую землю.

— А я что вам говорил! — торжествующе объявил Гахерис братьям.

И мальчики сломя голову помчались по дороге ко дворцу. Мгновение поколебавшись, Мордред последовал за ними. Все словно переменилось — внезапно и сразу. Он снова изгой, а четверо сыновей Лота, сроднившись в преддверии блестящего будущего, едва его замечают. На бегу принцы деловито переговаривались между собой.

— Это Мерлин советовал верховному королю заключить мир с саксами,— тяжело дыша, говорил Агравейн.

— Так что, может статься, мы увидим, как наш дядя снова возьмет в руки меч,— радостно восклицал Гахерис.— И мы ему понадобимся...

— Король нарушит данную клятву? — резко бросил Гавейн.

— А может, ему нужны не только мы,— предположил Гарет.— Может, он прислал и за матушкой тоже — теперь, когда Мерлина не стало. Гадкий был человек, по словам матушки, и терпеть ее не мог, потому что завидовал ее могуществу. Она сама мне сказала. Может, раз чародей умер, матушка станет творить магию для короля вместо него.

— И станет королевской волшебницей? У него уже есть одна,— сухо возразил Гавейн.— Ты разве не слышал? Леди Нимуэ унаследовала силу Мерлина, и король шагу без нее не ступит. Во всяком случае, так говорят.

У самых ворот мальчики перешли на шаг. Гарет обернулся к сводному брату:

— Мордред, когда мы уедем в Камелот, ты ведь здесь один останешься. И что ты станешь делать?

Он останется здесь один... Первенец короля Оркнейского останется на Оркнеях — единственным из всех принцев? Мордред видел: Гавейну одновременно пришла в голову та же самая мысль.

— Я об этом не задумывался. Пошли узнаем, что за вести привез гонец,— коротко отозвался бастард.

И вбежал в ворота. Помедлив мгновение, Гавейн последовал за сводным братом, а с ним и все прочие.

Дворец гудел, как пчелиный улей, но никто толком ничего не знал — разве что основные новости, мальчикам уже известные. Посланец все еще беседовал с королевой с глазу на глаз. В коридорах и главном зале теснились люди, но перед принцами толпа расступалась: те, по-быстрому умывшись и переодевшись, пробились поближе к дверям покоев королевы.

Время шло. Сгущались сумерки; слуги обошли зал, зажигая факелы. Настало время трапезы.

По комнатам распространились запахи стряпни; мальчики только сейчас вспомнили, что голодны. Взбудораженные появлением корабля, они даже не съели ячменные лепешки, прихваченные с собою в лодку. Но заветные двери так и не открылись. Один только раз до принцев донесся голос матери, резкий и громкий, но что звучало в нем — радость или гнев? Мальчики неуютно поежились и переглянулись.

— Просто быть того не может, чтобы мы никуда не поехали! — воскликнул Агравейн.— С каким еще поручением наш дядя, верховный король, пришлет сюда королевский корабль?

— А если и не поедем,— заметил Гавейн,— что помешает нам отослать с тем же кораблем письмо к нашему дяде, верховному королю, и напомнить ему о себе?

«Если кто-нибудь из них еще хоть раз скажет "наш дядя, верховный король",— подумал Мордред, с трудом сдерживая ярость,— я на весь дворец закричу про "моего отца, короля Лотиана и Оркнеев"; поглядим, что они на это скажут!»

— Тише! — проговорил он вслух.— Вот и гонец. Теперь-то мы узнаем наверняка!

Но до поры так ничего и не прояснилось. Дверь покоев королевы распахнулась, и посланец, миновав стражу, вышел в коридор — с каменным, ничего не выражающим лицом, как учат ему подобных. Не глядя по сторонам, он шагал вперед; толпа покорно расступалась. Никто не заговорил с гостем; даже принцы беспрекословно отступили к стене, не задав ни одного из вопросов, что жгли им губы. Даже здесь, на краю света, за пазухой у северного ветра, все знали: королевских послов не расспрашивают, все равно как самого короля. А тот прошествовал мимо, словно не заметив мальчиков, точно любой королевский гонец значил куда больше, нежели все островные принцы, вместе взятые.

Навстречу ему поспешил дворецкий, и почетного гостя торжественно проводили в отведенные ему покои. А двери так и не приоткрылись.

— Ужинать хочу,— пожаловался Гарет.

— Похоже, что поужинаем мы куда раньше, чем она надумает сообщить нам, что же все-таки происходит,— заметил Агравейн.

Так оно и вышло. Позднее, ближе к тому часу, когда мальчиков обычно отправляли в постель, королева наконец-то послала за сыновьями.

— Зовут всех пятерых? — переспросил Гавейн.

— Всех пятерых,— подтвердил Габран, как-то странно оглянувшись на Мордреда. Еще четыре пары глаз обратились в ту же сторону. Мордред, внутренне напрягшись против накатившей волны волнения, надежды и тревоги, по обыкновению своему глядел отчужденно и равнодушно.

— И поторопитесь,— сказал Габран, придерживая дверь.

Принцы ждать себя не заставили.

Они чередой вошли в покои Моргаузы и молча застыли в тревожном ожидании, до глубины души потрясенные увиденным. Отпустив гонца, королева воспользовалась долгой передышкой для того, чтобы отужинать и переговорить с советниками, и после бурной, но не лишенной приятности интерлюдии с Габраном, приказала прислужницам приготовить ванну, подать парадные одежды и обеспечить необходимое убранство: Моргауза желала принять сыновей по-королевски.

Из зала перенесли высокое золоченое кресло и установили у очага, где ярко пылал торф. Моргауза уселась, поставила ножки на кармазинную скамеечку. На столике рядом стоял золотой кубок с остатками вина, а возле лежал врученный посланником свиток; королевская печать с драконом алела на нем, точно кровавое пятно.

Габран проводил мальчиков в покои, пересек комнату и встал за креслом королевы. Никого больше не было, прислужниц давно отослали. Время перевалило за полночь; полная луна за окном померкла от оттенка календулы до серебряного. Резко очерченный луч света наискось пал на трон Моргаузы, вспыхивая на золоте и теряясь в складках ее платья. Королева облачилась в один из роскошнейших своих нарядов: мерцающий поток красновато-коричневого бархата облегал фигуру, пояс искрился золотом и изумрудами; волосы, перевитые золотыми нитями, венчала одна из королевских корон — тонкий обруч красного кельтского золота, некогда принадлежавший королю Лоту. До сих пор мальчикам доводилось видеть этот венчик только в те дни, когда им дозволялось присутствовать на торжественных советах.

Факелы потушили, а светильников не зажгли. Моргауза восседала между заревом очага и потоком лунного света: по-королевски величественная и несказанно прекрасная. Пожалуй, из всех пяти принцев только один Мордред заметил, как бледны ее щеки под непривычным румянцем. «Она плакала,— подумал он, а затем, с типично артуровским хладнокровием, поправился: — Она пила. Гавейн прав. Все они уезжают. И что станется со мной? Зачем за мною послали? Они боятся оставлять меня здесь одного — меня, первенца короля Лота? Королевский отпрыск, и один на острове — что со мной будет?» Но в лице мальчика не отразилось и следа обуревающих его мыслей; он стоял недвижно рядом с Гавейном, на полголовы выше брата, и бесстрастно ждал, словно происходящее занимало его куда менее

прочих. Затем он заметил: королева смотрит только на него, Мордреда, и сердце его подскочило в груди и резко, неистово заколотилось.

Но вот Моргауза отвернулась от Мордреда и некоторое время молча созерцала всех вместе. А затем заговорила:

— Всем вам уже известно, что корабль, вставший на якорь в гавани, пришел от моего брата, верховного короля Артура, и что на корабле этом прибыл посланец с письмом для меня.

Ответа не последовало. Впрочем, Моргауза его и не ждала. Она оглядела шеренгу мальчиков: все лица обращены к ней, глаза разгораются радостным предвкушением.

— Вижу, вы про себя уже строите догадки, и думается мне, что правильные. Да, наконец-то оно пришло, то самое повеление, которого, как мне ведомо, вы с нетерпением ждали. И я тоже ждала, хотя того, что случилось, одобрить не могу... Вы поедете в Камелот, ко двору верховного короля, вашего дяди.

Она замолчала. Гавейн, которому всегда позволялось больше, чем прочим, не замедлил отозваться:

— Госпожа матушка, ежели известия огорчили вас, я о том искренне сожалею. Но ведь мы всегда знали, что рано или поздно этого не миновать, верно? Ровно так же, как знаем, что отрокам столь высокого рода, как наш, в один прекрасный день предстоит обучаться и стяжать славу на большой земле, в гуще событий, но не здесь, на островах.

— Безусловно.

Узкая ручка нетерпеливо постукивала по столу, где лежало письмо короля, наполовину развернутое. В каких же выражениях составлено это послание, размышлял про себя Мордред, чтобы Моргауза схватилась за бутыль с вином и разволновалась так, что каждый нерв зримо вибрирует, словно туго натянутая струна лютни?

Ободренный кратким ответом, Гавейн порывисто спросил:

— Тогда почему вы не рады приглашению? Ведь вы вовсе не теряете...

— Дело не в самом приглашении. Но в том, как оно подано. Мы все знали, что в один прекрасный день это случится, когда... когда мой заклятый враг сгинет с глаз короля. Я предсказывала это и лелеяла собственные замыслы. Мне бы хотелось, чтобы ты, Гавейн, остался на островах; ты — будущий король, и твое место здесь, со мною или без меня. Но Артур призывает тебя,

и тебе придется поехать. А этого человека, этого «посла», как он сам себя именует (в голосе Моргаузы зазвенело презрение), Артур прислал на твое место в качестве регента. И кто знает, к чему это приведет? Я откровенно скажу вам, чего боюсь. Я боюсь, что, едва вы с братьями покинете Оркнеи, Артур прикажет своему ставленнику отобрать у вас ту единственную землю, что еще за вами осталась, как отобрал Лотиан, и посадит здесь этого прихвостня вместо вас.

Однако раскрасневшийся от волнения Гавейн не склонен был соглашаться.

— Но матушка... госпожа... как можно? Что бы он ни содеял в Дунпелдире из вражды к отцу нашему, королю Лоту, вы его сестра, а мы кровная родня, и другой нет. Зачем ему бесчестить и разорять нас? Он на такое не пойдет! — простодушно добавил принц.— Все, с кем я говорил — и моряки, и путешественники, и торговцы со всех концов света,— все они сходятся в том, что Артур — великий король и всегда поступает по справедливости. Вот увидите, госпожа наша матушка, что бояться нечего!

— Ты толкуешь, как несмышленый мальчишка! — резко оборвала сына Моргауза.— Ясно одно: здесь оставаться бессмысленно, и, ослушавшись королевского приказа, мы ничего не выиграем. Нам остается только положиться на охранную грамоту, им присланную, но, представ перед Артуром, мы воззовем к его совету — в Круглом зале, если угодно! — и поглядим, посмеет ли он, в присутствии меня, своей сестры, и вас, своих племянников, оспорить наши права на Дунпелдир.

Мы? Нас? Никто не произнес этого вслух, но мысль передалась по цепочке от одного принца к другому, а вместе с ней — горечь разочарования. Ни один из мальчиков не признавался даже себе, что долгожданные новые горизонты сулят также и освобождение от властного самоуправства матери. Но теперь каждый обескураженно нахмурился, чувствуя себя обойденным.

Моргауза, мать и колдунья, видела сыновей насквозь. Губы ее изогнулись.

— Да, я сказала «мы». Приказ ясен. Мне велено явиться ко двору в Камелот, как только верховный король возвратится из Бретани. Причины не приводятся. Но я обязана взять с собой...— она снова коснулась братнего послания, словно цитируя дословно,— всех пятерых принцев.

— Он сказал «всех пятерых»?

На этот раз вопрос хором задали близнецы. Гавейн промолчал, но недоуменно оглянулся на Мордреда.

Сам Мордред утратил дар речи. Им владели смешанные чувства: восторг и разочарование, отзвуки рождения и краха великих замыслов, гордость и предчувствие унижения. И еще — страх. Ему предстоит поехать в Камелот по приказу самого верховного короля. Ему, побочному сыну давнего Артурова недруга. Может ли быть, что все пятеро сыновей Лота едут на верную смерть, которая до сих пор откладывалась только благодаря вмешательству старого колдуна? Мальчуган тотчас же отверг эту мысль. Нет, ведь законные принцы — сыновья сестры верховного короля, а у него, Мордреда, что за право рассчитывать на Артуровы милости? Ровным счетом никаких прав: лишь смутные отголоски неприязни да байка о давней попытке утопить его в море. Может, Артур до сих пор об этом помнит и ныне охотно докончит дело, так неудачно начатое в ночь избиения младенцев давным-давно.

Что за бред! Призвав на помощь воспитанное годами железное самообладание, Мордред выбросил из головы предположения и догадки и сосредоточил внимание на том, в чем был уверен. По крайней мере, он едет. Если король некогда и пытался его убить, то было при жизни Мерлина и, предположительно, по его совету. Теперь Мерлин мертв, и он, Мордред, подвергается ничуть не большей опасности, нежели его сводные братья. Так что он примет все то, что предложит ему большая земля, и, оказавшись за пределами островной цитадели, хотя бы выяснит, хитростью, если нужно, или просто справившись о преценденте у королевских советников, что причитается старшему сыну короля, даже если позже родились еще дети, способные оттеснить первенца...

Мордред заставил себя прислушаться к словам королевы. Похоже, они поплывут на собственном корабле, под названием «Орк», который благодаря колдовскому предвидению Моргаузы был заново оснащен, покрашен и обставлен с роскошью, столь милой сердцу королевы. Да и дары, которые предстоит взять с собой, почти готовы; и одежда для мальчиков, и наряды и украшения для их матери. Габран тоже поедет, а также и личная охрана королевы, а совет из четырех вельмож возьмет в свои руки управление Оркнеями, под началом у посла верховного короля... А поскольку сам верховный король в Камелот

не вернется до конца октября, путешествие будет неспешным; достанет времени навестить королеву Моргану в Регеде...

— Мордред!

Рыбацкий воспитанник вздрогнул.

— Госпожа?

— Останься. Остальные — ступайте. Эльса!

В дверях возникла старуха.

— Проводи принцев в их покои и позаботься о них. Приглядди, чтобы не болтали, но тут же улеглись по постелям. Габран, выйди! Нет, не туда. Дождись меня.

Габран повернулся на каблуках и удалился в спальню. Гавейн нахмурился ему вслед, поймал взгляд Моргаузы — и гримасы как не бывало. Подавая пример прочим, он первым шагнул вперед и поцеловал матери руку. Эльса выставила мальчиков за порог и засуетилась, зацокала языком еще до того, как дверь плотно закрылась.

Оставшись наедине с королевой, Мордред усилием воли взял себя в руки и приготовился слушать.

Глава 9

Едва за мальчиками закрылась дверь, Моргауза резко встала и отошла к окну.

Это движение увело ее из каминного зарева в светлеющее серебро луны. Холодный отблеск из-за спины погрузил во тьму лицо и фигуру, но обрисовал очерк волос и платья, так что Моргауза вдруг показалась созданием тени в обрамлении света, видимым лишь отчасти и совершенно нереальным. По спине Мордреда снова побежали мурашки: так у зверя шерсть встает дыбом при приближении опасности. Моргауза была ведьмой, и, как любой из островных жителей, мальчик страшился ее власти, которая представлялась ему столь же несомненной и естественной, как ночь, сменяющая день.

Он был еще слишком неопытен и слишком благоговел перед королевой, чтобы понять, что Моргауза в замешательстве и, вопреки обыкновению, не на шутку встревожена. Посол верховного короля был холоден и резок; доставленное письмо заключало в себе только высочайшее повеление, коротко и официально изложенное: ей и пяти мальчикам вменялось в обязанность явиться ко двору. Причина не указывалась, отговорки не принима-

лись, а эскорт солдат, прибывший на том же корабле, должен был обеспечить безоговорочное послушание. Моргауза засыпала посла вопросами, но ничего более не узнала; бесстрастная сдержанность гонца сама по себе заключала угрозу.

Нельзя было утверждать наверняка, но, судя по стилю письма, представлялось вполне возможным, что Артур обнаружил-таки местонахождение Мордреда; он явно подозревал, даже если и не знал доподлинно, что пятый мальчуган при оркнейском дворе — его сын. Откуда бы он проведал истину — этого Моргауза взять в толк не могла. Много лет назад из уст в уста передавались сплетни о том, что она, дескать, возлегла со своим сводным братом Артуром перед самой свадьбой с королем Лотом и в должный срок разрешилась сыном, но повсеместно считалось, будто помянутый мальчик погиб в числе прочих младенцев Дунпелдира. Моргауза готова была поручиться, что здесь, на Оркнеях, ни одна живая душа не знает и не догадывается о том, кто таков Мордред; дворцовые сплетники перешептывались о «Лотовом пащенке», этом пригожем мальчишке, которому покровительствует королева. Ходили, безусловно, и другие, более скабрезные слухи, Моргаузу изрядно забавлявшие.

Но Артур каким-то образом прознал правду. И послание не оставляло места сомнениям. Солдаты отконвоируют ее в Камелот, а вместе с нею и всех ее сыновей.

Глядя на мальчика, которому предстояло послужить для нее пропуском к милостям Артура, к власти и достойному положению в центре событий, Моргауза размышляла про себя, не сказать ли Мордреду тут же и сразу, чей он сын.

На протяжении всех тех лет, что Мордред пробыл во дворце, живя и воспитываясь вместе со сводными братьями, королеве даже в голову не приходило открыть сыну глаза. Придет срок, говорила себе Моргауза, представится возможность явить мальчика миру и использовать его к наибольшей выгоде; либо время, либо магия подскажут ей, когда пробьет час.

Правда заключалась в том, что Моргауза, подобно многим женщинам, которые добиваются своего главным образом посредством влияния на мужчин, была скорее хитра, нежели умна, и притом ленива по складу характера. Так что годы шли, а Мордред по-прежнему пребывал в неведении, и тайну его знали только мать да Габран.

А теперь каким-то образом о ней проведал и Артур и сразу по смерти Мерлина послал за сыном. И хотя Моргауза многие годы

порочила чародея из ненависти и страха, она знала, что именно Мерлин изначально защитил Мордреда и ее саму от неистового гнева Артура. Так чего Артуру надо теперь? Убить Мордреда? Наконец-то убедиться своими глазами? Королева тщетно ломала голову. Что станется с Мордредом, заботило ее только применительно к собственной участи, но за себя она тревожилась. С той самой ночи, когда она возлегла со своим сводным братом, дабы зачать сына, Моргауза с Артуром не виделась; рассказы о могущественном, неукротимом, ослепительном короле не сходились с ее собственными воспоминаниями о пылком мальчишке, которого она расчетливо завлекла к себе на ложе.

Моргауза стояла спиной к яркой луне. Лицо ее оставалось в тени. Королева заговорила, и голос ее прозвучал бесстрастно и ровно:

— Ты ведь тоже, заодно с Гавейном, болтаешь с заезжими мореходами и торговцами?

— Ну да, госпожа. Мы частенько ходим в гавань вместе с прочим людом послушать новости.

— Кто-нибудь из них... Постарайся припомнить в точности... Не случалось ли того за последние несколько недель или месяцев, чтобы кто-нибудь из них сам заговорил с тобою? Принялся расспрашивать?

— Не думаю... да и о чем, госпожа?

— О тебе. Дескать, кто ты такой и что ты делаешь здесь, во дворце, в числе принцев.— Доводы королевы звучали вполне убедительно.— Большинство здешних уже прознали, что ты незаконнорожденный сын короля Лота, который был отдан на воспитание рыбакам и по смерти приемных родителей перебрался во дворец. Чего народ не знает, так того, что ты спасся во время избиения в Дунпелдире и прибыл сюда морем. Ты об этом с кем-нибудь толковал?

— Нет, госпожа. Вы же мне не велели.

Королева пристально вгляделась в бесстрастное лицо, в темные глаза — и поверила. Она привыкла к бесхитростному взгляду лжеца — близнецы частенько врали из чистого удовольствия — и теперь не сомневалась, что слышит правду. Не сомневалась и в том, что Мордред слишком благоговеет перед ней, чтобы ослушаться. Однако решила убедиться наверняка.

— Тем лучше для тебя.

Во взгляде мальчика что-то блеснуло, и королева осталась довольна.

— Но тебя кто-нибудь расспрашивал? Хоть кто-нибудь, хоть одна живая душа? Подумай хорошенько. Может, кто-то знает или догадался?

Мордред покачал головой:

— Ничего такого не припоминаю. Люди и впрямь говорят что-нибудь вроде: «А-а, так, значит, ты из дворца? Выходит, у королевы пятеро сыновей? Вот счастливица!» А я объясняю, что я сын короля, а вовсе не королевы. Но обычно,— добавил мальчуган,— обо мне расспрашивают кого-нибудь другого. Только не меня.

Слова дышали простодушием, интонации голоса — никоим образом. Ответ подразумевал следующее: «Люди не смеют допрашивать меня, но любопытствуют-таки и задают-таки вопросы. Однако меня сплетни не занимают».

В лунном отблеске Мордред углядел тень улыбки. Глаза Моргаузы были темны и непроницаемы, точно провалы в пустоту. Даже драгоценные камни погасли. Королева словно сделалась выше. Тень ее, отбрасываемая луной, увеличилась до чудовищных размеров, грозя поглотить собеседника. В воздухе повеяло холодом. Принц против воли поежился.

Моргауза пристально наблюдала за ним, по-прежнему улыбаясь, выпуская первые темные щупальца своей магии. Она уже приняла решение. Она ничего не скажет мальчишке. Незачем омрачать долгое путешествие на юг: лишние осложнения ей ни к чему, а нетрудно себе представить, как воспримут остальные ее сыновья новость об истинном статусе Мордреда, сына верховного короля. А также и неизбежно связанное с нею разоблачение кровосмесительной связи матери с ее сводным братом. На большой земле об этом судачили открыто, но на островах никто не дерзнул бы повторить запретных слов вслух; четверо сыновей Моргаузы ни о чем не подозревали. Даже про себя королева не желала признавать, как принцы отнесутся к этому известию.

Несмотря на все свое чародейство, Моргауза понятия не имела, зачем они понадобились верховному королю. Возможно, Артур послал за Мордредом только для того, чтобы убить его. В таком случае, размышляла Моргауза, холодно разглядывая старшего сына, ему и не нужно ничего знать — равно как и прочим ее сыновьям. Если же нет, необходимо приковать к себе мальчишку нерушимыми узами, обеспечить его послушание, а для этого у нее в запасе была испытанная тактика. Страх, а затем признательность; соучастие — а затем преданность; с их помощью королева испытывала и удерживала своих любовников, а теперь удержит и сына.

— Ты мне верен,— проговорила Моргауза.— Я рада. Я знала это, но мне хотелось услышать подтверждение из твоих уст. Ты ведь понимаешь, что мне и расспрашивать тебя не было нужно, так?

— Да, госпожа.— Многозначительный тон вопроса озадачил мальчика, но ответил он просто.— Всяк и каждый знает, что вам ведомо все, потому что вы...— Мордред собирался сказать «ведьма», но прикусил язык и докончил фразу иначе: — Потому что вы владеете силами магии. Вы видите то, что скрыто от прочих расстоянием и временем.

Вот теперь Моргауза улыбнулась — открыто и не таясь.

— Ты хотел сказать «ведьма», Мордред. Да, верно, я ведьма. Я владею силой. Ну давай, произнеси это вслух!

— Вы ведьма, госпожа, и вы владеете силой,— покорно повторил мальчик.

Королева наклонила голову, тень сжалась и тут же выросла снова. Потянуло сквозняком.

— И ты прав, опасаясь этой силы. Помни о ней всегда. А когда тебя станут расспрашивать, а так оно и произойдет, там, в Камелоте, помни о своем долге предо мной, как мой вассал и мой... пасынок.

— Я не забуду. Но что они... с какой стати им?..

Мальчик смущенно умолк.

— Ты хочешь знать, что случится, когда мы прибудем в Камелот? Так? Что ж, Мордред, я буду с тобой откровенна: у меня были видения, но не все мне ясно. Что-то затемняет кристалл. Нетрудно предположить, что ждет моих сыновей, королевских племянников. Но ты? Ты гадаешь, что станется с тобой?

Не доверяя голосу, Мордред просто кивнул. Куда уж было островному мальчишке тягаться с ведьмой в час луны, здесь оробели бы и более сильные духом! Моргауза словно притягивала к себе магию: так складки бархата и струящийся шелк волос вбирали в себя лунный свет.

— Слушай меня. Если ты станешь поступать по моей воле, как теперь, так и всегда, беды с тобой не случится. В звездах заключена немалая сила, Мордред, и доля ее — для тебя. Уж это-то я видела. А похоже, тебе это по душе?

— Госпожа?

Неужто всесильная ведьма догадалась о его грезах, о его скудоумных умышлениях? Мордред задрожал, но промолчал. Решительно вскинул голову, снова вцепился в пояс. Наблюдая за собеседником из обволакивающей тьмы, Моргауза почувствовала интерес и что-то вроде извращенной гордости. А он не трус... В конце концов, он ее сын... За этой мыслью последовала и другая.

— Мордред.

Глаза их встретились в полумраке. Несколько мгновений Моргауза удерживала взгляд мальчика, намеренно затягивая молчание. Да, Мордред — ее сын, и кто знает, не перешла ли к нему частица материнского могущества, пока она носила младенца во чреве? Ни один из сыновей Лота, этих крепко стоящих на земле здоровяков, не унаследовал и искры, но в Мордреде могут проявиться не только способности, что сама она переняла от матери-бретонки, но и случайный отблеск силы более великой — от архимага Мерлина. Темные глаза, что глядели на нее не мигая, напоминали Артура, но походили и на ненавистные глаза чародея: те, что выдерживали ее взгляд и повергали его долу не единожды и не дважды, но бессчетное число раз, вплоть до последнего.

— Ты никогда не задумывался о том, кто твоя настоящая мать? — внезапно спросила Моргауза.

— Да, еще бы. Конечно. Но...

— Я вот почему спрашиваю: там, в Дунпелдире, многие женщины похвалялись даром ясновидения. Любопытно, не была ли твоя родительница из их числа? Ты видишь сны, Мордред?

Мальчика била дрожь. В сознании его проносились ночные видения, грезы о могуществе и кошмары прошлого; сожженная хижина, шепот во тьме, страх, подозрение, честолюбие. Мордред попытался мысленно отгородиться от пытливой королевской магии.

— Госпожа, леди, я никогда... то есть...

— Никогда не заглядывал в будущее? Никогда не видел вещих снов? — Голос королевы изменился.— Когда «Меридаун» привез известие о смерти Мерлина, ты знал, что на сей раз слухи солгали. Ты сам так сказал, и это не прошло незамеченным. И будущее показало, что ты не ошибся. Как ты проведал?

— Я... я ничего не знал, госпожа. Я... просто...

Рыбацкий воспитанник закусил губу, с трудом припоминая толпу на причале, крики, толкотню. Неужто донес Гавейн? Нет,

должно быть, это Габран подслушал. Мордред облизнул губы и начал снова, со всей очевидностью стараясь доискаться до правды.

— Я даже не сознавал, что говорю вслух. И слова эти ровным счетом ничего не значили. Это не ясновидение и не... словом, не то, что вы говорили. Может, и впрямь сон, только мне сдается, будто то же самое я слышал давным-давно, и в тот раз весть тоже не подтвердилась. Мне вспоминается темнота, и чей-то шепот, и...

Мальчуган умолк.

— И? — резко потребовала королева.— Ну же? Отвечай!

— И запах рыбы,— докончил Мордред, глядя в пол.

Он так и не посмел поднять глаза, а не то прочел бы в лице собеседницы облегчение, а вовсе не издевку. Моргауза перевела дух. Итак, предвидения здесь и в помине нет; всего лишь полузабытый младенческий сон, отголосок воспоминания об услышанном в колыбели, когда бестолковые селяне обсуждали новости, доставленные из Регеда. Но лучше убедиться наверняка.

— Воистину странный сон,— улыбнулась королева.— И наверняка на сей раз гонцы принесли правдивую весть. Но давай проверим. Иди за мной.

Мальчик не двинулся с места, и в голосе Моргаузы послышалось нетерпение.

— Иди, если я так велю! Мы вместе заглянем в кристалл и, может статься, узнаем, что сулит тебе будущее.

Она отошла от осиянного луною окна и прошествовала мимо Мордреда, легонько задев бархатом его руку, разливая в воздухе неуловимое благоухание ночных цветов. Мальчуган прерывисто вздохнул и последовал за ней, словно во власти дурмана. За порогом недвижно застыла стража. Повинуясь жесту королевы, Мордред снял со стены светильник и двинулся за ней, через безмолвные покои и в переднюю. Там, у наглухо закрытой двери, Моргауза остановилась.

За годы жизни во дворце мальчик наслушался немало россказней о том, что скрывается за древней дверью. Подземная тюрьма, камера пыток, обитель, где ткутся чары, святилище, где королева-ведьма обращается к самой Богине... Никто не знал наверняка.

Если кто и входил в эту дверь, помимо королевы, было известно доподлинно, что назад возвращалась только королева, и никто больше. Мордред снова задрожал, и в светильнике затрепыхалось пламя.

Моргауза не проронила ни слова. Нащупала ключ, подвешенный к поясу на цепочке, и вложила его в замок. Дверь бесшумно повернулась на смазанных петлях. По жесту королевы Мордред поднял светильник выше. Прямо перед ними каменные ступени круто уводили вниз, в подземный коридор. Отблеск пламени замерцал на сочащейся влагой скале. Грубые, неотесанные ступени и стены были вырублены прямо в горной породе, вглубь которой Древний народ прорыл свои погребальные склепы. Пахло там сыростью и свежестью и морской солью.

Моргауза затворила за собою дверь. Свеча, оплывавшая на сквозняке, вспыхнула с новой силой. Королева молча указала вниз, первая сошла по ступеням и двинулась по прямому коридору. Пол был ровным и гладким, а потолок до того низок, что приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой. Спертый воздух показался бы недвижным, если бы не звуки, рожденные словно бы в толще камня: глухой гул, рокот, ропот,— и Мордред вдруг понял, что это. То шумело море; отзвук разносился по тоннелю — скорее отголосок волн, что некогда плескались там, нежели рев настоящего шторма извне. Она и он словно вступили в лабиринты гигантской морской раковины, где в воздухе реяло вихревое эхо глубин. Этот шум Мордред не раз слышал еще ребенком, играя в ракушки на берегу Тюленьего залива. На мгновение воспоминания разогнали тьму и одуряющий страх. Наверняка туннель вскорости выведет в какую-нибудь прибрежную пещеру, размышлял про себя мальчик.

Коридор свернул налево; там, вопреки ожиданиям, обнаружилась еще одна низкая дверь, тоже запертая. Тот же самый ключ подошел и к ней. Королева вошла первой, оставив дверь открытой. Мордред последовал за ней.

Внутри оказалась не пещера, но небольшая комнатка; стены ее были обтесаны под прямым углом и отполированы руками каменщиков, пол выложен привычным отшлифованным плитняком. С каменного потолка свисала лампа. Напротив одной стены стоял стол, на нем выстроились ларцы, чаши и запечатанные кувшины; тут же лежали ложки, пестики и прочие инструменты из слоновьего бивня и кости либо из бронзы, блестящей от частого применения. Каменные плиты, вделанные в стену, заменяли полки, а на них громоздились еще ларцы, и кувшины, и кожаные мешочки, перетянутые свинцовой проволокой и запечатанные незнакомой Мордреду печатью, из окружностей и сплетенных змей.

У стола примостился высокий табурет, у противоположной стены притулилась небольшая жаровня, а рядом — круглая корзинка с углем. Трещина в потолке, надо думать, служила для вывода дымов. Жаровню, судя по всему, зажигали часто либо совсем недавно. В комнате было сухо.

На верхней полке тускло поблескивал ряд загадочных предметов: Мордред поначалу принял их за какие-то сферы или кувшины, вылепленные из непривычной белой глины. Приглядевшись, мальчик распознал, что это: человеческие черепа. На один тошнотворный миг он представил себе, как Моргауза перегоняет свои снадобья здесь, в потайной кладовой, и творит магию, принося в жертву людей — точно сама темная Богиня, затворившаяся в подземных владениях. Затем он понял, что королева всего лишь прибрала к месту бывших владельцев катакомб, когда обратила могильный склеп к своей пользе.

Но и это не радовало. Светильник снова дрогнул в его руке, так что отблеск пламени заметался на бронзовых ножах, а Моргауза молвила, улыбаясь краем губ:

— Да. Ты правильно делаешь, что боишься. Но они сюда не приходят.

— Они?

— Призраки. Нет, держи светильник ровно, Мордред. Если тебе суждено-таки увидеть призраков, так лучше вооружись против них столь же надежно, как и я.

— Не понимаю.

— Нет? Ну что ж, поглядим. Дай-ка мне лампу.

Моргауза забрала светильник у него из рук и шагнула в угол за жаровней. Там обнаружилась еще одна дверь. Эта, сколоченная из неотесанных, принесенных морем досок, была высокой и узкой и отличалась неправильной, клинообразной формой; ее подогнали под естественную трещину в толще скалы. Покоробленное дерево заскрипело, дверь подалась, и королева поманила спутника внутрь.

Наконец-то взгляду открылась морская пещера или, скорее, один из внутренних ее гротов. Само море плескало и грохотало где-то поблизости, но то был глухой, всасывающий звук, отголосок обессилевшей стихии, чью мощь сломили в иных местах.

Пещера, должно быть, находилась выше линии прилива, и лишь самые высокие волны перехлестывали внутрь; пол был ров-

ным и сухим, плиты размещались под малым уклоном в направлении заводи, что поблескивала со стороны моря. Единственный сток, похоже, находился глубоко под водой. Других видно не было.

Моргауза опустила светильник на пол у самой кромки озерца. Пламя его, замершее в недвижном воздухе, роняло ровный отсвет все глубже и глубже в чернильно-черные глубины. Должно быть, заводь уже давно не волновали случайные токи волн. Темная гладь застыла недвижно: бездна, не подвластная ни воображению, ни взору. Никакой свет не проникал в иссиня-черную воду; отблик светильника всего лишь отбрасывал отражение нависающей над озером скалы резко очерченным, крохотным пятнышком.

Королева опустилась на колени у края заводи и заставила Мордреда усесться рядом. Мальчика била дрожь.

— Ты все еще боишься?

— Я продрог, госпожа,— процедил Мордред сквозь зубы.

Моргауза улыбнулась про себя: она знала, что мальчуган лжет.

— Скоро ты позабудешь о холоде. Преклони колена, молись Богине и гляди на воду. Не говори более ни слова, пока я не прикажу. А теперь, сын моря, давай узнаем, что скажет нам омут.

Она умолкла и вперила взор в чернильные глубины заводи. Мордред, стараясь не двигаться, сосредоточенно глядел вниз. Мысли его по-прежнему мешались; мальчик сам не знал, что в нем сильнее — надежда или страх увидеть что-либо в этом безжизненном зеркале. Но страшился он напрасно. Для него вода была только водой.

Один раз Мордред украдкой оглянулся на королеву. Лица Моргаузы он не увидел. Она склонилась над заводью, распущенные ее волосы рассыпались волной; шелковая завеса струилась вниз, касаясь поверхности. Королева застыла в трансе — настолько неподвижно и отрешенно, что даже ее дыхание не колебало черной глади, где, словно водоросли, стелились пряди ее волос. Мальчуган похолодел, обернулся и яростно уставился на воду. Но если призраки Бруда и Сулы и двух десятков младенцев, погубленных происками Моргаузы, и находились в пещере, Мордред не увидел даже тени, не ощутил леденящего дуновения. Он знал только, что ненавидит тьму, замогильное безмолвие, дыхание, затаенное в ужасе и предвкушении, и невесомые, но явственно ощутимые флюиды магии, что исходили от оцепеневшей фигуры Моргаузы. Он был сыном Артура; и, хотя все силы магии не

открыли королеве горькую правду, но один-единственный недолгий час, в течение которого мальчик приобщился к ее мистериям, неумолимо отдалил от нее Мордреда — более успешно, нежели изгнание. Сам Мордред этого не сознавал, знал только, что отдаленный плеск и рокот моря говорят об открытом воздухе, и ветре, и отблесках солнца на пенных гребнях и властно манят его душу прочь от безжизненной заводи и погребенных в воде тайн.

Наконец королева пошевелилась. Глубоко и прерывисто вздохнула, отбросила волосы назад, встала.

Возликовав про себя, Мордред вскочил на ноги, метнулся к двери, распахнул ее перед королевой и сам проследовал за нею в клинообразный проем, облегченно переводя дух и радуясь избавлению. Даже кладовая, с ее жуткими стражами, после безмолвия пещеры и экстатического дыхания ведьмы казалась столь же обыденной, как дворцовые кухни. Теперь он улавливал запахи ароматических масел, что Моргауза использовала при составлении своих терпких духов. Мысленно благодаря судьбу, принц задвинул задвижку и обернулся: королева опустила светильник на стол.

Казалось, она уже знала ответ на свой вопрос, потому что слова ее прозвучали весело:

— Ну что ж, Мордред, вот ты и заглянул в мой кристалл. Что ты увидел?

Не доверяя собственному голосу, мальчик покачал головой.

— Ничего? Ты хочешь сказать, что не разглядел ровным счетом ничего?

— Я видел озерцо морской воды. И слышал море,— хрипло отозвался Мордред.

— И только? В то время как заводь эта — средоточие магии?

К превеликому удивлению своего спутника, Моргауза улыбалась. По наивности, он ждал разочарования.

— Да, только вода и камень. Блики на камне. А один раз мне... мне показалось, будто что-то шевелится, но я подумал, это угорь.

— Рыбацкий сынок.— Королева рассмеялась, но на сей раз эпитет не заключал в себе издевки.— Да, там живет угорь. Его принесло волной в прошлом году. Ну что ж, Мордред, мальчик с моря, ты не пророк. Какими бы способностями ни обладала твоя родная мать, тебе они не передались.

— Да, госпожа.

В голосе Мордреда прозвучала неподдельная признательность. Он напрочь позабыл, что ему было велено высмотреть в заводи. Лишь бы допрос поскорее закончился! Едкий запах горящего масла, смешанный с приторными ароматами притираний, действовал на него угнетающе. В голове все мешалось. Даже шум моря доносился словно бы из другого мира. Он в ловушке, заперт в безмолвии этой древней и душной гробницы, наедине с чародейкой-королевой, которая ставит его в тупик своими расспросами и сбивает с толку непонятными перепадами настроения.

А Моргауза не спускала с него глаз, и под странным этим взглядом мальчик нервно передернул плечами, словно собственное тело, облаченное в знакомые одежды, вдруг показалось ему чужим. Скорее стремясь нарушить молчание, нежели из любопытства, Мордред спросил:

— А вы увидели что-нибудь в заводи, госпожа?

— О да, воистину. Оно все еще там, то самое видение, что являлось мне вчера и еще раньше, задолго до того, как прибыл посланец от Артура.

Голос ее звучал гулко и ровно, но в безжизненном воздухе эхо не пробуждалось.

— Я видела кристальный грот, а в нем — моего недруга, мертвого, на погребальном ложе, в окружении свеч; не сомневаюсь, что тело обращается в прах забвения, как гласило изреченное мною проклятие. И еще я видела самого Дракона, моего дражайшего братца Артура: он восседает под сенью своих золоченых башенок, рядом с бесплодной королевой, дожидаясь возвращения корабля к Инис-Витрину. А затем я увидела себя, вместе с моими сыновьями и с тобою, Мордред; так, все вместе, мы наконец-то вступили под сень врат Камелота с дарами для короля... наконец-то!.. И здесь видение погасло, но не раньше, чем я успела разглядеть, как он приближается, Мордред, сам Дракон... Ныне Дракон бескрыл и готов прислушаться к иным голосам, испробовать иную магию и возлечь с иными советницами...

При этих словах Моргауза рассмеялась, но звук этот леденил душу, так же как и взгляд.

— По старой памяти. Иди сюда, Мордред. Нет, светильник не трогай. Мы уже возвращаемся. Иди сюда. Ближе.

Мордред шагнул вперед и остановился прямо перед нею. Чтобы заглянуть сыну в глаза, ей пришлось запрокинуть голову. Королева протянула руки и обняла его за плечи.

— По старой памяти,— повторила она, улыбаясь.

— Госпожа? — хрипло повторил мальчик.

Ладони королевы крепче сомкнулись на его плечах. Затем она резко притянула Мордреда к себе, и, не успел тот догадаться, что она замышляет, Моргауза приподнялась на цыпочки и припала к его губам в долгом, затяжном поцелуе.

Потрясенный, отчасти взволнованный, растревоженный ароматом ее благовоний и нежданно чувственным поцелуем, Мордред застыл в ее объятиях, дрожа, но на этот раз не от холода и не от страха. Королева поцеловала его снова, и голос ее прозвучал на его устах медовой сладостью.

— У тебя губы твоего отца, Мордред.

Губы Лота? Мужа, который изменил ей и возлег с его, Мордреда, матерью? И она его целует? Возможно, даже желает? А почему бы и нет? Королева по-прежнему хороша собой, а он молод и столь же искушен в любовных делах, как любой из сверстников. Некая придворная дама охотно взялась преподать ему науку наслаждения, и еще одна девица, дочка пастуха, жившая достаточно далеко от дворца, высматривала его вдали, когда принц выезжал в ту сторону через вереск, а с моря задувал вечерний ветер... Мордред, воспитанный на островах, до поры не тронутых ни римской цивилизацией, ни христианской моралью, задумывался о грехе не больше, чем молодой зверь или один из древних кельтских богов, что скрываются в каменных курганах и проносятся на конях мимо отблеском радуги в солнечный день. Так почему тело его отпрянуло, а не потянулось к ней? Откуда это чувство, будто его коснулось нечто липкое и недоброе?

Внезапно Моргауза резко оттолкнула его и потянулась к светильнику. Подняла лампу, помедлила, оглядела мальчика снизу вверх тем же леденящим душу взглядом.

— Бывает, что дерево вымахает в полный рост и все равно остается саженцем, так-то, Мордред! Слишком похож на отца, и все-таки не вполне... Ладно, пошли. Я — туда, где меня дожидается терпеливый Габран, а ты — в детскую, к прочим малолеткам. Нужно ли напоминать, чтобы ты держал язык за зубами касательно всего того, что произошло нынче ночью, и никому не повторял моих слов?

Моргауза ждала ответа.

— Об этом, госпожа? Нет. Не нужно,— с трудом выговорил он.

— Об «этом»? О чем об «этом»? Обо всем, что ты видел или чего не видел. Надеюсь, видел ты достаточно, чтобы понять: ослушание к добру не приведет. Верно? Ну так поступай, как я велю, и беды с тобой не случится.

Моргауза молча пошла вперед; мальчик проследовал за нею по коридору и в переднюю. Ключ легко повернулся в замочной скважине, щедро смазанной жиром. Королева не произнесла ни слова, не удостоила спутника ни единым взглядом. Мордред развернулся и побежал от нее прочь — по стылым коридорам, через погруженный во тьму дворец, назад, в свою спальню.

Глава 10

В течение последующих дней Мордред пытался, вместе с остальными мальчишками и половиной оркнейцев в придачу, подобраться поближе к королевскому гонцу и перемолвиться с ним хоть словом. Что до островитян и младших принцев, то их снедало любопытство. На что похожа большая земля? А легендарный замок Камелот? А сам король, герой дюжины великих битв, и его красавица королева? А его друг Бедуир и прочие рыцари Сотоварищи?

Но никому, ни принцам, ни смердам, так и не удалось подступиться к гостю. После того, первого вечера, ночевал он на борту королевского корабля, а с наступлением утра сходил на берег и в сопровождении эскорта шествовал к королеве Моргаузе, якобы засвидетельствовать ей свое почтение, а на самом деле, как гласила молва, удостовериться, что приготовления идут достаточно быстро, чтобы не пропустить погожую осень.

Но королева не позволяла себя торопить. Ее корабль «Орк» стоял на якоре, почти готовый к отплытию, недоставало только последних штрихов. Мастера наводили лоск; в ход шли и позолота, и краска, а жены их, с иголками в руках, трудились над огромным узорчатым парусом.

В самом дворце прислужницы Моргаузы не покладая рук доканчивали, приводили в порядок и укладывали роскошные наряды, приготовленные королевой для прибытия в Камелот.

Сама Моргауза проводила немало часов в потаенном святилище под скалой. По слухам, она не столько советовалась с темной Богиней, сколько составляла мази, притирания и духи и некие хитрые снадобья, что якобы возвращают красоту и молодой задор.

А златокузнец Бельтан по-прежнему сидел за работой в своем закутке. Дары для Артура были уже готовы и уложены в набитый шерстью ларец, сделанный нарочно к этому случаю; теперь старик трудился над украшениями для самой Моргаузы. Кассо, немого раба, ходившего у него в помощниках, приставили ковать пряжки и броши для принцев. Хотя в отличие от хозяина художественным даром он не владел, однако рисунки Бельтана воспроизводил недурно и явно радовался, когда мальчики, обступив плавильную печку, наблюдали за его работой и беседовали промеж себя. Мордред, единственный из всех, попытался пообщаться и с подмастерьем, задавая вопросы, ответить на которые можно было кивком или покачиванием головы, но узнал лишь некоторые подробности о самом Кассо и дальше не продвинулся. Кассо родился рабом, он не всегда был нем — жестокий хозяин вырезал ему язык, и бедняга почитал себя счастливейшим из смертных, когда Бельтан принял его к себе и выучил ремеслу. Что за унылая участь, думал про себя Мордред, праздно дивясь довольному виду невольника; этот вид, если мальчик правильно его истолковал, свидетельствовал о том, что несчастный калека примирился с лишениями и нашел для себя достойное место в мире. Мордред, который отродясь не имел повода думать хорошо о ближнем своем, предположил, что раб, верно, втайне ведет вторую, вполне сносную жизнь, независимо от хозяина. Женщины, возможно? Кассо вполне мог себе позволить и это. Когда хозяин благополучно укладывался спать, а раб присоединялся к солдатам для игры в кости, у него всегда водились деньги, притом в изобилии: ему не составляло труда в свой черед поставить вина на всю честную компанию. Мордред знал, откуда эти богатства. Не от Бельтана, это точно; кто же платит своим рабам, ежели не считать случайных подарков? Но однажды, с месяц назад или около того, Мордред вышел на челне в море порыбачить в одиночестве и, припозднившись, возвратился в сумерках; иных ночей летом на островах и не бывает. У королевской пристани пришвартовалось небольшое торговое судно; большинство мореходов на ночь сошли на берег, но кое-кто из старших, по всему судя, еще оставался на борту. Мальчуган услышал мужской голос, а затем негромкое звяканье, словно из рук в руки переходили монеты. Привязывая лодку у причала в тени торгового судна, Мордред заметил, как некий человек проворно спустился по сходням и зашагал вверх, через город и ко дворцовым

воротам. И с легкостью узнал Кассо. Итак, раб принимает частные заказы? Законные сделки незачем заключать в полночь. Ну что ж, всяк кормится как может, подумал про себя Мордред, пожал плечами и выбросил происшедшее из головы.

Наступил долгожданный день. Ясным октябрьским утром королева в сопровождении дам, пятеро мальчиков, Габран и старший дворецкий двинулись во главе торжественной процессии к причалу. Идущий позади слуга нес ларец с сокровищами, предназначенными для Артура, а второй — дары для правителя Регеда и его супруги, сестры Моргаузы. Мальчик-паж с трудом удерживал на привязи двух статных гончих островной породы, выбранных для короля Урбгена, а второй мальчуган, не скрывая страха, тащил на вытянутой руке крепкую, сплетенную из ивняка клетку, в которой рычала и фыркала молодая дикая кошка, пойманная для королевы Морганы,— любопытное добавление в ее коллекцию невиданных зверей, птиц и рептилий. Далее шествовал личный воинский эскорт Моргаузы, а замыкал процессию отряд королевских ратников с «Морского дракона» — почетное сопровождение, подозрительно напоминающее конвой.

Даже в безжалостном свете утра королева выглядела неотразимо. Волосы ее, омытые благоуханными эссенциями и перевитые золотом, переливались и блестели в лучах солнца. Подведенные глаза сияли. Обычно она предпочитала яркие цвета, но сегодня оделась в черное; строгое платье отчасти возвращало фигуре, слегка располневшей после родов, хрупкую гибкость девичества и выгодно оттеняло драгоценные камни и кремовую матовость кожи. Она шла, вскинув голову, с видом уверенным и властным. По обе стороны дороги толпились островитяне, выкрикивая приветствия и благословения. Изнеженная королева не так уж часто баловала подданных подобными «выходами в свет» с тех пор, как оказалась в изгнании на здешних берегах, но ныне подарила им зрелище воистину великолепное. Шутка ли — настоящая королевская процессия: тут и монархиня, и принцы, и вооруженный, искрящийся драгоценностями эскорт, и в довершение всего на заднем плане — корабль самого владыки Артура с драконьим знаменем, коему предстоит сопроводить «Орка» к большой земле.

«Орк» наконец-то поднял паруса и вырулил в пролив между королевским островом и соседним. За кормой, там, где пенилась кильватерная струя, скользил «Морской дракон»: гончий пес,

неумолимо направляющий олениху и ее пятерых оленят к югу, прямехонько в сети, расставленные для них верховным королем Артуром.

Теперь, когда Оркнеи остались за кормой, а королева и ее семейство благополучно разместились на борту, капитан «Морского дракона» не видел причин торопиться: верховный король все еще находился в Бретани, так что приезд Моргаузы вполне возможно было оттянуть до возвращения Артура в Камелот. Но бывалый корабельщик благоразумно отвел на путешествие время с запасом — на случай, если корабль попадет в шторм, что и произошло очень скоро. Во время прохода через Мюир Орк — пролив Оркнейского моря, разделяющий большую землю и внешние острова,— налетели ветра едва ли не ураганной силы, расшвыряли корабли в разные стороны, и даже самые стойкие из путешественников предпочли укрыться в трюме. Непогода бушевала несколько дней, но наконец буря стихла и оркнейский корабль, лавируя против ветра, вошел в защищенное устье реки Итуны и бросил там якорь. Спустя несколько часов до той же пристани с трудом добрался «Морской дракон»; выяснилось, что оркнейцы пока еще на борту, но собираются сойти на берег и ехать в Лугуваллиум, столицу Регеда, в гости к королю Урбгену и королеве Моргане.

Капитан «Морского дракона» отлично сознавал, что выступает скорее в роли конвоя, нежели почетного эскорта, и тем не менее не видел причин воспрепятствовать путешествию. Урбген Регедский, пусть королева его и провинилась изрядно перед братом своим Артуром, всегда оставался преданным слугой верховному королю; владыка бдительно приглядит за тем, чтобы Моргауза и ее драгоценные отпрыски никуда не делись, покуда корабельщики чинят пострадавшие от урагана корабли.

Сама Моргауза о разрешении спрашивать и не думала: она уже отправила сестре письмо, заранее упреждая о приезде. Теперь вперед выслали гонца, и наконец отряд, в сопровождении столь же надежного эскорта, как и прежде, выехал к замку короля Урбгена.

Мордреду дорога показалась чересчур короткой. Едва отряд отъехал от берега и двинулся через холмы в глубь страны, мальчик оказался в краях, доселе невиданных; ничего подобного он и вообразить себе не мог.

Сперва его потрясло обилие деревьев. На Оркнеях росли лишь чахлая ольха да береза, да колючий кустарник, истрепанный ветром, льнул к земле, укрывшись в неглубоких лощинах. А здесь деревья были повсюду, огромные и раскидистые, и вокруг каждого — свой островок тени, и тут же — целая колония кустов, и папоротников, и ползучих растений. У подножия холмов шумели густые дубравы, выше по склону их сменяли сосны, поднимаясь вплоть до основания самых головокружительных утесов. В каждом распадке между холмами теснились еще деревья: рябины, и остролист, и береза; ущелья, густо поросшие лесом, казались подвешенными на серебристых горных хребтах, точно веревки, что некогда удерживали кровлю отчего дома. Ива и ольха обрамляли каждый ручеек, а вдоль дорог, и на склонах, ограждающих вересковые пустоши, и у каждого дома, у каждого загона для овец, росли еще деревья, и еще, все одетые в красновато-коричневые, золотые и ярко-алые тона осени, оттененные черными проблесками остролиста и темным колером сосен. Вдоль дороги, по которой ехал отряд, спелые орехи падали под ноги из бахромчатых чашечек, а под серебряной осенней паутиной, точно гранаты, поблескивали поздние ежевичины. Гарет возбужденно указал на блестящую слепозмейку, уползающую в заросли, а Мордред приметил ланей, что следили за проезжающими из папоротников на опушке леса, неподвижные и пятнистые, точно дерн под их копытцами.

Раз, когда дорога увела их через высокий перевал, между гребнями холмов открылись голубые горизонты; Мордред придержал коня и уставился во все глаза. Впервые взгляд его устремлялся вдаль — и не видел моря. На мили и мили вокруг единственным источником воды были небольшие каровые озера, мерцающие в висячих долинах, да питающие их ручьи, что светлыми ленточками сбегали вниз по серым скалам. Синие холмы вздымались один за другим, а еще дальше громоздилась гигантская горная цепь с четырехугольной, одетой в белое вершиной. Гора или облако? Все едино. Это большая земля, королевство из королевств, суть снов и грез.

Тут подъехал один из стражников, улыбаясь, окликнул мальчика, и Мордред возвратился к отряду.

Впоследствии первое посещение Регеда вспоминалось ему крайне смутно. Замок был огромен, переполнен, величествен и неспокоен. Мальчиков немедленно сдали с рук на руки сыновьям

короля; создавалось неприятное впечатление, что их попросту спровадили с глаз долой, пока улаживается некое несогласие, им толком не разъясненное. Король Урбген, воплощенная учтивость, был рассеян и лаконичен; королева Моргана так и не появилась. Похоже, с недавних пор ее держали взаперти, или, по сути дела, в заточении.

— Здесь замешан меч,— сообщил Гавейн, случайно подслушавший разговор в караульном помещении.— Меч верховного короля. Моргана похитила клинок из Камелота, пока король был в отъезде, а взамен оставила подложный.

— Дело не только в мече,— уточнил Гахерис.— Она завела любовника и отдала меч ему. Но верховный король все равно убил негодяя, а теперь король Урбген хочет развестись с ней.

— Кто тебе сказал? Твой дядя ни за что не позволит ему так обойтись с собственной сестрой, чего бы уж там она ни натворила.

— Еще как позволит! Украсть меч — это же предательство. Так что верховный король непременно разрешит Урбгену развод,— горячо доказывал Гахерис.— Что до любовника...

Но тут подоспел Габран с сообщением о том, что принцев требуют в конюшни, и даже Гахерис, особым тактом не отличавшийся, счел за лучшее отложить спор до более удобного времени.

Кое-что — самую малость! — удалось выведать у двоих сыновей Урбгена. То были взрослые мужи, дети короля от первого брака; эти закаленные воины поначалу гордились союзом отца с младшей сестрою Артура, но теперь от души желали избавиться от мачехи и готовы были поддержать ходатайство Урбгена о расторжении брака.

Правда вроде бы заключалась в следующем. Моргана, связанная узами брака с человеком на много лет старше нее, избрала в любовники одного из Артуровых рыцарей, юнца по имени Акколон, отважного, честолюбивого и пылкого. Пока Артур был в отъезде, она убедила своего воздыхателя похитить прославленный меч Калибурн — люди называли его Мечом Британии — и привезти сокровище в Регед, подменив его другим клинком, что втайне отковал один из пособников Морганы где-то на севере.

Чего именно добивалась королева, никто так и не понял до конца. Вряд ли она надеялась, что юный Акколон, даже убрав с дороги Урбгена, сочетавшись браком с Морганой и с Мечом Британии в руках, сможет заменить Артура на троне верховного

короля. Скорее всего, она просто воспользовалась любовником ради исполнения собственных честолюбивых замыслов, и то, что она впоследствии наговорила Урбгену, в основных чертах соответствовало истине. Моргана уверяла, будто ей снились сны, наводящие на мысль о внезапной гибели Артура в чужих землях. И, чтобы предотвратить неизбежные беспорядки и распри, она взялась раздобыть символический Меч Британии для короля Урбгена, этого испытанного в боях героя дюжины битв и супруга единственной законной сестры Артура. Правда, сам Артур объявил своим наследником герцога Корнуэльского, но ведь герцог Кадор мертв, а сын его Константин — еще дитя...

Так говорила королева. Что до подмены королевского меча жалкой подделкой, так это, уверяла Моргана, не более чем уловка, упрощающая похищение. Меч обычно висел над троном короля в Круглом зале Камелота, и ныне со стены его снимали лишь для церемоний и битв. Подложный клинок повесили только для отвода глаз. Но история вполне могла закончиться и трагически. Артур вернулся из странствий живой и невредимый, и Акколон, страшась за себя и Моргану в случае, если обман раскроется, вызвал короля на поединок и с собственным добрым мечом вышел против Артура, вооруженного лишь хрупким слепком с Калибурна. Исход битвы уже стал частью легенды о короле, что с каждым днем обрастала все новыми подробностями. Невзирая на подлое преимущество, Акколон пал; Моргана, опасаясь мести брата и мужа, сообщала всем и каждому, что битву затеяла не она, а Акколон, а поскольку юноша погиб, возразить было некому. Если она и оплакивала погибшего любовника, то делала это втайне. Перед теми, кто соглашался прислушаться, Моргана порицала его безрассудство и отстаивала свою преданность — ложно понятую, признавала она, но искреннюю и глубокую — брату Артуру и собственному супругу и повелителю.

Отсюда переполох в замке. Пока еще ничего определенного не решили. Леди Нимуэ, сменившая Мерлина в роли советницы Артура и, по слухам, унаследовавшая могущество колдуна, отправилась на север за мечом. Доставленное ею послание не сулило ничего доброго. Артур не собирался прощать сестре проступка, воспринятого им как предательство, а буде Урбген пожелает покарать супружескую неверность, король давал ему дозволение обойтись с королевой-прелюбодейкой, как тому захочется.

До сих пор король Регеда не настолько доверял себе, чтобы переговорить с женой, не говоря уже о том, чтобы ее судить. Леди Нимуэ все еще гостила в Лугуваллиуме, хотя и не в самом замке; к превеликому облегчению Урбгена, она отклонила его приглашение и обосновалась в городе. Урбгену (как сам он доверительно жаловался сыновьям) осточертели женщины вместе с их нелепой возней со снами и колдовством. Он бы охотно дал Моргаузе от ворот поворот, да только благовидного предлога к тому не нашлось; кроме того, ему любопытно было взглянуть на Оркнейскую ведьму и ее сыновей. И вот могущественный король Урбген опасливо лавировал между Нимуэ и Моргаузой, позволяя последней навещать провинившуюся супругу и беседовать с ней сколько вздумается, и молил судьбу, чтобы первая, теперь, когда дела ее на севере завершились, покинула бы Лугуваллиум, так и не столкнувшись лицом к лицу со своей давней противницей.

Глава 11

На третий день пребывания в Регеде, после ужина, ускользнув от сводных братьев, Мордред один возвращался из пиршественного зала в отведенные принцам покои. Путь его лег через угодья, отделяющие основные замковые постройки от реки.

Здесь раскинулся сад, посаженный и лелеемый ради удовольствия королевы Морганы, окна ее выходили на клумбы с розами и цветущие кустарники и лужайки, что спускались к самой воде. Сейчас сухие стебли лилий торчали из зарослей шиповника и облетевшей жимолости, а грибные кольца выделялись в траве темно-зелеными пятнами. Отметины на стенах под окнами королевы указывали на то, что здесь висели клетки с певчими птицами; на зиму их внесли внутрь. У речного берега праздно плавали лебеди, не иначе как дожидаясь угощения, что королева приносила им в более спокойные дни; на высокой сосне угнездилась на ночлег пара белоснежных павлинов, точно гигантские привидения. Летом, надо думать, здесь было на диво красиво, в царстве благоухания, и ярких красок, и пения птиц, но сейчас, промозглым и сырым осенним вечером, сад казался унылым и заброшенным и пахло в нем палой листвой и тиной.

Но Мордред все равно задержался здесь, завороженный этим новым роскошеством большой земли. Прежде ему не доводи-

лось видеть садов; ему и в голову не приходило, что участок земли можно тщательно возделать и засадить только красоты ради, для услады владельца. Накануне он подметил из окна статую — точно призрак на фоне сплетения темных крон. И теперь решил разглядеть ее поближе.

Странная то была статуя. Девушка в воздушных одеждах наклонилась, словно чтобы выплеснуть воду из заморской раковины в каменную чашу у ног. До сих пор Мордреду встречались только грубые изваяния островных богов, эти каменные идолы с недреманным взглядом. А красавица казалась живой. Пятна серого лишайника, испещрившие ее руки и платье, терялись среди теней в сумеречном полумраке. Фонтан иссяк, раковина опустела, но в каменном бассейне еще плескалась вода с остатками летних лилий. Под почерневшими листьями лениво шевелили плавниками рыбы.

Отвернувшись от иссякшего фонтана, Мордред неспешно побрел через лужайку к речному берегу и к лебедям. Там, у воды, обнаружилась прелестная беседка, мощенная мозаичными плитами: кирпичная стена, густо увитая виноградными лозами, надежно отгораживала ее от дворцовых окон. Подлокотники изогнутой каменной скамьи были богато изукрашены виноградными гроздьями и купидонами.

На скамье что-то лежало. Мордред подошел взглянуть. Вышивание в пяльцах: прямоугольный кусок ткани с изящным недоконченным узором из земляничных ягод, цветов и листьев. Мальчик с любопытством подобрал вещицу и обнаружил, что льняное полотно отсырело, запачкалось о камень. Верно, позабытое вышивание пролежало здесь не один день. Мордреду не суждено было узнать, что сама королева Моргана выронила пяльцы, когда в условленное место тайных свиданий ей доставили вести о гибели возлюбленного. С того самого дня она в саду не бывала.

Мордред отложил испорченное вышивание обратно на скамью и возвратился через лужайку назад, к тропе под окнами. В это самое мгновение в одном из окон зажегся свет и отчетливо зазвучали голоса. Первый, нарочито громкий, как если бы собеседницей владели гнев или обида, казался незнакомым, но второй, ответный, принадлежал Моргаузе. Мальчуган расслышал слова «корабль», «Камелот», а затем «принцы» и, не задумываясь, свернул с тропинки, шагнул к стене, встал под окном и навострил уши.

Окна не были застеклены, но располагались высоко, на изрядном расстоянии над его головой. Так что Мордред слышал разговор лишь урывками, когда женщины повышали голос или подходили ближе к проему. Моргана — ибо первый голос, как выяснилось, принадлежал ей,— похоже, беспокойно металась по комнате взад-вперед, почти не владея собой.

— Если Урбген отошлет меня... Если он осмелится! Меня, родную сестру верховного короля! Которая грешна лишь в том, что поступила неразумно, радея о братнем королевстве и из любви к своему господину! Моя ли вина, если Акколон потерял голову от любви ко мне? Моя ли вина, если он бросил вызов Артуру? Все, что я сделала...

— Да ладно, ладно, эту байку я уже слышала,— нетерпеливо оборвала ее Моргауза, не выказывая ни малейшего сочувствия.— Пощади, прошу тебя! Но удалось ли тебе убедить Урбгена?

— Он не желает говорить со мной. Если бы мне только к нему подобраться...

— К чему ждать? — снова перебила сестру Моргауза, скрывая презрение за шутливым тоном.— Ты королева Регеда, и ты рассказываешь всем и каждому, кто только согласен прислушаться, что от супруга и господина ты не заслужила ничего, кроме благодарности, ну и, может быть, немного снисходительности за недомыслие. Так зачем прятаться? На твоем месте, сестра, я бы надела лучшее платье и венец королевы Регеда и явилась бы в залу в сопровождении свиты, в то время когда он трапезует или держит совет. Урбгену волей-неволей пришлось бы тебя выслушать. Если он еще ничего не решил, он не дерзнет оскорбить сестру Артура на глазах у всего двора.

— В присутствии Нимуэ-то? — горько осведомилась Моргана.

— Нимуэ? — озадаченно переспросила Моргауза.— Мерлинова потаскушка? Она все еще здесь?

— Да, здесь. И теперь она тоже королева, сестрица, так что придержи язык! По смерти старого чародея она вышла замуж за Пелеаса, ты разве не знаешь? Она отослала меч на юг, но сама осталась, поселилась где-то в городе. Урбген, надо думать, тебе о том не сказал? Молчит, словно в рот воды набрал, и про себя надеется, что вы не столкнетесь нос к носу! — Коротко, язвительно рассмеявшись, Моргана отвернулась.— О, эти мужчины! Я их презираю, клянусь Гекатой! В их руках — вся власть, а смелости — ни на грош! Ведь Урбген ее боится... да и меня... и тебя

тоже, надо думать! Словно увалень-пес среди разъяренных кошек... Ну да ладно, может, ты и права... Может быть...

Остального Мордред не расслышал. Но продолжал ждать, хотя эта тема особого интереса в нем не вызывала.

Последствия провинности королевы и гнев короля никоим образом его не затрагивали. Но то, что мальчик услышал о репутации Морганы, его заинтриговало. А как небрежно собеседницы перебрасывались прославленными именами, что до сих пор поминались лишь в преданиях, рассказанных при свече...

Спустя минуту-другую, когда снова стало возможно различать слова, Мордред наконец-то услышал нечто, заставившее его насторожиться. На сей раз говорила Моргауза:

— Когда Артур вернется домой, ты к нему отправишься?

— У меня нет выхода. Он послал за мною; говорят, будто Урбген уже распоряжается насчет эскорта.

— То есть конвоя?

— А кабы и так, тебе-то с чего улыбаться, Моргауза? Как, по-твоему, следует назвать *твой* эскорт из королевских ратников, увозящий тебя на юг по приказу Артура?

Голос так и сочился злорадством. И Моргауза не замедлила с ответом:

— Обстоятельства несколько иные, знаешь ли. Уж я-то никогда не изменяла своему лорду...

— Ха! Во всяком случае, после того, как он на тебе женился!

— И никогда не предавала Артура...

— Нет? — истерически расхохоталась Моргана.— Да, пожалуй что и не предавала! Предательство — не совсем то слово, верно? Да и королем он в ту пору еще не был, здесь я согласна!

— Не понимаю, о чем ты, сестра, и понимать не желаю. Или ты пытаешься обвинить меня...

— Да ладно тебе, Моргауза! Да об этом всяк и каждый знает! Тем паче здесь, в замке! Хорошо, допустим, с той поры много воды утекло. Но неужто ты думаешь, что Артур послал за тобою, воспомнив о добрых старых временах? Неужто ты всерьез веришь, будто он жаждет твоего общества! Даже по смерти Мерлина Артур ни за что не вернет тебя ко двору. Уж поверь, ему нужны только дети, и, заполучив их...

— Артур и пальцем не тронет Лотовых детей! — резко воскликнула Моргауза, в первый раз возвышая голос.— Даже он на такое не осмелится! Да и зачем бы? Какая бы уж там за распря ни

разделяла их с Лотом в далеком прошлом, Лот погиб, сражаясь под драконьим знаменем, и, стало быть, Артур воздаст почести его сыновьям. Владыка должен поддержать права Гавейна; выбора у него нет. Он не допустит, чтобы поползли слухи, будто король вздумал довести избиение младенцев до конца.

Моргана подошла к самому окну. Голос ее, приглушенный и срывающийся, тем не менее слышался вполне отчетливо.

— Довести до конца? Артур его и не начинал. Да брось ты, не смотри на меня так! Об этом тоже известно всем и каждому. Ведь это не Артур отдал приказ истребить детей. И не Мерлин, если на то пошло. Уж предо мной-то лицемерить незачем, Моргауза.

— Все это в прошлом, как и то, другое,— помолчав, отозвалась королева Оркнеев, равнодушно, как и раньше.— А что до твоих слов, если бы Артуру понадобились только мальчишки, тогда незачем было посылать и за мной; забрал бы их — и довольно. Но нет, мне приказано лично доставить детей к нему в Камелот. И называй его как знаешь, но эскорт воистину королевский. Вот увидишь, сестра: я снова займу подобающее мне место, и сыновья мои — тоже.

— А бастард? Что, по-твоему, станется с ним? Или, правильнее сказать, что ты замышляешь с ним делать?

— Замышляю?

Голос Морганы зазвенел торжеством.

— Ага, теперь пташка запоет по-иному, верно? Я попала в самую точку. Здесь-то и заключена опасность, Моргауза, и ты об этом знаешь. Ты вольна измышлять любые байки, но одного взгляда на мальчишку достаточно, чтобы догадаться об истине... Убийство не состоялось; ну и что теперь? Ведь Мерлин предсказывал, что случится, если оставить его в живых. Да, избиение младенцев — дело прошлое, но кто знает, как поступит Артур теперь, когда наконец-то отыскал его?

Фраза оборвалась на полуслове: где-то открылась и снова захлопнулась дверь. Зазвучали шаги, затем голос слуги, явившегося с каким-то поручением; обе королевы отошли в глубину комнаты. Кто-то, возможно тот же самый слуга, выглянул из окна. Мордред вжался в стену. Укрывшись в тени, он застыл неподвижно и ждал. Но вот проем освещенного окна опустел. Прямоугольник света снова выделялся на лужайке ярким пятном. Мальчуган неслышно бросился назад, в отведенную принцам спальню.

В Регеде Мордреду досталось отдельное ложе. Его тюфяк лежал у самой двери, отделенный от прочих каменной переборкой.

За уступом разместились Гавейн с Гаретом. Оба уже спали. Из противоположного конца комнаты донесся шепот Агравейна, Гахерис проворчал что-то себе под нос и перекатился на другой бок. Мордред тихонько пожелал братьям доброй ночи, затем, не раздеваясь, нырнул под одеяло и затаился, выжидая своего часа.

Мальчик лежал неподвижно, стараясь дышать как можно ровнее, пытаясь обуздать мятущийся хаос мыслей. Итак, он не ошибся! Случайность, заставившая его пройти через сад, подтвердила это! Его везут на юг не с почетом, как одного из принцев, но ради некой цели, разгадать которую он не в состоянии, но опасность чувствует всем своим существом! Возможно, его ждет тюрьма или даже — визгливое злорадство в голосе Морганы заставляло заподозрить самое худшее — смерть от руки верховного короля. На покровительство Моргаузы, которое, вплоть до ночи в подземном святилище, мальчуган принимал с благодарностью, похоже, рассчитывать бесполезно. Королева бессильна защитить пасынка, да, судя по речам, не особо-то и озабочена его участью.

Мордред приподнял голову над жесткой подушкой и прислушался. Ни звука; тишину нарушает только тихое, размеренное дыхание спящих. Но во дворе люд бодрствует, в замке кипит жизнь. Ворота наверняка еще открыты, но скоро их запрут и выставят ночную стражу. Завтра, в числе оркнейских гостей, в сопровождении надежного эскорта, он отправится назад, к кораблю, а затем прямиком в Камелот, навстречу своей судьбе. Очень может быть, что «Орк» ни разу больше не пристанет к берегу до самого Инис-Витрина, острова, что союзник Артура король Мельвас удерживает от имени короля. Если бежать, то сейчас.

Решение пришло неожиданно. Словно всегда было здесь, наготове, неизбежное и неотвратимое, и дожидалось лишь подходящего момента. Мальчик осторожно уселся, откинул покрывало. Руки заметно дрожали; это его разозлило. Он привык жить сам по себе, разве нет? В известном смысле, с самого своего рождения он был предоставлен самому себе, а теперь снова окажется в одиночестве, вот и все. Никаких уз рвать не придется. Единственную привязанность, которую он когда-либо знал, много лет назад поглотило пламя той роковой ночи. Теперь он волк-одиночка; он Мордред, а Мордред полагается только на Мордреда, и более ни на кого, и — с нескрываемым облегчением он наконец-то отрекся от настороженной признательности — уж тем паче не на женщину.

Мордред соскользнул с постели и за каких-нибудь пару минут собрал свои вещи. Плащ из плотной красновато-коричневой шерстяной ткани, пояс и оружие, драгоценный рог для питья, лайковый мешочек с монетами, заботливо сбереженными за прошедшие годы. На нем было парадное платье; смена одежды осталась на борту «Орка», но тут уж ничего не поделаешь. Беглец уложил одеяло так, чтобы на первый взгляд казалось, будто постель не пуста, затем на цыпочках выбрался из комнаты и с неистово бьющимся сердцем прошел через лабиринт пустынных коридоров во двор. Сам того не ведая, он миновал ту самую комнату, где юный Артур возлег со сводной сестрой Моргаузой.

Двор, ярко освещенный в любое время, в этот час ночи обычно пустовал — с ужином уже покончили и солдаты разошлись спать либо, рассевшись вокруг костров, играли в кости. Безусловно, стражу выставили; возможно, один-два пса рыщут в поисках съестного, но Мордред полагал, что сумеет выбраться за ворота, хоронясь в тени, пока часовые отвлекутся на что-нибудь другое.

Но сегодня, несмотря на поздний час, во дворе царила суматоха. Вдоль лестницы, что поднималась к главному входу в замок, выстроились слуги, одетые в цвета дома. Среди них Мордред узнал двух старших дворецких короля. Один из них жестом отослал пару слуг с факелами к главным воротам, распахнутым настежь. Слуги выбежали наружу и остались ждать там, освещая путь к мосту. Свет в одной из конюшен, гулкий перестук копыт и голоса свидетельствовали о том, что там седлают лошадей.

Мордред отпрянул назад, в непроглядную тень дверного проема. Первое потрясение страха уступило место надежде. Если гости покидают замок в столь поздний час, может, во всеобщей неразберихе ему удастся выскользнуть незамеченным, смешавшись с толпою слуг.

Шум и суета на верхней площадке замковой лестницы возвестили о появлении короля. Урбген вышел вместе с двумя сыновьями, все трое — в тех же самых одеждах, в которых восседали за вечерней трапезой. С ними явилась и дама. Мордред, которому так и не довелось воочию увидеть королеву Моргану, на мину-

ту задумался, а не она ли это, но дама оделась для путешествия, а манеры ее никоим образом не наводили на мысль о провинившейся жене, не уверенной в прощении супруга и повелителя. Она была молода и ехала, судя по всему, без эскорта, если не считать двух вооруженных слуг, но держалась так, словно привыкла к знакам почтения, и внимательно наблюдающему мальчику показалось, что король Урбген, разговаривая с нею, уважительно склонился к собеседнице. Владыка Регеда что-то горячо доказывал; возможно, уговаривал гостью отложить отъезд до более благоприятного часа, но (как зорко подметил Мордред) не слишком-то настаивал. Леди поблагодарила его — мило, но непреклонно,— протянула руку обоим принцам, затем стремительно сбежала вниз по ступеням, едва из конюшен вывели лошадей.

Дама прошла совсем близко от двери, где стоял Мордред; мальчик успел-таки рассмотреть ее лицо. Да, незнакомка была и юна, и красива, но ощущались в ней несгибаемая сила и твердость, от которых даже в спокойную минуту веяло холодом. Вуаль, прикрывавшая темные волосы, крепилась на тонком золотом венчике. Королева, да. Но не только. Мордред тотчас же понял, кто перед ним. Нимуэ, возлюбленная и преемница Мерлина, королевского чародея; Нимуэ, «второй Мерлин», та самая ведьма, которая, судя по всему, внушала неподдельный страх обеим Артуровым сестрицам, несмотря на всю их злобную браваду.

Урбген сам подсадил гостью в седло. Двое вооруженных слуг вскочили на коней.

Нимуэ снова заговорила, на этот раз улыбаясь; похоже, успокаивала короля. Затем протянула ему руку; Урбген поднес ее к губам и отступил назад. Леди развернула коня к воротам, но едва тот шагнул вперед, она натянула поводья. Вскинула голову, огляделась по сторонам. Мордреда она не заметила — мальчик вжался в стену, слившись с темнотой,— но резко бросила королю:

— Король Урбген, со мною едут эти двое, и более ни души. Проследи за тем, чтобы за мною закрыли ворота, и выстави стражу у гостевых покоев. Вижу, ты меня понял. Следи за хищною птицей и ее выводком. Мне привиделось во сне, будто один из них уже оперился и рвется в полет. Если ты ценишь расположение Артура, держи клетку запертой и пригляди, чтобы все прибыли к королю в целости и сохранности.

Дожидаться ответа Нимуэ не стала. Каблучок качнулся, конь рванулся вперед. Двое слуг поскакали следом. Король проводил гостью долгим, завороженным взглядом, затем, стряхнув с себя удрученную задумчивость, рявкнул приказ. Сбежались факельщики, ворота со скрипом захлопнулись. С лязгом опустилась решетка. Часовые под строгим взглядом своего господина застыли по стойке «смирно». Король сказал несколько слов дежурному капитану и вместе с сыновьями направился обратно в замок. Дворецкие и слуги последовали за ними.

Долее Мордред не ждал. Он прокрался назад, стараясь держаться в тени, и метнулся к ближайшей двери, что вывела бы его на ту половину замка, где разместились мальчики. Дверь выходила в коридор, где размещались мастерские и кладовые. В столь поздний час там не было ни души. Мордред проскользнул внутрь и побежал что есть мочи.

Первой его мыслью было возвратиться в спальню до того, как у порога выставят стражу, но, пробегая по коридору вдоль целого ряда дверей — и запертых, и закрытых только на задвижку, и распахнутых настежь,— Мордред осознал, что есть еще один путь к свободе. Окна. Комнаты по левую сторону выходили точнехонько на речной берег. До земли высоко, но не настолько, чтобы ловкий, проворный мальчишка не сумел благополучно спрыгнуть; что до реки, в это время года переправа окажется делом не из приятных, однако попытаться стоит. А может, ему повезет, и на мосту стражи не окажется.

Мордред остановился, заглянул в ближайшую открытую дверь. Бесполезно: окно зарешечено. На следующей двери красовался висячий замок. Третья была затворена, но не заперта. Мальчуган толкнул ее рукой и опасливо переступил порог.

Внутри обнаружилось что-то вроде кладовой, только пахло в ней как-то странно и раздавались странные звуки — беспокойный шорох и царапание, щебет, и то и дело — писк и шум крыльев. Ну конечно! Птицы королевы! Здесь размещались клетки. Мальчуган едва взглянул в их сторону. На окне решеток не оказалось, но проем был узок. Неужто не протиснуться? Беглец стремительно пересек комнату. На клинообразном подоконнике притулилась одна из клеток. Мордред ухватил ее обеими руками, чтобы переставить на пол.

Что-то зашипело по-гадючьи, злобно фыркнуло, хлестко ударило острым. Мальчуган выронил клетку и отскочил назад: тыль-

ная сторона руки сочилась кровью. Мордред поднес взрезанную кисть к губам и ощутил солоноватый привкус. В клетке вспыхнули два ослепительно зеленых огня, глухое, угрожающее ворчание срывалось на визг.

Дикая кошка! Она забилась в самый дальний угол клетки: перепуганная, но вполне способная напугать обидчика. Маленькие, плоские уши плотно прижаты, неразличимы среди вздыбленной шерсти. Клыки оскалены. Лапа занесена снова — во всеоружии и наготове.

Мордред, в бешенстве от боли и пережитого страха, поступил так, как привык. В воздухе блеснул нож. При виде лезвия дикая кошка — будь то инстинкт или узнавание — яростно прыгнула вперед, вооруженная лапа наотмашь хлестнула промеж прутьев. Еще удар, еще; зверь вжался в стенку, упрямо пытаясь достать недруга. Лапа и грудь запачкались в крови, но не человечьей; кто-то протолкнул внутрь дохлую крысу. Кошка не стала есть подачку, но запекшаяся кровь пятнала прутья и пол, и из клетки разило вонью.

Мордред медленно опустил нож. Он многое знал о диких кошках — как всякий оркнейский поселянин; эту, понятное дело, словили после того, как перебили весь выводок вместе с матерью. И вот она здесь — совсем еще котенок, такая маленькая, такая свирепая и храбрая, заперта в вонючей клетке на усладу королеве. Да и велика ли услада? Приручить зверя не удастся, это ясно. Дикарку задразнят, заставят драться, может, натравят собак; кошка выцарапает им глаза и искалечит прежде, чем псы ее прикончат. Или просто откажется есть и умрет. К крысе звереныш так и не притронулся.

Окно оказалось слишком узким: не пролезть! Мордред постоял, слизывая кровь с руки, борясь с разочарованием, что грозило позорно перерасти в страх. Затем усилием воли мальчик взял себя в руки. Случай еще представится. До Камелота путь неблизкий. А едва оказавшись за пределами замка, он всем докажет, что в плену его не удержать. Пусть попробуют хоть пальцем его тронуть! Он под стать этой кошке, он не ручной зверек, не станет сидеть в клетке и покорно дожидаться смерти. Он будет драться.

Кошка снова ударила лапой, но до врага не дотянулась. Мордред огляделся, увидел шест с развилиной на конце вроде тех, какими сборщики урожая ловят гадюк, подхватил им клетку и развернул крышкообразной дверцей к окну. Клетка заполнила почти весь проем. Мальчик просунул шест в петлю и осторожно

приподнял плетеную дверцу. Вместе с ней приподнялась и тушка крысы; зафырчав, кошка ударила по новому, движущемуся врагу. Но лапа встретила на пути лишь воздух. Звереныш застыл неподвижно, лишь подрагивала вздыбленная шерсть да подергивался кончик хвоста. Затем, медленно, подкрадываясь к свободе, точно к добыче, кошка подобралась к краю корзинки, выскользнула на подоконник и глянула вниз.

Мордред не заметил, как она исчезла. Еще мгновение назад кошка была здесь, в плену, а в следующее мгновение канула в вольную ночь.

Второй пленник вытащил клетку из оконного проема, что для него самого оказался чересчур тесным, бросил ее на пол и осторожно поставил шест на место.

У дверей спальни уже выставили стражу. Часовой взял оружие на изготовку, но, разглядев, кто перед ним, неловко затоптался и опустил копье.

Мордред предусмотрительно завернулся в шерстяной плащ, крепко прижимая к себе под тканью все свое добро и пряча раненую руку. В лице его читалось лишь легкое удивление.

— Охрана? Что-то произошло?

— Приказ короля, господин.

Лицо стражника было непроницаемо.

— Приказ не пускать меня внутрь? Или не выпускать?

— Не выпускать... э-э-э, то есть я хочу сказать, приглядеть за вами, чтобы не стряслось чего, господин.— Стражник откашлялся, явно ощущая себя неуютно, и начал сначала: — Я-то думал, вы все внутри и крепко спите. Вы, надо думать, были у госпожи королевы?

— А, так король распорядился еще и о том, чтобы ему доносили о каждом нашем шаге? — Мордред выдержал эффектную паузу, пока стражник переминался с ноги на ногу, затем улыбнулся.— Нет, я был не у королевы Моргаузы. Вы всегда допрашиваете гостей короля, где они проводят ночи?

Стражник медленно открыл рот. Мордред читал собеседника, точно раскрытую книгу: вот он изумился, позабавился, ощутил себя сообщником. Принц запустил свободную руку в сумку у пояса и извлек монету.

Говорили они и без того тихо, но Мордред еще понизил голос:

— Ты ведь никому не скажешь?

Стражник расслабился, ухмыльнулся:

— Конечно нет, молодой господин. Прощения просим. Спасибо, молодой господин. Доброй ночи, молодой господин.

Мордред прошел мимо него и тихонько проскользнул в спальню.

Несмотря на все предосторожности, он обнаружил, что Гавейн бодрствует: опершись о локоть, принц потянулся к кинжалу.

— Кто здесь?

— Мордред. Говори тише. Все в порядке.

— Где ты был? Я думал, ты давно спишь.

Мордред, по обыкновению своему, отмолчался.

Мальчик давно обнаружил, что, ежели не ответить на щекотливый вопрос, собеседник вряд ли задаст его вторично. Он понятия не имел, что подобное открытие делается обычно в более зрелые лета, а слабым натурам и вовсе недоступно. Он направился к своему тюфяку и, оказавшись под прикрытием каменной переборки, бросил узелок на кровать, а поверх — плащ. Незачем Гавейну знать, что под плащом он одет.

— Я вроде бы слышал голоса,— прошептал Гавейн.

— У дверей поставили часового. Я с ним говорил.

— А! — Гавейн, как и рассчитывал Мордред, не придал этому особого значения. Возможно, даже не осознал, что стражу в Регеде выставили впервые. И про себя, верно, решил, что сводный братец всего лишь выходил по нужде. Мордред откинулся на подушку.— Верно, это меня и разбудило. Который час?

— Должно быть, далеко за полночь,— тихо отозвался Мордред, заматывая платком оцарапанную руку.— А завтра рано выезжать. Надо бы выспаться. Доброй ночи.

Спустя какое-то время уснул и Мордред. На расстоянии полулиги, на опушке бескрайнего леса, прозванного Диким, молодая дикая кошка устроилась в развилке гигантской сосны и принялась вылизывать мех, избавляясь от запаха плена.

Глава 12

Поутру стало ясно, что предупреждение Нимуэ передали и эскорту.

Солдаты заботились о том, чтобы оркнейский отряд держался вместе, не разбредаясь, и с величайшим доступным им тактом делали все возможное, чтобы бдительный надзор сошел за почетное сопровождение. Так Моргауза его и воспринимала, и четверо младших принцев — тоже: они ехали, ни о чем не тревожась, весело переговаривались со стражей и смеялись от души, но Мордред, верхом на хорошем коне, оглядывал открытые заболоченные пространства по обе стороны дороги, молчал и досадовал про себя.

До гавани путешественники добрались чересчур быстро. И первое, что заметили,— «Орк» качался на волнах в одиночестве. «Морской дракон», как объяснил капитан эскорта, от шторма почти не пострадал, так что двинулся прямиком на юг, а сам он и вооруженный эскорт дальше поплывут на «Орке». Моргауза тому не порадовалась, но, уже заподозрив неладное, не посмела выказать досаду и поневоле вынуждена была согласиться.

Отряд взошел на борт. На палубе стало тесновато, на прежние удобства рассчитывать не приходилось, но ветра стихли, и путь из эстуария Итуны и к югу вдоль побережья Регеда оказался гладок и даже приятен.

Мальчики целыми днями не уходили с палубы, наблюдая, как мимо проплывают холмистые берега. Чайки пикировали вниз и кричали за кормой. Как-то раз корабль столкнулся с целой флотилией рыбацких лодок, а однажды мальчики приметили, как на гористом побережье узкого заливчика какие-то люди верхом на пони гнали впереди себя целое стадо («Небось украли»,— заметил Агравейн с явным одобрением), но помимо этого не встретили ни души. Моргауза не появлялась. Мореходы учили принцев вязать узлы, а Гарет пытался сыграть на крохотной флейте, что один из корабельщиков вырезал из тростника. Все соорудили себе какую-никакую снасть, и старания не пропали даром: в результате путешественники сытно питались свежезапеченной рыбой.

Принцы буйно радовались приключению и ослепительным надеждам, что провиделись в будущем. Даже Мордреду порою удавалось отогнать тень страха.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда было молчание эскорта. Оркнейцы расспрашивали сопровождение — принцы с невинным любопытством, Мордред с расчетливым коварством,— но и солдаты, и командиры отличались такой же замкнутостью, как и королевский посол.

О приказах верховного короля и о планах на их счет мальчики так ничего и не узнали.

Так минуло три дня. Но вот капитан тревожно сощурился на уныло обвисший парус, и «Орк» встал на рейде у Сегонтиума на побережье Уэльса, напротив острова Моны.

Этот город был не в пример крупнее маленькой гавани Регеда. Кáэр-ин-ар-Вон, или Сегонтиум, как и во времена римлян, оставался огромным военным гарнизоном; не так давно его перестроили, возродив былую мощь по меньшей мере вполовину.

Крепость высилась на каменистом склоне холма над городом, а за нею снова начинались предгорья, а еще дальше — заоблачные вершины И-Виддфы, Снежной горы. А в море, за узким проливом, синеющим в лучах солнца, точно сапфир, раскинулись золотистые поля и высились магические камни Моны, острова друидов.

Выстроившись вдоль поручней, мальчики так и пожирали берег глазами. Со временем вышла из каюты и Моргауза. Вид у нее был бледный и больной, даже после путешествия столь спокойного и безбурного. («Это все потому, что она ведьма»,— гордо объяснял Гарет предводителю эскорта.) Едва капитан сообщил королеве, что придется переждать в гавани, пока не переменится ветер, Моргауза, очень довольная, объявила, что на борту ночевать не собирается, и отослала дворецкого снять комнаты в портовой гостинице. Мирный городок процветал, разместиться предполагалось с удобствами. Оркнейцы радостно сошли на берег.

Там они пробыли четыре дня. Королева оставалась в покоях вместе с прислужницами. Мальчикам дозволили походить по городу или, по-прежнему под бдительным надзором, спуститься к берегу половить моллюсков и крабов.

Во время второй такой вылазки Мордред, словно вдруг соскучившись, повернул назад. Хотя при братьях он этого не говорил, он недвусмысленно дал понять обоим стражникам: охота на крабов — не забава для мальчишки, который еще совсем недавно промышлял тем самым на жизнь. Предоставив принцам развлекаться, он один побрел в город, затем, скрывая нетерпение, неспешным шагом двинулся по дороге, что уводила от домов, мимо крепости и к далеким высотам И-Виддфы.

После ночных заморозков воздух казался ослепительно прозрачным. Камни уже нагрелись. Мордред присел на валун. Со стороны казалось, будто мальчик наслаждается солнцем и видом. На самом деле он зорко оглядывался по сторонам, высматривая возможность к бегству.

Выше по откосу, на изрядном расстоянии, паренек пас овец. Следы копыт испещрили дерн. Еще дальше, за отрогами каменистого пастбища, раскинулась рощица — преддверие густого леса, что резко уходил вверх и одевал склоны Снежной горы. А вот и просвет между деревьев: дорога, уводящая на восток.

Если бежать, то туда. Дорога непременно пересечется со знаменитым Сарн-Элен, мощеным трактом, уводящим к Дэве и внутренним королевствам. Там нетрудно затеряться. Все деньги у него при себе, и, сославшись на давешние ночные заморозки, он прихватил с собой плащ.

По тропе прошуршал камешек.

Мальчуган обернулся: неподалеку, едва ли не в десяти шагах, праздно стояли двое стражников, нарочито лениво вглядываясь в даль, в сторону взморья. Однако держались они настороженно и время от времени искоса поглядывали в его сторону.

Эти двое сопровождали принцев до берега.

Мордред различал вдалеке крошечные фигурки братьев, легко узнаваемые среди прочих ловцов крабов. Он пригляделся, высматривая эскорт, но никого не увидел.

Стражники оставили принцев развлекаться и неслышно последовали за ним вверх по холму. Вывод напрашивался сам собой. Стерегут его одного.

В груди у мальчика стеснилось — наверное, нечто подобное ощущала и пойманная дикая кошка,— в горле застрял комок. Ему захотелось закричать в полную силу, резко ударить, броситься наутек.

Бежать. Мордред вскочил на ноги. Стражники тут же двинулись к нему — словно невзначай. Молодые, крепкие. Таких не обгонишь. Мальчик остался на месте.

— Пора бы назад, молодой господин,— любезно предложил один из стражников.— Дело-то к ужину.

— И братья ваши уже возвращаются,— указал второй.— Гляньте, их отсюда видно. Может, и мы двинемся вниз?

Лицо Мордреда превратилось в каменную маску. Взгляд не выдавал обуревающих его чувств. Нечто — ни один дикий зверь не понял бы этого, как, впрочем, и большинство людей,— заставляло подростка молчать и изображать равнодушие. Он дважды вдохнул поглубже, унимая волнение, и усилием воли прогнал страх, а вместе с ним и исступленное разочарование.

Мордред чувствовал, как они сочатся из кончиков пальцев, точно кровь. На смену им пришла чуть заметная дрожь высвобо-

жденного напряжения, а затем, в пустоту,— невозмутимость его привычного самообладания.

Мальчик кивнул, отделался сдержанно-вежливым замечанием и зашагал назад, на постоялый двор. В окружении стражников.

На следующий день Мордред снова попытался бежать.

Принцам прискучили взморье и город, теперь им запало в головы осмотреть огромную крепость на холме, но мать и слышать об этом не желала. Впрочем, предводитель эскорта решительно объявил, что даже оркнейских принцев в ворота не пустят. Форт, дескать, укреплен и поддерживается в боевой готовности.

— Зачем бы? — полюбопытствовал Гавейн.

Капитан качнул головой в сторону моря.

— Ибернцы?

— Пикты, ибернцы, саксы. Да мало ли!

— А сам король Маэлгон здесь?

— Нет.

— Которая из них Максенова башня? — небрежно осведомился Мордред.

— Чья башня? — переспросил Агравейн.

— Максенова. Давеча кто-то о ней помянул.

Этот «кто-то», из числа стражи, заметил, что башня, дескать, стоит высоко на склоне холма, у самого леса.

Предводитель эскорта указал в нужном направлении.

— Вон там, наверху. Отсюда не видно, это просто развалины.

— Кто таков Максен? — осведомился Гарет.

— Вас что, ровным счетом ничему не учат на этих ваших Оркнеях? — снисходительно отозвался воин.— Магнус Максим был императором Британии, испанец по происхождению...

— Разумеется, об этом мы знаем,— перебил Гавейн.— Мы же с Максеном в родстве. Он был императором Рима; это его меч Мерлин добыл для верховного короля: Калибурн, королевский Меч Британии. Об этом ведомо всем и каждому! Наша матушка происходит от него, через короля Утера.

— Так почему бы нам не осмотреть башню? — настаивал Мордред.— Она же не в пределах крепости; туда, верно, всех пускают! Даже если там сплошные руины...

— Прошу прощения,— покачал головой капитан.— Слишком далеко. Не велено.

— Не велено? — ощетинился было Гавейн, но Агравейн, перебивая брата, грубо бросил Мордреду:

— А тебе-то туда зачем? Ты не родня Максену! А мы родня! Мы-то и от матери унаследовали королевскую кровь.

— Так ежели я бастард Лотиана, вы бастарды Максена,— отпарировал Мордред.

Страх и напряжение внезапно обратились в бешенство, и мальчуган в кои-то веки не задумывался о том, что говорит.

Впрочем, ему ничего не угрожало.

Близнецы, верные мальчишескому правилу держать язык за зубами во всем, что касалось матери, никогда бы не стали передавать оскорбление Моргаузе. Они предпочитали действовать напрямую. В первое мгновение они опешили от изумления, затем, взвыв от ярости, накинулись на Мордреда, и вся энергия, сдерживаемая на борту корабля, внезапно прорвалась наружу.

Побоище вышло знатное: драчуны катались по всему гостиничному двору. Наконец братьев растащили и примерно наказали, а возмущенная королева запретила сыновьям покидать пределы постоялого двора.

Так что в Максенову башню не отправился никто, и принцам пришлось удовольствоваться игрой в бабки, дружескими потасовками да рассказыванием историй. Детские забавы, говорил Мордред, на сей раз презрения не скрывая, и, все еще обиженный, держался в стороне.

На следующий день, к вечеру, ветер неожиданно переменился и снова задул с севера в полную силу. Под бдительным надзором эскорта отряд вернулся на борт, и «Орк», подхваченный попутным бризом, стремительно полетел к югу, наконец-то покинул открытые всем ветрам пространства и вошел в спокойные воды моря Северн. Вода напоминала стекло.

— Так оно и будет вплоть до Стеклянного острова, клянусь вам,— уверял капитан.

И «Орк», судно с небольшой осадкой, в самом деле проплыл по гладкому, точно зеркало, эстуарию, преодолел последний отрезок пути при помощи весел и причалил у пристани Инис-Витрина, Стеклянного острова, которая располагалась почитай что в тени дворцовых стен короля Мельваса.

Дворец Мельваса, немногим превосходящий больших размеров дом, высился на ровном лугу, обрамляющем крупнейший из трех родственных островов под названием Инис-Витрин. Два острова — невысокие зеленые холмы — плавно поднимались над

водой. Третий — высокая, конусообразная гора Тор — отличался правильностью очертаний, словно творение рук человеческих. Подножие холма утопало в яблоневых садах; по струйкам дыма угадывалось местоположение деревни — «столицы» Мельваса. Холм высился над заболоченными пустошами Летней страны точно гигантский маяк. Таково и было одно из его предназначений; на самой вершине Тора стояла сигнальная башня, ближайшая к Камелоту. С этой горы, как сообщили мальчикам, стены и сверкающие чертоги столицы видны отчетливо, словно на ладони, сразу за зеркальными просторами озера.

Крепость короля Мельваса располагалась у самой вершины Тора. Вела туда крутая, извилистая тропка, вырубленная прямо в камне. Поговаривали, что зимой, по грязи, на гору почитай что и не взобраться. Но зимой битвы и не велись. Король и его свита наслаждались уютом приозерного особняка, развлекаясь охотой — по большей части на пернатую дичь среди болот Летней страны. Топи простирались к югу; тут и там среди поблескивающей воды поднимались островки ивняка да огражденные ольшаником тростники, где болотные жители соорудили свои лачуги.

Король Мельвас радушно принял гостей. Крепко сложенный, с каштановой бородой и румянцем во всю щеку, с алыми, полными губами, на Моргаузу он взирал с нескрываемым восхищением. Он приветствовал гостью церемонным поцелуем, а ежели поцелуй самую малость и затянулся, то Моргауза возражать не стала. Она представила сыновей; король обошелся с ними любезно и ласково, но еще любезнее превознес женщину, подарившую миру такое славное племя. Мордреда, как всегда, назвали последним. Если во время официальной церемонии представления взгляд короля частенько обращался к высокому мальчугану, стоявшему рядом с прочими принцами, похоже, никто, кроме самого Мордреда, этого не заметил. Наконец Мельвас отвел глаза, снова обернулся к Моргаузе и сообщил, что ее дожидается гонец от верховного короля.

— Гонец? — резко бросила Моргауза.— Ко мне, к сестре короля? Вы, должно быть, имеете в виду одного из королевских рыцарей? С подобающим эскортом?

Но нет: оказалось, что посыльный и впрямь всего лишь один из королевских гонцов; должным образом приветствовав Моргаузу, он изложил сообщение — коротко и без особых церемоний. Моргаузе со свитой велено было заночевать на Инис-Витрине;

на следующий день прибудет эскорт от Артура и доставит их в Камелот. Король примет оркнейцев в Круглом зале.

Младшие принцы, взволнованные, с трудом владеющие собой, не заметили ничего неладного, но Гавейн и Мордред следили за тем, как Моргауза с пристрастием допрашивала гонца, и видели: гнев борется в ней с нарастающим беспокойством.

— Король ничего больше не сказал, госпожа,— повторил гонец.— Только это: ему угодно, чтобы вы предстали перед ним завтра в Круглом зале. А до тех пор вам надлежит оставаться здесь. Леди Нимуэ, госпожа? Нет, она еще не вернулась с севера. Больше я ничего не знаю.

Он поклонился и вышел. Гавейн, озадаченный и уже склонный к тому, чтобы рассердиться, заговорил было, но мать жестом велела ему умолкнуть и постояла немного молча, кусая губы и размышляя. Затем порывисто обернулась к Габрану:

— Распорядись, чтобы созвали всех моих прислужниц. Пусть распакуют вещи и приготовят мне белое платье и еще алый плащ. Да, сейчас, именно сейчас! А ты думаешь, я стану смирно дожидаться утра и завтра явлюсь по его указке в Круглый зал? Или не знаешь, что это такое? Это зал совета, там вершат суд! О да, о Круглом зале я наслышана, с его «Погибельным сиденьем» для провинившихся и тех, кто затаил обиду против верховного короля!

— Но что может угрожать вам? Вы ничем против него не погрешили,— быстро отозвался Габран.

— Конечно нет! — отрывисто бросила Моргауза.— Поэтому я и не желаю, чтобы собственный брат призывал меня на совет, словно просительницу или преступницу! Я поеду сейчас же, пока он трапезует с королевой и всем двором. Вот тогда посмотрим, откажет ли он в подобающем приеме матери...— Тут она умолкла и, судя по всему, докончила фразу иначе, нежели собиралась: — Родной сестре и сестринским сыновьям.

— Госпожа, но отпустят ли вас?

— Я не узница. И мне не посмеют чинить препятствия на глазах у людей. Кроме того, королевский отряд возвратился в Камелот, так?

— Да, госпожа, но король Мельвас...

— После того как я оденусь, можешь пригласить сюда короля Мельваса.

Габран неохотно повернулся к выходу.

— Габран.— Молодой человек обернулся.— Забери мальчиков. Вели женщинам одеть их. В придворные платья. Я позабочусь, чтобы Мельвас дал нам лошадей и эскорт.— Королева поджала губы.— Пока мы под надзором, Артур не вправе возлагать ответственность на него. В любом случае, достанется Мельвасу, а не нам. Теперь ступай. С нами ты не поскачешь. Приедешь завтра вместе со всеми.

Габран помедлил, затем, поймав взгляд королевы, поклонился и вышел из комнаты.

Нетрудно догадаться, что за метод убеждения гостья применила к Мельвасу. И в конце концов добилась своего. На закате — а осенью закаты кратки — маленький отряд проскакал через гать, уводившую через озеро на восток. Моргауза ехала верхом на прелестной серой кобылке с роскошной зелено-алой сбруей, увешанной звонкими колокольчиками. Мордреду, к его превеликому удивлению, дали великолепного вороного жеребца, под стать скакуну Гавейна. Предоставленный Мельвасом вооруженный эскорт трусил рядом, растянувшись цепью вдоль узкой насыпи. За их спинами солнце плавно опускалось в горнило расплавленной меди, что медленно остывало, переливаясь оттенками опаленной зелени и пурпура. В воздухе похолодало, синие сумеречные тени несли в себе дыхание мороза.

Под копытами лошадей захрустел гравий насыпи, а затем впереди легла дорога — бледная полоска, уводящая через заболоченную пустошь, сквозь тростники и ольшаник.

Утки и болотные птицы с шумом взмывали в воздух, оставляя на воде подрагивающую рябь, словно расплавленный металл.

Конь Мордреда встряхнул головой, уздечка зазвенела серебром. Сердце мальчугана вдруг встрепенулось от восторга — бог весть почему. В следующее мгновение кто-то охнул и указал вдаль.

Впереди, на вершине густо поросшего лесом холма, последние отблески заката запутались в развевающихся знаменах и гордые шпили пламенем полыхали в вечернем небе, точно факелы,— то вздымались башни Камелота.

Глава 13

Город стоял на вершине холма. Каэр-Камел — широкий, с плоской вершиной — выделялся среди равнинно-холмистого края столь же приметно, как Тор. Его крутые склоны были изрезаны глубокими бороздами, словно вкруг холма прошелся гигантский

плуг. Эти гряды — земляные насыпи и рвы — служили препятствием для штурмующих. На гребне изрытого склона крепостные стены охватывали вершину, точно корона — чело короля. В двух местах, на северо-востоке и юго-западе, в массивных защитных укреплениях встроили ворота.

Отряд Моргаузы ехал с юго-запада, ко входу под названием Королевские ворота. Всадники переправились через узкую извилистую речушку и двинулись по дороге, что резко уводила вверх, петляя между густо насаженных деревьев. На гребне холма, в угловой части внешних стен, высились массивные двойные ворота, пока еще открытые. Въезд бдительно охранялся. Отряд остановился, и предводитель эскорта выехал вперед — переговорить с начальником караула.

Очень скоро оба возвратились к тому месту, где дожидалась Моргауза.

— Госпожа...— Воин почтительно поклонился.— Предполагалось, что вы прибудете никак не раньше завтрашнего дня. Я не получил никаких распоряжений касательно вашего отряда. Если вы изволите подождать здесь, я пошлю известить...

— Король в зале?

— Да, госпожа, за вечерней трапезой.

— Тогда проводите меня к нему.

— Госпожа, не могу. Если вы...

— Ты знаешь, кто я?

Холодный вопрос заключал в себе недвусмысленную угрозу.

— Конечно, госпожа...

— Я сестра верховного короля, дочь Утера Пендрагона. И мне прикажете дожидаться у ворот, точно просительнице или простому гонцу?

Лоб стражника покрылся тусклой пленкой испарины, но присутствия духа воин не утратил.

— Конечно нет, госпожа, ни в коем случае не за воротами. Пожалуйста, проезжайте внутрь. Ворота сейчас закроют. Но боюсь, вам придется подождать здесь, пока я не извещу короля. У меня приказ.

— Хорошо, не буду усложнять вам жизнь. К королю отправится мой дворецкий.

Моргауза говорила твердо и решительно, словно даже сейчас нимало не сомневалась в том, что ее волю исполнят дословно. Она смягчила распоряжение одной из самых прелестных своих

улыбок. Но Мордред видел: королеве не по себе. Кобылка, читая настроение всадницы, переминалась с ноги на ногу и вскидывала голову так, что спутались золоченые кисти.

Начальник караула с явным облегчением согласился, и, перемолвившись несколькими словами с королевой, дворецкий отбыл в сопровождении двух ратников. Отряд Моргаузы въехал под низкие, укрепленные своды Королевских ворот и остановился, не вправе сделать дальше и шагу.

Позади них тяжелые ворота захлопнулись. Решетки с лязгом встали на место. Наверху, вдоль зубчатых стен, гулкой, размеренной поступью расхаживали часовые. По иронии судьбы, эти звуки, долженствующие властно напомнить Мордреду о том, что он — пленник в преддверии неопределенной и пугающей участи, ушей его почитай что и не достигли. Мальчик слишком увлекся, осматриваясь вокруг. Вот он, Камелот!

От ворот дорога вела вверх по холму к стенам дворца. Вдоль дороги на равном расстоянии друг от друга высились столбы; закрепленные на скобах факелы освещали путь. Дойдя до середины протяженного склона, дорога разветвлялась; одна тропа шла налево, к воротам в дворцовых стенах, за которыми можно было различить облетевшие верхушки деревьев. Еще один сад? Еще одна тюрьма, на радость королеве? Вторая дорога огибала дворцовые стены и подводила к другим, более крупным воротам, должно быть городским. Над стеной поднимались крыши и башенки жилых домов, мастерские и цеха, теснившиеся вокруг рыночной площади, а еще дальше, к северу, казармы и конюшни. Городские ворота уже закрылись, вокруг ни души, кроме часовых.

— Мордред!

Очнувшись от раздумий, Мордред поднял взгляд. Моргауза поманила его рукой.

— Сюда, ко мне.

Мальчик послал коня вперед и встал справа от королевы. Гавейн двинулся было, чтобы занять место по другую руку, но королева нетерпеливо отмахнулась.

— Оставайся с остальными.

Гавейн, который со времен потасовки в гостиничном дворе держался с Мордредом крайне отчужденно, нахмурился, рванул на себя поводья, но вслух ничего не сказал. Прочие тоже молчали. Напряженность Моргаузы отчасти передалась всем, даже Гарету.

Королева не проронила больше ни слова, просто застыла в седле, прямая и неподвижная, отрешенно глядя на уши лошади. Капюшон упал на спину; лицо застывшее, бледное.

Но вдруг все изменилось.

Мордред взглянул в ту же сторону, что она: дворецкий поспешал назад с двумя солдатами, а чуть поотстав, по дороге спускался еще человек. Один, без эскорта.

По тому, как резко встрепенулась стража у ворот, мальчик понял, кто перед ним и еще то, что приход его явился полной неожиданностью. Случай поистине беспримерный: верховный король Артур вышел из замка один, чтобы встретить гостей у внешних врат крепости.

Король остановился в нескольких шагах и коротко бросил страже:

— Пусть войдут.

Никакого торжественного приема. Ни поцелуя, ни рукопожатий, ни улыбки. Король стоял у факельного столба, и блики играли на его лице — холодном и равнодушном, как у судьи.

Дворецкий засеменил было к Моргаузе, но она отмахнулась.

— Мордред. Будь добр, руку.

Удивиться мальчик уже не успел. Не успел испытать ровным счетом ничего, помимо одного-единственного, всеподчиняющего недоброго предчувствия. Он соскользнул с коня, бросил поводья слуге и помог королеве спешиться. Моргауза на мгновение крепко вцепилась в его локоть, глянула на мальчугана снизу вверх, словно хотела что-то сказать, затем выпустила руку, но удержала его рядом. Гавейн, по-прежнему хмурый, не дожидаясь приглашения, послал коня вперед, но на этот раз на него не обратили внимания. Остальные принцы боязливо выстроились позади. Слуги увели лошадей к воротам. Артур так и не двинулся с места. Моргауза пошла навстречу королю; двое старших оркнейцев — по обе стороны от матери, трое младших — следом.

Мордред впоследствии так и не смог объяснить, почему верховный король в первую же встречу произвел впечатление столь внушительное. Ни тебе церемониала, ни слуг, никакой тебе пышной мишуры величия и власти, даже оружия при нем не было. Он стоял один: холоден, нем и грозен. Мальчик глядел во все глаза. Этот человек, в коричневом, отороченном куницей платье, казался карликом рядом с освещенными чертогами за его спиной, рядом с деревьями, насаженными вдоль дороги, и ко-

пьями вооруженной стражи. Но в звенящих, морозных, пронизанных светом сумерках все глаза были устремлены только на него.

Моргауза опустилась на заиндевелую землю — не в глубоком реверансе, как оно и подобает в присутствии верховного короля, но на колени. Протянула руку, ухватила Мордреда за локоть, заставила преклонить колена и его. Мальчик чувствовал, что пальцы ее чуть заметно дрожат. Гавейн с братьями остались стоять. Артур даже не взглянул в их сторону. Все его внимание сосредоточилось на коленопреклоненном мальчишке, на бастарде, на сыне: вот, брошен к ногам короля, точно проситель, голова вскинута, стреляет глазами во все стороны, словно дикий зверек, гадая, куда бежать.

Моргауза нарушила молчание:

— Милорд Артур, брат... можешь себе вообразить, что за радость доставили мне и моему семейству известия о том, что спустя столько лет нам наконец-то дозволено снова лицезреть тебя и побывать при дворе, на большой земле. Кто не слыхал о чудесах Камелота, кто не дивился рассказам о твоих победах, о величии владыки здешних земель? Будущность столь блестящую я и господин мой король Лот предрекли тебе еще после той, первой великой битвы в Лугуваллиуме...

Моргауза искоса глянула на бесстрастное лицо Артура. Она намеренно ступила на заведомо опасную почву. В Лугуваллиуме Лот сперва попытался предать Артура, затем свергнуть его; именно там Артур возлег с Моргаузой и был зачат Мордред. Мордред, потупив взгляд и изучая узоры инея на земле прямо перед собою, уловил минутное замешательство, но тут королева поспешно перевела дух и заговорила снова.

— Возможно, между нами... между тобою и Лотом и даже между тобою и мной, о брат мой, случалось всякое, о чем лучше не вспоминать. Но Лот погиб, сражаясь под твоими знаменами, и с тех пор я жила вдовой, тихо и невзыскательно, хотя и в изгнании, но не ропща, посвятив себя воспитанию сыновей...— На этих словах она сделала еле заметный упор и снова искоса глянула вверх.— Теперь, милорд Артур, я прибыла по твоему повелению и молю тебя о милосердии ко всем нам.

Король по-прежнему не отвечал, ни единым жестом не приветил гостей. Высокий, нежный голосок журчал себе и журчал, слова, точно камешки, бились о стену молчания. Мордред, по-

прежнему глядя в землю, вдруг почувствовал нечто властное, словно прикосновение, и резко поднял голову — король неотрывно смотрел на него. Мальчик впервые встретился с ним глазами, и глаза эти показались до странности знакомыми и все же чужими; взгляд этот бросал его в дрожь — не страха, нет, но как если бы что-то ударило его по сердцу так, что перехватило дыхание. И касание это сняло страх. Внезапно, впервые с тех пор, как Моргауза затемнила доводы рассудка угрозами и колдовством, Мордред со всей отчетливостью понял, как нелепы его опасения. С какой стати этому человеку, этому королю, преследовать незаконнорожденного отпрыска давнего недруга, погибшего много лет назад? Он до такого не опустится. Вздор, бессмыслица. Для Мордреда воздух наконец-то обрел прозрачность — словно развеялся гнусный, пропитанный магией туман.

Он здесь, в легендарном городе, в самом центре королевств большой земли. Давным-давно он мечтал об этом, загадывал, строил замыслы. Во власти страха и недоверия, внушенных Моргаузой, он попытался бежать прочь от Камелота, но его привезли сюда, точно намеченную жертву к черному алтарю ее Богини. А теперь он и не помышлял о бегстве. Все его былые амбиции, все мальчишеские мечты потоком хлынули вспять, запечатлелись в сознании, обрели форму. Ему нужен этот мир; он станет частью этого мира. Чего бы это ни стоило — отвоевать место в королевствах этого короля, он все сделает, пусть даже...

А Моргауза все говорила и говорила с непривычными интонациями смирения. И теперь, когда разум озарился новообретенным, холодным светом, Мордред слушал и думал: «Каждое ее слово — ложь. Нет, не то чтобы ложь, факты по большей части соответствуют истине, но самая суть ее и все, что она пытается сделать... все это фальшь, притворство. И как он это терпит? Ведь не может же он обмануться! Только не этот король. Только не Артур».

— Так что молю, не вини меня, брат, за то, что приехала сейчас и не стала дожидаться до завтра. Как могла я ждать, если огни Камелота так близко, на другом берегу озера? Я должна была приехать и убедиться, что в сердце своем ты не держишь на меня зла. Взгляни: повеление твое я исполнила. Я привезла всех мальчиков. Слева от меня — Гавейн, старший из оркнейских принцев, мой сын и твой слуга. А это его братья. А справа...

Это Мордред.— Моргауза подняла взгляд.— Брат, он ничего не знает. Ровным счетом ничего. Он...

Артур наконец-то стронулся с места. Жестом он оборвал сестру на полуслове, затем шагнул вперед, протянул руку. Моргауза, резко переводя дух, замолчала и вложила в нее свою ладонь. Король помог сестре подняться. И мальчики, и слуги, наблюдающие от ворот, облегченно задвигались. Гостей приняли. Все будет хорошо. Мордред, поднявшись на ноги, тоже почувствовал, что напряжение отчасти схлынуло. Гавейн просиял улыбкой, и Мордред непроизвольно улыбнулся в ответ. Но вместо ритуального поцелуя, объятий и слов приветствия король сказал только:

— Мне нужно кое-что сказать тебе, и слова эти не для детских ушей.— Артур обернулся к мальчикам.— Добро вам пожаловать ко двору. А теперь отойдите к караульне и подождите там.

Принцы повиновались.

— Дары,— воскликнул дворецкий,— скорее дары! Похоже, не все идет ладно.

Он выхватил ларец из рук слуги, выбежал вперед, положил его к ногам короля, смущенно попятился. Артур и не взглянул на сокровища. Он обращался к Моргаузе, и хотя те, что наблюдали от ворот, не слышали ни слова и лица королевы разглядеть не могли, они видели, как в облике королевы вызывающая надменность сменилась мольбой и даже страхом, и все это время король стоял пред нею недвижно, как камень, и с каменным лицом. Только Мордред новым, проясненным взором читал в нем горе и усталость.

И вдруг их прервали. Из-за ворот донесся цокот копыт. Шум стремительно нарастал. Вверх по накатанной дороге спотыкающимся галопом промчался всадник. Раздался хриплый голос. Один из часовых прошептал себе под нос:

— Гонец из Глевума! Клянусь громом, быстро обернулся! Должно быть, привез важные вести!

Оклик, ответный возглас, ворота со скрипом и грохотом приоткрылись. Взмыленный конь процокал внутрь, распространяя вокруг запах пота — последствия изнурительной скачки. Гонец, задыхаясь, отрывисто произнес что-то и, не задержавшись, промчался дальше, прямиком к тому месту, где стояли король и Моргауза.

Всадник не то спрыгнул, не то рухнул с седла и опустился на одно колено. Король нахмурился, недовольный тем, что помешали, но гонец принялся что-то горячо объяснять. Помолчав, Артур поманил стражников. Двое выступили вперед и встали по обе стороны от Моргаузы. Король обернулся, сделал знак гонцу следовать за собой и зашагал по дороге назад. У дворцового крыльца он остановился. Несколько минут эти двое, король и вестник, беседовали промеж себя, но от караульни невозможно было ничего расслышать или рассмотреть. Затем король резко развернулся и крикнул что-то.

В следующее мгновение застывшая напряженность ночи разлетелась вдребезги; от тревожного спокойствия дворец пробудился к подобию боевой готовности. Двое конюхов, повисая на поводьях, вывели статного боевого коня; серый скакун рвался вперед и заливисто ржал. Выбежали слуги, неся королю плащ и меч. Ворота распахнулись. Артур вскочил в седло. Серый жеребец заржал, высоко вскинул под факелом передние копыта, почуяв шпоры, скакнул вперед мимо мальчиков и вылетел за ворота со скоростью брошенного копья. Конюхи увели прочь взмыленного коня, верхом на котором прискакал гонец. Сам вестник, прихрамывая, побрел следом.

В караульне царила суматоха, отрывисто звучали приказы. Воины Мельваса уехали восвояси, а мальчиков, вместе с дворецким и слугами королевы, торопливо увлекли вверх по дороге, мимо того места, где Моргауза так и осталась стоять между двумя стражниками. Едва гости достигли дворцовых ворот, навстречу им вылетел отряд вооруженных всадников, растянувшись вереницей, галопом промчался вниз по холму, вслед королю, и исчез.

Цокот копыт затих. Внешние ворота снова с лязгом захлопнулись. Эхо угасло, воцарилась тишина. Замок постепенно, все еще словно подрагивая, возвращался к подобию покоя.

Мальчики, оставленные дожидаться у дворцовых ворот вместе со слугами и стражей, жались друг к другу — недоумевающие, сбитые с толку. Подступал страх. Гарет расплакался. Близнецы о чем-то перешептывались, время от времени бросая на Мордреда взгляды крайне недружелюбные. Гавейн озадаченно насупился. Делая вид, что ничего не замечает, Мордред ощущал куда острее, чем прежде, собственную чужеродность. Мысли трепыхались, точно пойманные птицы. Все уже успели замерзнуть.

Наконец какой-то здоровяк с румяным лицом и властными манерами вышел к гостям. И обратился прямиком к Мордреду:

— Я — Кей, сенешаль короля. Ступайте со мной.

— Я?

— Все вы.

Гавейн оттолкнул сводного брата в сторону, выступил вперед, заговорил — резко и отрывисто, едва ли не высокомерно:

— Я — Гавейн Оркнейский. Куда вы нас уводите и что сталось с моей матерью?

— Приказ короля,— коротко отозвался Кей, и прозвучало это не слишком-то утешительно.— Моргаузе предстоит дождаться его возвращения.— Сенешаль обернулся к Гарету, и голос его смягчился.— Не бойтесь. Никакой беды с вами не случится. Вы же слышали, король сам сказал вам «добро пожаловать».

— Куда он уехал? — потребовал Гавейн.

— А, так вы не слышали? — удивился Кей.— Похоже, что Мерлин таки жив. Гонец встретил его на дороге. Король поскакал ему навстречу. Ну же, идете вы или нет?

Глава 14

Мальчики пробыли в Камелоте совсем недолго; вскорости пришло распоряжение о переезде двора в Каэрлеон на Рождество.

А тем временем принцев разместили отдельно от прочих отроков и юношей и вверили попечению Кея, молочного брата Артура, посвященного во все его замыслы. Кей позаботился о том, чтобы слухи, что так и носились в воздухе среди обитателей Камелота, ушей мальчиков не достигли. Пока Артур сам не переговорит с Мордредом, тому не полагалось ничего знать.

Кей правильно догадался, что король захочет посоветоваться с Мерлином, прежде чем решит, что делать с мальчиком, а также и с Моргаузой. С матерью принцы не виделись; ее поселили где-то в отдаленных покоях. Нет, она не узница, объясняли принцам; просто до возвращения короля ей не дозволено ни с кем сноситься.

А король так и не вернулся. В изнывающий от любопытства город дошла лишь молва о сумасшедшей скачке навстречу старому другу.

Чародей Мерлин и вправду оказался жив. Приступ былого недуга, забытье, подобное смерти, приняли за саму смерть, но он очнулся и со временем выбрался из замурованной могилы, где его оставили, сочтя покойником. Теперь он отбыл в Каэрлеон вместе с Артуром и Артуровыми Сотоварищами — избранными рыцарями, коих король почитал друзьями. Двору предстояло вскорости последовать за ними.

В течение своего недолгого пребывания в Камелоте, вплоть до переезда в Уэльс, мальчики предавались занятиям, которые хотя и отнимали все силы, тем не менее пришлись принцам весьма по душе.

С первого же дня их взял в оборот учитель фехтования, и навыки, полученные на островах (на саркастические отзывы о таковых даже Гавейн не считал нужным обижаться — здесь, в Камелоте), были развиты и упрочены ежедневными изнуряющими упражнениями. Немало часов принцы проводили в седле; ни один из мальчиков даже не пытался делать вид, что обучение на Оркнеях себя оправдывает. Кони верховного короля столь же не походили на лохматых островных пони, как ратники Моргаузы — на избранных Сотоварищей короля.

Муштра щедро перемежалась играми, но непременно военными: мальчики часами просиживали над картами, начерченными на песке, или над рельефными макетами из глины — истинное чудо в глазах изумленных принцев. Часами длились учебные бои и состязания в стрельбе. Здесь оркнейцы отличились, а пуще прочих — Мордред; рука у него была уверенная, а взгляд точен. Выезжали и на лов. Славно было проехаться зимой по болотам, охота на пернатую дичь болот сулила немало развлечений; случалось затравить и зверя, оленя или кабана, на холмистых восточных равнинах или на поросших лесом склонах, что уводили к южным плато.

Двор переехал в Каэрлеон в первую неделю декабря, и мальчики-оркнейцы вместе со всеми. Но не мать. Моргаузу, по повелению Артура, отправили в Эймсбери и поместили в монастырь. Тюрьма лишь по названию, со всеми удобствами, и все-таки тюрьма...

У покоев королевы дежурили солдаты короля; придворных дам заменили святые девы. Монастырь Эймсбери, место рождения Амброзия, принадлежал верховному королю; обитательницы его ни в чем не погрешили бы против монаршьей воли.

С наступлением весны, когда откроются дороги, Моргаузу предполагалось отвезти на север в Каэр-Эйдин, где уже томилась ее сводная сестра королева Моргана.

— Но что она такого сделала? — яростно возмущался Гахерис.— Все мы знаем, что натворила королева Моргана, и нака-

зана она по справедливости. Но наша мать? За что? Она перебралась на Оркнеи вскорости после гибели нашего отца. Король не может об этом не знать — это случилось весной, сразу после свадьбы королевы Морганы в Регеде. Много лет назад! С тех пор она не покидала островов. Зачем лишать ее свободы теперь?

— Затем, что на той самой свадьбе она попыталась убить Мерлина,— безжалостно отозвался Кей: он один среди знати навещал мальчиков в часы досуга.

Принцы изумленно уставились на него.

— Но с тех пор столько воды утекло! — воскликнул Гавейн.— Я был там — я знаю, мать мне рассказывала, хотя сам я ничего не помню по малолетству. Зачем посылать за ней теперь и призывать к ответу за то, что случилось невесть когда?

— А что, собственно, случилось? — осведомился Гахерис, раскрасневшись, воинственно выпятив подбородок.

— Он говорит, мать пыталась убить Мерлина,— повторил Агравейн.— Но ведь ей это не удалось, верно? Так с какой стати?..

— Как это было? — тихо спросил Мордред.

— Чисто по-женски. По-ведьмински, если угодно.— Негодующие расспросы младших принцев оставили Кея равнодушным.— Все произошло на том самом свадебном пиру. Мерлин был там, от имени короля. Она подбавила отравы в вино и устроила так, чтобы Мерлин выпил яд еще более смертельный, когда ее рядом не было, чтобы отвести от себя подозрения. Так оно все и вышло. Мерлин таки поправился, но болезнь затаилась в теле и нанесла удар, так что все уверились в его смерти,— а со временем и впрямь убьет его. Когда Артур послал за королевой Оркнейской и за вами, считалось, что Мерлин мертв и покоится в могиле. Так что король собирался призвать Моргаузу к ответу за убийство.

— Неправда! — закричал Гахерис.

— А хотя бы и правда, что с того? — отозвался Гавейн, поостыв, с агрессивным высокомерием, усвоенным по приезде в Камелот.— Где закон, согласно которому королева не вправе разделаться со своим недругом так, как считает нужным?

— Верно,— тут же подхватил Агравейн.— Матушка всегда говорила, что Мерлин ей враг. А что ей оставалось? Женщины на мечах не дерутся.

— Должно быть, старик оказался слишком силен для ее чар,— отозвался Гарет.— Вот они и подвели.

В голосе мальчика прозвучало сожаление — и только.

Кей обвел принцев взглядом.

— К чарам она тоже прибегала, не без этого,— к заклятию, много раз испробованному, но в конце концов хладнокровно подсыпала отравы. Это известно доподлинно.— Голос его смягчился.— Не вижу смысла продолжать этот разговор до тех пор, пока вы не повидаетесь с королем. Много ли вам ведомо? В вашем заморском королевстве вас приучали считать Мерлина врагом — а может статься, и короля тоже.

Кей выдержал паузу и снова оглядел принцев. Те молчали.

— Вижу, что так. Ну что ж, пока король не переговорит с Мерлином и с королевой Моргаузой, мы к спору возвращаться не будем. Моргаузе, почитай, изрядно повезло, что Мерлин не умер. Что до вас, довольствуйтесь заверениями короля в том, что вам вреда не причинят. Многое еще предстоит уладить: старые счеты, о которых вы и не подозреваете. Поверьте мне, король справедлив, а советы Мерлина мудры и суровы лишь по необходимости.

Едва Кей ушел, мальчики возмущенно загомонили, принялись судить и рядить. Мордред прислушивался, и ему казалось, что негодуют они, думая в первую очередь о себе, а не о матери. Дескать, гордость задета. Ни один не захотел бы снова оказаться под опекой Моргаузы. Эта новообретенная свобода, этот мир мужчин и мужских занятий устраивал их всех, и даже Гарет, который на Оркнеях того и гляди вырос бы неженкой, постепенно мужал и креп, во всем уподобляясь братьям. И он тоже, подобно остальным, считал, что при необходимости принцу дозволено прибегнуть к убийству.

Мордред не сказал ни слова, и прочие тому не удивились. В конце концов, что бастарду за дело до королевы? Но Мордред даже не слышал братьев. Он снова оказался во тьме, пропитанной дымом и вонью рыбы, и слышал испуганный шепот: «Мерлин мертв. Во дворце устроили пир, а потом... а потом... пришли вести». И еще — слова королевы в кладовой, и снадобья, и духи, и смутный запах зла, и ее губы на его губах...

Мальчик встряхнул головой, отгоняя воспоминания.

Итак, Моргауза отравила чародея. Уехала на север, на острова, зная, что уже посеяла семена смерти. А почему бы нет? Старик был ей врагом — и ему, Мордреду, тоже. А теперь враг воскрес и будет в Каэрлеоне на Рождество в числе прочих.

Каэрлеон, Город Легионов, разительно отличался от Камелота. Римляне возвели мощную крепость здесь, на реке, которую называли Иска-Силурум; эта твердыня, стратегически расположенная на излучине, близ того места, где поток сливался с ручьем поменьше, была заново отстроена сперва Амброзием, а позже расширена Артуром почитай что до первоначальных размеров. А за пределами стен разросся город — с рыночной площадью, и церковью, и дворцом, близ которого берега соединял римский мост, залатанный тут и там, и с новыми фонарными столбами.

Король с большинством приближенных жил во дворце вне крепостных стен. Но многие его рыцари обосновались в цитадели; там же поначалу поселили и оркнейских принцев. Их опять разместили отдельно, и прислуживали им люди Артура наряду с домочадцами, привезенными с Оркнеев. Злосчастный Габран, к вящей своей досаде, вынужден был остаться с мальчиками; о том, чтобы ему дозволили последовать за Моргаузой в Эймсбери, разумеется, не шло и речи. Гавейн, все еще терзаясь в душе от стыда за мать и от собственной ревности, не упускал возможности дать красавцу понять, что теперь он не более чем пустое место. Гахерис следовал примеру брата, но, по обыкновению своему, более открыто, всякий раз злой издевкой подчеркивая презрение к смещенному материнскому фавориту. Остальные двое, возможно, менее осведомленные о постельных капризах Моргаузы, едва его замечали. А у Мордреда мысли были заняты иным.

Но дни шли, и ничего не происходило. Ежели Мерлин, восстав из мертвых, и в самом деле собирался натравить Артура на Моргаузу и ее семейство, чародей явно не торопился. Ослабленный событиями лета и осени, старик почти не покидал отведенных ему покоев во дворце короля. Артур много времени проводил с ним; по слухам, Мерлин появился также на одном-двух тайных советах, но мальчикам-оркнейцам увидеть его пока что не довелось.

Поговаривали, что сам Мерлин высказался против пышной церемонии возвращения. Не было ни оповещения, ни публичных торжеств. По мере того как шло время, люди свыкались с присутствием чародея, как если бы «смерть» королевского кузена и главного советника и повсеместный траур лишний раз, и весьма убедительно, продемонстрировали привычку колдуна исчезать и возвращаться по желанию. Всякому ясно: великий чародей умереть не может, со знанием дела уверяли люди. Ежели

он счел нужным погрузиться в подобное смерти забытье, в то время как дух его навещал чертоги усопших, так что ж, возвратился он еще более мудрым и могущественным, нежели прежде. А вскорости он снова отправится в свой полый холм, в священный Брин-Мирддин, и там и останется — всесильный, хотя, возможно, не всегда зримый хозяин святилища, готовый ответить на зов тех, кому нужен.

Тем временем если Артур и нашел время обсудить оркнейских принцев — о том, что Мордред — самая важная птица из всех, никто из мальчиков и не догадывался,— вслух о том не говорилось. Правда заключалась в том, что Артур, в кои-то веки оказавшись во власти сомнений, оттягивал решение. Но вот руку его подтолкнули, и сделал это, волею случая, сам Мордред.

Это случилось в канун Рождества. Весь день бушевала снежная буря; о том, чтобы выехать верхом или поупражняться с оружием, не велось и речи. Близились праздники, Рождество и день рождения короля, всем было недосуг, так что принцы, освобожденные от повседневной муштры, бездельничали с самого утра, изнывая от скуки в просторном покое, где спали вместе со слугами. Мальчики бессовестно объелись, злоупотребили крепким валлийским метеглином, поссорились, подрались и, наконец угомонившись, сошлись понаблюдать за игрой в триктрак, что шла полным ходом в противоположном конце комнаты. Толпа зрителей наблюдала за финальной партией, не скупясь на ободрения и советы. Играли Габран и один из местных, по имени Лир.

Было уже поздно, светильники горели тускло. От очага тянуло дымом. В окно просачивался сквозняк, наметая снег на пол, но никто этого не замечал.

Кости со стуком падали на стол, позвякивали фишки. Поначалу игра шла с переменным успехом, кучки монет переходили от одного к другому, по мере того как сменялась удача. Малопомалу кучки превратились в пригоршни. Было там и серебро, поблескивало и золото. Со временем наблюдатели умолкли; стихли шутки и советы — слишком много было поставлено на кон. Мальчики завороженно протиснулись ближе. Гавейн, позабыв о враждебности, заглядывал Габрану через плечо. Братья разволновались не меньше. Борьба грозила привести к размежеванию сил: Оркнеи против местных,— и в кои-то веки даже Гахерис оказался на стороне Габрана. Мордред, сам не любитель азартных

игр, встал с противоположной стороны от стола, волею судеб оказавшись во вражеском стане, и праздно наблюдал за происходящим.

Габран бросил кости. Один и два: никчемные ходы. Лир, с парой пятерок, вывел последнюю фишку и радостно воскликнул:

— Победа! Победа! Да это равняется двум твоим последним выигрышам! Ну, еще одну партию — решающую! И учти: денежки плывут ко мне, друг, так что лучше поплюй-ка на руки и помолись своим чужеземным богам.

Габран раскраснелся от выпитого вина, однако был еще достаточно трезв и достаточно аристократичен, чтобы пропустить оба увещевания мимо ушей. Он подвинул к противнику монеты и с сомнением протянул:

— Боюсь, я совсем поиздержался. Прости, но на сегодня довольно. Ты выиграл, я иду спать.

— Да ладно тебе! — Лир азартно встряхнул кости в кулаке.— Удача переменчива: тебе вот-вот повезет. Ну давай, рискни. Я поверю в долг. Рано еще расходиться.

— Но я и в самом деле на мели.— Габран снял с пояса кошель и запустил в него руку.— Видишь — пусто? И где мне взять еще, ежели опять проиграю?

Для пущей убедительности Габран вывернул кошель и встряхнул им над столом.

— Гляди: пусто.

Денег и впрямь не обнаружилось, но что-то со стуком покатилось по столу и замерло неподвижно, поблескивая в неярком свете.

То был амулет: деревянный кружок, выбеленный морем до серебристого оттенка, с грубо вырезанными глазами и ртом. В глазницы вставлены две голубые речные жемчужины, а изгиб ухмыляющегося рта забит красной глиной. Оркнейский талисман Богини, топорный, по-детски сработанный, но для оркнейца — сосредоточие могучих чар.

Лир ткнул в него пальцем.

— Эге, жемчуг? Ну что ж, вот тебе и ставка! Ежели эта штука принесет тебе удачу, ты отыграешь ее назад, а в придачу и деньги. Ну, бросим, кому начинать?

Кости застучали, упали, покатились по обе стороны от амулета. Но не успели замереть на месте, как их грубо смешали. Мордред, внезапно протрезвев, стремительно подался вперед и выхватил амулет.

— Где ты это взял?

Габран удивленно поднял взгляд.

— Вот бы знать! У меня эта штука с незапамятных времен. Не помню, где подобрал. Может быть, в...

Он умолк на полуслове, с открытым ртом. И так и замер, не сводя глаз с Мордреда; краски медленно схлынули с его щек. Невооруженным глазом видно было: Габран вспомнил, откуда у него талисман; иных признаний не требовалось.

— Да что это? — спросили в толпе.

Никто не ответил. Мордред побледнел под стать Габрану.

— Я сам его сделал,— говорил принц ровным голосом; тем, кто не знал Мордреда, тон показался бы абсолютно бесчувственным.— Я сделал амулет для матери. Мать никогда с ним не расставалась. Никогда.

Мальчик впился взглядом в Габрана. Он не договорил, но наступившая тишина довершила фразу: «До самой смерти». И теперь отчетливо, словно признание прозвучало вслух, он понял, как умерла Сула. Кто убил ее и кто направил руку убийцы.

В руку сам собою скользнул нож. Споры о том, вольна ли королева убивать по своему желанию, вылетели из головы. Но принц может — и убьет. Мальчик оттолкнул стол с дороги, фишки разлетелись во все стороны. Кинжал Габрана лежал тут же. Оркнеец схватил его и выпрямился. Захмелевшие от вина наблюдатели поначалу сочли происходящее обычной стычкой за игорным столом и вмешиваться не спешили.

— Да ладно тебе, ладно! Раз эта штука твоя, так и забирай ее,— добродушно увещевал Лир.

Другой мужчина попытался перехватить рукоять, но Мордред, увернувшись, прыгнул на Габрана, уверенной рукой сжимая нож и целя снизу вверх, в сердце. Габран, окончательно протрезвев, понял, что угроза реальна и смертельна, и ринулся в нападение. Лезвия соприкоснулись, но удар Мордреда попал в цель. Клинок глубоко ушел под ребра и остался там.

Кинжал со стуком выпал из руки Габрана. Раненый обеими руками схватился за рукоять, торчащую из-под ребра, и согнулся вдвое. Его подхватили и уложили на пол. Крови почти не было.

Воцарилось гробовое молчание; тишину нарушало лишь прерывистое, вымученное дыхание раненого. Мордред, возвыша-

ясь над ним, обвел потрясенных зрителей взглядом, что сделал бы честь Артуру.

— Он получил по заслугам. Он убил моих родителей. Амулет принадлежал моей матери. Я сам его вырезал, мать с ним не расставалась. Габран, должно быть, забрал талисман, покончив с делом. Он их сжег.

Каждому из собравшихся доводилось убивать самому и наблюдать, как это делают другие. Но при этих словах люди переглянулись, с трудом сдерживая омерзение.

— Сжег? — переспросил Лир.

— Сжег заживо в их собственной хижине. Я видел — потом.

— Не заживо.

Это прошептал Габран. Он лежал на боку, изогнувшись вокруг ножа, руками держась за рукоять, неуверенно, словно хотел извлечь лезвие, но страшился боли. Серебряная насечка подрагивала в лад с прерывистым, слабым дыханием.

— Я тоже это видел.— Гавейн встал рядом со сводным братом, глядя в пол.— Ужасное зрелище. Бедные люди, совсем старики. У них ничего не было. Если это правда, Габран... Ты сжег дом Мордреда?

Габран глубоко вдохнул, словно легким недоставало воздуха. Лицо его казалось бледнее пергамента, золотые кудри потемнели от пота.

— Да.

— Тогда ты заслужил смерть,— отозвался Гавейн, стоявший плечом к плечу с Мордредом.

— Но они умерли раньше,— прошептал Габран.— Я клянусь в том. Огонь... потом. Чтобы замести следы.

— Как они умерли? — потребовал Мордред.

Габран не ответил.

Мордред проворно опустился на колени, взялся за рукоять кинжала. Пальцы раненого дернулись, бессильно разжались.

— Ты все равно обречен, Габран,— проговорил Мордред с прежним обманчивым спокойствием.— Так что отвечай мне. Как они умерли?

— Яд.

При этом слове все неуютно поежились.

Весть передавалась из уст в уста, шепот зашелестел в воздухе, точно змеиный шип. Яд. Оружие женщины. Оружие ведьмы.

Не сдвинувшись с места, Мордред почувствовал, как напрягся Гавейн.

— Ты отнес им яд?

— Да. Да. С подарками. В вине.

Никто из местных не проронил ни слова. А оркнейцы в словах и не нуждались.

— От королевы,— тихо проговорил Мордред, и слова его прозвучали утверждением, а не вопросом.

— Да,— подтвердил Габран, хватая ртом воздух.

— Зачем?

— На случай, если женщина знает... догадалась... про тебя.

— При чем тут я?

— Не знаю.

— Ты умираешь, Габран. При чем тут я?

Габран, любимец королевы, игрушка в ее руках, солгал ради королевы в последний раз.

— Я не знаю. Клянусь...

— Тогда умри,— проговорил Мордред и выдернул кинжал.

Мальчика тотчас же отвели к верховному королю.

Глава 15

Артур был поглощен самым что ни на есть мирным занятием — выбирал одного щенка в помете из шести. Мальчик-псарь принес их в покои; тут же беспокойно металась сука, а шестеро белых и пятнистых щенят с тявканьем возились и боролись у ног короля. Мать, не находя себе места от тревоги, то и дело бросалась вперед, подхватывала щенка и возвращала неслуха в корзинку, но не успевала словить следующего, как первый уже выбирался наружу и присоединялся к возне на полу.

Король весело смеялся, но едва стражники ввели Мордреда, лицо владыки омрачилось, словно погасили свет. Артур вздрогнул, но тут же взял себя в руки.

— Что случилось? Арриан?

— Смертоубийство, сир,— бесстрастно отозвался стражник.— Один из оркнейцев заколот кинжалом. Виновник — этот отрок. Я не понял, в чем дело. Там, за дверью, очевидцы. Впустить их, сир?

— Может быть, позже. Сперва я поговорю с мальчиком. При необходимости я пошлю за ними. А пока пусть идут.

Стражник отсалютовал и вышел. Псарь принялся собирать щенков. Один из них, белый, вывернулся из-под руки и, пища, точно разозленная мышь, метнулся под ноги королю, ухватил зубами конец шнура и, рыча, яростно затеребил его. Щенка оттащили, Артур проводил его взглядом.

— Да, этот. Снова назвать Кабалем. Благодарствую.

Паренек с корзинкой умчался прочь, собака — по пятам.

Мордред застыл в дверях. Слышно было, как снаружи стражники снова садятся на коней. Король встал со скамьи у огня, пересек комнату, подошел к массивному столу, заваленному бумагами и дощечками для письма. Уселся за стол и жестом указал прямо перед собой. Мордред шагнул вперед и прирос к месту. Ему потребовалось все самообладание, чтобы сдержать нервную дрожь: сказывались и потрясение первого убийства, и леденящее воспоминание об обугленной хижине, и ощущение той, обветренной кости в руке, а теперь еще — наводящая ужас встреча лицом к лицу с человеком, которого он привык считать смертельным врагом. В дым развеялась рассудочная убежденность: дескать, верховному королю нет дела до таких, как он. Не сам ли Мордред обеспечил ему превосходное оправдание? В том, что его сей же миг казнят, мальчик не сомневался. Он затеял драку в королевском дворце, и хотя погибший из числа оркнейцев и понес справедливую кару за гнусное убийство, Мордред, несмотря на титул принца Оркнейского, не надеялся избежать наказания. Правда, Гавейн поддержал его, но теперь, наверное, отступится, ведь признание Габрана бросило тень на Моргаузу.

Но в лице бастарда не отразилось ровным счетом ничего. Бледный как полотно, он застыл на месте, сцепив руки за спиной, чтобы король не заметил, как дрожат пальцы. Взгляд потуплен, губы сжаты. Но Артур знал людей, и угрюмое, упрямое выражение его не обмануло: король подметил предательское подрагивание нижних век и учащенное дыхание.

Первые слова короля прозвучали вполне миролюбиво.

— Может, расскажешь, что произошло?

Мордред поднял голову: король неотрывно смотрел на него, но не тем взглядом, что бросил Моргаузу на колени по дороге в Камелот. Мальчику вдруг показалось — всего на миг, зато необычайно отчетливо,— что король поглощен чем-то иным, отнюдь

не недавним преступлением Мордреда. Это придало гостю храбрости, и вскорости он разговорился, свободно и непринужденно, не замечая, как расспросы Артура, на первый взгляд поверхностные, заставили его выложить все подробности — не только гибели Габрана, но и собственной его истории почитай что с самого начала. Слишком взвинченный, чтобы задуматься, с какой стати короля это занимает, мальчик рассказал все: о жизни с Брудом и Сулой, о встрече с Гавейном, о приглашении королевы и ее благоволении, о поездке в Тюлений залив с Габраном и наконец о кошмарном возвращении к обугленной хижине. Впервые после смерти Сулы — а на том и закончилось его детство,— он беседовал — и даже разоткровенничался! — с человеком, общаться с которым настолько просто. Просто? С верховным королем? Мордред даже не заметил несообразности. Он продолжал говорить. Он уже дошел до гибели Габрана. В какой-то момент он шагнул к столу и положил перед королем деревянный амулет. Артур взял талисман в руки, рассмотрел его со всех сторон, ничем не выдавая собственных чувств. На руке его блеснул огромный резной рубин, в сравнении с ним жалкая поделка показалась топорной игрушкой, не более. Король отложил амулет в сторону.

Мордред дошел до конца. В наступившей тишине языки пламени трепетали над огромным очагом, точно флаги на ветру.

И снова слова короля прозвучали полной неожиданностью. Вопрос словно явился продолжением давней затаенной мысли и к сути дела отношения вроде бы не имел.

— Почему она назвала тебя Мордредом?

После разговора столь задушевного гость не замедлил с ответом, хотя еще час назад подобная прямота показалась бы немыслимой.

— Это значит «мальчик с моря». Там-то меня и нашли — среди обломков ладьи, на которую вы приказали погрузить неугодных детей.

— Я?

— Мне уже доводилось слышать, будто вы, лорд, здесь ни при чем. Правды я не знаю, но поперву мне указали на вас.

— Разумеется. От нее я ничего иного и не ждал.

— О ком вы?

— О твоей матери.

— Нет же! — быстро возразил Мордред.— Сула ни о чем таком не упоминала: ни про лодку, ни про избиение младенцев. Это королева Моргауза мне все рассказала, много позже. Что до имени, да половину островных мальчишек зовут Мордред, Медраут... Море-то повсюду.

— Я понял. Вот почему мне понадобилось столько времени на то, чтобы отыскать тебя, даже при том, что мать твою я из виду не терял. Нет, я не про Сулу. Я имею в виду твою настоящую мать, женщину, которая родила тебя.

— Вы... знаете? — сдавленным голосом выговорил Мордред.— Вы... Вы и в самом деле меня искали? Вы знаете, кто моя мать... кто я сам?

— Еще бы.— Слова тяжело повисли в воздухе, словно исполненные глубокого смысла, но тут Артур изменил ход беседы и просто добавил: — Твоя мать — мне сводная сестра.

— Королева Моргауза? — задохнулся мальчик, точно громом пораженный.

— Она самая.

Здесь Артур предпочел выждать. По одному откровению за раз. Мордред часто-часто заморгал: ум его жадно вбирал в себя потрясающую новость, возвращался к былому, заглядывал в будущее...

Наконец мальчик поднял глаза. Страх был забыт; прошлое, в том числе и недавнее,— тоже. Глаза его вспыхнули: казалось, возбуждение полностью подчинило его себе.

— Теперь мне все ясно! Она и впрямь кое о чем упоминала. Туманные намеки... намеки, которых я не мог понять, потому что правда мне и в голову не приходила. Ее сын... Ее родной сын! — Глубокий вздох.— Вот почему она призвала меня к себе! Гавейн послужил только предлогом. А я-то удивлялся, зачем бы это ей воспитывать мужнина бастарда от какой-то там горожанки. Да еще и благоволить к нему! А ведь на самом-то деле я ее собственный сын, и бастард только потому, что родился до срока! О да, теперь я вижу! Я появился на свет спустя каких-нибудь восемь месяцев после свадьбы. И вот король Лот вернулся из Линниуса, и...

Мордред умолк на полуслове. Взволнованное понимание исчезло, словно перед глазами захлопнулись ставни.

Все новые подробности складывались в единое целое.

— Так это король Лот приказал истребить младенцев? — медленно протянул мальчик.— Потому что происхождение его старшего сына возможно оспорить? А мать спасла меня и отослала на Оркнеи, к Бруду и Суле?

— Истребить младенцев приказал король Лот. Да.

— Чтобы убить меня?

— Да. И возложить вину на меня.

— Но почему?

— Из страха перед людьми. Перед родителями, чьи дети и впрямь погибли. И еще потому, что, хотя под конец Лот сражался под моими знаменами, он всегда оставался моим врагом. Ну и в силу других причин тоже.

Последнюю фразу Артур выговорил медленно. Осторожно прокладывая путь к тому мгновению, когда можно будет открыть правду самую важную, король придал словам особую значимость, надеясь подтолкнуть Мордреда к уже подсказанному вопросу. Но Мордред не поддался. Его занимали собственные давние наваждения. Мальчик шагнул вперед, уперся ладонями о стол и выпалил:

— Да, в силу других причин! И я их знаю! Я — старший сын, но, поскольку зачат вне брака, король опасался, что со временем люди усомнятся в моем происхождении и в королевстве начнется смута! Куда разумнее от меня избавиться и обзавестись законным отпрыском, который в должное время унаследует трон — по праву, как само собою разумеющееся!

— Мордред, ты забегаешь вперед. Сперва послушай.

Вряд ли Мордред заметил, что верховному королю недостает обычной твердости. И вид у него, ежели слово это уместно по отношению к великому полководцу, смущенный. Но Мордред уже не вслушивался. Скрытый смысл тех истин, что он узнал за последние несколько минут, окутал его одуряющим облаком, но вместе с ним пришла новая уверенность, развеялись опасения, нахлынула бурная радость: наконец-то он вправе высказать все свои затаенные мысли, причем человеку, от которого зависит воплощение грезы в жизнь!

Чуть запинаясь, Мордред гнул свое:

— Получается, что я, по сути дела, наследник Дунпелдира, так? Или, если Тидваль хранит крепость для Гавейна, тогда — Оркнеев? Сир, два королевства, столь далеко отстоящие друг от друга, одному государю не удержать; право же, ныне самое вре-

мя разделить их! Вы сказали, что Моргауза на острова не вернется. Дозвольте мне поехать вместо нее!

— Ты меня не понял,— возразил король.— У тебя нет прав ни на одно из Лотовых королевств.

— Нет прав! — Мальчик распрямился, точно туго натянутый лук, едва с тетивы сорвется стрела: ну ни дать ни взять Артур в юности! — Когда сами вы были зачаты вне брака Утером Пендрагоном, а госпожа ваша мать, в ту пору еще герцогиня Корнуэльская, не могла стать его женой до истечения месяца!

Едва слова эти сорвались с языка, как Мордред уже горько пожалел о сказанном. Король промолчал и не изменился в лице, но внезапная мысль заставила Мордреда умолкнуть, а вместе с ней вернулся и страх. Дважды за один вечер он вышел из себя — а ведь он, Мордред, в течение долгих лет смирял свой характер, чтобы облечься, точно в броню, против житейской неустроенности и неприкаянности в холодный, как морская пучина, панцирь самообладания!

Запинаясь, он принялся оправдываться.

— Милорд, я прошу прощения. Я не хотел оскорбить вас... или госпожу вашу мать. Я всего лишь имел в виду... Я так долго размышлял об этом, все обдумывал и так и этак, не могу ли по закону претендовать на какой-нибудь надел... надел, чтобы править... Я сумею, правда! Такое про себя всегда знаешь... И я подумал о вас и о том, как вы пришли к власти. А как же иначе! Всем ведомо... то есть... люди и впрямь говорят...

— Что я, строго говоря, бастард?

Удивительно, но король, похоже, нисколько не разгневался.

Мордред слегка приободрился. Для вящей надежности мальчик оперся кулаками о стол. И, осторожно подбирая слова, проговорил:

— Да, сир. Видите ли, я все гадал про закон. Закон большой земли. Я хотел выяснить доподлинно, а потом спросить у вас. Милорд, если Гавейн воцарится в Дунпелдире, тогда, клянусь Богиней, даю вам слово, что я подхожу для Оркнеев куда лучше Гахериса или Агравейна! И кто знает, что за распри и неурядицы начнутся на островах, если наследуют близнецы?

Артур ответил не сразу. Мордред тоже умолк: просьба высказана, заветные слова произнесены. Но вот король очнулся от раздумий.

— Я выслушал тебя до конца, потому что любопытствовал узнать, каким человеком ты вырос, при твоем-то своеобразном воспитании, почти под стать моему.— Артур улыбнулся краем губ.— Как «ведомо всем», я тоже был зачат вне брака и спрятан на долгие годы. В моем случае — на четырнадцать лет, однако я рос в доме, где с самого начала обучался наукам рыцарства. Тебе досталось менее четырех лет такого обучения, но я слышал, ты ими достойно воспользовался. Ты получишь то, что тебе причитается, поверь мне, но не так, как виделось тебе в замыслах и мечтах. А теперь послушай меня. И сядь, пожалуйста.

Недоумевая, мальчик пододвинул табурет и сел. Король, напротив, поднялся на ноги и прошелся по комнате из конца в конец, прежде чем заговорить.

— Начнем с того, что, каков бы ни был закон или прецедент, о том, чтобы передать тебе королевство Оркнейское, не идет и речи. Оркнеи — для Гавейна. Я намерен оставить Гавейна и его братьев здесь, в рядах моего рыцарского воинства, а после, когда придет время и ежели сам он того пожелает, пусть примет островное королевство из моих рук. А тем временем Тидваль останется в Дунпелдире.

Артур перестал расхаживать взад и вперед и снова сел.

— Мордред, несправедливости в том нет. Ты не имеешь права ни на Лотиан, ни на Оркнеи. Ты не сын Лота,— со значением проговорил он.— Король Лот Лотианский не отец тебе.

Пауза. В трубе ревело пламя. Снаружи, где-то в коридорах, кто-то кого-то окликнул и получил ответ.

— И вы знаете, кто мой отец? — осведомился мальчик ровным, безучастным голосом.

— Еще бы,— повторил король.

На сей раз понимание пришло мгновенно. Мальчик резко выпрямился. Глаза собеседников оказались почти на одном уровне.

— Вы?

— Я,— сказал Артур и выждал.

На этот раз Мордреду потребовалось секунды две, а затем в лице его отразилась, вопреки ожиданиям Артура, не тошнотворная неприязнь, но лишь удивление и неспешное осмысление новости.

— От королевы Моргаузы? Но это... это...

— Это кровосмешение. Знаю.

На этом Артур поставил точку. Не стал каяться, не стал ссылаться на собственное неведение — он, дескать, понятия не имел о родстве, когда Моргауза заманила юного сводного брата в свою постель.

— Понятно,— отозвался наконец мальчик, ничего к тому не прибавив.

Настал черед изумляться Артуру. Мучаясь сознанием собственного греха, во власти отвращения при мысли о ночи, проведенной с Моргаузой, которая с тех пор стала для него символом всего порочного и нечистого, он не принял во внимание отношение мальчика, воспитанного среди поселян, к греху, не столь уж редкому на островах, где кровосмешение — дело обычное. На родине Мордреда такие вещи и грехом-то, по сути дела, не считались. Римское право так далеко не распространялось, а Богиня Мордреда — та же, что у Моргаузы,— не слишком-то старалась укрепить в своих приверженцах понимание греховности.

В самом деле, Мордред был занят совсем иными мыслями.

— Это значит... это значит, что я...

— Да,— отозвался Артур, наблюдая, как в глазах, так похожих на его собственные, вспыхнуло изумление, а за ним, в глубине, угадывался восторг. Не любовь — откуда бы? — но отблеск властного, глубоко укоренившегося честолюбия.

«А почему бы и нет? — размышлял король.— У Гвиневеры детей от меня не будет. Этот мальчик — дважды Пендрагон и, по отзывам судя, ни в чем не уступит любому из сверстников. Сейчас он чувствует ровно то же, что и я, когда Мерлин открыл мне ту же самую правду и вложил в руку Меч Британии. Так пусть его! Что до остального — все сбудется так, как угодно богам».

О пророчестве Мерлина — о том, что бастард станет причиной его падения и смерти,— король и не вспомнил. Ничто не омрачило для него мгновения незамутненной радости.

Незамутненной еще и потому, что произошло чудо и Мордред воспринял историю давнего греха довольно-таки равнодушно. И благодаря этой невозмутимости Артур обнаружил, что сам в состоянии заговорить о случившемся.

— Это произошло после сражения при Лугуваллиуме. Моя первая битва... Твоя мать, Моргауза, приехала на север ухаживать за отцом, королем Утером: он был болен, и смертельно, хотя мы об этом не догадывались. В ту пору я не знал, что и я — дитя Утера Пендрагона. Я считал отцом Мерлина и любил

его как отца. Прежде я Моргаузу не видел. Можешь себе представить, как прелестна она была в двадцать лет... В ту ночь мы разделили ложе. Только впоследствии Мерлин открыл мне, что Утер Пендрагон мой отец, а сам я наследник Верховного королевства.

Мордред, с присущей ему проницательностью, отметил недоговоренность.

— Однако Моргауза знала?

— Думаю, да. Но даже мое неведение не искупает моей доли греха. Я это понимаю. Своим поступком я причинил зло тебе, Мордред. И зло живет.

— Но как же так? Вы искали меня, призвали сюда. Хотя могли бы и не делать этого. Почему?

— Когда я приказал Моргаузе явиться в Камелот,— отозвался Артур,— я считал, что она повинна в смерти Мерлина, а он был — нет, есть! — лучший из людей этого королевства, и дорог мне превыше всех прочих. И вина с нее не снята. Мерлин состарился до срока и носит в себе семя яда, полученного из ее руки. Он знал, что отравила его Моргауза, но, радея о ее сыновьях, мне в этом так и не признался. Счел, что ей следует сохранить жизнь: вдали от двора, лишенная возможности чинить вред, пусть себе растит мальчиков вплоть до того дня, когда они смогут послужить мне. Я узнал про яд много позже: Мерлин лежал при смерти, как нам казалось, и в бреду помянул о настойчивых попытках Моргаузы извести его при помощи отравы или колдовства. Так что после похорон я послал за ней, дабы призвать к ответу за злодеяние и рассудив также, что сыновьям ее пора оставить мать и перейти под мою опеку.

— Всем пятерым! То-то удивились при дворе. Вы помянули про отзывы, сир. А кто вам про меня рассказывал?

Артур улыбнулся.

— У вас во дворце обосновался мой соглядатай. Подмастерье ювелира, по имени Кассо. Он мне написал.

— Раб? Он умеет писать? Вот уж никто бы не заподозрил! Он немой, и мы думали, бедняга вообще не может сноситься с людьми.

Король кивнул.

— Бесценный человек. Люди охотно откровенничают в присутствии раба, тем паче немого. Это Мерлин научил его писать. Иногда мне кажется, что даже самые пустячные его поступки подсказаны предвидением. Так вот, при дворе Моргаузы Кассо

много чего нагляделся и наслушался. И отписал мне, что Мордред, переселившийся во дворец, скорее всего, тот самый.

Мордред напряженно вспоминал:

— Сдается мне, я видел, как он вручает послание. У пристани стоял торговый корабль: лес сгружал. Я заметил, как Кассо поднялся на борт и кто-то дал ему денег. Я подумал, что раб, должно быть, подрабатывает частными заказами за спиной у хозяина. Тогда-то письмо и ушло?

— Очень может быть.

Это воспоминание вызвало к жизни и другие. Моргауза и эта ее многозначительная улыбка, стоило ему упомянуть о «матери». Ее попытка проверить, не унаследовал ли сын дар ясновидения. И Сула... Сула, должно быть, знала, что однажды мальчика у нее отберут. Она боялась. Неужто догадывалась о возможном исходе?

— Королева и в самом деле приказала Габрану убить их? — резко спросил мальчик.

— Если Габран сознался, понимая, что умирает, ты можешь не сомневаться,— отозвался король.— Для Моргаузы это все равно что спустить сокола на зайца. Она приказала зарезать твою первую кормилицу, Мачу, в Дунпелдире, подложила сына Мачи в королевскую колыбель вместо тебя и сама натравила Лота на ребенка. И хотя приказ об избиении младенцев исходил от Лота, подговорила его именно Моргауза. Мы это знаем доподлинно. У нас есть свидетельница. Много было убийств, Мордред, и одно грязнее другого.

— Столько смертей, и все из-за меня. Но почему? — Единственную подсказку, подброшенную много лет назад, Мордред, взволнованный встречей, опьяненный видениями будущего, позабыл напрочь — точно так же, как и Артур.— Зачем она сохранила мне жизнь? Зачем скрывать меня на протяжении стольких лет?

— Чтобы использовать тебя в качестве орудия, как пешку, если угодно.— Если король и вспомнил наконец о пророчестве, мальчика он тревожить не стал.— Может, как заложника, на случай, если я дознаюсь, что она погубила Мерлина. Только почувствовав себя в безопасности, она забрала тебя из потайного убежища, и даже тогда подобрала для тебя надежную личину — выставила Лотовым бастардом. Дальше этого ее замыслы я разгадать не в силах. Ее изощренным коварством я просто не владею.

В ответ на безмолвную мольбу в напряженном взгляде мальчика он добавил:

— Кровные узы здесь ни при чем, Мордред. Мне приходилось убивать, и нередко, но не такими способами и не из таких побуждений. Мать Моргаузы была родом из Бретани, и ворожея, как я слышал. Такая магия передается от матери к дочери. Тебе незачем страшиться темных сил в себе самом.

— Я и не боюсь,— быстро отозвался Мордред.— У меня нет дара ясновидения и никакой магии нет, королева сама так сказала. Однажды она попыталась проверить. Теперь понимаю: она боялась, как бы я не «увидел», что сталось с моими приемными родителями. Так что она свела меня в подземный склеп, к колдовской заводи, и велела выискивать там видения.

— И что за видения тебе явились?

— Ни одного. Я высмотрел в заводи угря. А королева сказала, видения были. Она разглядела.

Артур улыбнулся:

— Говорю тебе: по крови ты ближе ко мне, нежели к ней. Для меня вода она и есть вода, хотя мне доводилось видеть и волшебный огонь — Мерлин призывает его из воздуха,— и другие чудеса. Но все это чудеса света. А Моргауза показывала тебе что-нибудь из своей магии?

— Нет, сир. Она отвела меня в святилище, где творит чары и смешивает колдовские снадобья...

— Продолжай. В чем дело?

— Ничего такого. Честное слово, пустое. Вспомнилось кое-что, вот и все.— Мордред отвернулся к огню, заново переживая минуты, проведенные в хранилище: объятия, поцелуй, слова королевы. И медленно добавил про себя, словно открывая нечто новое: — И все это время она знала, что я ее родной сын!

Не сводя глаз с собеседника, Артур безошибочно угадал правду. И содрогнулся от гнева. А совладав с собой, мягко произнес:

— И ты тоже, Мордред?

— Да пустое,— повторил мальчик поспешно, словно стремясь отделаться от досадной мысли.— Ничего такого, правда. Просто теперь я понял, откуда те чувства...— Быстрый взгляд через стол.— Да это в порядке вещей, всяк знает, что в порядке вещей. Но не так. Брат и сестра, это одно дело... но мать и сын? Нет, никогда. Во всяком случае, я о таком не слыхивал. И ведь она знала, верно? Знала. Так зачем бы ей...

Не договорив, Мордред умолк, опустил взгляд на руки, сцепленные на коленях.

Мальчик не ждал ответа.

И он, и король знали его заранее. В бесстрастном голосе его звучало лишь недоуменное отвращение, с которым обычно воспринимаются порочные склонности. Все краски схлынули с его щек, лицо побледнело и осунулось.

С растущим облегчением и благодарностью король подумал о том, что никаких уз рвать не придется. Сильные переживания налагают собственные оковы, но то, что еще связывает Моргаузу и Мордреда, возможно разрубить здесь и сейчас.

Наконец Артур заговорил нарочито негромко и сдержанно, как равный с равным, как королевский сын с королевским сыном:

— Я не стану ее казнить. Мерлин жив, а прочие ее убийства меня не касаются и не мне их карать. Более того, ты сам поймешь: я не могу удержать тебя рядом — здесь, при дворе, где многие знают нашу историю и подозревают, что ты мой сын,— и первым делом предать смерти твою мать. Так что Моргаузе дарована жизнь. Но не свобода.

Артур помолчал, откинулся в кресле, приветливо глянул на мальчика.

— Ну что ж, Мордред, мы с тобой вступаем на новую дорогу. Куда она нас заведет — неведомо. Я обещал обойтись с тобой по справедливости и слово свое сдержу. Ты останешься при моем дворе, вместе с остальными оркнейскими принцами и, подобно им, будешь считаться королевским племянником. Если кто-то и догадается о твоем происхождении, ты сам увидишь, что уважения к тебе только прибавится, а не наоборот. Но пойми также и вот что: из-за того, что произошло в Лугуваллиуме, и щадя чувства королевы Гвиневеры, я не могу открыто назвать тебя сыном.

Мордред упрямо не поднимал глаз.

— А когда королева родит вам других сыновей?

— Не родит. Королева бесплодна. И довольно об этом, Мордред. А будущее покажет. Принимай то, что жизнь предлагает тебе здесь, под моим кровом. Все принцы оркнейские заживут в почете и уважении, как то и подобает сиротам королевской крови, а ты... сдается мне, что в итоге ты обретешь и большее.— В глазах бастарда снова что-то вспыхнуло.— Я говорю не о королевствах, Мордред. Но возможно, что сбудется и это, если ты в достаточной мере мой сын.

И вдруг самообладание оставило мальчика. Он задрожал. Закрыл лицо руками.

— Пустое, вздор,— глухо произнес он.— Я-то думал, меня накажут за Габрана. Может, казнят. А теперь — вот это все. Что теперь будет? Что теперь будет, сир?

— Если ты о Габране, то ничего,— отозвался король.— Его можно только пожалеть, но смерть его в известном смысле заслуженна. Что до тебя, пока все останется как есть, разве что нынче вечером ты не вернешься в общую спальню. Тебе нужно побыть одному, свыкнуться с тем, что ты только что услышал. Никто удивляться не станет; все решат, что тебя держат взаперти из-за убийства Габрана.

— А Гавейн и остальные? Нужно ли сообщить им?

— Я поговорю с Гавейном. Остальным достаточно знать только то, что ты сын Моргаузы и старший из племянников верховного короля. Этого довольно, чтобы объяснить твое положение при дворе. Но Гавейну я скажу правду. Он должен понять, что ты не претендуешь ни на Лотиан, ни на Оркнеи.— Артур обернулся к двери.— Слышишь: снаружи меняется стража. Завтра день Митры и христианское Рождество, а для тебя, я полагаю, какой-нибудь зимний праздник в честь ваших чужеземных оркнейских богов. Для нас всех — начало новой жизни. Так что добро пожаловать в Камелот, Мордред! А теперь ступай и попытайся заснуть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕДЬМИНЫ ДЕТИ

Глава 1

Вскоре после Рождества густо повалил снег, и дороги сделались непроходимы. Прошло около месяца, прежде чем возобновились регулярные разъезды королевских гонцов. Не то чтобы это имело значение: в ту пору и сообщать было не о чем. В разгар зимы даже самые одержимые вояки сидели в четырех стенах, поддерживали огонь да занимались домом и нуждами семейства. Как кельты, так и саксы жались ближе к очагу и даже если и вострили клинки в свете зимних огней, все знали, что до прихода весны оружие не понадобится.

Жизнь оркнейских принцев в Каэрлеоне, несмотря на ограничения, вызванные непогодой, была-таки событийной и достаточно насыщенной, чтобы развеять мысли об островном доме, который в любом случае в середине зимы сулил мало приятного. Учебный плац перед крепостью расчистили, и занятия велись почитай что ежедневно, невзирая на снег и лед. И результаты уже давали о себе знать. Четверо сыновей Лота — особенно близнецы — по-прежнему отличались буйным, прямо-таки необузданным нравом, но вместе с боевыми навыками приходило и понимание дисциплины, а с ним — своеобразная гордость. Четверка по-прежнему сама собою распадалась на две пары: с одной стороны близнецы, с другой — Гавейн и малыш Гарет, однако ссор стало меньше. Основное различие проявлялось в обхождении братьев с Мордредом.

Артур должным образом переговорил с Гавейном, и в долгой беседе, надо думать, прозвучала не только правда о происхождении Мордреда, но и веское предостережение. И отношение Гавейна к сводному брату заметно изменилось. В его манере держаться в равной степени сочетались сдержанность и облегчение. Старший сын Лота удовлетворенно осознал, что на его собственный статус никто не покушается и что его права на Оркнейское королевство поддержит сам верховный король. Но за всем этим ощущалось нечто от прежней отчужденности, возможно, даже обида: ведь как незаконный сын верховного короля Мордред стоял выше Гавейна. А здесь вмешивалось благоразумие, основанное на раздумьях о будущем. Все знали, что королева Гвиневера бесплодна, так что Гавейн понимал: более чем вероятно, что в один прекрасный день Мордреда провозгласят Артуровым наследником. Сам Артур был зачат вне брака; отец признал его уже взрослым; глядишь, настанет и черед Мордреда. По слухам, у верховного короля были и другие незаконные дети; поминали по меньшей мере о двух. Однако их ко двору не призывали, и король не благоволил к ним так, как к Мордреду. Даже королева Гвиневера привязалась к мальчику и удерживала его при себе. Так что Гавейн, единственный из сыновей Лота, знавший правду, выжидал и осторожно пытался вернуться к той сдержанной дружбе, что некогда связывала его со старшим братом.

Мордред заметил, откуда ветер дует, распознал и понял мотивы и воспринял братние попытки к примирению как должное. Что и впрямь его озадачило, так это резко переменившееся отношение близнецов. Они-то понятия не имели о родословной Мордреда, полагая, что Артур принял его как Лотова бастарда и, так сказать, первую ласточку оркнейского семейства. Но убийство Габрана произвело впечатление на обоих. Для Аграveйна убийство, причем любое, являлось доказательством возмужания. Гахерис разделял мнение брата, но не только: для него это был поступок вполне оправданный, месть за всех пятерых. Хотя внешне столь же равнодушный к редким проявлениям материнской нежности, как и брат, Гахерис еще ребенком затаил в сердце ревнивую боль. Теперь Мордред убил любовника матери, и за это сын Лота готов был платить ему не только признательностью, но и восхищением. Что до Гарета, яростная выходка внушила почтение даже ему. За последние месяцы на Оркнеях Габран сделался слишком самоуверен и вместе с тем заносчив, так что

даже младший из принцев, по натуре незлобивый, отчаянно невзлюбил фаворита. Мордред, отомстив за честь женщины, в известном смысле выступил от имени всех пятерых. И вот все пятеро оркнейских принцев дружно взялись постигать воинскую премудрость, и в братстве учебного плаца и рыцарской залы зарождалась и крепла преданность верховному королю.

С февральской оттепелью пришли известия из Камелота. Мальчикам сообщили о матери, по-прежнему пребывавшей в Эймсбери. Моргаузу отошлют на север, в монастырь Каэр-Эйдин, вскорости после того, как двор вернется в Камелот; перед отъездом ей дозволят повидаться с сыновьями. Принцы восприняли новость едва ли не равнодушно. По иронии судьбы, пожалуй, только Гахерис до сих пор скучал по матери — Гахерис, которым она пренебрегала. Моргауза по-прежнему снилась ему по ночам; в воображении своем он спасал мать, возвращал ей оркнейский трон; она — сама признательность, он — торжествующий победитель. Но с приходом дня сны таяли; даже ради Моргаузы он не отказался бы ни от новой, захватывающей жизни при дворе верховного короля, ни от надежды занять со временем высокое положение в ряду избранных Сотоварищей.

В конце апреля, когда двор снова перебрался в Камелот на все лето, король послал мальчиков попрощаться с матерью. По слухам, поступил он так вопреки совету Нимуэ, что приехала из Яблоневого сада, дабы приветствовать короля. Мерлина при дворе не было; со времен последнего приступа недуга он жил затворником, и, когда король покинул Каэрлеон, старый колдун вернулся в Уэльс, в свой дом на вершине холма, а Нимуэ заступила на его место главного королевского советника. Но на сей раз с ее словами не посчитались, и мальчиков в должный срок послали в Эймсбери с надежным эскортом, во главе которого поставили Кея и еще одного рыцаря по имени Ламорак.

По пути они заночевали в Саруме: городской староста, предоставивший гостям кров, не знал, чем и услужить племянникам верховного короля. А поутру отряд выехал в Эймсбери, что возведен был на окраине Великой равнины.

Утро стояло ясное, сыновья Лота пребывали в прекрасном настроении. Верхом на отменных скакунах, по-королевски разодетые, принцы почитай что без задних мыслей предвкушали встречу с Моргаузой и возможность похвастаться перед ней новообретенным блеском. Все страхи о судьбе матери давным-давно развеялись. Артур поручился мальчикам своим словом, что смертный приговор королеве не угрожает, и хотя Моргауза оставалась узницей, заключение в монастыре (как в юношеском неведении полагали ее сыновья) не так уж сильно и отличалось от того образа жизни, что она вела дома, проводя целые дни в затворничестве среди приближенных дам. Знатные леди, наперебой уверяли мальчики друг друга, зачастую принимают постриг по доброй воле; конечно, право решать и царствовать монахини утрачивают, ну так это и не женское дело, подсказывала заносчивая нетерпимость юности. Моргауза правила как королева от имени покойного мужа и несовершеннолетнего сына и наследника, но подобная власть неизбежно ограничена во времени, и теперь (как открыто заявлял Гавейн) необходимость в ней отпала. О любовниках теперь нечего и мечтать; а в глазах Гавейна и Гахериса — только эти двое подмечали и принимали происходящее близко к сердцу — оно было и к лучшему. Так пусть узница и остается в монастыре по возможности дольше; со всеми удобствами, разумеется, но под замком, чтобы не вмешивалась в их новую жизнь и не позорила сыновей, принимая на ложе любовников не старше их самих!

Принцы весело гарцевали верхом. В душе Гавейн уже отдалился от матери на многие годы, а Гарет задумывался лишь о сиюминутном приключении. Агравейна мало что занимало, помимо коня, новой туники да оружия, которые он гордо выставлял напоказ («Наконец-то впору для принца!»), да еще, пожалуй, всего того, о чем непременно следует рассказать Моргаузе, похваляясь собственной воинской доблестью. Гахерис предвкушал встречу с пристыженным удовольствием: на сей раз, после разлуки столь долгой, она непременно порадуется сыновьям, не станет скупиться на ласки и слова любви и отвергать не станет ни того ни другого. Кроме того, она будет одна, никакого тебе настороженного любовника у трона, который глаз с принцев не спускает и нашептывает недоброе.

Один Мордред скакал молча, снова — в стороне, за пределами клана. Он не без удовлетворения отметил, сколь учтиво, едва ли не благоговейно, держится с ним Ламорак, сколь бдительно приглядывает за ним Кей. При дворе слухи далеко опережали правду, но ни король, ни королева даже не пытались положить им конец. Напротив, давали понять, что из пятерых принцев именно Мордреду отведена роль наиболее значимая. И только

он, единственный из братьев, отчасти страшился этой встречи. Мордред понятия не имел, сколь много сообщили Моргаузе, но не может же она не знать о смерти любовника! А смерть эта на его совести.

Так ехали они в сторону Эймсбери ясным солнечным утром, и из-под конских копыт сверкающими каскадами разлеталась роса. И в лесу повстречали они Моргаузу вместе с ее эскортом.

Королева выехала на прогулку для моциона, никак не удовольствия ради. И это бросалось в глаза. Хотя нарядилась Моргауза богато, в излюбленные янтарно-желтые ткани, а подбитая мехом накидка защищала от прохладных весенних ветров, скакала королева на невзрачной кобылке, а по обе стороны от нее ехали воины, одетые в цвета Артурова воинства. Тот, что справа, удерживал в руке повод, пропущенный сквозь кольцо в уздечке кобылы. Женщина в простом плаще с капюшоном замыкала кавалькаду, в свою очередь в окружении двух всадников.

Гарет первым узнал мать. Закричал во весь голос, приподнялся в седле, замахал рукой. Гахерис пришпорил коня, галопом пронесся мимо, а вслед за ним и остальные, точно атакующий отряд кавалерии, помчались по лесистой равнине, хохоча и оглашая окрестности охотничьими кличами и приветственными возгласами.

Моргауза встретила натиск юных всадников, сияя улыбкой. Гахерису, который подоспел первым, подала руку и подставила щеку для нетерпеливого поцелуя. Вторую руку протянула Кею: тот почтительно поднес кисть к губам, затем уступил приз Гавейну и отъехал назад, пропуская мальчиков к матери.

Моргауза наклонилась вперед, раскинула руки навстречу сыновьям. Лицо ее лучилось радостью.

— Гляньте, моего коня ведут в поводу, так что я могу ехать и без рук! Мне сказали, что я могу надеяться на скорую встречу, но так рано мы вас не ждали! Вы, верно, стосковались по мне так же, как и я по вам... Гавейн, Агравейн, Гарет, ненаглядный мой, да поцелуйте же мать, которая все эти нескончаемые зимние месяцы изнывала, вас не видя... Ну же, право, довольно... Отпусти, Гахерис, дай полюбоваться на вас всех. Ох, милые мои мальчики, как долго мы не виделись, как долго...

Сдвиг в сторону пафоса прошел незамеченным. Все еще слишком взволнованные, переполненные сознанием новообретенной

значимости, юные всадники гарцевали вокруг матери. Сцена приобрела живость увеселительной прогулки.

— Взгляните, матушка, этот жеребец — из конюшни самого верховного короля!

— Госпожа, вы посмотрите на меч! А я с ним уже недурно управляюсь! Учитель фехтования говорит, что у меня задатки не хуже, чем у любого из моих сверстников.

— Вы в добром здравии, госпожа королева? С вами хорошо обращаются?

Это спросил Гахерис.

— А меня примут в число Сотоварищей! — с грубоватой гордостью вставил Гавейн.— И ежели этим летом доведется повоевать, король обещал, что и меня возьмут.

— Вы ведь приедете в Камелот на Пятидесятницу? — спросил Гарет.

Мордред не поскакал вперед наперегонки с остальными. Королева этого словно не заметила. Даже не взглянула в его сторону. Отряд повернул назад, в Эймсбери; бастард по-прежнему ехал между Кеем и Ламораком. Моргауза весело смеялась и болтала с сыновьями, давая им вволю накричаться и побахвалиться, расспрашивала о Камелоте и Каэрлеоне, прислушивалась к их восторженным отзывам с лестным вниманием. Время от времени она дарила нежный взгляд или ласковое слово Ламораку, тому рыцарю, что держался ближе прочих, и даже солдатам эскорта. Нетрудно было догадаться, что королева радеет об отчете, который в свой срок достигнет ушей Артура. Прелестный облик ее дышал кротостью, в речах возможно было усмотреть лишь материнский интерес к сыновним успехам и материнскую признательность верховному королю и его доверенным лицам за заботу о мальчиках. Если она и заговаривала об Артуре — с Кеем, через головы Гарета и Гахериса,— то превозносила до небес великодушие короля к ее детям («к бедным моим сиротам, которых, кроме него, и защитить-то некому») и королевскую милость, как она это называла, по отношению к себе самой. Вне всякого сомнения, очень скоро она преисполнилась уверенности в том, что может рассчитывать и на большую, высшую милость. Обратив чарующий взор к Кею, она спросила с кротким смирением:

— Брат мой король прислал вас отвезти меня назад ко двору?

Кей вспыхнул и, глядя в сторону, ответил отрицательно. Моргауза не отозвалась ни словом, но понурила голову и украдкой

поднесла руку к глазам. Мордред, который ехал чуть сзади, видел, что слез и в помине нет, но Гахерис, пристроившись с другого бока, коснулся материнского плеча.

— Но скоро так оно и будет, госпожа! Право слово, скоро! Как только мы вернемся, мы непременно упросим короля! К Пятидесятнице, помяните мое слово!

Моргауза не ответила. Чуть поежилась, плотнее запахнулась в плащ, взглянула на небо, затем с видимым усилием расправила плечи.

— Гляньте: тучи сгущаются. Не стоит здесь задерживаться. Пора бы назад.— И, храбро улыбнувшись, добавила: — Уж сегодня, по крайней мере, Эймсбери не покажется мне тюрьмой!

К тому времени, как отряд подъехал к деревне Эймсбери, Кей, скакавший слева, таял на глазах, в глазах Ламорака светилось неприкрытое восхищение, а сыновья Лота напрочь позабыли о том, что некогда мечтали избавиться от материнской опеки. Чары снова сгустились. Нимуэ была права. Узы, откованные в Каэрлеоне столь недавно, истончались с каждой минутой. Братьям-оркнейцам предстояло вернуться к дяде и верховному королю не самыми безупречными из вассалов.

Глава 2

Ворота монастыря были распахнуты настежь: привратник высматривал кавалькаду. Он изумленно вытаращился на гостей из Камелота и окликнул отрока во власянице, рыхлившего салат на заросшей сорняками грядке под самой стеной. Послушник опрометью бросился на зов, и к тому времени, как отряд въехал во двор, в дверях показался сам аббат — слегка запыхавшийся, но исполненный величавого достоинства — и встретил гостей на верхней ступеньке крыльца.

Даже здесь, под взглядом аббата, чары Моргаузы не утратили силы. Тяжелый на подъем Кей учтиво шагнул было вперед, дабы помочь даме спешиться, однако Ламорак оказался проворнее, а Гавейн и Гахерис уже теснились следом. Моргауза улыбнулась сыновьям, грациозно соскользнула в объятия Ламорака, на мгновение прильнула к нему, давая понять, что верховая прогулка и треволнения встречи подорвали ее хрупкие силы. Мило поблагодарила рыцаря и снова обернулась к сыновьям. Сейчас ей необходим покой, так что гостями займется аббат Лука, а после,

когда сыновья подкрепятся, переоденутся и отдохнут, она их примет.

Аббат с трудом скрывал раздражение: Моргауза, перевоплотившись из узницы в королеву, дарующую аудиенцию, удалилась на женскую половину монастыря, опираясь на руку прислужницы. Четверо стражников проследовали за нею, словно королевский эскорт.

На протяжении многих дет после коронации и в особенности после того, как в монастыре поместили Моргаузу, верховный король жертвовал Эймсбери деньги и богатые дары, так что монастырь изрядно разросся и посолиднел с тех пор, как юный король впервые поскакал на юг, к Хороводу Великанов, на похороны отца.

Там, где сразу за часовней некогда начиналось поле, теперь раскинулся обнесенный стеною сад с плодовыми деревьями и рыбным садком, а за ним соорудили еще один внутренний двор, разделив монастырь на две половины — женскую и мужскую. Дом аббата надстроили, так что теперь хозяину не приходилось уступать покои визитерам королевской крови; окна гостевых комнат, разместившихся в новом, южном крыле, выходили в сад. Двое молодых послушников, назначенных позаботиться о нуждах новоприбывших, проводили мальчиков в гостевой дормиторий — длинную, светлую комнату, где ничто не наводило на мысль о монашеском аскетизме. Там выстроилось с полдюжины кроватей: добротные, новые, с расписными изголовьями; каменный пол, выскобленный до блеска, устилали яркие тканые коврики, в серебряных подсвечниках стояли наготове восковые свечи. Мордред обвел глазами дормиторий, выглянул из широкого окна: теплый солнечный свет струился на лужайку, на рыбоводный пруд и цветущие яблони. И язвительно подумал, что Моргауза, пожалуй, вправе рассчитывать на радушный прием и всевозможные привилегии, как самая дорогая гостья — в прямом смысле этого слова.

Обед тоже не оставлял желать лучшего. Мальчикам накрыли в небольшой трапезной, примыкающей к гостевому крылу, а после предоставили полную свободу бродить в монастырских владениях и в городе за пределами стен, который, по чести говоря, казался немногим больше деревни. Мать, как сообщили принцам, примет их после вечерней службы. Кей беседовал с аббатом Лукой при закрытых дверях и к столу так и не вышел,

но Ламорак остался при мальчиках и, по просьбе своих подопечных, свозил их на Великую равнину, туда, где, в двух милях от Эймсбери, высился огромный круг камней под названием Хоровод Великанов.

— Здесь похоронен наш родич, великий Амброзий, а рядом — наш дед Утер Пендрагон,— сообщил Агравейн Мордреду с оттенком былой заносчивости.

Мордред промолчал, поймал на себе быстрый взгляд Гавейна и улыбнулся про себя. Ламорак тоже искоса посматривал в его сторону; стало быть, и этому рыцарю известна правда о старшем «племяннике» Артура...

Памятуя о приличиях, гости почтили присутствием вечернюю службу. К некоторому удивлению Мордреда, явилась и Моргауза. Едва Ламорак и мальчики приблизились к дверям часовни, мимо них парами прошествовали монахини — неспешным шагом, потупив очи. Замыкала небольшую процессию Моргауза — с ног до головы в черном и под вуалью. Ее сопровождали две женщины: одна — прислужница, выезжавшая на прогулку вместе с ней, вторая — с виду моложе, с обрюзгшим, покрытым нездоровой бледностью лицом, в ее безликих чертах отражалась предельная тупость. Последней шла хрупкая, нежнолицая аббатиса, весь ее облик дышал кроткой невинностью — возможно, качество не из лучших для управительницы подобной общины. Во главе женской части монастыря ее поставил аббат: он слишком дорожил своим авторитетом и не потерпел бы соперничества. Но с появлением Моргаузы аббат Лука не раз имел повод пожалеть о своем выборе: мать Мария не в состоянии была управиться с коронованной узницей. С другой стороны, благодаря помянутой узнице монастырь процветал и благоденствовал, так что, пока королева Оркнейская пребывала под надежной охраной, аббат Лука не видел необходимости вмешиваться в чрезмерно мягкие порядки аббатисы. Сам святой отец тоже не остался равнодушен ни к лестному почтению, что выказывала ему Моргауза, ни к трогательно-беспомощному очарованию, что узница являла в его присутствии. Притом не следовало исключать вероятность того, что в один прекрасный день ее восстановят в правах — если не в собственном королевстве, то при дворе, а там она, в конце концов, сводная сестра верховного короля...

Вскорости после службы явилась приближенная дама Моргаузы — та, что помоложе,— с посланием от госпожи. Четверых

младших принцев приглашали отужинать вместе с матерью. За ними пришлют позже. А сейчас королева желает видеть принца Мордреда.

Под обстрелом протестов и расспросов Мордред встретился взглядом с Гавейном. Единственный из четверых, тот сочувствовал, а не злился.

— Ну, удачи тебе,— проговорил старший из принцев.

Мордред поблагодарил его, пригладил волосы, поправил пояс и крючок у бедра. Женщина с сальным, точно топленый жир, лицом дожидалась в дверях, выпучив бесцветные глаза, и повторяла, словно затверженный наизусть урок:

— Младших принцев приглашают отужинать с госпожой, но сейчас она требует принца Мордреда, и только его одного.

Уже выходя, Мордред услышал, как Гавейн тихонько шепнул Гахерису:

— Не глупи, никакое это не отличие! Утром она и не взглянула в его сторону, верно? А то не знаешь почему! Или забыл про Габрана? Бедняга Мордред, не позавидуешь ему!

Мордред спешил за провожатой через лужайку. В траве, выклевывая червяков, перепархивали каменки, в ветвях заливался дрозд. Солнце еще грело, в воздухе разливался аромат цветущих яблонь, примул и желтофиолей, посаженных вдоль дорожки.

Мальчик ничего не замечал. Он полностью ушел в себя, думая лишь о предстоящем разговоре. И почему у него недостало смелости возразить королю, когда тот сказал: «Я отказываюсь с ней видеться, ныне и вовеки, но ты ее сын и, сдается мне, должен к ней съездить, пусть лишь учтивости ради. Повторять визит не обязательно. Но в этот раз, один-единственный раз, ты не можешь уклониться. Я отобрал у нее королевство и сыновей; пусть не говорят, что я был жесток с ней в придачу».

И в сознании бастарда, заглушая последнее воспоминание, навязчиво зазвучали два других голоса: один — мальчишки Мордреда, рыбацкого сына, второй — принца Мордреда, сына верховного короля Артура и взрослого мужа.

«С какой стати ее бояться? Она не в силах повредить тебе. Она беспомощная узница».

Это говорил принц, высокий и храбрый, в расшитой серебром тунике и новехоньком зеленом плаще.

«Она ведьма»,— уверял мальчишка-рыбак.

«Она — узница верховного короля, а верховный король — мой отец. Мой отец»,— повторял принц.

«Она моя мать, и она ведьма».

«Она уже не королева. Она утратила власть».

«Она ведьма, она убила мою мать».

«Ты ее боишься?» — насмехался принц.

«Да».

«Почему? Что она может сделать? В этом святом месте она даже заклятие сотворить не сумеет. Ты ведь уже не один на один с нею в подземной гробнице».

«Знаю. Сам не возьму в толк, в чем дело. Она одинокая женщина, беспомощная узница, а я все равно боюсь».

На женской половине монастыря, во дворе под аркадой обнаружилась открытая дверь. Прислужница поманила рукой, и мальчик проследовал за нею по недлинному коридору к следующему проему.

Сердце его тяжело колотилось, ладони взмокли. Мордред до боли стиснул кулаки, затем неспешно разжал пальцы, отчаянно стараясь успокоиться.

«Я Мордред, я сам себе хозяин, я ничем не обязан ни ей, ни верховному королю. Я выслушаю ее и уйду. И больше мы не увидимся: возвращаться мне незачем. Кем бы там она ни была, что бы там она ни наговорила, это все пустое. Я сам себе хозяин и поступать стану так, как угодно мне».

Не постучав, прислужница открыла дверь и шагнула в сторону, пропуская гостя вперед.

В просторной, скудно обставленной комнате веяло холодом. Стены на манер мазанки были грубо оштукатурены и покрашены, на каменном полу — ни ковров, ни настила. Со стороны аркады обнаружилось незастекленное окно, открытое вечернему ветру. Напротив — еще одна дверь. У протяженной стены притулились массивный стол и резная скамья из полированного дерева. В дальнем конце стола стояло единственное кресло — с высокой спинкой, прихотливо украшенное, но без подушек. С обеих сторон — по деревянному стулу. Стол уже накрыли к вечерней трапезе: оловянные блюда и чаши перемежались с посудой из красной глины и даже дерева. Некая часть сознания Мордреда — та часть, что холодно наблюдала за происходящим, невзирая на повлажневший лоб и неистово колотящееся сердце,—

не без иронии подметила, что сводных братьев ждет ужин весьма скудный даже по монастырским понятиям. Но тут дальняя дверь открылась, и в комнату вошла Моргауза.

Когда-то давно, впервые оказавшись среди дворцовых огней и красок, лицом к лицу с королевой, оборванный мальчишка-рыбак не замечал ничего вокруг; сейчас в этой голой, промозглой комнате Мордред, снова позабыв обо всем на свете, не сводил глаз с королевы.

На Моргаузе было все то же черное, уместное для посещения церкви платье, никаких тебе ярких красок и украшений, лишь серебряный крест (неужели крест?) висел на груди. Волосы строго заплетены в две длинные косы. От вуали она избавилась. Королева шагнула вперед и встала рядом с креслом, одной рукой опираясь о высокую спинку, другой поддерживая платье. И молча застыла в ожидании. Тем временем прислужница заперла дверь на задвижку, тяжело и неспешно ступая, пересекла комнату и скрылась во внутренних покоях. Дверь открылась и закрылась за ее спиной, но Мордред успел углядеть в проеме составленные вместе кресла и блеск серебра под ворохом цветных тканей. Раздался торопливый говорок, но болтунью тут же одернули. Дверь тихонько затворилась — и мальчик остался наедине с королевой.

Он выжидательно замер. Моргауза повернула гордо посаженную голову, намеренно затягивая молчание. Свет из окна затрепетал в тяжелых складках платья, и дрогнул серебряный крест на груди. Вдруг, словно ныряльщик, поднявшийся на поверхность, бастард отчетливо различил две вещи: суставы пальцев, вцепившихся в черную ткань у бедра, заметно побелели, грудь учащенно вздымалась. Итак, Моргауза тоже предвкушала эту встречу не столь уж и хладнокровно. Королева напряжена не меньше его.

Но Мордред разглядел не только это. Еще — отметины на штукатурке: драпировки срывались в спешке; светлые проплешины на полу — там прежде лежали ковры; царапины там, где проволокли стулья, светильники и столы — всю мебель, достаточно легкую для женских рук,— чтобы схоронить во внутренних покоях вместе с подушками, серебром и прочими предметами роскоши, без которых Моргауза почувствовала бы себя жестоко обделенной. Ах вот в чем дело!

Снова, по обыкновению своему, Моргауза разыграла целый спектакль. Строгая черная одежда, голые стены, холодный зал,

отсутствие слуг — королева Оркнейская по-прежнему радела об отчете, который отвезут назад к Артуру, и о том, что за зрелище откроется ее сыновьям. Принцам должно увидеть в ней одинокую, угнетаемую жертву, заточенную в мрачном узилище.

Этого было довольно. Страхи Мордреда рассеялись. Он церемонно поклонился и принял непринужденную позу, дожидаясь дальнейшего развития событий, словно безмолвие и пристальный взгляд королевы нимало его не смущали.

Узкая кисть соскользнула со спинки кресла, подхватила тяжелую юбку с другой стороны. Моргауза величаво шагнула к креслу и села. Расправила черную ткань на коленях, сложила руки, ослепительно белые на черном фоне, подняла голову, смерила гостя медленным взглядом. Только теперь мальчик подметил, что на ней королевский венец Лотиана и Оркнеев. Жемчуга и цитрины, оправленные в белое золото, переливались в алом золоте волос.

Не усмотрев в лице гостя никаких следов замешательства или благоговейного страха, королева заговорила:

— Подойди ближе. Сюда, на свет. Хм. Да, хорош. Говорят, теперь ты «принц Мордред», ни много ни мало. Украшение Камелота, подающий надежды меч на службе у Артура!

Мордред снова поклонился, не говоря ни слова. Королева поджала губки.

— Так он все рассказал тебе, да?

— Да, госпожа.

— Всю правду? И он осмелился?

В голосе ее звенело презрение.

— Это было похоже на правду. Никто не измыслит подобную выдумку хвастовства ради.

— Ага, змееныш научился-таки шипеть! А мне казалось, ты мой преданный слуга, Мордред, рыбацкий выкормыш!

— Я был вам слугой, госпожа. Я помню все, чем вам обязан. Но я в долгу и перед ним.

— За минутную похоть,— пренебрежительно отмахнулась она.— Мальчишка после первого боя. Несмышленый щенок, что примчался со всех ног на свист первой же женщины.

Молчание. Королева возвысила голос — на самую малую долю.

— Об этом он тебе рассказывал?

— Король сообщил мне о том, что я его сын, в неведении зачатый им со сводной сестрой после битвы в Лугуваллиуме,—

ровным, лишенным всякого выражения голосом проговорил Мордред.— И о том, как сразу после того вы хитростью женили на себе короля Лота, обещанного вашей сестре и уже как королева отправились вместе с ним в Дунпелдир, где родился я. Король Лот, прослышав, что дитя появилось на свет слишком скоро после свадьбы, и опасаясь, что выкормит бастарда верховного короля, попытался убить меня чужими руками и ради этого утопил всех младенцев в Дунпелдире, взведя вину на Артура. А вы, госпожа, помогли ему в этом деле, зная, что меня уже благополучно переправили на острова, где Бруд и Сула за деньги согласились ходить за мной.

Королева подалась вперед. Руки ее легли на подлокотники кресла, пальцы судорожно сжались.

— А рассказал ли тебе Артур о том, что и он желал твоей смерти? Рассказал ли, а, Мордред?

— В том не было нужды. Я бы и сам догадался.

— Как так? — резко спросила Моргауза.

Мордред пожал плечами:

— Мысль напрашивается сама собой. В ту пору верховный король еще надеялся, что королева родит ему других сыновей. Зачем ему я, бастард и порождение врага? — Мальчик вызывающе глянул на собеседницу.— Вы ведь не станете отрицать, что вы его ненавидите, как ненавидел при жизни и Лот. Поэтому вы и сохранили мне жизнь, верно? Я все, бывало, гадал, с какой стати вы платили Бруду за содержание Лотова отпрыска. И недаром. Вы бы ни за что не оставили в живых сына Лота от другой женщины. Была там одна, по имени Мача, так? Ее младенца подложили в мою колыбель, чтобы отвести меч Лота от вашего собственного сына.

Мгновение королева молчала. От лица ее отхлынули все краски. Затем, пропустив мимо ушей последнее замечание, Моргауза заговорила снова:

— Стало быть, я спасла тебя от Лотовой мести. Ты это знаешь. Ты это признаешь. Что такое ты сказал минуту назад? Дескать, ты помнишь все, чем мне обязан. Так ты обязан мне жизнью. Причем дважды, Мордред, дважды! — Королева подалась вперед. Голос ее задрожал.— Мордред, я твоя мать. Не забывай об этом. Я родила тебя. Ради тебя претерпела муки...

Взгляд Мордреда заставил ее умолкнуть. В голове у нее промелькнула мысль: любой из четырех сыновей Лота уже бросился бы к ее ногам. Но не этот. Не сын Артура.

— Да, вы подарили мне жизнь, в силу минутной похоти,— холодно бросил Мордред.— Вы сами это сказали, не я. Но ведь это правда, так, госпожа? Женщина зазвала мальчика к себе на ложе. Мальчика, который, как она отлично знала, приходится ей сводным братом. А еще она знала, что в один прекрасный день этот мальчик станет великим королем. Здесь я вам ничем не обязан.

— Да как ты смеешь? — взвизгнула Моргауза во власти внезапно накатившей ярости.— Ты, жалкое отродье, ублюдок, выкормленный в лачуге грязными поселянами, смеешь говорить мне...

Мордред шагнул вперед. Теперь и он разъярился не на шутку. Глаза его полыхнули огнем.

— Есть такое поверье: будто гады ползучие, зарывшись в грязь, зачинают свое отродье благодаря солнцу!

Молчание. Моргауза с шипящим звуком перевела дух. Откинулась назад, сцепила руки на коленях. Мальчик на мгновение утратил самообладание, она же воспользовалась этим, чтобы восстановить свое.

— Помнишь, как ты однажды спускался со мною в пещеру? — очень тихо проговорила она.

Снова тишина. Мордред облизнул губы, но не сказал ни слова.

Королева кивнула.

— Позабыл? Я так и думала. Тогда дай-ка напомню. Дай-ка напомню, что меня следует бояться, сын мой Мордред. Я — ведьма. Я и об этом тебе напомню, и еще о проклятии, что я некогда наложила на Мерлина: старик тоже дерзнул попрекать меня за ту необдуманную ночь любви. Он, как и ты, позабыл: для того чтобы зачать ребенка, нужны двое.

Мальчик пожал плечами.

— Ночь любви и рождение ребенка не дают право называться матерью, госпожа. Я в большем долгу перед Сулой и Брудом тоже. Я сказал, будто ничем вам не обязан. Неправда. На вашем счету их смерть. Их жуткая смерть. Вы их убили.

— Я? Что за вздор?

— Станете отрицать? Мне следовало давным-давно заподозрить истину. А теперь я знаю доподлинно. Габран перед смертью сознался.

Это ее потрясло. Мордред с удивлением понял, что королева ни о чем не знала. Щеки ее вспыхнули и снова поблекли. Лицо побелело.

— Габран умер?

— Да.

— Но как?

— Я убил его,— удовлетворенно отозвался Мордред.

— Ты? За это?

— А за что еще? Если это вас огорчает... впрочем, вижу, что нет. Если бы вы о нем хоть раз спросили, попытались разыскать, кто-нибудь непременно сообщил бы вам правду, так что вы бы уже знали. Неужто вам совсем нет дела до его смерти?

— Ты рассуждаешь, как зеленый юнец. Что мне здесь пользы от Габрана? О да, любовник он недурственный, но Артур ни за что не допустил бы его сюда, ко мне. Это все, что Габран тебе сказал?

— Это все, о чем его спросили. А что, Габран убивал для вас и раньше? Не он ли подал яд Мерлину?

— Это история многолетней давности. Надо думать, старый колдун с тобой уже побеседовал? Это он навел на тебя чары, чтобы ты душой и телом принадлежал Артуру?

— Я не говорил с ним,— возразил Мордред.— Да и видел-то только мельком. Мерлин вернулся в Уэльс.

— А что, отец твой, верховный король,— слова прозвучали плевком,— который так с тобой откровенен, он, часом, не поминал тебе о посулах Мерлина? Касательно тебя, мальчик мой?

Во рту у Мордреда пересохло.

— Вы сами мне рассказали. И я не забыл. Но все, что вы наговорили мне тогда, оказалось ложью. Вы уверяли, будто король мне враг. Ложь. Все — ложь, от первого слова и до последнего! И Мерлин тоже не желает мне зла. Все эти разговоры о посулах...

— Чистая правда. Спроси его сам. Или спроси короля. А еще лучше, спроси самого себя, Мордред, с какой бы стати мне оставлять тебя в живых. Вижу, ты уже понял. Я сохранила тебе жизнь, потому что тем самым я со временем отомщу Мерлину, а также и Артуру, который пренебрег мною. Слушай! Мерлин предвидел, что ты погубишь Артура. Устрашась этого, колдун прогнал меня от двора и ядовитыми наговорами настроил Артура против меня. И с того дня, сын мой, я делала все, чтобы эту гибель приблизить. Я не только родила тебя и уберегла от карающего меча Лота, но повторяла проклятие каждый месяц на ущербе луны — с того самого дня, когда меня прогнали от отцовского двора,

дабы молодость моя увяла в далеком, холодном краю; это меня-то, дочь Утера Пендрагона, воспитанную в холе и роскоши...

Мордред оборвал ее на полуслове. Расслышал он только одно.

— Я — погибель Артура? Но как?

Королева заулыбалась интонациям его голоса.

— Кабы я знала, я бы тебе не сказала. Но я не знаю. И Мерлин — тоже.

— Тогда почему он не приказал меня уничтожить, если это правда?

Моргауза скривила губы.

— Больно совестлив. Ты сын верховного короля. Мерлин, бывало, говорил, что боги вершат свою волю так, как считают нужным.

Снова наступила тишина. Затем Мордред медленно проговорил:

— Но в нашем случае, сдается мне, богам придется вершить свою волю руками людей. То есть моими руками. И скажу вам теперь, королева Моргауза, что губить короля я не стану!

— Как можешь ты избежать этого, если ни ты, ни я, ни Мерлин не знаем, как именно будет нанесен удар?

— Известно лишь, что орудием буду я! И вы думаете, я стану ждать сложа руки? Я непременно найду выход!

— Хватит изображать преданного вассала! — презрительно бросила она.— Ты еще скажи, будто любишь его! Да в тебе нет ни любви, ни верности! Смотри, ты уже обернулся против меня, а ведь клялся служить мне до конца жизни!

— Прочного дома на прогнившем основании не выстроишь! — яростно возразил он.

Моргауза улыбнулась:

— Если я и прогнила насквозь, ты моя плоть и кровь, Мордред. Моя кровь.

— И его тоже!

— Сын — оттиск матери,— возразила королева.

— Не всегда! Остальные и впрямь ваши, и Лота тоже, с первого взгляда видно! Но я... во мне никто не признает вашего сына!

— Но ты схож со мною. А они — нет. Они отважные красавцы воины, ума же — не больше, чем у дикого скота. Ты сын ведьмы, Мордред, говоришь гладко да вкрадчиво, мыслей своих не выдашь, а жало как у змеи. То мой язык. Мой укус. Мой ум.—

Королева улыбнулась.— Пусть меня продержат взаперти до конца жизни, но теперь братец мой Артур принял к себе моего двойника: сына, наделенного материнским умом.

Холод пробрал мальчика до костей.

— Неправда,— глухо заверил он.— Вы к нему через меня не подберетесь. Я сам себе хозяин. И я ни за что не стану вредить ему.

Моргауза наклонилась вперед. И, по-прежнему улыбаясь, тихо заговорила:

— Мордред, послушай меня. Ты молод, и ты не знаешь жизни. Я ненавидела Мерлина, но старый ведун никогда не ошибался. Если Мерлин прочел по звездам, что тебе суждено стать погибелью Артура, как ты можешь избежать судьбы? Придет день, недобрый день рока, и все сбудется так, как предсказано. Да и я тоже кое-что видела, не в небесах, конечно, но в подземной заводи.

— Что же? — хрипло спросил он.

Моргауза по-прежнему говорила очень тихо. Лицо ее снова порозовело, глаза сияли. Сейчас она казалась красавицей.

— Я высмотрела для тебя королеву, Мордред, и трон, если у тебя достанет сил завладеть им. Красавицу королеву и высокий трон. И еще я видела, как змея ужалила королевство в пяту.

Слова эхом отдавались от стен, гулкие, точно удары колокола. Стремясь развеять магию, Мордред быстро проговорил:

— Ежели я подниму на него руку, я и впрямь окажусь хуже змеи.

— А если и окажешься,— невозмутимо подхватила Моргауза,— ты разделишь эту роль с ярчайшим из ангелов, тем, что был ближе прочих к своему господину.

— О чем вы?

— Да так, байки монахинь...

— Вы несете вздор, чтобы напугать меня! — вспылил Мордред.— Но я не Лот и не Габран, слепое орудие убийства в ваших руках. Вы говорите, я похож на вас. Очень хорошо. Теперь я предупрежден, и я буду знать, что делать. Если мне придется уехать от двора и жить вдали от отца, я так и поступлю. Никакие силы в мире не заставят меня поднять на него руку, если я сам того не пожелаю, и, клянусь вам, этой смерти я добиваться не стану. Клянусь самой Богиней.

Эхо не отозвалось.

Магия иссякла.

Крик угас в недвижном воздухе.

Тяжело дыша, бастард стиснул пальцами рукоять меча.

— Храбрые слова,— беспечно фыркнула Моргауза и рассмеялась вслух.

Мордред развернулся и бросился прочь из комнаты, хлопнув дверью в попытке отгородиться от смеха, что преследовал его подобно проклятию.

Глава 3

Снова оказавшись в Камелоте, мальчики с головой ушли в захватывающую столичную жизнь, и воспоминания об Эймсбери и королеве-узнице слегка померкли.

Поначалу Гахерис громко жаловался всем, кто соглашался слушать, на тяготы и лишения, якобы выпавшие на долю его матери. Мордред, который мог бы и просветить брата, держал язык за зубами. О собственной беседе с королевой он тоже не распространялся. Младшие принцы попытались было подступиться, но ответом им было молчание, так что они вскоре оставили расспросы и утратили всякий интерес. Гавейн наверняка догадался о характере беседы, однако, не желая нарваться на резкость, любопытства не выказывал и тоже остался ни с чем. Артур, конечно, спросил у Мордреда, как с ним обошлись, и в ответ на сыновнее: «Терпимо, сир, но не настолько терпимо, чтобы мечтать о новой встрече» просто кивнул и перевел разговор на другое. Было подмечено, что король злится, скучает или досадует, ежели речь заходит о его сестрах, так что о королевах предпочитали не упоминать, и память о них со временем почти заглохла.

Королеву Моргаузу так и не отослали на север к сестрице Моргане. Напротив, Моргана перебралась на юг.

Когда король Урбген, после долгой и малоприятной беседы с верховным королем, наконец-то отослал от себя Моргану и предоставил Артуру право решать ее судьбу, некоторое время королева жила под надзором в Каэр-Эйдине, но в конце концов брат неохотно даровал ей разрешение уехать на юг в собственный замок среди холмов к северу от Каэрлеона, подаренный Артуром в лучшие времена. Обосновавшись там в окружении Артуровой стражи и тех дам, что согласились последовать за госпожой в неволю, она обустроила небольшое подобие королевского двора и

продолжала (так гласили слухи и в кои-то веки не ошибались) вынашивать исполненные ненависти интрижки против брата и мужа столь же деловито и почти столь же благодушно, как курица высиживает яйца.

Время от времени, через королевских гонцов, Моргана осаждала короля просьбами о различных милостях. С особенной же настойчивостью молила о том, чтобы ее «дорогой сестрице» дозволили переехать к ней в Кастель-Аур. Известно было, что венценосные особы терпеть друг друга не могут, и Артур, ежели и заставлял себя задуматься над прошением, подозревал, что желание Морганы «воссоединиться» с Моргаузой следует воспринимать буквально: ведьма стремилась удвоить губительную силу собственной магии, уж какой бы она ни была. И здесь слухи не молчали: шептались, будто королева Моргана далеко превзошла Моргаузу в могуществе, и волшебство ее направлено отнюдь не во благо. Так что просьбы Морганы отметались в сторону. Подобно простому смертному, осаждаемому надоедливой ворчуньей, верховный король предпочитал затыкать уши и глядеть в другую сторону. Он просто передавал дело главному советнику, ибо здравый смысл подсказывал: пусть с женщинами управляется женщина.

А совет Нимуэ был ясен и прост: держать интриганок под стражей и порознь друг от друга. Так что обе королевы оставались под строгим надзором: одна в Уэльсе, другая все еще в Эймсбери, но, опять-таки по совету Нимуэ, заточение не было чрезмерно суровым.

— Оставьте им титулы и почести, их роскошные наряды и любовников,— сказала она.

Король приподнял бровь, и чародейка пояснила:

— Люди быстро забывают о случившемся, а узилище красавицы непременно становится оплотом интриг и недовольства. Не нужно создавать мучеников. Спустя несколько дет те, что помоложе, не будут знать да и задумываться не станут о том, что Моргауза некогда отравила Мерлина и отправила его на тот свет. Про избиение младенцев в Дунпелдире, затеянное ею и Лотом, уже позабыли. Заточи любого злодея на год или два, и непременно сыщется глупец, готовый размахивать знаменем и вопить: «Что за жестокость, верните страдальцу свободу!» Уступите им в пустяках, но держите их взаперти и глаз с них не спускайте.

Так что королева Моргана властвовала над небольшим двором в Кастель-Ауре да слала письмо за письмом по почтовой дороге в Камелот, а королева Моргауза осталась в Эймсберийском монастыре. Ей дозволили окружить себя еще большей пышностью, но все равно ее неволя, по всей вероятности, оказалась более тяжкой, нежели сестринская, ибо Моргаузе приходилось подлаживаться под монастырский устав. Но у Моргаузы были свои методы. Перед аббатом она разыгрывала несчастную жертву, долгие годы прозябавшую вдали от истинной веры в языческой тьме Оркнеев и теперь готовую жадно и охотно постигать все, что можно, о «новой религии» христиан. Ее приближенные дамы присоединялись к молитвам святых сестер и целыми часами помогали монахиням с шитьем и другой, более грубой работой. Следовало заметить, что сама королева предпочитала перепоручать подобные проявления набожности свите, но по отношению к аббатисе была воплощением учтивости, и простодушная старушка с легкостью купилась на любезности милой гостьи, которая, несмотря на все якобы совершенные ею преступления, как-никак приходилась сводной сестрой самому верховному королю.

«Якобы совершенные преступления». Нимуэ оказалась права. По мере того как шло время, память о предполагаемых злодеяниях Моргаузы становилась все туманнее, а образ, тщательно создаваемый самой королевой,— нежная, скорбная пленница, всей душой преданная венценосному брату, отторгнутая от ненаглядных сыновей, тоскующая вдали от родной земли,— обретал яркость и распространялся далеко за пределы монастырских стен. И хотя все знали, что старший «племянник» верховного короля на самом-то деле может претендовать на куда большую, отчасти скандальную близость к трону — ну так что ж, ведь случилось это давным-давно, в темные, смутные времена, когда и Артур, и Моргауза были совсем молоды, а ведь даже теперь видно, как прелестна она была... и осталась.

Так шли годы. Мальчики превратились в юношей, заняли места при дворе, черные деяния Моргаузы из воспоминания об истинном происшествии превратились в легенду, а сама Моргауза по-прежнему жила за стенами Эймсбери в довольстве и холе — по чести говоря, в большем довольстве, нежели в промозглой крепости Дунпелдира или в открытой всем ветрам твердыне Оркнеев. Чего Моргаузе, к вящей ее досаде, недоставало, так это власти — более ощутимой, нежели здесь, в пределах маленького, «домашнего» двора. А время текло, и, отчетливо осознав, что Эймсбери она не покинет и, более того, в миру почти забыта, королева снова втайне обратилась к магическим искусствам, убеждая себя, что именно здесь — залог влияния и подлинного могущества. Одного искусства она и впрямь не утратила; причина ли тому — травы, заботливо выращенные в монастырских садах, или заклятия, произнесенные во время сбора и приготовления, но притирания и духи Моргаузы по-прежнему заключали в себе неодолимую колдовскую силу. Красота оставалась при ней, а значит, и власть над мужчинами.

У Моргаузы были любовники. Первым стал молодой садовник, тот, что ухаживал за травами и целебными растениями для ее снадобий,— пригожий юноша, некогда лелеявший надежду вступить в монашеское братство. Королева, по сути дела, оказала ему услугу. За четыре месяца любовной связи юнец убедился, что внешний мир сулит немало радостей, от которых в шестнадцать лет невозможно отречься; когда же Моргауза отослала его прочь, наградив золотом, он уехал из монастыря, отправился в Акве-Сулис, повстречался с дочкой богатого купца и с тех пор горя не ведал. После садовника нашлись и другие; все стало куда проще, когда на Великой равнине обосновался военный гарнизон. Здесь проходили учения, а после трудов праведных боевые командиры заглядывали в Эймсбери отведать все то, что могла предложить местная таверна в отношении вина и услад. Дело окончательно упростилось, когда Ламорак, некогда доставивший мальчиков к матери, был назначен начальником гарнизона и счел своим долгом съездить в монастырь и справиться о здоровье венценосной узницы. Моргауза сама приняла его, и очень мило. Гость приехал снова, на сей раз с подарками. Не прошло и месяца, как они стали любовниками. Ламорак клялся, что полюбил свою даму с первого взгляда, и сожалел, что столько лет минуло впустую со времени их первой встречи на верховой прогулке в лесу.

Дважды за эти годы Артур останавливался поблизости, в первый раз — в гарнизоне, второй раз — в самом Эймсбери, в доме городского старосты.

В первый раз, несмотря на все старания Моргаузы, король не пожелал ее видеть и ограничился тем, что послал гонца к аббатисе и официально справился о здоровье и благополучии узницы,

а к самой королеве отправил посредников — Бедуира и, по иронии судьбы, Ламорака. Второй раз король оказался в окрестностях Эймсбери спустя два года. Он предпочел бы снова заночевать в гарнизоне, но это могло бросить тень на гостеприимство городского старосты, так что Артур волей-неволей принял его приглашение. Но распорядился, чтобы, пока сам он находится в городе, Моргаузе не дозволялось выезжать за пределы монастырских стен, и королевскую волю исполнили свято. Но однажды вечером, когда Артур и полдюжины Сотоварищей ужинали с аббатом и городскими старейшинами, к дверям явились две приближенные дамы Моргаузы, в красках распространяясь о болезни узницы и жалостно умоляя короля поспешить к недужной. Королева желает лишь одного — на смертном одре услышать слова прощения, уверяли посланницы. Или, ежели брат по-прежнему гневается на нее, она молит — и по лицам дам видно было, сколь прочувствованно,— об исполнении одной-единственной предсмертной просьбы. Пусть ей дозволят в последний раз повидаться с сыновьями.

Но сыновей Лота в Эймсбери не было. Гахерис находился в составе гарнизона на Великой равнине; Гавейн и двое других остались в Камелоте. Вместе с королем в Эймсбери приехал только Мордред, единственный из пяти: теперь он повсюду следовал за отцом.

К нему-то и обратился Артур, жестом отослав женщин за пределы слышимости.

— Умирает? Думаешь, это правда?

— Три дня назад она каталась верхом.

— Да? Кто тебе сказал?

— Свинопас в буковой роще. Я остановился и расспросил его. Моргауза как-то бросила ему монетку, так что он всегда ее высматривает. Называет «пригожей королевой».

Артур нахмурился, забарабанил пальцами по столу.

— Всю неделю дул холодный ветер. Полагаю, она вполне могла простудиться. А если так...— Он помолчал.— Ну что ж, завтра я кого-нибудь пошлю. А тогда, ежели рассказ подтвердится, наверное, мне и впрямь придется съездить самому.

— А к завтрему все будет должным образом обставлено.

Король вскинул глаза на сына.

— О чем ты?

— Когда Моргауза посылала за мной в первый раз, она была одна-одинешенька в промозглой комнате, и никаких тебе удобств,— сухо пояснил Мордред.— Все в спешке снесли в соседнюю комнату: дверь приоткрылась, и я заметил.

Артур нахмурился еще суровее.

— Так ты и здесь подозреваешь притворство? Опять? Но как? Что она может сделать?

Мордред зябко повел плечами.

— Кто знает? Как сама Моргауза напоминала мне не единожды, она ведьма. Держитесь от нее подальше, сир! Или позвольте мне съездить и убедиться воочию, соответствует ли истине эта байка о смертельном недуге.

— И ты не побоишься чародейства?

— Она звала сыновей,— отозвался Мордред,— а в Эймсбери никого, кроме меня, нет.

Юноша не стал добавлять, что, хотя душа его, усилиями самой Моргаузы отравленная страхом, стремится прочь от нее, он отлично сознает, что он в безопасности. Ему суждено стать — злобный, брызжущий слюной голос до сих пор звучал у него в ушах — погибелью для своего отца. Ради этого Моргауза сохранит ему жизнь, как когда-то в детстве.

— Если вы отошлете гонца прямо сейчас, сир, и сообщите ей, что сами прибудете утром, королева не преминет подготовиться к назначенному времени — если это и впрямь уловка,— посоветовал юноша.— А я поскачу нынче же вечером.

Обсудив дело со всех сторон, король согласился и, с видимым облегчением вернувшись к гостям, отослал к Моргаузе одного из Сотоварищей с известием о том, что король увидится с ней завтра поутру.

Как и прежде, выбор короля пал на Ламорака.

У садовой стены стоял привязанный конь. Здесь парапетная плита располагалась не так высоко, а ветка старой яблони выдавила кирпичи наружу: кладка взбугрилась, растрескалась и наконец обвалилась; при известной ловкости здесь вполне возможно было перебраться с седла на другую сторону.

Ночь выдалась безлунная, но на небе мерцали звезды — видимо-невидимо, точно маргаритки на лугу.

Мордред остановился и пригляделся к коню. Белая отметина на лбу и чулок на левой передней ноге показались ему знакомы-

ми. Он всмотрелся внимательнее: так и есть, на шлейке — серебряный вепрь Оркнеев. Чалый принадлежал Гахерису. Мордред тронул шею коня. Кожа разгоряченная и влажная...

Он постоял с минуту, размышляя про себя. Если весть о болезни Моргаузы достигла гарнизона, как оно и бывает с такими новостями, на крыльях молвы, так Гахерис, должно быть, тотчас же поскакал к королеве. А возможно, когда ему запретили сопровождать Артура и Мордреда в Эймсбери, он выехал тайно, твердо вознамерившись повидаться с матерью. И в том, и в другом случае Гахерис скрывает свои намерения, иначе вошел бы через ворота.

Не без иронии Мордред подумал о том, что в любом случае Моргауза сына не ждала, так что, пожалуй, в такую холодную ночь с удобствами еще не распрощалась.

Гахерис, несмотря на всю свою сыновнюю преданность, вынужден будет засвидетельствовать здоровье матери и прочие обстоятельства, когда Мордред возвратится к королю с докладом.

Молодой человек неслышно прошел вдоль стены к воротам.

Стражники внимательно оглядели гостя в свете фонаря и, по предъявлении королевской грамоты, пропустили внутрь.

В пределах монастырских стен царили тишина и безлюдье: здесь охрану не выставляли. С некоторых пор Моргауза и ее свита обосновались в отдельном крыле — в строении, отделяющем фруктовый сад от женской галереи. Мордред тихо миновал часовню и вошел в сводчатый коридор. В сторожке у жаровни дремала монахиня. Гость снова предъявил королевскую грамоту, был опознан и пропущен.

По обе стороны провалами в пустоту чернели арки. Трава в центре дворика в звездном свете казалась блекло-серой, звездочки-маргаритки, закрывшие на ночь венчики, терялись во мраке. Над крышами беззвучно пролетела сова и скрылась в саду. Во тьме мерцал лишь тусклый отблеск жаровни.

Мордред помедлил в замешательстве. Час был поздний, однако полночь еще не пробило. Моргауза, как большинство ведьм, принадлежала к ночным созданиям; почему же не светится ни одно из ее окон? И уж конечно, если бы история о смертельном недуге соответствовала действительности, приближенные дамы непременно бодрствовали бы у изголовья страждущей. Может, у нее любовник? Говорят, королева до сих пор развлекается вовсю. Но если там Гахерис... Гахерис?!

Мордред выругался вслух, преисполнившись отвращения к самому себе за подобную мысль, а затем — за уверенность в том, что подозрение справедливо.

Дверь под сводами оказалась незапертой. Гость переступил порог и стремительно зашагал по достопамятному коридору. Вот и вход в покои королевы. Мгновение поколебавшись, Мордред распахнул дверь и без стука вошел.

Комната оказалась иной, нежели ему запомнилось: такой предстала бы она взгляду гостя, если бы Моргауза заранее не избавилась от обстановки. Мягкий звездный свет проникал в окно, озарял драпировки и натертую воском мебель, мерцал на золотой и серебряной посуде. Плотные ковры приглушали шаги. Мордред пересек комнату и подошел к внутренней двери, которая вела в переднюю перед королевиной опочивальней. Здесь он помедлил. Наверняка прислужницы ее бодрствуют, хотя бы одна? Гость нагнулся и тихонько постучал в филенку.

В комнате послышался легкий шум, торопливое движение, и вновь воцарилась тишина, словно стук вспугнул того, кто не желал быть обнаруженным. Мордред снова заколебался, затем стиснул зубы и потянулся к задвижке, но не успел за нее взяться, как дверь распахнулась. На пороге стоял Гахерис с мечом в руке.

Переднюю освещала одна-единственная свеча. Но даже в этом слабом, рассеянном свете было видно, что Гахерис бледен как смерть. Разглядев Мордреда, он побледнел еще сильнее, если такое возможно. Губы его медленно округлились до черного «О».

— Ты? — судорожно выдохнул он.

— А ты кого ждал? — очень тихо отозвался Мордред, глядя мимо брата на дверь королевской спальни, закрытую и занавешенную тяжелым пологом от пронизывающих ночных сквозняков.

По обе стороны на двух кроватях спали женщины. Одна — прислужница из свиты Моргаузы, вторая — монахиня; надо думать, ее освободили от ночных бдений и поставили на часах от монастыря вместе с той, первой. Обе уснули крепко; монахиня даже похрапывала во власти сна — как-то уж чересчур глубокого. На столе у стены стояли две чаши, в комнате пахло пряным вином.

Меч в руках Гахериса качнулся, но нерешительно; заметив, что Мордред даже не глядит в его сторону, принц опустил клинок. Шепотом не громче слабого отзвука Мордред окликнул брата:

— Убери меч, ты, бестолочь. Я приехал по приказу короля. А ты что подумал?

— В этот час? Но для чего?

— Да уж не для того, чтобы повредить ей; иначе разве я стал бы стучать, разве явился бы нагишом?

Это слово в солдатской среде означало «без оружия» и рыцарю служило надежней щита. Мордред широко развел руки: дескать, пусто. Гахерис медленно вложил меч обратно в ножны.

— Тогда что...— начал было он.

Но Мордред молниеносным жестом велел ему умолкнуть, шагнул мимо него в комнату, подошел к столу, взял в руки одну из чаш, понюхал.

— Та, что в сторожке, тоже не успела приглядеться ко мне толком, как снова начала клевать носом.

Встретив недоуменный взгляд Гахериса, Мордред улыбнулся и отставил чашу.

— Пришли вести о том, что королева больна и при смерти, так что король прислал меня. Сам он собирается приехать завтра. Но теперь, я так понимаю, необходимость отпала.— Принц предостерегающе поднял руку.— Нет, страшиться нечего. Правды в том нет. Этих женщин опоили сонным зельем, и нетрудно догадаться, что...

— Опоили? — Гахерис медленно осмысливал сказанное братом. Затем повернул голову туда-сюда, обшаривая взглядом темные углы комнаты, словно почуявший врага зверь. Рука его снова потянулась к рукояти.— Значит, опасность все-таки есть! — хрипло вскричал он.

— Да нет же. Нет! — Мордред стремительно шагнул вперед, легко ухватил сводного брата за локоть и развернул его спиною к двери в опочивальню.— Это одно из снадобий королевы. Я знаю запах. Так что забудь о страхах и пойдем. Ясно, что королева не больна и ничто иное ей не угрожает. Королю незачем приезжать, но тебя, без сомнения, поутру к ней допустят. Артур уже и за остальными послал, на случай если известия подтвердятся.

— Но откуда ты знаешь?..

— Да тише ты! Ну же, нам пора. Я хочу показать тебе роскошные гобелены во внешних покоях.— Мордред улыбнулся и потряс

безвольную руку спутника.— Да ради богов, ты что, не видишь? У нее любовник, вот и все! Так что ни тебя, ни меня сегодня не примут!

Гахерис постоял минуту, напрягшись, словно не ощущая ладони Мордреда на своей руке, затем свирепо высвободился и метнулся к спальне. Рванул в сторону полог и пинком распахнул дверь, так что створка с грохотом ударилась о стену.

Глава 4

За одно бесконечное мгновение полного столбняка, прежде чем кто-либо двинулся, братья разглядели все в подробностях.

Обнаженный Ламорак — сверху: на влажной от пота, мускулистой спине играют блики. Моргауза — под ним, скрыта в тени, видны только жадные, неугомонные руки, да длинные волосы разметались по подушке. Смятая ночная сорочка брошена на пол, рядом с одеждой Ламорака. Его пояс, вместе с мечом и кинжалом в ножнах, аккуратно уложен на стул в противоположном конце комнаты.

Гахерис издал звук, мало похожий на человеческий, и свирепо схватился за меч.

Мордред, в двух шагах от него, предупреждающе крикнул: «Ламорак!» — и снова поймал сводного брата за руку.

Моргауза взвизгнула. Ламорак тяжело выдохнул, повернул голову, заметил, скатился с постели и бросился к мечу. Это движение выставило женщину на безжалостный звездный свет: тело, распростертое на кровати, отметины любви, рот хватает воздух, руки все еще шарят в воздухе по тому месту, где только что был любовник.

Руки упали. Моргауза узнала и Гахериса, и Мордреда, что пытался удержать брата. Визг оборвался на выдохе, она поспешно села, потянула на себя смятое покрывало.

Гахерис, ругаясь на чем свет стоит, вырвал из ножен кинжал и пырнул Мордреда в руку. Лезвие вонзилось в плоть, хватка ослабла. Гахерис высвободился.

Ламорак добежал до стула и схватил перевязь с мечом. Неловко, еще не придя в себя от потрясения, он отчаянно дергал за рукоять, но в полутьме рука запуталась в завязках, и клинок застрял. Пытаясь высвободить лезвие, Ламорак развернулся навстречу второму мечу — как был, нагишом.

Мордред метнулся мимо Гахериса и встал между противниками, уперся ладонями брату в грудь. Порез сочился кровью.

— Гахерис! Подожди! Ты не можешь убить безоружного! Не так и не здесь. Да подожди ты, болван! Он — из Сотоварищей, право судить — за королем.

Сомнительно, чтобы Гахерис его услышал или почувствовал прикосновение ладоней. Он плакал, задыхался от сухих, судорожных рыданий,— казалось, он утратил рассудок. Он не попытался оттолкнуть Мордреда и пробиться к Ламораку. Напротив, резко отвернулся от обоих и ринулся к ложу королевы, высоко занеся меч.

Прижимая к себе покрывало, ничего не видя из-за завесы волос, Моргауза попыталась перекатиться на бок, уклониться от удара. И снова вскрикнула. Прежде чем те двое поняли, что происходит, Гахерис взмахнул мечом и со всей силы опустил его на шею матери. И еще раз. И еще.

Тишину нарушал лишь глухой, жуткий звук металла, вгрызающегося в плоть и перовой матрас. Моргауза умерла от первого же удара. Покрывало выпало из судорожно сжатых пальцев, нагое тело откинулось назад, в милосердную тень. Голове пришлось хуже; наполовину отрубленная, она выкатилась прямехонько в звездный свет на пропитанных кровью подушках. Гахерис, забрызганный первым, кошмарным фонтаном крови, занес обагренный меч для нового удара, затем, взвыв, точно раненый пес, с грохотом отбросил его в сторону, рухнул на колени в лужу крови, склонил голову на подушку рядом с материнской и разрыдался.

Мордред осознал, что удерживает Ламорака в захвате настолько крепком, что больно обоим. Убийство свершилось так быстро, так неожиданно, что ни один из мужчин так и не двинулся с места. Но вот Ламорак пришел в себя, дернулся, выругался сквозь зубы, попытался оттолкнуть Мордреда. Но Моргаузе он уже ничем не мог помочь, а сын ее отрешенно стоял на коленях, не замечая ничего вокруг, развернувшись к ним незащищенной спиной, и меч его валялся в десяти шагах на полу. Клинок Ламорака дрогнул — и опустился. Даже сейчас, даже в это мгновение суровая выучка давала о себе знать. Страшное смертоубийство свершилось под горячую руку. Но сейчас руки и сердца остыли, в комнате разливался холод, и поделать ничего было нельзя.

Ламорак застыл неподвижно, уже не пытаясь вырваться. Зубы его застучали: сказывались пережитый ужас и леденящий холод потрясения.

Мордред выпустил пленника. Подобрал одежду рыцаря с пола и всучил ему в руки.

— Вот, держи. Одевайся и уходи. Оставшись, ты ничего не выиграешь. Даже если бы он был в состоянии сразиться с тобой сейчас, здесь оно не пристало, сам знаешь.— Бастард проворно нагнулся за позабытым мечом Гахериса, затем ухватил Ламорака за руку и потянул его к двери.— Выйди в соседнюю комнату, пока он не опомнился. Случившегося не поправишь, и в наших силах только помешать безумцу ухудшить дело.

В передней по-прежнему спали. Мордред прикрыл дверь и задвинул задвижку; монахиня зашевелилась во сне, пробормотала нечто похожее на «Госпожа?» и снова уснула. Мужчины застыли на месте, напряженно прислушиваясь. Ни звука, ни движения. Крик Моргаузы, тут же оборвавшийся, заглушили толстые стены и запертые двери.

Ламорак уже взял себя в руки. Вид у него был больной и затравленный, лицо — белее мела, но возражать Мордреду он не пытался и принялся быстро одеваться, лишь пару раз кинув косой взгляд на закрытую дверь жуткой опочивальни.

— Я убью его,— хрипло объявил Ламорак.

— Но не здесь,— невозмутимо отозвался Мордред.— До сих пор ты не совершил ничего предосудительного. Король и без того разгневается из-за бесчинства, незачем тебе усугублять дело. Послушайся моего совета и уходи по-быстрому. Как ты поступишь позже — твое дело.

Ламорак, что возился с завязками туники, поднял взгляд.

— А ты что намерен делать?

— Выдворить тебя отсюда, затем выпроводить Гахериса и вернуться с докладом к королю. В конце концов, за этим-то меня и послали. Не то чтобы это имело значение теперь, но, полагаю, история о ее недуге, прямо-таки смертельном, была чистой воды выдумкой?

— Да. Она искала встречи с королем, чтобы самой молить его о свободе.— И очень тихо добавил: — Я хотел на ней жениться. Я любил ее, а она — меня. Я пообещал сам поговорить с королем завтра... то есть уже сегодня. Ведь стань она моей же-

ной, Артур непременно позволил бы ей покинуть монастырь и снова жить в миру?

Мордред не ответил. «Еще одно слепое орудие,— думал он.— Некогда я был ее пропуском к власти, а теперь и этому бедному легковерному глупцу предстояло стать ее пропуском к свободе». Ну что ж, Моргауза мертва, и король тому вряд ли глубоко огорчится, но и в смерти, как в жизни, женщина эта станет нарушать покой всех, кто к ней близок.

— Ты знал, что король послал за Гавейном и остальными двумя? — осведомился Мордред.

— Да. Что они... что здесь произойдет?

Косой взгляд на дверь.

— Ты про Гахериса? Кто знает? Что до тебя... я же сказал, что тебя винить не в чем. Да только они обвинят, уж будь уверен. Очень возможно, что они попытаются убить и Гахериса тоже — а что, выходка вполне в их духе! Для них это дело семейное: и постельные радости, и смертоубийства.

Этот сухой, точно молотые в пыль пряности, ответ заставил Ламорака, несмотря на горе и ярость, пристально приглядеться к юноше. Точно открывая для себя новую истину, он медленно произнес:

— Ты... но ты же один из них! Ее родной сын. А говоришь так, словно... словно...

— Я другой,— коротко бросил Мордред.— Держи свой плащ. Нет, об этом пятне не тревожься, это моя кровь. Гахерис пырнул меня в руку. А теперь, ради самой Богини, уходи и предоставь его мне.

— Что ты сделаешь?

— Запру опочивальню, чтобы женщины, проснувшись, не разнесли своим визгом весь монастырь, и выведу Гахериса тем же путем, каким он пришел. А ты явился через главные ворота, верно? Страже известно, что ты еще здесь?

— Нет. В должный срок я ушел, а потом... У меня свой путь. Она обычно оставляла окно открытым, если знала, что...

— Да, конечно. Но тогда зачем брать на себя труд...

Мордред собирался спросить, зачем тогда усыплять прислужниц, но тут же сообразил, что любовные утехи Моргаузы приходилось скрывать от аббатисы. Святые сестры вряд ли поглядели бы на них сквозь пальцы.

— Мне, разумеется, придется покинуть двор,— проговорил Ламорак.— Ты расскажешь королю?..

— Я в точности доложу обо всем, что случилось. Не думаю, что король тебя осудит. Но тебе лучше скрыться до тех пор, пока не угомонятся Гавейн и прочие. Удачи тебе, и поторопись!

Ламорак, в последний раз оглянувшись на немую дверь опочивальни, исчез за порогом.

Мордред снова окинул взором спящих прислужниц, убрал окровавленный меч Гахериса в темный угол, за аналой, с глаз подальше, а затем вернулся в опочивальню королевы и закрыл за собою дверь.

Гахерис стоял покачиваясь, точно пьяный, и тупо озирался по сторонам, как будто позабыл что-то.

Мордред взял брата за плечо и отвел от кровати; тот не сопротивлялся. Старший из принцев нагнулся, наискось задернул забрызганное кровью одеяло, закрывая тело. Гахерис, двигаясь оцепенело, точно сомнамбула, покорно позволил увести себя из комнаты.

Оказавшись в передней и дождавшись, чтобы закрылась дверь, Гахерис впервые заговорил — глухо и хрипло:

— Мордред. Так было надо. Надо было убить ее. Она была мне матерью, но притом и королевой тоже, и поступать так... навлечь позор на нас всех и весь наш род... Никто не оспорит моего права, даже Гавейн. А когда я прикончу Ламорака... это ведь был Ламорак, верно? Ее... словом, он?

— Я не разглядел, кто это. Он подхватил одежду и ушел.

— И ты не попытался задержать его? Не убил?

— Ради Гекаты, оставь это все на потом,— оборвал его Мордред.— Мне кажется, я слышу шаги. Время ночной службы. Сюда может заглянуть кто угодно.

Это не соответствовало истине, но Гахериса привело-таки в себя. Он встревоженно оглянулся по сторонам, словно проснувшись и осознав, что в опасности.

— Мой меч? — резко потребовал он.

Мордред извлек клинок из-за аналоя и показал брату.

— Получишь, как только мы окажемся по ту сторону стены. Пойдем. Я видел, где ты оставил коня. Быстрее.

Они уже пересекали сад, когда Гахерис заговорил снова, истерзанный мучительным чувством вины.

— Этот человек, Ламорак. Я знаю, это был он, и ты тоже знаешь. Ты назвал его по имени. Не пытайся его выгораживать. Артуров прихвостень, из числа Сотоварищей. Он тоже должен умереть, и я об этом позабочусь. Но она, она... разделять ложе с таким... Знаешь, это ведь наверняка не в первый раз... Прислужниц опоили зельем. Эти двое — любовники...— Гахерис подавился последним словом, но продолжил: — Мать как-то рассказывала мне о нем. О Ламораке. Говорила, что это он убил нашего отца, короля Лота, и что она его ненавидит. Она солгала мне. Мне!

— Разве ты еще не понял, Гахерис? — тихо отозвался Мордред.— Она солгала, чтобы отвести тебе глаза, и солгала дважды. Ламорак не убивал Лота, как можно? Лот умер от ран, полученных в битве при Каледоне, а ведь они сражались на одной стороне. Так что, если только Ламорак не ударил Лота в спину, а он на такое не способен, убийца не он. Тебе это никогда не приходило в голову?

Но Гахериса снедали прежние мысли, грызущие и неотвязные; для иных просто не осталось места.

— Она взяла его в полюбовники, а мне солгала. Мы все остались в дураках, даже Гавейн. Мордред, ведь братья скажут, что я поступил как должно, правда?

— Ты знаешь не хуже меня, сколь вероятно, что Гавейн простит тебе содеянное. Или Гарет. Даже твой брат-близнец может не поддержать тебя. И хотя король вряд ли станет убиваться по твоей матери, ему придется прислушаться, ежели оркнейские принцы потребуют так называемой «справедливости».

— Они призовут к ответу Ламорака!

— За что? — холодно осведомился Мордред.— Ламорак собирался на ней жениться.

Это заставило его умолкнуть. Братья дошли до стены; задержавшись под яблоней, Гахерис обернулся назад. Из-за гряды облаков вставала луна, и пятна крови на его груди казались совсем черными.

— Если братья не убьют мерзавца, его убью я,— объявил он.

— Попробуй,— холодно предложил Мордред.— И Ламорак прикончит тебя, это как пить дать. А потом твои братцы попытаются зарубить его. Видишь, к чему ведут события одной ночи?

— А ты? Тебе, похоже, все равно? Ты так говоришь, словно это тебя не касается!

— Еще как касается,— коротко отозвался Мордред.— Но мы зря теряем время. Что сделано, то сделано. Тебе придется покинуть двор, и ты об этом знаешь. И лучше бы ты скрылся до того, как сюда нагрянут братья. Ну же, Гахерис, перебирайся на ту сторону; твой конь там.

Гахерис перебрался через стену, а Мордред, вскарабкавшись вслед за ним, уселся на парапет верхом и оттуда наблюдал, как брат отвязывает коня и проверяет подпруги. Затем протянул Гахерису меч.

— Куда ты поедешь? — осведомился Мордред.

— На север. Не на острова, нет; а Дунпелдир тоже в руках Артура. Нет такого клочка земли, что не принадлежал бы ему. Но я уж найду, кому продать меч.

— А пока возьми мой кошель. Вот.

— Благодарствую, брат.

Гахерис поймал подарок на лету, вскочил в седло, оказавшись почти на одном уровне с Мордредом, и натянул поводья. Чалый нетерпеливо затанцевал на месте.

— Когда увидишь Гавейна и остальных...

— Рассказать им правду и заступиться за тебя? Сделаю что смогу. Прощай.

Гахерис развернул коня и растаял в ночи. Стремительный и глухой перестук копыт угас вдали. Мордред спрыгнул со стены и зашагал назад через сад.

Глава 5

Так погибла Моргауза, ведьма и королева Лотиана и Оркнеев, посредством собственной гибели заварив для ненавистного брата адское зелье новой распри.

А распря грозила последствиями. Гахериса отправили в изгнание; Ламорак, бледный и молчаливый, возвратился в гарнизон, сдал меч, был отстранен от командования и получил приказ исчезнуть до тех пор, пока страсти не улягутся.

А на это требовалось время, и немалое. Гавейн, вне себя скорее от оскорбленной гордости, нежели от горя, клялся всеми языческими богами севера отомстить как Ламораку, так и брату,

и пропускал мимо ушей все, что мог сказать ему Артур,— как увещевания, так и угрозы.

Выяснилось, что Ламорак искал руки Моргаузы, а согласие дамы давало жениху доступ на ее ложе, а вместе с ним — право самому отомстить за убийство. От этого права Ламорак, один из первых и самых преданных Артуровых Сотоварищей, отказался, поклявшись не причинять зла Гахерису. Но Гавейн так и не смягчился: гнев его был по большей части подсказан самой обычной ревностью на сексуальной почве.

Столь же яростно Гавейн обрушился и на Гахериса, но здесь поддержки в братьях не встретил. Агравейн, неизменный лидер неразлучной парочки, без Гахериса словно не находил себе места. Теперь он потянулся к Мордреду, а тот, в силу собственных причин, охотно терпел его общество. Гарет ушел в себя и вслух говорил мало. В смерти, как и в жизни, мать причинила ему глубокую обиду: как ни горька оказалась правда о ее страшной гибели для младшего сына, но правда о ее порочности, ныне ставшая достоянием всех и каждого, ранила куда больнее.

Но призывам к мести пришлось умолкнуть. Ламорак уехал, куда — никто не знал. Гахерис затерялся в туманах севера. Моргаузу похоронили на монастырском кладбище, а Артур и его рыцари возвратились в Камелот. Постепенно, из-за недостатка масла, огонь, вспыхнувший было в результате убийства, угас сам по себе. Артур, искренне привязанный к племянникам и втайне вздохнувший с облегчением при известии о смерти Моргаузы, со всей доступной осторожностью лавировал между мелями. Он старался по возможности занять принцев; предоставлял Гавейну столько власти, сколько мог позволить, и устало предчувствовал, что буря разразится снова. За Гахериса король не особо переживал, но Ламорак, повинный разве что в недомыслии, был обречен. Рано или поздно дорогой Артуру Сотоварищ столкнется с одним из оркнейских принцев и погибнет — в честном ли бою или от предательского удара. И на том дело не кончится. У Ламорака тоже был брат, ныне сражавшийся в Думнонии под знаменами некоего Друстана: этого рыцаря Артур надеялся привлечь к себе на службу. Вероятно, что этот воин, или даже сам Друстан — близкий друг обоих братьев,— в свою очередь принесет клятву и потребует мести.

Так что Моргауза в смерти сделала то, что замышляла сотворить при жизни. Благодаря ей цвет Артурова рыцарства теперь

разъедала язва: и, по иронии судьбы, виной тому был не бастард, которого она воспитала Артуру на погибель, но трое законных старших отпрысков, ее буйные, непредсказуемые, не знающие никакой управы сыновья.

От всего этого Мордред держался в стороне. Он выказал находчивость и хладнокровие, предотвратил новое кровопролитие в ту роковую ночь и выиграл время для доброго совета. Его ли вина, если внять доброму совету оркнейские принцы не пожелали, а кое-кто утверждал, что и не могли? Примечательно, что при дворе его все реже и реже причисляли к «оркнейскому выводку». Неуловимо, мало-помалу, юноша все больше отдалялся от сводных братьев. Теперь, когда Моргаузы не стало, люди уже не утруждали себя выдумкой о «племяннике верховного короля». Он был просто «принц Мордред» — и, как известно, в большой милости у короля и королевы, любим и обласкан обоими.

Вскорости после возвращения в Камелот король созвал совет в Круглом зале.

Двое младших оркнейцев как Сотоварищи впервые удостоились чести присутствовать на таком совете. Но даже Мордреда, что вместе с Гавейном получил это право несколько лет назад, ждала перемена: вместо того чтобы занять место слева от короля (юноша пользовался этой привилегией уже два года), он был проведен королевским распорядителем к креслу по правую руку от Артура, туда, где обычно сидел Бедуир. Бедуир занял место слева. Если он и чувствовал себя обойденным, то ничем этого не выказал: рыцарь улыбнулся Мордреду, кажется, вполне искренне и церемонным наклоном головы признал новое положение юноши.

Бедуир, друг короля с детских лет и неизменный его сотоварищ в прямом смысле этого слова, человек тихий и сдержанный, с глазами поэта, после Артура считался самым грозным мечником объединенных королевств. Он сражался плечом к плечу с Артуром во всех великих войнах, с ним вместе отбросил саксонскую угрозу от британских границ и стяжал немалую славу. Пожалуй, только он один из числа знатных рыцарей не выказывал недовольства по поводу затянувшегося мира, и когда Артуру с воинством приходилось выезжать за пределы королевства по просьбе союзников или родни, Бедуир никогда не сетовал на необходимость остаться в качестве королевского регента. Слухи, как отлично знал Мордред, находили тому объяснение: Бедуир

не был женат и проводил немало времени как с королем, так и с королевой, так что шептались, будто он и королева Гвиневера состоят в порочной связи. Но Мордред тоже находился при них неотлучно — и ни разу не подметил ни жеста, ни взгляда, подтверждающих подобные подозрения. Гвиневера держалась с ним так же весело и приветливо, как и с Бедуиром, и Мордред (возможно, не без искры врожденной ревности, усвоенной от Моргаузы) стал бы опровергать, если надо — с мечом в руке, любой откровенный намек на такого рода отношения.

Так что Мордред, в свою очередь, улыбнулся Бедуиру и уселся на новое, почетное место. Он подметил, как Гавейн наклонился к самому уху брата, шепнул что-то, и Агравейн кивнул, но тут король объявил совет открытым и все замолчали. Монотонное обсуждение тянулось своим чередом. Мордред, забавляясь, наблюдал за тем, как Агравейн и Гарет сперва пыжились от важности и прислушивались к каждому слову, но вскорости соскучились и нетерпеливо заерзали как на иголках. Гавейн, по примеру седобородого соседа, откровенно дремал, пригревшись в солнечном свете. Король, как всегда, терпеливый, радеющий о каждой мелочи, похоже, лишь усилием воли отгонял тягостные мысли. На круглом столе в центре залы горой громоздились бумаги и вощеные дощечки для письма; писцы, пристроившись тут же, трудились не покладая рук.

По обычаю, на советах Круглого зала сперва разбирались с делами рутинными. Выслушивались прошения, записывались жалобы, выносились решения по тяжбам. Гонцы короля сообщали вести, подлежащие разглашению, а затем странствующие рыцари короля — те, что возвратились домой,— отчитывались перед советом о своих приключениях.

Эти разъезжающие по свету рыцари служили Артуру глазами и действовали от его имени. Много лет назад, едва закончились саксонские войны и улеглась пыль, Артур задумался о способе занять тех, кого Мерлин называл «праздные мечи и дух несытый». Король знал: длительный мир и благоденствие, устраивающие большинство людей, кое-кому из его рыцарей не по вкусу, причем не только юношам, но и закаленным в боях воинам, которые не представляют для себя иной жизни, кроме битвы. Отборный отряд рыцарей-Сотоварищей под предводительством Артура возглавлял конницу, которая использовалась как стремительное, смертоносное оружие в саксонских войнах, но теперь необходимость

в нем отпала. Сотоварищи остались близкими друзьями короля, но боевыми командирами быть перестали. Теперь их назначали Артуровыми представителями; снабженные королевскими грамотами, каждый — во главе своего отряда, эти рыцари разъезжали по свету, откликаясь на призыв мелких правителей и вождей, нуждавшихся в помощи либо совете, и от имени верховного короля несли правосудие и мир во все концы страны. Охраняли они и дороги. В глуши все еще скрывались разбойники: лиходеи рыскали у бродов и на распутьях, подстерегая торговцев и богатых путешественников. Этих рыцари выслеживали и истребляли либо приводили на королевский суд. И еще одна, самая важная задача легла на их плечи — защита монастырей. Артур, хотя и не будучи христианином, признавал растущую значимость этих общин — оплотов культуры и поборников мира. Более того, монастырское гостеприимство стало залогом мирной торговли на дорогах.

Сегодня явилось трое таких рыцарей. Едва первый из них шагнул вперед, в зале возникло оживление и даже спящие проснулись и навострили уши. Иногда странствующие рыцари привозили вести о сражениях; порою приводили пленников или рассказывали о странных происшествиях в краях отдаленных и диких. Среди простецов даже возникло поверье: Артур, дескать, никогда не садится за вечернюю трапезу, не выслушав очередной повести о чудесах и небывальщине.

Но на сей раз чудес не предвиделось. Первый рыцарь приехал из Северного Уэльса, второй — из Нортумбрии, третий, из числа отряженных охранять саксонскую границу,— с верховьев Темзы. Этот сообщил о некотором оживлении, хотя и мирном, в Сатридже, области к югу от Темзы, занятой переселенцами из срединных саксов; к ним вроде бы нагрянуло что-то вроде посольства от западных саксов Кердика. Рыцарь из Северного Уэльса рассказал о новой монастырской общине, где на ближайший церковный праздник будет выставлен Грааль, или христианская обрядовая чаша. Гостю из Нортумбрии сказать было нечего.

Мордред, наблюдая за происходящим со своего места рядом с королем, не без интереса подметил, что Агравейн, с явным нетерпением дожидавшийся, пока выговорятся первые два рыцаря, замер и внимательно прислушался к последнему. Когда же тот умолк и был отпущен, удостоившись королевской благодарности, Агравейн заметно расслабился и снова принялся зевать.

«Нортумбрия?» — подумал Мордред, но тут же отогнал эту мысль и обернулся к королю.

Наконец-то в зале не осталось никого, кроме советников и Сотоварищей. Артур откинулся на спинку королевского кресла и заговорил.

И сразу начал с новостей, ради которых и созвал совет.

Накануне вечером с материка прибыл гонец с вестями великой важности. Двое из трех малолетних сыновей Хлодомера, франкского короля, убиты, а брат их укрылся в монастыре, откуда, как полагают, он не посмеет и носа высунуть. Убийцы, дядья мальчиков, несомненно, поделят владения короля Хлодомера промеж себя.

Новости не сулили ничего доброго. Хлодомер (погибший год назад в битве с бургундами) был одним из четырех сыновей Хлодвига, короля салических франков, что увел свой народ из северных краев в благодатные земли бывшей Римской Галлии и похозяйски обосновался там. Свирепый и безжалостный, как и все Меровинги, Хлодвиг тем не менее создал сильное, прочное государство. По его смерти королевство, по обычаю, поделили промеж себя четверо его сыновей. Хлодомер и Хильдеберт, старшие из законных отпрысков, получили центральную часть Галлии: Хлодомер — восточные земли, пограничные с владениями враждебных бургундов, а Хильдеберт — западную часть Галлии, что граничила и отчасти включала в себя полуостров Бретань.

Вот здесь-то и заключалась загвоздка.

Бретань, она же — Малая Британия на языке простонародья, числилась, по сути дела, провинцией Верховного королевства. Около века назад полуостров заселили выходцы из Великой Британии, и с годами связь не ослабла: в общении трудностей не возникало, торговля шла ходко, а язык, с небольшими местными вариациями, оставался тем же самым. Правитель Бретани, Хоэль, приходился Артуру кузеном; этих двух королей связывали друг с другом не только кровные узы и союзные договоры, но и то, что Бретань по-прежнему оставалась частью объединенной общности под названием Верховное королевство в той же мере, как Корнуолл или та же Летняя страна вокруг Камелота.

— Положение отнюдь не отчаянное,— говорил король.— Напротив, возможно, дело обернется и к лучшему, ибо дети на троне — всегда источник бедствий. Но вы сами видите, что происходит. В прошлом году бургунды убили Хлодомера в Везеронсе.

И настроены они по-прежнему враждебно: только и ждут возможности напасть снова. Так что перед нами — основное королевство франков, с бургундами на востоке, а на западе — земли короля Хильдеберта, включая нашу собственную кельтскую провинцию Бретань. А теперь владения Хлодомера поделят заново и Хильдеберт продвинется еще дальше на восток, а братья его подступят с севера и юга. А это значит, что, пока мы в дружбе с этими королями, они все равно что барьер между нами и германскими племенами на востоке.

Артур помолчал, обвел глазами зал:

— Повторяю: пока мы в дружбе. Я сказал, что положение отнюдь не отчаянное. Но со временем может и ухудшиться. И нам должно подготовиться. Но не собирая воинства, как мечтает кое-кто из вас. Это еще успеется. Нужно создавать союзы и отковывать узы дружбы, скрепленные предложениями помощи и честной торговли. Если мы хотим обезопасить земли Британии от разрушителей с востока, все королевства в пределах наших огражденных морем берегов должны объединиться во имя их защиты. Повторяю: все.

— Саксы! — выкрикнул кто-то. А именно — Киан, молодой кельт из Гвинедда.

— Саксы, или англы,— отозвался Артур,— по соглашению они владеют изрядными земельными наделами на восточном и юго-восточном побережье: тут и бывший Саксонский берег, и прочие поселения, пожалованные им Амброзием и мною самим после битвы при горе Бадон. Эти земли Саксонского берега — точно стена вдоль Узкого моря. Они могут стать нашим защитным бастионом, а могут и предать.— Король помедлил. Призывать ко вниманию не приходилось: все глаза были устремлены на него.— И вот что я сообщаю совету. Я намерен повидаться с самым могущественным из их вождей, с Кердиком, королем западных саксов, дабы обговорить с ним оборону. На следующем совете я смогу поведать вам об исходе встречи.

Артур сел, и распорядители повскакивали на ноги, предотвращая сумятицу и пытаясь установить очередность среди тех, кто требовал слова. Под прикрытием шума и гвалта Артур улыбнулся Бедуиру.

— Твоя правда. Осиное гнездо, иначе и не скажешь. Но пусть выговорятся, пусть выложат все, что на уме, так что, когда я поеду, это произойдет с их согласия, хотя бы номинально.

Король был прав. К ужину высказались все, кто хотел. А на следующий день в деревню, которую король западных саксов величал столицей, отправили гонца, и встреча была назначена.

Мордреду предстояло сопровождать короля. В ожидании ответа от Кердика он успел съездить в Яблоневый сад и повидаться с Нимуэ.

Глава 6

С тех самых пор, как Нимуэ гостила у короля Урбгена Регедского и помешала Мордреду бежать, он ни разу не виделся с чародейкой. Она была замужем за Пелеасом, королем островов к западу от Летней страны, где река Бру впадает в Северн. Сама Нимуэ, урожденная принцесса Речных островов, знала мужа с детства. Их замок стоял почти в пределах видимости от Тора, и пока Пелеас, один из Артуровых Сотоварищей, находился при короле, Нимуэ заступала на место владычицы Озерных дев в монастыре на Инис-Витрине или одна уезжала в Яблоневый сад, тот домик, что Мерлин построил неподалеку от Камелота и завещал ей, равно как и собственный титул, и — судя по слухам — немало всего прочего. По преданию, во время затяжного недуга, что ослабил старого колдуна и привел к мнимой смерти, Мерлин передал все свои познания ученице Нимуэ, запечатлев в ее разуме даже детские свои воспоминания.

Мордред слышал эти россказни, и, хотя вместе с возмужанием и чувством уверенности пришел известный скептицизм, молодой человек отчетливо помнил, сколь сильное впечатление произвело на него в Лугуваллиуме могущество чародейки, так что подъезжал он к Яблоневому саду с чувством, весьма похожим на робость.

Квадратный дом, сложенный из серого камня, примыкал к внутреннему дворику. В одном углу торчала старая башня. Дом стоял в распадке среди холмистых пастбищных нагорий, в окружении садов. Вниз по склону, под стеной, струился ручей.

Мордред свернул с наезженной дороги на тропинку, что вела вдоль ручья вверх по холму. Он уже проделал половину пути, как вдруг впереди показался всадник на серой кобыле. К вящему своему удивлению, юноша узнал короля.

Артур натянул поводья.

— Ты искал меня?

— Нет, сир. Я и не подозревал, что вы здесь.

— А, так значит, Нимуэ за тобой послала? Она сказала мне, что ты приедешь, но не объяснила когда и зачем.

Мордред изумленно воззрился на собеседника.

— Нимуэ сказала, что я приеду? Как так? Я ведь и сам о том не знал. Я... мне захотелось спросить у нее кое-что, вот я и поскакал сюда, можно сказать, поддавшись порыву.

— А,— отозвался Артур и оглядел Мордреда не без иронии.

— Чему вы улыбаетесь, сир?

Про себя Мордред с благодарностью подумал: «Отец и не догадывается, что у меня на уме. Ведь наверняка не догадывается! Но Нимуэ...»

— Если ты еще не встречался с Нимуэ, то перепоясай чресла и вооружись щитом,— рассмеялся Артур.— Никакой тайны здесь нет; во всяком случае, доступной простым смертным вроде тебя и меня. Нимуэ в любом случае узнала бы, что ты приедешь, потому что она знает все. Очень просто. Ей даже известно зачем.

— Тогда и слов тратить не нужно,— сухо заметил Мордред.

— Я раньше так и говорил Мерлину.— Лицо короля омрачилось, но тут же просветлело. Артур снова развеселился.— Ну, удачи тебе, Мордред. Пора тебе познакомиться с повелительницей твоего повелителя.

И он со смехом поскакал вниз по холму к дороге.

Мордред оставил коня у арки и вошел во двор. Вокруг пестрели цветы, пахло целебными травами и лавандой, на стене ворковали голуби. Старик, судя по платью — садовник, набирал из колодца воду. Он поднял взгляд, поднес руку ко лбу и указал на дверь в башне.

«Ну что ж,— подумал Мордред,— она ведь ждет меня, верно?»

Он поднялся по каменным ступеням и распахнул дверь.

В маленькой квадратной комнате обнаружилось одно-единственное огромное окно, глядящее на юг, под ним — стол. Помимо него, из мебели были только шкаф, массивное кресло да пара табуреток. На столе красовался ларец, в нем — аккуратно свернутые свитки. У стола, спиной к окну и лицом к двери, стояла женщина.

Она не приветствовала гостя ни словом, ни жестом. Встретил его — неодолимо, точно порыв холодного ветра,— враждебный и леденящий взгляд.

Молодой человек застыл в дверях. Ощущение ужаса, бесформенное и тяжкое, навалилось на него, словно стервятники рока вцепились ему в плечи, когтями впиваясь в плоть.

Затем туман рассеялся. Мордред выпрямился. Тяжесть отпустила. Комнату заливал солнечный свет, а напротив него стояла высокая, прямая как стрела женщина в сером платье, с холодными серыми глазами; темные волосы забраны назад и перевиты серебром.

— Принц Мордред.

Юноша поклонился.

— Госпожа.

— Прости, что принимаю тебя здесь. Я работала. Король частенько сюда заглядывает и принимает все как есть. Ты присядешь?

Мордред пододвинул табуретку и сел. Оглянулся на беспорядок на столе. Нимуэ вовсе не снадобье варила над жаровней, как он склонен был предположить. «Работа» скорее сводилась к кипе бумаг и дощечек для письма. В оконном проеме стоял незнакомый ему инструмент, одним концом направленный в небо.

Нимуэ уселась и выжидательно обернулась к Мордреду.

Гость перешел сразу к делу:

— Прежде мы не встречались, госпожа, но я вас уже видел.

Минуту Нимуэ глядела на него, затем кивнула.

— Замок в Лугуваллиуме? Я знала, что ты рядом. Ты прятался во дворе?

— Да.— И хмуро добавил: — Вы стоили мне свободы. Я пытался сбежать.

— Верно. Ты испугался. Но теперь-то ты знаешь, что причин для страха не было.

Мордред нерешительно помедлил. Голос собеседницы по-прежнему звучал холодно, во взгляде читалась неприязнь.

— Тогда зачем вы меня остановили? Вы надеялись, что король предаст меня смерти?

Брови ее взлетели.

— Почему ты спрашиваешь?

— Из-за пророчества.

— Кто рассказал тебе? Ах да, Моргауза. Нет, я велела Урбгену не спускать с тебя глаз и позаботиться о том, чтобы ты благополучно добрался до Камелота, потому что всегда лучше, если

угроза остается в пределах видимости; упустишь — и гадай потом, откуда последует удар.

— Стало быть, вы согласны, что я представляю угрозу. Вы верите в пророчество.

— Приходится.

— Значит, вы тоже это видели? В кристалле, либо в заводи, либо...— Мордред оглянулся на инструмент у окна,— прочли по звездам?

Впервые в лице ее отразилось нечто иное, нежели враждебность. Нимуэ глядела на гостя с любопытством и отчасти озадаченно.

— Мерлин видел, Мерлин изрек пророчество, а я есмь Мерлин,— медленно проговорила она.

— Тогда объясните: почему, если Мерлин верил в свои пророческие голоса, он позволил королю сохранить мне жизнь? Я знаю, зачем так поступила Моргауза: она спасла меня, полагая, что я стану погибелью Артура. Она сама мне так сказала, а когда я вырос, попыталась настроить против короля. Но почему Мерлин вообще допустил, чтобы я родился на свет?

Нимуэ надолго замолчала. Серые глаза напряженно изучали гостя, словно пытаясь вытянуть все секреты из потаенных уголков его сознания. Наконец она заговорила:

— Потому что Мерлин не хотел, чтобы Артур запятнал себя неправедным убийством, какова бы ни была причина. Потому что он был достаточно мудр, чтобы понимать: мы не можем заставить богов отклониться в сторону, но должны идти, как сможем, по дорогам, что они для нас проложили. Потому что он знал: из мнимого зла порою возникает великое добро, а деяния во благо зачастую несут гибель и смерть. Потому что он видел, что в миг Артуровой смерти слава его достигнет своего апогея и пойдет на убыль, но через смерть эту останется жить, став светом, и трубным гласом, и дыханием жизни для тех, кто еще не родился.

Нимуэ договорила: казалось, что слабое эхо ее голоса, точно перезвон струны, все вьется и вьется в воздухе и, вибрируя, умолкает.

Наконец Мордред заговорил снова:

— Вы наверняка знаете, что по своей охоте я не причиню королю зла. Я многим ему обязан, я не видел от него ничего, кроме добра. Артур знал о пророчестве с самого начала и, веря каж-

дому слову, все-таки призвал меня ко двору и принял как сына. Как же вы можете думать, что я по доброй воле стану ему вредить?

— Не обязательно по доброй воле,— отозвалась Нимуэ более мягко.

— Вы пытаетесь меня уверить, что я бессилен предотвратить предсказанное?

— Чему быть, того не миновать,— молвила она.

— И вы не властны мне помочь?

— Уклониться от судьбы, начертанной в звездах? Нет.

Мордред порывисто вскочил на ноги. Нимуэ не двинулась с места, даже когда гость шагнул вперед и встал, глядя на нее сверху вниз и словно собираясь ударить.

— Нелепость какая-то! Звезды, тоже мне! По-вашему выходит, что люди — те же овцы, нет, хуже овец,— слепая судьба заставляет их исполнять волю какого-то там злокозненного божества! А как насчет *моей* воли? Неужто я, чего бы уж там ни хотел и ни делал, обречен погубить и уничтожить человека, которого чту, короля, которому служу? Неужто я обречен согрешить, нет, стать худшим из грешников, отцеубийцей? Что же это за боги?

Нимуэ не ответила.

Запрокинув голову, она неотрывно глядела на гостя.

— Хорошо же,— яростно выпалил он.— Вы сказали, и Мерлин сказал, и еще королева Моргауза, а она тоже ведьма, вроде вас...

В глазах Нимуэ вспыхнуло что-то похожее на досаду, и Мордред испытал свирепое удовлетворение от того, что задел-таки собеседницу за живое.

— Все вы сказали, что через меня короля настигнет рок. Вы уверяете, я бессилен предотвратить это. Да ну? Что, если я возьму кинжал — вот так — и убью себя, здесь и сейчас? Разве удар мой не зачеркнет судьбу, что, по-вашему, начертана в небесах?

Даже когда блеснула сталь, Нимуэ не дрогнула, однако теперь наконец-то сдвинулась с места. Она поднялась с табуретки, отошла к окну. Встала там, спиной к гостю, выглянула наружу. Под открытым окном росла груша, в ветвях пел черный дрозд.

Не оборачиваясь, Нимуэ заговорила:

— Принц Мордред, я не сказала, что Артур погибнет от твоей руки или даже через твои поступки. В силу твоего бытия, вот

и все. Так что убей себя здесь и сейчас, если угодно, но возможно, что благодаря твоей смерти рок настигнет его куда раньше.

— Но тогда...— в отчаянии начал он.

Нимуэ наконец-то обернулась:

— А теперь послушай меня. Если бы Артур убил тебя в младенчестве, вполне могло бы случиться, что подданные, возмущенные подобной жестокостью, восстали бы против короля и в этой смуте Артур нашел бы свою смерть. Если ты убьешь себя сейчас, может статься, твои братья обвинят Артура и станут искать его гибели. Или даже сам Артур, услышав недобрую весть, сломя голову поскачет сюда, в Яблоневый сад, упадет с коня и расшибется насмерть или останется беспомощным калекой, наблюдающим, как королевство рушится на его глазах.— Чародейка воздела руки.— Теперь ты понял? У судьбы не одна стрела. Боги выжидают за непроглядной завесой.

— Значит, они жестоки!

— Ты в этом уже убедился, разве нет?

Мордред вспомнил тошнотворный запах сгоревшей хижины, отполированную морем кость в руке, тоскливый чаячий крик на взморье.

Он встретил взгляд серых глаз и прочел в них сострадание.

— Что же человеку делать? — тихо проговорил он.

— Всем нам остается одно,— ответила Нимуэ.— Жить тем, что приносит жизнь. Умереть так, как назначит смерть.

— То мрачный совет!

— Да? — отозвалась чародейка.— О том тебе неведомо.

— Не понимаю.

— Так пойми: тебе неведомо, что сулит жизнь. А я могу сказать тебе лишь одно: сколько бы лет жизни вам с отцом ни отпущено, годы эти увидят, как сбываются честолюбивые замыслы, и принесут исполнение желаний и заслуженную славу как ему, так и тебе.

Мордред надолго умолк. На столь многое он не уповал и не рассчитывал; не ждал, что Нимуэ даст ему не только обоснованную надежду, но и обещание достойно прожитой жизни.

— Значит, мне нет смысла уезжать от двора и жить вдали от короля? — спросил он.

— Нет.

Мордред впервые улыбнулся.

— Потому что мне должно оставаться в пределах видимости? Потому что стрела при свете дня лучше, чем клинок во тьме?

В ее ответе тоже ощущалась тень улыбки.

— Ты такой же, как он,— только и сказала чародейка, но тягостное напряжение отчасти схлынуло. Суровая дама, ничего не скажешь. Красива, да, но Мордред скорее коснулся бы рассерженного сокола.

— Вы больше ничего не можете мне сказать? Совсем ничего?

— Я больше ничего и не знаю.

— А Мерлин знает? И захочет ли открыть мне?

— Что знает Мерлин, то знаю и я,— повторила Нимуэ.— Говорю тебе, я есмь Мерлин.

— Об этом вы уже поминали. Вы говорите загадками, желая дать мне понять, что сила его иссякла или что мне просто нельзя к нему? — И с вновь подступившей досадой воскликнул: — Всю жизнь я внимал слухам о магических смертях и исчезновениях, и все они обернулись ложью. Прошу, скажите мне прямо: если я поеду в Брин-Мирддин, найду ли я его?

— Да, если он сам того захочет.

— Значит, он все еще там?

— Он там, где был всегда, в ореоле света, в круговерти блуждающих огней.

Пока они разговаривали, солнце сместилось и луч из окна пал на лицо хозяйки. Мордред подметил легкие морщинки на гладком челе, тень усталости под глазами, прозрачные капельки испарины.

— Простите, если утомил вас,— отрывисто проговорил он.

Нимуэ возражать не стала.

— Я рада, что ты пришел,— только и сказала она, провожая гостя до двери.

— Спасибо за ваше долготерпение,— отозвался Мордред и набрал в грудь побольше воздуха, дабы распрощаться должным образом.

Но тут со двора донесся возмущенный вопль. Гость вздрогнул, резко обернулся, глянул вниз. Нимуэ проворно шагнула к нему.

— Ты лучше спускайся, да побыстрее! Твой конь отвязался и, сдается мне, изрядно пообгрыз рассаду.— Лицо ее, живое и юное, осветилось лукавством — ни дать ни взять ребенок, проказничающий в храме.— Если Варрон пристукнет тебя лопатой, а

все к тому идет, то-то поглядим, как станут выкручиваться боги судеб!

Мордред поцеловал хозяйке руку и сбежал вниз, выручать коня. Нимуэ глядела вслед отъезжающему всаднику — и во взгляде ее снова читалась печаль, но не враждебность.

Глава 7

Мордред отчасти опасался, что король станет допытываться о поездке к Нимуэ, но Артур ни о чем не спросил. Он послал за сыном на следующий день и заговорил о предполагаемом визите к саксонскому королю Кердику.

— Я бы оставил тебя управлять страной в мое отсутствие, и опыт пошел бы тебе на пользу, однако для тебя полезнее будет познакомиться с Кердиком и побывать на переговорах, так что, как всегда, я оставляю Бедуира. В качестве регента, я бы даже сказал, раз формально я покидаю пределы собственного королевства и еду в чужие земли. А ты когда-нибудь видел живого сакса, Мордред?

— Никогда. А правда, что все они — великаны и пьют кровь новорожденных младенцев?

Король рассмеялся:

— Сам увидишь. По большей части они и впрямь высокие и рослые, и обычаи у них чудные. Но те, кто их знает и умеет изъясняться на их языке, уверяли меня, что их поэты и мастера достойны всяческого уважения. Воины — так уж точно. Тебе будет небезынтересно.

— А сколько человек вы с собою возьмете?

— Учитывая перемирие, только сотню. Королевская свита, не более того.

— И вы полагаетесь на то, что сакс станет соблюдать перемирие?

— Кердик — станет, хотя в отношении большинства саксов доверие подкрепляется лишь силой, да и память о Бадоне еще свежа. Но не повторяй этих слов,— отозвался Артур.

В избранную сотню вошел также и Агравейн, но не Гавейн с Гаретом. Эти двое вместе отбыли на север вскорости после совета. Гавейн собирался съездить в Дунпелдир, а оттуда, может быть, и на Оркнеи, и Артур не находил благовидного предлога ему воспрепятствовать, хотя и подозревал, что на самом деле

племянник задумал нечто совсем иное. Надеясь, что Ламорак уехал на запад и присоединился к брату под знаменами Друстана, король удовольствовался тем, что послал в Думнонию гонца с предостережением.

Ясным, ветреным июньским днем король с сотней приближенных выехал в путь. Дорога уводила за высокие известковые холмы. Крохотные синие мотыльки и пятнистые фритиллярии стайками порхали над цветочным лугом. Пели жаворонки. Солнце проложило широкие золотые просеки через поля созревающих колосьев, а поселяне, белые от повисшей в воздухе меловой пыли, отрывались от работы и встречали проезжающих улыбками. Всадники ехали не спеша, переговариваясь и смеясь, настроение в отряде царило приподнятое. За исключением, пожалуй, Агравейна. Он пристроился рядом с Мордредом: тот скакал чуть поодаль от других, позади короля, увлеченного беседой с Кеем и Борсом.

— Мы впервые выезжаем с королем, и на что же это похоже! Сущее гульбище! — презрительно фыркнул он.— Сколько было разговоров о войне и королевствах, переходящих из рук в руки, и о новом сборе армий на защиту наших берегов, а чем все закончилось! Король стареет, вот что я вам скажу. Надо сперва сбросить этих саксов в море, а потом будет время порассуждать... Но нет! Отряд во главе с военным вождем — и скачет с мирной миссией! К саксам. Союз с саксами? Тьфу! — Агравейн сплюнул.— Лучше бы меня отпустили с Гавейном.

— А ты просился?

— А то!

— Гавейн тоже не на войну собрался,— невозмутимо откликнулся Мордред, глядя прямо перед собой, промеж ушей коня.— В Дунпелдире никаких смут не предвидится, лишь дипломатические переговоры с Тидвалем, а благодаря Гарету все пройдет тихо-мирно.

— Не разыгрывай святую невинность! — сердито отпарировал Агравейн.— Ты-то знаешь, зачем уехал Гавейн!

— У меня есть свои мысли на этот счет. Да тут любой догадается. Но если Гавейн и впрямь отыщет Ламорака или хотя бы узнает что-то новое, будем надеяться, что Гарет убедит брата выказать хоть малую толику здравомыслия. А зачем, как ты думаешь, Гарет напросился к нему в спутники? — Мордред оглянулся на спутника.— А ежели Гавейн столкнется с Гахерисом, тебе

стоит уповать на то же самое. Ты ведь наверняка знаешь, где сейчас Гахерис? Ну что ж, если Гавейн настигнет кого-то из этих двоих, лучше бы тебе ничего о том не знать. Да и я ничего знать не желаю.

— Ты? Ты ведь настолько близок к королю; удивляюсь, что ты не предостерег его!

— Нужды не было. Ему наверняка не хуже тебя известно, на что рассчитывает Гавейн. Но Артур не может навечно посадить его под замок. А на то, что не в силах предотвратить, король не станет тратить время. Он может только надеяться, хотя, возможно, напрасно, что здравый смысл одержит верх.

— А если Гавейн и впрямь столкнется с Ламораком, что вполне вероятно, даже по чистой случайности, что, по-твоему, произойдет?

— Ламораку придется защищаться. И это ему вполне по силам.— И добавил: — «Жить тем, что приносит жизнь. Умереть так, как назначит смерть».

Гавейн изумленно воззрился на собеседника.

— Чего? Что ты такое несешь?

— Да так, слышал кое-что на днях. Так как насчет Гахериса? Ты не боишься, что Гавейн и с ним тоже может столкнуться?

— Гавейн его не найдет,— уверенно сообщил Агравейн.

— О, так ты все-таки знаешь, где Гахерис?

— А ты как думал? Понятное дело, он послал мне весточку! А король об этом и не подозревает, уж будь уверен! Не такой уж он всеведущий, как тебе кажется, братец.— Агравейн искоса глянул на Мордреда и хитро зашептал: — Король много чего в упор не видит!

Мордред не ответил, но Агравейн в поощрениях и не нуждался.

— Иначе он вряд ли бы уехал на развеселую прогулку вроде этой, оставив Бедуира в Камелоте.

— Нужно же было кому-то остаться.

— С королевой?

Мордред снова оглянулся на спутника. Тон его и взгляд сказали все то, что не сумели выразить слова. В голосе звучали презрение и ярость.

— Я не глуп и не глух. Я слышу все то, о чем болтают грязные языки. Но свой изволь хранить в чистоте, братец.

— Ты мне угрожаешь?

— Зачем? Стоит королю один раз услышать...

— Если они и впрямь любовники, услышать ему следует.

— Но это неправда! Бедуир близок к королю и королеве, да, но...

— Говорят, муж всегда узнает последним.

Мордред сам изумился силе нахлынувшего бешенства. Он заговорил было, но тут же, оглянувшись на короля и всадников по обе стороны от него, ответил лишь одно, тихим, сдавленным голосом:

— Оставь. В любом месте речи эти глупые, а здесь тебя могут услышать. И в моем присутствии попридержи язык. Я в это дело вмешиваться не желаю.

— Когда оспаривали добродетель твоей родной матери, ты прислушивался весьма охотно!

— Оспаривали! — раздраженно повторил Мордред.— Бог ты мой, я там был! Я видел их на ложе!

— И тебе было настолько все равно, что ты дал любовнику уйти!

— Перестань, Агравейн! Если бы Гахерис зарубил Ламорака прямо там, на месте, в то время как король все еще вел переговоры с Друстаном, убеждая его покинуть Думнонию и присоединиться к Сотоварищам...

— Ты подумал об этом! В ту самую минуту? Пока она... они... на твоих глазах?

— Да.

Глаза Агравейна полезли на лоб. Кровь прихлынула к щекам, а затем побагровел и лоб. Презрительно фыркнув в бессильной ярости, он рванул на себя поводья так резко, что на трензеле выступила кровь. Мордред, избавившись от его общества, поскакал дальше один, но вот Артур обернулся, приметил его и поманил к себе.

— Глянь! Вон граница. И нас уже ждут. Тот, что в центре,— светловолосый муж в синем плаще,— это сам Кердик.

Кердик был высок и крепок, кудри и борода отливали серебром, а глаза сияли голубизной. Синий плащ с капюшоном, наброшенный поверх длинного серого одеяния, довершал наряд. Вождь саксов явился безоружным, если не считать кинжала, но стоявший позади оруженосец держал в руках тяжелый саксонский меч в кожаных ножнах, окованных чеканным золотом. На длин-

ных, тщательно расчесанных волосах красовалась высокая корона, тоже золотая, прихотливо изукрашенная, а в левой руке вождь сжимал жезл — символ королевской власти, судя по золоченому набалдашнику и резной рукояти. Рядом ждал старик толмач, который, как выяснилось, был сыном и правнуком союзников и всю свою жизнь провел в пределах Саксонского берега.

Позади Кердика выстроились его таны, или лорды-воители, одетые так же, как и их король, только на Кердике была корона, а на них — высокие шапки из ярко окрашенной кожи. На заднем плане конюхи держали наготове лошадей: эти невысокие скотинки рядом с великолепных кровей скакунами Артура казались не больше пони.

Артур и его отряд спешились. Короли приветствовали друг друга — двое статных мужей, богато разодетые, в искрящейся россыпи драгоценных каменьев, темнокудрый и светлокудрый,— настороженно оглядели друг друга, памятуя о негласном перемирии, словно гигантские псы на надежной привязи. Затем, словно промеж них внезапно вспыхнула искра приязни, оба улыбнулись и одновременно протянули руки. Заключили друг друга в объятия и расцеловались.

Это послужило сигналом. Ряды высоких светловолосых воинов смешались, саксы устремились вперед с приветственными криками. Подбежали конюхи, ведя в поводу лошадей, и отряд снова сел в седла. Король поманил Мордреда вперед; Кердик церемонно поцеловал его в щеку, и юноша поскакал между саксонским королем и рыжим таном, который, как оказалось впоследствии, приходился кузеном королеве Кердика.

До столицы саксов было не так уж и далеко, около часа езды, и путь проделали не торопясь. Два короля, пустив коней неспешным аллюром, ехали бок о бок, беседуя на ходу, а толмач изо всех сил вытягивал шею, стараясь не пропустить ни слова и переложить сказанное сколь можно точнее.

Мордред, скакавший по другую руку от Кердика, вскоре перестал прислушиваться: речи толмача тонули в гвалте и смехе всадников — это саксы и бритты пытались объясняться друг с другом. Мордред и его спутник при помощи жестов и дружелюбных ухмылок кое-как представились друг другу: рыжего тана звали Брюнинг. Кое-кто из саксов — по большей части мужи постарше, те, что прожили всю жизнь на союзных территориях Саксонского берега,— наречие гостей знали неплохо; молодежь с обе-

их сторон находила общий язык через смех и изъявления доброй воли. Агравейн, недовольно хмурясь, ехал поодаль в окружении молодых бриттов: эти тихо разговаривали промеж себя и на них внимания не обращали.

Оглядываясь по сторонам, Мордред усматривал вокруг немало любопытного; очень скоро, через каких-нибудь несколько миль, ландшафт начал меняться, обретая чужеземный, непривычный вид. За отсутствием толмача, он и Брюнинг довольствовались тем, что время от времени обменивались улыбками и порою указывали на какую-либо примечательную подробность. Поля здесь обрабатывали иначе; орудия местных поселян выглядели чудно, одни — примитивные, другие, напротив, замысловатые. Встреченные постройки разительно отличались от привычных Мордреду каменных сооружений; здесь камень почти не использовали, но хижины и коровники поселян являли собою великолепные образчики работы по дереву. Пасущийся скот и домашняя птица казались упитанными и ухоженными.

Стадо гусей, гогоча и хлопая крыльями, потянулось через дорогу; кони в первых рядах заметались, встали на дыбы. Гусятница, девочка со светлыми, точно лен, волосами, круглыми синими глазенками и прелестным разрумянившимся личиком, со всех ног бросилась за ними, размахивая хворостиной. Рассмеявшись, Артур кинул ей монетку. Девочка крикнула что-то в ответ, поймала подарок и побежала вдогонку за гусями. Саксы, похоже, перед королями благоговения не испытывали; в самом деле, кавалькада, которую Агравейн в сердцах обозвал гульбищем, теперь вполне оправдывала это название. Воины помоложе засвистели и загомонили вслед убегающей девочке, а та, подобрав длинные юбки, мчалась легко, как мальчишка, выставляя напоказ стройные обнаженные ножки. Брюнинг указал на нее рукою и обернулся к Мордреду.

— Hwaet! Faeger maegen!

Мордред, улыбнувшись, кивнул и вдруг с изумлением понял то, что медленно доходило до него вот уже несколько минут. Сквозь гомон и смех то и дело пробивались слова, а то и целые фразы, которые он, не переводя осознанно, тем не менее понимал. «Пригожая девица! Глянь-ка!» Отчасти мелодичные, отчасти гортанные звуки в сознании его сливались с образами детства; запах моря, пляшущие на волнах лодки, голоса рыбаков, красота остроносых кораблей, что иногда пересекали рыболовецкие угодья островитян; высокие светловолосые мореходы, что заходили в оркнейские гавани в шторм, ища убежища, а в ясные дни — по делам торговым. Вряд ли то были саксы, но, должно быть, у саксов и скандинавов есть немало общих слов и окончаний. Мордред заставил себя прислушаться и обнаружил, что понимание и впрямь возвращается — урывками, словно заученные в детстве стихи.

Но, будучи Мордредом, он ничего не сказал и виду не подал. Просто ехал себе и прислушивался.

Отряд перевалил через гребень поросшего травою холма — и внизу раскинулась столица саксов.

Первой мыслью Мордреда при виде столицы Кердика было: ну ни дать ни взять убогая деревня! А в следующее мгновение он от души позабавился: изрядное же расстояние прошел он, сын рыбака, с тех пор, когда еще более жалкая деревня на островах повергла его в немой восторг и восхищение.

Так называемая столица Кердика представляла собою огромное, беспорядочное скопище деревянных строений, обнесенное частоколом. Внутри частокола, в центре, высился королевский чертог, объемное прямоугольное сооружение, размером с сарай и целиком сделанное из дерева, с крутой крышей, плетеной кровлей и в середке — выходным отверстием для дыма. В обоих концах чертога было по двери, а в стенах, на равном расстоянии друг от друга, шли узкие высокие окна. Симметрично построенный, дом показался бы внушительным, пока в памяти не вставали золоченые башни Камелота и гигантские, римского образца каменные постройки Каэрлеона и Акве-Сулис.

Прочие дома, тоже симметрично сложенные, но размером куда поменьше, окружали чертог короля, судя по всему — как придется. Между ними, и рядом, и даже стена к стене, притулились хлева для скота. На открытых пространствах между домами кишели куры, свиньи и гуси, собаки и дети играли, шныряя туда-сюда под колесами запряженных волами телег или среди редких деревьев, где высились поленницы. В воздухе пахло навозом, свежескошенной травой и древесным дымом.

Огромные ворота были распахнуты настежь. Отряд въехал внутрь, под поперечной балкой, на которой развевалось знамя Кердика: синий раздвоенный флаг с узким полотнищем пощелкивал на ветру, словно плеть. В дверях чертога стояла королева Кердика, готовая ввести гостей в дом, так же как ее супруг

ввел их в пределы королевства. Ростом она почти не уступала мужу; чело ее тоже венчала корона, а длинные светлые, точно лен, косы были перевиты золотом. Она приветствовала Артура, а за ним Мордреда и Кея церемонным поцелуем, а потом, к удивлению Мордреда, прошествовала в дом вместе с королем и его спутниками. Остальные гости остались снаружи; спустя какое-то время издали донеслись крики и звон металла и цокот копыт — молодые воины, саксы и бритты заодно, устроили дружеские состязания на поле за пределами частокола.

Король и его окружение, с толмачом тут же, расселись у центрального очага; огонь в нем только что разложили, но еще не зажгли. Две девушки, прелестные копии Кердика, внесли кувшины с медом и элем. Сама королева поднялась на ноги, приняла кувшины из рук дочерей и наполнила чаши гостей. Затем девы ушли, но королева осталась и снова уселась по левую руку от супруга.

Беседа, вынужденно замедленная потребностью в переводе, продолжалась весь вечер. Поначалу обсуждались исключительно дела домашние: торговля и рынки и в будущем — возможный пересмотр границ между королевствами. Лишь как следствие этого, разговор со временем перешел на возможность взаимной военной помощи. Кердик уже знал, что соплеменников его на непрестанно сужающихся континентальных территориях теснят все сильнее. Восточные саксы, более уязвимые, нежели племя Кердика, искали союза с англами между Темзой и Хамбером. Сам он обращался к срединным саксам Сатриджа. Когда Артур спросил, не рассматривал ли он, Кердик, возможность союза с южными саксами, чье королевство в дальнем юго-восточном конце Британии было ближайшим местом высадки для любого корабля из-за Узкого моря, Кердик отвечал весьма сдержанно. После смерти великого вождя южных саксов Эллы мало-мальски пристойного правителя среди них не водилось. «Ублюдки»,— выразительно подвел итог король западных саксов. Артур не стал продолжать эту тему, но вернулся к новостям с большой земли. Кердик еще не слышал о гибели детей Хлодомера и заметно посерьезнел, задумавшись о возможных переменах и все более опасном положении Бретани, единственного государства, отделявшего прибрежные территории Британии от оказавшихся под угрозой франкских королевств. По мере того как шло время, мысль о том, что в ближайшем будущем бриттам и саксам, возможно, придется вместе защищать родные берега, уже не казалась столь нелепой.

Наконец переговоры подошли к концу. В дверной проем лился мягкий, приглушенный солнечный свет. С поля уже не доносился шум состязаний. Мычали коровы, ведомые на дойку, в воздухе тянуло гарью лесных костров. Ветер стих. Королева поднялась и вышла, и вскорости подоспевшие слуги принялись расставлять столы для вечерней трапезы. В очаг сунули факел, и дрова ярко вспыхнули.

Где-то затрубил рог. Воины — из дружины и Кердика, и Артура — толпой хлынули в зал, все еще раззадоренные состязаниями, расселись вдоль длинных столов, кто где придется, и громко принялись требовать еды и питья, крича во весь голос, словно на открытой возвышенности, и колотя по столу рукоятками кинжалов. Шум поднялся неимоверный. Артуровы Сотоварищи, в первое мгновение оглушенные и слегка сбитые с толку, радостно присоединились к общему гвалту. Языковые различия утратили значение. Все сказанное воспринималось яснее ясного. Подали эль и мед, и крики зазвучали с новой силой; затем внесли огромные подносы с жареным мясом; кушанье, только что снятое с огня, дымилось и шипело, и саксонские таны, до сих пор пытавшиеся общаться при помощи жестов и взрывов смеха, резко прекратили разговоры и жадно набросились на еду и питье. Кто-то вручил Мордреду рог — отполированный, точно слоновая кость, и изящно оправленный в золото. Кто-то щедрой рукою наполнил рог так, что питье хлынуло через край; теперь и Мордред в свой черед вынужден был сосредоточить все свое внимание на еде; вскорости дело свелось к тому, что молодой человек по мере сил противился попыткам соседей снова и снова наполнять его блюдо отборными яствами.

Эль кружил голову, мед — и того пуще. Многие воины вскорости захмелели и заснули прямо за столом. Кое-кто из свиты Артура тоже пал жертвою необоримого гостеприимства и задремал. Мордред, еще сохранявший трезвую голову, зная, однако, что удается ему это лишь усилием воли, сощурился на заходящее солнце в дверном проеме и обернулся взглянуть, как обстоят дела у королей. Раскрасневшийся Кердик откинулся на спинку кресла, но разговора не прекращал; на Артуре жара натопленного зала, похоже, почти не сказывалась, хотя блюдо его и опустело. Мордред без труда разгадал отцовский секрет: огромный гончий пес Кабаль, разлегшийся у кресла, блаженно облизывался.

Солнце село, вскорости зажгли факелы, и зал озарился чадным светом. Вечер стоял тихий, ярко пылал огонь, дым тянулся вверх, через отверстие в кровле, либо струйками просачивался между сотрапезниками, те кашляли и утирали глаза. Со временем, когда блюда опустели, а рога для питья приходилось наполнять уже не так часто, начались увеселения.

Сперва появились глимены: они станцевали под аккомпанемент рогов и труб, а с ними пара жонглеров: те принялись выписывать прихотливые узоры в дымном воздухе, сперва разноцветными шариками, потом кинжалами и всем тем, что швыряли им немногие трезвые лорды. Оба короля бросили наземь монеты, глимены подобрали подачку, раскланялись и ушли, приплясывая и жонглируя на ходу. Затем вышел арфист — худощавый и смуглый, в вышитом, явно дорогом платье. Он поставил скамейку у очага и склонил голову, настраивая струны. Мордред подметил, как Артур резко повернулся на звук, затем снова откинулся в кресле и приготовился слушать. Лицо его оставалось в тени.

Постепенно шум в зале смолк, наступившую тишину нарушал лишь пьяный храп, да время от времени собаки на соломе с рычанием затевали свару из-за объедков. Арфист запел. Голос его звучал верно, и, как это водится у певцов, он знал многие наречия. Сперва он исполнил любовную песню и плач на языке гостей. Затем на своем родном языке начал песню, которая после первых полудюжины строк подчинила себе всех, кто слушал, не важно, понимали они слова или нет:

...Скорбен, скорбен преданный друг,
Пережив господина и лорда.
Мир перед ним — что пустошь,
Что стена под натиском ветра,
Как заброшенный замок,
Где снег задувает в окна,
Заметает разбитое ложе
И почерневший очаг...

Рыжий Брюнинг, сидевший напротив Мордреда, замер недвижно, точно мышь, и по щекам его струились слезы. Мордред, взволнованный прикосновением к давно забытому горю, вынужден был призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не расчувствоваться самому. Вдруг, как если бы его вслух окликнули по имени, молодой человек обернулся и обнаружил, что отец неотрывно глядит на него. Глаза их, столь схожие, встретились —

и не разошлись. Во взгляде Артура отражалось то же, что Мордред некогда прочел у Нимуэ: беспомощная печаль. В его собственных — Мордред об этом знал — вызов и яростное упрямство. Артур улыбнулся сыну и отвернулся, едва раздались громкие хлопки. Мордред поспешно вскочил на ноги и выбрался из зала.

В течение долгого пира гости то и дело выходили облегчиться, так что никто и не подумал его расспрашивать, никто не поглядел ему вслед.

Ворота были закрыты, в пределах частокола — ни души. С закатом скот, птицу и детей загнали внутрь, ужинать и спать, а теперь и мужи вместе с женами по большей части разошлись по домам. Мордред неспешно прошелся в тени частокола, собираясь с мыслями.

Нимуэ и ее суровое предсказание: «Твоя воля — ничто, твое бытие — все». Король, который много лет назад выслушал то же самое предостережение и предоставил его жестоким незримым богам...

Но честолюбивые мечты исполнятся, слава придет и к нему...

Разумеется, человек здравомыслящий не станет верить подобным прорицаниям. Так что и к пророчествам о гибели нечего прислушиваться...

Мордред поднес руку ко лбу. После дымной духоты пиршественного зала воздух казался прохладным и свежим. В голове постепенно прояснялось. Принц знал, как ему далеко до исполнения честолюбивых замыслов, тайных амбиций и желаний. Верно, пройдет немало лет, прежде чем ему или королю нужно будет опасаться происков злобных богов. И то, что Артур сделал для него много лет назад, он сделает для Артура сейчас. Позабудет о роке и станет ждать, пока будущее себя не явит.

Краем глаза Мордред заметил движение в тени высокой поленницы. Мужчина, явно из свиты Артура. Двое; нет, трое. Один из них на мгновение шагнул в отсвет отдаленного кухонного костра, и Мордред узнал Агравейна. А ведь тот вышел не просто облегчиться... Агравейн уселся на дышло порожней телеги, брошенной тут же, у поленницы, а двое его сотоварищей, склонившись совсем близко, возбужденно что-то обсуждали. С одним из них, Калумом, Мордред был знаком; второго вроде бы тоже узнал. Оба — молодые кельты, близкие друзья Агравейна и некогда — Гахериса. Когда в пути Агравейн в гневе отъехал от Мордреда, он присоединился к группе, где скакали эти двое, и до Мордреда время от времени долетали обрывки их разговора.

Сей же миг все мысли о Нимуэ и ее непостижимых звездах вылетели у него из головы. «Молодые кельты» — этот оборот за последнее время приобрел что-то вроде политической окраски — применительно к клике молодых воинов, родом по большей части из чужеземных кельтских королевств. Юнцам этим, в штыки воспринимавшим «мир верховного короля» и объединение южных областей, прискучила роль мирного законоутверждения, предписанная странствующим рыцарям. До открытой оппозиции дело покамест не доходило: молодчики не упускали случая поглумиться над «стариковским торжищем», сиречь Круглым залом, да шушукались промеж себя, и кое-какие беседы, по слухам, граничили с подстрекательством к бунту.

Как, например, пересуды о Бедуире и королеве Гвиневере, что за последние недели набрали силу, как если бы намеренно насаждались и поощрялись.

Мордред неслышно отошел подальше, так, чтобы между ним и ночными собеседниками оказался хлев. Он расхаживал взад и вперед, глядя в землю, возвращаясь мыслями к прошлому. Мозг работал ясно и четко.

Воистину, Мордред, тесно общаясь с обоими, никогда не замечал, чтобы королева словом или взглядом выделяла Бедуира из прочих, разве что как лучшего друга Артура и в присутствии мужа. И держалась с ним, если на то пошло, нарочито церемонно. Мордред и прежде иногда задумывался про себя: что за скованность ощущается порою между этими двумя, ведь они знают друг друга так долго и так близко! Нет, поправился принц, не скованность. Скорее, эти двое старательно выдерживают расстояние там, где расстоянию вроде бы и не место. Где расстояние, по сути дела, никакой роли не играет. Несколько раз Мордред подмечал, как Бедуир словно бы угадывал мысли королевы, не нуждаясь в помощи слов.

Молодой человек встряхнул головой, отгоняя подозрения. Яд, тот самый яд, к помощи которого пытался прибегнуть Агравейн. Он даже задумываться о подобном не станет. Однако кое-что сделать сможет. Нравится ему это или нет, но с братьями-оркнейцами он таки связан, а за последнее время близко сошелся с Агравейном. Если Агравейн снова к нему подступится, он выслушает до конца и выяснит, кроется ли за недовольством «молодых кельтов» нечто более серьезное, нежели извечный протест молодых против авторитета старшего поколения.

Что до сплетен касательно Бедуира и королевы, это, надо думать, тоже часть продуманной политики. Вбить клин между Артуром и его старейшим другом, доверенным регентом, что правит от королевского имени и выступает как его второе «я»,— именно такую цель преследовала бы любая клика, стремящаяся ослабить власть верховного короля и подорвать его политику. И здесь тоже ему, Мордреду, должно прислушаться, и об этом тоже он предупредит короля, если осмелится. Лишь о злословии, разумеется: фактов-то нет, и правды в сплетнях о Бедуире и королеве — тоже.

Мордред яростно отогнал эту мысль, говоря себе, что исступленное негодование это подсказано лишь преданностью отцу да благодарностью прелестной леди, которая выказала столько доброты и участия одинокому мальчишке с островов.

По пути домой он держался от Агравейна как можно дальше.

Глава 8

Однако по возвращении в Камелот избегать брата и дальше стало невозможно.

Спустя какое-то время после возвращения из столицы Кердика король снова послал за Мордредом и попросил его держаться ближе к сводному брату и по возможности приглядывать за ним.

Как выяснилось, прибыли вести от Друстана, прославленного военачальника, коего Артур надеялся привлечь под свои знамена: срок его службы в Думнонии истек, и сам он, его северная крепость и его отряд обученных бойцов вскорости окажутся в распоряжении верховного короля. Сам он уже в пути: едет на север, в Каэр-Морд, дабы привести замок в боевую готовность, прежде чем лично явиться в Камелот.

— То добрые вести,— говорил Артур.— Мне нужен Каэр-Морд, и я давно на это надеялся. Но Друстан и Ламорак, в силу какого-то давнего дела чести, принесли обеты побратимства, и, более того, родной брат Ламорака, Дриан, сейчас у него на службе. Да ты и без меня все это знаешь, так? Так вот, Друстан недвусмысленно дал мне понять, что мне придется снова призвать Ламорака в Камелот.

— И вы это сделаете?

— А как я могу уклониться? Ламорак ничего дурного не совершил. Возможно, время он выбрал не лучшим образом, и,

возможно, его одурачили, но, в конце концов, они были помолвлены. А даже если бы и нет,— горько проговорил король,— я последний, кому пристало осуждать Ламорака за содеянное.

— А я следующий по счету.

Во взгляде короля, обращенном к сыну, промелькнула тень улыбки, но голос звучал по-прежнему серьезно.

— Вот увидишь, что произойдет. Ламорак вернется, и тогда, ежели трое твоих старших братцев так и не образумятся, среди Сотоварищей начнется кровавая распря.

— Так Ламорак сейчас у Друстана?

— Нет. Пока нет. Но я еще не досказал тебе всего. Теперь я знаю, что он уехал в Бретань и нашел приют у Бедуирова кузена, того самого, что удерживает Бенойк от его имени. Я получил письма. В них говорится, что Ламорак покинул Бенойк и, как предполагается, отбыл на корабле в Нортумбрию. Похоже, что он знает о планах Друстана и рассчитывает присоединиться к нему в Каэр-Морде. Что такое?

— Нортумбрия,— повторил Мордред.— Милорд, мне кажется — нет, я знаю доподлинно,— что Агравейн сносится с Гахерисом, и еще у меня есть причины подозревать, что Гахерис обосновался где-то в Нортумбрии.

— Неподалеку от Каэр-Морда? — тут же насторожился Артур.

— Не знаю. Сомневаюсь. Нортумбрия большая, а Гахерис никак не может знать о приезде Ламорака.

— Разве что прослышал насчет Друстана и кое о чем догадывается, либо Агравейн сообщил ему придворные слухи,— возразил Артур.— Хорошо же. Остается только одно: вернуть твоих братцев в Камелот, где за ними возможно наблюдать и где их возможно до известной степени сдерживать. Я пошлю гонца к Гавейну с весомым предупреждением и призову его на юг. Со временем, если иного выхода не будет и если Ламорак согласится, я позволю Гавейну вызвать его на поединок — здесь и публично. Уж этого-то, верно, достанет, чтобы остудить дурную кровь! Как Гавейн примет Гахериса, это его дело; здесь я вмешиваться не вправе.

— Вы вернете Гахериса?

— Если он в Нортумбрии, а Ламорак едет в Каэр-Морд, то придется.

— Потому что лучше следить за летящей стрелой, нежели ожидать удара непонятно откуда?

На мгновение Мордред подумал было, что допустил ошибку. Король быстро вскинул глаза на сына, словно намереваясь задать вопрос. Возможно, в беседе с ним Нимуэ использовала тот же образ применительно к самому Мордреду. Но Артур ни о чем допытываться не стал. Сказал только:

— Возлагаю это дело на тебя, Мордред. Ты говоришь, что Агравейн сносится с братом. Я объявлю во всеуслышание, что Гахерис прощен, и пошлю Агравейна привезти его назад. И устрою так, чтобы ты поехал с ним. Это все, что я могу сделать: близнецам я не доверяю, но, иначе как отправив тебя, выказать свое недоверие я не вправе. Не посылать же мне, в самом деле, войско, чтобы обеспечить их возвращение? Думаешь, он примирится с твоим обществом?

— Думаю, да. Я что-нибудь измыслю.

— Ты понимаешь, что я навязываю тебе роль соглядатая? Велю шпионить за собственными родичами? Ты как, стерпишь?

— Вы когда-нибудь видели кукушонка в гнезде? — отрывисто спросил Мордред.

— Нет.

— Дома их на болотах полным-полно. Едва вылупившись, кукушата выпихивают сородичей из гнезда и остаются...— Мордред собирался добавить «единовластными правителями», но вовремя прикусил язык. Он даже не осознал толком, что на ум ему пришли именно эти слова. И неловко докончил: — Я только хотел сказать, что законов природы не нарушаю, милорд.

Король улыбнулся.

— Я первый заявлю, что мой сын окажется не в пример лучше Лотовых. Так что последи для меня за Агравейном, Мордред, и привези их обоих сюда. А тогда, может статься, со временем мечи Оркнеев снова вернутся в ножны,— чуть устало докончил король.

Вскорости после этого, ясным днем в начале октября, Агравейн последовал за Мордредом, когда тот шел через рыночную площадь Камелота, и нагнал брата у фонтана.

— Король дал мне дозволение отбыть на север. Но одному ехать не велит. А ты единственный среди рыцарей, кого он готов отпустить. Поедешь со мной?

Мордред остановился и изобразил удивление.

— На острова? Нет, пожалуй.

— Не на острова. Еще не хватало, в октябре-то! Нет.— Агравейн понизил голос, хотя рядом никого не было, кроме двух малышей, подставляющих ладошки под струю воды.— Король сказал мне, что помилует Гахериса. Позволит ему вернуться ко двору. Спросил меня, куда послать гонца, но я ответил, что связан словом и нарушить его не вправе. Так что Артур говорит, я могу сам за ним съездить, если ты составишь мне компанию.— Агравейн ухмыльнулся, издевки не скрывая.— Похоже, король тебе доверяет.

Мордред пропустил насмешку мимо ушей.

— То добрые вести. Хорошо же, я поеду с тобой, и охотно. Когда?

— Как можно скорее.

— А куда?

Агравейн рассмеялся.

— На месте и узнаешь. Говорю тебе, я связан словом.

— Так вы все это время общались?

— Конечно. Неужто не ожидал?

— Но как? Письмами обменивались?

— Да какие ж тут письма? Ведь писца-то при нем нет, прочесть-написать некому. Нет, время от времени я получал весточку через торговцев, вроде вон того купца, что ставит прилавок с тканями. Так что собирайся, братец, мы выезжаем поутру.

— А далеко ли ехать? Изволь сказать хоть это.

— Порядком.

Малыши тем временем вернулись к игре: мяч откатился прямо к ногам Мордреда. Тот подцепил его носком, подкинул вверх, поймал, перебросил детям. Отряхнул руки и улыбнулся.

— Хорошо. Я поехать не прочь. Славно будет снова прокатиться на север. Ты так и не скажешь, куда лежит наш путь?

— Покажу, когда доберемся,— повторил Агравейн.

На исходе пасмурного, туманного вечера всадники наконец-то доехали до небольшой полуразвалившейся башни на болотах Нортумбрии.

Глушь и запустение. Даже необитаемые топи самого большого из Оркнейских островов, где тут и там темнели озера, а особый отсвет напоминал о вездесущем море, казались живыми и яркими в сравнении с этим пейзажем.

По обе стороны раскинулись холмистые заболоченные пустоши, в туманных сумерках вереск отливал темным пурпуром. Небо затянули тучи, ни единого солнечного блика не пробивалось сквозь плотную пелену. Воздух застыл недвижно: ни ветерка, ни свежего дыхания моря. Тут и там холмы рассекали ручейки либо мелкие речушки, русло которых обозначили заросли ольхи и блеклых камышей. Неподалеку от одной такой речки, в лощине, и обнаружилась башня. Под ногами хлюпала вода, переход через топь отмечал ряд валунов. Башня, плотно затянутая плющом, в окружении мшистых обрубков фруктовых деревьев и самбука, казалось, некогда была довольно уютным обиталищем, а в солнечные дни оставалась таковым и до сих пор. Но мглистым осенним вечером место это наводило на мрачные мысли. В одном из окон мерцал слабый свет.

Гости привязали лошадей к терновнику и постучали в дверь. Открыл сам Гахерис.

С тех пор как он покинул двор, прошло каких-то несколько месяцев, однако по виду его казалось, будто в цивилизованном обществе Гахерис отродясь не бывал. Его морковно-рыжая борода изрядно отросла, нечесаные волосы в беспорядке падали на плечи. Кожаная куртка засалилась и потемнела от грязи. Но при виде гостей лицо его просияло от удовольствия, и обнял он Мордреда тепло, как никогда.

— Привет вам! Вот уж не надеялся, что ты, Агравейн, выберешься от двора навестить меня! Да еще с Мордредом! А король знает? Впрочем, ты слово сдержишь, мне можно и не спрашивать. Сколько воды утекло! Ну же, заходите, отдыхайте. Держу пари, вам есть чего порассказать, так что добро пожаловать, ступайте в дом!

Гахерис ввел их в тесную комнатушку в изгибе башенной стены, где в очаге горел торф и мерцала лампа. У огня примостилась молодая женщина с шитьем в руках. Она подняла глаза — смущенная и испуганная нежданным вторжением. Лицо ее, удлиненное, бледное, в обрамлении мягких темных волос, было не лишено приятности. Всю ее одежду составляло жалкое платье из красновато-бурой домотканой материи; грубые складки не скрывали явных признаков беременности.

— Это мои братья,— сообщил Гахерис.— Дай им поесть-попить, а потом займись лошадьми.

О том, чтобы представить женщину гостям, Гахерис и не подумал. Она встала, пробормотала что-то невразумительное, поспеш-

но и неловко присела в реверансе. Затем, отложив шитье, тяжело побрела к чулану в противоположном конце комнаты и достала вино и снедь.

За едой, пока молодая женщина прислуживала, мужчины разговаривали на общие темы: о смуте во франкских королевствах, о бедственном положении Бретани, о посольстве к саксам, о разъездах Артуровых странствующих рыцарей и о придворных сплетнях, тех, что не касались короля и королевы. Широко раскрытые глаза хозяйки, то и дело мешкавшей у стола, служили достаточным предостережением против такого рода разговоров.

Наконец Гахерис резко напомнил ей о лошадях, и молодая женщина ушла.

Едва за нею звякнула щеколда, Агравейн, что так и рвался к делу, точно сосворенная гончая, коротко сообщил:

— Добрые вести, брат.

Гахерис отставил кубок. С брезгливым отвращением Мордред отметил, что под ногтями у него черная грязь. Изгнанник подался вперед.

— Да говори же! Гавейн хочет меня видеть? Он понял, что выбора у меня не было? Или...— Гахерис искоса глянул на брата, и глаза его ярко вспыхнули.— Он отыскал Ламорака и думает объединить силы?

— Нет, ничего подобного. Гавейн все еще в Дунпелдире, и о Ламораке ни слуху ни духу.— Агравейн, тонким ухищрениям чуждый, явно пересказывал то, что почитал за правду.— Но вести все равно добрые. Король прислал меня отвезти тебя назад, ко двору. Ты оправдан, Гахерис, во всяком случае в его глазах. Ты вернешься в Камелот вместе с нами.

Пауза, затем Гахерис, залившись румянцем до бровей, издал ликующий вопль, подбросил в воздух пустой кубок и снова поймал его. Свободной рукою ухватил кувшин и снова налил всем вина.

— Кто эта девица? — полюбопытствовал Мордред.

— Бриджит? А, ее отец был здешним мажордомом. Башню вроде как осадила парочка каких-то головорезов, а я их убил. Так что жилище в полном моем распоряжении.

— Вижу,— усмехнулся Агравейн, отхлебывая вина.— А отец что на это говорит? Или тебе пришлось жениться?

— Сказано же: отец был мажордомом,— сдержанно напомнил Мордред, делая легкий акцент на слове «был».

Агравейн недоуменно уставился на собеседника, затем коротко кивнул.

— А, ну да. Стало быть, никакой свадьбы?

— Никакой.— Гахерис со стуком опустил кубок.— Так что забудь об этом. Меня ничего не связывает. Ну же, а теперь выкладывай все подробности.

И, воспользовавшись отсутствием молодой женщины, близнецы принялись толковать о прощении короля, о его предполагаемых намерениях и о замыслах Гавейна. Мордред слушал, потягивая вино, и в разговор почти не вмешивался. Но подметил, что, как ни странно, имя Ламорака больше не упоминалось.

Вскоре возвратилась Бриджит, снова присела у очага и взялась за шитье. То была маленькая, простенькая рубашонка; возможно, для будущего ребенка, подумал Мордред. Молодая женщина молчала, но напряженно наблюдала и прислушивалась; взгляд ее скользил от одного близнеца к другому. Теперь в глазах ее отражалась тревога и даже тень страха. Близнецы и не пытались скрыть восторга по поводу возвращения Гахериса в Камелот.

Со временем свеча оплыла и начала коптить, и мужчины собрались укладываться. Гахерис с любовницей спали на постели у очага; к ним же, похоже, предстояло присоседиться и Агравейну. Мордреда, к вящему его облегчению и легкому изумлению, проводили наружу, в свежую ночную прохладу, и указали на каменную лестницу, что огибала башню с внешней стороны. Ступени вели к небольшой верхней комнате, где воздух, хотя и холодный, был чист и свеж, а охапка вереска и покрывал оказалась ложем вполне сносным: Мордреду доводилось спать на постелях и похуже. Утомленный дорогой и разговором, он стянул с себя одежду и тут же крепко заснул.

Пробудился он поутру. Снаружи пели петухи, холодный серый свет просачивался сквозь затянутое паутиной узкое окно. Из нижней комнаты не доносилось ни звука.

Мордред отбросил покрывала, босиком подбежал к окну и выглянул наружу. Оттуда виднелся полуразвалившийся сарай, служивший одновременно и стойлом, и курятником. Рядом стояла Бриджит, подле нее на земле — корзинка с яйцами. Молодая женщина бросала курам остатки вчерашней еды, а те с кудахтаньем поклевывали и рылись в земле у ее ног.

Стойло представляло собою открытое сооружение, состоящее из задней и боковых стен, каменных яслей и покатой крыши

на столбах из тесаных сосновых стволов. Из окна Мордред отлично рассмотрел все внутреннее помещение. И то, что он увидел, заставило его опрометью броситься назад к постели. Он схватил одежду и лихорадочно принялся одеваться.

В стойле стоял один-единственный конь. Его собственный. Веревки, которыми были привязаны братние лошади, валялись в соломе, среди вальяжно вышагивающих кур.

Мордред поспешно оделся. Ругать себя не имело смысла.

Что бы ни заставило братьев прибегнуть к обману и уехать без него, предугадать случившееся он никак не мог. Он подхватил перевязь и, на ходу застегивая пряжку, сбежал вниз по каменным ступеням.

Заслышав шаги, молодая женщина обернулась.

— Куда они поехали? — грозно спросил Мордред.

— Не знаю. На охоту, наверное. Велели вас не будить. Они скоро вернутся, к завтраку.— Но вид у нее был испуганный.

— Хватит меня дурачить, милая. Нельзя терять ни минуты. Ты наверняка догадываешься, куда они отправились. Что тебе известно?

— Я... нет же, господин. Я ничего не знаю. Правда, господин. Но они непременно вернутся. Может, завтра. Может, через два дня. А я позабочусь о вас как должно.

Мордред возвышался над ней. Молодая женщина задрожала. Заметив это, Мордред взял себя в руки и заговорил мягче:

— Послушай... Бриджит, так? Не бойся меня. Я тебе вреда не причиню. Но дело и впрямь важное. Касается короля, ни больше ни меньше. Сама видишь, до чего важное! Для начала, как давно они уехали?

— Часа четыре назад, лорд. Еще до рассвета.

Мордред закусил губу.

— Хорошо, умница,— все так же мягко отозвался он.— Но ведь ты наверняка можешь рассказать и больше. Ты, верно, слышала их разговоры. О чем они толковали? Они ведь выехали искать кого-то, правда?

— Д-да. Одного рыцаря.

— Они называли какое-то имя? Может быть, Ламорак?

Молодая женщина задрожала сильнее, прижала руки к груди.

— Так? Ну же, продолжай, говори. Ничего от меня не скрывай.

— Да. Да. Так его и называли. Этот злой рыцарь обесчестил мать моего господина. Он мне и прежде об этом рассказывал.

— Где они рассчитывают встретить этого Ламорака?

— Есть на берегу замок, до него отсюда много миль. Вчера мой господин побывал в деревне и прослышал — он узнает новости от заезжих торговцев,— прослышал, что этот рыцарь Ламорак вскорости здесь объявится,— сбивчиво объясняла Бриджит.— Его ждут морем, из Бретани, кажется, а гавани рядом с замком нет, и высадиться негде, уж больно опасно по такой-то погоде, так что он, верно, сойдет на берег южнее, до тех мест полдня пути, а там раздобудет коня и поскачет по дороге вдоль взморья. Там-то господин мой Гахерис и хотел с ним встретиться, прежде чем тот доберется до замка.

— То есть подстеречь и убить! — яростно воскликнул Мордред.— Если, конечно, Ламорак не сразит его первым. И братца его тоже. Что вполне возможно. Ламорак — испытанный воин, из числа королевских Сотоварищей, и превосходный боец. И король им очень дорожит.

Молодая женщина, бледнея, глядела на собеседника во все глаза. Она сцепила трясущиеся руки под грудью, словно защищая покоящегося там ребенка.

— Если тебе дорога жизнь твоего господина,— угрюмо проговорил Мордред,— ты расскажешь мне все. Замок... Это ведь Каэр-Морд?

Она молча кивнула.

— Где он и как далеко? — Мордред протянул руку.— Нет, погоди. Раздобудь мне поесть — по-быстрому, пока я седлаю коня. Что угодно. Остальное доскажешь позже, пока я завтракаю. Если хочешь спасти жизнь своего господина, помоги мне выехать. Торопись же!

Бриджит подхватила корзинку с яйцами и опрометью кинулась в дом.

Мордред ополоснул у корыта лицо и руки, заседлал и взнуздал коня и, оставив его привязанным, бегом вернулся в башню.

Девушка выставила на стол подле остывшего очага хлеб и мясо. Наливая гостю вина, она не сдержала слез.

Мордред торопливо отхлебнул, прожевал хлеб, запил вином.

— Ну же, быстрее. Что произошло? Что ты еще знаешь?

Опасность, угрожающая Гахерису, развязала ей язык.

— Вы давеча вечером поднялись наверх, господин, а они все толковали промеж себя,— с готовностью ответила Бриджит.— Я уже легла. Я задремала, но господин мой так и не пришел в постель, и я проснулась и услышала...

— Ну?

— Он как раз рассказывал о том, что этот Ламорак едет в Каэр-Морд. Господин мой себя не помнил от радости, потому что поклялся убить рыцаря, а вышло, что в нужный час и брат подоспел, так что теперь их двое. Он сказал... мой лорд сказал... что это Богиня потрудилась — привела к нему брата, дабы тот помог отомстить за смерть матери. Он дал клятву на материнской крови...

Бриджит смущенно умолкла.

— Да? А он тебе говорил, кто пролил кровь его матери?

— Как же, злой рыцарь! Разве нет, лорд?

— Продолжай.

— Так что он ликовал и радовался, и они порешили уехать тотчас же вдвоем, не сказавшись вам. Они даже не ложились. Они подумали, я сплю, и тихонько вышли. Я... я не посмела дать им понять, что слышала их разговор, но мне было страшно, вот я и солгала вам. Мой господин говорил, словно...— она сглотнула,— словно одержимый.

— Он и впрямь одержим,— подтвердил Мордред.— Ну ладно. Этого-то я и боялся. А теперь расскажи, по какой дороге они поехали.— Видя, что молодая женщина снова заколебалась, он твердо добавил: — Этот человек ни в чем не повинен, Бриджит. Если господин твой Гахерис убьет его, ему придется держать ответ перед верховным королем Артуром. Ну же, милая, не плачь. Может, корабль еще не пристал, и Ламорак покамест на борту. Если покажешь мне дорогу, я, чего доброго, нагоню их раньше, чем совершится злое дело. Мой конь отдохнул, а конь Агравейна — нет.

Даже изнывая от нетерпения выехать поскорее, Мордред ощутил что-то похожее на жалость: при любом раскладе Бриджит, надо думать, видела своего милого в последний раз, но тут он ничем помочь не мог. Еще одна ни в чем не повинная жертва, дань, затребованная Моргаузой в жизни и в смерти...

Мордред налил женщине вина и всунул чашу ей в руки.

— На, выпей. Тебе станет лучше. Да быстрее же! Дорога к Каэр-Морду!

Даже столь пустячное проявление доброты смутило и растрогало бедняжку. Она пригубила, сглотнула слезы.

— В точности не знаю, лорд. Но ежели вы доедете до деревни — вон туда — и спуститесь к реке, вы увидите кузницу, и кузнец вам объяснит. Он все дороги знает.— Молодая женщина вновь разрыдалась в голос.— Гахерис ведь не вернется, так? Его убьют либо он меня бросит и уедет на юг ко двору знатных вельмож, а у меня-то ничего нет, как же мне дитя растить?

Мордред выложил на стол три золотые монеты.

— Это тебя поддержит. Что до ребенка...

Он умолк. Не стал добавлять: «Лучший выход — камень на шею и в воду». Уж больно сомнительное выходило утешение. Он просто распрощался и вышел в серые рассветные сумерки.

К тому времени, как всадник добрался до деревни, небеса посветлели и тут и там люд принимался за работу.

Двери трактира были закрыты, но шагах в ста, у брода через мелкую речушку, светились огни кузницы, а сам кузнец зевал и потягивался с чашей эля в руках.

— Дорога до Каэр-Морда? Да вот она, господин. За день как раз доберетесь. Доедете до каменного идолища, а там свернете на восток, к морю.

— Ты не слышал, ночью тут всадники не проезжали?

— Нет, господин. Уж если усну, то как убитый,— заверил кузнец.

— А каменный идол? Далеко он?

Кузнец взглядом знатока окинул коня Мордреда.

— Добрая у вас скотинка, господин, но вы, верно, издалека путь держите? А, так я и подумал. Ну, ежели не слишком гнать его, так, скажем, к закату. А оттуда до моря не больше получаса. Дорога хорошая. В Каэр-Морд благополучно доберетесь затемно, без всяких злоключений.

— Не уверен,— отозвался Мордред, давая шпоры коню.

Кузнец проводил его изумленным взглядом.

Глава 9

Для оркнейца Мордреда одинокий каменный идол на холмистой пустоши явился знакомым зрелищем. И все-таки не совсем. Длинный стоячий камень высился посреди глухого болота. Среди Оркнейских топей такие встречались ему не раз: и одиночные, и установленные широким кругом,— непомерно высокие, очень тонкие сколы плитняка, отломанные от утесов, с неровными, зазубренными краями. Этот камень представлял собою массив-

ную конусообразную колонну, тщательно вытесанную из твердого серого базальта. У основания на манер алтаря лежала плоская плита с темной отметиной — возможно, от засохшей крови.

Мордред добрался туда к закату. Алое солнце опустилось к самому горизонту, роняя на черный вереск длинную тень. Всадник подогнал усталого коня к самому камню. Здесь дорога разветвлялась, и Мордред развернул скакуна на юго-восток. Небо над головой казалось неестественно-бледным, в воздухе ощущалось что-то знакомое; он знал, что море уже близко. Впереди, на краю вересковой пустоши, темнела широкая полоса леса.

Вскоре он оказался среди деревьев. Копыта неслышно ступали по плотному войлоку опавшей хвои и мертвых листьев. Мордред пустил коня шагом. Он и сам изрядно устал, а скакун его, стойко выдержавший дневной переход, едва не падал с ног. Зато доехали они быстро, и всадник от души надеялся, что успеет-таки вовремя.

За его спиной сгустились облака, притушив закатные краски. С приближением вечера поднялся ветер. Деревья шелестели и вздыхали. Лес нежданно поредел, между стволов проглянуло посветлевшее небо. Может, там, от прогалины, начиналась дорога?

Ответ пришел незамедлительно. Должно быть, неподалеку раздавались и другие звуки, цокот копыт и звон металла, но они тонули в шелесте деревьев или ветер относил их в сторону. Но сейчас, почитай что прямехонько впереди, прозвучал вопль. В крике этом звенело не предостережение, не страх и не гнев, но радость настолько исступленная, что едва ли не граничила с безумием. Конь навострил уши, затем снова прижал их к голове и завращал глазами так, что сверкнули белки. Мордред дал шпоры, и измученный скакун пошел шатким, тяжелым галопом.

В сумраке леса всадник не разглядел узкую тропку. Вскорости конь уже продирался через густой подлесок — сквозь заросли куманики и лещины, перевитые жимолостью, и кишащие мошками папоротники по брюхо. Галоп замедлился, сменился рысью, шагом, напористыми рывками, но вот Мордред резко натянул поводья, и конь встал.

Отсюда, прячась в густой тени деревьев, он видел ровную вересковую пустошь, что протянулась от леса до моря, рассеченная надвое белой полосой дороги. На дороге лежал Ламорак — мертвый. Неподалеку стоял его конь: бока вздымаются, голова опущена. Рядом с телом, обнявшись, смеялись и хлопали друг

друга по плечам Агравейн и Гахерис. Лошади их, предоставленные сами себе, паслись неподалеку.

В этот миг ветер слегка стих и послышался стук копыт. Братья замерли на месте, выпустили друг друга, бросились к лошадям, поспешно вскочили в седла. Мордреду подумалось, что близнецы попытаются укрыться в лесу, откуда наблюдал он сам, но было уже поздно.

С севера галопом мчались четыре всадника. Отряд возглавлял могучий рыцарь во всеоружии, на великолепном коне. Напрягая взгляд в вечерних сумерках, Мордред рассмотрел герб предводителя: навстречу ожидаемому гостю выехал сам Друстан с двумя ратниками.

А рядом с ним скакал не кто иной, как Гарет, младший из Лотовых сыновей.

Друстан уже увидел тело. Со звонким кличем он выхватил меч и ринулся на злодеев.

Братья развернулись лицом к нему, изготовясь к битве, но Друстан, похоже, узнал убийц: он придержал коня и опустил меч. Мордред по-прежнему выжидал в тени деревьев. Повлиять на события он не мог. Поручения он не выполнил, а если бы и выехал сейчас, ему ни за что не удалось бы убедить вновь прибывших, что к убийству Ламорака он никоим образом не причастен и заранее о нем не ведал. Артур узнает правду, но до Артура с его правосудием много миль...

Однако похоже было на то, что Артурово правосудие сохраняло силу и здесь.

Друстан, дав шпоры коню, выехал вперед в сопровождении ратников и теперь допрашивал братьев. Гарет спрыгнул с коня и опустился на колени в пыль рядом с телом Ламорака. Затем бегом возвратился к всадникам и схватил за поводья Гахерисова коня, яростно жестикулируя, пытаясь объясниться.

Братья перекрикивали друг друга. Ветер гудел в ветвях; в прерывистом гуле возможно было разобрать отдельные слова и фразы. Гахерис наконец-то оттолкнул Гарета; близнецы, судя по всему, вызывали Друстана на поединок. А Друстан отказывался. Голос его доносился урывками, ясный, твердый и звонкий:

— Я с вами сражаться не стану. Приказ короля вам известен. Я увезу тело в замок и предам его земле... Будьте уверены, что следующий же королевский гонец доставит вести в Камелот... Что до вас...

— Трус! Да ты просто боишься с нами биться! — донес ветер яростные вопли.— Нам-то верховный король не страшен! Он нам родич!

— Стыд и срам, что в жилах ваших течет такая кровь! — строго отозвался Друстан.— Хоть вы и юны, а уже стали убийцами, погубителями доблестных мужей. От вашей руки пал достойнейший из рыцарей; с ним вам не сравниться вовеки! Подоспей я вовремя...

— Тебя постигла бы та же участь! — завопил Гахерис.— И эскорт бы тебя не спас!

— Даже без эскорта я управлюсь с противником посерьезнее, чем двое юнцов,— презрительно бросил Друстан.

Он вложил меч в ножны, повернулся к братьям спиной и подал знак своим воинам. Те подняли тело Ламорака и с ношей своей двинулись назад по той же дороге, откуда приехали. Сам Друстан, натянув поводья, заговорил с Гаретом, а тот, уже верхом, явно колебался, переводя взгляд от Друстана к братьям. Даже на расстоянии было видно: юноша оцепенел от горя. Друстан кивнул ему и, не оглянувшись на Гахериса с Агравейном, развернулся и поскакал вслед за эскортом.

Мордред неслышно направил коня обратно в лес.

Все было кончено. Агравейн, судя по всему, поостыв, схватил брата за руку и теперь удерживал его, явно увещевая. Тени на дороге удлинились. Эскорт исчез из виду. Гарет, задержавшись с другой стороны от Гахериса, через его голову беседовал с Агравейном.

И вдруг Гахерис оттолкнул руку брата и, дав шпоры коню, галопом поскакал вдогонку за Друстаном. В руке его сверкнул не знающий удержу меч. Агравейн, секунду поколебавшись, помчался за ним, на ходу выхватывая клинок из ножен.

Гарет попытался ухватить коня Агравейна за уздечку — и промахнулся. И ясным, звонким голосом закричал, предостерегая:

— Милорд, берегитесь! Милорд Друстан, сзади!

Не успело эхо умолкнуть, как Друстан уже развернул коня. Двое нападающих налетели одновременно. Агравейн ударил первым. Старший годами рыцарь отбил удар и рубанул противника сверху. Лезвие глубоко рассекло металл и кожу и вошло в шею между плечом и горлом. Агравейн рухнул на землю, истекая кровью. Друстан нагнулся в седле, извлекая клинок; Гахерис с воплем погнал коня вперед и со всей силы обрушил меч на противника. Но конь Друстана прянул назад и встал на дыбы. Его бронированные копыта ударили скакуна Гахериса в грудь. Тот заржал, дернулся в сторону, и удар пришелся мимо цели. Друстан в свою очередь послал коня вперед, рубанул мечом точно по щиту Гахериса, так что всадник потерял равновесие, рухнул на землю и остался лежать без движения.

Галопом подскакал Гарет. Друстан резко развернул коня, увидел, что меч юноши покоится в ножнах, и опустил клинок.

Воины эскорта, оставив ношу, подоспели на место событий. По приказу своего господина они кое-как перевязали рану Агравейна, помогли Гахерису подняться на ноги — голова у оркнейца кружилась, но в остальном он ничуть не пострадал,— и поймали коней близнецов. Друстан с холодной церемонностью предложил ему воспользоваться гостеприимством замка «до тех пор, пока брат твой не исцелится от раны», но Гахерис, выказывая столь же неучтивости, сколь недавно — вероломства, только выругался и повернул было прочь. Друстан дал знак своим спутникам, те выехали вперед и встали по обе стороны от оркнейца. Гахерис снова заорал что-то насчет «своего родича, верховного короля» и попытался сопротивляться, но силы были неравны. Приглашение обернулось арестом. Наконец ратники шагом двинулись в обратный путь. Гахерис ехал промеж них, поддерживая бесчувственное тело брата.

Гарет проводил их взглядом, но следом не поскакал. Он и пальцем не пошевельнул, чтобы помочь Гахерису.

— Гарет? — проговорил Друстан. Меч его, чистый от крови, покоился в ножнах.— Гарет, был ли у меня выбор?

— Не было,— подтвердил Гарет.

Он встряхнул поводьями и поравнялся с конем Друстана. Так, бок о бок, вместе поскакали они в Каэр-Морд.

Над опустевшей дорогой сгущались сумерки. Над морем вставал узкий серп луны. Мордред наконец-то выехал из укрытия и направился на юг.

В ту ночь он заночевал в лесу. Было холодно, но, завернувшись в плащ, Мордред почти не мерз, а на ужин осталось кое-что от хлеба и мяса, врученных Бриджит. Конь, привязанный на длинном поводе, мирно пасся на поляне. На следующий день спозаранку Мордред поехал дальше, теперь — на юго-запад. Артур, надо думать, уже на пути в Каэрлеон; там он с отцом и встре-

тится. Причин к спешке не было. Друстан наверняка уже выслал гонца с известием о гибели Ламорака. Поскольку Мордред на сцене событий так и не появился, король, вне всякого сомнения, поймет, что произошло на самом деле: братья хитростью ускользнули из-под надзора. Его поручение состояло не в том, чтобы обеспечить безопасность Ламорака; это забота самого Ламорака, и рыцарь поплатился за собственную опрометчивость. Мордреду полагалось отыскать Гахериса и увезти его на юг. Теперь, когда близнецы оправятся от увечий, об этом позаботится Друстан. А Мордреду по-прежнему лучше держаться в стороне; и король наверняка его одобрит. Даже если разгневанный Артур прикажет казнить близнецов, прочие смутьяны из числа «молодых кельтов», предполагая, что честолюбец Мордред так и рвется к власти, чего доброго, обратятся к нему и пригласят присоединиться к заговору. По всему судя, король вскорости сам его об этом попросит. «А если я это сделаю,— нашептывал чужой, холодный как лед голос в его сознании,— и происки развернутся в полную силу, и в итоге сокрушат и уничтожат Бедуира, кому и занять его место, кому и унаследовать безраздельное доверие короля и любовь королевы, как не тебе, родному сыну короля?»

Стоял золотой октябрь, морозные ночи сменялись ясными, бодрящими днями. По утрам мир переливался и мерцал, припорошенный искристым инеем, а вечерами в небесах гомонили грачи, возвращаясь к гнездовьям. Мордред ехал не спеша, щадя коня, останавливался по возможности в захолустных, малолюдных местечках и избегал городов. Одиночество и обволакивающая меланхолия осени были созвучны его настроению. Он проезжал пологие холмы и травянистые долины, одетые в золото леса и крутые каменистые перевалы — там, на вершинах, деревья уже облетели. При нем был верный гнедой — в ином обществе Мордред и не нуждался. Хотя ночи стояли холодные и с каждым разом делались все холоднее, странник всегда находил какое-никакое укрытие — загон для овец, пещеру либо поросший лесом берег реки — ведь дождей не шло. Он привязывал гнедого попастись, ужинал остатками снеди, на ночь заворачивался в плащ, просыпался сумеречным, искрящимся утром, умывался в ледяной воде и скакал дальше.

Постепенно простота, тишина да и сами тяготы пути принесли желанное успокоение: он снова стал Медраутом, рыбацким сыном, живущим жизнью немудреной и безгрешной.

Так он добрался наконец до уэльских холмов и до Вирокониума, где сходились четыре дороги. И там, на перепутье, словно новый привет из дома, высился стоячий камень с алтарем у подножия.

В ту ночь Мордред заночевал в зарослях лещины и остролиста у перекрестка, укрывшись за поваленным деревом. Ночь выдалась теплая, в небе сияли звезды. Странник уснул и во сне увидел, будто ловит сетью макрель с лодки вместе с Брудом; эту рыбу Сула потрошила и сушила на зиму. И вот сети поднялись из глубин, нагруженные живым серебром, и над гулом волн послышалось пение Сулы.

Проснулся он в густом белом мареве. В воздухе потеплело; резкая смена температур в течение ночи вызвала туман. Мордред стряхнул с плаща густо осевшие капли, позавтракал, затем, поддавшись внезапному порыву, собрал остатки снеди и сложил их на алтарь у основания камня. Затем, повинуясь иному побуждению, определить которое он даже не попытался, Мордред извлек из котомки серебряную монету и положил рядом с едой. И только тогда понял: кто-то и впрямь поет, точно в его сне.

Женский голос звучал высоко и нежно; песню эту некогда певала Сула. По спине у него побежали мурашки. Мордред подумал о магии и снах наяву. Затем из тумана, не более чем в двенадцати шагах от него, появился человек, ведя в поводу мула. На муле, усевшись боком, ехала девушка. Мордред решил было, что перед ним — поселянин с женой, собравшиеся на дневную работу, а затем заметил, что мужчина облачен в рясу священника, а девушка одета так же просто — в холщовое платье, под покрывалом прелестные ножки босы. Судя по всему, это были христиане: на поясе мужчины висело деревянное распятие, на груди у девушки покоился крест поменьше. На хомуте у мула позвякивал серебряный колокольчик.

При виде вооруженного воина на боевом коне священник замедлил шаг, но, услышав приветствие, улыбнулся и шагнул вперед.

— Маридунум? — повторил он в ответ на расспросы Мордреда. И указал на дорогу, уходящую точнехонько на запад.— Этот путь самый удобный. Ухабист, правда, но везде проходим и короче, чем главный тракт, что ведет на юг мимо Каэрлеона. Вы издалека, господин?

Мордред учтиво ответил и в свою очередь поделился какими-никакими новостями. В речи священника не ощущалось деревенского выговора. Этот человек явно получил хорошее воспитание; возможно, даже состоял при дворе.

А девушка, как теперь заметил Мордред, была прелестна. Даже босые ножки отличались чистотой и белизной — изящной формы, с голубыми прожилками вен. Незнакомка молча наблюдала за ним и прислушивалась к разговору, ничуть не смущенная его вниманием.

Мордред перехватил взгляд священника на алтарный камень, где среди остатков еды поблескивала серебряная монета.

— Вы знаете, чей это алтарь? Чей камень стоит на перекрестке?

Священник улыбнулся:

— Не мой, господин. Вот все, что я знаю. Это ваше приношение?

— Да.

— Тогда Господу ведомо, кто его получит,— мягко проговорил пилигрим.— Но ежели вы нуждаетесь в благословении, господин, тогда мой Бог может благословить вас через меня. Разве что руки ваши в крови,— добавил он, с запозданием встревожившись.

— Нет,— заверил Мордред.— Но проклятие гласит, что я и впрямь обагрю руки кровью. Как мне от него избавиться?

— Проклятие? Кто наложил его?

— Ведьма,— коротко пояснил Мордред,— но она мертва.

— Тогда вполне может статься, что проклятие умерло с нею.

— Но еще до нее судьбу предсказал Мерлин.

— Какую судьбу?

— Этого я сказать не могу.

— Тогда спросите у него.

— А,— отозвался Мордред.— Значит, правда, что он до сих пор жив!

— Так говорят. Он там, в своей пещере на холме, для тех, кому нужда либо удача поспособствуют отыскать его. Ну что ж, господин, я вам помочь бессилен, иначе как даровав христианское благословение и направив на путь.

Священник воздел руку, Мордред поклонился, поблагодарил его, помедлил, гадая, не подобрать ли монету, передумал и поскакал дальше — по западной дороге на Маридунум.

Вскоре колокольчик мула затих в отдалении, и принц снова остался один.

В сумерках Мордред добрался до холма под названием Брин-Мирддин и снова заночевал в лесу. Когда он проснулся, вокруг опять клубился туман, а из-за белой пелены вставало солнце. Дымка отливала розовым, слабый отблеск играл на серых стволах буковых деревьев.

Он терпеливо подождал, подкрепившись предназначенным на завтрак запасом — сухарями с изюмом. В мире царило безмолвие: ни ветерка, ни шороха, лишь туман медленно завивался меж стволов да конь размеренно похрустывал травой. Торопиться было некуда. Мордред давно уже не испытывал ни искры любопытства по поводу этого старика, королевского чародея и героя тысячи легенд, и врага своего (а поскольку так утверждала Моргауза, принц счел это безоговорочной ложью) с самого дня зачатия. Да и для страха места не осталось. Если проклятие возможно снять, так Мерлин, вне всякого сомнения, с этим справится. А если и нет, так хотя бы объяснит, в чем его суть.

И вдруг туман развеялся. Легкий ветерок, теплый для этого времени года, прошелестел по лесу, подхватил клочья тумана и разметал их по склону холма, точно дым от костра. Солнце, поднимаясь над вершиной холма на противоположной стороне долины, полыхнуло ему в глаза алым и золотым. Мир потонул в слепящем зареве.

Мордред сел в седло и повернул в сторону солнца. Он уже понял, где находится. Указания странствующего священника были точны и достаточно четки, чтобы любой сумел отыскать верный путь даже в этой холмистой, безликой местности.

«Как доберетесь до леса, так считайте, что уже миновали верхние склоны Брин-Мирддин. Спускайтесь к ручью, перейдите на другой берег — и увидите стежку. Снова поднимайтесь в гору и скачите до боярышниковой рощицы. Там есть невысокая скала, и неподалеку вверх уходит тропа. На вершине утеса — священный источник, а рядом — пещера чародея».

Мордред добрался до зарослей боярышника. Там, у скалы, он спешился и привязал коня. Затем быстро поднялся вверх по тропе, вышел на ровную площадку и снова оказался в тумане: густое, недвижное марево, подсвеченное алыми и золотыми лучами, застыло, точно озерные воды над дерном. Ничего вокруг не видя, он ощупью пробирался дальше.

Идти было легко: ни ухабов, ни рытвин. Внимательно приглядевшись, Мордред рассмотрел под ногами несколько крохот-

ных поздних маргариток, тронутых морозом; лепестки плотно сомкнулись, защищая середку от влаги. Где-то слева журчала вода. Священный источник? Мордред вслепую двинулся вперед, но родника так и не отыскал. Споткнулся о камушек, тот покатился прочь, а гость едва не рухнул на колени. Тишина, нарушаемая лишь перезвоном ручья, казалась нездешней. Вопреки себе он почувствовал, как по спине, пощипывая кожу, струится холодный пот.

Мордред остановился, выпрямился и громко закричал:

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Эхо, отразившись от стены тумана, заметалось в незримых глубинах долины и наконец умолкло.

— Есть здесь кто-нибудь? Мордред, принц Британский, явился поговорить с Мерлином, своим родичем. Я пришел с миром. Я ищу мира.

И снова эхо. И снова тишина. Мордред осторожно двинулся на шум ручья и нашарил пальцами каменный окоем колодца. Принц склонился над водой. Легкие завихрения тумана клубились над зеркальной гладью. Он нагнулся еще ближе. Прозрачные глубины, загадочно мерцая, утягивали взгляд все ниже, прочь от подернутого маревом зеркала. На дне колодца поблескивало серебро: пожертвования местному богу.

Из ниоткуда возникло воспоминание: заводь под древней гробницей, где Моргауза некогда велела ему высматривать видения. Там Мордред не увидел ровным счетом ничего необычного. Здесь, на священном холме,— та же история.

Молодой человек выпрямился. Реалист Мордред не понял, что с плеч его упало тяжкое бремя. Он сказал бы только, что магия Мерлина, видимо, столь же безвредна, как и чары Моргаузы. То, что он воспринимал как отмеченную проклятием судьбу, со скорбью предсказанную Мерлином и искаженную во зло Моргаузой, в этом мире прозрачной воды и светозарного тумана умалилось до своего подобающего обличия. Это даже не проклятие. Это всего лишь факт, событие, которому предстоит свершиться в будущем и явленное взгляду, обреченному провидеть, какой бы мукой ни оборачивалось ясновидение. Да, предсказанное свершится, но ровно так же, как, рано или поздно, смерть приходит ко всем. Он, Мордред, орудие не слепой и жестокой судьбы, но того — кем бы он ни был и чем бы он ни был,— кто создал мировой узор. «Жить тем, что приносит жизнь. Умереть так,

как назначит смерть». И в утешении этом он даже не ощутил холода.

Собственно говоря, Мордред так и не понял, что ему даровали утешение. Он потянулся к чаше, что стояла у кромки колодца, зачерпнул из источника, выпил, почувствовал прилив сил. Плеснул воды богу, поставил чашу на место, сказал «спасибо» на языке детства и повернулся уходить.

Тем временем туман сгустился еще плотнее; ничто не нарушало напряженной тишины. Солнце стояло высоко, но свет, вместо того чтобы развеять дымку, сиял точно пожар в глубине огромного облака. Вихрь огня и дыма окутал склон, марево холодило кожу, не затрудняло дыхания, но слепило взор и приводило разум в смятение и благоговейный восторг. Воздух мерцал и переливался точно хрусталь, точно радуга, точно текучий бриллиант. «Он там, где был всегда,— сказала некогда Нимуэ.— В ореоле света, в круговерти блуждающих огней». И еще: «Ты найдешь его, если он сам того захочет».

Мордред нашел его — и получил ответ. И ощупью двинулся назад, к вершине утеса. Позади него перезвон незримых капель воды звучал в тумане мелодичным, неясным отголоском арфы. Над его головой, там, где стояло солнце, кружился световой вихрь. Ведомый тем и другим, принц-бастард вслепую пробирался вперед, пока нога его не нащупала начало спуска.

Спустившись к подножию холма, он повернул на восток и во весь опор поскакал прямиком в Каэрлеон, к отцу.

Глава 10

К тому времени, как Мордред добрался до Каэрлеона, волнения мало-помалу улеглись. Узнав об убийстве Ламорака, король пришел в ярость, и Агравейну, безусловно, повезло, что из-за раны он вынужден был задержаться на севере вместе с Гахерисом. Друстан в должный срок послал Артуру сообщение о происшедшем, но вести доставил не королевский гонец, а Гарет; и младший из оркнейских принцев, братьев никоим образом не оправдывая, упросил-таки короля помиловать близнецов. Защищая Гахериса, Гарет ссылался на то, что брат одержим безумием: ведь Гахерис любил Моргаузу — и убил ее. Гарет догадывался, что происходило в изломанном сознании брата, когда тот стоял на коленях в материнской крови. А Агравейн, как всегда,

выступил щитом и кинжалом рядом с мечом своего двойника. Но теперь Ламорак мертв, заклинал Гарет; так что Гахерис наверняка сумеет отрешиться от кровавого прошлого и снова станет преданным вассалом. А Друстан, даже будучи жестоко оскорблен, удержал-таки руку, так что очень возможно, что раскачивающийся маятник мщения еще удастся остановить.

Но заступничество Гарета нежданно встретило решительный отпор со стороны Бедуира. Бедуир весьма сокрушался по поводу кровных уз, связывавших Артура и братьев-оркнейцев, не питал к сыновьям Моргаузы ни приязни, ни доверия и не упускал возможности предостеречь против них короля. При дворе знали: он использует все свое немалое влияние, чтобы не допустить возвращения близнецов. А где, интересно, был Мордред? — с растущим подозрением вопрошал Бедуир. Что, если и он помогал убийцам и скрылся прежде, чем на сцене событий появились Друстан с Гаретом? Мордред прибыл в Каэрлеон как раз вовремя, чтобы прояснить свою роль в происшедшем, и в конце концов, несмотря на возражения Бедуира, Гарета снова отослали на север с наказом привезти братьев ко двору, как только оба исцелятся душою и телом.

Вскорости после того, как двор перебрался в Камелот, а Гахерис с Агравейном все еще находились на севере, ненадолго возвратился Гавейн. Его ждала долгая беседа с Артуром, затем еще одна — с Мордредом. Сводный брат описал оркнейцу все то, что видел своими глазами: убийство Ламорака и его последствия,— и в заключение настоятельно посоветовал брату внять призыву короля, по примеру Друстана выказать самообладание и не добавлять очередного камня на кровавый курган мести.

— У Ламорака остался младший брат, Дриан; он состоит в отряде Друстана. Исходя из вашей логики, он теперь вправе убить любого из твоих братьев либо тебя. Даже Гарета,— добавил Мордред,— хотя это маловероятно. Друстан наверняка позаботится о том, чтобы Дриан узнал о случившемся и о том, что — благодарение Богине! — Гарет сохранил трезвую голову и вел себя как человек здравомыслящий. Он видел — как, впрочем, любой из тех, кто там был,— что Гахерис повредился в уме. Если мы станем упирать на это обстоятельство, возможно, что, когда он возвратится исцеленным, его оставят в покое.— И многозначительно добавил: — Полагаю, отныне близнецам на доверие короля рассчитывать нечего, но если ты сумеешь простить Гахерису смерть

нашей матери или, по крайней мере, не станешь принимать против него никаких мер, тогда тебе, может, и удастся, вместе с Гаретом и мною, удержаться в пределах королевской милости. Для нас с тобой славное будущее еще не заказано. Ты ведь хочешь править этим своим северным королевством, а, Гавейн?

Мордред знал, с кем имеет дело. Гавейн ревниво радел о том, чтобы сохранить свои права на Оркнеи и со временем — на королевство Лотиан. Но оба титула гроша ломаного не стоили бы без неизменной поддержки Артура. Так что дело уладилось, но когда близнецам пришло время возвращаться, король позаботился о том, чтобы старшего брата в Камелоте не оказалось. Королева Моргана, живущая в Кастель-Ауре в Уэльсе, обеспечила превосходный предлог. Гавейна отослали туда с поручением рассмотреть жалобы поселян на то, что стражи Морганы якобы злоупотребляют властью; чтобы оставался там, от греха подальше, покуда страсти, разбуженные гибелью Ламорака, не улягутся.

Однако Мордред видел: подозрения Бедуира на его собственный счет рассеялись не до конца. Вместо сдержанной дружбы, что королевский конюший выказывал до сих пор, Мордред отметил возвращение к настороженному недоверию; точно так же Бедуир относился к Агравейну и кое-кому еще из числа «молодых кельтов».

Прозвание «молодые кельты» поначалу употреблялось в шутку, по отношению к юнцам-чужестранцам, что неизменно держались вместе, но теперь стало своего рода кличкой, столь же четко определенной, как звание королевских рыцарей Сотоварищей. Случалось, что обе линии пересекались: Агравейн вошел в оба сообщества, и Гахерис тоже; а со временем и Мордред. Едва близнецы вернулись ко двору, Артур, как Мордред и предвидел, призвал сына к себе и попросил приглядеть за сводными братьями, а заодно и за «молодыми кельтами» в целом. К некоторому своему удивлению, Мордред обнаружил, что, хотя недовольство некоторыми мерами Артуровой внутренней политики по-прежнему дает о себе знать, изменнических разговоров кельты не ведут. Почтение к имени и славе Артура до поры сдерживало юнцов; Артур по-прежнему оставался вождем и полководцем, в ореоле величия и власти, и этого хватало, чтобы заручиться их верностью. Рассуждения Артура о грядущих войнах еще сильнее располагали кельтов в пользу короля. Но к Бедуиру отношение было враждебное. Оркнейцы, приехавшие на юг, дабы при-

соединиться к сыновьям Лота в Артуровой свите, а также и вновь прибывшие из Лотиана, что видели в Гавейне будущего правителя (и держали зло в силу мелких обид, настоящих или вымышленных, на нортумбрийского лорда Бенойка), знали, что Бедуир им не доверяет и сделал все, чтобы помешать возвращению Агравейна и Гахериса ко двору; более того, настоятельно советовал сослать их на родные острова. Так что когда, как это неизбежно случалось среди молодежи, разговор заходил о Бедуире и королеве, Мордред вскоре понял, что подсказаны сплетни главным образом ненавистью к Бедуиру и стремлением опорочить его перед королем. Когда Мордред, со всей возможной осторожностью дал понять, что не прочь внять уговорам и примкнуть к клике недовольных, «молодые кельты» решили, что движет им вполне объяснимая ревность королевского сына: ведь если удастся сместить Бедуира, он, скорее всего, станет правой рукою отца. И в этом качестве Мордред окажется для заговорщиков весьма ценным приобретением.

Так что его приняли и со временем стали считать одним из вождей — все, даже Агравейн и Гахерис.

В королевском дворце Камелота у Мордреда были свои покои, но с год назад или около того он обзавелся также и уютным домиком в городе. Хозяйство вела нестрогих правил девица; всякий раз, когда Мордреду удавалось выкроить для нее время, принца ждал самый радушный прием. Сюда же время от времени наезжали «молодые кельты» — якобы отужинать либо поохотиться в болотах, а на самом деле потолковать о делах. А Мордред внимательно слушал.

Собственно говоря, купить дом предложил не кто иной, как сам король. Если Мордреду предстояло поучаствовать в происках клики, дворцовые покои казались не самым подходящим для того местом. В особняке своей любовницы, в непринужденной обстановке Мордреду проще было проследить за направлением мыслей мятежных юнцов.

В этот-то дом однажды вечером нагрянул Агравейн вместе с Коллесом и Мадором и прочими «молодыми кельтами». После ужина, едва девица принесла вина и ушла, Агравейн резко перевел разговор на ту самую тему, что с некоторых пор не давала ему покоя.

— Уж этот мне Бедуир! В королевстве шагу ступить нельзя, никуда пробиться невозможно без его одобрения! Да король просто одурманен. Друзья детства, тоже мне! Скорее уж любовники детства! И ведь по-прежнему прислушивается, когда бы милорд Бедуир, великий и всевластный, ни соизволил слово молвить! Что скажешь, Коллес? Уж мы-то знаем, что почем, так? Так?

Агравейн, как это водилось за ним в те дни, был вдрызг пьян, хотя вечер только начинался. Даже он обычно не позволял себе настолько распускать язык. Коллес, подающий надежды подхалим, на сей раз неловко попытался отговориться.

— Ну так всем известно, что они много лет сражались бок о бок. Собратья по оружию, и все такое прочее. Оно дело понятное...

— Куда уж понятнее! — Агравейн не то икнул, не то рассмеялся.— Собратья по оружию, это ты верно сказал! И в объятиях королевы тоже... Ты последнюю байку не слыхал? В прошлый раз, когда королю пришлось отлучиться от двора, не успел его конь отъехать от Королевских ворот, как милорд Бедуир уж и расположился по-хозяйски в постели королевы!

— Откуда ты взял? — резко отозвался Мадор.

— Ну да, ты рассказывал,— отозвался Коллес, явно оробев.— Но это только пересуды, и правды в них ни на грош. Во-первых, король не такой дурак, и если он доверяет Бедуиру... и ей доверяет, если на то пошло...

— Не дурак? Дураки-то как раз и доверчивы! Вон Мордред не даст соврать. Верно, братец?

Мордред, повернувшись спиной к гостям, наливал себе вина. Все слышали его короткое «да».

— Если это правда...— мечтательно протянул кто-то, но тут снова вмешался Мадор.

— Сам ты дурак, ежели разболтался о таком, не имея доказательств! Правды тут и впрямь ни на грош. Да разве они бы осмелились, даже если бы и хотели? Ведь дамы королевы неотлучно при ней, даже ночью...

Агравейн оглушительно заржал. Гахерис, вальяжно развалившись рядом с братом, широко ухмыльнулся.

— Ах ты, бедный невинный ягненочек! Да ты рассуждаешь в точности как мой святоша-братец Гарет! Ты что, скабрезных пересудов вообще не слушаешь? Агравейн уже с месяц как спит

с одной из горничных Гвиневеры. Кому и знать последние сплетни, как не ему!

— И девица уверяет, что он побывал там ночью? То есть Бедуир?

Агравейн кивнул над чашей с вином.

— Тогда он в наших руках! — ликующе заорал Гахерис.

— Она сама его видела? Своими глазами? — настаивал Коллес.

— Нет,— вызывающе обернулся к нему Агравейн.— Но мы-то знаем, что за толки ведутся уж давным-давно; знаем и то, что дыма без огня не бывает. Так давайте заглянем за дымовую завесу и потушим пламя. Если я и впрямь добуду доказательства, вы все меня поддержите?

— Поддержать? Но в чем?

— В том, чтобы оказать королю услугу и избавиться от Бедуира: закроем ему путь к королевскому ложу и королевскому доверию!

— То есть просто рассказать обо всем королю? — с сомнением протянул Калум.

— А как еще? Артур разъярится, да и кто бы на его месте не вышел из себя, но после непременно спасибо скажет! Любой мужчина захочет знать...

— Но королева? — Это произнес юнец по имени Киан, приехавший с родины Гвиневеры, из Северного Уэльса.— Артур убьет ее. Любой мужчина, обнаружив...

Он вспыхнул и замолчал. Видно было, что в сторону Гахериса он предпочитает не смотреть.

Агравейн, уверенный в собственной правоте, пренебрежительно отмахнулся.

— Королеву он и пальцем не тронет. Вы разве не слышали историю о том, как Мельвас из Летней страны похитил ее и сутки удерживал в охотничьем домике на одном из островов Стеклянного озера? Только не говорите мне, что распутник с ней не позабавился! Однако король принял Гвиневеру назад, ни слова не говоря, и пообещал ей, что ни за это, ни даже по причине бесплодия никогда ее от себя не отошлет. Нет, Артур ее не обидит. Мордред, ты ведь знаешь короля едва ли не лучше нас всех и половину времени проводишь с королевой. Что скажешь?

— Что до доброго отношения короля к ней, здесь я согласен.— Мордред отставил кувшин с вином, откинулся назад, опираясь на край стола, и обвел собеседников взглядом.— Но ведь все это чистой воды вздор, нет? Да, слухи ходят, и я их слышал, но сдается мне, что исходят эти сплетни главным образом отсюда, и доказательств нет. Ровным счетом никаких! А пока доказательства не найдены, пересуды так и останутся пересудами, состряпанными из пожеланий и амбиций, но не из фактов.

— А ведь он прав,— согласился Мелион, брат Киана.— Все это только досужие байки, без которых не обойтись, ежели дама так хороша собою, как королева, а муж ее часто и надолго покидает брачное ложе, как в случае короля.

— Альковные сплетни, вот как я это называю,— подхватил Киан.— А ты предлагаешь нам опуститься на колени прямо в грязь и подглядывать в замочные скважины?

Поскольку именно к этому Агравейн, по сути дела, и вел, он принялся возмущенно отрицать подобное предположение. Он был не настолько пьян, чтобы не заметить: собравшиеся не потерпят и мысли о том, чтобы повредить королеве. И с благородным достоинством прибавил:

— Вы меня неправильно поняли, господа. Ничто не заставит меня причинить зло прекрасной даме. Но если бы удалось измыслить способ сокрушить Бедуира, не задев ее...

— То есть поклясться, что он ворвался в спальню силой? Овладел королевой против ее воли?

— Почему бы нет? Такое тоже возможно. Моя девчонка скажет что угодно, если мы ей заплатим, и...

— Как насчет Гарета? — переспросил кто-то.

Известно было, что Гарет ухаживает за Линеттой, одной из придворных дам королевы, прелестной девушкой, и притом столь же неподкупной, как он сам.

— Ну хорошо, хорошо! — Раскрасневшись, Агравейн обернулся к Мордреду.— Многое еще предстоит обдумать, но, клянусь темной Богиней, начало положено и мы знаем, кто с нами, а кто против! Мордред, как ты? Если мы измыслим способ, позволяющий не впутывать королеву, ты нас поддержишь? Уж тебе-то менее всего пристало водить дружбу с Бедуиром!

— Мне? — Мордред холодно улыбнулся краем губ — только эта улыбка и осталась в нем от Моргаузы.— Водить дружбу с Бедуиром, королевским конюшим, лучшим из рыцарей, правой рукою короля в битве и в зале совета? С регентом, в отсутствие Артура облеченным всей полнотою власти? — Молодой человек по-

молчал.— Сокрушить Бедуира? Что мне на это сказать, господа? Что мысль эту я решительно отвергаю?

Раздался смех, стук чаш о стол, оглушительные крики:

— Мордреда в регенты! А почему бы и нет? Кого еще? Валерия? Нет, слишком стар. Может, Друстана? Или Гавейна? — И наконец срывающиеся, хриплые голоса слились в единодушии: — Мордреда в регенты! Кого же еще? Он — один из нас! Мордреда!

Затем вошла девица, и крики стихли, и разговор свернул на безобидную тему завтрашней охоты.

Когда гости разошлись, а девица осталась убирать со стола завалы объедков и вытирать пролитое вино, Мордред вышел на свежий воздух.

Несмотря ни на что, сам разговор и заключительная акколада глубоко потрясли принца. Бедуира не станет? А сам он неоспоримо — правая рука короля и, в отсутствие Артура, регент, наделенный безоговорочной властью? А тогда, стоит ему выказать себя умелым бойцом и управителем, и более чем вероятно, что Артур назовет его своим наследником? До сих пор этого не случилось: преемником короля по-прежнему остается Константин Корнуэльский, отпрыск того самого герцога Кадора, которого Артур, за неимением законного принца, провозгласил престолонаследником. Но в ту пору он еще не знал, что сын, плоть от плоти его, будет — да нет, уже зачат. Законный? Какое это имеет значение, ежели сам Артур — дитя прелюбодеяния?

Девица тихонько окликнула любовника, и Мордред обернулся. Она выглядывала из окна спальни, мягкий свет падал на длинные золотые волосы, на оголенное плечо и грудь. Он улыбнулся, сказал: «Сейчас»,— собеседницы по сути дела не видя. Перед его мысленным взором, на фоне тьмы, стояла королева.

Гвиневера. Златокудрая дама, по-прежнему прелестная, обладательница огромных серо-голубых глаз, напевного голоса, неизменной улыбки, а в придачу к ним — мягкое остроумие и веселость, радостным светом озаряющие ее приемный зал... Гвиневера, которая со всей очевидностью любила своего господина и супруга, но знала и страх, и одиночество, и в силу понимания этого приветила испуганного, неприкаянного мальчика, помогла ему подняться над тьмой детских воспоминаний и научила любить с легким сердцем. И дружеские прикосновения ее рук раздули неуемное пламя, в то время как порочные губы Моргаузы не пробудили даже искры.

Мордред любил ее. Совсем по-иному, даже на ином дыхании, нежели прочих женщин. А их в жизни Мордреда перебывало немало, от девушки с островов, с которой он в четырнадцать лет развлекался в вересковой лощине, до нынешней его любовницы. Но мысли его о Гвиневере в такую форму даже не облекались. Мордред знал лишь одно: он ее любит, и если слухи справедливы, тогда, свидетельница ему Геката, он порадуется падению Бедуира! Молодой человек не сомневался: король ничем не повредит Гвиневере, но может статься — ведь может же такое статься! — дабы честь его не потерпела урона, Артур отошлет жену от себя...

Дальше этого бастард не заглядывал. Да и вряд ли сознавал, что зашел настолько далеко. Как ни странно, но Мордред, рассудочный философ, на сей раз затруднился бы облечь мысли в слова. Он сознавал лишь, что гнусные перешептывания, пятнающие имя королевы, приводят его в ярость и он еще менее склонен доверять близнецам и их безответственным приятелям. Во власти дурных предчувствий, принц отлично сознавал, в чем состоит долг королевского наблюдателя (королевского соглядатая, ехидно поправился он), подосланного к «молодым кельтам». Ему следует предупредить короля об опасности, нависшей над Бедуиром и королевой. Артур вскорости доберется до истины, и ежели понадобится принять меры, это забота самого короля. Вот что подсказывает ему, Мордреду, долг, а также и доверие короля.

А что же Бедуир, если окажется, что он и впрямь злоупотребил этим доверием?

Мордред решительно отогнал эту мысль и, повинуясь внезапному порыву — сам он ни за что его бы не признал, даже если бы и разгадал,— возвратился в дом и предался любви с исступленным неистовством, совершенно ему не свойственным, равно как и давешний хаос в мыслях. Так что на следующий день пришлось откупаться золотым ожерельем.

Глава 11

Ближе к ночи, когда в городе и во дворце все стихло, Мордред отправился к королю.

В те дни Артур засиживался за работой допоздна. Белый пес Кабаль лежал у его ног — этого самого щенка король выбрал в

тот день, когда к нему впервые привели Мордреда. Теперь пес состарился, украсился рубцами и шрамами — памятками не одной славной охоты. При появлении Мордреда он приподнял голову и замолотил хвостом об пол.

Слуга ушел, а вслед за ним король кивком отослал секретаря.

— Ну, как жизнь, Мордред? Рад, что ты зашел. Я собирался послать за тобой утром, но нынче вечером оно еще лучше. Ты знаешь, что мне вскорости предстоит ехать в Бретань?

— Да, слухи ходят. Так это правда?

— Да. Пора мне повидаться с кузеном, королем Хоэлем. Да и хотелось бы самому поглядеть, как там обстоят дела.

— Когда вы едете, сир?

— Через неделю. К тому времени распогодится.

Мордред оглянулся на окно: резкий, порывистый ветер трепал занавеси.

— Никак пророки наобещали?

Король рассмеялся:

— Я обращаюсь к источникам более надежным, нежели алтари или даже Нимуэ в Яблоневом саду. Расспрашиваю пастухов с холмов. Они никогда не ошибаются. А про тебя-то, мой мальчик-рыбак, я и позабыл! Может, стоило бы и тебя спросить?

Мордред с улыбкой покачал головой:

— На островах я бы отважился на предсказание-другое, хотя там даже старики порою дают маху; но здесь — нет. Это иной мир. Иное небо.

— А по прежнему ты уже не тоскуешь?

— Нет. У меня есть все, что нужно.— И добавил: — Мне бы хотелось посмотреть на Бретань.

— Тогда извини. Я, собственно, собирался сообщить, что намерен оставить тебя здесь, в Камелоте.

Сердце юноши так и подскочило в груди. Мордред ждал, не глядя на Артура, чтобы отец ненароком не прочел его мыслей.

Словно и впрямь заглянув ему в душу — а с Артуром такое было вполне возможно,— король продолжал:

— Бедуир, разумеется, тоже остается. Но на этот раз я хочу, чтобы ты не просто наблюдал за происходящим. Ты будешь заместителем Бедуира, а он — моим.

Наступила пауза. Артур с недоуменным интересом отметил, что Мордред побледнел как полотно и замялся, точно не зная, что сказать. И наконец спросил:

— А мои... прочие оркнейские принцы? Они поедут с вами или останутся здесь?

Неправильно истолковав его слова, Артур изрядно удивился. Он и не думал, что Мордред ревнует к сводным братьям. Если бы речь шла о военном походе, он бы, возможно, взял с собою Агравейна с Гахерисом, дабы поумерить их энергию и недовольство, но сейчас он ответил решительно и не задумываясь:

— Нет. Гавейн в Уэльсе, сам знаешь, и пробудет там еще некоторое время. У Гарета свадьба на носу: ежели я умыкну его из Камелота, мальчик мне спасибо не скажет. Остальным двоим на мое благоволение рассчитывать нечего. Вот пусть и сидят здесь.

Мордред промолчал. Король завел речь о предполагаемом путешествии, о том, что предстоит обсудить с королем Хоэлем, затем о роли Мордреда в качестве заместителя регента. Пес проснулся, принялся вычесывать блох. Огонь понемногу угасал; Мордред, по знаку отца, подбросил в очаг полено из корзины. Но вот король договорил. И оглянулся на юношу.

— А ты все молчишь, словно воды в рот набрал. Ну же, Мордред, будут еще поездки на твою долю! А в один прекрасный день Бедуир отправится со мной, а ты останешься и на время подменишь короля. Тебя эта возможность так пугает?

— Нет. Нет. Я... благодарю за честь.

— Тогда в чем дело?

— Если я попрошу, чтобы Бедуир на этот раз поехал с вами, а я остался здесь, вы решите, что я зашел слишком далеко: ведь даже честолюбию принца есть пределы. Но я прошу об этом, милорд король.

Артур изумленно поднял глаза.

— Это еще что такое?

— Сегодня я пришел к вам сообщить, о чем говорится в среде «молодых кельтов». Нынче вечером они собрались у меня дома. Разговор шел главным образом о Бедуире. У него есть враги, безжалостные враги, которые станут плести интриги, дабы его уничтожить.— Принц замялся. Он знал, что придется нелегко, но насколько, даже не догадывался.— Сир, прошу вас, не оставляйте Бедуира здесь, в то время как сами покидаете страну. Не потому, что сам я мечтаю о регентстве. Но потому, что ходят слухи — про него и...— Мордред умолк. Облизнул губы. И неловко докончил: — У Бедуира есть враги. Разные ходят слухи.

Глаза Артура превратились в черный лед. Он встал. Мордред тоже поднялся на ноги. И, к вящему своему негодованию, понял, что дрожит. Он так и не узнал, что все, на кого обращался этот жесткий, ледяной взгляд до него, ныне мертвы.

Ровным, словно доносившимся с далекого расстояния голосом король проговорил:

— Слухи ходят всегда. Есть те, кто болтает, а есть и те, кто слушает. Мои люди не принадлежат ни к тем ни к другим. Нет, Мордред. Я отлично тебя понимаю. Я не глух, и я не слеп. За пересудами ровным счетом ничего не стоит. И обсуждать тут нечего.

Мордред сглотнул.

— Я ничего такого не сказал, милорд.

— А я ничего не слышал. Ступай.

Король отрывисто кивнул — еще более сухо, чем слуге,— давая понять, что аудиенция окончена. Мордред поклонился и направился к выходу.

Он уже коснулся двери, когда голос короля заставил его остановиться.

— Мордред.

Молодой человек обернулся.

— Милорд?

— Ничего не изменилось. Ты остаешься заместителем регента.

— Милорд.

Уже иным тоном король произнес:

— Мне следовало помнить, что именно я попросил тебя прислушаться к разговорам, так что я не вправе осуждать тебя ни за это, ни за то, что передаешь услышанное мне. Что до Бедуира, он знает об амбициях своих недругов.

Артур опустил взгляд: подушечки его пальцев чуть касались поверхности стола. Наступила пауза. Мордред выжидал. Не поднимая глаз, король добавил:

— Мордред, есть на свете вещи, о которых лучше не поминать, о которых лучше вообще не знать. Ты меня понял?

— Думаю, да,— отозвался Мордред.

И в самом деле, неправильно истолковав слова короля, как тот, в свою очередь, неправильно судил о сыне, принц полагал, что и впрямь все понял. Артур со всей очевидностью знал о том, что говорится про Бедуира и королеву. Знал — и предпочел пропустить мимо ушей. А означает это только одно: правдивы

слухи или нет, но Артур не желает принимать решительных мер. Стремится избежать смуты, что неминуемо начнется, если против королевского регента и королевы открыто выдвинут подобное обвинение. И до сих пор Мордред был прав. Но к выводам пришел ошибочным, ибо судил с позиций мужчины, а не принца: он решил, что Артуру все равно и он склонен закрыть глаза на происходящее из гордости, равно как и из соображений политики.

— Думаю, да, сир,— повторил принц.

Артур поднял взгляд, улыбнулся. Мрачные складки разгладились, но теперь в лице его отражалась бесконечная усталость.

— Тогда не теряй бдительности ради меня, сын мой, и служи королеве. И знай, что Бедуир — твой друг и мой преданный слуга. А теперь — доброй ночи.

Вскоре после этого король покинул Камелот. Мордред обнаружил, что обязанности заместителя регента включают в себя немало: череда дней, когда с утра до вечера приходилось выслушивать прошения в Круглом зале, сменялась выездами на войсковые маневры, а каждый вечер, после публичной трапезы в пиршественном зале (причем зачастую к столу на возвышении подносились новые петиции), заканчивался в королевском рабочем кабинете над горой бумаг и табличек.

На людях Бедуир, как и прежде, занимал место короля подле королевы, но насколько Мордред, мимоходом приглядываясь, имел возможность убедиться, регент не искал предлогов для частных бесед с Гвиневерой, и ни он, ни королева не пытались избавиться от присутствия Мордреда. Каждое утро регент беседовал с королевой, и Мордред неизменно находился рядом; за ужином Мордред усаживался по левую руку от королевы; Мордред держался слева от нее, когда королева прогуливалась в саду в обществе Бедуира, в окружении придворных дам.

Работать с Бедуиром оказалось на удивление легко. Старший годами изо всех сил старался дать своему заместителю больше свободы действий. Вскоре три разбирательства из пяти доставались на долю Мордреда, с одной-единственной оговоркой: приговоры обсуждались в частном порядке, а потом уже объявлялись во всеуслышание. Несогласия почти не возникали, и со временем Мордред обнаружил, что решения все чаще и чаще исходят от него. Заметно было и другое — теперь, когда до возвращения Ар-

тура оставались считанные дни,— работа, ожидающая короля по приезде, существенно сократилась в сравнении с предыдущими отлучками.

Заметно было также, что, несмотря на уменьшение нагрузки, Бедуир как-то притих и изнервничался. На лице резче обозначились морщины, взгляд потемнел. За ужином, с застывшей на губах улыбкой прислушиваясь к нежному голосу королевы, он почти не ел, но пил много. Позже, в рабочем кабинете он надолго забывался в молчании, глядя в огонь, пока Мордред или кто-нибудь из секретарей не обращался к нему с вопросом, напоминая о насущном деле.

Все это Мордред зорко подмечал про себя. Для него близость Гвиневеры означала и радость, и муку. Промелькни между нею и Бедуиром хоть один понимающий взгляд, касание, жест, Мордред непременно бы его заметил или просто почувствовал. Но ничего не было — только молчание Бедуира, да ощущение скованности, исходящее от него, да еще, может статься, чрезмерная веселость в болтовне и смехе королевы, когда она и ее дамы удостаивали своим присутствием придворную церемонию. И в том, и в другом случае все это можно было списать на треволнения и заботы, сопряженные с высоким саном, и напряженность, вызванную отсутствием Артура. В конце концов Мордред, памятуя о последней беседе с королем, выбросил из головы сплетни «молодых кельтов».

И вот однажды поздним вечером, спустя несколько часов после ужина, когда королевской печатью воспользовались в последний раз, секретарь вернул ее в ларец, пожелал двоим оставшимся доброй ночи и ушел, в дверь постучали и слуга объявил о прибытии гостя.

Им оказался Борс, один из старейших рыцарей-Сотоварищей: вместе с Артуром и Бедуиром он прошел через всю великую войну, сражался с ними плечом к плечу у горы Бадон. Бесхитростный и недалекий, Борс верой-правдой служил королю, но известно было, что и он на все лады проклинает вынужденное безделье — под стать «молодым кельтам». К придворной жизни непривычный, он не выносил церемоний и тосковал о простоте и подвижности полевой жизни.

Борс по-солдатски отсалютовал Бедуиру и по своему обыкновению отрывисто произнес:

— Тебя требует королева. Хочет показать какое-то письмо.

Последовала короткая, недоуменная пауза. Затем Бедуир поднялся на ноги.

— Но ведь уже очень поздно. Королева наверняка легла? Должно быть, дело срочное.

— Так она и сказала. Иначе бы меня не послали.

Мордред встал заодно с Бедуиром.

— Письмо? Его гонец привез?

— Думаю, да. Посыльный изрядно запоздал, вы же знаете. Ведь вы и остальную почту получили только что.

Это соответствовало истине. Гонца ждали на закате, но он задержался в пути — река разлилась после дождей — и прибыл в Камелот не так давно. Поэтому и пришлось засидеться за работой допоздна.

— Гонец ни словом не упомянул про письмо к королеве,— заметил Мордред.

— А с какой стати? — резко отозвался Бедуир.— Если письмо к королеве, это не наше дело, разве что она сочтет нужным обсудить послание со мной. Хорошо, Борс. Я уже иду.

— Известить королеву о том, что ты придешь?

— Нужды нет. Я пошлю Ульфина. Ты ступай спать, и ты, Мордред, тоже. Доброй ночи.

Не договорив, он уже застегивал пояс, отброшенный было в сторону, когда мужчины уселись за вечернюю работу. Слуга подал ему плащ. Краем глаза Бедуир подметил, что Мордред задержался у порога, и повторил, на сей раз — резче:

— Доброй ночи.

Делать было нечего. Мордред вышел в коридор вслед за Борсом.

Борс поспешал вперед размашистым уличным шагом. Мордред бросился вдогонку и не услышал, как Бедуир торопливо сказал слуге:

— Ступай сообщи королеве, что я сейчас буду. Скажи ей... Наверняка ее дамы удалились на покой вместе с нею. Позаботься о том, чтобы королева встретила меня в окружении свиты. Не важно, что прислужницы спят. Разбуди их. Ты понял?

Ульфин состоял старшим дворецким короля уже много лет.

— Да, милорд,— коротко отозвался он и ушел.

Мордред и Борс, вместе идя через сад внешнего двора, видели, как дворецкий спешит к покоям королевы.

— Не по душе мне все это,— коротко заметил Борс.

— Но ведь пришло письмо!

— Я никакого письма не видел. А гонец прибыл при мне. Если он и в самом деле привез письмо королеве, зачем бы ей обсуждать послание с регентом прямо сейчас? Дело-то к полуночи. До завтра не могли подождать? Говорю, не по душе мне все это!

Мордред искоса глянул на собеседника. Возможно ли, чтобы слухи дошли даже до этого преданного служаки?

А Борс тем временем добавил:

— Ежели что-то случилось бы с королем, тогда, уж верно, и Бедуира бы известили напрямую. Что им такого понадобилось обсуждать наедине и в полночь?

— И в самом деле, что? — подхватил Мордред.

Борс внимательно глянул на собеседника, но проворчал только:

— Ну ладно, ладно, пойдем-ка мы спать, а в чужие дела лезть нечего.

Когда они добрались до зала, где ночевало большинство холостяков, оказалось, что многие еще не спят. Гахерис был трезв, но уже на грани, Агравейн — пьян как всегда и изрядно словоохотлив. Гарет играл с Коллесом в трик-трак, и еще двое развлекались партией в кости у потухающего очага.

Борс пожелал спутнику доброй ночи, а Мордред, который в отсутствие короля жил и спал во дворце, двинулся было через зал к лестнице, уводящей в его покои. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как один из молодых рыцарей, валлиец по имени Киан, ворвался внутрь со стороны внешнего двора, оттолкнув с порога Борса. Он постоял там минуту, моргая, пока глаза его после темноты привыкали к свету. Гахерис, догадавшись, где тот был, отпустил скабрезную шутку, а Коллес, хрипло расхохотавшись, отметил, что платье юноши все еще в беспорядке.

Но Киан пропустил насмешки мимо ушей. Он стремительно вышел на середину зала и взволнованно объявил:

— Бедуир у королевы. Я сам его видел. Он вошел через потайную дверь, а в окне ее спальни горит светильник.

Агравейн вскочил на ноги.

— Клянусь Господом, неужели!

Гахерис, пошатываясь, выпрямился. Рука его легла на меч.

— Так стало быть, слухи правдивы! Мы все это знали! А теперь посмотрим, что скажет король, когда узнает, что супруга его возлежит с любовником!

— Зачем ждать? — вступил Мадор.— Давайте захватим их прямо сейчас!

Мордред, от подножия лестницы, настойчиво возвысил голос над шумом и гвалтом:

— Королева за ним послала. Гонец привез письмо. Возможно, от короля. В послании оказалось нечто такое, что следовало обсудить с Бедуиром. Борс передал поручение. Да скажи им, Борс!

— Это правда,— ответил старик, но в голосе его по-прежнему звучало беспокойство, и Мадор проницательно отметил:

— Тебе это тоже не по душе, так? Ты тоже наслушался пересудов? Ну что ж, если они держат совет над письмом короля, давайте и мы присоединимся! Какие тут могут быть возражения?

— Да остановитесь, безумцы! — закричал Мордред.— Говорю вам, я там был! Это правда! Вы что, все с ума посходили? Подумайте о короле! Чего бы мы ни обнаружили...

— Верно, чего бы мы ни обнаружили,— хрипло подхватил Агравейн.— Если это и впрямь совет, мы тоже поучаствуем, как верные вассалы короля...

— А если это свидание похотливых любовников,— вступил Гахерис,— мы послужим королю по-другому...

— Вы не посмеете ее тронуть!

Мордред, вне себя от страха, протолкался сквозь толпу и ухватил Гахериса за плечо.

— Ее? Только не в этот раз,— рассмеялся Гахерис, и в глазах его заметались призраки. Несмотря на винные пары, на ногах он стоял вполне твердо.— Но Бедуир... ах, если Бедуир и впрямь там, где мне думается, как королю не поблагодарить нас за ночные труды?

Борс что-то кричал, но голос его тонул в общем гуле. Мордред, не выпуская Гахериса, говорил быстро и рассудительно, пытаясь обуздать разгоряченную толпу. Но юнцы изрядно перепились, горели желанием действовать и ненавидели Бедуира. Остановить их было невозможно. Мертвой хваткой вцепившись в рукав Гахериса, Мордред почувствовал, что его тащат заодно со всеми — смутьянов набралось уже около дюжины, включая подхваченного толпою Борса, а бледный как полотно Гарет замыкал

шествие,— через затененные аркады, обрамляющие сад, и сквозь портал, выходивший на отдельную лестницу к покоям королевы. Заспанный слуга, не вовсе утратив бдительность, отделился от стены и собирался уже окликнуть чужаков. Но тут он заметил Мордреда, заколебался, и Коллес, воспользовавшись минутным промедлением, оглушил часового рукоятью кинжала.

Это первое насилие точно спустило туго натянутую тетиву. С воплями молодые люди хлынули в проем и вверх по лестнице к покоям королевы. Коллес, оказавшись перед дверью первым, забарабанил по дереву рукоятью меча, громко крича:

— Отворите! Отворите! Во имя короля!

Застряв в толчее на лестнице, Мордред тщетно пытался пробиться вперед.

Предостерегающе закричала женщина; затем изнутри послышались и другие голоса, пронзительные и настойчивые, но их тут же перекрыли возобновившиеся вопли заговорщиков:

— Отворяйте дверь! Измена! Измена королю!

И вдруг — так быстро, что стало ясно: на замок ее не запирали,— дверь широко распахнулась.

Створки придерживала девушка. Комнату освещали лишь ночники. Внутри обнаружились три-четыре женщины, с ног до головы задрапированные: видимо, в спешке повскакивали с кроватей как были, в ночных сорочках. Одна из них, пожилая матрона с растрепавшимися седыми волосами — похоже, ее разбудили неожиданно,— подбежала к дверям во внутренний покой, где спала королева, и загородила вход.

— Это что еще такое? Что случилось? Коллес, что за непотребство... И вы, принц Агравейн? Если вам нужен лорд Бедуир...

— Отойдите, матушка,— выдохнул кто-то, женщину оттолкнули в сторону, а Коллес и Агравейн, крича: — Измена, измена королю! — бросились, с мечами наголо, к двери королевы.

Сквозь шум, стук, испуганные вопли женщины пробился срывающийся голос Гарета:

— Линетта? Ничего не бойся. Борс уже пошел за стражей. Отойди в сторону и держись сзади. Все будет хорошо...

Затем, в промежутке между двумя оглушительными ударами, дверь внезапно распахнулась: на пороге стоял Бедуир.

Опочивальня королевы была ярко освещена подвесным серебряным светильником в форме дракона. Это застало нападавших

врасплох: одного беглого взгляда хватило, чтобы оглядеть всю комнату.

У дальней стены стояла широкая кровать. Покрывала были смяты, но ведь королева уже легла, когда доставили письмо — если таковое и впрямь было. Как и ее дамы, Гвиневера утопала в просторном теплом одеянии из белой шерстяной ткани с синим поясом. На ногах — тапочки, опушенные белым горностаем. Золотые волосы, перевитые синей лентой, спадали на грудь. Она казалась совсем девочкой. И видно было: ей очень страшно. Королева чуть привстала со скамеечки, держась за руки перепуганной фрейлины, что сжалась на подушечке у ее ног.

Бедуир, придерживающий дверь, был в том же платье, в каком Мордред видел его совсем недавно, но без меча и кинжала. Хотя и полностью одетый, лицом к клинкам, на языке воинов он считался «обнаженным». И двигался он с молниеносностью воина. Коллес, по-прежнему в авангарде, ринулся к нему с мечом, Бедуир, отбив лезвие в сторону рывком своего тяжелого плаща, ударил нападавшего в шею. Тот отшатнулся назад, Бедуир вырвал меч из его руки и проткнул противника насквозь.

— Развратник! Убийца! — заорал Агравейн.

Голос все еще звучал хрипло от выпитого вина или ярости, но меч он держал уверенно. Мордред с предостерегающим криком вцепился в него, но Агравейн отшвырнул от себя братнюю руку и прыгнул вперед, перехватив меч ближе к середине, прямиком к Бедуиру. Тело Коллеса перегородило дверной проем, и на краткий миг Агравейн оказался один на один с мечом Бедуира. За это мгновение Бедуир, ветеран тысячи сражений, играючи отбил сверкающий клинок противника и пронзил Агравейна в самое сердце.

Даже эта смерть не сдержала нападавших. Мадор, следуя по пятам за Агравейном, почти пробился через заслон Бедуира, прежде чем тот успел высвободить лезвие. Гарет, чей юный голос дрожал от отчаяния, кричал:

— Он пьян! Ради бога...— И затем — пронзительный, исполненный муки панический возглас: — Гахерис, нет!

Ибо Гахерис, погубитель женщин, перепрыгнул через распростертое тело Агравейна, мимо вращающихся клинков, где сражался Бедуир, и занес меч над королевой.

Она не двинулась с места. Вся схватка длилась не долее нескольких секунд. Гвиневера застыла недвижно, не сводя глаз со

смертоносного блеска металла вокруг Бедуира; перепуганная прислужница скорчилась у ее ног. Если королева и заметила Гахериса и исходящую от него опасность, то ничем не подала виду. Она даже не подняла руки отвести от себя лезвие.

— Шлюха! — заорал Гахерис, с размаху опуская меч.

Клинок его отлетел вверх. Мордред подоспел вовремя. Выругавшись, убийца обернулся. Меч Мордреда скользнул по клинку Гахериса, гарды сцепились. Противники сошлись в ближнем бою. Гахерис, отступая назад, натолкнулся на скамеечку королевы и опрокинул ее. Прислужница взвизгнула, королева наконец-то очнулась и с криком метнулась к стене. Гахерис с проклятием замахнулся кинжалом. Левой рукой Мордред выхватил свой и рукоятью изо всех сил ударил сводного брата в висок. Гахерис рухнул как подкошенный. Задыхаясь, Мордред обернулся к королеве и встретил клинок Бедуира и его беспощадный взгляд.

В запале боя Бедуир разглядел сквозь алый туман — кровь сочилась из неглубокого пореза на лбу,— как нападавшие вдруг ринулись к королеве и у скамьи ее закипела борьба. Он принялся прорубаться к ней, охваченный отчаянием и бешенством, почти не размышляя. С падением Агравейна Гарет оказался открыт, и, все еще исступленно повторяющий: «Он пьян!» — был повержен и умер в луже собственной крови у самых ног королевы. Затем смертоносный клинок, обагренный по рукоять, скрестился с мечом Мордреда; времени для слов не осталось и для отступления — тоже, и принц сражался не на жизнь, а на смерть.

Краем уха он уловил новый шум. Одна из дам, не обращая внимания на опасность, вбежала в спальню и бросилась на колени рядом с Гаретом, жалостно выкликая его имя. Из коридора, куда прочие бросились за помощью, доносился визг. Бедуир, продолжая бой, выкрикнул какой-то приказ; Мордред понял, что позвали стражу и стража явилась. Гахерис распростерся на полу, пытаясь подняться. Рука его соскальзывала в крови Гарета. Стража схватила и уволокла прочь вопящего Мадора. Кое-кто еще пытался сопротивляться, но силы были неравны: одного за другим заговорщиков обезоружили и увели. Королева кричала что-то, но слова тонули в общем гвалте.

Для Мордреда в мире остались только две вещи: взгляд Бедуира, исполненный холодной ярости, да сознание того, что, даже несмотря на ярость, королевский полководец намеренно удерживается от того, чтобы убить или покалечить королевского сына. Возможность ему представилась, но Бедуир ею не воспользовался; и следующая тоже оказалась отвергнута. Выпад — и меч его, пройдя над клинком Мордреда, пронзил противника точно в предплечье. Мордред отшатнулся назад, Бедуир шагнул вслед за ним и с силой ударил в висок рукоятью кинжала.

Мордред упал. Рухнул поверх раскинутой руки Гарета, и слезы девушки, оплакивающей любимого, оросили его лицо.

Боли еще не было, лишь в глазах потемнело да глухой шум то накатывал, то отступал, точно морские волны. Сражение закончилось. Голова раненого покоилась в футе от подола Гвиневеры. Мордред смутно сознавал, как Бедуир переступил через него и сжал руки королевы в своих. Услышал, как тот заговорил — приглушенно и встревоженно:

— Они вас не коснулись? Все хорошо?

И в ответ — срывающийся, исполненный горя и страха нежный голос:

— Ты ранен? О, мой милый...

И его быстрое:

— Нет. Пустая царапина. Все кончено. Я должен оставить вас с дамами. Успокойтесь, госпожа, все кончено.

Гахерис поднялся-таки на ноги: из глубокой раны на руке сочилась кровь. Оглушенный, он безропотно позволил себя увести. Борс с трагическим видом что-то убежденно доказывал, но слова приходили и уходили, точно морской прилив, вместе с биением пульса. Боль уже давала о себе знать. «Госпожа...» — проговорил один из стражников, пытаясь увести Линетту от тела Гарета. Но вот подоспела королева и опустилась на колени рядом с Мордредом. Молодой человек ощущал ее благоухание и легкое касание шерстяной ткани, мягкой и белой. Кровь его пятнала одеяние, но Гвиневера ничего не замечала. «Госпожа»,— попытался выговорить он, но слова не шли.

Как бы то ни было, королева беспокоилась не о нем. Она обняла Линетту, принялась нашептывать слова утешения, пронизанные нотками горя. Наконец девушка позволила поднять себя и увести в сторону, а стражники унесли мертвое тело. Уже теряя сознание, Мордред заметил на полу смятое послание, оброненное королевой, когда та опустилась на колени подле раненого.

Мордред разглядел и почерк — изящный и ровный; здесь постаралась рука опытного писца. А внизу листа — печать. Знакомая печать: Артурова.

Итак, история с письмом все-таки оказалась правдой.

Глава 12

Мордред, очнувшись от первого глубокого обморока, медленно приходил в сознание. Обнаружилось, что находится он в собственном доме: рядом — любовница, а над постелью его склонился Гахерис. Голова невыносимо болела, сил не осталось. Рану второпях промыли и перевязали, но кровь еще сочилась, и вся рука от плеча до кисти и бок словно превратились в единый пульсирующий сгусток боли. Мордред совершенно не помнил, как здесь оказался. Не знал, что, когда его уносили из спальни королевы, Бедуир прокричал страже доставить юношу в безопасное место и позаботиться о его ранах.

Собственно говоря, Бедуир был озабочен лишь тем, чтобы королевский сын благополучно дождался приезда самого короля, но стражники, сражения не заставшие, в сумятице и спешке решили, что Мордред оказался на месте событий, подоспев на помощь регенту, так что раненого отнесли прямиком домой и поручили заботам любовницы. Туда-то, затерявшись в той же сумятице, бежал Гахерис (притворившись, что ранен серьезнее, нежели на самом деле, и ускользнув из-под стражи), одержимый одной-единственной мыслью — скрыться из Камелота до прибытия Артура и для этой цели воспользоваться Мордредом.

Ибо Артур возвращался домой куда раньше, чем ожидалось. Роковое письмо, второпях отосланное королем уже в пути, предупреждало Гвиневеру о скором прибытии супруга; в нем же содержалась просьба безотлагательно известить и Бедуира.

Вести уже распространились среди стражи: Гахерис своими ушами слышал пересуды. А задержка гонца означала, что король отстал от него на каких-нибудь несколько часов.

Так что Гахерис настойчиво склонился над раненым.

— Ну же, брат, вставай, пока о тебе не вспомнили! Стражники принесли тебя сюда по ошибке. Но очень скоро они поймут, что ты был с нами, и непременно вернутся. Да быстрее же! Нам надо уезжать. Ступай со мной, я уж позабочусь о твоей безопасности.

Мордред непонимающе заморгал, глядя на брата снизу вверх. В лице его не осталось ни кровинки, перед глазами все плыло.

Гахерис схватил флягу с целебным питьем и плеснул в чашку.

— Выпей-ка. И поторапливайся, слышишь? Здесь со мной мой слуга. Вдвоем мы тебя дотащим.

Напиток обжег Мордреду губы. Пелена боли слегка расступилась, и вернулась память.

Какой Гахерис добрый, отрешенно подумал раненый. Добрый Гахерис. Он ударил Гахериса, и Гахерис упал... А потом Бедуир попытался убить его, Мордреда, а королева не сказала ни слова. Ни тогда, ни позже, по всему судя, раз стражники вот-вот за ним вернутся как за одним из мятежников...

Королева. Она желала ему смерти, хоть Мордред и спас ей жизнь. И понятно почему. Причина пробилась сквозь туманное марево, точно ясный, холодный голос логики.

Гвиневера знает о пророчестве Мерлина, вот почему она желает ему смерти. И Бедуир тоже. Так что они солгут, и никто не узнает, что на самом-то деле Мордред пытался остановить изменников; по сути, спас королеву от Гахериса, погубителя женщин.

Когда приедет король, он, Мордред, сын Артура, будет заклеймен предателем на глазах у всех...

— Торопись! — подгонял Гахерис.

Стражники не пришли. Все оказалось на удивление легко. Сводный брат обхватил его за плечи, с другой стороны поддержала любовница; так он вышел, нет, словно по воздуху перенесся на темную улицу, где дожидался с лошадьми Гахерисов слуга, напряженный и молчаливый. Кое-как они усадили Мордреда в седло; кое-как, поддерживая с обеих сторон, выехали из города и поскакали вниз по дороге к Королевским воротам.

Здесь их окликнули. Гахерис не проронил ни слова: он держался чуть позади, закрывая лицо от ветра. Слуга, выехав вперед с Мордредом, нетерпеливо бросил:

— Это принц Мордред. Он, как вы знаете, ранен. Мы везем его в Яблоневый сад. Поторапливайтесь.

Стража уже знала о случившемся: слухи разнеслись вместе с рассветным ветром. Ворота открылись, всадники проехали — свобода!

— Получилось! — возликовал Гахерис.— Мы выбрались! А теперь избавимся поскорее от бесполезного груза!

Дорогу Мордред не запомнил. Он смутно сознавал, что упал, его подхватили, втащили на лошадь слуги и перекинули поперек крупа, а кошмарная тряская скачка все продолжалась. Теплая кровь сочилась сквозь повязки, но вот наконец, спустя целую вечность, пришла долгожданная неподвижность: кони встали.

Потоки дождя струились по его лицу, прохладные, освежающие. Но все тело, плотно закутанное, словно погрузилось в горячую воду. Он снова тонул в тумане. Звуки накатывали и отступали, и в такт пульсировала сочащаяся из раны кровь. Кто-то — верно, Гахерис — говорил:

— Ну вот, сойдет. Да не бойся, ты, приятель. Братья о нем позаботятся. Да, коня тоже. Привяжи прямо здесь. Быстрее. А теперь оставь его.

Мордред прижался щекой к влажному камню. Все тело горело и ныло. Странно: почему, если кони встали, перестук копыт по-прежнему глухо отдается в его венах?

Потянувшись через лежащего, слуга дернул за веревку. Где-то вдали зазвенел колокольчик. Не успел звук затихнуть, как кони уже исчезли. В мире воцарилось безмолвие: лишь струи дождя размеренно барабанили по каменной приступке, на которой оставили раненого.

Едва ли не нагнав собственного гонца, Артур следующим же утром въехал в город, гудящий точно растревоженный улей. И, не успев смыть с себя дорожную грязь, тут же призвал к себе регента.

Когда объявили о приходе Бедуира, Артур сидел за столом в кабинете, а слуга, примостившись у ног короля, стягивал с него истертые, перепачканные сапоги. Ни на кого не оглянувшись, старик забрал сапоги и ушел. Ульфин состоял при Артуре от начала его царствования, сплетен наслушался побольше любого другого, а распространялся о них куда меньше всех прочих. Но даже он, молчаливый, доверенный слуга, переступил порог с облегчением. Есть на свете такое, о чем лучше не говорить вслух, о чем лучше вообще не знать.

Та же самая мысль одолевала обоих мужчин. Во взгляде Артура отчетливо читалась обращенная к другу мольба: «Не вынуждай меня задавать вопросы. Давай как-нибудь, ну хоть как-нибудь, минуем эту западню и вернемся на открытые дороги доверия. От этого молчания зависит больше, чем дружба, больше, чем любовь. Похоже, на нем держится судьба королевства».

Оркнейские принцы и кое-кто из их клики, вне сомнения, изрядно удивились бы, услышав первые слова короля. Но оба — и король, и регент — знали, что если о первой и величайшей из

бед говорить невозможно, то со второй дело иметь вскорости придется, и это — Гавейн Оркнейский.

Король засунул ноги в подбитые мехом туфли, резко развернулся в кресле и с яростным раздражением воскликнул:

— Да ради всех богов подземного мира, неужели ты не мог не убивать их?

Жест Бедуира был исполнен отчаяния.

— Что мне оставалось? Пощадить Коллеса я не мог. Я был безоружен, а он бросился на меня с мечом. Пришлось защищаться. Ни времени, ни выбора у меня не было; он бы зарубил меня на месте. Вот Гарета мне искренне жаль. Вся вина на мне. Не верю, что и он замешан в предательстве; просто так вышло, что и он оказался среди этой своры, когда поднялся крик, и, верно, встревожился за Линетту. Признаюсь, что во всеобщей свалке я его почитай что и не разглядел. С Гахерисом мы и впрямь скрестили мечи, но лишь на мгновение. Кажется, я его задел — царапина, не более,— и потом он исчез. А когда пал Агравейн, думал я только о королеве, ни о чем больше. Гахерис неизменно орал громче всех и все осыпал ее грязными ругательствами. Я вспомнил, как он обошелся с собственной матерью.— Бедуир запнулся.— Дальнейшее — сущий ночной кошмар. Блеск мечей, оскорбительные выкрики, эта свора вокруг королевы, и она, бедняжка,— онемевшая, потрясенная, и лишь несколько кратких мгновений отделяют мир и покой от кровавой бойни. Ты с ней уже виделся, Артур? Как она?

— Мне сообщили, что она вне опасности, но еще не оправилась от пережитого. Когда я послал узнать о ее здоровье, Гвиневера была с Линеттой. Пойду к ней, как только приведу себя в божеский вид. А теперь досказывай остальное. Что с Мордредом? Мне сообщили, что он был ранен и что он уехал — по сути дела, бежал — вместе с Гахерисом. Просто в голове не укладывается. Мордред присоединился к «молодым кельтам» только по моей просьбе,— собственно, вечером накануне моего отъезда из Камелота он пришел ко мне, чтобы предупредить о том, что кельты, возможно, затевают... Ты этого, разумеется, не знал. Вина на мне; наверное, мне следовало рассказать тебе, но все выглядело так, как если бы...

Король не стал договаривать, и Бедуир понимающе кивнул: здесь начиналась спорная территория, и, ступая на нее, оба пред-

почитали помалкивать. Артур нахмурился, встревоженно вскинул глаза.

— Тебя нельзя винить за то, что поднял на него меч: мог ли ты догадаться? Но королева? Мордред ей беззаветно предан — «мальчишеская влюбленность», говорили мы и улыбались, и она тоже — с какой стати ему нападать на королеву?

— Не поручусь, что он и впрямь нападал. Я плохо понял, что произошло. Когда я скрестил мечи с Мордредом, стычка уже все равно что завершилась. Королева была в безопасности, за моей спиной, и стража к тому времени подоспела. Я предпочел бы разоружить его и побеседовать начистоту либо дождаться твоего приезда, но он слишком сильный противник. Чтобы выбить меч из его руки, мне пришлось его ранить.

— И вот он бежал,— горестно проговорил Артур.— Но почему? И почему именно с Гахерисом, разве что и впрямь продолжает шпионить в моих интересах?

— Ты, разумеется, догадываешься, куда они поехали. И ты не можешь послать Гавейна, это я понимаю. Так когда и куда?

— Что до «когда», так не сей же час.— Артур заколебался, но тут же вскинул глаза на собеседника.— Сперва я должен публично засвидетельствовать мое к тебе доверие.

Рука его бездумно заскользила по поверхности стола: по зеленому, с прожилками, мрамору, по краям отделанному чеканным золотом.

Войдя, король швырнул на стол перчатки, а Ульфин, торопясь уйти, позабыл убрать их. Артур подобрал одну, пропустил сквозь пальцы. Перчатка была из нежнейшей телячьей кожи, выделанной до мягкости бархата, и по краю расшита радужным шелком и крохотным речным жемчугом. Работа самой королевы: ни одной из своих дам Гвиневера не позволила сделать ни стежка. Жемчуг добывался в реках ее родной земли.

Бедуир не отвел взгляда. В его глазах, темных глазах поэта, читалось глубокое горе. Король смотрел столь же сумрачно, но по-доброму.

— Что до «куда», не приютит ли тебя твой кузен в вашем фамильном замке в Бретани? Я бы предпочел, чтобы ты оставался там. Но сперва съезди, если хочешь, к королю Хоэлю в Керрек. Думаю, он порадуется, узнав, что ты совсем рядом. Для него настали тревожные времена, а он ведь стар и последнее время

что-то прихварывает. Но это мы обсудим перед отъездом. А теперь мне нужно к королеве.

От Гвиневеры, к превеликому своему облегчению, Артур узнал правду. Мордред вовсе не нападал на нее; напротив, помешал Гахерису подобраться к ней с мечом. Более того: поверг Гахериса наземь за миг перед тем, как самого его атаковал Бедуир. Значит, последующее бегство Мордреда объяснялось тем, что принц, надо думать, опасался, как бы его не причислили (как, очевидно, вышло с Бедуиром) к мятежной клике «молодых кельтов». Это само по себе ставило в тупик: ведь и Борс, и королева, бесспорно, могли за него поручиться, но главный вопрос еще предстояло разрешить: с какой стати ему уезжать именно с Гахерисом? Допросили любовницу Мордреда; она-то и подала ключ к разгадке. Гахерис, весь в крови, явно обезумевший, сумел внушить девице, что ее милому, дескать, угрожает опасность; насколько же проще ему было убедить ослабевшего, теряющего сознание принца в том, что бегство — их единственная надежда! К настояниям Гахериса она присоединила собственные мольбы, помогла братьям сесть на лошадей и проводила в путь. Рассказ докончили стражники, стоявшие в карауле у ворот, и истина окончательно прояснилась. Гахерис воспользовался раненым как щитом для самого себя, как пропуском к свободе.

Артур, теперь уже всерьез озабоченный здоровьем и безопасностью сына, немедленно разослал королевских гонцов — отыскать Мордреда и привезти его домой. Когда сообщили, что ни Мордред, ни Гахерис у Гавейна не объявлялись, король повелел обыскать страну вдоль и поперек. А еще — отдал приказ взять Гахериса под стражу. Ему предстояло оставаться в заточении до тех пор, пока король не переговорит с Гавейном, который уже был на пути в Камелот. Гарет, единственный из числа погибших, покоился в королевской часовне. После похорон Линетта вместе со своим горем намеревалась вернуться в дом отца.

Драма завершилась, но над Камелотом по-прежнему нависало смутное ощущение беды, словно серая тень грядущей печали запятнала ясное золото башен, яркий пурпур, зелень и синеву знамен. Королева носила траур по Гарету и прочим погибшим и по крови, пролитой, как объявлялось всенародно, в результате ложно понятого чувства долга; но находились и такие, кто утверждал: дескать, королева оплакивает отъезд полюбовника в Бре-

тань. Но об этом перешептывались куда тише, чем прежде; и в большинстве случаев подобные пересуды встречали резкий отпор. Да, прежде были и дым, и огонь, но теперь огонь погас, а дым развеялся.

Любопытным предстояло увидеть, как королева расцеловала отбывающего конюшего в обе щеки, а затем то же самое проделал и король. Из объятий королевы Бедуир высвободился с видимым безучастием, однако, когда отвернулся от короля, в глазах у него стояли слезы.

Проводив в дальний путь Бедуира, двор с нетерпением готовился приветствовать Гавейна.

Крыльцо, на котором оставили Мордреда, принадлежало отнюдь не крупному монастырю из тех, что пользовались покровительством короля, но небольшой общине, расположенной вдали от городов и дорог и принесшей обеты нищеты и молчания. Тропой, проложенной через эту лощинку, пользовались лишь пастухи да заплутавшие путешественники, решившие срезать путь, либо, как в случае Гахериса, беглецы, скрывающиеся от правосудия. Туда не заезжали гонцы; так что в общине слыхом не слыхивали даже о недавней смуте в Артуровой столице. Достойные братья выхаживали Мордреда с подобающей христианам заботливостью и до известной степени умело, ибо среди них был и травник. Монахи ни за что не догадались бы, кто таков этот незнакомец, брошенный на ступенях во время грозы. Одет хорошо, но при себе — ни денег, ни оружия. Верно, ограбленный путник, которому воры оставили жизнь из страха, а может — из набожности. Так что братья ходили за пришлецом, делили с ним скудную пищу и преисполнились благодарности, когда жар схлынул и гость настоял на том, чтобы покинуть их кров. Конь его, ничем не примечательный, обнаружился тут же. Монахи уложили гостю в седельную суму черный хлеб, кожаную флягу с вином и горсть изюма, с благословением проводили в дорогу и, надо признать, отслужили промеж себя по такому случаю благодарственный молебен. Ощущалось в этом угрюмом и молчаливом чужаке нечто пугающее, а брат, оберегавший сон недужного, в страхе пересказал его исполненные горя и ужаса речи, в коих то и дело поминались имена верховного короля и королевы. Все прочее осталось непонятым: в жару Мордред бредил на языке

своего детства. Сула, и Гвиневера, и королева Моргауза являлись и исчезали среди огненных теней; все взгляды излучали враждебность, все слова причиняли боль.

Рана затянулась, но слабость еще давала о себе знать. В первый день Мордред не проехал и восьми миль, благодарный судьбе уже за то, что конь его упорно бредет вперед. Следуя некоему внутреннему голосу, странник двинулся на север. Заночевал он в заброшенной хижине дровосека в глубине леса; денег на постоялый двор при нем не было, да и братья не могли уделить ему ни монеты. «Придется жить милостыней, как те же монахи,— отрешенно подумал он, потеплее закутываясь в плащ и дожидаясь прихода сна.— Или трудом».

Эта мысль, не посещавшая Мордреда уже много лет, разбудила в нем нечто вроде горькой иронии. Труд? Труд рыцаря — сражение. Безоружного нищего на жалком одре примет к себе разве что самый мелкий, самый бедный из правителей. И ведь любой правитель станет задавать вопросы. Так чем же заработать на жизнь?

Из надвигающегося облака сна пришел ответ: ирония по-прежнему отдавала горечью, но теперь в ней ощущалось нечто от давней тоски. Ходить под парусом. Ловить рыбу. Резать торф. Растить и убирать тощий урожай хлеба.

Над соломенной кровлей с резким, пронзительным криком пронеслась сова. В полусне, уже различая в тумане краешек Северного моря, Мордред услышал в нем стон чайки и счел частью уже принятого решения. Он поедет домой. Однажды он уже скрывался там. И скроется снова. И даже если его приедут искать на островах, найти его окажется ох как непросто! Ничего иного, кроме как затаиться, ему и в голову не приходило, настолько утвердились в его горячечном, напоенном отравой бреду лживые измышления Гахериса и собственные заблуждения.

Мордред перевернулся на бок и уснул: холодный ветер задувал ему в лицо, а во сне все звенел чаячий крик. На следующий день путник повернул на запад. Две ночи подряд Мордред ночевал на открытом воздухе, далеко объезжая монастыри, где мог бы услышать о том, что Артур его разыскивает. А третью ночь провел в хижине, разделив с братьями-поселянами остатки черствого хлеба и вина и нарубив дров в качестве платы за ночлег.

На четвертый день Мордред добрался до моря. Он продал коня, и денег этих хватило на оплату переезда на небольшом и малопригодном для плавания торговом суденышке, последнем из уходящих на острова до того, как с приходом зимы закроются морские пути.

Тем временем в Камелот возвратился Гавейн. Артур выслал ему навстречу Борса, чтобы тот в подробностях рассказал о трагедии и по возможности утишил скорбь Гавейна по погибшим Агравейну с Гаретом и яростную ненависть к убийце. Борс сделал все, что в его силах, но все его доводы — его заверения в том, что королева невиновна, его рассказ о пьянстве Агравейна и постоянных (в те дни) припадках буйства, о смертоубийственных умыслах Гахериса, о нападении на безоружного Бедуира, о хаосе побоища в полутьме королевской опочивальни — ни к чему не привели. На что бы ни ссылался Борс, Гавейна ничто не пронимало. Гибель ни в чем не повинного Гарета — вот все, о чем он мог говорить; как мало-помалу убеждался Борс, с этой мыслью он спал, ел и грезил.

— Я до него доберусь, и я убью его,— упрямо твердил Гавейн.

— Его отослали от двора. Король отправил его в изгнание. Не за то, что чем-либо запятнал честь королевы, но...

— Чтобы уберечь его от меня. Да. Ну что ж,— с каменным выражением лица отозвался Гавейн,— я подожду.

— Если ты и впрямь убьешь Бедуира,— в отчаянии заявил Борс,— будь уверен, что Артур убьет тебя.

Яростные, налитые кровью глаза оркнейца обратились к нему.

— И что с того?

Гавейн отвернулся и тут же вскинул голову. Вдали уже показались золоченые башни, звон колоколов плыл в воздухе, эхом отражаясь от воды вдоль дороги. Всадники должны были прибыть в город к похоронам Гарета. Щеки Гавейна увлажнились от слез; заметив это, Борс придержал коня и более не произнес ни слова.

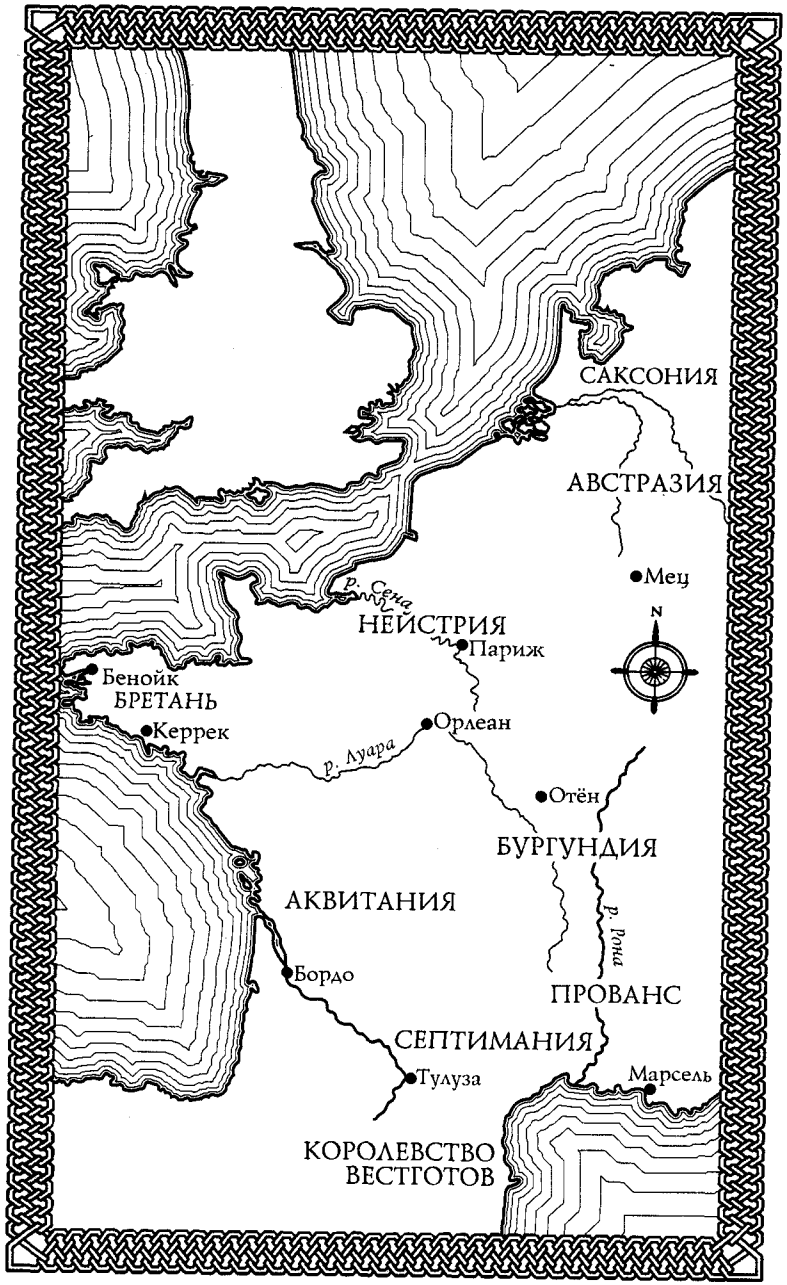
Никто так и не узнал, что еще произошло между Гавейном и его дядей верховным королем. Они с Артуром надолго затворились в личных королевских покоях — сразу после завершения похорон, на всю ночь и до утра следующего дня. После, ни с кем не обменявшись ни словом, Гавейн вернулся к себе, проспал шестнадцать часов кряду, затем встал, вооружился и поехал на учебный плац. В тот вечер отужинал он в городской таверне и там же остался на ночь, подыскав себе девицу, а на следующий день снова появился на плацу.

В течение восьми дней и ночей он поступал точно так же, ни с кем не заговаривая, разве что по делу. А на девятый день покинул Камелот и в сопровождении эскорта проехал несколько миль до Инис-Витрина, где стоял у причала королевский корабль, новый «Морской дракон».

Подняли золоченый парус, алый дракон затрепетал на осеннем ветру, корабль снялся с якоря и устремился на север.

Здесь Артур преследовал двойную цель: по возможности убрать смутьяна подальше, дабы ветра расстояния и времени поохладили его пыл, и занять сей уязвленный, яростный дух полезным делом.

И король поступил самым очевидным образом: подобная вероятность Мордреду даже в голову не приходила. Гавейн, король Оркнеев, вернулся на острова и взял бразды правления в свои руки.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕНЬ РОКА

Глава 1

Минула зима, наступил март — обрушил на мир ревущие ветра и непредсказуемые грозы, а затем смягчился в преддверии благоуханной свежести ранней весны. Смолевки сбрызнули утесы розовым, белые цветы покачивались на изогнутых, точно арки, ветвях куманики, в траве поблескивали алый лихнис и дикие гиацинты. Птицы вили гнезда, перекликаясь над озерами, а на болотах эхом звенело бульканье кроншнепа. На каждой шхере, на каждом поросшем травой берегу у воды лебеди возвели настоящие замки из стеблей и листьев, и на каждом мирно спала, упрятав голову под крыло, огромная белая птица, а бдительный самец кружил рядом, вытянув шею и раскинув крылья на манер парусов. Над водной гладью эхом разносились крики сорочаев и чаек, а высоко в небесах вибрировала трель жаворонка.

На болотистой вересковой пустоши, раскинувшейся среди холмов в центре самого большого острова Оркнеев, работали мужчина и мальчик. В это время года вереск стоял черный и ломкий, но вдоль нахоженной тропки и на каждом склоне кустились бледные, душистые примулы. У подножия холмистой пустоши протянулась узкая лента пастбища, золотая от одуванчиков. Еще дальше раскинулось огромное озеро, а за ним, почти параллельно — еще одно: в южной своей оконечности они отделялись друг от друга лишь узкой гатью и полоской земли, истоптанной как ногами, так и копытами: здесь находилось святилище Оркнеев. Тут

возвышались гигантские круги камней: угрюмые, загадочные, массивные, они внушали ужас даже тем, кто понятия не имел об их предназначении и истории. Известно было, что ни одну лошадь не заставишь пересечь гать после наступления сумерек и до рассвета; никто не видел, чтобы там кормились олени. Только козы, твари странные и жутковатые, паслись себе среди камней, подравнивая траву к торжественным случаям: священные обряды по-прежнему проводились там в должное время года.

Двое работников трудились на ровном участке неподалеку от озер с их охраняемой гатью. Мужчина был высок, сухощав, мускулист и, даже одетый по-деревенски, держался иначе: его выдавали стремительные, скупые движения натренированного тела. Лицо его, молодое, но уже изборожденное горькими складками, казалось живым и изменчивым, несмотря на черную работу и ясный день. Мальчик, темноглазый, как отец, помогал ему сколачивать очередной улей: как только зацветет вереск, деревянные домики отнесут на пустошь и установят на ровные ряды помостов.

К ним-то и подъехал Гавейн, король Оркнеев. О приближении всадника говорил лишь мягкий перестук копыт по вересковой пустоши да тень, упавшая наискось на работу в руках у старшего.

Мужчина поднял голову. Гавейн, оборвав на полуслове небрежное приветствие, резко сдержал коня и уставился во все глаза.

— Мордред!

Мордред выронил киянку и неспешно поднялся на ноги. Отряд всадников, с дюжину или около того, со слугами и гончими, перевалив через гребень холма, скакал к королю. Мальчик оставил работу, выпрямился, застыл с открытым ртом.

Мордред успокаивающе потрепал сына по плечу.

— Да это же Гавейн! Приветствую.

— Ты? — изумился король Оркнеев.— Здесь? С каких пор? А это кто такой? — Он смерил мальчишку взглядом.— Впрочем, мог бы и не спрашивать. Парень больше похож на Артура...— Гавейн прикусил язык.

— Не тревожься,— сухо отозвался Мордред.— Он говорит только на островном наречии.

— Клянусь богами,— отозвался Гавейн, поневоле развеселившись,— если этого ты сотворил еще до отъезда, ты, выходит, обогнал нас всех!

Всадники поравнялись с королем. Гавейн кивком отослал их дожидаться в стороне, за пределами слышимости. А сам соскользнул с седла, и подоспевший слуга увел коня. Гавейн уселся на деревянный помост; Мордред, мгновение поколебавшись, опустился на другой. Мальчишка, повинуясь отцовскому жесту, принялся собирать инструменты. Он не спешил и то и дело украдкой постреливал глазами в сторону короля и свиты.

— А теперь рассказывай,— потребовал Гавейн.— Как, почему — словом, все как есть. Ходили слухи, что в живых тебя нет; иначе, дескать, давным-давно бы отыскался; да только я почему-то все равно в это не верил. Так что произошло?

— Ты еще спрашиваешь? Гахерис наверняка тебе все рассказал. Я полагал, он поехал к тебе.

— Ты разве ничего не знаешь? Впрочем, что я за дурень: откуда бы? Гахерис мертв.

— Мертв? Но как же? Неужто король его таки настиг? Но если даже так, я бы ни за что не подумал...

— Король тут ни при чем. В ту ночь Гахериса ранили, и не то чтобы серьезно, но он не принял мер, и рана воспалилась. Если бы он только приехал ко мне — да ведь не приехал же! Знал, видать, что за прием его ждет. Он отправился на север, к своей девчонке, а к тому времени, как его там разыскали, спасти его уже было нельзя. Еще один на счету Бедуира,— с горечью добавил Гавейн.

Мордред промолчал. Сам он горевал разве что о Гарете, но для Гавейна, единственного, кто остался в живых из некогда шумного и тесного оркнейского клана, потеря оказалась тяжелой. Эту самую мысль он и облек в слова. Братья поговорили немного о прошлом: общие воспоминания словно обретали новые краски на фоне знакомых пейзажей. Затем Мордред, тщательно подбирая слова, принялся прощупывать почву.

— Ты вот отозвался о Бедуире со злобой. Я все понимаю, поверь мне, но нельзя винить Бедуира за безрассудство самого Гахериса. Как, впрочем, за все, что случилось той ночью. Я не держу на него зла даже за это.— Мордред легко коснулся плеча.— Ты должен согласиться, Гавейн,— теперь, когда у тебя было достаточно времени примириться с горем! В ту ночь верховодил Аггравейн, а Гахерис был с ним заодно. Они вознамерились любой ценой уничтожить Бедуира, даже если бы пришлось заодно погубить и королеву. Сколько бы их ни отговаривали...

— Согласен. А то я их не знал? Агравейн был глупцом, а Гахерис — еще и безумцем в придачу; и на руках его так и не просохла кровь от убийства куда более страшного, нежели все злодеяния той ночи. Но я не о близнецах думал. Я думал о Гарете. Он заслуживал лучшей участи, нежели пасть от руки убийцы, которому он верил, под чьим началом сражался...

— Да ради всех богов, никакое это не убийство! — взорвался Мордред, так что сын его встревоженно вскинул глаза.— Отнеси инструменты в дом,— негромко приказал отец мальчику на местном наречии.— Сегодня мы больше работать не будем. Скажи матери, что я скоро вернусь. Не бойся, все в порядке.

Мальчишка умчался. Мужчины молча глядели ему вслед, следя, как щуплая фигурка тает вдали под холмом. В лощинке у озера приютилась хижина: ее соломенная кровля терялась среди вереска. Паренек нырнул в низкий дверной проем и исчез.

Мордред снова повернулся к брату.

— Гавейн, ты не думай, я горюю о Гарете не меньше любого другого,— убежденно заговорил он.— Но поверь мне, гибель его — случайна, насколько может считаться случайностью убийство в горячке безумного побоища. И Гарет был во всеоружии. А Бедуир — нет, когда на него напали. Думаю, в первые мгновения он вообще не разбирал, кто окажется под лезвием его меча.

— Ну да, конечно! — В голосе Гавейна по-прежнему звучала горечь.— Все знают, что ты был на его стороне.

Мордред вскинул голову.

— Что такое ты знаешь? — недоверчиво переспросил он.

— Ну, даже если ты и не поддерживал Бедуира, известно по меньшей мере, что ты возражал против нападения. Что, на мой взгляд, было разумно. Даже если бы их застали вдвоем в постели — два обнаженных сплетенных тела,— король сперва покарал бы нападавших, а уж потом занялся бы Бедуиром и королевой.

— Не понимаю тебя. Впрочем, это вообще к делу не относится. О прелюбодеянии речь просто не шла,— отозвался Мордред, с трудом сдерживая ярость. Королевский упрек в устах оборванного работяги-поселянина, обращенный к роскошно разодетому сюзерену, прозвучал на редкость несообразно.— Король прислал королеве письмо, которое она сочла нужным показать Бедуиру. Полагаю, послание извещало их обоих о том, что Артур возвращается. Я это письмо видел своими глазами: там, в ее покоях. А когда мы ворвались, оба были одеты — тепло закутаны, я бы сказал,— а в передней бодрствовали ее фрейлины. Одна из них находилась в спальне вместе с Бедуиром и королевой. Не самая удобная обстановка для прелюбодеяния, верно?

— Да, да,— нетерпеливо отмахнулся Гавейн.— Все знаю. Я говорил с моим дядей, верховным королем.— Эхо этих слов здесь, на острове, словно воскресило воспоминания. Правитель отвел глаза и быстро докончил: — Король мне все рассказал. Ты, значит, пытался удержать этого дурня Агравейна и помешал-таки Гахерису причинить вред королеве. Если бы он ее хоть пальцем коснулся...

— Погоди. Вот этого-то я и не понимаю. Откуда тебе это известно? Бедуир никак не мог видеть, что происходит, иначе бы не напал на меня. А Борс, сдается мне, к тому времени уже ушел за стражей. Так от кого король узнал правду?

— Разумеется, от королевы.

Мордред молчал. В воздухе вокруг звенели песни болотных птиц, но он слышал лишь безмолвие, призрачное безмолвие этих долгих, пронизанных снами ночей. Она видела. Она знала. Она вовсе не прогоняла его прочь.

— Кажется, я начинаю понимать,— медленно протянул Мордред.— Гахерис сказал мне, что за мной вот-вот придет стража и ради спасения жизни мне нужно бежать из Камелота. А он, дескать, отвезет меня в безопасное место, пусть даже сам при этом рискует головой. Даже в ту пору, хоть в сознании у меня мешалось, я счел это странным. Ведь я же поверг его на землю, защищая королеву.

— Гахерис, милый мой Мордред, спасал лишь собственную шкуру. Тебе не приходило в голову задуматься, с какой стати стража выпустила его за ворота, хотя о стычке все наверняка уже знали? Одного Гахериса непременно задержали бы. Но вот принца Мордреда, ежели сам Бедуир распорядился, чтобы о нем позаботились...

— Я почти ничего не помню. Скачка — точно дурной сон... часть дурного сна.

— Так подумай сейчас. Произошло следующее: Гахерис выбрался за ворота, ускакал прочь и, как только представился случай, бросил тебя на произвол судьбы — умирать или выздоравливать, это уж на усмотрение Бога и благочестивой братии.

— Ты и об этом знаешь?

— Со временем Артур нашел-таки монастырь, но тебя уже не застал. Разыскивая тебя, королевские посланцы изъездили страну вдоль и поперек. И в конце концов решили, что ты сгинул либо мертв.— Гавейн невесело усмехнулся.— Мрачно же подшутили боги, братец! Скончался Гахерис, а оплакивали тебя. Тебе бы это изрядно польстило. Когда собрался очередной совет...

Остального Мордред уже не слышал. Он порывисто вскочил на ноги и отошел на несколько шагов в сторону. Солнце садилось, на западе переливалась и мерцала гладь огромного озера. А за ним, между заводью и закатным заревом, маячили холмы острова Хой. Мордред глубоко вздохнул. Ощущение было такое, словно он медленно пробуждается к жизни. Когда-то давным-давно на берегу неподалеку отсюда вот так же стоял мальчишка, и сердце его влеклось за холмы и за море, к далеким, многоцветным королевствам. А теперь его сменил мужчина: он глядел в ту же сторону, прозревал те же видения, а в сознании его рассеивалась горькая озлобленность. За ним вовсе не охотились. Его не оклеветали. Имя его по-прежнему сияет незамутненным серебром. Отец искал его с миром. А королева...

— На той неделе прибудет гонец,— сообщил Гавейн.— Ты позволишь мне отослать письмо?

— Нужды нет. Я поеду сам.

Гавейн кивнул, глядя на просиявшее лицо брата.

— А эти? — Он махнул рукой в сторону далекой хижины.

— Останутся здесь. Мальчишка скоро сможет занять мое место и исполнять мужскую работу.

— Она тебе жена, да?

— Во всяком случае, так себя величает. Без обряда по местным обычаям не обошлось: костер, лепешки... Она осталась довольна.— Мордред сменил тему.— Скажи, Гавейн, а сам ты долго здесь пробудешь?

— Не знаю. Возможно, гонец привезет какие-нибудь вести.

— Ты надеешься, что тебя призовут назад? Мне и спрашивать не надо, что ты делаешь здесь, на островах,— напрямую объявил Мордред.— Но если ты вернешься, что будет с Бедуиром?

Лицо Гавейна посуровело, превратилось в знакомую упрямую маску.

— Бедуир станет осторожничать. Ну и я, надо думать, тоже.

Гавейн смотрел мимо брата. Из далекой хижины вышли женщина и мальчик и застыли у дверей, глядя в их сторону. Под

порывом ветра платье облепило ее фигуру, длинные волосы взметнулись золотым вихрем.

— Ну что ж, понимаю,— проговорил Гавейн.— Как зовут мальчика?

— Медраут.

— Внук верховного короля,— задумчиво протянул Гавейн.— А сам он об этом знает?

— Нет,— отрезал Мордред.— Оно и незачем. И о том, что он мой сын, мальчик тоже понятия не имеет. После того как я уехал с островов, мать его вышла замуж и родила еще троих, прежде чем муж ее утонул. Он был рыбаком. Мы знали друг друга еще мальчишками. А вот родители ее еще живы; помогают ей с детьми. Они радушно меня приняли, порадовались, что нас удалось-таки сговорить — спустя столько-то лет! — но я видел: они не рассчитывают, что я останусь с ними надолго. А сама она со всей определенностью объявила, что островов ни за что не покинет. Я обещал позаботиться, чтобы они ни в чем не нуждались. Для детей, для всех четверых, я отчим. Когда-нибудь Медраут, возможно, и узнает, что он бастард «Лотова бастарда», но и только; разве что в один прекрасный день я за ним пришлю. И не в обиду тебе будь сказано, брат, этого добра здесь предостаточно. Зачем поощрять честолюбие?

— И верно, зачем? — Гавейн поднялся на ноги.— Ну что, останешься с ними или поедешь со мной? Корабля еще ждать и ждать. Во дворце оно будет поуютнее, чем в этом твоем потайном убежище!

— Дай мне день-два на то, чтобы примириться с новостью, и я приеду.— Мордред неожиданно рассмеялся.— Любопытно будет поглядеть, как поразит меня дворцовая роскошь на сей раз, спустя столько месяцев на прежних работах! Вкуса к рыбалке я еще не утратил, однако сознаюсь, что резать торф я отнюдь не предвкушал!

При виде сына король испытал такое облегчение и радость, а королева была так искренне счастлива, что Мордреду показалось, будто после долгой, грозящей голодной смертью зимы наконец-то настало лето. О событиях той роковой ночи говорилось мало; ни Артур, ни Гвиневера не хотели вспоминать о стычке, зато наперебой расспрашивали Мордреда о месяцах, проведенных в изгнании. И вскоре, едва принц рассказал о своих попыт-

ках вернуться к изнуряющему распорядку детских лет, все трое принялись хохотать, напрочь позабыв о кошмарной ночи.

Затем речь зашла о Гавейне, и Мордред вручил королю послание от сводного брата. Король прочел письмо и поднял глаза.

— Ты знаешь, что в нем?

— В общем и целом — да, сир. Гавейн говорил, что намерен просить вас дозволить ему вернуться на юг.

Артур кивнул. И следующая его фраза стала ответом на вопрос, Мордредом так и не заданный.

— Бедуир все еще в Бретани, в своем замке Бенойк, что стоит к северу от огромного леса, прозванного Опасным. Похоже, что, к нашему прискорбию, он обосновался там навсегда. Зимой он женился.

Мордред, снова оказавшись в оплоте придворных интриг, ничем не выдал своего удивления, разве что чуть изогнул брови. Но не успел он ответить, как Гвиневера поднялась на ноги, побуждая встать и мужчин. Лицо ее побледнело, и Мордред впервые подметил в его живой красоте следы тревоги и бессонных ночей. Губы отчасти утратили былую округлость, словно слишком часто замыкались печатью молчания.

— С вашего дозволения, милорды, я удаляюсь. У вас еще много чего осталось сказать друг другу спустя столько времени.— Рука ее снова протянулась к Мордреду.— Приходи ко мне потолковать. Мне не терпится узнать больше о твоих чужедальних островах. А пока — добро пожаловать домой, в Камелот.

Артур выждал, пока за королевой не закрылась дверь. Некоторое время он молчал, с видом суровым и угрюмым. Мордред подумал про себя, уж не вспомнились ли королю события той ночи, но Артур сказал только:

— Я пытался предостеречь тебя, Мордред. Но мог ли ты уразуметь мое предупреждение? А даже если бы и уразумел, что еще мог ты сделать сверх того, что сделал и так? Ну что ж, это дело прошлое. Еще раз спасибо тебе, и давай больше не поминать об этом... Однако надо обсудить последствия. Когда ты беседовал с Гавейном, что он говорил про Бедуира?

— Что изо всех сил постарается сдерживаться. Если терпимость к Бедуиру — цена его возвращения в ряды Сотоварищей, полагаю, Гавейн ее заплатит.

— Примерно то же самое он говорит и в письме. Думаешь, Гавейн сдержит слово?

Мордред повел плечами.

— Думаю, да — насколько сможет. Он предан вам, сир, в этом не сомневайтесь. Но вы сами знаете, что за необузданный у него нрав и насколько он способен владеть собой.— Молодой человек снова пожал плечами.— Вы его призовете?

— Но Гавейн вовсе не изгнан. Он свободен вернуться, а если приедет по доброй воле, так, пожалуй, все обойдется. Бедуир обосновался в Бретани; он писал мне, что жена его ждет ребенка. Так что разумнее ему там и остаться: так оно лучше для всех нас и для моего кузена Хоэля тоже. В Бретани назревает смута, и меч Бедуира там окажется куда как кстати, равно как и мой.

— Как, уже? Вы ведь поминали об этом и раньше.

— Нет. Речь идет не о том, что мы обсуждали прежде. Положение нынче совсем иное. Пока ты жил на этих своих островах, из-за границы пришли вести, что сулят великие перемены как в восточных империях, так и в западных.

И король принялся объяснять. Скончался Теодорих, король Рима и правитель Западной империи. Он процарствовал тридцать лет, и смерть его несла с собой перемены столь же значительные, сколь и внезапные. Будучи готом и, следовательно, варваром по определению, Теодорих, подобно многим своим соплеменникам, чтил Рим и восхищался Римом, даже сражаясь с целью завоевать Рим и поселить свой народ в мягком итальянском климате. Он охотно использовал все то, что счел лучшим в римской культуре, и попытался восстановить либо укрепить систему римского законодательства и государственного права. При Теодорихе готы и римляне оставались двумя различными народами, живущими по своим собственным законам и отвечающими перед своими собственными трибуналами. Король, из своей столицы в Равенне, управлял справедливо и даже мягко, объединив воедино законодательную власть Равенны и Рима, где по-прежнему даровались и утверждались древние звания прокуратора, консула и легата.

Теодориху унаследовала его дочь, как регентша при своем десятилетнем сыне Аталарихе. Но, по слухам, взойти на трон у мальчика не было ни малейшей надежды. В Византии тоже без перемен не обошлось. Стареющий император Юстин отрекся в пользу своего племянника Юстиниана и возложил на его чело венец Востока.

Новый император Юстиниан, богатый, честолюбивый, привлекший на службу блестящих полководцев, по слухам, мечтал восстановить утраченную славу Римской империи. Поговаривали, будто он уже поглядывает на земли вандалов в южных пределах Средиземноморья; однако похоже было на то, что сперва он попытается раздвинуть границы империи на запад. Франки Хильдеберта и его братьев бдительно следили за каждым движением с востока, но теперь к извечной угрозе со стороны бургундов и алеманов добавилась опасность куда более серьезная — Рим. А за бастионом франкской Галлии, в полной зависимости от доброй воли соседа, укрылась крохотная Бретань.

С трех сторон огражденную морем, с четвертой стороны Бретань защищала лишь земля, номинально принадлежащая франкам, но, по сути дела, наполовину обезлюдевшая: густой лес, населенный сторожкими племенами или теми, кого война согнала с насиженных мест. Этот народ сбивался в кучу в наспех построенных деревушках и вместе со своими полудикарями-вождями никому не приносил вассальной клятвы.

А недавно, как писал король Хоэль, поступили тревожные известия из нескольких лесных общин к северо-востоку от его столицы. Просочились сообщения о набегах, грабежах, жестоких нападениях на дома и хозяйства, и уж совсем на днях случилось смертоубийство и впрямь чудовищное: подожгли усадьбу, и все ее обитатели — восемь взрослых и с полдюжины детей — нашли смерть в пламени, а все их добро и скот достались грабителям. В лесу воцарился страх; ходили слухи, будто поразбойничали там франки. Подтверждений тому не было, однако гнев закипал, и Хоэль опасался слепой мстительности и повода к войне — в тот самый момент, когда дружба с франкским соседом сделалась насущной необходимостью.

— Разумеется, люди Хоэля справились бы и сами,— говорил Артур,— но кузен мой полагает, что мое присутствие вместе с несколькими Сотоварищами и демонстрация силы пошли бы на пользу не только в этом случае, но и в деле более серьезном, о котором он тоже пишет. Впрочем, прочти сам.

И король вручил сыну письмо от Хоэля.

Мордред, единственный из братьев-оркнейцев, взял на себя труд выучиться читать под присмотром священника, обучавшего мальчиков наречию большой земли. Нахмурившись, он медленно продирался сквозь прихотливую латинскую вязь Хоэлева писца.

Выходило, что король Хоэль недавно получил письмо, посланное не новым императором, но одним из боевых командиров, претендующим на роль его представителя. То был некто Люций Квинтилиан по прозвищу Гиберий, «Испанец», один из новоиспеченных консулов. С истинно имперской заносчивостью, ссылаясь на Рим так, словно империя и по сей день щетинилась орлами и легионами, Люций Квинтилиан требовал от Хоэля золота и войска — куда больше, нежели Бретань смогла бы выставить,— «дабы помочь Риму защитить Бретань от бургундов».

Что за кару повлечет за собою отказ, в письме не уточнялось, нужды в том не было.

— Но как же франки? Как же король Хильдеберт? — переспросил Мордред.

— Жалкая тень своего отца, точно так же, как и его братья. Хоэль полагает, будто франкам предъявили те же требования, и похоже на то, что у Рима достаточно сил, чтобы добиться повиновения. Мордред, этот император внушает мне страх. Кельтские земли не для того выдержали предательство Рима и угрозу нашествия варваров, чтобы снова смиренно принять римский ошейник и цепи, какую бы уж там «защиту» они ни сулили.

А ведь положение не лишено иронии, размышлял про себя Мордред. Артур, которого «молодые кельты» упрекали за приверженность к формам римского законодательства и централизованному управлению, готов тем не менее противиться всем возможным попыткам вернуть кельтские земли в лоно Римской империи.

— Скорее под римское ярмо! — откликнулся Артур в ответ на ехидное сыновнее замечание.— Минули те времена, когда в обмен на дань король и его подданные обретали защиту и помощь. Британию захватили силой — и силой вынудили платить поборы Риму. Взамен, по заселении, Британия на некоторое время обрела мир. А потом римляне, своекорыстные, как всегда, сняли заслон и оставили ослабленные, зависимые от них колонии варварам на расправу. Только мы на островах да наши кузены в Бретани, которая тоже почти что остров, сохранили государственность и устояли. Мы сами добились для себя мира. И пусть Рим и не пытается вновь взыскать с нас долги: мы ровным счетом ничем Риму не обязаны. У нас столько же прав требовать дани у Рима за те римские земли, что ныне опять числятся за бриттами!

— Вы хотите сказать, что этот новый император — как его там, Юстиниан? — потребовал дани от нас? — изумился Мордред.

— Нет. Пока еще не. Но ежели он взялся за Бретань, то рано или поздно подступится и к нам.

— Когда вы едете, сир?

— Приготовления уже идут полным ходом. Мы отправляемся при первой же возможности. Да, я сказал «мы». Я хочу, чтобы ты был при мне.

— Но ведь Бедуир в Бретани... или вы оставите королевство на герцога Константина?

Артур покачал головой.

— Нужды нет. Моя отлучка продлится недолго. Сейчас главное — неприятности в Опасном лесу; чтобы разобраться с ними, много времени нам не потребуется.— Артур улыбнулся.— Если дойдет до дела, считай, что заново проходишь обучение после отдыха на Оркнеях! А если та, другая беда обострится, я отошлю тебя домой в качестве регента. А пока возложу управление на совет и королеву, а герцогу Константину пошлю подачку в виде письма, поручающего ему надзор за западными областями.

— Подачку?

— Ну да, утешение, а может, и успокаивающее снадобье для рыцаря необузданного и одержимого чрезмерным честолюбием.

Мордред слегка изогнул брови, и Артур кивнул:

— Да. Мне давно кажется, что для блага страны он чересчур необуздан. Его отец Кадор, которому я обещал королевство в случае отсутствия прямого наследника, был из иного металла. А этот как боец отцу не уступает, но уж больно не нравятся мне слухи, что о нем ходят. Так что польщу ему малость, а вернувшись из Бретани, призову его сюда — и расставлю точки над «i».

Беседу их прервало срочное известие из гавани Инис-Витрина, где стоял на якоре «Морской дракон».

Корабль был оснащен, снабжен продовольствием и готов к плаванию. Так что больше король не прибавил ни слова, и отец с сыном разошлись собираться в дорогу.

Глава 2

Как это часто бывает, одна беда влечет за собой другую. Пока Артур и его Сотоварищи переплывали Узкое море, трагедия — на этот раз подлинная и насущная — разразилась в королевском семействе Бретани.

Элен, племянница короля Хоэля, шестнадцатилетняя красавица, в один прекрасный день выехала из отцовского дома в замок Хоэля в Керреке. Но отряд так и не добрался до места. На эскорт и слуг напали, всех перебили, а девушку и одну из ее прислужниц, старую кормилицу Клеменси, увезли прочь. Еще одна женщина из отряда, хотя вреда ей и не причинили, была слишком потрясена, чтобы связно рассказать о случившемся. Нападение произошло в сумерках, совсем близко от того места, где предполагалось заночевать до утра. Прислужница не заметила ни что за значок был у нападавших, ни что бы то ни было еще, за исключением того, что вожак их, тот самый, что втащил Элен на коня, усадил впереди себя и умчался в лес, был «сущим великаном, с глазами как у волка, с копной волос вроде медвежь ей шкуры, а рука толщиной с дубовый ствол».

Хоэль, который, естественно, большую часть сказанного на веру не принял, заключил, что насилие — дело рук негодяев, терроризирующих лес. Бретонцы они или франки, но король не мог оставить все как есть. Женщин необходимо было спасти, обидчиков — покарать. Даже король Хильдеберт не стал бы осуждать бретонского правителя, отомстившего за беззаконие столь вопиющее. Войдя в гавань Керрека, Артур и его отряд застали хозяев в смятении; выходило, что бритты прибыли как раз вовремя, чтобы повести в спешке экипированную карательную экспедицию в лес. Вместе с Артуром и Сотоварищами выехал конный отряд бретонцев во главе с военачальником Хоэля, испытанным в сражениях воином.

Отряд скакал быстро, по большей части молча. Судя по тем сведениям, что смогла сообщить оставшаяся в живых принцессина прислужница, нападение произошло на безлюдном участке дороги в том самом месте, где тропа выходила из леса и вилась по краю заросшего кустарником озера. Озеро представляло собой одну из береговых лагун — не то чтобы морской залив, однако приливы и отливы ощущались и в нем, а весной и осенью его и вправду заливало море.

Вскоре после наступления сумерек отряд выехал на озерный берег и встал лагерем на месте похищения: здесь им предстояло дождаться рассвета и прибытия Бедуира. Последние несколько дней дождя не выпадало, и Артур надеялся, что на земле остались следы борьбы и возможно будет определить, куда направились мародеры. Хоэль загодя выслал гонца в Бенойк, и теперь,

едва прозвучал приказ располагаться на ночь, из тьмы появился Бедуир с отрядом.

Артур радостно приветствовал друга; за ужином они тотчас же заговорили о том, что делать дальше. Похоже, тень прошлого их не коснулась; о событиях, повлекших за собою изгнание Бедуира в Малую Бретань, единожды помянул, да и то вскользь, лишь сам Бедуир, приветствуя Мордреда.

Случилось это после ужина, когда Мордред отправился к сторожевым постам — проверить, должным ли образом позаботились о его коне. Бедуир оказался рядом с ним — очевидно, покинул лагерь с той же целью.

— Говорят, ты тоже некоторое время пожил во внешней тьме? Рад, что ты снова при короле. Надеюсь, ты вполне исцелился?

— Да уж, не твоими заботами,— отозвался Мордред, впрочем улыбаясь. И тут же добавил: — По здравом размышлении, именно твоими заботами и жив. Ты ведь мог убить меня: мы оба это знаем.

— Не так-то это просто. Ход событий направлял не только я: сдается мне, мы оба знаем и это. Ты славный боец, Мордред. Может статься, в один прекрасный день мы сойдемся снова... но не настолько всерьез?

— Почему нет? А пока тебя, по слухам, можно поздравить? Я так понимаю, ты недавно женился? Кто она такая?

— Отец ее Пелес, король Нейстрии; его земли граничат с моими. А зовут ее тоже Элен.

Имя рывком вернуло их в настоящее, к делам насущным. За осмотром коней Мордред проговорил:

— Ты ведь наверняка знаешь окрестности?

— Отлично знаю. Отсюда до моего фамильного замка в Бенойке и дня пути не будет. Мы здесь, бывало, охотились и рыбачили на озере. Сколько раз мы с кузенами...

Он умолк на полуслове и выпрямился.

— Глянь-ка туда, Мордред! Что это?

«Это» оказалось алой вспышкой, мерцающей среди теней. Чуть ниже заколыхалась еще одна.

— Да это костер. На берегу или рядом. Отсюда видно отражение.

— Нет, не на берегу,— возразил Бедуир.— Берег чуть дальше. Но там есть остров. Мы там высаживались, разводили костер, жарили рыбу. Должно быть, там.

— На острове никто не живет?

— Нет. Да там и нет ничего. Этот берег озера — сплошная дикая пустошь, а сам остров — лишь груда камней, поросших папоротником и вереском, а на вершине — сосновая рощица. Если сейчас там кто-то есть, стоит выяснить, кто именно.

— Остров? — переспросил Мордред.— Очень может быть, что и так. Для того чтобы ночь-другую без помех предаваться насилию, место выбрано недурно.

— Дело известное,— очень сухо отозвался Бедуир.

С этими словами он развернулся, и они поспешно возвратились к Артуру.

Король уже заметил костер. Он отдавал распоряжения, люди его поспешно седлали лошадей. Артур обернулся к Бедуиру:

— Ты видел? Что ж, очень может быть. В любом случае, посмотреть стоит. Как туда лучше перебраться? Так, чтобы их не вспугнуть?

— С лошадями их врасплох не застанешь. Это остров.— Бедуир повторил все то, о чем уже рассказал Мордреду.— На противоположном берегу озера есть длинная отмель: камень да галька. До нее отсюда около трех миль. Половину расстояния можно проехать вдоль озера, а потом с дороги придется сойти и углубиться в лес. По берегу тропы туда не проложено; придется сделать изрядный крюк, чтобы обогнуть непролазную чащу. Путь и так непрост, а уж в темноте и вовсе не проедешь. А лес подступает к самому морю.

— Тогда вряд ли они перевезли туда коней. Если наш насильник и впрямь все еще на острове, стало быть, переплыл туда на лодке, а конь его дожидается на прибрежной дороге. Хорошо же. Мы посмотрим, как обстоит дело, а затем выставим на дороге заставу — на случай, если он вздумает прорываться. А тем временем нам самим понадобится лодка. Бедуир?

— Лодка должна быть где-то тут, поблизости. Здесь водятся устрицы. До устричных отмелей отсюда рукой подать; вот там лодка и отыщется — если, конечно, разбойник забрал не ее.

Но лодка, принадлежащая ловцу устриц, оказалась на месте: хозяин вытащил ее на гальку рядом с молом, сложенным из валунов. То оказалась грубо сработанная посудина с небольшой осадкой и почти плоским днищем. Обычно владелец неспешно вел ее над устричными отмелями, отталкиваясь шестом, но нашлись и весла — связанные вместе, они торчали в земле на манер флагштоков.

Жадные руки ухватили лодчонку и спихнули по гальке к воде. Воины двигались бесшумно, молча и быстро.

Артур, глядя вдаль, на далекий мерцающий огонек, тихо заговорил:

— Я поеду по прибрежной дороге. Бедуир,— в голосе короля прозвучала улыбка,— ты мастер по части подобных вылазок. Остров — в твоем распоряжении. Кого возьмешь с собой?

— Лодка выдержит двоих, не больше, а управлять ею непросто, если окажешься на глубине больше длины шеста. Я возьму еще одного «мастера». Рыбацкого сынка, ежели он согласится.

— Мордред?

— Я — всей душой.— Принц ехидно добавил: — Это называется заново проходить обучение после отдыха на Оркнеях? — и услышал тихий смех Артура.

— Так ступайте, и да пребудет с вами Господь. Будем уповать на то, что девушка еще жива.

Лодчонка плавно съехала вниз, к озеру, и закачалась на волнах. Бедуир со всей доступной осторожностью уселся на кормовую банку и опустил шест в воду, чтобы пользоваться им как рулем, а Мордред, легко поднявшись на борт вслед за ним, взялся за весла и принялся грести. Оставшиеся на берегу в последний раз подтолкнули лодчонку — и она заскользила во тьму. За плеском воды они смутно слышали приглушенный шорох: отряд тронулся в путь, кони тихо ступали по мягкой обочине дороги.

Мордред уверенно греб, неуклюжая посудина продвигалась достаточно быстро. Бедуир недвижно застыл на корме, высматривая путеводный отсвет с острова.

— Похоже, костер почти догорел. Я не вижу огня... А, все в порядке, вон берег. Чуть левее. Вот так. Теперь правь прямо.

Вскоре ночным зрением они уже отчетливо различали остров. Небольшой черный конус на фоне тьмы, он словно парил в смутном свечении лагуны. Легкий ветерок всколыхнул рябь на воде, заглушая плеск весел. Теперь, когда неверный, чуть зловещий отблеск огня погас, ночь словно опустела, обрела покой и мир. Сияли звезды, ветер принес с собой запах моря.

Оба услышали одновременно. Над водой, в затишье между порывами ветра, разнесся звук, негромкий и жуткий, и тотчас же развеял иллюзорное спокойствие ночи. Протяжные, жалостные причитания, исполненные горя и страха. На острове. Женский плач.

Бедуир тихо выругался. Мордред налег на весла, утлая посудина подпрыгнула, накренилась, развернулась бортом к прибрежной скале. Бывший рыбак втянул весла и одним выверенным, точным движением ухватился за камень. Бедуир спрыгнул на берег первым, с мечом наголо.

Задержался он лишь на краткое мгновение, наматывая плащ на левую руку.

— Вытащи лодчонку на берег. Отыщи и утопи его лодку. А если от меня он ускользнет, оставайся здесь и убей его.

Мордред уже выбрался на берег и теперь возился с веревкой. С черного, поросшего лесом склона звуки донеслись снова — исполненные безнадежного отчаяния и ужаса. Ночь звенела от рыданий. Бедуир переступил с гальки на сосновую хвою и неслышно исчез.

Принц крепко привязал утлый челночок, извлек из ножен меч и, беззвучно ступая по камням, отправился на поиски второй лодки.

Остров был совсем крошечным. За несколько минут Мордред обошел его кругом и вернулся на прежнее место. Лодки нигде не обнаружилось. Кто бы тут ни побывал, что бы ни содеял, он успел скрыться. С мечом наголо, принц проворно вскарабкался вслед за Бедуиром на звук рыданий.

Костер догорел не до конца. Груда пепла еще отсвечивала алым. Рядом, в смутном свете, сгорбилась плачущая женщина. Волосы ее, в беспорядке рассыпавшиеся по изорванному темному платью, отливали белизной. Огонь развели на вершине, где купа сосен, намертво вцепившихся в голый камень, устлала землю плотным ковром иголок. Возведенный бог весть когда курган, превращенный в руины непогодой и временем, мог послужить каким-никаким укрытием. В рощице, помимо скорчившейся на земле плакальщицы, не видно было ни души.

Мордред, будучи на много лет моложе своего спутника, почти догнал его на подходе к роще. Там оба остановились.

Женщина услышала их и подняла голову. В звездном свете и в слабом отблеске костра стало видно, что перед ними не юная девушка, но седая старуха, лицо которой превратилось в застывшую маску страха и горя. Плач умолк — словно ее схватили за горло. Бедняжка оцепенела, широко открыла рот — словно готовясь закричать.

Бедуир протянул руку и быстро заговорил:

— Мадам... матушка... не бойтесь. Мы друзья. Друзья. Мы пришли помочь.

Захлебнувшийся вопль превратился в сдавленный всхлип. В темноте слышалось ее дыхание, короткое и прерывистое: старуха напрягала отсвечивающие белками глаза, тщась разглядеть чужаков.

Воины медленно подошли ближе.

— Успокойтесь, матушка,— проговорил Бедуир.— Нас послал король...

— Какой еще король? Кто вы?

Голос ее дрожал и срывался, но теперь уже не от страха: горе выпило все ее силы. Бедуир обратился к ней на местном наречии, и старуха ответила на нем же. В ее речи акцент ощущался заметнее, нежели у Бедуира, однако язык Малой Бретани был достаточно близок к островному, и Мордред с легкостью его понимал.

— Я Бедуир из Бенойка, а это Мордред, сын короля Артура. Мы люди короля, ищем леди Элен. Она была здесь? Вы приехали с ней?

Пока Бедуир говорил, Мордред подобрал с земли горсть сосновой хвои и обломок дерева и бросил это все поверх золы. Взметнулось пламя, растопка занялась. Мерцающее алое зарево осветило женщину, позволяя рассмотреть подробности.

На вид ей было лет шестьдесят; одета хорошо, хотя и просто. Платье перемазано грязью и изорвано, словно в отчаянной борьбе. Перепачканное лицо сморщилось от рыданий, на одной щеке огромным белесым пятном красуется синяк, на разбитых губах запеклась кровь.

— Вы опоздали,— проговорила она.

— Куда он делся? Куда он ее повез?

— Что до принцессы Элен, то вы опоздали.

Старуха указала на полуразрушенный курган. Мордред с Бедуиром оглянулись. Теперь, при свете разгоревшегося костра, стало видно, что нечто — точнее, некто — разворошил плотный ковер сосновых иголок. С кургана сняли камни поменьше, а поверх насыпали шишек и хвои.

— Все, на что хватило сил,— проговорила старуха, вытягивая вперед трясущиеся руки.

Охваченные ужасом и жалостью, Бедуир и Мордред глядели на израненные, кровоточащие, покрытые синяками ладони.

Рыцари подошли к кургану, где покоилось тело. Спрятали его плохо. Под слоем камней и сосновой хвои можно было различить лицо девушки, в потеках грязи, искаженное смертной агонией. Глаза закрыты, но рот навсегда застыл в немом крике, а шейка со смертоносными отпечатками на горле свернута на сторону.

Бедуир по-прежнему мягко — Мордред никогда бы не заподозрил в нем подобного качества — проговорил скорее про себя, нежели вслух:

— У нее прелестное личико. Да упокоит ее Господь.

А затем, обернувшись, прибавил:

— Не горюйте, матушка. Она отправится домой, к своим близким; там ждет ее королевское погребение, и пребудет она в мире со своими богами. А грязное чудовище сдохнет и попадет на растерзание к своим богам, и ждет его справедливое возмездие.

Бедуир снял с пояса флягу и, опустившись на колени рядом с женщиной, поднес горлышко к самым ее губам. Она отпила, вздохнула и мало-помалу слегка успокоилась. Вскоре она смогла рассказать рыцарям о том, что произошло.

Кто таков похититель, она не ведала. Но не иноземец; это она подтвердила к превеликому облегчению рыцарей. Говорил он мало и изъяснялся по большей части ругательствами, но и он, и его люди, вне всякого сомнения, были бретонцами. Рассказы о «великане» недалеко ушли от истины: то был громадный верзила, наделенный недюжинной статью, и обхватом, и силой, с оглушительным голосом и рыкающим смехом; сущий скот. Он выскочил из засады вместе со своими тремя прихвостнями, одетыми в лохмотья, точно заурядные воры, и своими руками убил четверых сопровождающих принцессы, не успели они прийти в себя от неожиданности. Оставшиеся четверо оказали доблестный отпор, но пали один за одним. Ее и принцессу уволокли прочь, а вторую прислужницу Элен оставили. «Бедняжка так визжала и причитала, что на месте негодяев я бы порешила ее тут же на месте»,— съязвила кормилица. Уезжая, разбойники захватили и оставшихся лошадей, так что преследования они могли не опасаться.

— Они привезли нас к кромке воды. Было еще темно, и дороги почти не видно. Один остался на берегу с лошадьми, а остальные погребли сюда, к утесу. Моя госпожа едва не теряла сознание, я пыталась ее поддержать. Ни о чем другом и не думала. Скрыться от них мы не могли. Здоровяк — этот скот — отнес ее сюда, на вершину утеса. Остальные пытались потащить и меня, но я вырвалась — и бежать, а когда они убедились, что я ни за что не брошу госпожу, меня оставили в покое.

Кормилица откашлялась, облизнула рассеченные губы. Бедуир снова протянул ей флягу, но старуха покачала головой и вскорости продолжила рассказ:

— Об остальном я говорить не в силах, да вы, верно, уже и догадались. Двое меня держали, пока этот скот ее насиловал. А она-то выносливостью никогда не отличалась. Прехорошенькая была, но уж больно бледненькая, и в холодные зимы ей вечно недужилось.

Кормилица снова умолкла, понурила голову, судорожно сцепила пальцы.

— Он убил ее? — спустя какое-то время мягко спросил Бедуир.

— Да. Или, скорее, ее убило то, что он с ней сделал. Она умерла. Он выругался, бросил ее там, у камней, и вернулся ко мне. Я не кричала — они зажали мне рот своими вонючими лапами,— но боялась, что теперь они и меня убьют. А они затеяли такое... я и не ждала... мне ведь уже за шестьдесят, и ведь ни за что не подумаешь... Ну да полно об этом. Что было, то было, а теперь вы здесь и убьете грязное животное, пока он отсыпается после разгула.

— Леди,— горячо заверил Бедуир,— подонок умрет этой же ночью, если мы его отыщем. Куда они отправились?

— Я не знаю. Они поминали какой-то остров и башню. Больше ничего сказать не могу. О погоне они и не помышляли, иначе убили бы и меня. А может, эти животные думать вообще не умеют. Они швырнули меня на землю рядом с моей госпожой и бросили на произвол судьбы. Со временем я услышала перестук копыт. Думаю, они поехали на взморье. Когда я снова смогла двигаться, я похоронила госпожу как смогла. Я отыскала среди камней кургана тайничок, где кто-то — рыбаки, верно,— оставили кремень и кресало, и развела костер. Если бы не это, я бы, верно, здесь и умерла. Здесь нет ни пресной воды, ни пищи,

а плавать я не умею. А если бы разбойники приметили пламя и вернулись сами, я бы умерла раньше, вот и все.— Старуха подняла взгляд.— Но вы... двое юнцов против этого чудовища и его приспешников... Нет, нет, не выслеживайте его сами. Возьмите меня с собой, умоляю, но его не ищите. Не хочу новых смертей. Передайте мой рассказ королю Хоэлю, и он...

— Леди, мы приехали от короля Хоэля. Мы посланы отыскать вас и вашу госпожу и покарать похитителей. Не бойтесь за нас; я Бедуир из Бенойка, а это Мордред, сын Артура Британского.

В угасающем свете старуха воззрилась на рыцарей во все глаза. Прежде она, очевидно, не расслышала того, что ей говорилось, либо просто не поняла. Не веря ушам своим, она повторила:

— Бедуир из Бенойка? Сам Бедуир? Артур Британский?

— Артур здесь, неподалеку, с отрядом воинов. Король Хоэль прихворнул, но послал на поиски нас. Пойдемте же, леди. Наша лодчонка невелика и на воде держится не ахти как, но если вы позволите отвезти вас в безопасное место, позже мы вернемся за вашей госпожой, дабы погребли ее должным образом.

Так и сделали. Из сосновых веток соорудили двое носилок, уложили на них тело девушки, чинно укрытое плащом, и старуху-кормилицу, забывшуюся лихорадочным сном, и с эскортом отослали ношу в Керрек. Оставшихся рыцарей Бедуир повел к взморью.

Был отлив. Широкая, ровная полоса серого песка тускло поблескивала в темноте. Отряд переправился вброд в устье реки, там, где смешивались воды озера и моря, а затем, далеко впереди, разглядели в рассветных сумерках отвесный пик морского островка. По расчетам Бедуира, именно об этой «островной башне» и поминали головорезы.

С тех пор как старуху бросили умирать на озерном островке, прилив накатил и схлынул, так что указующих следов на песке не осталось, но чуть дальше от моря, на пологой земле, там, где река прокладывала путь к морю через дельту солонцеватого дерна, виднелись отпечатки копыт: нетрудно было заметить, что кони проскакали прямиком к берегу, к грубому подобию дамбы, что во время отлива соединяла берег с островом. Его высокие, одетые лесом утесы неясно вырисовывались на фоне спокойного моря. Начинался прилив; белые буруны вспенились у подножия

острова и между камнями дамбы. В темноте не горело ни огонька, но, поглядев туда, куда указывал пальцем Бедуир, рыцари различили на вершине очертания башни.

Остановив коня у самой кромки воды, король созерцал башню с седла, не двигаясь и лишь задумчиво теребя пальцем губу. Точно так же он мог бы наблюдать за тем, как в саду королевы в Камелоте разбивают клумбу под розы. В облике его не ощущалось ничего воинственного — не более чем во время поездки с «мирной миссией» к Кердику, когда Агравейн с такой горечью обрушился на кажущуюся кротость «военного вождя». Однако Мордред, держась бок о бок с отцом, наблюдал за происходящим с интересом и нарастающим волнением, которое ему с трудом удавалось скрыть; он знал, что впервые — о долгожданный миг! — видит Артура легенд и преданий: испытанный в боях воин, знаток своего дела, тот самый человек, что один спас Британию от саксонской угрозы, решал, как лучше поступить в деле куда менее значимом.

Наконец король заговорил:

— Башня, похоже, наполовину обвалилась. Перед нами — разбойник, что забился в берлогу, словно барсук. Осада здесь неуместна, равно как и штурм. Воистину нам следовало прихватить с собой гончих и затравить его, точно дикого вепря.

Отряд угрожающе зашумел. Все видели тело Элен, когда его выносили на берег. Конь Бедуира вдруг поднялся на дыбы, словно напряженное состояние всадника передалось и ему. Бедуир уже схватился за меч, а позади него, среди Сотоварищей, в промозглых рассветных сумерках тут и там поблескивал металл.

— Мечи в ножны.— Артур не оглянулся, не повысил голоса. Он держался непринужденно, лишних слов не тратил, палец — по-прежнему на губе.— Я собирался сказать, что эта битва — для одного человека. Для меня. Не забывайте, что принцесса Элен приходилась мне родней, а я здесь представляю короля Хоэля, ее дядю и сюзерена. Кровь негодяя принадлежит мне по праву.— Артур обернулся, унимая возобновившийся ропот.— Если он убьет меня, тогда им займешься ты, Мордред. После тебя, если нужно, пусть Бедуир и остальные поступают как вздумается. Все ясно?

Отряд зашумел в знак подтверждения, причем многие соглашались с явной неохотой. Артур тем временем продолжал; Мордред заметил, что отец улыбается.

— А теперь, прежде чем мы поднимемся на скалы, выслушайте меня. С ним, очевидно, по меньшей мере трое. Может, и больше. Эти — ваша добыча; поступайте с ними как знаете. Есть вероятность, что нас уже заметили; в любом случае, преследователей они наверняка ожидают. Может статься, они выйдут нам навстречу; может статься, попытаются забаррикадироваться в башне. В этом случае ваша задача — выдворить негодяев из укрытия или выкурить огнем, а вожака их привести ко мне.— Артур тронул поводья, и конь его прянул вперед, уйдя в воду по щетки.— А теперь надо переправляться. Если мы задержимся, прилив затопит дамбу и разбойники, воспользовавшись нашим невыгодным положением, набросятся на нас, едва лошади переплывут на берег.

Здесь Артур ошибся. Банда, ощущая себя в безопасности с началом прилива и с чисто животной тупостью не помыслив о погоне, собралась в пределах башенных стен и часовых не выставила. Разбойники уснули вокруг догоревшего костра, на котором готовился ужин, среди обглоданных костей и жирных объедков. Бодрствовал только вожак: он устроился у самого огня, вертя в грязных лапах пару золоченых браслетов и отделанный драгоценными камнями оберег, сорванный им с прелестной шейки Элен. Но вот до слуха его донесся какой-то шум. Он поднял голову и увидел в дверном проеме фигуру Артура, залитую лунным светом.

Вожак оглушительно взревел — и впрямь под стать затравленному вепрю. И проворством он зверю не уступал, этот великан, мускулистый, точно кузнец, с налитыми кровью глазами, как у дикого зверя. Король не колеблясь зарубил бы его безоружным: как он и говорил, то был не поединок, но истребление бешеных тварей,— однако в тесноте башенных стен мечом было не размахнуться. Так что Артур поневоле остался на месте; предоставленный сам себе, вожак схватил оружие — массивную дубину, несколькими дюймами длиннее клинка того, кто уступал ему и ростом,— и бросился на врага. Его разморенные сном, захваченные врасплох люди в беспорядке высыпали следом. На них тотчас же накинулись рыцари, поджидающие по обе стороны от входа в башню, и перебили всех. Мордред схватился врукопашную с дородным здоровяком; от того невыносимо разило, а изо рта пахло, точно из сточной канавы. Принц обнаружил, что забывает всю рыцарскую науку, освоенную за долгие годы, и вновь

возвращается к обманным уловкам, что не раз сослужили рыбацкому сынку добрую службу в нешуточных ребячьих потасовках. А в конце концов их оказалось двое против одного. Едва Мордред, оступившись, подался назад под тяжестью своего противника, подоспевший Бедуир, словно играючи, проткнул негодяя мечом, точно насаживая птицу на вертел, а затем, нагнувшись, вытер меч о траву. Засаленная одежда покойника для этого явно не подходила.

Банду перебили за считанные секунды. Теперь, расступившись, Сотоварищи наблюдали за казнью вожака.

На их опытный взгляд вскоре стало очевидно, что в прошлом разбойник с грехом пополам обучался-таки воинскому искусству. То был сущий скот, однако не из трусливых. Он бросился на Артура с дубинкой против меча и с первого же раза, с силой размахнувшись, воспользовался преимуществом длины и нанес противнику удар, от которого король пошатнулся, а на щите его образовалась вмятина. Увесистая дубинка, скользнув по щиту, на миг увлекла за собою владельца, и за это краткое мгновение Артур удержал-таки равновесие и, минуя дубинку и руку, сделал выпад, целя прямехонько в незащищенное горло над курткой из толстой кожи. Великан, несмотря на габариты, проворно вскочил на ноги. Он отпрыгнул назад, дубина снова взлетела в воздух и отбила меч в сторону. Но на выпаде рука и тело Артура устремились вверх, направляя удар выше, над дубинкой, точно в лицо противнику. Острие меча оцарапало негодяю лоб, оставив короткую, но глубокую отметину точнехонько над глазами. Великан взвыл; Артур отпрыгнул назад, и тяжелая дубинка снова описала круг. Хлынула кровь, заливая противнику лицо, ослепляя его, но эта слепота едва не обернулась для Артура погибелью. Великан, обезумев от боли, ринулся на короля, не обращая внимания на обнаженный меч, и, воспользовавшись внезапностью натиска, уклонился от клинка, сошелся с противником вплотную, обрушился на него всей своей непомерной тяжестью и в борцовой хватке принялся подминать его под себя.

Пожалуй, один только Мордред успел оценить стремительный и до крайности предательский удар, благодаря которому король одержал верх. Артур высвободился из захвата, словно играючи, снова увернулся от дубинки и рубанул противника под колени. Взвыв, великан с грохотом рухнул на землю, точно срубленное

дерево, колотя по земле руками и ногами. Король, уверенно и хладнокровно, точно танцор, выждал, чтобы дубинка глухо стукнула о дерн, а затем отрубил кисть, удерживающую оружие. Дубинка осталась лежать там же, где упала. Не успел великан почувствовать боль новой раны, как король переступил через струю крови и аккуратно вонзил меч ему в горло.

Рыцари забрали из башни драгоценности принцессы Элен, побросали туда трупы и подожгли гнусное логово. А затем отряд поскакал назад, навстречу своим спутникам. Им еще предстояло доставить горестную весть королю Хоэлю.

Глава 3

Трагедия принцессы Элен сослужила одну добрую службу. Было очевидно, что франки, соседи короля Хоэля, к насилию никоим образом не причастны, а когда стало известно, что «великан» и его головорезы убиты, поселяне и лесные жители, пострадавшие от разбойничьих набегов, наконец-то осмелились выговориться начистоту, и вскорости выяснилось доподлинно, что недавние набеги и утеснения — дело рук одной и той же бандитской шайки.

Так что сразу после погребения, но еще до того, как истек срок траура, Хоэль и Артур смогли сесть и обсудить требование, выдвинутое консулом Квинтилианом Гиберием. Короли решили выслать к нему посольство, якобы для того, чтобы обсудить предложения римского императора, а на самом деле — убедиться своими глазами, сколь велики его силы. Хоэль уже отправил гонца к королю Хильдеберту и его братьям, дабы узнать, предъявлены ли им те же требования, а если так, то какова позиция франков.

— На это уйдет время,— проговорил Хоэль, вытягивая ноги к огню и потирая ладонью подагрическое колено,— но вы, кузен, я уповаю, задержитесь?

— Выстроить мои войска рядом с вашими на всеобщее обозрение, пока ваше посольство выведывает замыслы Гиберия? Охотно,— усмехнулся Артур.

— Я надеюсь, что вы и посольству придадите весомости,— отозвался Хоэль.— Я посылаю Герина. Хитрый старый лис — мастак водить за нос! Из его речей римляне не поймут и половины,

не говоря уже о сути его предложений. Он выиграет для нас время, а мы тогда будем ждать ответа от франков. Согласны, кузен?

— Разумеется. От меня поедет Борс. Хитрости в нем ни на йоту, весь — воплощенная честность, чем и обезоруживает. Мы ему внушим заранее, чтобы предоставил политику Герину. А Валерия поставим во главе эскорта.

Хоэль одобрительно кивнул. Короли беседовали в его личных покоях Керрекского дворца. Уже не прикованный к постели, старик целыми днями просиживал у пылающего очага, кутаясь в меха. Его мускулистое тело с возрастом чрезмерно раздалось вширь, а избыточный вес повлек за собою обычные сопутствующие недуги; как говорил он сам, кости его так и поскрипывают на сквозняках, гуляющих по его древней, не слишком-то уютной крепости.

Артур вместе с Мордредом и двумя-тремя лордами из свиты Хоэля отужинал с королем, а теперь перед ним дымилась чаша подогретого вина с пряностями. Бедуира с ними не было. Рыцарь, испросив разрешения, отбыл назад, в свои владения на севере Бретани. В качестве причины он сослался на нездоровье молодой жены. Возвращаясь на юг с телом погибшей принцессы, Бедуир по дороге доверительно поведал Мордреду о том, что его собственная Элен, во власти страхов, обычных при ее состоянии, видела во сне смерть и не знает покоя, пока ее супруг не возвратится домой живым и невредимым. Так что сразу после похорон Бедуир поскакал на север, предоставив юнцам из клики «молодых кельтов», бывшим в Артуровом воинстве, на свободе перешептываться о том, что Бедуир, дескать, предпочел уехать и не встречаться лицом к лицу с Гавейном.

Ибо Гавейн уже скакал в Бретань. Артур счел разумным призвать к себе племянника, ныне восстановленного в рядах Сотоварищей, дабы тот поучаствовал в развитии событий. Ожидаемая битва свелась к жалкой карательной стычке с шайкой разбойников; впрочем, присоединиться к Артурову отряду Гавейн опоздал. Так что теперь, обсуждая с Хоэлем состав объединенного посольства, Артур предложил включить в него и Гавейна. Поскольку сам Хоэль поехать не мог, а Артур предпочел от личного участия воздержаться, требовался хоть один представитель королевского дома, дабы придать посольству веса.

Хоэль, хмыкая и фыркая в бороду, повел глазами в сторону нахмурившегося Мордреда и неверно истолковал выражение его

лица, откашлялся, собираясь заговорить, но Артур, заметив обмен взглядами, поспешно вмешался:

— Нет, только не Мордред. Да, выбор напрашивается сам собой, но он нужен мне в другом месте. Если я останусь здесь, пока все не уладится, тогда ему придется вернуться в Великую Британию вместо меня. Королева и совет — лишь временная замена, не более, а решать дела насущные и важные должно облеченному большей властью, нежели они.

Артур обернулся к сыну.

— И это после всех моих разглагольствований? Тоже мне, заново пройти обучение! Походил на веслах в лагуне да зарубил разбойника-другого! Мне очень жаль, Мордред, но доставленное сегодня послание не оставляет мне выбора. Ты поедешь?

— Как прикажете, сир. Разумеется.

— Тогда поговорим позже.

И король вернулся к беседе.

Мордред, испытавший одновременно разочарование и восторг, тем не менее остался глубоко озадачен. Что за неотложное дело вынуждает короля изменить планы? Не далее чем вчера Артур говорил о том, чтобы отослать с посольством его, Мордреда. А теперь поедет Гавейн. В разумности такого выбора принц весьма сомневался. Его сводный брат плывет через море в надежде повоевать; оказавшись в составе мирной депутации, он будет глубоко обескуражен, а то и разозлится не на шутку. Но Артур, похоже, сомнений не испытывал. Отвечая на расспросы Хоэля, он утверждал, что в недавней истории с королевой Морганой, и во время последних месяцев на Оркнеях, и, наконец, уже тем, что в отношении Бедуира, убийцы Гарета, Гавейн проявляет известную сдержанность, племянник показал, что отчасти научился-таки владеть собой, так что приключение в заморских краях — пусть всего лишь дипломатическая миссия — станет для него своего рода наградой.

И здесь Артур — уж такова, верно, была его судьба в сношениях с Моргаузиным выводком, ее плотью и кровью,— глубоко заблуждался. В это самое время корабль уже приближался к бретонскому берегу, а Гавейн и его юные приспешники деловито начищали оружие и доспехи и радостно толковали о грядущих битвах.

Позже, пожелав Хоэлю доброй ночи, Артур увел Мордреда к себе в покои для обещанной беседы.

Разговор был долгий и затянулся далеко за полночь. Сперва король заговорил о сообщении, заставившем его изменить планы. То было письмо от королевы. В подробности она не вдавалась, но жаловалась, что ее положение, день ото дня становясь все более сомнительным, изрядно тяготит ее. Герцог Константин, перебравшись в Каэрлеон вместе со своим отрядом рыцарей, объявил о намерении обосноваться в Камелоте, «как то и подобает управителю Верховного королевства». Королева послала к нему гонца, заклиная не выходить из воли Артура, но ответил он «несдержанно и резко».

«Я страшусь последствий,— писала Гвиневера.— Мне уже сообщили, что в Каэрлеоне, вместо того чтобы предоставить свои силы в распоряжение совета, герцог Константин говорит и действует как владыка, управляющий от своего имени, или как единственный законный представитель верховного короля. Милорд Артур, я всякий день жду вашего возвращения. И живу в непрестанном страхе при мысли о том, что произойдет, если с вами или с вашим сыном случится недоброе».

По прочтении письма Мордреду уже не терпелось отправиться в путь. Он не стал разбираться в своих чувствах к герцогу Константину; ни времени, ни желания у него на то не было. Довольно и того, что этот человек ведет себя так, словно у Артура нет единокровного сына, не говоря уже о кровном родиче Гавейне, сыне сводной сестры. И, как и говорил Артур, рассказы о некоторых деяниях Константина не предвещали для королевства ничего доброго. То был правитель суровый и жестокий, и испуганный тон письма не вызывал удивления.

Все сожаления, что при иных обстоятельствах испытывал бы Мордред, покидая короля, теперь развеялись сами собой. Это регентство, пусть и недолгое, станет для него исполнением давней мечты, испытательным сроком, в течение которого он будет единовластно управлять королевством. Молодой человек не сомневался: стоит ему, Мордреду, снова оказаться в Камелоте, во главе личной охраны короля, как Константин откажется от всех своих заносчивых притязаний. Возвращение Мордреда, обладателя королевских полномочий и королевской печати, все расставит по местам. «А здесь ты найдешь мой мандат, дающий тебе право собрать армию, какую сочтешь нужным, дабы поддержать мир дома и подготовить подкрепление на случай неприятностей здесь».

Так они беседовали, всецело доверяя друг другу, а ночь близилась к исходу, и будущее, сокрытое за облачной завесой настоящего, казалось столь же ясным и безмятежным, как рассвет, неспешно заливающий позолотой край моря за окном. Если бы в смутном сумраке через комнату проплыл призрак Моргаузы и нашептал им о судьбе, предсказанной столько лет назад, они бы только посмеялись, следя, как фантом уносится прочь вместе с отзвуком их хохота. И однако сойтись вместе иначе как врагам довелось им в последний раз.

Со временем король вернулся к теме посольства. Хоэль возлагал большие надежды на успех задуманного, но Артур подобной уверенности не испытывал, хоть от кузена это и скрывал.

— До сражения дело еще, возможно, и дойдет,— говорил король.— Квинтилиан служит новому господину и сам пока что испытательного срока не прошел; и хотя об окружении его я знаю немного, подозреваю, что он побоится уронить свою репутацию в глазах помянутого господина, вступив в переговоры с нами. Ему тоже нужно продемонстрировать силу.

— Опасное положение. А почему вы сами не едете, господин?

Артур улыбнулся.

— Это тоже вопрос престижа, если угодно. Если я поеду в качестве посла, войска я с собой взять не смогу, а если посольство потерпит неудачу, тогда к неудачникам причислят и меня. Здесь, в Бретани, я лишь сдерживающее орудие, не орудие войны... Я не могу допустить, чтобы видели мой провал.

— Вы всегда побеждаете.

— Именно это убеждение призвано усмирить Квинтилиана и прочих уповающих на возрождение Рима.

Поколебавшись, Мордред заговорил напрямую:

— Прошу меня простить, но есть кое-что еще. Позвольте мне высказаться в качестве вашего представителя, если не сына. Можно ли поручить Гавейну и его юнцам такого рода миссию? Если они поедут с Валерием и Борсом, боюсь, дело кончится дракой.

— Может, ты и прав. Но мы тем самым ничего не теряем. Рано или поздно боевые действия все равно начнутся, а я предпочел бы сразиться здесь, и с врагом, не слишком-то готовым к бою, нежели у моих собственных границ по ту сторону Узкого

моря. Если франки встанут с нами бок о бок, вполне вероятно, что нам удастся-таки осадить пресловутого императора. А если нет, тогда худшее, что может произойти с нами сейчас,— это потеря Бретани. В таком случае мы увезем наших людей — тех, что останутся в живых,— назад, домой, и снова укроемся под защитой благословенных морей.— Артур отвернулся, уставился в огонь; глаза его были серьезны.— Но в конце концов все начнется сызнова, Мордред. Не в мое время, нет, и не в твое, благодарение Богу, но еще до того, как состарятся твои сыновья, все начнется сызнова. Тому, кто на это отважится, придется непросто. Сперва — Узкое море, затем — бастионы саксов и англов, сражающихся за свои исконные земли. Почему, как ты думаешь, я твердо решился передать саксам во владение заселенную ими часть острова? То, что принадлежит им, мужчины защищают с оружием в руках. И к тому времени, как над нашими берегами нависнет серьезная угроза, Кердик будет на моей стороне.

— Понимаю. А я-то гадал, почему вы не особо встревожены насчет посольства.

— Посольство отыграет для нас необходимое время. Если миссия потерпит неудачу, мы сразимся уже сейчас. Все очень просто. Но время позднее, давай-ка закончим наши дела.— Артур потянулся к лежащему на столе письму, скрепленному печатью с изображением дракона.— Непобедим я или нет, но необходимые меры на случай моей смерти я принял. Вот письмо, которым ты тогда воспользуешься. В нем я извещаю совет о том, что ты мой наследник. Герцог Константин отлично знает, что моя клятва, данная его отцу, действительна лишь при отсутствии у меня сына. По душе ему это или нет, а смириться придется. Ему я тоже отписал, и послание мое он оспорить не сможет. В том же письме я жалую ему земли; в герцогство его войдут и те области, что достались мне в приданое от первой жены, Гвиневеры Корнуэльской. Думаю, он останется доволен. Ежели нет...— Король поднял взгляд на сына, глаза его сверкнули.— Тогда это уже твое дело, не мое. Мордред, не спускай с него глаз. Если я останусь в живых, сразу по возвращении в Камелот я созову совет и обо всем этом будет объявлено публично, раз и навсегда.

Принимать наследство из рук еще живого дарителя всегда непросто. Мордред, впервые не находя нужных слов, заговорил было сбивчиво, запинаясь, но король жестом призвал сына к молчанию и наконец-то перешел к вопросу, с которого, по мнению Мордреда, следовало начать.

— А теперь о королеве,— произнес Артур, глядя в огонь.— Она останется под твоей защитой. Ты будешь любить ее и холить, как если бы приходился ей родным сыном, и позаботишься о том, чтобы до конца дней своих она жила покойно и мирно, в почете и холе, как ей и подобает. Я не требую от тебя клятвы, Мордред; я знаю, что нужды в том нет.

— Я все равно поклянусь! — Опустившись на колени перед креслом отца, Мордред в кои-то веки не сдержал обуревающих его чувств.— Клянусь всеми богами, какие есть, клянусь Господом церквей Верховного королевства, и Богиней островов, и духами воздуха, что стану управлять вверенными мне землями королеве во благо, стану любить ее и холить и радеть о ее чести, в точности как поступали бы вы, оставаясь верховным королем.

Артур наклонился, сжал руки Мордреда в своих и, подняв сына с колен, поцеловал его. И улыбнулся:

— А теперь хватит толковать о моей смерти, до нее еще немало воды утечет, уверяю тебя! А когда она таки наступит, я вручу тебе мои королевства и мою королеву со спокойной душой и в придачу — мое благословение и благословение Господне.

На следующее утро Мордред отплыл домой. А спустя несколько дней после его отъезда блестящее посольство выехало в лагерь Квинтилиана Гиберия. Колыхались султаны, реяли разноцветные вымпелы.

Гавейн и его друзья держались раскованно и непринужденно. Хотя разговор промеж них шел именно такой, как предвидел Мордред,— юнцы видели в Гавейне вождя, отчаянного и дерзкого, который заскучать не даст,— однако же, надо отдать им должное, вели себя чинно, соблюдая приличия. Но ни один из юнцов и не пытался скрыть надежду на то, что попытки замирения закончатся ничем и дело дойдет-таки до драки.

— Говорят, Квинтилиан — человек вспыльчивый и в придачу опытный воин. С какой стати ему слушать, как один старикан передает послание другого старикана?

Так определил Мадор суть Хоэлева посольства.

— Если сразиться не удастся, так уж состязания-то непременно будут,— эхом подхватили остальные.— Забавы, охота... Уж мы покажем этим иноземцам, на что способны!

Или:

— Говорят, кони в Галлии красивы — глаз не оторвать. Если уж совсем не повезет, так хоть расторгуемся.

Но похоже, их ждало разочарование по всем статьям. Квинтилиан расположился во временном лагере, возведенном на унылой заболоченной пустоши. Отряд прибыл уже в сумерках: пасмурный день клонился к вечеру, промозглый ветер пригнал дождь. По обе стороны расстилался мертвый весенний вереск — черный и отсыревший; оживляли пустошь только синевато-зеленые проплешины топей да металлический блеск воды. Сам лагерь разбит был по римскому образцу. Построен он был добротно, из крепкой древесины и дерна, и в качестве временного пристанища производил впечатление вполне достойное, но молодые бритты, в военном деле не сведущие и привыкшие к гигантским монументальным твердыням Каэрлеона и Сегонтиума, поглядывали по сторонам разочарованно и презрительно.

Трудно сказать, осторожность ли или забота об удобстве гостей побудила Квинтилиана Гиберия разместить бриттов за пределами лагерных стен. Шагах в ста от рва, окружающего лагерь, разбили шатры, соорудили коновязь и возвели отдельный павильон, которому предстояло послужить парадным залом. Здесь гостей пригласили спешиться; их собственные конюхи отвели лошадей к коновязи. Так, пешком, бритты последовали за провожатыми по главной дороге к центру лагеря, где высился шатер полководца.

Там Квинтилиан Гиберий и Марцелл, его заместитель, приняли посольство с ледяной учтивостью. Последовал обмен речами — заготовленными заранее и заученными наизусть. Речи вышли длинные и до того сверхуклончивые, что уразуметь смысл возможным не представлялось. Ни о послании императора, ни о намерениях Хоэля не упоминалось ни словом. В ответ на равнодушный вопрос хозяина последовал бессвязный отчет о здоровье старого короля с деликатными ссылками на то, что Хоэлев кузен Артур, дескать, немало встревожен, именно эта причина и привела сего воителя в гости к королю Бретани. О том, что Артур привез с собой изрядное воинство, вслух не говорилось, однако римский консул об этом знал, а о том, что он знает, знали и бритты...

Только после того, как учтивое затачивание клинков продлилось достаточно долго, Герин и Борс позволили себе подойти к утверждению — все еще очень и очень уклончивому — касательно положения Хоэля и поддержки со стороны Артура Британского.

Молодые люди, в официальном порядке выстроившись за спинами послов, раздражаясь на чинное бездействие поездки, мечтая о еде и отдыхе, успели соскучиться, с любопытством оглядеться по сторонам и обменяться нахальными взглядами с воинами противной стороны, которые точно так же маялись скукой за спинами своих вождей.

А вожди, исчерпав запас бесконечных, занудных разглагольствований, оказавшихся не в пример утомительнее в силу той причины, что Борс на латыни изъяснялся, мягко говоря, скверно, а Марцелл никакого другого языка не знал, застряли на мертвой точке.

Завтра переговоры возобновятся, объявил Квинтилиан, запахиваясь в плащ и поднимаясь на ноги. А тем временем гости, вне всякого сомнения, пожелают отдохнуть и подкрепиться. Не проследовать ли гостям в приготовленные для них шатры?

Послы церемонно поклонились и вышли. Подоспели хозяева, и отряд двинулся к выходу из лагеря в сопровождении эскорта.

— Вы, верно, устали после дороги? — осведомился юноша, сопровождающий Гавейна, прибегая к избитому проявлению вежливости.— Боюсь, жилье вам роскошным не покажется, но сами мы к походным условиям привыкли.

При этих словах юноша зевнул. Зевок означал только то, что переговоры утомили его точно так же, как всех прочих молодых людей, но высокомерный Гавейн, изнывая от скуки и начиная уже понимать, что все его честолюбивые надежды идут прахом, вздумал воспринять происходящее иначе.

— С чего вы взяли, что мы к неудобствам непривычны? Из того, что мы явились с мирным посольством, вовсе не следует, что мы и воевать не умеем. Да в сражении мы заткнем за пояс любой сброд по эту сторону Узкого моря!

Юноша изумился и тут же, распалившись под стать собеседнику, вспыхнул до самых корней светлых волос.

— А вы на каких полях сражений побывали, сэр Бахвал? Со времен Агнеда и Бадона лет минуло немало! Даже легендарный Артур, которым похваляются эти ваши послы, ныне начинать войну не слишком склонен! И неудивительно, ежели подданные его только болтать горазды!

— Да и в этом не блещут! — вставил кто-то, безжалостно передразнивая невнятную латынь Борса, не успел Гавейн и дух перевести.

Раздался смех, заглушая поспешные попытки более трезвых голов свести перепалку к шутке. Но Гавейн лишь угрюмо хмурился, и запальчивая перебранка не стихала. Светловолосый юнец, кажется из числа знати, оборвал спор звенящим гневным криком:

— И что с того? Разве вы не проделали такой путь для того лишь, чтобы умолять нас не объявлять вам войну? А теперь выхваляетесь да чванитесь тем, на что, дескать, способны ваши вожди! Ну и что нам прикажете думать о пустопорожнем бахвальстве?

Тут Гавейн выхватил меч и проткнул собеседника насквозь.

Последовавшее всеобщее замешательство — сперва хозяева не поверили глазам своим, а затем спутники упавшего в смятении и ужасе бросились поднимать юношу, пытаясь понять, жив ли,— и эти несколько минут предоставили бриттам возможность к бегству. Гавейн с криком «К лошадям!» преодолел уже половину пути до сторожевых постов. Друзья его спешили за ним по пятам; едва зазвучали оскорбления, как они уже догадались, что стычки не миновать. Поколебавшись лишь мгновение, перепуганные послы бросились следом. Не будь убийца Артуровым племянником, его бы выдали на расправу как нарушителя перемирия; но теперь, как отлично сознавали послы, мирная миссия, с самого начала особых надежд не внушавшая, была безнадежно загублена, в ответе за нарушение перемирия оказался весь отряд, и, следовательно, опасность над ним нависла немалая. Валерий, воин старой закалки, привыкший мгновенно принимать решения, тут же принял на себя командование, и по его слову отряд оказался в седлах и галопом вырвался за ограждения, не успели гости толком понять, что произошло.

Гавейн, мчась сломя голову наравне с остальными, попытался было вывести коня из толпы и развернуть его вспять.

— Позор нам! Убегать после того, что они наговорили? Стыдись, стыдись! Если прежде они обзывали нас трусами, то как назовут теперь?

— Мертвецами, дурень! — Вне себя от ярости, Валерий не был склонен миндальничать, принц уж там или не принц. Крепко ухватив рукой чужие поводья, он увлек Гавейнова скакуна в стремительный галоп бок о бок со своим.— Стыдиться должно тебе, принц! Ты знал, что королю нужно от этого посольства. Если нам удастся уйти живыми, что весьма сомнительно, посмотрим, что скажет тебе Артур!

Своенравный упрямец Гавейн, нимало не раскаиваясь в содеянном, собрался было огрызнуться, но в этот миг отряд подскакал к реке и растянулся в линию, готовясь к переправе. Будь у них время, они бы успели перебраться вброд, но тут вдали показалась погоня, и бриттам оставалось лишь принять бой. Валерий, охваченный отчаянием и яростью, поворотил коня и отдал приказ нападать.

Обе стороны кипели бешенством; схватка была короткая, свирепая и крайне кровопролитная. Сражение не прерывалось ни на миг и закончилось лишь тогда, когда половина посольского отряда и куда большее число преследователей оказались перебиты. Римляне отъехали к опушке рощицы для минутной передышки, похоже, посовещались, и наконец двое из них развернулись и поскакали на восток.

Валерий, не получивший и царапины, но измученный и в буквальном смысле запятнанный чужой кровью, поглядел им вслед. А затем мрачно бросил:

— Поехали за подкреплением. Ладно. Мы тут бессильны. Уходим. Сейчас же. Приведите разбежавшихся коней и подберите вон того. Он еще жив. Остальных придется бросить.

На сей раз никто возражать не стал. Бритты поворотили коней и ускакали. Римляне не пытались задержать их, не последовало и обмена колкостями. Гавейн настоял-таки на своем и подтвердил то, что в подтверждениях не нуждалось. И обе стороны знали, что произойдет теперь.

Глава 4

Мордред сидел у окна королевского рабочего кабинета в Камелоте. То и дело налетал теплый ветерок и, напоенный благоуханием сада, окатывал его волнами душистой свежести. Яблоневая кипень уже осыпалась, зато вишни стояли в цвету, утопая в густых зарослях колокольчиков и серебристых стрелок ириса. Воздух полнился гудением пчел и птичьими трелями, а в городе названивали колокола, созывая народ к христианскому богослужению.

Королевские секретари уже разошлись, он был один. Мордред посидел еще немного, размышляя над делами, которые сегодня еще предстояло закончить, но мало-помалу, разнежившись в благоуханном тепле, погрузился в грезы. Ведь, казалось бы,

совсем недавно он прозябал на островах, живя той же жизнью, что в детстве, с горечью думая, что потерял все на свете за одну-единственную ночь, когда братья-оркнейцы поставили на кон все — и за себя, и за своих друзей — в той безумной, жестокой попытке покончить с Бедуиром. А еще предвкушал летние труды: надо собрать урожай, насушить рыбы, нарезать торфа, заново отстроить стены и починить кровлю в преддверии суровой оркнейской зимы. А теперь?

Рука его, лежащая на столе, коснулась королевской печати. Мордред улыбнулся.

Внимание его привлекло легкое движение за окном. В саду прогуливалась королева Гвиневера. Ее платье мягких серо-голубых тонов переливалось и мерцало при каждом движении. Вокруг нее носились две маленькие серебристо-белые левретки. Время от времени королева кидала им золоченый мячик, песики бросались за ним, с тявканьем оспаривая друг у друга добычу, и наконец победитель приносил мяч назад и клал у ее ног. Чуть позади шли две ее дамы, обе молоды и хороши собой, одна — в лимонно-желтом, вторая — в синем. Гвиневера, по-прежнему прелестная и прелестью своей защищенная, не принадлежала к тем, кто тщится оттенить собственную красоту, окружая себя дурнушками. Трое пленительных созданий в сопровождении очаровательных собачек грациозно скользили через сад, красотой затмевая цветы благоуханного мая.

По крайней мере, так казалось Мордреду, а уж поэтом он отродясь не был. Он не сводил глаз с королевы, а рука его вновь, на сей раз бессознательно, потянулась к королевской печати с драконом. И снова принц погрузился в мечты, но теперь уже грезил он не об островах.

Шум, назойливый и не оставляющий места сомнениям, резко вернул его на грешную землю: прискакал гонец от короля. Дворецкий распахнул дверь в покои, дабы возвестить о прибытии посланца, но не успел он договорить, как тот уже ворвался в комнату и преклонил колена у ног регента.

Мордреду хватило одного взгляда, чтобы понять: прибыли вести из Бретани, причем недобрые. Он откинулся в огромном кресле и спокойно проговорил:

— Не торопись, соберись с духом. Скажи одно: с королем все в порядке?

— Да, милорд, благодарение Господу! Однако вести и без того прескверные.

Гонец взялся за суму, и Мордред тотчас же протянул руку.

— Ты привез письма? Тогда, пока я читаю, отдышись и выпей вина.

Ничего не упускающий дворецкий вошел без зова, неся вино, и пока гонец благодарно утолял жажду, Мордред сломал печать единственного привезенного послания и прочел его.

Вести оказались и впрямь недобрые, но, памятуя о последней беседе с королем, отнюдь не трагические. В который раз, подумал Мордред, злые силы, призванные Моргаузой, дают о себе знать. Или, рассуждая практически, оркнейская необузданность снова накликала беду. Но может статься, несчастье еще можно предотвратить; остается надеяться, что Гавейн всего лишь ускорил и без того неизбежную развязку.

В письме короля, надиктованном в спешке, содержались лишь сухие сведения о злополучном посольстве и последующей стычке. Отвечая на расспросы Мордреда, гонец сообщил недостающие подробности. Поведал о вспыхнувшей перепалке между Гавейном и молодым римлянином, об убийстве, о бегстве посольства и вооруженной стычке на речном берегу. Рассказ гонца лишь подтвердил то, что следовало из Артурова послания: все надежды на замирение, хотя бы временное, пошли прахом. Возможно, что Хоэль сможет-таки взять на себя ведение военных действий, но если нет, то Артур поведет в бой воинство Хоэля вместе с теми силами, что явились вместе с ним из Британии. Бедуира снова вызвали из Бенойка. Артур уже отослал гонцов к Урбгену, к Маэлгону Гвинеддскому, к Тидвалю и королю Элмета. Мордреду вменялось в обязанность выслать воинство под командованием Кея — столь многочисленное, сколько сможет. А затем ему настоятельно советовали назначить встречу с Кердиком, дабы известить саксонского вождя о положении дел. Письмо заканчивалось на краткой, настойчивой ноте:

«Повидайся с Кердиком. Предупреди его и соседей: пусть глаз не спускают с побережья. Тем временем собери воинство, сколько сможешь. И оберегай королеву».

Наконец Мордред отпустил гонца отдыхать. Он знал, что требовать сохранения тайны излишне: королевские гонцы проходят строгий отбор и превосходную выучку. Но приезд посланца наверняка не остался незамеченным; не прошло и нескольких минут с тех пор, как усталый конь проскакал под сводом Королевских ворот, а по Камелоту уже поползли слухи.

Мордред вернулся к окну. Солнце уже клонилось к западу, тени удлинились. В кроне липы запел припозднившийся дрозд.

Королева все еще была в саду. Она срезала сирень. Девушка в синем шла рядом, неся в руках неглубокую, сплетенную из ивняка корзину, полную белых и фиолетовых цветов. Вторая девушка, одной рукою подобрав юбку, наклонилась к папоротниковому бордюру; песики с лаем прыгали у ее ног. Вот она выпрямилась с золоченым мячиком в руке, засмеялась, кинула его левреткам. Те опрометью помчались за поноской, добежали одновременно и клубком покатились по земле, возмущенно тявкая, а мячик отлетел в сторону.

«Оберегай королеву». Надолго ли удастся сохранить этот безмятежный, благоухающий цветами сад? Возможно, сражение уже началось. А может, и закончилось. И крови пролилось столько, что даже Гавейн остался доволен.

В мыслях своих Мордред пошел еще дальше, но вовремя сдержался. Может быть, уже сейчас он верховный король фактически, если не номинально.

И как если бы помышления его уподобились тени набежавшего облака, на его глазах королева вздрогнула и запрокинула голову, точно прислушиваясь к чему-то за пределами садовых стен. Разжала пальцы — и отогнутая ветка сирени, распрямившись, вернулась в благоуханные кущи. Не глядя, королева уронила серебряный ножичек в корзину, подставленную дамой в синем. И застыла недвижно; только руки, словно наделенные собственной волей, взметнулись вверх и сложились на груди. Очень медленно спустя минуту она подняла взгляд к окну.

Мордред отпрянул назад. И обратился к дворецкому:

— Пошлите кого-нибудь в сад и спросите, могу ли я поговорить с королевой.

Беседка, прелестная, точно картинка по шелку, выходила на юг. Беседку увили ранние розы: каскады крохотных бледно-розовых цветов, а среди них — кораллово-алые бутончики и блекло-белые лепестки опадающих венчиков. Королева дожидалась регента, устроившись на каменной, нагретой солнцем скамье. Девушка в желтом увела левреток, вторая осталась, но отошла в глубину сада и уселась на скамью под одним из дворцовых окон. Из поясной сумки она извлекла шитье и принялась за работу, но Мордред знал, сколь пристально за ним наблюдают и сколь

стремительно слухи разнесутся по дворцу. «Он мрачно хмурился; верно, дурные новости...» Или: «Глядел он весело; гонец привез письмо, и регент показал его королеве...»

Гвиневера тоже захватила с собою работу. Рядом с ней, на скамье, лежала наполовину вышитая салфетка. Внезапно ужалило воспоминание: сад Морганы на севере, призраки плененных птиц и разъяренные голоса двух ведьм из окна над головой. А неприкаянный, перепуганный мальчишка спрятался под окном, уверенный, что тоже оказался в ловушке и удел его — позорная смерть. Словно дикая кошка в тесной клетке; той дикой кошки, надо думать, вот уже много лет как на свете-то нет, да только благодаря ему умерла она на свободе, дома, в своем диком лесу, наплодив котят где и сколько угодно. И тут же, точно молния вспыхнула — такие мысли и приходят на одном дыхании,— Мордред подумал о своей островной «жене» и о любовнице, что ныне покинула Камелот и благополучно обосновалась в Стрэткклайде. Подумал о своих сыновьях от этих союзов, что росли в безопасности, ибо теперь дети неприкаянного мальчишки вполне могли навлечь на себя — еще как могли! — жало зависти и ненависти. Он, подобно дикой кошке, отыскал-таки окно к свободе. Более того — к власти. Что до злоумышляющих ведьм, одна из них умерла, а вторая, невзирая на всю свою хваленую магию, по-прежнему оставалась узницей в своем замке и теперь в его власти, ибо кто, как не он, правитель Верховного королевства!

Мордред преклонил колена перед королевой и поднес ее руку к губам. Почувствовал легкую дрожь, Гвиневера отняла руку, уронила ее на колени, крепко сжала второй рукою. И, вдохнув поглубже, с напускным спокойствием промолвила:

— Мне сказали, будто прибыл гонец. Из Бретани?

— Да, госпожа.

По ее кивку Мордред поднялся с колен и застыл в нерешительности. Гвиневера жестом указала на скамью, и он опустился рядом с королевой. Солнце пекло, в воздухе разливался аромат роз. В кипени розовых венчиков звенели пчелы. Легкий ветерок всколыхнул цветы, тени роз дрогнули, затрепетали на сером платье королевы, на белоснежной коже. Мордред сглотнул, откашлялся, заговорил:

— Вам страшиться нечего, госпожа. Произошли события великой важности, но вести не то чтобы дурные.

— Значит, мой супруг в добром здравии?

— Воистину так. Письмо от него.

— А для меня — ничего? Никакого послания?

— Нет, госпожа, я очень сожалею, но нет. Король очень спешил. Письмо вы, разумеется, прочтете, но позвольте мне сперва пересказать вам суть. Вы ведь знаете, что для переговоров с консулом Люцием Квинтилианом король Хоэль и король Артур выслали совместное посольство.

— Да. Прощупать почву, не более; надо было выиграть время, чтобы западные королевства успели объединиться против возможного нового союза Византии и Рима с германцами Алеманнии и Бургундии.— Гвиневера вздохнула.— Значит, все пошло прахом? Я уж догадалась. Но отчего?

— С вашего дозволения, сперва — добрые вести. Одновременно в путь отправились и другие миссии для сбора сведений. Гонцы посылались и к франкским королям — выяснить их настроение. Им сопутствовал успех: это вселяет надежду. Франки, все как один, намерены воспротивиться любой попытке воинств Юстиниана восстановить владычество Рима. Они уже вооружаются.

Королева отвернулась, глядя мимо липовых стволов, сзади подсвеченных заходящим солнцем, закованных в красное золото. Молодая листва — пластинки чеканного золота — словно светилась изнутри, а в кронах деревьев, уже подернутых тенью, гудели пчелы.

«Добрые вести» Мордреда, похоже, нимало ее не порадовали. Регенту показалось, что глаза королевы наполнились слезами.

По-прежнему не отводя взгляда от мерцающих древесных стволов с мозаикой золоченых листьев, Гвиневера проговорила:

— А наше посольство? Что случилось с ним?

— Учтивости ради в посольство следовало включить представителя королевского дома. Выбор пал на Гавейна.

Королева резко обернулась. Глаза ее были сухи.

— И он затеял свару.

Это не было вопросом.

— Затеял. Вздорная перепалка и бахвальство привели к взаимным оскорблениям, а затем и ссоре, и молодые воины схватились за мечи.

Руки королевы дрогнули, словно она вот-вот возденет их в традиционном жесте отчаяния. Однако в голосе ее звучал скорее гнев, нежели горе.

— Опять!

— Госпожа?

— Гавейн! Опять эти оркнейские глупцы! Вечно этот холодный северный ветер, словно губительное дыхание зимы, истребляющее все доброе и живое! — Королева опомнилась, вдохнула поглубже и с видимым усилием поправилась: — Прошу прощения, Мордред. Ты настолько другой, что я на миг позабылась. Но Лотовы сыновья, твои сводные братья...

— Госпожа, я знаю. Я не спорю. Всегда были необузданными глупцами, а на сей раз — хуже, чем глупцы! Гавейн зарубил одного из молодых римлян, а, как выяснилось, юнец приходился племянником самому Люцию Квинтилиану. Посольству пришлось спасаться бегством, и Квинтилиан выслал в погоню самого Марцелла. Им пришлось защищаться; многие погибли.

— Но не Валерий? Только не этот достойный старик!

— Нет, нет. Они вернулись, не понеся больших потерь; даже, можно сказать, одержав победу. Но сперва случилось несколько затяжных схваток. В первой погиб Марцелл, а потом Петрей Котта, принявший на себя командование после него, был взят в плен и в оковах доставлен в Керрек. Я сказал, что это своего рода победа. Однако вы сами видите, что это значит. Теперь верховный король вынужден начать военные действия.

— Ах, я так и знала! Так и знала! А велики ли его силы?

— Он выступит во главе Хоэлевой армии, а с ними — воинства, прибывшие вместе с Артуром из Британии, а из Бенойка вызван Бедуир с дружиной.— Мордред хладнокровно подмечал едва заметный отклик на имя: королева не посмела спросить, жив ли Бедуир, но теперь, когда регент сам упомянул об этом, мертвенно-бледное лицо ее слегка порозовело.— Сколько воинов выставят франкские правители, король еще не знает, но армии у них немалые. А в Британии он воззвал к Регеду и Гвинедду с Элметом и к Тидвалю из Дунпелдира. Здесь я соберу подкрепление: сколько смогу, при такой-то спешке. Войско поплывет под началом Кея. Все будет хорошо, госпожа, вот увидите. Вы же знаете верховного короля.

— И они тоже знают,— отозвалась Гвиневера.— Они сойдутся с ним только в случае численного превосходства три к одному, а на это они вполне способны. А тогда даже он окажется под угрозой поражения.

— У них не будет времени; уж об этом Артур позаботится. Я помянул про спешку. Беда разразилась мгновенно, точно летняя гроза; и Артур намерен атаковать сразу же, а не ждать дальнейшего развития событий. Он уже движется маршем к Отену, чтобы встретить бургундов на их собственной земле, прежде чем Юстиниан соберет войска. Он рассчитывает, что франки присоединятся к нему еще до того, как войско перейдет границу. Но лучше прочтите его письмо сами. Оно утишит ваши страхи. Верховный король нимало не сомневается относительно исхода, да и с какой стати? Он — Артур.

Гвиневера благодарно улыбнулась, но Мордред видел, как дрожит ее рука, протянутая за письмом. Он встал и вышел из беседки, позволяя королеве прочесть письмо в одиночестве. Неподалеку высилась колонна с каннелюрами, с прихотливой фрагментарной капителью, увитой золотыми кистями ракитника. Прислонившись к ней, Мордред ждал, тайком наблюдая за королевой из-под полуприкрытых век.

Гвиневера читала молча. Она дошла до конца, затем перечитала письмо снова. Уронила листок на колени, посидела немного, опустив голову. Мордред решил было, что она перечитывает послание в третий раз, но тут заметил, что глаза ее закрыты. С лица Гвиневеры отхлынули все краски.

Мордред отстранился от колонны. Словно помимо воли, шагнул вперед, к ней.

— Что такое? Чего вы страшитесь?

Гвиневера вздрогнула, глаза ее распахнулись. Мысли ее, похоже, блуждали далеко, за много миль отсюда, и вдруг резко вернулись в настоящее. Она покачала годовой, попыталась изобразить улыбку.

— Ничего такого. Право же, ничего. Просто задумалась.

— Задумались? О поражении верховного короля?

— Нет. Нет.— Гвиневера коротко рассмеялась, и смех ее прозвучал вполне искренне.— Женский вздор, Мордред. Держу пари, так ты бы и сказал! Да нет же, не тревожься так, я все тебе расскажу, даже если ты и посмеешься надо мной. Мужчины таких вещей не понимают, однако мы, женщины... делать-то нам нечего, лишь ждать, глядеть в окно да надеяться, и умы наши вечно покоя не знают. Один раз подумаешь: «А что со мной станется, если супруг мой погибнет?» — и сей же миг, в воображении нашем, он уже с печальными церемониями уложен в гроб,

и в средине Висячих Камней вырыта могила, и вот уже поминальный пир подошел к концу, и в Камелоте правит новый король, а юная его жена здесь, в саду, вместе со своими фрейлинами, а смещенная королева, все еще в белом траурном платье, скитается неприкаянно по всему королевству, ищет, где бы ее приютили с честью и в покое и мире.

— Но, госпожа,— возразил реалист Мордред,— уж наверняка мой... верховный король уже рассказал вам, что за распоряжения сделаны на такой случай?

— Я же говорила, ты сочтешь это вздором! — С деланной беспечностью она сменила тему.— Но поверь мне, все жены таковы. А как насчет твоей, Мордред?

— Моей?..

Гвиневера заметно смутилась.

— Я ошиблась? Мне казалось, ты женат. Я отчетливо помню, как кто-то упомянул про твоего сына, который воспитывается при дворе Гвартегидда в Думбартоне.

— Я не женат.

Ответ Мордреда прозвучал как-то уж слишком быстро и слишком подчеркнуто. В лице Гвиневеры отразилось удивление, и он выбросил вперед руку, добавляя:

— Но вы не ослышались, госпожа. У меня и впрямь двое сыновей.— Улыбка, пожатие плеч.— Да в конце концов, кто я такой, чтобы настаивать на законном браке? У мальчиков разные матери. Мелеган, тот, что при дворе Гвартегидда,— младший. Второй все еще на островах.

— А их матери?

— Мать Мелегана умерла,— невозмутимо солгал Мордред. Поскольку королева, по всей очевидности, ничего не знала о любовном гнездышке в Камелоте, исповедоваться прямо сейчас регент не собирался.— Вторую вполне устраивают те узы, что связывают ее и меня. Она родилась на Оркнеях: там, на островах, иные обычаи.

— Тогда, замужем она или нет,— проговорила королева, по-прежнему с наигранной беспечностью,— все же она женщина, и она, так же как и я, не может не терзаться мыслями про недобрый день рока, когда гонец принесет ей худшие вести, нежели ты сообщил мне.

Мордред улыбнулся. Если он и подумал, что у его подруги и без того хлопот полон рот, чтобы еще сидеть сложа руки да гре-

зить о его смерти и похоронах, вслух он этого не сказал. И впрямь женский вздор! Он протянул руку за письмом, королева вручила ему свиток, и Мордред снова подметил, как дрожат ее пальцы. И в мыслях его произошла разительная перемена. Прежде она была для него королевой, прелестной супругой его короля, и еще — ускользающим видением его грез, воплощение веселости, богатства, могущества и счастья. Потрясенный до глубины души, теперь внезапно он увидел в ней одинокую женщину, живущую в непрестанном страхе. «Делать-то нам нечего, лишь ждать, глядеть в окно да надеяться»,— вот что сказала она.

Об этом принц как-то никогда не задумывался. Силой воображения он не отличался, и в отношениях своих с женщинами — исключая Моргаузу — в общем и целом придерживался обычая поселян, в котором и был воспитан. Обижать женщину намеренно он бы не стал, но ему бы и в голову не пришло свернуть с пути для того, чтобы женщине помочь или услужить. Напротив, удел женщин — помогать и услужать ему.

Непривычным усилием призвав на помощь воображение, Мордред пораскинул умом, пытаясь применить на себя образ мыслей женщины, ощутить страх перед судьбой, терзающий королеву. Когда для Артура и впрямь пробьет смертный час, чего она вправе ожидать от будущего? Год назад ответ был бы прост: Бедуир увезет вдову в Бенойк или в свои земли в Нортумбрии. Но теперь Бедуир женат, и жена его ждет ребенка. Более того, глядя правде в глаза, Бедуир вряд ли выйдет живым из битвы, в которой падет Артур. Уже сейчас, пока Мордред беседует с королевой в этом благоуханном саду, возможно, уже завязалась битва, которой суждено воплотить в действительность ее предчувствие рокового дня. Мордред вспомнил письмо королевы к Артуру: в нем отчетливо звучал страх. Страх не только за Артура, но и за себя саму. «С вами или с вашим сыном»,— писала она. А теперь он вдруг понял почему — мгновенным озарением, болезненным, точно рана. Герцог Константин. Герцог Константин, официально все еще наследник трона, уже поглядывает в сторону Камелота, а ведь он существенно подкрепит свои права, если сперва завладеет королевой-регентшей...

Мордред ощутил на себе ее напряженный, вопрошающий взгляд. И ответил на него со всей решительностью:

— Госпожа, что до ваших предчувствий и страхов, позвольте мне сказать одно. Я уверен, что доблесть верховного короля и

ваши молитвы охранят его на протяжении еще многих и многих лет, но если что и случится, за себя не страшитесь. Я знаю, что Константин Корнуэльский может попытаться оспорить последние распоряжения короля...

— Мордред...

— С вашего разрешения, госпожа. Поговорим напрямую. Константин строит честолюбивые виды на Верховное королевство, и вы его боитесь. Позвольте мне сказать вот что. Вы знаете волю моего отца и вы знаете, что воля его будет исполнена. Когда я унаследую титул верховного короля, бояться вам будет нечего. Пока я жив, вы пребудете в безопасности, в почете и в холе.

Щеки ее вспыхнули алым. Гвиневера поблагодарила юношу взглядом, но вслух сказала только, по-прежнему пытаясь улыбнуться:

— Значит, роль смещенной королевы — не для меня?

— Никогда,— заверил Мордред и распрощался.

В тени садовых ворот принц остановился. Беседка осталась далеко за пределами видимости. Кровь его неистово пульсировала в жилах, лицо пылало. Принц постоял там немного, не трогаясь с места; жар понемногу спадал, бешеное сердцебиение выравнивалось. Он хладнокровно вытеснил в подсознание озаренную светом картину: розы, серо-голубые глаза, улыбка, прикосновение трепещущей ручки. Это безумие. Более того, бессмысленное безумие. Артур, Бедуир... кем бы ни был Мордред, кем бы ни стал, до тех пор, пока не погибнут Артур и Бедуир, оба, в глазах этой прелестной леди он останется лишь жалким, неуклюжим третьим.

Слишком уж долго не было у него женщины. По чести говоря, он был слишком занят, чтобы думать о женщинах. До сих пор. Сегодня ночью нужно выкроить-таки время и дать выход распаленному воображению.

И все же он знал, что сегодня его честолюбие приняло иной оборот. Прецеденты бывали, и бесспорные. Он не женат. Она бесплодна, но у него уже есть двое сыновей. Если Константину это пришло в голову, что ж, чем он сам хуже? И, волею всех богов неба и ада, Константин ее не получит.

Яростно скомкав в кулаке письмо короля, Мордред зашагал назад, в королевские покои, и крикнул секретарей.

Глава 5

Следующий раз Мордред увиделся с королевой довольно не скоро. Он тут же с годовой погрузился в круговорот хлопот по снаряжению и отправке запрошенных Артуром воинств. В похвально короткий срок экспедиционные войска под командованием Кея, молочного брата короля, вышли в море, надеясь, и не без основания, воссоединиться с Артуровой армией еще до начала сражения. Гонец, вернувшийся из этого плавания, привез новости, в общем и целом утешительные: Артур вместе с Бедуиром и Гавейном уже выступили маршем на восток, а король Хоэль, чудом исцелившись от хвори в преддверии боевых действий, отправился вместе с ними. Сообщалось также, что франкские короли со значительным войском стекаются в Отен, где намеревался встать лагерем Артур.

После того вести поступали крайне нерегулярно. Плохих новостей не случалось, однако приходили они с таким опозданием, что никого не удовлетворяли. Кей и британские короли присоединились к Артуру; уж это-то было известно; франки тоже подоспели вовремя. Погода стояла отменная, настроение в войске царило приподнятое, в пути никаких неприятностей не встретилось.

И это было все до поры до времени. О чувствах королевы Мордред не подозревал, и раздумывать на этот счет ему было некогда. Он исполнял второе из поручений Артура: набирал и обучал бойцов, восстанавливая постоянную армию после отбытия экспедиционных войск. Он разослал письма всем мелким королям и вождям северных и западных краев, а следом съездил и сам — туда, где требовалось убеждение. Отклик его порадовал: Мордред открыто изложил причины, вынуждающие его к просьбе, и кельтские королевства ответили тут же и щедро. Один только герцог Константин не отозвался никак. Мордред, как и обещал, не спускал глаз с корнуэльского герцогства, ничего не говорил, разослал соглядатаев и удвоил гарнизон Каэрлеона. А затем, как только сбор королей и подготовка к размещению и обучению нового воинства завершились, он наконец-то послал гонца к Кердику, королю саксов, предлагая встречу, как и советовал Артур.

Ответ Кердика пришел в конце июля, и в тот же самый дождливый, туманный день прибыл гонец с бургундских передовых

позиций, с одним-единственным кратким донесением и другими знаками: высыпанные на стол перед Мордредом, вещи эти содержали в себе страшную повесть.

По заведенному обычаю, новости по большей части заучивались наизусть и сообщались устно. Вот и сейчас посланник принялся излагать факты перед регентом, лицо которого превратилось в неподвижную маску.

— Милорд, битва завершилась и победа осталась за нами. Римляне и бургунды обратились в бегство; император сам отозвал остатки войска. Франки доблестно сражались плечом к плечу с нами, и каждое из воинств свершило подвиги великой доблести. Но...

Гонец нерешительно умолк, облизнул пересохшие губы. Не приходилось сомневаться: он начал с хороших новостей, в надежде смягчить то, что последует. Мордред не двинулся с места, не проронил ни слова. Он сознавал, как неистово колотится его сердце, как стеснилось в горле; и ведь нельзя допустить, чтобы задрожала рука, лежащая на столе подле рассыпанных значков. Они лежали там беспорядочной, мерцающей грудой, подтверждая: трагический рассказ неминуемо воспоследует. Печати, кольца, знаки должности, боевые медали — словом, все памятные вещицы, что, будучи сняты с мертвых тел, отсылаются домой, вдовам. Здесь был и значок Кея: золоченая брошь королевского сенешаля. И медаль в память о Каэрконане, истертая и блестящая: Валерия, не иначе. Королевского перстня там не оказалось: взгляд не различал огромного рубина с резным изображением дракона, но...

Посланец, на счету которого было с сотню сообщений, как худых, так и хороших, все еще робел. Но, встретив взгляд Мордреда, он сглотнул и откашлялся. Давно минули те времена, когда гонец, приносящий дурные новости, опасался всевозможных кар и даже смерти от руки хозяев, как в некоторых варварских землях; тем не менее, когда он заговорил снова, голос его звучал хрипло, и ощущалось в нем что-то похожее на страх. На сей раз прямота его граничила с жестокостью:

— Милорд, король мертв.

И тишина. Мордред не смел ни двинуться, ни нарушить молчание. Сцена обретала текучие, расплывчатые очертания нереальности. Мысль словно повисла в воздухе, столь же случайная и невесомая, как капля мелкого дождика, моросящего за окном.

— Это случилось уже на исходе дня, когда сражение заканчивалось. Многие пали, среди них — Кей, и Гугейн, и Валерий, и Мадор, и многие другие. Принц Гавейн доблестно бился, он невредим, но принц Бедуир ранен в левый бок. Опасаются, что умрет и он...

Гонец продолжал перечислять павших и раненых, но вряд ли Мордред слышал хоть слово. Наконец он стронулся с места, обрывая размеренный речитатив. Рука его скользнула к лежащему на столе пергаменту.

— Здесь все сказано?

— Сами известия, милорд, но не подробности. Принц Бедуир сам лично отослал депешу. Заставил записать слово в слово, пока еще мог говорить. Список убитых и раненых воспоследует, как только число их выяснится и подтвердится, но это, милорд, не терпело отлагательств.

— Да. Тогда подожди.

Мордред отошел к окну и, развернувшись к гонцу спиной, разложил лист на подоконнике. Тщательно выведенные строчки заплясали перед его глазами. Скользящая завеса дождя словно отгородила его от письма. Он нетерпеливо провел тыльной стороной руки по лицу и склонился ниже.

В конце концов после того, как он внимательно прочел письмо трижды, смысл его дошел до сознания, да там и остался, гудя, точно стрела, что вонзилась глубоко в плоть, распространяя не боль, но одуряющий яд.

Артур мертв. Все остальные вести — о полном и сокрушительном разгроме римлян и бургундов — поражали своей неуместностью. Артур мертв. Депеша, в спешке продиктованная в полевом лазарете, подробностями не изобиловала. Тело верховного короля с поля битвы еще не доставлено. Отряды все еще ведут поиски среди сваленных в груды, ограбленных мародерами мертвецов. Но если бы король был жив, сжато сообщал Бедуир, он бы уже объявился. Регенту следует предположить, что король мертв, и поступать соответственно.

Пергамент выскользнул из его руки и, кружась, опустился на пол. Мордред словно не заметил. Сквозь окно потянулись ароматы из сада королевы — во влажном, промытом воздухе разливалось свежее благоухание. Он выглянул наружу, окинул глазами напоенные дождем розы, переливчатые, подрагивающие под капелью листья, подернутую дымкой траву. Сегодня здесь не было

ни души. Но где бы королева ни находилась, она непременно узнает о приезде гонца и станет ждать его, Мордреда. Нужно пойти к ней и все рассказать. Артур. И Бедуир. Артур и Бедуир — оба. Для нее довольно, и даже слишком. Но сперва следует узнать все до конца. Мордред обернулся к посланнику.

— Продолжай.

Позабыв о страхе, гонец разговорился и теперь рассказывал весьма охотно. Регент снова ожил — не то чтобы успокоился, но собою овладел,— и вопросы его следовали один за другим и били точно в цель.

— Да, милорд. Я сам там был. Я уехал с поля битвы в полной темноте, как только известия подтвердились. Ближе к закату короля видели в числе сражающихся, хотя к тому времени основное сопротивление уже было сломлено и сам Квинтилиан пал. Повсюду царил хаос, и мародеры уже грабили мертвецов и добивали умирающих ради оружия и одежды. Наши люди мягкосердечием не отличались, но франки... Милорд, это сущие варвары. Дерутся, точно обезумевшие волки, и точно так же удержу на них никакого. Враги отступили, бросились врассыпную, за ними — погоня. Многие бросали оружие и подставляли руки под оковы, умоляя о пощаде. Было так...

— Король. Что король?

— Видели, как он упал. Знамя его срубили еще раньше, и в сгущающихся сумерках невозможно было разглядеть, где именно он бьется и что случилось. Бедуир, уже раненный, пробился в ту часть поля и принялся искать его, а с ним и другие. Они кричали и звали, но король так и не нашелся. Многих мертвецов уже обобрали догола, и если король был среди них...

— Ты говоришь, что тело его до сих пор не отыскалось?

— Да, милорд. По крайней мере, к тому времени, как я уезжал. Меня отправили, едва стемнело настолько, что искать дальше стало бесполезно. Очень может быть, что к этому времени уже отослали новую депешу. Но подумали, что следует доставить вам весть прежде, чем до страны дойдут иные слухи.

— Так вот почему мне не привезли никаких значков, ни меча, ни кольца?

— Да, милорд.

Мордред надолго умолк. А затем с трудом выговорил:

— А помышляют ли еще о надежде в отношении верховного короля?

— Милорд, если бы вы видели поле битвы... Но да, надежда есть. Даже в смерти, даже в наготе верховного короля непременно бы опознали...

Под взглядом Мордреда он осекся.

— Милорд.

Задав еще несколько вопросов, Мордред отослал гонца и посидел немного в одиночестве, размышляя.

Есть еще вероятность того, что Артур не погиб. Но долг его очевиден. Прежде чем новости достигнут этих берегов — а с прибытием гонца на корабле слухи уже наверняка распространяются точно лесной пожар,— ему должно взять управление страной в свои руки. Незамедлительные действия просчитать нетрудно: срочный созыв совета, публичное оглашение Артурова заявления о престолонаследии с утверждением в правах его, Мордреда; нужно также сделать с него копии и разослать каждому из королей, обратиться с речью к боевым командирам.

А тем временем королева пребывает в ожидании, и чем дольше ждет, тем больше страдает. Он отправится к Гвиневере и принесет ей утешение — сколько сможет.

И любовь — сколько осмелится.

Не успел Мордред сделать и трех шагов от порога, как королева уже вскочила на ноги. Впоследствии он осознал, что не может сказать наверняка, к кому относился ее первый вопрос.

Гвиневера сцепила руки у горла.

— Он мертв?

— Увы, госпожа. Такова доставленная мне весть. Видели, как он пал в тот самый миг, когда победа была одержана, но, когда отсылали гонца, тела еще не нашли.

Королева побелела так, что казалось, она вот-вот упадет. Мордред стремительно шагнул вперед, протянул руки. Ее кисти взлетели вверх, накрепко сжали его пальцы.

— Госпожа, надежда есть,— горячо заговорил он.— И Бедуир жив, хотя и ранен. У него достало сил распорядиться, чтобы выслали людей на поиски тела короля еще до того, как стемнело.

Гвиневера закрыла глаза. Ее тонкие губы, округлившиеся до черного «О», хватали воздух, словно она тонула. Веки подрагивали. Но вот, точно некая призрачная рука легла ей под подбородок и заставила выпрямиться, королева укрепилась духом, стала

словно выше ростом, глаза ее открылись, побледневшее лицо исполнилось спокойствия. Она тихо высвободила руки, но позволила Мордреду отвести себя в кресло. Ее фрейлины обступили было госпожу, утешая словами и жестами, но Гвиневера взмахом руки отослала их прочь.

— Расскажи мне все, что знаешь.

— Мне известно очень немногое, госпожа. Письмо было кратким. Но посланник сообщил мне подробности.

Мордред пересказал все то, что услышал от гонца. Королева слушала, не прерывая; посторонний наблюдатель решил бы, что и невнимательно: казалось, она следит за тем, как за окном по поникшему стеблю розы стекают одна за другой дождевые капли.

Наконец Мордред умолк. Капли стекали вниз, собирались воедино, набухали на шипе и с плеском падали на подоконник.

Очень тихо, спокойным, безжизненным голосом, королева проговорила:

— Если надежда на то, что король жив, и впрямь есть, тогда следом за первым гонцом непременно вышлют и второго. А тем временем нам должно поступать так, как повелел мой супруг.

— Предполагая, что он мертв,— отозвался Мордред.

— Именно.— Внезапно горе и страх снова выплеснулись наружу.— Мордред, что теперь станется с Британией? И чего ждать нам? Мы ведь совсем недавно говорили об этом... ты и я... и вот теперь... этот день настал...

Мордред непроизвольно рванулся к ней: еле заметное движение, но и его оказалось достаточно. Гвиневера снова застыла в неподвижности: сдержанная, по-королевски величественная. Выдавал ее только взгляд. Видно было: стоит ей вымолвить хоть слово — и она разрыдается. А этого ни в коем случае не должно произойти до тех пор, пока королева не окажется в одиночестве.

Изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал как можно суше и невыразительнее, Мордред проговорил:

— Два дела нужно решить безотлагательно. Мне необходимо повидаться с Кердиком. О встрече уже договорено. И еще я созвал совет. Он сойдется нынче же вечером. До тех пор, пока не придут вести, подтверждающие либо опровергающие эту новость, необходимо, чтобы люди видели: в Британии сохранились единая власть и правитель, назначенный повелением короля и исполня-

ющий его волю.— И мягко добавил: — Что до вас, госпожа, не думаю, что кто-то станет удивляться, если вы не явитесь на совет.

— Я там буду.

— Если таково ваше желание...

— Да, таково мое желание. Мордред, тело верховного короля не нашли. У тебя — его печать; и вверена она тебе и мне как соправителям здесь, в Камелоте. Но его кольцо и его меч, истинные символы королевской власти, не могут быть переданы тебе иначе как снятыми с его мертвого тела.

— Это так, госпожа.

— Так что я являюсь на совет. Если Артурова королева встанет рядом с тобой и поддержит тебя, в королевствах Британии не найдется никого, кто посмеет не признать Артурова сына законным правителем.

Мордред не нашелся что сказать. Гвиневера протянула руку, он наклонился и поцеловал ее. А затем удалился. Королеве нужно время, чтобы выплакаться, прежде чем она займет свое место в Круглом зале подле нового короля Британии.

В сосновой рощице у подножия холмов к востоку от Отена Артур зашевелился — и проснулся.

Спал он, завернувшись в военный плащ, с мечом в руке. Его плечо и бок превратились в один сплошной синяк: именно сюда пришелся удар, сбросивший его на землю в ходе битвы, и голова болела нестерпимо, но других повреждений не было. Привязанный конь пасся рядом. Спутники его, человек сорок, тоже пробуждались навстречу первому, смутному свету нового дня. Трое воинов уже вовсю раздували почерневшие угли ночного костра. Другие носили воду в кожаных шлемах — осторожно, чтобы не расплескать,— из реки, что перекатывалась по блестящим валунам шагах в пятидесяти. Настроение в лагере царило приподнятое; люди смеялись и шутили — вполголоса, чтобы не разбудить спящего короля.

В прибрежном ольховнике распевали птицы; из-за пологого склона долины доносилось блеяние овец: какой-нибудь пастушок пригнал стадо на выпас. Заслышав звук более резкий, Артур оглянулся: там, за лесистым хребтом, в утреннем тумане кружили и перекликались огромные черные птицы. Там остались лежать враги — за ними-то давеча и устремился в погоню Артуров отряд, покинув поле боя. Несколько связанных пленников приютились под деревьями поблизости, но человек тридцать или около того валялись непогребенными, и с приходом дня их окоченевшие трупы стали добычей ворон и коршунов.

Когда мертвецов наконец-то предали земле, полдень давно миновал. Отряд с королем во главе поскакал назад, к Отену.

Не доезжая мили или около того до поля брани, Артур обнаружил два трупа. Гонец, отправленный им к Бедуиру и Хоэлю с сообщением о том, что сам он жив и невредим и вернется с рассветом, столкнулся с двумя дезертирами из воинства Квинтилиана. Одного он убил; второй, хотя и раненый и теперь едва живой от холода и потери крови, заколол его.

Артур собственноручно добил неприятеля и, послав коня в галоп, помчался назад в лагерь.

Глава 6

— Договор утратил силу,— объявил Кердик.

Они с Мордредом сидели друг напротив друга. Сошлись они на высоком плато среди холмов. Утро стояло ясное, в вышине на все голоса заливались жаворонки. Южнее в неподвижном воздухе повисали струйки дыма над саксонской деревушкой. Тут и там на расчищенных под пашню участках среди зарослей ясеня и терновника проглядывала золотистая зелень созревающего ячменя вперемешку с белыми проплешинами кремня: то какой-нибудь саксонский поселянин пытался выскрести хоть какое-то пропитание из тощей каменистой земли.

Прибытие Мордреда было обставлено по-королевски. Совет, будучи осведомлен о пожеланиях Артура еще до того, как король отбыл в Бретань, ни словом не возразил против того, чтобы Мордред принял на себя бразды правления. Напротив, после того, как Артур и его Сотоварищи отбыли в Бретань, в совете остались по большей части седобородые старцы, и, охваченные страхом и горем при известии с поля боя, они приняли Мордреда с распростертыми объятиями: на душе у них явно полегчало. Умудренный в делах управления, Мордред действовал осмотрительно. Он подчеркнуто сослался на недостоверность известий, помянул о том, что, возможно, отец его еще жив — во всяком случае, он надежды не теряет,— отказался принимать какой-либо титул, кроме регентского, и вновь засвидетельствовал свою покор-

ность совету и поклялся в вассальной верности государыне своего отца. После него говорила Гвиневера — от лица своего супруга, коротко и спокойно,— хотя видно было, что хладнокровие это дается ей нелегко. Она подтвердила свое убеждение в том, что Мордреду следует предоставить все права поступать так, как он сочтет нужным, и, сложив с себя полномочия, провозгласила Мордреда единовластным регентом. Советники — все до одного растроганные до глубины души — согласились с ее уходом и тут же решили отослать письмо Константину Корнуэльскому с требованием засвидетельствовать свою преданность преемнику верховного короля.

Наконец Мордред снова заговорил о необходимости срочных мер и сообщил о своем намерении на следующий же день отправиться на юг для переговоров с Кердиком. Он собирался взять с собой отряд из числа только что набранных войск: неразумно являться к славным саксонским соседям, совсем не демонстрируя силу. Совет поддержал его и в этом. Вот так, в сопровождении эскорта воистину королевского, Мордред встретился с Кердиком на холмах.

Саксы тоже лицом в грязь не ударили. За креслом Кердика выстроились его таны, и навес из ярко окрашенной ткани, вытканной серебряными и золотыми нитями, служил величественным фоном для тронов, воздвигнутых для регента. Мордред с интересом приглядывался к Кердику. Со времени их последней встречи минуло чуть больше года, но за этот срок саксонский король заметно состарился; похоже, здоровье его оставляло желать много лучшего. Рядом с троном застыл его внук Кеавлин: юный двойник пожилого воина, который, если верить слухам, произвел на свет целый выводок крепких мальчишек.

— Договор утратил силу.

Слова старого короля прозвучали вызовом. Он пристально наблюдал за Мордредом.

— Именно поэтому я и приехал.— Невозмутимый тон регента нисколько не прояснял дела.— Если верховный король действительно мертв, тогда договор — тот же самый или пересмотренный по обоюдному согласию — должен быть заново утвержден вами и мною.

— До тех пор пока мы не узнаем наверняка, разговоры разговаривать нет смысла,— грубовато бросил Кердик.

— Напротив. Когда я в последний раз беседовал с отцом, он поручил мне заключить с вами новое соглашение, хотя я не

спорю: нет смысла его обсуждать до тех пор, пока не прояснится другой вопрос. Не знаю, нужно ли уточнять?

— Лучше всего сразу перейти к сути,— отозвался Кердик.

— Хорошо же. Недавно до меня дошли слухи о том, что Кинрик, ваш сын, вместе с прочими вашими танами сейчас находится в ваших прежних владениях за Узким морем и что с каждым днем все больше людей стекаются под его знамена. Заливы забиты их военными кораблями. А теперь, когда со смертью верховного короля договор между нашими народами утратил силу — предположим, что это так,— что я должен думать по этому поводу?

— Не то, что мы снова готовимся к войне. До тех пор пока нет подтверждений Артуровой смерти, это было бы не только низостью, но и неразумием.— Старый король поднял взгляд на юношу, и глаза его сверкнули.— Надо, наверное, уточнить, что мы вообще не замышляем войны. Только не с вами, принц.

— Тогда в чем же дело?

— Вот в чем: с наступлением франков и с расселением на западе людей, которые нам не друзья, мы в свою очередь вынуждены продвигаться на запад. Ваш король преградил путь первой атаке этого императора, но за ней последует новая, а затем и еще. Моему народу нужны защищенные рубежи. Саксы собираются вместе, чтобы плыть к нашим берегам, но с миром. Мы их примем.

— Ясно.

Мордред помнил, что сказал ему Артур в ходе их последней беседы в Керреке. «Сперва — Узкое море, затем — бастионы саксов и англов. То, что принадлежит им, мужчины защищают с оружием в руках». Так, возможно, рассуждал Вортигерн, впервые призывая на эти берега Хенгиста и Хорзу. Но Артур не Вортигерн, и до сих пор у него не было повода усомниться в Кердике: то, что принадлежит им, мужчины защищают с оружием в руках, и чем больше воинов станут оборонять бастионы Саксонского берега, тем более надежно окажутся защищены лежащие за ними кельтские королевства.

Старый король пристально наблюдал за собеседником, словно догадываясь, что за мысли проносятся у него в голове, что скрывается за безмятежным челом и бесстрастным взглядом. Мордред встретился с ним глазами.

— Вы, король,— человек чести, и притом мудры и опытны. Вам известно, что ни саксы, ни бритты не хотят повторения горы Бадон.

Кердик улыбнулся.

— Ну что ж, вот мы и повыставлялись друг перед другом своим оружием, принц Мордред. С этим делом покончено. Я сказал, что саксы приплывут с миром. Но они приплывут — и во множестве. Так что давайте поговорим.— Король откинулся на троне; складки мантии, колыхнувшись, легли на его руку.— Полагаю, пока нужно исходить из того, что верховный король мертв?

— Думаю, так. Если мы наметим образ действий, исходя из этого допущения, при необходимости его можно будет пересмотреть.

— Тогда я скажу вот что. Я, а вместе со мною и Кинрик, которому предстоит править в здешних краях, когда я стану слишком стар для битвы, готовы заново заключить с вами договор, некогда заключенный с вашим дядей.— Испытывающий, насмешливый взгляд из-под кустистых бровей.— В прошлую нашу встречу то был ваш дядя. А теперь, выходит, отец?

— Да, отец. А взамен?

— Еще земли.

— Нетрудно было догадаться.— Мордред улыбнулся в ответ.— Людей прибудет, значит, потребуется больше земли. Но вы и без того слишком близко; кое-кому подобное соседство внушает тревогу. Куда вам двигаться? Между нашими и вашими владениями лежат высокие холмы. Да вы сами видите.— Мордред указал рукою на тощую полоску всходов ячменя.— Никакие плуги, даже ваши, король Кердик, не превратят эти каменистые нагорья в изобильные пашни. И слышал я, что южные саксы, ваши соседи, больше не склонны предоставлять вам свободу передвижения на своей земле.

Кердик ответил не сразу. Он протянул руку назад, и один из стражников вручил ему копье. Позади Мордреда послышался приглушенный шум и шорох металла, выдавая стремительное движение среди его собственных воинов. Он взмахнул рукой ладонью вниз — и все тут же стихло. Кердик перевернул копье и, подавшись вперед, принялся рисовать в меловой пыли.

— Мы, люди Уэссекса,— вот здесь. Здесь — плодородные угловые области южных саксов. А здесь сейчас стоим мы. Земли, о которых я подумываю, окажутся ничуть не ближе к вашей столице, чем наши теперешние рубежи. Здесь. И вот здесь.

Копье плавно качнулось к северу, затем, не успел Мордред возразить, отклонилось восточнее, через холмы и в сторону долины верховьев Темзы.

— Вот досюда. Здесь — густой лес, а здесь — заболоченные низины, край нищий и малонаселенный. И то и другое можно с успехом возделать.

— Но ведь земли эти и без того по большей части принадлежат саксам? Там, куда указывает копье,— так называемая южная область срединных саксов, нет?

— Сатридж. Да. Я же сказал: вам тревожиться не о чем, лишнего мы не возьмем.

— А местные поселенцы вас примут?

— Все уже обговорено.— Старый король искоса глянул на собеседника.— Тамошний народ не слишком силен, и ходят слухи, будто южные саксы уже поглядывают в том направлении. Жители Сатриджа встретят нас с распростертыми объятиями. А мы сделаем те земли пригодными для пахоты — для себя и для них.

Кердик принялся рассказывать о своих намерениях, Мордред то и дело задавал вопросы. Так беседовали они некоторое время, и наконец регент промолвил:

— Скажите мне вот что, король. Мои сведения не всегда точны.— Это не соответствовало истине, и Мордред отлично знал, что Кердику это известно, но вынужденная уступка позволяла заговорить о вопросе, который ни одна из сторон не стремилась поднять открыто.— С тех пор как умер Элла, могут ли южные саксы похвастаться хоть одним мало-мальски пристойным вождем? Земля там — лучшая, что только есть на юге, и мне давно кажется, что король, владеющий Рутупиями и окрестными землями, держит в своих руках ключ. Ключ к большой земле и к торговле с нею.

В глазах старого короля блеснуло одобрение. Он не стал говорить ясно и недвусмысленно о том, что потомки Эллы в положении дел совсем не разбираются, однако собеседники снова отлично поняли друг друга. Кердик ограничился тем, что задумчиво протянул:

— Мне говорили — разумеется, сведения мои не всегда точны,— что гавань в Рутупиях понемногу заносит ил, но расчищать ее никто и не думает.

Мордред, который тоже это слышал, выказал удивление, и собеседники потолковали еще немного к обоюдному удовольствию, так что в конце стало отчетливо ясно: ежели Кердик решит, что врата к континенту стоят военного набега, Мордред и бритты,

самое меньшее, не станут теснить союзников с тыла, а в лучшем случае так и открыто поддержат короля западных саксов.

— Разумеется, при условии свободного доступа в гавань для торговцев-бриттов,— уточнил он.

— Безусловно,— подтвердил Кердик.

На этом переговоры закончились, к изрядному удовлетворению обеих сторон. Король в сопровождении танов постарше отбыл на юг, а молодые воины проводили Мордреда с его людьми на север до половины дороги, под аккомпанемент ликующих криков и перезвона оружия. Большую часть пути Мордред ехал один, во главе отряда. Он смутно ощущал шум за спиной: похоже, саксы и бритты равно радовались тому, что стало подлинным союзом, не просто договором о ненападении. Он знал, точно так же, как знал про себя и Кердик, не говоря этого вслух: с победителем сражения при Бадоне и предшествующих битв соглашение заключали бы не столь охотно. Новое начало положено. Пришло время молодых. В воздухе повеяло переменами. Давно подавляемые замыслы вихрем проносились в сознании, кровь, унаследованная им от Амброзия, Артура и Мерлина, ушедшего в небытие государственного мужа, наконец-то обрела свободу — вместе с властью созидать и творить.

Не приходилось сомневаться: если бы по возвращении в Камелот Мордред обнаружил там королевского гонца с известиями о том, что Артур жив и невредим и неминуемо возвратится, к облегчению и радости регента подмешалось бы ощутимое разочарование.

Однако гонца там не оказалось. На протяжении вот уже многих дней ветер неуклонно дул на восток через Узкое море, так что корабли бриттов намертво застряли в бретонских гаванях. Однако тот же самый ветер пригнал в Бретань корабль из Корнуолла с письмами от герцога Константина. Послания совпадали до последней буквы; одно было адресовано королю Хоэлю, второе — Бедуиру; его-то и доставили прямиком к Артуру, который все еще стоял лагерем в Отене.

«Мордред показал истинное свое лицо. Он объявил по всем королевствам о том, что владыка Артур убит, и провозгласил себя королем. Королева отказалась от регентства, а мне пришли письма с повелением отречься от своих прав в качестве Артурова

наследника и признать Мордреда верховным королем. Теперь он ведет переговоры с Кердиком, которому предстоит удерживать гавани Саксонского берега против всех прибывающих; сын его сейчас в Саксонии, собирает тысячное войско, и все оно присягает на верность Мордреду.

А тем временем король Мордред говорит с правителями Дифеда и Гвента, с жителями Моны и Повиса и выезжает на встречу с вождями севера, кои давно высказывались против верховного короля Артура и стремились к свободе, чтобы каждый правил как знает, не оглядываясь на Круглый стол и совет. Клятвопреступник Мордред обещает им независимость и пересмотр законов. Вот так он вербует союзников.

И наконец, избавившись от верховного короля, он рассчитывает взять в жены королеву Гвиневеру. Мордред разместил ее в Каэрлеоне и вступил с нею там в преступную связь».

Хотя истолкование действий Мордреда исходило от Константина, основные факты, перечисленные в письме, соответствовали истине.

Вернувшись после встречи с Кердиком, Мордред уговорил королеву перебраться в Каэрлеон. До тех пор, пока не станет известна правда о гибели Артура, пока не улягутся отчасти паника и смятение — неизбежное следствие внезапной смерти могущественного правителя,— пока не установится и слаженно не заработает новая система управления, Мордред стремился обезопасить королеву, как и обещал. Камелот был укреплен столь же надежно, как и Каэрлеон, но находился слишком далеко на востоке, а Мордред рассудил, что неприятностей, буде таковые случатся, следует ждать именно оттуда. Запад, напротив, не сулил угрозы. (Если не считать герцога Константина, напомнил себе Мордред: этот экс-наследник Артура, негодуя про себя, так и не прислал ответа на учтивые приглашения совета обсудить дело за Круглым столом. Однако для укрепленного и вооруженного Каэрлеона Константин представляет опасность ничуть не большую, чем любой другой недовольный.)

Гвиневере не нравилось, что Каэрлеон стоит чересчур близко к Северному Уэльсу, ее родине. Теперь там правил ее кузен: некогда мечтавший взять Гвиневеру в жены, он не уставал напоминать об этом нынешней своей супруге. Но выбора более утешительного у нее и не было. Гвиневера предпочла бы укрыть-

ся в монастыре, но из двух лучших обителей ближайшая — озерное святилище на Инис-Витрине — находилась в пределах Летней страны, а королева ни за что не оказалась бы под покровительством ее короля, Мельваса. Вторая обитель, в Эймсбери, во владениях самого Артура, охотно приютила бы королеву, однако не она ли скандально не сумела защитить предыдущую свою венценосную гостью? Призрак убиенной Моргаузы до сих пор тревожил тамошние стены.

Так что Мордред, превратив необходимость в удовольствие, выбрал Каэрлеон, где уже назначил встречи с королями западных и северных краев, с которыми еще не имел возможности побеседовать. Он сам сопроводил туда королеву, взошел вместе с нею на палубу в Инис-Витрине, и корабль взял курс к устью реки Иска на побережье Северна.

Плавание прошло спокойно: морскую гладь ничто не тревожило, дули легкие, благоуханные ветерки. В суматохе того безумного лета выдалась благословенная передышка. Королева и ее фрейлины держались особняком, однако утром и вечером в течение двухдневного путешествия Мордред навещал Гвиневеру, и они беседовали. В одну из таких встреч королева рассказала ему — кратко, не вдаваясь в подробности,— отчего она не склонна искать убежища у короля Мельваса. Выяснилось, что много лет назад, в горячке молодости, Мельвас силой и хитростью похитил королеву и увез ее на островок, затерянный среди трясин и топей Летней страны. Там Мерлин обнаружил ее при помощи магии и вовремя привел Бедуира на помощь. Позже Артур и Мельвас сразились в достопамятном поединке, король одержал победу, но Мельваса пощадил.

— После такого? — Мордред был настолько потрясен, что в кои-то веки забыл о сдержанности.— Я бы швырнул его к вашим ногам и убил его там — медленно.

— Чтобы все мужчины и женщины королевств более не сомневались в его вине и моем позоре?

Гвиневера говорила спокойно, но щеки ее заалели, и невозможно было понять, вызван ли румянец воспоминанием о пережитом унижении или горячностью юноши.

Мордред закусил губу. Он вспомнил, как однажды на сборе «молодых кельтов» Агравейн рассказывал нечто подобное, а он, Мордред, не поверил сводному брату. Значит, это правда; теперь ясно, на что ссылались Бедуир с Артуром на месте насилия над принцессой Элен. В памяти ожила картина: изувеченное тело девушки под разворошенным покрывалом сосновой хвои.

— Тогда позже,— хрипло отозвался он.— Но политика там или не политика, а я бы его в живых не оставил.

На этом Мордред распрощался. После его ухода королева долго сидела не двигаясь, глядя через поручни на сверкающую воду и на далекий, проплывающий мимо берег, где деревья походили на облака, а облака над ними — на высокие башни.

Устроив Гвиневеру со всеми удобствами в королевском дворце Каэрлеона, Мордред с головой ушел в нескончаемые переговоры с вождями и мелкими князьками, съехавшимися в крепость на встречу с ним. Чего он никак не ждал обнаружить — в отличие от Константина, герцога западных краев, отлично знавшего истинное положение дел,— так это недовольства и даже враждебного неприятия Артуровой политики. В далеких нагорьях романизация «серебряного века», столь милая сердцу Амброзия и Артура, никогда не находила отклика. Не только молодежь жаждала перемен; короли постарше тоже злились на то, что воспринимали как притеснения централизованной власти, сосредоточенной где-то в далеких низинах. Артур, пытаясь восстановить территориальную целостность римской Британии, перекроил союз королевств по образцу, который многим правителям показался устаревшим. Для этих недовольных Мордред, чужестранец из числа «молодых кельтов», стал тем самым желанным вождем, на которого все уповали. То, что Артур совсем недавно выступил против римского владычества в защиту кельтских земель, безусловно, снова изрядно расположило бы их в пользу верховного короля, однако Артур почитался погибшим, и становилось все более очевидно: в кельтских нагорьях возвращение его будет воспринято отнюдь не с восторгом.

Мордред действовал со всей доступной осторожностью, говорил мало, подсчитывал вставших под его знамя союзников и каждый вечер навещал королеву.

Грустно и трогательно было наблюдать, как оживлялась королева при виде гостя, как жадно засыпала его расспросами. Мордред охотно удовлетворял ее любопытство и обо всех государственных делах сообщал ей куда более подробно, нежели Артур, которому вечно недоставало времени. Гвиневера и не догадывалась, что собеседник просто-напросто использует любой предлог

для того, чтобы ее увидеть, любое средство для того, чтобы продлить встречу, добиваясь, чтобы королева привыкала видеть в нем правителя и защитника. Она всего лишь думала, что Мордред пытается развлечь ее и утешить, и платила ему признательностью, а признательность в это смутное время неуверенности, горя и страха уже граничила с нежностью (как Мордред и надеялся), а там, глядишь, недалеко и до любви... Во всяком случае, когда Мордред подносил ее кисть к губам или, расхрабрившись, сочувственно накрывал ее руку своею, Гвиневера уже не отстранялась от его прикосновений с прежней поспешностью.

Что до Мордреда, новообретенная власть, стремительная смена событий, блестящее начало давно вынашиваемых замыслов, близость давно желанной, прелестной Гвиневеры увлекали его из одного прожитого дня в следующий на волне всесилия и могущества; сомнительно, чтобы на этом этапе он сумел бы повернуть вспять. В любви, как и во многом другом, приходит время, когда воля уступает и дает свободу желанию, и тогда даже Орфей, обернувшись вспять, не вынудит любовь исчезнуть. Мордреду уже довелось увидеть, пусть на краткий миг, истинную Гвиневеру — одинокую женщину, которая боится жизни. Любому сильному ветру дано подхватить этот листок и унести в безопасное пристанище. Он станет — нет, уже стал — для нее защитой. Он был достаточно проницателен, чтобы понять: Гвиневера это видит,— и не торопил событий. Он умел ждать.

Так шли дни, ветер по-прежнему закрывал кораблям выход в Узкое море, а Мордред и Гвиневера непрестанно наблюдали за дорогой и гаванью, высматривая гонца из Бретани. И он, и она ночами вглядывались в темноту и все думали, думали, а когда наконец засыпали, то видели во сне не друг друга, но Артура.

О герцоге Константине, что вынашивал черные замыслы в своем корнуэльском замке, они и вовсе не помышляли.

Глава 7

Письмо Константина вручили Артуру в его лагере близ Отена. Король Хоэль, вновь ощутив бремя лет и недугов — теперь, когда битва закончилась,— отбыл домой. Артур остался один, если не считать Гавейна: в те дни племянник неизменно держался рядом с ним.

А еще король бесконечно устал. Он вернулся из недолгой карательной вылазки в горы и обнаружил, что войско близко к панике; бритты, хотя и продолжали искать его тело среди завалов мертвецов, уже уверились в том, что остались без короля. Но и возвращение его сулило мало радости: Бедуир, раненный серьезнее, нежели сочли его соратники и нежели признавал он сам, тяжко занедужил; и лекари лишь качали головами над соломенным тюфяком, где больной лежал без сознания в одном из приделов королевского шатра.

Так что Артур остался в одиночестве, и одной потерей дело не ограничилось. Бедуир умирал. Погиб Кей — старший молочный брат короля; с ним Артур воспитывался и рос. Погиб Кай Валерий, воин преклонных лет, ветеран Амброзиевых войн, друг Утера Пендрагона и Мерлина...

Список казался бесконечным, имена складывались в реестр, исторгнутый из легенд о былой славе Артура, либо просто перечисление друзей.

Из ближайшего окружения Артура один лишь Гавейн не получил ни единой раны; старший сын Лота, опьяненный радостью первой своей великой битвы и славной победы, стал для короля надежной поддержкой. К нему-то Артур, впервые ощутив бремя старости (даже будучи на много лет моложе короля Хоэля), обратился с признательностью и любовью.

Король взялся за письмо герцога. Сквозь шкуры шатра до него доносились стоны и невнятное бормотание: Бедуир метался на ложе. Говорили, что он умрет еще до зари, если жар не схлынет.

И снова письмо. Мордред... объявил себя верховным королем, ведет переговоры с Кердиком, собирает королей Уэльса и севера...

— Ну что ж,— нахмурился Артур; голова его раскалывалась от боли, и слова растворялись в свете факелов.— Ну что ж, ничего удивительного. Если до Мордреда дошли известия о моей предполагаемой смерти, именно так ему и следовало поступать. Мы обсудили это все перед тем, как Мордред уехал из Керрека. Ему предстояло встретиться с Кердиком, утвердить договор и обсудить возможности новых соглашений в будущем. А теперь, когда ему сообщили о моей гибели, он вполне мог решить, что пора договариваться о новых условиях, поскольку прежний договор силу утратил.

— Новые условия! Союз, который в лучшем случае — безумие, а в худшем — верная погибель! Это я про Кинрика, набирающего свежее подкрепление к воинству саксов здесь, за морем. Вы об этом знали, дядя?

В противоположной части шатра больной вскрикнул и затих. Торопливая, сбивчивая речь, затем приглушенный шепот, стремительные шаги, шелест одежд...

Король привстал, позабытый пергамент упал на пол, но тут невнятное бормотание послышалось снова. Значит, еще не смерть, еще не все. Артур снова рухнул в кресло.

— Вы знали про Кинрика? — не отступался Гавейн.

— Про Кинрика? А, то, что он созывает людей под свои знамена в Саксонии... Нет, но если это правда...

— Я более чем уверен, что правда,— отозвался Гавейн.— По лагерю уже ходят слухи. На берегу Нейстрии собираются толпы и толпы. Боевые корабли теснятся в гаванях, точно стрелы, битком набитые в колчан. А чего ради? Вот Кинрик выходит в море, Кердик движется к юго-восточным портам ему навстречу, и вот уже южные саксы зажаты между этими двумя, так что все юго-восточные земли оказываются в руках у Кердика и тот волен приглашать кого угодно: пусть приплывают и пополняют его воинство! До сих пор южные саксы были тем вторым бастионом, что сдерживал Кердика, а кто сдержит его теперь?

Гавейн свирепо воззрился на короля: невозмутимое спокойствие собеседника, похоже, изрядно его раздражало. Если он и слышал звуки, доносящиеся из-за стены, то ничем этого не выказал. Он даже не пытался понижать голос.

— Вне всякого сомнения, следующий же гонец привезет мне известия о передвижениях Кинрика.— Голос Артура звучал устало, но не особо озабоченно.— Что до остального содержания письма, Гавейн, нужно помнить, кто его писал. Герцог Константин не слишком-то дружелюбно воспринял назначение Мордреда регентом; узнав о том, что Мордред провозглашен моим единственным наследником, он тем более не порадовался. Все, о чем он пишет...— король указал на письмо, лежащее на полу, и Гавейн нагнулся подобрать его,— обо всем, что, по его словам, содеял Мордред, мы с Мордредом договорились заранее. Ну а касательно того, как все это делается, у нас есть лишь заверения Константина, а ведь он Мордреду отнюдь не друг.

— А с какой стати сам Мордред не шлет доклада? Если уж гонец Константина смог сюда добраться...

— Если Мордред получил известия о моей смерти, кому прикажете посылать его? — возразил Артур.

Гавейн раздраженно пожал плечами и протянул было письмо дяде. Но рука его замерла на полдороге.

— А ведь тут еще кое-что есть. С другой стороны, видите?

Артур взял письмо из его рук, увидел на оборотной стороне последние несколько строк и начал было читать их вслух:

— «И наконец, избавившись от верховного короля, он рассчитывает взять в жены королеву Гвиневеру. Мордред разместил ее в Каэрлеоне и...»

Артур не докончил фразы; это сделал за него Гавейн — на нарастающей ноте, где неподдельное негодование сливалось с торжеством:

— «...Вступил с нею там в преступную связь»! — Гавейн качнулся назад и снова развернулся к королю.— Дядя, верит он в твою смерть или нет, но это деяние предателя! Доказательств у него еще нет, и ровным счетом никаких причин к тому, чтобы тащить королеву в Каэрлеон и там за нею ухлестывать! Вы говорите, что все остальное в этом письме может оказаться правдой... Если так, то и это правда — в каком бы то ни было смысле!

— Гавейн...— предостерегающе начал король, но распаленный Гавейн униматься не желал:

— Нет, вы должны меня выслушать! Я вам родич. От меня вы не услышите ничего, кроме правды! И вот что я скажу вам, дядя: Мордред всегда мечтал о королевстве. Я-то знаю, как он честолюбив: всегда был таким, даже дома, на островах, еще до того, как узнал о том, что приходится вам сыном! Ваш сын, верно! И все-таки — рыбацкий ублюдок, мужлан, по-мужицки жадный и хитрый и с торгашескими понятиями о чести! Воспользовался первой же возможностью, чтобы обернуться предателем и отыграть желанный кус! Теперь, когда за ним стоят саксы с валлийцами, при поддержке королевы... «вступил в связь», тоже мне! Небось времени зря не терял! Видел я, как он на нее поглядывает!

Что-то в выражении Артурова лица заставило оркнейца прикусить язык. Трудно было сказать, что именно, ибо король походил на портрет мертвеца, изваянный из серого камня. При виде него представлялся человек, который увидел вдруг, как под ногами разверзлась смертоносная волчья яма, утыканная копьями, и лишь из одной упрямой убежденности цепляется за одно-единственное хрупкое молодое деревце, способное удержать его от падения. Из соседнего покоя теперь не доносилось ни звука.

Голос Артура звучал по-прежнему ровно, по-прежнему рассудительно, но безжизненно и невыразительно:

— Гавейн. Последнее, что я вменил в обязанность моему сыну, было: в случае моей смерти защищать и лелеять королеву. Для нее он тоже все равно что сын. То, что было сказано, мы забудем.

Гавейн склонил голову и пробормотал нечто похожее на извинение. Артур протянул ему свиток.

— Сожги это письмо. Сейчас, не откладывая. Вот так.

Гавейн поднес свиток к факелу и следил, как пергамент чернеет и скручивается вороньими перышками.

— А теперь я должен пойти к Бедуиру. Поутру...

Не докончив фразы, Артур приподнялся — медленно, с трудом, опираясь на подлокотники кресла, точно старик или больной. Гавейн, искренне к нему привязанный, вдруг ощутил укол совести и заговорил более мягко:

— Мне очень жаль, дядя; поверьте, мне и в самом деле очень жаль. Я знаю, вам не хочется думать плохо о Мордреде, так что будем уповать на то, что вести ждать себя не заставят. А пока могу ли я хоть чем-нибудь помочь вам?

— Можешь. Ступай распорядись насчет нашего возвращения домой. Каково бы ни было истинное положение вещей, долг призывает меня назад. Либо мне придется иметь дело с Мордредом, либо с Константином. Не время искать новых побед или назначать переговоры с императором. Вместо того я отправлю ему послание...

Король выжидательно умолк.

— Да? — переспросил Гавейн.

Взгляд короля был совершенно непроницаем.

— Это поручение тебе понравится. Позаботься о том, чтобы тело Люция Квинтилиана извлекли из земли и отослали императору со словами: вот дань Риму от бриттов. А теперь оставь меня. Мне нужно к Бедуиру.

Бедуир не умер. Тишина, испугавшая короля, возвестила не смерть, не бессознательное состояние, но сон; а когда больной пробудился, жар спал, а раны остыли. Невзирая на то что ждало его впереди, Артур отправился в Британию со спокойной душой и более легким сердцем.

День, когда король наконец-то приказал поднять паруса, выдался облачным; с гребней волн срывались белые клочья пены, а далекое небо нависало совсем низко над седыми валами. Похоже, над водами пролива властвовала морская ведьма. Хотя ветер в конце концов переменился, и небеса, и море словно вступили в сговор против Артура, ее заклятого врага. Даже чайки — хлопья, сдернутые с белопенных гребней,— метались на ветру туда-сюда с пронзительным, душераздирающим хохотом, точно насмехаясь над бриттами. При внезапной смене ветра угрюмое, бурливое море — на темной поверхности ни блика, ни блеска — тяжко заколыхалось к северу. Налетевший шквал подхватил штандарт «Морского дракона», разодрал его на узкие, длинные ленты, закрутил спиралью. «Недобрый знак»,— зашептались люди, но Артур, глянув вверх, лишь рассмеялся и молвил:

— Ишь, обогнал нас! Ежели мы воспользуемся бурей, так полетим быстрее шквала.

И корабль их и впрямь полетел по волнам. Бритты и не подозревали, что тем же ветром воспользовались саксы Кинрика, и боевые корабли их тоже мчатся через Узкое море. До последней минуты бритты их не видели: длинные, с низкой осадкой суда терялись среди вздымающихся волн. «Морской дракон» несся вперед с попутным штормом, и на горизонте уже воздвигся белой стеной Саксонский берег, но вот в последних отблесках пасмурного дня впередсмотрящий что-то заметил: похоже, к берегу приближались саксонские боевые корабли.

Но когда король с той тяжелой медлительностью, что проявилась в нем за последние дни, поднялся к мачте, откуда открывался хороший обзор, корабли — или их призраки — уже исчезли.

— Суда южных саксов, застигнутые переменой ветра,— заметил подоспевший капитан.— Осадка у них небольшая. Повезло им. Теперь небось встали себе на якорь, так что нас не потревожат. Если мы...

Он не договорил. С топа мачты донесся крик — все обернулись.

Низко над морем несся шквал; струи дождя трепались по воздуху, точно ведьмины волосы. Впереди него скользила тень — неумолимо, точно рок. Капитан зычно рявкнул, моряки бросились по местам. Король, рыцари, матросы схватились за ближайшую опору.

Шквал обрушился на корабль. Мгновение — и все утонуло в дожде и завывании ветра. Пала тьма. Вода струилась каскада-

ми, струи хлестали по лицам так, что люди прикрывали руками глаза. Небольшое суденышко дрогнуло, закачалось, замерло, точно наскочив на скалу, затем накренилось, встало на дыбы, дернулось, точно испуганный конь. Натянулись и с треском лопнули канаты. Заскрипел корпус. Где-то предупреждающе затрещало дерево.

Шквал бушевал минут десять. А когда умчался прочь — так же внезапно, как и налетел,— скользя над морем вдогон собственной тени, обнаружилось, что потрепанный штормом, раскиданный во все стороны флот пригнало к земле едва ли не на расстояние оклика. Однако земля эта оказалась Саксонским берегом, а плыть дальше на запад, лавируя против изменчивого ветра, до гаваней Думнонии или под спорное укрытие Гончарного залива, возможным просто не представлялось.

Волны захлестывали нижнюю палубу «Морского дракона»; еще два корабля, во всем схожие с ним, едва держались на плаву. И король отдал приказ.

Вот так морская ведьма пригнала Артура к берегам саксонских владений, где сын Кердика, Кинрик, с отрядом своих людей, отдыхал после бурного плавания, высматривая отставшие суда переселенцев. К нему-то и прибежал со всех ног дозорный, покинув развалины римского маяка. Корабли — целых три! — входят в глубокую гавань, расположенную чуть западнее, а следом за ними к берегу идут и другие. Ни штандарта, ни герба не видно. Однако, судя по форме и оснастке, это корабли бриттов, и вступают они в прибрежные воды, где быть им никоим образом не положено. В быстро сгущающихся сумерках дозорный не разглядел, в сколь плачевном состоянии эти суда.

Кинрик понятия не имел, одобряют ли бритты предполагаемое переселение и знают ли о нем вообще, не ведал он и о том, что, согласно новому договору между Мордредом и Кердиком, корабли бриттов должно привечать. Он сделал собственные выводы. Его высадка не прошла незамеченной; и теперь, вероятно, саксам дадут отпор. Кинрик срочно отправил гонца в глубь острова, дабы сообщить о своем прибытии и призвать на помощь Кердика, а затем собрал своих людей, намереваясь помешать высадке бриттов.

Если бы два воинства простояли на месте достаточно долго, чтобы вожди опознали друг друга либо успели отослать известие и получить ответ, надо думать, все закончилось бы миром. Но

сошлись они в сгущающихся сумерках пасмурного дня, каждая сторона отчаянно и упрямо держалась своего и ко всему прочему была слепа.

Саксы изрядно устали после плавания сквозь шторм; большинство из них, впервые оказавшись в Британии, держались настороженно и подозрительно. Кроме того, при них были женщины и дети. Воспитанные на легендах о сражениях, что велись за каждую пядь земли со времен Хенгиста, и видя, что, пока корабли пристают к берегу, положение прибывающих войск оставляет желать много лучшего, саксы похватали оружие и ринулись в атаку.

Артур и впрямь оказался в положении крайне невыигрышном. Да, войско его составляли превосходно обученные, испытанные в боях воины, но они почти не отдохнули, а многие еще и плохо перенесли морское путешествие.

В одном ему посчастливилось: суда для перевозки лошадей в поисках ровной отмели проплыли вдоль берега чуть дальше, так что ту часть конницы, что не пострадала во время шторма, удалось благополучно переправить на берег несколько в стороне. Но на помощь этих отрядов — отборных войск Артура — рассчитывать не приходилось. Вооруженные саксы Кинрика атаковали Артура и его рыцарей, не успели те вскарабкаться по крутому, осыпающемуся склону. Бритты сражались пешими, так и не построившись в боевой порядок. Битва была хаотической, кровопролитной и губительной для обеих сторон.

Перед самой темнотой к Кинрику примчался задыхающийся гонец на взмыленном пони. Сообщение было кратким. Кердик уже в пути, и с ним — новый король Британии. Кинрику велено отступить.

Кинрик, благодаря судьбу, отозвал войска насколько смог. Люди его хлынули в глубь острова, в сгущающуюся тьму; посыльный повел их навстречу приближающемуся воинству западных саксов.

Артур, измученный, но невредимый, молча внимал одному из своих воинов: тому удалось расслышать громко выкликаемый приказ.

— Нападение возглавил сам Кинрик, милорд. А теперь он послал к отцу за помощью, и Кердик уже в пути. Вместе с новым королем Британии. Так они говорят, я сам слышал: идет против вас, на подмогу Кердику и этим захватчикам.

Артур, уставший до смерти, скорбя о потерях, которые подсчитывались в эту самую минуту, тяжко оперся на копье. Он был сбит с толку и, в кои-то веки, не знал, что делать. То, что под «новым королем Британии» подразумевался Мордред, сомнению не подлежало. Но даже если бы Мордред почитал его, Артура, мертвым, вряд ли бы он повел саксов на корабли бриттов, на которых со всей очевидностью возвращаются домой уставшие от сражений Артуровы воинства,— разве что Константин прав и Мордред настолько одержим желанием заполучить королевство, что не остановится и перед предательством.

Сзади послышались чьи-то шаги; ноги разъезжались на поскрипывающей гальке. Артур обернулся, уже ожидая услышать раздраженный голос оркнейца, не скрывающего торжества при этом новом свидетельстве измены, но предположение его не оправдалось.

— Милорд, милорд! С принцем Гавейном плохо. Его лодка разбилась при высадке, и не успел он выбраться на берег, как его уже ранили. Похоже, он умирает.

— Отведите меня к нему,— потребовал король.

Гавейна вынесли на берег на носилках, сооруженных из разбитых досок потерпевшей крушение лодки. Расколотый остов ее, зияя дырами, лежал перевернутым у самой кромки воды. А повсюду вокруг валялись тела убитых и раненых, точно кучи мокрой одежды.

Гавейн был в сознании, но не приходилось сомневаться: рана его смертельна. Лицо его покрылось восковой бледностью, дышал он судорожно и прерывисто.

Артур склонился над раненым.

— Ты как, племянник?

Бледные губы разомкнулись. Спустя некоторое время Гавейн прошептал:

— Не везет же мне. В самом начале войны...

Об этой войне он мечтал; можно сказать, ради нее и старался... Король прогнал непрошеную мысль и, склонившись ниже, смочил губы умирающего вином из собственной фляги.

Губы снова зашевелились.

— Что такое? Я не расслышал.

— Бедуир,— выдохнул Гавейн.

— Да,— недоуменно отозвался король.— С Бедуиром все в порядке. Говорят, он быстро идет на поправку.

— Бедуир...

— Гавейн, я знаю, тебе есть что прощать Бедуиру, но если ты просишь меня передать ему что бы то ни было, кроме слов прощения и дружбы, просишь ты напрасно, пусть и на смертном одре.

— Не то. Верните Бедуира. Надобен. Поможет вам убить... Мордреда... предателя.

На это Артур ничего не ответил. А спустя несколько мгновений понял, что ответ и не нужен.

Вот так, по-прежнему призывая к смертоубийству и распре, умер четвертый из сыновей Моргаузы. В живых остался только один. Мордред, его родной сын. Мордред, предатель?

Глава 8

Известия о сражении на южном побережье застали Мордреда уже в Камелоте. Подробностей не сообщалось. Памятуя о своем договоре с Кердиком, он собрал войско, поспешил на юг и воссоединился с армией западных саксов как раз тогда, когда прибыл второй запыхавшийся гонец с более полным, но странным рассказом о происшедшем.

Поведал он следующее: саксы, жители побережья, заметили, как появились Артуровы суда с войском на борту — вскорости после того, как боевые корабли, не сумев войти в гавань в устье реки Итчен, высадили переселенцев на защищенном от ветров мелководье за Тюленьим островом. Но почти тут же налетевшие тучи с туманом укрыли флот непроглядной пеленой. Новоприбывшие саксы, не на шутку встревожившись, не зная, чего ждать от приближающихся кораблей, поспешно переправили детей и женщин в глубь острова, подальше от берега, а сами встали в оборонительную позицию в пределах видимости сигналов маяка. Прибрежные жители, вышедшие навстречу соплеменникам, не замедлили их успокоить. Никакой опасности нет. Корабли верховного короля, неважно, на борту сам Артур или нет, ни за что не войдут в саксонские гавани, много лет назад отошедшие саксам по договору.

Но не успели смолкнуть слова ободрения, как от маяка примчался запыхавшийся гонец. Под покровом бури корабли развернулись, пристали к земле и на берег уже высаживаются вооружен-

ные воины — совсем рядом, чуть западнее. Очевидно, будучи заранее упрежден о новом наплыве саксонских переселенцев, Артур рассчитывал остановить их на море, но, потерпев неудачу, переправляет силы на твердую землю, чтобы перебить чужаков или взять их в плен. К тем, кто склонен был в этом усомниться — саксы-старожилы, и в их числе сам Кинрик,— новоприбывшие не прислушивались. Уж слишком велика была опасность. Если бритты шутить не намерены, если дать им время переправить на берег лошадей... все знают, чего стоит в деле Артурова конница!..

Так что саксы, невзирая на разобщенность и усталость, ринулись к берегу и сшиблись с Артуровым воинством. Завязалось кровопролитное сражение, завершившееся для саксов полным разгромом; и теперь из последних сил они в беспорядке отступают в глубь острова вместе с перепуганными жителями прибрежных деревень, преследуемые по пятам Артуром и его конницей. И, завершил посланец, искоса бросив на Мордреда недоверчивый взгляд, саксы — мужи, жены и дети — взывают к своему королю о помощи против Артура, нарушителя договоров, посягателя на принадлежащее им по праву королевство, убийцы законопослушных, мирных переселенцев.

Горестная повесть была изложена на грубоватом наречии саксонского поселянина. Сомнительно, чтобы Мордред понимал более одного слова из трех. Однако главное он уловил. Недвижно застыв рядом с Кердиком, принц ощущал, как по жилам его разливается холод, точно кровь сочится из тела и впитывается в меловую землю. Гонец договорил, Кердик открыл было рот, собираясь задать вопрос, но Мордред, впервые позабыв об учтивости, резко перебил:

— Верховный король? Он так сказал? Артур с ними сам?

— Да. Похоже, мы поторопились, принц Мордред! — отозвался Кердик, исступленным напряжением воли сохраняя самообладание.

— Вести верные?

— Верные.

— Это все меняет.

Мордред постарался выговорить это уклончивое утверждение как можно спокойнее, но в мыслях его царил хаос. То, что произошло, могло привести — уже привело — к непоправимому несчастью: для него самого, для королевы, для будущего Британии.

Кердик, пристально наблюдавший за собеседником из-под сурово сведенных бровей, коротко кивнул.

— Расскажите мне в точности, что произошло,— попросил Мордред.— Я почти ничего не понял. Есть ли хоть какая-то вероятность ошибки?..

— По пути,— отозвался Кердик.— Поезжайте рядом со мной. Времени терять нельзя. Похоже, что Артуру мало прибрежных деревень: он прогнал тамошних жителей в глубь острова и шлет в погоню конницу. Мы должны поспешить им на защиту.

Старый король пришпорил пони и, как только Мордред поравнялся с ним, пересказал слова гонца.

Едва дослушав, Мордред, нетерпеливо кусавший губы, взорвался яростью:

— Что за нелепость! Есть место сомнениям, как же! Да такого просто быть не может! Чтобы верховный король нарушил им же заключенный договор? Ну разве не очевидно, что корабли пригнал к берегу шторм, так что причалили они где смогли? Одно скажу: если бы король вынашивал план нападения, он бы первым делом переправил на твердую землю конницу. Мне сдается, он просто вынужден был пристать к берегу, а люди Кинрика ринулись в бой со страху, даже не попытавшись начать переговоры.

— Эта часть, безусловно, соответствует истине. Но если верить гонцу, саксы знали только то, что корабли принадлежат бриттам; на королевском флагмане знамени не было. Это само по себе внушало подозрения...

Сердце Мордреда неистово заколотилось в груди: стыд и надежда слились воедино. Может статься, очень может статься, что все еще обойдется. (Обойдется? Мордред, охваченный надеждой и стыдом, вдумываться не стал и поспешил отогнать досадную мысль.)

— Значит, возможно, что самого Артура там нет? Его видели? Узнали? Если не поднимали знамени...

— Как только бритты высадились на берег, знамя с драконом взвилось по ветру. Артур был там. Этот человек видел короля своими глазами. И Гавейна тоже. К слову сказать, Гавейн мертв.

Копыта коней мягко переступали по сырой земле. Дождь заливал лица. Воцарилось долгое молчание, но наконец Мордред нарушил тишину. Голос его снова звучал невозмутимо и ровно.

— Если Артур жив, его договор с вами остается в силе. И отменяет новый союз, заключенный исходя из предположения о

смерти короля. Скажу более: можно со всей определенностью утверждать, что договора король нарушать бы не стал. Да и чего ради? На него напали — он вынужден был защищаться. Король Кердик, вы не можете счесть происшедшее поводом к войне.

— В силу какой бы то ни было причины, но договор нарушен,— отозвался Кердик.— Артур во всеоружии вторгся в мои земли и пролил кровь моих подданных. А прочих выдворил с насиженных мест. Люди воззвали ко мне о помощи, и долг мой — ответить на призыв. Я, несомненно, узнаю правду от Кинрика, как только мы встретимся. Если вам не угодно ехать с нами...

— Я поеду с вами. Если король и в самом деле ведет войска сухим путем через земли саксов, так это лишь в силу насущной необходимости. Артур не хочет войны. Об этом мне известно доподлинно. Произошло трагическое недоразумение. Я знаю Артура; да и вам, король, должно его знать. Артур предпочитает зал совета, а не меч.

— Впоследствии — возможно,— мрачно усмехнулся Кердик.— После того, как получит свое.

— А почему бы и нет? — резко откликнулся Мордред.— Ну что ж, скачите навстречу Кинрику, если угодно, но переговорите и с Артуром тоже, прежде чем совершатся новые безрассудства. А если не пожелаете, так дайте мне дозволение самому побеседовать с королем. Возможно, нам еще удастся выйти из шторма в безбурные воды, король.

— Хорошо,— тяжко произнес старый правитель, помолчав.— Вы знаете, как поступить. Но если дело дойдет до сражения...

— Этого нельзя допускать.

— Если Артур даст бой, я тоже возьмусь за оружие. Но вы... как насчет вас, принц Мордред? Вы больше ничем мне не обязаны. И послушаются ли вас ваши люди? Они служили Артуру.

— А теперь служат мне,— коротко бросил Мордред.— Но с вашего дозволения, я не стану подвергать испытанию их преданность прямо здесь, на этом поле. Если переговоры окончатся неудачей, тогда посмотрим.

Кердик кивнул, и всадники молча поскакали бок о бок.

Мордред, как показал дальнейший ход событий, правильно оценил свое воинство. Основной корпус армии составляли те, кто обучался боевому искусству и служил под его началом и кто охотно признал его королем. Если уж речь зашла о новой войне

с саксами, народ — горожане, купцы, земледельцы, ныне благоденствующие на своих наделах, огражденных от опасности прежними договорами,— сражаться решительно не желал. Недавно объявленное решение Мордреда утвердить договор и, более того, заключить союз с могущественным королем западных саксов шумно превозносили до небес во дворцах и на рыночных площадях. И командиры, и простые ратники безоглядно подчинялись ему.

Но выступят ли они с оружием в руках против самого Артура, какова бы уж ни была причина,— это вопрос другой. Впрочем, понятно, что до такого дело не дойдет...

Артур, оставив отборный отряд охранять вытащенные на берег корабли — пока устранялись повреждения, нанесенные бурей,— стремительно повел оставшиеся войска в глубь острова, надеясь обойти стороной отступающих в беспорядке саксов и добраться до границы без дальнейших злоключений. Но вскорости его разведчики вернулись с известиями о том, что между бриттами и домом — сам Кердик с войском, поспешающий на подмогу к сыну. Со временем, сквозь брешь среди холмов, блеснули копья и затрепетали по ветру султаны из конского волоса боевого отряда Кердика, а в арьергарде, смутно различимый за пеленой дождя, блистал упорядоченный строй конницы — под знаменем, очень похожим на драконий штандарт самого Артура. А уж Мордреда и вовсе невозможно было с кем-либо спутать: он ехал бок о бок с Кердиком во главе саксонского воинства.

Войска узнали его первыми. Мордред, предатель. Над рядами пронесся глухой ропот. Там были люди, слышавшие последние слова умирающего Гавейна, и теперь, при виде Мордреда собственной персоной, ведущего за собой армию саксов,— фигура воистину приметная, верхом на холеном вороном жеребце, некогда подаренном Артуром! — поднялся грозный рев — точно подхваченное ветром эхо предсмертного вздоха Гавейна.

— Мордред! Предатель!

Крик этот словно молнией рассек мозг Артура. Сомнения, накопившаяся усталость и горе, обвинения, выдвинутые Гавейном,— а король любил племянника, несмотря на все его недостатки,— тяжко сказались на Артуре и притупили его способность рассуждать и мыслить. Втянутый в эту беспорядочную неразбериху, он спустя столько лет вспомнил про судьбу, предсказанную Мерлином и подтвержденную Нимуэ,— словно и это тоже

принесли на крыльях ветра из далекого прошлого. Мордред, рожденный ему на погибель. Мордред, несущий смерть. Мордред — здесь, на укрытом тьмою поле битвы,— ведет против законного короля воинство саксов, его заклятых врагов...

Язва подозрения, пронзив острой болью, превратилась в уверенность. Значит, это правда — вопреки убежденности, вопреки всем надеждам на ошибку. Мордред — предатель.

А воинство Кердика приближалось, прибывало, росло. Король саксов, требовательно вскинув руку, обратился к Мордреду. Над толпой позади двух вождей послышались грозные крики и бряцание щитов.

Артур никогда не позволял застать себя врасплох. Напротив, сам использовал эффект внезапности. Не успел Кердик построить свое воинство в боевой порядок, как конница ринулась в атаку.

Мордред с криком послал коня вперед, но рука Кердика перехватила у него поводья.

— Слишком поздно. Сегодня разговоры разговаривать уже не придется. Возвращайтесь к своим людям. Удержите их: пусть не нападают на меня с тыла. Слышите?

— Обещаю,— кивнул Мордред и, развернув коня, хлестнул его поводьями по шее и галопом поскакал назад сквозь ряды саксов.

Его люди, скачущие в арьергарде саксонского воинства, еще не видели, что произошло. Регент коротко и властно отдал необходимые распоряжения. Слова «бегство» ни разу не прозвучало, но к этому, по сути дела, приказ и сводился. С командирами Мордред говорил предельно сжато:

— Верховный король здесь и вступил в сражение с Кердиком. Мы в этом бою не участвуем. Я не поведу вас против Артура, но я не могу встать на сторону Артура против человека, который мне союзник по договору. Дождемся конца дня и уладим недоразумение как разумные люди. Отведите войска к Камелоту.

Вот так, не обагрив мечей кровью, верхом на свежих конях, воины регента стремительно отступили к крепости, оставив поле боя за двумя стареющими королями.

Артурова звезда по-прежнему ярко сияла в небе. Он, как и предсказывал Мерлин, выходил победителем из каждой битвы.

Саксы дрогнули и отступили, а верховный король, задержавшись лишь для того, чтобы подобрать раненых и похоронить павших из числа бриттов, выступил к Камелоту, преследуя воинство Мордреда, очевидно спасающееся бегством.

О битве на Кердиковой луговине возможно сказать лишь то, что торжествовать победу не привелось никому. Артур выиграл бой, однако оставил земли во владении все тех же саксов. Саксы, подобрав погибших и подсчитав потери, обнаружили, что прежние их границы остались нетронутыми. Но Кердик, глядя вслед воинству бриттов, что стройными, упорядоченными рядами покидало поле боя, принес обет.

— Даже для тебя, Артур, еще настанет иной день. Еще настанет.

Глава 9

И день настал.

День настал, принеся с собой надежду на перемирие и время, достаточное для того, чтобы возобладали здравый смысл и сдержанная рассудительность.

Мордред первым проявил благоразумие. Он даже не попытался войти в Камелот, не говоря уже о том, чтобы удерживать город против законного короля. Регент отдал войскам приказ остановиться, не доходя до крепости, на равнинных луговинах вдоль речушки Камел. Здесь проводились учения; здесь же был разбит лагерь, обеспеченный всем необходимым. Этому оставалось только порадоваться: ведь слух о начале войны уже распространился по округе. Поселяне, внемля предостережению, принесенному едва ли не на крыльях ветра, укрылись в цитадели, разместив женщин, детей и скот на общинном выгоне в пределах стен, в северо-восточной части крепости. Мордред, проверяя караулы в ту ночь, обнаружил, что люди его изрядно озадачены, понемногу начинают злиться, но преданы ему безоговорочно. Общее мнение склонялось к тому, что верховный король в свои преклонные годы слабеет разумом. Он несправедливо обошелся с вождем саксов, но это еще полбеды, на это закрыть глаза нетрудно; но ведь он обошелся несправедливо еще и с родным сыном, с регентом Мордредом, который верой-правдой оберегал королевство и супругу верховного короля. Так говорили соратники Мордреду, и они же заметно приободрились, когда Мордред заве-

рил, что теперь настал черед переговоров: очень скоро, обещал принц, на все эти темные деяния прольется свет истины.

— Пусть никто да не дерзнет обнажить меч против верховного короля,— приказал регент,— разве что нам придется защищаться от него в силу лживых наветов.

— Он просит о переговорах,— сообщил Артур Борсу.

— И вы согласитесь?

Войско короля выстроилось на некотором расстоянии от воинства регента. Между двумя армиями змеилась крохотная речушка Камел, поблескивая среди тростников и водяного кресса. Грозовое небо расчистилось, и солнце снова сияло во всем своем летнем великолепии. За шатрами и знаменами Мордреда вздымался огромный, с плоской вершиной холм Каэр-Камел, венчанные золотом башни Камелота четко выделялись на фоне синевы.

— Да. И на то есть три причины. Во-первых, мои люди устали, им необходим отдых; им до дома, которого они не видели уже много недель, рукой подать, и тем сильнее их туда тянет. Во-вторых, мне нужно время и подкрепление.

— А в-третьих?

— Ну, может случиться и так, что Мордреду есть что сказать в свою пользу. Он встал не только между моими людьми и их домами и женами, но между мною и тем, что принадлежит мне. Одним мечом, знаешь ли, тут всего не объяснишь.

Обе армии встали лагерем и заняли выжидательную позицию; туда и сюда разъезжали гонцы с эскортом, их встречали с подобающими почестями. Еще трое посыльных втайне спешно отбыли из Артурова лагеря: один — в Каэрлеон, с письмом к королеве, второй — в Корнуолл, с приказом к Константину встать под Артуровы знамена, а третий — в Бретань, с просьбой к Бедуиру прислать помощь и, когда представится возможным, явиться самому.

Ожидаемый вестник прибыл раньше, чем предполагалось. Бедуир, хотя и не вовсе оправившись от раны, уже выступил в путь и через несколько дней вместе со своей великолепной конницей прибудет к королю. Ветер дул попутный, плавание пройдет гладко и скоро.

Вовремя, что и говорить. До слуха короля дошло, что мелкие окраинные вожди стекаются вместе, готовясь выступить на юг. Сообщалось также, что саксы вдоль всего берега собирают силы, намереваясь ударить в глубь страны.

Ни к тому ни к другому Мордред причастен не был; более того, сам предотвратил бы происходящее, если бы события не зашли так далеко; но Мордреда, подобно Артуру, вопреки его воле и без всякой причины, с каждым часом все ближе подталкивало к той грани, от которой назад повернуть невозможно.

В замке далеко на севере, под окном, за которым утренние птахи уже вовсю распевали среди березовых крон, колдунья Нимуэ отбросила покрывала и поднялась с постели.

— Я должна ехать в Яблоневый сад.

Пелеас, не вставая, выпростал из-под одеял руку и привлек жену к себе.

— На расстояние полета ворона к полю битвы?

— Кто сказал, что грядет битва?

— Ты сама, милая. Прошлой ночью, во сне.

Нимуэ отстранилась от мужа — полуодетая, глядя в пол. В расширенных глазах ее, затуманенных сном, застыло трагическое выражение.

— Ну же, родная, тяжкий то дар, но ты к нему уже привыкла. Ты давно говоришь об этом, ожидаешь этого. Но поделать ничего не можешь.

— Могу только предостерегать, предостерегать без устали.

— Ты уже предостерегла их обоих. А еще до тебя то же предостережение изрек Мерлин. Мордред станет погибелью Артура. А теперь пророчество исполняется, и хотя ты говоришь, будто Мордред в душе не предатель, его вынудили к поступкам, которые в глазах всех и каждого и, разумеется, в глазах короля выглядят изменой.

— Но я знаю богов. Я говорю с ними. Я живу ими. Они не ждут, чтобы мы перестали действовать только потому, что в действии провидим опасность. Боги всегда прячут угрозы за улыбками, а за каждой тучей таится благодать. Возможно, мы и слышим слова их, да только кто их поймет доподлинно?

— Но Мордред...

— Мерлин, да и король тоже, предпочли бы, чтобы Мордред умер при рождении. Но через него уже пришло немало добра. Даже сейчас, если убедить их переговорить друг с другом, королевство еще можно спасти. Я не стану сидеть сложа руки, покорно примирившись с приговором богов. Я еду в Яблоневый сад.

— Зачем?

— Скажу Артуру, что предательства здесь нет, есть лишь честолюбие и горячность. И то и другое сам он в избытке выказывал в юности. Король меня послушает, король мне поверит. Они должны переговорить, или промеж себя они разорвут нашу Британию надвое и в брешь хлынут недруги. А кто на сей раз возродит страну?

В королевский дворец Каэрлеона прибыл гонец с письмом для Гвиневеры. Она знала посланца, тот не раз доставлял послания от нее к Мордреду и обратно.

Королева повертела письмо в руках, увидела печать — и побледнела как полотно.

— Это не печать регента. Это оттиск королевского кольца, того, что он носил на руке. Значит, его таки отыскали? Мой господин и вправду мертв?

Гонец, по-прежнему преклоняя колено, подхватил свиток, выпавший из рук королевы, и только тогда встал на ноги и отступил назад, изумленно глядя перед собой.

— Что вы, госпожа, нет. Король жив и в добром здравии. Так, значит, вести до вас не доходили? Прискорбные тут дела творятся, леди, и все обстоит не лучшим образом. Но король благополучно вернулся в Британию.

— Он жив? Артур жив? Но тогда письмо... подай мне письмо! Оно от самого короля?

— Ну конечно, госпожа!

Гонец снова вложил свиток в руку королевы. Щеки ее порозовели, но пальцы, которыми она пыталась сломать печать, дрожали. В лице ее отразилась целая буря чувств: точно тени, скользящие по текучей воде. В противоположном конце залы фрейлины королевы, сбившись в стайку, перешептывались и взволнованно наблюдали за происходящим. Повинуясь жесту старшей из них, гонец неслышно вышел за дверь. Дамы, жадные до новостей, шурша юбками, устремились вслед за ним.

Королева даже не заметила их ухода. Она погрузилась в чтение.

Вернувшись, старшая фрейлина обнаружила, что королева одна и, со всей очевидностью, в глубоком горе.

— Как, госпожа, вы плачете? Тогда как верховный король жив?

— Я погибла,— только и смогла выговорить Гвиневера.— Я погибла. Они пошли войной друг на друга, и при любом исходе я погибла.

Спустя какое-то время она поднялась на ноги.

— Мне нельзя здесь оставаться. Я должна вернуться.

— В Камелот, госпожа? Но там войска.

— Нет, не в Камелот. В Эймсбери. С собой я возьму только тех, кто захочет; прочим ехать незачем. Там мне ничего не понадобится. Скажи им от меня, пожалуйста. И помоги мне собраться. Я отправляюсь сейчас же. Да, сейчас же, нынче же вечером.

Гонец от Мордреда, прибывший с утра пораньше — когда телеги ярмарочных торговцев с грохотом катили по мосту через Иску,— обнаружил, что во дворце царит суматоха, а королева уехала.

Глава 10

День выдался ясный, последний дар лета. На рассвете герольды обоих воинств сопроводили полководцев к месту долгожданных переговоров.

В ту ночь Мордреду так и не удалось заснуть. До самого утра он лежал, не смыкая глаз, и думал, думал. Что сказать. Как сказать. Какие слова подобрать, звучащие достаточно открыто и прямо, чтобы избежать неправильных истолкований, но не настолько резко, чтобы вызвать враждебность. Как объяснить человеку настолько усталому, и недоверчивому, и снедаемому горем, как стареющий король, его, Мордреда, собственную двойственность: радость власти — власти, что может быть и была исполнена непоколебимой верности, но никогда уже не вернется к подчиненной роли. (Может быть, соправители? Короли Севера и Юга? Согласится ли Артур хотя бы допустить такую мысль?) Завтра за столом перемирия он и отец впервые встретятся как вожди и полководцы, на равных, а не так, как прежде — король и регент. Причем вожди очень разные. Мордред знал: когда придет его время, он станет не копией отца, но совсем иным королем. Артур принадлежал своему поколению; мысли и честолюбивые мечты его сына от рождения направлены в иное русло. Даже если бы не разница в воспитании, все сложилось бы именно так и не иначе. Мордред был движим иными крайностями, нежели

Артур, однако каждый отдавал своему призванию себя всего, без остатка. Молодой человек понятия не имел, удастся ли убедить стареющего короля принять новый уклад, прозреваемый Мордредом,— уклад, воплощенный (пусть в итоге и позорно) в определении «молодые кельты»,— не сочтя таковой за измену. А ведь еще есть и королева. Вот об этом он никогда не сможет заговорить вслух. «Даже если бы ты погиб, пока жив Бедуир, какие у меня виды?»

Мордред застонал, перевернулся на другой бок, закусил губу: еще не хватало, чтобы часовые услышали. Когда воинства в преддверии битвы, в чем только не усмотрят предзнаменование!

Он — вождь, и он об этом знал. Даже теперь, когда штандарт верховного короля реет над станом у озера, люди Мордреда преданны ему безоглядно. А вместе с ними, за холмом, встали лагерем саксы. Даже теперь они с Кердиком, возможно, смогли бы заключить выгодный союз, «мировую землепашцев», так пошутил когда-то Мордред, а старик сакс расхохотался... Но между Кердиком и Артуром такой договор невозможен, ни теперь, ни впредь... Опасная почва, опасные речи. Даже думать об этом сейчас — сущее безрассудство. Неужто он даже в эти страшные мгновения прикидывает, что окажется лучшим королем, нежели Артур? Иным — да. Может, и лучшим для своего времени — для будущих времен, уж во всяком случае? Да это уже не безрассудство — хуже! Мордред снова перевернулся на другой бок, ища на подушке местечка попрохладнее, пытаясь вернуться к образу мыслей Артурова сына — почтительного, восхищенного, готового покорствовать и повиноваться.

Где-то закукарекал петух. От изломанной кромки сна он видел, как куры со всех ног бегут по жесткой траве к галечному берегу. Сула горстями рассыпала еду. Над головой с воплями носились чайки, одна-две, расхрабрившись, попытались урвать себе долю. Сула со смехом замахала рукой, отгоняя птиц.

Пронзительно, точно чаячий крик, труба возвестила приход дня переговоров.

На расстоянии полумили, в шатре на берегу озера спал Артур, но забытье его было тревожным, и привиделся ему сон.

Снилось ему, будто скачет он берегом озера, а там, в лодке, стоит и отталкивается шестом на мелководье Нимуэ, но нет, это вовсе не Нимуэ, это отрок с глазами Мерлина. Отрок серьезно глянул на него и голосом Мерлина повторил все то, что Нимуэ сказала ему вчера, когда, прибыв в монастырь на Инис-Витрине, послала к королю, прося о встрече.

— Ты и я, Эмрис, позволили пророчеству ослепить себя,— молвила Нимуэ, обращаясь к нему точно так же, как в детстве — Мерлин.— До сих пор мы жили под занесенным клинком рока, а теперь чуем, что оказались лицом к лицу с давно грозящей судьбой. Но выслушай вот что, Эмрис: судьбу творят люди, а не боги. Не боги, но наши собственные безрассудства обрекают нас на гибель. Боги — духи, они действуют руками людей, и есть на свете люди, достаточно храбрые, чтобы воспротивиться и сказать: «Я человек, я не стану». Внемли мне, Артур. Боги встарь изрекли, будто Мордред станет твоей погибелью. Но если и так, то случится это не через собственные его деяния. Так не подталкивай его к сим деяниям... Я открою тебе то, что должно было бы остаться нашей с Мордредом тайной. Некоторое время назад он приезжал ко мне в Яблоневый сад, просить о помощи против предсказанной ему судьбы. Он клялся, что скорее сам убьет себя, нежели повредит тебе. Если бы я его не остановила, он бы погиб уже тогда. Так кто же виновен, он или я? А после он приезжал на Брин-Мирддин, ища утешения и поддержки у меня, Мерлина. Если Мордред попытался бросить вызов богам, то сможешь и ты, Артур. Вложи меч в ножны, выслушай его. Не принимай чужих подсказок, но поговори с ним, прислушивайся, учись. Да, учись. Ибо ты стареешь, Артур-Эмрис, и придет время — время приходит, время уже пришло,— когда вы с сыном, взявшись за руки, сможете удерживать Британию промеж себя, точно драгоценный камень, уложенный в шерсть. Но стоит вам разнять руки, и вы выроните сокровище, и оно разлетится на тысячу осколков и, возможно, не возродится уже никогда.

Во сне Артур знал, что уже принял ее совет и созвал переговоры, твердо решив выслушать все, что имеет сказать его сын; и все-таки Нимуэ-Мерлин рыдала, стоя в лодке, а лодка скользила по зеркальной поверхности озера все дальше и дальше, пока не скрылась в тумане. А затем Артур повернул коня к назначенному месту встречи, и тут скакун его вдруг ни с того ни с сего споткнулся, и всадник полетел вниз головою в глубокий омут. Тяжелый доспех тянул его вниз — и с какой бы стати он отправился на мирные переговоры в полном вооружении? — Артур погружался все глубже и глубже в черную пучину; там вокруг него плавали рыбы, и водяные змеи, похожие на водоросли, и

водоросли, похожие на змей, оплели его руки и ноги, лишая возможности двинуться...

Артур вскрикнул и проснулся — весь в поту, точно и впрямь тонул, но когда прибежали его слуги и часовые, король рассмеялся, и отшутился, и отослал их прочь, и вскорости снова забылся беспокойным сном.

На сей раз к нему явился Гавейн — весь в крови, мертвый и все-таки исполненный какого-то гротескного пыла: призрак прежнего воителя Гавейна. И он тоже приплыл по озеру, но на воде не задержался, а проследовал прямиком в королевский шатер и, встав у ложа, извлек кинжал из раны в боку, где запеклась кровь, и протянул его Артуру.

— Бедуир,— проговорил Гавейн, но не загробным шепотом, как пристало призракам, а голосом высоким и дребезжащим, с металлическим призвуком: так поскрипывают на ветру жерди шатра.— Дождись Бедуира. Обещай изменнику все, что угодно: землю, власть, Верховное королевство после твоей смерти. А заодно хоть бы и королеву. Все, что угодно, лишь бы задержать его до тех пор, пока не подоспеет Бедуир с воинством. А тогда, как только будешь уверен в победе, атакуй и убей его.

— Но это предательство.

— То, что уничтожит предателя, предательством не считается.— На сей раз призрак Гавейна заговорил, как ни странно, голосом самого Артура.— Так ты не прогадаешь.— Пальцы его разжались, запятнанный кровью кинжал упал на ложе.— Сокруши его раз и навсегда, Артур, бей наверняка, бей наверняка, наверняка...

— Господин?

Слуга, склонившись над ложем, коснулся плеча спящего, намереваясь разбудить, и тут же отпрянул назад. Артур, резко сев на постели, с яростным видом огляделся, но коротко бросил лишь:

— Скажи, чтобы укрепили шатер понадежнее. Как мне прикажете уснуть, если вся эта штука ходуном ходит, точно в грозу?

Герольды, обсудив дело промеж себя, договорились на том, что по четырнадцать командиров с каждой стороны сойдутся на середине пути между воинствами.

Неподалеку от озерного берега протянулась полоска сухой земли, поросшая вереском; там воздвигли два небольших шатра,

промеж них поставили деревянный стол, а на него положили мечи вождей.

Если переговоры закончатся ничем, меч, поднятый либо извлеченный из ножен, послужит формальным знаком к началу битвы. Над одним из шатров реял штандарт короля, дракон на золотом поле.

Мордред как регент тоже имел право на этот герб. Но он, сосредоточив все мысли на том, чтобы получить прощение, и не желая чинить к тому ни малейших препятствий, отдал распоряжения свернуть и убрать королевскую эмблему. До того как закончится день и его вновь провозгласят Артуровым наследником, над ним будет реять простое белое знамя.

Оно-то и развевалось теперь над вторым шатром. Занимая свое место за столом, Мордред заметил, как отец его разглядывает штандарт. Молодой человек никак не мог знать, что сам Артур в юности сражался под простым белым знаменем. «Цвет мой — белый,— говорил он,— до тех пор, пока я сам не начертаю на нем свой собственный герб. А я это сделаю — во что бы то ни стало».

К Нимуэ, в ее островной монастырь на озере, прибыла сестра Артура, королева Моргана. Но эта Моргана — укрощенная, встревоженная — отлично сознавала, что за судьба ее ожидает в случае, если Артур потерпит поражение или погибнет в битве. Прежде она ненавидела брата, но без него была и останется ничем. Не приходилось сомневаться в том, что теперь Моргана использует все свои умения и хваленую магию брату во благо.

Так что Нимуэ приняла гостью. Как владычица озерного монастыря, Нимуэ ничуть не благоговела перед Морганой — ни как перед колдуньей, ни как перед королевой. Среди ее девственных служительниц были и другие дамы королевской крови, в том числе кузина Гвиневеры из Северного Уэльса и еще одна — из Манау-Гуотодина. Нимуэ поручила Моргане заодно с ними составлять лекарственные снадобья и готовить ладьи, необходимые для перевозки раненых на остров для излечения.

Она уже повидалась с Артуром и предостерегла его, и король обещал созвать переговоры и дать регенту высказаться. Однако Нимуэ, несмотря на все свои речи к Пелеасу, знала: боги затаились за грозовыми тучами, что уже сейчас собирались над свер-

кающим озером. С острова шатры казались совсем крохотными, а расстояние между ними — и вовсе ничтожным.

Несмотря на то что у далекого горизонта неумолимо скапливались облака, день обещал быть погожим и ясным.

День тянулся бесконечно. Командиры, сопровождающие своих вождей к столу переговоров, поначалу заметно нервничали, с недоверием поглядывая на бывших сотоварищей и друзей с противной стороны, но со временем расслабились, принялись толковать промеж себя и разбились на группы перед шатрами каждого из своих предводителей.

За пределами слышимости стояли Артур и Мордред. Время от времени они трогались с места, словно по взаимному согласию, и принимались расхаживать взад-вперед: несколько шагов туда, несколько шагов обратно. Говорили по очереди: сперва один, потом другой. Наблюдатели, даже беседуя о своем, не сводили с них глаз, пытаясь понять, что происходит. Но — тщетно. Король по-прежнему выглядел усталым и сурово хмурился, однако с невозмутимой учтивостью прислушивался к тому, что горячо доказывал его молодой собеседник.

Еще дальше, не в состоянии ни ясно разглядеть происходящее, ни расслышать хоть что-нибудь, наблюдали и ждали армии. Солнце поднималось все выше. Жара нарастала, зеркальная гладь озера отсвечивала ослепительно ярким блеском. Кони били копытами, фыркали, махали хвостами, досадуя на зной и мух, а в рядах воинств легкая досада ожидания сменилась беспокойным нетерпением. Командиры, сами не находя себе места, по возможности унимали недовольство солдат и с нарастающим напряжением следили за столом переговоров и за небесами. Где-то вдалеке глухо прозвучал первый раскат грома. В воздухе ощущалась тяжесть, лица защипало в преддверии грозы. Предполагалось, что ни одна из сторон сражаться не хочет, но, по иронии судьбы, управляющей делами насилия, чем дольше затягивались мирные переговоры, тем отчетливее ощущалась напряженность, и вот уже довольно было малой искры, чтобы запалить пламя, потушить которое смогла бы только смерть.

Никому из числа наблюдающих не суждено было узнать, о чем говорили Артур и Мордред. Впоследствии кое-кто рассказывал — из тех, кто выжил,— что в конце концов король улыбнулся. Достоверно известно, что видели, как он положил руку на

плечо сына и вместе с ним повернул к столу, где рядом лежали два меча без ножен, а подле стояли два кубка и золоченый кувшин с вином. Те, что оказались ближе прочих, расслышали-таки несколько слов:

— ...И быть верховным королем после моей смерти,— молвил Артур,— а пока владеть собственными землями.

Мордред ответил, но так тихо, что ничего разобрать было нельзя. Король, жестом приказав слуге налить вина, заговорил снова. «Корнуолл»,— донеслось до сопровождавших и еще: «Кент», а затем: «Очень может быть, что ты и прав».

Тут Артур умолк и оглянулся, словно до слуха его донесся некий звук. Внезапный, заплутавший порыв ветра, пронизанный громом, всколыхнул шелк его шатра так, что заскрипели веревки. Король зябко повел плечами, словно заслоняясь от холодного сквозняка, и глянул на сына — искоса, как-то странно (эту часть истории впоследствии пересказывал слуга), и в ответ на взгляд этот в лице Мордреда, точно в зеркале, вдруг отразилось сомнение, как если бы улыбка, и приветные речи, и предложенное вино таили в себе какой-то подвох. Затем, в свою очередь, регент пожал плечами, улыбнулся и принял кубок из руки отца.

Выжидающие ряды всколыхнулись — точно ветер прокатился по пшеничному полю.

Король поднял кубок, и золото полыхнуло под солнцем.

Внимание Артура привлекла ответная вспышка от группы воинов у его шатра. Король стремительно развернулся, крикнул... Но было слишком поздно.

Гадюка — пятнистая змейка не более двух пядей в длину — выползла из укрытия погреться на солнышке. Один из Артуровых командиров, неотрывно наблюдающий за тем, что происходило у стола переговоров, не глядя шагнул назад и наступил змее на хвост. Гадюка проворно извернулась — и ужалила обидчика. Почувствовав боль, пострадавший обернулся и увидел отпрянувшую змею. И как и подобает воину с хорошей выучкой, отреагировал столь же мгновенно. Он выхватил меч и зарубил гадюку.

Металл сверкнул на солнце. Блеск меча, воздетая рука короля, его резкое движение и повелительный окрик явились для наблюдающих воинств долгожданным сигналом. Бездействие и нервирующее напряжение, ставшие просто-таки невыносимыми из-за предгрозовой духоты и мучительной неопределенности затянувшегося бдения, внезапно взорвались яростным криком, огласившим оба конца поля.

И это означало войну. И тот самый день. Недобрый день рока.

В ответ блеснуло с дюжину вспышек: командиры от обеих сторон выхватили мечи. Взревели трубы, заглушая крики рыцарей, которые, оказавшись в ловушке между двумя армиями, выхватывали поводья из рук конюхов и яростно разворачивались, стараясь удержать смыкающиеся ряды. Но рыцарей не слышали; их жестикуляция, превратно истолкованная как подзадоривание атакующих, пропала втуне. Это было делом нескольких мгновений, мгновений оглушительного шума и смятения; и вот уже передние ряды воинств столкнулись с громовым лязгом и звоном. Короля и его сына подхватило и унесло в разные стороны, каждого — в надлежащее ему место; Артура — под прославленный штандарт с драконом, Мордреда — отныне он уже не регент и не королевский сын, но на все времена заклеймен предателем,— под белое знамя, на котором ничему уже не суждено быть начертанным. И тут, через поле, на зов трубы, точно море развевающихся грив, хлынули саксонские копья и султаны из конского волоса и черные знамена северных воителей, которым, подобно воронью, не терпелось поживиться мертвечиной.

Вскорости — слишком поздно, чтобы затмить эти сигнальные вспышки,— через все накаленное небо медленно надвинулся грозовой фронт. В воздухе потемнело, а вдалеке вспыхнула и погасла первая молния, предвестница бури.

Но королю и его сыну суждено было встретиться еще раз.

Ближе к концу дня, когда повсюду вокруг лежали убитые и умирающие друзья и давние сотоварищи и сотни никому не нужных смертей струили смрад навстречу потемневшему, грозному небу, сомнительно, чтобы Артур хоть на миг вспомнил о Мордреде иначе как о предателе и прелюбодее. Искренняя прямота, истины, явленные у стола переговоров, вера и преданность, почти восстановленные,— все сгинуло в исступлении первого же натиска. Артур, военный вождь, снова вышел на бой. Мордред — враг, саксонские союзники — его свирепые приспешники; в этой битве войска уже сходились, и не раз. Были Глейн и Агнед, Каэрлеон и Линнуис, Каледонский лес и гора Бадон. И из всех этих сражений юный Артур выходил победителем, и касательно каждого Мерлин, его пророк и советник, сулил ему триумф и славу. И здесь, на поле Камел, победа вновь осталась за королем.

В конце дня, когда в вышине гремел гром и в небесах и в водах озера белым росчерком вспыхивала молния, Артур и Мордред снова сошлись лицом к лицу.

Словам места не было. Да и с какой бы стати? И Мордред, и его отец отныне видели друг в друге врага. Прошлое осталось в прошлом, а будущее не простиралось далее надобности окончить это мгновение, что, в свою очередь, принесет с собою окончание дня.

Говорилось после, незнаемо кем, что в миг встречи, когда эти двое — теперь уже пешие, побелевшие от пота и пыли — узнали друг друга, Мордред остановился — и сдержал занесенную руку. Но не Артур, закаленный в боях воин. Его копье пришлось сыну точнехонько под грудную клетку.

Вниз по древку, прямо на руку Артуру, дымящимся потоком хлынула кровь. Он выпустил из рук копье и схватился за меч.

Мордред качнулся вперед, точно пронзенный вепрь. Тупым концом древко ткнулось в землю. Опершись на него, по-прежнему увлекаемый вперед силою приостановленного удара, Мордред оказался от отца на расстоянии длины меча.

Пальцы Артура, скользкие от крови, на миг ослабили хватку на рукояти Калибурна, и в то же самое мгновение умирающий Мордред, падая, взмахнул мечом — и клинок с размаху пришелся королю в голову — сбоку, неотвратимо, со всей силы.

А Мордред рухнул в лужу собственной крови.

Артур постоял несколько секунд неподвижно, меч его выпал из обагренных пальцев, а вторая рука неловко качнулась вверх-вниз, словно тщась отразить пустячный, банальный выпад, а затем он медленно поник, согнулся и тоже пал наземь, и кровь его смешалась с Мордредовой.

Тучи расступились — и водопадом хлынул дождь.

ЭПИЛОГ

Прохладные струи воды омыли лицо Мордреда — и на мгновение вернули его в темноту. Стояла тишина, все звуки казались приглушенными и далекими, точно отдаленный плеск волны о галечный берег.

И — зов где-то совсем рядом.

— Король! Король!

Крикнула птица. Болотные курочки спускались к воде подкормиться. Застонала чайка, но на сей раз стон ее облекся в слова:

— Король! Король!

А затем — и тут Мордред окончательно убедился в том, что видит сон,— зазвучали женские голоса. Раненый ничего не видел, ничего не чувствовал, но подле него зашуршало платье, и порыв ветра принес с собою аромат духов. Голоса клубились и вихрились над Мордредом, но ни один его не коснулся. И вновь заговорила женщина:

— Поднимайте осторожнее. Вот так. Да, да, милорд, лежите, не двигайтесь. Все будет хорошо.

Раздался голос короля, слабый, едва слышный, а затем — вроде бы — Бедуира:

— Он здесь, со мной, в целости и сохранности. Владычица сбережет его для вас, пока он не понадобится снова.

И снова женские голоса, и первый решительно и властно:

— Я отвезу его в Яблоневый сад: там мы позаботимся об исцелении его ран.

Затем — дождь, и скрип уключин, и рыдания женщин, угасающие в плеске озерных вод и шелесте дождевых струй.

Щека его покоилась на ковре из тимьяна. Ливень смыл кровь, тимьян струил благоухание лета.

Шорох волн. Скрип весел. Крики морских птиц. На воде покачивался дельфин, отливая глянцем в солнечных лучах. А вдали, у горизонта, Мордред различал золотую кромку королевства, куда стремился всю жизнь, с тех пор как себя помнил.

Мэри Стюарт
Эдинбург — Локау
1980–1983

Легенда

Я использовала фрагменты, заимствованные из двух источников: из «Исторической хроники», записанной Гальфридом Монмутским в XII веке, и из романа Мэлори «Смерть Артура», созданного в XV веке.

«История королей Британии» Гальфрида Монмутского

Во времена императора Льва Луций Гиберий, прокуратор Римской республики, прислал гонцов к королю Артуру с требованием уплатить Риму дань; также повелевал он Артуру предстать перед сенатом и держать ответ за непокорство. В случае отказа римляне грозились пойти войной на Британию и снова подчинить ее Риму.

Артур ответил тем, что собрал армию и отплыл в Бретань, откуда, вместе с кузеном королем Хоелом, разослал повсюду известия, призывая союзников присоединиться к нему. А также отправил он гонцов к Луцию Гиберию, сообщая, что дань платить не станет, а даст бой. «На том послы отбывают, отбывают также короли, отбывают сановники и, не мешкая, принимаются выполнять полученные распоряжения»*.

* В переводе соответствующих прямых и косвенных цитат из книги Гальфрида Монмутского использован текст следующего издания: *Монмутский Гальфрид.* История бриттов / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М.: Наука, 1984 (ЛП).

Тем временем до Артура и Хоела дошли недобрые вести. Племянницу Хоела, княжну Елену, похитил чудовищный великан и бежал с ней на вершину горы Святого Михаила. Сам Артур, вместе с Каем и Бедивером, отправился на расправу с чудовищем. Они увидели на горе ярко пылающий костер и еще один — на островке неподалеку. Бедивер, посланный на разведку, отыскал челнок, доплыл до острова и, высадившись, услыхал причитания женщины и обнаружил у костра старуху, рыдающую над свежим могильным холмиком. Великан убил княжну и вернулся в свое логово на горе Святого Михаила. Бедивер сообщил обо всем Артуру, а тот атаковал чудище на горе и убил его в поединке один на один.

Затем король Артур собрал армию и выступил вместе с союзниками к городу Отену в Бургундию, навстречу римскому воинству. А вперед себя король выслал посольство к Луцию Гиберию, веля ему отозвать войска, или он, Артур, даст бой, как обещал. В числе посланных был и сэр Гавейн; молодые рыцари, которым не терпелось в битву, подзуживали Гавейна затеять ссору. Так и вышло; не стерпев заносчивых нападок, Гавейн зарубил некоего Гая Квинтилиана, племянника самого Гиберия. Закипел бой. Бедивер и Кай погибли, но Артур одержал победу и двинулся на восток, рассчитывая добраться до Рима и провозгласить себя императором.

Но в этот момент Артуру сообщили, что его племянник Мордред, на чье попечение Артур оставил королевство в свое отсутствие, возложил на себя корону и взял в жены королеву Гвиневеру, закрывая глаза на первый ее брак.

Мордред также направил вождя саксов Хелрика в Германию, дабы тот набрал там воинов из числа своих соплеменников и привез их в Британию, усиливая тем самым воинство Мордреда. За это саксам обещали пожаловать новые земли. Мордред привлек также скоттов, пиктов и ибернцев и готовился воспрепятствовать возвращению Артура в Британию.

Артур поспешил назад, высадился в Ричборо и там разбил воинства Мордреда, но в сражении том погиб Гавейн. Мордред бежал, однако снова укрепился в Винчестере, где прежде поместил королеву. Гвиневера в страхе бежала в монастырь близ Каэрлеона и там постриглась в монахини. Артур и Мордред снова сразились под Винчестером, и снова Мордред потерпел пораже-

ние и отошел к Корнуоллу, где в решающей битве на реке Камел пали и сам он, и Артур.

Артур, будучи переправлен для лечения на остров Авилион, завещал королевство Константину Корнуэльскому. Константин начал свое правление с того, что отыскал обоих сыновей Мордреда и предал их «мучительной смерти» в святилище у алтаря.

«Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори

1. Прослышав о рождении Мордреда, Артур повелел привезти к нему всех младенцев, рожденных в тот же месяц, надеясь отыскать Мордреда и уничтожить его. Корабль с погруженными на него детьми затонул, но Мордреда выбросило волной на берег; его подобрал один добрый человек и растил у себя до тех пор, пока тому не сравнялось четырнадцать лет от роду, а затем отвел ко двору*.

2. Прознав, что королева Моргауза взяла в полюбовники сэра Ламорака, Гавейн и его братья зазвали ее в замок близ Камелота, намереваясь заманить там в ловушку сэра Ламорака и убить его. Однажды ночью, когда Ламорак был с королевой, Гахерис воспользовался случаем и, прокравшись к постели в полном вооружении, ухватил мать за волосы и отсек ей голову. Поскольку Ламорак был безоружен, Гахерис не мог зарубить его. Ламораку ничего не оставалось делать, как только обратиться в бегство, но со временем оркнейские братья заодно с Мордредом выследили его и убили.

3. Спустя какое-то время сэр Тристрам, будучи вызван на бой Агравейном и Гахерисом, отказался с ними сражаться, опознав в них по гербам Артуровых племянников. «Позор,— рек он,— сэру Гавейну и вам, принадлежащим к столь высокому роду, что о вас, четырех братьях, идет такая дурная молва, ибо вас считают величайшими убийцами и погубителями добрых рыцарей во всем королевстве». Братья осыпали корнуэльского рыцаря оскорблениями, он же повернул прочь. Агравейн и Гахерис тут же напали на него сзади. Принужденный биться, Тристрам ударил Агравейна по голове и нанес ему страшную рану, а также вышиб

* В переводе соответствующих прямых и косвенных цитат из книги Томаса Мэлори использован текст следующего издания: *Мэлори Томас.* Смерть Артура. М.: Наука, 1993 (ЛП).

из седла Гахериса. Позже Гарет, беседуя с Тристрамом, объявил, что с братьями не в ладах: «Я в их дела не мешаюсь, и потому ни один меня не любит. Оттого-то я и оставил их общество, что увидел в них погубителей добрых рыцарей».

4. Агравейн и Мордред ненавидели королеву Гвиневеру и Ланселота. Агравейн настаивал на том, чтобы рассказать королю о прелюбодеянии, в истинности которого ручался честью (а Ланселот впоследствии клятвенно отрицал). Агравейн отправился к Артуру и сообщил, что Ланселот и королева его обманывают и должно их привлечь к суду, как того требует закон. Он предложил предоставить Артуру доказательства. Королю хотелось одного лишь: закрыть глаза на обвинение, ибо любил он и Ланселота, и королеву,— однако ж пришлось ему уступить. Артур согласился отправиться на охоту и известить Гвиневеру, что пробудет в отъезде всю ночь. Агравейн и Мордред призвали двенадцать рыцарей — по всему судя, из числа своих соотечественников с Оркнейских островов,— и спрятались рядом со спальней королевы в ожидании дальнейших событий. Когда Ланселот сообщил сэру Борсу, что в ту ночь зван побеседовать с королевой, сэр Борс встревожился и, хотя и не знал о заговоре, попытался удержать его. Ланселот отказался слушать и отправился к королеве. По сигналу двенадцать рыцарей устремились к дверям в покои Гвиневеры, крича: «Теперь ты попался!» — и выбили дверь скамьей. Ланселот, будучи безоружен, обернул плащом руку, впустил первого из нападавших и сокрушил его. Дамы королевы помогли ему облачиться в доспехи убитого. В последующей стычке погибли Агравейн и Гарет, а Мордред был ранен, но спасся бегством. Он поскакал прямиком к королю и рассказал ему про побоище, и Артур горько опечалился, потому что предвидел распад братства Круглого стола, и еще потому, что по закону должен был теперь подвергнуть Гвиневеру испытанию огнем.

(Здесь следует неизбежное спасение Гвиневеры Ланселотом в последнюю минуту и бегство влюбленных в замок Ланселота, Веселую Стражу.) Артур устремился в погоню и победил его в бою, после чего Ланселот торжественно возвратил Гвиневеру супругу и бежал за море. Ланселот, который «правил всей Францией», отправился в свой бургундский замок и собрал новую армию противу короля Артура. Артур, оставив Мордреда регентом, или «правителем всей Англии», отправился в Бургундию биться с Ланселотом, вместе с Гавейном и многочисленным воинст-

вом. Произошла великая битва, обе стороны понесли значительные потери.

Но тут Артуру сообщили, что Мордред повелел составить письма, якобы пришедшие из-за моря с вестями о его, Артура, гибели. Созванный Мордредом парламент провозгласил регента королем, и самозванец объявил о своем намерении взять Гвиневеру в жены. Она же, того не желая, бежала в лондонский Тауэр и укрепилась там с надежным гарнизоном. Пока Мордред вел с нею переговоры, он услышал, что король Артур возвращается во главе целого воинства, дабы вернуть свое королевство. Так что Мордред разослал письма по всей стране, прося о поддержке, каковую и обрел в преизрядном количестве, ибо «общее было мнение, что при короле Артуре нет жизни, но лишь войны и усобицы, а при сэре Мордреде — веселие и благодать... Так было с людьми в тот раз: им более по нраву стал теперь сэр Мордред, а не король Артур». И вот с большим войском Мордред подошел к Дувру, дабы дать отцу бой сразу по высадке. Воспоследовала кровопролитная битва, Гавейн был найден умирающим в лодке, наполовину вытащенной на берег, и на смертном одре посоветовал Артуру простить Ланселота и призвать его назад, дабы тот помог королю сокрушить Мордреда. Тут Гавейн испустил дух, а Артур бросился вдогонку за Мордредом и его беспорядочно отступающей армией, и снова дал бой на возвышенности, и снова обратил врага в бегство.

В конце концов оба воинства укрепились «западнее, в стороне Солсбери: неподалеку от моря». В войске Мордреда были люди «Кента, Сассекса, Суррея, Эссекса, Саффолка и Норфолка». Ночью Артуру привиделся недобрый сон, и явился к нему Гавейн, предупреждая короля, что если тот станет сражаться на следующий день, то непременно погибнет. И снова посоветовал Гавейн послать за Ланселотом и отвлечь Мордреда посулами и отсрочить битву до тех пор, пока не придет помощь, дабы сокрушить Мордреда.

Так что поутру король послал гонцов к Мордреду, обещая ему «земли и сокровища, сколь ни сочтет нужным... и наконец сэр Мордред согласился, что при жизни короля Артура он будет владеть только Корнуоллом и Кентом, а после Артуровой смерти и всей Англией».

Затем договорились о встрече между Мордредом и королем. Каждый взял с собой по четырнадцать рыцарей, и сошлись они

на полпути между двумя армиями. Оба вождя загодя наказали своим войскам, что, ежели переговоры сорвутся, сигналом к атаке станет обнаженный меч. «И вот встретились они, как было условлено, и обо всем сговорились и согласились. Принесли вино, и они выпили друг с другом». Но тут из кустика вереска выползла гадюка и ужалила одного из рыцарей в ступню. Воин выхватил меч, чтобы убить змею, и наблюдавшие за тем войска ринулись навстречу друг другу. На исходе кровопролитного дня Артур отыскал Мордреда, уцелевшего единственным из всего войска. Из Артуровой армии остались в живых только сэр Лукан, сэр Бедивер и сам король. Сэр Лукан попытался отговорить короля от поединка с Мордредом, ибо «победа осталась за нами, ведь с нами живых здесь трое, тогда как у сэра Мордреда в живых нет больше никого. И потому, если теперь вы прекратите бой, этот недобрый день рока с тем и минет».

Но Артур, не послушавшись, напал на Мордреда и убил его, но при этом сам получил смертельную рану. Сэр Бедивер отнес короля на берег, где дожидалась его ладья, а в ней — три королевы: сестра его королева Моргана, королева Северного Уэльса и королева Опустошенных Земель, вместе с Нимуэ, главной владычицей озера. Ладья отплыла к долине Авилиона, где король сможет исцелиться от тяжкой раны.

От автора

«Недобрый день рока», по выражению Мэлори,— это тот самый день, когда состоялась последняя битва Артура при Камланне. В этой битве, как сообщается нам, «пали Артур и Медраут».

Одно-единственное упоминание в «Анналах Камбрии», составленных спустя три или даже четыре века после Камланна,— вот и все, что нам известно о Мордреде. Когда, несколько веков спустя, Мордред вновь появляется в сочинениях Мэлори и французских поэтов, ему отводится место злодея, столь необходимого для условностей рыцарского романа. Мордред-предатель, клятвопреступник и прелюбодей является литературным вымыслом в такой же степени, как и влюбленный и славный рыцарь сэр Ланселот, и роли, сыгранные обоими в повестях о «Короле Артуре и его Благородных Рыцарях», изобилуют нелепостями, неизбежными для чересчур затянутой череды историй.

Во фрагментах помянутых историй, использованных в этой книге, нелепости говорят сами за себя. В ходе финальной катастрофы Артур, этот умудренный и опытный правитель, не высказывает ни здравого смысла, ни выдержки; хуже того, он запятнал себя тем же предательством, за которое осуждает сына. Если бы у Артура были хоть какие-то причины не доверять Мордреду (например, из-за убийства Ламорака или разоблачения Ланселота и королевы), он навряд ли оставил бы сына «правителем всей Англии» и защитником королевы, отправляясь в поход, из которого мог и не вернуться. Но, учитывая, что Артур и впрямь назначил Мордреда регентом, трудно понять, с какой стати Мордреду, имеющему все основания надеяться на то, что именно он

станет наследником отца, фабриковать подложное письмо с сообщением о смерти Артура и, воспользовавшись им, захватывать и королевство, и королеву. Зная, что Артур жив-здоров и стоит во главе огромной армии, Мордред не мог сомневаться в том, что король поспешит прямиком домой, дабы покарать сына и вернуть себе и страну, и супругу. Более того, финальная битва между королем и «предателем» начинается по чистой случайности, в тот момент, когда король готов уже подписать перемирие со злодеем Мордредом и даровать ему земли в собственное владение. (Еще одна нелепость, пусть и второстепенная: земли эти, Корнуолл и Кент, лежат в противоположных концах страны, причем одной областью уже владеют саксы, а второй — Константин, провозглашенный Артуровым наследником.)

Таким образом, никаких подтверждений «истории Мордреда» вообще не существует. Следует отметить, что в «Анналах Камбрии» даже не утверждается, что Мордред с Артуром сражались друг против друга. Было бы возможно — и крайне соблазнительно! — полностью переписать историю и поставить Артура — и Мордреда рядом с ним — против саксов, которые (как говорится в «Англосаксонской хронике») сразились с бриттами в 527 г. н. э. и, по-видимому, одержали победу, ибо на поражениях саксов «Хроника» внимание не заостряет. Учитывая соответствующую датировку, вполне возможно, что это и была битва при Камланне, последнее выступление бриттов против саксов.

Но соблазн пришлось превозмочь. Пока я не взялась изучать в подробностях фрагменты, из которых складывается история Мордреда, я безоговорочно воспринимала его как злодея, как коварного недоброжелателя, в конце концов послужившего причиной трагической гибели Артура. Поэтому в первых своих книгах я заставила Мерлина предугадать эту судьбу и изречь слово предостережения. Так что эпизод с битвой при Камланне я переписать не могла. Вместо того я попыталась сгладить нелепости старинной версии и смягчить черные краски на портрете отъявленного злодея искупающими серыми оттенками. Я не сделала из Мордреда «героя», но в моем романе он, по крайней мере, последователен в своих недостатках и добродетелях, и поступки его, предписанные легендой, так или иначе обоснованы.

Пожалуй, самое увлекательное в истории последних лет правления Артура — это то, как реальные исторические события под-

гоняются под легенду. Артур почти наверняка существовал в действительности; возможно, что и Мордред — тоже. Но поскольку предатель рыцарских романов — лишь плод воображения рассказчика, я склонна предположить, что Мордред моей версии имеет ровно столько же прав на существование, поскольку и я тоже, вероятно, заслужила место среди тех, о ком Гиббон с таким утонченным презрением поминает в «Упадке и разрушении Римской империи».

Выспренние разглагольствования Гильдаса, обрывочные небылицы Ненния, туманные намеки саксонских законоуложений и хроник и церковную историю Беды Достопочтенного проиллюстрировало усердие, а порою и приукрасила фантазия авторов более поздних, чьи труды я не дерзну ни судить, ни переписывать.

Еще некоторые краткие заметки

Камланн. Место последней битвы Артура с достоверностью идентифицировать невозможно. Одни ученые предлагают Бирдосвальд, что в Нортумбрии (римский город Камбоглання), другие — римскую колонию Камулодунум (Кольчестер). Но большинство высказываются в пользу того, что искомое место находится в Корнуолле, на реке Камел — поскольку имя Артура тесно связано с легендой графств, расположенных к юго-западу от Лондона. В моей версии сражение происходит на реке Камел близ Южного Кэдбери в Сомерсете. Как показали недавние раскопки, есть веские основания соотносить холм в Южном Кэдбери с одной из Артуровых крепостей; возможно, что и с самим Камелотом. Так что в дальнейших поисках места последней битвы необходимость отпала. Не знаю, когда именно местную речушку нарекли Камел, однако протяженную гряду неподалеку в древности называли «холм Камел».

Примерно в то же время там, по всему судя, находились озеро и заболоченная пустошь, простирающаяся в глубь страны от устья реки Бру почти до Южного Кэдбери. Получается, что холмы нынешнего Гластонбери представляли собою острова: Инис-Витрин, или Стеклянный остров, и сам Каэр-Камел, расположенный «неподалеку от моря». Ладье, увозящей раненого Артура на Авилион, до легендарной обители исцеления плыть предстояло совсем недолго.

Датировка битвы при Камланне. По мнению ученых, битва произошла где-то между 515 и 539 гг. н. э. Разброс весьма широк, однако время около 522–527 гг. кажется наиболее правдоподобным. Сражение при горе Бадон в одном из источников датируется 506 г. н. э., а в «Анналах Камбрии» сообщается, что битва при Камланне состоялась 21 год спустя.

Ниже приводится таблица «подлинных» дат (в противовес «гипотетическим»):

524 н. э.	Хлодомер, сын Хлодвига и правитель центральной части Франкского королевства, убит в Везеронсе в битве с бургундами. Двое его сыновей, в возрасте десяти и семи лет, оказавшиеся в Париже на попечении вдовы Хлодвига, королевы Хродехильды, умерщвлены дядьями. Третий сын укрылся в монастыре.
526 н. э.	Теодорих, король Римский и «император Запада», умирает в Равенне.
527 н. э.	Юстин, стареющий «император Востока», отрекается в пользу своего племянника Юстиниана.
527 н. э.	Согласно «Англосаксонской хронике», в этом году Кердик и Кинрик сразились с бриттами в месте под названием Cerdicesleag («поле или лес Кердика»).

Нейстрия — название западной части Франкского государства после его раздела по смерти Хлодвига в 511 г.

Друстан. Друст или Дристан, сын Талорка, воитель VIII века, позже вошедший в артуровские легенды под именем Тристрама.

Линетта. По одной из версий легенды, Гарет женится на Лионессе, по другой — на ее сестре Линетте.

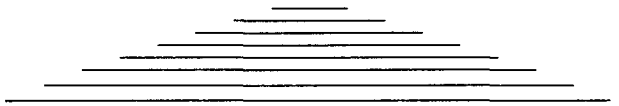
Сыновья Артура. Нам известны имена двоих: Амр и Ллахеу.

Convent (в современном английском — женский монастырь). Это понятие не всегда, в отличие от нынешних времен, обозна-

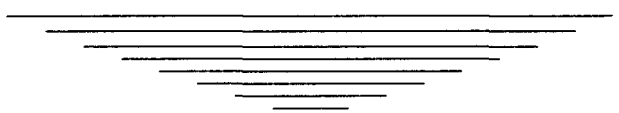
чало религиозное сообщество только для женщин и употреблялось как синоним слова monastery (мужской монастырь). Многие монашеские обители включали в себя как женские, так и мужские общины.

«Сын арфиста». Это вольный перевод англосаксонской поэмы «Скиталец»; в романе «Последнее волшебство» я приписала его Мерлину.

Эдинбург — Лохаур
1980–1983



Принц и пилигрим



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЕКСАНДР СИРОТА

Глава 1

На шестой год царствования Артура, верховного короля всей Британии, на вершине корнуэльских утесов стоял молодой человек и вглядывался в морскую даль. Было лето, и скалы внизу, под обрывом, заполонили морские птицы. Прилив, достигший высшей точки, затопил галечный пляж, и волны с мягким рокотом разбивались о подножие утесов. Дальше, за отмелями, расчерченными прожилками пены, море темнело до густой синевы темнейшего индиго, и тут и там из воды торчали клыки скал, а вокруг них вода вскипала яростной белизной. Нетрудно было поверить — и, уж конечно, молодой человек ни минуты в этом не сомневался,— что где-то там, в глубине, погребена под волнами древняя земля Лионесс и что народ обреченной земли все еще бродит — нет, скорее, парит, как призракам и полагается, между зданиями, где плавают рыбы, а тихими ночами из-под воды доносится приглушенный звон колоколов затонувших церквей.

Впрочем, сегодня, когда солнце стояло в зените и море было настолько спокойно, насколько вообще бывают спокойны воды этих суровых берегов, тот, кто наблюдал с утеса, даже не вспоминал о древнем погибшем королевстве. Не замечал он и красот царящего вокруг лета. Он стоял, затеняя ладонью глаза,

© Перевод с английского С. Лихачевой, С. Таскаевой.
© Перевод первой части выполнен при участии А. Хромовой.

и, сощурившись, напряженно всматривался в даль, пытаясь разглядеть нечто на юго-западе.

Парус.

Парус был незнакомый. Ничуть не похожий на паруса известных молодому человеку кораблей. Не напоминал он и одно из тех жалких суденышек, на которых ходят в море местные рыбаки. Чужеземная оснастка, прямоугольный красно-коричневый парус... А когда парус приблизился настолько, что его можно было рассмотреть как следует, на горизонте показался еще один. И еще.

Теперь стали видны и сами корабли — длинные, с низкой осадкой. Никаких эмблем на парусах. Никаких флагов на мачтах. Зато вдоль бортов посверкивают под скользящими лучами солнца ряды раскрашенных кругов.

Щиты.

Ошибиться было невозможно, даже тому, кто отродясь не видел саксонского боевого корабля. А ведь плавать в здешних водах саксы не имеют ни малейшего права!

И тут, прямо на глазах у молодого человека, корабли — числом пять — внезапно как по команде развернулись, точно стая птиц, повинующихся некоему незримому и неслышному сигналу, и двинулись к берегу, к узкой бухточке в какой-нибудь миле отсюда к северу. Но и теперь наблюдатель немного замешкался, прежде чем поспешить к своим с известиями. Да, корабли оказались здесь, так далеко к западу от Саксонского берега, который пожаловали саксам много лет назад и где сейчас утвердилось прочное содружество саксонских королевств. Но ведь может же такое быть, что маленькая флотилия просто сбилась с пути во время бури и теперь ищет укрытия, чтобы починить корабли и запастись пресной водой. Но нет. Бурь давно уже не случалось, а на приближающихся кораблях — теперь, когда они подошли ближе и стало возможным рассмотреть подробности,— не было заметно никаких повреждений. Зато щиты и лес копий, вздымавшийся над ними, наводили на мысли вполне определенные. Значит, пять саксонских кораблей в полной боевой готовности?

Молодой человек развернулся и побежал вниз.

Звали молодого человека Бодуин, и Марку, королю Корнуэльскому, он приходился родным братом. Недели за три до того Марк отбыл из Корнуолла в Дифед, посовещаться с одним из

тамошних мелких князьков, и в его отсутствие забота о королевстве легла на плечи младшего брата. Владыка, разумеется, отбыл в путешествие в сопровождении пышной свиты, однако основная часть воинов все же осталась дома, и потому, когда Бодуин покидал замок, что случалось почти ежедневно — он объезжал границы королевства и осматривал сторожевые башни,— за ним неотлучно следовал вооруженный отряд.

Воины были при нем и теперь. Они спешились в ложбинке за утесами, защищенной от морских ветров, пустили коней попастись и разделили между собой ячменные лепешки и жидкое пайковое винцо. От дома их отделяло миль пятнадцать.

Не успел Бодуин объявить тревогу, как люди его уже повскакивали в седла и во весь опор помчались к крутой расщелине, что уводила вниз, в укромную бухту — местные рыбаки использовали ее в качестве гавани.

— Сколько их? — спросил офицер, едущий бок о бок с Бодуином.

Звали офицера Хоэль.

— Трудно сказать. Кораблей — пять, да только не знаю, сколько воинов берет на борт саксонский боевой корабль. Ну, скажем, сорок на каждом, а может, и все пятьдесят. Или больше?

— И того хватит,— мрачно заметил Хоэль.— А нас — всего-то полсотни. Ну что ж, по крайней мере, пока они причаливают да высаживаются на берег, преимущество за нами. Но что они затевают так далеко от своих границ? Думают пограбить и удрать? Так тут и поживиться нечем. Всего-то-навсего одна жалкая деревушка в полулиге от лощины, нищие рыбаки — тоже мне, добыча для копий!

— Верно,— согласился Бодуин.— Но раз уж они явились во всеоружии, так вряд ли с добром. Не думаю, что они заплыли бы так далеко от Саксонского берега ради той жалкой поживы, что сулят прибрежные поселения. Быть может, конечно, это просто изгои, но я сомневаюсь. Здесь явно другое. Ты ведь слышал, какие слухи ходят?

— Ну да. Истории о безземельных пришельцах из Германии и с дальнего севера. На Саксонском берегу им, видно, не очень-то рады, вот они и ищут себе пристанища дальше по побережью. Так ты думаешь, это правда?

— Бог весть. Впрочем, похоже, что недолго нам пребывать в неведении.

— Так-то оно так, но как их остановить?

— Попытаемся, с Божьей помощью. А на наших берегах Его помощь зачастую являет себя вполне ощутимо.— Бодуин коротко рассмеялся.— Может, они и надеялись зайти в бухту с приливом, но, по моим расчетам, отлив вот-вот начнется, а уж ты-то знаешь, что такое оказаться во время отлива в бухте Покойников!

— Клянусь Богом, да! — Хоэль родился и вырос на побережье, и в голосе его звучала жестокая радость.— Они же не знают здешних течений! А во время отлива в бухту и местные рыбаки заходить не решаются.

— Вот на это я и рассчитываю! — весело подхватил Бодуин.

Но не успел Хоэль переспросить, что принц имеет в виду, как отряд уже достиг начала расщелины и всадники натянули поводья.

Бухта была небольшая. Крохотная речушка, почти ручей, сбегала по крутым уступам в море. У самого устья она разливалась по песку и гальке и заметно мелела, но во время прилива, как вот теперь, пляж был залит водой и волны плескались у самой полосы дерна. Из воды торчали клыки скал, и у каждого кружился белый водоворот.

— Ага! — удовлетворенно произнес Бодуин. Он наклонился в седле, глядя вниз, на подобие дамбы. Это нагромождение камней служило местным рыбакам причалом. На песке, выше уровня прилива, сохли четыре лодчонки.— Как говорится, у нас все дома.

Он обернулся и отдал несколько коротких распоряжений. Трое воинов поворотили лошадей и поскакали вверх по расщелине, к деревне. Остальные двинулись вперед, к узкой полоске дерна у самой воды. Лошади спотыкались и оскальзывались на крутом каменистом склоне.

Начинался отлив, а ветерок дул слабый и порывистый, и корнуэльцы знали: на одном парусе сейчас в бухту не войдешь. Другое дело — весла, а ведь корабли большие и людей на них хватает.

— И что же делать? — спросил Хоэль.

Бодуин уже спешился.

— Это же наше море! Оно нам поможет.

По его приказу воины взялись за четыре лодки и поташили их вниз, от надежной стоянки к кромке воды. Не успели суде-

нышки и наполовину оказаться в воде, как в расщелину, нещадно гоня лошадей, влетели те трое, кого Бодуин посылал в деревню. На седле перед каждым лежал тюк, кое-как завернутый в мешковину.

Первый из воинов держал полыхающий факел.

Человек, стоявший у лодок, крикнул, указывая в сторону моря:

— Господин! Вот они!

Там, все еще очень и очень далеко, боевые корабли, глубоко сидящие в воде, осторожно огибали мыс. Паруса были убраны, весла сверкали на солнце.

Один из воинов коротко рассмеялся.

— Тяжко ж им приходится! Чего доброго, к тому времени как они доберутся до берега, им будет уже не до драки!

— Когда они доберутся до берега, они отправятся к праотцам,— спокойно отозвался Бодуин, продолжая распоряжаться.

Вот так и вышло, что саксы, заводя свои боевые суда в тихую на вид бухточку, вдруг оказались во власти мощного потока, угрожающего унести их обратно в открытое море. Сила течения захватила саксов врасплох. Корабли сбились с курса, их развернуло бортом к берегу. И в то время как гребцы, налегая на весла, силились направить корабли в нужную сторону и подогнать их ближе к земле, внезапно раздался крик впередсмотрящего.

С южного конца бухты, из-за неуклюжего мола показалась флотилия маленьких лодчонок. На них, похоже, никого не было. Лодчонки, раскачиваясь, отплыли от дамбы, минуту-другую бесцельно покружились на волнах, а потом их подхватило течением, и они, набирая скорость, понеслись прямиком на саксонские боевые корабли, словно направленные незримой рукой.

По мере того как маленькая флотилия приближалась к кораблям, которые все еще беспомощно боролись с течением, стало видно, что лодчонки дымятся. И вдруг над ними взметнулось яркое пламя. А в следующий миг полыхающие огнем корнуэльские лодки оказались среди кораблей. Саксы побросали весла и кинулись к бортам, пытаясь оттолкнуть лодчонки веслами, но течение гнало суденышки прямо на корабли, не давая им разойтись. Весла вспыхнули, обуглились, и пламя перекинулось на корабли. Три корабля, намертво сцепившиеся с брандерами в одну полыхающую глыбу, занялись и погибли в огне. Часть людей попытались перебраться на оставшиеся суда, одно из них пере-

вернулось. Лишь одному из кораблей удалось спастись от огня. Те, что были на нем, отважно пытались отпихивать от бортов пылающие куски дерева и подбирать тонущих, но тяжело нагруженному судну оказалось не под силу бороться с течением, и наконец уцелевший корабль, и без того загроможденный доверху, сумел-таки пробиться в открытое море и, оставляя за собой дымящиеся обломки и отчаянные крики о помощи, снова скрылся за мысом.

Корнуэльцы, стоя по колено в воде, поджидали оставшихся. До берега добралось от силы тридцать саксов, но едва они выбрались на сухую землю, там их встретили мечи Бодуиновых ратников. Первых трех по приказу Бодуина вытащили из воды живыми и связали, чтобы потом допросить. Остальных перебили, как только те достигли мелководья, а тела побросали обратно в воду, на поживу течению. Однако прежде с них сняли все ценное, опять же по распоряжению Бодуина.

— У нас впереди настоящая битва — с рыбаками, чьи лодки я только что погубил,— пояснил он.— Так что оружие заберите, но все остальное отложите в сторону — да, вот сюда, рядом со мной. Я позабочусь о том, чтобы после сегодняшней стычки ни один из вас не оказался в убытке, но и деревенские должны получить свое. Поверьте мне, потеря улова — а ведь на то, чтобы построить новые лодки, потребуется время, и немалое,— вскорости покажется им куда страшнее вероятности саксонского набега!

— Вероятность, тоже мне! Это ж святая правда! — проворчал один из воинов, извлекая из ножен палаш.— Вы гляньте, сколько зарубок! По числу убитых, точно вам говорю!

Ратник любовно взвесил меч на руке и швырнул его вместе с перевязью и позолоченной пряжкой поверх груды трофеев.

— Люди принимают всерьез только то, что действительно случилось,— возразил Бодуин, оглядывая своих воинов. Кое-кто открыто выказывал сожаление, однако все с готовностью и охотой выполняли приказ.— А набег не состоялся — благодаря вашей быстроте и бдительности.— Принц рассмеялся.— Остается надеяться, что деревенские разглядели «вероятность» достаточно хорошо, чтобы уступить нам лодки! Смотрите, вон они идут.

Вниз по расщелине спускалась кучка рыбаков. Кое-кто нес с собой прихваченное второпях оружие, но, по всему судя, до них уже дошли вести о том, что битва окончена, поскольку с

мужчинами были и женщины, и даже дети: они то и дело выскакивали из толпы, затевали потасовки и пронзительно вопили.

Рыбаки остановились в нескольких ярдах, посовещались, переминаясь с ноги на ногу, и наконец вытолкнули одного вперед: надо думать, деревенского старосту.

Староста прокашлялся, но прежде, чем он успел заговорить, Бодуин опередил его.

— Ты — Ру, не так ли? Ну что ж, Ру, опасность миновала, и я, то есть мы с королем, должны поблагодарить вас за огонь и трут.— Принц блеснул зубами в довольной усмешке.— Как видишь, этого хватило. Здесь было пять саксонских кораблей в полной боевой готовности. Бог весть, что эти саксы собирались устроить, высадившись на сушу, но уж будьте уверены: они бы и детей ваших не пощадили.

Рыбаки зароптали. Кое-кто из женщин притянули детишек к себе поближе. Все глаза обратились к морю, туда, где на волнах покачивалась еще пара трупов. Внезапно одна из поселянок негодующе вскрикнула. Двое малышей, которым страх как любопытно было поближе посмотреть на мертвецов, под шумок выбрались из толпы и уже спускались по гальке. Мальчишек поймали и уволокли назад. Матери угостили ослушников оплеухами, браня на чем свет стоит; мужчины поглядывали снисходительно, явно забавляясь происходящим. Эта мгновенная кутерьма разрядила всеобщее напряжение, и Бодуин, улучив момент, рассмеялся и небрежно обронил:

— Мне очень жаль, что лодки ваши погибли, но вот это поможет вам построить что-нибудь получше, а тем временем и семью прокормить!

Деревенские одобрительно загомонили. По слову Ру двое-трое поселян принялись собирать добычу.

— Потом на всех поделим, по-честному,— пробурчал Ру.

Бодуин кивнул.

— А прилив, наверное, еще что-нибудь вам подбросит. Вон видите, к берегу уже прибивает какие-то обломки. Король не станет их взыскивать. Все это ваше.

И это тоже вызвало одобрение. Кое-кто даже принялся неуклюже благодарить принца. Дерево в этих скалистых, опустошаемых ветрами краях добыть не так-то просто, а саксонские корабли выстроены были на совесть. Прилив за приливом пригонят к берегу богатую добычу.

Ратник подвел Бодуину коня, и принц, держа в руке повод, остановился перекинуться еще несколькими словами со старостой. Но толпа не спешила расступаться; поселяне теснились ближе, недобро поглядывали на пленников и угрюмо перешептывались.

— А эти-то как же? — ворчали рыбаки.— Что ж, их в живых оставят? Ведь они б нас всех перерезали, и дома бы спалили, и женщин наших забрали, да и детишек наших сожрали бы! Все знают, что такое эти саксонские волки! Отдай их нам, принц!

Парочка женщин, вооруженных чем-то вроде скорняжных ножей, тут же пронзительно завопили:

— Отдай их нам! Отдай!

— Назад! — резко приказал Бодуин, и воины сомкнулись вокруг пленных.— Если вы понимаете, что могло с вами произойти, тогда ни слова больше! Для вас все закончилось. Остальное — дело короля. Что же до этих троих — кто поручится, что нашей земле не грозят новые набеги? И королю должно о том знать. Это не ваша добыча, друзья мои; они принадлежат королю!

— Коли так, то да пребудет с ними милосердие Божие! — прошептал кто-то рядом себе под нос, а потом добавил вслух: — Брат твой король должен щедро вознаградить тебя за сегодняшнее деяние, принц!

Возвращаясь домой, Бодуин опасливо раздумывал, что на самом деле скажет ему брат. Не вознаградит щедро — это уж точно. Для этого дикого королевства на краю земли такой правитель, как Марк, подходил совсем неплохо. Суровый и резкий, как здешний народ и его нравы, он был при этом хитер, обожал интриги и козни, любил одерживать верх посредством тайных ухищрений и происков. Не зря прочие владыки прозвали его Король Лис. Но жестокость и обман не пробуждают любви в сердцах народа. И корнуэльцы не любили своего короля. Бодуин, молодой и деятельный, умевший говорить с великими и с малыми, был им куда больше по нраву.

И король Марк видел это и кипел от гнева, но молчал.

Глава 2

Король вернулся домой три дня спустя. И не успел он въехать во двор своей крепости, как ему уже рассказали о попытке саксов высадиться на берег и о том, как его брат успешно отразил нападение. Все, от предводителя отряда, который был с Бодуином, до конюха, который принял у Марка поводья, и слуги, который снял с короля сапоги, все спешили поведать королю о происшедшем и восхваляли находчивость принца.

— А где же теперь мой брат? — осведомился Марк.

— Я видел, как он приехал примерно за час до тебя, государь,— ответил слуга.— Он поднялся к себе в покои. Малыш на неделе приболел, и госпожа супруга твоего брата очень тревожилась.

— Хм.

Здоровье племянника, похоже, нисколько не занимало короля. Мальчику недавно исполнилось два года, и пока что это был единственный ребенок Бодуина и его молодой жены Анны. Живой и крепкий малыш, которому и недужилось-то крайне редко, служил еще одним предметом зависти Марка: у короля сыновей не было, и хотя он оказывал внимание своей королеве-ирландке — кое-кто утверждал даже, что чересчур много,— детей она ему так и не родила. А король слишком ревниво ценил ее юность и красоту, чтобы отослать от себя жену и взять другую королеву. И мысль о том, что Александр, сын брата, скорее всего, окажется его единственным наследником, лишь усиливала злобу, отравлявшую дни короля.

Как обычно по возвращении короля ко двору, вечером Марк собрал совет. Совет проходил без особой торжественности — просто-напросто корнуэльская знать и военачальники собрались потолковать перед ужином в большом зале. Королевы не было. Бодуин, как обычно, уселся по правую руку короля, а Друстан, племянник короля и Бодуина, по левую. Сам король запаздывал. Пока все дожидались, чтобы король пришел и открыл совет, Друстан перегнулся через пустое кресло и заговорил с Бодуином:

— На пару слов, кузен!

Молодые люди были примерно одного возраста, так что обращение «дядя» между ними звучало бы в высшей степени неуместно. Друстан — высокий мужчина с темно-русыми волосами и светлой кожей — свой воинственный вид вполне оправдывал. Он был сыном сестры короля Марка от владыки Бенойка и обладал открытым нравом и куртуазными манерами, которым выучился при пышном дворе этого правителя. Друстана король тоже недолюбливал — и, по чести говоря, не без причины. Но подозрения не есть уверенность, а доказательств у короля не было. И по-

тому при корнуэльском дворе Друстана до сих пор волей-неволей терпели.

Он ездил с королем Марком в Уэльс, и ныне ему не терпелось выслушать рассказ Бодуина о приключении с саксонскими кораблями. Друстан тоже слышал о том, что саксы якобы пытались высадиться на западе, в глухих местах, и теперь похвалил действия Бодуина.

— Раз уж от нашего милостивого лорда ты особых славословий не дождешься,— усмехнулся Друстан.— Но не бери в голову. Лучше держать язык за зубами до тех пор, пока не станет ясно, куда ветер дует. Так что... Говорят, маленький Александр приболел, пока нас не было? Надеюсь, ему уже лучше?

Бодуин поблагодарил родича и заверил его, что в детской все в порядке. Тут вошел король и занял свое место.

— Здравствуй, брат.

Со времени приезда короля Марк с Бодуином увиделись впервые. Король приветствовал принца громко, чтобы слышали все, и достаточно сердечно, хотя и кратко.

— Говорят, ты не сидел сложа руки, защищая наши берега? Славное то было деяние, и мы благодарим тебя. Позже, когда мы допросим пленных и, верно, узнаем о цели набега чуть больше, мы еще потолкуем. Теперь же вернемся к тому, о чем мы беседовали и договорились с королем Уэльса, а потом, ради всех богов, за ужин! В Дифеде мы устроились неплохо, но на обратном пути у всех животы подвело!

Король раскатисто захохотал и хлопнул Бодуина по плечу, но смотрел он в другую сторону, на Друстана, и не было веселья в его водянисто-тусклых глазах.

— А ведь после стольких дней и ночей, проведенных вдали от дома, мужчина изголодается не только по еде!

И на том совете Бодуину больше ничего не сказали. А как только трапеза завершилась, Марк, не задерживаясь, отправился прямиком в покои королевы. Но на следующий день к Бодуину явился слуга и сказал, что его брат желает сегодня поужинать с ним вдвоем.

Когда Бодуин сообщил об этом жене Анне, та ничего не ответила. Она с подчеркнутым спокойствием следила, как служанки достают принцу чистые одежды из сундуков кедрового дерева и раскладывают их на кровати. Лишь когда девушки удалились и их легкие шаги затихли на каменной лестнице башни,

отведенной семейству Бодуина, Анна стремительно обернулась к мужу. В глазах ее светилась тревога.

— Будь осторожен! Ты ведь будешь осторожен, не правда ли?

Бодуину незачем было спрашивать, что имеет в виду Анна.

— Да, конечно. Но чего мне бояться? По слухам, переговоры его будто бы завершились успешно, так что вчера за ужином Марк был в неплохом настроении. Даже о моей стычке в бухте отозвался вполне благодушно.

— А что ему оставалось? — Волнение, звучавшее в ее голосе, скрадывало гневные ноты.— Ему ли не знать, как относится к тебе народ? Но мы-то с тобой понимаем...

— Анна! — предостерегающе воскликнул Бодуин.

Никого, кроме них двоих, в башенной комнате не было, и стены здесь отличались изрядной толщиною, но при дворе Марка большинство привыкли к осторожности, а уж наследники короля — тем паче.

— Извини, любимый. Я молчу. Но будь осторожен,— повторила Анна, на сей раз тихо, и, улыбнувшись, ласково коснулась мужней щеки.— Прежде чем идти на званый ужин к королю, кликни-ка брадобрея. И посмотри: пока ты скитался в поисках приключений, я закончила для тебя новую рубашку! Нравится?

Бодуин потеребил в пальцах тонкую вышивку, притянул жену к себе и поцеловал.

— Очень красиво! Прямо как ты, любовь моя. И что, мне позволят это носить или же она будет лежать в сундуке, пересыпанная травами, и достанется в наследство Александру?

Анна прильнула к мужу, прижалась губами к ямочке у основания шеи.

— Для тебя, для тебя, каждый стежок для тебя, ты же знаешь! Но сегодня? Ты хочешь надеть ее сегодня? Стоит ли беспокоиться ради... ради обычной беседы за ужином? — И яростно выпалила, точно не в силах совладать с собою: — Неужели он и без того недостаточно тебя ненавидит? Ему ведь все уши прожужжали о том, какой ты великий воин и что люди тебя любят и готовы идти за тобой, а теперь ты еще хочешь явиться к нему разряженным, под стать принцу Верховного королевства,— нарядный да прекрасный, точно сам король Артур!

Бодуин бережно прикрыл ей губы рукой.

— Тише, дорогая. Довольно. Не нужно об этом. И надо бы нам поторопиться. Так что помоги мне одеться в самое лучшее, что-

бы предстать перед братом моим королем. Да, эта красивая рубашка в самый раз будет — а почему бы и нет? Благодарю. И ожерелье с цитринами. И кинжал, чтобы резать мясо... Нет, только кинжал. Пристало ли являться на ужин к брату вооруженным до зубов?

Он еще раз поцеловал жену.

— Ну перестань, Анна, перестань. Уложи мальчика. Скоро увидимся. Вряд ли я запоздаю — я не стану задерживаться дольше необходимого, можешь быть уверена!

— Смотри не напейся! — наказала Анна, и, рассмеявшись, они расстались.

Было уже поздно. Комната, где спали Анна с Бодуином, располагалась на западной стороне замка, в угловой башне. До моря было не меньше полумили, и однако всю ночь напролет в башне слышался шум волн, что плескали и рокотали во впадинах скалистого берега. В узкое, незастекленное оконце тянулся ночной ветерок, в это время года довольно мягкий. Он нес с собой ароматы скальных пастбищ и соленый запах моря.

В углу комнаты, подальше от сквозняка, крепко спал маленький Александр, укрытый мягкими одеяльцами; служанки принцессы соткали их из шерсти местных овец. Мать мальчика лежала без сна на широкой кровати в другом конце комнаты. Вот она резко перевернулась на другой бок и рукой отбросила с лица длинные волосы. Хоть бы уснуть! Хоть бы пришел наконец Бодуин! Тогда они вместе посмеялись бы над ее страхами и, быть может, предались любви и успокоились... Но лежать тут и раздумывать о том, что говорит, что замышляет, что делает этот лис, братец Бодуина... Вопреки себе самой Анна вспоминала прошлое, те времена, когда нелюбовь и зависть Марка к брату проявлялись в мелких, а иногда и не таких уж мелких пакостях. Теперь эта злоба, похоже, обратилась и на ребенка! А ведь Александр, несмотря на всю свою радостную живость и отвагу, еще совсем малыш! Где ему устоять перед мощью Марка? Однако король в припадке гнева может и пустить ее в ход!

А, наконец-то! Кто-то быстро поднимался по винтовой лестнице. Анна вздохнула было с облегчением, но тут же затаила дыхание и приподнялась на подушках, чутко прислушиваясь. Нет, это не Бодуинова поступь. И кто бы это ни был, шагал он шумно, тяжело и неуклюже, не опасаясь разбудить спящих в башне.

И он — при оружии. Анна слышала, как звякает меч в ножнах, цепляясь за стены.

Вот он уже у двери! Не успели стихнуть тяжелые шаги, как Анна уже вскочила с постели и подбежала к кроватке сына, едва успев набросить на плечи покрывало. В руке у нее был мужнин меч.

В дверь постучали — и, к вящему ужасу Анны, не рукой, а ногой, обутой в сапог.

— Анна! Принцесса! Ты не спишь?

Меч в руке Анны задрожал и опустился, но нечеловеческое напряжение по-прежнему сковывало все ее члены. Она признала голос Друстана, но этот пинок в дверь, голос, срывающийся и отрывистый, и спотыкающиеся шаги не могли быть ничем иным, как вестниками несчастья. Принцесса подбежала к двери и отворила ее.

Это и впрямь оказался Друстан, уже занесший ногу для нового пинка. Друстан был бледен как полотно и, насколько позволял видеть широкий, скрывающий фигуру плащ, полуодет. Ворот рубашки расстегнут, рукава болтаются. На лбу поблескивает испарина, дыхание вырывается с трудом. Едва Анна распахнула дверь, молодой человек ввалился внутрь и прислонился к косяку, пошатываясь под тяжестью ноши, которую прятал под плащом.

— Анна...— выдохнул он.

И теперь, когда Друстан выступил в свет свечей, Анна разглядела, что это за ноша.

Во внезапно воцарившейся тишине шорох плаща, соскользнувшего с тела Бодуина, прозвучал громко и гулко, точно шум волн за окном. Друстан молча ждал. Анна застыла на месте, в одной ночной сорочке, прижимая к груди покрывало, и, словно онемев, неотрывно глядела на тело мужа. Дыхание у нее перехватило. Жизнь остановилась.

А потом вернулась, и вместе с ней — боль, как это бывает, когда в отмороженной руке восстанавливается кровообращение. Друстан, теперь уже бесшумно, подошел к кровати и мягко опустил на нее тело молодого принца. Ребенок, спавший в уголке, заворочался под одеяльцем, что-то пробормотал и снова уснул. Анна с криком бросилась на тело мужа, но Друстан схватил ее за руку и заставил снова встать.

— Госпожа, послушай меня! Сейчас не время для рыданий! Король — да, это дело рук короля, а чьих же еще? — король обезумел и поклялся истребить весь братний выводок. А это значит — тебя с мальчиком. Понимаешь? Вам обоим грозит опасность. Вы должны уехать — прочь из замка и даже из Корнуолла. Тебе ведь, наверное, есть где укрыться? Бога ради, госпожа, послушай меня! Времени нет! Разбуди мальчика...

— Как это произошло? — спросила Анна.— И почему?

Она, казалось, не слышала слов Друстана. Застыв неподвижно, с побелевшим лицом, Анна не видела ничего, кроме израненного тела на кровати, вокруг которого уже расползались алые пятна.

— О, вполне в духе Марка,— хрипло пояснил Друстан.— Затевается ссора, доходит до крика, а там и меч покинул ножны. Зачем Марку какие-то причины? Разве ты сама не знаешь почему?

— Он был без оружия,— бесстрастно проговорила Анна.

Друстан наклонился и мягко извлек меч из судорожно стиснутой руки принцессы.

— Вижу.

— Должно быть, и Марк это видел! Неужели у него хватило подлости обнажить меч против безоружного?

— Он был пьян. По крайней мере, так скажут люди.

— Да, конечно! — В голосе Анны звучало горькое презрение.— И сочтут это достаточным оправданием. Но я — я не прощу!

— Ну разумеется! — поспешно согласился Друстан.— Но пойми, у тебя еще будет время поразмыслить о том, что предпринять. А теперь тебе надо бежать, бежать вместе с мальчиком. Слушай. Это произошло после того, как они отужинали. Трапезовали они наедине; потом приказали принести вина и отослали слуг. Король выпил слишком много, а потом совершилось это злодейство. Но Бодуин, хотя при нем не нашлось ничего, кроме ножа, которым он резал мясо, защищался доблестно. Так что без шума не обошлось; столы и скамьи были перевернуты, а король, вне себя от вина и ярости, так орал, что слуги во внешних комнатах встревожились и примчались на помощь. Спасти Бодуина они уже не успели, но один из них сбегал за мной, и когда я поднялся в трапезную, я увидел твоего супруга вот так, как видишь его ты, а король был в крови...

— А! — вот и все, что сказала Анна, но Друстан ее понял.

— Нет, ничего серьезного, всего лишь пара царапин, но слуги потребовали мазей и повязок, явился лекарь, и пока что они удерживают его в покоях. Но Марк по-прежнему вне себя. Теперь он кричит об измене и клянется, что лишит жизни тебя и твоего мальчика.

— За что?!

— За то, что твой муж совершил предательство, защищаясь ножом от своего короля. Да какая разница! — яростно воскликнул Друстан.— Это случилось! Я принес его сюда, но тебе нельзя задержаться, чтобы похоронить его, и даже оплакать его некогда. Беги, Анна, беги ради своего сына, и побыстрее!

За дверью послышался какой-то шум. Оба развернулись, Друстан выхватил меч, но то была всего лишь служанка принцессы, с боязливым любопытством заглядывавшая в комнату.

— Госпожа? Я слышала... ах! — пронзительно вскрикнула женщина, разглядев на постели окровавленное тело.

Ее вопль разбудил мальчика. Тот протестующе захныкал, и детский плач пробудил Анну от кошмарного забытья. Обездоленная жена еще успеет наплакаться — потом. А сейчас она — принцесса и мать принца. И они с Бодуином, хотя и неохотно, обсуждали, что делать в подобном случае. Бодуин мертв. Надо спасать его сына. К тому же нежданно-негаданно они обрели бесценного помощника в лице Друстана, а ведь он, возможно, сейчас рискует ради них жизнью. Пока Анна со служанкой поспешно упаковывали вещи, Друстан рассказал, что уже отправил слугу за лошадьми и что этот человек немного их проводит. Обсуждать, куда ехать, нужды не было. Об этом говорилось, и не раз. Кузен Анны встарь владел замком в нескольких неделях пути к северу, за пределами Корнуолла, и в более гостеприимном краю — достаточно далеко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Родич этот скончался, и теперь в замке хозяйничала его вдова, которая обещала в случае нужды предоставить убежище Анне и ее сыну. Там до них даже король Марк не доберется.

Вот так и вышло, что минут двадцать спустя Друстан, держа в правой руке обнаженный меч, а в левой неся ребенка, пинком распахнул дверь и двинулся вниз по лестнице. Анна и Сара, ее служанка, напихали все, что решились захватить с собой, в узлы, которые могли поместиться в переметные сумы у седла. У принцессы в руках по-прежнему был мужнин меч.

— Быстрей, быстрей! — приговаривал Друстан.

Но Анна, уже стоя на пороге, внезапно развернулась и бросилась к кровати. Друстан и служанка ожидали увидеть скорбное расставание, прощальный поцелуй в лоб... Мальчик, сидя на плече мужчины, следил за матерью широко раскрытыми, все еще сонными глазами.

Анна склонилась над постелью. Несколько мгновений казалось, будто она борется с трупом мужа. Но когда принцесса отступила назад, все увидели, что она сняла с мужа вышитую рубашку, которую он совсем недавно надевал, ласково посмеиваясь над женой. На груди, поверх шитого шелком узора, расплылись кровавые пятна. Они уже успели заскорузнуть и потемнеть.

Похоже, с поцелуями было покончено. Анна постояла, прижимая к груди окровавленную рубашку, и заговорила с лежащим на кровати.

— Господин мой,— сказала супруга Бодуина,— твой сын будет носить твою рубашку и твой меч, а когда он вырастет, он отомстит корнуэльскому чудовищу за сегодняшнюю ночь. Я обещаю тебе это, и эти трое да будут моими свидетелями.

Затем она развернулась и последовала за Друстаном во двор, где ждал слуга с лошадьми.

Глава 3

На небе обозначился месяц — молодой, затянутый дымкой, но хоть сколько-то света он все же давал. Сперва ехали осторожно, но когда выбрались на дорогу, идущую вдоль побережья, видно стало лучше — море, казалось, отражало лунные лучи обратно в небо. Несколько миль скакали вдоль берега настолько быстро, насколько позволяла ухабистая тропа, с плеском минуя броды. Наконец дорога круто повернула наверх, к вересковой пустоши. Там пролегал старый римский тракт, и мост соединял берега реки Тамарус. Отсюда путь вел точно на восток.

Здесь, несмотря на то что море осталось позади, ехать стало полегче. Дорога была прямая. Правда, местами она заросла травой, но все же ее старались поддерживать в приличном состоянии. Через некоторое время небо очистилось и показались звезды.

Горен, человек, посланный Друстаном, дорогу знал и лошадей добыл свежих и резвых. Так что ехали быстро. Горевать Анне по-прежнему было некогда: она склонилась к самой гриве своего

гнедого, высматривая ямы и колдобины. Сейчас она думала лишь о бегстве, о том, чтобы как можно скорее доставить сына в безопасное место. Меч Бодуина висел в ножнах у луки седла, его окровавленная рубашка, кое-как свернутая, покоилась в седельной суме. Крупный гнедой, на котором ехала Анна, тоже принадлежал Бодуину. Пока что этого было довольно: Бодуин здесь, с ней, а сын Бодуина крепко спит на руках у Сары. Анна не отрывала глаз от смутно различимой дороги, и все ее мысли были устремлены вперед: от этого путешествия зависела ее жизнь, и мальчика — тоже.

Но как они ни спешили, не успели они проехать и десяти миль, как Горен обернулся в седле и встревоженно указал назад. Вскоре и Анна заслышала то, что обеспокоило ее спутника. Стук копыт. Кто-то скакал по дороге вслед за ними.

Анна хлестнула коня поводьями, и гнедой, который и без того мчался во весь опор, рванулся вперед. Сзади послышалось сонное всхлипывание малыша и испуганный голос Сары, пытающейся его успокоить.

— Бесполезно, госпожа,— задыхаясь, проговорил Горен.— Долго мы так ехать не сможем. Из Сары наездница никудышная, а на такой скорости, если ее кляча споткнется...

— Сколько там лошадей? Ты можешь определить?

— Не меньше двух. Может, и не больше. Но с нас и двоих хватит,— мрачно отозвался Горен.

— Что же нам делать? Может, остановимся и встретим их лицом к лицу? Я вооружена, ты тоже, а к тому времени, как они нас догонят, мы успеем отдышаться, а они — нет. Если свернуть на пустошь...

— Можно, но не здесь. Немного погодя будет заброшенный карьер, где добывали руду. Там растут деревья, и довольно густо: ветра-то туда не задувают. Есть где спрятаться. Нам ничего не остается, кроме как укрыться там и надеяться, что они, пожалуй, проскачут мимо.

— Или что они безобидные путешественники и до нас им никакого дела нет?

Но в эту страшную ночь в безобидных путешественников как-то не верилось. Топот копыт за спиной неумолимо приближался. Анна не проронила больше ни слова до тех пор, пока Горен не указал вперед. Там и в самом деле показалось пятно более густой тьмы: карьер, поросший деревьями. Всадники свер-

нули туда. Горен соскользнул с седла, взял всех трех лошадей под уздцы и повел их в глубь зарослей. Там он остановился и прижал головы лошадей к себе, обмотав им морды складками плаща. Беглецы замерли в напряженном ожидании. Топот копыт становился все громче, погоня налетела — и, не задержавшись, пронеслась мимо, даже не сбавив скорости у поворота к карьеру. Проехали...

Но тут Александр, окончательно проснувшийся, когда лошадь Сары остановилась, обнаружил, что находится в незнакомом месте, замотанный, точно сверток, да еще и в темноте. Малыш яростно замахал кулачками, выкручиваясь из шалей, в которые был закутан, и издал испуганный, протестующий вопль.

Топот копыт умолк. Кони остановились, оскальзываясь на камнях, осыпались мелкие камушки, прозвучал негромкий приказ. Затем лошадей развернули в сторону въезда в карьер, и мужской голос окликнул:

— Принцесса Анна!

Делать было нечего. Анна откашлялась и отозвалась:

— Кто здесь? Этот голос мне знаком. Садук?

— Он самый, госпожа.

— И что тебе нужно?

Последовало молчание, столь же красноречивое, как громкий окрик. Потом Садук сказал:

— Король не желает, чтобы ты покидала двор. Он поручил мне передать, что он тебе не враг. То, что произошло нынче вечером...

— Садук, а известно ли тебе, что произошло нынче вечером?

Снова молчание. Кони отфыркивались и переступали с ноги на ногу. Анна пригнулась к шее гнедого и торопливо прошептала Горену:

— Отпусти поводья! Я выеду вперед и поговорю с ними. Садись на коня и возьми у Сары мальчика. Они могут не знать, что ты с нами. Возможно, тебе удастся скрыться вместе с ребенком...

— Их всего двое, госпожа. Я сумею их задержать...

— Нет. Нет. Делай, как я сказала. Только подожди, пока я поговорю с ними. Садук был другом моего мужа. Если ничего не выйдет и мне придется ехать с ними, оставь Сару — ей они вреда не причинят — и попытайся спасти мальчика. Ты знаешь, куда мы ехали. Береги его, и да хранит тебя Бог.

— И тебя, госпожа.

Горен отступил назад, во тьму. Анна повысила голос, чтобы заглушить его разговор с Сарой.

— А кто с тобой, Садук?

— Мой брат, госпожа. Эрбин. Ты его знаешь.

— Знаю. Ну что ж, хорошо. Сейчас я подъеду к вам.

За спиной послышался скрип сбруи — это Горен садился в седло. Александр молчал. Анна развернула гнедого и выехала на дорогу, озаренную луной.

Ожидающие ее всадники не попытались приблизиться и мечей не обнажили, хотя, несомненно, оружие при них было. Неужели все-таки есть надежда? Анна попыталась заставить себя дышать ровнее. Подъехав к Садуку, она остановилась и откинула капюшон плаща.

Луна поднялась выше, и Анна отчетливо различала обоих всадников. Садук был молод, почти ровесник покойному Бодуину. Он с детства служил при дворе Марка, и они с принцем были большими друзьями. Садук и его брат сражались вместе с Бодуином в той стычке с саксонскими боевыми кораблями. «Быть может, вполне может быть,— лихорадочно думала Анна,— что и для этой ночной погони, как во многом другом за всю историю своего правления, жестокого и переменчивого, король Марк сделал неправильный выбор...»

Садук прокашлялся:

— Госпожа, мне очень жаль... Видит Бог, я очень любил Бодуина и не хочу тебе зла, но...

— Мне? А сыну Бодуина?

Ее конь застыл рядом с конем Садука, бок о бок. Лицо Анны, обрамленное темными складками капюшона, было исполнено хрупкой прелести. Лунный свет стер морщины, проложенные горем и страхом. Глаза ее, большие и темные, смотрели прямо в глаза Садуку. Молодой человек читал в них страх и еще — мольбу. Рука, сжимавшая поводья, казалась миниатюрной и тонкой, как у ребенка. Анна прекрасная, Анна непорочная, которая ни разу не взглянула ни на одного мужчину, кроме своего супруга, сейчас готова была на все, лишь бы спасти сына. И теперь она смотрела на Садука огромными, испуганными, молящими глазами, а правая рука под ниспадающими складками плаща крепко сжимала рукоять Бодуинова меча.

— Садук, Эрбин, вы оба,— недрогнувшим голосом произнесла она.— Если вам известно, что произошло нынче вечером, вы

должны знать и то, почему так случилось. Вы знаете, что не во имя благой цели король желает вернуть меня с моим ребенком обратно в замок. Меня он, быть может, и пощадит, но Александра убьет непременно. Так же как его отца — и по той же причине.

Садук, как и половина обитателей замка, был разбужен пьяными воплями Марка, когда король вырвался из рук лекаря и слуг и с мечом в руке принялся бегать по замку, в смертоубийственном стремлении отыскать Анну и ее ребенка. А потому теперь молодой человек сумел лишь хрипло прошептать:

— Принцесса...

— В старые добрые времена ты звал меня по имени.

— Анна...

Как ни странно, отчаяние звенело скорее в голосе Садука, нежели в принцессином.

— Видит Бог, ты говоришь правду! И видит Бог, мы с Эрбином не хотим тебе зла. Но что мы можем? Король Марк ни за что не поверит, что мы не сумели тебя догнать, а даже если и поверит, он просто вышлет в погоню других, вот и все. А на этой длинной дороге, посреди вересковой пустоши на краю королевства, ты как на ладони. Тебя настигнут прежде, чем ты успеешь миновать границу. А если ты теперь позволишь отвезти тебя домой, мы поедем не торопясь, чтобы не растрясти ребенка... А к тому времени, как мы доберемся, король протрезвеет, наступит день, в замке окажется полным-полно людей, которые всегда были друзьями тебе и твоему супругу... Тогда даже Марк...

Молодой человек осекся.

— Да, даже Марк! — В голосе Анны звенел сарказм.— Даже он — как ты боишься сказать вслух! — даже он не осмелится хладнокровно убить меня и моего сына на глазах у всего двора. Быть может. Но долго ли мы останемся в живых? Как по-твоему, а, Садук?

— Любовь народа...

— Эта любовь народа выеденного яйца не стоит! На что она способна, вся эта жалкая чернь? Кабы они что-то могли, они давно бы прогнали Лиса прочь и избрали правителем моего мужа. Пожалуй, когда-нибудь они попытаются короновать Александра — если мальчику позволят дожить до этого дня. Можешь ли ты ответить на один вопрос — только правду?

— Если то не будет против чести...

— Какой приказ дали тебе сегодня вечером?

— Догнать тебя и привезти вместе с мальчиком обратно к королю...

— И никаких несчастных случаев по дороге?

Садук не ответил. Анна кивнула.

— Можешь не говорить, я и так поняла. Лисьи уловки. Из того, что сказано, в вину ему поставить нечего; так, намеки, не больше. Верно?

Садук снова промолчал. Анна продолжала, уже мягче:

— Не думай, Садук, я не осуждаю ни тебя, ни твоего брата. Вы оба — люди короля. Вы и так обошлись со мной мягче, чем надо бы. Что ж, если вы не вправе вернуться и сказать, что не нашли нас — а этому король и впрямь вряд ли поверит, и его гнев обрушится на вас,— тогда ради моего супруга, которого вы оба любили, не позволите ли вы моему сыну скрыться? А я поеду с вами. Это умерит гнев короля, а если мне удастся переговорить с королевой, я окажусь в безопасности, хотя бы ненадолго, и, быть может, однажды...

— Нет, госпожа моя. Мы сделаем лучше,— внезапно ответил Садук. В голосе его звучала решимость.— Мы вернемся обратно и скажем королю, что мальчик мертв. Придумаем байку, которой он поверит — например, что мы догнали тебя у того брода, попытались вырвать ребенка у твоей служанки, а она свалилась с коня, упала в реку, и малыш утонул. А тебя мы отпустили, потому что сама по себе ты не представляешь для него опасности, и ты отправилась своим путем, искать, где бы приклонить голову. Не могла бы ты дать нам что-нибудь в качестве доказательства? Шаль, например... И еще, если бы ты, со своей стороны, пообещала нам одну вещь?..

Рука, лежавшая на рукояти меча, разжалась. Анна судорожно перевела дыхание.

— Да пребудет с тобой милость Господня, друг мой! — только и смогла вымолвить она.

Впрочем, через несколько мгновений принцесса сумела-таки взять себя в руки.

— А твой брат? Эрбин? Что скажешь ты, Эрбин?

Младший из братьев принялся мямлить что-то насчет услуги, оказанной ему Бедуином, и что он всегда готов поддержать брата... Анна протянула руку сперва одному, потом другому в знак признательности.

— Милость Господня! И с чего это Марку вздумалось послать в погоню именно вас? Разве стали бы вы убивать Бодуинова сына?

Голос ее дрожал и срывался от изумленного облегчения.

— Я же говорю, король все еще был изрядно пьян. А когда он принялся выкрикивать приказы, я подгадал так, чтобы очутиться поближе.

— Когда-нибудь...— отозвалась Анна.— Когда-нибудь...

Доканчивать фразу она не стала. И вместо того эхом повторила слова Садука:

— Ты что-то говорил об обещании. Я обещаю тебе все, что угодно,— разумеется, если это не будет против чести. Чего ты хочешь от меня?

— Только одного: увези своего сына в безопасное место, куда-нибудь подальше отсюда, и, когда он вырастет, не дай ему забыть о подлом убийстве отца. Пусть он когда-нибудь вернется и отомстит.

— Так я и поступлю, клянусь Богом! — ответила Анна.

— А мы останемся здесь и будем ждать,— сказал Садук. Он тоже произнес клятву, а Эрбин буркнул что-то в знак согласия.— А пока что — есть ли у тебя деньги на то, чтобы перебиться, пока вы не доберетесь в безопасное место? У меня есть немного с собой и у Эрбина...

— Ничего, мне хватит.

Даже теперь она не смела признаться в том, что Друстан щедро снабдил ее деньгами и что здесь при ней Горен, а тот прятался в тени вместе с Александром, который по-прежнему молчал. Анна раскрыла одну из седельных сумок.

— Вот. Это его ночная рубашечка. Он ведь спал, когда мы... когда он...

Анна ненадолго умолкла, возясь с застежками сумки. Но когда молодая женщина заговорила вновь, подыскивая слова благодарности, Садук опять поймал ее руку, поднес к губам и поцеловал.

— Довольно, принцесса. Поезжайте, да поскорее. Мы устроим так, чтобы вернуться в замок уже после рассвета. Да хранит тебя Бог — и тебя, и твоего сиротку-сына. И помолимся же о том, чтобы в один прекрасный день нам довелось встретиться вновь, в мире и спокойствии.

Садук развернул коня и пустил его легкой рысью. Вскоре они с братом растаяли во тьме.

Горен выехал из зарослей.

— Я все слышал. Так мы в безопасности?

— О да, благодарение Богу и двум честным людям! Так что пусть Александр плачет, сколько ему угодно. Едем, Сара.

Принцесса снова повернула коня на восток и добавила так, чтобы не услышал слуга:

— А вот мне плакать пока нельзя...

Глава 4

Поездка заняла почти месяц.

Беглецы не знали, как Марк отнесется к рассказу Садука и вообще поверит ли, и потому не осмеливались ехать напрямик, а пробирались окольными тропами, которыми пользуются только поселяне да угольщики.

Путь оказался тяжким. Заросшие лесные тропы сменялись скалистыми речными долинами или заболоченными низменностями. Когда миновали границы королевства Марка и въехали в Летнюю страну, болота сделались опасными, то и дело встречались трясины да топи.

Денег у Анны оказалось в избытке: помимо того, что она успела прихватить, собирая вещи, и того, что едва ли не силой всучил ей Друстан, в седельной сумке обнаружился еще один кошелек с золотом — видимо, тоже Друстан сунул. Так что путники не бедствовали.

Время от времени на пути попадались довольно приличные таверны, где можно было остановиться на день, чтобы дать отдых себе и лошадям. Но чаще им приходилось благодарить судьбу за ночлег в какой-нибудь придорожной лачуге, в крестьянском амбаре или даже в покинутой пастушьей хижине — летом пастухи пасли своих овец в горах.

Однако в том, что дорога оказалась тяжелой и приходилось постоянно заботиться о ребенке и подбадривать Сару, были и свои положительные стороны. Для печали времени не оставалось. Дни были целиком заполнены ездой, поисками безопасного пути, а с угасанием дня — и ночлега. К вечеру же Анна так уставала, что спала как убитая и не видела снов.

На то, чтобы добраться до Глевума, ушло три недели. Пришлось еще сделать крюк, чтобы доехать до моста. Но, переправившись через Северн и миновав границы Летней страны, где

дороги, ведущие из Корнуолла, охранялись людьми верховного короля, беглецы вздохнули свободнее. Впрочем, Анна продолжала опасаться, что Марк догадается, куда она держит путь.

Замок Крайг-Ариан, где жил кузен Анны, стоял в верховьях реки Уай, чуть в стороне от долины, в холмах, на берегу одного из притоков.

Овдовевшая Теодора недавно снова вышла замуж за немолодого человека по имени Барнабас, который прежде служил офицером в войске верховного короля. С кузеном Анна никогда не была особенно близка, но время от времени обменивалась приветами с Теодорой. Разумеется, все заинтересованные лица отлично знали: поскольку у Теодоры детей нет, Анна имеет больше прав на Крайг-Ариан и прилежащие к нему земли, нежели вдова и ее муж. Поэтому Анна вполне могла обрести там приют. Однако принцесса не успела известить тамошних обитателей о гибели Бодуина и попросить убежища для себя и своего сына.

Поэтому, пока усталый маленький отряд ехал вверх по извилистой речной долине, приближаясь к цели своего путешествия, Анна весьма тревожилась по поводу ожидающего их приема. Она никогда прежде не встречалась с Барнабасом и понятия не имела, что он за человек.

Закаленный в боях ратник Артурова воинства, женившийся на богатой вдове и удалившийся на покой в уютный маленький замок среди изобильных земель...

А ведь возможно — и очень на то похоже! — что он возьмет да и захлопнет ворота перед вдовой Бодуина и ее малолетним сыном, которые запросто могут выдворить из Крайг-Ариана и самого Барнабаса, и его собственных наследников, удрученно размышляла про себя Анна. И кто упрекнет его за то, что он побоится принять к себе принцессу-беглянку и тем навлечь на себя гнев короля Марка? Весьма весомая причина, чтобы закрыть ворота у нее перед носом.

Когда наконец впереди показался замок, возвышающийся на лесистом утесе, Анна велела остановиться и выслала вперед Горена с вестью о том, что Бодуин погиб, а его вдова просит приюта.

— Приюта — и только,— устало сказала она.— Я не могу требовать большего. Видит Бог, у меня самой прав почти никаких. Но мальчик... Моли их, чтобы они дозволили ребенку тайно жить здесь в безопасности, пока я не смогу предстать перед верховным королем в Камелоте и воззвать к нему о справедливости. Ступай, Горен. Мы будем ждать тебя здесь, у воды.

Как оказалось, тревожилась она напрасно. Когда Горен вернулся, он приехал не один, а с самим Барнабасом и полудюжиной слуг. Мулы тащили на себе паланкин, в котором ехала грузная супруга Барнабаса. Она осыпала Анну поцелуями и разрыдалась от радости, а потом усадила вдову с мальчиком к себе, и они все вместе отправились домой.

— Ибо это твой дом и его тоже,— говорила она.— Добро пожаловать, Анна! Не надо, молчи. Ты, похоже, устала до смерти. Да это и неудивительно! Вот приедем, ты отдохнешь толком, отобедаешь, а после расскажешь нам обо всем, что произошло.

— И знай, Анна,— добавил Барнабас, крепко сбитый седобородый воин с добрыми улыбчивыми глазами, хромающий в результате раны, полученной в боях под предводительством Артура,— если король Марк Корнуэльский явится сюда искать тебя, что вполне возможно, мы уж сумеем его выпроводить и прогнать назад в Корнуолл. Так что живи спокойно, родственница, и не тревожься более. Заботься о сыне, а мы станем беречь для него этот замок и эти славные земли до тех пор, пока он не вырастет.

И принцесса Анна, впервые с того дня, как был злодейски убит ее супруг Бодуин, закрыла лицо руками и разрыдалась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АЛИСА СИРОТА

Глава 5

Маленькая девочка, лежа на животе в пыли, наблюдала за парой ящериц. Ящерицы дрались — а может, спаривались, кто их разберет! Впрочем, особой разницы между этими двумя занятиями девочка не усматривала. Ящерки извивались и корчились, с шипением разевая широкие, дынно-бурые пасти, и то выныривали на свет, то снова скрывались в тени тамариска. Вот они стремительно метнулись вверх по шероховатым камням садовой стены и исчезли.

— Алиса! Алиса!

Тишину нарушил мужской голос — резкий и громкий и довольно-таки бесцветный.

— Алиса!

Девочка состроила гримаску, глядя на трещину, в которой скрылись ящерки, и откликнуться не удосужилась, однако неохотно перекатилась на бок: хочешь не хочешь, а подниматься придется. Откуда-то сверху, из-за перистых ветвей тамариска, донесся колокольный звон — напевный и чуть надтреснутый.

— Алиса?

На сей раз голос прозвучал встревоженно — и куда ближе.

— Иду, отец.

Девочка поднялась на ноги, открепила длинную юбку, подобранную выше колен, встряхнула складками, выколачивая пыль. Затем отыскала сандалии, небрежно брошенные между древес-

ных корней, и торопливо обулась. Ниспадающее до земли платье скрыло перепачканные ступни.

Девочка пригладила длинные, восхитительно-пышные рыжезолотые волосы, чинно сложила ручки, спрятав грязные ладошки в широких рукавах. Потупив взор — сама безмятежность, само благонравие! — прелестная леди Алиса проследовала за герцогом, своим отцом, в иерусалимскую церковь Святого Иеронима.

Герцог Ансерус, высокий муж лет сорока, в дни юности изрядно отличился как в военных делах, так и в любовных: светлокудрый, пригожий и притом не болтун. А в последнем необходимость явно ощущалась: прихоть неизменно влекла его к замужним дамам, кои в силу ряда причин находили разнообразие весьма желанным, а уж Ансеруса — желанным вдвойне. Некогда, сражаясь бок о бок с юным королем Артуром в битве при Каледоне, он получил серьезную рану в грудь, и какое-то время жизнь Ансеруса висела на волоске. Выздоровление его, как уверяли врачеватели (и, разумеется, местный священник всецело с ними соглашался) граничило с чудом, так что, восстановив силы, герцог отправился в благодарственное паломничество в Святую землю.

Правду сказать, путь он предпочел не самый тяжкий; грудь все еще беспокоила его порою, а ехать сушей было небезопасно: франки вели нескончаемые войны с соседями, ибо король Хлодвиг тщился установить франкское господство над всей Галлией. Ансерус доплыл на корабле до Италии, а оттуда отправился в Грецию, где пробыл около месяца, прежде чем преодолеть последнюю часть пути — до Акры и Иерусалима.

А в Афинах, в доме одного своего приятеля, он повстречал девушку, которая, даже будучи не замужем и воистину девственной и непорочной, настолько его пленила, что Ансерус тут же, не раздумывая, женился на ней и увез новобрачную в Святую землю. Звали ее Алиса, и нрав ее в своем роде отличался не меньшей сдержанностью, нежели мужний. Молчальница, выросшая на положении бедной родственницы, она рано научилась держаться в тени, чтобы собственная ее красота — подлинная и несомненная — не затмевала кузин. Для нее милорд Ансерус воплощал в себе избавление, устроенность, богатство; если он и стал для Алисы чем-то большим, так об этом ведомо было только Ансерусу. Супруга кроткая и покорная, она с заботливым бережением радела о делах хозяйственных и смиренно преклоняла колена подле своего господина, когда он всякий день простран-

но благодарил Господа за исцеление, а теперь еще и за новообретенное счастье.

Но недолго ей суждено было наслаждаться богатством и уютом замка Ансеруса среди изобильных земель в самом сердце Регеда. Год спустя после возвращения супругов в Британию Алиса умерла при родах, а новорожденную девочку передали на попечение кормилицы.

Можно было предположить, что убитый горем вдовец возведет на дитя вину за утрату матери и отошлет от себя девочку, однако счастье минувшего года было сильным и ярким, а раскаяние в грехах юности — искренним.

Всю любовь, что еще жила в нем, Ансерус перенес на дочку.

У смертного одра жены он принес обет целомудрия — и остался ему верен.

А еще он поклялся совершить новое паломничество и еще до окончания года отправился в путь. Ансерус хотел взять с собою и дочку, однако женщины, приставленные к детской, пришли в такой ужас, что он, вспомнив о тяготах пути и о том, что за грязь и хвори царят в Святой земле, поддался-таки уговорам и уехал один. Однако к тому времени, как малютка Алиса, пяти лет от роду, все больше тяготясь опекою нянь, бегала себе на воле по замковым садам, она сделалась настолько похожа на мать, что осиротевший отец просто-таки не находил в себе сил расстаться с дочерью, хотя бы и ненадолго.

Так что, когда Ансерус задумал снова отправиться в паломничество, он настоял-таки — ведь на сей раз настаивала и Алиса, а девочка всегда добивалась своего,— чтобы дочка поехала с ним. И вот наконец они достигли цели и вместе преклоняют колена перед изображением святого Иеронима в пурпурном плаще и с ручным львом. Ансерус, прикрыв глаза, беззвучно шевелил губами, весь уйдя в молитву, а малютка Алиса, чье детское личико лучилось ангельской прелестью, поднимала серые глаза к Господу.

Интересно, думала про себя девочка, скоро ли созреют фиги на том дереве за окном?

До чего забавные эти ящерицы, когда прыгают да сплетаются вместе, правда?

А что, малыши у них прямо так и родятся или они кладут яйца, как прудовые тритоны — дома? С яйцами небось куда проще. И почему это у людей все не так?

Ох, а как ты думаешь, мы поедем назад на том же самом корабле, где капитан с золотой серьгой в ухе кричал матросам какие-то странные словечки, и еще у него была говорящая птица, а папа мне ее не купил? Может, ты его попросишь? Ты ведь с ним часто разговариваешь. А мне так хочется эту птичку, ну просто ужасно хочется!

Как ни странно, но леди Алиса тоже беседовала с Богом.

В дни более значимые — в праздники святых и по воскресеньям — герцог с дочерью отправлялись в огромный собор Воскресения, а каждодневно молились в часовне Святого Иеронима, небольшой молельне в одном из приделов церкви Святой Марии, возведенной за два века до римского императора Константина.

Эта церковь, выстроенная из массивных камней, была богато украшена, ибо служила хранилищем для богатств тысяч паломников, что ныне толпами стекались в Священный Город. Стояла она на обширном плато Харам, где изначально, уверяли люди, высился храм Соломонов и где сам Иисус внимал раввинам и опрокидывал столы меновщиков. А с одной из этих высоких угловых башен сам диавол показывал Ему все царства мира.

Но теперь все сгинуло, и покрытые резьбою камни храмов и зданий суда, свидетельства римского владычества времен Ирода, разграбили для иных нужд. Однако ночами, когда новые строения высились темными громадами, а лунный свет, просочившись сквозь кроны сосен и олив, заливал узкие улочки, нетрудно было представить наяву события всех тех историй, что пересказывали, бесконечно пересказывали паломникам, влекущимся по стопам Господа вверх по склону крестным путем, к купальне под названием Вифезда, через храмовые врата, к саду Гефсиманскому и даже к самой гробнице, хотя ныне она и сокрыта в основании церкви.

— И повезло же, что осталось нам еще на что поглядеть,— говорил Ансерус, который сам показывал дочери святые места.— Кабы не запретили людям приносить с собой молотки и отбивать кусочки священного камня, чтобы увезти с собою домой, это место уже почитай что с землею сровняли бы. С тех пор как я побывал здесь в последний раз, число паломников явно удвоилось.

Город и впрямь был набит до пределов — и пределы эти бурно разрастались с каждым годом. Повсюду вокруг Харама тесни-

лись постоялые дворы, странноприимные дома и монастыри, где паломники размещались с большим или меньшим удобством либо аскетизмом.

Алисе с отцом повезло больше других: в первый свой приезд в Иерусалим Ансерус с женой остановились у друзей, римлян по происхождению, что встарь водили знакомство с ее родней. Когда веком раньше великий Рим пал под мечами готов, многие римляне вынуждены были бежать вместе с семьями, а кое-кто из них осел в Иерусалиме. Большинство купили или отстроили дома среди поросших лесом холмов на окраинах города и процветали. В одной из таких вилл у подножия Масличной горы и гостили Алиса с отцом.

Лентул, хозяин дома, был банкиром и человеком деловым. По слухам, сделки с земельной собственностью приносили ему баснословный доход: он скупал заваленные булыжником пустоши и расчищал их под застройку.

А еще поговаривали, будто он занимается еще и скупкой священных реликвий — не для того, конечно, чтобы завлекать в город верующих, но чтобы порадовать сердца их, раз уж паломники уже здесь. Щепы от подлинного креста, кусочки трости, на которой подавали наполненную уксусом губку, шип от тернового венца, склянка с каплей самого уксуса — эти чудесные святыни возможно было приобрести и по сей день за немалую цену. Алиса созерцала показанные ей сокровища с простодушным благоговением, но даже в пятилетнем возрасте подивилась тому, сколь неиссякаем запас выставленных на продажу гвоздей и шипов. Наверное, тут без чуда не обошлось? В ответ на расспросы девочки отец ее не без смущения отговорился рассуждениями о вере и символах; Алиса не поняла ни слова и тут же выбросила объяснения из головы.

В предостережениях — а отец строго предупредил дочку никого более о таких делах не расспрашивать — нужды не было: ну с кем могла Алиса потолковать по душам?

Двое сыновей Лентула уже выросли и обзавелись женами; впрочем, их дома и не случилось: один уехал по делам в Акру, другой вернулся в Массилию. Супруга Лентула Матильда, страдающая артритом, не покидала своих покоев, поручив ведение хозяйства престарелой чете иудеев, а те по большей части держались особняком.

Общества сверстников Алиса не знала. А поскольку весь день девочки занимали посещения святых мест и неизбежная череда

служб и молитв, а сразу после ужина ее отправляли спать, Ансерус и помыслить не мог, будто дочери его требуется что-то еще, чтобы заполнить время или мысли (впрочем, последнее ему и в голову не приходило: ведь Алиса была девочкой). Когда он задумывался-таки о дочери — а герцог был нежным и любящим отцом,— он полагал, что малютка наилучшим образом готовится к той жизни, что ей предстоит прожить. Ибо для девочки вроде Алисы судьбой назначено одно из двух: либо она выйдет замуж за подходящего человека по отцовскому выбору и родит ему детей, либо пострижется в монахини и затворится в обители целомудренной и непорочной невестой Христовой.

Несмотря на все свое благочестие, в отношении собственной дочери герцог склонялся к первому. Его прелестному поместью в Регеде с замком из розового камня — Arx Rosea на старинных картах,— возведенному на глубокой излучине реки Эден, в один прекрасный день понадобится новый хозяин и наследник и, уж конечно, внучка-другая тоже ко двору придутся. Еще как придутся, по чести-то говоря. Так что порою в церкви, видя подле себя это юное, похожее на цветок личико, в восторге обращенное вверх, к Богу, герцог Ансерус гадал про себя: что, если, удерживая дочь при себе на протяжении всего ритуала паломничества, он толкает ее — бездумно и до срока — прямиком в объятия Церкви?

Однако беспокоиться ему было не о чем. В случае ребенка менее смышленого и воображением не одаренного, опасения его, возможно, и сбылись бы. Но Алиса, безоговорочно соглашаясь со всем услышанным, тем не менее обрела веру, что являла себя на простейшем и вместе с тем на самом глубоком уровне. Она с легкостью воспринимала святых апостолов, и святых, и самого Господа Иисуса как реальных людей, которые встарь ходили вот тут же и творили небывалое — будь то магия или чудеса, какая, в сущности, разница? — а в один прекрасный день, глядишь, и объявятся снова. Конечно, Христа распяли, однако для паломников главным и важнейшим событием было Воскресение, счастливый финал, как в самых любимых Алисиных историях.

А тем временем иерусалимская жизнь окружала девочку со всех сторон, будоражила, волновала и занимала.

Столько всего вокруг происходит, столько всего можно посмотреть: заботливо орошаемые сады (а дома-то — подумать только! — дождик льет!), башни, где свили гнезда аисты и целыми

днями носятся и щебечут ласточки; ящерки и крохотные скорпиончики; яркие птички («Пять штук за два фартинга?»), малыши-верблюжата, что трусят за мамой-верблюдицей по узким базарным рядам, заваленные товарами прилавки, ряды медников, ковроделов, торговцев льняным товаром; играющие в грязи ребятишки, разодетые всадники на великолепных скакунах...

А как же Иисус, ведь Он тоже любил Иерусалим? В один прекрасный день и Он тоже вернется сюда, пройдет по этим улицам, полюбуется на новые постройки, потолкует с людьми, задержится поговорить с детьми... Алиса от души надеялась, что произойдет это, пока она с отцом здесь, в городе. Возможность еще представится, и не раз; ведь герцог дал обет ради спасения души совершать паломничество примерно раз в три года...

И года три спустя, когда Алисе уже исполнилось восемь и она снова приехала в Иерусалим с отцом, так оно и случилось.

Он шел по узкой каменистой тропке, что вилась сразу за садовой стеной.

Вилла Лентула стояла на окраине города, а дальше раскинулись поля — или то, что называлось полями здесь, в Святой земле: каменистые пустоши, на которых весной пробиваются редкие травинки, и чахлые бело-желтые цветочки вроде маргариток, и еще алые анемоны — отец называл их полевыми лилиями.

Летом здесь не росло ни травы, ни цветов, и пастухи в поисках пастбищ перегоняли стада все дальше и дальше.

Кажется, именно этим незнакомец — в воображении Алисы он уже стал Иисусом — и занимался. Он вовсе не ходил по городским улицам в окружении апостолов, беседуя с людьми; он медленно брел по тропке, уводящей из города, по колено в овцах. В одной руке он сжимал посох, а на плечах нес ягненка, второй рукою придерживая все четыре свисающие ножки.

Пастырь добрый. Алиса сразу узнала знакомую картину, хотя сам юноша очень мало походил на церковные росписи и гобелены. Даже на взгляд восьмилетнего ребенка, для которого тридцатилетний человек стар, а сорокалетний — дряхл и немощен, незнакомец был очень молод. И никаких тебе светлых кудрей, никакой тебе аккуратной бородки, никаких белых одежд и, уж конечно, никакого нимба. Просто-напросто худощавый юноша, темноволосый и темноглазый, щеки припорошила щетина нескольких дней, одет в бурый халат, перепоясан туго стянутым алым шнурком. Ноги — босы.

Овцы блеяли и жались ближе к нему. Он заметил девочку: та, вскарабкавшись на садовую стену, устроилась в тени тамариска. Поднял взгляд, улыбнулся.

Точно он, сказала себе Алиса, затаив дыхание, хотя здесь, под ослепительным солнцем, где со всех сторон накатывал шум и запах овец, для благоговения места не оставалось.

— Так ты все-таки вернулся! Я так и знала!

Он остановился, оперся на посох. Ягненок на его плечах тихонько взмемекнул. Пастух склонил голову, ласково потерся о него щекой.

— Я часто хожу этим путем.

Хотя девочка говорила на латыни, незнакомец ответил ей на ее родном языке, но чему тут удивляться? Вполне в его духе.

— Ну а ты, маленькая? — молвил он.— Сдается мне, ты здесь в гостях, приехала в мой город паломницей. Иерусалим, должно быть, совсем не похож на твою родную Британию. Ну и как тебе тут нравится — в земле, которую вы зовете святой?

— Нравится, еще как нравится. Но я вот думала...— начала было Алиса и вдруг ощутила робость, обычно ее натуре не свойственную.

А что прикажете отвечать тому, кто воскрес из мертвых, да еще и пришел в то самое место, где его так жестоко убили? Девочка сглотнула и умолкла.

— Так ты думала?..— подсказал пастух.

Его добрые глаза по-прежнему улыбались, но Алиса обнаружила, что расспросы просто-таки не идут с языка.

— Да так, про овец,— быстро нашлась девочка.— Такие длинноногие, и уши смешные болтаются... На наших совсем не похожи. А у нас дома в Регеде овцы особенные. Маленькие такие, с мохнатыми ножками и голубой шерсткой, и всю зиму в холмах пасутся. Нам не надо перегонять стада с места на место, как у вас. Там, где мы живем, травы всегда полно.

— Я немного знаю твою страну.— Еще бы ему не знать! — Там, должно быть, круглый год красиво.

— Да, да. Глаз не оторвать. Ты ведь и туда придешь однажды, правда? Говорят, будто в один прекрасный день...

— Леди Алиса! Леди Алиса!

Мария, няня девочки, задремавшая было под солнышком, только что проснулась и теперь прочесывала сад в поисках своей подопечной.

— Когда-нибудь, я надеюсь,— отозвался пастух и, взмахнув посохом в знак прощания, повернул прочь.

Алиса соскользнула со стены, побежала навстречу няне и остаток дня изумляла ее своим благонравием.

Глава 6

— Ты, случаем, не заметила: отец непременно заводит разговор о душе, когда ветер дует северный и по всему замку гуляет сквозняк? — молвила Алиса.

Ей уже исполнилось одиннадцать, а уж прелестна она была на удивление — насколько позволяет этот нескладный возраст.

Обращалась девочка к своей прислужнице Мариам. Та захихикала.

— Ну, южный-то ветер нам и вовсе ни к чему, верно? А так доплывем мы быстро и споро и еще до конца апреля окунемся в солнечный свет, благодарение Господу! До чего славно снова побывать дома.

Мариам родом была из деревушки в каких-нибудь двух милях от Иерусалима. Герцог взял ее в услужение во время последнего паломничества.

Алиса чуть слышно вздохнула.

— Чудесно там было, правда? А лучше всего удалось плавание — правда, тебя тогда с нами не было,— погода стояла до того ясная, а уж сколько всего мы посмотрели — и Рим, и Тарент, а потом погостили у родни матушки в Афинах. А по пути домой и ты в Афинах побывала. А уж само паломничество... Конечно, Иерусалим замечательный, хотя делать там особенно нечего, если не считать... ну, то есть я знаю, что вообще-то туда ездят ради спасения души, вот только...— И фразу завершило нечто очень похожее на вздох.

Рука Мариам, сметывающая сорочку для госпожи, на миг застыла в воздухе. Иголка сверкнула на солнце, что для марта светило необычайно ярко, так что в Алисиных покоях, окна которых выходили на юг, было довольно тепло. Впрочем, Мариам, даже спустя почти три года, к британским студеным зимам так и не притерпелась.

— Что только? — подсказала она.

— Ох, да просто не хочется мне уезжать из дому, когда весна на носу! Ты только погляди, сколько всего мы пропустим:

первоцветы уже распускаются, и лошадка моя в июне принесет жеребенка, и... ну, к этому времени мы, наверное, уже вернемся.

— Вернемся к июню? Ох, нет, госпожа моя, вы все позабыли! Да одно только путешествие морем длилось неделями, а я-то запомнила каждую из них, до того мне недужилось. К июню вам ни за что назад не поспеть.

Алиса встала с кресла, пересекла комнату, подошла к окну. Солнечные лучи косо падали в комнату через широкий каменный подоконник, вместе с легким ветерком внутрь потянулись запахи ранней весны — земли, сосновой смолы, распускающихся почек, благоухание молодой поросли.

Девочке казалось, что она чувствует тонкий аромат подснежников, еще не отцветших в запоздалых сугробах под деревьями. Она обернулась, улыбнулась собеседнице. Несмотря на явную разницу в возрасте — а Мариам была на четыре-пять лет постарше Алисы,— именно последняя, хозяйка Розового замка и окрестных земель с того самого дня, как появилась на свет, зачастую казалась старшей из двух.

Алиса заговорила мягко: так взрослый сообщает ребенку плохие новости и спешит утешить.

— Мариам, мне очень жаль. Я прямо не знала, как и сказать тебе. В этом году отец в Иерусалим не собирается. Вчера мы с ним об этом переговорили: похоже на то, что путешествие окажется слишком опасным, даже если плыть морем. Даже в Рим нельзя поехать, ведь император поддерживает бургундов, а из Афин, с тех пор как умерла моя двоюродная бабушка, ни слуху ни духу. Мне вправду жаль. Мне и самой очень хотелось еще раз увидеть Иерусалим, и я знаю, как ты мечтала побывать дома.

Поскольку семья отдала в услужение Мариам не без выгоды для себя и положение ее, таким образом, негласно немногим отличалось от рабского, девушка знала, что ее надежды никакой роли не играют и что, сочувствуя ей, Алиса выказывает доброту, на которую способна редкая хозяйка. Вооружившись терпением — одним из сильных качеств своего народа,— Мариам ничего не ответила, но молча вернулась к работе.

— Ежели все переменится,— молвила Алиса,— в следующий раз мы непременно туда отправимся, я просто уверена. И обещаю тебе: я позабочусь о том, чтобы ты поехала со мной.

— Пустое, госпожа. Вы ко мне слишком добры. И право, я здесь очень счастлива.— Иголка снова застыла в воздухе.— Но вы сказали... мне показалось, вы сказали, что господин герцог

собирается в путешествие? Ради спасения души, вы сказали? И что вы, возможно, вернетесь к июню? Так где ж это, так близко-то? Ах да, на Тейбл-Хилл живет святой человек, есть и Гиблая часовня, где хранился и был извлечен меч верховного короля, но ее христианской святыней-то не назовешь, так что отца вашего туда вряд ли потянет. И быть того не может, чтобы затевалась очередная поездка в монастырь, где погребена госпожа ваша мать,— ведь это никакое не паломничество, правда? Ну девять миль, ну от силы десять! Так куда же и ехать, если не в Иерусалим?

— Да ты прямо мои слова повторяешь! — рассмеялась Алиса.— Для тебя в мире существует одно место и только одно: Иерусалим, а для меня — Розовый замок! Однако обе мы поедем в Тур.

— В Тур? А это где?

— В Галлии. Это во владениях короля Хлодомера, изрядно далеко на юге. Столица короля — Орлеан, но отец говорит, что Тур — очень милый город. Стоит он на огромной реке Луаре, и течет она по прекрасному, изобильному краю. Звучит просто чудесно. Отец уверяет, что старая королева — ну, мать короля — живет там подолгу и сама она страх как набожна, так что паломникам есть где с удобством остановиться. Не то чтобы это играло роль, конечно.

— Конечно нет,— очень серьезно подтвердила Мариам.— А если это настолько далеко на юге, так там, может статься, даже тепло. А зачем христиане ездят в город Тур?

— Там гробница святого Мартина. Кажется, он был епископом,— неуверенно пояснила Алиса.— Как бы то ни было, он творит одно чудо за другим. Отец мне не так уж много рассказывал, но помянул, что старый король Хлодвиг — Хлодомер ему сыном приходится — там покрестился. Он принял христианство в благодарность за то, что выиграл какую-то битву. Королева Хродехильда была христианкой — и уговорила-таки мужа. Понятия не имею, с кем уж он там сражался; отец говорит, эти франки вечно воюют.

По чести говоря, герцог рассказал дочери немало полезного.

Опасения насчет того, что со смертью Хлодвига на большой земле начнется смута, оказались более чем оправданны. По обычаю салических франков («И до чего же дурацкий обычай, если на то пошло!» — заметил Ансерус), земли, которые Хлодвиг, провоевав всю жизнь, покорил и привел под единую власть, после

его смерти поделили между его четырьмя сыновьями. Старший, Теодорих, сын одной из королевских наложниц, получил обширные области на севере; Хлодомеру, законному наследнику, отошли плодородные земли вдоль реки Луары; третьему сыну, Хильдеберту, досталось широкое побережье от Луары до Шельды, ну а четвертый сын, Хлотар, обрел область к северу от реки Соммы вместе с частью Аквитании. Равным такой раздел не назвал бы никто, в результате братья перессорились — и теперь дорога через салические земли сделалась опасной даже для паломников.

— Если не считать королевства Хлодомера в Орлеане; там-то относительно спокойно,— заверил Ансерус.— Хлодомер — христианин, по крайней мере по названию, и дороги для паломников открыты. Их просто-таки с распростертыми объятиями принимают. Королева Хродехильда, вдова Хлодвига, подолгу живет в Туре. Если она окажется там одновременно с нами, то надеюсь тебя ей представить.— Ансерус улыбнулся.— Да право же, дитя, успокойся! Помни, что эти франки — народ грубый, живут только войною, и, христиане ли, нет ли, а смертоубийство для них — сущие пустяки, ежели речь идет о выгоде. Радуйся уже тому, что наш статус защитит нас, но Камелота не ожидай.

«Хотелось бы мне,— печально вздохнула Алиса,— чтобы какой-нибудь епископ или кто бы уж он там ни был, скончался и принялся совершать чудеса в Камелоте, тогда бы мы и там побывали».

Но вслух девочка этого не сказала.

Галльские короли из рода Меровингов

Глава 7

На закате дождливого и ветреного апрельского дня вдали показался город Тур.

Городу франков до Камелота было, безусловно, далеко. Вокруг мрачноватой цитадели, отстроенной из серого камня, теснились домишки, словно съежившись пред нею,— в лучшем случае наполовину каменные, наполовину деревянные, в худшем — из слепленного из грязи кирпича и с насквозь промокшими соломенными крышами. Огибающая город река, величественно-широкая, тоже казалась серой; под низким пасмурным небом стремительно катились белые барашки. Трудно было вообразить себе нечто более непохожее на розово-алое очарование замка Ансеруса или на опаленное солнцем, осыпающееся великолепие Иерусалима. Но гостиница для паломников на противоположном городу берегу реки выстроена была надежно, крыша дождя не пропускала, а внутри, в сухости, гостей ждали огонь, снедь и красное вино, вкуснее которого они отродясь не пробовали.

Граф, благодаря судьбу за то, что послание от королевы его не поджидает, сразу после ужина вместе со всеми своими спутниками удалился на покой и, смертельно усталый, забылся сном.

На следующее утро дождь прекратился, солнце поднялось высоко и городишко на другом берегу подернутой рябью голубой реки показался если не роскошным, то по крайней мере милым.

Между домов цвели плодовые деревья, народ нескончаемым потоком спешил спозаранку через мост к рынку. Даже золоченый шпиль сиял под солнцем, а над цитаделью развевался флаг, возвещая о присутствии либо короля, либо престарелой королевы-матери.

И разумеется, приглашение пришло, пока приезжие сидели за завтраком.

Королева Ходехильда пребывает в Туре и примет герцога с леди Алисой, как только те помолятся у святой усыпальницы, а после того счастлива будет предложить им гостеприимство под своим кровом на все то время, пока они здесь.

Посланец сообщил, что королева расположилась не в цитадели, а в собственном своем дворце на другой стороне города. Эскорт их проводит.

На первый взгляд дворец производил впечатление столь же неутешительное, как и первое, омраченное дождем знакомство с Туром.

— Дворец? Да это же просто крестьянский двор какой-то! — пожаловалась Алиса служанке: мул Мариам трусил бок о бок с ее пони. Девушка предусмотрительно понизила голос, чтобы не услышали сопровождающие, и с сомнением оглядела вышитую, лимонного цвета юбку своего лучшего платья.— Жаль, я не захватила башмаков погрубее вместо этих туфелек! Полагаю, нам и впрямь сюда, но ты уверена, что утренний посланник сказал «дворец»?

— Да,— подтвердила Мариам, которая, до того как впервые увидела Розовый замок, непременно сочла бы строение ежели не дворцом, так уж домом весьма и весьма зажиточным.— Но на вид очень мило, правда, все равно как в деревне? Уж больно не по душе мне город! Куда ни ступи, везде эти нищие бедолаги; я бы ни шагу не сделала за порог без спутников, чтобы отгоняли побирушек! А уж вонь-то какая на улицах, не продохнуть!

Поскольку в этот момент отряд ехал вверх по узкой дороге, вроде тех троп, что дома ведут к сельской усадьбе, путь им преградило стадо свиней, которых гнали из лесу. Алиса рассмеялась.

— Полагаю, где бы ни жила королева — там и дворец. В конце концов, кто его и создает, как не королева. Вот только от души надеюсь, что полы там чистые!

Королева Ходехильда, вдова великого короля Хлодвига из династии Меровингов, одним своим присутствием придала бы королевского величия и свинарнику. Что, кстати, было весьма уместно, поскольку хлева и коровники того, что явно было хутором и ничем иным, находились совсем близко от той комнаты, куда ввели герцога и его спутников. То была просторная, длинная зала, отчасти сохранившая строгое достоинство изначально римского образца; мозаичный пол радовал мастерством исполнения, настенные гобелены ярких цветов ныне изысканно поблекли, а в четвертой стене, ничем не завешенной, был проделан ряд арок, что выходили на внутренний двор, являя взору кадки с цветами, апельсиновые деревья, пестреющие плодами и бутонами, и прелестный фонтан. Спальни и комнаты для гостей располагались по двум другим сторонам дворика, а четвертая открывалась на зеленый пастбищный склон, сбегавший к реке. За гостевыми комнатами размещались кухни и помещения для слуг, и только узкая полоска садика и плодовых деревьев отделяла от королевских покоев конюшни, коровники и амбары большого, процветающего хозяйства.

Дворец и впрямь был усадьбой, но не только; как большинство жилищ франкской знати, то было единое целое, селение в миниатюре, самодостаточное как в дни мира, так и войны. Апрельские ветра вместе с запахами конюшни и хлева, вместе с мычанием коров и неумолчным кудахтаньем домашней птицы несли с собою и иные звуки: звон кузнечного молота, иной по тону лязг оружейной мастерской, перестук ткацкого станка, смех и перекликающиеся голоса женщин, занятых у реки стиркой.

Но в самом чертоге царил если не строгий этикет, то благоговейная тишина. В конце зала, в центре небольшого возвышения, красовался королевский трон. Рядом стояли десятка два мужчин и две женщины, обе в темных монашеских одеяниях. Мужчины, со всей очевидностью, по большей части были воинами: в кожаных доспехах с железными пластинами, с поясами и браслетами, украшенными драгоценными камнями, и все до единого — высокие синеглазые, со светлыми волосами по плечи и длинными усами. На заднем плане дожидались еще двое: один — в облачении священника, лицо скрыто под капюшоном, другой — высокий темноволосый юноша; серебряная цепь на шее, верно, означала какую-то дворцовую должность.

Сама королева стояла у одной из арок, с мечом в руке, поворачивая лезвие так и эдак под солнцем, и, наклонившись совсем близко, оценивала прямизну и большим пальцем пробовала острие. Еще один человек, судя по одежде — раб, в кожаном переднике и наручах кузнеца, держался рядом, видимо ожидая приговора своему творению. Дворецкий объявил о прибытии гостей, королева подняла взгляд и обернулась, одним движением перебросив меч мастеру. Клинок, звякнув, ударился о бляшки на крепкой коже и соскользнул на пол. Раб, проворно увернувшись, поймал меч, падающий в каком-нибудь дюйме от его ноги. Он взвесил клинок на руке, усмехнулся, глядя на потрясенное личико Алисы, и зашагал через внутренний двор к воротам, за которыми, надо думать, располагались мастерские.

— Милорд герцог.— Королева даже не оглянулась посмотреть, куда упал меч.— А это ваша дочь, леди Алиса? Добро пожаловать в наше королевство.

Снаружи, у одной из арок, там, где весеннее солнце согревало каменные плиты внутреннего дворика, стояли кресла. Королева повела гостей туда. Подоспевший слуга внес блюдо с каким-то аппетитным печевом и кувшин с вином, бледно-золотистым

на цвет и восхитительно благоухающим цветами. Алиса, присев на табуреточку у кресла отца, потягивала напиток, прислушивалась к обмену любезностями, наблюдала за белыми голубями, что, воркуя, важно прохаживались по крышам, и гадала про себя: неужто это паломничество, под стать иерусалимским, пойдет на пользу (хотелось бы верить!) ее душе, но никоим образом не уму и не телу? Ах, если бы друзья ее отца не были все как на подбор глубокими стариками да старухами!

Королеве, которая детскому взгляду неизбежно казалась «старухой», до пятидесяти недоставало какого-нибудь года-двух. В девичестве она, должно быть, отличалась красотой и статью; нетрудно было вообразить себе облик, исполненный гордости и жизненной силы, и неотрывный взгляд синих глаз, и прямую осанку. Ныне она казалась тонкой и сухощавой, забота испещрила нежную кожу морщинами, заволокла глаза усталостью. Волосы ее скрывала вуаль, а платье было из темной ткани, где-то между коричневым и зеленым. Для королевы подобное одеяние казалось простым, почти монашеским, зато на поясе сверкала золотая пряжка великолепной работы, а на груди, на золотой цепочке, покачивался украшенный драгоценными каменьями крест. Из-под темного платья выглядывали туфельки из мягкой, бронзового цвета лайки. Возможно, облачение и походило на монашеское, однако производило впечатление сдержанной элегантности, а жизненной силы и гордости с годами в королеве ничуть не убавилось.

Но Алиса ничего этого не заметила. Ах, если бы, думала девочка, если бы только хозяйка была помоложе: юная королева с детьми, Алисиными ровесниками...

В это самое мгновение, словно мысль Алисы обернулась загаданным желанием, какой-то мальчик взбежал по склону от реки и вихрем ворвался во двор. За ним с трудом поспевала краснолицая женщина, встревоженно выкликая его имя.

— Теодо! Принц Теодо! Теодовальд! А ну вернитесь! У вашей бабушки гости, вы же знаете, что вам следует оставаться со мной!

Завидев королеву, женщина смущенно умолкла. Она застыла как вкопанная и присела в реверансе, а мальчишка, не обращая на нее ни малейшего внимания, с хохотом помчался было к королеве, но тут, заметив Алису и герцога, остановился и с завидным самообладанием, пусть и слегка запыхавшись, раскланялся с гостями.

Женщина, надо думать няня мальчика, снова присела до земли, что-то пролепетала и поспешно ретировалась. Ни королева, ни мальчик даже не обернулись в ее сторону. Похоже, Меровинги не слишком-то балуют низших своим вниманием, подумала про себя Алиса.

— Мой внук.

В голосе королевы слышалась гордость и еще некая совсем новая нотка: кажется, Хродехильда души не чаяла в мальчике. Он был помладше Алисы, лет шести-семи, однако для своего возраста достаточно высок. Волосы его, такие же светлые, как у остальных мужчин, отросли длинными, почти до пояса. И это, и чистая, нежная кожа, и синие глаза, и пухлые детские губы, возможно, сделали бы его похожим на девочку, если бы не высокомерная посадка головы и чуть упрямая линия скул. Мальчик доверчиво подошел прямо к бабушке, а та легонько дотронулась до плеча внука и пропустила сквозь пальцы длинную прядь волос.

— Я так понимаю, это и есть старшенький вашего сына, короля Хлодомера? — проговорил герцог Ансерус, улыбаясь мальчику.— Славный отрок, и уж совсем большой вырос! Вам есть чем гордиться. У него ведь и брат есть, кажется, несколькими годами младше? Они оба сейчас здесь, с вами?

— Да. Когда я в Туре, мальчики всегда приезжают ко мне. Их отец вечно в разъездах, а королева Гунтевка всякий раз сопровождает мужа. Их уже трое: прошлой зимой родился еще один. Средний, Гунтар, и малыш Хлодовальд пока под надзором нянек, но Теодовальд уже в том возрасте, когда предпочел бы общество мужчин...— королева поджала губы, что, по всей видимости, означало улыбку,— или мое. Он знает, что я его считаю за взрослого.

Герцог Ансерус что-то ответил, и вскоре королева и гость уже с головой ушли в разговор о недавних переделах франкских королевств и о том, что все это означает. Ну сколько можно, думала про себя Алиса, устроившись на своей табуреточке, чинно сложив на коленях руки и не без грусти поглядывая на освещенные солнцем верхушки деревьев над крышей дворика. Впрочем, здесь отец ее вряд ли станет излагать свое мнение касательно раздела земли, что неизбежно влечет за собою распри и сражения и все ужасные последствия войны, среди которых не последнее место занимает временное разорение той самой земли, что и послужила причиной раздора... А, хорошо, эту тему благополучно миновали, теперь речь зашла о святой усыпальнице и задумках

королевы насчет ее украшения. Увы, и об этом тоже можно толковать бесконечно...

Тут девочку дернули за юбку, и она обернулась. Теодовальд, качнув головой и вопросительно глядя на нее, безмолвно приглашал Алису отправиться с ним, а взрослые пусть себе разговаривают. Она радостно закивала и откашлялась, прежде чем обратиться к старшим с церемонностью, подобающей в подобном обществе.

— Мадам, милорд герцог... отец. С вашего милостивого дозволения...

— Бабушка, я пойду покажу Алисе коней,— сообщил Теодовальд и, со всей очевидностью не нуждаясь в дозволении, милостивом либо ином другом, ухватил девочку за руку и рывком помог ей подняться.

Ростом мальчик почти не уступал ей. Алиса обратила к отцу взгляд, не то смеющийся, не то оправдывающийся, герцог, улыбаясь, кивнул, и девочка поспешила за принцем наружу, на залитый солнцем двор. Королева проводила ее взглядом и, не запнувшись, продолжала рассказывать о своем сыне, короле Хлодомере, и про священный долг, унаследованный им в отношении собора Святого Мартина вместе с неиссякаемым потоком паломников к величайшей из святынь Европы с грандиозной базиликой, которую возвели над тем местом несколько сотен лет тому назад.

Алиса, присев в реверансе, развернулась и побежала через двор вслед за принцем.

Глава 8

Поселение, будь то дворец или деревенский двор, оказалось куда больше, нежели воображала Алиса. Глазам ее явился обширный, беспорядочно раскинувшийся комплекс домов и хозяйственных построек, огородов и фруктовых садов, где работники копали землю и занимались посадкой, и дворов, где суетились девицы с корзинами, полными снеди или охапками белья. На конном дворе мужчины — и стража, и воины, судя по виду,— праздно слонялись туда-сюда либо сидели на теплых каменных плитах, играя в кости, в то время как конюхи и скотники занимались своими подопечными. Принц направился к тропке между двумя рядами ульев и загоном, где сгрудились белые козы, и Алиса, подобрав лимонно-желтые юбки, поспешила за ним, осторожно пробираясь по мощенной булыжником дорожке, ко-

торую, со всей очевидностью, испокон веков не подметали. Они миновали кузню; кузнец, вновь взявший в работу тот самый меч, что недавно показывал королеве Ходехильде, кивнул им в знак приветствия. Позади него, в мерцающем отсвете кузнечного горна, Алиса разглядела лес составленных в углу пик. Дворец королевы Ходехильды, похоже, мог выставить, снабдить лошадьми и вооружить небольшую армию.

В тесном проходе под аркой, что, отбрасывая на землю темный полукруг тени, выводил из лабиринта строений к виноградникам, Теодовальд задержался, поджидая девочку. Открытые солнцу, виноградники тянулись вверх по покатому склону долины вплоть до поросшего лесом гребня примерно в полумиле от замка. На лозах только-только набухали почки; маленькие приземистые кустики, высаженные ровными рядками на скате, ничем не предвещали грядущего урожая. Но даже сейчас было видно: они изрядно лучше тех лоз, что так заботливо холят в Розовом замке на укрытом и защищенном участке в половину акра. Солнце припекало вовсю, струя горячие лучи на молодую листву и розовые почки, а между рядами лоз почва уже подсыхала до летней пыли. Неудивительно, подумала Алиса, что вина Луары на вкус так отличаются от регедских.

Здесь дети оказались за пределами видимости слуг и стражи внутреннего дворика. Теодовальд обернулся через плечо.

— Быстро! — проговорил он.— Сюда!

И побежал через виноградник.

Там обнаружилась тропа: рассекая виноградник надвое, она уводила к вершине холма — достаточно широкая для того, чтобы проехала телега, и вся в глубоких выбоинах. А уж пыльная-то! Туфельки Алисы уже и так изрядно пострадали, а роскошных платьев у девочки было не так уж и много, чтобы пожертвовать лимонно-желтым шелковым. Алиса заколебалась, но мальчик настойчиво повторил:

— Быстрее! Да пошли же!

И бегом припустился по тропке. Девочка подобрала юбки выше колен и поспешила за ним.

На вершине склона, между виноградником и лесом, протянулась невысокая, сложенная без раствора стена, местами заросшая травой и ежевикой. Там, где камни осыпались, зияли провалы.

— Сюда,— тяжело дыша, позвал Теодовальд, запрыгивая на одну из выбоин.

Алиса в смятении помедлила. Туфельки ее, надо полагать, погибли безвозвратно, но платьице лимонного шелка — еще нет, и жалко было ставить под угрозу этакую ценность. Даже если ей удастся перебраться через стену, лес за ее пределами пугал сплетением ветвей и непролазными зарослями.

— Ты куда?

— Быстрее! Нас еще не хватились!

И с этими словами принц спрыгнул вниз, в кусты.

Алиса, задержавшись в нерешительности, услышала, как мальчуган с глухим стуком приземлился, охнул и коротко вскрикнул. Девочка подбежала к стене и перегнулась на другую сторону.

— Что такое? Ты ушибся?

— Камень под ногу подвернулся. Со мной все в порядке, но вот колючки... выбраться не могу!

Что называется, попался так попался! Споткнувшись уже на земле, он полетел прямехонько в колючие заросли ежевики и теперь пытался стряхнуть с себя длинные, гибкие, упругие плети, что, зацепившись за одежду, удерживали пленника мертвой хваткой.

Дома, в земле овечьих пастбищ, Алиса не раз и не два приходила на помощь овечке, запутавшейся в лютых колючках ежевики или дикого шиповника. Ну что ж, прости-прощай, лимонно-желтое платьице! Девочка решительно сжала прелестные губки, подобрала юбки еще выше и собралась уже перелезать через стену.

— Постой-ка минутку спокойно. Я помогу. У меня в сумочке есть ножницы...

— Нет-нет, не надо! Я уже почти выбрался. Вот только...

Последовало восклицание на языке франков, которого Алиса не поняла,— очень может быть, что и к счастью. Теперь девочка видела: в ежевике запуталась не только одежда принца, но и длинные его волосы: подобно ткани, пряди крепко-накрепко обмотались вокруг шипов.

Впрочем, о платье принц не задумывался; рванувшись так, что затрещала ткань, он высвободился и, по-прежнему на коленях, извлек из ножен на поясе острый кинжальчик и отсек колючую плеть, в которой запутались его волосы и надорванный лоскут туники. Осторожно придерживая ветку, он перебрался обратно через стену. Руки его были в крови, но принц словно не замечал этого. Он пытался, все еще бормоча что-то себе под нос на языке франков, выпутать из колючек волосы и ткань.

— Дай-ка я,— предложила Алиса, запуская руку в сумочку в поисках ножниц: девочка всегда носила их при себе.

— Нет! Я сам!

Теодовальд отпрянул, спасая спутанный локон от ее посягательств.

— Но у тебя же руки в крови! Позволь мне только взглянуть...

— Нет, убери эту штуку! Говорю тебе, резать нельзя! Никогда, ни за что!

— Почему нет?

Но, еще не договорив, девочка вспомнила еще кое-что из того, что отец поведал ей об этих странных франках. «Их короли никогда не стригут волос,— говорил он.— Для них длинные волосы — знак королевской власти, точно львиная грива. Обрезать пряди коротко — унижение и стыд. А то и потеря королевства».

Девочка поспешно убрала ножницы.

— Я позабыла. А ведь отец мне рассказывал! Говорил, что длинные волосы — это королевский символ. Прости, пожалуйста. Ты сам справишься?

— Конечно. Смотри, вот и все.— Принц отшвырнул ветку, отбросил длинные пряди назад, заботливо их пригладил.— А что такое символ?

— Мне... мне сдается, это значит, что вещь что-то собою представляет. Ну, вроде знака. Как, скажем... например, как крест.

— Или корона?

Наследник Меровингов вытер исцарапанные руки о перед туники и жестом пригласил Алису сесть рядом. Девочка снова заколебалась, с сомнением глядя на пыльные камни, но принц был здесь хозяином, а хорошие манеры есть хорошие манеры, так что она снова подоткнула платье и, высмотрев на стене местечко почище, осторожно присела.

— А куда мы направлялись? И зачем такая спешка?

Принц качнул головой в сторону подножия холма. Алиса пригляделась: из-под сводчатого прохода появились четверо воинов. Оружие их блестело на солнце. Один из них, судя по всему главный, поднял руку в знак приветствия и что-то крикнул. Теодовальд остался сидеть где сидел, колотя пятками по стене.

— Кабы мы поторопились, мы бы успели добраться до леса и спрятаться. Там есть укромные уголки, где нас бы ни за что не нашли, да только в этих юбках ты бы туда не пробралась.

— Наверное, нет. Прости, пожалуйста. А ты хотел спрятаться?

— Ну конечно.

— А зачем?

— А то сама не знаешь! Глянь-ка туда! Похоже, и тебя ждет то же самое.

Только теперь Алиса заметила Мариам: подобрав юбки на манер ее самой, прислужница с трудом взбиралась по холму следом за воинами.

— Разве тебе никогда не хотелось сбежать и побыть одной, чтобы никто не указывал тебе, что делать? — полюбопытствовал мальчик.— Тебя хоть когда-нибудь оставляют в покое?

— Дома — да, порою. Но когда путешествуешь, все иначе. Предполагается, что моя горничная всегда при мне.

— И что же за опасности такие тебя здесь якобы подстерегают?

— Наверное, об этом никто и не задумывается.— Алисе почему-то показалось, что в вопросе принца прозвучала скрытая обида.— Слуги просто исполняют приказ. Полагаю, будь я мальчиком, со мной обращались бы иначе.

— Только не на моем месте.

Воины остановились в нескольких ярдах, явно дожидаясь распоряжений принца. В руках их по-прежнему поблескивало оружие. Они находились вне пределов слышимости, однако Алиса на всякий случай понизила голос.

— Ну, с тобой все иначе, ты же принц. Но ведь здесь твой дом! Ну не твой, так твоей бабушки. Что за опасности такие здесь подстерегают тебя?

— Ох, да что угодно! Меня днем и ночью охраняют, но и со стражей никогда не знаешь, кому доверять. Соглядатаи моей бабушки всегда начеку, да только врагов распознаешь не всегда.

— Какие еще враги? Вы ведь сейчас не воюете, разве нет?

— Нет, сражаться не сражаемся. Оба моих дяди сейчас в Париже, так что отец говорит, что мы все трое — мои братья и я — в относительной безопасности, но когда он в отъезде, бабушка с приближенными приезжает сюда из Парижа и приглядывает за нами.

— Ты сказал — дяди?

Мальчик кивнул, явно неправильно истолковав смысл вопроса. Голос его звучал вполне обыденно.

— Мой дядя Хильдеберт и король Хлотарь. Особенно опасен дядя Хлотарь: здешние земли куда лучше его собственных. Конечно, они не прочь отобрать их у отца. Мой дядя Теодорих — самый старший, да только он низкорожденный.— Принц поджал губы, снова кивнул.— И все равно, бабушка говорит, если ему посулят достаточно, он дядьям поможет. Само собой, после того обещаний они не сдержат.

Брат убивает брата, отец — сына, говаривал герцог Ансерус. Алиса, глядя на мальчика — на ясный детский лоб, по-королевски длинные волосы, сейчас в удручающе спутанном состоянии, разорванную тунику и перепачканные руки и коленки,— прикусила язык, ощутив внезапную острую боль — это накатило сострадание, смешанное с недоверием. Сама еще дитя, девочка никогда не знала ни подозрительности, ни предательства — ликов зла, с которыми этот мальчик, годами младше ее самой, уже свел близкое знакомство.

— Но...— начала было она и тут же умолкла: Мариам, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, преодолела последние несколько шагов и, тяжело дыша, встала перед ними.

— Госпожа... миледи...

Она запнулась, переводя дух, и с сомнением глянула на мальчика. В изодранном платье, весь перепачканный и в крови, Теодовальд никоим образом не соответствовал представлению Мариам о принце. Но девушка присела-таки в реверансе, обращенном куда-то между детьми.

— Госпожа, я думала, вы все еще с отцом. Мне показывали кладовые, и... Ох, боже спаси и помилуй! Ваши туфельки! И платье! На этой грязной стене! Оно теперь ни за что не отстирается! О чем вы только думали? Идемте-ка со мною сей же миг, и я попытаюсь...— В лице принца отразилось изумление столь глубокое, что служанка умолкла на полуслове, прикрыв рот ладошкой.— Простите, миледи...

— Все в порядке, Мариам. Принц показывал мне вид на долину. И мы беседовали. А теперь не подождешь ли ты в сторонке?

Служанка снова присела в реверансе, на сей раз рассчитанном на то, чтобы восстановить достоинство госпожи, и отошла к ожидающей группе воинов.

Но Теодовальд уже соскользнул со стены.

— Зря все это. Все равно придется возвращаться. Вон идет бабушкин управляющий. Верно, время к обеду. Кстати, я и впрямь голоден. А ты разве нет?

— Если задуматься, то да,— отозвалась Алиса. Она встала и принялась отряхивать юбки от пыли, а запачкались они изрядно.— Если нам еще мыть руки перед трапезой...

— Это еще зачем? Вымоем потом, когда будут в жире,— бодро откликнулся принц и бегом помчался вниз по холму.

Стражники поспешили за ним, а управляющий, перемолвившись словом с Мариам, подошел поздороваться с Алисой.

Этого самого юношу девочка углядела в глубине зала, когда королева встречала гостей. Теперь, в солнечном свете, он оказался высоким, темноволосым и темноглазым, скромно одетым в охряную тунику и темно-коричневое верхнее платье. На груди его поблескивала серебряная цепь — знак должности, а на ней болтался позолоченный значок королевы. На плече — брошь чеканного серебра, на поясе — сумка из доброй кожи, дубленой и глянцевой, точно конский каштан, и связка ключей. Управляющий королевы, сказал Теодовальд. Доверенный слуга. Но ведь явно чужеземец, нет? — думала про себя Алиса. Уж больно не похож на франка. Может, римлянин? Один из тех горемык, зачастую из хорошей или даже знатной семьи, кого захватили в плен и обратили в рабство франкские завоеватели.

Но нет, вряд ли. Не успел юноша заговорить, как к нему подоспела Мариам — раскрасневшаяся, взволнованная.

— Леди Алиса! Вы только вообразите себе! Он из тех же мест, что и я, да что там — из соседней деревни! Здесь, в Туре! Ну разве не чудо?

Юноша поклонился и выпрямился. Алиса, судорожно вцепившись в складки юбки, застыла на месте, потрясенно глядя на него.

— Ты? — охнула она.

Брови юноши взлетели вверх.

— Госпожа? — И тут лицо его озарилось улыбкой.— Да это же маленькая дева! Маленькая дева из Иерусалима! И уже никакая не маленькая, но взрослая леди, и притом раскрасавица! Ну, как вы поживаете, как поживают овечки с голубой шерсткой, что пасутся на британских холмах?

— Я думала, ты Иисус.— Слова эти, слетевшие с языка, заключали в себе всю силу простодушия. В следующее мгновение девочка уже пожалела о сказанном и почувствовала, что краснеет. И быстро добавила: — Я тогда была совсем маленькая, а ты нес ягненка и словно бы знал, кто я такая, и... пожалуйста, не смейся! Я навсегда запомнила ту встречу, и я знаю, что это глу-

по, но иногда я понарошку играла сама с собою, будто все — правда.

Смеяться он не стал. Напротив, серьезно ответствовал:

— Вы оказали мне великую честь. Если бы я только знал, я бы непременно сказал вам, что я только сын поселянина, человек самый что ни на есть обыкновенный, но звался я... и зовусь... собственно говоря, Иисусом.— Юноша улыбнулся смятению собеседницы.— На то, чтобы пользоваться этим именем, мы смотрим иначе, чем вы, маленькая. Но здесь меня знают как Джошуа. Имя то же самое, только вам будет проще его произносить, правда?

— Я... да, конечно. Так... как случилось, что ты так хорошо говоришь на моем языке?

— В Иерусалиме всегда полным-полно паломников, и многие — из вашей страны. А новые языки мне легко даются. Ценный дар,— снова улыбнулся он,— тем паче для честолюбца.

— Понятно...

Девочка обнаружила, что все еще стискивает в пальцах юбку лимонно-желтого шелка. Она разжала руки, так чтобы платье расправилось до подобающей длины, и разгладила складки, чувствуя, как вместе с этим движением самообладание понемногу возвращается.

— Значит, теперь ты управляющий королевы? — Девочка снова перевоплотилась в леди Алису.— И как же ты здесь оказался, мастер Джошуа?

— Если позволите, я расскажу вам по пути вниз. Время обедать, и вас уже заждались. Обопритесь на мою руку, леди, спуск здесь крутой.

— Боюсь, у меня руки в пыли. Не хотелось бы запачкать тебе рукав.

Джошуа только рассмеялся в ответ и положил ладошку девочки себе на руку. Так, вместе, зашагали они вниз через виноградник, а Мариам, сияя счастливой улыбкой, побрела следом.

Глава 9

Если бы Алисе довелось услышать все то, что королева Хродехильда рассказывала герцогу, девочка поняла бы куда яснее, почему юного принца стерегут так бдительно, даже в его собственном доме.

— Один только Господь и его святые ведают, сколько еще лет осталось нам привечать паломников в Туре. Как вы знаете, герцог, земли к северу от реки — в руках моего сына Хильдеберта, так что дорога, по которой вы ехали вдоль долины, и монастырь, где вы провели прошлую ночь, принадлежат ему.

— Истинно так. И доехали мы благополучно и с удобством. Есть ли повод думать, будто он захочет заградить путь паломникам? И — с вашего дозволения, госпожа,— откажется от такого источника дохода? Он ведь христианин, разве нет? Мне казалось, что...

— О да. Когда господин мой король Хлодвиг был принят в лоно святой церкви, сыновья мои крестились вместе с ним, а также и множество наших воинов.— Губы королевы изогнулись в улыбке.— Но наши соотечественники сперва воители, а потом уже христиане.

— Но пока вы правите здесь, в Туре, госпожа, ваши сыновья наверняка станут радеть об усыпальнице и дорогах паломничества, как то и задумывали вы и ваш супруг.

— Пока я жива, да, возможно. Но пока бургунды тявкают у нашего порога, кто знает, кто из королей, сыновей моих, вернется живым из очередного военного похода? Принц Теодовальд уже подрос и смышлен не по летам, да, и я воспитала его в благочестии, но ему еще и семи не исполнилось, а бургунды уже бряцают оружием вдоль наших восточных границ.

Герцог замялся, и королева, улыбнувшись одной из своих насмешливых улыбок, резко качнула головой.

— Вы вспомнили, что я сама родом из Бургундии? Успокойтесь, герцог; к дяде Сигизмунду я любви не питаю, и хотя в истории с моим замужеством он использовал меня как пешку в игре за власть, пешкой я не осталась, разве лишь в руках Господа и во имя Господней святой цели.

— Прямиком на восьмую клетку — и мат? — улыбнулся герцог, и Хродехильда рассмеялась.

— Да, из пешек — в коронованные королевы! Я — франкская королева по имени и по духу! Будь жив мой господин и супруг Хлодвиг, в один прекрасный день он выступил бы против Бургундии, что бы уж там ни говорил на сей счет этот римский холуй! А я бы ни словом не стала его отговаривать. Но Хлодвиг мертв, а сыновья мои, увы, ссорятся между собой, так что Бургундия не сегодня-завтра того и гляди воспользуется благоприятным моментом.

— Даже если и так, сможет ли Бургундия — одна, ибо я очень сомневаюсь, что император рискнет заключить союз,— собрать воинство, способное противостоять единой мощи франкских королевств? Ведь наверняка перед лицом подобной угрозы ваши сыновья позабудут свои разногласия и в битву выступит объединенная армия франков?

— Вот об этом я и молюсь.

— И радеете, госпожа?

— И радею.— На сей раз улыбка показалась мрачной.— Так что я разъезжаю между сыновними столицами, и — я этого и не скрываю — у меня еще остались друзья при бургундском дворе, которые извещают меня по мере надобности. По старой дружбе...— Слова прозвучали издевкой, но герцогу почудилась в них нота искренности.— Я содержу здесь собственный дворец, рядом с усыпальницей святого Мартина, и еще основанный им монастырь, самый первый в Галлии и самый святой из всех. Так что Хильдеберт обосновался в Париже, пока я здесь приглядываю за его границами, а Хлодомер ждет в Орлеане, не предпримет ли чего Годомар Бургундский. А пока я здесь...

Королева пожала плечами, так и не докончив фразы.

— Никогда не поверю, чтобы такая королева не преуспела бы в любом затеянном ею начинании,— учтиво отозвался герцог Ансерус.

— Ха! — Лающий смех прозвучал обескураживающе.

«А старая королева отнюдь не глупа,— подумал Ансерус.— Она не хуже меня знает, что эти ее сынки, в лучшем случае христиане только по названию, воспользуясь самым пустячным поводом, разорвут страну на куски точно так же, как голодные волки раздирают мертвую тушу. Ну что ж, остается надеяться, ради нее и ради юного Теодовальда — и, что важнее, ради Британии и того хрупкого мира, что поддерживает здесь верховный король,— что Хлодомер проживет достаточно долго, сыновья его успеют вырасти и королевство благополучно и мирно отойдет им».

Герцог встретился взглядом с Хродехильдой. Спору нет, старая королева не глупа, совсем не глупа. Она кивнула, словно отвечая на его мысли.

— Что ж, поглядим,— обронила она.

И тут, к вящему облегчению герцога, возгласили начало трапезы, и управляющего послали за детьми.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ

Глава 10

Мать Александра так и не вышла замуж во второй раз, хотя ее молодость и красота — и, возможно, уютное маленькое именьице в долине реки Уай, теперь отошедшее к ней,— приманили к ее дверям нескольких преисполненных надежды холостяков. Но все они отбыли ни с чем. Принцесса Анна, не сочетаясь браком, жила себе в мире и довольстве, мало-помалу свыкаясь со своей долей. Теодора и Барнабас были неизменно добры к ней; первая радовалась обществу Анны, второй с течением лет понемногу успокоился насчет того, что Анна, снова выйдя замуж, натравит на Крайг-Ариан еще одного претендента, и целиком посвятил себя приумножению благополучия вдовы и ее сына. С помощью этого доброго и мягкого человека Анна вскорости научилась вести дела небольшого поместья; теперь она и Барнабас занимались этим вместе от имени Александра.

Как уж водится, со временем Анна оправилась от потрясения и горя после убийства мужа, но ненависть ее к королю Марку так и не сделалась слабее, равно как и твердая решимость в один прекрасный день заставить его заплатить за гнусное деяние. По мере того как мальчик рос, мать рассказывала ему про отца и учила гордиться и радоваться своему наследию. Сочувствуя, мужчины звали малыша Александр Сирота, но, по правде говоря, ребенку не так уж и недоставало отцовского присутствия: ведь Барнабас неусыпно радел о том, чтобы мальчик приобрел все необходимые умения — умения воина и владельца поместья, пусть и небольшого. Так что Александр рос в безопасности и даже

счастливым, ибо в тех местах царили покой и согласие и «мир верховного короля» ощущался как реальность в тихих долинах его детства.

Счастье это никоим образом не омрачалось знанием о смерти отца. Когда Александр с детской непосредственностью спросил об этом впервые, Анна сказала ему только, что он родился в Корнуолле, где принц Бодуин состоял на службе у своего старшего брата, короля Марка, и что Бодуин умер, когда сыну его исполнилось два года. А поскольку Бодуин как младший сын никоим образом не мог претендовать на корнуэльские земли, Анна решила (так сказала она) уехать и заявить свои с Александром права на Крайг-Ариан. И правильно, добавляла она, ведь король Марк, хотя наследником так и не обзавелся, до сих пор жив, так что им с сыном и живется лучше в изобильных долинах на уэльской границе, и будущее обещает больше.

— Сейчас он, должно быть, уже старик,— предположил однажды Александр, когда мать и сын снова заговорили на эту тему. Мальчику уже исполнилось четырнадцать, он был высок для своих лет и уже почитал себя взрослым мужчиной.— А сыновей у него нет. Так что, наверное, в скором времени мне стоит съездить в Думнонию и поглядеть на Корнуолл и королевство, которое в один прекрасный день, возможно, достанется мне?

— Тому не бывать,— отвечала Анна.

— Но почему?

— Лучше забудь про Корнуолл и все тамошние владения. Тебе их не видать. Король Марк тебе не друг, а даже если бы и был им и оставил бы королевство на тебя, тебе бы пришлось сражаться за каждый фут тамошней бесплодной земли. С тех пор как умер герцог Кадор, тот, что владел Тинтагелом, там правит сын его Константин. И говорили мне, будто человек этот жесток и безжалостен. Марк за свое держится крепко, но после его смерти если кто и сохранит за собою крепость, так муж сильный и притом удачливый.

— Но если однажды королевство отойдет ко мне по праву, ведь наверняка верховный король окажет мне помощь и поддержку? Мама,— нетерпеливо воскликнул Александр,— позволь мне хотя бы в Камелот съездить!

Анна, понятное дело, не разрешила, но мальчик просил снова и снова, и всякий раз все труднее было измыслить причину для отказа, так что в конце концов мать рассказала сыну правду.

Однажды по весне, когда Александру шел восемнадцатый год, случилось так, что он отправился вместе с Барнабасом и еще двумя спутниками — замковые слуги и, строго говоря, не из числа воинов, но готовые, как то было принято среди мужчин в те времена, защитить себя и своего лорда,— объезжать границы имения. На излучине реки, там, где на отмели вода, разбрызгиваясь, струилась по обкатанной гальке, на дальнем берегу они заметили группу из трех вооруженных всадников, явно собирающихся переправляться. Подъехав ближе, Александр разглядел на тунике одного из чужаков изображение вепря, знак Корнуолла. Юноша пришпорил коня и нетерпеливо окликнул незнакомца.

Так случилось, что корнуэльцы, направляясь в Вирокониум, сбились с пути и, зная, что заехали на чужие земли, искали брода, надеясь, что дорога выведет их к деревенскому двору или пастушеской хижине, а там их направят в нужную сторону. Заслышав крик Александра, они решили, что их переправе препятствуют. Всадники остановились, а затем тот, что с гербом, при виде, как ему показалось, молодого рыцаря в сопровождении трех вооруженных воинов, прокричал в ответ что-то вызывающее и, обнажив меч, направил коня в воду.

Мгновенное замешательство, предостерегающий крик Барнабаса — а в следующее мгновение было уже поздно. Александр, юный и пылкий, воспитанный на легендах о доблести и дерзании, только об этой минуте и мечтал. Опережая мысль, меч Бодуина скользнул в мальчишескую ладонь, и там, в подернутой рябью воде реки Уай, Александр нанес свой первый удар в своем первом поединке.

И ему посчастливилось. Меч встретил чужой клинок, сбил его в сторону и прошел точно и с убийственной стремительностью прямо в горло противника. Тот беззвучно упал. Барнабас и слуги подскакали к юноше, но сражение как таковое уже закончилось. Убитый, должно быть, возглавлял отряд: едва он рухнул, как остальные двое поворотили коней и галопом поскакали прочь.

Александр, задыхаясь от возбуждения, потрясенный тем, что впервые лишил жизни человека, машинально сдерживал рвущегося вперед коня, глядя вниз, на тело, распростертое на отмели. Барнабас, не менее бледный, схватил его коня за уздечку.

— Зачем ты это сделал? Глянь на герб! Это же корнуэльский вепрь! То были люди Марка!

— Знаю. Я... я не хотел его убивать. Но он хотел убить меня! Он первым обнажил клинок. Ты разве не видел? Я окликнул его, спрашивая, что у него за дело, вот и все. И тут он выхватил меч, а за ним и остальные. Барнабас, или ты не видел?

— Видел, конечно. Ну что ж, теперь уже ничего не попишешь. Вы двое, заберите тело. Надо бы вернуться и рассказать о случившемся госпоже вашей матушке. Недобрый выдался день, ох и недобрый!

Кони с плеском выбрались из воды на берег, и отряд медленно двинулся назад, в замок.

Глава 11

Анна была в саду, наблюдая, как садовник подрезает ветви на яблоне. Едва Александр начал рассказывать, она подхватила сына под руку и поспешно отвела его в сторону, так чтобы слуга не слышал.

— Понимаешь,— с силой проговорила она,— если это и впрямь были Марковы люди, то мы в опасности.

И Анна не позволила сыну произнести ни слова до тех пор, пока они не уединились в ее личных покоях. Служанка, что прибиралась в комнате, была предусмотрительно отослана.

— Но, матушка,— запротестовал Александр,— эти люди нарушили границы наших владений, а тот, кого я убил... он напал на меня. Спроси Барнабаса, он расскажет, как все было. Я увидел корнуэльский герб, и я окликнул чужаков, приветствуя их и спрашивая, что у них за дело, а они ринулись на меня. Что еще я мог поделать?

— Да, да, знаю. Здесь беды нет. Но остальные, когда они возвратятся в Корнуолл,— ты говоришь, вы с Барнабасом взяли с собой двоих спутников? Они стояли близко? Достаточно близко, чтобы люди Марка разглядели их значки?

— Ну конечно,— нетерпеливо откликнулся юноша.— И наверняка по ним поняли, что находятся на нашей земле, но даже это их не остановило.

Анна помолчала минуту, а затем, тихонько вздохнув, отвернулась и медленно дошла до окна. Там стояло кресло, рядом — ее пяльцы для вышивания. Она отодвинула рукоделие, села и, подперев голову, долго и неотрывно глядела в окно. Белый голубь, завидев хозяйку, вспорхнул на каменный подоконник и

принялся с тихим воркованием расхаживать туда-сюда, надеясь на горсть зерна.

Но хозяйка не видела его и не слышала. Она снова была в комнате Маркова замка в ту памятную полночь, и вместе с нею — все воспоминания, что она отчаянно пыталась сберечь нетленными и позабыть в одно и то же время. Но вот Анна резко отвернулась от окна и выпрямилась в кресле. Испуганный резким движением голубь замахал крыльями и улетел.

— Александр...

— Что такое, матушка? Ты побледнела. Тебе нездоровится? Прости, если огорчил тебя, но с какой стати ты говоришь об опасности? Ты же сама сказала: оттого, что я убил того рыцаря, беды не случится, и это правда...

— Нет-нет, не в том дело. Речь совсем о другом, и тяжек этот разговор. Я должна рассказать тебе кое-что. Я собиралась поговорить с тобою, как только тебе исполнится восемнадцать и ты будешь готов отправиться к верховному королю и предложить ему свою службу. Но случилось то, что случилось, и мне придется все открыть тебе уже сейчас. Вот, возьми.

Анна извлекла из-за ворота крохотный серебряный ключик и вручила его юноше.

— Ступай вон к тому стенному шкафу в углу и открой его. Тяни на себя сильнее, петли наверняка тугие. Ну вот. А теперь смотри: вон там, на полу, стоит кожаный сундучок, обвязанный веревкой; принеси его сюда, к свету... Да. А теперь отопри его. Нет, узлы распутывать не трудись; перевязывать его снова уже не придется. Просто разрежь веревки. Кинжалом. Так.

Не вставая с кресла, Анна снова развернулась к окну.

— Алекс, я не хочу видеть, что там. Просто открой сундучок и скажи мне, что нашел.

Под окном садовник по-прежнему трудился среди плодовых деревьев. Его дети, сын и малютка-дочка, с криками бегали по саду, играя с подрощенным щенком. Но Анна слышала лишь одно: заглушающий эту радостную перекличку скрип кожаных петель, а затем шуршание, сухой перестук — и озадаченный голос Александра, так похожий на отцовский.

— Да ничего тут особенного нет, матушка. Какая-то одежда... Рубашка, старая и... фу, до чего грязная! Вся в засохших черных пятнах...— Внезапная настороженная тишина. А затем, уже другим голосом: — Это кровь, да?

— Да.— Анна по-прежнему упрямо глядела в сторону.

— Но... чья? Что это такое, матушка? В чем тут дело? — Но не успела Анна ответить, как он резко втянул в себя воздух.— Нет, мне незачем спрашивать. Кровь моего отца? Иначе зачем бы вам хранить эти тряпки? Это его кровь?

Анна молча кивнула. До того юноша стоял на коленях перед сундучком, брезгливо теребя в пальцах запачканную ткань. Теперь он взял рубашку обеими руками и крепко прижал к груди. И поднялся на ноги.

— Как его убили? Вы мне рассказывали... вы заставили меня думать, будто отец умер от болезни! Но это... зачем вы хранили эту страшную памятку все эти годы? Его подло умертвили, вот в чем дело, так? Так? Кто его убил?

Только тогда Анна обернулась. Александр стоял в солнечном свете, прижимая к себе вышитую рубашку.

— Король Марк,— проговорила она.

— Я так и думал! Так и думал! Всякий раз, когда поминалось это имя, в вашем лице отражалось то же, что сейчас. Матушка, расскажите мне, как все было!

— Да, расскажу. Тебе пора узнать правду.

Анна жестом велела сыну уложить рубашку обратно в сундук, затем не без облегчения откинулась на подушки. Роковой миг настал и минул, пора уже, давно пора позволить столько лет лелеемому призраку уйти восвояси.

— Присядь-ка вот здесь, подле меня, милый, на скамеечке под окном, и послушай.

Анна повела рассказ с самого начала, с того самого дня, когда в залив под утесами вошли саксонские боевые корабли. Голос ее звучал сухо и ровно; давно прошли те времена, когда в нем звенело горе, но в какой-то момент, когда Анна дошла до того эпизода, как Бодуин надел рубашку и рассмеялся вместе с женой, Александр накрыл ладонью руку матери. А она бесстрастно продолжала: бегство, встреча с Садуком и его братом, надежное убежище в Крайг-Ариане...

Юноша заговорил было, попытался вставить слово утешения, но Анна покачала головой. Высвободив руку, она подняла глаза на сына — сухие, ярко блестящие.

— Мне не нужно утешения. Мне нужна месть. Много лет назад я поклялась: когда ты, сын мой, войдешь в года, ты отыщешь этого подлого короля-лиса и убьешь его. Ты сделаешь это?

Юному Александру даже в голову не пришло, что он мог бы поступить иначе. Он с жаром заверил в этом мать и, вскочив на ноги, тут же принялся строить планы касательно путешествия в Корнуолл, но Анна велела ему замолчать.

— Нет. Дослушай до конца. Я уже сказала, что собиралась поведать тебе эту историю, как только тебе исполнится восемнадцать. Я заговорила сейчас, потому что твоя встреча с людьми Марка нынче утром все меняет.

— Но чем же?

— Ты разве не понял? В ту ночь Садука послали за нами, чтобы убить нас. Он пообещал мне, что заверит Марка в том, что ты мертв, а если нужно, то и я тоже. Уж не думаешь ли ты, что, если бы Лис полагал, будто ты еще жив, он давным-давно не отправил бы людей разыскать нас и убить? И уж непременно подослал бы сюда соглядатаев. Куда еще могла я тебя отвезти?

— Значит, эти люди у брода были соглядатаями?

Анна окинула сына взглядом. Юноша высокий и статный, синеглазый, как отец, густые каштановые волосы падают на плечи, тело стройное и вместе с тем мускулистое. Вот сейчас он выпрямился во весь рост, с видом задиристым и вызывающим, в ярком солнечном свете под окном,— живой портрет блестящего юного воина. Такому мужу — молодому, красивому и притом владельцу уютного маленького замка и плодородных угодьев, с верными слугами и умницей-матерью — еще и сообразительность вроде бы ни к чему, снисходительно признала про себя Анна.

И, ничуть не досадуя, ответила:

— Нет. Мне думается, эта встреча — просто случайность. Но то были люди Марка, и если они тебя ненароком узнали — а ты ведь похож на отца как две капли воды,— они вернутся в Корнуолл и расскажут Лису, что сын Бодуина жив и благополучно обретается здесь, в Крайг-Ариане. А убив того воина — да, милый, я знаю, что другого выхода у тебя не было,— ты дал ему повод выслать людей отыскать тебя и довершить то, что Садук якобы исполнил много лет назад.

— Значит,— торжествующе воскликнул Александр,— я должен успеть первым! Если я отправлюсь в путь тотчас же и поскачу во весь опор, я окажусь в Корнуолле раньше них!

— Нет. На что ты можешь надеяться? Поступить следует иначе. Времена изменились, Александр. Сегодня ты убил, потому что на тебя напали, и это никак нельзя поставить тебе в вину.

— Но ты говоришь, что Марк воспользовался бы этим поводом, чтобы отыскать меня и уничтожить!

— Для Марка ни закон, ни правила не писаны. А я говорю о законе. Сегодня ты убил по праву. Но что до убийства во имя мести, да еще и короля... времена изменились. Поступать должно так, как предписывает закон. Ты отправишься к верховному королю и изложишь свое дело и предъявишь доказательства. Ты предстанешь в Круглом зале и перескажешь все то, что поведала тебе я, покажешь запятнанную кровью рубашку и попросишь верховного короля вынести решение. По слухам, Артур с Марком не друзья, и, скорее всего, Артур позволит тебе бросить Марку вызов и сразиться с ним на законном основании. Ты еще молод, мой Александр, и тем временем ты наберешься опыта, чтобы потягаться с таким противником, как Марк. Ведь сейчас тебе с ним не справиться, сын мой, а эта стрела не должна ударить мимо цели. Разве ты не понимаешь? Было время — те, первые годы,— когда я все на свете отдала бы за смерть Марка, как бы уж дело ни обернулось, но с ходом лет мы становимся мудрее. Если ты теперь же отправишься в Корнуолл и сумеешь как-нибудь — хотя одному Господу ведомо как — убить Марка и спастись от мечей его стражи, тебя самого призовут к ответу Артуровы законники, и мы ничего не выиграем. Поезжай сперва к Артуру, и тогда закон и право будут на нашей стороне.

— А верховный король мне поверит?

— Думаю, да. Он знает Марка. А при Марковом дворе наверняка остались люди, которые помнят ту ночь. Друстан сейчас не в Корнуолле, он в своем северном замке, но при нужде он нас поддержит, и, разумеется, есть еще Садук, а он...

Охнув, Анна умолкла на полуслове и схватилась за грудь.

— Садук! И Эрбин тоже! Ах, боже мой, почему я сразу об этом не подумала! Как только те люди возвратятся к Марку с вестями, нетрудно догадаться, что станется с Садуком и его братом!

Не успела она договорить, как Александр уже стоял на коленях у ее кресла.

— Я еду сегодня же! Нет, матушка, выслушайте меня! Вы ведь только что сказали, что собирались открыть мне правду о смерти отца, как только мне исполнится восемнадцать, а затем послать меня к верховному королю, дабы убийцу настигла месть?

— Да, но...

— Значит, день настал! То, что произошло нынче утром,— это же сама судьба! Как бы то ни было, случилось то, что случилось, и — вы сами так сказали! — возможно, мне грозит опасность, так что несколько месяцев роли уже не играют! До моего восемнадцатилетия осталось меньше года! Так что я поеду сейчас, сегодня...

— Сегодня? Александр... нет, послушай меня! Даже если бы возможно было отпустить тебя с подобным поручением...

— Тогда чем скорее, тем лучше! — настаивал юноша.

Его неуемная горячность отметала все возражения матери, точно порыв ветра. Здесь он в своей стихии, это все мужское дело, а сам он мужчина, только что сразившийся в первом своем поединке, убивший первого своего противника. Здесь ему не требовались ни сообразительность, ни дипломатия; он был сыном своего отца, отважным и пылким и при этом достаточно юным и достаточно неопытным, чтобы видеть во всем этом увлекательное приключение, вроде тех захватывающих и чудесных преданий, коим внимал в детстве.

— Почему нет? Верхом на добрых конях и с двумя-тремя спутниками мы непременно перехватим тех двоих задолго до того, как они доберутся до Марковых границ. Причины торопиться у них нет; очень может быть, что они нарочно замешкаются, оттягивая тот миг, когда придется рассказывать королю Марку о гибели его рыцаря, да и о новостях про Бодуинова сына, чего доброго, тоже. По всему судя, Марк — из тех королей, которые, не колеблясь, прикажут вырвать язык гонцу, доставившему дурные вести.

— Но... что, если ты их не догонишь? Вдруг они поскакали по другой дороге? Да ты все равно пути не знаешь.

— А я возьму с собой того, кто знает. Увейна — сдается мне, вот человек вполне достойный — и еще кого-нибудь, мне и довольно. Мы поедем втроем, тем быстрее поскачем. Не бойтесь, мы их непременно нагоним!

— А что тогда?

Юноша вскочил на ноги.

— Зачем вы спрашиваете? Они не доставят вестей к королю Марку, чтобы жизни Садука с братом оказались под угрозой. Вы ведь этого хотите, верно? — Что-то в выражении лица матери заставило его смешаться.— Но что не так, матушка? За меня страшиться нечего, право же! Они нас не ждут. Мы застанем их врасплох, и...

— Речь не о том. Ты забываешь: скорее всего, эти люди вовсе не соглядатаи Марка, с какой бы стати? Должно быть, они оказались здесь случайно, по другому делу. И мне хотелось бы знать зачем?

— То есть оставить их в живых? — смятенно воззрился на мать Александр.— Людей Марка?

— Именно. Пока мы не узнаем, кто они такие, мы не можем быть уверены: а вдруг они друзья Бодуина... твоего отца? Я не допущу, чтобы ты зарубил людей, которые, возможно, противились убийству твоего отца, а возможно, даже сражались вместе с ним, когда он поджигал саксонские корабли. Да, они служат Марку, но я не желаю, чтобы они приняли смерть, пока мы не узнаем про них больше.

— Д-да, понимаю. И еще — новости о Корнуолле?

— И это тоже. Поверь мне, Алекс, если окажется, что эти люди опасны, мы позаботимся о том, чтобы они не возвратились с вестями к своему господину. А если они люди Бодуина, они и пытаться не станут.

— Пожалуй, что и так. Ну что ж, хорошо, матушка, конечно же, я поступлю по вашему слову. Мы доставим их сюда, к вам, никому не причинив вреда. Все пройдет тихо-мирно, вот увидите! — Александр поднес руку матери к губам. Разочарование его уже развеялось, лицо снова сияло нетерпеливым предвкушением.— Но после того вы ведь мне дозволите отправиться к Друстану и вместе с ним поехать к верховному королю?

Анна улыбнулась, погладила сына по щеке.

— Мне ли удержать тебя? Конечно, поезжай. Но еще одно, Алекс: даже если тебе придется послать Увейна и второго своего спутника вперед, сам ты ни под каким видом не переступай границ Марка. Еще не время. Сперва нам нужно узнать больше. Ты обещаешь?

— Ну... да, наверное. Да, матушка, даю тебе слово.

На том и порешили.

Анна знала, что более никак не сможет защитить сына да и пытаться не должна. Хотя до его восемнадцатилетия оставался почти год, она не хуже Александра понимала, что не в силах помешать ему поступать как вздумается.

Но принцесса осталась довольна. Он сдержит слово, а после, когда, по ее замыслу, юноша вместе с Друстаном отправится в Камелот, он будет в безопасности, пока с ним и могучий меч,

и мудрое наставление, до тех пор пока не потребует у Артура дозволения и поддержки.

Сейчас Анна ощущала лишь глубокое облегчение и радовалась новообретенной свободе. Наконец-то она избавилась от бремени, которое несла все эти годы, от бремени знания и ужаса перед необходимостью действовать.

Как сказал Александр, день настал.

Анна глубоко вздохнула.

— Так поезжай с моим благословением,— проговорила она,— и Господь да пребудет с тобою.

Глава 12

Невозможно было угадать, по какой дороге поедут корнуэльцы, зато сами они путь выбрали без труда, а именно — быстрейший. Так что от Крайг-Ариана они поскакали на юго-восток, чтобы переправиться через Уай по римскому мосту у Блестиума, а потом проехать через холмы до устья реки Северн и срезать путь где-то восточное Венты.

Как только отряд миновал Блестиум, небольшой городок с приличным постоялым двором, дорога увела в холмы, местами немногим отличаясь от ухабистой пастушьей тропки, но погода стояла ясная, и по сухой земле продвигались они быстро. Те, кого отряд преследовал, пока что не показались, а на каменистой тропе отпечатков копыт не оставалось, однако свежие кучки навоза тут и там свидетельствовали о том, что здесь не так давно проскакали всадники. До переправы через Северн оставалось не больше мили, когда сгустились сумерки и отряд остановился на прогалине у хижины дровосека, чтобы дать отдых лошадям и подкрепиться. Сама хижина оказалась заброшенной: с приходом хорошей погоды дровосеки углубились дальше в лес, но запах под крышей стоял не из лучших, так что, поскольку ночь выдалась сухая и ясная, путники расположились на ночлег на свежем воздухе. Увейн и Бранд оба знали дорогу и заверили Александра, что в первый раз перевозчик приплывет на рассвете, так что им нет никакого смысла являться туда заранее. Хижина лодочника стояла на дальнем берегу реки. Так что все трое отужинали привезенными припасами, и вскорости, под умиротворенное похрумкивание лошадей, пасущихся неподалеку, Александр завернулся в теплый плащ, спасаясь от ночной росы, и крепко заснул.

Утро настало ясное, предрассветный туман кольцами повисал на деревьях и покрывалом одевал вершины холмов. Отряд добрался до протяженного хребта, уводящего вниз, к переправе, когда солнце только-только всплывало над гребнями холмов, у подножия которых ложились длинные синие тени. Вдоль устья реки протянулись длинные пряди тумана, а между белесыми берегами поблескивала вода — недвижная, гладкая. Поднимался прилив, в воздухе с криками кружили морские птицы. Вдалеке маячил бурый парус; перевозчик проделал уже треть пути. Бранд рассказал спутникам про таверну неподалеку от южного конца переправы, и мысль о завтраке всем показалась отрадной.

— Если они здесь побывали, мы узнаем про них от перевозчика,— проговорил Увейн.— А если нет, ну, так значит, мы их обогнали и дождемся их на большой дороге, ведущей от Глевума. В конце концов, вряд ли они станут гнать коней во весь опор. Они ведь не ждут погони.

В этом, по крайней мере, он не ошибся. Корнуэльцы и впрямь проскакали тем же путем, не особенно торопясь, ведь возвращаться домой с новостями им не слишком-то хотелось. Собственно говоря, Александра они не узнали, так что их единственная весть оказывалась недоброй: ведь погиб один из Марковых доверенных слуг. А Марк, как верно догадался Александр, был не из тех господ, что принимают дурные вести благодушно и кротко. Так что оставшиеся двое ехали не спеша и в результате пропустили последний перевоз и вынуждены были заночевать в полуразвалившейся хижине у края воды, где находил приют перевозчик, если по случайности либо из-за плохой погоды не успевал переправиться обратно в последний раз на дню.

Когда отряд Александра выехал из-под прикрытия деревьев и с топотом проскакал по усыпанной гравием дороге к пристани, двое корнуэльцев как раз выводили коней из-за хижины, глядя на парус, несомый приливной волною.

Заслышав цокот копыт, они обернулись, но ничуть не встревожились; мечи их по-прежнему покоились в ножнах. Герб, изображающий вепря, сиял белизною на их туниках.

И тут один из них, могучий здоровяк, ведший за узду чалого, внезапно предостерегающе крикнул, и что-то сверкнуло: меч словно сам собою скользнул в его руку.

— Это он! Это тот сопливый ублюдок, который убил Кинона!

И прежде чем Александр и его воины успели сообразить, что происходит, корнуэльцы уже были в седле и скакали на них с обнаженными мечами.

Напор и гнев нападающих не оставили времени ни для слов, ни даже для мыслей. Мечи, сталкиваясь, звенели, лошади кружили, их копыта высекали искры из камней. Некогда было кричать «Стойте!» или заводить переговоры; сын Бодуина не успел назвать себя и не узнал, на чьей стороне были корнуэльцы в той давней истории. Не знал Александр и того, что человек, которого он зарубил в роковой стычке, приходился братом тому корнуэльцу, что сейчас, превосходя юношу силой и умением, пытался в свою очередь убить Александра.

Впоследствии Александр так и не мог толком вспомнить, что же произошло. Здоровяк на чалом коне теснил защищающегося Александра шаг за шагом, лошадь юноши рвалась вперед, и ее сносило к канаве и дорожной насыпи. Это сражение ничем не походило на поединок с Киноном: здесь не было места ни страху, ни азарту боя. Время и тянулось, и летело сразу. Вокруг Александра раздавались звон оружия и крики, лошадь без всадника слепо толкнула в бок его противника, и в этот момент юноша почувствовал, что его клинок прошел сквозь защиту корнуэльца. Тот отбил меч, но кончик клинка был в крови.

Александр тяжело дышал, с хрипом втягивая воздух, оскалив зубы в гримасе нечеловеческого напряжения. Он яростно пришпорил своего коня, направляя его на чалого, но в это время корнуэлец напал снова, отбил меч Александра высоко в сторону и, бросившись под него, нанес последний — смертельный — удар.

Александр был на волосок от смерти, точнее — на толщину ремня, защищавшего плечо: удар меча разрубил покрытую металлом полоску кожи, но в этот момент лошадь Бранда оттолкнула лошадь Александра, меч Бранда, зазвенев металлом о металл, отбросил в сторону оружие корнуэльца и, скользнув по бармице, вошел в горло врага. Тот с грохотом рухнул на гравий дороги, а его лошадь, в ужасе заржав, развернулась и унеслась в лес, разбрызгивая по камням кровь.

— Вы ранены, господин?

Александр, который еще не успел отойти от горячки боя, изумленно покачал головой: он пытался убрать меч обратно в ножны, но руки плохо его слушались.

— Это его кровь — она так и хлынула. Я твой должник, Бранд. Если бы не ты, он бы меня убил. Он мертв, да?

— Да, господин. Оба корнуэльца мертвы. Мы больше ничего не успели сделать...

— Я понимаю. Ничего не поделаешь... Ты цел?

— Я — да, а вот Увейн ранен.

— Сильно?

Александр вытер пот со лба тыльной стороной измазанной в крови ладони. Солнце, только что поднявшись над холмами, висело вровень с его лицом, ослепляя своим сверканием.

Так значит, отчаянная схватка заняла совсем мало времени...

Юноша соскочил с седла, бросил поводья Бранду и подбежал к лежащему Увейну.

Удар пришелся в бок, по тазовой кости. Когда Александр и Увейн смыли кровь — недалеко от них по дорожной насыпи тек весенний ручеек,— они увидели, что рана чистая, но глубокая и неровная. Даже после перевязки кровь продолжала лениво сочиться.

— Перевоз,— произнес Александр с напором. Он стоял на коленях рядом с Увейном, держа чашку с водой у губ раненого.— Если мы снесем его на лодку перевозчика, а на том берегу доберемся до постоялого двора, о котором ты говорил...

— Гляньте-ка туда,— откликнулся Бранд, ткнув пальцем в сторону речного устья.

Александр поднялся на ноги. По воде бежали яркие солнечные зайчики, туман таял под рассветными лучами. А бурый парус лодки теперь был виден у дальнего берега.

Александр изумленно воззрился на него:

— Его что, позвали обратно? Но на том берегу пусто...

— Да нет же! — презрительно бросил Бранд.— Перевозчик вернулся обратно потому, что увидел, как мы тут деремся, а такие, как он, никогда не подойдут близко, пока все не утихнет. Он не приплывет сюда, пока мы не уйдем. Так что нам теперь делать?

Александр перевел взгляд на Увейна. Тот попытался подняться на ноги: дескать, рана у него пустяковая, на охоте ему случалось получать и похуже, день верхом он легко проедет... Но Александр, положив руку ему на плечо, принудил пострадавшего лечь обратно.

— Нет, подожди. Полежи пока.

Потом обратился к Бранду:

— Надо убрать убитых. Если их кони все еще здесь, надо увести их. Зачем нам лишние расспросы, если кто-нибудь поедет этой дорогой? У нас нет на это времени. По крайней мере, тебе незачем теперь ехать в Корнуолл. Сначала этот. Берись за ноги, и понесли его вон туда...

Вдвоем они отволокли тела с дороги в лес. За ветвями кустарников, переплетенными ежевикой, обнаружилась выработка, где раньше добывали гравий. Там они нашли неглубокую канаву и сложили в нее мертвецов. Кинжалами и руками нарыли гравия и выкопали несколько камней, чтобы присыпать тела. Поймали пасшегося неподалеку чалого жеребца, сняли с него узду и седло и прогнали его, ударив плашмя мечом. Второй конь исчез сам. Потом Александр и Бранд вернулись к Увейну и помогли ему забраться в седло.

Перевозчик так и не вернулся.

— Ничего, это к лучшему,— объявил Александр, у которого было время поразмыслить.— Если бы мы добрались до постоялого двора на том берегу и остановились там, сплетня облетела бы всю Думнонию еще до ночи. А так все, что видел перевозчик,— стычка на опушке леса, и, когда он вернется, я не думаю, что он станет доискиваться большего.

— А Увейн?

— В Блестиуме был приличный постоялый двор. Мы отвезем его туда — ты продержишься столько, Увейн? Молодец! Мы доставим тебя и найдем кого-нибудь позаботиться о твоей ноге. Можем даже задержаться там на день-два, если понадобится.

— Госпожа ваша матушка будет не очень-то довольна.

— Да, но ты объяснишь ей, почему так получилось. У нас не было возможности поступить иначе. Это как первый бой — словно сама судьба тебя ведет. И конец бы моей судьбе, если бы не твой меч, Бранд. Смотри не забудь рассказать об этом моей матери, Увейн.

— Конечно, принц. А вы сами? Разве вы не вернетесь домой вместе с нами?

— Пока нет. Я... Моя мать знает, куда я собрался.

— Не в Корнуолл? — проницательно спросил Бранд.

— Нет-нет. Я пообещал не пересекать его границ. Просто скажите матери, что я еду искать свою удачу. Она поймет.

Возможно, мысленно к этим словам все трое прибавили «будем надеяться». Но хотя оба воина обменялись неуверенными

взглядами, они ничего не сказали. Наконец в свете алого заката маленький отряд добрался до римского моста, и в сгущающемся сумраке вспыхнули приветливые желтые огни постоялого двора.

Глава 13

Постоялый двор оказался уютным, и для Увейна скоро отыскался лекарь. Рана, надлежащим образом перевязанная, была объявлена чистой и уже начинала подживать. Трое путешественников оставались там два дня, пока лекарь не дал Увейну разрешения отправиться в путь. А после этого поехали домой, в Крайг-Ариан.

Но когда они добрались до развилки, откуда на запад, вниз по крутому склону, дорога спускается в долину реки Малый Уай, Александр, натянув поводья, простился со своими спутниками.

— Раз уж я ввязался в это приключение,— сказал он,— так должен идти до конца. Моя мать все поймет. Мне еще многое предстоит.— Александр на мгновение замялся.— Матушка поведала мне то, что до поры я разглашать не вправе, но вы можете передать ей мои слова: я отправляюсь совершить все то, чего она от меня хотела, просто я чуть поторопился. Скажите еще, что я еду на север, в Каэр-Морд, к моему кузену Друстану, и что я пошлю ей весточку, как только смогу. Может статься, я поеду этой дорогой с Друстаном, когда он будет возвращаться в Камелот, и тогда навещу ее.

Бранд и Увейн пытались уговорить юношу сперва заглянуть домой и переговорить с принцессой Анной, а уж потом отправляться на север, но Александр, вырвавшись из-под материнской опеки и вовсе не собираясь к ней возвращаться, отказался им внять, повторил послание для матери и ускакал прочь. А Увейн и Бранд все смотрели ему вслед да качали головами.

Так Александр с легким сердцем и в одиночестве отправился на север. Ему было семнадцать лет от роду, он дрался в двух стычках и вышел из обеих без единой царапины. У юноши были добрый конь, кошель денег, новое платье, благословение его матери (хотелось бы верить, что так!) и меч его отца. Стоял май, с небесной высоты светило солнце, а на траве горела утренняя роса. Ничего удивительного, что Александр был в приподнятом настроении и напевал по дороге. Он был юн, силен и ехал искать

свою удачу. И удачей было уже то, что в год от Рождества Христова пятьсот двадцать третий он мог обрести искомое из рук Друстана, одного из достославных Сотоварищей Артура, верховного короля всей Британии.

Что же до первоначальной его цели — отомстить за давнишнее убийство отца и воздать по заслугам королю Марку, чего он так горячо желал всего-то несколько дней назад,— Александр уже не думал об этом. Надежды, исполнить которые обещал день, и приключения, которые день сулил,— вот чем был полон его ум.

Когда дорога, по которой он ехал, повела вниз и сквозь деревья юноша заметил проблеск воды, предвещавший переправу, мысли его и надежды немедленно обратились к слышанным им сказаниям о разбойниках, которые подстерегают путников в засаде у бродов.

Конь Александра, чуя воду, навострил уши и ускорил шаг, и молодой человек, взявшись за рукоять меча, съехал вниз по склону в радостном предвкушении.

Внизу Александр обнаружил ровно то, что и должен был: мелкий брод, где над камнями лепетала вода, а на дальнем берегу, за отметками уровня подъема воды — придорожную кузницу, около которой стояли наковальня и испорченное временем, но все еще узнаваемое изваяние Мирддина, бога странствий.

У подножия изваяния лежали приношения — плоды.

Кузнец, привалившийся к стволу близрастущего дуба — на траве перед ним лежал развернутый платок с остатками трапезы,— наметанным взглядом окинул коня, который, разбрызгивая воду, перебрался через реку и остановился поодаль.

— Доброго вам дня, господин. Сегодня, я вижу, кузнец вам не понадобится. Далеко путь держите?

Как и его собратья, кузнец был собирателем и распространителем слухов, а Александр, даже если бы и видел необходимость в осторожности, был слишком счастлив новообретенной свободой, чтобы держать свои тайны при себе.

— На север. Я еду к сэру Друстану в Каэр-Морд, что в Нортумбрии.

— Значит, путь вам предстоит долгий, молодой господин, зато — спасибо Артуровым рыцарям, что приглядывают за дорогами! — безопасный.

Кузнец, посверкивая из-под кустистых бровей маленькими черными глазками, деловито оглядел одежду Александра, оценил добротную конскую сбрую, приметил отсутствие герба.

— А сами вы откуда будете, молодой господин?

— Из Блестиума,— кратко отозвался юноша. Незачем всем путникам на этой дороге знать, что молодой лорд замка Крайг-Ариан отправился в такую даль один.— Не знаешь ли, кузнец, какая дорога лучше?

— Еще бы не знать! Глаза и уши у меня не на замке,— ответил кузнец,— я много чего слышу. Держитесь лучше старой дороги, римского большака, как ее называют. Вы можете выбраться на нее в Вирокониуме. Оттуда она идет прямо в Регед и поворачивает на восток в Брокавуме. Это не ближний свет, но конь у вас добрый. Позаботьтесь о нем, и он позаботится о вас.

— Непременно. Но Регед?.. Стоит ли забираться так далеко на север? Я думал свернуть на северо-восток гораздо раньше.

— Есть дорога, которая поворачивает на восток всего в четырех днях пути отсюда, но она нехороша, насколько мне известно, а дальше через горы нет пути до самого Регеда. Лучше езжайте, как я вам говорю. Но смотрите сами, и да поможет вам Бог.

Сделав жест в сторону изваяния Мирддина у порога кузницы, кузнец отвернулся и принялся увязывать остатки трапезы обратно в платок.

— Я поеду через Регед,— быстро сказал Александр.— Мимо Вирокониума, говоришь? Есть там хороший ночлег?

— Я там отродясь не бывал,— ответил кузнец,— но дорогу объяснить смогу. Она почти вся хорошо наезжена, но в ближайшие два-три дня, боюсь, вам придется нелегко. В горах шел дождь, не далее как вчера, настоящий ливень! И мне сказали, что опять унесло мост в дне пути к северу, там, где дорога переходит на другой берег. Мост смывает при каждом наводнении. Утром здесь проезжал гонец, и, судя по его словам, вам придется дать изрядного крюка к западу, чтобы переправиться. Смотрите-ка.

Взяв хворостину, кузнец поднялся и начал рисовать в грязи у края воды.

— Вот. А как переправитесь, повернете обратно на восток и поедете берегом реки и через полдня снова выберетесь на дорогу.

— А что с ночлегом? В Блестиуме мне сказали, что у моста стоит монастырь. Я собирался заночевать там. А если я поеду сначала туда да потом обратно, как ты мне нарисовал...

— Нет, это дело не выгорит,— покачал головой кузнец.— Монастырь-то на дальней стороне, сегодня вы туда никак не попадете. Лучше сверните, где я показал. А вот тут,— хворостина снова ткнулась в грязь,— вы, может, переночуете лучше, чем в любом монастыре. Госпожи сейчас нет дома: она поссорилась со своим добрым братом, и он держал ее два года где-то в другом месте, но те, кто ей служит, конечно, окажут вам гостеприимство. В Темной башне, поговаривают, стелют мягко. Это место так называется, Темная башня.

Если и было что хитрое в усмешке кузнеца, Александр этого не заметил.

— Темная башня? Госпожа? Какая такая госпожа?

— Госпожа Моргана, родимая сестра самого Артура. Королева Моргана, иначе говоря; она была замужем за королем Урбгеном Регедским, да он отослал ее из-за полюбовника и из-за того, что она хотела похитить королевский меч, что Калибурном прозывается. Из-за этого она и поссорилась со своим братом Артуром, так что лучше будет вам не поминать о нем, молодой господин, когда будете гостить в Темной башне.

— Да, конечно. Конечно, я все понимаю,— сказал Александр, который ничего не понял, но ощутил волнение, соприкоснувшись с миром великих, услышав знаменитые имена.

Возможно даже, что, если бы разрушенный мост и не принудил его искать ночлега в замке королевы Морганы, он все равно предпочел бы Темную башню скучному покою монастыря.

— Так ты говоришь, самой госпожи — королевы — нет там?

Александр постарался, чтобы в его голосе не прозвучало разочарования.

— Не было, ежели верить последним вестям оттуда,— ответил кузнец.— Но есть и другие известия: туда и обратно все время кто-то катается, срочные гонцы разосланы на юго-запад и северо-запад, в Северный Уэльс и еще дальше на север, к границам Регеда. И еще поговаривают о сборищах...— Тут кузнец сделал паузу и сплюнул в сторону, сделав знак, который Александр узнал: этим знамением защищался от колдовства его конюх-валлиец.— Полуночные сборища,— продолжал кузнец,— чары, ведьмы летают по воздуху, едва луна сядет, и сбираются вместе, и творят недоброе, злоумышляя против своих врагов.

— И ты веришь во все это? — спросил Александр.

— А вот пожили бы вы здесь, у брода,— угрюмо ответствовал кузнец,— так еще не такого бы насмотрелись! Кто я такой,

чтобы судить, во что верить, а во что — нет? Но на вашем месте я бы об осторожности не забывал, молодой господин, а коли остановитесь в замке, помните, что говорят люди о королеве Моргане! Ходят слухи, что она из фейри и колдует лучше своей сестры Моргаузы, оркнейской ведьмы, которая поссорилась с Мерлином и которую изрубил на куски в ее собственной кровати ее же родной сын!

И кузнец снова сделал охранительный знак.

— Я запомню твои слова,— откликнулся Александр, который уже знал эту историю и не хотел выслушивать ее вторично.

Он поблагодарил кузнеца, дал ему монету и поскакал дальше в лес. Голова его была полна замками, заклятиями, королевскими именами и предвкушением уютного или по меньшей мере небезынтересного ночлега.

Глава 14

Ближе к вечеру Александр добрался до реки и обнаружил, что, как и предупреждал кузнец, вода поднялась и, стремясь к морю, свирепо бурлит под крутыми берегами, которые прямо у него на глазах, не выдерживая напора воды, обрушивают в бурный поток камни и дерн. Догадаться, что раньше здесь был мост, можно было только по крепким деревянным балкам, торчащим на противоположной стороне, где поднималась вверх по склону и терялась между деревьями дорога.

Сквозь густую листву Александр с трудом разглядел нечто, напоминающее угол строения. Несомненно, монастырь. Александр натянул поводья и постоял некоторое время, прикидывая силу течения и глубину реки. Но даже на его дерзкий, неопытный взгляд показалось, что вброд здесь перебраться невозможно, потому, пожав плечами, Александр развернул коня и поехал по берегу вверх по течению. Тропа, местами крутая и опасная, была тем не менее хорошо наезжена, как если бы дорогу эту выбирало немало всадников. Интересно, сколько разочарованных путников добиралось в столь мрачно названную Темную башню, чтобы просить о крове и ночлеге? Теперь, когда и перед ним маячила та же перспектива, молодой человек, охваченный возбуждением любопытства, ощущал также некую обеспокоенность. Но когда начали сгущаться сумерки, а откуда-то с дальнего берега реки до Александра донесся крик совы, юноша не почувствовал ничего, кроме благодарности, увидев справа за деревьями огонек.

Его гнедой тоже заметил свет и, вероятно, почуял конюшню и ужин. Он навострил уши и с неожиданной резвостью прибавил шагу, так что вскоре всадник выбрался из-под густой тени леса на открытое место, где начиналась долина. Там, на небольшом голом плато, поросшем жесткой травкой, возвышался замок.

Он был невелик: две башни, соединенные стеной, которая огибала двор с пристройками и конюшнями, где обитала челядь и домашние животные, и с большим, похожим на амбар строением, в котором, надо полагать, хранились припасы. Вдоль трех сторон замка бежала речка, образуя естественный ров. В реку впадал источник, бивший высоко в долине: стремясь вниз и вспениваясь на своем каменистом ложе, поток бежал вдоль передней стороны замка, а узкий деревянный мост вел через ручей к воротам в глубине арки. Замок производил скорее мрачное, нежели величественное впечатление: старое строение, почерневшее от времени и непогоды, возведенное для защиты этого дикого и безлюдного места. Долина лежала высоко между холмами, по обе ее стороны лес карабкался по крутым склонам, не достигая скал, где каркали вороны. Дно долины, испещренное там и сям островками папоротника-орляка и колючки, поросло редкой травой. Неподходящая резиденция для королевы, подумал Александр, а потом вспомнил слова кузнеца: дескать, от нее с позором отказался собственный муж, а еще она нанесла жестокую обиду своему брату, верховному королю. Так, значит, этот замок, столь удачно названный Темной башней, на самом деле место заключения, темница? Какого приема ожидать там запоздалому путнику? Александру не пришло в голову, что одинокая королева-пленница может с радостью распахнуть свои врата юному и привлекательному принцу.

Во всяком случае, выхода у него не было. Конь Александра, разбрызгивая воду, без труда переправился через быструю, но широко разлившуюся реку. Александр спешился и повел усталого скакуна по деревянному мостику.

Замеченный им издали огонь был светом факела, торчащего из железной скобы. Сама железная скоба крепилась к чему-то, более всего походившему на столб для виселицы. Свет факела отражали широкие шляпки гвоздей, украшавшие тяжелые, креп-

ко запертые ворота. Александр вынул из ножен свой кинжал, повернул его острием к себе и постучал рукоятью по доскам:

— Есть тут кто живой?

Молчание. Ни звука, кроме шума реки и хриплого смеха ворона над головой. Казалось, замок пуст. Вороний крик прозвучал как дурное предзнаменование. Александр поднял руку, чтобы постучать снова, как вдруг неожиданно ворота отворились и человек, судя по платью — привратник, широко распахнув створку, отступил и склонился в поклоне.

За привратником сквозь черную тень арки Александр увидел двор, по которому туда-сюда сновала прислуга: девушки со стопками белья, мужчины с блюдами, чашами и тарелками — все они, судя по всему, были заняты приготовлениями к вечерней трапезе. Восхитительный запах жарящегося мяса коснулся обоняния, и юноша неожиданно почувствовал зверский голод. Темная башня, королевская темница — какая разница! Поднявшаяся река оказала Александру услугу, приведя сюда. Ни один монастырь не мог бы похвастаться трапезой, аромат которой он сейчас ощущал.

Только Александр открыл рот, чтобы назвать себя и просить о ночлеге, как мимо склонившегося привратника поспешно прошла женщина. В темноте арки Александр не мог ее разглядеть, но фигура незнакомки отличалась стройностью, и двигалась она легко. Платье женщины было темным и простым, но свет факела вспыхнул на золоте пояса и драгоценностях. Неужели царственная изгнанница собственной персоной выходит к воротам, чтобы приветствовать случайного путника? Вряд ли. Кроме того, кузнец сказал, что королевы Морганы нет в замке. Это, должно быть, дама, которая управляет в башне от имени королевы: вот она-то сама и вышла к гостю.

Приключение обретало форму. Александр шагнул вперед и поклонился:

— Госпожа...

Дама резко остановилась. Привратник, выпрямившись, взглянул на Александра, его лошадь и пустой мост за ними, затем, к удивлению юноши, взялся за створку ворот, намереваясь захлопнуть таковые пред самым носом пришельца.

Но не успел. Принц прыгнул вперед, плечом и коленом уперся в тяжелый дуб и, вытянув руку, толкнул створку от себя, так что привратник едва не упал. Юноша повернулся к даме,

которая, с расширенными от испуга глазами, уже открыла рот, чтобы позвать на помощь. И поспешно проговорил:

— Госпожа, простите меня! Я не мыслил нанести вам вреда — да как бы и смог, даже если бы захотел? Я один и прошу всего лишь приюта на одну ночь.

Дама молча смотрела на него, и Александру пришлось продолжать:

— Я собирался остановиться в монастыре, но река поднялась, и через нее нельзя переправиться. Простите, если я обошелся с вашим человеком несколько грубо...

— Ничего страшного. Хуже ему не стало.— И, оправившись от испуга, какова бы ни была его причина, дама подошла к юноше: — Простите за невежливый прием, господин, но мы ожидали других гостей, а мой привратник туп и все путает. Прошу вас, входите и будьте как дома. Оставьте коня во дворе, конюхи о нем позаботятся.

Вслед за дамой Александр ступил во двор. В трепещущем свете факелов, которые пылали на стенах, юноша разглядел свою спутницу. Она была молода — здесь легенды не солгали! — но в отличие от героинь сказаний, которыми наслаждался Александр, не очень хороша собой: узкое лицо, круглые бледно-голубые глаза, светлые брови и ресницы, маленький рот с поджатыми губами...

Но улыбнулась она Александру вполне мило, и голос ее прозвучал не менее отрадно:

— Сюда, господин. Боюсь, сегодняшний ваш ночлег трудно будет назвать роскошным, но это все, что у нас есть.

Она повторила уже сказанное относительно ожидаемых гостей и приготовленных для них покоев, но приглашения отужинать в зале Александр так и не услышал, хотя втайне на него рассчитывал. А дама между тем продолжала:

— Но вы будете спать в тепле и уюте, и я пошлю кого-нибудь вами заняться. Так мост снова унесло? Так бывает при каждом наводнении, и путники останавливаются у нас на ночь целыми компаниями. Сегодня мы не смогли бы принять много народу, но одинокого странника, который удовлетворится сухой постелью и доброй трапезой...

— Ну, конечно. Простите, если я не вовремя.

— Нет-нет. Если вы... А вот и Гриф! Он о вас позаботится.

Пожилой человек, судя по платью — дворецкий, поспешал к ним через двор. Дама, все еще улыбаясь, хотя ее мысли были уже где-то в другом месте, коротко сказала:

— Добро пожаловать, господин, да пошлет вам Господь доброй ночи,— а затем поспешила прочь и исчезла в главных дверях замка.

— Сюда, господин,— сказал Гриф.

Александр, подождав, пока его коня не уведет конюх, последовал за стариком сквозь дверцу возле одной из башен. Ясно было, что на почести, подобающие высокородному принцу, он может и не рассчитывать, ведь управительница даже не осведомилась о его имени. Но он имел право на ужин и постель, а после целого дня верхом юноше больше ничего и не хотелось.

По коридору, вымощенному стылыми каменными плитами, дворецкий отвел Александра в небольшую комнату. В ней было все необходимое: кровать, табурет, небольшой столик, сундук для одежды, но старик, извиняясь, развел руками:

— Милорд, для гостя столь знатного — это жалкое пристанище, но все приличные покои уже отданы, как сказала вам госпожа, и если эта каморка вас устроит...

— Конечно, устроит. Я благодарен вашей госпоже за ее доброту. Могу я узнать ее имя?

— Ее зовут леди Лунед. Она была замужем за Герином. А теперь овдовела, живет одиноко и приглядывает за замком своей госпожи, королевы, хотя прежде и при дворе бывала.

— Должно быть, после Камелота это место и впрямь покажется уединенным.

— Нет, не при дворе верховного короля,— поправил Гриф.— При дворе короля Урбгена Регедского. Леди Лунед прислуживала там королеве, королеве Моргане, сестре короля Артура, что была замужем за Урбгеном.

Это некоторым образом объясняло, почему в столь небольшом и обособленном замке так хорошо принимали путников. Леди Лунед блюла свое достоинство.

— И ваша госпожа по-прежнему многим оказывает гостеприимство? — спросил Александр.— Мне показалось, что дорога хорошо наезжена. Или ее протоптали одинокие заблудшие странники вроде меня, которые не смогли добраться до монастыря?

Постельничий рассмеялся:

— Таких немало, мой господин. Река шлет нам путников без числа. Но, как правило, на ночь: вода спадает так же быстро,

как подымается. Так что не бойтесь, надолго вы здесь не застрянете.

— Но сегодня ждут гостей, ради которых сама управительница подходит к воротам? Могу я узнать, кто это?

— Почему же нет? Мы ждем саму королеву Моргану,— ответил старик.— Она едет с севера в Кастель-Аур, что в Уэльсе. Она вроде бы упросила верховного короля позволить ей пожить здесь, в ее собственном замке. Госпожа приедет с эскортом — ну, под стражей,— однако брат разрешил ей держать при себе собственных людей, так что все будет снова как при королевском дворе.

Гриф улыбнулся и тут же вздохнул:

— Бедняжка... Нам теперь одна суета, а долинному люду — радость. Королева, может, задержится здесь на пару недель, если погода простоит хорошая и свита сумеет ей угодить. Она скоро прибудет. Увидите, какая поднимется суматоха, а леди Лунед будет страшно занята... Но вас ждет радушный прием, она всегда за этим следит. А теперь, милорд — ведь вас должно так называть, молодой господин? — не нужно ли вам чего? Я пошлю вам мальчика, а сам схожу на кухню, чтобы оттуда прислали еды. Если вам понадобится, уборная как раз напротив.

Дворецкий поклонился и ушел. Александр бросил свою седельную суму на сундук и достал оттуда чистую рубашку. Понятно, что случайного путника не позовут за королевский стол, да и на царственную гостью ему тоже смотреть не полагается, однако когда обещанный мальчик возник с тазиком горячей воды и чистым полотенцем, молодой человек тщательно вымылся, пытаясь прикинуть, в каком виде он предстал бы перед королевой. Ибо она не только бывшая королева Регеда и родная сестра самого Артура, но также, по слухам, знаменитая ведьма, недаром ведь люди в страхе своем прозвали ее чародейкой и Феей Морганой.

Глава 15

Пока Александр смывал с себя дорожную пыль и переодевался в чистое, он с облегчением осознал: как хорошо, что он не назвал своего имени леди Лунед и тем самым избег приглашения отобедать за королевским столом! После целого дня, проведенного в седле, в обществе единственного собеседника — собственного гнедого,— юноша рисковал позабыть о цели своего путеше-

ствия и о том, что едва ли он может заявить о своем происхождении и титуле без того, чтобы не навлечь на себя опасность, которую они с Брандом и Увейном тщились предотвратить. Александр, сын принца Бодуина, не должен воскресать из мертвых, и вдовую принцессу Анну не должны потревожить до того дня, пока Друстан, их родич, не представит их дело на справедливый суд верховного короля.

Потому случайный гость леди Лунед по имени Никто будет обедать в собственной комнате. А значит, подумал Александр, прислушиваясь к шагам в коридоре и ощущая восхитительный аромат скорой трапезы, он поест прямо сейчас и ему не придется дожидаться прибытия запоздавшей царственной гостьи.

Он крикнул: «Входите!» — и отошел к окну-бойнице.

И в комнату явились двое слуг с большими блюдами, над которыми поднимался пар, и с большой корзиной горячего, с пылу с жару, хлеба.

Мальчик, который прислуживал Александру за умыванием, поставил на стол кувшин с вином, кубок и положил пару салфеток. Салфетки были тонкого льна, а изящный кубок отлит из серебра. Похоже, не обязательно происходить от королей, чтобы леди Лунед приняла тебя по-королевски.

Александр поблагодарил слуг, и те с поклоном удалились.

Мальчик остался: он взялся за кувшин и подал салфетку, приготовившись, как видно, прислуживать за трапезой, однако Александр сразу отпустил его. Но даже когда мальчик ушел и дверь за ним закрылась, принц не поспешил к столу.

Окно его комнаты выходило наружу. Бойница была узкой, но сквозь нее хорошо просматривалась дорога, которая, огибая угол рва, вела к мосту и главному входу.

Шум воды заглушал стук копыт, но спустя несколько мгновений вдали показались двое всадников, явно направляющихся к воротам. На полпути они натянули поводья и развернулись, дабы дождаться и приветствовать двух других всадников, догонявших их галопом. А затем раздался стук в ворота и крики, назначенные привлечь внимание привратника.

Передовые королевского поезда? Задумавшись, Александр отвернулся от окна, более чем когда-либо благодарный судьбе, обрекшей его сегодня на одинокую трапезу.

При свете горевшего над входом факела юноша заметил на груди у второй пары всадников герб короля Марка Корнуэльского.

Остальные — большая часть — прибыли как раз тогда, когда Александр закончил ужинать. Это был многочисленный отряд, около двадцати вооруженных всадников, сопровождавших трое носилок и небольшую вереницу навьюченных мулов. Ехавшие верхом слуги держали факелы, потому, несмотря на то что наступила ночь, Александр, снова подойдя к окну, разглядел все.

Королева, конечно, путешествовала в паланкине, должно быть в первом; несли его крепкие белые мулы, а на носилках поблескивала позолота.

Александр поискал глазами королевский герб Регеда, не сразу осознав, что отвергнутая королева не имеет права ни на почести, оказываемые ее мужу, ни на его защиту. Да и о какой защите могла идти речь, кроме той, которой пленник обязан своим стражам?

Так, значит, понял Александр, затрепетав от странного волнения, вооруженные всадники были людьми самого верховного короля. Молодой человек не видел ни герба, ни флага, но Александру приходилось слышать, что знак Артура — чистый белый щит, дабы Господь начертал на нем свое слово, как говорили священники. Что ж, как бы то ни было, подумал Александр, люди, подобные Артуру, военные вожди, непререкаемые правители единого и мирного королевства, не нуждаются в том, чтобы выставлять напоказ свой герб и девиз.

Так, как бы невольно, под влиянием бессознательного мальчишеского преклонения перед героем, Александр вступил в бой, чтобы победить зло, даже не подозревая о существовании этого самого зла.

Разбираться в происходящем Александр начал на следующий же день.

Спал он крепко, не тревожимый ни шумом, ни сновидениями, и, рано проснувшись, снова обнаружил у своих дверей слуг с едой и водой. С ними был и престарелый дворецкий Гриф, которого управительница послала узнать, как гостю спалось, и пожелать ему счастливого пути.

Леди Лунед еще не вставала, сказал старик, и в высшей степени учтиво довел до сведения Александра, что, когда госпожа проснется, она будет занята, прислуживая своей царственной гостье. Александр, все мысли которого уже обратились к ожидавшему его пути, просил передать госпоже свою горячую благо-

дарность и добрые пожелания, затем позавтракал, убрал свою приличную одежду вместе с остатками завтрака в седельную суму и вышел во двор.

Там царила суматоха: одни мужчины ели, пили и перешучивались с хихикающими служанками, разносящими еду и пиво; другие чистили оружие или осматривали лошадей и сбрую; замковые конюхи суетились с ведрами и щетками, а сквозь ворота туда-сюда сновали торговки и местные жители с товарами на продажу.

Александр направился в конюшню, куда, как он видел, вчера увели его гнедого. Там он и нашел своего коня, устроенного как нельзя лучше, перед яслями, которые гнедой разделял с дюжиной своих собратьев.

Седло Александра лежало на деревянной подставке возле двери. Только Александр взялся за него, чтобы снять, как появился конюх и, с шумом поставив ведро, поспешил к Александру.

— Дайте-ка мне, господин, я сам все сделаю.— Он подхватил седло, закинул его на спину коня и наклонился, чтобы покрепче затянуть подпругу.— До чего же славная у вас животинка! Я вчера сам его обиходил. Он был усталый — немалый путь вчера проделали, а? Ну, я дал ему теплого пойла с пивом, и он все умял за милую душу. Теперь хоть сейчас в дорогу! Далеко едете, молодой господин?

— Как получится. Я вижу, сегодня пришли местные, деревенские. Ты не слышал, наводнение не кончилось?

— Утром вода стояла уже невысоко, так что тревожиться не о чем, молодой господин. Теперь воды в реке не больше чем по колено. Тропку на этом берегу никогда не заливает, не так, чтобы нельзя было проехать — дорожка натоптанная.— Конюх ласково похлопал гнедого по крупу.— На север путь держите, я так понял?

— Да, сначала в Регед, а потом на северо-восток.

Александр, признательный за заботу о коне, поболтал с конюхом еще немного и наконец поблагодарил его и взялся за поводья, вручив расплывшемуся в улыбке доброхоту несколько медных монет. И провел своего коня через двор к воротам, удостоившись разве что нескольких любопытных взглядов да пары-тройки приветственных возгласов «Доброго вам утра!» из толпы. Не видя причин вознаграждать привратника, Александр просто молча подождал, пока тот не откроет перед ним тяжелые створки. За рвом юноша сел верхом и, повернув лошадь на север, отправился дальше берегом реки, намереваясь выбраться на дорогу, которую заметил вчера и которая, начинаясь у остатков сгинувшего моста, вела мимо монастыря.

Но добраться до нее Александру было не суждено.

Трое приближенных королевы Морганы, поднявшись раньше Александра, отправились на охоту, чтобы добыть для замкового стола что-нибудь посущественней жирных гусей и каплунов, которыми торговали окрестные крестьяне.

Они двинулись вверх по склону, в лес, укрывавший обе стороны долины.

Проехать здесь было нелегко: деревья росли часто, среди густого подлеска, однако вскоре охотники подняли зверя. То, что это была молодая стельная олениха, ловчих не волновало: их охватил азарт травли.

Подгоняя собак криками и смехом, охотники сломя голову понеслись сквозь лес вслед за оленихой, устремившейся вниз, к реке.

Вода в реке хотя и сильно спала за ночь, но стояла все еще высоко и бежала с шумом, поэтому Александр, быстрым галопом скакавший вдоль берега реки, ничего не слышал. Первое, что он увидел, была олениха, выскочившая из-под деревьев, которые здесь росли близко к воде. Она скакнула прямо на дорогу, едва ли не в трех дюймах перед мордой коня.

Породистый гнедой отличался не только быстротой, но и выдержкой, и напугать его было нелегко, но неожиданная остановка, резкий рывок и прыжок в сторону едва-едва помогли ему избежать столкновения с бегущим животным. Даже так Александр смог бы усидеть верхом и удержать поводья, если бы конь не отпрыгнул с тропки на самый берег реки, подмытый недавним наводнением.

Под тяжестью коня и всадника по земле пробежала трещина, часть берега обвалилась и съехала в воду.

Конь упал, сбросив всадника вбок, в реку.

Олениха благополучно слетела с обрушившегося берега, как птица, и вскоре исчезла в лесу на дальней стороне, а погоня, вырвавшись из лесу несколькими мгновениями позже, увидела своих потерявших след собак, сгрудившихся у края воды, и крупного гнедого, взбиравшегося вверх по склону.

Сам Александр неподвижно лежал там, куда упал, наполовину в бурном потоке, наполовину на каменистой осыпи обрушившегося берега.

Глава 16

Когда Александр пришел в себя, у него раскалывалась голова, сильно болела левая нога и ныло левое предплечье. Он лежал в постели, было темно, но у ложа горела свеча, и в свете ее юноша узнал комнатку в Темной башне, где провел прошлую ночь. Прошлую ли? Молодой человек чувствовал себя вялым, его слегка подташнивало, во всем теле ощущалась тяжесть — сколько же он проспал и уезжал ли отсюда вообще, подумал Александр, все еще во власти сновидений. Огонек свечи поплыл у него перед глазами. Юноша опустил веки и снова погрузился в сон.

Когда он снова проснулся, был день. Стукнула задвижка, дверь отворилась, и в комнату вошла дородная женщина с корзинкой на одной руке и с кружкой — в другой. За ней следовал мальчик, который прислуживал Александру накануне. Он нес чашу, *над которой подымался пар, и стопку льняных полотенец.*

— Ага, вот вы и снова с нами! — произнесла женщина с привычной, чуть ли не профессиональной жизнерадостностью.

По этому, а также по ее простому платью, обширному переднику и белому платку, скрывавшему волосы, нетрудно было догадаться, что это особа вынянчила по меньшей мере два поколения владельцев замка. Она с шумом водрузила на стол корзинку.

— Причем во всех смыслах этого слова, молодой господин! Вы-то думали, что от нас удрали, верно? Да только не так-то это просто! Вам еще повезло, что вас так скоро нашли. А теперь все будет хорошо, вот только придется обождать несколько деньков, чтобы старая Бригит вас подлечила... Вот, выпейте. Сесть можете? Так, хорошо... Поставь тазик сюда, Питер, и помоги мне с остальным. Живее! Давайте-ка, молодой господин, вот так... Да вы уже идете на поправку, если смотреть с лица. Если бы вы видели себя вчера, когда вас принесли с реки! Чистый утопленник: белый как воск, на лице синяк, кровь, вода капает холодная, что твой лед...

— Река?

Это слово тут же пробудило память. Александр приложил здоровую руку ко лбу, поморщился от прикосновения и обеспокоенно произнес:

— А мой конь? Он упал. Там был олень. Да, точно, олениха выпрыгнула на дорогу. Он не поранился?

— Не тревожьтесь, с ним все хорошо. Ни царапинки. Так вы все вспомнили? Хорошо, это добрый знак, так или иначе. Да, вы оба упали, и обоим вам повезло. Саженью дальше, и вы бы утонули, прежде чем вас вытащили. Вы стукнулись головой, да только синяком и отделались, и тот через пару дней сойдет, не будет портить ваше пригожее личико!

Женщина сдобно рассмеялась, занявшись полотенцами и горячей водой. Вода благоухала каким-то травяным сбором, и Александр с благодарностью откинулся обратно на подушки.

— Я, кажется, поранил ногу. Ты говоришь, кровь была?

— Рука у вас была в крови, скверная царапина, да. Ага, сами чувствуете? Посидите тихо, надо убедиться, что рана чистая. Думается, вы пробили руку, напоровшись на сломанную ветку, когда падали с берега. С ногой ничего страшного, растяжение,— полежите несколько дней в кровати, и все. Говорю же, вы просто счастливчик.

— Похоже на то. Кто меня принес?

— Трое наших поехали на охоту. А сюда вас принес Енох. Ну что ж, этого вам пока хватит. Лежите себе да отдыхайте, а Питер вам сейчас принесет поесть. Нет, молодой господин, я сказала вам лежать... Ходить будете через день-два, когда вам полегчает после эдакого удара по голове. И не беспокойтесь за своего коня, его обиходят. Просто делайте все, что велит вам старая Бригит, и оба вы выберетесь отсюда и поедете своей дорогой еще до конца недели.

Тут, как выяснилось, Бригит ошибалась.

Александр съел принесенную мальчиком еду и вознамерился сразу после трапезы подняться и проверить, не получится ли у него избавить свою невольную хозяйку от явно нежеланного гостя. Но то ли юноша ушибся головой сильнее, чем ему казалось, то ли в питье, которое дала ему няня, оказалось снотворное, но когда он сел и попытался подняться на ноги, комната опасно закружилась вокруг него, и его снова начало подташнивать. Александр лег обратно в постель и закрыл глаза. Немного отдыха, и тогда к миру вернется устойчивость, а он, Александр, вновь будет самим собой...

Но когда он снова проснулся, уже были сумерки, почти ночь, и молодой человек не чувствовал никакого желания подняться

с кровати. Голова все еще ныла, в руке пульсировала боль. Питер, зайдя в комнату (третий раз на дню, хотя Александр этого и не знал) с чашкой бульона и со свежим хлебом, завернутым в салфетку, бросил на Александра полный сомнений взгляд, затем поставил все на стол и поспешил прочь из комнаты, чтобы принести Бригит тревожную новость: молодой господин, на его, Питера, взгляд, не очень-то хорошо выглядит, и, по всему судя, у него самый настоящий приступ лихорадки, ровно такой же, как у Питерова дядюшки, который, напившись пьян, упал в ров и пролежал там целую ночь, пока его не нашли.

Насчет лихорадки Питер не ошибся, хотя причиной ее была скорее грязь, попавшая в рану на руке, нежели купание в холодной воде. Следующие день или два Александр провел в жаркой стране кошмарных видений, где день сменялся ночью в череде болезненных снов и где лица и голоса появлялись и исчезали, незамечаемые и неузнанные.

Потом Александр пробудился — казалось, совершенно неожиданно,— в голове у него прояснилось, память вернулась. Снова была ночь, он лежал в странной комнате, много больше той, прежней, и обставленной не просто богато, но роскошно.

Александр покоился на шелковых подушках, в большой кровати с драгоценным пологом, а еще в опочивальне были золоченые стулья с ярко расшитыми подушками, резные сундуки и бронзовые треножники со свечами, источавшими медовое благоухание. Напротив ложа, у стены, Александр увидел столик, покрытый льняной скатертью: на нем стояли разнообразные сосуды, похожие на те, которыми пользовалась нянька Бригит, но отлитые из серебра, позолоченные, а может, и золотые. А над столом, смешивая что-то в одном из золотых кубков, склонилась прекраснейшая из виденных Александром женщин.

Дама повернула голову, заметила, что Александр пробудился и смотрит на нее, выпрямилась и улыбнулась.

Она была высока для женщины, стройная, но с роскошными грудью и бедрами и гибким станом. Янтарного цвета платье почти не скрывало обольстительных форм. Волосы дамы, темные и очень длинные, были заплетены, как будто на ночь, в толстые косы, аккуратно переплетенные, однако, янтарными лентами и украшенные золотыми бантами, расшитыми самоцветами. Глаза дамы были столь же темны — с очаровательно вздернутыми

внешними уголками век. Очертания век повторяли узкие темные брови. Другая женщина сразу бы заметила, что брови и веки тщательно подведены, чтобы казались темнее, а гордо изогнутые губы — искусно подкрашены, но обессиленный Александр, возведя очи горе, лицезрел лишь дивное видение, которое, как смутно подумалось юноше, конечно же, сейчас сгинет, уступив место старушке няне или доброй, но обыкновенной леди Лунед.

Но дама не исчезла. Она подошла ближе, вступив в свет сладко благоухающих свечей, и заговорила:

— Так наш незадачливый путешественник проснулся? Доброго вечера, сэр. Как поживаете? Нет, нет...— воскликнула она, видя, что Александр пытается приподняться,— не пытайтесь сесть. У вас была сильная лихорадка, и вы должны еще некоторое время оставаться в постели.

С этим словами дама положила руку на лоб юноше — прохладную сильную ладонь, которая мягко принудила его опуститься обратно на подушки. Нет, это не видение, конечно, а живая женщина и очень красивая... Александру смутно подумалось, что вот так приключения обычно начинаются, но какая разница? Благословенный олень, в лучших традициях стародавних преданий, привел его обратно в Темную башню и в опочивальню — неужели ее собственную? — прекрасной дамы отроческих снов.

— Вы...— Произнеся это, Александр неприятно поразился звуку собственного голоса. «Блею, как ягненок»,— подумал он и попытался начать снова: — Кто вы?

Дама поспешно подошла к столу, взяла золотой кубок и вернулась с ним к постели. Она склонилась над Александром, и ее прохладная ладонь скользнула под голову юноши, приподнимая ее, чтобы тот мог напиться:

— Теперь я твоя сиделка, Александр. Когда я услышала о случившемся, я велела перенести тебя сюда, в мои собственные покои, где могу сама о тебе позаботиться. Во всех королевствах не найдется лучшей целительницы. Ну, пей же.

Вырез ее платья открывал не только нежную шею. Когда дама склонилась ниже, Александр увидел ее груди, округлые и полные, разделенные глубокой затененной ложбинкой. Он с трудом отвел глаза и, подняв взор, увидел, что дама с улыбкой наблюдает за ним. Смутившись, юноша попытался заговорить, но дама покачала головой, все еще улыбаясь, вылила ему в рот последние капли, затем отнесла кубок обратно на стол.

Голос дамы звучал спокойно и сдержанно:

— Сейчас ты снова уснешь, а утром от лихорадки не останется и следа, и рука начнет подживать. Я перевязала твои раны, пока ты спал. Нога будет еще некоторое время беспокоить тебя, так что придется ее поберечь. Теперь я пошлю к тебе Бригит, но утром навещу тебя сама.

Александр, зная, что никогда не осмелится просить эту сказочную богиню проводить его туда, куда ему вдруг так понадобилось, почувствовал живейшую благодарность, когда дама, поставив кубок, двинулась к двери. Но он должен был узнать одну вещь.

— Откуда вам известно мое имя? — хрипло спросил он.

От дверей дама обернулась к юноше, и на губах ее играла прежняя, неуловимая улыбка. Незнакомка и в самом деле была на диво обворожительна.

— Я вижу и слышу, а то, чего я не могу увидеть или услышать, мне поведают дым, кристалл и голоса во мраке. Спокойной ночи, Александр.

Несмотря на ее заботы, а более вероятно — благодаря им, ночью Александра снова трепала лихорадка, тревожа разум юноши и не давая ему заснуть. Только одна женщина в Темной башне могла так выглядеть, так говорить и распорядиться, чтобы чужака перенесли в эти королевские покои. Чародейка, королева Моргана.

Что еще ведомо ей, этой колдунье, что глядит в дым и кристалл и внимает голосам во мраке?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕКРАСНАЯ ПАЛОМНИЦА

Глава 17

Где-то за четыре месяца до вышеизложенных событий, холодным и ясным январским днем герцог Ансерус отправился на поиски дочери и обнаружил ее в залитых солнцем покоях вместе с Мариам. Девушки — предполагалось, что они трудятся над гобеленом,— устроились рядышком у окна в тонком луче света и чему-то смеялись. Не будь Алиса герцогской дочкой, уместно было бы сказать «хихикали». При появлении герцога смех тут же умолк, девушки поднялись с мест и сделали реверанс. Затем Мариам, по взгляду госпожи, еще раз присела до полу и вышла за дверь.

Алиса снова опустилась на стул, а герцог пододвинул кресло ближе к окну. Невзирая на солнечный свет и тепло от жаровни, в комнате было зябко. Он потер руки, откашлялся, но не успел и слова вымолвить, как девушка уже скромно ответствовала:

— Да, папа.

— Что это ты разумеешь под «да, папа»? Я еще ничего не сказал.

— Не сказал, но ветер дует северный, старый год сменяется новым, и ты мерзнешь.

Герцог сдвинул брови и нагнулся вперед, близоруко щурясь. С годами зрение его понемногу начинало сдавать.

— Допустим. И что с того?

— А то, что в замке холодно, точно в могиле, и повсюду сквозняки, так что пора снова отправляться в паломничество. Верно?

Герцог не сдержал сухой смешок.

— Смотри, чтоб такие разговоры не услышал ненароком отец Ансельм, детка! Но ты, конечно, права. Я и впрямь ловлю себя на том, что думаю о весеннем солнце южных краев, а ведь знаю, что должно мне думать только о собственных грехах, да о тяготах пути, да о молитвах, кои мы вознесем по прибытии.

— Что еще за грехи? — переспросила дочь ласково.— Грешу здесь только я, и теперешние мои мысли иначе как греховными и не назовешь! Я ведь как раз толковала с Мариам о Святой земле, и о том, что, может, в этом году мы опять туда поедем, и как славно будет снова оказаться в Риме — ах, этот чудесный уютный дом с теплыми полами! — и о том, какие дамасские шелка я смогу купить на том базаре в Иерусалиме. Ну не грешница ли?

— Не шути так, милая.

Упрек герцога прозвучал мягко, но девушка вспыхнула и поспешно откликнулась:

— Прости меня. Но, отец, ведь это правда. Ты святой и, Господь свидетель, делал все, чтобы и я стала такою же, а я по-прежнему только жалкая грешница, которая больше думает о... ну, о бренном мире и его прелестях, нежели о царстве небесном.

— И о таких вещах, как брак? — (Алиса быстро вскинула глаза, и герцог серьезно кивнул).— Да, дитя мое, об этом я и пришел поговорить, а вовсе не о путешествиях, визитах и молитвах.

Девушка резко вдохнула и откинулась назад, выжидательно сложив руки на коленях. Но этот смиренный вид ни на миг не ввел отца в заблуждение.

— Тебе уже пошел семнадцатый год, Алиса,— осторожно начал герцог, словно испытывая дочь.— В этом возрасте большинство девушек благополучно выходят замуж и обзаводятся собственной семьей и собственным домом.

Алиса промолчала, и герцог снова кивнул.

— Знаю, милая. Мы об этом уже говорили, и не раз, и ты всегда вела себя как покорная дочь, но всякий раз умоляла меня подождать, подождать еще год... а потом и еще один. Но теперь объясни мне почему. У тебя нет матери, которая бы наставила тебя и вразумила, но я тебя выслушаю. Или душа твоя

не склоняется к замужеству, дитя мое? Возможно ли, чтобы ты начала размышлять о постриге?

— Нет! — Ответ прозвучал так резко, что брови герцога изумленно взлетели вверх, и девушка продолжила уже мягче: — Нет, отец, дело не в этом. Ты же знаешь, я никогда не смогла бы... монастырская жизнь — не для меня. А что до замужества, так я всегда знала, что в один прекрасный день придется о нем задуматься, но... право же, дом и хозяйство у меня здесь, и заботиться есть о ком — о тебе! Почему бы нам не подождать? Хотя бы до того, как мне исполнится семнадцать? А тогда, обещаю, я покорюсь твоей воле и позволю тебе решить мое будущее.— Девушка ослепительно улыбнулась отцу — и ласково, и лукаво.— С условием, конечно, что юноша, которого ты для меня изберешь, окажется красавцем и храбрецом... и притом безземельным, так что он не увезет меня прочь, а поселится здесь, в Розовом замке!

— Алиса, милая, Господь свидетель, я бы охотно удержал тебя при себе, кабы мог,— сдержанно проговорил герцог, не улыбнувшись в ответ.— Но ты же знаешь, рано или поздно придется что-то решить, чтобы обезопасить будущее нас обоих, а также и наших людей.

— О чем ты?

Пока они беседовали, солнечный луч сместился и теперь падал точнехонько на герцогское кресло. В резком и холодном зимнем свете девушка вдруг заметила, как постарел ее отец. Он исхудал, лицо, в котором отражалась неизменная озабоченность, словно осунулось, черты заострились, между глаз пролегли свежие морщины. А волосы совсем поседели.

— Ты болен? — коротко и отрывисто выпалила девушка, внезапно испугавшись не на шутку, так что вопрос прозвучал обвинением.

Герцог покачал головой:

— Нет-нет. Я-то чувствую себя вполне сносно. Просто прибыли вести — тревожные вести, недобрые. Разве ты не видела гонца?

— Нет. Мариам сказала, будто что-то такое слышала, но... Так какие вести, отец? Неужто стряслась беда?

— Не с нами и нас напрямую не затронет. Ты вот только что шутила насчет выбора супруга... Думается мне, ты знаешь, из наших прежних разговоров, на кого наш выбор падет в первую очередь.

— Дриан? Да, знаю. С ним что-то случилось?

Участие, прозвучавшее в голосе девушки, было данью вежливости, не более. Ни она сама, ни герцог Дриана в глаза не видели. Дриан приходился младшим братом Ламораку, одному из Сотоварищей верховного короля. А Ламорак с недавних пор служил Друстану при дворе Марка Корнуэльского. И он, и его брат почитались добрыми рыцарями и преданными вассалами верховного короля.

Герцог снова покачал головой:

— Опять-таки не то чтобы прямо с ним. Но на юге творится недоброе. Есть вещи, о которых я с тобою никогда не заговаривал, но, думается мне, и до твоих ушей наверняка доходили слухи — ну все то, что местные сплетницы рассказывают про сестру верховного короля?

Герцог замялся, и Алиса поспешно докончила за отца:

— Про королеву Моргану, которую король Регеда отослал от себя и запер в монастыре Каэр-Эйдина? Ну конечно, я знаю; об этом повсюду толковали. Да только случилось это бог весть когда.

Алиса не стала уточнять, что, конечно же, повсюду толковали в подробностях еще и о непотребной интрижке королевы, что усугубила предательство Морганы, так что супруг ее был вынужден отослать от себя прелюбодейку и передать ее на суд верховного короля.

— Нет-нет,— поправил герцог.— Я не про Моргану. Я имел в виду ее сестру Моргаузу, вдову короля Лота Оркнейского, которая жила на северных островах до тех пор, пока верховный король не призвал ее на юг, к своему двору в Камелот, вместе с сыновьями. С тех пор мальчики состоят у него на службе, но королева Моргауза, в наказание за некий давний проступок, жила в заточении в монастыре, как и ее сестра.

Алиса помолчала минуту. Эту историю она тоже знала: и в том ее виде, что изначально сочли приемлемым для детского слуха, и более поздние живописные добавления к рассказу, который стремительно превращался в легенду. Говорилось, будто много лет тому назад, когда оба были молоды, Моргауза возлегла со своим сводным братом Артуром и родила ему сына Мордреда, который, считаясь королевским «племянником», ныне занимает высокое положение при Артуровом дворе и приближен к королю и королеве. Причем несмотря на то (об этом тоже перешептывались), что Моргауза всей душою ненавидела сводного брата и оставила мальчика в живых лишь потому, что Мерлин предрек: наступит день, и Мордред погубит Артура. Мерлина королева ненавидела ничуть не меньше и наконец, позабыв об осторожности, попыталась отравить своего недруга. Но магия старого чародея оказалась сильнее, и тот остался в живых, но король Артур покарал сестру, заключив ее в монастырь Эймсбери, на окраине Великой равнины.

Гадая про себя, каким, собственно, образом старые сказки о колдовстве и интригах затрагивают ее отца, Алиса переспросила:

— Да, о пребывании королевы Моргаузы в Эймсбери я знаю. Но ты сказал: «жила в заточении». Значит, она обрела свободу? Что, собственно, произошло?

— Моргауза убита — умерла от руки собственного своего сына, Гахериса.

Алиса потрясенно глянула на отца, а герцог вдруг резко подался вперед, с досадой хлопнув ладонями о подлокотники.

— Ну вот, мы обсуждаем твое замужество, а я по-прежнему обхожусь с тобой, как с ребенком. Прости меня, родная! Слушай, я расскажу тебе все как есть. Отвратительная вышла история. Королева Моргауза, даже живя в монастыре, при том что грехи прошлого замаливать подобало, умудрялась обзаводиться любовниками. Не знаю, кого и как она приближала, но последним стал Ламорак. Он командовал гарнизоном, размещенным неподалеку на равнине, и впервые встретился с этой женщиной, отправившись в Эймсбери с королевским поручением. Кажется, Ламорак повел себя достаточно благородно; он собирался жениться на Моргаузе, так что, можно сказать, обладал неким правом разделить с ней ложе. Но, как бы уж там ни было, Ламорак находился с нею. А Гахерис, один из сыновей Моргаузы, тайно явился в монастырь под покровом ночи, дабы повидаться с матерью, застал ее с полюбовником и, ослепленный яростью, выхватил меч и зарубил несчастную. Дальнейшее я представляю себе весьма смутно, но напасть на Ламорака Гахерису как-то помешали. Впоследствии Ламорак вручил меч верховному королю и сам отдался на милость короля. Его отослали за пределы королевства. Причем ради его же собственной безопасности. Оркнейский клан — Гахерис и его братцы дики и необузданны, а король пы-

тается предотвратить раздор между своими рыцарями. Гахерис тоже изгнан.— Герцог перевел дыхание.— Сама понимаешь, что все это значит.

— То, что Дриан покинул королевство вместе с братом?

— Нет, не то. Пока еще нет. В ту пору Дриан находился в замке Друстана в Нортумбрии — может, он и сейчас там. Но я слышал, будто Гахерис поклялся, что бы там ни предпринимал верховный король, выследить Ламорака и убить его. А тогда, в свою очередь, мести того и гляди возжаждет Ламоракова родня. И все завертится по кругу, ибо кровь требует крови...— Голос герцога зазвучал устало.— Вот такие дела... и конец нашим планам насчет брака с молодым Дрианом. Я не допущу, чтобы моя дочь и мой дом оказались втянуты в кровавую распрю. Остается только благодарить Господа, что вести прибыли вовремя. Я-то и письмо написал, и ушло бы оно завтра на север вместе с гонцом. А теперь уж не отошлю. Так что в конце концов ты свою отсрочку получила, и нам предстоит снова хорошенько поразмыслить.

Девушка потупилась, сцепила руки на коленях.

— Я помолюсь за них. За Ламорака, который не замышлял никакого греха из тех, что нам ведомы, и за Дриана, который ничего греховного не совершил.

Воцарилось молчание. Герцог грел руки над жаровней. Алиса сидела, не поднимая головы.

Наконец девушка встрепенулась, обвела взглядом комнату. Тихие, залитые солнцем покои; жаровня струит тепло; плотные драпировки скрывают каменные стены; рамы для гобеленов, корзинки с мотками разноцветной шерсти, прялка, пристроенная в уголке арфа... Ее комната, ее привычная комната, где за занавесями скрывается лестница, уводящая к верхней площадке и спаленке. А вид из окна на террасу и узкую подоску сада радует глаз даже зимой — там и вечнозеленые кусты в кадках, и грядки с пряностями. А за ними — река, спокойная да широкая, что служит крепостным рвом скорее приятности ради, нежели для защиты, ибо кто в те мирные дни Артурова царствования страшился соседей? Уж конечно, не герцог Ансерус Паломник, человек мягкий да набожный, любимый всем окрестным людом, чья дочь, леди Алиса, могла без опаски разъезжать верхом по всему герцогству из конца в конец. Соседи же их, кстати говоря, сами подоспели бы на помощь, если бы случилось невероятное и миру здешних земель угрожал какой-нибудь враг.

Но ведь если бы не доставленные гонцом вести, этот мир того и гляди был бы нарушен. И от одной этой мысли просто в дрожь бросало. Брачный союз с Дрианом казался таким удачным как для нее самой («безземельный юноша, который не увезет меня из родного дома»), так и для будущего Розового замка. Но даже если бы не трагедия в Эймсбери, что бы из этого всего вышло? Если бы Ламорак женился на королеве Моргаузе, а леди Алиса стала бы женою Дриана, кто знает, что за тени злой магии и былых грехов (а народная молва не оставляла места недомолвкам) наползли бы с севера и осквернили бы окраины обожаемой земли?

Солнце зашло. Алиса обернулась к окну и залюбовалась видом, что всегда ласкал ее взор, а сейчас, когда на окрестности пала тень, воображаемая и реальная, показался ей в тысячу раз прекраснее, чем обычно. Лишь бы его не утратить; пожалуйста, возлюбленный Господи, я все сделаю, чтобы сохранить его и вернуть отцу душевное спокойствие. Все, что угодно, сделаю!

Девушка оглянулась на отца: тот, стареющий и седой, молча сидел в сумрачной тени. И Алиса, отринув нахлынувшее на нее чувство облегчения, принялась утешать герцога:

— Да, может, все еще как-нибудь обойдется, отец. Может, никакой опасности нет, и Дриану с его семейством ничего не угрожает. Ты подождешь новых известий или хочешь сразу написать в Банног-Дун к Мадоку, узнать, что он про себя думает?

Помянутый Мадок владел крепостью — слишком маленькой, чтобы заслужить название замка,— на северной границе Регеда. Герцогу Ансерусу он приходился дальней родней; узы родства связывали его и с королем Баном Бенойкским. По сути дела, именно к нему должен был отойти Розовый замок при отсутствии иных наследников мужеского пола — то есть при отсутствии сыновей у Алисы. Претендовал граф на замок, что называется, с боку припеку — нет, на основаниях вполне законных, но через младшего сына два поколения назад, однако притязание это вполне могло иметь силу, за неимением более весомых. А ведь прямую линию теперь представляла только Алиса.

Герцог встрепенулся, выпрямился; в лице его, к вящей радости девушки, отразилось облегчение.

— Об этом я и пришел спросить тебя, помимо всего прочего. Кажется, это наилучший выход.

Девушка улыбнулась и как можно небрежнее обронила:

— У меня есть выбор?

— Конечно.

— Я смутно помню Мадока со времен детства. Сильный мальчуган и храбрый. Ты с тех пор с ним виделся, верно, отец? Какой он?

— По-прежнему и силен, и храбр. Он воин, но, сдается мне, ему поднадоело служить Бенойку и он мечтает о собственных землях.— Герцог серьезно поглядел на дочь и кивнул.— Хорошо. Я напишу ему. Думается мне, это хороший выбор, моя Алиса. Я покажу тебе письмо — до того, как гонец поутру отправится на север. А сейчас давай оставим этот разговор, ладно? Да, знаю, я сам сказал, что дело не терпит, и хотелось бы мне уладить его поскорее, да только я разумел скорее месяцы, чем дни. К зиме оно будет в самый раз.

Вот теперь Алиса испытала неподдельное облегчение, которое, впрочем, попыталась по возможности скрыть.

— К зиме? А ведь эта зима только началась, впереди еще почитай что три месяца?

Герцог улыбнулся:

— Ну да, я говорю о следующей зиме. Ты правильно угадала, моя Алиса. В апреле мы отправляемся в паломничество. В мое последнее паломничество, перед тем как я удалюсь на долгий — и долгожданный — покой в наш собственный монастырь Святого Мартина здесь, в Регеде... А тебя оставлю здесь — благополучно устроенную, и замужем, и, дай Господи, под защитою надежного меча.— Ансерус повернул руку, что покоилась у него на коленях, ладонью вверх.— Ты же знала, что ждать уже недолго и вскорости я уйду от мира. Хворать я не хвораю, вот разве что кости малость поскрипывают, но замечаю, что стал легко уставать, а зимними месяцами все больше и больше утомляет меня необходимость выезжать верхом и печься о наших землях и подданных. Я рад буду переложить эти заботы на плечи хозяина помоложе и удалиться к мирной монастырской жизни. Мы с тобою об этом много раз толковали.

— Знаю. Но тут уж как с моим замужеством: его не избегнуть, но куда торопиться? — Девушка выпрямилась на стуле и улыбнулась отцу ответной улыбкой.— Значит, все улажено! Ты напишешь графу Мадоку, а тем временем мы отплывем в Иерусалим. По крайней мере, раз уж я сделалась невестой, ты согласишься, что мне и в самом деле просто-таки необходимо накупить дамасских шелков!

Герцог рассмеялся:

— Ты вольна накупить всего, чего душа пожелает, милая, да только не на базаре! Мы не в Иерусалим едем. А опять в Тур. Ты не против?

— Нисколечко. Тур мне понравился. Но почему?

— Мне хотелось бы в последний раз побывать у гробницы святого Мартина до того, как я приму постриг в здешнем его монастыре. Я уже давно об этом подумывал и все гадал, как там положение дел, а вот теперь, deo gratias*, мы можем строить замыслы. Гонец привез письмо от королевы Хродехильды. Вот оно.

И герцог протянул дочери свиток.

Послание оказалось кратким. Старая королева выражала надежду, что, как герцог Ансерус поминал во время последней их встречи, он по-прежнему желает совершить паломничество в этом году к священной гробнице блаженного епископа Мартина. Ежели так, то, невзирая на весьма и весьма ощутимую угрозу войны, он может быть уверен, что путешествие его пройдет благополучно и что сам герцог «и леди Алиса, ежели она едет с вами», разместятся в покоях королевы, которая сочтет за удовольствие и честь... и так далее, и тому подобное.

Алиса возвратила письмо отцу.

— Как мило с ее стороны вспомнить про нас и написать. Да, я не прочь снова увидеть Тур. Интересно, там ли сейчас мальчики? Теодовальду уже исполнилось... сколько же? — лет десять или одиннадцать, надо думать. Наверное, уже к войне готовится. Ох уж эта мне война! Не представляю, каково это — вечно жить под «весьма и весьма ощутимой ее угрозой»!

Герцог улыбнулся. Он уже выглядел куда лучше. Перспектива путешествия всегда его радовала, подумала Алиса, но дело не только в этом. Ее замужество и передача имущества; да, и это тоже. Но превыше прочего — и девушка не без грусти смирилась с этой мыслью — сознание того, что скоро, очень скоро пробьет час всецело посвятить себя служению Господу.

Герцог Ансерус снова убрал свиток в рукав.

— Не так уж много лет прошло с тех пор, как здесь, в Британии, творилось то же самое. Полагаю, люди ко всему привыкают, и очень сомневаюсь, что франки порадовались бы миру, даже если бы им его предложили! Я так понял со слов гонца — а от этих людей короля ничего не укроется! — что войны с Бур-

* Благодарение Господу *(лат.)*.

гундией и впрямь не миновать. А когда было иначе? Но правда и то, что дороги пока открыты и паломники в относительной безопасности. А уж при покровительстве королевы Ходехильды... Да, я всенепременно поеду, но, может, ты предпочла бы остаться?..

— Разумеется, я с тобой! Очень может быть, что и для меня это путешествие окажется последним; в любом случае, пострансствовать с тобою вместе мне уже не придется!

Следующей весною в это самое время, размышляла Алиса, следующей весною в это самое время... Отец мой жив и здравствует, дай Господи, и счастлив, служа Тебе, а я — по-прежнему здесь, в Розовом замке, вместе с Мариам шью одежку для малыша Мадока?

Девушка встретила озабоченный взгляд отца и улыбнулась ослепительной, ободряющей улыбкой.

— Так отсылай же скорее письма графу Мадоку и королеве, и давай начнем думать о летних шелках! Ну и о наших душах тоже, конечно же!

Герцог Ансерус рассмеялся, поцеловал дочь и отправился к писцу — диктовать судьбоносные письма.

Глава 18

Вскорости приготовления к «последнему паломничеству» уже шли полным ходом. Были приняты меры предосторожности: на сей раз, чтобы не подвергать себя опасности во время долгого пути посуху через владения франков, решили доплыть на корабле до самого устья Луары, а там пересесть на другой и по реке подняться прямехонько до Тура.

Ответа от королевы Ходехильды так и не последовало. Равно как и от Мадока; видимо, в крепости его не случилось, но, как гласило послание от его управляющего, «граф Мадок всенепременно будет рад и счастлив обсудить предложение герцога; ведь к союзу сему, как всем ведомо, давно уже склоняется его сердце».

— Вот уж не сомневаюсь,— суховато заметил Ансерус и оставил дело как есть.

Они взошли на корабль в середине апреля. Путешествие выдалось бессобытийным, погода стояла хорошая; по мере того как они плыли все дальше на юг, весна неспешно уступала место

раннему лету. Судно ненадолго бросило якорь в Керреке, что в Малой Бретани; там паломники задержались на несколько дней, отдыхая в гостях у родича. Оттуда же герцог Ансерус послал письмо королеве Ходехильде, извещая ее о своем продвижении. Дань вежливости, не более; однако когда корабль наконец-то благополучно причалил в Нанте, в бурлящем жизнью портовом городе в эстуарии Луары, путешественники были удивлены и польщены, обнаружив, что их дожидается эскорт: внушительный отряд вооруженных воинов под штандартом старой королевы. Их прислали, пояснил офицер, дабы помочь гостям из Британии пересесть на корабль поменьше, который и доставит их прямиком в Тур, и сопроводить их туда безопасности ради.

— Безопасность? — Вопрос Ансеруса прозвучал резче, чем следовало.— Что может угрожать нам на реке?

— Ровным счетом ничего, сэр.

Голос офицера звучал ровно да гладко, под стать ухоженной, чисто выбритой физиономии. Нет, это вам не франк; судя по выговору и манере держаться, то был римлянин; и отряд его со всей очевидностью являл собою воплощение римской дисциплины и порядка. Проследив взгляд собеседника, гости заметили, что на стеньговом флаге, как и на штандарте эскорта, красуется герб королевы.

— Выходит, королева Ходехильда прислала за нами собственный корабль?

— Истинно так, сэр. Речные суденышки обычно ходят от Нанта к Туру с заходом в десяток мест: утомительное завершение вашего долгого путешествия.— Офицер глянул на Алису — как-то нерешительно, искоса — и тут же снова отвернулся. Девушке показалось, будто он собирался что-то сказать, да только передумал и вместо того добавил: — Когда до королевы дошли вести о вашем приезде, она пожелала облегчить вам тяготы пути. «Меровинг» домчит вас быстро и с удобством, а в Туре, милорд, вас разместят в самом замке. Королева не... то есть в настоящее время во дворце она не живет.

— Мы в неоплатном долгу перед вашей госпожой за ее заботу и учтивость. Полагаю, она в добром здравии?

Герцог говорил спокойно и невозмутимо и в свой черед вежливо справился о здоровье прочих членов королевского семейства, но и за отцовскими расспросами, и за по-официальному сжатыми ответами офицера Алиса ощущала тревогу с одной стороны,

а с другой — нарастающую и даже угрюмую сдержанность. Как только гости из Британии благополучно взошли на борт нарядного королевского суденышка, Ансерус и офицер, который представился как Марий, вместе спустились вниз, покинув Алису с Мариам на палубе. Девушки остались стоять у поручней, любуясь, как мимо проносятся залитые солнцем земли.

После морского путешествия это плавание судило сплошное удовольствие.

Река, спокойная, широкая и величавая, плавно изгибаясь, текла через страну, богатую лесами, виноградниками и пастбищами. Время от времени взгляд различал деревни — или, скорее, поселения. Внушительного вида каменный дом или усадьба в окружении фруктовых и тщательно ухоженных цветочных садов поддерживались скоплением деревянных или сложенных из торфа хижин, где, надо думать, ютились слуги и рабы, занятые в хозяйстве.

Картина выглядела на удивление мирной: плодовые деревья в цвету и буйная растительность садов, ряды соломенных пчелиных ульев, что на солнце отливали золотом; вот стадо белых гусей щиплет траву у кромки воды, вот мальчишка с трещотками гоняет птиц от виноградников, где зеленеет молодая поросль.

Тут и там виднелись церкви: небольшие деревянные либо сплетенные из прутьев постройки притулились в глубине, под надежной защитой ограждающей стены. Край изобильный и отрадный, однако здесь приходится держать ухо востро, из страха перед соседом; в этой стране, думала про себя Алиса, не нашлось Артура, вождя и полководца, способного объединить ее враждующих королей и скрепить ее красоту и богатство печатью мира.

А корабль тем временем миновал пристань, а вскорости еще одну; каждая — сама по себе маленький порт с общим пирсом, обслуживающим поселение, подступающее к самой кромке воды, где швартовались лодки и где туда-сюда сновали перевозчики. Жизнь здесь била ключом. Телеги подкатывали к пристаням либо медленно катились по дорогам, запряженные белыми волами. То, что все без исключения повозки направлялись в одну сторону — на запад, равно как и то, что большинство из них были доверху загружены явно домашним скарбом и мебелью, ничего не говорило Алисе, что стояла в солнечном свете у поручня, погруженная в грезы. Однако девушка гадала про себя, о чем это ее отец и офицер королевы так долго толкуют в трюме,

и — эта мысль промелькнула и исчезла без следа — мечтала о том, чтобы благополучно возвратиться домой, а уж с замужеством как сложится, так сложится.

Почти час спустя, когда «Меровинг» осторожно лавировал между островами, где в тени золотисто-зеленых ив свили гнезда бесчисленные птицы, герцог Ансерус снова появился на палубе, присоединился к дочери и жестом отослал Мариам за пределы слышимости. Один взгляд на его лицо — и девушка встревоженно воскликнула:

— Отец? Неужто скверные новости? Что стряслось?

— Достаточно скверные.— Герцог ободряюще накрыл ладонью руку дочери, лежащую поверх поручня.— Нет, не для нас, дитя, я надеюсь; здесь мы как-никак паломники, а это христианская страна, милостивый святой Мартин тому свидетель! Но паломничество наше долго не продлится. На сей раз разговоры о войне — не просто крики «Волк! Волк!». Сражение уже было, и никому не ведомо, чего ожидать дальше.

— Сражение? С Бургундией?

— Да.

— Но... ох, отец, какой ужас! Бедная королева Хродехильда...

— Никакая не бедная,— отозвался герцог с несвойственной ему резкостью.— Она же сама все и затеяла. И сыновей убедила — да что там, вынудила! Сдается мне, она и по сей день продолжает затяжную войну короля Хлодвига за то, чтобы привести всю Галлию под власть салических франков, да только не эту приманку она использовала, чтобы объединить франкских королей, своих собственных троих сыновей и Теодориха, и повести их против Бургундии.

— Тогда что же?

— А что придется по душе этим волкам? Крестовый поход во имя Христа? — Слова Ансеруса дышали печальным и горьким презрением.— Вряд ли! Нет, она призывала к мести.

— Мстить Бургундии? — воскликнула Алиса.— Но за что? Мне казалось, она сама по рождению бургундская принцесса.

— Именно так. А Сигизмунд Бургундский — он и его брат Годомар убили ее отца и мать. И ее, вне всякого сомнения, ждала та же самая участь, если бы ее не увидел Хлодвиг и не попросил ее руки.

— Но, право же... ведь столько лет прошло...

— Истории эти и по сей день у всех на слуху, ведь такое не забывается. И могла ли позабыть о том Хродехильда, даже будучи христианкой?

Ниже корабельного поручня пронеслась стайка мелких болотных птичек, сверкая крыльями, перекликаясь мелодичными голосами. Птицы летели на запад. Алиса не без грусти проводила их взглядом; итак, предчувствие ее не обмануло.

— Так что же произошло? — переспросила она.— Ты говоришь, сражение уже было?

— Было. Марий — ну, тот офицер,— мне рассказывал. Это долгая история и к тому же печальная, но я в подробности вдаваться не буду. Франкские короли объединили силы, атаковали Сигизмунда и Годомара и одержали победу. Годомар бежал, а короля Сигизмунда захватили в плен. Хлодомер, собственно, и захватил.

— Отец принца Теодовальда?

— Он самый. Какое-то время он содержал Сигизмунда вместе с женой и семейством где-то под Орлеаном.

— Какое-то время?

Встретив быстрый взгляд дочери, герцог кивнул. Лицо его помрачнело.

— Да ты, верно, уже догадалась. Хлодомер отдал приказ всех их убить, предать ужасной смерти, и детей тоже. Марий рассказал мне все. Не стану удручать тебя пересказом, но что до последствий — то придется, и последствия эти достаточно скверные.

Девушка молча слушала, пока отец досказывал остальное. Выходило, что, как только победоносные франкские короли покинули поле битвы и вернулись домой, каждый в свое собственное королевство, уцелевший правитель Бургундии, Годомар, собрал под своими знаменами уцелевшие войска и выступил в поход, дабы вернуть свои земли и, в свою очередь, отомстить за смерть брата. Пока было не совсем понятно, что, в сущности, произошло; молва твердила о предательстве, и даже ходили слухи о том, что старший из франкских королей, бастард Теодорих заключил союз с Годомаром против собственных братьев. Много ли было правды в тех словах или нет, да только король Хлодомер пал в последующей битве, и голову его, насаженную на копье, выставили на всеобщее обозрение. Несмотря на это, а может быть, и в силу этого, франки объединились и в жестоком сражении наголову разбили Годомара и вновь обратили его в бегство.

— Так что остается надеяться, что вскорости все уладится,— докончил герцог.— Если верить Марию, в Туре все спокойно, хотя, конечно, с тех пор как пришли вести о гибели короля Хлодомера, жители Орлеана обеспокоены, и многие ищут убежища в Туре, так что город битком набит и полон слухов.

— А Теодовальд? — спросила Алиса, почти не вслушиваясь в последние фразы.— Как же Теодовальд? Он ведь теперь, надо думать, станет королем? Или он... он участвовал в сражении?

— Нет же, с ним все в порядке. Теодовальд в Париже. Как только пришли вести о смерти Хлодомера, королева Хродехильда увезла всех троих внуков на север. Король Хильдеберт непременно поддержит племянников. Он намерен провозгласить Теодовальда королем.

Острова исчезли из виду за кормой. Река снова сделалась шире. По обоим берегам взгляд различал все те же великолепные, безмятежные картины: деревья, одетые весенней зеленью, аккуратные ряды виноградников, заливные луга и пасущиеся стада. Но на сей раз Алиса, опершись локтями о поручень, ничего этого не видела. Она вспоминала маленького Теодовальда, к которому теперь отойдут все эти земли, а вместе с ними — наследие насилия и предательства, удел длинноволосых королей.

— Значит, если королева Хродехильда останется в Париже до коронации, ни ее, ни мальчиков мы не увидим?

— Похоже на то. Со временем, разумеется, она непременно привезет Теодовальда на юг, и последуют новые торжества, но у королевы и без того будет дел невпроворот, так что вряд ли она станет ждать, что мы останемся на празднества. Мы сошлемся на ее и нашу занятость и уедем, как только сможем. Или ты хочешь задержаться и полюбоваться на то, как мальчика коронуют в Орлеане?

— Нет. Нет, поедем домой! — Девушка выпрямилась и обернулась к отцу.— Что за ужасная история! Прошлый раз мне здесь понравилось, но... Отец, как понять этих людей? Королева... Она кажется такой умницей, такой... такой элегантной — и начать подобную войну, да еще по такому поводу! Она что, обезумела? Или больна?

— Тот же самый вопрос задал и я, только гораздо тактичнее. Похоже, в последнее время ей недужилось; нет, ничего серьезного, просто желудок расстроился, всему виной — ужесточившаяся аскеза, как объяснил Марий. По его словам выходит, что

королева ныне блюдет пост и образ жизни ведет простой и скромный,— как говорят, исполняет епитимью, дабы почтить святого. Одевается в домотканую холстину, богатства раздает нищим. Да, королева словно преобразилась, но при этом вполне в здравом уме, насколько это можно сказать о человеке, одержимом одной-единственной целью.— Герцог снова ободряюще накрыл ладонью руку дочери.— Не тревожься, дитя. Эти недобрые события нас не затронут, и, дай Боже, мальчик тоже спасется, избавится от их пут. Что до нас самих, уж будь уверена, что это паломничество долго не продлится! Вот помолимся у гробницы святого, поговорим с епископом, отошлем королеве письма с извинениями, а там и в обратный путь!

Глава 19

Королевский замок в Туре являл собою внушительную крепость.

Сложенные из камня стены его словно вросли в скалу у самой кромки реки, которая, в этом месте глубокая и широкая, создавала грозную естественную преграду между королевствами Орлеана и Парижа.

Замок опоясывал крепостной ров; речная вода поступала туда сквозь шлюзы. К главным воротам вел деревянный мост, такой узкий, что бок о бок по нему могли проехать не больше двух всадников.

Но стоило оказаться внутри, и изрядно пугающий внешний вид тотчас же забывался.

Алисе с отцом отвели недурственные покои с окнами, выходящими на юг.

Меблировка отличалась комфортом, а в комнате Алисы еще и радовала глаз. Солнечные лучи нагревали каменные подоконники, весь дворец был пронизан светом. За окном, в прозрачном воздухе, с щебетом носились ласточки, уже возвратившиеся из южных краев.

С высоты замка городишко — скопище домов за крепостным рвом — казался чистым и спокойным, словно игрушечным, с его красными черепичными крышами, полосками бахчи и цветущими деревьями, купы которых подступали к самым стенам внушительной базилики, возведенной около ста лет назад вокруг гробницы святого.

Картина вырисовывалась на удивление мирная: ничто не наводило на мысль о грозящих опасностях, ничто не говорило о том, что это приграничный город внезапно ослабевшего королевства.

Ворота были распахнуты настежь; сквозь них двигались люди, скот и телеги, поспешая на рынок, что вдалеке казался совсем крошечным.

Но Алиса, устроившись у окна, пока Мариам расчесывала ей волосы, без тени сожаления думала о том, что паломничество, обещавшее обернуться столь отрадным и комфортным, придется сократить. Вот отдохнут они день-другой, отец помолится у святыни — и в долгий путь домой! Марий заверил гостей, что «Меровинг» в полном их распоряжении, когда бы ни понадобился.

Алиса вздохнула.

— Спасибо, Мариам. А теперь — платье. Нет, не голубое. Возможно, что покрасоваться в нем мне так и не случится, но ты все равно сделай что-нибудь с юбкой, ладно? Я так и знала, что эта ткань непременно изомнется. А мне подай бежевое, с красновато-коричневой накидкой, и коричневый плащ с капюшоном. Думаю, отец захочет отправиться прямиком к гробнице. Надо бы поспешить.

— Да, госпожа. Бежевое платье и коричневый плащ. Вот они, и доехали в полном порядке. А за голубое не тревожьтесь; разгладить складки — это же пара пустяков. Но до чего жаль, что королева в отъезде, правда? А я-то так мечтала полюбоваться на вас в голубом!

— Ну, в создавшихся обстоятельствах это уже не важно.— Наблюдая, как прислужница разглаживает разложенные на кровати наряды, Алиса вдруг заметила, что глаза у девушки покраснели, точно она плакала.— Что такое, Мариам? Все ужасно и скверно, но нам страшиться нечего...

— Я не боюсь. Не в том дело.

— Так в чем же?

— Пустое, госпожа.

И вдруг Алису осенило.

Сообщив Мариам, что с паломничеством они отправляются в Тур, а вовсе не в Иерусалим, она с удивлением отметила, что прислужница явно обрадовалась.

А ответ оказался прост...

— Ну конечно же! — воскликнула Алиса.— Ты мечтала еще раз повидаться со своим соотечественником, с Джошуа, верно? Ну что ж, вряд ли стоит рассчитывать застать его здесь, в замке короля, но ты не бойся, я уж позабочусь о том, чтобы мы заглянули и во дворец королевы тоже! Не знаешь, Джошуа по-прежнему у нее на службе?

— Да, госпожа, так и есть. Я уж спрашивала. Но он не в Туре. Он в Париже, при королеве. Он теперь domesticus, все хозяйство на нем; почетная должность, как говорят, да такая важная! Как же ему да с королевой не поехать? Наверное, на коронации молодого принца всеми торжествами заправлять будет тоже он, да только мы к тому времени уже уедем, верно ведь?

— Боюсь, что так. Мне очень жаль.

— Ну, ничего тут не поделаешь.— Мариам, чуть пожав плечами, вернулась к своей работе.— А ежели слухи не лгут, так чем скорее мы вернемся, тем оно лучше! Посидите-ка смирно, госпожа, дайте я вуаль закреплю... Ну вот, хорошо. Как думаете, долго ли милорд ваш отец захочет здесь пробыть?

— Недолго, полагаю. Это не Берин в дверях? Не должно мне заставлять отца ждать.

Мариам опустилась на колени — расправить складки красновато-коричневой ткани и завязать на госпоже пояс.

— Мне пойти с вами?

Алиса покачала головой. Она знала — а отправляясь помолиться в христианский храм, она всегда позволяла Мариам подождать снаружи,— что во дворе базилики святого Мартина девушка чувствует себя неуютно: целые толпы нищих, недужных, увечных и голодных дерутся друг с другом за подаяние, что бросает им благочестивый люд, и с угрозами и проклятиями толпятся вокруг любого, кто окажется там без сопровождения.

— Нужды нет. Нам дадут эскорт. Ну вот. Выгляжу ли я достаточно скромно и целомудренно, а, Мариам?

Про себя Мариам подумала, что госпожа ее выглядит достаточно обворожительно, чтобы вскружить голову тысяче воздыхателей, и даже в церкви, но она лишь улыбнулась, присела в реверансе и отворила для Алисы дверь.

По узкому мосту, перекинутому через крепостной ров, величаво прошествовала целая процессия, пусть и небольшая.

Помимо герцога и его свиты и Алисы с прислужницами там были четыре стражника в полном вооружении, а замыкали шествие две фигуры в рясах с капюшонами — отец Ансельм, герцогский капеллан, и один из священников королевы, брат Иоанн. Шли они склонив головы и чинно спрятав сложенные вместе руки в широких рукавах.

Улицы были запружены народом, однако благодаря присутствию вооруженных воинов и, возможно, святых отцов нищие и зазывалы держались на почтительном расстоянии, и большинство прохожих деловито спешили по своим делам. Однако на углах люди собирались кучками: головы сдвинуты, вид у всех встревоженный.

В Туре было безопасно, хотя волна войны еще не отхлынула; в мыслях своих люди еще не свыклись с миром.

Однако нигде взгляд не усматривал признаков великого горя, что разумно было бы ожидать в случае смерти — ужасной смерти! — короля над людьми.

Несколько нагруженных телег выезжали из ворот, на сей раз на восток: это беженцы из Орлеана, благодаря судьбу, возвращались домой. Один король умер, другой придет ему на смену; пока домашний очаг в безопасности, какая, в сущности, разница?

Алиса дошла до церкви, уже в сердце своем молясь за Теодовальда.

Красота песнопений и знакомое умиротворение службы помогли смягчить и сгладить мысли о смерти и неведомом, жестоком будущем, ожидающем запомнившегося ей мальчика.

И Алиса, как всегда, восторженно забылась в попытке молиться и в только ей присущем общении с Господом, с которым она всегда была на дружеской ноге.

В какой-то момент она тихонько коснулась отцовского рукава, и герцог поспешно на мгновение накрыл ладонью руку дочери. Последнее паломничество, совершенное вдвоем.

А после для него — давняя мечта о покое, для нее — замужество, и что бы уж там оно ни принесло...

Забудь. Будущее — в руке Господней, а сейчас — настоящее, и отец рядом с нею, и корабль дожидается у причала, чтобы увезти их обоих домой.

Глава 20

Восемь дней пробыли они в Туре.

Герцог уехал бы и раньше, но Алиса видела, что долгое путешествие утомило отца, и убедила его отдохнуть и в первые два-

три дня сократить посещения гробницы, насколько позволяли приличия. Уговорить герцога труда не составило, ибо обнаружилось, что епископ Оммаций на несколько дней отбыл в Орлеан, предположительно — по делам, связанным с грядущей коронацией Теодовальда. Ансерус и епископ встречались несколько раз во время предыдущего паломничества и друг другу весьма понравились; с тех пор они раз-другой обменялись письмами, и, уезжая в Орлеан, епископ оставил герцогу послание с настоятельной просьбой дождаться его возвращения.

Хотя город гудел слухами, точно перевернутый пчелиный улей, паломникам, со всей очевидностью, ничего не угрожало. Воины, сопровождавшие гостей на «Меровинге», всякий день эскортировали их к гробнице и (как благоговейно поведала госпоже Мариам) ночами несли стражу у дверей их покоев. В отсутствие хозяина и хозяйки ни королевские апартаменты, ни большой зал не использовались; трапезу накрывали в очаровательной галерее, что выходила на город и южные склоны долины; мажордом — пожилой, с неизменно озабоченным выражением лица — лично надзирал за слугами и служанками, приставленными к гостям. Помимо герцогского капеллана, отца Ансельма, компанию им составлял только брат Иоанн, которого (к вящему его сожалению) оставили исполнять свои обязанности дома, в то время как королева и юные принцы отбыли в Париж. Брат Иоанн был в достаточной мере молод и в достаточной мере не чужд всего человеческого, чтобы общество Алисы послужило для него своего рода утешением, а девушка, в свою очередь, нашла в нем приятного сотрапезника — ведь священник отличался и остроумием, и непринужденными манерами. Однако девушка не могла избавиться от мыслей о том, что это последнее паломничество, обещавшее (или здесь уместнее слово «угроза»?) столько всего увлекательного, ей, похоже, сулит то же одиночество, что и в Иерусалиме.

На шестой день их пребывания в Туре епископ Оммаций возвратился из Орлеана, и герцог получил приглашение посетить его на следующий день и остаться к ужину. Поскольку до сих пор их визит событиями не блистал, Алисе не составило особого труда уговорить отца, и Ансерус позволил дочери провести день по своему вкусу — закупая вожделенные шелка и катаясь верхом по окрестностям, как всегда под надежной охраной. В преддверии грядущих торжеств в Орлеане лавки торговцев тканями ломились

от дорогого товара, так что Алиса вскорости отыскала все, что хотела, а потом в сопровождении Мариам и вооруженных воинов выехала за городские ворота и поскакала по дороге к дворцу королевы.

Дворец оказался в точности таким, как ей запомнился, только, пожалуй, поменьше. В хлевах по-прежнему хрюкали свиньи; коровы равнодушно поднимали головы, оторвавшись от травы; овцы и козы запрудили узкую тропку, преграждая путь всадникам; смахивающий на цыганенка мальчишка гнал гусей через внутренний дворик, где некогда пробегали Алиса и Теодовальд, удирая из-под надзора. Но кое-что изменилось. Хотя в хозяйственных пристройках по-прежнему бурлила жизнь, солдат там не было, а в покинутой оружейной запасов оружия не наблюдалось. Равно как и ни следа Джошуа, а его-то гостьи главным образом и высматривали. Удрученное выражение лица Мариам яснее слов говорило, что она уповала по меньшей мере на известия о молодом соотечественнике, но все, что девушки обрели,— так это уверения (из уст одного из оставленных во дворце управляющих) в том, что Джошуа все еще в Париже, при королеве, и, скорее всего, поедет вместе с нею прямо в Орлеан, как только Хродехильда повезет новоиспеченного короля на юг.

Той ночью Алису разбудило легкое прикосновение руки к плечу и торопливый шепот:

— Госпожа. Госпожа! Проснитесь, пожалуйста!

— Мариам? — Сна как не бывало. Алиса резко села в постели. Мысли ее тотчас же обратились к мучительной теме, вот уже несколько дней не дававшей девушке покоя.— Что-то стряслось? Что? Отцу плохо?

— Нет, нет. С ним все в порядке, не тревожьтесь. Но герцог только что возвратился от епископа и послал меня разбудить вас. Он желает поговорить с вами.

— Быстро подай мне сорочку. Да, эта сойдет. И, будь добра, зажги свечи.

Алиса подбежала к двери и распахнула ее настежь. Отец, только что возвратившийся пешком из дома епископа, ждал снаружи — как был, в плаще с капюшоном. Герцог откинул капюшон, и девушка, с тревогой вглядевшись в его лицо, сей же миг поняла: новости, в чем бы уж они ни заключались, и впрямь недобрые.

— Отец? Заходи... Нет, плаща не снимай, здесь зябко. Мариам, будь добра, подай с кровати плед. Присядь, отец, дай я тебя укутаю... Ты совсем замерз. Я прикажу Мариам согреть «поссет»?

— Нет-нет, не нужно. За ужином я выпил более чем достаточно. Прости, моя Алиса, что потревожил твой сон, но дело не терпит отлагательств. Отошли горничную спать. Я должен поговорить с тобою с глазу на глаз. Да не пугайся ты так.— Это уже относилось к Мариам, что застыла у двери с расширенными от ужаса глазами.— Никому из нас опасность не угрожает. А теперь ступай в постель и смотри разбуди завтра госпожу вовремя!

Едва Мариам ушла, герцог привлек дочь к себе. Алиса без сил опустилась на скамеечку для ног подле отцовского кресла. Невзирая на слова ободрения, обращенные к горничной, она предчувствовала беду: об этом говорили и встревоженное лицо отца, и напряженно стиснутые пальцы.

— Что такое, отец? Что стряслось?

— К Оммацию явился посланец, один из его тайных гонцов. Все эти высокопоставленные прелаты и знать пользуются услугами соглядатаев — нетрудно понять, почему. Этот человек привез вести из Парижа, и боюсь, что прескверные. Хуже и быть не может. Мальчики мертвы.

Весть прозвучала ударом — оглушая, лишая способности поверить. Когда Алиса снова нашла в себе силы заговорить, слова ее показались не громче шепота.

— Но, отец... Мальчики? Принцы? Сыновья Хлодомера? И... все трое?

— Все трое убиты, бедные дети. Да, убиты. Памятуя о том, кто они, иного и быть не могло. Мне очень жаль.

Алиса склонила голову на руки. Ей вспомнился солнечный день — как недавно это было! — и двое детей, бегущих вверх через пропыленные виноградники, чтобы поболтать, усевшись верхом на стене, где ящерки резвятся под солнцем, а снизу наблюдают стражники королевы.

— Теодовальд... Ему ведь, наверное, было не больше десяти-одиннадцати лет. Совсем еще ребенок... предвкушал поездку в Орлеан и коронацию...— Алиса подняла взгляд.— Отец, он ведь мог стать хорошим королем. Его воспитала королева Хродехильда, а она... Но где была королева? Я думала, она в Париже вместе с мальчиками?

— Там она и была, но похоже на то, что королева оказалась бессильна помочь им. Гонец Оммация не сообщил подробностей, только факты: сбивчивый рассказ, услышанный от перепуганного слуги. Он знает лишь то, что король Хлотарь каким-то образом убедил короля Хильдеберта: дескать, от мальчиков необходимо избавиться; возможно, даже пообещал, что трое оставшихся в живых братьев разделят промеж себя Хлодомерово королевство. Хлотарь взял в жены вдову Хлодомера, королеву Гунтевку — да, мать мальчиков,— так что при любом раскладе принцы представляли для него угрозу. По крайней мере, эта семейка так считала.— Голос герцога звучал устало, слишком устало, в нем уже не слышалось ни горечи, ни осуждения.— Можно было ожидать чего-то в этом роде, но поверить в такое непросто, даже здесь.

— Но королева Хродехильда? — настаивала Алиса. История, поведанная таким образом, в безмолвной темноте, озаренной лишь пламенем двух оплывающих свечей, и впрямь казалась неправдоподобной.— Ведь в семье заправляла она; по крайней мере, так выглядело со стороны. Хлотарь и Хильдеберт — прежде они ведь ей повиновались. Так почему же сейчас — так?

— Когда Хродехильда призывала их к войне, они ей повиновались, да. Но это... Мы вряд ли узнаем, как все было, но похоже на то, что Хлотарь хитростью выманил мальчиков у Хродехильды. Слуга — ну, осведомитель — знал немногое: лишь то, что принцев доставили в королевский дворец под предлогом подготовки к коронации, а там закололи кинжалами. Посланец Оммация тотчас же и уехал, пока новости не вышли за пределы дворца и ворота не заперли. Это все, что мы знаем; об остальном можно только догадываться. Однако то, что мальчики мертвы,— чистая правда. Слуга своими глазами видел.

Герцог умолк, молчала и Алиса. Что тут было говорить? Девушка не столько оплакивала Теодовальда, которого знала так недолго, сколько горевала из-за того, что зло царит в мире и подступает совсем близко даже к добродетельным и невинным. Кто в возрасте десяти лет заслуживает смерти? Да еще от руки тех, кому доверял? А ведь остальные двое были еще младше...

Девушка поежилась и снова нащупала отцовскую руку.

— Тебе нужно лечь, отец. Я разбужу Берина, он согреет камень тебе в ноги. А поутру...

— Поутру мы едем,— отозвался герцог.— Медлить и дальше было бы неразумно. Должно отправиться в путь, пока «Меровинг»

все еще в нашем распоряжении. Пошлю сказать капитану, чтобы готовился отплывать завтра. Теперь, родная, попытайся уснуть, а поутру вели своим прислужницам собрать вещи, так чтобы взойти на корабль еще до полудня. Надо ехать, пока это возможно.

Назавтра незадолго до полудня они поднялись на борт и с палубы маленького суденышка без всякого сожаления наблюдали за тем, как крыши, деревья в цвету и башни Тура тают вдали и теряются за горизонтом.

Глава 21

Всю вторую половину дня дул ветерок, несильный, но ровный, и «Меровинг» птицей летел вперед. Алиса оставалась на палубе с отцом, наблюдая за тем, как мимо проносятся поля и холмы, и высматривая в крохотных встречных поселениях хоть какие-нибудь признаки смуты. Но везде, похоже, царил мир. Дважды их окликали с небольших пристаней, но, кажется, лишь в знак приветствия; возможно, люди эти знали капитана корабля; тот, в свою очередь, помахал в ответ.

Ближе к вечеру ветер стих и ход корабля замедлился. Река разлилась шире, тут и там маячили острова; «Меровингу» приходилось осторожно лавировать в проливах между ними. Подошедший слуга осведомился, подавать ли ужин, и отец с дочерью спустились вниз.

Королевская каюта была небольшой, но удобной, едва ли не роскошной. Новоявленный аскетизм королевы Хродехильды здесь еще не утвердился. Ближе к носу располагались две каюты поменьше: в одной постлали постель для Алисы, и тут же — соломенный тюфяк для Мариам; во второй спал герцог. Как и на пути туда, на палубе у сходного люка выставлялась стража.

Настал вечер, на западе собирались тучи, так что стемнело рано. «Меровинг» по-прежнему неспешно прокладывал путь между островами; острова, с их ивами и зарослями ольховника, темными облаками вырисовывались на поверхности воды.

Вскоре после ужина Алиса ушла к себе. Мариам, которая, как и следовало ожидать, пришла в ужас и изрядно перетрусила, выслушав рассказ Алисы о гибели мальчиков, теперь словно позабыла страхи, облегченно предвкушая возвращение домой. Горничная даже принялась подшучивать по поводу того, как трудно

прислуживать госпоже в этакой тесноте. Она помогла Алисе раздеться и облачиться в ночную сорочку, расчесала ее длинные, блестящие волосы, а затем, прибравшись в каюте по возможности, улеглась на тюфяк на расстоянии вытянутой руки от кровати госпожи. И очень скоро уснула.

А вот к Алисе сон упорно не приходил. Девушка лежала на спине, прислушиваясь к поскрипыванию шпангоутов и плеску волн о борт корабля, не сводя глаз с крохотной светящейся точки якорного огня снаружи, за квадратным бортовым портом; закопченная желтая лампа, испещренная черными тенями, раскачиваясь, свисала с потолка. Алиса беспокойно металась на постели, пытаясь удержать воображение от возврата к картинам, что словно отпечатались в сознании. Трое юных принцев, совсем еще дети и, конечно же, ни в чем не повинные, почитая себя в безопасности, окруженные почетом, покинули покровительницу-бабушку и доверчиво отправились в дом своего дяди, навстречу гнуснейшему из убийств...

Тут пришла на помощь молитва и мысль о доме, и со временем Алиса, должно быть, задремала, потому что, когда она открыла глаза в следующий раз, световой рисунок на потолке изменился. Он стал ярче и отчетливее. С палубы теперь не доносилось ни звука, зато совсем близко, подле ее постели, послышался новый шум: что-то глухо билось о борт корабля.

А затем — приглушенные голоса: мужские, низведенные до шепота, они эхом отражались от воды и долетали сквозь открытый порт. Затем о борт тихо хлестнула веревка и тяжко заскрипела лестница: кто-то поднимался.

Алиса села, отбросила покрывало. Мариам безмятежно спала. Алиса сделала три шага, отделяющие ее от порта, приподнялась на цыпочки и выглянула наружу.

Ее каюта размещалась по правому борту, так что порт выходил точнехонько на узкую полоску воды, отделяющую корабль от изрядных размеров острова, густо поросшего деревьями. Казалось, что «Меровинг» почти не двигается; остров словно застыл черным пятном на зеркальной глади воды.

Но сразу под портом разгулялась рябь: расходящиеся круги, по краям одетые слабым мерцанием — отблеском якорного огня. У самого корабельного борта притулилась лодка, и, чуть правее порта, свисала веревочная лестница. В лодке стоял человек, придерживая лестницу для того, кто карабкался вверх. Али-

са высунулась еще дальше, пытаясь разглядеть, что происходит наверху, но незнакомец, похоже, уже поднялся на палубу. Отпущенная лестница змеей соскользнула вниз и почти без всплеска упала в воду. Лодочник втянул ее внутрь, каким-то образом уложил в кучу, а затем, лишь махнув на прощание, оттолкнулся от борта и, беззвучно работая веслами, привел лодку в движение и затерялся в густой тени островных деревьев.

Алиса схватила халат, проворно завязала пояс, тапочек не нашла и босиком выбежала из каюты искать отца.

Дверь каюты стояла открытой. Горела корабельная лампа, высвечивая пустую постель. Алиса поспешила к сходному люку: стража наверняка на местах и бодрствует.

Кто-то спускался вниз по лестнице. Не герцог, нет; слишком высок, и двигается осторожно, а в руках тащит громоздкий узел, обернутый плащом.

Он загородил собою лестницу. Алиса отпрянула назад, набрала в грудь побольше воздуху, собираясь закричать, но тут незнакомец проговорил — шепотом, совсем тихо:

— Леди Алиса? Маленькая дева?

И едва он вступил в круг света от слабо мерцающего фонаря, девушка тут же его узнала.

— Джошуа!

Юноша выглядел усталым, лицо — в грязи. Пахло от него потом, и лошадьми, и стылой водой. Но он улыбался.

— Он самый. С вашего позволения, леди. Это спальня вашего отца?

Он обошел девушку и, склонившись, уложил свою плотно закутанную ношу на герцогскую кровать.

— Что ты здесь делаешь? Что происходит? Где мой отец? И что это?

Вопросы хлынули потоком, словно прорвало плотину, сдерживавшую напряжение последних суток.

Ответил Джошуа только на два, но этого оказалось достаточно.

— Ваш отец на палубе, разговаривает с капитаном. А это,— Джошуа указал на недвижный сверток, лежащий на кровати,— это Хлодовальд, король Орлеана, чьи братья, как вам известно, были убиты. С вашего дозволения, он отправится домой вместе с вами.

Глава 22

Затаив дыхание, девушка мгновение глядела на Джошуа во все глаза, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Хлодовальд? Принц Хлодовальд? Но нам сказали, что все они мертвы!

— Двое старших — да. Третьего мальчика нам удалось тайно увезти. А теперь, если вы...

Алиса порывисто обхватила лицо ладонями. Развернулась, оглядела недвижный куль на постели.

— С ним все в порядке? Он не ранен?

— Нет-нет, он просто спит. Путь был долог и труден, а принц совсем мал. Последний час или около того он ничего уже не воспринимает. А теперь, леди Алиса, я должен пойти переговорить с вашим отцом. Он наверху, вместе с капитаном. Я рад, что вы проснулись. Не побудете ли вы, по доброте своей, здесь, с мальчиком, на случай если Хлодовальд проснется и станет гадать, где он? Он храбрый малыш, но, надо думать, очень уж перепугался.

— Конечно, я с ним побуду. А, вот мы снова поплыли. Что, капитан ожидал этого?

— Он надеялся. Нам удалось сообщить ему загодя, так что он нас высматривал. А теперь, с вашего дозволения?..

— Разумеется.

Алиса проводила его взглядом. А Джошуа поднялся по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, тихо произнес что-то — надо думать, обращаясь к одному из стражников,— и исчез. Девушка на цыпочках подошла к постели и склонилась над мальчиком.

В смутном мерцании крохотного бутона света от фонаря разглядеть спящего толком не удавалось. Мальчик лежал, свернувшись калачиком — так, как уложил его Джошуа,— плотные складки плаща закрывали его до самого подбородка. От света он отвернулся, так что Алиса наклонилась еще ниже, приглядываясь внимательнее. Бледный лоб, светлые брови, закрытые глаза, осененные светлыми ресницами. Детские губы, решительный подбородок. Золотом поблескивает длинная прядь волос, что выбилась из-под плаща... Алиса снова видела перед собою Теодовальда, шести лет от роду; надменность и напористая решимость Меровингов скрадывались в глубоком детском сне. Хлодовальд, который во

времена ее последнего визита в Тур только что появился на свет... Чьи братья были жестоко убиты, чья мать вышла замуж за убийцу. Надо думать, мальчик вполне постиг урок, преподанный жестко и беспощадно: никому нельзя доверять, всех нужно опасаться. Но милостью Господа и благодаря преданности одного-двух слуг он здесь, в безопасности.

Алиса преклонила колена у постели и, повинуясь первому побуждению в этот чудесный миг, вознесла благодарственную молитву вослед недавним, исполненным тревоги молениям. А затем, видя, что мальчик просыпаться и не думает, приготовилась бодрствовать и ждать, пока не придут ее отец или Джошуа.

Время текло медленно. Ожидание казалось невыносимым: ведь Алисе не терпелось узнать, что уже произошло и что еще предстоит. Один раз мальчик заворочался и что-то пробормотал, но тут же снова погрузился в сон. Сверху то и дело доносились слабые звуки, привычные для корабля в ночи,— поскрипывание шпангоутов, хлопанье парусов, тихий плеск воды о борт. Должно быть, судно набирало ход. Воздух, просачивающийся сквозь сходный люк, явно посвежел. Алиса решила про себя, что «Меровинг», надо думать, миновал острова и вошел в открытые воды эстуария. Капитан, помнится, говорил, что к утру они прибудут в Нант, а там наверняка найдется британское судно, которое и доставит их домой в целости и сохранности.

Единственное кресло в каюте стояло как раз под портом. Подобрав полы халата, Алиса встала на колени на мягкое сиденье и, опершись о комингс, подтянулась, напряженно вглядываясь во мрак.

Каюта освещалась совсем слабо, и глаза девушки почти тотчас же привыкли к мгле снаружи, так что видела она неплохо. В открытые воды корабль еще не вышел; мимо скользила земля — будь то берег или очередной остров,— темное пятно на фоне тьмы. Нигде никаких огней, даже последние несколько звезд погасли. Ветер крепчал, волны с бульканьем и плеском бились о борт корабля.

И шум этот заглушил звуки, что непременно насторожили бы девушку. Алиса не услышала тихих слов, обращенных к стражнику на палубе, и стремительной поступи вниз по лестнице. За ее спиной раздались быстрые шаги. Но не успела девушка и головы повернуть, как сильные руки схватили ее сзади. Чья-то

ладонь зажала ей рот, не давая издать ни звука; нападавший грубо стащил Алису с кресла и крепко притиснул к себе. Даже в слабом свете было видно, как тускло блеснул клинок, занесенный для удара.

Противник был силен, просторный халат стеснял движения, но Алиса брыкалась и сопротивлялась изо всех сил. Нападающий хрюкнул от изумления, и хватка его на мгновение ослабла, так что девушка принялась вырываться, свободной рукой норовя расцарапать недругу лицо и по возможности лягаясь ногами. Будучи босиком, она и не надеялась нанести противнику серьезный урон, однако равновесие тот потерял, и оба они перелетели через всю каюту к кровати. И отчаянный, направленный наудачу пинок пришелся по спящему ребенку.

Отрывистый вздох, резкое движение на кровати — и в следующее мгновение на весь корабль зазвенел пронзительный детский голос: «Стража! Стража! Ко мне!» — и сей же миг сверкнул второй кинжал. Мальчик бросился к дерущимся и со всей силы нанес удар.

Алиса распростерлась на полу — тяжело дыша, растрепанная, в синяках, но живая и невредимая. Где-то над нею послышалось ругательство и снова крик. Скорее всего, ребенку пришлось бы скверно, но услышала стража. Раздался ответный оклик, затем грохот закованных в броню ног — двое воинов опрометью ринулись вниз по лестнице и ворвались в каюту. Один из них, кинувшись к нападавшему, наступил девушке на руку. А тот и сопротивляться не стал. Он выронил нож и теперь баюкал на весу правую руку; сквозь пальцы сочилась кровь. Вбежал еще кто-то, размахивая фонарем, и в каюте внезапно стало светло и шумно. Маленький Хлодовальд стоял на кровати, сжимая в руке кинжал и готовый ударить снова, если нужно,— плащ сброшен, светлые волосы развеваются по ветру, синие глаза сверкают.

Тут подоспел герцог и опустился на колени подле дочери.

— Алиса! Дитя мое! Ты ранена?

— Нет. Нет, со мной все в порядке, отец. Что случилось? Кто этот человек?

— Думается, кто-то из судовой команды. Слуга.— Герцог Ансерус помог ей подняться и снова усадил в кресло.— Вот поэтому стража его и пропустила. Ведь его знали. Он сказал, будто это я его послал.

Девушка подняла взгляд. Голова у нее еще кружилась после драки, от круговерти света и теней и шума в переполненной каюте. Мальчик встревоженно и гневно кричал что-то на языке франков, а двое мужчин — Джошуа и капитан корабля — пытались его успокоить и объяснить, где он находится и что опасность миновала. Убийцу, коренастого парня, которого Алиса вроде бы видела прежде среди команды, крепко держали двое стражников.

— Он хотел убить принца?

— На то похоже. Вот допросят его — и все выяснится. Нет, не вставай, родная.

Герцог мягко усадил ее обратно, на подушки кресла, а затем, выпрямившись, возвысил голос над хаосом, царящим в каюте.

— Вы, там. Уведите его наверх.

Это относилось к стражникам, удерживавшим пленника.

— Подождите!

Это вмешался Хлодовальд. Он по-прежнему стоял на кровати, благодаря чему озирал происходящее с внушительной высоты. Наверняка он был и потрясен, и сбит с толку, проснувшись среди чужих в незнакомом месте и обнаружив, что убийство по-прежнему крадется за ним по пятам, но это все уже осталось в прошлом. Он снова стал самим собою: принцем из рода Меровингов, чьим первым побуждением является месть. Сейчас он не замечал никого, кроме пленника.

— Тебе за это заплатили? Кто?

Незнакомец, напуганный и угрюмый, покачал головой и пробормотал себе под нос нечто неразборчивое. Один из стражников занес было руку, но тут резко вмешался герцог:

— Не здесь! С вашего дозволения, принц Хлодовальд. Позвольте мне представиться. Я герцог Ансерус Регедский из Британии. Я и моя дочь — в гостях у вашей бабушки королевы Хродехильды; мы здесь, чтобы сопроводить вас в безопасное место. Засим, прошу вас, уберите кинжал, и мы уведем отсюда этого человека. Кажется, он из судовой команды, так что допрашивать его должно капитану.

Даже стоя на кровати, мальчик вынужден был глядеть на герцога снизу вверх. Он заколебался, затем коротко церемонно поклонился, едва не потеряв равновесие на мягком матрасе, вложил длинный кинжал в ножны и спрыгнул на пол.

— Сир,— проговорил он и обернулся к Алисе: — Вы пострадали, леди? Прошу меня простить. Я не разглядел. Я вообще не видел, что здесь дама. Все произошло так быстро, а я спал.

— Знаю. Ничего страшного. Сущие пустяки.

В каюте едва доставало места для реверанса, но не успела девушка хотя бы попытаться, как отцовская рука мягко удержала ее в кресле.

— Нет, родная. Тихо, не вставай. Да ты вся дрожишь. Уже все в порядке, все хорошо.— Отец потрепал ее по плечу, сказал что-то капитану и вновь обратился к страже: — Вы там, уведите-ка этого парня на палубу. А вы, принц Хлодовальд, не согласитесь ли пойти с капитаном, пока я займусь леди Алисой? А, Мариам, вот и ты. Входи, милая, и нечего тут пялиться, опасности уже нет. Уложи госпожу в постель. И позаботься о ее руке, надо бы ушиб умастить мазью. Доброй ночи, родная.

— Опасность? — Герцог, выходящий за двери последним, не успел еще подняться на первую ступеньку лестницы, как Мариам с расширенными глазами, изумленно открыв рот, метнулась через всю каюту к хозяйке.— Что за опасность? Что милорд имел в виду? Госпожа, госпожа, леди Алиса, это же был Джошуа! Правда ведь, он? Свет больно слабый, и он ни словечка не сказал, и лицо все в грязи, но я готова была поклясться...

— Да, это Джошуа,— рассмеялась Алиса, однако голос ее все еще чуть дрожал.— И опасность была, но теперь все позади. И думается мне, выяснится, что Джошуа совершил кое-что замечательное и отважное. А еще думается мне, что он вернется домой вместе с нами.

Уже в каюте, пока горничная перевязывала ей ушибленную руку, Алиса рассказала Мариам о том, что произошло. Ужас потрясенной девушки, узнавшей о том, что госпожа ее еле избежала ранения или даже худшего, очень скоро сменился радостью при известии о спасении младшего принца. Однако нетрудно было заметить, что все прочее теряется перед новостью о том, что Джошуа — на борту «Меровинга» и со всей очевидностью намерен сопровождать своего господина в Британию вместе с герцогами, его спутниками.

Но вот госпожа отпустила горничную, и Мариам прилегла на тюфяк и вскорости заснула. А к самой Алисе, невзирая на ее усталость, сон упорно не приходил. Рука слегка побаливала, но не спалось девушке совсем по другой причине: она гадала, что происходит на палубе. Тишину нарушал только плеск и всхлип воды за бортом. Алиса беспокойно ворочалась, сперва пытаясь прислу-

шаться, затем пытаясь не прислушиваться, надеясь ничего не услышать... Она попыталась успокоиться, заставила себя рассуждать разумно. Если этот человек — и впрямь из судовой команды, и кровожадные дядья Хлодовальда заплатили ему за то, чтобы он довершил начатое ими и убил ребенка, который ныне является законным королем, тогда, вне всякого сомнения, его самого казнят как предателя и убийцу. В глазах закона это только справедливо. А как только выяснятся все подробности, герцог позаботится о том, чтобы обошлось без жестокости и грязи. Так что утешься; черпай утешение, насколько возможно, благодарение Господу, из недавней трагедии и ужаса; ведь это последнее убийство дважды удалось предотвратить, и мальчик спасен. Все они спасены и очень скоро окажутся на родине. Подумай об этом. Подумай о доме, о летних полях и лесах и мирной тишине регедских холмов и озер. Но сперва...

Сперва надо бы добавить последнюю молитву к череде сбивчивых посланий, что нынче ночью ушли от Алисы к ее Богу. Совсем простенькую молитву — за душу того несчастного, который едва не убил ее и собирался, в силу какой бы то ни было причины, убить Хлодовальда.

И Господь Алисы ответил ей — так, как Он счел нужным. Девушка крепко уснула и не услышала громкого плеска, когда спустя какое-то время тело швырнули за борт.

Глава 23

Дело близилось к полудню. Алиса с отцом стояли на палубе, наблюдая, как берега реки отступают все дальше, а эстуарий расширяется навстречу открытому морю. Хлодовальд пока не показывался. Герцог предположил, что мальчик все еще спит.

Сам Ансерус переночевал на палубе, уступив собственную каюту принцу. Отец Ансельм не смыкал глаз, дожидаясь его пробуждения, а стража, удвоив бдительность, дежурила у сходного люка.

— Да только теперь принцу ничего уже не угрожает,— проговорил Ансерус.— Нет никаких сомнений в том, что парень выложил все как есть. Он и впрямь из судовой команды; до него дошли слухи об убийствах и о том, что королева Хродехильда якобы утратила влияние на сыновей. Он и возомнил, что Хлотаря вскорости провозгласят королем Орлеана, а достояние короле-

вы, включая «Меровинга», отберут заодно с королевством. По недоброй случайности он нес вахту, когда на корабле появился Джошуа. Видя, что Джошуа отнес ребенка вниз, а сам вернулся на палубу переговорить со мной и с капитаном, видимо оставив Хлодовальда одного в моей каюте, негодяй решил не упускать шанса. Он задумал убить ребенка, а потом потребовать награду у короля Хлотаря. Он предполагал прихватить с собою какую-нибудь вещицу в подтверждение того, что принц мертв, а потом спрыгнуть за борт и вплавь добраться до берега — если помнишь, в том месте река неширокая. Так вот, сменившись с вахты, он спустился вниз с кувшином подогретого вина — якобы это я распорядился отнести его мальчику,— а стража его пропустила, зная, что свой.

— И он напал на меня, перепутав с Хлодовальдом?

— Так он утверждает. Ты стояла на коленях на кресле под портом, запахнувшись в халат, с распущенными по плечам волосами, так что он принял тебя за ребенка, который взобрался туда, дабы выглянуть наружу. Он зажал тебе рот, не давая позвать на помощь, и стащил с кресла, чтобы заколоть. И обнаружил, что схватил не ребенка, а юную деву. Тут мальчик проснулся и закричал. А остальное ты знаешь.

— Не все. Этот человек, надо полагать, мертв?

— Да.

Алиса помолчала мгновение, потупив голову и поглаживая рукою отполированный корабельный поручень.

— Это Хлодовальд его убил?

— Нет, что ты. Тот удар наобум пришелся как нельзя удачнее: рассек сухожилия на запястье нападающего, так что он выронил кинжал. А как только первый испуг прошел и мальчик понял, что произошло и где он находится, что он в безопасности на корабле королевы, он охотно согласился оставить все на нас с капитаном. Разве что...

— Да, отец?

— Разве что настоял, чтобы перед смертью этого человека исповедали и отпустили ему грехи.

— Этого Хлодовальд потребовал?

— Да.

— Ох,— еле слышно вздохнула девушка. И тут же подняла взгляд.— Ну что ж, будем надеяться, что все позади и этот человек не солгал. Если, конечно, он и впрямь действовал по своему произволу, а не подослан Хлотарем и прочими дядьями.

— Думаю, здесь мы можем не сомневаться. В этом он сознался сам, без принуждения.

Алиса вздохнула снова, на сей раз облегченно.

— Выходит, где Хлодовальд, они не знают. Благодарение Господу! Все и впрямь обошлось, мальчик в безопасности, и совсем скоро мы будем дома... Уж и не знаю, как он там устроится, бедняжка, после всего, что случилось! А Джошуа что-нибудь рассказывал?

— Только то, что сам знает. Он был при королеве в числе прочих челядинцев, когда Хильдеберт и Хлотарь прислали за мальчиками, якобы для того, чтобы подготовить их к коронации. А потом вдруг является один из Хлотаревых прихлебателей, по имени Аркадий, и объявляет королеве, что мальчиков схватили, отделили от воспитателей и от слуг и заключили под стражу — до тех пор, пока не отрекутся от притязаний на отцовские земли.

— А как же спасся Хлодовальд?

— К тому времени его уже переправили в тайное убежище. Его воспитатель заподозрил неладное и вместе с еще одним слугою поторопился увезти мальчика. Они побоялись вернуть принца обратно к королеве Хродехильде, но слуга отправился известить королеву, а она послала Джошуа доставить принца на юг, к «Меровингу», и поручить моим заботам. Они поехали окольным путем и добрались без помех, а воспитатель поскакал назад, к королеве, сообщить ей, что ребенок в безопасности.

— Так что королева вскорости узнает, что мальчик с тобой и уже на пути в Британию?

— Да. Королева заклинала меня поместить ребенка в какую-нибудь святую обитель. Кажется — это уже со слов Джошуа,— Хродехильда всегда надеялась, что младший из принцев обратится к монашеской жизни, а теперь, видимо, иного выхода у него и нет.

— Если он сам того захочет.

— Воистину так. Очень может быть, что мальчик обуреваем жаждой кровавой мести. Для Меровинга это в порядке вещей. Пока мы не переговорим с ним, ничего утверждать нельзя. Однако похоже на то, что до поры до времени монастырь для него — лучшее убежище.

— Монастырь Святого Мартина?

— Почему нет? От Розового замка до него рукой подать, и я сам скоро в нем затворюсь. Мы можем заночевать там по пути

домой, и я переговорю с аббатом Теодором. Ох, глянь-ка, вон там, вдали, у горизонта — это, верно, уже Нант. А вот и Джошуа: он спустится вниз, разбудит принца и пригласит его разделить с нами трапезу. Надо бы с ним поделикатнее, Алиса. Одному Господу ведомо, что за горе и страх довелось пережить этому ребенку.

— Он совсем еще дитя,— практично отозвалась Алиса,— и, надо полагать, изрядно проголодался. Так что, думаю, Господь нас не оставит.

В большой каюте не было никого, кроме слуг. Они накрыли стол, а затем, по слову герцога, исчезли. Едва за ними закрылась дверь, как отворилась дверь внутренняя и вошел Хлодовальд в сопровождении отца Ансельма.

На мгновение всем показалось, что перед ними — Теодовальд: светловолосый мальчуган, хрупкий, но гибкий, как ивовый прутик. Те же стремительные движения, та же гордая манера держаться. Те же широко посаженные синие глаза, тот же выдающийся вперед нос, что у взрослого оформится в орлиный, вот только линия губ мягче, чем у старшего принца, и, по вполне понятной причине, этот ребенок не унаследовал братской озорной самоуверенности.

Он умылся и, как смог, привел себя в приличный вид, однако одет был по-прежнему в рубашку и тунику, изрядно перепачкавшиеся в пути: видимо, никакой другой одежды для беглеца в спешке прихватить не удалось. Хотя день выдался теплый, принц по-прежнему кутался в темный плащ, надвинув капюшон на самый нос.

Священник склонился к ребенку, прошептал ему что-то на ухо и, поклонившись герцогу, удалился. Мальчик нерешительно остановился в дверях.

Улыбнувшись, Алиса приподняла крышку над блюдом.

— Добро пожаловать, принц, к вашему собственному столу. Долго же вы спали! Да оно и к лучшему. Надеюсь, вы пришли в себя и проголодались? Не разделите ли с нами трапезу?

Герцог, сдвинувшись в сторону, указал на кресло с высокой спинкой в конце стола, но мальчик покачал головой. Он стремительно шагнул вперед и резким движением откинул капюшон.

Этот нежданный, исполненный драматизма жест потряс всех присутствующих. Оказалось, что волосы принца коротко подстри-

жены. Длинные локоны, символ королевской власти Меровингов, исчезли; густые пряди, прямые и куцые, неровно обрезанные, едва закрывали уши. Предполагаемый король Орлеана по собственной воле отрекся от престола.

Мальчик не произнес ни слова — застыл, прямой как стрела, высоко вскинув голову, с видом вызывающим и едва ли не враждебным,— должно быть, у принца из рода Меровингов неуверенность если и проявлялась, то только так. А пока Алиса и ее отец подыскивали нужные слова — да что там нужные, хоть какие-нибудь! — мальчик непроизвольно поднял руку, чтобы отбросить назад густую копну волос, и жест этот до боли напомнил Алисе старшего брата. Но ладонь принца встретила лишь жесткую щеточку обкорнанных прядей и скользнула вниз по открытой шее.

— Странно так,— неуверенно пожаловался он.— Холодно.

— Милый мой мальчик,— мягко отозвался герцог.— Думаю, сегодня ты сделал правильный выбор. Позже мы еще поговорим, а пока добро пожаловать, отдыхай и ешь.

Алиса лишь улыбнулась снова и принялась раскладывать снедь по тарелкам. Когда же герцог опять попытался усадить мальчика на почетное место, тот покачал головой и выдвинул для себя табурет.

— Я больше не принц, милорд. Это вам тут сидеть.

Мальчик и впрямь изрядно проголодался, и за превосходной трапезой скованность отчасти развеялась. И герцог, и Алиса избегали заводить разговор о трагических событиях в Париже, но Хлодовальду — возможно, как последствие недавно пережитого страха — не терпелось излить душу.

— Джошуа мне все рассказал. Мои дядья знали, что народ любит бабушку, так что им нужна была ее поддержка — или хотя бы видимость ее,— чтобы захватить наши земли. Конечно, они понимали, что по доброй воле бабушка королевства не уступит, так что подослали эту гадину, этого... эту тварь на службе у дяди... Аркадия из Клермона, чтобы тот обманом или силой добился от нее, чего надо. Но вы, возможно, уже все знаете?

— Не беда. Ты рассказывай дальше.

Мальчик отложил обглоданную ножку каплуна и вытер пальцы.

— Он заявился спозаранку. Накануне бабушка весь день и всю ночь провела в часовне, молясь за душу моего отца, и даже

позавтракать еще не успела. Тут-то он и ворвался в ее покои и сообщил, что братья мои ныне пленники и им угрожает смерть, разве что они откажутся от своих притязаний на отцовские земли. Он показал королеве кинжал и ножницы и сказал, что иного выбора нет. Он кричал на нее. На мою бабушку! И никто не посмел поднять на него руку. У ворот толпились его люди, и, кроме того, королева не знала, где держат моих братьев.

Мальчик потянулся к кубку и пригубил вина, затем отодвинул блюдо в сторону. Ни Алиса, ни герцог не проронили ни слова, ожидая, пока принц закончит рассказ.

Хотя Ансерус уже слышал о происшедшем от Джошуа, в пересказе ребенка история звучала куда жалостнее и изобиловала подробностями, возможно услышанными от кого-то из присутствующих там слуг. Теперь герцог с дочерью узнали о том, как старая королева, изнуренная бдением, одержимая страхом за внуков, ослепленная яростью при мысли о предателях-сыновьях, повела себя несдержанно и с врожденным высокомерием. «Да пусть лучше умрут, чем примут постриг! Они — кровь Хлодвига! Они — короли!» — прокричала Хродехильда вне себя и неудержимо разрыдалась, но когда, несколько минут спустя после этой краткой вспышки, она готова была взять назад неосторожные слова, Аркадий уже выехал за ворота и во весь опор скакал ко двору своего повелителя.

Хлодовальд рассказывал почти безучастно, словно пережитое потрясение временно лишило мальчика способности переживать и чувствовать.

— Но мы слышали, заночевав как-то раз в пути,— я забыл, как называлось то место, но монахи отнеслись к нам по-доброму,— что тела моих братьев доставили в парижский собор Святого Петра и бабушка позаботилась о том, чтобы их там похоронили со всеми подобающими почестями, а люди плакали и все улицы убрали в траур.

— Но как такое могло случиться? — нарушила молчание изумленная Алиса.— Наверняка твои дядья...

— После содеянного они попросту сбежали,— равнодушно пояснил Хлодовальд.— Перетрусили, не иначе. Теперь они погрызутся и убьют друг друга. Все в руке Божией.

— Может быть, раз народ любит твою бабушку и оплакивает твоих братьев, люди захотят, чтобы ты вернулся?

— Нет. Теперь бабушка уйдет в монастырь. Она давно уж собиралась. А я...— Мальчик вскинул остриженную голову.— Незачем мне быть королем.

— Незачем? — переспросил герцог.

Хлодовальд встретил его взгляд, и в синих глазах его явственно читался вызов.

— Я сам остриг себе волосы. Хочу, чтобы вы это знали. И сделал я это отнюдь не из страха.

— Нет нужды говорить мне об этом, принц Хлодовальд. Я так понимаю, ты вознамерился посвятить себя служению Господу. Как и я сам. Мы с дочерью как раз об этом только что говорили. До приезда в Британию еще достанет времени подумать о планах на будущее. Мы доставим тебя туда в целости и сохранности, а позже, когда ты возмужаешь, ты сам все поймешь и решишь.

— Я возвращусь домой,— объявил Хлодовальд без всякого выражения, отчего слова его, как ни странно, прозвучали более непререкаемо, чем обет или клятва.

— Домой? Во франкские королевства? — воскликнула Алиса.— В Орлеан?

— В Орлеан — вряд ли. Но в родные земли — да. Пусть не королем, но я непременно вернусь. У меня есть то, что должно возвратить на родину.

— И что же это?

— Вы меня извините?

Мальчик соскользнул с табурета и бегом бросился во внутреннюю каюту. Спустя мгновение он появился снова, с ларцом в руках. И быстро оглянулся на дверь.

— Они не войдут?

— Не войдут, пока я не прикажу,— заверил герцог.

— Тогда я покажу вам. Это мне бабушка доверила и наказала хранить как зеницу ока и в один прекрасный день привезти обратно домой.

Мальчик водрузил ларец на стол, сдвинув к краю грязные тарелки, и откинул крышку. Ларец оказался до краев полон вышивального шелка, светлого и блестящего.

— Твои волосы? — озадаченно воскликнула Алиса.

Неужто длинноволосые короли настолько почитают этот символ? Неужто для них он — драгоценность настолько священная, что настоящей короне впору?

Но Хлодовальд откинул шелковистые пряди в сторону, являя взгляду то, что внутри. Чаша, золотое сияние которой затмевало золото локонов, инкрустированная драгоценными каменьями, что переливались на ручках кармазинно-алыми, и зелеными, и лимонно-желтыми огнями. Изумительная вещь, несомненно, весьма дорогая, но, по всему судя, куда более значимая. Освободив чашу от шелковых покровов, мальчик осенил себя крестом, а затем с сияющими глазами обернулся к Алисе и герцогу.

— Это Грааль! — благоговейно проговорил он.— Истинная Чаша! Да, это сам Грааль!

— По крайней мере, никому больше он про чашу не рассказывал,— сказал Ансерус дочери. Они стояли на палубе, пока «Меровинг», осторожно лавируя, пробирался в битком набитую гавань Нанта.— Даже Джошуа не открылся. Значит, у нас есть некоторый шанс благополучно доставить кубок — и принца — в Гланнавенту, и через Регед — в обитель Святого Мартина.

— Но, отец, неужто это и впрямь Грааль! Да быть такого не может!

— Знаю. Кажется, я на своем веку повидал столько «истинных чаш», что мало не покажется; в Иерусалиме их без счету из рук в руки переходит. И все-таки это — сокровище. И сокровище это сослужит службу самую что ни на есть прагматичную.

— Какую же?

— Мальчику пришлось бежать из своего королевства — отказавшись от него, ничего с собою не захватив, кроме разве той одежды, что на нем. Что ж, даже и без моего поручительства монахи обители Святого Мартина приняли бы его просто из милосердия, но ежели принц принесет с собою такую ценность — ибо вещь эта и редкостная, и древняя, уж будь уверена,— ну так она и послужит достаточной платой.

— Но если он заявит монахам, что это Грааль...

— Послушай меня, Алиса. Если люди верят, если им нужно средоточие поклонения, тогда Грааль там или не Грааль, но эта чаша окажется для них столь же настоящей, как, скажем, крест, что ты или я можем вырезать из дерева наших собственных фруктовых садов в Регеде. Неужто ж ты не понимаешь, дитя?

— Д-да, наверное. Но...

— Так что мы ничего говорить не будем, и пусть аббат Теодор сам для себя решает. А дальнейшее — его забота. Смотри-

ка, мы вот-вот причалим. Сейчас пришвартуемся. А где же твоя горничная?

— Полагаю, обхаживает Джошуа, чтобы помог ей с моим багажом. Ты ведь и сам видишь, откуда ветер дует? Как только он благополучно доставит принца в обитель Святого Мартина, нам придется подыскать ему местечко в Розовом замке.

— Если долг не отзовет его назад на службу к королеве, я охотно приму его к себе,— отозвался герцог.— Я уже подумывал о том, чтобы потолковать с ним на этот счет. Бельтран стареет, так же как и я, и думаю, что знающему помощнику только порадуется. Когда мы доберемся до монастыря, я собираюсь задержаться там на несколько дней, поглядеть, как мальчик устроится, и обговорить все с аббатом Теодором. Так что недурно было бы послать Джошуа из Гланнавенты прямиком домой вместе с громоздким багажом. Ты так не думаешь? Он заодно предупредит Бельтрана, что мы возвращаемся раньше, чем ожидалось, и поможет ему при необходимости.

— Право же, отличная мысль! Нас ждут никак не раньше чем через месяц, и во всех комнатах кипит уборка. Можно, я скажу Мариам?

— Конечно,— улыбнулся герцог.— Возможно, она поможет уговорить его остаться, по крайней мере до тех пор, пока ты благополучно не выйдешь замуж. Когда я уеду, отрадно мне будет знать, что рядом с тобою слуга столь храбрый и столь преданный, каким Джошуа себя выказал.

Тут корабль подошел к пристани, и Алиса в суматохе прощаний и высадки сумела-таки, хотя и не без труда, перестать думать о том, что ждет ее дома.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

АЛЕКСАНДР ВЛЮБЛЕН

Глава 24

Было бы неинтересно в деталях описывать ход событий, неизбежным и скорым итогом которых стало то, что Александр сделался любовником королевы Морганы. Она сама ухаживала за ним, и если вялотекущая лихорадка долго не оставляла юношу, что ж, значит, тем больше времени прекрасная королева проводила у ложа недужного и все чаще приготовляла для него свои затейливые травники и взвары с тайными добавками.

Леди Лунед держалась поодаль; молодые люди из свиты Морганы могли сколько угодно усмехаться, дуться и чесать языками; у королевы же, казалось, все мысли — и время — были отданы одному Александру.

Наконец он выздоровел от лихорадки. Кое-кто заметил, что приступы прекратились лишь после того, как Александр надежно увяз в тенетах королевы, а когда молодой человек, как было видно, уже думал только о Моргане, тосковал по ее прикосновениям, ее образу, ее присутствию — что ж, тогда королева перестала появляться в его опочивальне, предоставив ухаживать за ним старухе Бригит. С этого времени молодой принц быстро пошел на поправку, вскоре начал вставать с постели, ходить по спальной, мыться и одеваться без посторонней помощи. Что однажды, в отсутствие Бригит, достав из сундука свою лучшую одежду, постиранную и аккуратно сложенную, юноша и проделал, чтобы отправиться на поиски королевы.

Королевские покои, куда поместили Александра, размещались в центральной части замка; их двери открывались в коридор,

уходивший налево и направо, к башням-близнецам. Выйдя за дверь, Александр некоторое время простоял в нерешительности, не зная, где находится главная лестница, по которой можно было бы спуститься в общие залы. Юноша не сомневался, что теперь, пользуясь очевидным благоволением королевы, он будет принят леди Лунед как гость, со всевозможным радушием. Хотя Александр и горел желанием снова увидеть Моргану, он понимал, что вежливость требует первым делом отыскать управительницу замка, чтобы засвидетельствовать ей свое уважение и благодарность, а также получить ее приглашение присоединиться к обществу нынешним вечером.

Тут в коридоре появился мальчик в ливрее Морганы: он бежал с каким-то поручением. Александр поднял руку:

— Минутку, если можно! Как тебя зовут?

— Грегори, сэр.

Мальчишка глазел на Александра с таким любопытством, что тот почувствовал себя польщенным. Несомненно, слуги королевы уже перешептывались о нем, и молодой человек подумал — понадеялся! — что знает, о чем они говорят.

— Не скажешь ли, Грегори, где мне найти леди Лунед? Могу ли я сейчас поговорить с ней?

— Насчет этого не скажу, сэр. Но где ее искать, я знаю. В это время она обычно бывает в комнатах, где сидят дамы. Вон там.— И мальчик указал назад, туда, откуда пришел.— Вон по той лестнице, сэр, а там кто-нибудь из слуг вам покажет.

— Дамы? Королева Моргана тоже там?

— Нет, конечно! — Александр не заметил удивления мальчика, которого подобное предположение весьма позабавило.— Она не бывает с дамами! Я как раз ищу ее. Тут час назад прибыли всадники, и я думаю, они все в восточной башне.

— Они все?

— Ну да, госпожа королева и ее рыцари.

— В самом деле...— проговорил Александр, почувствовав нестерпимое желание вырвать свою прекрасную королеву из подобного общества.

Однако его удержали соображения приличия и еще одна внезапная мысль.

— Подожди еще минутку, пожалуйста. Не скажешь ли, прав ли я — кажется, я слышал чей-то разговор,— ведь среди рыцарей королевы есть люди из Корнуолла?

Александр знал теперь, что королева Моргана вызнала его имя не с помощью каких-либо чар или волшебства; все, что она слышала,— это лишь несколько бессвязных слов, сорвавшихся в горячечном бреду, словно некий инстинкт помог ему удержать язык за зубами.

Для Морганы и для Бригит — и, надо полагать, для всего замка — он был «Александр Сирота», явно из благородных, но, вероятно, незаконнорожденный.

Сначала эта мысль вызывала у молодого человека раздражение, но потом это показалось ему романтичной чертой, достойной приключения, в которое он попал: без сомнения, когда-нибудь потом воспоследует излюбленная поэтами сцена узнавания, когда Александр будет явлен как истинный принц и достойный королевы возлюбленный. Дальше его мечты пока не заходили.

Но Александр знал, что не должен рисковать, сталкиваясь лицом к лицу с придворными Марка (которые могли бы заметить его сходство с покойным отцом), и тем самым подвергать опасности свою собственную семью, не говоря уже о Садуке и Эрбине, которые все эти годы хранили тайну бегства Анны и ее сына. Поэтому Александр с беспокойством ожидал ответа мальчика.

Ответ звучал успокоительно:

— Да, были. Двое людей короля Марка и еще двое из какого-то герцогства в Думнонии, с юга, но я забыл их имена. Их уже здесь нет. Они не из рыцарей королевы, они просто привезли послания и уехали — на прошлой неделе.

— Понятно. Что ж... Так ты говоришь, восточная башня?

— Да, сэр, но...

Мальчик запнулся, закусив губу.

— Что «но»?

— Простите меня, но я служу королеве и знаю, какие отданы приказания. Вам без толку идти в восточную башню. Все мы, слуги королевы, имеем приказ никого туда не пускать, пока госпожа держит совет со своими рыцарями. Попозже, во время обеда, я уверен, вам будут рады.

— Держит совет? Что ты разумеешь под этим выражением?

Голос Александра прозвучал резко, и мальчик в замешательстве пролепетал:

— Я только хотел сказать, они собираются... Я не знаю, о чем идет речь, откуда бы мне? Но она королева, пусть даже королевство у нее маленькое и ее называют пленницей, и у нее есть двор. Простите, господин...

— Я понял. Все в порядке. Как бы то ни было, мне нужна леди Лунед, а не королева. Спасибо, теперь тебе лучше поторопиться. Я сам найду дорогу.

Мальчик убежал.

Александр, посмотрев ему вслед, прикинул, как скоро он тоже сделается членом избранного и блаженного кружка, собирающегося в восточной башне. Недолго этого ждать, подумал он с удовлетворением, недолго.

Однако необходимо было выполнить свой долг. Александр без затруднений добрался до покоев, где леди Лунед и ее женщины занимались рукоделием. Домоправительница приняла Александра с видимым удовольствием, остальные дамы также радостно приветствовали его счастливое возвращение к здоровью и прежнему виду.

Александр неоднократно извинился за столь продолжительный визит в столь неподходящее время, каковые извинения леди Лунед весьма мило отказалась принять, повторив, что рада видеть юношу своим гостем.

Необходимо заметить, что в ходе обмена извинениями и любезностями ни леди Лунед, ни Александр ни словом не помянули о завершении помянутого визита; Моргана со всей определенностью довела до сведения домоправительницы, которая боялась своей госпожи, что Александр должен остаться в замке.

А сам юноша пылал решимостью со всей юношеской самонадеянностью и всепоглощающей страстью, которую разожгли в нем зелья и завлекательные уловки Морганы, с головой — и прилюдно — уйти в свой первый настоящий роман. И какой роман! Подобно всем своим сверстникам, он заводил иногда интрижки на стороне, но что в сравнении с этим мимолетные увлечения юности! Это совсем другое: женщина, прекраснее которой ему не доводилось видеть, королева, сестра верховного короля! И Александр, ее избранник (как сам он считал), желал теперь только разделить с ней ложе и стать ее признанным любовником в глазах всего света — или, по крайней мере, в глазах других юных рыцарей ее «совета».

В тот же вечер последнее и было проделано со всей недвусмысленностью на глазах у всего замка. Во время обеда в трапезной Александра усадили по правую руку от королевы. С другой стороны от него устроилась одна из придворных дам королевы, пожилая женщина (все приближенные к королеве женщины были

либо старухи, либо дурнушки), которая большую часть внимания уделяла содержимому своей тарелки.

Леди Лунед сидела по левую руку от королевы; говорила она мало, и Моргана ее почти не замечала. Сама же королева облачилась словно для триумфального пира: в кремово-белое платье, усыпанное искрящимися алмазами. Ее темные волосы были уложены в высокую прическу, украшенную драгоценностями и ниспадающим прозрачным покрывалом, а лицо, умело подкрашенное, в свете свечей было лицом двадцатилетней девушки.

Более ослепительных посулов Александр не мог бы и желать. Небольшой зал заполняли придворные из свиты королевы и несколько дам леди Лунед и Морганы. Воины верховного короля держались не на виду, и можно было подумать, будто проводишь время в славной компании, пирующей в зале у какого-нибудь лорда. Завязалась беседа, звенел смех, собравшихся обносили вином и угощением, однако нетрудно было заметить, что кое-кто не сводит глаз с Морганы и красивого молодого человека рядом с ней.

Королева вознаградила их ожидания. Она говорила почитай что только с Александром, склоняясь к нему совсем близко, а ее рукав или рука время от времени касались руки или рукава юноши.

Под конец Моргана подняла бокал и выпила за его здоровье на глазах у всех, а затем, поцеловав край кубка, подала его Александру, чтобы юноша отпил из него.

Александр, на которого сильно подействовало и которого даже слегка опьянило изобилие еды и вина после долгого воздержания и болезни, не заметил ни одного-двух угрюмых взглядов, ни многочисленных улыбок, которыми обменивались рыцари из свиты Морганы.

Тому, кто знал королеву, нетрудно было понять их смысл: «Что, теперь на твоей улице праздник? Гуляй, петушок! Кукарекай, пока не зажарили!»

Она не пришла к нему в ту ночь.

Питер, явившись, как обычно, помочь Александру лечь в постель, принес ему и знакомый графин с лекарством, посланный королевой. Будучи слабее, чем сам он считал — перед глазами у него все плыло от вина и возбуждения,— Александр послушно выпил присланное и лег в постель. Питер погасил свечу и ушел.

Александр некоторое время лежал, глядя на дверь и прислушиваясь, хотя королева, оправдывая данное ей прозвище, двигалась бесшумно, как фея, и Александр узнавал о появлении Морганы только по ее прикосновению или по разливающемуся в воздухе благоуханию. Но зелье подействовало, и еще прежде, чем растаял запах потушенной свечи, Александр уже спал.

Моргана, конечно, знала, что делает.

Когда Александр проснулся на следующее утро, ее уже не было в замке: она отправилась на охоту со своими рыцарями, как всегда — в сопровождении приставленной королем стражи. Не увидел ее Александр и вечером. У нее болит голова, передавал Питер слова королевы, но завтра ей будет лучше, и если принц соблаговолит навестить ее утром, где-нибудь в третьем часу после рассвета, они могли бы, вероятно, вместе проехаться верхом?..

Снадобье, которое она послала молодому человеку в тот день, имело иной вкус: его сладость была приправлена чем-то острым и одновременно тягучим, навевающим сон. Но обещанный сон так и не пришел.

После того как паж уложил юношу, потушил свечу и покинул спальню, Александр всю ночь промучился без сна, терзаемый неутоленной страстью, жадно и с беспокойством предвкушая утреннее свидание.

Глава 25

Даже после бессонной ночи Александр на следующее утро чувствовал себя лучше, впервые за много дней. Он встал рано и спустился вниз, как только счел возможным, чтобы встретить Моргану во дворе.

Конечно, она заставила себя ждать, но наконец появилась — одна, если не считать стражи, сопровождавшей ее во время всех выездов за пределы замка. Королева была в зеленом, в головном уборе рыжеватого шелка с ало-бурыми перьями, что, загибаясь вниз, касались ее щек. Плечи ее покрывала травяного цвета мантия, подбитая тем же рыжеватым шелком. Выглядела она ничуть не хуже, чем в пиршественной зале или в тихой опочивальне больного. Александр поцеловал королеве руку, помедлив над ней лишнее мгновение, затем, подсадив Моргану в седло ее пре-

лестной гнедой кобылки, уселся на своего коня и последовал за королевой по деревянному мосту.

Королева хорошо знала окрестности, так что Александр предоставил ей выбирать дорогу. Конь Александра успел застояться, поэтому королева направилась вдоль реки хорошим галопом. Чуть не доезжая до того места, где Александр упал в воду, она повернула вверх по склону на лесную тропу, и им пришлось сбавить ход. Через некоторое время лес поредел, и всадники выбрались в освещенную солнцем и укрытую от ветра горную долину, где их кони могли скакать бок о бок. Моргана пустила свою кобылу шагом, а молодой человек заставил своего гнедого держаться вровень с нею.

Все это время за ними следовали четверо стражей, и порой Моргана оглядывалась через плечо, с самым трогательным видом выказывая опасение. Они все время наблюдают за ней, поведала Александру королева, и сообщают обо всем, что она делает, ее брату Артуру. Она боится их, мило покаялась Моргана, боится, что скоро, утомившись однообразием службы в этой глуши, соскучившись по своим близким, они пошлют облыжное донесение королю, и Артур отдаст приказ препроводить ее обратно на унылый север, в Каэр-Эйдин, или заключит в хорошо охраняемую темницу (как выразилась Моргана) — в Кастель-Аур в валлийских горах. И там, намекнула она, Александр не сможет с нею видеться. Разве что, конечно, Александр поможет ей избежать этой кары, столь жестокой, сколь и неправедной, которой подверг ее верховный король?..

Однако здесь Моргана просчиталась. Как бы ни был Александр одурманен, его невозможно было принудить к открытому неповиновению верховному королю. Всю его недолгую жизнь Артур и Камелот были для юноши олицетворением всего благого и справедливого. Да к тому же зная о великолепии ее обиталища — Темной башни, о роскоши, царящей в покоях королевы, о ее богатых трапезах и о том, как ей услужают, о ее «дворе» и о ее «совете», о том, что ей позволено ездить верхом, пусть и под охраной,— нет, памятуя обо всем этом, Александр никак не мог увидеть в трогательной королеве униженную пленницу. Так что он слушал, выражал сочувствие, клялся в вечной преданности — Александр не осмелился сказать «любви»,— однако избегал всяких разговоров не только о «спасении», но даже о попытках избавиться от стражей. Моргана, в свою очередь, уклонялась от

прямых ответов на его осторожные расспросы о причинах сурового приговора, вынесенного Артуром. Александр был достаточно юн, чтобы, взирая в устремленные на него прекрасные глаза Морганы, пока их лошади шли рядом, а ее рука покоилась на его колене, одновременно верить, что Артур справедливо покарал свою сестру за вероломство и что она, несправедливо обиженная дама, пострадала всего лишь из-за предательства своего любовника. Который, хвала Господу и Артуру, был теперь мертв.

Моргана, конечно, видела это со всей отчетливостью и понимала также, что, как бы сильно ни был влюблен молодой дурачок, у нее нет надежды ввести его в свой «круг», с которым она держала советы в уединенной комнатке восточной башни. Эти молодые люди, некоторые из которых были (и оставались — когда представлялся случай) ее любовниками, все как один имели какую-нибудь причину для нелюбви к Артуру. По всей стране, особенно среди молодых кельтов с окраин, росло недовольство «королевским миром», который означал сосредоточение власти в одних руках и мирное насаждение закона и порядка. Воспитанные согласно обычаю и традиции воинами, они презирали «стариковскую говорильню» Круглого зала в Камелоте, обуреваемые жаждой действий и воинской славы.

Для этих юных мятежников двор, который держала Моргана и здесь, и в Кастель-Ауре, был уютным и теплым местечком, где можно было втайне строить заговоры, радея о собственной выгоде и о расстройстве Артуровых замыслов. Они понятия не имели, что Артур обо всем знает и до поры до времени смотрит на происходящее сквозь пальцы. Убив любовника Морганы и держа ее в заточении (пусть даже цепи кажутся шелковыми), верховный король знал, что сестрин двор станет средоточием недовольства, а сама Моргана — сердцем мятежа. Но его советчиком, с той самой поры как Мерлин удалился в свою хрустальную обитель, была женщина, чья мудрость во всем, что касалось ее пола, превышала даже мудрость Мерлина. «Оставь Моргане ее положение и ее любовников,— сказала тогда Нимуэ.— Пусть себе плетет интриги в свое удовольствие — там, где ты сможешь легко следить за ее интригами». Артур последовал ее совету, так что Моргана сохранила при себе небольшую клику недовольных и проводила время, деятельно — и пока без особого успеха — строя заговоры против своего брата.

Сейчас, натолкнувшись на неподатливую Александрову верность Артуру, Моргана оставила попытки присоединить молодого человека к своему двору. Королева уже было отказалась от идеи затащить Александра в свою постель, но наготове у нее случилось еще одно предприятие, в котором некто вроде Александра, у которого прямодушие на лбу нарисовано, мог преуспеть там, где другие ее приближенные потерпели поражение. Кроме того, настало время завести нового любовника, а Александр хорош собой, молод и более чем жаждет ее, так что...

Так что Моргана сменила тактику, с показным раскаянием признала, что была не всегда права, заговорила об Артуре с любовью и уважением, прося Александра забыть все сказанное ею в минуту отчаяния, а вместо этого поведать о себе и своих планах на будущее. С каковой целью она попросила юношу помочь ей спешиться, и парочка уселась в залитой солнцем лощинке, защищенной от ветра цветущими кустами утесника, в то время как люди короля, бесстрастно-терпеливые, без лишнего шума бились об заклад относительно результатов прогулки, расположившись в виду парочки, но за пределами слышимости.

Они видели очаровательную картину: королева, сидящая на постеленном Александром плаще, изящно расправив вокруг себя зелено-рыжие шелка и бархат, и лежащий у ее ног молодой человек, не сводящий глаз с ее лица. Молодой человек говорил; надо полагать (поскольку Александр вряд ли мог поведать Моргане правду о себе и своем путешествии в замок Друстана, а потом — в Камелот), что речь юноши касалась по большей части его любовных чаяний. Так что он соловьем разливался, а Моргана, улыбаясь, слушала, изображая самое пристальное внимание, однако стражи заметили: когда Александр смотрел в сторону, королева украдкой зевала. Вскоре руки их, словно невзначай, соприкоснулись, и юноша горячо прижал тонкую кисть к губам. Тогда Моргана наклонилась, все еще улыбаясь, и сказала нечто, отчего Александр поспешно вскочил на ноги и протянул руки, чтобы помочь встать и ей. Королева позволила молодому человеку заключить себя в объятия и прильнуть к ее губам в долгом страстном поцелуе, прежде чем он подсадил ее в седло.

Страже не надо было слышать, о чем они говорили. Они и так все знали. Они видели подобные сцены и слышали все это уже не раз. Дама заманила на свое ложе еще одного юного глупца, и дурачок явится как миленький и будет окончательно одурачен, а со временем, возможно, узнает и цену, которую ему придется заплатить за собственную глупость.

Александр узнал о цене, которую ему придется заплатить, где-то через месяц. Чудесный месяц, самый замечательный месяц в его молодой жизни — так он, во всяком случае, искренне считал. Целые дни рядом с королевой Морганой, проведенные с ней ночи, предпочтение, оказываемое ему перед всеми придворными; дни и ночи походили на чудесный сон, и вторжения в него действительности — головокружения и головные боли, непреодолимая жажда уединения и, хотя он не признавался в этом и самому себе, желание как следует выспаться — забывались почти сразу. Или, скорее, когда любовница заставляла его об этом забыть, поднеся кубок вина с подмешанным зельем, лаская нежными губами и опытными пальцами. И тогда юноша снова тонул в страсти, принимая ее за любовь, и клялся все совершить для той, что опутала его шелковыми сетями, как паук — муху.

Однажды у замковых ворот поднялась суматоха, и во двор влетел всадник на взмыленном коне, взывая к королеве Моргане. Он был в грязи и без сил и выглядел настолько дико, что паж бросился к опочивальне, где завтракали королева с Александром, и громко постучал в двери.

Моргана, все еще лежа в кровати и томно раскинувшись на подушках, всего лишь приподняла брови, однако Александр, который чувствовал себя последнее время раздражительным, зло крикнул:

— Кто там? Вы бы лишний раз подумали, прежде чем тревожить королеву!

— Мой господин, это к королеве. Это граф Ферлас. Он вернулся, и ему необходимо увидеться с госпожой Морганой. Милорд, она уже проснулась?

— Как она может спать при таком шуме? Ступай и вели ему подождать!

Но Моргана, твердой рукой оттолкнув его в сторону, села в постели и воскликнула:

— Грегори, пусть граф Ферлас идет сюда! Немедленно!

Откинув покрывала, она соскочила с постели:

— Александр, мое платье!

— Моя госпожа, неужели вы примете его здесь?

— Где же еще? Я должна его увидеть! Дай мне одежду, если не хочешь, чтобы я встретила его голой!

Александр начал что-то лепетать: для него королевская опочивальня с ее прекрасными гобеленами и шелковыми завесами,

с окнами, в которые лился сейчас утренний свет и которые выходили на реку и лес, была обителью восторга, святилищем любви и воспоминаний, которые — Александр мог поклясться — вечно пребудут с ним.

В коридоре послышались поспешные шаги. Александр схватил свою собственную сорочку и едва успел надеть ее, как снова раздался стук в дверь. Королева Моргана, неторопливо перепоясавшись, велела входить, и в комнату вступил только что прибывший граф Ферлас, за которым следовали служанки королевы и пара пажей.

Граф был дюжий, могучего вида молодой человек, но когда он преклонил перед королевой колена, было видно, что он едва держится на ногах.

Моргана протянула ему руку для поцелуя, взмахом кисти велела женщинам и мальчишкам отойти подальше и резко спросила:

— Что нового?

— Ничего. У меня ничего не вышло, я вернулся с пустыми руками.

— С пустыми руками? Даже следа не нашли?

— Никакого. Мы везде расспрашивали, но, кажется, никто ничего об этом не знает, не считая обычных разговоров о колдовстве и Мерлине...

— Оставим это! Вы видели ее? Говорили?

— Нет. Нам сказали, она уехала на юг. Тогда мы отправились, как вы нам велели...

Поспешным жестом Моргана велел Ферласу умолкнуть:

— Не здесь. Оставим это. Позже поговорим. У вас ничего не вышло, так какая разница, куда вы отправились?

Королева молчала несколько мгновений, уставившись в пространство невидящим взором, терзая премилыми зубками нижнюю губу. Затем, пожав плечами и словно отгоняя мысль о беде, в чем бы она ни заключалась, королева вновь повернулась к коленопреклоненному мужчине.

— Что ж, кажется, мы должны попытаться еще раз. Что насчет второго дела, которое я поручила Мадоку? Ваш брат Юлиан ездил к нему в Банног-Дун?

— Нет, госпожа. Я как раз собирался рассказать вам. В том нет необходимости. Мадок приехал повидаться с нами в Лугуваллиум. Он, кажется, уже вступил во владение и надежно за-

крепился. Он просил передать вам, что все хорошо и что вскорости дело будет улажено.

— Что ж, я полагаю, это к лучшему. Я побеседую с Юлианом попозже. Полагаю, он вернулся с вами? Где он?

— Госпожа, он мертв.

Бывший неподалеку Александр, про которого Моргана сейчас позабыла, с удивлением взглянул на королеву, которая проронила всего лишь:

— Да? Но как?

— Колдовство. Во всяком случае, я так думаю. Когда мы выехали из Лугуваллиума, он жаловался на тошноту и боль в боку, на следующую ночь началась лихорадка, и в три дня его не стало.

Александр, которого пронзила жалость при виде скорби, проступившей на измученном лице человека, ожидал, что королева прикажет Ферласу подняться с колен или, по крайней мере, велит слугам налить ему вина, но ничего такого не произошло. Моргана присела на краешек постели, подперев подбородок кулаком и нахмурив брови, глубоко задумавшись и ни на кого не глядя.

Принц подошел к стоявшему подле столику и налил в кубок вина, собираясь поднести его коленопреклоненному человеку, но тут королева, встряхнувшись, резко произнесла:

— Нет! Не то! Граф Ферлас, мы должны продолжить наш разговор. В комнате наверху. Вы знаете где, через полчаса. Теперь оставьте меня все, кроме служанок, и дайте мне одеться. Ступайте!

Граф поднялся, поклонился и вышел. За ним последовали пажи. Александр попытался было что-то сказать, но Моргана перебила его тем же жестом и по-прежнему резко произнесла:

— Я сказала «все». Разве ты не слышал? Все, кроме служанок. Оставь меня!

Александр, застыв на месте, вспыхнул от негодования, но тут Моргана, видимо, пришла в себя. Она подошла к молодому человеку и, пригнув его голову, поцеловала:

— Будет! Прости меня, моя любовь. Я должна поговорить с этим человеком. Это мой гонец, и он принес мне вести, нешуточные вести, я боюсь. Я все расскажу тебе позже.

— Если я могу помочь тебе...— хрипло произнес Александр.

— О да, ты можешь мне помочь,— сказала Моргана и улыбнулась.

Глава 26

Больше Александр в тот день ее не видел, а ближе к вечеру один из королевских пажей явился к нему с посланием, полным нежных, но решительных слов: новости графа Ферласа огорчили королеву, а проистекающие из них затруднения занимали ее весь день и до сих пор удерживают ее вдали от любимого. Она просит прощения, но не в силах сказать, когда... и так далее, и тому подобное. Моргана ухитрилась подать это все таким образом, что можно было бы вообразить, будто причиной всему — лишь головная боль, на которую иногда жалуются женщины, но Александр знал — кому было знать лучше? — что это неправда. Вспоминая слова, сказанные ему Морганой утром при расставании, молодой человек не мог поверить, что королева лишает его своего благоволения и изгоняет со своего ложа. Однако ему ничего не оставалось делать, кроме как, скрыв досаду, со всевозможным достоинством возвернуться в собственную комнату в западной башне. Там он провел несколько беспокойных часов: гордость в нем боролась с ревностью, и он ходил по комнате туда-сюда, гадая, позовут ли его сегодня вечером на ужин в зал, или королева поманит Ферласа занять почетное место рядом с ней.

Однако ни королева, ни граф Ферлас на ужине в тот вечер не присутствовали. Это, конечно, не очень-то утешило Александра, который на сей раз ел мало, благодарный судьбе за то, что его соседка, леди Лунед, явно не в духе, кажется бледнее, чем обычно, и к разговорам не склонна. Она рано поднялась из-за стола, и Александр смог снова сбежать в западную башню, к своему одиночеству, чтобы ожидать там желанного призыва от возлюбленной.

Но призыва не воспоследовало. Вместо этого явился, как обычно, Питер — с очередным посланием, полным извинений, и лекарством, которое Моргана заставляла принимать Александра каждый вечер: «Чтобы предотвратить возвращение лихорадки, которая, как мне известно, не отступит еще два или три месяца, если не лечиться».

Александр, которого сотрясала лихорадка иного рода, вызванная как раз зельями королевы — о чем юноша не знал,— указал на стол и произнес, прилагая усилия, чтобы говорить со своей обычной приветливостью и вежливостью:

— Поставь сюда, пожалуйста. Спасибо. Я приму лекарство позже. А скажи мне, паж, королева сама дала тебе эту записку?

— Да, мой господин.

— Она нездорова? Она посылала утром сказать мне, что срочные дела помешают ей поехать со мной, но, конечно, теперь с ними покончено? Я не видел королеву весь день, и, как ты знаешь, она не появилась и на ужине. Как она?

Питер, который все это уже не раз видел и которому нравился Александр, поспешно произнес:

— С ней все хорошо, сэр, и тревожиться вам не о чем! Просто утром возникли разные неотложные дела, и сейчас она заседает со своим советом. Кажется, они засидятся допоздна, так что она просила меня передать вам свои извинения.

— Понятно. Ну конечно. Граф привез такие дурные новости?

Нет, дело не в смерти его брата, подумал Александр; эта весть королеву нисколечко не опечалила; она и слова не проронила.

— Не знаю, сэр. Я хочу сказать — я ведь не знаю, что все это значит для королевы. Только видно, что она сильно расстроена. А вот для моей госпожи, моей собственной, для леди Лунед, новости и в самом деле дурные. Она хорошо знала графа и его брата уже много лет. Одна из ее служанок передала мне, что госпожа плакала.

— Понятно,— повторил Александр, вспомнив молчание леди Лунед и ее покрасневшие глаза.

Он пожалел, что не узнал об этом раньше, чтобы попытаться хоть как-то ее утешить.

— Что ж, спасибо тебе, Питер. Передай своей госпоже мои соболезнования по поводу смерти ее друга. Я сам поговорю с нею завтра утром, если она примет меня. Теперь иди, хорошо? Я сам улягусь. Спокойной ночи.

Впоследствии Александр так и не смог припомнить, что именно — уязвленная гордость, ревность или неудовлетворенное любопытство — подвигло его на то, что он сделал в ту ночь.

После того как Питер его оставил, он подождал, сидя в бойнице окна, глядя, как вспыхивают в ночном небе звезды, и прислушиваясь к шуму в замке, который постепенно смолкал, уступая место мирному спокойствию сна. Тогда, даже не позаботившись вооружиться и не переодевшись после ужина, Александр тихонько выскользнул из спальни.

Факелы в железных скобах на стенах хорошо освещали ему путь. Юноша помедлил у двери, ведущей во двор. За нею еще слышалась какая-то возня. На ночь выставили стражу — и королевскую, и местную, замковую; из конюшен также доносились какие-то звуки: верно, кто-то из конюхов бодрствовал подле больного коня или кобылы, которая вот-вот ожеребится. Но ведь есть еще дверь, ведущая в центральную часть замка в обход двора. Что, если ее не заперли на ночь?..

Она оказалась не заперта, и, бесшумно ступая, Александр проскользнул внутрь. Дальше, мимо открытой двери парадного зала, где спали слуги; оттуда слышался храп, шуршание соломы, однако никто не проснулся. Затем юноша торопливо поднялся вверх по главной лестнице, и вот он стоит перед дверью, которая ведет в личные покои королевы — покои, которые Александр привык считать и своими собственными.

Здесь он помедлил в замешательстве. У двери стояла стража: воины короля с драконом в гербе. Этого, конечно, следовало ожидать, хотя солдаты, должно быть, заступали на дежурство каждую ночь уже после того, как они с королевой удалялись в опочивальню. Александр заколебался, внезапно почувствовав себя по-дурацки, но стражи не выказали удивления и не стали (чего боялся Александр) понимающе усмехаться. Ближайший к нему солдат отвел в сторону копье, словно ожидая, что принц постучит или войдет, но Александр, поколебавшись еще мгновение, покачал головой и, торопливо повернув направо, поспешил — стараясь ступать по-прежнему тихо и чувствуя, как убыстрился пульс,— по коридору к восточной башне.

Молодой человек не видел, как часовые обменялись взглядами, в которых не было ни удивления, ни улыбки, и один из них оставил свой пост, чтобы следовать за Александром.

На верх восточной башни вела витая каменная лестница, скудно освещенная единственным факелом, торчащим из скобы в самом начале подъема. В узкие оконца дул ночной ветер, уже по-летнему теплый. Ухала сова. Откуда-то спереди, из-за двери или из-за стены, до Александра доносились голоса: то слышен был кто-то один, то время от времени вступал хор голосов, как будто люди говорили одновременно или пытались перекричать друг друга. Голоса раздавались откуда-то сверху. Юноша помедлил на небольшой треугольной площадке — здесь лестница поворачивала — и прислушался. Невозможно было разобрать слова, и казалось, будто собеседники стараются изъясняться тихо. Неожиданно все смолкло, и Александр услышал один-единственный голос, которой, несомненно, принадлежал королеве. Вот серди-

то вмешался мужчина, заговорили другие: хор голосов звучал раздраженно и даже сварливо. Александр быстро преодолел последний изгиб лестницы.

Лестница заканчивалась широкой площадкой, на каменном полу которой лежал коврик. У стены рядом с дверью притулился табурет. Крепкая дверь была обита железом и крепко заперта, а около нее тоже дежурила стража.

На сей раз это не были воины короля: на табурете, прислонясь спиной к стене, сидел мальчик. Он клевал носом, но когда из-за поворота лестницы появился Александр, он, вздрогнув, очнулся и вскочил на ноги. Принц узнал его: это был паж по имени Грегори, тот самый, который первый рассказал ему о «советах» и о том, что слугам королевы никого не велено пускать туда, кроме немногих избранных.

Однако с тех пор прошло немало времени, и теперь все в замке, не говоря уже о собственном паже Морганы, должны понимать, что Александр тоже относится к привилегированным. Он с улыбкой кивнул мальчику и заговорил, понижая голос:

— Твоя госпожа держит здесь сегодня совет, я прав, Грегори? Открой мне или, если хочешь, ступай и объяви о моем приходе.

Мальчик не двигался, прижавшись спиной к двери:

— Простите, сэр, я не могу.

— Как это — не можешь? — В голосе Александра послышалось раздражение.— Даже не можешь войти внутрь и спросить? Конечно, после столького времени...

— Простите меня, сэр, но мы выполняем полученные распоряжения. Никого не пускать, никого, за исключением членов совета. Я же говорил вам, сэр. Я не осмелюсь...

— Но то было давно! Ты ведь уже, конечно, знаешь, что я пользуюсь доверием королевы!

— Но не в совете, сэр. Вы же не из ее собственных людей.

— Ее собственных людей? Каких людей?

— Ну, я не могу сказать, сэр, но тех, которые всегда были рядом. Которые приехали с нею из Каэр-Эйдина и которые поедут с нею в Кастель-Аур, когда придет час.

— Я тоже поеду с ней в Кастель-Аур! — воскликнул Александр раздраженно.

До сих пор это не приходило ему в голову. По правде говоря, он вообще не думал о будущем: ни о чем, за исключением восторгов настоящего. Если бы ему задали вопрос, он бы, без со-

мнения, понимая, что роман с прекрасной королевой не может длиться вечно, признал бы, что однажды ему придется сесть на коня и ускакать — и, конечно, не к предполагаемому заточению в Кастель-Ауре, а чтобы выполнить поручение королевы, на которое она намекала. А потом он вернется к обычной жизни и продолжит прерванное путешествие в Камелот...

— Сегодня утром королева сказала, что я могу быть ей полезен,— резко произнес Александр.— Если это не означает, что я могу участвовать в совете...

— Простите...

Вид у мальчика был испуганный. Он уперся лопатками в дверь, в то время как принц нависал над ним во весь свой высокий рост, но продолжал говорить полушепотом, и это заставило Александра осознать, что слуг Морганы нелегко заставить ослушаться ее приказов.

— Простите,— повторил паж одними губами,— я не могу, господин, я правда не могу! Она ничего мне про вас не говорила, и всем остальным тоже, а она... Мой господин, я не осмелюсь пойти против ее воли! Возможно... возможно, когда вы увидите ее завтра утром, вы спросите ее об этом сами?

Александр отступился.

— Ладно. Успокойся, я не сержусь. Ведь ты всего лишь выполняешь свои обязанности. Верно, королева позабыла отдать тебе соответствующие распоряжения. Я поговорю с нею завтра. Доброй ночи.

И, призвав на помощь все свое достоинство, Александр улыбнулся мальчику и направился обратно в свою пустую спальню, так ничего толком не разузнав, однако успокоенный в одном отношении: рассказ о срочно собранном совете был правдой, а не предлогом, чтобы изгнать его с королевского ложа. И конечно, королева не оставалась наедине с Ферласом.

Несомненно, он увидит Моргану утром и узнает, что значили ее намеки на службу, которую он может ей сослужить, и попросит — со всей настоятельностью,— чтобы она допустила его в свой круг и в свой совет — которые очевидным образом значили для нее больше, чем любовник.

Александр скинул одежду, выпил лекарство, оставленное Питером, а затем с ним произошло то, что, по мнению Морганы, должно было случиться с ним уже несколько часов назад: он провалился в сон без сновидений.

———

Солдат короля, вернувшись к двери королевской опочивальни, прошептал своему сотоварищу:

— Нет, он не из них. Малыш Грегори не пустил его внутрь. Я предположил бы, что он ничего не знает.

— Мы так и думали. Вот беда какая!

— Как-нибудь переживет и заодно ума-разума наберется.— Лукавая ухмылка стража позабавила бы Моргану и не на шутку разозлила бы Александра.— Ведь ты не станешь отрицать, что она лакомое блюдо!

— Пока еще он не увяз слишком глубоко,— ответил ему старший товарищ.— Сколько ему? Шестнадцать? Семнадцать? Он моему сыну ровесник, может, чуть помладше.

— Не увязнет. Мальчик, конечно, ничего, кроме постели, еще не видит, но не зря же она держит его подальше от всяких советов и прочего. Попомни мои слова!

— Я верю тебе. Но приглядеть за ним все равно не мешает.

— Тсс! Кажется, это она идет. Смотри-ка, тоже одна-одинешенька!

— Он же устал как собака. Едва на ногах стоял, когда добрался в замок, а потом они целых три часа говорили после обеда. Мы еще увидим их завтра вместе, пари держу.

На сей раз они говорили не об Александре.

Глава 27

— Королева Островов? — переспросил Александр.

— Да, так она себя называет.— Если бы Моргана не была королевой, ее тон можно было бы назвать ядовитым.— И пусть еще будет довольна, что выскочила замуж за этого мелкого корольку,— ведь она была любовницей Мерлина боги знают сколько лет, а он ей в деды годился!

Александр и Моргана сидели вдвоем в опочивальне королевы — обители блаженства. Граф Ферлас, отдохнув в замке пару дней, уехал к себе домой, увозя своей матери печальную весть о смерти брата, и с той поры королева прилагала все усилия, чтоб излечить душевные раны, нанесенные ее молодому любовнику, и чтобы показать ему, что между ними ничего не изменилось. Пока Ферлас гостил в замке, Александру пришло в голову, что беседы графа и королевы Морганы затягивались что-то чересчур надолго, даже если им и в самом деле многое надо было обсудить.

Но хотя Александр не признавался в этом самому себе, он был рад отдохнуть от необходимости вечно ходить перед королевой на задних лапках и от еще более изнурительных занятий любовью.

Но тем не менее, когда королева позвала его, Александр с готовностью повиновался. Он нашел Моргану в ее покоях. Та в одиночестве сидела возле окна, выходившего на юг: из него открывался вид на речную долину. Ему дозволили поцеловать лишь руку, не более, и, поднявшись с колен, юноша увидел, что прекрасное лицо королевы омрачает тень беспокойства.

Не было нужды спрашивать, что тревожит ее; резким движением указав Александру на кресло напротив ее собственного, королева начала разговор.

Граф Ферлас и его брат, сказала она Александру, были среди тех рыцарей, которые служили ей еще до того, как ее изгнали в Каэр-Эйдин, и которые оставались на ее службе и во время ее заключения там и в Кастель-Ауре. Хотя — тут опечаленный взгляд прекрасных глаз королевы обратился на Александра — нельзя, придерживаясь истины, сказать, будто в заточении волею ее брата Артура с пленницей обращаются неподобающе сурово, однако все же заточение есть заточение, и ее верные рыцари всегда чувствовали, что с госпожой их обошлись несправедливо. Поэтому они объединили свои усилия, чтобы помочь ей и убедить Артура освободить ее. И они знали — все знали,— что основным препятствием к этому была советница короля, преемница Мерлина, Нимуэ, жена короля Пелеаса Островного.

Именно о ней и шла речь. Конечно же, Александр слышал о ней: юная ученица и подопечная великого Мерлина, которая еще девушкой попала в Озерное святилище Авалона, но оставила тамошнюю женскую общину, чтобы поселиться с Мерлином и перенять его знания.

— Он мог бы взять в ученицы меня,— продолжала королева Моргана,— если бы не боялся, что мое могущество превзойдет его силу, потому он убедил моего брата Артура отослать меня на север и выдать замуж за короля Урбгена Регедского. Оба короля сочли полезным использовать меня, чтобы крепче связать оба королевства. Так я оказалась взаперти в замке Урбгена в Лугувалиуме, вместе со стариком, чьи оба сына были старше меня — и они оба меня ненавидели.

Так королева изложила свою версию событий прошлого, в которой общеизвестные обстоятельства, несомненно знакомые

Александру, были повернуты нужной королеве стороной. На самом же деле по дороге к завидному жениху Моргана пыталась подольститься к Мерлину, который сопровождал ее как представитель Артура, чтобы чародей научил ее магии. Встретив холодный отказ, Моргана стала заклятым врагом волшебника, и эта вражда перешла и на Нимуэ, преемницу Мерлина. Даже недавнее убийство ее сводной сестры Моргаузы Моргана ухитрилась каким-то образом спихнуть на Мерлина, хотя волшебника уже не было при дворе, а убил Моргаузу ее собственный сын. Но разве не правда, что Мордред, сын Артура от Моргаузы, был рядом,— и кто знает, какие указания королевской советницы он выполнял?

Так Моргана сменила курс, чтобы не идти против прискорбной верности Александра верховному королю. Внимательно наблюдая за юношей из-под полуопущенных век, она продолжала убеждать его. Памятуя о случившемся, кто может знать, что произойдет с другой королевой — с ней самой, заточенной, подобно Моргаузе, по ложному обвинению в измене, но в отличие от Моргаузы не имеющей ни сына, ни родича-защитника, никого, кроме царственного брата, который прислушивается только к подсказанным ревностью советам Нимуэ, советам, имеющим своей целью держать Моргану подальше от брата, где она могла бы поставить ему на службу силу более великую, чем та, которой обладает Нимуэ?

Да, кивнула Моргана в ответ на несколько испуганный взгляд Александра, это так. И у беспомощной королевы есть только одна возможность защитить себя от магии Нимуэ и вернуть себе высокое положение при Артуре. Если она добудет некий талисман, вместе с ним она обретет необходимую силу. Именно за этим талисманом отправились Ферлас и его брат. Они потерпели поражение, как и еще один из ее рыцарей, который еще прежде этих двоих пытался добыть сокровище.

Поэтому как она может просить еще одного человека, пусть даже мужественного и доблестного, отправиться в это опасное странствие? Нет, ей, как видно, суждено провести остаток своих дней беспомощной узницей и кончить свою жизнь, может статься, как Моргауза, в темноте, от ножа убийцы...

Какой бы магией ни владела королева Моргана, числилось за нею одно искусство, которому Мерлин никак не смог бы ее обучить,— и Александру неоткуда было знать, что искусство это доступно любой женщине: искусство заплакать в нужный момент,

подпустить рыдание в веселый, нежный голос и повергнуть любовника обратно к своим ногам, чтобы его смутные сомнения растаяли, чтобы он поклялся всеми известными ему богами исполнить любое ее желание, пусть даже для этого придется погибнуть. Александр был очень юн, горяч и полон страсти. Это было то самое приключение, на поиски которого он так давно (как ему казалось) выехал из Крайг-Ариана. Вот она, суть поэзии, красоты, романтики! Подвиг в честь королевы, столь прекрасной и любящей.

Моргана, приняв его клятвы, его поцелуи и платок тонкого льна, чтобы осушить свои слезы, снова выпрямилась в кресле и поведала Александру о поиске, столь близком ее сердцу, о поиске, уже дважды предпринятом и дважды окончившемся поражением и смертью.

Это был поиск Грааля.

Часть истории, рассказанной Морганой, Александр уже знал. Тайная любовь короля Утера и Игрейны, герцогини Корнуэльской, увенчавшаяся рождением Артура, уже превратилась в легенду, вместе с рассказом о воспитании Артура у приемных родителей и о его внезапном появлении рядом с умирающим Утером во время битвы. Произошедшее вслед за этим чудо — когда ведомый магом Мерлином юный король вынул из камня волшебный меч Калибурн и был провозглашен законным королем над всею Британией — воспевалось и вспоминалось у каждого камелька.

Однако в тени поразительных событий, связанных с восшествием на престол юного короля, осталась история того, как меч попал к Мерлину. Моргана знала эту историю от своей сестры Моргаузы, которой, в свою очередь, поведали обо всем соглядатаи, давным-давно приставленные следить за всем происходящим при королевском дворе.

Меч Калибурн некогда принадлежал императору Максиму, которого бритты во время его короткого царствования в этой стране называли Максеном. Этот меч отковал для императора кузнец из бриттов — легенды говорят, что это был сам Веланд,— в кузне в валлийских холмах. Оружие это обладало волшебной силой: меч Калибурн мог принадлежать лишь тому, кто по праву рождения является королем Британии.

Когда Максен погиб в дальних краях, иные из его верных воинов решили, что этот меч не должен попасть в руки врагов,

привезли его обратно в Британию и захоронили вместе с другими сокровищами под алтарем храма Митры в Сегонтиуме, последней великой валлийской твердыне Максена. Там с помощью своего волшебного искусства Мерлин и нашел меч и, поскольку он был из рода Максена, по праву завладел им, спрятал и хранил его для Артура.

— Слышал ли ты об этом? — спросила Моргана.

Александр кивнул, и она продолжала:

— Я была тогда слишком молода, меня не было там. Я оставалась в Корнуолле с моей матерью, королевой Игрейной, готовясь к свадьбе, но Моргауза, моя сводная сестра, отправилась на север с нашим отцом королем Утером и...— Тут Моргана внезапно умолкла.— Не стоит говорить об этом. Она заплатила за все, что совершила тогда.

Моргана умолкла, и на какое-то мгновение лицо ее утратило красоту и прелесть. Александр ничего не заметил. Впервые к его обычному восторгу примешалось некое понимание. Он вспомнил другой рассказ, передаваемый шепотом, об истинной причине, по которой королева Моргана оказалась в немилости: дело было не только и не столько в супружеской измене. Говорили, будто она подговорила своего любовника Акколона похитить королевский меч Калибурн, заменив его подделкой, чтобы усыпить подозрения Артура. Каковы были дальнейшие планы этой парочки, осталось неизвестным, поскольку Артур победил Акколона в бою и убил его, а после этого они с королем Урбгеном позаботились о том, чтобы Моргана больше не причиняла им хлопот.

Сама Моргана, конечно, утверждала, что ни в чем не виновата, что ей нужен был волшебный меч, чтобы отдать его мужу, королю Урбгену, и что именно Акколон втравил королеву в эту историю, но ей никто не верил, а Александр, на собственной шкуре испытав, как Моргана обращается с любовником моложе себя, сомневался, чтобы Акколон мог иметь над королевой хоть какую-то власть.

— Ведь тебе больше не нужен меч? — спросил Александр, пытаясь скрыть свою неуверенность.

Моргана, вернувшись в настоящее, с первого же взгляда увидела, что паутина ее чар нуждается в починке. Рассмеявшись, она поднялась, чтобы налить им обоим вина, затем опустилась на подушки, брошенные на широкую скамью под окном, и жестом пригласила Александра сесть рядом.

— Нет-нет. Разве я не сказала, что дело в Граале?

— Сказала. Но я не понял. Грааль? Это такая чаша, если я правильно понял? А что за Грааль?

— Я же рассказывала, что Мерлин нашел Максенов волшебный меч вместе с другими сокровищами, спрятанными в храме Митры в Сегонтиуме. Ты разве забыл?

— Помню. Грааль тоже был там?

— Да. Как говорят, это огромная золотая чаша, украшенная драгоценными камнями, с ручками в виде крыльев. Там были еще вещи — я забыла, что именно,— но все они не имеют цены. Это святыни, спасенные из сокровищницы императора и вернувшиеся в Британию после его смерти. Это хранилось в тайне, и сокровище лежало нетронутым, а храм разрушился и завалил все. Мерлин взял один только меч. Он...— Тут в голосе Морганы зазвучал яд.— Он думал, что Грааль ему не нужен.

— А тебе нужен?

— «Нужен»! Я рада бы думать, что нет, но я жажду его. Алекс, любовь моя, я жажду его! — Она отставила в сторону нетронутый кубок с вином и, повернувшись к Александру, обхватила руками его лицо.— Даже больше — если это только возможно,— чем тебя! Нет-нет, дорогой, выслушай меня! Я уверена, что в Граале — в чаше, как ты его называешь — волшебной силы больше, чем в мече! Я знаю, что сила его не зависит от того, кто им владеет, и великие боги всегда хранят его! Я видела его в хрустале и слышала это в шепоте темных духов воздуха.

Александр бы отпрянул, если бы руки королевы не удержали его, если бы взор ее глаз не подчинил себе юношу. Винные пары не успели рассеяться в его мозгу. Он тоже заговорил, шепотом, как и королева:

— Я добуду его для тебя, Моргана, чаровница моя. Непременно! Что плохого в сокровище, захороненном солдатами Максена так много лет тому назад? И ты — королева и родня ему по крови; у тебя есть право на чашу, как у Артура есть право на меч! Я добуду его для тебя. Ты сказала, Сегонтиум? Только скажи, как мне найти там храм Митры!

Моргана отпустила юношу и откинулась обратно на подушки:

— Грааля нет там больше. Нимуэ забрала его.

— Нимуэ?

— Да, эта Мерлинова мерзавка. Он сказал ей, где искать. Она выпытала это, когда Мерлин лежал больной, при смерти,

отправилась в Сегонтиум и взяла оставшуюся часть сокровища, Грааль и другие вещи, из развалин храма. А потом отвезла все это Артуру в Камелот. Мне передавали, что ни Мерлин, ни верховный король не пожелали коснуться клада. Поэтому она забрала все с собой на север, и никто с той поры сокровищ не видел.

Александр, помолчав, спросил:

— Что, и граф Ферлас?

— Да. Он побывал в Лугуваллиуме, спрашивал здесь и там, но... Это длинная история, и кончается она ничем. Он не смог добраться до Нимуэ. Он ничего не узнал, а его брат заболел лихорадкой и умер, так что Ферлас вернулся обратно.

— Болезнь, она наведена колдовством?

— Кто знает? Ты боишься?

— Я не боюсь ведьм, тем паче сейчас,— со смехом откликнулся Александр.

Моргана взглянула на него, на мгновение потерявшись — он говорил по-взрослому, едва ли не снисходительно,— но тут же рассмеялась вместе с ним.

— Еще бы ты боялся, любимый! Так ты поедешь и привезешь мне эту чашу?

— Я сказал, что да.— Александр снова заколебался.— Если ты мне пообещаешь одну вещь.

— Условия? Я же пообещала тебе мою любовь.— Чарующе шаловливая улыбка скрыла тайное удивление.— Я даже налью тебе вина в этот Грааль, когда ты привезешь его сюда.

Александр слегка тряхнул головой. Он был совершенно серьезен.

— Ты должна сказать мне, то есть пообещать, что, когда эта чаша окажется у тебя в руках со всей — как ты выразилась? — силой великих богов, ты употребишь ее только на то, чтобы вернуть себе свободу, а после того — чтобы служить верховному королю.

На мгновение Александру показалось, что он сказал слишком много. Глаза Морганы неожиданно вспыхнули, напоминая ему, что он хотя и не пленник Темной башни, но все же находится во власти Морганы. Но он был нужен королеве. Артур мог в любой момент отменить все послабления, а в голове у Морганы засела трезвая мысль: там, где туповатый солдафон Ферлас и его предшественник потерпели поражение, не сумев проникнуть в тайну Нимуэ, может преуспеть невинный и безусловно

верный королю Александр. Потому она просто улыбнулась с некой печальной нежностью и подняла руку, чтобы снова коснуться его щеки.

— Все, чего я хочу,— это чтобы Грааль дал мне силу оправдаться в глазах брата и спастись от ужасной судьбы моей сестры. Только чтобы защитить себя, Алекс, не более того, а потом служить Артуру. Я знаю, это возможно. Так ты добудешь мне чашу?

— Конечно же! Я обещаю!

Тремя днями позже на своем полном сил коне, с начищенным оружием и с новым вышитым плащом на плечах Александр отправился на север, в королевство Регед, где стоял замок Пелеаса, супруга чародейки Нимуэ.

Глава 28

Это уже было с ним раньше: прекрасный день, он скачет верхом на добром коне, хорошо вооруженный, а впереди его ждет приключение. Но Александр не думал о прошлом. Тогда он был совсем юн, сейчас... Все еще полный воспоминаний о своей любовнице и о прощальной ночи любви, он легким галопом мчался вдоль берега реки.

Любовная истома и рассеянность едва не погубили его. Хотя, памятуя о случившемся с ним поблизости несчастном случае, он старался ехать осторожнее — дорога была нехороша,— его конь испугался без всякой видимой причины и так неожиданно, что Александр с трудом удержался в седле. Придя в себя и тихо выругавшись, он успокоил коня и только тогда увидел привидение, напугавшее гнедого.

Стройная фигура в сером плаще, трепетавшем на ветру, и в самом деле походила на привидение. Александр не сразу узнал ее. Но затем он разглядел, что это леди Лунед, одна и, судя по ее бледности и по тому, как она вцепилась в стволик молодой серебристой березки, чем-то напуганная. Конь Александра стоял неподвижно, чувствуя твердую руку, и только вращал белками. Дама сделала шаг вперед, все еще цепляясь за ствол деревца, как будто ее не держали ноги. Но в словах ее не было ничего необычного:

— Простите, что я напугала вашего коня. Я подумала, что это должны быть вы, но не осмелилась показаться раньше: а вдруг...

Она замялась.

— Что вдруг?

— Вдруг это один из людей королевы?

— Так вы ждали меня?

Ба́нальный вопрос был подсказан замешательством. Утром Александр искал управительницу, чтобы попрощаться и поблагодарить ее за доброту, но ему сказали, что леди Лунед еще не покидала своей спальни. Вежливость требовала дождаться ее пробуждения, и Александр прекрасно это знал. Но, горя желанием отправиться на великий подвиг и понуждаемый королевой, он просто попросил передать леди Лунед его слова и тронулся в дорогу сразу после завтрака.

— Я искал вас в замке,— поспешно сказал он,— но ваши служанки сказали, что вы еще не вставали. Я намеревался поблагодарить вас за все, что вы сделали для меня, и я счастлив, что мне выпала возможность это сделать. Но почему... То есть я хотел сказать, зачем вы приехали сюда одна и в такую рань? Поговорить с мной? Но о чем, госпожа? Ведь не только чтобы сказать «да хранит вас Бог»?

— Я уехала из замка рано утром и велела моим служанкам говорить, будто я еще в постели. Мой конь привязан дальше в лесу, чтобы не увидели с дороги. Мне надо было повидать вас. Пока вы гостили в замке, я не имела возможности прийти к вам незаметно для других, но сейчас...

Ее голос смолк, руки беспокойно вцепились в серый плащ. Александр мгновение смотрел на нее, нахмурясь, а затем соскользнул с седла и подал даме руку:

— Вам надо поведать мне что-то? Дать поручение? Охотно, хотя я не знаю, как скоро смогу вернуться сюда. Пойдемте, госпожа, если это секрет, давайте отойдем в лес и поговорим там. Где вы оставили вашего коня?

Ее кобыла была привязана на поляне ярдах в тридцати от дороги. Александр перекинул поводья через голову гнедого и пустил его пастись. Потом поискал глазами пенек, камень или упавший сук, на который бы можно было усадить даму, но ничего не нашел, а леди Лунед — вид у нее был все еще испуганный,— покачав головой, настойчиво заговорила:

— Не надо. У нас мало времени. Я должна вернуться в замок, прежде чем она меня хватится. Милорд, выслушайте меня, пожалуйста. Я знаю — а кто не знает? — что вы любовник королевы Морганы и что она послала вас сегодня за тем, за чем посылала других своих любовников...

— Вы говорите это мне, госпожа? Не думаете же вы, что я стану слушать...

— Да не глупите же! — Неожиданная вспышка гнева настолько не вязалась с обычной манерой поведения леди Лунед, что Александр замолчал. А дама продолжала в том же духе, на щеках ее проступили красные пятна: — Неужели вы считаете, что вы были первым и единственным? Когда муж отослал ее от себя из-за Акколона, у нее все время были любовники. А теперь, когда она жаждет сокровищ Максена — да, об этом тоже все знают! — как вы думаете, почему Ферлас отправился на север ради нее? А Юлиан, его брат? И по крайней мере еще один человек до них! Она сказала вам, что Юлиан умер? А теперь она взялась за вас!

— Вы думаете, я боюсь опасности? Что до Акколона, то это старая история, он обморочил ее...

— Как вы обморочили ее, да?

Лунед шагнула к юноше и стиснула его руку. Необъяснимо, но ее хватка была такой слабой, рука такой тонкой и трепещущей, что юноша не посмел освободиться.

— Пожалуйста! — попросила она Александра.— Пожалуйста, выслушайте меня!

И непонятно почему — потому, видно, что Лунед была отнюдь не юной красавицей, а самой обычной женщиной, которая отнеслась к нему по-доброму, и рука ее дрожала от страха, сжимая руку юноши,— Александр сдержался и продолжал слушать.

— Я желаю вам только хорошего,— поспешно говорила Лунед, задыхаясь.— Я хочу, чтобы вы знали это. И это единственная причина, по которой я приехала сюда сегодня рассказать вам правду, прежде чем вы отправитесь ради королевы в этот опасный поход. Если мои слова причиняют вам боль, простите меня. Но клянусь тем Богом, которым клянетесь вы, что это истинная правда.

Лунед умолкла и откашлялась. Александр молчал. Странно, но он уже словно заранее знал почти все, что она собиралась ему поведать. За время своего короткого пути от замка на бодрящее-свежем утреннем воздухе он снова почувствовал некую робкую радость, освободившись от дремотных, благоухающих медом тенет, державших его в плену.

Лунед продолжала:

— Это правда, что король Урбген оставил ее из-за супружеской измены, но это был пустяк в сравнении с ее изменой брату, верховному королю. Нет, послушайте! Она сказала, что хотела отдать меч Урбгену, но это отговорка, чтобы обелить себя! Правда в том, что она вручила меч Акколону, чтобы тот вступил в поединок с верховным королем: она думала, что Артур непременно погибнет, а тогда у нее и ее любовника будет волшебный королевский меч. Но заговор потерпел поражение, а поскольку она сестра Артура, ее не предали смерти заодно с любовником: от нее отказался муж, храня преданность Артуру, и ее всего лишь заключили под стражу. Вы же видели, какое это «суровое» заточение! Удобства, роскошь и свобода кататься верхом, когда она пожелает! Как вы думаете, почему она хочет этого сокровища? Она сказала вам, что это такое?

— Королева полагает, что это такая чаша, украшенная драгоценными камнями, она наделена некой силой...

— Да-да, силой. Зачем ей эта сила? У нее есть собственная сила, все это знают, и она первая вам об этом скажет.

Александр колебался:

— Я согласен с вами, ее заточение нельзя назвать суровым, но...— Припомнив, он процитировал: — «Заточение есть заточение». Ей нужна эта сила, чтобы освободиться и вернуться к своему брату и помогать ему своей магией. Она... Вы же сами сказали: все знают, что она владеет магией.

— Магией? — Поразительно, но в голосе Лунед звучало презрение.— О да, она владеет магией и всякого рода умениями. Никто этого не отрицает! И уж точно не вам с этим спорить, мой господин!

— Госпожа...

— Ах нет, я не о женских уловках. Я имела в виду магию, которой она подкрепляла свои женские чары. Снадобья, которыми она пичкала вас каждый день!

— Леди Лунед...

— Погодите. Я почти закончила. Я пришла и говорю вам все это, потому, что боюсь того, что она может сотворить, получив добавочное могущество, силу, к которой и Мерлин, и верховный король отнеслись с таким благоговением, что сокрыли ее от людского ока. Милорд...— Трепещущая рука снова сжала его запястье.— Я прошу вас, я умоляю вас, теперь, когда вы свободны,

держитесь подальше от всего этого. Никогда не возвращайтесь! Никогда! Вы понимаете?

— Но как я могу? Я же связан обещанием...

— Все равно. Было бы лучше, если бы вы не стали искать это сокровище, но если вам случится его найти, я хочу, чтобы вы хорошенько поразмыслили, прежде чем отдавать его королеве. Она ведь сказала вам, что никогда не воспользуется им во вред верховному королю?

— Да.

Рука Лунед соскользнула с плеча юноши; дама сделала шаг назад, еще один. Когда же она снова повернулась к Александру, она словно постарела и сделалась еще более хрупкой, вконец источенная страхом:

— А королева, часом, не сказала вам, что за «советы» она собирает в той уединенной комнате восточной башни?

— Конечно. Это все, что осталось ей от двора и от свиты.

— И она, несомненно, предложила вам присоединиться?

— Она собиралась. Это бы вскорости произошло — так сказала сама королева.

— А она сказала, что под таким секретом обсуждается там, наверху?

— После возвращения Ферласа она советовалась со своими рыцарями относительно этого похода, который так много для нее значит.

— А она не упоминала, что умерший рыцарь, Юлиан, брат графа Ферласа, обещал жениться на мне?

— Но зачем? Нет! Я не знал этого, мне очень жаль...

Александр начал лепетать какие-то соболезнования, но леди Лунед резко оборвала его:

— Сама она знала об этом, а потому позаботилась, чтобы Юлиан отправился в этот поход. И я уверена,— проговорила Лунед с таким спокойствием, что и Александр против своей воли поверил в ее слова,— что если Юлиан и в самом деле умер от злых чар, то это были ее собственные чары.

— Но почему?

— Чтобы он не вернулся. О да, ей бы не понравилось, если бы кто-то из ее приверженцев ухаживал за другой женщиной, но дело не только в этом. Королева боялась, что Юлиан расскажет мне об этих сборищах в восточной башне. Но она опоздала: я уже знала все.

Наступило молчание. Александр словно окаменел: он стоял, глядя себе под ноги, не зная, что делать, что говорить, чему верить. Нельзя же обвинить леди во лжи. Сверх того, Лунед проявила к нему большое участие; возможно, он обязан ей собственной жизнью. Но слышать такое, да еще из уст собственной придворной дамы Морганы? А Лунед тем временем продолжила. Она говорила по-прежнему спокойным бесцветным голосом, который убеждал самой своей невыразительностью. О клике ропотливых юнцов-кельтов, недовольных королевским миром и сильной единой властью, которую Артур установил над мелкими королевствами Британии. Теперь, когда прекратились междоусобные войны, а суд был в руках не мелких князьков, а совета Круглого зала в Камелоте, многие горячие и безрассудные юноши с окраин страдали от безделья. Они называли себя «молодые кельты». Хотя поначалу все это выглядело достаточно безобидно, теперь казалось, что молодых искателей приключений собирают под свою руку своекорыстные люди, чтобы направить их против интересов верховного короля и объединенного королевства, которое тот пытался упрочить.

— Поверьте мне! — горячо взывала леди Лунед.

Александр молчал, припоминая свое собственное пылкое желание отомстить Марку Корнуэльскому, восторг первой стычки, упоение боя у Северна и даже жадное предвкушение приключения сегодня утром. В эту часть ее рассказа поверить было нетрудно.

— Вот какие советы королева держит в башне,— сказала Лунед.— Не так часто, чтобы встревожить стражу, которая могла бы сообщить об этом королю, но всегда, когда находится предлог. Раз Юлиан пообещал на мне жениться, он стал опасен. Вот поэтому он и не вернулся.

В некоторые вещи поверить было невозможно. Александр по-прежнему молчал. Лунед искоса посмотрела на него, затем осторожно спросила:

— Вы еще не передумали насчет поручения королевы?

— Я должен его исполнить. Я клялся... Кроме того, в то, что вы говорите...

Александр замялся.

— Вы не можете — или не хотите — поверить? Я понимаю. Я больше ничего не скажу. Только об одном я вас прошу: если вы найдете этот Грааль, все еще полагая, что его можно использовать лишь во благо верховному королю, не привозите его сюда или в Кастель-Аур, но езжайте сначала в Камелот, чтобы Артур сам рассудил, должно ли его сестре владеть им.

— Но как я могу?..

— Сделать это, не усомнившись в королеве? А может, вы в глубине своего сердца уже знаете, что не дадите ей прикоснуться к этому сосуду?

— Госпожа...— произнес Александр в отчаянии.

— И вы называете себя преданным вассалом верховного короля? Или были им всего лишь несколько недель назад?

На поляне стояла тишина, только лошади похрустывали травой да нежданно зазвенела резкая трель малиновки, затаившейся в ветвях остролиста.

— Это все? — спросил наконец Александр.

Голос его звучал хрипло.

Леди Лунед печально кивнула.

— Да, это все, только я должна еще поблагодарить вас за то, что вы выслушали меня. Я не прошу вас даже поверить мне; вы сами все решите, когда будете далеко отсюда и свободны от... когда будете далеко отсюда. Но у меня есть к вам еще одна просьба.

— Какая же?

Из-под серого плаща появилась фляга с позолоченной пробкой и в кожаном чехле.

— Это вино делают монахи, которые живут за рекой,— они посылают его нам каждый год в подарок. Прошу вас, возьмите его с собой.

Александр взял флягу и принялся было неловко благодарить леди Лунед, но та улыбнулась и покачала головой:

— Это только половина просьбы. Вторая половина — это чтобы вы вылили то зелье, которое дала вам ночью королева.

На сей раз молчание было напряженным. Даже лошади, как будто что-то почуяв, оторвались от травы и подняли головы, глядя на них.

— Откуда вы знаете, что королева дала мне лекарство сегодня ночью? — с подозрением спросил Александр.

— Разве вы не слышали того, что я говорила раньше? Что вас опаивали зельями и опутывали чарами, что с того мига, как королева увидела вас и положила на вас глаз, она порешила, что вы — следующий, кого она отправит добывать ей власть и влияние, которыми Моргана встарь обладала, но утратила из-за своего предательства?

Впоследствии Александр никогда не переставал раскаиваться в том, что он сделал. Швырнув флягу леди Лунед об землю, он дернул за уздечку, рывком подняв голову гнедого от травы, прыгнул в седло, ударил коня шпорами и полетел прочь, к дороге, оставив женщину стоять на лужайке.

Глава 29

Не следует думать, что Александр был настолько слеп и глуп, чтобы счесть, будто возлюбленная его безупречна, а сам он влюблен первый и последний раз в жизни. Королева Моргана сама хвалилась своими познаниями в колдовстве, он уважал ее могущество и боялся его: говоря по правде, юноше льстило и кружило голову то, что им увлеклась волшебница. Кроме того, Моргана обладала редкой красотой, а он был юн, и раз королева и в самом деле пожелала применить магию, имея целью заманить Александра к себе на ложе, дабы предаться любовным играм, ранее неведомым молодому человеку в силу ограниченности его опыта, почему бы ему и не прибежать на ее свист, как говорят люди, и не насладиться в полной мере, несмотря на постоянную слабость, следствие лихорадки, от которой он никак не мог выздороветь?

Пока Александр скакал на север, все это крутилось у него в уме. Свежий утренний воздух, ровный галоп доброго коня и ощущение свободы (признавался он себе в этом или нет) вели к тому, что гнев, разбуженный в нем словами леди Лунед, постепенно утихал. Со временем Александр успокоился настолько, чтобы обдумать и взвесить в уме все произошедшее в Темной башне. По мере того как он размышлял, в голове у него начала складываться определенная картина.

Раненая рука, лихорадка, доброта и уход старушки Бригит, кажущееся выздоровление. Потом появляется королева; следует изгнание старой няньки и горничных, которые ухаживали за ним. Лекарства, заботливо приготовляемые самой королевой. Затем — дни сонной слабости, которую Моргана объяснила как следствие лихорадки, сновидения, исполненные ее присутствия, ее нежных прикосновений, головокружительные грезы — ее красота и обещание любви. Ночь, когда они впервые разделили ложе,— от нее в памяти остались только лихорадочные вспышки экстаза. А после... да, с этого момента он был ее добровольным влюбленным рабом.

Не то чтобы Александр жалел об этом; о таком невозможно было забыть, такое невозможно было вычеркнуть из памяти. Но теперь, когда гнедой жеребец уносил его все дальше, узы чар ослабевали с каждой милей, и юноша обнаружил, что, сам того не желая, он снова вспоминает слова Лунед.

Прелюбодеяние с Акколоном: что ж, Моргана была молода, прикована узами нежеланного брака к ненавистному ложу. Такое частенько случается. Но измена верховному королю? И после, даже в заключении, она снова плетет заговоры, тщась нарушить мир в королевстве. «Молодые кельты» и поход, в который она их шлет — Ферласа, Юлиана и бог знает кого,— на поиски могущественного Грааля. Что это за могущество? Александр был все еще достаточно юн, чтобы думать, будто Моргана владеет всем тем могуществом, которое потребно женщине. Что же тогда? Суждено ли ему самому стать вторым Акколоном, вторым Ферласом, которого она подкупила так же, как Александра, а потом вознаградила? Или вторым Юлианом, которого, вероятно, она подкупить не смогла и послала на верную гибель?

Дорога наконец выбралась из лесистой долины и теперь вела по открытому месту, по ровному зеленому дерну, окаймлявшему берег озера. Дувший утром ветер стих, и вода походила на ярко блестящее зеркало. На отмелях, в тростниках, мирно ловили рыбу лебеди. С нежным посвистом пробежал по гальке кулик. Александр остановил коня, наблюдая за спокойным пейзажем, и продолжал думать.

Так почему же этот Грааль так много значил для Морганы? Она сказала, что обратит его силу во благо своему брату, и, конечно же, Александр ей поверил. Лунед не верила в это и взывала к его, Александра, верности, чтобы он предоставил право решения верховному королю. Александр припомнил и еще кое-что. Сама Моргана сказала ему, что Нимуэ, королевская волшебница, берегла то, что осталось от сокровища Максена и что сам король вручил ей на сохранение. Если это так, то, надо полагать, король может забрать Грааль обратно в любое время, стоит ему сказать об этом Нимуэ?

Что убедительно изобличает королеву Моргану во лжи. Во лжи настолько явной, что только глупец, одурманенный до полной неспособности думать, не заметил бы ее. Так думай же, Александр, думай...

Первое: она хочет силы Грааля для себя самой, судя по ее же собственным словам, для того чтобы занять место Нимуэ. Лад-

но; это можно принять, как и понять страхи Морганы относительно ее участи в случае, если Артур не сменит гнев на милость. Второе: Моргана выразилась достаточно ясно, что он, Александр, юный и не испытанный в деле, сможет преуспеть там, где потерпели поражение остальные. Почему?

Вывод был очевиден: он не был допущен (и никогда не будет — что бы ни обещала Моргана) на советы «молодых кельтов», поскольку известно, что он верен верховному королю, и те, кто наблюдал за происходящим в Темной башне, могут это подтвердить. Следовательно, он сумеет подобраться к Нимуэ ближе, чем остальные лазутчики Морганы, известные как ее придворные.

Отсюда вытекало и еще одно следствие: что Лунед оказалась права и что королева Моргана была врагом Артура. Королева не могла знать, что Лунед выдаст Александру тайну сборищ, но все равно: почему Моргана была так уверена, что Александр, покинув ее и имея время поразмыслить, отправится в этот поход, не говоря уж о том, чтобы принести ей Грааль?

Задумчиво потирая губу, Александр наблюдал за лебедями. Гнедой, почувствовав, что про него забыли, вытянул поводья из расслабленных пальцев хозяина и опустил морду к траве. Солнце уже высоко поднялось над вершинами холмов; озеро мерцало и переливалось в его лучах.

Похоже, что и в спутанных мыслях принца внезапно вспыхнул свет. Даже если он свободен, его возлюбленная — ведьма, так что свобода его — свобода сокола, схватившего приманку: ведьма дернет за веревку, когда пожелает. Лунед объяснила ему, что это за веревка: магия Морганы ехала с Александром в чудесной серебряной фляжке, которую она вручила молодому человеку, выказывая такую заботу и осыпая его столькими поцелуями, когда тот покидал этим утром ее ложе.

Александр достал фляжку из седельной сумки, вынул пробку, понюхал. Пьянящий аромат трав, плодов, меда — все это живо напомнило юноше сладостные чары Морганы. Он подумал о леди Лунед и вине, которое сделали монахи из приречного монастыря, вспомнил, как он отшвырнул флягу и бросил бедняжку одну — самой взбираться в седло и ехать обратно в одинокий замок к своей нежеланной гостье.

Пробка Морганова фляги была сделана из резного граната. Резкое движение руки — и она, крутясь, полетела в воду, распугав лебедей, которые поплыли сквозь тростники прочь, шипя на Александра. За пробкой последовала и сама фляжка: капли зелья, выплеснувшегося из нее, образовали в лучах солнца нечто вроде радужной дуги, а потом канули в озеро.

— Отведайте этого,— сказал Александр лебедям, неожиданно приободрившись.— И сладких вам сновидений!

Пятью днями позже, на закате, он въехал в деревушку, сокрытую в лесистой долине, и там попросился переночевать.

Глава 30

Деревня представляла собой лишь скопище крестьянских хижин, зато могла похвастаться трактиром. У дверей его пристроились двое, потягивая пиво из рогов.

Александр остановил коня и пожелал им доброго вечера. Один из них, на вид сущий простофиля, невнятно что-то пробормотал, глазея на заезжего всадника, а второй, человек средних лет, вежливо ответил на приветствие, отставив свой рог в сторону и поднявшись на ноги.

— Ты здесь хозяин? — спросил Александр.

— Да, сэр.

— Ты видишь, я проделал сегодня долгий путь, и мой конь устал. Найдется ли у тебя еда и постель на эту ночь?

— Что до этого, сэр, то не примите за обиду, но мой домишко не для таких, как вы...

— Предоставь судить об этом мне,— нетерпеливо бросил усталый Александр.— Если у тебя есть хлеб и эль для меня и корм для моего коня, этого довольно. Я заплачу.

Он собрался было спешиться, но поселянин шагнул ближе.

— Постойте, сэр. Я прошу вас не принимать мои слова за обиду. Я охотно оставлю вас у себя, если захотите, но коли ваша лошадка сможет проделать еще полмили вниз по долине, то там найдутся ночлег и еда как раз для молодого господина.— Трактирщик указал рукой.— Вон туда. Видите, там стоит большой каменный крест? Около него свернете, потом будет дубрава, а за ней — монастырь. Монастырь Святого Мартина. Это хороший домина, огромный, можно сказать, и там всех оставляют ночевать. У них полно места для странников. Я почему все знаю — потому что у меня сын там работает садовником, звать его Джон. Он самому брату Петру помогает.

— Понятно. Что ж, спасибо. Поеду туда. Полмили, говоришь?

— Никак не больше. Вот, слышите колокол? Это звонят к вечерне, но у ворот ждет привратник, и вас будут рады принять.— Поселянин отступил обратно.— И не думайте, молодой господин, что вы опоздали на вечернюю трапезу! Там привыкли, что странники появляются когда угодно. Ведь только на прошлой неделе приехала незадолго до полуночи большая компания: благородные господа, да с таким подарком, от которого аббат едва к небесам не воспарил, ну что твой петух на крышу!

— И что же это было? — спросил Александр не потому, что заинтересовался, а потому, что хозяин заведения горел желанием поделиться новостями.

— Да как же, великое сокровище, как люди толкуют — реликвия, привезенная из-за моря, да к тому ж еще и святая! Брат Петр все моему Джону обсказал. Сам-то он ее еще не видел, но говорит, что скоро, может, уже на следующий праздник, если успеют приготовить подобающее место — а они успеют, ведь у них самолучший резчик работает в часовне уже с год или поболее, а он уж взялся,— так вот, брат Петр говорит, поставят святыню над ракой вместо статуи — там драгоценная чаша будет в целости и сохранности, покуда она в монастыре...

Александр, который уже тронул лошадь, резко натянул поводья:

— Чаша? Ты сказал, драгоценная чаша?

— Она самая. Золотая чаша, вся изукрашенная каменьями, говорит брат Петр, и привезена откуда-то с Востока, может быть из самого Иерусалима! Вообразите только: сюда, в нашу-то долину! Еще ее называли каким-то чужестранным именем, но каким, я в точности не скажу.

— Грааль, так?

— Как-как, Грааль, говорите? Может, и верно, если так чаши называются.

— И этот Грааль будет теперь храниться в монастыре, что ниже по дороге?

Поселянин не выказал никакого удивления при виде неожиданно проснувшегося в Александре интереса, приняв его, несомненно, за рвение благочестивого католика.

— Доподлинно так, сэр. Но не думаю, что вам удастся его увидеть. Монахи держат его взаперти, как видно, до того...

— Да-да. Но повтори-ка, ты сказал, его привезли на прошлой неделе? Королевский поезд?

— Что до этого, королевский ли — не знаю, но то были благородные господа, знать, Джон сказал: на добрых конях и с кучей прислуги, дама ехала в носилках с шелковыми занавесками, я уж и не знаю, что там еще.

— Дама...— вдумчиво повторил Александр.— Значит, дама привезла с собой сокровище?

— То так, но говорят, это не совсем в дар. Оно будет здесь храниться некоторое время. Но чтоб у нас в долине завелась эдакая ценность... Да теперь тьма-тьмущая народу сюда повалит ради одной этой чаши, так что даже мое заведение озолотится!

— А дама, то есть вся эта королевская свита,— они все еще там?

— Да. Но там хватает места для путников, молодой господин, не беспокойтесь, вас там примут как надо!

— Ладно, спасибо. Вот тебе за твой рассказ, хозяин. А я поехал.

— Бог в помощь, молодой господин, и доброго вам ночлега.

Монастырь, как обычно водится, схоронился в глубине укромной долины, по которой между лесов и пастбищ текла извилистая река. Это была большая обитель, которая могла похвастать несколькими внутренними дворами и собственными усадебными хозяйствами, стоящими среди вспаханных полей и садов. Река вращала мельничное колесо, а сквозь ворота шлюза вода текла в рыбный садок, расположенный в монастырских стенах.

Александр, предоставив усталому коню шагом спускаться вниз по склону к воротам, с удовлетворением рассматривал монастырь. Его ожидал удобный ночлег, и — по счастливой случайности, в которую едва ли можно было поверить, если бы не то, что хозяин трактира говорил о Граале со всей определенностью,— он добрался до цели своего странствия гораздо раньше, чем мог рассчитывать. Вряд ли у него получится завладеть Граалем, пока тот хранится в монастыре, но если Нимуэ едет с чашей на юг и в обители остановилась только для отдыха, он сможет хотя бы поговорить с колдуньей или с кем-то из ее свиты и узнать от них, куда они везут свое сокровище. А если ему удастся присоединиться к свите Нимуэ, вдруг ему снова представится какой-нибудь счастливый случай...

Слова Лунед и его собственный символический отказ от Морганы вместе с ее флягой «волшебного» зелья были на время забыты. Александр устал, и ему даже не пришло в голову, что Нимуэ, возможно, едет на юг, дабы самой доставить драгоценную чашу Артуру. Слова трактирщика были как нежданное везение, указание, прикосновение волшебного посоха. Без всяких поисков Грааль сам попался ему навстречу. Даже если бы Александр уже оставил намерение искать Грааль, у него не хватило бы сил отказаться взглянуть на чашу.

Колокол часовни уже умолк, когда Александр добрался до ворот, но привратник с готовностью открыл ему, указав, как проехать на конюшенный двор, за которым размещался дормиторий для путешественников-мужчин. Ужин? Конечно, как же без ужина. Господина (привратник опытным взглядом окинул и сбрую коня, и блеснувшие золотом пояс и рукоять меча) накормят в трапезной, что под дормиторием. Брат Магнус, который заботится о странниках, покажет ему где. Ужин подадут сразу после вечерни. Господин, надо думать, позже пожелает присутствовать на повечерии?

Господину желалось лишь поесть да добраться до кровати, однако он знал, как гостю полагается вести себя в подобном месте, и, кроме того, было вполне вероятно, что хранители Грааля на службу тоже явятся. Поэтому Александр изъявил согласие и, поручив своего коня заботам одного из послушников, проследовал в помещения, предназначенные для гостей монастыря.

Как оказалось, ему пришлось бы ужинать в одиночестве, если бы не пара двух других путешественников, направлявшихся в Гланнавенту, чтобы отплыть оттуда в Ирландию. Они были иноземцами, говорили только на своем ирландском наречии, потому Александр не смог расспросить их относительно путешествующей королевы, чьи спутники, надо полагать, отужинали раньше.

Ужин был простой, но хороший: после супа подали горячий толстый ломоть тушеного мяса, свежеиспеченный хлеб и какое-то рыбное блюдо с травами. После ужина Александр отправился посмотреть, как поживает его конь, и нашел его в хорошем стойле: укрытый одеялом, тот жадно поглощал содержимое полных яслей. Кроме гнедого в конюшне стояли трое гладких верховых лошадок, должно быть монастырских, и две пары крепких рабо-

чих мулов. И все кони большого отряда — а ухаживали за ними собственные конюхи и слуги — размещались в другой конюшне, которой обычно пользовались гости. Там не осталось места для лошади молодого господина, как сказал послушник, исполнявший обязанности конюха, но молодому господину нечего беспокоиться: за его конем будут присматривать не хуже, чем за конем настоятеля.

Это соответствовало истине. Александр, поблагодарив послушника, задал ему несколько косвенных вопросов о путешественниках, однако ничего не добился. Что до этих, сказал послушник, он ничего про них не знает, только то, что после их отъезда в монастыре останется мальчик, который примет послушание. Все они, и госпожа, и прочие, посещали службы; они вроде бы люди набожные (Набожная? Королева-волшебница Нимуэ?) — так что, если молодой господин пойдет к повечерию, он увидит их в церкви, а после, верно, и словечком с ними перекинется. Нет, он не может принять этот дар, но если молодой господин пожертвует что-нибудь после службы, то Господь благословит его приношение... И тут в часовне ударил колокол.

Часовня выглядела величественно. Свет свечей не достигал высокого свода, запах хорошего воска смешивался с курящимся фимиамом, который клубами подымался к темному потолку. Стена резного камня отгораживала место, где молились монахи, от остальной части помещения. Места за стеной предназначались для мирян и паломников, гостивших в монастыре. Сквозь затейливой резьбы отверстия в стене Александр видел распятие над высоким алтарем: оно, казалось, плыло в дымном свете свечей. Монахов видно не было, но их ладное пение звучно возносилось к своду.

Да, путешествующая королева и ее свита присутствовали на службе, разместившись по другую сторону главного прохода. Их было около дюжины. Александр, склонив голову якобы в молитве, косился на них сквозь пальцы.

Во-первых, госпожа собственной персоной, королева, волшебница, благочестивая либо лицемерная; она, как скромница, пряталась под плотным покрывалом. Поверх платья густого красновато-коричневого цвета был накинут, несмотря на лето, бурый плащ, чтобы защититься от холода каменной часовни. Александр заметил тонкое запястье в золотом обручье и уловил блеск

сапфира на пальце сложенных рук. Остальное скрывали покрывало и плащ.

Рядом с ней стоял на коленях пожилой мужчина: его благородное немолодое лицо с закрытыми глазами было молитвенно обращено к алтарю. Одежда его была сшита из неброской, но добротной серой материи, а в тонких слабых руках он сжимал серебряное распятие, инкрустированное темно-красными камнями, возможно рубинами. За ним едва различалась хрупкая детская фигурка, облаченная, однако, в рясу и монашеский плащ. Это, надо думать, тот самый мальчик, будущий послушник. По другую руку от мальчика молился священник. Чуть позади преклонили колена мужчина и женщина — верно, слуги.

Служба подошла к концу. После долгой тишины из-за каменной стены раздалось неторопливое шарканье ног: монахи вереницей покидали часовню. Дама, поднявшись с колен, помогла встать пожилому мужчине. Они двое и мальчик промеж них вышли из часовни. Остальные проследовали за ними, Александр — последним.

Прежде чем разойтись в разные стороны, они постояли немного все вместе. Дама несколько минут говорила с двумя женщинами — видимо, своими прислужницами. Александр ожидал, что она простится с пожилым человеком и вместе со служанками проследует к помещениям, предназначенным для путешественников-женщин, но она, все еще под руку с мужчиной, повернула к внушительному строению, стоявшему за часовней. Надо полагать, дом настоятеля; конечно, такую важную госпожу, как Нимуэ, разместили там, а не с обычными путешественниками... Одна из женщин последовала за госпожой, другая повернула к гостевым спальням. Священник и мальчик уже удалились в дверь, ведущую в основное здание. К пожилому человеку подбежал еще один мальчик, в одежде пажа, они переговорили, господин отпустил пажа, и тот отправился вслед за остальными слугами в мужской дормиторий. Но мальчик не очень-то торопился, поотстав от старших: вероятно, ему, как водится в этом возрасте, не хотелось отправляться в постель.

Александр быстро пошел за пажом и перехватил его в нескольких ярдах от двери спальной:

— Какой хороший стоит вечер, обидно укладываться в такой ранний час, правда? Скажи-ка, здесь запирают двери, загнав нас всех внутрь?

Мальчик рассмеялся:

— Ага, как кур в курятник, чтоб лиса не добралась! Еще хорошо хоть не будят с рассветом — за них это делает колокол в часовне!

— Вы давно здесь?

— С неделю.

— Я только сегодня приехал с юга. Я совсем не знаю этих краев, но, кажется, места здесь добрые. Вы еще долго здесь пробудете?

— Не знаю. Несколько дней, думаю. Господа ничего нам не говорят, но я не удивлюсь, если хозяин захочет погостить подольше.

— А хозяйка?

— Ну она-то заторопится домой, раз уж принц здесь в целости и сохранности. А почему вы спрашиваете? Вы кто?

— Тот, кто хотел бы поговорить с твоей госпожой, если это можно устроить. Я путешествую один, без слуги, но если я сообщу ей завтра свое имя, она согласится увидеться со мной, как ты думаешь?

— Ну конечно же! — уверенно объявил мальчик, оглядев Александра в свете, падающем из двери спальной.— Она добрая леди, моя госпожа. Всякого выслушает. Если это важно...

— Для меня — важно. Как тебя зовут?

— Берин.

— Послушай, Берин, а ты не расскажешь мне побольше о своей госпоже? Правда ли, что она...

— Слышите? — торопливо воскликнул мальчик.— Это колокол. Сейчас закроют двери. Я вам скажу, когда проще всего застать мою госпожу. Первым делом утром она идет погулять в садик, пока хозяин еще молится. Там с ней можно поговорить... Нет, не надо этого, сэр! Смотрите, вон идет брат Магнус запирать кур! Мне надо спешить! Спокойной вам ночи!

Берин похватал ноги в руки, и Александр, второй раз за вечер убрав обратно в кошелек предназначенные для подкупа деньги, поспешил за ним.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

АЛИСА И АЛЕКСАНДР

Глава 31

Вот так они и встретились наконец, Алиса и Александр, ранним утром прекрасного летнего дня, в саду монастыря Святого Мартина.

Алиса сидела под яблоней. Дерево было усыпано плодами, крохотными зелеными яблочками, такими круглыми и блестящими, теснящимися одно к одному среди листвы и веток, подрезанных столь симметрично, что дерево походило на картинку из иллюминированного молитвенника — на само легендарное Древо, до того как плоды на нем созрели к Грехопадению. У подножия его, среди подстриженной рыжевато-коричневой травы росло несколько маков и маргариток, что чудом спаслись от косы, а еще лютики, и мелкие, невысокие анютины глазки, и клевер, над которым уже перепархивали крохотные синие мотыльки.

Алиса была в синем, под цвет мотыльковых крылышек, и под вуалью, ибо позже собиралась в церковь. Она уже хотела откинуть вуаль с лица, чтобы полюбоваться на малиновку: пташка только что слетела с яблони и уселась на позабытое кем-то перевернутое ведро в ярде от ее ноги. Но вот, заслышав шаги Александра по траве, малиновка гневно чирикнула и улетела, Алиса же задержала руку и обернулась.

— Госпожа,— произнес молодой человек чуть хрипловато и поклонился.

Глядя сквозь вуаль, Алиса увидела перед собою пригожего юношу, чьи синие глаза ярко сияли на загорелом лице, а каштановые локоны густо вились до самых плеч. Держался он гордо, и

одежда его, пусть поношенная и скорее удобная, чем щегольская, отличалась добротностью. Перевязь его ярко блестела, точно спелый каштан, а рукоять меча украшали драгоценные камни.

— Сэр? — отозвалась леди Алиса и выжидательно умолкла.

И теперь, когда настал долгожданный миг и итог пути к легендарному воплощению могущества Максена уже забрезжил перед ним, словно по волшебству — как все просто, протяни руку и возьми! — Александр обнаружил, что напрочь о нем позабыл. То явили себя могучие чары — сильнее ворожбы королевы Морганы, сильнее магии Максена,— чары, к коим, пожалуй, причастна была та, первая яблоня Эдема. Александр попытался заговорить, откашлялся, но произнес лишь:

— Кабы мог я увидеть ваше лицо! Заклинаю вас учтивостью, не откинете ли вы покрывало?

— Я как раз собиралась,— отозвалась Алиса.— Я ношу вуаль только в церкви; кажется, она даже малиновку отпугнула!

И, отбросив назад невесомые складки, девушка подняла взгляд и улыбнулась.

Сам не сознавая, что делает, Александр бросился перед нею на колени и, вдохнув поглубже, сумел лишь бессвязно пролепетать:

— Вы... вы не ведьма, нет! Кто вы? О, кто вы? Ибо девы прекраснее я в жизни своей не видел! Скажите мне, кто вы?

— Я Алиса, дочь герцога Ансеруса из Розового замка, что в Регеде. И уверяю вас, что я и впрямь не ведьма, хотя порою о том жалею! А вы, сэр? У вас, надо думать, тоже есть имя?

Девушка потешалась над ним, но Александр даже не заметил насмешки. И он ответил, внезапно позабыв о скрытности и о возможных опасностях:

— Я зовусь Александр. Отцом моим был принц Бодуин Корнуэльский, брат короля Марка. Мать моя хранит для меня замок Крайг-Ариан, что в долине реки Уай.

— И что же привело вас сюда, в Регед, о принц, в самое что ни на есть ведьминское гнездо, по вашим словам судя?

— Думается мне,— отвечал Александр, всерьез разумея каждое слово,— что я приехал сюда для того лишь, чтобы встретить вас. И думается мне, что я люблю вас.

Во внезапно наступившей тишине малиновка снова слетела на ободок ведра и залилась звонкой, негодующей трелью, да только кто к ней прислушивался!

В последующие годы никто из них так и не смог доподлинно вспомнить, что произошло потом и что было сказано — да было ли сказано хоть что-нибудь! — в те первые, бесконечно долгие мгновения, когда они просто глядели друг на друга и каждый знал про себя, что на протяжении всей своей юной жизни неуклонно шел к этой встрече. Для Александра это было все равно что вырваться из тумана в яркий солнечный свет, из глубины темных вод — на свежий, искрящийся лучами воздух. Темная башня канула в никуда. Когда-нибудь, как-нибудь придется пересказать и эту историю и покаяться в тамошнем греховном безрассудстве, но не теперь, Господи, только не теперь! А сейчас, в этот миг, жизнь его — жизнь истинного принца, рыцаря и мужа — только начинается.

Для Алисы мгновение это было из числа тех, когда одержимый тревогой мореход различает вдали огни гавани. Или, говоря языком более практичным — а Алиса всегда отличалась практичностью,— в это самое мгновение она узнала будущего хозяина своего обожаемого Розового замка, мужчину, которому она вручит себя не только из чувства долга, но радуясь ему, как возлюбленному; меч в руке молодой и горячей, что оборонит и защитит ее саму и ее подданных, когда престарелый лорд их покинет.

Что бы уж ни наговорили друг другу их взгляды и души, с уст их срывались самые что ни на есть банальные пустяки — ничего не значащая светская болтовня, к которой прибегают посторонние друг другу люди, впервые столкнувшись в незнакомом для обоих месте. Александрова вспышка была оставлена без внимания; Алиса понятия не имела, что тут можно ответить и вообще воспринимать ли ее всерьез, а сам Александр даже не был уверен, в самом ли деле высказал свои мысли вслух.

Так что, присев подле девушки на траву, молодой человек поспешно заговорил о красотах дня и о том, сколь отрадно насладиться покоем под гостеприимным монастырским кровом, выразил надежду, что герцог и его свита разместились со всеми удобствами, полюбопытствовал, давно ли они в пути и, наконец-то добравшись до сути дела, как долго гости пробудут в обители Святого Мартина.

— Только несколько дней. Мы возвращаемся домой из чужих стран, но вот приходится ненадолго здесь задержаться. Моему отцу необходимо обсудить с аббатом кое-какие дела.

Обсудить дела? Юноша задохнулся от ужаса. А что, если этой прелестной девушке предначертан удел монахини? Но не успел он высказать эту мысль вслух, как Алиса улыбнулась и невозмутимо пояснила, словно отвечая на незаданный вопрос:

— Когда-нибудь в будущем отец затворится в этой обители, но сейчас мы лишь сопровождаем того, кто ищет здесь прибежища. Одного мальчика родом из франкских королевств; на родине ему грозила опасность, и он тоже избрал монашеский удел.

— Из Галлии? Подождите-ка... вы сказали, что отец ваш — герцог Ансерус? Тот самый, кого прозвали герцогом-паломником?

— Да, это он.

— Конечно же, я о нем наслышан. И о вас тоже. Сдается мне, наши семьи в отдаленном родстве; мать как-то поминала при мне о герцоге и его дочери. Вы знаете, что вас называют «прекрасной паломницей»?

— В насмешку, не иначе,— отозвалась Алиса совершенно искренне, ничуть не кокетничая.

— Смеяться — над вами? Как можно, если?..— пылко начал Александр, но, отчасти чтобы не допустить повторения недавней вспышки, Алиса поспешно отозвалась:

— А как же иначе? Сдается мне, престранно это выглядит, чтобы юная девушка — а ведь я путешествую с отцом с тех пор, как мне исполнилось шесть,— отправлялась в странствия столь долгие, сталкиваясь в дороге со всяким сбродом, а порою подвергаясь всевозможным опасностям, или, по крайней мере, зная, что риск велик. Но я ни о чем не жалею. Я повидала столько чудес, побывала в таких красивых местах! Наверное, до самой смерти их не забуду!

— А теперь, когда ваш отец собирается принять здесь постриг, не покажется ли вам жизнь скучной и пресной, после стольких-то приключений?

Алиса покачала головой.

— Где бы я ни странствовала, мне не довелось увидеть края прекраснее этого, равно как и места милее, чем дом мой в Регеде. Ни Рим, ни Афины, ни даже Иерусалим не могут ничем таким похвастать...

— Иерусалим!

Слово это ударило в цель, точно метко пущенная стрела, и Александр тотчас же все вспомнил. И миссию, в запальчивости

взятую на себя ради королевы Морганы, и чашу, и тайный свой замысел войти в доверие к хранителям чудесной святыни. А также и свою надежду отобрать реликвию, причем если понадобится, то и силой.

— Что случилось? — встревоженно спросила Алиса, встретив его взгляд.

Юноша отвернулся, понурил голову, непроизвольно принялся ощипывать какую-то безобидную, крепко вросшую в землю травку. Наконец, по-прежнему не глядя на девушку, он произнес:

— Я тут поговорил с деревенским трактирщиком. Он-то и рассказал мне про здешнюю обитель: что тут, дескать, переночевать можно. А еще он помянул про некий отряд — «королевский отряд», ни больше ни меньше, что недавно приехал в монастырь и привез с собою некое великое сокровище, дабы доверить его на сохранение святым братьям. Значит, это он про вас говорил? Неужто это все правда?

— Конечно, правда. Говорю же, мы сопровождаем одного юного франка, который собирается вступить в обитель. Этот мальчик — принц, вот он и привез с собою сокровище воистину королевское.

— Из Иерусалима?

— Ох нет, из Галлии. Может, изначально вещь эту и впрямь привезли из Иерусалима или откуда-нибудь из Святой земли, но она вот уже много лет как хранилась в Галлии. Реликвию эту приобрела королева Хродехильда, жена франкского короля Хлодвига, для своей домовой капеллы. А больше я ничего и не знаю, кроме разве того, что началась война, так что чашу отослали сюда, для вящей сохранности.

— Так это и в самом деле Грааль?

— Так говорят,— уклончиво отозвалась девушка.

Но Александр словно бы ничего не заметил. Он снова нахмурился, созерцая травинку в руках.

— Я слышал, будто Грааль находится здесь, в Британии, и доверен волшебнице Нимуэ, королеве какого-то там северного замка. В Регеде, уверяла она... ну, то есть по слухам.

— Сокровище Максена. Да, об этом все знают.

— Тогда почему...— неловко продолжил Александр.— Вы, должно быть, удивились, когда я помянул про ведьм. Я-то думал, что сокровище доставила сюда королева Нимуэ, возможно, по пути на юг, ко двору верховного короля. А вы были под вуалью, так что я... ну, я...

— Вы приняли меня за королевскую волшебницу? — рассмеялась Алиса.— Понимаю. И возжелали поговорить с ней. А могу ли спросить, что вам за забота до сокровища Максена?

— Я... да, конечно же, я расскажу вам. Позже я расскажу вам все как есть. Но верьте, теперь оно меня не занимает. Не так, как прежде. Получается, вы знаете, где сокровище хранится?

— Я знаю, что супруг королевы Нимуэ, Пелеас, владеет замком на северо-западе, у моря, в нескольких милях от наших границ. А еще у нее есть домик близ Камелота, там прежде Мерлин жил. Он называется Яблоневый сад. Там леди Нимуэ подолгу обретается, пока король Пелеас — при верховном короле. Но где она хранит сокровище Максена, мне неведомо. Да и откуда? Об этом никто не знает. Говорят, она сокрыла святыни при помощи чар, до тех пор пока они не понадобятся Артуру либо Верховному королевству.

Молодой человек молчал, заново переживая прошлое. Здесь, в саду, где травы искрятся золотом в лучах солнца, в окружении чистых звуков и ароматов утра, невозможно было поверить, что когда-то он пал жертвою дымных чар феи Морганы.

Алиса, видя, что лицо юноши снова омрачилось беспокойством, мягко проговорила:

— Вы, кажется, полагали, что у вас у самого есть нужда в сокровище? Мне очень жаль. Но сдается мне, жалкие смертные вроде нас не имеют на него права — ни на все, ни хотя бы на часть,— даже если бы мы смогли отыскать то место, где спрятаны оставшиеся реликвии, копье и чаша. Возможно, что сейчас святыни недосягаемы даже для Нимуэ. Возможно, они у самого Мерлина, сокрытые в свете. Вы ведь знаете, что о нем говорят: будто он спит в своем священном холме, в сияющем ореоле, в круговерти блуждающих огней. Так что придется вам утолить свою душу, милорд, созерцанием той чаши, что мы привезли с собою из Галлии.

— Да... да, та чаша, что вы привезли. Вот этого я и не понимаю. По вашему выходит, что на свете не одна чаша Тайной вечери!

— Увы, это так,— не без грусти отозвалась Алиса.

— Как вас понять?

— Говорю же, я ездила в паломничества вместе с отцом — дважды в Иерусалим и дважды к гробнице святого Мартина во франкское королевство. В тех местах, в Иерусалиме особенно,

паломникам предлагают реликвии тех времен, когда еще жив был Иисус,— реликвии, связанные со священными мгновениями Его жизни и смерти. И... но мне не хотелось бы огорчать вас.

— Ничего. Продолжайте.

— Так вот: есть люди, которые этой торговлей живут — иным словом такое занятие и не назовешь. За реликвии дают хорошую цену и бедные паломники, и посланцы от богатых церквей и королевских дворов, где подобные вещи хранятся в большом почете. Мне очень жаль, что это для вас новость.

— Только потому, что я об этом никогда не задумывался! Но теперь, когда вы объяснили... Но не хотите ли вы сказать, что сокровища Максена, эти средоточия тайных сил,— тоже подделка? Да быть того не может!

— Конечно нет! Но, по слухам судя, чаша Максена — хотя, как и меч, именуемый Калибурном, она наделена великой силой и великой красотою — является сосудом, из которого пил Иисус, ничуть не больше, чем дюжина-другая чаш из Святой земли.

— Равно как и та, что вы привезли с собою?

— Это небольшая золотая чаша изумительной красоты, очень тонкой работы.— Алиса улыбнулась.— Но неужели вы полагаете, что Иисус и Его друзья ели и пили на золоте?

— Я... это мне никогда в голову не приходило.

— Боюсь, что Его чаша была из глины, и немудреный этот сосуд давным-давно разлетелся на черепки.

— Но если вы это знаете...— Александра, как с радостью отметила девушка, подобное «кощунство» ничуть не встревожило, хотя вид у него был по-прежнему обеспокоенный.— Если вы это знаете, так почему вы или, скорее, почему ваш отец герцог позволил вашему попутчику-франку привезти этот его Грааль сюда, в обитель? Уже и слухи о его святости распространились, так что бедный люд станет ждать чудес!

— Значит, будут им чудеса,— невозмутимо отозвалась Алиса.

Вот теперь Александр воззрился на нее и впрямь встревоженно, но тут зазвонил колокол. Алиса подобрала вуаль, соскользнувшую на траву, и собралась было встать, но юноша удержал ее на месте.

— Нет, подождите, прошу вас. Объясните мне, как понимать ваши слова. И вы... не разумеете же вы жульничество!

Да быть того не может, подумал про себя Александр, с вашим-то обличием юного ангела!

— Никакого жульничества. Это честно, ведь речь идет о внутренней убежденности. Видите ли, Хлодовальд — так зовут принца — искренне верит; верит и старая королева; верит и здешняя братия. Эта вера и есть истинный Грааль, пусть даже настоящий разбился на тысячу мелких осколков сотни лет назад. Это идея, это символ; ровно так его и воспринимали в тот, первый вечер. Как бы то ни было, так и отец мой утверждает, и сам Иисус так говорил, если помните.

— Из ваших слов покажется, будто вы его знали.

— Думается мне, так и есть, когда я была совсем маленькой.

И снова — пауза в разговоре. Церковный колокол отзвонил последние, мелодичные, эхом затихающие ноты, и опять воцарилась тишина.

— Я приехал за чашей,— неожиданно признался юноша, с запозданием понижая голос: первые слова прозвучали чересчур громко.— Греховное дело я замыслил: отыскать легендарную чашу Максена и отобрать ее, обманом или силой, для того, кому потребна ее сила. Для того, кому я служил. С той же миссией в странствия отправлялись и другие рыцари. Никто из них не обрел чаши, и по меньшей мере двое погибли в пути.

— Значит,— просто сказала Алиса,— некую истину они обрели. А вы? Будете ли вы продолжать поиски? Этот человек, которому вы служите, потребует ли он от вас именно этого?

— Меня посылала дама. Для меня то был подвиг и приключение. А для нее...

Александр не договорил.

— Что же для нее? Вы, кажется, помянули про силу? Ну что ж, возможно, эта дама считает, что в ней нуждается. У каждого — свой собственный Грааль.

— Эта дама? — негодующе выпалил Александр, но тут же пристыженно умолк.— Простите меня,— проговорил он очень смиренно.— Я повел себя до крайности дурно. Я не имел права говорить с вами так, как говорил, либо поминать о... ней, как бы мне того хотелось. Кажется, мне лучше уйти.

Но теперь уже Алиса удержала юношу.

— Нет. Пожалуйста, останьтесь. Может, вы расскажете мне об этом вашем приключении, что так вас удручает?

И Александр остался. Он снова уселся на согретую солнцем траву рядом с девушкой и поведал ей свою историю, от начала ее в Крайг-Ариане до сумрачного окончания в Темной башне. Тогда, по чести сказать, он не сумел заставить себя рассказать девушке все как есть, но даже и так, дойдя до конца, Александр с несчастным видом умолк, не глядя на собеседницу и ожидая, что та либо сурово его осудит, либо молча, с отвращением удалится.

Алиса и впрямь помолчала недолго, однако когда она вновь нарушила тишину, то лишь для того, чтобы спросить:

— А что теперь?

— Не знаю. Продолжать поиски я не могу, равно как не могу и повернуть на юг и бросить вызов королю Марку. Оба пути неверны, хотя в известном смысле я и там и тут связан обетом. Теперь-то я вижу, что один из них — грех, а второй — неразумие. Но что мне остается? Что мне делать?

Алиса снова нагнулась подобрать упавшую вуаль.

— Сдается мне, что самое важное вот что: вы узнали от леди Лунед про тайные встречи тех, кто враг верховному королю и не приемлет его деяний. Хоть вам ничего не известно об их замыслах, зато известны некоторые имена, и одно из них непременно заинтересует моего отца. Так что... ах, слышите? Кажется, из церкви уже возвращаются. По-моему, первое, что нужно сделать,— и самое разумное! — это пойти переговорить с ним.

Глава 32

Однако прошло несколько дней, прежде чем Александру удалось побеседовать с герцогом. Когда Алиса, расставшись с юношей у дверей мужской трапезной, отправилась присоединиться к аббату Теодору и отцу за завтраком, то положение дел, что она обнаружила, в ином месте, не столь тихом и заведомо мирном, назвали бы переполохом. Сам аббат поспешил ей навстречу с недобрыми вестями.

Отцу ее внезапно сделалось дурно — прямо в церкви, ближе к концу службы. Утром он вроде бы чувствовал усталость и легкое головокружение, однако от участливых расспросов он только отмахивался и пошел-таки на раннюю обедню. Обнаружив, что Алисы в церкви нет, герцог строго-настрого запретил передавать дочери новости, способные ее встревожить.

И в самом деле, даже на бдительный взгляд слуг, все шло хорошо. Однако в конце службы, когда настало время вставать с колен, герцог приподнялся было и вдруг зашатался, словно у него вдруг отказала правая нога, и рухнул на сиденье. И словно обездвижел.

Когда Алиса заслышала, как отворились церковные двери и народ хлынул наружу, оказалось, что это небольшая перепуганная процессия несет герцога, в сознании, но беспомощного, в его опочивальню.

Волшебные мгновения в саду, да и сам Александр, были тут же забыты. Алиса не стала дожидаться продолжения, но, подобрав юбки, опрометью бросилась наверх, к отцу.

Герцог лежал на кровати в гостевых покоях аббата — великолепно обставленных и комфортных апартаментах,— а над ним хлопотали гостинник, его помощница из числа монахинь, и Алисина горничная Мариам.

Алиса подбежала к постели.

— Отец? Что с тобой? Как ты? Что произошло?

Герцог, бессильно распростертый на подушках, изможденный и бледный как полотно, с трудом изобразил улыбку, но не произнес ни слова. Исхудавшая рука шевельнулась поверх покрывала.

Алиса склонилась над отцом, сжав его кисть в ладонях.

— Отец...

Аббат, что поднялся в опочивальню вслед за девушкой, но куда более чинно, выступил вперед и ласково дотронулся до ее плеча.

— Тише, милое дитя, успокойтесь. У вашего отца приступ, но не тяжелый, так что он очень скоро поправится. Силы герцогу не занимать, а здесь ему обеспечат самый лучший уход. Брат Лука подтвердит, что опасности нет. А теперь ступайте, пусть он отдохнет.

Гостинник, стоявший по другую сторону постели, ободряюще кивнул, щупая больному пульс, и со временем им с аббатом удалось убедить Алису покинуть опочивальню.

Уже на лестнице, плотно затворив дверь, они наперебой принялись утешать девушку. Да, приступ; они такое на своем веку видели, и не раз; конечно, такие вещи непредсказуемы, но этот, кажется, не из самых тяжких. Ведь чувствительность в боку понемногу восстанавливается; герцог уже может и пальцами пораженной руки двигать, ну той, что правая. Сердце у него сильное,

и хотя он измучен и мысли у него все еще слегка путаются, но ведь заговорил же он! Медленно и невнятно, да, но со временем и речь восстановится. А пока лучше ему от разговоров воздерживаться, посоветовал гостинник, пусть спокойно полежит несколько деньков в постели, не вставая. Сейчас ему нужен лишь сон да еще душевное спокойствие.

Если бы леди Алиса сама переговорила с посланцем, позже она смогла бы успокоить отца. Ведь ему совсем нельзя волноваться.

— Посланец? Какой еще посланец? — резко переспросила Алиса.

— А вы не знали? Ах, ну конечно, вы же ушли спозаранку,— проговорил аббат.— Нынче утром из Розового замка прискакал всадник. Он на полчаса или около того затворился с вашим отцом перед службой. Сам я уже отправился в церковь, так что я его не видел. Но я вот все гадал про себя, а не привез ли он каких-нибудь недобрых вестей, что расстроили вашего батюшку. Брат Лука полагает, что, возможно, это и вызвало приступ, помимо прочих причин.

Алиса почувствовала, как от лица ее отхлынули все краски.

Дурные вести из Розового замка? Пожар? Кто-то умер?

— Мне нужно с ним повидаться. Прямо сейчас — можно? Он ведь еще здесь?

— Да.— Они уже спустились вниз по лестнице и теперь стояли у двери в покои аббата. Послушника, что прибирался в комнатах, поспешно отослали.— Сдается мне, он отправился подкрепиться. Леди Алиса, требуется ли вам мое присутствие во время этого разговора?

— Спасибо. Но... Все в порядке. Я отлично справлюсь. Вы очень добры, но мне не хотелось бы отрывать вас от ваших...

Девушка замялась. Слово «обязанности» к господину аббату как-то не подходило.

— От моего завтрака? — улыбнулся аббат.— А вам ведь тоже недурно бы подкрепиться, милое мое дитя. Прикажу подать для вас что-нибудь в монастырскую приемную. Отведите его туда и беседуйте себе с глазу на глаз. А, вот и он.

Алиса отчасти ожидала, что увидит Джошуа, но перед ней стоял Адам, один из домашних слуг. Он коротко пересказал новости, не то чтобы трагичные, однако нетрудно было догадаться, что человеку пожилому и обеспокоенному они вполне могли нанести тяжкий удар.

Граф Мадок, вместо того чтобы дождаться возвращения Анселуса, как ему, собственно, и было велено, уже заявился в Розовый замок. Он обосновался там с месяц назад и привел с собою отряд вооруженных воинов во главе с офицером, рассказывал Адам, и досадные беспорядки творятся и в помещениях для слуг, и в конюшнях, и даже вне дома, на землях имения, там, где гость проехался верхом через деревни. Разумеется, все герцогские люди знают, что граф Мадок помолвлен с леди Алисой и вскорости станет хозяином Розового замка, но даже так...

— Он со мной не помолвлен,— возразила Алиса; можно даже сказать, осадила слугу не без резкости.— О брачном контракте речь вообще еще не шла. Да и как можно, пока герцог не возвратился домой? Граф Мадок опережает события, но его нетрудно понять. Ну, так в чем беда? Бельтран прислал тебя с жалобой?

Бельтран был главным управляющим замка.

— Бельтран болен, госпожа. Ему уже давно недужилось, так что, когда прибыл ваш новый слуга, Джошуа, он был только рад и счастлив передать дела ему. Дельный такой юноша, этот иудей, и обходительный такой и, похоже, в хозяйстве недурно разбирается, раз приехал-то от пышного двора...

— Да, да. Ну, так что не заладилось?

— Так ведь Бельтран повелел нам всем слушаться распоряжений Джошуа, а сам с постели не встает, и мы бы всей душой, но до тех пор, пока милорд ваш отец домой не воротится, иудей распоряжаться не властен...

— Кто сказал? Когда Джошуа расстался с нами в Гланнавенте и поскакал в Розовый замок, мой отец вручил ему все необходимые письма. Все вы знаете, что он послан герцогом, а если и Бельтран назначил его главным управляющим, так Джошуа волен распоряжаться в замке по своему усмотрению. Кто-то оспаривает его права?

— Граф Мадок, миледи. Он уже поговаривает о том, чтобы прогнать его. Да и кое-кого из наших заодно.

— Да неужто? Граф Мадок полагает, что вправе прогонять слуг моего отца?

— Он пригрозил, миледи. А его люди уж больно много себе позволяют. Ведут себя в имении, точно дома. Люди... люди жалуются, миледи.

— На что же?

В первый раз за весь разговор слуга не поднял взгляда. Он пробормотал что-то себе под нос, созерцая запыленные сапоги.

Алиса негодующе набрала было в грудь побольше воздуху, но снова выдохнула и тихо проговорила:

— Адам, я не ребенок. А пока мой отец болен, в Розовом замке хозяйка — я. Жалобы? Ты имеешь в виду — от женщин?

— Ну, были случаи, что греха таить. Муженек Бет в драку полез, но это для него не новость. Однако не он один такой. Но дело-то не только в этом. Люди графа, они к вину больно охочи, вот и скандалят под пьяную руку. Но пока ничего серьезного не стряслось, госпожа, ничего такого, чтобы милорда подкосило бы так вот сразу и наповал. Просто... мы все думали, вы возвратитесь неделей раньше, а раз уж вы заехали сперва в монастырь, так Бельтран подумал, лучше оно будет, если милорд пришлет ему письмо, бумагу какую-нибудь, где прописано, что Джошуа и всем нам велено о порядке радеть, пока герцог не вернется. Вот и все вести, что я привез, и откуда ж было знать, что милорд так расстроится?

Алиса отвернулась, стремительно пересекла комнату и подошла к окну. Кулачки до боли стиснуты, сердце неистово колотится в груди — следствие накатившего гнева.

Девушка отлично знала, что именно так потрясло отца и повлекло за собою ужасный приступ.

Мадок, которому в заносчивости его не терпелось заявить свои права на Алису, а вместе с нею и на вожделенное богатое наследство, счел свои притязания бесспорными, еще не обсудив их толком, и был достаточно уверен и в ней, и в себе, чтобы позволить своим людям, как рассказывали, превратить ее дом в военный бивак.

Ну что ж, он изрядно просчитался.

В известном смысле то были добрые новости. Теперь нет нужды уговаривать герцога; ясно, что даже обсуждать этот брак он не станет. Пожалуй, что и иной союз одобрит? Теперь даже зимы ждать не придется, чтобы освободить отца от всех забот, чтобы тот с чистым сердцем вкусил монашеской жизни, предела своих мечтаний. Благодарение Господу, до чего легко окажется вернуть ему душевное спокойствие!

Алиса обернулась к слуге, и тот с изумлением заметил, что госпожа его улыбается.

— Ну что ж, Адам, ясно, что нам придется здесь задержаться, пока отец не поправится и не восстановит силы для обратного пути. Но я сделаю, что смогу. Я дам тебе письма для Бельтрана и Джошуа. Тем самым я наделю Джошуа полномочиями распоряжаться от моего имени и от имени моего отца до тех пор, пока Бельтран не поправится. Сомневаюсь, что Мадок закроет глаза на герцогскую печать.

Девушка снова улыбнулась, и Адаму на мгновение померещилось, что сквозь тучи вдруг пробился солнечный луч.

— Мне сказали, ты всю ночь скакал?

— Мне пришлось выехать с темнотой, госпожа, когда в замке уснули, и мчался я не останавливаясь, разве чтобы дать лошади дух перевести.

— Ты ведь подкрепился, я надеюсь?

— Да.

— Тогда, как отдохнешь, зайди ко мне за письмом и вели конюху оседлать для тебя одну из наших лошадей. И еще, Адам...

— Да, госпожа?

— Скажи дома, чтобы не слишком-то беспокоились; надо просто по возможности перетерпеть визит неприятных гостей, и все. И еще скажи, что отец уже пошел на поправку, а сейчас отдыхает и сил набирается. И что бы там в твоих известиях его ни огорчило, все тотчас же уладится, как только мы вернемся домой. Собственно говоря, уже уладилось.

В течение последующих трех дней Алиса не отходила от отца. Она послала сообщить Александру о случившемся и о том, что беседа его с отцом откладывается до тех пор, пока герцог окончательно не поправится.

Ответ принца гласил, что тот не собирается покидать монастыря до тех пор, пока не повидается с герцогом и не переговорит с ним. А тем временем, ежели в его силах чем-то помочь и сделать хоть что-нибудь, он остается преданнейшим из ее слуг.

Посланец — а это был Берин, герцогский паж,— был послан передать Алисины изъявления благодарности, не больше, но Берин (уже глубоко заинтересованный) добавил от себя, что госпожа его наверняка собирается побывать как-нибудь на церковной службе и присоединить свои молитвы о выздоровлении отца к горячим изъявлениям монахов и монахинь.

Так что Александр ревностно посещал церковь утром и вечером, а днем выезжал проехаться, чтобы конь не застаивался.

И на третий вечер юноша был вознагражден лицезрением леди Алисы у вечерни, а также улыбкой и несколькими краткими словами, когда по окончании службы девушка заторопилась назад в комнату больного. Она казалась усталой, слегка побледнела, однако облик ее дышал все тою же прелестной безмятежностью.

Отцу уже лучше, сообщила леди Алиса, он с каждым часом набирает силы, и ноги и руки его слушаются все лучше, а говорит герцог пусть пока и медленно, но внятно и разборчиво. Ежели принц Александр по-прежнему желает переговорить с ним...

Желает.

Тогда, наверное, ждать уже недолго. Дня два-три. Он ведь здесь еще будет?

Будет.

И Александр весело возвратился в конюшни, где в последние дни просто-таки дневал и ночевал в отрадном обществе своего коня и послушника, исправляющего обязанности конюха. Но лишь когда тот, шикая на мулов, спросил у юноши, побывал ли он в церковном святилище, где Хлодовальдов Грааль хранится ныне в роскошной апсиде, богато изукрашенной резьбою и под балдахином, юноша с запозданием осознал, что напрочь позабыл об этой чаше, равно как и о любой другой.

Кроме разве того Грааля, что стал сокровенным желанием его сердца.

Глава 33

Два дня спустя герцогский слуга явился к Александру — тот как раз завтракал,— сообщил, что господин его желает с ним увидеться, и вызвался сопроводить юношу к кровати больного.

Александр, поднимаясь вслед за слугой по широкой лестнице аббатова дома, с изумлением отметил, что заметно нервничает. Если не считать сношений с королевой Морганой, юношеская его самоуверенность редко бывала поколеблена, но эта беседа... он обнаружил, что понятия не имеет, что говорить и как, и знает лишь, что говорить придется. Сношения с королевой Морганой; вот тут-то и таилась загвоздка.

Александр не смел даже задуматься о том, что Алиса уже поведала отцу касательно этой истории и как воспринял услышанное герцог. Но герцог Ансерус — отец Алисы, и он должен узнать всю правду.

Юноша вдохнул поглубже, расправил плечи и, минуя склонившегося в поклоне слугу, переступил порог опочивальни.

Герцог полусидел в постели, обложенный подушками.

Просторную комнату заливал солнечный свет, окна выходили на заливные луга и мельницу. Меблировка сделала бы честь дому владетельного лорда — впрочем, таковым аббат и являлся, ибо приходился кузеном какому-то из мелких королей Уэльса. На окно пошел превосходный рог, а тканые драпировки изумляли искусством работы. Лишь снабженный подушками аналой да висящий над ним крест напоминали о том, что здесь монастырские покои.

Александр поклонился, произнес подобающие слова приветствия.

Старик улыбнулся и указал гостю на кресло, поставленное между кроватью и окном.

— Дочь говорит, вы сын Бедуина Корнуэльского? Помню такого. Я-то с ним не встречался, но отзывались о нем всегда хорошо. Таким отцом всякий вправе гордиться. Я так понимаю, матушка ваша еще жива?

И вот Александр заново пересказал историю об убийстве отца и об их бегстве от двора короля Марка. И о том, как мать его поклялась, что в один прекрасный день сын отомстит за отца.

— Так за этим вы и отправились в путь?

— Не совсем так, сэр. Я бы, конечно, поехал, но матушка не позволила. Не то чтобы ее любовь и скорбь по отцу стихли с годами, но... она сказала, что с тех пор в Британии многое переменилось. Есть иные способы призвать на голову короля Марка позор и, возможно, смерть. Мать не отпустила меня в Корнуолл, но велела скакать в Камелот и представить дело на суд верховного короля.

— Ах вот, значит, почему вы едете на север через Регед? — отозвался герцог, улыбаясь.— Нет же, мальчик мой, я знаю, зачем вы здесь. Я уже наслышан от дочери о вашем пребывании в Темной башне — настолько, насколько вы сочли нужным ей о том рассказать. Только не думайте, что я забросаю вас камнями! Некогда, давным-давно, я сам был молод и натворил немало греховных глупостей, о которых теперь и вспоминать не хочу... Но сдается мне, даже через зло Господь направляет нас на должный путь.

Герцог умолк и откинулся на подушки, словно в изнеможении, но едва Александр поднялся, собираясь уходить или кликнуть монахиню, что дожидалась снаружи, Ансерус предостерегающе поднял руку.

— Нет же, все в порядке. Я не устал, просто медлителен сделался. И на слова не скор, как сами вы слышите, и на мысли — тоже. Мне говорят, что со временем это пройдет, да только боюсь, что роскошь эта — время, то есть,— не для меня.

Тут Александр попытался возразить, но герцог с улыбкой покачал годовой.

— Спасибо, конечно, да только я не о смерти толкую. До того я собираюсь еще многое успеть! А говорю я про сегодня и про сейчас и о том, что должно сделать вот сейчас, немедленно, а я, увы, не в состоянии! — Ансерус вдохнул поглубже и, словно это прибавило ему сил, кивнул довольно живо и решительно.— Да, мне нужно многое сказать вам, принц Александр, и о многом спросить. Но сперва не нальете ли вы вина? Оно вон там, на столе, и да, пить мне можно, иначе, уверяю вас, моя кроткая доченька держала бы его под надежным замком... Благодарствую. Выпейте и вы со мною. А теперь присаживайтесь, если угодно, и расскажите мне всю эту историю, кою уже поведали моей дочери. Может, мне вы откроете больше, чем ей? Я должен знать все, от начала до конца. Дело это затрагивает меня куда ближе, чем вы думаете.

Так что Александр снова пересказал все свои приключения, на сей раз и не пытаясь чего-либо скрыть. Нужно помнить, что юноша никогда не знал ни совета, ни даже общества отца. И теперь он вдруг обнаружил, что говорит куда свободнее, чем даже с Барнабасом в Крайг-Ариане. По мере того как юноша рассказывал, герцог то и дело вставлял вопрос-другой, так что, когда принц наконец умолк, никаких недоговоренностей промеж них не осталось.

Герцог Ансерус сразу перешел к главному, точно так же, как и Алиса.

— Эти «советы» королевы Морганы. Вы помните всех, кто был с нею?

— Думаю, да. Я не всех знал по именам, лишь ближайших ее сообщников, тех, что в восточной башне, да.

— И вы слышали имя Мадока.

— Да, сэр. Правда, только однажды, когда граф Ферлас беседовал с королевой.

— Значит, в Темной башне его не было?

— Нет, сэр. Но я так понимаю, что прежде там бывал и он. Он уехал на север по какому-то делу королевы. Понятия не имею по какому; я знаю лишь то, что сказал Ферлас. Но не на поиски Грааля, это точно. Эта миссия — для глупцов, не представляющих никакой ценности,— горько докончил Александр.

— Ну что ж,— улыбнулся Ансерус,— вот вам один глупец, который сумел-таки отрешиться от собственного безрассудства, а ведь когда то же самое произошло со мною, я был на много лет старше вас! Право же, мальчик мой, забудьте об этом! Думаю, теперь для вас все изменится. Налейте мне еще вина и, будьте так добры, выслушайте, о чем я вас попрошу.

Александр послушно подлил больному вина. Старик откинулся на подушки и помолчал немного, вертя в руках кубок: пальцы его двигались неспешно и казались совсем хрупкими, однако ничуть не дрожали. Когда же он заговорил, казалось, что и голос его вдруг окреп.

— Вы будто бы сказали моей дочери, что, хотя вы через обет и клятву посвятили себя двум разным миссиям, ни тем ни другим путем дальше следовать не можете. Один из них — неразумие, утверждали вы, а второй — грех.

Герцог умолк, пригубил вина, затем отставил кубок в сторону.

— Что до пути греховного, эту миссию поручила вам ведьма, жаждущая завладеть силою, на которую у нее нет ни тени права. Так что об обете своем вы можете забыть, и забыть с честью. Ибо даже если бы вас не заставили дать клятву при помощи обмана и колдовских зелий, нельзя с честью совершать грех вынужденный. Вы меня понимаете?

— Да, сэр.

— Что до второго пути: клятва мести принесена вашей матушкой много лет назад и теперь принуждает вас уничтожить убийцу вашего отца; так и о ней тоже вы вправе позабыть.

— Сэр, как можно? Разве это не священный долг, пусть даже...

— «Мне отмщение, Я воздам»*,— мягко процитировал герцог.

— Сэр, если вы под этим разумеете, что я должен оставить этого дьявола Марка в покое, предоставив Господу вершить свой суд...

---

* Послание к римлянам, 12, 19.

— Господь уже нанес удар свой. Вот что я разумел. Весть достигла меня, едва мы сошли с корабля. Король Марк прикован к постели недугом, и все говорят, что он не доживет до конца года. Вам нет нужды ему мстить. И от этого обета вы тоже освобождены, и с честью.

Александр глядел на собеседника во все глаза, не говоря ни слова.

Позже придут облегчение, радость, окрыляющее ощущение свободы, но сейчас освобождение словно создало пустоту.

В мыслях его эхом отдавался вопрос: что теперь?

Ехать ли ему искать Друстана в унылых северовосточных краях, и зачем бы, если Марк умирает?

Или повернуть на юг и отправиться в долгий путь к Камелоту, чтобы, скорее всего, сражаться под знаменами верховного короля в войнах, что собираются, точно грозовые тучи, на большой земле?

Или же — и теперь этот выбор казался юноше наименее привлекательным из всех — вернуться домой, в маленький, точно игрушечный, Крайг-Ариан, под ласковую, но неоспоримую власть матери?

А как же Алиса?

Его надежды, что прежде казались столь бесспорными, столь лучезарными, растаяли как туман, пока длилась беседа.

Герцог обошелся с ним по-доброму, но какой же отец благосклонно примет его искания после всех этих недель, проведенных в Темной башне?

Честь требовала признания, и теперь у него не осталось ничего, кроме чести.

А герцог между тем заговорил снова:

— Похоже на то, что Марково королевство в Корнуолле принадлежит вам по праву, ежели, конечно, вы намерены на него притязать. А намерены ли?

Александр замялся, но лгать не стал.

— Даже не знаю. Наверное, вряд ли. Матушка мне про него рассказывала: суровое королевство, суровые соседи. А спустя столько лет для меня эта земля — чужая.

— Значит, вы вернетесь в этот ваш Крайг-Ариан и станете хозяйствовать на своей земле?

— Думаю, да. Хотя, пока там матушка и Барнабас, еще один хозяин в замке вроде бы ни к чему.

— Ежели так, то ваш меч пригодился бы мне, Александр,— молвил герцог.

Фраза эта прозвучала небрежно, почти равнодушно. Потребовалось несколько бесконечно долгих секунд, чтобы смысл сказанного дошел до сознания юноши.

— То есть мне проводить вас до дому? Или... или вы разумеете сам Розовый замок? Чтобы я поступил к вам на службу?

— И то и другое. Много ли моя дочь рассказала вам о своем доме?

— Только то, что Розовый замок — самое прекрасное место в мире и что сердце ее всецело принадлежит ему — и вам, милорд.

— А поминала ли она, что вскорости я удалюсь на покой, к жизни, о которой давно мечтаю,— к уединению и молитвам? Я намерен затвориться в монастыре.

— Да, она говорила что-то в этом роде при первой нашей встрече, но тогда я не знал вас, так что и внимания не обратил.

— Тогда послушайте меня сейчас. Прежде чем я приму вашу службу, вам должно кое-что узнать. У меня есть наследник, младший сын отдаленного родича, ныне покойного. Старший его брат владеет землями на севере, а младший — безземельный. Отбывая в Тур, я отправил ему письмо, предлагая встретиться и обсудить возможность брачного союза. В ту пору он был в отъезде; мне не сказали где, но, кажется, я знаю и сам. Так вот, я собирался вернуться к этому делу, как только снова окажусь дома.— Пауза.— Вы, возможно, уже слышали о случившемся. Несколько дней назад я получил известия о том, что человек этот уже обосновался в Розовом замке вместе с отрядом своих воинов и, кажется, уже почитает себя — это по словам моих слуг — хозяином имения.— Новая пауза.— И хотя ничего еще не решено и даже разговора о том не велось, он полагает, будто помолвлен с моей дочерью и вскорости назовет ее женой.

— Нет! — яростно вознегодовал Александр.

В следующий миг юноша охотно взял бы назад неосторожное восклицание, но герцог только искоса глянул в его сторону, явно забавляясь.

— Вот именно, что нет. Хоть он и приходится мне отдаленной родней, не хотел бы я, чтобы дочь моя носила его имя. А вам оно, я так понимаю, известно. Мадок из замка Банног-Дун.

— Тот самый? — задохнулся Александр.

— Тот самый.

— Так вот что за дело увело его на север от Темной башни?

— Полагаю, да. Вы рассказывали, что королева отослала Мадока на север с каким-то поручением, а граф Ферлас вернулся с известием, что тот «уже вступил во владение, и все идет хорошо». Речь, полагаю, идет о браке и о передаче Розового замка.

— А королеве в том какая корысть? Ей нужно, чтобы один из ее людей утвердился в тех краях, завладел крепостью в самом центре Регеда?

— Здесь мы можем только гадать. Но, наверное, вы правы.

— И он уже там и «вступил во владение»! Скажите, сэр, а может ли граф Мадок удерживать замок против вас? Может ли он воспрепятствовать вашему возвращению?

— Вот в этом я сомневаюсь. Людей с ним немного, а мои слуги ему не пособники. Кроме того, пока он и не подозревает о том, что мне известны его замыслы. Надо думать, Мадок рассчитывает, что его примут как сговоренного жениха моей дочери. Но ежели он откажется уехать по моему слову и если он призовет своих союзников — ну что ж, я уже немолод и прихварываю, так что изрядно опасаюсь за своих подданных.

— И потому вам нужен мой меч. Конечно же, он в вашем распоряжении! — с нетерпеливым исступлением воскликнул Александр.— Но что до леди Алисы... Вы говорите, этот брачный союз предполагался и обсуждался, но ведь договоренности не было? Она ни словом о нем не поминала, даже при том, что... я имею в виду, хочет ли она... дала ли она согласие?

— Да, дала. Из чувства долга. Но от долга этого,— улыбнулся герцог,— дочь моя отказалась без всякого сожаления. И сама завела речь об ином браке. Алиса объявила мне, что выходит замуж за вас. С вашего согласия, разумеется? Нет, мальчик мой, отвечать не обязательно. Вы лучше дух переведите и налейте себе еще вина.

Глава 34

Два дня спустя, еще одним прелестным летним утром они обвенчались в монастырской часовне. Обряд совершил сам аббат Теодор. Впервые после приступа герцог покинул свою опочивальню, и, хотя движения его были по-прежнему замедленны, на ногах он держался вполне твердо, а при виде счастья дочери старик испытал такое облегчение, что глаза его засияли и вовсе

по-молодому. К алтарю юную чету сопровождал серьезный отрок в белом одеянии послушника — Александр не встречал его прежде, но юноше дали понять, что это и есть Хлодовальд, франкский принц, тот, что приехал из Тура вместе с герцогом и привез с собою реликвию, которую сам называет Граалем, дабы передать ее на сохранение в обитель Святого Мартина.

После венчания состоялась краткая служба, а затем, помолившись и возблагодарив Господа, новобрачные уселись за стол вместе с аббатом, герцогом и принцем Хлодовальдом в аббатской гостиной, в то время как во дворе люди герцога готовились к отъезду, назначенному на тот же день. Гостинник, правда, настоятельно отговаривал больного, но теперь герцогу не терпелось отбыть, так что он согласился путешествовать в Алисином паланкине. А сама девушка была только рада ехать верхом рядом со своим новообретенным супругом по дороге — ох, какой же бесконечно долгой дороге! — домой.

Бесконечно долгой, потому что решено было — почти что негласно,— что первую брачную ночь должно отложить до прибытия в Розовый замок. Для супружеских утех монастырь — место неподобающее, а постоялых дворов на пути встречалось немного, и все — не из лучших. Ехать, памятуя о здоровье Ансеруса, предстояло медленно, заночевав в пути по меньшей мере раз, и трудно было сказать наверняка, сколько миль проделает кавалькада, прежде чем герцогу потребуется остановка и отдых. Более того, Алиса искренне считала, что будущему лорду Розового замка должно назвать ее своею, а вместе с нею — и ее обожаемый дом, под кровом этого самого дома.

В замок загодя послали гонца с известием об их скором прибытии. И ничего более — ни слова о браке, ровно столько, сколько нужно, чтобы все вассалы и отчасти поселяне собрались в замке по обычаю своему, дабы приветствовать возвращение герцога. Им-то он и собирался тотчас же объявить о замужестве своей дочери, а затем явить людям их нового господина.

Хотя для графа Мадока все это должно было обернуться тяжким ударом, Ансерус никоим образом не считал, что весенний обмен письмами его к чему-то обязывает. Ни одна из сторон не связала себя словом, а то, что Мадок в заносчивости своей узурпировал хозяйскую власть, не оставляло места сомнениям, что обитатели имения, равно как и соседи, поддержат герцога и помогут ему избавиться от захватчика. Как бы ни был Мадок разочарован и зол, он мало что мог, находясь в замке на положе-

нии гостя, с жалкой горсточкой своих людей. Ансерус, который в жизни своей никого не боялся, не испытывал страха и перед молодым своим родичем. Не исключено, что завяжется словесная перепалка; возможно, зайдет речь и о нарушении обещания, но в ответ прозвучит слово куда более опасное, «предательство», а после того что Мадоку останется? Лишь смириться с неизбежным, сообщить королеве Моргане о своей неудаче, а затем возвратиться в собственные края и там строить козни противу мирного королевства, прекрасно сознавая при этом, что и про интриги королевы, и про его собственные интриги знают и в любой момент могут доложить королю.

А что уж там подумает королева Моргана, обнаружив, что ее замыслы касательно Розового замка потерпели крах и виной тому — не кто иной, как Александр, игрушка в ее руках, помянутого молодого человека нисколечко не занимало. Соблазн утратил силу. Иная магия подчинила его себе. Поиски его почти завершены, и собственный Грааль завоеван.

И вот кавалькада тронулась по дороге на север, смеясь и ликуя и провидя впереди лишь счастливое будущее и исполнение всех желаний.

Погода стояла ясная, ехали путники мирно, без всяких происшествий — настоящее свадебное путешествие, радостно говорила Алиса,— и со временем поднялись на лесистый холм, откуда открывался вид на долину реки Иден.

Солнце как раз садилось, одетое текучей вуалью прозрачного, шафранного цвета облака. И столь же ослепительно сияли деревья и заливные луга — их пышное по летней поре убранство отливало зеленоватой бронзой и золотистой бронзой, и тут и там взгляд различал черный проблеск остролиста и ели, и все на свете — и лес, и изгородь, и каменную насыпь — заходящее солнце обвело четким контуром фиолетовых и темно-индиговых теней. И тут и там прохладным блеском вспыхивала река, что, изгибаясь, текла через луг и поросшие лесом, пышно вздымающиеся холмы.

— Розовый замок вон там,— указала Алиса.

Они с Александром ехали чуть впереди кавалькады.

— Далеко ли?

— Еще миль десять. Завтра еще до полудня доберемся. Славно, что сегодня так далеко доехали.— Девушка снова указала рукою.— Вон там, за буковой рощей, на дне долины, стоит не-

большая обитель, где нас охотно приютят на ночь. Кстати, нас там ждут. Мы обещали завернуть туда на обратном пути, а час назад я отправила вперед Берина.

— Как, опять монастырь!

На сей раз в голосе его — а владел им юноша далеко не столь хорошо, как его дама,— отчетливо прозвучала досада нетерпеливого влюбленного, и на щеках Алисы заиграли ямочки.

— Да, так. В известном смысле, наш собственный, а теперь и твой тоже. Там похоронена моя мама.

— Прости меня.

— Нет нужды извиняться. Сюда я совершила первое в своей жизни паломничество — так мне рассказывали — в двухлетнем возрасте. Отец всегда сюда ездит по особым датам,— в годовщину их свадьбы, в день ее рождения, и в мой тоже, он же день ее смерти. Думается мне, что для него это — место, где они видятся и по сей день.

— Тогда я бы предположил, что герцог затворится здесь, рядом с твоей матушкой и ближе к дому, а не в какой-то там обители Святого Мартина.

— Это женский монастырь.— Встретив взгляд мужа, Алиса звонко рассмеялась.— Да, дорогой господин мой и лорд, боюсь, что вас и всех прочих даже на порог не пустят!

— А ты и твои прислужницы станут почивать в тепле, на мягких перинах! Ну что ж, примирюсь и с этим,— отчетливо произнес Александр,— но лишь на одну-единственную ночь. А после того, дражайшая моя супруга, ежели хоть кто-нибудь, аббат ли, монахиня или сам верховный король еще раз попытаются помешать мне уснуть в твоей постели...

— Никто и не дерзнет. А вон и монастырь, видишь? Ну разве не прекрасен этот розовый камень? Среди деревьев он точно в оправе. Вот и Розовый замок так же выстроен. Не вернуться ли нам назад, посмотреть, как там отец? Ох, и еще, Александр...

— Любовь моя?

— Когда мы доберемся до Розового замка, обещаю тебе, что перины там и впрямь мягкие!

Александр развернул коня и бок о бок с женой поскакал назад, к герцогским носилкам.

— Иного я и не ждал,— со смехом отозвался он и добавил, но уже не вслух: — Да только крепко уснуть мне вряд ли придется, ненаглядная моя Алиса!

Глава 35

Когда наконец вдали показался Розовый замок, обнаружилось, что граф Мадок, принарядившись, как и подобает хозяйскому родичу, дожидается у ворот. А при нем — отряд его людей, и все, как нетрудно заметить, в полном вооружении. Позади, во внутреннем дворе, у лестницы, ведущей к парадному входу, стоял управляющий замка Бельтран — выздоровевший, с ключами в руке, а вокруг него теснились обитатели замка. Толпа сошлась многолюднее, чем обычно,— тут и земледельцы-арендаторы со своими поденщиками, и работники усадьбы, и конюхи, и домашняя прислуга,— словно Бельтран, чуя недоброе, постарался собрать как можно больше герцогских подданных. А рядом с ним высился Джошуа, облаченный в подобающие его званию одежды (надо думать, женщины замка постарались!), вроде тех, что он носил в бытность свою управляющим при королеве Хродехильде.

Герцогский паланкин несли во главе процессии; по обе стороны от него ехали Алиса и Александр. Когда маленький отряд в полдень остановился подкрепиться, Ансерус принялся настаивать, чтобы последний отрезок пути проделать верхом; чтобы попусту не тревожить своих вассалов, сказал он, хотя Алиса про себя заподозрила, что отец не хочет выказывать никаких признаков слабости перед Мадоком. Но в конце концов герцог согласился-таки завершить путь так же, как и начал,— ведь путешествие и впрямь его утомило. Паланкин, правду сказать, походил скорее на парадный выезд венценосной особы, нежели на носилки больного. Герцог восседал среди подушек, с достоинством выпрямившись; занавеси предусмотрительно отдернуты, дабы все видели, что он полностью и даже великолепно одет, на груди переливается драгоценное ожерелье, а на руке соцветием мелких рубинов сверкает великолепное герцогское кольцо.

Едва кавалькада приблизилась к воротам, Мадок выступил вперед. Он скользнул любопытствующим взглядом по принцу, не выказывая ни опасения, ни даже интереса (значит, слухи о браке до замка еще не дошли, подумала Алиса), затем, уделив ничтожную толику внимания девушке, устремился к паланкину.

— Кузен! Добро пожаловать!

Подобное приветствие уместно было бы в устах родича и равного, но не в устах гостя, встречающего хозяина. Герцог, ответствовав с церемонной вежливостью, протянул украшенную кольцом руку, и Мадок, долю секунды поколебавшись, склонил голову и коснулся кисти губами, а затем вопросил, изображая неподдельную тревогу и возвысив голос так, чтобы слова его были услышаны в самых дальних уголках двора:

— Но вы захворали? Или, может статься, ранены? Ваш посланец ничего нам о том не сообщил. Клянусь богами, дражайший кузен, как удачно, что я оказался здесь и обо всем позаботился...

— Я не хвораю и не ранен, благодарствую.— Холодный голос герцога, в свою очередь, разносился по всему двору.— Только состарился и устаю быстрее, чем прежде. Не подадите ли мне руку?

Вот так герцог, не выказывая никаких признаков недавней слабости, твердым шагом, с достоинством и величаво прошествовал во двор, опираясь на руку своего родича, а спутники его — следом. Людям Мадока поневоле пришлось пристроиться в хвосте. Когда же герцог, взойдя по высоким ступеням, высвободил руку и его тут же окружили слуги и домочадцы, улыбаясь, приветствуя, расспрашивая, Мадоку ничего не оставалось делать, как только уступить дорогу напирающей, ликующей толпе и ограничиться ролью наблюдателя, пока герцог в сопровождении Алисы и юного незнакомца поднялся на верхнюю ступень и развернулся лицом к народу.

Призывать к тишине не пришлось. Всем мужчинам не терпелось узнать, кто этот юный незнакомец в запыленной одежде и с осанкою принца, у бедра которого поблескивает достойный принца меч. И не было в толпе такой женщины, которая не разглядела бы колечка на Алисиной руке, и не отметила бы про себя, как ярко сияют глаза молодой госпожи, и не сделала бы правильных выводов.

А герцог тем временем заговорил — непринужденно, точно обращаясь к друзьям:

— Простите, что буду краток, но я и впрямь недавно прихворнул, да и притомился изрядно, ведь для старика моих лет путешествие — труд непосильный. Но теперь я здесь, дома, вместе с вами, так что чего мне страшиться? Тем паче что у меня для вас великие новости.— Ансерус взял Александра за руку и вывел его вперед вместе с Алисой.— Позвольте явить вам того, кто после меня станет править здесь, в Розовом замке. Он супруг вашей госпожи и моей дочери Алисы, а зовут его Алек-

сандр. Принц Александр, единственный сын принца Бодуина Корнуэльского и леди Анны из замка Крайг-Ариан, что в долине реки Уай. Нет, еще минутку, добрые люди! Еще минутку! Первым поцеловать мою дочь в щеку и поприветствовать жениха должен мой возлюбленный родич, граф Мадок, тот, кто управлял замком в мое отсутствие. Мадок?

Все было проделано мастерски, под стать победному возвращению в целом. Однако Алиса, подставляя щеку для ритуального поцелуя и наблюдая, как Мадок приветствует Александра, почувствовала, как по спине у нее пополз холодок страха,— вот так у сторожкой кошки шерсть встает дыбом.

А в следующее мгновение были смех, и возгласы, и приветствия, и всеобщее ликование. Алисе удалось-таки, невзирая на поцелуи и счастливые слезы своих прислужниц, пробраться поближе к отцу и напомнить больному о том, что пора отдохнуть и прилечь. Но герцог еще не все сказал, и со временем вновь воцарилась тишина и он смог докончить свою речь.

— Спасибо, друзья мои, спасибо! Думаю, теперь всем нам пора заняться делом. Граф Мадок, еще раз добро пожаловать! Ежели вы уповали на иной итог своего путешествия, мне очень жаль. Я никак не ожидал, что вы прибудете в замок до меня; я собирался сообщить вам добрую новость в письме, дабы избавить вас от ненужных хлопот, но теперь...— Герцог, улыбаясь, развел руками.— Боюсь, что стрелы любви бьют наугад, с нами, как водится, не считаясь,— так что обсуждать нам уже нечего, а мне нечего больше прибавить, кроме, разве, поблагодарить вас за заботу о моих людях в мое отсутствие. Уповаю также, что вы и ваши люди отпразднуете с нами счастливое возвращение.

Мадок, бледный от гнева, тем не менее вполне владел собою. Он попытался было что-то сказать, но герцог, по-прежнему улыбаясь, поднял руку.

— Позже, дражайший родич, мы побеседуем позже, а теперь, с вашего дозволения, мне нужен отдых.— И Ансерус вновь развернулся к толпе.— Слушайте, друзья мои! Когда моя дочь и принц Александр сочетались браком в монастыре Святого Мартина, они дали обет в том, что в полной мере супругами станут в Розовом замке. Так что нынче вечером, ежели дозволите, мы устроим свадебный пир, и прошу всех вас быть на нем гостями! А после того невеста вступит на брачное ложе — здесь, в своем доме, и да пребудет с нею Господне благословение и наша любовь!

При этих словах снова поднялся шум, но ненадолго. Герцог вошел внутрь, а Алиса, зарумянившись, со смехом увлекла Александра следом. Повара же и слуги вдруг вспомнили, как мало часов остается на то, чтобы приготовить брачный покой и свадебный пир, кои сделают честь их госпоже и им самим.

И все это время граф Мадок улыбался не переставая и холодным взглядом следил за происходящим, а люди его застыли на месте, точно солдаты, которым не с кем и негде сразиться. Но вот Мадок сказал несколько слов командиру, и воины его, покинув двор с его веселой суматохой, ретировались в отведенные им покои у башни.

Глава 36

Словно для того, чтобы в ту ночь не утратилось ни единой частицы красоты и радости, луна выдалась полная, и взошла она поздно, абрикосового оттенка, среди бесчисленных ярких звезд. Но ни Алиса, ни Александр луну со звездами даже не заметили, хотя окно их спальни выходило на небо. Причем даже тогда, когда, в самые глухие часы перед рассветом, влюбленные наконец-то уснули, подобно прочим обитателям замка, и луч, угасающий серебром, наискось лег на постель и засиял прямо в глаза Александру.

Одно это его бы не разбудило. Молодой человек заворочался, пробормотал что-то, привлек жену ближе, но тут сквозь одурманенный любовью сон пробился звук, слабый, но настойчивый, и Александр недовольно открыл глаза.

Звук повторился. За дверью кто-то был. А теперь к стуку добавился еще и голос, тихий, но настойчивый.

— Милорд! Милорд Александр!

Любого, кто вторгается к людям в такую ночь, должно повесить, смутно подумалось Александру. Но ведь тот, кто на такое пойдет — в мыслях его мгновенно прояснилось, едва молодой человек выскользнул из теплой постели и пронизывающий рассветный воздух холодом обдал его обнаженное тело, точно ледяной душ,— непременно должен иметь некую очень вескую причину. И значит это только одно (тут Александр схватил халат и запахнулся в него), значит это только одно: стряслась серьезная беда.

За дверями стоял Джошуа. В дымном свете факела, закрепленного на стене, лицо его казалось бледным и напряженным.

— В чем дело? Что-то с герцогом?

Джошуа метнул опасливый взгляд мимо Александра, туда, где мирно спала Алиса, и взволнованно зашептал:

— Очень возможно. Нет, он не болен, но, сдается мне, ему угрожает опасность, равно как и вам. Прошу прощения за то, что потревожил, но, кажется, нам необходимо поговорить.

— Опасность? Угрожает герцогу?

Днем Александр, разумеется, с любопытством и оценивающе приглядывался к графу Мадоку — и во время сцены во внутреннем дворе, и после, в пиршественной зале,— но увидел лишь то, что граф, хотя поначалу не вполне смог скрыть вполне понятную досаду и гнев из-за провала своих матримониальных планов, довольно скоро вроде бы успешно овладел собою; и на свадебном пиру, восседая по левую руку от герцога, вел себя сдержанно, однако с улыбчивой, тщательно выверенной учтивостью. Ничего больше Александр не разглядел; взгляд его был прикован к Алисе и только к ней, а мысли занимало лишь приближение ночи. Молодой человек даже не задумался, что, собственно, произошло между Мадоком и герцогом во время их беседы с глазу на глаз сразу после пира.

— Нет, подожди. Вон туда,— тихо проговорил Александр.

Он неслышно прикрыл за собою дверь опочивальни, взял иудея под руку и увлек через весь коридор к проему в стене, где сквозь окно тянуло рассветной прохладой.

— А теперь рассказывай. Ты начал говорить про графа Мадока?

— Про кого же еще? Милорд, будь причина не так важна, я ни за что не стал бы тревожить вас нынче ночью, и то я откладывал до последнего...

— Не бери в голову. Продолжай. Что тебе известно?

— Только то, что граф сделает что угодно, на что угодно пойдет, лишь бы завладеть здешними землями. Бельтран много о чем мне порассказал, из того, что здесь творилось, но это уже не важно. Из того, о чем должна была идти речь нынче вечером между ним и герцогом Ансерусом, я знаю лишь одно, потому что мне предстоит отдать все необходимые распоряжения. Графу придется уехать, хотя не сразу, а через день-другой. Это лишь

дань вежливости. Но завтра ему должно отослать своих воинов, чтобы они дожидались своего лорда за пределами замка.

— Право? И герцог сумеет его принудить?

— О да. Но разве вы не видите, что это значит? Если граф нанесет удар, то только нынче ночью.

— Нанесет удар? Но что он может?

Однако молодой человек угадал ответ заранее, еще до того, как Джошуа заговорил снова:

— Вам доводилось слышать про «молодых кельтов»?

— А,— тихо вздохнул Александр.— Да, разумеется. И они... она... кто бы уж там ни заправлял,— в самом деле рассчитывают, что он так или иначе завладеет Розовым замком?

— Думается, да. Понятно, что выбор пал на Мадока: он — наследник, а брак тем более упрощал дело. Я мало знаю о вашей стране, милорд, но я так понял, что замок расположен крайне выгодно: пожалуй, отсюда возможно контролировать северную дорогу или западный порт, где мы высадились с корабля?

— Это мне тоже неведомо, но... наверняка ведь он не станет ничего предпринимать сейчас? Даже если бы на пути не оказался я, в беседе герцог наверняка ясно дал понять, что знает о связях графа с заговорщиками и что о леди Алисе ему нечего и думать. Можно ли измыслить причину более вескую для того, чтобы отказать графу в так называемых правах на руку дочери и вручить ее мне? Чего ты боишься? Или еще что слышал?

— Ничего определенного. Но я случился рядом, когда пришли известия о том, что герцог возвращается из обители Святого Мартина, и я наблюдал за графом в тот миг, когда герцог представил вас как супруга леди Алисы. После того — пока все готовились к пиршеству — я пошел следом за графом Мадоком, посмотреть, что он станет делать. Что-что, а убийцу я с первого взгляда узнаю, милорд. Он отправился переговорить со своим капитаном, и хотя из разговора я ни слова не слышал, я видел их лица. Тогда я попытался предостеречь Бельтрана, но тот был всецело поглощен мыслью о браке и по уши занят приготовлениями к пиру... кроме того, он мне не поверил. Бельтран — человек простодушный, и для него замок, после того как он мирно прожил в нем всю жизнь,— воплощение мира и покоя. Да, в последнее время всякое бывало, но теперь, когда герцог вернулся, и представить себе невозможно, чтобы кто-то вздумал безобразничать. Притом,— ровный, с легким акцентом голос даже не

дрогнул,— Бельтран отнюдь не склонен принимать на веру все то, что я, чужестранец и иудей, скажу про родича его господина. Вот я и пришел к вам.

— Ну и что ты мне посоветуешь делать?

— Сэр...— Вот теперь голос изменился; в нем зазвучало облегчение и требовательная настойчивость.— Сэр, может быть, вы заглянете к герцогу? Они с графом Мадоком давным-давно переговорили и разошлись по опочивальням. Я дождался конца беседы и сам проводил милорда в его покои, и сейчас все вроде бы благополучно, но там при нем только один слуга, а он обычно спит в передней, в пределах слышимости. Я подумал, что у покоев выставят стражу, но нужды в ней никогда не возникало, вот никто об этом и не подумал. Так что, сэр, ежели вы побудете там недолго, пока я разбужу кого-нибудь из свиты герцога, чтобы подежурили у дверей? А для этого мне нужно сослаться на вас. Я уже побывал в восточной башне и повернул ключ в замке. Если окажется, что ничего такого не замышлялось, люди графа ничего не узнают. А с рассветом я отопру дверь.

— Вот и хорошо. Ты все сделал правильно. Я уже иду. Вот только оденусь и меч захвачу. И еще... если миледи проснется и обнаружит, что меня нет... и подумает, что отец ее в опасности...

— Я разбудил Мариам. Она здесь, со мной. Она побудет с миледи, на случай если та проснется. Помолимся же Господу, в коего все мы веруем, что беспокоить ее не придется и что все наши предосторожности окажутся ни к чему!

— Для того разве, чтобы испортить мне брачную ночь!

— Будем надеяться, что вы возвратитесь задолго до того, как миледи проснется,— промолвил Джошуа и тихонько позвал: — Мариам? Иди сюда.

Девушка дожидалась в тени чуть дальше по коридору. Пока Александр ходил за одеждой и оружием, она подбежала к Джошуа, шепотом ответила на какой-то вопрос, приподнялась на цыпочки, поцеловала юношу, а затем тихонько проскользнула в опочивальню, к постели госпожи. Алиса даже не шелохнулась. Александр, одевшись, с мечом наголо, махнул рукою на прощание и столь же бесшумно скрылся за дверью.

Джошуа уже исчез. Александр бросился бегом по коридору к герцогским покоям. Замшевые комнатные туфли его ступали совершенно неслышно.

Глава 37

Герцогские комнаты располагались в южной части замка со стороны фасада, так что, чтобы до них добраться, Александру пришлось добежать до угловой башни и на ощупь (ибо на винтовой лестнице свет не горел) преодолеть дюжину ступеней, прежде чем он оказался перед дверью опочивальни Ансеруса — третьей по счету, исходя из торопливых объяснений Джошуа. Не заметил бы дверь только слепой: обычно ее освещали два факела, закрепленные по обе стороны арки.

А еще Александр, отнюдь не будучи слепым, разглядел, подбегая к кругу света, что дверь герцогской спальни открыта настежь.

И, стремительно ворвавшись в проем, увидел три вещи.

На полу лицом вниз лежал человек — надо думать, герцогский слуга. В спине у него торчал кинжал. Сам герцог мирно почивал на широкой кровати — шум его, по всему судя, не потревожил. А граф Мадок склонился над спящим с подушкой в руках.

В первый миг потрясенный Александр точно прирос к полу. А в следующее мгновение, запыхавшись, выкрикнул: «Ко мне!» — и метнулся вперед. И в ту же секунду заметил, что граф безоружен: на тайное свое предприятие Мадок отправился без меча, а кинжал его торчал в теле убитого.

Александр непроизвольно сдержал свою руку, и этого мгновения Мадоку вполне хватило. Он метнул подушку прямо в лицо противнику, молодой человек увернулся, а граф тем временем отпрыгнул от постели и сорвал со стены герцогские меч и кинжал. А затем, с пылающим яростью взглядом, однако выказывая наводящее ужас самообладание закаленного в боях воина, он ринулся в нападение.

При первом натиске Александру не составило труда удержать противника на расстоянии. Этот бой совсем не походил на первые его поединки — страшно подумать, сколько воды с тех пор утекло! Дюжий граф, во власти отчаяния и бешенства, знал: для него на карту поставлено куда больше, чем жизнь. И трудно сказать, как бы дело повернулось в первые минуты боя, если бы преимущество не оказалось на стороне Александра.

Но судьба, или справедливость, сыграла против старшего из поединщиков. Когда тот склонился над герцогом, намереваясь задушить жертву подушкой, глаза его оказались на уровне

свечи, что горела у изголовья постели, так что перед взором графа до сих пор подрагивал крохотный язычок пламени — призрачный, но ослепляющий. К тому же бился он чужим мечом: клинок Ансеруса, предназначенный скорее для парада, нежели для убийства, оказался длиннее и легче привычного ему оружия. Вот уже много лет как в жизни Ансеруса сражениям места не было.

С другой же стороны, глаза Александра привыкли к полумраку, и сражался он своим собственным мечом — отцовским. Боевое оружие, обагренное кровью во время стычки с корнуэльцами, с тех пор в ходе бесчисленных упражнений настолько приладилось к руке, что теперь, в бою, казалось ее продолжением.

Для Мадока речь шла о честолюбии и страхе, а Александр уже понял: ежели он проиграет эту битву, то и герцог тоже умрет, а Алиса, его нежная Алиса, окажется в руках убийцы, который безжалостно воспользуется своею жертвой, чтобы завладеть Розовым замком и подчинить себе его обитателей ради собственных своих гнусных целей.

Мечи с лязгом ударялись друг о друга, соскальзывали, рубили, снова скрещивались.

Мадок, наступая в смертоносном натиске и орудуя одновременно мечом и кинжалом, сумел-таки отбросить молодого человека назад и отвоевать для себя несколько драгоценных секунд для того, чтобы в свою очередь отойти. Граф со свистом раскрутил клинок над головой, проверяя на тяжесть, выругался — драгоценные камни рукояти оцарапали ему ладонь — и снова обрушил оружие на меч Александра, едва принц прянул вперед в выпаде.

Кинжал Мадока резанул по вытянутой руке с мечом и тут же отдернулся: на лезвии выступила кровь.

Граф рассмеялся — коротко, одышливо хрюкнул от удовольствия,— и теперь, приноровив взгляд и руку, снова ринулся вперед, стремясь закончить поединок до того, как шум перебудит спящий замок.

Одного спящего по меньшей мере затруднительно было не потревожить. Герцог просыпался. Он шевельнулся, перевернулся на другой бок, пробормотал что-то неразборчивое и снова затих, вытянувшись на подушках.

Поединщики ничего не заметили. Они рубили, кололи, уворачивались и отскакивали, сперва по одну сторону от кровати, затем по другую, а герцог, вновь погрузившись в дурманный сон, лежал неподвижно, не подавая признаков жизни.

Атакуя одновременно и мечом, и кинжалом, Мадок оттеснил Александра к двери, и принц в отчаянии сознавал, что у противника перевес в оружии, а значит, и в силе. А еще ему не давала покоя мысль об убитом слуге, чье тело лежало где-то в полумраке дверного проема. Споткнуться о тело означало неминуемую смерть, а, парируя и меч, и кинжал, Александр не смел потратить бесценную секунду на то, чтобы обернуться. Левой рукою он водил в воздухе, нащупывая дверной косяк, и тщетно пытался вспомнить, где именно лежит покойник.

Еще шаг назад, совсем короткий, и в свете коридорных факелов оказалось лицо Мадока, искаженное яростью, торжествующее. Но вдруг в злорадно поблескивающих глазах возникло иное выражение, и Александр понял: происходит что-то новое. В то же самое мгновение принц почувствовал, как в левую его руку вложили рукоять кинжала.

И раздался голос Алисы — холодный, с металлическими интонациями:

— Ну же, Мариам! Помоги мне оттащить тело бедняги Барти. Милорду требуется место. Да не обращай ты внимания на кровь, женщина! Это оттого, что я кинжал выдернула! Хорошо. А теперь — быстро! Беги, скажи страже, пусть поторопятся, и подними на ноги всех, кого увидишь! Бегом!

Если Алиса что-то к этому и прибавила, то Александр ничего уже не слышал. Теперь, вооруженный на равных со своим противником, чувствуя, как в душе графа сомнение заступает место ярости, принц ощущал лишь пьяняшее возбуждение. О ране он напрочь позабыл. Кинжал вступил в игру наравне с мечом, и, рассмеявшись, Александр ринулся вперед, словно атаковал своего врага впервые, а вовсе не спасся от неминуемого поражения.

Двадцать секунд спустя он заколол Мадока его же собственным кинжалом. И встал над телом, тяжело дыша: туника обрызгана кровью противника, а своя ручейком сочится из пореза на кисти. Уронил оба клинка на пол, обернулся, протянул руки к Алисе.

Молодая женщина бросилась ему на грудь, и Александр заключил жену в объятия, ничуть не менее крепкие, чем прежде, в эту бурную брачную ночь.

— Алиса, Алиса.

— Я думала, он тебя убьет.

— И непременно убил бы, кабы не ты.

— Нет, нет. Мой отважный господин, любовь моя.

Молодая женщина приподнялась на цыпочки, Александр наклонился и припал к ее губам в поцелуе, в котором участвовало, кажется, все его существо.

— Алиса, Алиса,— только и смог сказать он.

— Алиса?

Голос от кровати вернул их обоих на грешную землю и в настоящее. Герцог, все еще во власти сонной одури и тающих паров снотворного, попытался приподняться на подушках.

— Что случилось? Что ты здесь делаешь, дитя мое? Александр?

Алиса высвободилась из мужних объятий и подбежала к отцу.

— Ничего, отец, ничего. Все в порядке, честное слово. Все позади. И Мадок мертв.

Все это заняло всего несколько минут, хотя Александру, который сосредоточенно перевязывал неглубокую рану Алисиным платком, битва показалась вечностью. Тут вбежали стражники, посланные Джошуа, а вслед за ними — слуги, ныне вполне протрезвевшие и готовые избавить дом своего господина от угрозы, которой все страшились, однако бессильны были отвести.

А теперь, через деяния самого графа, угрозы не стало. Выяснилось, что, когда Мадок с Ансерусом уединились для беседы с глазу на глаз после свадебного пира, граф не стал скрывать, что разочарован, однако согласился, что обе стороны не были связаны никакими обязательствами. Он даже посмеялся, принимая неизбежные изменения в собственных планах с мрачноватым юмором («Когда дети влюбляются, что на это прикажете говорить взрослым? Ну что ж, как вышло, так вышло; выпьем же еще раз за их здоровье, кузен, а там и спать пора»). Если бы герцога не утомили так события долгого дня, то, возможно, даже невзирая на облегчение от исхода беседы, поостерегся бы принимать вино из рук своего родственника. Однако учтивость не оставляла места недоверию, так что он пригубил из чаши и вскорости погрузился в непробудный, навеянный зельем сон.

Джошуа не ошибся, полагая, что граф доведен до крайности. И в отчаянии своем он тут же решился на дерзкий и очень рискованный план. Вознамерившись задушить Ансеруса во сне, Мадок, надо думать, надеялся, что смерть герцога спишут на очередной приступ. О дальнейших его намерениях оставалось только гадать. Утром тело бы обнаружили, в замке, несомненно, поднялся бы переполох, и, воспользовавшись этим, граф как ближайший родич герцога, уже утвердившийся в каких-никаких правах, с легкостью забрал бы власть над «детьми» — возможно, в качестве регента, причем сослался бы на волю самого Ансеруса, якобы высказанную накануне вечером в беседе с глазу на глаз,— ведь такое утверждение никто бы не сумел опровергнуть.

А что потом?

Вызывающее непокорство Александра, неминуемая ссора, а там и поединок, в ходе которого юный принц непременно погибнет?

А затем в качестве родича и наследника Мадок сослался бы на первое предложение герцога и завладел бы Алисой, надеясь, что, во власти смятения и скорби, молодая женщина не станет оспаривать его прав и увидит в нем супруга (первый отцовский выбор!) и хозяина Розового замка?

Толком не зная Алисы, граф, надо думать, рассчитывал, что она, совсем юная, одинокая, охваченная горем, ни за что не отвергнет его притязаний и примет его «защиту и покровительство» для себя и своих людей. И даже если в скорби своей она пригрозит вынести смерть Александра на суд верховного короля, от намерений своих она наверняка откажется, едва понесет от Мадока законного наследника.

Что до убитого слуги, о нем граф Мадок, при его-то характере, надо полагать, вообще не задумывался. Тело нетрудно унести и бросить в реку; там его отыщут и станут гадать, что случилось, спустя много дней после той трагической ночи... К тому времени, как начнутся расспросы,— если, конечно, кто-то возьмет на себя труд расследовать гибель слуги,— сам граф, ежели повезет, уже будет лордом Розового замка и, следовательно, выше подозрений.

Люди графа, даже не подозревая, что всю ночь провели взаперти, на рассвете были извещены — иронию происходящего они, увы, оценить не могли,— что господин их ночью скончался от смертельного приступа. Капитан в сопровождении Джошуа проследовал в графскую спальню, обозрел окровавленный труп, лежащий на постели, помолчал немного, обдумывая про себя ситу-

ацию, и с версией о приступе согласился. В тот же день отряд его отбыл, увозя домой тело своего господина, дабы там предать его земле. А тем временем убитого слугу перенесли в домовую церковь, и герцог, окончательно стряхнув с себя дурман сонного зелья, сам отправился туда, дабы присоединить свой голос к молитвам сестры погибшего, девочки-судомойки, что горько рыдала, преклонив колена.

И в конце концов, как это обычно случается, настало утро.

Но ни Александр, ни Алиса во всех этих перипетиях участия не приняли. Они незамеченными выбрались из переполненной народом опочивальни, осторожно переступили через труп Мадока и вернулись в постель.

ЭПИЛОГ

Вот так закончились приключения Александра Сироты и Алисы Прекрасной Паломницы. Они обрели свой дом и, как повествует летописец, «жили там в радости и веселии».

Но сперва предстояло кое-что уладить. Люди графа Мадока доставили тело домой и с честью предали земле.

Известно, что капитан, который знал кое-что о замыслах покойного господина и нисколько не заблуждался насчет обстоятельств его смерти, и в том и в другом случае ни словом не обмолвился.

Между герцогом и дальними его родичами, как и прежде, царило учтивое безразличие.

Или правильнее было бы сказать, между дальними его родичами и Розовым замком. Ибо герцог ненадолго задержался под его кровом. Теперь, когда Александр утвердился в замке в качестве хозяина, Ансерус заканчивал последние приготовления перед тем, как затвориться в монастыре Святого Мартина. А тем временем доверенный слуга был послан гонцом в Камелот. Он повез отчет обо всем случившемся: о связях королевы Морганы с кликой недовольных, о ее попытках завладеть легендарной чашей, о ее замыслах через графа Мадока прибрать к рукам Розовый замок во имя каких-то целей тех же бунтовщиков и заговорщиков, о посягательстве Мадока на жизнь герцога и о гибели герцогского слуги. А завершалось письмо чистосердечным признанием и просьбой о снисхождении к Александру, убившему графа Мадока.

Второе письмо, пожалуй с некоторым запозданием, Александр отослал в Крайг-Ариан, извещая мать о том, что женился и через этот брак сделался господином Розового замка.

В том же послании он сообщил матери о том, что король Марк при смерти, так что его миссия мщения окончилась сама собою. Писал он также, что не видит необходимости поднимать этот вопрос в письме к верховному королю, равно как и не стремится отстаивать свои притязания на чужое для него королевство; наверняка ведь найдется и другой наследник, с нетерпением предвкушающий кончину Марка, и наследника этого Артур одобрит и поддержит. Что до замка Крайг-Ариан, разумеется, ежели будет на то желание матери, он, Александр, съездит на юг обсудить с нею имущественные права, но...

Однако тревожился Александр понапрасну. Принцесса Анна сама поспешила на север вместе с гонцом, дабы лично поздравить новобрачных, порадоваться за них и заверить сына, что впредь не намерена тревожить призрак Бодуина помышлениями о мести.

Садук уже известил ее о том, что Марк лежит при смерти, так что, получив письмо от Александра, она сожгла запятнанную кровью рубашку (как подразумевалось, совершив в узком кругу подобающий обряд) и похоронила пепел в Крайг-Ариане, ныне ставшем для нее домом, точно так же, как Розовый замок — для Александра.

Так что Корнуолл и мрачное прошлое были забыты, и ныне во всех сердцах воцарились ликование и радость.

В честь приезда принцессы Анны устроили еще один пир, завершившийся отнюдь не трагедией, а обменом любезностями и подарками.

Обе дамы обнялись, внимательнейшим образом присмотрелись друг к другу, улыбаясь разлюбезно и приветливо, и решили, что, раз одна из них осела в Крайг-Ариане, а вторая — в Розовом замке, ничто не мешает им быть ныне и впредь самыми что ни на есть задушевными подругами. Так все и вышло.

Анна, правду сказать, крайне неохотно уступила бы управление замком Крайг-Ариан тому, в ком и по сей день видела — да и всегда будет видеть — неопытного мальчишку.

Теперь же она возвратилась домой, к бескорыстной помощи и преданности Барнабаса, Теодоры и слуг, чтобы с нетерпением дожидаться новых вестей из Розового замка.

И дождалась-таки в свое время. Однако не раньше, чем Алиса с отцом совершили последнее свое совместное паломничество.

Дело было в начале ноября. К тому времени в замке дела вполне наладились: теперь Александр знал каждое хозяйство, каждое поле, каждого арендатора; знал, кому доверять, а за кем приглядывать; знал, где должно действовать решительно, а где проявить терпение. Вскорости он сроднился с замком не меньше Алисы, и герцог, наблюдавший за происходящим с чувством глубокого удовлетворения, смог наконец-то пуститься в долгий путь домой.

Алиса, уже на четвертом месяце беременности, настояла-таки на том, чтобы поехать с отцом, и даже примирилась с паланкином, главным образом потому, что Ансеруса, буде тот устанет, возможно будет уговорить перебраться туда. И отправились они в путь скромно, без шумихи, как частенько проделывали прежде, и если на сей раз в глазах провожавших, столпившихся во внутреннем дворе, блестели слезы — так что ж, люди герцога всегда плакали при прощании, даже когда знали, что господин их вскорости возвратится под родной кров.

Так они и ехали — тихонько, не спеша, через прохладные туманы погожего ноябрьского дня, и добрались до женской обители, и Алиса помолилась у могилы матери вместе с отцом и мужем. А позже, у той же могилы, Алиса распрощалась с отцом, и оба отряда разъехались в разные стороны: герцог в сопровождении слуг поскакал в монастырь Святого Мартина, а молодые отправились домой, к продолжению совместной жизни.

Вскоре после того прибыло долгожданное письмо от верховного короля.

Влюбленные прогуливались по террасе, наслаждаясь угасающим теплом ноябрьского солнца. Внизу, вдоль речного берега, огнем полыхали буки, роскошно разряженные в багрянец и золото, а между ними красовались дубы, еще в зелени, но окаймленные и сбрызнутые янтарем. Хрупкие березки, наполовину облетевшие под осенними ветрами, оделись бледно-лимонными блестками. Пестрели ягодами остролисты, к ним уже слетелись дрозды, жадные до первых плодов. Летние птицы уже улетели, но вот, тяжко хлопая крыльями, к своим рыболовным угодьям спустилась цапля, и стайка зимних вьюрков с гомоном препиралась о чем-то в ветвях. Река, полноводная и спокойная, беззвучно катила свои воды среди ив и тростников.

Писем пришло два. Алиса, двигаясь по-прежнему легко, но с более плавной грацией, нежели встарь, присела на скамеечку,

обрамленную облетевшими плетями роз и жимолости, и протянула руку навстречу Бельтрану. Тот, исполненный сознанием собственной важности, суетливо шагнул вперед.

— От отца?

— Воистину так, миледи, воистину так. А второе-то — с королевской печатью. Никак от самого верховного короля! — Встревоженный взгляд.— Милорд герцог здоров?

— Да.— Алиса быстро пробежала глазами краткое послание.— Он в добром здравии. Ох, у него есть вести от Джошуа. Они с Мариам благополучно добрались до Иерусалима. У Мариам в мае будет ребеночек, прямо как у меня! До рождения малыша они погостят у родственников Джошуа, а потом он хочет вернуться в Розовый замок. Раз королева Хродехильда затворилась в монастыре, ему там делать нечего. Ну что ж, для нас это добрые новости. Вскоре, Бельтран, тебе придется куда как полегче! А до чего славно будет снова увидеть Мариам! Спасибо, это все. Ты расскажи остальным слугам, ладно?

Александр уже с головой ушел в чтение второго письма. Оно и впрямь пришло от верховного короля — пространное, начертанное четким, красивым почерком Артурова писца. В послании своем король благодарил Александра за все то, что молодой человек сделал, защищая свою область королевства от предательства, и полностью снимал с него какую бы то ни было вину за смерть Мадока. Он и сам, писал Артур, вот уже какое-то время наблюдает за деятельностью «молодых кельтов» и даже подослал на их тайные сборища доверенного человека, в лице племянника своего Мордреда. Так что он обо всем предупрежден. Но сейчас, продолжал король, когда возникла возможность того, что Британия окажется вовлечена в войны на большой земле, необходимо обезопасить тыл. С этой целью он и распорядился под стражей препроводить королеву Моргану в далекую крепость Кастель-Аур в горах Уэльса, где другой его племянник, сам Гавейн Оркнейский, поставлен бдительно за нею приглядывать. В любом случае круг ее приверженцев вскорости распадется сам собою. Битвы за пределами королевства успешно отвлекут на себя нетерпеливый пыл праздных мечей и насытят честолюбие юнцов, алчущих славы и действия. А тем временем, ежели принц Александр когда-либо отправится на юг, в Камелот, его ждет почетное место среди королевских Сотоварищей...

— Камелот! — проговорил Александр, когда муж с женой дочитали письмо до конца.

— Камелот! — вздохнула Алиса.— Прежде я думала, будто все готова отдать, лишь бы там оказаться!

— А теперь — не думаешь?

Алиса улыбнулась, провела ладонями по мягко округлившемуся животу.

— Роскошные платья, атлас, драгоценности? Уж недолго мне их носить! Нет, это все пустое, девичьи грезы. Все, что мне нужно, я обрела здесь. А ты?

— Мальчишеские мечты, и только.— Александр ласково накрыл ладонью руку жены.— Все, что мне нужно, все, о чем я мечтаю,— тоже здесь, в Розовом замке.

Известно, что Александр так и не попал в Камелот. И позже написал летописец, что «сбился он с пути и провел немало времени в бесцельных блужданиях».

Но сам-то Александр знал, как знаем и мы, что путь свой он отыскал.

Легенда

ПОВЕСТЬ О СЭРЕ АЛЕКСАНДРЕ СИРОТЕ И АЛИСЕ ПРЕКРАСНОЙ ПАЛОМНИЦЕ, КАК ИЗЛОЖЕНА ОНА ТОМАСОМ МЭЛОРИ В КНИГЕ «СМЕРТЬ АРТУРА».*

У короля Марка Корнуэльского был младший брат, Бодуин, всеобщий любимец. И случилось однажды, что сарацины попытались напасть на Корнуолл с моря, а Бодуин поднял народ, и повелел развести дикие огни на трех своих кораблях, и направил их в самую гущу вражеского флота, и уничтожил сарацинские суда, и перебил все воинство захватчиков числом сорок тысяч человек.

Король Марк, давно завидовавший популярности брата, разозлился еще более, узнав о такой удаче Бодуина, и задумал его погубить. Он послал за ним, повелев явиться ко двору вместе с женой и малолетним сыном Александром. За ужином король затеял с Бодуином ссору и заколол его кинжалом. А королева Изольда послала предупредить Англиду, что сын ее подвергается страшной опасности, и, воспользовавшись помощью сэра Тристрама, вдова бежала из Маркова замка, взяв с собою запятнанную кровью рубашку и дублет, в память об убийстве, за которое должно отомстить.

Тем временем Марк, в ярости обыскав замок и не найдя ребенка, чтобы убить и его, послал рыцаря по имени Садук, чтобы

* В переводе соответствующих прямых и косвенных цитат из книги Томаса Мэлори использован текст следующего издания: *Томас Мэлори*. Смерть Артура. М.: Наука, 1993 (ЛП).

тот схватил и возвратил беглецов. Но Садук был другом Бодуину, так что, нагнав Англиду с ребенком, он отпустил их восвояси, лишь взяв со вдовы слово, что однажды, когда Александр войдет в возраст, она пошлет его отомстить за убийство отца. А потом Садук поскакал назад и сказал королю Марку, что сам утопил мальчика. И король Марк был тому очень рад.

Англида же поехала дальше и добралась со временем до замка Арундел, что в Сассексе, владела коим ее родственница. Там оказали ей радушный прием, и там жила она в безопасности, пока Александр не вырос. А тогда, на Благовещение, его посвятили в рыцари вместе с двадцатью другими юношами, и мать показала ему окровавленные рубашку и дублет и повелела отомстить за убийство отца.

По завершении же пира и празднества Александр отправился в Лондон, но, сбившись с дороги, ехал все дальше и дальше, сражался во многих турнирах и всегда выходил из них победителем — до тех пор, пока со временем его не ранили в битве за девицу, чей замок стоял неподалеку. Девица приказала перенести раненого Александра в свой замок, где Фея Моргана (которая заподозрила о мотивах девицы и захотела сама завладеть Александром) некоторое время за ним ухаживала. Наконец, опоив его сонным зельем, она увезла юношу в свой собственный замок, где пообещала излечить его при условии, что гость целый год и один день не покинет пределов ее замка. Александр вынужден был дать слово, и Моргана в самом деле его исцелила.

Но однажды некая дама, приходившаяся Моргане родственницей, втайне предупредила юношу, что Моргана намерена сделать его своим любовником, и Александр пришел в ужас. «Я лучше дам себя оскопить, чем доставлю ей такое наслаждение»,— воскликнул он, но, в силу клятвы, не мог покинуть замок. Но в один прекрасный день на замок напали и спалили его дотла, так что Александр сумел-таки с помощью помянутой дамы укрыться в саду и, обосновавшись под открытым небом, вознамерился отстаивать те земли (и, предположительно, честь дамы) от всех проезжих рыцарей целый год и один день. Слава о бойце столь доблестном вскорости разнеслась по всем королевствам. Похоже, что Моргана его не преследовала.

И был там один герцог по имени Ансерус, который каждые два года на третий совершал паломничества в Иерусалим, поэтому звали его Ансерус Паломник. И была у него красавица дочь

по имени Алиса, которую люди прозвали Алиса Прекрасная Паломница. Прослышала она об отваге Александра и объявила повсюду, что выйдет замуж за любого рыцаря, который в бою завладеет землею, которую отстаивал Александр. А поскольку отличалась она редкой красотой и была единственной наследницей герцогских владений, многие рыцари пытались победить сэра Александра, но не преуспели.

Наконец решила Алиса сама на него взглянуть и прибыла к месту как раз вовремя, чтобы увидеть, как Александр сразил видного рыцаря. Тут подбежала она к Александру, и взяла его коня за узду, и попросила снять с себя шлем и открыть ей свое лицо. Так Александр и сделал. «Ах, милосердный отче Иисус,— проговорила Алиса.— Тебя я должна любить и никого другого».

«Тогда откройте и вы мне ваше лицо»,— сказал Александр.

Алиса откинула покрывало, и когда он увидел ее, он сказал: «Вот я нашел себе даму и возлюбленную».

И они поженились и зажили в радости и веселии. Но сэр Александр так никогда и не сподобился чести и удачи попасть ко двору короля Артура и так и не отомстил за смерть отца.

От автора

Повесть моя восходит к двум первоисточникам. Первый — эта фраза, сказанная мне одним другом: «У каждого свой собственный Грааль». Второй — это краткий эпизод из моей книги «Недобрый день»: Мордред, проезжая по лесу, встречает странствующего священника и юную девушку. В мыслях я держала «Алису Прекрасную Паломницу» Томаса Мэлори — она всегда меня зачаровывала,— но в ту историю Алиса как-то не вписывалась. Ну вот наконец и она.

Из легенды, приведенной здесь в кратком пересказе, становится отчетливо видно, что историю об Александре Сироте и Алисе Прекрасной Паломнице, в том виде, в каком она приводится у Мэлори, не так-то просто перенести на декорации «исторической артурианы», то есть в Темное время. Это средневековая повесть, изобилующая действием, где короли, королевы и рыцари передвигаются по сцене с той же степенью условности, как шахматные фигуры, снова и снова совершая одни и те же ходы. Единственное, чем озабочены рыцари,— это количество турнирных побед, средневековый эквивалент крикетного рейтинга.

Краткая ссылка у Мэлори на герцога Ансеруса Паломника в сочетании с идеей о своего рода «поисках Грааля» навели меня на мысль использовать в качестве декораций Иерусалим и Тур. Опять-таки в «Недобром дне» вскользь упоминается об убийстве малолетних меровингских принцев, так что я увязала историю паломников с историей спасения Хлодовальда.

Здесь мы переходим от предания к историческому факту. Для любого повествования о королях из династии Меровингов первостепенным источником является труд Григория Турского «Исто-

рия франков». В книге III автор живописует убийство малолетних принцев их дядьями и исступленное горе королевы Ходехильды, поставленной перед выбором: «ножницы или меч». Григорий Турский сообщает нам, что младший из братьев, Хлодовальд, спасся, ибо «охраняли его храбрые люди». Он собственноручно обрезал себе волосы — символическую «львиную гриву» франкских королей — и посвятил себя служению Господу. Какое-то время Хлодовальд скрывался, но со временем возвратился на родину и основал там обитель, названную в честь него же,— монастырь Сен-Клу под Парижем. Исходя из требований сюжета, я поместила тайное убежище принца в Британии.

Хроника Григория Турского повествует о битвах, убийствах и внезапных смертях, перемежающихся деяниями святых, однако социального фона почти не касается. Что до подробностей повседневной жизни времен Меровингов — описания домов, занятий, сельской местности,— здесь я обращалась к книге Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи».

Европа при Меровингах. Хлодвиг (481–511 н. э.) объединил Галлию и перенес столицу в Париж. После смерти Хлодвига владения его были поделены между четырьмя его сыновьями. Старшему из сыновей, бастарду Теодориху, отошли земли вдоль Рейна, Мозеля и в верховьях реки Мез. Хлодомер утвердился в области вдоль Луары. Хильдеберту досталось побережье Ла-Манша, с городами Бордо и Сент. Младший, Хлотарь, обосновался к северу от реки Соммы и в Аквитании. Предполагалось, что эти наделы более-менее равноценны, но, разумеется, не все с этим согласились, и, поскольку границы королевств не были четко определены, результатом раздела стали нескончаемые распри между братьями — «кровавые раздоры», по выражению комментатора.

Паломничества. К I в. н. э. вдоль традиционных путей к Иерусалиму возникла целая система гостиниц для паломников, со специально отведенными местами для водопоя. Паломничества сделались исключительно популярны. Как писал Филон Александрийский: «Это испытание твердости в вере и спасение от повседневности». А Чосер мягко подтрунивал над тем фактом, что с наступлением хорошей погоды «паломников бессчетных вереницы /мощам заморским снова поклониться / стремились истово»*. Самое первое из известных нам описаний христианского паломничества в Иерусалим принадлежит перу так называемого «Бордоского пилигрима» и относится к началу IV в.

Легенда о святом Граале. Грааль — это чаша или кубок, из которого, как считается, пил Иисус во время Тайной вечери. Согласно одной из легенд, Иосиф Аримафейский сохранил в нем несколько капель крови Христовой и привез святыню в Британию, где она вскорости исчезла. Бессчетное множество книг написано о поисках утраченного Грааля, который ассоциируется также с копьем, пронзившим бок Иисуса, и с мечом. В своей книге «Полые холмы» я использовала историю поисков, но объектом был меч. В итоге меч этот, именуемый Калибурн (Экскалибур), достался Артуру, но копье и чашу передали на сохранение Нимуэ, королевской советнице, которая была ученицей чародея Мерлина, а позже — его возлюбленной.

Моргана и Моргауза. Моргауза, согласно легенде, приходилась Артуру сводной сестрой, будучи незаконнорожденной дочерью его отца, короля Утера Пендрагона. Она вышла замуж за короля Лота Лотианского и Оркнейского и родила от него четырех сыновей. А также еще одного сына, Мордреда, от сводного брата своего, Артура, которого соблазнила и вовлекла в грех кровосмешения. Моргауза погибла от руки одного из своих сыновей, Гахериса. Моргана, родная сестра Артура, стала женой короля Урбгена Регедского. Она взяла в любовники Акколона и подговорила его похитить заколдованный меч Калибурн и с его помощью узурпировать власть в стране. Но замысел потерпел крах. Урбген отослал от себя жену, а король Артур обрек ее на заточение — впрочем, вовсе не суровое.

Марк. Это король Марк Корнуэльский; в средневековых рыцарских романах он приходится дядей Тристраму (Друстану). Обычно ему приписываются жестокость и вероломство. Супруга Марка, королева Изольда Прекрасная, и Тристрам любили друг друга.

---

* Пер. И. Кашкина и О. Румера.

Еще некоторые краткие заметки

Названия мест. Я следовала простому правилу: топография должна быть простой и ясной, чтобы читателю не составляло труда ее отслеживать. Отсюда использование современных названий наряду с теми, что заимствованы с карт римского периода и Темного времени.

Саксонский берег. Это области юго-восточного и южного побережья Британии, приблизительно от Норфолка до Гемпшира, где дозволялось селиться саксонским иммигрантам.

Сарацинские боевые корабли. История Мэлори, разумеется, окрашена средневековым колоритом, но, поскольку у нас дело происходит в Темное время начала VI в., захватчики стали саксами и число их я сократила до количества более правдоподобного, нежели сорок тысяч.

Розовый замок. Место это не имеет никакого отношения к Розовому замку, усадьбе епископов Карлайла. Названием своим замок обязан прелестному красному песчанику из Камберленда (Регеда), из которого, вероятно, и был построен.

Содержание

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО. *Перевод И. Бернштейн* 5
Часть первая. ДУНПЕЛДИР 9
Часть вторая. КАМЕЛОТ 152
Часть третья. ЯБЛОНЕВЫЙ САД 238
Часть четвертая. БРИН-МИРДДИН 335
Легенда 432
От автора 436

НЕДОБРЫЙ ДЕНЬ. *Перевод С. Лихачевой* 441
Пролог 443
Часть первая. МАЛЬЧИК С МОРЯ 453
Часть вторая. ВЕДЬМИНЫ ДЕТИ 592
Часть третья. ДЕНЬ РОКА 703
Эпилог 792
Легенда 794
От автора 800

ПРИНЦ И ПИЛИГРИМ. *Перевод С. Лихачевой, С. Таскаевой при участии А. Хромовой* 805
Часть первая. АЛЕКСАНДР СИРОТА 807
Часть вторая. АЛИСА СИРОТА 832
Часть третья. СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ 859
Часть четвертая. ПРЕКРАСНАЯ ПАЛОМНИЦА 893
Часть пятая. АЛЕКСАНДР ВЛЮБЛЕН 933
Часть шестая. АЛИСА И АЛЕКСАНДР 974
Эпилог 1011
Легенда 1016
От автора 1019

Мэри

СТЮАРТ

Mary Stewart

ISBN 5-699-20620-5

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА